Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

АИРО
XXI

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гефтер»
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Роберт ДЭВИС	Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский ПЕН-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Институт востоковедения РАН и Институт российской истории
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

Стивен КОЭН

ИЗБРАННОЕ

Москва
2018

Дизайн, вёрстка и дизайн обложки: *Сергей Щербина*

КОЭН Стивен.
Избранное. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 800 с. + ил.

ISBN 978-5-91022-410-4.

Предлагаемый сборник включает в себя три раздела. В первый включены работы, которые уместно объединить общим словом «бухариниада», и в которых доказывается возможность другого социализма – альтернативного сталинскому. Во втором разделе публикуются фрагменты трудов, в которых аргументируется мысль о том, что гибель советского строя в начале 1990-х годов была инспирированной, а вовсе не естественной и закономерной. В третьем разделе представлены публикации на злобу дня – об ухудшающихся американо-российских отношениях и о том, как можно остановить сползание в пропасть новой холодной войны. Книга содержит материалы, связанные с биобиблиографией автора.

ISBN 978-5-91022-410-4

© Коэн Стивен, 2018
© АИРО-XXI, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Г.А. Бордюгов. Нетипичный историк. Предисловие 7

I. БУХАРИНИАДА: БЫЛА ЛИ В СССР АЛЬТЕРНАТИВА СТАЛИНИЗМУ?

Бухарин: Политическая биография 15

Узник Лубянки 188

Жизнь после Гулага 195

II. СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА: БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА РАСПАДУ СССР?

Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 года)..... 259

Можно ли было реформировать советскую систему? 386

«Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?..... 413

III. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОТ ПЕРВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ДО ВТОРОЙ: ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА?

Провал крестового похода..... 495

Правда ли, что холодная война закончилась? 548

Снова холодная война. Кто виноват? 554

Новая холодная война и потребность в патриотической ереси 559

Молчание американских ястребов о зверствах Киева 569

Почему мы должны вернуться к принципу паритета между США и Россией 579

Перестанет ли Россия быть частью Запада? 586

Почему так необходима встреча Путина и Трампа?..... 589

Трамп как еретик холодной войны..... 595

Кем не является Путин?..... 599

Приложения 611

Избранная библиография трудов Стивена Коэна..... 625

Примечания..... 640

Нетипичный историк. Предисловие

Сегодня, наверное, ни для кого не новость, что труд историка и труд писателя, публициста, эссеиста, пусть даже и пишущего о прошлом, – принципиально отличаются друг от друга. Уже хотя бы своей стилистикой: историк – в отличие от создателя художественных текстов – должен писать сухо и отстраненно, вообще не апеллируя к эмоциональному состоянию своих читателей. Более того, исследователь прошлого, который позволяет себе страстность в своих суждениях и аргументах, может заставить усомниться в собственной компетентности: мол, «давит на эмоции», потому что не хватает неуязвимых и логически безупречных объяснений.

В нашей стране утвердившаяся в профессиональном кодексе историков и ставшая непреложной норма о необходимости строгого соблюдения подобной дистанции между анализирующим субъектом и объектом его изучения обусловлена еще и тенью прошлого – советского и досоветского, – когда история являлась во многом инструментом пропаганды и оружием идеологических баталий. Отсюда такое демонстративное стремление современных служителей Клио быть не судьями, не адвокатами, а лишь бесстрастными регистраторами прошлого. Насколько такая позиция является правильной и нет ли в ней очередного перегиба, но только теперь уже в противоположную сторону, – это отдельный вопрос, достойный обсуждения. Важно другое: следование указанной норме считается правилом, обязательным и непреложным для исполнения.

В этом смысле американский историк Стивен Коэн, отмечающий в этом году свое 80-летие, является исключением. Он пишет мастерски с точки зрения общепринятых требований к предъявлению прошлого и вместе с тем ярко, образно, вызывая у читателей чувства, которые обычно не возникают при погружении в исторические исследования. При этом не позволяет себе ни опускаться до дешевых приемов заигрывания с аудиторией, вроде прозрачных намеков или легко угадываемых ассоциаций, ни отступать от святого для любого историка принципа примата источников. За счет чего это получается? Думается, что за счет уникального приема трансляции авторского мнения: не передавать некую сумму фактов, но добиваться реконструкции целостной картины, дающей рельефное и чуть ли не тактильное понимание воссозда-

ваемой реальности. В результате у читателя возникает сложный и насыщенный комплекс впечатлений – точно с глаз спала пелена, и то, что прежде не понималось, не складывалось, оказалось на самом деле простым и доступным для постижения.

Этот эффект достигается также благодаря еще одному, совершенно не типичному для сообщества историков, свойству Стивена Коэна – его высочайшему этическому максимализму. Сегодня не просто моден, а буквально тоталитарным образом насаждается релятивизм как якобы единственно возможная, объективная и непредвзятая исследовательская позиция. Стойкая верность американского историка идеалам, оформившимся в самом начале его пути в менявшейся Америке 1960-х, когда он только начинал постигать советскую историю в Университете штата Индиана под руководством профессора Роберта Такера, а затем укрепившимся, предъявленным и возымевшим колоссальное историческое значение в точно так же менявшемся перестроечном Советском Союзе, уже сама по себе достойна глубочайшего уважения и изучения как исторический феномен.

Предлагаемый сборник избранных работ Стивена Коэна можно рассматривать как своеобразный публичный мастер-класс историка, как хороший, доскональным образом проработанный образец того, как надо писать о прошлом. Особенно, если это прошлое до сих пор не обрело консенсуса в общественном мнении и является предметом до поры не явленного, но готового в любой момент вырваться наружу гражданского противостояния. Когда существует такая угроза, историописание не может оставаться лишь пресной реконструкцией столь модной ныне былой повседневности – оно превращается в орудие подлинной борьбы за прошлое, а значит – и за будущее. Мало кто из историков в состоянии попробовать себя в качестве подобного борца, но нетипичный историк Стивен Коэн снова, как и тридцать с лишним лет назад, в апогее перестройки, готов постоять за историческую правду. Собранные работы как раз и показывают, как это можно и нужно делать.

Они систематизированы в полном соответствии с исследовательской фокусировкой историка, продолжающего мыслить и чувствовать поперестроечному. Ретроспективно – о прошлом, или о трагически сорванной перестройке по Бухарину. Синхронно – о самом горбачевском эксперименте и его фатальном завершении. Пророчески – о дне сегодняшнем, когда очередная «объективная целесообразность», «ситуативная неизбежность» и «очевидная безвыходность» грозят растоптать хрупкую и слабую, но вместе с тем вполне реальную альтернативу разгорающемуся пламени новой холодной войны.

В соответствии с этой структурой сборник открывается циклом работ, которые уместно объединить общим словом «бухариниада», то есть исследованиями, посвященными Николаю Бухарину, его месту

и роли в ранней советской истории. То, что именно Стивен Коэн был и до сих пор остается ведущим специалистом по исторической и политической биографии этого большевистского деятеля, – факт очевидный и не вызывающий сомнений. Однако отношение автора к своему герою не имеет ничего общего с конъюнктурным и своевременным «освоением» востребованной темы, которая способна «выстрелить» в наиболее подходящий момент и, следовательно, принести максимально возможные дивиденды ее «открывателю».

Можно сказать даже еще острее: когда в апогее перестройки в СССР вышла книга Стивена Коэна о Бухарине, концептуальные акценты, которые в ней расставил историк, оказались просто непонятыми в тот двухлетний период советской истории между январским 1987 года пленумом ЦК и первым съездом народных депутатов в конце весны – начале лета 1989 года, в течение которого сценарий и судьба перестройки были наиболее непредрешенными, вариативными, поисковыми.

Ученый писал «политическую биографию» Бухарина главным образом для доказательства возможности в СССР другого социализма – альтернативного сталинскому и связанного с именем этого «любимца партии», как окрестил его сходивший с политической сцены создатель советского государства. Да, безусловно, осторожное и взвешенное предположение историка – это не провозглашение аксиомы о том, что шансы бухаринской линии на то, чтобы возобладать, не были запрограммированными. К тому же весьма спорным представляется и авторский тезис о колоссальном потенциале многоукладности, поскольку возможности мирного и конструктивного развития смешанной экономики зависели от исторически наработанных традиций в разных сферах хозяйствования. Однако предмет для вдумчивого осмысления имелся. Ведь в то время наше общество не столько задумывалось об альтернативах 60-летней давности и их перестроечных проекциях, сколько было обуреваемо по-большевистски страстным сведением исторических счетов, поиском виноватых и их обструкцией, что в итоге не могло не привести к радикальному отказу не только от сталинского социализма, но от социализма вообще.

По-современному тогда было размахивать именем Бухарина, как правило, с почтительным упоминанием книги, написанной заокеанским историком, но при этом с явным игнорированием содержащихся в ней ключевых посылов – о раскрытии колоссального созидательного потенциала социализма через его своего рода перенастройку, пересборку, к чему, собственно, и призывал Бухарин. Естественно, не мог Стивен Коэн обойти стороной и горячую перестроечную тему взаимоотношений палачей и их жертв, но «жизнь после ГУЛАГа» он рисовал всё же в ином ключе. Не отказываясь от эмоций, но передавая их иначе, через факты и аргументированные суждения. Не превращая эту трагедию це-

лого поколения в повод «пересмотреть» исторический опыт народа и страны, но видя в ней корень политической борьбы в современной России.

Следующий раздел сборника составляют работы Стивена Коэна, в которых содержится развернутое доказательство жизнеспособности советского строя и утверждается, что его гибель в начале 1990-х годов была инспирированной, а вовсе не естественной и закономерной. Это еще одна смелая и даже еретическая мысль, прямо противоположная сложившемуся за последнюю четверть века представлению – как среди профессиональных историков и политологов, так и в общественном мнении. Причем любые попытки подвергнуть такое представление сомнению крайне неудобны и нежелательны для слишком многих влиятельных лиц, либо участвовавших в демонтаже советской системы, либо подводивших под него соответствующую легитимацию.

Но Стивену Коэну не привыкать идти против авторитетов – присущие ученому научная смелость и стойкое нежелание действовать в фарватере чьих-то конъюнктурных взглядов объясняются его профессиональной биографией. Он входил в американскую советологию в ту самую пору, когда она переживала фундаментальную трансформацию и превращалась из идеологического обеспечения Госдепа США в самостоятельную, задиристую, возникшую на волне общепланетарного 1968 года и придерживавшуюся преимущественно левой ориентации отрасль гуманитарного знания. А оно было охвачено неподдельным и искренним интересом к советскому обществу как единственно возможной и состоявшейся – несмотря на все бросавшиеся в глаза пороки и изъяны СССР – альтернативе обществу, основанному только лишь на материальных интересах.

Аргументация Стивена Коэна сводится к тому, что энергия перестройки была настолько мощной, что ее, несомненно, должно было хватить на мирную и плавную трансформацию авторитарного, планового и предельно централизованного режима в гибкую и в то же время устойчивую систему с политической конкуренцией, многоукладной экономикой и подлинным федерализмом, пусть и за счет отпадения от СССР некоторых республик. Историк утверждает, что именно к этому и стремился Горбачев, от которого в итоге отвернулись и реформаторы, и тем более охранители, чей конфликт друг с другом, усугубленный августовским путчем 1991 года, по своему деструктивному воздействию оказался гораздо более мощным, нежели возможности первого и последнего президента СССР.

Так ли это на самом деле? Наверное, всё-таки Стивен Коэн не совсем здесь прав. Гибель Советского Союза сильно напоминает гибель Российской империи. 1917 год явился закономерным итогом модернизации идеократического строя, причем модернизации, осуществлявшейся бюрократической верхушкой, от которой напрямую зависел пре-

стол. Получилось так, что в пространстве власти столкнулись два начала, две политические культуры, две системы ценностей – модернизационная и неизбежно, уже по одному своему статусу, охранительная. А потому такой конфликт оказался непреодолимым и смертельным для империи. Во многом подобный конфликт вышел на поверхность в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда номенклатура легализовывала свой, до той поры теневой, бизнес и конвертировала собственный статус во владельческие возможности как внутри страны, так и за ее пределами. Мог ли в такой ситуации один Горбачев что-то решить и что-то спасти – большой вопрос.

Исследовательская нетипичность Стивена Коэна сполна проступает и в третьем разделе сборника. В нем представлены публикации на злобу дня – об ухудшающихся американо-российских отношениях и о том, как можно остановить сползание в пропасть новой холодной войны. Ну, в самом деле, разве соответствует преобладающим сегодня и на Западе, и в России настроениям одновременно и критическое, и проникнутое не иссякающими надеждами отношение к Дональду Трампу и Владимиру Путину? Если говорить о Трампе, то ответ очевиден. Американского президента всё более остервенело шельмуют его оппоненты, критикуя по делу и без дела, а друзья и сторонники защищают настолько неуклюже, что лучше бы они этого не делали. Примерно то же самое можно сказать и о президенте Путине, в критике которого демонизация личности давно превзошла все прочие аргументы, а любые попытки рационального объяснения тех или иных политических ходов тонут в хоре хулителей, с одной стороны, и охранителей – с другой. Словом, вокруг обоих мировых лидеров сложилась странная и тупиковая ситуация: в их адрес льются потоки обвинений, но нет серьезной и содержательной критики, способной помочь добиться такого положения дел, которое устраивало бы если не всех, то многих.

Увы – и в России, и в США крайне мало тех, кто выступает именно с такой критикой. И среди них Стивен Коэн. Более того: как следует из некоторых его текстов, собранных в третьей части сборника, историк гораздо более строг и взыскателен к собственному президенту, нежели к российскому лидеру. Он не устает утверждать, что при Путине Россия «взбрыкнула» именно потому, что у нее не было другого выбора. Американские администрации и Клинтона, и Буша, и Обамы, следуя «триумфаторским» курсом, не оставляли попыток сполна воспользоваться победой США в холодной войне, максимально ослабить своего вероятного противника, коим они ни на миг не переставали считать Россию – даже при президенте Ельцине, в эпоху показной дружбы и наигранного доверия между первыми лицами обеих стран.

В этой своей убежденности Стивен Коэн снова поразительно нетипичен, так как само восприятие президента – носителя высшей госу-

дарственной должности – в настоящее время фактически лишено личностного наполнения. Что первично, что вторично: отсутствие личностей или запроса на личности, – вопрос открытый, но ситуация на Западе уже такова, и в России всё идет к тому, что эта политическая мода будет рано или поздно позаимствована, и президентская должность превратится в обезличенный функционал, некую персонифицированную сумму ожиданий инвесторов каждой очередной президентской избирательной кампании. А для Стивена Коэна избранный Президент (именно так, с большой буквы) – должность, заслуживающая уважения, и занимающее ее лицо непременно должно быть, как минимум, цельной и яркой личностью, наделенной независимым суждением и политической волей. Трамп и Путин у Стивена Коэна – именно такие. С политической волей их обоих американский историк связывает свою последнюю надежду на недопущение дальнейшего втягивания мира в новую холодную войну.

Для Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) издание настоящего сборника – большая честь и колоссальная ответственность. Стивен Коэн на протяжении нескольких десятилетий является нашим другом и надежным партнером. 25 лет он вместе с Катриной ванден Хювел поддерживают важнейший издательский проект ассоциации – «Первая монография», – который дал путевку в жизнь многим из тех, кто сегодня определяет погоду в российской исторической науке. Поэтому популяризация подзабытого в современной России имени Стивена Коэна, его работ и нетипичных исследовательских приемов, умения постигать прошлое, усматривать тончайшие и не всегда очевидные связи этого прошлого с современностью, рассказ об уникальной творческой мастерской американского историка – почетный долг и, без преувеличения, миссия АИРО-XXI. На сайте Ассоциации (www.airo-xxi.ru) в электронной библиотеке есть специальная полка книг профессора Коэна. За последние три года эти книги скачали 50 тыс. посетителей.

Мы намерены и дальше доносить до российской читательской аудитории, сообщества профессиональных историков и всех интересующихся прошлым нашей страны как мнения Стивена Коэна по вопросам текущей политики и международных отношений, так и его новые исследования, поскольку убеждены в том, что отточенный и проницательный взгляд этого американского ученого видит прошлое и настоящее намного точнее и объективнее, чем у иных наших соотечественников. Поэтому в данном случае учиться у иностранца понимать историю нашей страны не зазорно, а совершенно естественно и нормально.

Г.А. Бордюгов

I

Бухариниада: была ли в СССР альтернатива сталинизму?

Бухарин: Политическая биография*

Предисловие к советскому изданию

Моя книга о Николае Ивановиче Бухарине вышла в свет в Нью-Йорке в 1973 г., и хотя с тех пор она была переведена на девять иностранных языков, советское издание является для меня наиболее важным. Мне приятно, что мою первую и по-прежнему любимую работу будут открыто читать, обсуждать и – я искренне приветствую это – критиковать в стране, которую я в течение многих лет изучал и посещал.

Кроме того, книгу «Бухарин. Политическая биография. 1888–1938» можно считать одним из первых – если не самым первым – подобного рода трудов американского историка, публикуемых в Советском Союзе для широкого читателя. Я рассматриваю это как большую честь и надеюсь, что моя книга внесет определенный вклад в развитие нового, более цивилизованного диалога между двумя нашими странами. Хотелось бы также верить в то, что даже те советские читатели, которые, возможно, категорически не согласятся с моими оценками и выводами, будут иметь возможность убедиться: не все западные исследователи всего лишь ярые антисоветчики. Большинство из нас преданы науке в самом благородном смысле слова – мы стремимся в силу наших интеллектуальных способностей и в условиях ограниченного доступа к советским материалам понять исключительно сложный исторический период вашей страны, как писал поэт Б. Слуцкий, во всем его «величье и беде». Конечно, иногда, а может быть, даже слишком часто, нам это не очень-то удаётся.

Существует и другая причина, по которой издание этой книги в Москве представляется мне особенно важным: его, безусловно, можно считать одним из побочных – пусть и небольшим – результатов перестройки и гласности – исключительно смелого политического курса исторического значения, принятого советским руководством после того, как Михаил Сергеевич Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС в 1985 г. Благодаря этому курсу политические и интеллектуальные дискуссии в Советском Союзе, как видно из радио- и телепередач,

---

* Впервые опубликовано на русском: *Коэн Стивен.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. Пер. с англ. / Общ. ред., послесл. и коммент. И.Е. Горелова. – М.: Прогресс, 1988.

газет, журналов и различного рода выступлений общественности, стали – не побоюсь этого утверждения – несравненно богаче, интереснее и значительнее, чем в любой из ведущих стран современного мира.

Центральное место в дискуссиях, посвященных характеру и будущему перестройки, а также выбору пути, который необходимо сделать уже сегодня, занимает многогранный, нередко полный внутреннего драматизма и эмоциональных всплесков спор о прошлом Советского Союза и в особенности вопрос: являла ли собой новая экономическая политика, которую Ленин ввел в 1921 г., а Бухарин позднее развил и защищал, жизнеспособную альтернативу «великому перелому», осуществленному Сталиным в 1929 г.? Поскольку и в моей книге этому вопросу отводится центральная роль, не исключено, что советское издание или комментарии к нему также внесут определенную лепту в дискуссии по истории вашей страны, проходящие в настоящее время, и таким образом книга обретет «вторую жизнь», что доставит мне глубокое человеческое и интеллектуальное удовлетворение.

В Советском Союзе уже ведутся открытые дебаты об исторической роли Бухарина и о, как я назвал ее, «бухаринской альтернативе» сталинизму. Они со всей прямотой и откровенностью зазвучали в 1987 г. и особенно в 1988 г. после политической и партийной реабилитации Бухарина, совпавшей с его столетием и пятидесятилетием со времени расстрела. Но даже за столь короткий промежуток времени личность Бухарина привлекла к себе пристальное внимание советских политических лидеров, комсомольских активистов в Набережных Челнах, создавших политклуб имени Бухарина, журналистов, поэтов, киносценаристов, драматургов, прозаиков, ученых и многих других (1). Неутихающие дискуссии включают в себя некоторые темы, затрагиваемые и в данной книге, не говоря уже о том, что свою более позднюю работу «Переосмысливая советский опыт (политика и история с 1917 года)» (2) я в основном посвятил именно таким противоречивым историческим и политическим вопросам. Поэтому вряд ли имеет смысл развивать здесь эту аргументацию – лучше я возьму на себя смелость сделать два предсказания о набирающем силу споре относительно исторической роли Бухарина, особенно в роковой период 1928–1929 гг., когда он вместе с А.И. Рыковым и М.П. Томским возглавлял так называемую «правую оппозицию» политике Сталина.

С советской стороны, скорее всего, следует ожидать появления трёх принципиально различных точек зрения или течений исторической мысли. Представители одной из них будут по-прежнему настаивать – хотя, несомненно, менее прямолинейно, чем в сталинском «Кратком курсе», – что поражение Бухарина было объективно необходимо, ибо только сталинская политика коллективизации и индустриализации могла модернизировать Советский Союз, заложить основы социализма и подготовить страну к отпору гитлеровскому вторжению в 1941 г. Сто-

ронники второй точки зрения делают прямо противоположные выводы: поражение Бухарина стало национальной трагедией, так как его политика нэпа, основанная на сочетании плановой и рыночной экономики, сбалансированном промышленном развитии, добровольной коллективизации, гражданском мире и небольшом бюрократическом аппарате, привела бы к созданию более мощной экономики и более совершенной социалистической системы, помогла бы избежать террора 30-х гг. и таким образом подготовиться к войне. Ну а поскольку любой серьезный спор неизбежно ведет к образованию и «центристской» позиции, третье направление исторической мысли будет доказывать предпочтительность некоего сочетания бухаринского и сталинского подходов. Каждая их этих точек зрения находит отражение в работах западных исследователей, и, конечно, все они присутствуют в советских дискуссиях начиная с 1987 г. (3).

Вместе с тем – и в этом состоит мое второе предсказание – при нормальном развитии гласности и плюрализма мнений в этом важнейшем споре о характере современной советской системы не будет окончательного или безусловного победителя. Да и как ему быть? Великие и трагические события всегда вызывают противоречивые суждения, вспыхивающие с новой силой по мере того, как каждое последующее поколение привносит в аргументацию свое особое видение и внутренние конфликты. По словам историка Питера Гейла – словам, которые по-своему подтвердили и Маркс, и Ленин, – история – это «спор без конца». Террор и цензура могут «положить конец» такому спору, но, как нам известно, только на время и не затрагивая сути.

* * *

Советский читатель может спросить: что привело американца, родившегося в 1938 г., выросшего в провинциальном штате Кентукки и получившего образование в крупном государственном университете соседней Индианы, к написанию книги о Бухарине? Впрочем, объяснение не представляет большого интереса. Не будучи коммунистами, социалистами или интеллектуалами и даже не проявляя особого интереса к политике, мои родители, однако, всемерно развивали стремление двух своих детей к получению широкого образования и самостоятельному мышлению, учили их не забывать народную мудрость, что «у каждой медали – две стороны». Возможно, именно благодаря этому я, как мне кажется, не оказался во власти отвратительных предрассудков холодной войны, даже несмотря на то, что не испытывал в то время интереса к Советскому Союзу.

Этот интерес появился у меня почти случайно. В 1959 г. я проходил в Англии курс политики, истории и экономики и по предложению одного из своих друзей принял участие в поездке английской группы летом того же года по пяти советским городам. И хотя я тогда не знал

русского языка, мне удалось увидеть поразившее меня общество, подобного которому я еще не встречал – страну, выходящую из изоляции, вставшую на путь перемен, и народ, проявляющий живой интерес к моей стране. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы пробудить во мне желание побольше узнать о Советском Союзе по возвращении в университет Индианы.

Я оказался очень везучим: моим первым наставником в изучении советской истории стал, на мой взгляд, самый выдающийся ученый-советолог того времени профессор Роберт С. Такер, преподававший в университете Индианы до своего перехода в Принстон. Глубокий знаток русской истории, культуры и политики, он весьма критически относился ко многим академическим догмам, пользовавшимся официальным признанием (4). Такер приучил меня к такому же «ревизионистскому» мышлению, подвел к решению сделать советологию и преподавание советской истории своей будущей профессией и даже подсказал тему научного исследования – роль Бухарина в конце 20-х гг. К 1962 г., будучи аспирантом Колумбийского университета, я уже твердо знал: темой моей диссертации будет Николай Иванович Бухарин. Мне хотелось не только написать его политическую биографию, но и по-новому взглянуть на процесс формирования советской политической истории того периода. Диссертация была готова в 1968 г., и ее выводы и аргументация легли в основу, правда, в несколько ином виде, первых восьми глав моей книги, которую я завершил в 1972 г.

Пожалуй, более интересной мне представляется история самой книги. В мае 1975 г., семнадцать месяцев спустя после ее выхода в Нью-Йорке, я, к своему удивлению и удовольствию, получил письмо от сьша Бухарина, Юрия Ларина, который, как оказалось, уже имел экземпляр книги. Он прислал мне также трогательную фотографию своего полуторагодовалого сьша Коли. Я знал, что вдова Бухарина Анна Михайловна Ларина и его сьш остались живы, но о прямом контакте с ними, конечно, не мог и мечтать. Наша первая встреча состоялась в Москве в августе 1975 г., и с того самого дня мне вынало великое счастье быть другом этой замечательной семьи. (Наша дружба, естественно, не исключает определенных расхождений во взглядах на мою интерпретацию некоторых аспектов политической биографии Николая Ивановича.) Как видно из недавно опубликованных мемуаров А. Лариной (5), их автор – необыкновенная женщина, чей дух и преданность не сломили годы чудовищных испытаний. А Юрий Ларин – на редкость одаренный художник, работы которого привлекают все большее число поклонников и в Советском Союзе, и на Западе.

В Москве меня ожидал еще один приятный сюрприз: вместе с Евгением Александровичем Гнединым – советским журналистом и дипломатом, работавшим под началом Бухарина в «Известиях» в 30-е гг. –

Юрий приступил к колоссальной работе по переводу моей книги на русский язык. Е. Гнедин, скончавшийся в 1983 г. в возрасте 84 лет, был одним из самых мудрых, сострадательных, порядочных и щедрых людей, которых я когда-либо встречал в своей жизни. После своего ареста в 1939 г. он тоже провел долгие годы в сталинских лагерях и ссылке (6). Когда почти через двадцать лет разлуки вдова и сьш Бухарина наконец воссоединились и смогли вернуться в Москву, Гнедин отнесся к ним как к самым близким друзьям. В отличие от Юрия Евгений Александрович прекрасно знал английский язык, поэтому без его существенной помощи перевод вряд ли вообще был возможен. Поскольку переводчики работали над книгой по четвергам, они называли себя Е.и Ю. Четверговы. В конце 70-х гг. они передали мне семь законченных глав – остальные были переведены в Соединенных Штатах, – и в начале 80-х в небольшом издательстве «Стрэткона», связанном с издательством «Ардис» в Мичигане, вышло первое издание книги на русском языке. Второе издание было вынущено «Ардисом» в 1986 г.

Экземпляры русского издания стали распространяться в Москве и даже в других городах Советского Союза, что, возможно, послужило главной причиной неожиданной для меня проблемы, на решение которой ушло целых три года: с 1982 до середины 1985 г., несмотря на мои неоднократные обращения, советские власти отказывали мне в разрешении посетить СССР. Как сказал мне в Нью-Йорке один из советских официальных представителей, «они охотятся за Вашей книгой в Москве. С чего это они должны давать Вам разрешение?» Я был очень расстроен – терялась живая связь с советскими друзьями и с предметом моих научных исследований, – но не удивлен. Сложилась по-своему интересная ситуация: некоторые советские историки в частных разговорах выражали восхищение моей книгой, а в официальных публикациях в то же самое время отзывались о ней с презрением, если не сказать хуже, приводили ее в качестве примера «клеветнических опусов американских антикоммунистов» (7). Более того, в 1979 г. на Московской международной книжной выставке-ярмарке был конфискован экземпляр этой книги, предназначенный для экспонирования. Поэтому когда сегодня американцы спрашивают меня, «изменилось ли что-нибудь» в Советском Союзе на деле с 1985 г., я иногда привожу им всего один небольшой пример – историю с моей книгой и выход данного русского издания таким большим тиражом, какого не знала ни одна страна.

* * *

Во время интервью со мной в газете «Московский комсомолец» один молодой советский журналист сказал: «Некоторые считают, что вы предсказали перестройку в СССР» (8). Я бы не рискнул взять на себя

такую ответственность. По моему убеждению, историки не должны пытаться предсказывать будущее; перед ними достаточно сложная задача – понять прошлое и настоящее страны. Вместе с тем верно и то, что для западных исследователей давно уже характерны два исторических подхода. По мнению подавляющего большинства из них (во всяком случае до 1985 г.), советская система в том виде, в каком она сформировалась при Сталине, никогда не сможет быть радикально изменена. Другое же направление, представленное явным меньшинством, к которому я принадлежу с самого начала своей исследовательской деятельности, считает, что Советский Союз подобно всем социально-экономическим системам не только претерпел значительные изменения в прошлом, но и с большой степенью вероятности будет изменяться в будущем. Лично я убежден в правоте такого подхода в силу своего понимания взаимосвязи между прошлым и настоящим, между историческим развитием и современной политикой. И хотя отдельные аспекты этой концепции проявляются и в данной работе, наиболее полно она отражена только в моей книге «Переосмысливая советский опыт», которую я написал в период 1976–1983 гг. и которая заканчивается главой «Друзья и недруги перемен».

Несмотря на явную взаимосвязь между альтернативами, стоящими перед Советским Союзом сегодня, и теми, которые существовали в 1928–1929 гг., мою книгу о Бухарине следует читать и оценивать как историческое исследование. Более того, я не рассматриваю ее как последнее слово на эту тему. В предисловии к первому американскому изданию написано: «Когда советские историки получат возможность свободно изучить и описать историю создания Советского государства и деятельность его основоположников, материал этой книги, вероятно, дополнится, а некоторые ее положения потребуют пересмотра». Судя по всему, советские исследователи сейчас получают такую возможность. По мере того как они будут глубже и полнее отражать события 20-х и 30-х гг., по мере того, как будет расширяться возможность их доступа к необходимым архивным материалам, они, возможно, напишут о Бухарине и о его времени более глубоко и осмысленно, чем это удалось сделать мне. Когда такое произойдет, я не буду чувствовать себя разочарованным.

И наконец последнее разъяснение советскому читателю. Издательство «Прогресс» любезно согласилось опубликовать без каких-либо сокращений эту довольно большую книгу; с моей стороны в текст также не было внесено существенных изменений, кроме исправлений небольшого количества фактических неточностей. Я очень признателен своим советским друзьям, знакомым и даже авторам, с которыми я лично не знаком, за то, что они обратили мое внимание на эти неточности. В частности, большую помощь в этом оказала мне великолепный

историк – дочь Бухарина, Светлана Николаевна Гурвич. Или, например, как мне стало известно из недавнего номера «Комсомольской правды», я неправильно назвал первого редактора этой газеты. Так что вся ответственность за оставшиеся неточности или ошибочные выводы лежит только на мне одном.

Стивен Коэн
Нью-Йорк, сентябрь 1988 г.

Предисловие к первому американскому изданию 1973 г.

Эта книга посвящена большевистской революции и одному из её самых значительных и крупных деятелей Николаю Ивановичу Бухарину.

Она представляет собой прежде всего политическую биографию Бухарина, и, поскольку он был человеком мысли, марксистом-теоретиком, она является также и историей его идейного развития. Необходимость всестороннего изучения этого политического деятеля очевидна, ибо в течение двух десятилетий Бухарин находился в центре бурных событий в истории большевистской партии и Советской России. И тем не менее, поскольку его роль как одного из основателей Советского государства искажена советской историографией, о нем подчас вспоминают лишь как об авторе ряда некогда известных коммунистических пособий и главном обвиняемом на показательных московских процессах в 30-х гг. и их жертве.

Чаще всего умалчивается, какое высокое положение занимал Бухарин – выдающийся деятель первого ленинского революционного руководства, член Политбюро ЦК партии до 1929 г., главный редактор «Правды» и в течение почти десятилетия официальный теоретик советского коммунизма, а также фактический руководитель Коммунистического Интернационала с 1926 по 1929 г.

Его роль особенно усилилась после смерти Ленина – он стал (наряду со Сталиным) одним из двух руководителей партии в период с 1925 по 1928 г., главным создателем ее умеренной внутренней политики, которая должна была привести к эволюционному пути экономической модернизации и социализма; во время роковых событий 1928–1929 гг. он стал лидером антисталинской оппозиции и даже после поражения оставался символом большевистского сопротивления развитию сталинизма в 30-х гг.

Но Бухарин и бухаринизм не лишены значения и в современном коммунистическом мире, где идеи Бухарина о более гармоничном об-

ществе и гуманном социализме находятся после смерти Сталина в стадии возрождения.

Другая цель этой книги – новое исследование большевистской революции и первых, решающих десятилетий советской истории посредством изучения такого явления, как Бухарин. Предпринимая эту попытку, я исходил из пользующейся всеобщим признанием предпосылки, что целое станет более ясным и понятным, если сосредоточить внимание на существенных его частях.

За исключением главы IV (в которой, отступив от хронологического изложения, я рассматриваю дискуссию по знаменитой работе Бухарина о марксистской идеологии «Теория исторического материализма»), я пытался изложить политику и идеи Бухарина на широком фоне политики партии большевиков и советской истории. Я надеюсь, что все недостатки такого подхода при использовании книги как биографии будут возмещены новыми подробностями, которые можно будет в ней почерпнуть.

Конечно, всестороннее изучение Бухарина, основанное на русских материалах (1), приводит к «ревизионизму» как в отношении отдельных проблем, так и более общих путей развития. К тому же Бухарин не только сам играл центральную историческую роль, но и был плодовитым (и часто официальным) комментатором событий своего времени. Как заметил один из историков, «фактически не может существовать ни одного аспекта первых двадцати лет советского эксперимента, который можно было бы исследовать, не обращаясь к взглядам Бухарина» (2). Таким образом, новое изучение большевистской революции через призму взглядов Бухарина поможет расширить наши знания и одновременно пересмотреть понимание главных событий: формирование большевистского радикализма в канун революции, суть партийной политики и политических дискуссий в 20-е гг., тёмную историю 30-х гг., кульминационным пунктом которой была «великая сталинская чистка» и уничтожение старой большевистской партии.

Я не хочу быть неправильно понятым, но и не хочу затушевывать то, что необходимо подчеркнуть. Эта книга в большой степени основана, и без этого она не могла бы быть написана, на работах трех первоисследователей, чьи труды отражены на страницах книги и чьи имена приведены в примечаниях. Повествуя о Бухарине, я старался осветить широкий круг событий, о которых наши знания остаются неполными.

Кроме того, я рассматриваю эту книгу как вклад в исследования различных ученых, пересматривающих привычную трактовку большевистской истории после смерти Ленина, сводящуюся главным образом к соперничеству Сталина и Троцкого. Многое из написанного ниже убедит читателя, что Бухарин, каким он был в середине 20-х гг., и его союзники больше значили для большевистской партии и большевистской

мысли, чем Троцкий и троцкизм. Короче говоря, я хочу показать, что взгляд на Троцкого как «на представителя досталинского и предвестника послесталинского коммунизма» является серьезной ошибкой (3).

Эта проблема тесно связана с изменением установившегося взгляда, что сталинизм был логическим, неизбежным результатом большевистской революции. В настоящее время все большее число советских и западных историков оспаривают этот взгляд. К ним принадлежу и я.

Биограф должен не поддаваться искушению преувеличить значение того, о ком он пишет. Если мне это и не удалось, то я надеюсь все же, что достаточно убедительно доказываю, что большевистская партия была гораздо более неоднородной по своему характеру, чем это обычно представляют, и поэтому результат революции был значительно менее предопределен. Убедить в этом широкого читателя, а исследователей побудить пересмотреть ставшие уже привычными представления кажется мне достаточно полезным.

Читатель должен также знать, что эта книга во многом неполна и в некоторых случаях имеет характер гипотезы как в подаче материала, так и в высказываемых суждениях. Если деятельность и мысль Бухарина вплоть до 1928–1929 гг. в основном отражены в опубликованных материалах, полностью доступных в библиотеках западных стран, то последние годы его жизни, как и все стороны трагической политической истории, одним из действующих лиц которой он был, всё ещё остаются по большей части неясными. После политического поражения Бухарина в 1929 г. мало достоверного появлялось о нем в советской прессе, а в течение двадцати лет после его ареста в 1937 г. он упоминался лишь как «враг народа».

Хотя ослабление советской исторической цензуры после смерти Сталина в 1953 г. дало много ценной информации о досталинском периоде, тема Бухарина до сих пор остается официально запрещенной и искаженно трактуемой. Даже после того, как (цитирую из биографии Троцкого) «огромный груз клеветы и забвения» – результат двух десятилетий сталинской брани – был отброшен, значительная часть жизни Бухарина все еще остается в тумане; процесс ее реконструкции, как уже было отмечено другими исследователями, иногда напоминает работу палеонтолога. Так, например, мы очень мало знаем о личной жизни и частных высказываниях Бухарина и других старых большевиков, отчасти из-за их обычной сдержанности, когда дело касалось подобных тем, отчасти потому, что их постигла при Сталине общая роковая судьба. Достаточно сказать, что из всех основоположников Советского государства, за исключением Ленина, только один Троцкий оставил подробную автобиографию и не тронутый цензурой личный архив.

Я полагаю, что в этой книге удалось собрать все те материалы о Бухарине, которые сейчас доступны. Тем не менее эта книга, безусловно,

не может претендовать на то, чтобы быть последним словом. Когда советские историки получат возможность свободно изучить и описать историю создания Советского государства и деятельность его основоположников, материал этой книги, вероятно, дополнится, а некоторые ее положения потребуют пересмотра.

С.Ф.К.
Нью-Йорк, декабрь 1972 г.

Предисловие к Оксфордскому изданию

Бухарин и идея альтернативы сталинизму

Исторической неизбежности не бывает – альтернативы возможны всегда. И тем не менее, когда я начинал работать над этой книгой в середине 60-х гг., авторы научных трудов, посвященных советской истории, как на Западе, так и в СССР, исходили в большинстве своем из того, что реальной альтернативы сталинизму не было. Западные и советские историки придерживались тех или иных вариантов этого положения по разным причинам и с использованием разных приемов доказательств, но с одинаковой настойчивостью. Либо политика Сталина, начиная с насильственной коллективизации в 1929–1933 гг. и кончая двадцатилетней системой массового террора и лагерей, являлась неизбежным следствием характера большевистской партии и большевистской революции, либо все это было необходимо для модернизации отсталого крестьянского общества. Западные и советские ученые оказывались пленниками историографии без альтернатив даже несмотря на то, что альтернативы сталинизму имели долгую традицию в политике коммунистов. Традиция эта тянется от дискуссий среди большевиков в 20-х гг. к поискам иных путей к социализму коммунистическими партиями Восточной и Западной Европы после смерти Сталина в 1953 г.

Позицию представителей советской историографии объяснить легко. В течение долгого сталинского правления любые идеи о возможности других вариантов считались преступным заговором. Каковы бы ни были личные взгляды советских историков, они были вынуждены превозносить главный принцип сталинизма – утверждение, что Сталин с его политикой был единственным правомочным продолжателем большевистской революции и единственным воплотителем коммунистической идеи. В начале 60-х гг. антисталинская кампания, проводившаяся Хрущёвым, поколебала это навязанное единодушие взглядов; но даже тогда советские историки могли писать об исторических альтернативах

только иносказательно. Жесткий режим, установившийся после Хрущёва, положил конец даже этим ограниченным попыткам пересмотра прошлого – по крайней мере, в официальных публикациях. Критический анализ сталинизма перешел в конце 60-х гг. в сферу неподцензурных изданий, известных как самиздат, и только там смогла возникнуть откровенная дискуссия об исторических альтернативах между советскими исследователями (1).

Западный взгляд на сталинизм как на единственно возможное продолжение большевизма был сформирован не цензурой, он установился как бы по общему согласию. Некоторые ученые подчеркивали политический характер первоначального движения, другие – необходимость быстрой модернизации. Одни оказывались под влиянием, казалось бы, неумолимой логики в советской истории после 1917 г., поддавались назойливому нажиму сталинской идеологии, в то время как другие, в соответствии с духом холодной войны, с готовностью подтверждали, что сталинизм поистине был воплощением коммунизма. В результате западные специалисты, за редкими исключениями, тоже много лет интерпретировали советскую историю как продолжающееся, даже неизбежное развитие единой политической традиции, достигшей своей кульминации в сталинизме.

Этот тезис «преемственности», как я называл его в других работах (2), начал утрачивать свою популярность среди западных и советских специалистов одновременно в 60-х гг. Идея несталинистской альтернативы советской истории начала постепенно возникать или, я бы сказал, возрождаться, и это способствовало благосклонному приему, который был оказан этой книге при ее издании в 1973 г. и затем при переводах на другие языки. Я старался написать книгу, которая была бы не только биографией Бухарина, но и историей рассматриваемого периода, и оба эти аспекта вызвали читательский интерес. В то же время в некоторых других кругах были высказаны решительные возражения против проводившейся мною мысли о том, что идеи и политика Бухарина в 20-х гг., отстаивавшие более мирное, постепенное движение в направлении модернизации и социализма, были реальной альтернативой сталинизму.

Оставляя в стороне официальных советских историков, которые обязаны были отвергнуть книгу целиком (3), можно сказать, что эти возражения отражают два различных течения среди ученых Запада. Одно – все то же центральное направление, считающее, что внутри большевизма альтернатив не было. Сталин продолжал ленинско-большевистскую традицию: «его преступления были в природе этого зверя»; его политика была «необходима… для осуществления тех задач, которые партия поставила себе, и в первую очередь задачи перехода страны деревянных плугов в век стали»; и его соперники по партии, та-

кие, как Бухарин и Троцкий, были либо менее подходящими для этого, либо даже, наоборот, «пионерами сталинизма» (4). Другое течение более интересно, ибо в отличие от академического большинства его представители сочувственно относятся к большевистской революции и видят серьезные искажения, внесенные в ее ход сталинизмом. Это направление представлено двумя наиболее влиятельными исследователями советского опыта – Э.Г. Карром и покойным Исааком Дейчером.

На первый взгляд у Карра и Дейчера мало общего. Знаменитые биографии Сталина и Троцкого, написанные Дейчером, представляют собой литературные труды, полные драматизма и преклонения перед идеологической основой большевистской революции и подлинным коммунизмом. Многотомная «История Советской России» Карра совсем иная – это сухой методичный труд британского эмпирика и убежденного адвоката внеидеологического подхода к истории. Тем не менее они дружили и весьма почитали друг друга, и постепенно в процессе многолетней работы Карр перенял основную часть дейчеровской идеологической интерпретации, заимствованной в значительной мере у Троцкого (5). Они пришли к согласию по двум основным, хотя и не вполне согласующимся положениям: первое – сталинизм был хотя и трагическим, но неизбежным решением для преодоления русской исторической отсталости; и второе – если уже можно говорить о какой-то альтернативе или существенной оппозиции сталинизму, то таковой был троцкизм.

Наиболее решительными критиками моей книги выступили последователи школы Дейчера–Карра, включая самого Карра и вдову Дейчера (6). Хотя некоторые марксисты-историки с одобрением приняли мою интерпретацию (7), Карр и Дейчер изо всех сил старались повлиять на левых, особенно на тех, для кого Троцкий всегда был кумиром антисталинизма. Их рецензии на мою книгу были в основном доброжелательными, но в то же время, как мне кажется, слишком тенденциозными идеологически. Их возражения наиболее систематически были представлены бельгийским историком Марселем Либманом, поклонником Дейчера, который и сам является видным исследователем (8). Отдавая должное «честности, основательности и серьезности» моей книги, Либман в то же время без обиняков заявляет, что она представляет собой «вызов» интерпретации советской истории, данной Дейчером–Карром, которая «классически отлилась в форму выбора между сталинизмом и троцкизмом». Согласно Либману, книга ставит «фундаментальный вопрос: не упускался ли до сих пор из виду выбор между сталинизмом и бухаринизмом?..». Его отрицательный ответ на этот вопрос, характеристика, данная им мне как «антидейчеристу», его горячая заинтересованность в том, чтобы «бухаринизм» не рассматривался «как социальная и политическая сила, стоявшая заметно выше троц-

кизма», были на разные лады повторены другими рецензентами этого направления (9).

Хотя критика Либмана, по крайней мере на мой взгляд, представляется самой продуманной и интересной, наибольшее внимание привлекла серьезная рецензия Карра в «Таймс литерари саплмент». Чтобы быть справедливым, я должен привести высказывания Карра против моей идеи «бухаринской альтернативы»:

> Более фантастическое утверждение трудно придумать. Троцкого нередко подводил темперамент, и он допускал серьезные ошибки в суждениях. Его недостатки как политического лидера были так же существенны, как недостатки Бухарина, хотя они были совершенно другого рода. Но в одном его значение и роль не вызывают никаких сомнений. С того момента, когда Сталин начал восхождение к власти, и до того дня, когда Троцкий был убит в Мексике 15 лет спустя, одна тема, одна страсть преобладала во всем, что Троцкий делал или писал. Он был главнейшим противником Сталина и всего, что тот насаждал.

Возражения Карра, объясняемые преклонением перед дейчеровской концепцией сталинизма как фактически неизбежного «развертывания великого исторического сдвига», сводятся к протесту против того, что он называет «легендой о великом, но проигравшем вожде – Бухарине» (10).

Но такой легенды нет, и никто не пытается ее создать. Идея бухаринской альтернативы основывается не на преувеличении личных качеств Бухарина-вождя, которые (как я старался показать в этой книге) не всегда отвечали требованиям момента, не на преуменьшении достоинств Троцкого, а также не на том факте, что Бухарин оставался в Москве, где и дождался юридически инсценированной казни, в то время как Троцкий встретил своего убийцу в изгнании. Ни при чем здесь и «одержимость» Троцкого Сталиным, которая, во всяком случае, была более сложной и многогранной, чем думает Карр. Суть вопроса состоит в том, представлял ли тот или другой вождь реальную программную альтернативу сталинизму в 20-е гг. Карр всегда с презрением относился к программе Бухарина, которая предполагала создание избытка сельскохозяйственной продукции для нужд дальнейшей индустриализации без сталинского насилия по отношению к крестьянству; короткая глава о бухаринской оппозиции в «Истории» Карра названа довольно странно – в ней использован навешанный Сталиным ярлык без кавычек – правый уклон (11). Здесь Карр также объявляет программу Бухарина «абсолютно невозможной в условиях нэпа», что идет вразрез почти со всеми значительными новыми исследованиями, опубликованными за последнее время как западными, так и советскими учеными.

Рассматривая великие проблемы 20-х гг. и результат большевистской революции в плане соперничества между Троцким и Сталиным, школа Дейчера–Карра просто перепевает полемику пятидесятилетней давности, которая и в свое-то время была поверхностной и уводящей в сторону. Левые могут воспринимать эти древние ярлыки с сентиментальным чувством как нечто, по праву им принадлежащее, но работа историка именно в том и состоит, чтобы отдалить себя от событий и увидеть их в ясном свете. Миф о программной альтернативе Троцкого просуществовал многие годы в силу разных обстоятельств, таких, как героическая карьера Троцкого-революционера, его последующая судьба изгнанника, его литературные способности и умение приобретать энергичных сторонников за границей, демонический облик самого Сталина.

Но все это только помогает спутать незаурядную личность и яркие лозунги с реальной социальной и экономической программой. Троцкий достиг очень много как лидер и как революционер, но он так и не сумел разработать ясную последовательную политику индустриализации и построения социализма в Советской России. Его расплывчатые идеи и вспышки прозрения также не вызывали широкого отклика ни внутри партии, ни вне ее. Бухарин же, хотя и имел как политик много недостатков, стал основным выразителем определенных идей и политических мер – принципов и практики нэпа, – которые были одновременно и барьером против сталинизма, и альтернативой ему. Они находили широкий отклик в партии и стране, как до, так и после поражения Бухарина. И ничто не доказывает, что они были «абсолютной невозможностью»; они были насильственно подавлены и уничтожены вместе с нэпом.

Свидетельства, подтверждающие такую интерпретацию, можно найти как в прошлом, так и настоящем. Большинство исторических свидетельств представлено в этой книге; нет нужды снова повторять их. Но читателю следует знать, что они были поддержаны и в недавних исследованиях, в которых затронут вопрос несталинской альтернативы в двух планах. Во-первых, как западные, так и советские ученые разрушили легенду о необходимости и эффективности «сталинской модели» индустриализации. Первый пятилетний план действительно означал значительный скачок, в котором, однако, призывы заменяли рациональное планирование, недостижимые цели были достигнуты едва наполовину и то несоразмерно дорогой ценой, а крестьянское хозяйство было разрушено процессом коллективизации, что не только не способствовало индустриализации, но, вероятно, повредило ей. Очень мало ученых, включая и советских, когда они говорят с глазу на глаз, еще верят, что сталинский курс был необходим. Они видят широкий спектр различных сельскохозяйственных и промышленных возможностей, открывавшихся перед руководством в конце 20-х гг. и вполне совмести-

мых с нэпом и теми альтернативами, которые Бухарин и его сторонники предлагали партии накануне своего поражения в 1928–1929 гг. (12). В этом смысле можно сказать, что научный анализ этого поворотного момента в советской истории стал «бухаринистским».

Другая линия научной оценки Троцкого. По мере того как он освобождается в конце концов от мифов и лозунгов «перманентной революции», мы видим более глубокого, сложного, но в то же время менее решительного мыслителя. В нем не обнаруживается ни «предтечи-сталиниста», каким он представлен во многих западных исследованиях, ни программного кумира антисталинизма, которому поклоняются левые. Его экономические идеи в 20-х гг. были переменчивы и не так уже далеки от бухаринских, как считали раньше; действительно, в 30-е гг., когда Троцкий наблюдал сталинскую перестройку издалека, его предложения «стали почти неотличимыми от линии Бухарина» (13). Из этого вовсе не следует, что Бухарин был «великим проигравшим вождем». Это означает лишь то, что он больше, чем какой-нибудь другой из большевистских руководителей после Ленина, был политическим представителем программных, хотя и «проигравших» идей.

Осуществление коммунистической политики после смерти Сталина подтверждает правдивость исторических свидетельств. Вот уже более четверти века антисталинисты во многих коммунистических партиях, включая и КПСС, ищут возможностей избавиться от сталинского наследия, анализируя прошлое в поисках того, что могло бы вдохновить, узаконить их позицию, открыть альтернативы. И повсюду, от Москвы и Белграда до столиц западного еврокоммунизма, а теперь, возможно, даже и в Китае, антисталинские реформаторы естественно тяготеют к чему-то вроде «второго выпуска нэпа», то есть к идеям и политике в стиле Бухарина (14). Возрождение программ, близких к мыслям Бухарина, в самом Советском Союзе проявилось наиболее явно в официальных кругах в 60-х гг. Так как его имя оставалось под запретом, его «изм» возродился среди советских деятелей анонимно. Но тенденция, по свидетельству одного западного ученого, проявилась очень наглядно: «Просто поражаешься, когда обнаруживаешь, как много идей бухаринской антисталинской программы 1928–1929 гг. было выдвинуто нынешними реформаторами в качестве их собственных и в какой огромной мере их критика прошлого совпадала с его обвинениями даже текстуально» (15).

Надежда на то, что подобные идеи получат официальное одобрение и историческая репутация Бухарина будет восстановлена, исчезла после введения советских войск в Чехословакию в 1968 г. Реформы Пражской весны были кульминацией антисталинских идей, циркулировавших в разных формах в СССР и в Восточной Европе с 50-х гг. Чешские реформаторы, в отличие от их идейных союзников в Москве, от-

крыто говорили об идеях Бухарина как об оборванном направлении, которое, «так сказать, заговорило языком наших дней и было услышано» (16). Советская пропаганда, с ее нараставшими неосталинистскими нотами, чернила замыслы реформистов и многократно указывала на их прямую связь с бухаринским «правым уклоном» (17). Более того, в июне 1977 г. советские власти недвусмысленно выразили свое отношение, не только отвергнув многолетние ходатайства вдовы и сына Бухарина о его официальной реабилитации, но и заявив, вопреки всем постановлениям во времена Хрущёва, что «обвинения, на основании которых он был осужден, остаются в силе» (18).

Но так же, как Москва не может больше подавить идею внутрикоммунистической альтернативы, она не может держать под контролем и репутацию Бухарина в мире или даже в самом Советском Союзе. В большом числе самиздатских работ, появившихся с конца 60-х гг., он уже реабилитирован. В добавление к тому, что он был благожелательно обрисован во многих неподцензурных мемуарах (19), его политика в 20-е гг. рассматривается с одобрением нонконформистскими советскими историками. Один помещает его «первым после Ленина в революционных анналах XX века». Другой находит, что его идеи «не утратили своей значимости и в наши дни». И Рой Медведев, представляющий течение еврокоммунизма в движении советских диссидентов, написал впечатляющую книгу о последних годах жизни Бухарина, в которой определяет его казнь «как одно из самых страшных преступлений Сталина перед советским народом, партией и мировым коммунистическим движением» (20).

За пределами Советского Союза и сферы его влияния идея несталинской альтернативы также, естественно, пробудила новый интерес к Бухарину. В последние годы он был как бы открыт заново, что проявилось в настоящем взрыве исторических исследований, новых изданиях его работ, в появлении моды на него в левых кругах, даже в появлении в Англии пьесы, а в Италии фильма о его последних годах и суде над ним (21). Более значительным фактором, однако, является международная кампания, объединившая еврокоммунистов и социалистов в 1978 г. – году 90-летия Бухарина и 40-й годовщины его гибели, – направленная на восстановление доброго имени и полную реабилитацию Бухарина в Советском Союзе.

Толчком для начала кампании, организованной Фондом мира Бертрана Рассела в Лондоне, послужило письмо сына Бухарина Юрия Ларина, живущего в Москве, в котором он обращался к Итальянской коммунистической партии с просьбой принять участие «в восстановлении справедливости по отношению к моему отцу». Представитель ИКП – главной поборницы еврокоммунистической альтернативы сталинизму – немедленно объявил просьбу Ларина «моральной и политической необ-

ходимостью». Реабилитация Бухарина сегодня, объяснял он, имела бы не только огромное историческое значение, но и была бы вполне оправданна с моральной, теоретической, воспитательной и политической точек зрения. В числе подписавших обращение были представители социалистических и коммунистических партий Европы и всего мира, в том числе и Австралии, а также много видных деятелей культуры (22).

Короче говоря, в наши дни Бухарин сделался символической фигурой для несталинской альтернативы как в Советском Союзе, так и в Европе. Как стало ясно из передовой статьи лондонской газеты «Таймс» в 1978 г., взгляд школы Дейчера–Карра на бухаринскую альтернативу как на «опасную иллюзию» разделяется, хотя и по совершенно другим причинам, консервативными противниками социализма. Нехотя присоединяясь к призыву о необходимости официальной реабилитации Бухарина советскими властями, «Таймс» предупреждала: «Но нельзя допустить, чтобы он (Бухарин) был использован для реабилитации самого коммунизма» (23).

Остается только определить истинное значение бухаринской альтернативы сегодня. Отклик, который она находит за пределами Советского Союза, даже среди самых антисталинских коммунистических партий, имеет характер скорее историко-символический. В развитии некоторых близких по сути идей Бухарина, таких, как роль крестьянских хозяйств, социальное потребление, рынок в плановой экономике, коммунистические реформаторы Восточной и Западной Европы пошли гораздо дальше. Более того, при всей своей оппозиции государству Левиафана и либерализме в вопросах культуры Бухарин не был демократом. Как и другие основатели Советского государства, он ответствен за убийства во времена сталинского режима, возникшего после 1929 г. Он никогда не подвергал сомнению, например, принцип однопартийной диктатуры или хотя бы запрещение фракций внутри партии. До тех пор, пока еврокоммунизм будет подразумевать соединение коммунистического общественного идеала с политической демократией, программа Бухарина не может быть осуществлена. Поскольку процесс деруссификации европейского коммунистического движения продолжается, поскольку эти коммунистические партии возвращаются к собственным национальным традициям, они будут находить в русском опыте все меньше того, что они могут оправдать, и будут все меньше нуждаться в каком бы то ни было символе из советского прошлого.

Реальный потенциал бухаринской альтернативы сегодня находится в самом Советском Союзе. Бухаринизм был более либеральным и гуманным вариантом русского коммунизма с его врожденными авторитарными традициями. Вдохновленный частично тем пересмотром взглядов, который осуществил Ленин в конце своей жизни, Бухарин искал пути развития Советского государства, которые позволили бы

обойти наиболее жестокие аспекты этих традиций, а может быть, обойти и что-то похуже. Многое изменилось в Советском Союзе с 20-х гг. Но до тех пор, пока сталинское прошлое продолжает сливаться с настоящим, идеи Бухарина остаются потенциальным источником антисталинской реформы – хотя и не обязательно перемен в сторону демократии – со стороны правящей партии.

Об этом же свидетельствует тот факт, что взгляды Бухарина стали центральным моментом в дискуссии, ведущейся наиболее открыто в неподцензурных русских изданиях на тему «Что следует сохранить из революции?» (24). Как мы видели, те советские диссиденты, которые еще верят в революцию и частично – в ленинское наследие, разделяют возрождающийся интерес к Бухарину. Те же, кто, подобно Солженицыну, считают, что ни в коммунистической идее, ни в советском опыте не осталось ничего не прогнившего, заслуживающего сохранения, заявляют, что Бухарин был всего лишь «Дон Кихотом большевизма» или даже наоборот – был не лучше, чем Сталин (251. Тем не менее утверждение одного русского противника коммунизма, что «Бухарин, вероятно, единственный большевик, кого хоть кто-то в России поминает добром», раскрывает особую природу его исторической репутации в наши дни. И она будет расти, хотя бы благодаря тому, что он противостоял роковому моменту в советской истории, сталинской коллективизации в деревне, которую так много русских сейчас рассматривают как «величайшую национальную трагедию», как катастрофу, которая, по словам Хрущёва, «не принесла нам ничего, кроме несчастий и жестокости» (26).

Но в то же время консерваторы, контролирующие советскую коммунистическую партию, настороженно относятся к растущей репутации Бухарина. Они понимают, что реабилитировать этого отца-основателя значило бы легализовать реформистские идеи внутри самой партии. А это в свою очередь означало бы пересмотр главных основ системы, начиная от непроизводительных колхозов и скрипящего планового хозяйства до давящей цензуры. Цепляясь за прошлое, они остаются наследниками Сталина. И все же идея бухаринской альтернативы распространяется все шире – от Москвы до Западной Европы. Бухарин словно бы бросает в своих преследователей проклятие Дантона: «Вы наложили руки на всю мою жизнь. Да восстанет она и да бросит вам вызов!»

Нью-Йорк,
сентябрь 1979 г.

Глава 4

Марксистская теория и большевистская политика: «Теория исторического материализма» Бухарина

> Было бы странно, если бы марксистская теория вечно топталась на месте.
>
> *Н. Бухарин*

События начала 1921 г. обозначили поворотный пункт в истории Советской России, революции и в размышлениях Бухарина о большевизме. Вслед за тем, что Бухарин позже назвал «крахом наших иллюзий» (1), он и другие большевики начали мучительно переосмысливать свои основные представления о революции. Новые общественные условия вскоре вызвали к жизни новое мышление, которое в течение следующих восьми лет вошло в идеологическое наследие 1917–1920 гг. и стало конкурировать с ним. Поверхностное партийное единодушие, порожденное гражданской войной, сменилось глубокими разногласиями и затянувшимся разобщением. Вплоть до 1929 г., когда расхождения во взглядах стали опасными и сверху было навязано строгое единомыслие, подлинное единство взглядов в партии бывало редким и кратковременным. Изначальная неоднородность большевистской элиты, частично приглушенная в течение трёх лет, дала себя знать снова. Однажды Бухарин сетовал (миф о первоначальной большевистской сплочённости уже устоялся), что «единая партия, с единой психологией и единой идеологией» сейчас «разбилась на различные части, с различными психологиями, с различными уклонами» (2).

Отчасти вследствие глубоких идеологических и программных разногласий внутри партии, между началом нэпа и наступлением сталинской «революции сверху» в 1929 г., 20-е гг. были исключительно богатым и многогранным периодом интеллектуального брожения. В философии, юриспруденции, литературе, экономике и других сферах широкий диапазон теоретических дискуссий, как связанных, так и не связанных с политическими спорами, происходившими в партийном руководстве, характеризует этот период как наиболее важный в истории большевистской мысли и один из наиболее интересных в истории марксистских идей.

Исследователи данного периода, естественно, пытались выделить в этом многообразии определённые закономерности; при этом они часто

устанавливали сомнительные связи между соперничавшими взглядами в различных областях теоретических дискуссий, с одной стороны, и политическими фракциями в партии – с другой. В крайнем случае смысл такого подхода заключался в том, чтобы определить, каким – левым или правым – является то или иное суждение в каждой дискуссии, даже если оно не имело отношения к политике. Подобные же усилия были предприняты, чтобы установить чёткую взаимосвязь между интерпретацией марксизма – его социальных и философских теорий – отдельными большевиками и их политикой. Это всегда трудная задача, а попытки решить ее в отношении Бухарина привели к особенно глубоким заблуждениям.

Широко распространенная точка зрения состоит в том, что осторожная эволюционная политика, которую Бухарин защищал в 20-х гг. и которая противопоставила его сначала левым большевикам, а затем Сталину, будто бы объясняется в большой мере его механистическим пониманием марксистской диалектики и его приверженностью теории равновесия. Утверждают, что его марксизм был строго детерминистичен, подчеркивая преобладание объективных условий над возможностями вмешательства человека в ход событий. А этим взглядам противопоставляется волюнтаризм, присущий программам левых в 20-х гг., а затем сталинскому «великому перелому» 1929–1933 гг. Полагают, что политический и экономический волюнтаризм был тесно связан с антимеханистической школой советской философии, сложившейся вокруг А. Деборина, доказывавшего, в отличие от механицистов (которые отрицательно относились к деборинскому пониманию сути дела и вытекающим из него выводам), что диалектика подразумевает саморазвитие материи и скачкообразный переход количества в качество. По отношению к Бухарину наблюдается редкий пример единства мнений западных и советских исследователей. После падения Бухарина в 1929 г., когда была развязана официальная кампания присоединения задним числом разгромленных соперников Сталина к впавшим в немилость философским школам, советские авторы утверждали, что «правая» программа Бухарина логически вытекала из его механицизма. По сути дела, сталинистская критика Бухарина стала основным источником и вдохновляющей идеей западной трактовки (3).

Среди многочисленных недостатков такого взгляда самый крупный является и самым очевидным: знаменитая книга Бухарина «Теория исторического материализма», систематическое изложение его общественной теории, появилась осенью 1921 г., то есть всего через месяц после окончания экстремистской политики «военного коммунизма», которую он поддерживал с энтузиазмом (4). Более того, эта работа была написана одновременно с «Экономикой переходного периода», теоретическим оправданием волюнтаризма и социальных скачков. Пре-

небрегают тем фактом, что и «Экономика» и «Теория исторического материализма» содержали знаменитый механицизм Бухарина и теорию равновесия, хотя первая работа проникнута идеей катаклизма, а вторая – эволюции.

Из этого следует, что аргументация, направленная против Бухарина, опиралась не столько на действительное содержание его социальной теории, сколько на два ошибочных утверждения. Первое состояло в том, что были «сознательно установлены связи» между философами-механицистами и правым крылом партии. Эта «легенда» была с тех пор опровергнута; показано было, что происходило как раз обратное, то есть «широко распространенные, сознательные усилия удерживать философскую дискуссию в стороне от внутрипартийных фракционных споров» и особенно «не связывать философские споры с Бухариным» (5). Второе ложное утверждение состояло в том, что большевики (или марксисты вообще), которые придерживались одной и той же теоретической платформы, должны были бы соглашаться и по другим вопросам. Этот неправильный взгляд игнорировал многообразие марксистской мысли, интеллектуальную разнородность досталинского большевизма и в данном случае своеобразие и спорный характер «Теории исторического материализма» Бухарина. В книге что-то нравилось и не нравилось почти каждому. Как советские, так и западные марксисты давали ей весьма противоречивые оценки. Но наименее доброжелательным большевистским критиком был один механицист, который нашёл в книге много «немарксистского» и «недиалектического». Еще больше запутывая вопрос, Бухарин и его критики обвиняли друг друга в «детерминизме» (6).

До единства, навязанного сталинизмом в 30-х гг., согласие большевиков по одному теоретическому вопросу не гарантировало тождественности в других, в теории или политике. Здесь можно привести много примеров, достаточно указать хотя бы на то, что Троцкий, представитель левых в партии, редко выступал по философским вопросам, но когда это делал, выступал как механицист; а Преображенский, ставший позже основным экономистом левых, использовал модель равновесия, анализируя капиталистическую и советскую экономику (7). Короче говоря, правильно сетовал один партийный руководитель в 1909 г. на то, что не было даже двух согласных между собой большевистских философов (8).

Из всего этого не следует, что социальная теория Бухарина вовсе не была связана с его политической и экономической линией. Скорее нужно указать на то, что в дополнение к неправильному истолкованию происхождения и природы его последующей эволюции упрощенная характеристика взаимосвязи между его общественной теорией и его политикой затемняла то, что было действительно интересным в «Теории

исторического материализма», книге, на которой воспитывалось поколение большевистских интеллектуалов и которая нашла много читателей за пределами Советского Союза.

Хотя «Теория исторического материализма» была написана как учебник – поскольку «эта “основа основ” марксистской теории не имеет систематического изложения», – книга прокладывала новые пути в теории. Осознавая, что преподнесение новых идей в форме полуофициального учебного пособия может вызвать раздражение «консервативных» критиков в партии, Бухарин начал с заверения, что хотя он и «отступает от обычной трактовки предмета», но остается верным «традиции наиболее ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса». Он хотел систематизировать и уточнить различные марксистские положения, но также и выдвинуть «новшества» (9). Большинство его пересмотренных положений и «новшеств» были реакцией на критику Маркса со стороны современных социальных теоретиков. «Теория исторического материализма» представляла собой обстоятельное интеллектуальное контрнаступление, и в этом смысле она была важной частью вынашиваемого в течение всей жизни бухаринского плана ответа критикам Маркса. Как обычно, отвечая тем, кто бросал вызов Марксу, Бухарин кое-что почерпнул у них.

Удивительно, как «Теории исторического материализма» можно было приписать жесткий экономический детерминизм, если Бухарин всемерно пытался устранить этот тезис и понятие монистической причинности из марксизма. Один проницательный немарксистский публицист справедливо подметил, что Бухарин изо всех сил стремился к монизму, но пришел к плюрализму (10). Индетерминизм, равно как и историческая телеология, необъяснимые случайности отброшены им, но книга полна примеров всяческих «если» в истории, примеров, когда различные исторические события в вероятностной форме зависят от разнообразных факторов, и показывает общий многопричинный характер всякого изменения. «Социальный детерминизм» – не фатализм; это «учение о том, что всякое социальное явление обусловлено, имеет причины, из которых оно неизбежно вытекает…». Марксизм Бухарина, например, не отрицает человеческой воли или надстройки; «он объясняет их» (11).

Его плюралистический подход особенно очевиден в разделе, посвященном надстройке, которую Бухарин рассматривает как «самое широкое понятие», «как любую форму общественных явлений, которая лежит над экономическим базисом». Это сложное, дифференцированное понятие, которое включает, кроме «общественно-политического строя, со всеми его материальными сторонами», еще и социальную психологию и идеологию. Базис определяет и объясняет этот феномен; но Бухарин указывает (как это делал раньше Ф. Энгельс), что надстройка имеет вдобавок и свою собственную жизнь и динамику, особенно в те-

чение длительных переходных периодов от одного общественного строя к другому, когда наблюдается «процесс обратного влияния надстройки» (12). Едва ли можно было высказаться по этому поводу иначе, если учитывать советский опыт, начиная с 1917 г.

Но Бухарин не менее ясно понимал, что надстройка играет функциональную роль в существующих обществах и в производстве социальных изменений. Он хотел поднять перчатку, брошенную психологически ориентированными школами экономики и социологии, продемонстрировав, что марксизм считается и с нематериальными факторами.

Отвергая концепцию Робинзона Крузо, тогда популярную на Западе, он тем не менее признавал большое значение психологии, идеологии, нравственности и обычаев. Они обеспечивают цельность общества, они «координируют действия людей, удерживая их в известных рамках так, что общество не разваливается на свои составные части». И как раз потому, что они одновременно являются связующими силами, видоизменение господствующей психологии и идеологии («умственная революция») знаменует первую стадию крушения старого общественного строя. Короче говоря, Бухарин предлагает концепцию причинности:

> «..между различными рядами общественных явлений происходит непрестанный процесс взаимодействия. Причина и следствие меняются местами» (13).

Бухаринская трактовка различных компонентов надстройки оказалась одним из его самых важных вкладов в теорию. Не говоря уже о возвышении роли надстройки по отношению к базису, положения, многими большевиками, естественно, принятого, его определения науки, философии, психологии и «аккумуляции» и «материализации» культуры считались очень удачными. По очевидным причинам были также хорошо приняты и стали популярными его трактовки классов, партии и вождей, так как это давало положительное теоретическое определение важной роли последних двух (14). Благодаря «Теории исторического материализма» больше, чем какой-нибудь другой книге, Бухарин стал считаться крупнейшим партийным теоретиком и, возможно, самым выдающимся советским ученым, систематизировавшим марксизм в 20-х гг. (15). Но самый оригинальный теоретический вклад Бухарина был, однако, в другом.

После 1890 г. самый грозный теоретический вызов марксизму был брошен складывавшимися тогда новейшими социологическими школами. В то время социология, в отличие от позднейшего своего эмпирического и узкого характера, стремилась к широким социальным теориям. Подобно марксизму, социология была теорией большого, часто исторического масштаба и сама рассматривала себя как науку. Главные представители этой новой науки – Дюркгейм, Парето, Кроче, Вебер, Михельс (если называть только немногих) – различным образом крити-

чески возражали марксизму; во всяком случае, каждый из них по-своему выступал против этого внушительного учения. Маркс поставил центральные вопросы науки об обществе, он развил значительные аналитические идеи. Выводы Маркса могли быть отвергнуты, как могли быть отвергнуты пережитки немецкой философии, пронизывавшие его теории, но игнорировать его было нельзя. Парето говорил: «Лучшая часть в работах Маркса – социологическая часть, и она очень часто находится в согласии с действительностью» (16). Вклад Маркса в социологию был теперь признан, и в качестве социолога он приобрел в некоторых кругах гораздо большее влияние, чем как экономист и пророк (17). Но нужно подчеркнуть тот толчок, который Маркс дал различным теоретикам. Так, Стюарт Хьюз писал: «…изучение марксизма… являлось как бы опытным нолем для исследователя…» Труды Маркса стали «повивальной бабкой социологической мысли XX века» (18).

Новейшая социология оказала глубокое влияние на Бухарина, который, в отличие от многих большевистских лидеров, был во всех отношениях интеллектуалом XX в. Это с очевидностью доказывают его эмигрантские работы, написанные до 1917 г., и во многом его последующие теоретические труды. Он понимал, что новейшие научные теории общества, представлявшие собой критику марксизма, угрожали привести к ревизии марксизма как социальной науки и, вероятно, к выхолащиванию его как *Weltanschauung* (мировоззрения). Но он также оценивал и их достижения. Вопреки позднейшей советской практике Бухарин не отбрасывал полностью социологическую мысль; вместо этого он пытался направить против неё её же собственное оружие. Для него исторический материализм был социологией. В его книге, русское издание которой имело надзаголовок «Популярный учебник марксистской социологии» (19), он подробно объяснил своё понимание этого определения:

> Есть среди общественных наук две важные науки, которые рассматривают не отдельную область общественной жизни, а всю общественную жизнь во всей сложности… Такими науками являются история – с одной стороны, социология – с другой… История прослеживает и описывает, как протекал поток общественной жизни в такое-то время, в таком-то месте… Социология же ставит общие вопросы: что такое общество? От чего зависит его развитие или его гибель? В каком отношении друг к другу находятся различные ряды общественных явлений (хозяйство, право, наука и т. п.)? Чем объясняется их развитие? Каковы исторические формы общества?.. и т. д. Социология есть наиболее общая (абстрактная) из общественных наук… История даёт материал для социологических выводов и обобщений… Социология в свою очередь указывает… метод для истории.

[Таким образом, исторический материализм] – это не есть политическая экономия; это не есть история. Это есть общее учение об обществе и законах его развития, т. е. социология (20).

Бухарин верил (или говорил, что верит) в то, что все «социальные науки имеют классовый характер» и что «пролетарская социология», следовательно, должна быть высшей уже в силу своего названия. Буржуазные мыслители ограничены своей классовой ориентацией. Хотя они и видели социальные взаимоотношения, но затушевывали общественные противоречия. Тем не менее Бухарин оценивает в целом школу «буржуазной социологии» как очень «интересную». «Теория исторического материализма» в большой степени являла собою дань влияния этой школы на Бухарина, и автор, борясь с критикой этой школы, стремился выразить в книге ортодоксальные марксистские догматы в терминах социологии (21).

Конечно, он не был первым марксистом, пытавшимся развить социологическую часть марксизма. Определенное движение в этом направлении и в сторону от тяжеловесной метафизики Маркса уже наблюдалось в Европе в течение более чем двух десятилетий; ко времени выхода в свет «Теории исторического материализма» Бухарина уже существовало несколько школ марксистской социологии. Эта традиция была особенно сильно развита в Вене и была представлена в трудах Макса Адлера и Карла Реннера, в которых «Маркс был открыт как по преимуществу социолог, действительный основатель новейшей науки социологии» (22). Кроме того, и русская революционная мысль XIX в. в её народнических и марксистских проявлениях имела долгую и богатую историю социологической теории. Несмотря на то, что социология была связана с преобладавшими в обществе политическими течениями, к 1917 г. академическая социология была введена в программу крупнейших университетов царской России (23).

Несмотря на такое свое значение, современная социология была не в чести у большевиков-ленинцев. Интересно, что ранняя работа Ленина «Развитие капитализма в России» обладала некоторой социологической ценностью, и он сам доказывал в 1894 г., что Маркс «впервые поставил социологию на научную основу…» (24). Но развернувшаяся в 1908–1909 гг. жестокая философская битва с Богдановым, который, в глазах Ленина, ревизовал марксизм именно тем, что подмешал к нему буржуазные идеи, видимо, навсегда создала у Ленина предубеждение против всей западной социальной теории. С этого времени социология (отныне это слово он всегда употребляет в кавычках) встречала только его насмешки. Отклоняя в 1916 г. статью Бухарина о государстве, он подверг критике понятие ««социологической» (???) « теории (25), а к 1920 г., как показывают его замечания к «Экономике переходного периода», ещё более враждебно отнесся к социологической терминологии. Хотя

в опубликованных работах Ленина нет отзывов о «Теории исторического материализма», можно предполагать, что его возражения вызывал уже сам подзаголовок книги.

Не все большевистские интеллигенты разделяли ленинское пренебрежение к социологии, хотя они и не всегда соглашались с бухаринским пониманием её роли. Многие предпочитали его концепцию доводу, что диалектический материализм является, по существу, философией – взгляд, которого придерживались деборинцы и который оспаривали механицисты, считавшие, что позитивные науки фактически устранили надобность в философии. И хотя немарксистская социология, начиная с 1922 г., была изъята из программ советских университетов, большевистские социологи продолжали публиковать целый ряд теоретических и эмпирических исследований вплоть до начала 30-х гг., когда социологию постигла судьба большинства общественных наук при Сталине (26). Однако уже и в 20-х гг. среди части большевистских интеллектуалов господствовала подозрительность, если не прямая враждебность, к современной социологии. Одного бухаринского определения исторического материализма как социологии было достаточно, чтобы на него обрушились ранние большевистские критики (27), многие из которых, безусловно, согласились с приговором, вынесенным во время кампании, направленной против Бухарина в 1930 г.:

> У Маркса, конечно, не было особого «социологического метода»… метод Маркса был методом диалектического материализма… Изображение Маркса как сторонника «социологического метода» может только привести к сближению его учения с учением буржуазных «социологов», ничего общего не имеющим с марксизмом (28).

Таким будет постоянный рефрен сталинистской идеологии, и только после смерти диктатора советские исследователи снова смогли начать разрабатывать социологию. В свете всего этого попытка Бухарина развить марксистскую социологию представляла единственную в своем роде смелую концепцию и смелое исследование. Он был охарактеризован в 20-х гг. одним советским автором как «теоретик пролетарской социологии». Показательно, что Питирим Сорокин, живший тогда в России, дал довольно благожелательный отзыв о «Теории исторического материализма», считая, что по сравнению с другими работами эта «гораздо грамотнее, интереснее и научнее» (29). Один американский социолог совсем недавно подтвердил оценку Сорокина: «Книга представляет собой искуснейшую попытку видного марксиста принять во внимание сложившиеся тогда основные понятия социологической теории и социологических исследований» (30).

Новейшая социология критиковала марксизм как науку по многим направлениям. Наибольшие трудности для марксистов представлял вопрос о диалектике. И как метод, и как черта, будто бы присущая реаль-

ности, диалектическая концепция глубоко укоренилась в марксистском учении о природе и направлении социальных изменений. Элементы гегельянства делали марксизм уязвимым. Более того, смысл марксистской диалектики оставался неясным. Маркс, убеждённый в том, что он преобразовал диалектику в последовательно материалистическую, мало писал об этом предмете, ограничиваясь приложением диалектики к истории. Такая задача выпала на долю Энгельса: в последние годы жизни Маркса и после его смерти он расширил и систематизировал понимание диалектики в истории, природе и человеческом мышлении. Работая над этим, он заложил основы ортодоксальной, универсальной доктрины диалектического материализма. Хотя некоторые ученые доказывают, что окончательная система Энгельса резко расходится с философским материализмом Маркса, в общем принято считать, что в конечном итоге работы Энгельса повели к воскрешению идеалистической диалектики Гегеля в пересмотренной форме и обременили марксизм туманным метафизическим толкованием развития, полумистическим изложением диалектики в истории и природе. Возрожденное гегельянство оказало сильное влияние на ленинские размышления о диалектике (как выяснилось после опубликования его «Философских тетрадей» в 1933 г.) и стало центральным элементом в диалектическом материализме деборинцев (31).

Бухарин отошёл от этой тенденции, прямо сформулировав свои возражения: «Маркс и Энгельс освобождали диалектику от её мистической шелухи *в действии*», но она сохраняет «телеологический привкус, неизбежно связанный с гегелевской формулировкой, которая покоится на *саморазвитии* «Духа». Поиски Бухариным научной («наиболее ортодоксальной, материалистической и революционной») социологии, его желание противостоять обвинению, что марксизм в конечном счете содержит идеализм, привели его взамен этого к механицизму. Вначале, объяснял он, марксисты противились механистическому толкованию в общественных науках; но это происходило из-за старых и дискредитировавших себя представлений об атомах как «обособленных, не связанных с другими, изолированных частицах». Учение об электронах с новыми открытиями в области строения и движения материи опровергло эти представления и сделало правомочным использование механических обозначений для выражения органических связей. Понимал или нет Бухарин полностью современную физику, менее важно, чем его убеждение, что «наиболее прогрессивные течения научной мысли во всех областях ставят вопрос именно так» (32).

Механика, казалось ему, показывала научную основу марксистского материализма, и механистический материализм опровергал мыслителей, которые настаивали на внесении «спиритуализма» и «психологизма» в общественные понятия. Бухарин определял каждую социальную

категорию с точки зрения сохранения следующих представлений: общество рассматривается как «громадный трудовой “механизм” с различными частями разделенного совокупного общественного труда»; производственные отношения – как «трудовая координация людей (рассматриваемых как “живые машины”) в пространстве и времени» и т. п. Оставалось лишь дать «теоретическо-систематическое изложение» диалектического метода в механистических терминах. Это, убеждён Бухарин, «даётся теорией равновесия» (33).

Сердцевиной «Теории исторического материализма» являлось утверждение, что диалектика и, следовательно, социальные изменения объясняются теорией равновесия. Здесь нас интересует общая концепция, а не множество частных аргументов, которые он представляет по ходу изложения (34). Согласно Бухарину, диалектическая (или динамическая) точка зрения состоит в том, что все категории материального или социального порядка находятся в состоянии движения и что это движение проистекает из конфликта или противоречия внутри данной системы. В равной мере правильно и то, что любая система, опять-таки материального или социального порядка, стремится к состоянию равновесия (аналогично адаптации в биологии):

> Иначе это можно сказать так. В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравновешивают друг друга на некоторые моменты. Тогда мы имеем состояние «покоя», т. е. их действительная борьба остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же «внутренние противоречия» обнаруживаются, происходит нарушение равновесия, если на момент установится новое равновесие, оно установится на новой основе, т. е. при другом сочетании сил и т. д. Что же отсюда следует? А отсюда и следует, что «борьба», «противоречия», т. е. антагонизмы различно направленных сил, и обуславливают движение системы.

Видя источник движения в борьбе сил, а не в «саморазвитии», Бухарин был убеждён, что очистил знаменитую гегелевскую триаду (тезис, антитезис, синтез) от её идеалистических элементов. Соответствующей формулой Бухарина стало: первоначальное равновесие, нарушенное равновесие и восстановленное равновесие на новой основе (35).

Каждая система, продолжает он, включает два состояния равновесия: внутреннее и внешнее. Первое подразумевает отношения между различными компонентами внутри системы, второе имеет в виду состояние системы в целом в её отношениях с окружающей средой. И в том и в другом случае это всегда не «абсолютное, неподвижное равновесие»; оно всегда «в развитии» – динамическое или подвижное равновесие. Ключевой смысл бухаринской теории – это отношение между внутренним и внешним равновесием:

> …внутренняя структура (системы) должна приспособиться к характеру внешнего равновесия. Следовательно, внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависимая от равновесия внешнего (есть «функция» этого внешнего равновесия) (36).

Применительно к обществу бухаринская теория говорит следующее: существование общества предполагает определённое равновесие между тремя его главными элементами – вещами, людьми и идеями. Это есть внутреннее равновесие. Но «вне… среды», то есть природы, «человеческое общество немыслимо». Общество приспосабливается к природе, стремясь к равновесию с ней, извлекая из неё энергию посредством процесса общественного производства. В процессе адаптации общество развивает «искусственную систему органов», под которой Бухарин понимает технику и которая образует «точный материальный показатель соотношения между обществом и природой». Так, отождествляя общественную технологию с производительными силами («комбинации орудий труда») и рассматривая внутреннюю структуру как функцию внешнего равновесия, Бухарин оказался в состоянии, несмотря на свой плюралистический анализ общественного развития, сохранить монистическую причинность в экономическом детерминизме. Или, как он признавал:

> Производительные силы определяют общественное развитие *потому*, что они выражают собой соотношение между обществом… и средой… *А соотношение между средой и системой есть величина, определяющая, в конечном счете, движение любой системы* (37).

Эта теоретическая модель выражает исторический материализм Бухарина, систематизируя общественное развитие. Социальное равновесие постоянно нарушается. Оно может стремиться к восстановлению в двух формах: «в форме медленного (эволюционного) приспособления различных элементов общественного целого друг к другу» или в форме «бурных переворотов (революций)». Пока оболочка социального равновесия (в основном производственные отношения, воплощенные в классах, непосредственно участвующих в производстве) достаточно широка и устойчива, имеет место эволюция. Таким образом, например, капитализм продвигался вперёд, пройдя несколько исторических стадий. Но когда производительные силы развиваются так, что они вступают в конфликт с «основным рисунком… производственных отношений, т. е. имущественных отношений», наступает революция. «Эта оболочка взрывается». Устанавливается новое общественное равновесие, «т. е. новая устойчивая оболочка производственных отношений, могущая служить формой развития производительных сил…» (38).

Политические противники Бухарина в 1929 г. открыли вдруг, что из его абстрактной теории логически вытекали программные выводы, хотя это и не вполне очевидно. Стандартное обвинение против механицизма

состояло в том, что механистическая трактовка движения исключает переход количества в качество и «скачки» вообще. В этом якобы заключалась философская основа представлений об эволюционном политическом развитии. Бухарин, однако, доказывал иное: «Превращение количества в качество есть один из основных законов движения материи, и его можно проследить в природе и обществе буквально на каждом шагу». Некоторые политические выводы Бухарина были даже аналогичны выводам его критиков: мнение о том, что «природа не делает “скачков”, есть лишь выражение боязни “скачков” в обществе…» (39). В равной мере является неубедительным утверждение, что «натуралистический» материализм Бухарина (названный так потому, что Бухарин настаивал на взаимодействии общества и природы) мог привести только к пассивной капитуляции перед объективными условиями. Этот же самый «натурализм» был представлен в «Экономике переходного периода», где Бухарин доказывал, что внутреннее и внешнее равновесие может быть восстановлено с помощью концентрированного насилия (40).

Когда не хватало логики, сталинские критики пытались подкрепить свои тезисы обвинениями в уклоне по аналогии с другими. Они указывали на тот факт, что Богданов, официально ставший теперь притчей во языцех как образец политического уклониста, ранее также отбросил гегелевские традиции диалектики во имя своей излюбленной механистической модели равновесия. Они игнорировали, однако, явную разницу между теориями Бухарина и Богданова, так же как и продолжительную историю теоретических и политических разногласий между ними до и после 1917 г. (41). Любопытное интеллектуальное родство между этими двумя людьми отдельная тема, но общепринятое мнение, что Бухарин был последователем Богданова, нельзя брать на веру. В «Теории исторического материализма» не только мало заметно влияние старшего мыслителя, но в книге содержится непосредственно касающаяся Богданова обширная аргументация против «психологизированного марксизма» как «явного отклонения от подчеркиваемого *con amore* Марксом *материализма* в социологии» (42).

Более полезно напомнить, что в начале 1900-х гг. модели механического (особенно динамического) равновесия распространились из области физики и биологии в общественные науки, где были широко приняты и использованы. Казалось, что это последнее слово в науке; и в то время, как и сегодня, теория равновесия составляет важную часть западной социологической и экономической мысли. Сорокин уместно заметил как-то в 1922 г.: трактовка Бухариным общественного равновесия тождественна некоторым положениям второго тома работы Парето «Трактат по общей социологии» («*Trattato di Sociologia generale*») (43). «Богдановская терминология», которая так оскорбила критиков Бухарина, была в значительной степени языком современной социальной

теории – факт, который указывает на подлинное родство между Бухариным и Богдановым. Они представляли марксизм как открытую систему взглядов, податливую и восприимчивую к новым течениям мысли. Оба считали возможным отсылать своих марксистских критиков к работам немарксистов. Заявление Богданова в 1908 г., что «традиции Маркса и Энгельса должны быть близки нам не своей буквой, а своим духом», отозвалось эхом в предисловии к «Теории исторического материализма»: «Было бы странно, если бы марксистская теория вечно топталась на месте» (44).

Тем не менее «Теория исторического материализма» может в какой-то мере пролить свет на последующие размышления Бухарина о советском обществе. Бухаринская социология – интерес к динамике общественного развития и к тому, как функционирует существующее общество, – представляет новое направление его мысли, которая до 1921 г., казалось, была обращена главным образом на революционные волнения и катастрофические перемены. Иными словами, различие настроений «Экономики переходного периода» и «Теории исторического материализма» (последняя работа при сравнении выглядит почти квиентистским трактатом) проистекает от того, что в них рассматривались разные периоды жизни общества: первая давала портрет переходного государства с нарушенным революцией равновесием, вторая – более обычного общества, находящегося в состоянии равновесия. Именно рассматривая общество в состоянии равновесия, Бухарин показывает, что стабильное, развивающееся общество должно быть связной, цельной системой, имеющей по крайней мере минимальную гармонию всех своих частей.

Многие революционные марксисты, усвоившие в марксизме его апокалиптическое представление, считали, что до наступления утопического будущего общество остается не чем иным, как ареной борьбы непримиримых сил и антагонистических классов. Постоянно выискивая кризисы и признаки упадка, они замечали только пороки и отрицательные стороны общественного развития. Обычно, как заметил один социолог, они «избегали и даже высмеивали» буржуазные понятия общественного взаимодействия и кооперации (45). Хотя такое представление поддерживало революционный пыл, оно не способствовало пониманию общественной структуры. Будучи марксистом, Бухарин, естественно, подчеркивал те моменты, когда социальные конфликты находятся на первом плане, но также понимал, что элементы гармонии и «моменты кооперации» обычно преобладают. Он рассматривал общество как реальную совокупность и изумлялся тому, «какое поистине гигантское, вавилонское столпотворение влияний и взаимных воздействий представляет общественная жизнь». Именно тот факт, что общество есть совокупность противоборствующих сил, побуждал его придавать

значение связующим элементам, «социальным связям» и «обручам», благодаря которым сохраняется общность. Нигде это не обнаруживалось более ясно, чем в его описании конфликта человеческого общества и природы: «Только в процессе долгой и суровой борьбы с природой человек начинает накладывать на неё свою железную узду» (46).

Понимание предпосылок должным образом функционирующего общества будет отражаться в мыслях Бухарина по вопросам внутренней политики на всем протяжении 20-х гг. Он был убеждён, что первоочередная задача большевиков заключается в восстановлении социальной структуры общества, разрушенного и расчлененного революцией и гражданской войной. Социальная консолидация должна была «нормализовать» советскую власть и сделать её приемлемой для возможно большего круга общественных слоёв. Между массами и партией-государством, так же как и между раздробленными элементами самого населения, нужно было построить «мосты» и «звенья» в форме добровольных организаций. Подчёркивание интеграции вытекало из основного положения Бухарина во время последовавших партийных разногласий: реальное экономическое и иное развитие имеет своей предпосылкой гражданский мир, сотрудничество и гармонию; общество, находящееся в состоянии войны против самого себя, не может быть производительным и процветающим. Отсюда проистекает характерное для политики Бухарина 20-х гг. твёрдое убеждение, что все классы и слои советского общества могут сознательно или бессознательно способствовать строительству социализма. И отсюда же его неотступное сопротивление тем большевикам, чьи программы вели к новому разладу и гражданской войне.

Труднее определить, насколько сама теория равновесия являлась для Бухарина исходным пунктом, когда он рассматривал реальные социальные проблемы. Макросоциологическое применение теории равновесия в «Теории исторического материализма» надо отличать от приверженности Бухарина к «подвижному экономическому равновесию» во время разногласий относительно планирования в конце 20-х гг. Эта более специальная, хотя и родственная аргументация свидетельствует только о его убеждении в необходимости сбалансированного пропорционального развития экономики, что было прямо противоположно произвольно намеченным «скачкам» и диспропорциям, заложенным в первом сталинском пятилетнем плане (47). То обстоятельство, что модель развития, в основу которой было заложено условие экономического равновесия, можно было почерпнуть из второго тома «Капитала», не являлось единичной точкой зрения; это иногда косвенно признавалось даже противниками Бухарина (48). Легче было обвинить в антимарксизме экстраполяцию Бухарина этой ограниченной концепции на макросоциологическую модель и его утверждение, что «у Маркса есть яс-

ные намёки на такую постановку вопроса. (Учение о равновесии между отдельными отраслями в производстве, основанная на этом теория трудовой ценности и т. д.)» (49).

Это сделало его ортодоксию подозрительной со многих точек зрения. Благодаря его универсальному определению общества и применению теории равновесия ко всем специальным формациям, его можно было обвинить, например, в отказе от выпестованного Марксом историзма, который подчёркивал единственные в своём роде характерные черты и специфические законы для каждого исторического общества. Даже несмотря на то, что Бухарин настаивал на исследовании «каждой формы общества… в её своеобразии», он обладал той особенностью социологического подхода, которая, по его собственным словам, заключается в изучении «не отдельных форм общества, а общества вообще» (50). Кроме того, если модель равновесия поддавалась обобщению, не означало ли это, что существует универсальный регулятор, или закон, действующий в любом обществе? Бухарин только намекал на ответ в «Теории исторического материализма», когда он говорил о затратах труда как законе регулирования отношений между обществом и природой; позже, однако, он сформулирует «закон трудовых затрат» как «необходимое условие социального равновесия в любой и каждой социально-исторической формации» (51).

Но основная критика, направленная против социологической теории Бухарина и ее политических выводов, основывалась на том, что равновесие предполагает социальную гармонию, в то время как ортодоксальный марксизм доказывает преобладание социальных конфликтов. Советские исследователи не одиноки в противопоставлении марксистской модели конфликтов модели равновесия общества. Аналогия может быть найдена в недавней критике современной структуро-функционалистской школы социологии. Критикующие её западные социологи доказывают, что в отличие от марксизма функционализм с его концепцией гомеостатического равновесия не в состоянии охватить реальные внутренние общественные изменения и поэтому предпочитает представление о гармоничной стабильности. Они полагают также, что теория равновесия подразумевает нормативную (консервативную) ориентацию и потому относится с предубеждением к социальным конфликтам и рассматривает расшатывающие равновесие элементы как ненормальные и патологические. Один историк даже заключил, что «выбор модели равновесия логически исключает революционную этику…» (52). Увязывание политического консерватизма с теорией равновесия (и теперь ещё – постоянная тема в советских исследованиях), таким образом, не является характерным только для советских марксистов.

Хотя Бухарин никогда серьезно не размышлял над этим парадоксом, он как будто сознавал его существование. Бухарин справедливо отказался от всякого понятия «совершенной гармонии», и оттенок неловкости чувствовался в его возражении возможным критикам: «Рассматривание общественной и притом иррациональной, слепой системы с точки зрения равновесия ничего общего, конечно, не имеет с harmonia praestabilitata, ибо она исходит из факта существования этой системы и из такого же факта её развития». Развитие предполагает «равновесие подвижное, а не статическое» (54). Взгляд на равновесие как на динамическое понятие оказался полностью совместим с предположением, что конфликты и изменения всегда присущи обществу. В самом деле, Бухарин утверждал, что механическая модель, включённая в марксизм, обеспечивает энергичный отпор модели общества как биологического организма, по которой всякий нарушающий равновесие элемент является патологическим (55). Наконец, он не увидел противоречия между революционным марксизмом и точкой зрения, что социальная гармония будет преобладать в течение определенных исторических периодов, на том основании, что в досоциалистических обществах равновесие восстанавливалось всегда временно и становилось всё менее и менее прочным. Всё возрастающие глубокие нарушения равновесия будут происходить вплоть до наступления революции. Другими словами, преобладание гармонии и наличие гомеостазиса исторически ограничены; только коммунизм способен создать условия для прочного социального равновесия.

Тем не менее, сомнительно, может ли эта абстрактная теория Бухарина действительно объяснить глубоко укоренившиеся социальные изменения, возникающие изнутри. В своем анализе производительных сил Бухарин поставил внутреннее равновесие в зависимость от взаимоотношений общества и природы. Импульс, вызывающий изменение, проникает в социальную систему извне. В этом и в других отношениях его «марксистская социология» была чересчур непоследовательна, а иногда непродуманна, однако вопрос об основательности модели равновесия продолжает разделять социологов.

Всё это мало касается непосредственно политики Бухарина. Его постоянное убеждение, что при отсутствии гармонии «общество не может развиваться и должно идти книзу» (56), присутствует и в «Экономике переходного периода» и в «Теории исторического материализма», так же как и вера, что социалистическая революция принесет в конечном счете гармоничное, продуктивное, прочное равновесие. До 1921 г. он считал, что такая перспектива открывается политикой «военного коммунизма». Спустя некоторое время он стал придерживаться противоположной точки зрения.

Но что действительно характеризует «Теорию исторического материализма», это стремление Бухарина, и некоторых советских «ищущих

марксистов» 20-х гг., рассматривать марксизм не только как идеологию партии-государства, но и как плодотворную систему идей, способную соперничать с западной наукой и чуткую к современным её достижениям. После окончательного устранения этих «ищущих марксистов» (политического – в конце 20-х гг. и физического – во время сталинских чисток 30-х гг.) разлад между идеологией и социальной наукой, характерный для марксизма с самого начала, разрешился в пользу идеологии, и советский марксизм на многие годы утратил творческий дух.

Глава 5

Переосмысление большевизма

> Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил; по-младенчески мыслил; по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.
>
> *1 Посл. к коринф. 13,11*

> Переход к новой экономической политике явился крахом наших иллюзий.
>
> *Н. Бухарин*

В 1921 г. большевики познали горькие плоды победы. Гражданская война, как сказал один из них, принесла экономическую разруху, «беспримерную во всей человеческой истории» (1). Страна лежала в развалинах. Национальный доход составлял только третью часть уровня 1913 г., промышленное производство – пятую (выпуск продукции в некоторых отраслях фактически равнялся нулю), транспорт был разрушен, а сельскохозяйственное производство стало настолько мизерным, что большинство населения с трудом поддерживало своё существование, а миллионы людей вообще не могли прокормиться. Принятые меры запоздали и не могли предотвратить полную катастрофу. Весною голод распространился на районы, прежде богатые хлебом. Это привело к еще большей смертности, эпидемиям и даже случаям людоедства. Второй апокалиптический всадник ещё не покинул страну. Война продолжалась, но теперь против крестьян, которые поднимали массовые антиправительственные восстания. По сравнению с ними Кронштадтский мятеж казался малозначительным. И только благодаря уступкам, сделанным с введением нэпа, а также с помощью Красной Армии крестьянские восстания в 1922 г. удалось окончательно подавить.

В этих бедственных условиях партия начала отходить от экономической политики «военного коммунизма» и волей-неволей стала проводить в течение следующих двух с половиной лет новый курс. Новая экономическая политика и общественный порядок, порождению которого она способствовала, «Россия нэповская», как называл его Ленин, оставались в силе в течение семи лет вплоть до наступления сталинского «великого перелома» в 1928–1929 гг. Но хотя годы нэпа кажутся просто мирной и для большинства населения все более и более благоприятной передышкой между катастрофами, однако они на самом деле представляли особый период с различными официальными целями, достижениями и событиями. Прежде всего в истории партии нэп был периодом больших дискуссий, когда вырабатывался дальнейший курс большевистской революции, определялось направление развития советского общества и решались судьбы отдельных вождей большевизма.

Нэп явился крупным поворотом в политике партии, но так же, как и «военный коммунизм», он осуществлялся не в соответствии с заранее продуманным планом. В самом деле, стихийное развитие нэпа, в согласии с его собственной внутренней логикой, вызвало позднее опасение у некоторых большевиков, не был ли неосмотрительно открыт ящик Пандоры. Введение в марте 1921 г. твердого натурального налога взамен продразвёрстки сначала было задумано как ограниченный шаг, как мера, поощряющая крестьян производить и сдавать излишки, что способствовало бы возрождению промышленности и городов. Первоначальный ленинский замысел ограничивал нормальные рыночные отношения «пределами местного оборота», в рамках которого должен был осуществляться товарообмен или меновая торговля непосредственно с государством. Этот план сразу потерпел неудачу. Сделки «обычной купли-продажи» уже к осени распространились по всей стране. В результате, ограничения свободной торговли скоро потеряли силу, и тогда, собственно говоря, родился настоящий нэп (2). За этим логически последовало множество новых политических мероприятий, выработанных в 1923 г.; свободная торговля и рыночные отношения во всей стране стали характерными чертами нэпа.

Натуральный налог был постепенно снижен, затем вообще заменен денежным. Чтобы еще более поощрить крестьянина, были гарантированы его права на владение землей, хотя государственная собственность на землю, в принципе, оставалась в силе. Были санкционированы, с некоторыми ограничениями, наемный труд и аренда земли. Но готовность крестьянина продавать излишки зависела от наличия и соответствующей стоимости промышленных товаров и, таким образом, от восстановления промышленного производства, особенно выпуска предметов широкого потребления, а также от устойчивости валюты. Принципы нэпа поэтому стали распространяться на всю экономику. Небольшие

предприятия были денационализированы и превращены в частную собственность (или в некоторых случаях сданы в аренду). Остальные государственные предприятия были децентрализованы, трестированы и стали работать на коммерческих основах. Была введена калькуляция себестоимости, чтобы подготовить эти предприятия для выхода на рынок в условиях конкуренции. Возвращение к общепринятой финансовой политике началось в ноябре 1921 г. с воссоздания Государственного банка (он был упразднен в 1920 г.) и продолжалось путем развития традиционной налоговой системы, кредита, сберегательных касс и банковского дела. Политика твердой валюты стала нормой, особенно после стабилизации рубля в 1923–1924 гг. Нэп явился противоположностью «военного коммунизма».

Таким образом, к концу 1923 г. в Советской России сложилась одна из первых современных смешанных экономических систем. Государственный сектор контролировал, следуя терминологии того времени, «командные высоты» – наиболее крупные предприятия, включая всю тяжелую промышленность, транспортную систему, центральную банковскую систему и (поскольку страна теперь уже торговала с внешним миром) монополию внешней торговли. Преобладающая роль государственного сектора в промышленном производстве была обеспечена: в то время как частные предприятия насчитывали 88,5 % от общего количества, они были исключительно мелкими; на них было занято всего лишь 12,4 % индустриальных рабочих, при том что в государственном секторе – 84,1 % (3). Частный капитал, однако, обосновался в розничной и оптовой торговле на предприятиях так называемых нэпманов, или частных торговцев, но к исходу 20-х гг. государственные и кооперативные предприятия получили преобладающие позиции и в этой сфере. Главным источником свободного предпринимательства, частного капитала и антисоциалистических тенденций была деревня, где 125 млн крестьян пожинали плоды аграрной революции, в результате которой возникло 25 млн мелких хозяйств (4). Этой ситуацией объясняется то, что партия часто характеризовала государственный и социалистический сектор как остров в море мелкотоварного капитализма – образ, отражавший опасения, что в случае продолжения нэпа социалистический сектор будет окончательно поглощен. По мере того как промышленное и сельскохозяйственное производство неуклонно приближалось к довоенному уровню, масштабы нэпа до некоторой степени менялись соответственно с изменениями официальной линии, от более терпимой в 1924–1926 гг. до более ограничительной в конце 1926 г. и в 1927 г.; однако общая экономическая структура, заложенная к 1923 г., сохранялась до конца 20-х гг.

По мере того как партия-государство освобождало из-под своего контроля значительные сферы экономической жизни страны, оно нача-

ло укреплять свою политическую монополию. Опасности, вытекавшие из экономических уступок, нужно было нейтрализовать политическими мерами предосторожности. Облегчения, вызванные нэпом, и мероприятия ЧК положили конец разрозненной деятельности меньшевиков и эсеров; одни из них эмигрировали, другие состояли на службе у государства в качестве специалистов, некоторые были заключены в тюрьму. Узаконенность однопартийной диктатуры, установленной и принявшей более авторитарный характер во время гражданской войны, уже больше нельзя было публично подвергать сомнению. Но если была пресечена открытая контрреволюционная деятельность, то сохранились в значительной степени неполитические свободы. В экономическом, интеллектуальном и культурном отношениях нэповская Россия стала относительно плюралистическим обществом. Тем не менее, если не считать подавления восстаний и запрещения других социалистических партий, то в 1921 г. самые строгие меры были приняты в отношении оппозиционных большевиков, как настоящих, так и будущих.

X съезд в марте 1921 г. положил начало далеко идущим изменениям во внутренней политике партии. По инициативе Ленина и других партийных лидеров – тех самых, которые до Кронштадтского мятежа ожесточенно и публично спорили между собой, – съезд принял две резолюции, по существу запрещавшие всякие возражения, высказываемые снизу: одна осуждала «Рабочую оппозицию» как «мелкобуржуазный анархистский уклон» и «объективно» контрреволюционный элемент; другая во имя партийного единства предписывала положить конец всем фракциям под угрозой дисциплинарных мер, вплоть до исключения из партии (5). Хотя запрещение фракций в последующие годы в общем соблюдалось только формально, всё же попытка руководства утвердить свой контроль дала растущему центральному аппарату, возглавляемому с 1922 г. Сталиным, далеко идущие широкие полномочия в отношении каждого отдельного члена партии. Атмосфера общей либерализации, установившаяся в стране во время нэпа, стимулировала противоположный курс внутри самой партии.

Эти две линии развития неустойчивая экономическая политика и все более авторитарный, бюрократический характер олигархического принятия решений – явились предпосылками для следующего этапа продолжительных партийных разногласий в 20-х гг. Оба эти фактора породили оппозицию 1923 г. После первого приступа болезни у Ленина в мае 1922 г. и его смерти в январе 1924 г. все эти проблемы стали главными в борьбе за власть, в четырехактной драме столкновений меняющегося официального большинства против оппозиционеров, во всех случаях руководимых ленинскими «наследниками»: триумвиратом– Зиновьев-Каменев-Сталин против Троцкого в 1923– 1924 гг.; Сталиным и Бухариным сначала против Зиновьева и Каменева в 1926 г. и затем

против объединенной оппозиции Троцкого–Зиновьева и Каменева в 1926–1927 гг.; и, наконец, сталинским большинством против Бухарина, Рыкова и Томского в 1928 1929 гг. Каждая оппозиция сочетала свою критику партийной политики с атакой на действия партийного аппарата и каждая становилась жертвой этого аппарата. Но история длительной внутрипартийной борьбы за право быть преемниками Ленина, за политическую власть, не должна игнорировать лежавшие в основе этой борьбы проблемы. Куда идет большевистская революция и Советская Россия? – спрашивал Троцкий и другие. К чему ведет нэп, к капитализму или к социализму? (6). Да и вообще: можно ли построить социализм в Советской России, и если да, то как? Это были разные стороны одного и того же вопроса, вокруг которого постоянно разгорались споры, характеризуемые как поиски «ортодоксального большевизма».

Для большевиков была характерна вера в революцию, которая не заканчивается «после той или иной формы политической победы». Ее «пределом является только социалистическое общество» (7). После четырех лет глубоких социальных потрясений и гражданской войны большевики могли сейчас размышлять и действовать, заранее продумывая свою линию поведения. С октября 1917 г. великие, в значительной степени непредусмотренные изменения сформировали советское общество. В городах старая правящая элита и крупная буржуазия были уничтожены или изгнаны из страны. В сельских районах – помещики изгнаны, земля поделена, и крестьяне значительно уравнены; положение кулаков (наиболее зажиточные крестьяне, а с официальной точки зрения – деревенские эксплуататоры) значительно ухудшилось, а бедноты – улучшилось, и преобладающей фигурой стал середняк. Партия возглавляла, но не вполне контролировала многие из этих перемен. Иные из них вызывали смешанные чувства: как, например, можно было совместить революционный раздел земли с марксистской идеей крупномасштабного сельскохозяйственного производства; и не должно ли было это множество мелких частных хозяйств неизбежно породить новый цикл капиталистических отношений? Все эти мероприятия глубоко изменили имущественные отношения, но не повлияли существенным образом на природу экономики. Даже достигнув в основном к 1926 г. довоенного уровня, Советский Союз оставался слаборазвитым аграрным обществом. Таким образом, стремление партии к социализму должно было быть прежде всего стремлением к индустриализации и модернизации.

В некоторых отношениях царская Россия не являлась типичным отсталым обществом, ибо имела европейскую культуру и дипломатическую историю, империалистическое прошлое и значительный уровень индустриализации. Но не была она и совершенно атипичным – эта полуазиатская страна, по преимуществу аграрная, крайне неграмотная;

страна, где главную роль играл иностранный капитал и где теперь правила партия, чьи лидеры, вышедшие из интеллигенции, смотрели на индустриальный Запад со смешанным чувством ненависти и зависти (8). В стране возникла хорошо известная ситуация: революционная партия стремится к индустриализации, хочет «догнать», а страна поражена «проклятой бедностью». Выслушав, например, план электрификации страны, Бухарин загорелся мечтой о будущей сплошной модернизации:

> Нищая, голодная сермяжная Русь, Русь лучины и корки черного хлеба покрывается сетью электрических станций… они превращают Россию в единое хозяйство, а раздробленный народ – в сознательную и организованную часть человечества. Бесконечны горизонты и прекрасны пути… (9).

Большевизм не сразу превратился из бунтарского движения и движения революционного интернационализма в движение, стремящееся к социальной перестройке. Большевики понимали, какую роль в их политическом успехе сыграла отсталость России, но они не сразу уяснили последствия этой отсталости в будущем. В условиях гражданской войны и в связи с надеждой на европейскую революцию некоторое время они представляли себе ход событий неясно. Кроме того, в перспективе необходимость провести работу по модернизации общества, присущую буржуазной революции, противоречила их марксистским взглядам; подобно Бухарину, многие сначала считали только «трагичным» то, что случайное обстоятельство привело к победе социалистической партии в отсталой крестьянской стране (10). Но неудачи, постигшие революцию в Германии в 1921 г. (и снова – в 1923 г.), заставили их обратить большее внимание на внутренние дела, и после 1921 г., когда «проза экономического развития» стала доминирующей темой партийных дискуссий, вопрос о модернизации сам собой возник в сознании большевиков. С введением нэпа он становится господствующим в ленинских высказываниях. Ленин обращался к партии: мы сделали политическую революцию, теперь мы должны сделать экономическую и культурную революцию, которая выведет Россию из «патриархальщины, обломовщины и полудикости» на современный уровень (11).

Не все большевики безоговорочно согласились с этой национальной задачей. Некоторые сочли, что это конец революционного интернационализма. Другие просто не верили, что изолированная страна способна преодолеть такую отсталость. Но многие были в состоянии сочетать свои коммунистические убеждения с ролью модернизаторов (реформаторов); так, в 1924 г.в редакционной статье (скорее всего, написанной Бухариным) отмечалось:

> История как бы говорит коммунистам: вот страна отсталая, неграмотная, нищая, разоренная, с гигантским преобладанием непролетарских

элементов – здесь стройте социализм, здесь докажите, что даже при небывало трудных условиях сможете вы прочно закладывать фундамент нового мира – если грядущее ваше – идите к своей цели, несмотря ни на что! (12).

Однако, когда задача была осознана, возник вопрос, как ее осуществить. Ведь цель заключалась не только в индустриализации, но и в построении социалистического общества, и это обстоятельство привело к тому, что экономическая осуществимость программы стала столь же важной, сколь и ее характер, и дискуссии 20-х гг. в связи с этим осложнились. Нужно было оставаться «ортодоксальным», то есть соответствовать духу партии на каждом этапе ее исторического развития. Сталину приписывались слова о том, что большевики не желают «модернизированного большевизма без ленинизма» (13).

Но едва начались поиски внутриполитической программы, как партия сразу же обнаружила, что по поводу строительства социализма ортодоксальных большевистских взглядов не существует и что здесь в большевистской идеологии царит полная неразбериха. Отсутствие общего понимания основных принципов вытекало отчасти из первоначальной разнородности партии, чрезвычайного роста числа ее членов и (как с досадой заметил Бухарин) специализации внутри правящей партии, разбившей ее на множество профессиональных группировок с различными тенденциями. которые оценивали события с различных, близких им точек зрения (14). Суровая ленинская резолюция о партийном единстве на X съезде явилась в одно и то же время и признанием этого разнообразия взглядов и донкихотской попыткой подавить его*. Однако, отыскивая основной источник теоретического кризиса, следует возвратиться назад, к 1917 г., когда большевики взяли власть, не имея подлинной внутриполитической программы. С тех пор были поспешно сымпровизированы и потерпели неудачу две идеи: ленинский государственный капитализм в начале 1918 г. – полурожденный, а затем и полузабытый; «военный коммунизм» – полностью дискредитированный (хотя и по разным причинам с точек зрения разных людей). Даже официальная программа 1919 г. устарела и стала неуместной, о чем Бухарин откровенно информировал правоверных на страницах «Правды» (15). Немногим могли помочь и добольшевистские классики; теперь пришлось с высочайшей степенью реализма обратить внимание на то, что Маркс и Энгельс дали очень мало рекомендаций по переходному периоду (16).

---

* Резолюция о единстве партии, принятая X съездом, была направлена на недопущение образования внутри партии фракций и группировок, на укрепление и сплочение партии на принципах демократического централизма. Эта резолюция «вовсе не носила того одностороннего, абсолютного и репрессивного характера, который ей был придан впоследствии в трактовках Сталина». («Коммунист», 1988, № 2, с. 22.) *Здесь и далее под символом «*» идут комментарии И.Е. Горелова – ред.*

После 1921 г. большевизм стал движением, в котором противостояли две конфликтующие идеологические (и эмоциональные) традиции, коренившиеся в «историческом большевизме». Первую традицию можно назвать «революционно-героической»; она находила себе оправдание и черпала вдохновение в смелом перевороте, совершенном партией в октябре 1917 г., и в мужественной защите революции во время гражданской войны. Эти успехи, казалось, оправдывали «штурмовую атаку» как основной большевистский *modus operandi*. Последовательная революционность и бескомпромиссный радикализм этого героического подхода источали то, что один наблюдатель назвал «революционным романтизмом» (17). Другая традиция, более осмотрительная и умеренная, только едва сложилась перед 1921 г., несмотря на то что она была исторически оправдана и имела прецеденты в ленинской умеренной экономической политике в начале 1918 г. и в стратегических уступках Брестского мира. Эта традиция созрела и сделалась откровенно эволюционистской и реформистской с введением нэпа, осторожный прагматизм которого явился полной противоположностью революционному героизму. В известном смысле раздвоение большевизма отразило двойственность в самом марксизме, в котором неуловимо переплелись волюнтаризм и детерминизм (18). В 20-е гг. эти две традиции повлияют на позиции левого и правого крыла партии.

Тема героической традиции наиболее часто звучала в устах левой оппозиции. Троцкий, создатель Красной Армии и организатор победы в гражданской войне, был ее живым символом*; его надменные манеры и склонность к администрированию отражали победоносный дух революции. Хотя Троцкий и был иногда кое в чем реформистом во внутренней политике, он ярче, чем кто-либо другой, дал литературное выражение ореолу Октября. В своей работе «Уроки Октября», написанной в 1924 г., а также в других выступлениях он характеризует 1917 год как звездный час большевизма и настаивает на том, чтобы революционная дерзость, оправдавшая себя в то время, сохранила свое значение. В официальном истолковании нэпа он видит первый признак «вырождения большевизма». Он чувствовал, и справедливо, что большевистская доктрина утрачивает свой радикальный характер, и предостерегал, что

* 14 марта 1918 г. в соответствии с решением ВЦИК Троцкий был назначен наркомом по военным делам, а в апреле и наркомом по морским делам. 2 сентября 1918 г. по предложению Я. М. Свердлова он был назначен председателем Реввоенсовета республики.

Несомненно, что Троцкий внес определенный вклад в дело укрепления Красной Армии, искоренения партизанщины, налаживания в армии воинской дисциплины. В то же время для Троцкого было характерно стремление решать вопросы путем насилия и непрерывных репрессий. В автобиографической книге «Моя жизнь» Троцкий писал, что не был подготовлен для военной работы. Вооруженные силы республики создавались под руководством В. И. Ленина. В их формировании принимали участие многие большевики.

преждевременный отход от революционного марксизма приведет к ненавистному социал-демократическому реформизму. Хотя предложения Троцкого о едином экономическом плане и «диктатуре промышленности» были скромнее по сравнению с тем, что получилось потом, он старался укоренять героическую традицию, призывая рабочий класс не щадить «кровь и нервы» у себя в стране и неразрывно связывая судьбу большевизма в России с международной революцией. Хотя и демагогически извращенная оппонентами, его концепция «перманентной революции» явилась метафорой, наилучшим образом выразившей его политическое лицо. «Мы…просто солдаты в походе. Мы расположились на отдых только на день»,– писал он в 1923 г. Когда гражданская война закончилась, Троцкий ощутил, что миновал кульминационную точку своей судьбы, и он был прав (19).

Другие партийные левые явственно следовали заветам Октября в экономической политике. Такие экономисты, как Преображенский и Пятаков, вскоре выразили свое недоверие нэпу, протестуя против безоговорочного очернения «военного коммунизма»; они предупреждали о неизбежном конфликте с мелкой буржуазией и призывали к новым революционным наступлениям. Теория «первоначального социалистического накопления» Преображенского, несмотря на её проницательный экономический анализ и декларируемую согласованность с принципами нэпа, явилась громким призывом совершить геркулесово усилие, чтобы преодолеть опасную «передышку между двумя битвами». На реформистскую политику Преображенский смотрел свысока, как на ослабляющую волю пролетариата, «когда ему нужно продолжение геройской октябрьской борьбы, но теперь уже со всем мировым хозяйством, на хозяйственном фронте, теперь уже под лозунгом быстрейшей индустриализации страны» (20). По Пятакову, уступки нэпа были почти предательством Октября, когда обнаружился «подлинный дух большевизма». Его большевизм не признает ограничительных объективных условий, что и составляет сущность различия между большевиками и небольшевиками: большевистской натуре «доступно то, что всем другим натурам, небольшевистским, кажется невозможным» (21). В героической традиции был заложен военный подход к делу: лобовая атака и развернутое наступление; многие левые оппозиционеры были на фронте во время гражданской войны. Впрочем, наследие Октября не знало политических границ, будучи источником вдохновения для самых различных людей и самых разнообразных программ. Защитники волюнтаристского планирования опровергали аргументы своих более осторожных коллег в конце 20-х гг., ссылаясь на то, что преимущества такого подхода были установлены в Октябре, когда были обойдены законы капиталистического развития. А в 1929 г. сталинская гонка с коллективизацией была официально определена как «план осуществления программы Октября в деревне» (22).

С героической традицией были тесно связаны две идеи, которые таились на периферии партийной мысли на всем протяжении 20-х гг.: мечта о третьей революции и предчувствие термидора. Революционные движения обычно включали группы, которые после победы добивались «ещё одной, окончательной революции», чтобы решить оставшиеся нерешёнными задачи. Во Франции глашатаем «второй революции» был Бабеф, в германском фашизме сторонниками «второй революции» был Эрнст Рем и его штурмовые отряды (23). После Октября украинские анархисты, кронштадтские мятежники и «Рабочая правда» (подпольная коммунистическая оппозиция) поднимали знамя «третьей революции» против большевиков. Но лишь во время нэпа, когда обострилась проблема привлечения нового капитала, уже в самой партии стали слышны разговоры о третьей революции, то есть о решительной экспроприации сельской буржуазии и нэпманов и окончательном решении политической и экономической проблем. До заимствования Сталиным этой идеи в 1929 г. она лежала в стороне от главных течений партийной мысли и обычно рассматривалась как фантазия людей, считавшихся партийными чудаками (24). Троцкистские лидеры остерегались таких формулировок, хотя их двусмысленная позиция по отношению к сталинской революции заставляет думать, что они не были совершенно чужды его образу мыслей. Значительно важнее то, что они донимали партию пророчествами о термидорианском перерождении, призрак которого преследовал проповедников третьей революции.

Аналогия с французской революцией поражает почти каждого, кто вникает в русский опыт. Большевики сами себя величали пролетарскими якобинцами; социалисты-революционеры удивлялись: «Кто же мы, если не русские жирондисты?»; а известный историк французской революции Альбер Матьез в 1920 г. авторитетно свидетельствует о применимости этой исторической аналогии (25). Нетрудно заметить, как цепко держали большевики в своей памяти французскую историю: Троцкий в 1925 г. слагает с себя обязанности народного комиссара по военным делам, парируя обвинения в том, что он вынашивает бонапартистские амбиции (26). В таком случае естественно, что различные наблюдатели видели в нэпе замаскированный термидор. Один английский журналист рассматривал нэп одобрительно, сменовеховцы (группа просоветских, но небольшевистских специалистов) – с надеждой, а меньшевики – со злорадством (27). Для большевика, однако, перспектива термидора была страшным призраком, первым шагом к окончанию революции. Один зиновьевец в 1925 г., по-видимому, был первым большевиком, который в борьбе против правящего партийного большинства указал на опасность термидора. Но именно Троцкий придал этой проблеме эвристический смысл. После 1926 г. опасность термидора стала для него ключом к пониманию советского общества и важным

элементом его оппозиции. Он мерил каждый признак отхода от революционной традиции, каждый акт внутренней и внешней политики термидорианской маркой. «Запах “второй главы” бьёт в нос», – восклицал он в 1926 г. (28). Эта аналогия преследовала его и в конце концов ввела в заблуждение, притупив восприятие того, что происходило в Советском Союзе. И если перманентная революция питалась оптимизмом героической традиции, термидор символизировал отчаяние Троцкого перед лицом реформизма, казалось, завладевшего партией.

В 1921 г. в партийной мысли доминировал революционн-героический подход. Дух Октября и гражданской войны, так же, как и традиционный образ большевизма как синонима максимализма, всё ещё сохраняли свою силу. Более того, было нечто недостойное в рождении нэпа, который давал почву для эволюционно-реформистских настроений. Восстания внутри страны и провал революции за рубежом вынудили партию на этот шаг; нэп постоянно определялся руководством как «отступление» и возник как бы нелегально. Вопреки утверждениям Ленина, что обнародование новой политики не сопровождалось особыми разногласиями, она вызывала широко распространенные «отчаяние», «деморализацию», «возмущение» и оппозицию в партийных и комсомольских рядах (29). Один видный большевик горько сетовал в 1921 г., что в экономике не осталось «элементов социализма» (30). Вначале можно было, в лучшем случае, видеть в нэпе выгодный маневр, едва ли способный возбудить энтузиазм или побудить к разработке долгосрочной программы. Два обстоятельства, однако, вскоре сделали реформизм и нэп более приемлемыми. Первое – это мирное настроение среди рядовых членов партии и в стране, где явно проявлялось стремление к гражданскому миру после многих лет потрясений. И второе, в последние годы жизни Ленин поддерживал своим огромным авторитетом реформистскую тенденцию; в дальнейшем ведущий партийный теоретик Бухарин развил ее в программу и взял на вооружение.

В.И. Ленин откровенно объяснял своим последователям новую экономическую политику как отступление, вызванное неудачами «военного коммунизма». Но пытаясь обосновать новую экономическую политику, он подчеркивал, что она «принята всерьёз и надолго», указывая вместе с тем, что она является возвращением к его правильной, но преждевременно прерванной политике начала 1918 г.; и как бы желая убедить партию, что она недолго будет отступать, объявил вскоре, что отступление прекращается (хотя это заявление и не сопровождалось изменениями в политике). Между тем он начал развенчивать методы, отождествлявшиеся с «военным коммунизмом»; время «яростных атак» прошло; мнение о том, что все задачи могут быть решены коммунистическим декретированием означает коммунистическое чванство (31). И в четвёртую годовщину революции, через двадцать пять лет после того, как

революционные марксисты предали анафеме Эдуарда Бернштейна, отца реформистского европейского марксизма, Ленин реабилитировал идею реформизма. Осуждая «преувеличение революционности» как величайшую опасность во внутренней политике, он писал: «Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к “реформистскому”, постепеновскому, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства». Он сопоставил новый метод со старой большевистской традицией: «По сравнению с прежним, революционным, это – подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше)». В последние годы своей жизни Ленин развивал свои мысли о реформизме. В 1922 г. он посылает короткое приветствие «Правде» в форме пожелания: «Мое пожелание: чтобы в следующее пятилетие мы завоевали, и притом мирно, не меньше, чем до сих пор завоевали вооружённой рукой» (32).

Ни Ленин, ни Бухарин, который вскоре последовал за ленинской инициативой, не истолковывали свой эволюционизм как отклонение от революционных заповедей или идеалов Октября. Оба, например, считали непреложным урок Октября: необходимость сохранить в конструктивной форме историческую смычку между рабочим классом и крестьянством, которая в 1917 г. одержала победу благодаря сочетанию крестьянской войны с пролетарской революцией (33). Целью, по-прежнему, оставалось революционное преобразование общества. «Наша революция не окончена», – обещал Бухарин. Эволюционизм означает экономическую революцию, которая должна совершаться не «одним ударом революционного меча», но на пути органического развития по «рельсам» нэпа (34). И Ленин, и Бухарин оказали решающее влияние на радикализацию русского марксизма до и во время мировой войны; их работы об империализме в буржуазном государстве придали большевизму воинствующий идеологический характер в отличие от характера социал-демократии, и ни тот, ни другой никогда открыто не отказывались от радикальной традиции. Но хотя основная работа по доказательству теоретической совместимости реформизма с радикализмом выпала на долю Бухарина, только Ленин мог стать инициатором того, что могло казаться глубокой ревизией. Ведь кроме термидорианцев большевики помнили еще и Эдуарда Бершнтейна.

После поражения Бухарина в 1929 г. сталинисты-критики стали отзываться о нем, как о советском Бернштейне (35) – интересная аналогия, которая, впрочем, доставила своим приверженцам некоторое неудобство. Незадолго до смерти Энгельс, один из основоположников марксизма и наставник Бернштейна, завершил работу, в которой он как бы пересматривает ортодоксальную доктрину, утверждая, что в неко-

торых странах пролетариат может прийти к власти легальным путем, без революции. Бернштейн использовал это «последнее завещание», защищая свою решительную ревизию марксизма и отход от радикализма (36). В период между 2 января и 9 февраля 1923 г., после перенесенного в конце декабря 1922 г. второго удара, Ленин продиктовал пять коротких, тематически связанных; статей: «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «О нашей революции», «Лучше меньше, да лучше». Они стали его последними статьями. Вскоре Бухарин начал доказывать, что они являются его «политическим завещанием», «его директивой» и означают важное изменение в ленинских взглядах на нэповскую Россию и строительство социализма: «Ильич… начал диктовать политическое завещание и на краю могилы сказал вещи, которые десятками лет будут определять политику нашей партии» (37). Бухарин заявил, что его собственная программа основана на этом «завещании». 0 значении пяти статей спорили в течение всего десятилетия; некоторые большевики соглашались с Бухариным, другие отрицали, что Ленин изменил свое мнение по существенным вопросам и цитировали взамен раннего Ленина. Были и такие, которые настаивали на том, что реформизм Ленина проистекал из того, что он был болен и находился в состоянии депрессии и, следовательно, не может быть принят всерьез (38). Разноголосица среди большевиков в немалой степени происходила от неоднозначности ленинского теоретического наследия.

Впервые Ленин высказался о своем понимании нэпа в мае 1921 г. в статье, озаглавленной «О продовольственном налоге».

В ней он определял новый курс как возврат к государственному капитализму, подчеркивая эту внутреннюю связь длинной выдержкой из своего собственного выступления в мае 1918 г. в защиту государственного капитализма против «левых коммунистов». Крупные капиталы, общественный и частный, будут снова объединены и противопоставлены менее прогрессивным мелкобуржуазным элементам. Это единственно осуществимый переход к социализму в крестьянской стране. Ленин перечислил четыре формы государственного капитализма, присутствовавшие в экономике в 1921 г.: иностранные концессии (Ленин оптимистически верил, что западные капиталисты станут охотно вкладывать капиталы в Советской России); привлечение капиталиста в качестве торговца, работающего под контролем государственных органов; сдача в аренду предпринимателю-капиталисту государственной собственности. Не упоминая принадлежащие государству крупные действующие предприятия, Ленин подразумевает, что они являются социалистическими, – позже он назовет их предприятиями «последовательного социалистического типа» (39).

Ленинское сопоставление 1921 г. с 1918 г., когда он мысленно видел сближение нового Советского государства с частными индустриальными учреждениями, было поверхностным и шатким*. В отличие от 1918 г. государство теперь контролировало большинство промышленных предприятий, а крупного частного капитала больше не существовало. Более того, в 1918 г. Ленин не пользовался понятиями свободной торговли и поэтому в своей первоначальной версии государственного капитализма умалчивал о вопросе рыночных отношений (40). Когда он написал статью «О продовольственном налоге», торговля была еще ограничена, но в 1922 г., когда она стала национальным явлением, он был вынужден квалифицировать обычную торговлю как капитализм и включить ее в общую систему государственного капитализма. Кроме того, что его теоретическая концепция была противоречива и почти непонятна, Ленин нарисовал мрачную картину России после четырех лет революции. Согласно Ленину, как позже заметил Бухарин, казалось, что был только «крошечный островок социализма, а все остальное – государственный капитализм…» (41).

Таковым оставался общий взгляд Ленина на нэп в России в следующие полтора года. Бухарин (как и другие) сразу же выдвинул свое прежнее возражение, что государственный капитализм теоретически невозможен при диктатуре пролетариата, снова говоря Ленину как публично, так и в частном общении: «Вы неправильно употребляете слово “капитализм”. Но так как они сходились во мнениях относительно проводимой политики, а в этом вопросе не могли переубедить друг друга, то оба отбросили этот терминологический спор как абстрактный и несущественный (42). К тому же Ленин, страстный прагматик, в 1921 и в 1922 гг. был гораздо менее обеспокоен теоретическими дефинициями, нежели необходимостью разъяснить партии важность и цели нэпа: привлечь частную инициативу крестьян для того, чтобы привести в движение крупную и мелкую промышленность; добиться с помощью торговли прочной экономической и политической смычки между пролетариатом и крестьянством, между промышленностью и сельским хозяйством; сделать государственные экономические органы эффективными и способными выдержать борьбу с их частнособственническими конкурентами. Тем большевикам, которые были озабочены вопросом, куда все это приведет, Ленин давал неопределенное обещание «построить сначала прочные мостки… через государственный капитализм к социализму», «иначе вы не подойдете к коммунизму…» (43). Он не объяснял, как это произойдет, и сомнительно, чтобы он понимал это до конца 1922 г., когда его представления стали меняться.

* Полной аналогии в положении страны в 1918 и в 1921 гг. быть не могло. Но сходные черты ленинского подхода к социалистическому строительству в условиях мирной передышки 1918 г. и нэпа несомненны.

Три обстоятельства в июне 1921 г. заставили Ленина переосмыслить свою концепцию нэпа и государственного капитализма. Во-первых, причиненные войной опустошения и голод постепенно преодолевались, и в экономике, включая и государственный сектор, был заметен неуклонный прогресс, хотя тяжелая промышленность серьезно отставала. Положение правительства упрочилось. Во-вторых, Ленин возлагал надежды на привлечение нового капитала путем иностранных займов и концессий; это была его формула восстановления и индустриализации. Этот план провалился почти полностью. В сентябре 1922 г. Ленин признал, что нельзя рассчитывать на достаточный приток иностранного капитала и пришел к выводу, что стране нужно развивать свои собственные ресурсы путем экономии и увеличения налогообложения. Эти обстоятельства не только направили внимание Ленина на внутреннее состояние дел, но и исключили основной элемент государственного капитализма из ленинского первоначального анализа. И в-третьих, как только возобновились нормальные рыночные отношения, кооперативные объединения, очень многочисленные и имевшие большое значение в предоктябрьский период, а во время «военного коммунизма» превращенные в государственные распределительные органы, стали постепенно восстанавливать свой автономный статус и забирать в свои руки все большую часть розничной и оптовой торговли. Большевики привыкли пренебрегать этими производственными и потребительскими объединениями как полукапиталистическими, крестьянскими, реформистскими институтами, ранее руководимыми социалистами-революционерами и меньшевиками. В статье «О продовольственном налоге» Ленин квалифицировал эти объединения как разновидность «государственного капитализма» (44).

Таким образом, к 1922 г. кооперативы как будто оказались основными элементами государственного капитализма в России, совершенно непохожими на крупный промышленный капитал, который первоначально имел в виду Ленин. Поскольку свободная торговля неизменно официально поощрялась, постольку должны были, конечно, все шире развиваться и торговые кооперативы. Ленин, вероятно, начал менять свою точку зрения в конце декабря 1922 г. 20 ноября он произнес речь, которая оказалась его последним публичным выступлением. После оценки положения вещей в стране он заключает в поразительно оптимистическом тоне: «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего…», он заверяет, что «не завтра, а в несколько лет… из России нэповской будет Россия социалистическая». Не далее, чем через месяц, он начал готовить свои последние пять статей, которые (по мнению многих) перевели это обещание в программу (45).

Взятые в целом, все статьи исходят из одной социально-политической предпосылки: «В нашей советской республике социальный строй

основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян». «Раскол» между двумя этими классами, как заключает Ленин, «был бы губителен для советской республики». Такое неортодоксальное сочетание классов было обусловлено тем, что первая социалистическая революция произошла в отсталой крестьянской стране. Но, утверждал Ленин, отклонение от ожидавшегося исторического образца («германская модель») не помешает, как думают меньшевики, построению социализма в России. Сначала мы должны «создать предпосылки цивилизации», а затем «начнем движение к социализму». Написав это, он спрашивает риторически: разве «подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны»? Приведя статистические данные о численности неграмотного населения, превышавшей 65 %, Ленин призывает партию начать с помощью «культурной революции» ликвидировать эту «полуазиатскую бескультурность» и подвергнуть сельское население воспитательному воздействию городов, однако «не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм». Это, пишет он, также было бы «гибельно для коммунизма» (46). К крестьянству нужно подходить осторожно и терпеливо, учитывая уровень его интересов. А это соображение привело Ленина к вопросу о кооперации.

Статья «О кооперации» содержит самокритичное заявление: «Мы… забыли думать о кооперации». Исправив теперь эту ошибку и решив, что эти объединения представляют собой идеальное сочетание частного интереса и государственного регулирования, Ленин делает вывод, что кооперативы – кирпичики советского социализма, институты, которые дадут возможность «всякому мелкому крестьянину… участвовать в построении» социализма:

> В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. – разве… это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества. но это все необходимое и достаточное для этого построения.

Он считает, что в лучшем случае «одно-два десятилетия» потребуется для того, чтобы все население смогло участвовать в кооперативах и чтобы в культурном отношении крестьянин преобразовался в «толкового грамотного торгаша». Но в советских условиях это уже будет социализм: «…строй цивилизованных кооператоров… – это есть строй социализма» (47).

Ленин совершил полный поворот и в своих собственных взглядах, и в толковании марксистского учения. Он говорил все время о торговых или сбытовых организациях, а не (как позже утверждали сталинисты)

о производственных кооперативах. Он черпал из старой домарксистской «утопической» социалистической традиции. Свой отход от прежних взглядов он обосновывает тем, что революция вызвала изменение в природе кооперативов. В кооперативном социализме Роберта Оуэна и других старых кооператоров было много «фантастического, даже романтического», так как игнорировалась предварительная задача политической революции; в Советской России фантастика «становится самой неподкрашенной действительностью». Это, кстати, было прямо противоположно позиции Ленина, отраженной в статье «О продовольственном налоге», где он писал: «Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением». Теперь же Ленин доказывает, что (за «небольшим» исключением концессий) «простой рост кооперации для нас тождественен… росту социализма» (48). Он превратил островок социализма в море, а от государственного капитализма мало что осталось, если осталось вообще.

Если даже не считать эти последние статьи «Завещанием», можно установить, что в них отражены глубокие изменения во взглядах Ленина. Конечно, наряду с позитивными ленинскими высказываниями дает себя знать и растущее разочарование государственной и партийной бюрократией; две его последние статьи явились главным образом тревожным предупреждением против «постылой чиновничьей реальности». Но преобладала его оптимистическая оценка нэпа как продвижения к социализму. Он снова выражает уверенность, что путем тщательной экономии внутренние источники накопления в России смогут стать фундаментом индустриализации. Вместе с тем важно и то, что, определяя, хотя и в общих чертах, тип русского кооперативного социализма и ставя этот вопрос независимо от международной революции, Ленин тем самым подразумевает, что социализм в изолированной Советской России возможен. Его последние директивы партии не кажутся ни интернационалистическими, ни революционными; героическая традиция в них почти полностью отрицается открытым признанием нового реформизма:

> …мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу (49).

Бухарин также переосмыслил свой большевизм в течение первых лет нэпа. Он особенно мало печатается в 1921 и 1922 гг. (что само по себе является признаком его молчаливого размышления); он в основ-

ном как бы оценивал и взвешивал различные перспективы. Он открыто рассуждал по поводу огромных трудностей, вставших перед взявшей власть революционной партией, и с грустью сравнивал их с простыми, четкими решениями раннего периода (50). Плоды его размышлений вскоре обнаружились, и к концу 1923 г. он сформулировал свои мысли по большинству проблем внутренней политики на период до конца десятилетия. А годом позже, как бы формулируя коллективное признание партией своей вины, он объясняет, как пробудилась новая мудрость. Воскрешая в памяти Марксово положение о том, что пролетарская революция может найти правильную политику через постоянную самокритику, он писал:

> В огне этой самокритики сгорают и исчезают без следа иллюзии детского периода, реальные отношения выступают во всей их трезвой наготе, и пролетарская политика приобретает иногда внешне менее патетический, но зато более уверенный, прочный, плотно прилипающий к действительности и потому гораздо вернее изменяющий эту действительность характер.
>
> С этой точки зрения переход к новой экономической политике явился крахом наших иллюзий (51).

Его собственные иллюзии относительно «военного коммунизма» начали рушиться в 1920 г., и к февралю 1921 г. Бухарин признал необходимость коренных перемен. Замена продразверстки, несомненно, была встречена им с полным одобрением, но с одним-единственным возражением во время предварительной дискуссии о новом курсе в Политбюро, возражением, вызванным тем, что Ленин настаивал на термине «государственный капитализм». В этом отношении Бухарину было, возможно, легче, чем Ленину, включить в свое понимание вопроса последующее развитие свободной торговли. Сущностью капитализма, доказывал он, является «капиталистическая собственность», а не рыночные отношения (52). По-видимому, он относился с меньшим энтузиазмом к иностранным концессиям (не нравилась ли ему сама идея или он считал ее невыполнимой – остается неясным) и потому раньше подчеркнул значение внутренней и внешней торговли. Но то, что он полностью одобрял новую политическую линию, было очевидно. Среди циркулировавших в партии официальных материалов, популяризировавших эту политику, фигурировала и его статья «Новый курс экономической политики» (53).

Хотя Бухарин и не напоминал об этом, возникшая экономическая система походила на то, что он защищал в начале 1918 г. В самом начале, однако, принятие им новой экономической политики не означало убежденности в длительной целесообразности правильности нэпа. Подобно другим лидерам, он настойчиво оправдывал нэп в течение нескольких месяцев, подчеркивая стратегическую целесообразность

перемены и доказывая, что хотя нэп влечет за собой рискованные уступки, он отводит худшую угрозу. Кронштадт и крестьянские восстания были признаком «крестьянской Вандеи»; экономические уступки позволяли избегнуть уступок политических и тем самым восстановить благоприятное социальное равновесие и оживить экономику. Он старался убедить своих слушателей считать этот маневр «крестьянским Брестом» (54). Но высказываясь уклончиво относительно обоснованности и постоянства нэпа, Бухарин категорически исключает возможность возврата к продразверстке и «военному коммунизму». Косвенно комментируя свое собственное оправдание насилия в «Экономике переходного периода», он теперь утверждает, что «внеэкономическое принуждение» было ограничено разрушительной эрой революции; как только старый строй был разбит, оно утратило «девять десятых своего смысла». Конструктивная эра будет мирной (55).

Энтузиазм Бухарина по отношению к нэпу проявлялся по мере того, как усиливалась его критика «военного коммунизма». В августе 1921 г. он признал, что, хотя прежняя политика и была необходимой с военной точки зрения, она несовместима с экономическим развитием (56). В декабре он связывает экономическую нерациональность «военного коммунизма» с бюрократической сверхцентрализацией. «Всеобъемлющий аппарат» был учрежден для контроля над всей экономикой крестьянской страны, но он оказался экономически «менее рациональным, чем анархическая товарная структура». Теперь Бухарин утверждает, что существуют строгие пределы того, что пролетариат может и должен пытаться организовать:

> Беря на себя слишком много, он вынужден создавать колоссальный административный аппарат. Для выполнения экономических функций мелких производителей, мелких крестьян и т. д. ему потребуется слишком много служащих и администраторов. Попытка заменить всех этих деятелей государственными чиновниками – называйте их как хотите, фактически это государственные чиновники – породит такой колоссальный аппарат, что расходы по его содержанию окажутся несравненно значительнее непроизводительных издержек, являющихся следствием анархического состояния мелкого производства; в результате, вся эта форма управления, весь экономический аппарат пролетарского государства не облегчит, но лишь затруднит развитие производительных сил. В действительности он выльется в прямую противоположность тому, чем должен был бы быть, а потому железная необходимость заставляет сломать его… Если это не сделает сам пролетариат, то другие силы свергнут его.

Позиция Бухарина в 20-х гг. вытекала из его убеждения, что в некоторых сферах экономики рыночные отношения более эффективны, чем вмешательство государства, и этим объясняются его возражения проповедникам «плана Чингисхана» (57).

Эти положения находились в прямом противоречии с «Экономикой переходного периода», где он прославляет организаторские способности пролетариата. Ограниченность эффективности государственного контроля можно было бы частично объяснить ссылкой на раздробленность крестьянской экономики России; однако эта проблема имела более глубокие корни. Возникает вопрос о зрелости русского пролетариата, а следовательно, и более важный вопрос: действительно ли Россия «созрела» для социалистической революции? Большевиков беспокоило предположение, что они действовали преждевременно в 1917 г., что их социальная революция обречена; именно основываясь на такой предпосылке, марксистские критики от Богданова до меньшевиков оспаривали право большевиков говорить и действовать от имени марксистского социализма. В «Экономике переходного периода» Бухарин отводил аргумент об относительной отсталости России утверждением, что, поскольку старый экономический строй был разрушен в процессе революции, основной показатель «зрелости» – это существование развитого пролетариата как «социально-организующего» класса. Этот аргумент Больше не был пригоден. Все соглашались, что пролетариат «окрестьянивается», значительная часть его присоединяется к крестьянству по своему мировоззрению, а иногда и роду занятий. Поэтому Бухарин целиком переосмыслил вопрос о «зрелости». Результатом явилась большая статья «Буржуазная революция и революция пролетарская», написанная в конце 1921 г. и опубликованная летом 1922 г., где он опять пересматривает эту кардинальную марксистскую доктрину (58).

В своих представлениях о будущей социалистической революции марксисты использовали исторический пример возникновения капитализма из феодализма. Предполагалось, что подобно тому, как капитализм сформировался в недрах феодального общества, социализм вызреет внутри старого капиталистического строя. Бухарин утверждал в своей статье, что эта аналогия в корне неверна. Сущность его аргументации весьма проста. В феодальном обществе зарождающаяся буржуазия имела самостоятельную базу в новых городах, где она могла развиваться независимо, находясь в оппозиции к феодальному классу, создать свой собственный материальный, технический и культурный базис и произвести свою собственную административную элиту. Буржуазия не была эксплуатируемым или угнетенным классом, и, таким образом, еще до своей политической революции стала во всех отношениях правящим и организующим классом. Положение пролетариата в капиталистическом обществе, продолжает Бухарин, совершенно иное. Лишенный независимой экономической базы пролетариат в массе своей оставался экономически и культурно угнетаемым и эксплуатируемым классом, несмотря на то что он потенциально выражал идею более высокой культуры. Буржуазия монополизировала не только средства

производства, но и средства образования (этот пункт, по мнению Бухарина, ранее игнорировали). На всем протяжении своей предреволюционной истории пролетариат неизбежно оставался отсталым классом внутри развитого общества. И поэтому, в отличие от буржуазии, он неспособен *подготовить себя к организации всего общества*. Он успевает подготовить себя «к разрушению старого мира»; но «*как организатор общества он "вызревает" лишь в период своей диктатуры*» (59). Таким образом, классовая незрелость не является особенностью русского пролетариата, но характеризует пролетарские революции вообще.

Одним ударом Бухарин расправился с рядом идеологических затруднений, стоявших перед большевиками. В сочетании с его предыдущим толкованием экономической отсталости этот аргумент давал ответ оппонентам-марксистам, подготовлял почву для последующего объяснения больших «издержек» русской революции (неопытный пролетариат, совершающий «ужасающее число ошибок»); тем самым экономическое и культурное обновление обосновывалось как закономерная задача марксистской партии. Этот аргумент также оправдывал использование старой «технической интеллигенции» как промежуточную меру в период подготовки пролетарских специалистов. Но прежде всего этот аргумент объяснял на более высоком уровне, почему диктатура пролетариата стала «диктатурой партии», чего большевики больше не старались отрицать. По большей части неквалифицированные массы пролетариата должны были управлять через посредство своего передового отряда – партии. которая для пролетариата является «тем же, чем голова для человека». Но авангард в свою очередь тоже неоднороден и поэтому нуждается в вождях, «через которых партия выражает свою волю». Бухарин прошел большой путь от мифа о гегемонии пролетариата и не испугался последнего шага: так как рабочий класс неспособен взрастить свою собственную элиту во чреве капитализма, первоначально его ведущие лидеры неизбежно должны выйти «из враждебного класса… из буржуазной интеллигенции» (60). Советской действительности было дано теоретическое объяснение.

Аргумент Бухарина можно было бы отвергнуть как пример наивной идеологической софистики, если бы не следующие два обстоятельства. Во-первых, его трактовка «зрелости» и аналогия с появлением капитализма из недр феодализма выглядели более убедительно, чем ортодоксальная доктрина, которая была только неразработанным теоретическим допущением. Во-вторых, он подошел к своему открытию серьезно и не закрывал глаза на опасность, на которую это открытие указывало. Если в течение переходного периода медленно созревающий, но еще в большей степени неразвитый пролетариат остается политически, культурно и административно подчиненным множеству высших авторитетов, то очень велика опасность извращения социалистического идеала.

Многие большевики во время нэпа говорили об опасности перерождения, обычно имея в виду мелкобуржуазную экономическую базу России и реставрацию капитализма руками кулаков и нэпманов. Это стало излюбленным предсказанием левой оппозиции и Троцкого, который, отчасти непоследовательно, связывал его со своими предостережениями против термидора и «бюрократического перерождения». Бухарин был среди первых (если не первым) большевистских лидеров, поднявших этот вопрос (61); и хотя он время от времени тоже упоминал о «мелкобуржуазной опасности», его истинное беспокойство было более глубоким и менее ортодоксальным.

Он боялся, что «культурная отсталость» рабочих масс может допустить образование нового класса. Если передовой слой пролетариата (его руководящие кадры) окажется «отчужденным от масс» и «ассимилируется» господствующей административной элитой, эти прослойки могут слиться в привилегированную и «монополитическую касту» и совместно «превратиться в зародыш господствующего класса». Бухарина не утешало традиционное марксистское наставление: «Апелляция к рабочему происхождению и пролетарской добродетели сама по себе не может служить аргументом против возможности такой опасности». Он рассчитывал на два явления, способные подорвать эту тенденцию к «вырождению» – на рост производительных сил и упразднение монополии на образование. «Грандиозное перепроизводство организаторов», выдвинутых из рабочего класса, приведет к тому, что «потеряется устойчивость руководящих группировок», и «этот возможный новый класс» может быть разрушен (62).

Не говоря уже об откровенности анализа Бухарина, он замечателен еще и тем, что подразумевает отход от ортодоксального марксистского определения классов. Отождествление классового господства с юридическим правом собственности мешало в последующие десятилетия коммунистам-антисталинистам сформулировать свою критическую позицию. Даже Троцкий в своем крайне пессимистическом труде «Преданная революция» отрицает, что сталинская бюрократия составляет общественный класс. Однако за тридцать лет до работы Милована Джиласа «Новый класс», где понятие «класса» пересматривается и прилагается к советскому обществу, Бухарин предостерег от «нового правящего класса», базирующегося не на частной собственности, но на «монополистической» власти и привилегиях. Именно эту проблему, позже выраженную в западной теории в терминах «класс менеджеров» и «власть без собственности», Бухарин игнорировал в 1915–1916 гг., исследуя новейший капитализм, а теперь увидел: эксплуататорский класс организаторов производства может возникнуть на базе национализированной собственности. Насколько сильно эта «огромная опасность» тревожила Бухарина, свидетельствует тот факт, что он связал

эти размышления с различными теориями элит Богданова и Роберта Михельса.

Богданов уже давно доказывал, что правящий класс в любом обществе – это такая группа, которая организует экономику, неважно, владеет она фактически средствами производства или нет. По Богданову, основной источник эксплуатации заложен в отношениях организатора к организуемому (63). Утверждение Бухарина, что «различие между техником и рабочим» не может быть уничтожено внутри капиталистического общества, было прямо направлено против богдановского вывода о том, что пока пролетариат не созреет в качестве класса, способного быть организатором, социалистическая революция преждевременна (64). Однако он не оспаривает новое определение класса у старшего мыслителя. Не спорит он и с теоретическими находками Роберта Михельса в его «очень интересной книге» (*Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie*), где показывается, что «неограниченное распоряжение капиталом… предоставляет тем, кто им распоряжается по меньшей мере такую же власть, какую давало бы владение принадлежащей им частной собственностью». Бухарин пытался возражать против вывода, что «социалисты могут победить, а социализм победить не может», доказывая взамен, что в будущем обществе «некомпетентность массы», которую Михельс «возводит в вечную категорию», исчезнет. Это было надеждой, но он не был полностью уверен в таком исходе. Класс эксплуататоров без частной собственности возможен, и он предостерегал партию: «Наша же задача состоит в том, чтобы не допустить вообще такого “эволюционного” возврата к эксплуататорским отношениям» (65). Считать краткие замечания Бухарина по поводу нового класса теорией – значит преувеличивать их значение. Как бы испугавшись, куда приведет логика его рассуждений, он только намекал на такой потенциально возможный «трагический исход» революции. Этот ход мысли отражал, быть может, его самые серьезные внутренние опасения, компенсированные в некоторой степени высказываемой им публично догмой, что эксплуатация рабочего класса невозможна в «рабочем государстве». Эволюция революционного режима в новый вид эксплуататорского бюрократического государства представлялась ему в 20-х гг. большей опасностью, чем левым большевикам опасность «мелкобуржуазного перерождения» (66). Он считал, что экономическая программа левых ведет к закреплению официального «произвола» «военного коммунизма» и к зарождению «привилегированных групп коммунистов», «нового штата чиновников», безразличных к нуждам масс и обладавших «абсолютным иммунитетом»– гарантией, что избиратели их не могут отозвать. Возрождение эксплуатации стало беспокоить его в большей степени, чем сама по себе судьба городских масс: программа, предусматривающая «ограбление» деревни, может привести, пред-

сказывал он, не к бесклассовому социалистическому обществу, но к «вечному “царству” пролетариата» и к «его перерождению в действительно эксплуататорский класс» по отношению к крестьянству. В то время как другие пытались увидеть на горизонте призраки французской революции, прислушиваясь к «шагам истории», Бухарина волновала форма перерождения, не имевшая исторического прецедента (67).

То, что он выбрал первый год нэпа для размышлений об этой мрачной перспективе – не случайно. Кронштадт и восстания в деревнях породили в нем глубокое беспокойство, что партия изолирована, и сознание того, что большевики теперь правят как ничтожное меньшинство, опирающееся на сооруженную силу и не имеющее даже полной поддержки класса, за представителей которого они себя выдают (68). Некогда бывшая руководителем и голосом революционных рабочих и крестьян партия сейчас «оторвалась от масс». Народ рассуждает, говорил Бухарин на X съезде партии: «Нет хлеба, нет угля – в этом виновата Коммунистическая партия». В июле 1921 г. он выразил неуверенность в том, что режим может удержаться, отметив, что ситуация совершенно отлична от 1917 г., когда «за нами шли все рабочие и все солдаты», и «тогда веселей было жить…» (69). Хотя Бухарин продолжал восхвалять диктатуру партии, временами совершенно безоглядно, образование элиты было для него неприемлемо; с этого времени его рассуждения определялись необходимостью преодолеть изоляцию, унаследованную от гражданской войны, восстановить поддержку народа и приобрести для партийной программы наибольшее число союзников.

После 1921 г. внимание Бухарина сосредоточивается на «беспартийных массах», а его прежний энтузиазм относительно революционного принуждения сменяется подчеркиванием значения убеждения и воспитания (70). Он начал видеть в «колоссальной» бюрократии, возникшей во время «военного коммунизма», все признаки партийной изоляции, связывая ее усиление с «пустотой», которая образовалась между большевистским правительством и народом. Результатом этих размышлений явилась одна из его основных идей. Противоядие против бюрократии заключалось в заполнении этой пустоты сотнями и тысячами малых и больших «быстро образующихся добровольных обществ, кружков, объединений», которые должны бы были обеспечивать «связь с массой». Они должны способствовать «децентрализованной инициативе» и коллективно составить «передаточный механизм», посредством которого партия могла бы как влиять на общественное мнение, так и испытывать его влияние. Их разрастание превратилось бы в то, что Бухарин называл «ростом… советской общественности» и привело бы к восстановлению нарушенных «общественных тканей» (71). Это убеждение Бухарина в необходимости добровольных организаций и «ини-

циативы масс на низах», противостоящих «огосударствлению», было характерной частью его идей.

Под «массами», конечно, подразумевалось крестьянство. Не будучи никогда среди большевиков экстремистом по крестьянскому вопросу, Бухарин теперь понимал, что устойчивость партии зависит от прочного союза с деревенским населением. Каждая из остальных проблем, волновавших его в 1921–1923 гг., – отсталость России, бюрократическая сверхцентрализация и изоляция большевиков – была составной частью одной большой проблемы. Идея исторической смычки между пролетариатом и крестьянством (обычный эвфемизм, определявший отношения партии и крестьянства) вскоре стала характеризоваться им как «основной вопрос нашей революции», «лозунг лозунгов», а conditio sine qua non пролетарской революции. После 1921 г. эта идея стала основным фактором в политических воззрениях Бухарина, и к апрелю 1923 г. он стал в большевистском руководстве наиболее убежденным и последовательным защитником нерушимости смычки (72).

Убеждение в необходимости привлечь на свою сторону крестьян само по себе не было необычным. Многие большевики, во всяком случае на словах, признавали это в начале 20-х гг. То, что было характерным для замечаний Бухарина о смычке, – это все возрастающая тенденция говорить о крестьянстве как о целом, недифференцированном классе и обходить ортодоксальное большевистское положение о расслоении крестьян, о разделении их на деревенских друзей и деревенских врагов. В своей речи в Университете им. Свердлова в начале 1923 г. он признавал, что партия очень мало знает современную жизнь деревни, и настаивал на том, что надо предпринять новые исследования и избежать «штампов». Он полагал, что один из этих штампов касается проблемы крестьянского равенства и степени «расслоения крестьянства»; а на этот вопрос, добавлял он, «нет однозначного ответа» (73). Неясно, насколько далеко развивались такие его мысли в этот период. Но то, что он уже имел обыкновение говорить о пролетариате и крестьянстве как о «двух трудящихся классах», положило начало горячо отстаиваемой им теории, согласно которой Советская Россия – это «двухклассовое общество», а «рабоче-крестьянский блок» пришел на смену старому правящему «буржуазно-помещичьему блоку» (74). Оба положения явились существенными в его внутриполитической программе.

Подобно Ленину, Бухарин стал видеть в нэпе подходящую основу большевистской экономической политики и условия общественного равновесия, которые могут вести страну по направлению к социализму. Он изложил свои взгляды на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г., на котором Ленин и Троцкий, объясняя нэп, делали акцент на тактические соображения его введения. Бухарин полагал, что необходим другой угол зрения. Он говорил:

> Нэп… это не только стратегическое отступление, но и разрешение крупной общественно-организационной проблемы, а именно, проблемы соотношения между отраслями производства, которые мы должны рационализировать, и теми, которые мы рационализировать не в состоянии. Будем говорить откровенно: мы попытались взять на себя организацию всего – даже организацию крестьян и миллионов мелких производителей… С точки зрения экономической рациональности это было безумием (75).

Спустя несколько недель он косвенно противопоставил свои новые идеи еще преобладавшим в партии настроениям; он провозгласил необходимость новой партийной программы, доказывая, что программа 1919 г., так же, как и его собственная «Азбука коммунизма», «которая стала партийным каноном», устарели в связи с нэпом. Вскоре после этого он заявил: «Мы сейчас видим, что мы придем к социализму… не так, как думали раньше, но гораздо более прочным и основательным путем» (76).

В процессе пересмотра своих концепций Бухарин наметил также и три других принципа нового реформистского большевизма. Первый и наиболее важный состоял в том, что «гражданский мир под господством пролетариата» должен прийти на смену гражданской борьбе как партийной политике. Из этого следовал его аргумент, что классовая борьба в России должна теперь вестись не насильственными методами, а путем мирного рыночного соревнования между социалистической и частной экономиками, а также на идеологическом и культурном фронтах. Наконец, в 1922 г. бухаринское представление о дальнейшем постепенном социалистическом развитии нашло наиболее яркое выражение в его теории «врастания в социализм». Он попытался сформулировать эту идею на конгрессе Коминтерна, отделив ее от «ревизионистского понимания… что капитализм врастает в социализм»:

> Можно утверждать, что одними декретами, одними принудительными мерами мы не сумеем выполнить нашу задачу… но что потребуется продолжительный органический процесс… процесс действительного врастания в социализм. Но различие между нами и ревизионистами – в установлении срока для начала этого врастания. Ревизионисты, которые не хотят никакой революции, утверждают, что этот процесс врастания совершается уже в лоне капитализма. Мы же утверждаем, что он начинается лишь вместе с диктатурой пролетариата. Пролетариат должен разрушить старое буржуазное государство, захватить власть и при помощи этого рычага изменить экономические отношения. Мы имеем здесь долгий процесс развития, в течение которого социалистические формы производства и обмена получают все более широкое распространение и, таким образом, постепенно вытесняют все остатки капиталистического общества… (77).

К 1923 г. он уверял, что крестьянская экономика будет охвачена этим развитием «через процесс обращения», и настойчиво разъяснял, что «эволюционный путь» есть реальность советской жизни: «Мы будем многие десятки лет *медленно врастать в социализм*: через рост нашей промышленности, через кооперацию, через возрастающее влияние нашей банковской системы, через тысячу и одну промежуточную форму» (78).

Появление этой теории уже в ноябре 1922 г. дает повод сомневаться, что идея построения «социализма в одной стране» возникла в ответ на поражение революции в Германии в октябре 1923 г. Хотя это и верно, что разочарование в германской революции окончательно разрушило надежды большевиков на близкую европейскую революцию и что идея о строительстве социализма в изолированной России была формально впервые выражена Сталиным в декабре 1924 г. (79), бухаринские положения о «врастании» показывают, что необходимое обоснование было высказано раньше. Хотя его теория еще не касалась трудной проблемы индустриализации (возникшей в 1924 г.), она поднимала вопрос о продвижении России к социализму совершенно вне зависимости от международной революции (то же самое верно в отношении статьи Ленина «О кооперации», где он говорил, что имеется все «необходимое и достаточное»). Бухарин, возможно, сознавал еретический тон своих доказательств; он спешил заверить аудиторию Коминтерна, что «русский социализм по сравнению с другими будет выглядеть по-азиатски» и что экономическая отсталость России найдет выражение «в отсталых формах нашего социализма» (80).

Он не противопоставлял строительство социализма в России международной революции, но, однако, никогда больше не ставил первое в зависимость от второго. Подобно Ленину, он пытался представить себе картину большевистского будущего в крестьянской России. Произойдет европейская революция или нет, партия обладает властью, и напрашивается один из двух выводов: либо она построит социалистическое общество, либо под ее предводительством произойдет эволюция к капитализму. Если первый вывод ошибочен, «тогда, – воскликнул Бухарин в 1926 г., – нам нечего было идти на октябрьские баррикады» (81). В этой связи будущий сталинский лозунг «построения социализма в одной стране» был менее новаторским, чем предполагают. В самом деле, в апреле 1924 г., за девять месяцев до заявления Сталина Бухарин объяснял свою теорию «мирно-экономическо-органичной» классовой борьбы следующим: «Победа в этом типе классовой борьбы (мы отвлекаемся здесь от проблем внешнего порядка) и есть окончательная победа социализма» (82). Многие противоречия 20-х гг. касались допустимости как раз именно этого абстрагирования.

Взгляды Бухарина на внешний мир также менялись в 1921–1923 гг., но менее резко, чем по внутриполитическим проблемам. Вынужденный признать, что непосредственная атака на европейский капитализм уже невозможна, он в июне 1921 г. вместе с Зиновьевым и Радеком на предварительных встречах незадолго до III конгресса Коминтерна возражал какое-то время против ленинского предложения одобрить на конгрессе тактику единого фронта. Хотя это сопротивление не вылилось в оппозицию, в декабре он еще оспаривал утверждение, что европейский капитализм выходит из кризиса. В 1922 г. и в начале 1923 г. Бухарин признавал, что «замедление темпа» европейской революции означает ее отсрочку на многие годы, но продолжал изображать состояние капитализма как «хаос экономический, хаос идейный» (83). Такой взгляд не вытекал из обычной левизны Бухарина (именно он информировал IV конгресс Коминтерна, чем шокировал его, что Советский Союз достаточно созрел, чтобы «заключить военный союз с одной буржуазной страной, чтобы с ее помощью раздавить буржуазию другой страны») (84). Скорее всего, его взгляд был связан с представлением о том, что в условиях стабилизации, при его понимании государственного капитализма, ставший более мощным европейский капитализм уязвим только в случае мировой войны.

Новым элементом в его взглядах было «мировое крестьянство». Отбросив свою «глупую» позицию по национальному вопросу и учитывая положение, что Советская Россия есть защитник «всех угнетенных и колониальных народов, класса крестьян, мелкой буржуазии и т. д.», Бухарин открыл, что отношения между рабочими и крестьянами в России отражают мировое явление (85). В апреле 1923 г., на XII партийном съезде он проявил себя как большевистский вождь, наиболее заинтересованный в национальном движении на Востоке. Ленин еще раньше указал на важность этой проблемы, и Бухарин поддержал его с энтузиазмом. Его доклад на съезде но вопросам международной революции, содержавший подробный, отдельно по каждой стране, анализ «всего Восточного мира… в полосе глубочайшего революционного брожения», характеризовал пробудившееся колониальное крестьянство как «гигантскую резервную революционную пехоту», марширующую с западным пролетариатом против мирового капитализма. Уроки «российской смычки» имели международное значение, и он нарисовал такую картину: «Если рассматривать положение вещей в их всемирно-историческом масштабе, можно сказать, что крупные промышленные государства – это города мирового хозяйства, а колонии и полуколонии – это его деревня».

Вывод был очевиден: «Великий единый фронт между революционным пролетариатом мирового “города” и крестьянством мировой “деревни”. На этот путь история вступила бесповоротно» (86). Вскоре, когда он признал реальность европейской стабилизации, это представление стало стержнем пересмотренной им теории международной революции.

Бухарин заметил в 1923 г., что теперь он мыслит иначе, чем когда «был в пеленках», имея в виду, что пересмотр его взглядов близок к завершению, а его иллюзии рассеялись (87). (Кое-кто вскоре будет доказывать, что он сменил одну иллюзию на другую.) Это замечание Бухарина напоминает нам, что когда кончился «военный коммунизм» и наступил нэп, ему было только 32 года, возраст не такой уж юный в эпохи революций, но не совсем достаточный, чтобы его воззрения были уже сложившимися и непоколебимыми. Бухарин еще не успел развить полностью по каждому вопросу внутренней и внешней политики свои новые теории и программы, которые потом его оппоненты в партии характеризовали как «неонародничество». Но в 1923 г., когда эти вопросы стали связаны с борьбой за власть, он уже занял определенную позицию. Он выбрал и соответствующих союзников.

Политбюро в начале 20-х гг. представляло собой разновидность коалиционного правительства и, как большинство таких образований, было полезным во времена кризисов, но становилось неустойчивым, когда опасность проходила. Уникальный авторитет Ленина придавал разбитому на группы руководству видимость единства до его болезни в мае 1922 г. Тогда началась скрытая борьба за формирование правящего большинства в Политбюро и, неизбежно, за место «*первого среди равных*».

Триумвират Зиновьев–Каменев–Сталин сформировался в конце 1922 г. для борьбы с Троцким, являвшим собой наиболее яркую фигуру. Личная вражда и «биографические изыскания», а не политические мотивы лежали в основе этой борьбы (88). Зиновьев и Сталин не выносили и боялись Троцкого и развязали «злопыхательскую кампанию», напоминая партии о его меньшевистском прошлом и указывая на его потенциальный бонапартизм. Троцкий, который тоже был не прочь опуститься до «биографических изысканий», медлил, шел на компромиссы и защищал свои политические позиции невероятно бездарно. К 1923 г. он оказался оттесненным от существенных источников власти. Позже, в том же году, он наконец перешел в атаку, став поборником внутрипартийной демократии и главным критиком системы назначения на посты властью Секретариата и партийной бюрократии, возглавлявшейся теперь Сталиным. Первоначальная партийная доктрина «демократического централизма», при которой централизованная власть внутри партии сочеталась с выборами низших и высших органов, превратилась в жесткую авторитарную систему в значительной мере в результате гражданской войны. Троцкий потерпел жестокое поражение в декабре 1923 г. и в январе 1924 г., и его влияние еще больше уменьшилось. Хотя позже он снова стал руководить действиями оппозиции, но его политические возможности были исчерпаны (89).

Бухарин не был соперником на начальном этапе борьбы за «наследство». До декабря 1923 г., когда он условно склонился к поддержке триумвирата, Бухарин оставался несвязанным ни с одной группировкой, пытаясь выступать в качестве «миротворца». Его позиция в большевистской олигархии была необычной. Старшие товарищи смотрели на него, как на младшего по возрасту и положению. «Наш Вениамин», – говорил Зиновьев; «самые выдающиеся силы (из самых молодых сил)», – писал Ленин, характеризуя Бухарина и Пятакова (90). Но, хотя формально Бухарин – был только кандидатом в члены Политбюро в 1919–1924 гг., он наряду с Лениным, Троцким и триумвиратом был признан как внутри страны, так и вне ее одним из шести «больших» партийных вождей. Один иностранный коммунист сообщал в 1922 г., что о Бухарине говорили «как о возможном преемнике Ленина» (91). Сообщение было ошибочным, но оно свидетельствовало о роли Бухарина так же, как и тот факт, что после случившегося с Лениным удара Бухарин стал полноправным членом Политбюро, как бы заняв ленинское место. Хотя он играл важную роль как редактор «Правды», его престиж определялся не столько тем, что он занимал влиятельный пост, а, скорее, его репутацией теоретика большевизма, а также огромным авторитетом среди партийной молодежи (92). Следовательно, хотя он и не был непосредственной угрозой никому из соперничающих руководителей, он был ценным потенциальным союзником.

В минуту раздражения, в период профсоюзной дискуссии, Ленин назвал Бухарина «мягкий воск», на котором «может писать что угодно любой демагог». Троцкий, «демагог», о котором шла речь, повторил это замечание, объясняя много лет спустя последующий союз Бухарина со Сталиным. С тех пор это стало привычной характеристикой, хотя она и не подходила к Бухарину. Во всей своей политической деятельности до 1923 г. Бухарин был решительно и твердо независим – самостоятельный мыслитель в эмиграции, лидер молодых левых в 1917 г., глава «левых коммунистов» в 1918 г. и безуспешный «буфер» между Лениным и Троцким в 1920–1921 гг. Ни один из ведущих руководителей не возражал Ленину столь часто. В различных фракционных спорах только один раз Бухарин объединился с другим членом Политбюро (с Троцким во второй фазе профсоюзной дискуссии); его позиция в каждый момент определялась существом спора, а не личными отношениями. Поэтому характерной для Бухарина является попытка сохранить в 1922– 1923 гг. линию поведения, независимую и от триумвиров, и от Троцкого. Он снова оказался в одиночестве, и на этот раз без значительных союзников. Его личные друзья и прежние политические союзники, такие, как Осинский, Смирнов, Пятаков и Преображенский, по разным соображениям пришли к критике новой политики и перешли в оппозицию, которая снова обрела опору в Москве (93).

Если Бухарин в то время и был лично близок к кому-либо из старых большевиков, то больше всех к больному Ленину. О том, что между ними в 1922 г. существовали необычайно теплые, дружеские отношения, имеются хотя и отрывочные, но существенные свидетельства. Разумеется, Ленин и Бухарин продолжали расходиться по второстепенным вопросам, таким, как значение государственного капитализма и пролетарской культуры, а также по двум более значительным вопросам. Одна проблема возникла в апреле 1922 г., когда Бухарин и Радек возглавляли делегацию Коминтерна на берлинской конференции трех социалистических Интернационалов, где обсуждались возможности совместных действий рабочих в Европе. На этой встрече социал-демократы настаивали на условии, что большевистское правительство обещает не казнить находящихся в тюрьме социалистов-революционеров, которых должны были публично судить в июне за «терроризм» и «контрреволюцию». Бухарин и Радек согласились. Ленин немедленно опротестовал эту уступку, охарактеризовав ее как капитуляцию перед «шантажом», хотя и согласился, что обещание надо выполнять. Резко разделившееся Политбюро пришло к компромиссному решению: смертную казнь не применять до тех пор, пока находящиеся в подполье социалисты-революционеры будут воздерживаться от террористической деятельности (94). Вторым вопросом, вызвавшим большие трения между Бухариным и Лениным, было выдвинутое в октябре 1922 г. Бухариным, Сталиным и некоторыми другими членами Политбюро предложение об ослаблении монополии внешней торговли. Ленин, резко вмешавшись, подверг Бухарина критике и блокировал предложение (95).

Политические разногласия, однако, были неотъемлемой частью их отношений. Разногласия и прежде не нарушали их дружбу, не случилось этого и теперь. В своей автобиографии Бухарин писал о своих отношениях с Лениным после 1918 г.: «Я имел счастье… близко стоять к нему вообще, как к товарищу и человеку». Высказывания личного характера были не приняты в формальном этикете большевиков, но со стороны Ленина они тоже появились в его «Завещании», написанном 24 декабря 1922 г.:

> Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое… (96).

Кажущаяся противоречивой оценка Бухарина Лениным, писавшим о нем и как о ценнейшем теоретике, и как о человеке, который не понимал диалектики, может быть истолкована по-разному. Можно указать на то, что Ленин рассматривал политическую позицию Бухарина в профсоюзной дискуссии как необоснованную. Или оценка является просто отражением горячего интереса Ленина к гегелевской и маркси-

стской философской диалектике (которую он изучал усердно) – предмету, которому Бухарин уделял меньше внимания ввиду занятий «социологией». Более важным было, однако, ленинское необычное суждение о Бухарине как о личности, единственная по своей благожелательности оценка, данная в «Завещании». Она говорит больше о том, что Бухарин был «любимцем» Ленина, чем о всеобщей популярности Бухарина в партии.

Это подкрепляется неофициальными сообщениями о письме Ленина, будто бы написанном в начале 1922 г. и касающемся их отношений. Бухарин в 1921 г. болел, и в течение года Ленин продиктовал различным людям несколько записок, в которых выражалась забота о здоровье Бухарина. В одной читаем: «Пошлите лучшего доктора обследовать здоровье Н.И. Бухарина и сообщите мне о результатах». Доктора рекомендовали лечение в Германии, но Бухарин не смог получить визу. Тогда Ленин, как рассказывают, написал Крестинскому, советскому послу в Германии, прося его обратиться к канцлеру Вирту с посланием, которое звучало примерно так: «Я – пожилой человек, и у меня нет детей. Бухарин для меня как сын, и я прошу как о личной любезности, чтобы Бухарину была дана виза и предоставлена возможность лечиться в Германии» (97). Виза была предоставлена.

Это письмо не может быть проверено, хотя косвенные доказательства его существования можно найти в официальных источниках (98). Ясно, однако, что этих двух людей связывало нечто похожее на сыновнюю и отеческую любовь, и это стало особенно очевидно к концу жизни Ленина. В конце 1922 г., когда больной вождь был вынужден уединиться в Горках, Бухарин, единственный из членов партийного руководства, часто навещал его. Он позже вспоминал, как «Ленин вызывал меня повидаться… брал меня под руку и вел в сад» обсуждать политические вопросы, хотя это и было запрещено врачами. Они говорили о «лидерологии» и последних статьях Ленина, которые Бухарин вскоре интерпретировал как его завещание. Их взгляды на нэп были в это время тождественны, и эти доверительные разговоры «на краю могилы» укрепили в дальнейшем веру Бухарина, что после 1924 г. он выражает ленинскую точку зрения (99). Эти встречи не имели большого политического значения, а были, скорее, волнующим личным эпизодом, который, возможно, побудил Бухарина смотреть с опасением на непристойную борьбу среди членов олигархии за место вождя, который был еще жив.

Отчужденность Бухарина от триумвирата, который ханжески прикрывался «ленинизмом» и званием «старых большевиков», особенно ярко проявилась на XII съезде партии в апреле 1923 г. С осени 1922 г. развернулась ожесточенная борьба между Сталиным и группой недовольных грузинских большевистских руководителей, которые протестовали против методов включения Грузинской республики в состав Со-

ветского Союза. Ленин поддерживал сталинский план до конца декабря 1922 г. Но когда он обнаружил, что уполномоченные генсека грубо травят несогласных, Ленин круто переменил свою позицию. В постскриптуме своего «Завещания», датированном 4 января 1923 г., Ленин заявляет, что Сталин «слишком груб» для того, чтобы быть облеченным властью, и говорит о необходимости смещения его с поста генсека. Он сообщает грузинским большевикам: «Всей душой слежу за вашим делом», – и готовит наброски заметок, разоблачающих этот «великодержавный шовинизм». Он посылает эти заметки Троцкому, прося его встать на защиту грузинских оппозиционеров. Троцкий неожиданно получает в руки оружие, которым он мог бы нанести ответный удар триумвирату и сокрушить позицию человека, которому они доверили организационную власть. Вместо этого Троцкий пошел на компромисс. В обмен на ни к чему не обязывающие выражения раскаяния он согласился присоединиться к Зиновьеву, Каменеву и Сталину в их… заговоре молчания на XII съезде (100)*. Лишь один член Политбюро – Бухарин – отказался хранить молчание и поднялся на съезде в защиту уже обреченных грузин, которые пали жертвой хорошо организованных обвинений в «местном шовинизме». Сочувствие Бухарина их делу и выступление на их стороне стали известны уже в октябре 1922 г. (101). Теперь он, а не Троцкий выступал так, как того желал Ленин. Критикуя лично Сталина и Зиновьева и намекая на скрываемые ленинские заметки, Бухарин объявил официальную кампанию против «местных уклонистов» обманом. Почему, спрашивал он, Ленин стал «бить тревогу» только против русских шовинистов? Потому что «это есть самое опасное… Если бы товарищ Ленин был здесь, он бы задал такую баню русским шовинистам, что они бы помнили лет десять». Обращаясь к безучастному собранию, Бухарин изложил два основных соображения: во-первых, советские национальные районы были по существу крестьянскими, и притеснение из центра угрожало «смычке»; во-вторых, это была проблема международного значения и она могла

* Письмо Ленина Троцкому с просьбой взять на себя защиту грузинского дела на заседании ЦК РКП (б) было прочитано по телефону. Троцкий ответил, что из-за болезни он не может взять на себя такого обязательства. Но он надеялся, что скоро поправится, и попросил прислать ему необходимые документы и материалы, и, «если здоровье ему позволит, он их прочтет». Он также сказал, что после разговора с Махарадэе и Мдивани и речи Орджоникидзе на Пленуме ЦК «он убедился, что были сделаны крупные ошибки». Во время февральского Пленума ЦК (1923 г.) Троцкий писал: «Если у меня были сомнения насчет правильности политики Орджоникидзе и решения Политбюро, то теперь эти сомнения усилились в сто раз (после речи Орджоникидзе)». Зная позицию Троцкого на январском и февральском Пленумах ЦК РКП (б), Ленин рассчитывал на поддержку Троцкого в этом вопросе. Следует также отметить, что разногласия Троцкого и Сталина по национальному вопросу способствовали обострению личных взаимоотношений между ними.

быть решена справедливо, если Советский Союз получит подцержку колониальных народов (102). Несколько дней спустя, когда закончился съезд, поставивший грузин к позорному столбу, он говорил:

> Только совершенно близорукие люди не видят всего поистине громадного вопроса… Каким образом руководящее ядро русского пролетариата может купить себе полное доверие этих национальных, в первую очередь крестьянских, слоев?..Прежде и раньше всего, беспощадной борьбой с каким бы то ни было проявлением остатков (или новых ростков) великорусского шовинизма.

В течение 20-х гг. у нерусских национальностей не было большего защитника, чем Бухарин, который увидел в них «мостки к угнетенным народам Востока…» (103).

Независимая политическая позиция Бухарина была снова продемонстрирована в 1923 г. Осенью Троцкий запоздало поднял знамя борьбы за внутрипартийную демократию против сталинского манипулирования партийным аппаратом. И здесь также, по-видимому, симпатии Бухарина оказались не на стороне триумвирата. Еще в 1920–1921 гг. он сделал «священным лозунгом» лозунг рабочей демократии, и, вероятно, оттого, что считался «либералом», был выдвинут руководством на роль примирителя по отношению к оппозиции на X съезде партии. Это он так непочтительно сострил в 1921 г.: «История человечества делится на три периода: матриархат, патриархат и секретариат» (104). Не удивительно поэтому, что в 1923 г. Бухарин произнес на партийном собрании в Москве речь, содержащую далеко идущую критику разрастающейся бюрократизации партийной жизни. Он понимал, что в низших партийных органах существует недовольство, которое он приписывал практике назначения секретарей сверху. Бухарин поясняет: члены партийной организации собрались, их спрашивают: «“Кто против?”, и так как они более или менее боятся высказываться против, то соответственный индивидуум назначается секретарем бюро ячейки… у нас в большинстве случаев выборы в партийные организации превратились в выборы в кавычках… так как говорить против начальства нехорошо…» То же самое наблюдается при «так называемых обсуждениях в партийных организациях… Какой-нибудь товарищ из районного комитета спрашивает: “Кто против?”, никто не против… Резолюция единогласно принимается. Вот обычный тип отношений в наших партийных организациях» (105).

На первый взгляд Бухарин казался наиболее подходящим союзником Троцкого. Независимо от их разногласий, они были самыми интеллектуальными и космополитическими лидерами в партии и находились в хороших личных отношениях, когда началась борьба (106). В отличие от других большевиков с большим партийным стажем Бухарин не проявлял ревнивой зависти к быстрому восхождению Троцкого; он убеж-

дал Ленина сотрудничать с ним в 1915 г., приветствовал его вступление в партию в 1917 г., а затем защищал его от хулителей. Более того, Бухарин, по-видимому, испытывал неприязнь к старшему триумвиру – Зиновьеву, чье честолюбие превосходило только его легендарное тщеславие. Вначале, однако, Бухарин отказался присоединиться к какой-либо фракции, пытаясь вместо этого примирить их. Он, очевидно, верил, что единство всех наследников Ленина возможно, и наивно думал, что личную неприязнь и честолюбие можно отставить в сторону (107). Так, летом или в начале осени 1923 г., когда Зиновьев стал завидовать растущей власти Сталина, Бухарин «сыграл роль миротворца» на «пещерном заседании» большевиков, в пещере, на Кавказе, где они находились на отдыхе. Его план состоял в том, чтобы придать политический характер Секретариату, преобразовав его состав – введя в него трех высших лидеров: Троцкого, Сталина и одного из трех: Бухарина, Зиновьева или Каменева. Подобно другим «буферным» попыткам Бухарина и эта потерпела крах; но она вновь показала его преднамеренный нейтралитет в обостряющемся конфликте (108).

Почему же тогда Бухарин присоединился к антитроцкистской кампании, когда в декабре произошло публичное столкновение? Очевидно, главному редактору «Правды» было трудно оставаться далее нейтральным; однако Бухарин пытался все же вести официальный печатный орган Центрального Комитета беспристрастно. Но на него было оказано давление со стороны членов триумвирата с целью заставить его выбирать публикации в их пользу (109). Тем не менее, его решение поддержать триумвират нуждается в более сложном объяснении. Во-первых, собственные побуждения Троцкого и его честолюбие оставались под подозрением: его неожиданная защита демократических методов казалась подозрительной уже хотя бы потому, что ранее он был одним из самых авторитарных большевистских лидеров. Кроме того, Ленин неоднократно просил Троцкого стать одним из его первых заместителей в 1922 г., но Троцкий всякий раз отказывался. (Поведение Троцкого в грузинском деле тоже не могло произвести благоприятного впечатления на Бухарина при его преданности принципам и лояльности.) Для многих было очевидным пренебрежение надменного комиссара по военным делам к идее коллективного руководства и то, что он жаждал только наивысшего положения в партии – «все или ничего» (110).

Троцкий был скомпрометирован в глазах Бухарина и в октябре 1923 г., когда 46 видных большевиков – многие из них бывшие «левые коммунисты» и «демократические централисты» – передали в ЦК секретный меморандум, резко критикующий официальную политику. Среди подписавшихся были некоторые друзья и сторонники Троцкого, и, желал он того или нет, обстоятельства, связанные с этим документом (содержавшим требование смены руководства) придали ему «троцкист-

ский» привкус (111)- Этот документ предвещал появление новой левой оппозиции и еще одного большого раскола в партии. К тому времени Бухарин решительно осудил свою прежнюю фракционность и стал последовательным противником новых фракционных выступлений, приравнивая организационное выражение несогласия внутри партии посягательству на ее устойчивое положение в стране. Когда противники триумвирата язвительно сравнивали нынешние нормы со свободной дискуссией во времена брестских разногласий, Бухарин пытался осудить период прошлой фракционной борьбы, указывая на тот факт, что в 1918 г. левые социалисты-революционеры обратились к «левым коммунистам» с предложением об аресте Ленина, и утверждая, что тогда был «период, когда партия стояла на волосок от раскола, а вся страна – на волосок от гибели» (112). Фракционность есть сама по себе зло.

Это новое проявление нетерпимости к фракционности было связано с основной причиной, в силу которой Бухарин решил поддержать триумвират: личное соперничество внутри руководства отступало на второй план перед лицом жгучих политических проблем. Несмотря на общее улучшение условий в стране, начиная с 1923 г. стал углубляться экономический кризис. Его основной чертой являлось растущее несоответствие между высокими ценами на промышленные товары, поднявшимися отчасти благодаря монопольному положению государственной промышленности, и низкими ценами на продукцию сельского хозяйства (так называемые «ножницы»). Спрос крестьян на промышленную продукцию падал, фабричные товары оседали на складах, увеличивалась безработица, летом и осенью в крупных городах произошел ряд угрожающих забастовок. Реакция объединившихся левых, в частности Преображенского и Пятакова, свелась к обвинению руководства в том, что у него нет долгосрочной индустриальной политики, к требованию энергичного и планового развития индустрии, более или менее независимо от состояния сельскохозяйственного рынка. Хотя окончательно позиции еще не определились, Преображенский и Пятаков уже присоединились к тому взгляду, что накопление, необходимое для фундаментальных капиталовложений, может быть достигнуто только в результате централизованного планирования и политики монополистически вздуваемых промышленных цен. В этом отношении их взгляды были сходны со взглядами Троцкого, который, начиная с марта, последовательно выступал с требованием выработки единого плана и индустриального «наступления» (113).

Экономические проекты левых побудили Бухарина принять участие в антитроцкистской кампании. Хотя триумвират и присоединился на XII съезде к требованиям Троцкого о планировании и индустриализации, его политика, направленная на поднятие цен на продукцию сельского хозяйства и их снижение на промышленные товары, подтвержда-

ла экономические уступки крестьянству как неотъемлемую часть нэпа. Поскольку Зиновьев и Каменев находились тогда на «прокрестьянской стадии» своей изменчивой политической линии (стадия эта кончилась годом позже), официальная позиция большинства заключалась в том. что процветающая крестьянская экономика и расширение сельского рынка являются предпосылкой развития промышленности. Это в полной мере соответствовало бухаринскому пониманию нэпа и смычки (114). В одной из своих литературных работ, явившейся значительным вкладом в антитроцкистскую кампанию, он называет экономическую политику решающей проблемой, отвергая все другие требования оппозиции как тактические увертки. Фактически, говорил он, оппозиция хочет навязать свою экономическую программу, построенную на «бумажном планировании» и диктатуре промышленности. «Уклон» Троцкого и его последователей, доказывал Бухарин, возник потому, что им не удалось переварить «новое» учение Ленина о рабоче-крестьянском блоке: «…что нам придется еще долгое время ездить на тощей крестьянской лошадке, и только так спасать нашу промышленность и подводить прочную базу для диктатуры пролетариата. Вот корень теперешних разногласий» (115).

Придя к убеждению, что «за личной борьбой скрывается борьба политических тенденций», Бухарин исходил из того, что он считал самой насущной проблемой момента, фактически закрывая глаза на то обстоятельство, что обвинения оппозиции в бюрократизации партийной жизни были, как он это понимал, обоснованны. При его отношении к нэпу и экономической программе левых, возможно, у него не было иного выбора. Но пятью годами позже, когда сталинский аппарат был повернут против него, он, как Зиновьев и Каменев до него, будет повторять слово в слово обвинения, выдвинутые Троцким в 1923 г. Частично причина трагедии старых большевиков кроется здесь: семь лет они боролись друг с другом по принципиальным вопросам, в то время как интриган постепенно прибирал к рукам власть, чтобы уничтожить их всех.

Бухаринская поддержка триумвирата, однако, не была безоговорочной. Примечательно, что его единственное большое полемическое выступление против оппозиции, огромная статья, печатавшаяся в пяти номерах «Правды» с 28 декабря 1923 г., появилась не под его именем, а как «ответ редакционной коллегии Центрального Органа товарищу Троцкому». Хотя авторство Бухарина было легко определить, этот факт отражал его желание не вмешиваться в борьбу открыто (116). В то время, как и в дальнейшем, во второй кампании против Троцкого в октябре–декабре 1924 г. и позднее против объединенной оппозиции, Бухарин отвергал «любые личные оценки, любые симпатии и антипатии». Сама статья, несмотря на то что она была не без немыслимо демагогических

приемов (Бухарин усердно перечислял историю фракционных грехов Троцкого, в каждом из которых он и сам бывал повинен), представляла резкий контраст с тем, что он называл «дурно пахнущими» атаками зиновьевцев (117). Более важно, что он неоднократно выступал против требований Зиновьева и Каменева отстранить Троцкого от руководства и даже арестовать его (118). Эта сдержанность спасла его отношения с Троцким от полного разрыва, и в начале 1926 г. они снова возобновили кратковременные дружеские «частные контакты» (119). Но, как и в 1923 г., это ни к чему не привело, отчасти из-за того, что бухаринская политика находилась теперь под влиянием его новых представлений об «исторической роли» большевизма.

21 января 1924 г. умер В.И. Ленин, и официальный культ его личности и его изречений установился всерьез. Характер советской политики изменился навсегда. Ленинизм стал не только предметом в учебных заведениях, но в значительной степени несформулированным Священным писанием, верность которому и ссылки на которое стали необходимы в каждом политическом выступлении. Все большевистские лидеры в той или иной степени содействовали возникновению и становлению культа, хотя некоторые возражали против тех его проявлений, которые носили характер чрезмерного преклонения и обожествления (Бухарин с энтузиазмом проповедовал «ортодоксальный ленинизм», но протестовал против бальзамирования Ленина и помещения его в саркофаг для постоянного обозрения, заметив по поводу подобного же предложения выкопать останки Маркса и захоронить их в России: «…где-то в партии несет странным духом») (120). Стало политическим ритуалом, что каждый из преемников Ленина в течение ближайших нескольких месяцев использовал каждую возможность, чтобы обстоятельно и по всей форме увековечить память Ленина и ленинизм и, поступая таким образом, продемонстрировать свою собственную верность и подтвердить свое политическое реноме. Бухарин в качестве теоретика партии посвятил памяти Ленина свой доклад в Коммунистической академии, прочитанный 17 февраля. Озаглавленный «Ленин как марксист» доклад содержал первую отчетливую попытку Бухарина связать свою эволюционную теорию с последними статьями Ленина (121).

Его намерение формально состояло в том, чтобы исправить «недостаточную оценку товарища Ленина как теоретика». Для этой цели он делит историю марксизма на три ступени: революционный марксизм Маркса и Энгельса, «марксизм эпигонов», то есть реформизм II Интернационала, в котором «еще сохранилась марксистская символика», но от которого «отлетела… его революционная сущность» и, наконец, полоса «марксизма Ленина», который представляет собой обогащение первоначального учения, потому что разрабатывает вопросы, не предвиденные Марксом, но революционная «методология» которого «есть

полный возврат» к Марксу. Бухарин (частично принижая себя) расценивает ленинскую трактовку империализма, национального и колониального вопросов, буржуазного и пролетарского государства, рабоче-крестьянского союза как крупнейший теоретический вклад Ленина. Подобная характеристика не могла вызвать возражений, хотя его утверждение, что «лучшие страницы» ленинских работ – это те, которые посвящены крестьянскому вопросу, могло вызвать некоторое удивление (122).

Но именно последний раздел доклада, посвященный «основным теоретическим проблемам, которые наметил Владимир Ильич и которые нам необходимо разработать», оппоненты Бухарина позже назвали концом ленинизма и началом бухаринизма. Вставленные между бесспорными замечаниями два главных теоретических новшества Бухарина сводились к следующему: Советская Россия есть «двухклассовое общество» (это – первое публичное упоминание Бухариным проблемы. которую, по его словам. выдвинул один из участников его семинара), и нэповская Россия должна врасти в социализм посредством «органического периода развития» и «эволюционной борьбы хозяйственных форм». Ни тот, ни другой принцип Ленин «точно не формулировал», но оба, настаивает Бухарин, содержатся в неявной форме в ленинских работах, «особенно в его последних статьях». Здесь Бухарин возвращается к мысли, выраженной им в 1922 г. «Следует предположить, что появятся “различные типы” социалистических обществ, потому что социализм строится на том материале, который дан»; эти слова предвосхищали высказанную им несколько месяцев спустя аргументацию, что Ленин завещал «оригинальную теорию “аграрно-кооперативного” социализма» (123).

Значит, накануне больших программных дебатов Бухарин уже склонялся к утверждению, что будущее развитие страны по направлению к социализму «идет эволюционным путем и не может идти иначе». Принятие им нэпа и несогласие с революционными («катастрофическими») программами было сейчас недвусмысленным: «Никакой третьей революции здесь быть не может» (124). Его реформистские высказывания о постепенности развития были еще только теоретическим наброском, который он преобразует в течение следующих двух лет во всестороннюю доктрину большевизма и в программу обновления Советской России.

Глава 7

Дуумвират: Бухарин и Сталин

Теперь я вижу, товарищи, что тов. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии, творцом и подлинным представителем которой является тов. Бухарин.

Л. Каменев. 1925 г.

Мы стоим и будем стоять за Бухарина.

И. Сталин. 1925 г.

В первой половине 1925 г., в возрасте тридцати шести лет Бухарин постепенно возглавил вместе со Сталиным новое руководство большинства в Центральном Комитете; для Бухарина настал период его наибольшего влияния на советскую политику. Их коалиция возникла в результате расторжения антитроцкистского триумвирата, который стал распадаться в конце 1924 г. и окончательно развалился в 1925 г., когда Зиновьев и Каменев сначала тайно, а потом открыто бросили вызов Сталину как руководителю партийного аппарата и Бухарину как выразителю партийной идеологии и политики (1).

Создание дуумвирата объяснялось следующими арифметическими соображениями. В 1925 г. Политбюро состояло из семи полноправных членов – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина, Рыкова, Томского и Бухарина, ставшего его полноправным членом после смерти Ленина. Первые трое стояли теперь в оппозиции к официальной политике, хотя до весны 1926 г. они не выступали совместно. Рыков и Томский в общем соглашались с политикой, главным выразителем которой был Бухарин. Объединившись с Бухариным, Сталин восстановил четверку большинства в Политбюро (Троцкий вначале упрямо воздерживался от голосования) против своих прежних союзников – Зиновьева и Каменева. В свою очередь Бухарин обеспечивал официальное большинство при утверждении той политики, в которую он страстно верил. Кроме того, осуждая всякую личную вражду, он косвенно объяснил истоки и характер дуумвирата: «Люди должны бороться за большинство, если хотят обеспечить проведение своей политики, которую считают правильной» (2).

Это означает, что коалиция – или, по терминологии 20-х гг., «блок» – является наилучшей характеристикой большинства в Политбюро, возглавлявшегося Сталиным и Бухариным. Это был временный взаимовыгодный союз, а не единая группировка полностью единомыслящих

лидеров (3). Подобно прежнему триумвирату и более поздней объединенной левой оппозиции Троцкого, Зиновьева и Каменева, сплочение сталинско-бухаринского большинства объяснялось опасностью, исходившей от общих противников, а не только общими убеждениями. На этой основе, несмотря на признаки внутренней напряженности, коалиция выстояла как в начальной стадии борьбы при своем зарождении в 1925 г., так и в жестоких фракционных разногласиях 1926–1927 гг., которые в конце концов распространились почти на все вопросы внутренней и внешней политики. Затем, после организационного разгрома левых на XV съезде партии в декабре 1927 г., коалиция распалась.

Сталин дал создавшейся коалиции организационную власть. С тех пор как он возглавил Секретариат партии, то есть стал генсеком (в 1922 г.), он старательно и умело насаждал в партии далеко простирающиеся полномочия центрального партийного аппарата. Он еще не имел контроля над всей партией, которая в середине 20-х гг. своей структурой напоминала «княжества», управляемые «князьями» (4). Но благодаря своим полномочиям назначать и смещать сотрудников аппарата Сталин уже заложил основы той системы, которую разбитые оппозиционеры будут клеймить как «диктатуру Секретариата» (5). Центральная партийная бюрократия служила ему прочной базой для борьбы с любым соперником из правящего руководства; с ее помощью он манипулировал на выборах в низовых партийных организациях, на съезде партии и, в конце концов, в самом Политбюро.

Сталинская машина власти была продемонстрирована на XIV съезде партии в декабре 1925 г. Зиновьев и Каменев (их сила основывалась на поддержке неприступной, как считал Зиновьев, «ленинградской крепости») выступили на съезде, протестуя против политики и руководства дуумвирата. Они были разгромлены 559 голосами против 65. Через неделю представители победившего руководства прибыли в Ленинград, сместили сторонников Зиновьева и обеспечили «лояльность» ленинградской партийной организации (6). Сталин подавил первое важное выступление против политики Бухарина. Попутно он расширил влияние Секретариата еще на одно «княжество». В таком духе действовали и на протяжении следующих трех лет.

Роль Бухарина в коалиции была сложнее, но в равной степени важна, по крайней мере вначале. Прежде всего он разрабатывал и формулировал экономическую политику и идеологию руководства в период между 1925 и 1927 гг. Не составляло секрета, что он сыграл ведущую роль в решении расширять нэп; он открыто высказывался об этом и о своих идеологических новшествах. Он не только являлся вдохновителем взглядов партийного большинства на вопросы промышленного и сельскохозяйственного развития, но и лично написал «основные части» резолюции 1925 г. по аграрной политике, которые вызвали широкие

дискуссии (7). Его теоретические предложения по спорным вопросам дня – о расслоении крестьянства и социальном развитии деревни, о характере государственной промышленности и ее взаимосвязи с сельским хозяйством, о закупочно-сбыточных кооперативах, о нэпе как переходной системе и других проблемах строительства социализма – составляли провозглашенную дуумвиратом и, следовательно, партией идеологию. Официальный большевизм 1925–1926 гг. был в основном бухаринским; партия следовала по бухаринскому пути к социализму (8)*. Его влияние распространялось не только на собственную п–артию и на вопросы внутренней политики. Его теории находили систематическое отражение и в резолюциях Коминтерна – например, на заседании Исполкома Коминтерна в апреле 1925 г. он представил 63 новых «тезиса по крестьянскому вопросу» (9). С 1926 г. он почти в одиночку формировал официальные взгляды большевиков на внешний мир, международный капитализм и рабочее движение.

Вообще между Бухариным и Сталиным существовало приблизительное разделение обязанностей: один занимался формулированием вопросов политики и теории, другой руководил организационным механизмом (10). Сталин, конечно, не был невежествен в политике или в теории и не был к ним безразличен. Будучи всегда осторожным политиком, он отмежевывался от периодических промахов своего союзника, таких, например, как лозунг «обогащайтесь». Сознавая политическую уязвимость некоторых теорий Бухарина, он позаботился о том, чтобы не отождествляться с ним, особенно при толковании таких вопросов, в которых позиция Ленина была особенно неопределенной (11). Но хотя Сталин иногда восхвалял индустриализацию (особенно развитие тяжелой промышленности) и достоинства советской экономической автаркии больше, чем Бухарин, у него, кажется, не было своей собственной индустриальной или аграрной программы. Со времени первоначальной разработки бухаринской программы в 1924–1925 гг. и до ее пересмотра в 1926–1927 гг. Сталин в экономической политике был бухаринцем (12). Когда эта политика подверглась яростным нападкам на XIV съезде партии в 1925 г., Сталин провозгласил: «Мы стоим и будем стоять за Бухарина». В этом оппозиция не сомневалась. На том же съезде Каменев сказал:

> «Теперь я вижу, товарищи, что тов. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии, творцом и подлинным представителем которой является тов. Бухарин» (13).

---

* Бухаринские взгляды по всем принципиальным вопросам являлись дальнейшим продолжением марксистско-ленинской теории. Бухарин активно пропагандировал ленинское учение о возможности построения социализма в России даже в условиях задержки революций на Западе.

Бухарин пришел в дуумвират и с более практическим политическим багажом. Наиболее важным было его руководство центральными изданиями партии. Помимо того что он был редактором ежедневной газеты «Правда», в апреле 1924 г. он стал также редактором нового, выходившего раз в две недели журнала ЦК партии «Большевик», созданного для «защиты и укрепления исторического большевизма против любой попытки искажения и извращения его основ» (14). Руководство двумя основными органами, выражавшими мнение ЦК, было важным оружием Бухарина во фракционной борьбе; свидетельством этого является бесплодная попытка Зиновьева организовать в Ленинграде в 1925 г. соперничающие издания, а в 1928 г. усилия Сталина, направленные на отстранение Бухарина от руководства ими (15). Благодаря своему положению в «Правде» и «Большевике» Бухарин был фактическим правителем обширной империи партийной печати и пропаганды. Под их эгидой выходило множество других широко распространявшихся периодических изданий, газет и брошюр; а Бухарин, кроме того, был членом редакционных коллегий некоторых журналов, энциклопедий и издательств. С политической точки зрения, наиболее важным было то, что местная партийная пресса получала руководящие установки (а зачастую и статьи) непосредственно от «Правды» (16). В 20-х гг. центральные органы печати были не только авторитетными средствами осуществления внутрипартийной связи. Будучи ответственными за истолкование партийных резолюций, они неизбежно играли значительную роль в окончательном формировании и проведении в жизнь политики партии. Каменев только слегка преувеличивал, когда сетовал, что Бухарин и его сторонники (занимавшие все должности в органах печати) получили «фактически монополию на политико-литературное представительство партии» и на «всю политико-просветительную работу» (17).

Другой организационный пост Бухарина представлял иной по своему характеру политический козырь. Бухарин вместе с Зиновьевым с 1923 г. был ответственным за выработку политического курса и текущую деятельность Коминтерна. Хотя до октября 1926 г. Зиновьев формально оставался председателем Коминтерна, его поражение в декабре 1925 г. привело к тому, что Бухарин вскоре стал фактически возглавлять эту международную организацию. После официального снятия Зиновьева Бухарин стал генеральным секретарем Исполкома Коминтерна и, таким образом, юридически его главой (должность председателя была упразднена) (18)*. Руководство Коминтерном, ничего не прибавляя к организационной власти дуумвирата внутри партии, тем не

* В 1926 г. должность председателя Исполкома Коминтерна была упразднена. Была создана политическая комиссия, в состав которой вошел и Бухарин. Он же фактически в 1926-1929 гг. возглавлял Коминтерн. Первым генеральным секретарем ИККИ стал в 1935 г. Г. М. Димитров.

менее имело свои преимущества, так как и большинство, и оппозиция все еще ценили расположение зарубежных компартий. Руководящая роль в Коминтерне увеличивала личный престиж Бухарина, а также престиж и влияние дуумвирата. Она, кроме того, расширяла сферу его влияния, позволяя ему выдвигать своих советских сторонников и зарубежных последователей на работу в Политический Секретариат Исполкома Коминтерна (19). Во время партийных споров, особенно когда дискуссия в 1926–1927 гг. перекинулась на вопросы внешней политики, Коминтерн стал дополнительной официальной трибуной Бухарина.

Эти сферы деятельности Бухарина (центральные органы печати и Коминтерн) были его «княжествами». Они соответствовали его общей роли в борьбе большинства против оппозиции: тогда как Сталин вел организационную борьбу, Бухарин вел войну идеологическую, его идеи и контраргументы составляли сущность как наступательной, так и оборонительной тактики руководства. На первых стадиях дуумвирата он был совершенно независим как идеологический боец.

Ни Сталин, ни его сторонники не могли противостоять светилам в рядах оппозиции, которая в лице Троцкого, Каменева, Преображенского, Пятакова, Смирнова, Смилги и Радека имела искусных теоретиков, талантливых экономистов и острых публицистов. Все они были интеллектуалами, высокоодаренными, остроумными людьми, которые умело вели публичные споры и идеологические сражения.

Когда дискуссия затрагивала достаточно высокие интеллектуальные сферы, из главных лидеров большинства только Бухарин сражался с ними на равных (хотя Рыков был специалистом в области практической экономики). Его признанная проницательность и эрудиция теоретика, его ораторское искусство, умение быть «безжалостным полемистом» (20) (которым он иногда злоупотреблял) дали большинству выдающегося оратора, способного тягаться с оппозицией. Никто иной, как Бухарин, дал ответ Преображенскому; никто иной, как он, на XIV съезде партии сорвал запоздалую попытку Зиновьева обрести статус большевистского теоретика и фактически разрушил без остатка идеологический авторитет этого увядавшего политического деятеля; никто иной, как он, поехал в пролетарский Ленинград в феврале 1926 г., чтобы отстоять политику руководства по крестьянскому вопросу (21). В этом отношении программные дебаты 20-х гг. были затянувшейся политической кампанией: на избирательных собраниях выигрывались и проигрывались значительные, хотя, возможно, и не решающие битвы. Не всегда Бухарин выигрывал эти сражения, но когда большинство одерживало значительную интеллектуальную победу, заслуга в этом почти всегда принадлежала ему.

Однако в идеологической войне, как и в любой другой, необходимы как маршалы, так и легионы. И как раз в этих «легионах», среди моло-

дых партийных интеллектуалов, которые стали известны как «школа Бухарина», Бухарин обрел самый уникальный, хотя и подвергавшийся нападкам, политический инструмент. Эта школа оказалась в центре политических событий 1925 г., находясь под огнем критики. Заклейменная как растущее воплощение «мелкобуржуазного разложения», «кулацкого уклона» и «народнического духа», эта школа вместе с Бухариным стала на XIV съезде основным объектом нападок оппозиции (22). Жалуясь, что ее представители заправляют «всей печатью» и стремятся «терроризировать всякого, кто указывает на искажение и извращение ими…ленинизма», Зиновьев и Каменев говорили: «Вокруг Бухарина теперь создается целая “школа”, пытающаяся затушевать действительность и отступить от классовой точки зрения». В действительности, делал вывод Каменев, «эта школа зиждется на отступлении от Ленина». Крупская, временная сторонница Зиновьева и Каменева, видела далеко идущую опасность: «Красная профессура, группирующаяся около товарища Бухарина, это ведь готовящаяся смена, подготовка теоретиков, которые будут определять нашу линию» (23). С этого времени аналогичные обвинения против «теоретической школы под покровительством Бухарина» будут почти постоянно фигурировать в высказываниях левых относительно официального вероломства. В 1928–1929 гг. Сталин повторит и приумножит эти обвинения (24).

Причиной тревоги была небольшая группа молодых партийных идеологов, в своем большинстве выпускников Института красной профессуры, которые считали Бухарина своим интеллектуальным и политическим наставником, а себя – его учениками. Хотя они оказались в центре политических дискуссий только в 1925 г., существование бухаринских «неофитов» было замечено еще в 1922 г. (25). Сплочение молодых большевиков вокруг члена Политбюро само по себе не было чем-то необычным. Большинство главных лидеров, например Троцкий, Зиновьев и Сталин, – использовали молодых членов партии в своих личных секретариатах и в качестве помощников (аналогичные примеры можно найти во всех политических системах). Эти секретари, как их обычно называли, часто приглашались из тех организаций, за которые нес ответственность данный руководитель. Так, личный секретариат Бухарина возглавлял Ефим Цетлин, основатель и одно время руководитель комсомола (26). Но лица, представлявшие школу Бухарина, отличались от обычных помощников других руководителей не только своим количеством, но и образованием, полученным в высших партийных учебных заведениях, а также интеллектуальными и литературными способностями, общей идеологической направленностью и той политической ролью, которую они стали играть. Хотя иногда эти люди и были личными помощниками Бухарина, они начинали занимать все больше и больше официальных должностей (27).

Существовали, по-видимому, три причины, по которым столь многие способные молодые большевики группировались вокруг Бухарина. Первая состояла в том, что Бухарин пользовался непревзойденной славой марксистского мыслителя. Он был их кумиром и считался «теоретическим Геркулесом» (28). Вторая причина была тесно связана с первой: у Бухарина был «огромный авторитет» среди партийной молодежи, особенно среди тех, кто был избран для ускоренной подготовки будущей большевистской интеллигенции. На протяжении нескольких лет он был членом Политбюро, самым тесным образом связанным с комсомолом; в 1923 г. он шутливо говорил: «Прошу не думать, что это стало моей специальностью или профессией» (29). Кроме того, «сотни тысяч людей» получали образование, изучая такие его работы, как «Теория исторического материализма». Поэтому он был особенно почитаем в учебных заведениях партии, где пользовался влиянием и как партийный мыслитель, и как политический руководитель (30).

Нигде это не проявилось в такой степени, как в Институте красной профессуры, одном из крупнейших центров марксистской мысли Советской России 20-х гг. Этот институт, имевший трехгодичную программу по экономике, истории, философии, был основан в 1921 г. с целью подготовки «красных профессоров» взамен беспартийных, которые все еще преобладали в университетах. В атмосфере, соединявшей некоторые черты университета, политического салона и монастыря, старейшие и наиболее выдающиеся ученые партии занимались – т. е. проводили семинары и читали лекции – с небольшими избранными группами студентов. Фактически значительное число выпускников института в конце концов стали заниматься не академической деятельностью, а партийной политико-литературной работой (31). Многие из них объединились вокруг Бухарина. Большинство наиболее выдающихся представителей бухаринской школы были первыми выпускниками института, обучавшимися в 1921–1924 гг.

И наконец, школу Бухарина нельзя понять и представить без личности ее вдохновителя. Те, кто встречался с ним не один год, свидетельствуют, что мягкий, открытый, добродушный Бухарин в своей традиционной русской рубахе, кожаной куртке и сапогах, был самым привлекательным из большевистских руководителей. (Троцкий как-то заметил, что «Бухарин в глубине души оставался старым студентом».) В нем совсем не было пугающего высокомерия Троцкого, нарочитой помпезности Зиновьева или подозрительности и склонности к интригам, столь характерных для Сталина. Он был «по-любовному мягок» в своих отношениях с товарищами и друзьями. Источая «всепроникающее радушие», он вносил в неофициальные собрания заразительное веселье и в свои лучшие минуты благотворное очарование в политику (32). Бухарин, замечал Ленин, относился к тем «счастливым натурам… ко-

торые даже при наибольшем ожесточении борьбы меньше всего способны заражать ядом свои нападки». Большевистские оппоненты ритуально, как бы в подтверждение предсмертных ленинских слов о том, что Бухарин был «любимцем всей партии», предпосылали своим нападкам на него заверения в личной любви к «Бухарчику» (33). Даже Сталин, его злейший враг в 1929 г., счел за необходимость перекликнуться с Брутом: «Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим мы еще больше» (34).

Свидетельства о способности Бухарина вызывать симпатию таковы, что, перефразируя Мэдокса Форда, можно сказать: он был добрым большевиком. Один из старых членов партии (который никогда не был ни его приверженцем, ни «биографом святых») писал о нем как об «одной из любимейших фигур русской революции», рисуя его человеком со многими и разнообразными увлечениями: «Он жив и подвижен, как ртуть, жаден ко всем проявлениям жизни, начиная с новой глубоко отвлеченной мысли и кончая игрой в городки» (35). У него были «все данные, чтобы захватить и пленить воображение молодежи», сказал один из его зарубежных поклонников-коммунистов. Естественно, что все молодые большевики тянулись к нему. Обаяние Бухарина частично заключалось в том, что он с теплом и щедростью принимал молодых товарищей и подчиненных, которые считали, что с ним легко говорить и к нему легко найти доступ. Когда Бухарин председательствовал на собраниях многообещающих «неофитов», например в «Правде», преобладала «атмосфера гармоничного дружеского сотрудничества, доверия и уважения друг к другу» (36). Будучи лишь немногим старше их, Бухарин встречался со «своими молодыми товарищами» как с равными, не кичась своим положением, и поддерживал их. В ответ они платили ему личной и политической привязанностью, считая его «своим дорогим учителем» (37).

В пору своей известности школа Бухарина насчитывала около пятнадцати человек. Наиболее известными среди них были А. Слепков, Д. Марецкий, В. Астров, Стецкий, П. Петровский, А. Айхенвальд, Д.П. Розиг, Е. Гольденберг, Ефим Цетлин и А. Зайцев. За исключением Стецкого и Петровского, которые были известны еще во время гражданской войны, имеется мало данных о жизни этих людей; их деятельность была прервана после поражения Бухарина, а сталинский террор пережил только Астров (38). Им было от двадцати до тридцати лет; большинство из них вступили в партию в 1917 г. или позднее. До поступления в Институт красной профессуры в 1921 г. они не занимали каких-либо важных должностей. Почти как и все студенты института, они представляли средние слои общества. Их политическое прошлое было различным. Петровский был сыном старого большевика и партийного руководителя на Украине Григория Петровского; Слепков, по распро-

странявшимся оппозицией слухам, был монархистом-кадетом еще в 1918 г. (39). Айхенвальд был сыном известного литературного критика и конституционного демократа Юрия Айхенвальда, которого он посещал в Берлине в надежде примирить своего «неисправимого отца» с большевистским режимом. Кажется, только Гольденберг и Айхенвальд в прошлом были оппозиционерами и в 1923 г. какое-то время симпатизировали Троцкому (40). Некоторые из них до того, как они стали политическими деятелями в середине 20-х гг., уже имели репутацию ученых: Слепков и Астров были историками, Марецкий – историком-экономистом, Айхенвальд и Гольденберг – экономистами (41).

Но они заставили заговорить о себе потому, что стали неутомимыми и вездесущими пропагандистами бухаринизма. В сотнях книг, брошюр, газетных статей и публичных выступлений – в учебных заведениях, на партийных собраниях и других общественных форумах – они пропагандировали и защищали (а иногда развивали и дополняли) политику и идеи Бухарина (42). Они рецензировали его книги, написали его биографию и шумно его прославляли (43). Повсюду, презрительно замечал один критик, они «пели… с голоса Бухарина». В своих многообразных деяниях, недовольно писал другой, они действовали как личный «агитпроп» Бухарина (44). Сверх всего, они вели идеологическую борьбу сталинско-бухаринского руководства против оппозиции, не во имя бухаринизма, конечно, а во имя «ортодоксального большевизма». Естественно, Бухарин противился «шуму вокруг новой школы» так же, как и его сталинские союзники, которые извлекали пользу из ее деятельности. Один из людей Сталина, выступая в ее защиту, говорил:

> У Бухарина нет никакой особой школы; школа Бухарина есть ленинская школа. Заслуга тов. Бухарина заключается в том, что он действительно воспитал теоретически в духе ленинизма большое число молодых товарищей, которые ведут в нашей партии пропагандистскую, агитационную, литературную работу (45).

Оппозиция горячо опровергала первое утверждение и удрученно признавала справедливость последнего.

Как уже отмечалось, особое значение приобрело то обстоятельство, что молодые бухаринцы, объединившиеся в интеллектуальную группу вокруг одного из руководителей партии, стали выдвигаться на ответственную партийную и государственную работу. Прежде всего их «монополией» стали партийные и государственные издания. Астров и Слепков в сентябре 1924 г. стали редакторами «Большевика» и вместе с Бухариным руководили этим авторитетным журналом ЦК до середины 1928 г. Представители школы довольно часто публиковались в «Большевике» и «Правде», в которой тоже наряду с Бухариным играли руководящую роль сначала неофициально, а потом официально; к началу 1928 г. Астров, Слепков, Марецкий, Цетлин и Зайцев стали редактора-

ми «Правды» (46). Таковы были цитадели бухаринской школы. Кроме того, написанные ими статьи и передовицы регулярно появлялись почти во всех основных органах печати, особенно в столице. Когда в мае 1925 г. была основана новая центральная газета «Комсомольская правда», Слепков стал ее первым главным редактором. Хотя оппозиция через несколько недель добилась его отстранения после того, как им и другими было опубликовано несколько политически опрометчивых статей, один бухаринец, а именно брат Марецкого, остался в редакционной коллегии газеты (47). Политическая активность школы проявилась даже в Ленинграде. После изгнания зиновьевцев из «Ленинградской правды» в январе 1926 г. Астров, Петровский и Гольденберг в различное время были ее редакторами, представляя в ней Бухарина (48).

Их деятельность не ограничивалась печатью. Помимо Коминтерна и рабселькоровского движения (49) – двух заповедных сфер деятельности Бухарина,– они оказывали заметное влияние на растущую сеть коммунистических университетов и учебных учреждений. Один молодой бухаринец стал ректором университета; другие составляли учебные программы, преподавали и писали учебники для учащихся; некоторые возглавляли партийные ячейки таких важных учреждений, как Московская промакадемия, Институт красной профессуры, Коммунистическая академия и Академия Коммунистического образования (50). Они активно работали также в государственных экономических учреждениях, ответственных за планирование и промышленное развитие. Айхенвальд и Гольденберг, например, занимали важные посты в Госплане, причем последний был выдвинут на должность заместителя председателя Госплана РСФСР (51). Только в центральном сталинском партаппарате их роль была менее существенной. Двое, Стецкий и Розит, заседали в дисциплинарном органе партии – Центральной контрольной комиссии (ЦКК). Помимо этого, Стецкий возглавлял отдел агитации и пропаганды Ленинградской партийной организации и в 1927 г. стал полноправным членом ЦК. Слепков был «ответственным инструктором» ЦК – так именовались могущественные идеологические Несторы, разъезжавшие по стране и контролировавшие деятельность низовых партийных организаций и местной прессы (52).

К 1925 г. бухаринская школа во многих отношениях приобрела важное значение в советской политике. Однако деятельность этой школы приносила ее вдохновителю как политические выгоды, так и издержки. Например, праведная агрессивность его учеников часто раздражала партийных интеллектуалов более старшего возраста, и в некоторых кругах, по рассказам, выражение «красный профессор» звучало как бранное (53). Гораздо большее политическое значение имело то обстоятельство, что они иногда развивали идеи Бухарина за пределы политического благоразумия (хотя он сам подал такой пример) и, таким

образом, становились легкой мишенью для оппозиционеров, которые в подобных эксцессах усматривали доказательство ереси правящего большинства. Примером может служить полемика, разгоревшаяся после того, как Стецкий и Слепков стали теоретически развивать в официальной прессе бухаринский лозунг 1925 г. «Обогащайтесь!». Существовала еще одна проблема. Оппозиция спешила отнести каждого из раздражавших ее молодых публицистов к бухаринской школе; примером может служить известное дело Богушевского в 1925 г. Богушевский, до тех пор неизвестный журналист, опубликовал в «Большевике» статью, в которой утверждал, что кулак – это «жупел» (54). В течение следующих двух лет левые ссылались на него, считая это доказательством «кулацкого уклона» дуумвирата. На самом деле Богушевский, очевидно, совершенно не был связан с Бухариным, а его статья не прошла цензуру вследствие ряда редакторских просчетов (55).

Тем не менее эта школа, явившаяся для Бухарина политической опорой, сослужила ему в течение некоторого времени хорошую службу. Никто из других лидеров партии не имел своего собственного «агитпропа», который можно было сравнить с бухаринским по количеству и качеству. Эта когорта талантливых людей позволила Бухарину посадить своих людей как раз в тех учреждениях, где формировались политика и идеология и готовились будущие кадры; они с большой эффективностью популяризировали и отстаивали его политику. Бухарин и его ученики, которые встречали любые атаки со стороны оппозиции по-бухарински меткими ответами, в основном обеспечивали идеологическую победу большинства. Эта школа помогла Бухарину подняться до положения главы ортодоксального большевизма и утвердить «бухаринизм» в качестве официальной партийной идеологии*.

Имея все эти реальные политические преимущества, Бухарин вступил в коалицию со Сталиным в 1925 г. Кроме того, он внес в нее кое-что менее ощутимое, но столь же важное: свой личный авторитет – вклад, понятный только в контексте «борьбы за наследие», которая последовала за смертью Ленина. Водном отношении этот термин неправилен. Ибо, хотя внутрипартийные битвы 1923–1929 гг. представляли продолжительные попытки реконструкции власти и авторитета, ранее принадлежавших Ленину, сама мысль, что может существовать преемник – «Ленин сегодня», – была недопустима. Ленинский авторитет в руководстве и вообще в партии был уникален. Прежде всего он объяснялся тем, что Ленин был создателем партии и ее душой; политические оценки Лениным многочисленных оппозиционеров часто оказывались

* Теоретическое обоснование большевизма - марксизм-ленинизм. Эго неоднократно подчеркивал сам Бухарин. Наиболее обстоятельно он изложил свои взгляды по этому вопросу в работах «Ленин как марксист», «Политическое завещание Ленина» и др.

правильными, а сильная сторона его личности состояла в том, что он убеждал и сплачивал своих конфликтовавших коллег. Его авторитет ни в коем случае не был связан с каким-либо официальным постом. По словам Сокольникова, «Ленин не был ни председателем Политбюро, ни генеральным секретарем, и товарищ Ленин тем не менее имел у нас в партии решающее политическое слово». Этот авторитет был, как писал недавно один из авторов, чем-то вроде харизматического авторитета, неотделимого от Ленина как личности и не зависящего от конституционных и установленных процедур (56).

Некоторые из его наследников интуитивно понимали это, выражая свои чувства по-разному. Ленин «был диктатором в лучшем смысле этого слова», сказал Бухарин в 1924 г. Пятью годами позже, характеризуя Ленина как единственного «вождя, организатора, полководца, суровый, железный авторитет» и противопоставляя его жестокой сталинской машине власти, Бухарин пояснял:

> Но он был для всех нас Ильич, свой, близкий, любимый человек, замечательный товарищ и друг, связь с которым неразрывна. Он был не только «товарищ Ленин», а нечто неизмеримо большее. Такова была наша связь… Это вовсе не простое «командование», «администрирование» и т. д. (57).

И личные чувства, и реальное понимание уникальной роли Ленина вызывали естественное нежелание как внутри руководства, так и вообще в партии мыслить категориями «преемственности». Один из делегатов на XIV съезде партии в 1925 г. утверждал, что «его кафтан начинают примеривать отдельные представители… Но этот кафтан никому не подходит…».

Каковы бы ни были тайные стремления и независимо от невыполнимости такой идеи, публично было принято считать, что руководство после Ленина должно быть олигархическим, или, как настаивал Бухарин в 1925 г., коллективным:

> …потому что у нас нет Ленина и нет единого авторитета. У нас сейчас может быть только коллективный авторитет. У нас нет человека, который бы сказал: я безгрешен и могу абсолютно на все 100 % истолковать ленинское учение. Каждый пытается, но тот, кто выскажет претензию на все 100 %, тот слишком большую роль придает своей собственной персоне (58).

Таким образом, заменить умершего вождя должна была группа наследников. Вначале под коллективным руководством подразумевалась узкая группа, не обязательно включавшая в себя всех руководящих большевиков или даже всех членов Политбюро. В нее входило лишь «основное ядро ленинцев» (59), пятеро из шести человек, о которых Ленин писал в своем «Завещании»: Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев и Бухарин. Хотя это редко признавалось публично, тем не менее это

были люди, пользовавшиеся большим авторитетом, каждый из которых воплощал часть ленинского наследия, а все вместе воплощали законный авторитет партии и потому должны были руководить коллективно. Можно привести два показательных примера: Рыков и Калинин были выдающимися деятелями партии, но ни тот, ни другой лично не символизировали большевистский партийный авторитет. Было принято считать, хотя это и не афишировалось, что несколько членов Политбюро были первыми среди равных. Как иногда выражались наблюдатели, они были «большевистским Олимпом» (60). Сталин, умевший грубо, но точно проводить различия между людьми, использовал подобную метафору в 1928 г., характеризуя в беседе с Бухариным состоявшее из девяти человек Политбюро, которое уже больше не включало Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он заявил: «…мы с тобой Гималаи; остальные – ничтожества» (61).

Однако в 1925 г. было пять «Гималаев», или, иначе говоря, авторитетных ленинских наследников (62). Своеобразный «мандат» каждого состоял из следующих четырех пунктов: 1. Вхождение в узкий ленинский круг до и после 1917 г.; 2. Революционно-героическая биография, причем 1917 г. рассматривался как пробный камень; 3. Репутация революционера-интернационалиста; 4. Репутация «выдающегося марксиста», а следовательно – теоретика. Ни у одного из членов коллективного руководства этот мандат не был в полном порядке. Зиновьев и Каменев (чьи фамилии воспринимались как бы написанными через черточку) были сильнейшими в первом пункте, но слабейшими во втором, так как они выступали против восстания в 1917 г.; с другой стороны, Троцкий не имел себе равных во 2-м и 3-м пунктах, был вторым после Бухарина в 4-м, но сильно уязвим в 1-м пункте, так как поздно вступил в партию. Мандат Бухарина также не был совершенным: он превзошел всех как теоретик; имел высокий авторитет, связанный с 1917 г., а также как интернационалист, но не был так близок к Ленину, как Зиновьев, до 1917 г. и так же лоялен к нему после. Мандат Сталина был наименее впечатляющим: у него совершенно не было почвы под ногами в 3-м и 4-м пунктах, а во 2-м он стоял далеко за Троцким и Бухариным.

Хотя эти преимущества приобретали все более призрачный характер (ибо тот, чей мандат производил наименьшее впечатление, обладал наибольшей властью), отношение к ним было очень серьезным; это видно из того, какое значение имели в 20-х гг. политические и партийные биографии ведущих руководителей и какие попытки предпринимали некоторые из них, чтобы приукрасить свои мандаты. Зиновьев и Каменев отчаянно пытались затушевать свой позор 1917 г.; их оппоненты этого не позволили. Зиновьев старался в 1925 г. выйти на первый план как теоретик, но получил отпор со стороны Бухарина. Троцкий старался как-то искупить свое меньшевистское прошлое; этот факт его

биографии всегда использовали противники, которые, кроме того, оспаривали ортодоксальность его идей до 1917 г. Сталин, вытесняя своих соперников, шаг за шагом добился некоторого авторитета в Коминтерне, но он был совершенно неизвестен как теоретик и болезненно воспринимал это, что видно из слов Бухарина, сказанных в 1928 г.:

> Сталина съедает жажда стать признанным теоретиком. Он считает, что ему только этого не хватает (63).

В этом контексте ясна важная роль Бухарина в дуумвирате. Ранее первые триумвиры объединились в надежде, что их коллективное положение поколеблет огромный авторитет Троцкого в партии. Им удалось убедить многих, что он был неискренним и высокомерным самозванцем. Однако теперь Зиновьев и Каменев порвали со Сталиным и вскоре объединились с Троцким. Иллюзия их коллективного авторитета побудила Каменева обратиться к Троцкому: «Достаточно Вам и Зиновьеву выработать единую платформу, и партия обретет свой настоящий Центральный Комитет». Троцкий вспоминал, как он высмеивал «такой бюрократический оптимизм» (64), но несомненно, что Сталина приводила в ужас сама мысль о возможности осуществления надежд Каменева. Наименее выдающийся из пяти ленинских наследников, трое из которых выступили теперь против него, понял, что он может выглядеть узурпатором; причем сложность его положения еще более усугублялась все еще неопубликованным, но уже хорошо известным «Завещанием» Ленина.

Приход Бухарина к совместному руководству со Сталиным помог последнему предотвратить эту опасность. Бухарин поделился по меньшей мере частью своего законного авторитета и тем самым сделал возможной устойчивость «коллективной власти» большинства. Несмотря на относительную молодость Бухарина и на то обстоятельство, что его сильной стороной была теория, а не практическая политика (что, наверное, отражалось на его статусе политического руководителя), все же нельзя приуменьшать его действенную роль в придании веса дуумвирату. В отличие от Сталина именно его голос был авторитетным во внешне- и внутриполитических вопросах: от реальности создания советов в революционном Китае до политики капитальных вложений и литературной политики в стране (65). В то же самое время Бухарин фактически выступил поручителем генсека, распространив свою популярность на человека, которого недолюбливали как по личным причинам, так и из-за политических разногласий, и он, если привести более конкретный пример, «создавал атмосферу доверия к нему в Коминтерне» (66).

Факт близости к Ленину в прошлом приобрел особое значение в 1925 г. Крупская, по отношению к которой Сталин тремя годами раньше допустил «грубейшую выходку», открыто поддерживала Зиновьева и Каменева. То, что она была на их стороне, символизировало их дли-

тельную тесную связь с ее покойным мужем и напоминало хорошо осведомленным большевикам об убийственном постскриптуме ленинского «Завещания», в котором Сталин осуждался как «слишком грубый» и где рекомендовалось отстранить его от должности генерального секретаря (67). Бухарин в свою очередь также имел поддержку от младшей сестры Ленина – М.И. Ульяновой. Между ними существовали теплые личные и деловые отношения. М.И. Ульянова была старым и близким другом Бухарина и с 1917 г. работала ответственным секретарем «Правды». Поражение Бухарина в 1929 г. положило конец ее политической деятельности, и она, находясь почти в опале, умерла в 1937 г., спустя несколько месяцев после его ареста. Но в 1925 г. М.И. Ульянова поддерживала Бухарина и, следовательно, Сталина. В то время была широко известна фотография, где она сидит рядом с Бухариным в редакции «Правды» (68). А на XIV съезде, после того как Крупская публично выступила против интерпретации Бухариным последних статей Ленина, М.И. Ульянова возражала ей в своем коротком выступлении: «Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены нашей партии. Я думаю, что такой монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками не существует и не должно существовать» (69).

Однако в конечном счете авторитет Бухарина основывался на его репутации крупнейшего в то время большевистского марксиста, или (как это было официально провозглашено в 1926 г.) человека, «признанного теперь самым выдающимся теоретиком Коммунистического Интернационала» (70). Он попал в весьма сомнительное положение «живого классика». Его труды издавались в официальных сборниках по марксистской экономике, философии, социологии, литературной критике и искусствоведению. Когда советский автор желал привести свидетельство «международного авторитета» интеллектуальных достижений большевиков, он говорил: «Достаточно указать только на выдающиеся социологические и экономические работы Н.И. Бухарина…» (71). Почетный член Коммунистической академии и ее Президиума, Бухарин стал единственным партийным руководителем, выдвинутым в кандидаты и избранным в члены Академии наук СССР в 1928–1929 гг., что явилось последним. почетным признанием его исключительности (72).

На таком превозношении (даже если оно и было в некоторой степени лестью) в сочетании с положением наследника и основывался политический авторитет Бухарина, который при создавшихся обстоятельствах с 1925 по 1928 г. косвенным образом распространялся на Сталина. Наибольший политический вес в 20-х гг. имел именно интеллектуальный авторитет, поэтому, когда в 1928 г.генсек начал против Бухарина тайную кампанию, он атаковал прежде всего его репутацию теоретика.

В отличие от более поздних времен, когда Сталин обратил все эти «мандаты» в бессмыслицу тем, что приписал все и вся одному себе (что потом будет названо «культом личности»), в конце 20-х теории партии придавалось большое значение. Соперничавшие между собой претенденты на большевистскую ортодоксию расценивали ее как надежнейшее средство для проведения правильной политики и как самый верный показатель революционной правоверности вообще. Они были согласны относительно того, что теория и политика суть одно и то же. Или, как в 1929 г. восклицал один из сталинистов, Л.М. Каганович, «предательство в политике всегда начинается с ревизии в теории» (73).

Так выглядел в общем сталинско-бухаринский дуумвират. Как наследники Ленина Сталин и Бухарин были высокопоставленными партийными лидерами большинства, но не единственными его крупными представителями. Два других члена Политбюро приобрели к этому времени особую значимость как стойкие сторонники бухаринской политики большинства и решительные противники левых. Одним из них был Алексей Иванович Рыков, который, будучи преемником Ленина на посту Председателя Совнаркома и заменив в 1926 г. Каменева на посту Председателя Совета труда и обороны, занимал две наиболее важные правительственные должности. Другим был Михаил Павлович Томский (урожденный Ефремов), который начиная с 1918 г. (исключая небольшой период 1921–1922 гг., когда он был в немилости у Ленина), являлся руководителем советских профсоюзов (74). Два этих важных (и забытых) деятеля революции являлись старыми большевиками, полноправными членами Политбюро с 1922 г., а теперь были сторонниками нэпа как экономической структуры, необходимой для индустриализации. Вместе с Бухариным они составили в 1928–1929 гг. руководство правой оппозиции против Сталина.

Рыков являлся наиболее ярким представителем умеренного течения в русском большевизме. Рыкова, ставшего в 1924 г., в возрасте 43-х лет, Председателем Совнаркома можно отнести к правому крылу партии, о чем свидетельствует его оппозиция Апрельским тезисам Ленина в 1917 г. и поддержка им идеи создания коалиционного социалистического правительства в октябре. Талантливый администратор, он возглавлял Высший совет народного хозяйства в период «военного коммунизма» и короткое время в 1923 г., был заместителем Председателя Совнаркома с 1921 по 1924 г.; он прежде всего был ведущей фигурой в государственных и экономических организациях. В годы гражданской войны он преданно и умело проводил политику партии, но (как он однажды признался) никогда не изменял политическому духу ленинского лозунга 1905 г. – «Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (75). Он был таким марксистом, которые часто встречались среди первых большевиков: их реальной политической деятельностью была борьба с самодержавием, а представление о социализме связыва-

лось в их мышлении со всеми «трудящимися», а не только с пролетариатом. Выходец из крестьян, Рыков пользовался репутацией человека, «любовно и внимательно относящегося к нуждам крестьянства» (76).

Он полностью одобрил введение и распространение нэпа и стал его искренним и непреклонным защитником. Постоянный противник претенциозных экономических проектов и волюнтаристских схем планирования, он разделял неприязнь Бухарина к «закону» Преображенского как к «позорной теории», которая, будучи воплощена в жизнь, явилась бы «смертельной компрометацией социализма». Кроме своей программной враждебности к левым, он, по-видимому, испытывал особую неприязнь к Троцкому и его окружению (77). Никто из главных большевистских деятелей, включая Бухарина, не олицетворял так недвусмысленно, как он, политическую и экономическую философию нэпа и смычки. Хотя Рыков в гораздо меньшей степени, чем Бухарин, был склонен к теоретическим обобщениям, к 1925 г. его взгляды по вопросам промышленной и аграрной политики фактически не отличались от бухаринских; а когда в 1924–1925 гг. в партии возникли новые политические группировки, он выдвинулся как один из активнейших сторонников Бухарина (78).

Томский, участник революционного профсоюзного движения с 1905 г. и единственный член Политбюро подлинно пролетарского происхождения, был представителем других элементов большевизма. Его приверженность нэпу не столь легко объяснима. Рассматривая пролетариат как самую существенную свою подцержку, партия, само собой разумеется, считала профсоюзы его «становым хребтом». Поэтому, хотя большевистские профсоюзные руководители уже больше и не надеялись быть руководящей силой, на что они рассчитывали в первые дни революции, они все же оставались влиятельной группой. По общности происхождения и идентичности взглядов они представляли собой наиболее монолитную прослойку среди партийной элиты, которая осознавала себя чем-то вроде «партии внутри партии» (79). Томский, председатель ВЦСПС, являлся их официальным руководителем и политическим деятелем, занимавшим среди них самое высокое положение. Вокруг него группировались наиболее активные деятели советского профсоюзного движения, которые в 1928–1929 гг. были устранены Сталиным со своих постов: Г.Н. Мельничанский, А.И. Догадов, Яков Яглом, В.М. Михайлов, Борис Козелев, Федор Угаров и Василий Шмидт – народный комиссар труда, должность, которую всегда занимали и брали под контроль профсоюзные деятели. Эти люди, как позднее отмечал Томский, были «товарищами, которые в течение ряда лет привыкли видеть во мне своего руководителя». Они считали Томского своим эмиссаром в Политбюро, воспринимали его как непререкаемый авторитет, превозносили как профсоюзного деятеля и старого большевика и содейство-

вали тому, чтобы его имя стало «персонификацией руководства профсоюзами» (80).

Взгляды Томского отражали общую линию поведения профсоюзных лидеров. Ранее он решительно выступал против «огосударствления» профсоюзов и столь же последовательно защищал роль профсоюзов в управлении промышленностью (81). Первая его позиция стала успешной после крушения «военного коммунизма», а вторая была безоговорочно проиграна к 1920 г. Когда нэп достиг высшей точки своего развития, Томский стал разделять взгляды на новую двойную роль, которую должны играть профсоюзы: «приводного ремня» от партии-государства к рабочему классу и одновременно защитника интересов рабочих в условиях смешанной экономики. Несмотря на свою верность партийной политике, он ревностно посвящал себя второй, более традиционной задаче. В 1925 г. он ясно выразил мысль, что в рамках этой структурной двойственности профсоюзные деятели вновь стали серьезно относиться к своему обязательству заботиться о благосостоянии трудящихся:

> Перед профессиональными союзами всегда стоит… одна основная задача: задача эта, определяемая самой ролью и значением профсоюзов, есть задача всестороннего обслуживания и непрерывной работы над поднятием, улучшением материального и духовного уровня объединяемых ими масс.
>
> Эта задача, которая на протяжении всей истории профдвижения стоит и будет стоять перед профсоюзами (82).

Такое понимание роли профсоюзов определило подцержку Томским экономической политики Бухарина– Рыкова. Он, очевидно, предвидел последствия, которые будет иметь для профсоюзов программа форсированной индустриализации и первоочередных вложений в тяжелую промышленность, которую предлагали левые (а затем и Сталин). Каковы бы ни были его оговорки в отношении официальной политики, он предпочитал перспективу последовательного роста потребления и реальной заработной платы и сохранения автономии профсоюзов. Начиная с 1923 г. Томский стал выступать вместе с Бухариным и Рыковым; и отчасти потому, что жива была еще память об идеях милитаризации труда и «перетряхивании» профсоюзного руководства, которые выдвинул Троцкий в 1920 г., Томский и его окружение были убежденными противниками предложений левых (83).

На позицию Томского оказывало влияние и другое соображение. По вопросу интернационального единства рабочего класса, или социалистического единства, профсоюзные деятели представляли самую активную группу в партии, мыслившую интернациональными категориями. Большинство их выступали за коалиционное социалистическое правительство в 1917 г.; теперь же они хотели восстановить отношения de facto или de ure с европейскими социал-демократическими профсоюзами, объединившимися вокруг Амстердамского интернационала (84).

Кульминацией их усилий был 1925 г., который принес расширение контактов с Амстердамом и первое важное свидетельство восстановления единства международного профсоюзного движения: образование Англо-русского объединенного профсоюзного комитета.

Создание этого комитета было с энтузиазмом воспринято большевистскими профсоюзными деятелями, особенно Томским. Будучи частым гостем европейских профсоюзных съездов, он в период недолгого существования этого комитета (главным защитником которого в большевистской партии он был) стал известным деятелем международного профсоюзного движения (85). Эта деятельность, наиболее заметная, но далеко не единственная из попыток, направленных на поиски путей сотрудничества с европейскими социал-демократами, была (как мы увидим) совместима с новыми взглядами Бухарина на международную политику. Однако для Троцкого (и в меньшей степени для Зиновьева) эта деятельность была совершенно отталкивающей; он усматривал в ней еще одно свидетельство реформизма большинства. Таким образом, ориентация Томского как во внутренней, так и во внешней политике определила его место в лагере большинства. В 1925 г. характерной чертой его деятельности стало то, что он решительно боролся против любых попыток «дискредитации Бухарина» как выразителя экономической политики партии; вскоре после этого он стал «целиком и полностью поддерживать» идеи Бухарина в области международной политики (86).

Точное время, когда Бухарин, Рыков и Томский стали смотреть на себя как на отдельную группу внутри Политбюро, неизвестно (87). Однако ясно, что вскоре обстоятельства выделили эту тройку. Во-первых, все они были лидерами, чье внимание было приковано к проблемным вопросам и чья сплоченность основывалась на приверженности к специфической политике (что было продемонстрировано в 1928 г.). Во-вторых, в избранном в январе 1926 г. Политбюро, состоявшем из девяти членов (в котором Каменев был понижен до положения кандидата, а Молотов, Ворошилов и не имевший большого веса Калинин стали полноправными членами), они были единственными крупными лидерами большинства, которые не были так или иначе обязаны своим высоким положением Сталину (имена Молотова и Ворошилова давно уже связывали с именем генсека). Показательно, что Бухарин, Рыков и Томский, каждый в отдельности, на XIV съезде или вскоре после него, пользовались каждым удобным случаем, чтобы публично осудить принцип доминирующего члена Политбюро («единственный авторитет»), а это суждение было уместным только в отношении Сталина, которого его сторонники уже превозносили как первого среди равных (88). В-третьих, по личным, политическим и организационным соображениям Рыков и Томский готовы были предпочесть Бухарина Сталину, если бы пришлось выбирать кого-то одного из этих двух дуумвиров.

Внешне могло показаться, что как администраторы и практические политики Сталин, Рыков и Томский должны были быть естественными союзниками. Но истина, по-видимому, была в обратном. Благожелательный и популярный Рыков не был похож на Сталина по своим личным качествам. Он, очевидно, не доверял генсеку, и тот в ответ презирал его (89). Еще более важно то, что Рыков и Сталин возглавляли соперничающие организации: государство и партию, что само по себе способствовало возникновению трений. Союз Томского со Сталиным также был маловероятен; их взаимная неприязнь, возникшая, по-видимому, еще в 1921 г., стала очевидной в 1928 г. (90). Кроме того, Томский хотел укрепить независимость профсоюзов, тогда как Сталин стремился подчинить их партии и таким образом распространить власть Секретариата на организационное «княжество» Томского. И, наконец, все возрастающее участие Томского в международных делах привело его к конфликту со сталинским приверженцем – руководителем Красного интернационала профсоюзов (Профинтерн) Соломоном Лозовским, который был возмущен самостоятельными и независимыми связями советских профсоюзов с зарубежными (91). Неудивительно поэтому, что ни Рыков, ни Томский публично не выражали никакого энтузиазма в отношении Сталина, и периодически появлялись сообщения об из разногласиях с ним (92). Что касается Бухарина, то он был известен как твердый сторонник восстановления и сохранения официального разделения функций государства и партии; и начиная с 1926 г. он восторженно отзывался о деятельности советских профсоюзов, как внутренней, так и международной (93).

Союз Бухарина, Рыкова и Томского, уже заметный, хотя и не вполне отчетливый, сложился, по крайней мере к 1926 г., скорее в силу обстоятельств, чем какого-либо плана. Их для удобства можно охарактеризовать как правых в Политбюро, памятуя о том, что они, по меткому замечанию Пятакова, «на 150 % нэписты», были преданы политике, противоположной политике левых, и что Сталин, поддерживая эту политику, занимал позицию центра, не раскрывая своих замыслов и защищая оба свои политических фланга (94). Все трое дополняли друг друга как политические руководители. Обстоятельный, деловой подход Рыкова к экономическим проблемам являлся ценным дополнением к философскому подходу Бухарина, тогда как участие Томского придавало их политике менее «прокрестьянский» характер. В то же время они были людьми разных наклонностей. Томский, несомненно, предпочитал бы политику, непосредственно более выгодную для профсоюзов и трудящихся и менее связанную с крестьянством. И ни он, ни Рыков не разделяли революционного энтузиазма Бухарина в международной политике (Председатель Совнаркома при необходимости высказывался в тоне, отличном от тона главы Коминтерна). Их политическая соли-

дарность, как и солидарность всех других «группировок» основывалась не на полном согласии, а на том, что отделяло их от других. Как позднее объяснял Томский: «…я правее Бухарина в международных делах на 30 км, но я левее Сталина на 100 км» (95).

Ещё три черты отличали правых в Политбюро. В отличие от преимущественно еврейского состава левых и становившегося все более кавказским состава сталинской группы все главные и все менее значительные правые руководители были русскими. Хотя этот факт не остался незамеченным, его действительное политическое значение не ясно. Возможно поэтому их так волновала судьба русского крестьянства. Но то, что казалось вероятным, не всегда было таким на деле. Например, нерусские национальности пользовались наибольшей свободой как раз в то время, когда правые в Политбюро занимали господствующее положение (96). Вторая черта была особенно разительна по контрасту со Сталиным: Бухарин, Рыков и Томский имели репутацию популярных большевистских лидеров. Томский, который руководил профсоюзами с бюрократической исполнительностью, мог, возможно, только выиграть, будучи единственным лидером беспартийной массовой организации в Политбюро. Однако у Рыкова, как и у Бухарина, «народная поддержка» была подлинной. Все трое (по воспоминаниям мемуаристов) появлялись на улицах без охраны (97). Их личная популярность, их примиренческая и благожелательная по отношению к крестьянству политика и тот факт, что Рыков, Томский и правый Калинин (возглавлявший ВЦИК и считавшийся, таким образом, президентом Советского Союза) представляли основные беспартийные организации, – всё это могло навести на мысль, что правые пользуются поддержкой народа или по крайней мере стремятся к этому. Один наблюдатель отмечал: «Они старались выглядеть руководителями народа» (98).

Существовала, хотя и слабо различимая, третья политическая особенность правых в Политбюро: большая поддержка, получаемая их руководителями от наркоматов (особенно земледелия, финансов, труда и торговли) и других государственных учреждений (ВСНХ, Госбанк и Госплан), ответственных за подготовку и проведение экономической политики. Эти организации, которые по своей природе должны были одобрять возврат к традиционной экономической практике и получившие в связи с нэпом важное значение, были в основном укомплектованы бывшей антибольшевистской интеллигенцией – беспартийными специалистами (99). В частности, и бывшие меньшевики, работавшие в ВСНХ и Госплане, и бывшие эсеры из Наркомзема отдавали большее предпочтение Бухарину и Рыкову как партийным руководителям, чем Сталину или левым. Их предпочтение основывалось на двух взаимосвязанных предпосылках: на том, что экономическая политика правых была более приемлемой, и на том, что победа Сталина или Троцкого,

каждая по-своему, положила бы конец гражданскому миру и могла бы вызвать возобновление политической борьбы и потрясений, характерных для периода «военного коммунизма». Хотя они с симпатией относились к Бухарину, их любимым деятелем был Рыков. Как глава правительства и как человек, он пользовался репутацией покровителя и защитника беспартийных специалистов (100). Последние перестали работать в советских учреждениях и потеряли своё влияние после отстранения Рыкова от власти.

В этой связи ВСНХ имел особое значение как средоточие индустриальной стратегии правых к 1924–1926 гг. Как номинальный руководитель государственного сектора ВСНХ был в основном ответствен за планирование и развитие тяжелой промышленности. С назначением Рыкова на должность Председателя Совнаркома в феврале 1924 г. Феликс Дзержинский – глава ВЧК – стал Председателем ВСНХ. Опасения специалистов оказались напрасными: Дзержинский стал их надежным покровителем и, что особенно важно, страстным защитником бухаринской экономической политики. Будучи горячим сторонником смычки, Дзержинский был убежден еще больше Бухарина в эффективности развития тяжелой промышленности на основе крестьянского рынка и в возможности накопления в государственном секторе посредством снижения себестоимости продукции и ускорения оборота. Он поддерживал основное бухаринское положение: «Нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни» (101).

Волевой Председатель ВСНХ, кандидат в члены Политбюро и все еще глава ВЧК, Дзержинский предал действиям правых организационную твердость, которой многим из них не хватало. Этот, в некоторых отношениях самый грозный и энергичный представитель большинства в дискуссиях с «левыми» индустриализаторами, умер 20 июля 1926 г., спустя несколько часов после яростного спора с оппозиционерами. Выступил бы Дзержинский вместе с Рыковым, Бухариным и Томским против Сталина в 1928 г., можно только гадать. Но его смерть лишила их важной поддержки. Его преемником на посту Председателя ВСНХ стал Валериан Куйбышев, сторонник Сталина и ревностный защитник проектов, требовавших крупных капиталовложений и ускоренной индустриализации. За какие-то недели коренным образом изменился личный состав ВСНХ и характер его деятельности (102).

Правые, как уже было замечено, пользовались значительной поддержкой именно вне партийного аппарата. За одним исключением, не было среди важнейших организаций партии тех, о которых можно было бы сказать, что они теснейшим образом связаны с политикой или лидерами правых. Однако единственное исключение было важным: крупнейшая парторганизация – московская. Политическая история Московского комитета партии в течение этого периода не совсем ясна. Хотя

его руководство было лояльно по отношению к триумвирам, оппозиция Троцкого привлекла на свою сторону многих сочувствующих на более низких уровнях, прежде всего из среды студентов из числа бывших московских левых 1917 г. Вероятно, из-за беспокойного положения в столице первый секретарь Московского комитета в сентябре 1924 г. был заменен одним из секретарей ленинградской партийной организации Николаем Углановым (103).

Угланов, который быстро выдвинулся в кандидаты в члены Политбюро и был введен в Секретариат и в Оргбюро, заверял, что в ближайшие три года Москва станет твердым сторонником большинства (и дуумвирата). В 1928 г. он, его коллега – секретарь МК В. Котов – и большинство из руководства Московским комитетом: Е.Ф. Куликов, М.Н. Рютин, Н.Н. Мандельштам, Н. Пеньков, Г.С. Мороз, В.А. Яковлев и В.М. Михайлов были твердыми сторонниками антисталинской оппозиции, возглавляемой Бухариным, Рыковым и Томским, и потом были разгромлены вместе с ней (104). Историки предполагают, что Угланов был сначала ставленником Сталина в Москве и что он стал оппозиционером потом, когда его взгляды изменились. На самом же деле, согласно существенным свидетельствам, руководство московской организации с 1925 г. было солидарно с политикой правого крыла Политбюро и с Бухариным в частности.

Первые признаки того, что экономическую программу Бухарина необычайно тепло встречают в столице, появились во время образования дуумвирата. К середине 1925 г. борьба с зиновьевцами приобрела характер противостояния Москвы Ленинграду, причем оппозиция подразумевала, что «прокрестьянская» ориентация «провинциальной» Москвы не была случайной и что ее собственная истинно пролетарская линия соответствует единственно революционной традиции Ленинграда – «этой соли пролетарской земли». Это соперничество Москвы и Ленинграда отчасти было возрождением дореволюционного соперничества двух русских столиц. Такому развитию событий во многом содействовал Зиновьев, который в 1918 г. выступал против переноса столицы в Москву и теперь оказался отрезанным от центрального партийного и государственного аппарата (105).

Однако в основе этого соперничества лежала и социологическая причина. В Москве и прилегающих к ней районах размещалось более 1/5 всех производственных мощностей советской промышленности; но продукция лёгкой промышленности составляла 84 % (в 1926 г.) общей продукции, производимой в этом регионе, в том числе почти половину текстильной продукции страны. Поэтому восстановление промышленности в Москве начиная с 1921 г. проходило бурно, а заработки рабочих были наивысшими в стране. В Ленинграде сложилась совершенно противоположная ситуация ввиду того, что там главное место занимала

тяжелая промышленность и четырёхлетняя установка на производство товаров широкого потребления имела негативные последствия. Хотя москвичи любили поразглагольствовать о «превращении ситцевой Москвы в металлическую», ясно, что нэп и промышленная программа Бухарина были выгодны для их города (106). Знаменательно, что Угланов выступал против проекта Днепростроя, предвестника наступившего в конце концов значительного перемещения капиталовложений в сторону тяжёлой промышленности. А излюбленные упреки в адрес руководителей Московского комитета состояли в том, что они занимаются «идеализацией “ситцевой” Москвы» (107).

В некоторой степени предубеждение Московского комитета против тяжелой промышленности совпадало с аналогичным предубеждением Томского и других профсоюзных деятелей и указывало на иного рода связи между правыми в Политбюро и Москвой. Угланов отождествлялся с партаппаратом с 1921 г.; до этого, однако, он занимал не менее видное положение в профсоюзах (108). Его прошлые связи с Томским не совсем ясны, но, как рассказывают, их дружба сыграла свою роль в 1928 г.; согласно некоторым свидетельствам, Угланов заявлял, что Томский заслуживает стать пожизненным руководителем профсоюзов (109). Кроме того, хотя некоторые соратники Томского по руководству (подобно ему самому и Угланову) сделали карьеру в Ленинграде, многие руководители профсоюзов были москвичами. Одним из них был Михайлов – председатель имевшего важное значение Московского областного совета профсоюзов; от также был членом бюро Московского комитета, руководимого Углановым. Другим был Мельничанский – председатель профсоюза текстильщиков, которые составляли 55 % рабочих – членов московской партийной организации (110). Осталось неясным, были ли эти личные и организационные контакты решающими или привходящими, но можно предполагать, что в Москве к 1925 г. сложилась своя особая «ситцевая» точка зрения.

Но в политике соперничавших авторитетов и «княжеств» решающее значение имела связь с ленинским наследником. То, что Бухарин любил родной город (где он начал свою деятельность в качестве члена партии, где стал позднее одним из ее руководителей и где он пользовался уважением), проявилось во многом: в его упоминании «подвигов, которыми может гордиться Москва», в переименовании в его честь проспекта, трамвайного депо, парка, библиотеки, рабфака, таможни и нескольких фабрик, в избрании его почетным членом Московского Совета (111). Для этого были достаточно глубокие причины: между декабрем 1924 г. и ноябрем 1927 г. Бухарин произнес по крайней мере четырнадцать речей на официальных московских собраниях, двенадцать из которых были произнесены на важных собраниях московских партийных или комсомольских организаций; все эти речи содержали страстные, порождавшие дискуссии политические заявления.

Количество выступлений можно считать чрезвычайно большим, если принять во внимание, что Бухарин не занимал никакой должности в партийной организации Москвы – городе, который всегда имел своего представителя в Политбюро. (За тот же период Сталин выступал только на четырех московских собраниях, причем один раз явно без официального приглашения) (112). Примером исключительности политических отношений между Бухариным и руководителями московской партийной организации может служить Московская областная партийная конференция, состоявшаяся в декабре 1925 г., за несколько дней до съезда партии. На этой конференции Бухарин представил очень характерное для него объяснение нэпа и его последующей социалистической эволюции, а также резко критиковал ленинградцев, которые в течение нескольких месяцев ставили под вопрос его авторитет в идеологии (113).

Московская конференция приняла тогда пространную резолюцию и открытое письмо в адрес ленинградской организации. Оба эти документа означали беспрецедентную, последовательную, пункт за пунктом, защиту и поддержку Бухарина и его идей. Важнейшая идея Бухарина явственно проступала в одном из этих документов: «Ленин… ясно подчёркивал возможность непосредственного социалистического развития кооперации». Это положение было важнейшим звеном аграрной теории Бухарина и представляло собой спорную формулировку, которая еще ни разу не была представлена в резолюциях Центрального Комитета. Полное одобрение этой формулировки московской партийной организацией говорило о возникновении определенно бухаринской ориентации в идеологии москвичей (114).

Москва не стала снова вотчиной или «княжеством» Бухарина. Московские руководители, казалось, считали себя полуавтономной силой в партии, а не вассалами какого-либо вождя (таков был пример правления Зиновьева в Ленинграде). Угланов сам стал могущественной фигурой, а несколько его соратников-москвичей были членами Центрального Комитета. Подобно многим секретарям партийных организаций того времени, они не являлись креатурой Сталина, это были самостоятельно мыслящие люди, способные в определенных пределах проводить свой собственный курс (115). Но принимая во внимание полуавтономность Москвы (сопоставимую, возможно, с полуавтономностью профсоюзных деятелей), кажется ясным их пристрастие к Бухарину и к правым. Вместе с тем их солидарность определялась в основном их взглядами, а не политической зависимостью, что до сих пор отличало сталинскую группу. Они также воздерживались от восхваления генсека; в то время как его роль в партии все возрастала, они называли его «одним из работников, одним из руководителей» (116). Когда, наконец, произошел разрыв между правыми в Политбюро и Сталиным, Угланов был среди первых, если не самым первым, кто бросил перчатку.

Таким образом, между 1925 и 1928 гг. Бухарин достиг высоких постов в руководстве и влияния в стране благодаря сплочению единомышленников вокруг его политики, коалиции со Сталиным и в условиях вакуума, возникшего в результате отступничества (а затем исключения из партии) трех других ленинских наследников. В течение этих трех лет он играл важную роль как руководитель. Хотя в конечном счете он допустил, чтобы его авторитет использовался для действий неприглядных и обречённых на неудачу, он не был непривлекательным политическим деятелем и намеренно не злоупотреблял властью. Всегда, когда дело касалось широких масс населения, его представление об обновляющей роли большевизма и сопутствующей ему «грандиозной ответственности» побуждало его выступать в защиту мягкой формы партийного руководства. В духе такой ответственности он призывал членов партии понять, что «настоящий коммунист… никогда, ни на одну минуту не должен забывать о тяжёлых условиях, в которых живут рабочие, которые являются нашей плотью и кровью…» Он знал, что сострадание к людям не всегда является естественным состоянием партийного рассудка: «Нужно воспитывать в себе чувство массы, чувство связи с массами, чувство постоянной и непрерывной заботы об этой массе, всюду и везде… Необходимо воспитывать еще и еще чувство ответственности» (117).

На другом уровне общественной жизни период пребывания Бухарина у власти совпал с замечательным оживлением интеллектуальной и художественной творческой деятельности как внутри, так и вне партии. Он не был единственным покровителем этого процесса, но его высокое положение гарантировало официальную терпимость к таким вещам на протяжении 20-х гг. Он способствовал развитию художественных и научных достижений и составлял редкое исключение в среде партийных вождей, состоя в хороших отношениях с такими разными людьми, как Осип Мандельштам, Михаил Покровский, Максим Горький и Иван Павлов. Партийные интеллигенты видели в нем члена высшего партийного руководства, которого можно было считать «своим» и который без подозрения относился к различным течениям и новшествам. Подобно многим старым большевикам, он придавал большое значение истинной образованности, высмеивая проявления «талмудистского уклона, когда зубрили, положим, первый том “Капитала”, но если спросить у человека, где находится Швеция, он легко мог бы её спутать с северной Африкой…» (118). В заслугу Бухарину можно поставить то, что он выступал (как оказалось, напрасно) против переноса бранных и пустых эпитетов из сферы политической борьбы в интеллектуальную жизнь партии и тем самым против выхолащивания её (119).

У беспартийной интеллигенции, как технической, так и творческой, тоже не было оснований его бояться. Он не только защищал некоторых

из них, например поэта Осипа Мандельштама, но и терпимо относился к их деятельности, и если не как идеолог, то как человек, ценил их творчество (120).Ему очень не нравилась (если взять еще один пример из литературы) поэтическая идеализация Сергеем Есениным «самых отрицательных черт русской деревни». Однако он понимал, что поэт популярен, что «у комсомольца частенько под “Спутником коммуниста” лежит книжечка Есенина» отчасти потому, что «мы подаем удивительно однообразную идеологическую пищу», от которой «непривычного человека начинает прямо тошнить». Партийные писатели, отмечал он, «не трогали тех струн молодежи, которые тронул Сергей Есенин». Стойкий противник бюрократизации культуры, Бухарин стремился к гуманному коммунистическому искусству, «которому не чуждо ничто человеческое»: «Нам не нужно ходячих икон, хотя бы и распролетарского типа, которые обязательно должны целовать машины или разводить разужасный “урбанизм”…» (121).

Главной ошибкой Бухарина (как впрочем и его соперников) было его нежелание или неспособность проявить такую же чуткость и терпимость к своим партийным противникам, исходя из предпосылки, будто экономическому и культурному плюрализму советского общества может противостоять некое единство взглядов внутри партии. С момента возникновения дуумвирата Бухарин все больше ощущал оттенок мстительности, который принимали внутрипартийные битвы. На совещании после XIV съезда в декабре 1925 г., на котором Бухарин поддержал организационные репрессии Сталина против ленинградцев, Каменев с возмущением заметил, что Бухарин отвергал применение аналогичных мер против Троцкого в 1923–1924 гг. Со своего места Троцкий воскликнул: «Он вошёл во вкус!» Несколько дней спустя в письме к нему Бухарин ответил: «Вы думаете, что я “вошел во вкус”, а меня от этого “вкуса” трясёт с ног до головы» (122). Видимо, можно найти объяснения тому, почему Бухарин санкционировал репрессии, несмотря на свои оговорки. В течение полугода зиновьевцы избирали его мишенью грубых нападок. Он не преувеличивал, когда жаловался, что они игнорировали «элементарнейшую справедливость» и «беззастенчиво меня травили». Он был совершенно измотан, подавлен и раздражен. Он знал, что, если бы победу одержал Зиновьев, который раньше требовал ещё более суровых мер против Троцкого, он не был бы более милостив (123).

Но истинным испытанием для ещё сохранившейся у Бухарина сдержанности (поскольку Зиновьев умел заставить каждого вести себя наихудшим образом из всех возможных) явились его отношения с Троцким. В 1923–1924 гг. он участвовал в кампании против Троцкого неохотно, без личного энтузиазма, не подражая «дурно пахнущим» нападкам зиновьевцев; частным образом он настаивал на возможности

оставить Троцкого в руководстве, неоднократно отражая попытки Зиновьева и Каменева вывести его из Политбюро или даже принять более суровые меры (124). С тех пор в отношениях между ними мало что изменилось, поскольку Троцкий наблюдал за полемикой 1925 г. со стороны. Теперь же, в начале 1926 г., вероятно надеясь отговорить Троцкого от объединения с Зиновьевым и Каменевым, Бухарин напоминал ему о своей прежней сдержанности и о том, что он «всегда был против… того, чтобы Троцкого считали меньшевиком. Конечно, Троцкий не меньшевик… Партия многим ему обязана…» (125). Тогда же между этими двумя деятелями завязалась частная переписка. Начатая Бухариным в январе 1926 г. и состоявшая из нескольких искренних писем и записок, она продолжалась всего три месяца, пока Троцкий не объединился со своими прежними хулителями и фракционные распри не достигли своей кульминации.

Переписка была поучительной и жалкой; она свидетельствовала о том, что два старых товарища ещё способны проявлять друг к другу сердечность и дружелюбие, но не могут прийти хотя бы к малейшему политическому согласию. Злополучная история этих старых большевистских вождей обнаружилась в этих письмах в сжатом изложении. Бухарин убеждал Троцкого пересмотреть «большие социальные вопросы» революции, спор о которых шёл в 1925 г. Однако Троцкий упорно настаивал на обсуждении единственно вопроса о бюрократизации партии. «Подумайте на минуту над таким фактом, – рассуждал он, – Москва и Ленинград – два главных пролетарских центра выносят единовременно и притом единогласно (подумайте – единогласно!)… две резолюции, направленные друг против друга». Он считал это свидетельством того, что его предупреждения насчет системы «аппаратного террора» полностью подтвердились. Бухарин, с другой стороны, хотел, чтобы Троцкий рассудил, какая из резолюций содержала правильную оценку политических и экономических вопросов (126).

Ни один из них не мог до конца понять и разделить тревоги, волновавшие другого. Переписка окончилась просьбой Троцкого, чтобы Бухарин расследовал антисемитские выпады, встречавшиеся в официальной кампании против левых. Ответ Бухарина (а он был искренним противником антисемитизма) не обнаружен (127). Слабые отголоски их возобновившегося взаимного расположения давали себя знать ещё несколько месяцев, так как они воздерживались чернить друг друга. Однако вскоре фракционное озлобление охватило обоих; к 1927 г. они стали взаимно обвинять друг друга «во лжи, в клевете, в термидоре». В глазах Троцкого, который на всё теперь смотрел сквозь призму своего убеждения в измене партийной бюрократии, Бухарин стал главным отступником: «Крошка-Бухарин раздувается до гигантской карикатуры на большевизм». Что касается Бухарина, то он наконец позволил себе

задаться вопросом: «Был ли когда-нибудь Троцкий настоящим большевиком?» и ответить отрицательно (128).

В своей оценке оппозиции после 1925 г. Бухарин оказался во власти логики, присущей философии однопартийности. В 1926 г. он предостерегал левых: «Держитесь своих принципов, отстаивайте свои убеждения, произносите речи на партийных совещаниях… спорьте, но не смейте строить фракцию. Спорьте, но после того, как решение принято, подчинитесь!» Ибо «если мы легализуем фракцию у нас в партии, то мы легализуем и другую партию, то мы действительно по-настоящему сползём с линии пролетарской диктатуры…» Этот призыв был бесплодным, ибо его противники также хотели «бороться за свою политику» и сплотиться на этой основе; «всякому, – заметил Бухарин, – неприятно быть в меньшинстве» (129).

Так сложилась опасная формула, согласно которой упорное отстаивание своей точки зрения пахнет фракцией, второй партией, контрреволюцией. Это породило немало примеров политической непристойности и бесчестности, которые после 1925 г. сокрушили старых большевиков. Это привело к тому, что на партконференции в ноябре 1926 г. Бухарин изменил самому себе, когда он, в ярости угрожая оппозиции исключением из партии, потребовал от нее раскаяния: «…встаньте перед партией со склоненной головой и скажите: прости нас, ибо мы погрешили против духа, против буквы и против самой сути ленинизма». И далее: «Скажите же, по-честному скажите: Троцкий ошибался… Почему же у вас нет элементарного мужества выйти и сказать, что это – ошибка?» Даже на Сталина это произвело впечатление: «Здорово, Бухарин, здорово! Не говорит, а режет». Хотя этот эпизод не характерен для Бухарина, он, возможно, был наихудшим в его деятельности (130).

Подоплекой ухудшения отношений Бухарина со своими противниками было, разумеется, его партнёрство со Сталиным. Несмотря на грозные признаки их будущих разногласий (включая растущую склонность Сталина придавать первенствующее значение экономической автаркии и обороноспособности и его явное безразличие к попыткам своего союзника Бухарина изыскать новые способы поддержания революционных масс в Европе и Азии), а также из-за затянувшегося вплоть до самого 1927 г. нежелания Бухарина поверить наихудшим сталинским обвинениям в адрес оппозиции, дуумвират продолжал существовать (131). Это был, пожалуй, самый невероятный союз в истории, объединявший двух деятелей, которые не имели ничего общего ни по своим качествам, ни по дарованиям, ни по намерениям.

Будем надеяться, что когда-нибудь архивы раскроют всю его историю, разумеется, сложную и мучительную. Существует отрывочное и неубедительное свидетельство о наличии в 1925 г. или в 1926 г. составленного якобы при участии Рыкова и Томского плана отстранения Сталина с поста генерального секретаря и замены его Дзержинским (132).

Неустойчивый союз дуумвиров середины 1925 г., когда Сталин выступил против бухаринского лозунга «Обогащайтесь!» и осудил защиту этого лозунга двумя молодыми бухаринцами (133), сменился внешним единством – публично каждый из них защищал другого. Естественно, что существование оппозиции укрепляло их союз. В декабре 1925 г. Сталин отнесся к неосторожному высказыванию Бухарина как к «незначительной ошибке» и приветствовал его основную формулу, гласящую, что переоценивание кулацкой опасности является более серьёзным уклоном, нежели недооценка её. Это убедило зиновьевцев в том, что он «целиком попал в плен этой неправильной политической линии» Бухарина; с тех пор они рассматривали дуумвиров как общее зло. Сталин не опровергал этого их суждения. «Крови Бухарина требуете?! – восклицал он. – Не дадим вам его крови, так и знайте». В действительности же никогда не было ясно, чьей крови желала оппозиция.

Даже если вопрос о снятии Сталина не обсуждался, то всё равно можно с уверенностью предположить, что Бухарин поддерживал союз с ним небезоговорочно, не без дурных предчувствий. Например, он продолжал публично критиковать авторитаризм партийной жизни и поведение ответственных партийных работников. Его постоянное осуждение «произвола» и «беззаконий» «привилегированных коммунистических групп» должно было неизбежно касаться сталинского аппаратного метода управления. Такой же характер носили и высказывания Бухарина в марте 1926 г. о том, что партийные власти часто проводят «линию военного приказа» и «военной дисциплины», и осуждение им «тенденции к преобразованию нашей партии в такую иерархическую систему» (135). Более того, еще с гражданской войны Бухарин точно определял основную, всё усиливавшуюся черту Сталина: «Сталин не может жить, если у него нет чего-либо, что есть у другого. Он этого не терпит»; у него «непримиримая ревность к тем, кто знает или умеет больше, чем он». В то время как другие соперники генерального секретаря, как правило, ошибочно воспринимали его всего лишь как «провинциального политика» и «выдающуюся посредственность», Бухарин, кажется, разглядел того внутреннего беса, который разжигал личную амбицию Сталина (136). Поэтому как человек, пользовавшийся репутацией «наиболее выдающегося теоретика большевизма», Бухарин должен был быть насторожен в отношении Сталина. Каковы были в действительности мысли Бухарина и знал ли он до 1928 г., что его союзник является «беспринципным интриганом, подчиняющим все заботе о сохранении собственной власти», остается неясным (137).

Но, по-видимому, нетрудно ответить, почему Бухарин оставался верен этому союзу. Всё ещё отметая всякие «личные антипатии», он оставался непоколебим в своем убеждении, что в каждом раунде партийных дискуссий, иногда в скрытой, а иногда в открытой форме, на карту

поставлен основной вопрос «*об отношении между рабочим классом и крестьянством*». Он верил, и этой вере он подчинил всё остальное, что между ним и левыми было «*коренное программное разногласие*» и что судьба революции висела на волоске (138).

Оппозиция также была твёрдо убеждена в своей правоте. В полемике она неизменно связывала ненавистную официальную политику с именем Бухарина. Таким образом, союз со Сталиным был ему необходим, чтобы обеспечить согласие большинства с проводимой политикой и уничтожить «впечатление, что я являюсь белой вороной среди членов ЦК, Политбюро и т. д.» (139). Начиная с 1926 г. взаимные чувства обиды и разногласия всё более обострялись, дискуссии всё чаще проводились в «погромной атмосфере» (создаваемой, по мнению некоторых, Сталиным для того, чтобы предотвратить примирение между правыми и левыми) (140). Оснований и стремлений к такому примирению становилось всё меньше. Таким образом, к тому времени, когда Бухарин в 1926–1927 гг. пересмотрел свою экономическую программу, сблизив её с программой левых, последние перенесли свои разногласия на вопросы международной политики, после чего шансов на примирение стало ещё меньше, а страсти разгорелись ещё жарче.

Глава 9

Падение Бухарина и начало сталинской революции

Ты должен побеждать и править,
Иль покоряться и служит,
Страдать или повелевать,
Быть молотом иль наковальней.

Гёте

В 1928–1929 гг., на одиннадцатом году правления большевиков и второй раз за десятилетие с небольшим, Россия снова стояла на пороге революции. Хотя никто этого не подозревал, к зиме 1929–1930 гг. вся страна, 150 млн ее жителей были охвачены лихорадкой сталинской «революции сверху» – события столь же эпохального по своим последствиям, сколь и великие исторические перевороты «снизу», включая переворот 1917 г. (1). Подобно другим великим социальным сдвигам, сталинская революция сначала пошатнет, а потом и сметет старый порядок, заменив его новым, совершенно иным типом общества. Здесь, однако, произойдет нечто необычное: разрушаемое общество эпохи нэ-

па само являлось порождением недавней великой революции, поэтому, приближаясь к событиям, предшествовавшим «революции сверху», мы поступим правильно, если в последний раз взглянем на «старый порядок», на нэповскую Россию накануне её разгрома.

По сравнению с пришедшим ему на смену сталинским порядком советский нэп 20-х гг. характеризовался наличием значительного плюрализма в авторитарных рамках однопартийной диктатуры. Ибо, хотя партия ревностно защищала свою монополию на политическую власть, плюрализм в других областях был официально терпим и даже поощрялся. Главным примером этого являлась, конечно, экономическая сфера, где 25 млн крестьянских дворов производили практически всю продукцию сельского хозяйства, где миллионы ремесленников изготовляли 28 % всех промышленных товаров и от половины до трех четвертей основных предметов широкого потребления, где несметная армия мелких торговцев все еще играла главную роль в товарообороте (причем многие товары рекламировались в официальной коммунистической печати) (2). Несмотря на растущий вес государственного сектора, в конце 20-х гг. частное предпринимательство все еще определяло направление советской экономики. Советские граждане в своей массе, а в особенности крестьянское большинство, все еще составлявшее 80 % населения, жили и работали никак не под партийным и государственным контролем.

Не монополизировала партия и другие области общественной жизни. И в самом деле, даже в политической сфере, на всех рядовых и административных уровнях, участие беспартийных всемерно поощрялось, а к их мнению прислушивались. Например, центральные государственные органы, которые давали рекомендации, управляли и, следовательно, участвовали в разработке официальной политики, состояли в основном из лиц, которые не принадлежали к большевикам и нередко были в прошлом противниками революции. В 1929 г. менее 12 % всех государственных служащих были коммунистами, и хотя официальные главы наркоматов и важнейших ведомств обычно являлись членами партии, коммунисты составляли лишь небольшой процент ответственных работников этих органов (3).

Широкое использование «буржуазных специалистов», как называли беспартийную интеллигенцию, было отчасти результатом острой нехватки квалифицированных партийных кадров. Оно же являлось и источником большого беспокойства властей. Партия стремилась готовить и продвигать собственных людей, особенно в таких областях, как образование, где ее члены составляли всего лишь 3 % учителей (4). Правда, если судить по численности беспартийных, важности занимаемых ими должностей и их желанию работать, здесь также проявлялся достаточно доброжелательный нэповский дух, бывший следствием политики экономического сотрудничества, проводимой партией. Так, беспартийные

играли видную роль в тех важных областях, которые партия, если бы захотела, могла монополизировать. Например, в 1925 г. беспартийные составляли по меньшей мере одну треть работников официальной прессы (5). А в результате принятых в 1924–1925 гг. решений допустить относительно свободные выборы лишь 13 % членов местных Советов и 24 % их председателей являлись коммунистами и комсомольцами (6).

Однако наиболее полно плюрализм общества нэповской эпохи выражался, пожалуй, в культурной и интеллектуальной жизни, которая всегда является барометром настоящей свободы и государственной терпимости. Ибо в этом смысле 20-е гг. были десятилетием замечательного разнообразия и незабываемых достижений. В интеллектуальной жизни самой партии, в ее академических учреждениях, обществах и научных публикациях, в жарких дебатах о социальной теории, начиная с образования и науки и кончая правом, философией и историографией, то было время не навязанной сверху сухой ортодоксии, а соперничества различных теорий и школ – своего рода «золотой век марксистской мысли в СССР» (7).

Несмотря на то, что революция вызвала эмиграцию значительного числа деятелей культуры, 20-е гг. были годами необыкновенного всплеска художественных исканий и творческой активности почти во всех областях. В атмосфере, воодушевленной революцией и не стесненной официальными художественными догмами, и при государственной, кооперативной и частной поддержке самые разные художники выражали разнообразнейшие эстетические воззрения, теории и образы в ослепительном фейерверке форм. То была эпоха, когда партийные художники соперничали с «попутчиками», процветали культуры национальных меньшинств, возрождались толстые журналы и салоны, множились культурные кружки, ассоциации и манифесты. Приезжавшие в западные столицы советские художники ощущали себя частью международного культурного подъема. Но, главное, это было время экспериментирования, когда модернизм культурного авангарда, хотя и на короткое время, достиг блистательного расцвета при снисходительном правлении авангарда политического (8).

О культуре времен нэпа чаще всего вспоминают в связи с ее художественной прозой и поэзией. К числу известных писателей, создавших в 20-е гг. немалую часть своих важнейших произведений, принадлежали Пастернак, Бабель, Олеша, Катаев, Федин, Есенин, Ахматова, Всеволод Иванов, Шолохов, Замятин, Леонов, Пильняк, Булгаков, Мандельштам, Зощенко и Маяковский. Перечень этот – настоящий реестр великих имен советской литературы – можно продолжить и дальше. Многие из этих писателей погибнут физически или духовно после нэпа.

Однако литература была только частью общей картины, ибо именно в годы нэпа – здесь мы опять приведем лишь отдельные примеры – Эй-

зенштейн, Вертов, Пудовкин и Довженко сделались первопроходцами современного кинематографа, режиссерские эксперименты Мейерхольда и Таирова революционизировали театр, а Татлин, Родченко, Малевич, Лисицкий, Гинзбург, братья Веснины и Стенберги, Мельников, Леонидов и многие другие участвовали в создании в России современной живописи, архитектуры и дизайна. Оглядываясь назад, видишь не только то, что 20-е гг. были золотой порой русской культуры, но и что культура нэпа, подобно культуре Веймарской республики, была одной из важнейших глав истории культуры XX века. Она вспыхнула творческим огнем, погибла трагически, но оставила неизгладимый след (9).

Верно также и то, что плюрализм и государственный либерализм нэповской эпохи были относительны и часто двусмысленны. Некоторые деятели искусства подвергались публичному очернительству и иногда заносились в черный список; беспартийных специалистов нередко преследовали; местные власти подчас помыкали крестьянами-собственниками; не обходилось и без внезапных налетов милиции на заметно преуспевающих нэпманов (10). Однако в отличие от последующего периода нэп был сравнительно плюралистической и либеральной системой. Дух его, вскоре заклейменный сталинистами как «гнилой либерализм», был примирительным и экуменическим (11). Однопартийное государство не отказывало своим «полудрузьям, полуврагам» в эпитете «советский», поскольку в 20-е гг., в отличие от позднейших времен, это понятие определялось, главным образом, территориальной принадлежностью, а не бездумной верностью партийной догматике (12). Именно такое терпимое отношение к разнообразию в обществе и официальный акцент на социальной гармонии и законности, а не на официальном беззаконии, тридцать лет спустя сделают нэп моделью либерального коммунизма для коммунистических реформаторов и альтернативой сталинизму.

Однако к концу 20-х гг., когда партия столкнулась с серьезными трудностями, нэп оценивался не по его будущей привлекательности, а по достигнутым им результатам. Во многих важных областях благодаря нэпу удалось добиться внушительных успехов. Нэп принес гражданский мир, политическую стабильность и восстановление экономики, сохранив притом политическую монополию большевиков и укрепив авторитет и влияние партии в народе, если судить по уменьшению в 20-е гг. числа «контрреволюционных выступлений».

Помимо этого в 20-е гг. продолжалось развитие прогрессивного социального законодательства, порожденного революцией (и по большей части отмененного после нэпа), в области социального обеспечения, образования, прав женщин, разводов и абортов (13). Гражданский мир нэповских времен также позволил правительству добиться успеха в борьбе против социальных зол, которые по традиции поражали его

главную опору – бедноту. Так, к концу 20-х гг. значительно уменьшилась неграмотность, и число учащихся начальных и средних школ выросло вдвое по сравнению с довоенным уровнем. Смертность сократилась на 26 %, детская смертность – примерно на 30 %, а заболевания венерическими болезнями уменьшились почти вдвое (14). Многие их этих достижений, как, например, в области образования, были первыми шажками к перестройке все еще весьма отсталого общества, другие же, в том числе многие из мер в области социального обеспечения, оставались, скорее, первыми наметками. Тем не менее, учитывая скудость ресурсов, за несколько лет прошедших после окончания гражданской войны, большевистское правительство добилось многого.

И в самом деле, не приходится сомневаться в том, что совершившие революцию 1917 г. рабочие и крестьяне теперь жили лучше, чем при старом режиме. В краткосрочной перспективе наибольшие выгоды от этого переворота получили крестьяне. Хотя в среднем жизнь крестьянина оставалась тяжелой, а хозяйство его велось примитивными орудиями, крестьяне имели мало тяглового скота и т. д., революция устранила помещика, дала хлеборобу землю, отменила недоимки и сделала его независимым производителем. И при этом от него мало требовалось в политическом смысле. К началу 20-х гг., когда рассеялся дым революции, крестьянин вернулся к своему традиционному образу жизни и самоуправлению. Партийные чиновники мало вмешивались в жизнь деревни, которая еще в 1928–1929 гг. фактически управлялась не местными Советами, а традиционной общиной, которую теперь осторожно называли «деревенским обществом» (15). В результате этого, равно как и вследствие своих усилий повысить благосостояние крестьянства, Советское правительство завоевало если не любовь, то признание большинства сельского населения. Повышался престиж и влияние партии, особенно среди молодого поколения крестьян. Как писал в 1927 г. один иностранный комментатор: «Хотя и медленно, старая деревня уходит в прошлое у нас на глазах» (16).

Достижения промышленного рабочего класса, от имени которого правила партия, были менее однозначны. Хотя первоначальные обещания большевиков предоставить рабочим политическую и экономическую власть выполнены не были, в общем положение рабочих было значительно лучше, чем до революции, когда условия труда были почти такими же, как в романах Диккенса. К концу 20-х гг., когда городское население и пролетариат достигли довоенной численности, рабочий день сократился с 10 до 7,5 часов, реальная заработная плата, хотя и была невелика по западноевропейским понятиям, по сравнению с уровнем 1913 г. увеличилась примерно на 11 %. Заводской рабочий так же, как и крестьянин, питался лучше, чем до революции. Кроме того, положение рабочих улучшилось за счет введения всестороннего, хотя и не всегда достаточного, социального обеспечения, профсоюзных льгот,

бесплатного медицинского обслуживания и образования. С другой стороны, в 1927 г. число безработных в городах достигло 1,5 млн, что вдвое превышало уровень 1924 г.; условия труда на заводах оставались весьма плохими, несчастные случаи на производстве были частым явлением; питание и одежда стоили чрезвычайно дорого, а жилищные условия после революции значительно ухудшились (17).

Конечно, невозможно подсчитать точно, сколько выиграли и сколько проиграли советские рабочие за первое десятилетие после революции. Следует принять во внимание миллионы погибших во время гражданской войны и от голода, равно как и разочарование у оставшихся в живых, возникшее от невыполнения большевиками их обещаний. С другой стороны, следует отдать должное социальной мобильности, приобретенной рабочими и в меньшей степени крестьянами, и революционному повышению их статуса при новом порядке. В психологическом плане значение видного общественного положения промышленных рабочих и беднейших крестьян, отведенного им большевистской идеологией, измерить невозможно, но не следует его и игнорировать. Выражалось ли оно в прославлении официальной пропагандой или в выполнении кое-каких второстепенных функций в качестве «представителей советского государства», или просто в доступе в прежние цитадели привилегированных классов (музеи, театры, дворцы и т. п.), этот новый высокий статус, вполне возможно, частично компенсировал еще достаточно низкий жизненный уровень (18). Каков бы ни был результат этих потерь и приобретений, советские рабочие и крестьяне в последние годы нэпа, накануне сталинской революции, жили лучше, чем до революции и чем в последующие годы (19).

Однако ни одно их этих достижений в экономической, культурной и прочих областях не уменьшило серьезности проблем, вставших перед нэповской Россией. Две из них имели особое значение. Первая – примитивное, косное крестьянское хозяйство, производительность которого едва превосходила довоенный уровень, а рыночные излишки все еще были меньше, чем в 1913 г., что внушало немалую тревогу. Вторая проблема также была связана с перенаселенной, малопроизводительной деревней: крестьянская миграция заполняла города неквалифицированными озлобленными рабочими, увеличивала армию безработных и еще более ухудшала условия жизни в городах (20). Обе проблемы, обостряемые слабым административным и идеологическим влиянием партии в сельских районах, ломали индустриальные планы большевиков и грозили подрывом рыночных отношений между городом и деревней, то есть основы нэпа. В декабре 1927 г. XV съезд партии принял решение начать наступление на эти проблемы при помощи более всестороннего планирования и увеличения капиталовложений в промышленность в сочетании с частичной добровольной коллективизацией и государст-

венной помощью частным крестьянским хозяйствам (21). Своим бухаринским духом и резолюциями съезд подтвердил приверженность «нэповским методам», но, как показали события 1928 г., в некоторых партийных кругах росло ощущение, что эти новые меры приняты слишком поздно и недостаточны.

С точки зрения партийных устремлений нэп представлял собой неоднозначную картину. В 20-е гг. Советская Россия была страной резких контрастов: традиционное и современное, соха и машина, отсталость и гигантские строительные объекты, творческий блеск и не преодоленная неграмотность, безработица и бьющее в глаза богатство, бесплатное начальное обучение и что-то около миллиона беспризорников, мечты о социализме и пьянство (22). Положительные явления укрепляли доверие к нэпу и бухаринской политике руководства, а отрицательные – порождали сомнения и разочарование, к которым также приводили все еще сильные воинственно-революционные настроения, особенно на низших партийных уровнях. Ибо, несмотря на поражение левых и их дискредитацию, партийная «революционно-героическая» традиция продолжала жить, питаясь не только ностальгией по 1917 г. и гражданской войне, но и недовольством худшими сторонами нэпа (23). Вместе с восстановлением экономики и городов снова широко распространились проституция, азартные игры, торговля наркотиками, коррупция и спекуляция. Эти явления оскорбляли чувства большевиков, рисовали на «лице нэпа» «гримасы порока» и настраивали партийных «фанатиков пролетарской чистоты» против «полудрузей-полуврагов» режима – нэпмана, зажиточного крестьянина, беспартийного специалиста и деятеля искусства (24).

Тем не менее важно понять, что, несмотря на свои изъяны и проблемы, к середине 20-х гг. нэп сделался общепризнанным среди большевистских руководителей методом перехода к социализму, хотя некоторые из них приняли его неохотно. Бухарин и его сторонники были наиболее ярыми защитниками нэпа – «стопятидесятипроцентными нэпистами», как прозвал их Пятаков. Можно сделать вывод, что все соперничающие партийные руководители и все фракции 20-х гг. признавали нэп и были «нэпистами». Общепринятое мнение, что левые были сильно настроены против нэпа, является ошибочным, Так, Преображенский, самый суровый критик экономической политики руководства, сформулировал свою собственную программу («первоначального социалистического накопления»), предполагавшую продолжение экономического плюрализма нэпа, частного крестьянского хозяйства и рыночных отношений. А Троцкий, являвшийся для многих воплощением большевистского фанатизма, был в то же время ведущим защитником сопутствующего нэпу культурного многообразия (25). Нэп действительно стал общепартийной политикой и моделью коммунистической системы; наиболее убедительным доказательством этого служит тот факт, что даже Ста-

лин, который впоследствии уничтожил нэп, не призывал открыто к его отмене (26).

1928–1929 гг. были поворотным пунктом в проведении и характере политики советского руководства. Они ознаменовали переход от преимущественно открытой внутрипартийной политики 20-х гг. и более раннего периода к тайной политике 30-х гг. и последующего времени. До исключения левых в 1927 г. политические конфликты в партии по большей части освещались в печати. Хотя, подобно любым другим политикам, большевики снисходительно осуждали проявления открытой фракционности, соперничающие фракции вступали в споры и искали поддержки в печати, на партсобраниях и съездах и даже на улицах. В этом отношении открытая политическая борьба в руководстве была частью более общей открытости советской политической жизни в годы нэпа.

Эта открытость, при всей ее ограниченности, простиралась от разнообразия мнений, выражавшихся в официальных и. неофициальных органах и публикациях, до непочтительных карикатур на большевистских вождей в популярных журналах (27). После 1929 г. подобная атмосфера исчезла, политические конфликты внутри партийного руководства делались все более тайными и, за исключением отдельных незначительных отголосков, оказывались скрытыми от глаз общественности.

Столкновение между бухаринской и сталинской фракциями в Политбюро в 1928–1929 гг. явилось промежуточным эпизодом этого процесса. Хотя обе фракции, как и прежде, искали поддержки в широких партийных кругах, они делали это более скрытно, чем в предшествующий период. Открытые конфликты не выходили за пределы закрытых и редко освещавшихся в печати совещаний высшего руководства, а публичные дискуссии, хотя они и были долгими и жаркими, велись не на откровенном политическом языке, а путем недомолвок и иносказаний, которыми партия пользовалась в дореволюционное время как эзоповым языком, чтобы обойти царскую цензуру (28). На всем протяжении этой жестокой схватки обе фракции публично отрицали ее существование, и лишь в середине 1929 г., когда определился ее исход, противники были официально названы по именам.

Это вовсе не означает, что широким партийным кругам было ничего не известно о происходившей внутри сталинско-бухаринского руководства судьбоносной борьбе за власть и политическое направление. Сведения о разногласиях среди членов Политбюро и ЦК быстро, хотя и в искаженном виде, доходили до нижестоящих партийных руководителей, и «каждый грамотный партиец» понимал эзопов язык дискуссий (29). Начиная с 1917–1918 гг. наиболее важная борьба внутри партии происходила не открыто и носила тайный характер. Она велась буквально подпольными методами; важные программные документы, включая некоторые документы правой оппозиции (как стали называть Бухари-

на и его сторонников), так и не были опубликованы (30). Вследствие этого политические события, приведшие к сталинской «революции сверху», были и остаются даже и по сей день во многих немаловажных отношениях весьма туманными.

В числе таких неясностей не последнее место занимает вопрос о том, в какой момент развалилась сталинско-бухаринская коалиция, в течение трех лет руководившая партией. Это произошло не вдруг. Скрытые разногласия, сопровождавшие поворот экономической и коминтерновской политики руководства влево в 1927 г., проявились в перестановке акцентов, нелегких компромиссах и политическом маневрировании на состоявшемся в декабре XV съезде партии. Разногласия эти усиливались и затем привели к взрыву в первые месяцы 1928 г. Окончательное поражение левых лишило всякого политического смысла союз между Сталиным и правыми в Политбюро, а резкое уменьшение хлебозаготовок в конце 1927 г. уничтожило остатки единодушия во внутренней политике.

Принятое в начале января 1928 г. решение прибегнуть к «чрезвычайным», «экстренным» мерам явилось поворотным событием. Оно было принято единогласно, но его последствия почти тотчас же бесповоротно раскололи Политбюро. Бухарин, Рыков и Томский поддержали это решение как печальную временную необходимость. По всей видимости, они планировали упорядоченную, ограниченную кампанию – карательные налоговые меры и мероприятия, главным образом судебного характера, направленные исключительно против «кулацких спекулянтов». Наиболее резкие меры сводились бы к выборочным конфискациям спрятанного зерна в соответствии со статьей 107-й Уголовного кодекса (31). Проведение операции было оставлено Сталину как генсеку, и дело пошло совсем не так, как планировалось. В течение нескольких недель основные зерновые районы были охвачены волной административных «эксцессов», в числе которых были посылка вооруженных отрядов на реквизиции, произвольный и незаконный захват зерна и аресты, грубый разгон местных органов власти, закрытие рынков и даже отдельные попытки загнать крестьян в коммуны. Для сельского населения эта кампания напомнила времена «военного коммунизма», особенно после того, как в деревню менее чем за три месяца прибыли тридцать тысяч городских уполномоченных. Сельские районы страны были охвачены паникой, пошли слухи об отмене нэпа (32).

Некоторые последствия перехода к «чрезвычайным мерам» можно было предсказать, и все Политбюро несло за них ответственность, однако своей чрезмерной жестокостью и масштабами кампания была обязана главным образом Сталину. Характер ее был определен воинственными «чрезвычайными директивами», посланными сталинской канцелярией местным партийным властям уже 6 января (33). Ближайшие сотрудники Сталина – в том числе А. Микоян, Л. Каганович, А. Жда-

нов, Н. Шверник и А. Андреев – руководили проведением операции на местах (34). Весьма знаменательно, что Сталин, редко путешествовавший по стране, 15 января лично отправился в поездку по Сибири и Уралу, где, несмотря на хороший урожай, хлебозаготовки шли плохо. Поездка напоминала военную экспедицию. На каждой остановке Сталин вызывал местных работников и, грубо отмахиваясь от ссылок на местные условия и необходимость соблюдения законности, обрушивал на них обвинения в некомпетентности, трусости, а подчас называл их кулацкими агентами. Перед отъездом он поставил перед потрясенными и пережившими чистку партийными организациями ультиматум: или они увеличат хлебозаготовки, или понесут еще большее наказание (35).

6 февраля Сталин вернулся в Москву, и в Политбюро произошло резкое столкновение. По всей видимости, Бухарин, Рыков и Томский подтвердили свою поддержку первоначального решения, однако выступили против «эксцессов», с которыми Сталин проводил его в жизнь, а в особенности против терроризирования середняков, жестокого принуждения и разгрома местных рынков. Вероятно, возник спор и относительно коренных причин зернового кризиса. Обе стороны согласились с тем, что кулак не вывозит зерно на рынок, надеясь взвинтить цены, хотя Сталин рисовал более драматическую картину масштабов и вероломства кулацкого «саботажа». Что еще более важно, в Сибири он вдруг принялся отрицать жизнеспособность индивидуального крестьянского хозяйства и заключил: «Мы больше не можем идти вперед на базе мелкого индивидуального крестьянского хозяйства». Хотя Бухарин и Рыков теперь признавали, что необходима какая-то ограниченная программа коллективизации, такая резкая формулировка была для них неприемлема. По их мнению, непосредственной причиной кризиса была не структура сельского хозяйства, а ошибочная государственная политика цен и неверная оценка рыночной конъюнктуры (36).

Каков бы ни был характер тогдашней полемики, она закончилась отступлением Сталина и компромиссом в большой степени на условиях правых. Хотя директивы руководства содержали резкие антикулацкие выпады первоначального варианта решения, в них осуждались «перегибы» и особо подчеркивалось, что «чрезвычайные меры» ни в коей степени не отражают принятой на XV съезде генеральной линии и не означают отмены нэпа. Микояну, главному эмиссару Сталина в заготовительной кампании, пришлось публично отречься от неприглядных действий, назвав их «вредными, незаконными и неприемлемыми» (37). Компромисс был очевиден и на всех других участках «зернового фронта», как его теперь стали называть. В то же самое время в феврале был смещен принадлежавший к правым нарком земледелия Российской федерации А. Смирнов, однако заменил его другой сторонник умеренной линии, а сам Смирнов был переведен в партийный Секретариат, как можно предполагать, чтобы помочь сдерживать Сталина (38).

Заготовительная кампания не только расколола Политбюро, она имела и другие неожиданные и далеко идущие последствия. Впервые после провозглашения нэпа государство оспорило право крестьян распоряжаться хлебными излишками по своему усмотрению. Это обстоятельство имело два последствия. Оно подорвало веру крестьян в то, что правительство будет обходиться с ними по справедливости, и, таким образом, осложнило восстановление нормальных рыночных отношений и затруднило свободный приток зерна, на который рассчитывали бухаринцы. А поскольку принятые меры имели временный успех (их возобновление весной привело к тому, что к середине года хлебозаготовки достигли уровня 1926–1927 гг.), усиливалась склонность к внерыночным и даже насильственным методам решения зерновой проблемы. Весьма зловещую окраску имел и тот факт, что, несмотря на официальные опровержения, «чрезвычайные меры», по сути дела, никогда не прекращались. По мере продолжения и углубления кризиса они ширились из месяца в месяц и в результате превратились в особую систему хлебозаготовок, которая возмутила деревню и привела в конце 1929 г. к открытому столкновению между крестьянством и государством (39). Наконец, расхождение между первоначальным январским решением и последовавшими затем эксцессами иллюстрировали большое преимущество Сталина перед своими оппонентами: Политбюро вырабатывало политику, однако проводил ее с помощью Секретариата Сталин, который, таким образом, мог переиначивать её по-своему (40).

Хотя дискуссия о хлебозаготовках имела огромное значение, она являлась лишь частью широкой полемики, развернувшейся в начале 1928 г. Известия о трудностях с хлебозаготовками еще в январе выявили в руководстве сторонников двух весьма различных подходов. Куйбышев, чью приверженность к сверхиндустриализации разделял Сталин, призывал партию не обращать внимания на ухудшение рыночной ситуации и «теперь как никогда… уметь сметь и уметь мочь плыть против течения». Угланов, стоявший во главе московской парторганизации, которая послужит главной организационной опорой правых, настаивал на примирительной линии в деревне и благоразумии в промышленности. На заседании Московского комитета он заявил, что следует частично свернуть начатые в 1927 г. крупные строительные объекты и увеличить капиталовложения в производство потребительских товаров, столь важных для торговли с крестьянами (41). Осторожность была также лозунгом Бухарина и его «школы», воспользовавшихся четвертой годовщиной со дня смерти Ленина, чтобы напомнить в центральной печати о важности мелкого крестьянского хозяйства и первостепенном значении «культурной революции» (42).

Вслед за этим Сталин начал терпеливо и украдкой испытывать на прочность политические цитадели правых. В феврале он попытался вмешаться в дела Московского комитета, однако получил отпор, а по-

ложение Угланова упрочилось. Вскоре после этого сталинское меньшинство потерпело временную неудачу в своих попытках сместить бухаринское партбюро в Институте красной профессуры. В феврале сам Бухарин снова вступил в столкновение со сталинскими протеже, в том числе с Ломинидзе, в Исполкоме Коминтерна, а в марте сталинец Лозовский обрушился на примиренческую политику Томского и его сотрудников по отношению к европейским профсоюзам (43). Однако в Политбюро руководство продолжало работать в достаточном, хотя и не безупречном, согласии. Предложение Рыкова в начале марта ограничить капиталовложения в промышленность и колхозы натолкнулось на сопротивление, однако был достигнут компромисс. И хотя теперь поползли слухи о конфликте, руководители не подавали видимых признаков того, что между ними существуют разногласия (44). И в самом деле, за всю первую половину 1928 г. Бухарин только один раз сделался объектом открытой критики, вызванной публикацией старой фотографии, на которой он был изображен с папиросой. Юные пионеры потребовали разъяснить им, нарушил ли он данное за месяц до этого «пионерское обещание» бросить курить (45).

Тут к этой атмосфере подспудно бурлящих разногласий и закулисных политических маневров добавился еще один взрывоопасный момент. 10 марта было объявлено, что в г. Шахты в Донбасском горнопромышленном районе органами ГПУ был раскрыт контрреволюционный заговор технических специалистов, сотрудничавших с иностранными державами. В саботаже и государственной измене были обвинены 55 человек, многие из которых во всем сознались. Совершенно ясно, какую цель преследовал Сталин, раздувая это очевидно сфабрикованное дело в общесоюзный политический скандал. Посредством этого он пытался дискредитировать бухаринскую политику сотрудничества и гражданского мира, рыковское управление государственным аппаратом, под чьим началом состояло большинство беспартийных специалистов, и возглавляемое Томским профсоюзное руководство, несшее номинальную ответственность за надзор за работой спецов. По своему общественному воздействию шахтинское дело почти не уступало зерновому кризису. Оно послужило первым поводом для выдвижения кровавого сталинского тезиса о том, что по мере приближения советской власти к социализму ее внутренние враги станут все больше прибегать к явному и тайному сопротивлению, делая необходимым неуклонное повышение бдительности и усиление государственных репрессий (46). К 1929 г. параллельно с расширением насильственных мер в деревне беспартийная интеллигенция становилась жертвой нарастающей кампании охоты за ведьмами, массовых увольнений и арестов.

Поначалу шахтинское дело не вызвало прямой реакции со стороны фракционеров. Некоторые сторонники Сталина были встревожены перспективой безудержного «спецеедства», которым уже успел просла-

виться генсек (47). Однако самая большая опасность угрожала правым. Услышав мартовские новости, они созвали срочное заседание Политбюро, на котором доказывали, что беспартийные специалисты играют важнейшую роль в борьбе за индустриализацию страны. Все согласились с необходимостью ускорить подготовку партийных специалистов, на чем теперь особенно горячо настаивал Сталин, однако Бухарин, Рыков и Томский утверждали, что этот вопрос не носит классового характера и не может служить основанием для выпадов против беспартийных работников (48). Они не ставили под сомнение фактическую сторону шахтинского дела, однако, в отличие от Сталина, публично настаивали на том, что это – отдельный случай, что буржуазные специалисты в подавляющем своем большинстве лояльны, что они незаменимы и что ответственность за шахтинские события и прочие проявления коррупции среди официальных работников лежит также и на руководимых Сталиным местных партийных секретарях (49).

Хотя сталинскую интерпретацию значения шахтинского дела все еще разделяло меньшинство членов Политбюро (50), ценность его для политических амбиций генсека вскоре стала очевидной. В течение нескольких следующих недель, мрачно намекая на политическое вредительство в высших сферах и наличие классового врага во всех прочих местах, он превратил в свое мощное оружие старый партийный лозунг самокритики. Под этим знаменем он затеял настоящий крестовый поход против «бюрократизма» и «консервативных тенденций», особенно в государственном и профсоюзном аппарате (51). Это стало неотразимым оружием в руках сталинских агентов; хотя будучи в меньшинстве во многих опорных пунктах правых, они теперь обзавелись законным средством для вербовки сторонников и нападок на пока еще крепко сидевших на своих местах вождей правых. «Самокритика» издавна была боевым кличем большевиков, и бухаринцам пришлось поддержать эту кампанию, ограничившись лишь предостережениями против «злоупотреблений» ею (52).

Так обстояло дело на 6 апреля, когда состоялся первый Пленум ЦК после того, как сталинско-бухаринская коалиция дала трещину. Хотя, по всей видимости, тон выступлений на этом закрытом заседании не всегда был единодушным, Политбюро приложило все усилия к тому, чтобы создать видимость единого фронта и принять компромиссные резолюции. Большинство делегатов, многие из которых были ответственными работниками из провинции, были настроены в пользу правых, что нашло отражение в резолюциях пленума. Чрезвычайные заготовительные меры были объявлены успешными; было сказано, что они подходят к концу. Однако связанные с ними «перегибы» подверглись полному осуждению, и вся будущая политика, в том числе и «наступление на кулачество», была определена нэповским языком и, в основном, в бухаринском духе (53). В одном вопросе Сталин потерпел явное пора-

жение. Очевидно, в связи с шахтинским делом он неожиданно предложил, чтобы подготовка новых специалистов была изъята из ведения наркомата просвещения, возглавлявшегося либералом Луначарским и находившегося под юрисдикцией Рыкова и передана Высшему совету народного хозяйства, которым руководил Куйбышев. Сообщают, что это предложение было отвергнуто двумя третями голосов (54). Когда пленум закончился, казалось, что зерновой кризис остался позади, а взгляды и политическая сила правых получили новое подтверждение. Но это было иллюзией.

Насколько притворным было единодушие руководства, обнаружилось сразу после пленума, когда на поверхности оказались внутренние разногласия. Выступая в один и тот же день в Москве и Ленинграде, два виднейших вождя Политбюро – Сталин и Бухарин – совершенно по-разному обрисовали политику партии и положение в стране. Сталин высказывался о «хлебном фронте» с прежней воинственностью, заявил, что шахтинское дело не является «случайностью» и открыл свой крестовый поход за «самокритику». Тон его выступления был предельно бескомпромиссным: «… мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на одну минуту». Хотя объекты его нападок не были названы по именам, можно было догадаться, кто эти руководители, «которые думают, что нэп означает не усиление борьбы», и хотят проводить в деревне «такую политику, которая всем нравится, и богатым и бедным». Такая политика не имеет «ничего общего с ленинизмом», а такой руководитель – «не марксист, а дурак» (55). Тем временем Бухарин высказался по тем же вопросам в совершенно ином тоне и впервые публично выразил беспокойство по поводу «тенденции» некоторых людей рассматривать «чрезвычайные меры» как почти нормальные и их склонности «отрицать важность роста индивидуальных хозяйств» или переоценивать «вообще методы административного порядка» (56).

В этот момент снова разразился зерновой кризис. Суровая зима, истощение хлебных запасов в деревне и уход крестьян с рынка вызвали новое резкое снижение хлебозаготовок. В конце апреля чрезвычайные меры возобновились с еще большей интенсивностью и в еще больших масштабах, чем прежде. Не известно, какую роль играли Бухарин, Рыков и Томский в принятии соответствующего решения, но если даже они и поддержали его, то сделали это, вероятно, скрепя сердце. Хлебные излишки, имевшиеся у кулаков, были исчерпаны еще в первую кампанию, и теперь удар пришелся прямо по середняку, то есть по крестьянскому большинству, у которого еще что-то оставалось. В течение следующих двух месяцев активизация хлебозаготовительных мер и сопровождавшие ее «перегибы» вызвали в деревне широкое недовольство и спорадические восстания. Сообщения о волнениях в деревне и нехватка продовольственных продуктов привели к брожению среди рабо-

чих в городах (57). Хрупкое согласие среди членов Политбюро не могло вынести такого обострения обстановки, и в мае–июне раскол между бухаринцами и сталинистами оформился окончательно.

До весны 1928 г. казалось, что Бухарин, Рыков и Томский считали возможным уладить разногласия в руководстве и пытались разрешить их внутри Политбюро. Теперь, однако, они – и в особенности Бухарин – были встревожены все возраставшим экстремизмом и бескомпромиссностью сталинской группы. Различия во мнениях делались все шире и превращались в систему. В центре полемики стояли противоположные толкования текущих затруднений режима, примером которых служили зерновой кризис и шахтинское дело. Бухаринцы настаивали на том, что эти затруднения объяснялись действием вторичных факторов – неподготовленностью государственного аппарата, неудачным планированием, негибкой политикой цен и беспечностью местных работников (58). Сталин и его окружение, с другой стороны, изображали возникновение трудностей как следствие обстоятельств объективного, структурного свойства, то есть пороков и самой природы нэпа. По утверждению Сталина, помимо попыток кулаков припрятать хлеб, зерновой кризис объясняется и тем, что единоличное крестьянское хозяйство зашло в тупик. И кризис, и шахтинское дело не были преходящими побочными результатами «плохого планирования» и «ряда ошибок», но свидетельствовали о неизбежном обострении классовой борьбы, и эту борьбу следовало довести до конца (59).

Бухаринский подход требовал умеренных мер, в том числе помощи частным крестьянским хозяйствам, более гибкой политики цен и улучшения работы официальных учреждений. Сталинский – требовал жестких решений. У Сталина еще не было широких альтернатив господствующей бухаринской политике, однако он шел по другому пути, в направлении утверждения и узаконивания «государственной воли», включая принудительные «чрезвычайные меры» на всех фронтах. В связи с этим он принялся всячески порочить частное сельское хозяйство, объявив колхозы и совхозы единственным выходом из создавшегося положения (60). Хотя дискуссия все еще вращалась вокруг сельского хозяйства, последствия ее для политики в области промышленности и подготавливавшегося тогда пятилетнего плана также были весьма важны. Подвергшийся перетряске аппарат ВСНХ под руководством Куйбышева уже выступил против осторожных экономистов Госплана, чьи взгляды на пропорциональное развитие и рыночное равновесие были сходны со взглядами Бухарина. К маю эхо развернувшейся вокруг планирования дискуссии докатилось до Политбюро (61). Таким образом, на карту были поставлены вся экономическая программа партии и, уже не в первый раз, будущее большевистской революции.

В своей совокупности предложения Сталина ставили под угрозу господствующее бухаринское понимание нэпа как системы граждан-

ского мира и взаимовыгодных рыночных отношений между городом и деревней. Эти предложения находились в резком противоречии с убеждением правых в том, что трудности можно и должно решать «в обстановке и на базисе нэпа» (62). Более того, как жаловался Бухарин, они искажали генеральную линию партии, всего лишь за четыре месяца до этого утвержденную XV съездом. Резолюции съезда были воплощением пересмотренной программы правых и обещали поворот влево к «наступлению на кулачество», создание на добровольной основе ограниченного коллективизированного сектора и плановое промышленное развитие с повышенным упором на производство средств производства, однако все эти задачи выражались вполне по-бухарински, умеренным языком, и определенно исключали крайние меры. Но Сталин теперь пытался узаконить свою вновь обретенную воинственность и переиначивал по-своему эти резолюции, представляя, к примеру, «чрезвычайные меры» как «нормальное» следствие антикулацкой резолюции съезда (63).

Будучи убежденным в том, что сталинские пробные шары «идеологически дезориентировали партию» и перерастали «в новую политическую линию, отличную от линии XV съезда», Бухарин в мае-июне был вынужден вступить в борьбу. Он предостерег Политбюро, что хлебозаготовительные кампании настраивают против строя не только кулаков, но и все крестьянство в целом, вследствие чего под угрозу ставится программа индустриализации и само политическое будущее партии. Воображать, будто «все спасение в колхозах» – опасная чепуха. Бухарин призвал к прекращению чрезвычайных мер, серьезной помощи крестьянским хозяйствам и нормализации рыночной ситуации (64).

Бухарин и его сторонники также начали облеченную в эзоповские выражения атаку на сталинские взгляды. Выступая 6 мая на VIII съезде ВЛКСМ, Бухарин критиковал безответственные призывы к «классовой войне» и некоему внезапному рывку в области сельского хозяйства. Три недели спустя он обрушился в своей эмоциональной статье на проповедников «индустриального чудовища», паразитирующего на сельском хозяйстве (65). Такие молодые бухаринцы, как Марецкий и Астров, проявили меньше церемонности и в своих нападках поименно называли сталинцев младшего поколения, которые, стремясь спровоцировать партию на решительное столкновение с мужиком, отказались от идеи частного хозяйства в пользу коллективизации, основанной на «обнищании и разорении основных крестьянских масс», и которые приняли «чрезвычайные меры» «за новую политику партии», намереваясь проехать «на 107 статье к социализму» (66).

Отношения между Бухариным и Сталиным соответственно ухудшались. Их совместные публичные выступления, несмотря на попытки сохранить видимость единства, становились едва прикрытыми столк-

новениями (67). Словесная дуэль приняла острый оборот 28 мая, когда Сталин осмелился появиться в Институте красной профессуры – идеологическом лагере Бухарина, где выступил по поводу «хлебного фронта». Бичуя аргументы неназванных оппонентов как «пустую либеральную болтовню» и разрыв с ленинизмом, он сделал свое наиболее экстремистское публичное заявление на этот раз по вопросу о крестьянском хозяйстве. Аудитория великолепно поняла, кто именно является объектом его критики, и была совершенно ошеломлена. Примерно в то же время Бухарин стал в частных разговорах называть Сталина представителем неотроцкизма (68).

Тем временем Бухарин пытался утвердить свое влияние в Политбюро. В записках, поддержанных также Рыковым, Томским и Углановым и адресованных членам Политбюро в конце мая и в июне, он подверг критике сталинский курс и подробно изложил свои собственные рекомендации. Бухарин утверждал, что вследствие возникших в Политбюро разногласий в нем нет «ни линии, ни общего мнения», и политика изо дня в день просто импровизируется, а поэтому на планируемом 4 июля Пленуме ЦК необходимо провести широкую дискуссию по всем спорным вопросам. Хотя Сталин принял «девять десятых» бухаринских рекомендаций, он не сдавался и настаивал на том, чтобы руководство снова выступило с единодушными резолюциями, что в конце концов и произошло. Бухарин жаловался, что Сталин применяет в Политбюро уклончивую и вероломную тактику, сочетавшую ничего не значащие уступки с показным товариществом, рассчитанную, однако, на то, «чтобы выставить нас раскольниками» (69).

К концу июня, несмотря на видимость единства, в руководстве никто не претендовал на его существование, да и оснований для него не было. 15 июня сторонник правых заместитель наркома финансов М. Фрумкин отправил в Политбюро взволнованное письмо, в котором обстановка в деревне описывалась даже еще более пессимистически, чем ее представлял Бухарин. Фрумкин сообщил, что взгляды его «поддерживаются многими коммунистами». Политбюро проголосовало за то, чтобы распространить это письмо среди членов Центрального Комитета вместе со своим коллективным ответом. Сталин тут же нарушил это решение и послал личный ответ через Секретариат. Взбешенный Бухарин обвинил его в том, что он обращается с Политбюро как с совещательным органом при генсеке. Сталин пытался утихомирить его лестью: «Мы с тобой – Гималаи, остальные – ничтожества»; Бухарин процитировал его на «диком» заседании Политбюро, Сталин же громогласно все отрицал. Бывшие союзники больше друг с другом не разговаривали, и личные их отношения были полностью порваны. Бухарин теперь читал свои рекомендации вслух и отказывался представлять их в Политбюро в письменном виде: «Ему нельзя дать в руки ни одной бу-

мажки». Он отзывался о Сталине с «абсолютной ненавистью», выраженной с откровением: «Это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории в зависимости от того, кого он в данный момент хочет убрать» (70).

Политические разногласия в большевистском руководстве снова обернулись борьбой за власть. Накануне июльского Пленума ЦК обе фракции Политбюро мобилизовали своих сторонников со стороны – «периферию», как выражался Сталин (71), и вступили в жестокую схватку. Десятью годами раньше Бухарин возглавил базировавшихся в Москве «левых коммунистов». Угланов и его помощники в Бюро Московского комитета ревностно и безоговорочно поддерживали Бухарина, Рыкова и Томского, используя свое положение в столице, обеспечивали организационную базу кампании против сталинской политики и поведения. Они договаривались со своими союзниками в партийных и правительственных органах, обрабатывали нерешительных и боролись со сталинскими аппаратчиками методами их же собственного аппарата (72). Кроме того, в министерствах, профсоюзах, центральных партийных органах и учебных заведениях Бухарин, Рыков и Томский взялись за укрепление своего контроля, объединение сторонников и обуздание кампании самокритики, которая, как жаловался один из их союзников, являлась «для Сталина таким же громоотводом, каким когда-то для царизма был еврейский погром» (73). Подспудная борьба сопровождалась словесной войной. В газетах, поддерживавших соперничающие фракции, нарастала эзоповская полемика; обе стороны тайно распространяли свои документы.

Цель всей этой деятельности состояла в том, чтобы завоевать на свою сторону большинство в Центральном Комитете, состоявшем из семидесяти одного члена. По мере приближения июльского пленума борьба разгоралась все сильнее. Угланов и москвичи регулярно совещались с делегатами из провинции и, по всей видимости, провели основную работу по обработке их в пользу правых (74) Однако Бухарин также рассылал своих личных эмиссаров. Так, Слепков в июне отправился в Ленинград. В этой ключевой парторганизации другие бухаринцы Стецкий и Петровский (зав. отделом агитации и пропаганды Ленинградского губкома партии и редактор «Ленинградской правды») уже развернули агитационную деятельность (75).

В обращении бухаринцев к членам ЦК подчеркивалась срочная необходимость решительно порвать с «чрезвычайными мерами» и рассматривалась вредная роль Сталина в их проведении. Утверждая, что эти меры дают все ухудшающиеся экономические результаты и создают чреватую опасностью политическую ситуацию в деревне, они настаивали на том, что никуда не годное проведение заготовительной кампании и прочие действия Сталина являются нарушением решений XV съезда партии и последовавших за ним пленумов и что Сталин не-

сет ответственность за сложившееся тяжкое положение. Нападки бухаринцев на политическое самоуправство Сталина и на его «азиатскую политику» были составлены в сильных выражениях и, по-видимому, были направлены на смещение его с поста генсека (очевидно, на эту должность претендовал Томский, хотя, по логике вещей, кандидатом на нее мог быть и Угланов, активно добивавшийся смещения Сталина) (76). Неприсоединившиеся делегаты «страшно боялись раскола» и «испугались, когда речь зашла о возможной смене Сталина», но бухаринцы поначалу были ободрены их поддержкой в политических вопросах, которая, несомненно, явилась следствием новых известий о крестьянских восстаниях (77).

Весной и ранним летом 1928 г. политическое могущество правых должно было выглядеть вполне внушительным; это опровергает мнение о том, что Сталин уже являлся к тому времени всесильным генсеком, каким он сделался в последующие годы. В дополнение к престижу и влиятельности официальных должностей Бухарина, Рыкова и Томского, голоса их обладали значительным весом в исполнительных органах партии. В состоявшем из девяти членов Политбюро они опирались на поддержку принадлежавшего к правым Калинина и нейтралитет или нерешительность Ворошилова, Куйбышева и Рудзутака и надеялись заручиться большинством против Сталина и Молотова (78). Ощутимое представительство москвичей и профработников также обеспечивало им большинство в Оргбюро и достаточно сильное меньшинство – двое против трех сталинистов – в самом Секретариате (79). В случае решающего голосования в ЦК картина была бы менее ясной: Бухарин, по всей видимости, рассчитывал вначале разделить 30 голосов из 71 примерно поровну со Сталиным, если остальные останутся нейтральными (80).

За пределами руководящих партийных органов правые казались еще сильнее. Профсоюзная «вотчина» Томского, претендовавшая выступать от имени 11 млн рабочих, обеспечивала дополнительную организационную базу и представляла собой влиятельную общественную группу. Центральные наркоматы (в особенности Наркомзем, Наркомтруд, Наркомфин, Наркомпрос и Госплан), находившиеся под началом рыковского Совнаркома и игравшие главную роль в разработке и проведении социальной политики партии, все еще придерживались почти исключительно бухаринских взглядов (81). Влияние правых распространялось даже на органы госбезопасности, которые теперь именовались ОГПУ. Сталин уже принялся налаживать в органах личные связи, которые послужат ему впоследствии (в 1928 г. Бухарин жаловался, что телефон его прослушивается и что за ним установлена слежка). Но если глава ОГПУ В. Менжинский поддерживал генерального секретаря, то два его заместителя, Г. Ягода и М. Трилиссер, склонялись к правым (82). Наконец, что было весьма важно на данном этапе, бухаринцы контролиро-

вали органы, формировавшие партийное общественное мнение. Помимо высших учебных заведений и двух официальных органов Центрального Комитета (газеты «Правда» и журнала «Большевик»), Бухарин со своими союзниками держали в руках почти все крупнейшие столичные газеты, равно как и главную ежедневную газету второго города страны – «Ленинградскую правду». Сталин контролировал лишь одну важную московскую газету – «Комсомольскую правду», орган ЦК ВЛКСМ (83).

Как показали последующие события, политические позиции правых были куда более уязвимы, чем можно было ожидать, судя по занимаемым ими постам и по числу их союзников. В числе прочего, в нескольких важнейших аспектах стали давать себя знать преимущества, обретенные Сталиным в течение шестилетнего манипулирования партийным Секретариатом: в каждой «вотчине» правых имелось сильное сталинистское меньшинство; практически все поначалу колебавшиеся руководители перешли на его сторону; за ним шло подавляющее большинство руководителей второго ранга, в особенности партийных секретарей, являвшихся кандидатами в члены высоких руководящих органов, в том числе в Политбюро и ЦК (84). Если Бухарин и его друзья формально господствовали в важнейших органах однопартийного государства и монополизировали символы его власти, то Сталин контролировал могущественный, находящийся в тени кабинет, «партию в партии» (85). Когда равновесие сил в верхах, особенно в Политбюро, стало смещаться в пользу Сталина, его сторонники взялись повсеместно вытеснять с насиженных мест руководителей, верных правым или симпатизировавших им, причем этому процессу способствовало десятилетие бюрократической централизации и беспрекословного исполнения начальственных приказаний.

Однако когда 4 июля начался Пленум Центрального Комитета, то и участникам, и сторонним наблюдателям все еще представлялось, что у правых имеется перевес. Этим можно объяснить нежелание Сталина идти на столкновение и его многочисленные уступки по кардинальным вопросам (86). Этим также объясняется то обстоятельство, что Бухарин был поражен происходившим на пленуме, официальные решения которого имели мало отношения к событиям, в действительности развернувшимся во время недельных заседаний. На первый взгляд бухаринцы одержали победу. Хотя главная резолюция являлась компромиссной, она была составлена (в последний раз) в духе правых. В ней подтверждалось право индивидуальных крестьянских хозяйств на существование, подчеркивалась важность их роли при нэпе, давалось обещание прекратить кампании «чрезвычайных мер» и провозглашалось, вопреки возражениям со стороны Сталина, повышение цен на зерно. Резолюция была выдержана в таких примирительных тонах, что высланные левые оппозиционеры выражали сожаление по поводу торжества правых. Троц-

кий предсказывал, что Бухарин и Рыков скоро станут травить Сталина как троцкиста, точно так же, как Сталин травил Зиновьева (87).

На самом-то деле Бухарин понимал, что пленум ознаменовал крупную неудачу правых. Теперь раскол частично выплыл на поверхность в Центральном Комитете (88). Если руководители из Политбюро продолжали сохранять хорошую мину при плохой игре и, главным образом, критиковали друг друга косвенно, то сторонники их обменивались острыми недвусмысленными выпадами. Молотов, Микоян и Каганович выступали в пользу Сталина, а Стецкий, Сокольников и Осинский – в пользу правых (Осинский, в течение многих лет принадлежавший к левому крылу партии, теперь возобновил политическое содружество с Бухариным, ведущее свое начало от их московской молодости). По мере развертывания ожесточенной дискуссии по крестьянскому вопросу надежды правых на большинство начали исчезать. Бухарин рассчитывал на поддержку имевших большой вес делегаций с Украины и из Ленинграда, однако те отказались вмешаться в спор, а ленинградцы открыто отмежевались от Стецкого, бывшего членом их собственной делегации (89). Многие делегаты были искренне озабочены нарастающей волной крестьянских волнений и проявляли колебания, но не хотели резко критиковать Сталина или одобрить широкие уступки крестьянству за счет индустриализации. Они не были настроены просталински, однако отошли и от правых; в лучшем случае, как полагал Бухарин, они «еще не понимали глубины разногласий». Более того, выяснилось, что правые утратили большинство в Политбюро. По отзыву Бухарина, «Ворошилов и Калинин изменили нам в последний момент. Я думаю, что Сталин держит их какими-то особыми цепями» (90).

Почувствовав настроение делегатов, сталинская группа осмелела. Молотов открыто критиковал редакционные статьи «Правды» по поводу заготовительной кампании и, таким образом, косвенно и самого Бухарина. Каганович защищал «чрезвычайные меры» с таким рвением, что оправдывал их «во все времена и при всех обстоятельствах» (91). Перед концом пленума Сталин и Бухарин выступили с программными речами. Терявший уже энтузиазм Бухарин попытался расшевелить Центральный Комитет. Он утверждал, что никакая продолжительная программа индустриализации невозможна без процветающего сельского хозяйства, которое в данный момент катится к упадку из-за реквизиций. Более того, столкнувшись с «волной массового недовольства» и «единым фронтом села против нас», строй оказался на грани полного разрыва с крестьянством: «Мы имеем перед собой два звонка, а третий на очереди» (92). Возбужденные сталинисты обозвали его паникером. На генсека это выступление тоже не произвело большого впечатления. Он отмахнулся от предупреждения правых, назвав их философию безрадостной, а самих их «капитулянтами», и говорил о классовой войне и коллективизации, а затем вдруг привел теоретическое обоснование но-

вой, неконкретизированной еще политики в крестьянском вопросе: поскольку у Советской России нет колоний, крестьянство должно платить «нечто вроде “дани”» в фонд индустриализации. Бухарин был совершенно поражен. Его бывший союзник взял на вооружение не только аргументацию Преображенского, но и его драконовскую риторику (93).

Формально пленум ничего не изменил. Бухарин и его союзники не потерпели прямого поражения, резолюции были по большей части выдержаны в их духе, а большинство делегатов были скорее сбиты с толку, нежели побуждены встать на чью-то сторону. Однако Бухарин чувствовал, что правые оказались в опасном положении. Обладая меньшинством в Политбюро и оказавшись не в состоянии объединить вокруг себя Центральный Комитет, они стояли лицом к лицу с безжалостным, искусным противником. Они считали, что он намерен их «зарезать» и что «политика Сталина ведет к гражданской войне. Ему придется заливать кровью восстания» (94). Испуганный таким оборотом дела Бухарин предпринял отчаянный шаг, который, когда о нем стало известно, вызвал губительные последствия. В нарушение партийной дисциплины он пошел на личные контакты с опальной оппозицией Зиновьева и Каменева. 11 июля, за день до закрытия пленума, он тайно посетил Каменева.

О том, что произошло между ними, мы знаем из отрывочных записей Каменева, которые попали к троцкистам и были ими тайно опубликованы полгода спустя (95). Поверив инспирированным Сталиным слухам о том, что генсек сам намеревается пойти на примирение с левыми, Бухарин пришел с целью привлечь Зиновьева и Каменева на свою сторону или убедить их сохранять нейтралитет. Он, Рыков и Томский согласились в том, что «было бы гораздо лучше, если бы (мы) имели сейчас в Политбюро вместо Сталина Зиновьева и Каменева… Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий с вами». Когда Бухарин, который был «потрясен чрезвычайно», излагал Каменеву историю раскола, он «порой производил впечатление человека, знающего, что он обречен». Бухарина преследовала подлость Сталина-«Чингисхана», линия которого «губительна для всей революции». Очутившийся в гамлетовской ситуации Бухарин хотел, но не мог вести борьбу в открытую, ибо запуганный Центральный Комитет выступил бы против всякого виновника открытого раскола. «Мы скажем – вот человек, который довел страну до голода и гибели. А он – они защищают кулаков и нэпманов». Бухарин мог надеяться лишь на то, что его осторожные действия или какие-то внешние события покажут членам ЦК губительную роль Сталина. С этими словами он ушел, взяв с Каменева клятву хранить все в тайне и предупредив его, что за ними следят. В течение этого года они встретятся еще дважды, с чувством все той же подавленности и бесцельности (96).

Июльский пленум явился поворотным пунктом борьбы. Хотя он не принёс Сталину решающей политической победы и не уполномочил

его проводить свою собственную программу, он придал ему смелости и оставил правых в руководстве в меньшинстве. Сталин все еще бился над выработкой своей собственной политической линии и не имел пока уверенности в своем политическом могуществе, а правые молчаливо соглашались на сокрытие раскола, так что видимость единства в Политбюро продолжала сохраняться. Но преимущество было теперь на стороне Сталина, который воспользовался им в другой области. 17 июля в Москве открылся VI Всемирный конгресс Коминтерна, длившийся шесть недель. В течение всего этого времени шла жестокая схватка между бухаринцами и сталинистами за главенство в этой международной организации и в проведении коммунистической политики за границей.

Как выяснилось, летом 1928 г., когда полностью выявились дискуссионные вопросы, речь шла о политике Коминтерна за предыдущие семь лет и особенно о том, как Бухарин осуществлял коминтерновскую стратегию единого фронта начиная с 1925–1926 гг. Эта дискуссия разворачивалась так же, как и спор по вопросам внутренней политики. Пересмотр линии Коминтерна начался еще по инициативе Бухарина в 1927 г. после провалов в Китае и на Западе. И здесь он воспринимал поворот влево не как резкий разрыв, а как умеренное изменение политической линии в направлении более независимой коммунистической деятельности и менее активного сотрудничества в верхах с европейскими социал-демократами. В конце 1927 г. раздались голоса, призывавшие к большей воинственности, однако власть Бухарина в Коминтерне и его политическая линия впервые подверглись прямым нападкам лишь в 1928 г. при поддержке, а затем и активном вмешательстве Сталина. Разведка боем произошла без большого шума в феврале и в марте на заседании ИККИ и на IV конгрессе Профинтерна (97). До начала июля Сталин уже открыто критиковал – скорее всего на Пленуме ЦК – составленный Бухариным проект программы Коминтерна (третий и наиболее далеко идущий с 1922 г.), которую должен был утвердить предстоящий конгресс. «Программу во многих местах мне испортил Сталин», – сказал Бухарин Каменеву (98).

Борьба по вопросам международной политики развернулась вокруг противоречивых оценок состояния «здоровья» капитализма на Западе и вероятности скорого образования революционной ситуации. Таким образом, она вылилась в разногласия по поводу природы «третьего периода», начало которого было официально провозглашено и по-разному определено в 1927 г. Вкратце сталинисты теперь утверждали, что развитые капиталистические страны, от Германии до США, находятся на краю глубокого внутреннего кризиса и революционных потрясений. Исходя из этого, они выводили три тактических требования. Во-первых, зарубежным коммунистическим партиям следует быть готовыми к битве и для этого взять радикально независимый курс, отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с социал-демократами и, более

конкретно, создать повсеместно соперничающие профсоюзы. Во-вторых, они должны избавиться от влияния реформистов на рабочий класс, объявив главным врагом рабочего движения социал-демократические партии, которые, по утверждению сталинистов, переходят от символического реформизма к «социал-фашизму». В-третьих, всем компартиям полагается подготовиться к революционной битве очищением своих рядов от инакомыслящих, особенно от «правых уклонистов», которые в новых условиях представляют собой главную угрозу изнутри (99).

Это уже был решительный отход от коминтерновской политики Бухарина. Как мы уже видели, его оценка ситуации в развитых капиталистических странах, пересмотренная и выдвинутая в 1926–1927 гг. и затем на VI конгрессе Коминтерна, вытекала из его довоенной теории «государственного капитализма». Капитализм «третьего периода» характеризовался, по Бухарину, не внутренним разложением, а дальнейшей стабилизацией на более высоком техническом и организационном уровне. Революционные потрясения неизбежны, однако они произойдут на Западе в результате «внешних противоречий», как следствие империалистической войны, а не благодаря изолированным внутренним кризисам. В связи с этим, по мнению Бухарина и его последователей, утверждение о том, что западный капитализм стоит на грани революционного взрыва, было «в корне неправильно, политически вредно и грубо ошибочно»; выдвигать его – значило «утерять… контакт с действительными отношениями» (100). Продолжающееся развитие государственно-капиталистических систем требовало единения рабочего класса, а не донкихотских сектантских авантюр, чреватых изоляцией компартий и трагедией для рабочего класса (101).

Химерическое представление о социал-демократии как о «социал-фашизме», выдвинутое в начале 20-х гг. Зиновьевым и превращенное Сталиным в политическую концепцию, приведет к особенно трагическим последствиям. В 1928 г. фашизм был для коммунистов всего-навсего расплывчатым и малоизученным реакционным явлением, отождествлявшимся, главным образом, с Италией Муссолини. Опасность гитлеризма была еще очень далеко. В отличие от большинства коминтерновских новшеств идея о том, что социалисты состоят в некотором родстве с фашистами и представляют еще большее зло, по всей видимости, пришлась Сталину по душе задолго до этого. В 1924 г. он произнес фразу, которой было суждено сделаться ритуальным лозунгом коминтерновских провалов 1929–1933 гг.: «Социал-демократия есть объективно-умеренное крыло фашизма… Это не антиподы, а близнецы» (102).

Хотя дискуссия 1928 г. по поводу социал-фашизма не освещалась в печати, представляется очевидным, что Бухарин возражал против принятия такой концепции в качестве руководящего политического принципа (103). Он сам во многом содействовал тому, что большевики

враждебно относились к вождям социал-демократии с 1914 г., и его нынешние воззрения не исключали выпадов против них как ренегатов и столпов капиталистического строя. Они, однако, исключали сбрасывание со счетов социал-демократических партий и профсоюзов, представлявших подавляющее большинство европейских рабочих, как «социал-фашистов» и главнейшего врага рабочего движения. Интересы политического компромисса на VI конгрессе Коминтерна, очевидно, заставили его признать, что «социал-демократии свойственны *социал-фашистские тенденции*». Однако он немедленно добавил, что «было бы неразумно валить социал-демократию в одну кучу с фашизмом». Более того, он предвидел скрытый вывод о том, что коммунисты могут объединиться с фашистами против социалистов, и оспаривал его: «В нашей тактике не исключена возможность обращения к социал-демократическим рабочим и даже к некоторым низовым организациям социал-демократии, что же касается фашистских организаций, то к ним мы не можем обращаться» (104).

Каждый из этих политических диспутов проходил в ожесточенных спорах на закрытых заседаниях VI конгресса Коминтерна, который фактически состоял из двух конгрессов. Как политический секретарь и номинальный глава Коминтерна Бухарин властвовал на официальном открытом конгрессе. Он открывал и закрывал заседания, выступил с тремя основными докладами и принимал всяческие почести и бурные овации. Внешне это выглядело как вершина его карьеры в международном движении. За кулисами, однако, происходил «коридорный конгресс», направленный против его власти и политической линии и отдававшийся слабым эхом в различных публичных выступлениях. Он начался, когда сталинское большинство русской делегации изменило тезисы главного бухаринского выступления, и охватил крупнейшие зарубежные делегации, которые раскололись (по принципиальным или карьеристским соображениям, либо из привычки подражать русской партии) на бухаринские и сталинские фракции. На конгрессе стали распространяться всякие слухи, поскольку сталинские агенты начали нашептывать, что Бухарин страдает «правым уклонизмом» и «политическим сифилисом» и что его ждет Алма-Ата, место ссылки Троцкого. Две недели спустя шум на «коридорном конгрессе» настолько усилился, что советское Политбюро сочло необходимым сделать коллективное заявление, отрицавшее наличие раскола в его рядах. Вряд ли кто-нибудь поверил в это опровержение, и антибухаринская кампания продолжалась с прежней силой (105).

Результаты официального конгресса часто толкуются неверно. Он не принял решения о новом ультралевом курсе. Это произошло годом позже при единоличном правлении Сталина. Летом 1928 г. в руководстве важнейших заграничных партий все еще имелись сильные группировки, иногда составлявшие большинство, которые поддерживали

Бухарина или по каким-то другим причинам не симпатизировали радикальным предложениям Сталина. Среди них были немецкие коммунисты, окружавшие Генриха Брандлера, Августа Тальгеймера и Артура Эверта, официальное руководство американской компартии во главе с Джеем Ловстоном и итальянское коммунистическое руководство во главе с Пальмиро Тольятти (Эрколи) (106). Единодушные резолюции конгресса, равно как и его программа, были, таким образом, следствием с трудом достигнутых компромиссов и, несмотря на содержавшиеся в них поразительные противоречия, являлись главным образом бухаринскими (107). Впоследствии бухаринцы будут с полным основанием утверждать, что экстремистский курс 1929–1933 гг. представляет собой искажение решений VI конгресса Коминтерна (108).

И тем не менее конгресс ознаменовал очередную важную победу Сталина. Он дал ему три преимущества. Во-первых, двусмысленные формулировки его резолюций серьезно компрометировали бухаринскую международную политику и обеспечивали подобие правомочности экстремистской линии Сталина, которая уже начинала обретать форму. Во-вторых, «коридорный конгресс» перетянул многих зарубежных коммунистов на его сторону, мобилизовал сильные просталинские фракции в крупнейших партиях и по существу положил конец бухаринскому контролю над коминтерновскими делами. После закрытия конгресса 1 сентября Бухарину остались верны лишь три значительные фигуры из состава его постоянного московского аппарата: швейцарец Жюль Эмбер-Дро, немка Клара Цеткин и итальянец Анжела Таска (Серра) (109). В-третьих, главная уступка Бухарина на конгрессе принесла ему больше всего вреда. Отказавшись от своих прежних формулировок, он поддержал сталинский тезис о том, что «центральную опасность (в Коминтерне) теперь представляет правый уклон». Он пытался свести эту уступку к минимуму, представляя «правый уклонизм» некоей безличной тенденцией, с которой следует бороться идеологическими, а не организационными методами, и цитируя неопубликованное письмо Ленина, адресованное ему и Зиновьеву в начале 20-х гг.: «…если вы будете гнать всех не особенно послушных, но умных людей и оставите у себя лишь послушных дураков, то партию вы загубите наверняка». Эти оговорки никак не помогли Бухарину. Теперь Сталину только оставалось применить хулительную категорию «правого уклона» к русской партии и погубить самого Бухарина (110).

После окончания конгресса Коминтерна между бухаринцами и сталинистами остались жестокие разногласия по поводу международной политики, но фокус дискуссии снова переместился на внутренние дела. Вне сферы разногласий пока еще находился один важнейший вопрос – темпы и методы индустриализации. Он всплыл 19 сентября, когда Куйбышев, выступавший от имени сталинской фракции, провозгласил новую программу индустриализации. Переработанная бухаринская про-

грамма, принятая на XV съезде, ставила далеко идущие цели, однако была составлена в сдержанном духе. В ней делался упор на сбалансированное развитие промышленности и сельского хозяйства, на производство предметов потребления и средств производства и недвусмысленно отвергалась формула – «максимум вложений в тяжелую индустрию» (111). Куйбышев безоговорочно поддержал эту формулу, которая до сих пор была боевым кличем левых. Он заявил, что кризисы и опасности как внутри страны, так и за ее пределами требуют резкого ускорения и концентрации капиталовложений в тяжелую промышленность любой ценой, включая нарушение устойчивости экономики и активное сопротивление населения (112). Несколько недель спустя Сталин выложил свои собственные соображения на этот счет и подвел под новую философию индустриализации исторические основания. Он пояснил, что необходимость максимальных капитальных вложений в промышленность диктуется традиционной отсталостью России. Он напомнил своим слушателям-партийцам о Петре Великом (еще одном революционере сверху), который, пытаясь выбраться из этой отсталости, «лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны» (113).

Бухарин ответил своей знаменитой статьей «Заметки экономиста» (114). ВСНХ во главе с Куйбышевым уже приступил при поддержке Сталина и смятении правых к расширению задач намечавшейся пятилетки. «Заметки экономиста» содержали полную аргументацию по этому политическому вопросу. Бухарин снова повторил убеждение правых в необходимости пропорционального, «более или менее бескризисного развития» и плана, который бы определил и обеспечил «условия подвижного экономического равновесия» между промышленностью и сельским хозяйством и в рамках самого промышленного сектора. Он защищал существующий уровень капиталовложений, однако возражал против какого-либо его увеличения. Далее он выступил с детальным обличением «авантюризма» Сталина и Куйбышева.

Два обстоятельства особенно вывели его из себя. Увеличение капиталовложений без надлежащего подъема сельского хозяйства, а тем более в разгар сельскохозяйственного кризиса, означало небрежение важнейшей основой промышленности и должно было привести к всеобщей разрухе. Более того, в дополнение к нехватке хлеба и технических культур промышленность уже отставала от своих собственных возросших потребностей, приводя к острому дефициту материалов и образованию многочисленных узких мест. Дальнейшее повышение капитальных затрат могло лишь сорвать завершение начатых строительных объектов, пагубно отозваться на всем промышленном секторе и в конечном счете снизить темп развития. Вместо этого следовало установить верхний предел промышленного развития и целесообразно расходовать со-

ответствующие средства на «реальное» строительство, «ибо из “будущих кирпичей” нельзя строить “настоящие фабрики”». По поводу бравады сталинских индустриализаторов Бухарин добавил: «…можно бить себя в грудь, клясться и божиться индустриализацией, проклинать всех врагов и супостатов, но от этого дело ни капельки не улучшится».

Когда «Заметки экономиста» появились в «Правде» 30 сентября 1928 г., они вызвали большое брожение в партии. Хотя мишенью их оставались неназванные по именам сверхиндустриализаторы троцкистского толка, эта длинная и составленная в сильных выражениях полемическая работа была явным выпадом против сталинской группы. В «Заметках» Бухарин ближе всего подошел к приданию гласности происходившей борьбы. Его сторонники распространяли статью и рекомендовали ее как руководство к действию, тогда как сталинисты, тайно пытавшиеся ее запретить, начали в печати кампанию в защиту своего подхода к индустриализации. 8 октября сталинское большинство в Политбюро, вопреки возражениям Бухарина, Рыкова и Томского, осудило публикацию статьи «без ведома ЦК» (115). Политические разногласия теперь охватывали все вопросы и, по-видимому, не оставляли места для компромисса. Разрешить их могло только решающее политическое столкновение.

В конце лета и осенью 1928 г. Сталин, заручившись санкцией большинства в Политбюро, перешел в наступление и безжалостно двинулся на устранение политической базы правых. Начались грубые попытки подорвать власть Рыкова в высших государственных органах; был уволен ряд сочувствовавших правым руководящих работников из Москвы и республик. В частных разговорах Сталин чернил Томского как «злого человека и не всегда чистоплотного» (безусловно, классический образчик лицемерия); его профсоюзное руководство критиковалось в сталинистской печати за всевозможные прегрешения, в том числе за препятствование росту производительности труда (116). То же самое происходило в августе и сентябре в московской парторганизации, где на Угланова и поддерживавших его секретарей райкомов обрушился огонь кампании «самокритики», направленный против «правого оппортунизма» (117). Тем временем бухаринское партбюро Института красной профессуры было наконец заменено сталинистами. А в Коминтерне все сужающийся круг сторонников Бухарина вел безнадежную борьбу за контроль над аппаратом Исполнительного Комитета, тогда как сам он был не в силах прекратить наступление против коминтерновских «правых», особенно в важнейшей германской компартии (118).

Столь же большое значение имел захват Сталиным ведущих партийных органов печати. После того как Петровский подверг критике речь генсека о «дани» на крестьян, его в дисциплинарном порядке перевели с должности редактора «Ленинградской правды» в крошечную

провинциальную газету (119). Примерно в то же самое время, скорее всего в августе или в сентябре, молодые бухаринцы – редакторы «Правды» и «Большевика»: Слепков, Астров, Марецкий, Зайцев и Цетлин – были смещены со своих должностей и заменены сталинистами. Бухарин оставался главным редактором «Правды» и вместе с Астровым все еще входил в редколлегию «Большевика», состоявшую из семи человек, однако он больше не определял редакционную политику и содержание публикаций (120). Такой поворот событий имел огромное значение. Вплоть до осени эти авторитетные издания Центрального Комитета разъясняли дискутируемую политику в бухаринском духе, таким образом умеряя официальный голос партийного руководства и регулируя его линию для низовых работников (121). Теперь же, хотя все еще появлялись выпадающие из общего хора статьи и речи бухаринцев, официальный голос партии стал сталинистским. Этот поворот совпал с началом в середине сентября резкой кампании в печати против все еще непоименованных носителей «правой опасности» в партии. Такая прозрачная анонимность не вуалировала неофициальную кампанию против правых: к октябрю сталинисты уже исподтишка вешали Бухарину ярлык «паникера» и «врага индустриализации и коллективных хозяйств» (122).

Несмотря на то что все эти события сильно подорвали позиции Бухарина, они не изменили непосредственно шаткого соотношения сил в Центральном Комитете, в котором именно и должен был решиться исход борьбы. Здесь ключевую роль играла московская парторганизация, которая продолжала безнаказанно выступать против Сталина, что не могло пройти мимо внимательного взгляда партийных секретарей по всей стране. После июльского пленума москвичи твердо защищали бухаринскую политику, в том числе и в области легкой промышленности, в которой они были особо заинтересованы. Угланов, бывший стойким и решительным противником, даже перешел в контрнаступление. Вместе со своими сподвижниками он начал кампанию в прессе, убеждая антисталинистов не бояться слова «уклон», называя разговоры о правой опасности «клеветой» и «слухами» и косвенно намекая, что Сталин является нерадивым генеральным секретарем (123). Их смелость беспокоила даже Бухарина, который предостерегал Угланова, дававшего повод Сталину для вмешательства в московские дела (124).

Учитывая эффективность углановской политической машины в прошлом, надо признать, что Сталину удалось замечательно быстро свергнуть московское партийное руководство. В первые недели октября Угланов столкнулся с повальным неповиновением в партийных низах, оказался не в состоянии сменять и перемещать работников в своей собственной организации и вынужден был сместить двух своих наиболее активных секретарей райкомов, Рютина и Денькова. Безнадежность его

положения проявилась на широком заседании Московского комитета, проходившем 18–19 октября. Лица, подстрекаемые и санкционируемые директивами сталинского центрального аппарата, подвергли резкой критике деятельность Угланова в московской парторганизации и его терпимое отношение к «уклонам от правильной ленинской линии». 19 октября на совещании выступил сам Сталин, говоривший тоном победителя. Смысл его речи сводился к настоятельной необходимости неуклонной борьбы с существующей «в партии правой, оппортунистической опасностью», а также с теми коммунистами, которые принадлежат к «примиренческому течению в отношении правого, открыто оппортунистического уклона». Сделав скидку на то, что вероотступничество является еще лишь «тенденцией, склонностью» и не назвав еретиков по именам, он тем не менее указал на серьезность угрозы: «…несомненно, что победа правого уклона в нашей партии развязала бы силы капитализма, подорвала бы революционные позиции пролетариата и подняла бы шансы на восстановление капитализма в нашей стране» (125).

Оказавшиеся в меньшинстве и разбитые наголову Угланов с несколькими помощниками выступили с более или менее покаянными речами, но это им не помогло. Последующее смещение ряда работников с высоких постов положило конец их главенству в московской парторганизации (19 октября). Угланов и его заместитель Котов продержались на своих постах до 27 ноября, когда их официально заменили Молотовым и К. Бауманом. Последовала массовая чистка сторонников Бухарина и сочувствовавших ему работников на всех уровнях московской организации (126). Полнота разгрома старого московского руководства символизировалась тем обстоятельством, что опалы не избежал даже М. Лядов, ректор Коммунистического университета им. Свердлова и уважаемый член Московского комитета, состоявший в партии с момента ее основания и являвшийся одним из создателей московской партийной организации (127).

Сталинская расправа над москвичами была тяжким ударом для Бухарина, Рыкова и Томского и, возможно, решающим эпизодом борьбы за власть. Помимо того, что этот разгром лишил их наиболее важной организационной базы, он сделался показательным примером для нейтральных или колеблющихся членов Центрального Комитета по всей стране. Он произошел за месяц до ноябрьского пленума и продемонстрировал, что даже крупнейшая парторганизация страны, руководимая кандидатом в члены Политбюро и семью членами ЦК и находящаяся в союзе с влиятельной тройкой в Политбюро, не смогла противостоять сталинскому центральному аппарату. Все парторганизации получили инструкции изучать московские документы (128). Какие бы сомнения не имелись у некоторых партийцев относительно сталинской политики, никто не был готов пойти на такой же риск.

Бухарин безучастно наблюдал за всеми этими событиями со стороны. Его обычный летний отпуск был отложен из-за конгресса Коминтерна, так что он отправился из Москвы в Кисловодск в начале октября. Он вел себя примерно так же, как Троцкий в 1924 г.: оставался на Кавказе, пока громили его союзников и друзей, и не только не оказывал открытого сопротивления, но (насколько об этом можно судить по документам) даже не сделал ни одного символического жеста, чтобы придать им воодушевления. Его олимпийское спокойствие было наконец нарушено в первую неделю ноября, когда он узнал, что Рыков идет на попятную в дискуссии, ведущейся в Политбюро по поводу плана индустриализации на 1928–1929 гг. Бухарин немедленно вылетел в Москву; по дороге его самолет дважды задерживался сталинскими агентами, делавшими вид, что их очень беспокоит здоровье Бухарина. Наконец он прибыл в Москву 7 ноября. Боевой дух вернулся к нему (129).

Последовала неделя бурных заседаний Политбюро, подготавливавших Пленум ЦК, который должен был состояться 16 ноября. На этих заседаниях произошла новая серия яростных стычек между Бухариным и Сталиным. Бухарин призывал к коренному повороту политической линии, в том числе к уменьшению предложенных Сталиным капитальных затрат и снижению чрезмерного карательного налогообложения зажиточных крестьян. Затем он предъявил политический «ультиматум» с требованием решительно прекратить кампанию и организованные преследования, направленные против него и его сторонников. Когда Сталин уклонился от официального обсуждения этих требований, Бухарин назвал его «мелким восточным деспотом» и вышел из комнаты. Через несколько минут он, Рыков и Томский подали написанные заранее заявления об отставке. Сообщают, что, принимая эти заявления, Сталин «был бледен» и «руки у него тряслись». Он не был готов пойти на разрыв с открытой бухаринской оппозицией и рисковать своей, еще не совсем оформившейся политикой и согласился на компромисс (130).

И снова, с прежней неотвратимостью, сталинские уступки и бухаринские победы оказались пустым звуком. В обмен на номинальную поддержку Бухариным, Рыковым и Томским принятых на пленуме резолюций и предоставленное Рыкову право выступить на пленуме с тезисами по индустриализации Сталин, видимо, согласился несколько уменьшить капиталовложения и прекратить преследования сторонников Бухарина. Первая его уступка была настолько минимальной, что явилась крупным поражением правых, а второе обещание он просто игнорировал (131). В соглашение входило также, по всей видимости, назначение Угланова наркомом труда, что тоже было сомнительным успехом для правых, поскольку он сменил на этом посту бухаринского союзника – сотрудника Томского Шмидта. В любом случае должность Угланова давала ему мало власти, и пробыл он на ней недолго (132).

Достигнутый компромисс дал фракциям в Политбюро возможность проявить мнимое единодушие на Пленуме ЦК. Однако видимость эту соблюдали без особого рвения, а заседания пленума принесли правым явное поражение. Осторожный доклад Рыкова о промышленности был встречен шумным неодобрением сторонников генсека (133). Затем Сталин выступил с речью, выдержанной в более резких, чем когда-либо, тонах, на тему «о необходимости иметь побольше капитальных вложений» (иначе гибель и опасность «правого уклона»). Что еще более важно, хотя резолюции пленума отражали бухаринское влияние (или сталинскую нерешительность) в области сельского хозяйства, они впервые были в значительной степени сталинскими по содержанию. Они одобряли сталинский подход к индустриализации, называли «правый уклон и примиренчество» главной опасностью и объявляли первую после 1921 г. широкую партийную чистку – на этот раз еще бескровное удаление нежелательных элементов. Хотя последняя резолюция была направлена против «чуждых элементов», не могло быть сомнений, кто является ее настоящей мишенью (134). Будучи не в состоянии вмешаться в происходящее, но не желая своим присутствием санкционировать решения, Бухарин бойкотировал пленум (135).

Если вообще нужны были дополнительные доказательства, то бесполезность компромисса со Сталиным была снова продемонстрирована месяц спустя, когда он завершил завоевание «вотчин» Бухарина и Томского. Во время одного из своих редких выступлений в Коминтерне он лично подал сигнал к захвату этой международной организации. Это произошло на заседании ИККИ 19 декабря. На повестку дня был поставлен вопрос о твердой антисталинской оппозиции в руководстве немецкой компартии. Заклеймив «трусливый оппортунизм» бухаринских сторонников в Исполкоме – Эмбер-Дро и Таски, Сталин предложил изгнать из партии немецких правых и «примиренцев»: «…нельзя терпеть дальше существование таких людей в составе Коминтерна» (136). Несмотря на протесты Бухарина в Политбюро, скоро последовала волна исключений, затронувшая, в числе прочих, Брандлера и Тальгеймера. Параллельно шла подготовка к репрессиям и в других партиях, и в 1929 г. произошли массовые исключения зарубежных коммунистических руководителей, бывших союзниками Бухарина или сочувствующих ему (137). Сталинский захват центрального аппарата Коминтерна символизировала фигура Молотова, пришедшего там к власти и не обладавшего необходимыми данными для работы в области международной политики, как и сам Сталин.

Падение Томского, чему предшествовала такая же закулисная подрывная деятельность, как и в московской парторганизации, произошло на VIII съезде профсоюзов 10–24 декабря. К началу ноября сталинская кампания дискредитации руководства спровоцировала жалобы со сто-

роны профсоюзных работников на «такую атмосферу, что совершенно невозможно работать» (138). После открытия съезда Томский и его сторонники в руководстве профсоюзов оказались в меньшинстве среди партийных делегатов, контролировавших повестку дня, и потерпели поражение по двум важнейшим вопросам. В первом случае речь шла об одобрении ноябрьских резолюций Центрального Комитета и, таким образом, официальном согласии профсоюзов с политикой индустриализации, против которой яростно выступало их руководство (139). Итог борьбы решался в кругу партийцев, но она продолжалась намеками и в дебатах на официальном съезде. Если возглавляемые Куйбышевым сталинисты пели хвалу повальной индустриализации, то Томский и его сотрудники возражали против кампании индустриализации, которая измотает рабочий класс и превратит профсоюзы в «арестные дома». Лебединой песней Томского и возглавляемого им руководства была защита традиционной роли профсоюзов времен нэпа: «…профсоюзы существуют для обслуживания масс» – принцип, который теперь отвергался как «узкая цеховщина» и аполитичный подход. Наступающий порядок был провозглашен новым сталинским лозунгом: «Профсоюзы – лицом к производству!» (140).

Десятилетие профсоюзного руководства Томского закончилось вторым его поражением. По распоряжению Политбюро делегаты-партийцы проголосовали за кооптацию в Центральный совет профсоюзов пяти членов, назначенных Сталиным. Томский попытался блокировать кандидатуру Кагановича, заявив, что таким образом создается «двоецентрие» и что профсоюзам навязывается «политкомиссар». Потерпев поражение, Томский 23 декабря снова подал заявление об отставке. Заявление было отвергнуто, но он отказался вернуться на свой пост и оставался главой профсоюзов лишь номинально (141). Томский и почти все профсоюзные руководители (большинство из них, как и сам Томский, были зачинателями большевистского профсоюзного движения) были официально смещены со своих постов в июне 1929 г. Ниспровержение это было настолько массовым и беззаконным, что Каганович счел нужным дать объяснение: «Могут сказать, что это нарушение пролетарской демократии, но, товарищи, давно известно, что для нас, большевиков, демократия – не фетиш…» (142).

В ноябре–декабре Бухарин, Рыков и Томский перестали быть ведущими членами разделенного руководства, принимавшего решения путем компромисса, и стали оппозиционным меньшинством сталинского Политбюро, безвластным и оказывающим все меньше влияния на политические решения. Если не считать Рыкова, роль их стала менее, чем минимальной. Бухарин формально оставался редактором «Правды» и политическим секретарем Коминтерна, однако, подобно Томскому, в знак протеста в декабре отказался от своих постов и так на них уже не вернулся (143).

Они оказались в таком положении потому, что приняли, но проиграли бой оружием закулисной аппаратной политики, в которой Сталин был непревзойденным мастером. За исключением «Заметок экономиста», опубликованных после долгих колебаний в сентябре, Бухарин избегал открытой оппозиции: «Расчет говорит: надо действовать осторожно», – объяснял он Каменеву (144). Теперь, когда единственной альтернативой было полное молчание, он изменил свое мнение. В конце 1928 г. и в январе 1929 г. он трижды высказывался публично против сталинской «генеральной линии». Все три протеста появились в «Правде» и были обращены к политическому благоразумию и совести Центрального Комитета. И хотя Бухарин воздержался от прямых нападок на Сталина, его гневные слова, вне всякого сомнения, несли на себе отпечаток горячей оппозиционности.

Первое выступление было сделано 28 ноября, когда Бухарин произнес речь перед рабоче-крестьянскими корреспондентами (он способствовал деятельности этих рядовых граждан, видя в ней средство борьбы с неправомочными действиями начальства) (145). В выражениях более откровенных и менее специальных, чем в «Заметках экономиста», он начал с осуждения индустриальной политики «сумасшедших людей», мечтающих только о прожорливых гигантских сооружениях, которые годами «ничего не дают, а берут они огромное количество средств производства… и средств потребления». Они безучастны к сельскому хозяйству, их не волнует, что для получения хлеба у крестьян нужны потребительские товары, что крестьяне «схватились местами за ружье», они могут лишь орать: «…даешь металл, а хлеб – не наша забота». Их глупость грозит бедой: «…если бы какие-нибудь сумасшедшие люди предложили сейчас строить вдвое больше, чем мы это делаем, то это означало бы именно политику сумасшедших, потому что тогда голод на промтовары обострился бы у нас в несколько раз… а промтоварный голод означает хлебный голод».

Но эта политическая «глупость», продолжал Бухарин, отражает еще больший порок; «…партработники превращаются в чиновников». Подобно провинциальным чиновникам старого режима они ведут себя как «бюрократические истуканы», делают, что им заблагорассудится, узурпируют власть и душат инициативу, тогда как нужно «больше инициативы, местной, групповой, личной», и защищают себя кумовством, никому ни в чем не отдавая отчета. Хуже всего, партийные бюрократы позабыли, что «от нашей политики зависит в значительной степени судьба многих миллионов людей». Для них «нет принципиальной разницы между человеком и бревном, для бюрократа важно, чтобы он сам был чист перед начальственным оком – и только». И поскольку для бюрократа «бумажка есть стопроцентное оправдание», партийные бюрократы готовы принять любую выдумку «коммунистического чванства», любое «мошенническое бюрократическое “произведение”», в том

числе и политику «сумасшедших людей». Речь Бухарина вторила Троцкому, но более непосредственно отражала его собственное давнее опасение, что партийные функционеры превратятся в чванливую привилегированную элиту; она представляла собой уничтожающее обвинение в разложении партийного аппарата при Сталине.

«Комчванство» было темой его следующего публичного вынада – статьи в «Правде» от 20 января 1929 г. (146). На одном уровне он анализировал техническую революцию на Западе, а на другом – косвенно обвинял сталинское руководство в экономической безответственности и некомпетентности, в составлении планов индустриализации, основанных не на последних достижениях науки и техники, не на «объективности статистики, ее приспособлении к действительности», а на «бюрократической канцелярской переписке», «субъективных желаниях» и «комчванстве». Бухарин предсказывал, что отрицательные последствия этого будут поистине огромны, поскольку при плановой, централизованной экономике «неслыханная концентрация средств производства, транспорта, финансов и т. п. в руках государства… любой просчет и любую ошибку обнаруживает в ее общественных размерах». Игнорировалась та «историческая истина», что «мы победим при научном хозяйственном руководстве или же мы не победим вовсе».

Однако наиболее резкий протест прозвучал на следующий день в длинной речи Бухарина, посвященной пятой годовщине смерти Ленина. Эта речь появилась в центральных газетах 24 января под сенсационным заголовком «Политическое завещание Ленина», указывавшим читателю на ее важность (147), ибо, хотя Бухарин вел речь о предсмертных статьях Ленина по вопросам партийной политики, газетный заголовок напоминал о другом «Завещании» покойного вождя, неопубликованном, но не оставшемся неизвестным и содержавшем убийственный постскриптум, призывавший к смещению Сталина с поста генерального секретаря. В обстановке 1929 г. и само содержание бухаринской статьи выглядело не менее дерзко. Бухарин хотел показать, что Сталин нарушает и программное «Завещание» Ленина. В качестве приема он использовал простое изложение пяти знаменитых ленинских статей, вдохновлявших бухаринские программы и официальную политику с 1923 по 1924 г. Статьи эти оставили в наследство, начал Бухарин, «большой перспективный план всей нашей коммунистической работы… с точки зрения… широчайших путей, столбовой дороги нашего развития… Изобразить весь план Ильича как целое – вот задача, которую я себе ставлю сегодня».

Пункт за пунктом, ничего, по его собственным словам, не добавляя от себя, Бухарин пересказал последние ленинские указания: будущее революции зависит от твердого союза и сотрудничества с крестьянством; политика партии должна ориентироваться теперь на «*мирную*

организационную культурную работу», на удовлетворение интересов крестьян, а не на «третью революцию»; накопление капитала и индустриализация должны происходить на «здоровой основе» расширяющихся рыночных отношений, при которых зажиточные крестьяне вступали бы в потребительские кооперативы (а не в колхозы), и рационального использования ресурсов вкупе с безжалостным сокращением непроизводительных и бюрократических расходов. Ключевыми лозунгами ленинского «Завещания» были: осторожность, примирение, гражданский мир, образование и эффективность. Основным его указанием был призыв к предотвращению «раскола» с крестьянством, который означал бы «гибель Советской республики».

Составленное по большей части ленинскими словами и подписанное Бухариным, «Политическое завещание Ленина» представляло собой полнозвучный антисталинский манифест в защиту нэповской философии и политики, от которых избавлялся теперь генсек. Еще год назад это была бы проповедь официальной политики. В январе 1929 г. это была платформа оппозиции, которую сталинское большинство назвало «ревизией и извращением важнейших принципов ленинизма», попыткой представить Ленина «обыкновенным крестьянским философом» (148). Это было также последнее прямое изложение бухаринской философии и политических воззрений, опубликованное в Советском Союзе. Предчувствуя то, что предстоит впереди, Бухарин взывал к большевистской традиции критической мысли, выражая надежду, что партработники «ни слова не возьмут на веру… ни слова не скажут против совести». Он добавил с горечью: «…совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике» (149), Бухаринский протест отражал ухудшение положения в руководстве и в стране в целом. Разногласия между двумя фракциями Политбюро касались теперь даже судьбы некогда объединившего их противника. В середине января, вопреки резким протестам со стороны Бухарина, Рыкова и Томского, сталинское большинство проголосовало за высылку Троцкого за пределы Советского Союза. Депортация произошла 11 февраля, когда видный трибун был посажен под конвоем на пароход, направлявшийся в Константинополь, и навсегда покинул Россию (150).

Тем временем, по мере роста индустриальных амбиций Сталина сельскохозяйственный кризис все углублялся. В начале 1929 г. хлебозаготовки снова резко пошли на убыль. Росло число крестьянских выступлений. Новых решений проблемы у сталинского руководства не было. Усилилась кампания подстрекательства сельских работников на борьбу против кулака и «кулацкой агентуры». Несмотря на возражения Бухарина и Рыкова, в важнейших зерновых районах начали проводиться под разными вывесками официально запрещенные «чрезвычайные меры». От них было мало толку, поскольку лишь у немногих крестьян остава-

лось еще не конфискованное зерно. Рыночные отношения и вся система зернопоставок быстро приближались к состоянию полного развала (151).

Именно так обстояло дело, когда Сталин организовал решающее столкновение в руководстве. Предлогом послужило появление 20 января подпольной троцкистской брошюры, содержащей заметки Каменева об июльской беседе с Бухариным. Изобразив благородное возмущение, Сталин созвал совместное заседание Политбюро и ряда руководящих работников Центральной Контрольной Комиссии (партийного дисциплинарного органа, возглавляемого Орджоникидзе), чтобы осудить «фракционную деятельность» Бухарина. Это судилище, как охарактеризовал его Бухарин, открылось 30 января. Сталин с хором своих приближенных выступал в роли прокурора. Он обвинил «группу Бухарина» (но в первую очередь самого Бухарина) в оппозиции партийной линии, в «правооппортунистической, капитулянтской платформе» и намерениях «сколотить антипартийный блок с троцкистами». По мере того как Сталин перечислял «преступления» своего оппонента, тон его делался все более угрожающим (152).

Запугать Бухарина не удалось, и пришел он хорошо подготовленный. Оправдывая свою встречу с Каменевым как необходимость, вызванную «ненормальными условиями» в партии, он ответил тридцатистраничным контробвинением сталинского поведения и сталинской политики. Очевидно, его дерзкое выступление застало Сталина врасплох; тотчас заседание Политбюро было отложено, и небольшая комиссия, состоявшая из Бухарина и сталинского большинства, приступила к разбору обвинений. 7 февраля она предложила «компромисс», согласно которому против Бухарина не принималось дисциплинарных мер, взамен же он должен был признать, что совершил «политическую ошибку», пойдя на встречу с Каменевым, отказаться от высказанных 30 января контробвинений и вернуться на свои посты. Бухарин не согласился на покаяние и отклонил компромисс. Затем он составил новое обвинение против Сталина, подписанное Томским и Рыковым, который зачитал его на заключительном заседании Политбюро 9 февраля (153). По всей видимости, эта «платформа трех» была практически тождественна заявлению Бухарина от 30 января. Рассматривая их как один документ, можно сказать, что это было его важнейшее заявление в оппозиции и сильнейшее обвинительное заключение против Сталина и нарождающегося сталинизма, когда-либо составленное в Политбюро. Документ этот никогда не публиковался и известен исключительно из отрывочных свидетельств, по которым его можно реконструировать лишь частично.

Политический смысл документа заключался в том, что Сталин и его клика, прикрываясь лозунгами демократического правления, «насаждают бюрократизм» и устанавливают в партии режим личной власти.

Официальная линия призывает к самокритике, демократии и выборам, «а где мы на самом деле видели выборного губернского секретаря? На самом деле элементы бюрократизации у нас в партии возросли». Дошло до того, что «партия не принимает участия в решении вопросов. Все делается сверху». Такое же положение существует в высших партийных органах: «…мы против того, чтобы единолично решались вопросы партийного руководства. Мы против того, чтобы контроль со стороны коллектива заменялся контролем со стороны лица, хотя бы и авторитетного» (154).

Затем Бухарин перечислил сталинские злоупотребления властью, в том числе грубые нарушения норм внутрипартийной жизни, такие, как закулисная кампания против его сторонников, которым сталинские подручные, вроде «политкомиссара» Кагановича, устроили политическую бойню и которых они взяли в «организационное окружение». В таких «ненормальных условиях», писал он, невозможно обсуждать насущные проблемы. Стоит указать на хлебный кризис, как откормленные чиновники тут же устраивают виновнику «проработку», обвиняя его во всех смертных грехах. Кроме того, Сталин бесцеремонно игнорирует официальные партийные резолюции. Например, несмотря на неоднократные единодушные решения оказать помощь крестьянам-единоличникам, проводилась совершенно иная политика, и директивы эти «оставались только литературными произведениями». То же самое происходит и в Коминтерне, где политика пересматривается с полным пренебрежением к фактам и где сталинская тактика «расколов, отколов и групп» ведет к «разложению» международного коммунистического движения (155).

Обращаясь к внутренней политике, Бухарин обвинил Сталина в безответственном нежелании добросовестно руководить страной в условиях национального кризиса:

> Серьезные больные вопросы не обсуждаются. Вся страна мучается над вопросом хлеба и снабжения, а конференции пролетарской господствующей партии молчат. Вся страна чувствует, что с крестьянством неладно. А конференции пролетарской партии, нашей партии, молчат. Вся страна видит и чувствует перемены в международном положении. А конференции пролетарской партии молчат. Зато град резолюций об уклонах (в одних и тех же словах). Зато миллионы слухов и слушков о правых – Рыкове, Томском, Бухарине и т. д. Это маленькая политика, а не политика, которая в эпоху трудностей говорит рабочему классу правду о положении, ставит ставку на массу, слышит и чувствует нужды массы, ведет свое дело, слившись с массами (156).

Экономические меры, отстаиваемые сталинской группой, продолжал Бухарин, являются гибельным «переходом на троцкистские позиции». Нельзя проводить индустриализацию, основанную на разорении

страны, на развале сельского хозяйства и разбазаривания ресурсов, – «все наши планы грозят рухнуть». Но наиболее резкие слова Бухарина были направлены против политики Сталина по отношению к крестьянству. Сталинисты списали со счетов крестьянина-единоличника и говорят только о коллективизации, однако «в ближайшие годы они (совхозы и колхозы) не смогут быть основным источником хлеба. Основным источником хлеба будет еще долгое время индивидуальное хозяйство крестьян» (157). Затем Бухарин высказал «клевету», которую ему никогда не забудут: он разглядел темные намерения за чрезмерным налогообложением и реквизициями в деревне и обвинил Сталина в том, что начиная с июльского пленума в 1928 г. тот проповедует индустриализацию, основанную на «военно-феодальной эксплуатации крестьянства»:

> Что определяло фактически дальнейшую политику?.. речь товарища Сталина о дани. На XIV партсъезде тов. Сталин бил изо всех сил Преображенского за колонии и эксплуатацию крестьянства. А на июльском пленуме он провозгласил лозунг дани, т. е. военно-феодальной эксплуатации крестьянства (158).

Драматическое столкновение 30 января – 9 февраля, отмеченное стойким поведением Бухарина и его контрнаступлением на Сталина, завершило раскол в Политбюро. Отвергнув «компромисс» 7 февраля, Бухарин отказался поддерживать видимость единства в Политбюро и впервые получил официальный выговор от сталинского большинства. Отметая призыв Бухарина вернуться к более дружелюбной политике для достижения мира с крестьянством и облегчения заготовительных трудностей, расширенное заседание Политбюро в закрытой резолюции от 9 февраля подвергло резкой критике его «фракционную деятельность» и его самую недопустимую клевету на ЦК, на его политику, внутреннюю и внешнюю, на его организационное руководство (Томский и Рыков тоже получили выговор, но в более мягких выражениях). Используя уже стандартную форму, этот документ приравнял его оппозицию сталинской группе к оппозиции «партии и ее Центральному Комитету» (159).

Но несмотря на большую победу, Сталин, по всей видимости, столкнулся с сопротивлением среди своих собственных сторонников и добился от открытого столкновения меньше, чем надеялся. Имеются свидетельства того, что он хотел исключить своих противников из Политбюро, и в первую очередь – Бухарина (160). Критическая резолюция, тон и формулировки которой были заметно менее резкими, чем сталинские, не только воздержалась от столь крутых мер, но и потребовала, чтобы Бухарин и Томский вернулись на свои посты. Двусмысленность ее углубилась и тем, что резолюцию не публиковали. В конце совещания Сталин недовольно заметил: «…мы ведем себя в отношении

бухаринцев слишком либерально и терпимо… Не пришло ли время положить конец этому либерализму?» (161).

По-видимому, нескольких, а возможно, и большинство сторонников Сталина среди присутствовавших на совещании примерно двадцати двух высших руководителей беспокоили по меньшей мере два обстоятельства. Хотя они принимали руководящую роль Сталина и его план индустриализации, их, наверное, тревожила неопределенность его крестьянской политики и сложившееся в деревне серьезное положение. Несомненно, некоторые разделяли беспокойство Бухарина. Более того, те из сторонников Сталина, кто не относился к числу его личных поклонников (какими были, очевидно, Каганович и Молотов), все еще не хотели дать ему в руки бразды единоличного правления, которые он получил бы благодаря исключению Бухарина (единственной другой вершины «Гималаев», еще остававшейся в Политбюро). Традиция и благоразумие склоняли их к коллективному руководству в высшем партийном органе, какой бы рудиментарный характер такое руководство ни носило, а не к выдвижению одного верховного лидера. Или, как доверительно заметил Калинин: «Вчера Сталин убрал Троцкого и Зиновьева. Сегодня хочет убрать Бухарина и Рыкова. Завтра – моя очередь» (162).

Тем не менее Бухарин и его союзники в Политбюро потерпели крупное поражение. Они находились в нелепом и странном положении. Поскольку происходившая борьба и сделанное им внушение не получили гласности, официально они все еще были в чести. Бухарина попрежнему избирали в почетные президиумы партийных и торжественных собраний, встречали положенными «бурными овациями» и поздравляли с новоприобретенным членством в Академии наук, куда из виднейших политических деятелей избрали его одного (163). Однако на закрытых партсобраниях и в коридорах они были жертвами «гражданской казни», как выразился Бухарин, поскольку сталинисты с удвоенным усердием распространяли весть об их отступничестве. Одновременно усилилась кампания в печати против анонимной «правой опасности». Официально (хотя и негласно) осужденные, обливаемые грязью в частных беседах, лишенные организационного влияния и, надо полагать, свободного доступа к прессе, Бухарин, Рыков и Томский сделались «пленниками Политбюро» (164). Стало сказываться нервное напряжение. Несмотря на то, что 9 февраля трое правых проявили полную солидарность, Рыков снова начал колебаться. Если Бухарин и Томский становились все непреклонней, то Рыков забрал заявление об отставке, хотя продолжал выступать против политики Сталина на заседаниях Политбюро. Нарастающее напряжение и рост сталинского влияния лишний раз обнаружились в начале марта, когда известный бухаринец Стецкий переметнулся к Сталину (165).

Теперь оставалось ждать первого открытого столкновения на глазах всего Центрального Комитета, следующий пленум которого был намечен на 16–23 апреля, то есть накануне XVI партконференции. А пока что публичные протесты бухаринцев все чаще выражались эзоповским языком и звучали поэтому все слабее, и трое правых пытались выступить в качестве лояльной оппозиции и оказывать «пассивное сопротивление» в Политбюро (166). В марте – первой половине апреля их критика сосредоточивалась на сталинском пятилетнем плане по промышленности, который должен был быть принят на предстоявшем пленуме и партконференции. Задачи пятилетки, выраженные в минимальных показателях, которые немедленно отбрасывались и заменялись сильно увеличенными оптимальными цифрами, выросли чрезвычайно. Теперь предусматривалось в три-четыре раза увеличить объем капиталовложений в государственном секторе, причем 78 % затрат предназначались для тяжелой промышленности, и в течение пяти лет расширить производство средств производства на 230 % (167).

Встревоженные Бухарин и Рыков пытались обуздать индустриализаторские амбиции Сталина. Рыков предложил дополнительный двухлетний план для ликвидации диспропорции между уровнем сельскохозяйственного производства и потребностями страны. План этот воплощал бухаринский принцип зависимости промышленности от сельского хозяйства и призывал к скорейшему выпрямлению «сельскохозяйственного участка» за счет налоговых, ценообразовательных и агрономических мер. План Рыкова был без долгих церемоний отвергнут как уловка, рассчитанная на дискредитацию пятилетки. То же произошло и со сходными контрпредложениями и критическими замечаниями Бухарина. Убедившись, что даже символического компромисса достичь невозможно, Бухарин, Рыков и Томский воздержались, когда Политбюро официально голосовало по контрольным цифрам индустриализации 15 апреля (168).

Тем временем Бухарин стал применять в частных беседах тактику, которой правая оппозиция до сего времени пользовалась лишь с большими колебаниями, от случая к случаю. Готовясь к заседанию ЦК, он собирал документальные доказательства того, что Сталин по своим личным качествам не соответствует должности генерального секретаря, которая теперь приравнивалась к посту главы партии. Вероятно, Бухарин намеревался дать новую жизнь предостережению Ленина, высказанному им в «Завещании» 1923 г.:

> Сталин слишком груб… Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив, более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. (169).

После шестилетнего соучастия в замалчивании ленинского, «Завещания» Бухарин собирал свидетельства жертв сталинской «грубости». Среди них был Эмбер-Дро, который вступил в столкновение со Сталиным в Коминтерне и которому Бухарин написал 10 февраля 1929 г.: «Пожалуйста, напишите мне, правда ли, что на заседании президиума во время обсуждения немецкого вопроса товарищ Сталин кричал Вам: “Пойдите к черту!”». Эмбер-Дро подтвердил, что такой случай имел место (170).

Требовалось мужество, чтобы напомнить партии о последних желаниях Ленина в обстановке 1929 г., однако было уже слишком поздно, чтобы такой «мелочью», как выразился Сталин, изменить ход политических событий (171). Когда 16 апреля открылся пленум, бухаринцы оказались в окружении делегатов, которые, во главе со сталинистами, готовы были пригвоздить к позорному столбу и раздавить оппозицию. Изоляция оппозиционеров усугублялась тем, что ЦК заседал совместно с полным составом ЦКК, в результате чего в зале заседаний присутствовало более 300 человек, из которых сторонников Бухарина было человек тринадцать (172).

Верховный орган партии был впервые и полностью и без обиняков информирован о тянувшейся уже год борьбе, и его призвали осудить человека, который все еще был наиболее прославленным его членом. После того как сталинисты представили на утверждение пленума резолюцию Политбюро с резкой критикой Бухарина, а бухаринцы высказались в свою защиту, Сталин выступил со своей версией «правого уклона» и «предательской позиции» Бухарина. Эта версия шла значительно дальше резолюции от 9 февраля. По словам Сталина, Бухарин выступает за линию, абсолютно враждебную линии ЦК по всем важнейшим вопросам, от коминтерновских дел до внутренней политики; претворение бухаринской линии в жизнь означало бы «предать рабочий класс, предать революцию». Утверждая, что «ошибки» Бухарина не были случайностью, Сталин наносил удар по самым основам его авторитета в партии. В разделе своего выступления, озаглавленном «Бухарин как теоретик», Сталин вытащил на свет божий дореволюционные разногласия Бухарина с Лениным по вопросу о государстве и объявил его репутацию как теоретика партии «гипертрофированной претенциозностью недоучившегося теоретика». В своих обвинениях Сталин пошел еще дальше: он намекнул, что во время дискуссии по поводу мирного договора в 1918 г. Бухарин вступил в сговор с левыми эсерами, чтобы «арестовать Ленина и произвести антисоветский переворот». В апреле 1929 г. эта злобная инсинуация предназначалась для придания большего веса сталинскому утверждению, что Бухарин (которого, как помнили собравшиеся, Ленин назвал «любимцем всей партии») теперь возглавляет «самую неприятную и самую мелочную из всех имевшихся у нас в

партии фракционных групп» (173). Девять лет спустя эта версия сделалась судебным обвинением в том, что Бухарин тайно пытался устроить покушение на жизнь Ленина.

Примечательно, что в этой погромной обстановке бухаринцы нашли в себе силу воли противостоять требованиям публично покаяться. Более того, они дерзко отвечали ударом на удар, особенно Бухарин, Томский и Угланов (Рыков, очевидно, вновь высказал свои оппозиционные взгляды в умеренном тоне) (174). Опубликовано было лишь сталинское выступление, однако, если судить по цитировавшимся впоследствии отрывкам, Бухарин произнес на пленуме одну из своих сильнейших речей. Представляется, что он начал с нападок на недопустимое поведение Сталина и его «грубость» и с возмущением отрицал, что он со своими союзниками составляет оппозицию «генеральной линии» (175). Скорее именно Сталин нарушает принятую линию, проводя политику, несовместимую с установкой на нэп. Большая часть аргументов Бухарина соответствовала его заявлениям в Политбюро 30 января и 9 февраля. Однако здесь, на заседании ЦК, он сконцентрировался на центральном моменте политической борьбы – на судьбе нэпа.

«Что-то подгнило» в сталинской линии, воскликнул он, и линия эта завела страну в порочный круг. Когда сократились хлебозаготовки, усилилось возмущение в деревне, а в пограничных областях происходят открытые восстания, Сталин проповедует обострение классовой борьбы, новые «чрезвычайные меры», необходимость «дани» и «новые» прямые формы смычки между государством и крестьянами. В этом «есть прямая переоценка возможности воздействовать на основные массы крестьянства без рыночных отношений» и перспектива «чудовищно односторонних» отношений с крестьянством. С точки зрения борьбы партии с троцкизмом это есть полная идеологическая капитуляция перед ним. Мы поддерживаем ускоренную индустриализацию, но сталинский план подобен самолету без мотора и обречен на провал, ибо он основан на упадке сельского хозяйства и уничтожении нэпа: «Чрезвычайные меры и нэп противоречат друг другу; чрезвычайные меры означают конец нэпа». Томский высказался столь же прямо: «Какая это новая форма смычки?.. ничего и здесь нового нет, а есть чрезвычайные меры и заборная книжка» (176). Но чем закончится пленум, сомневаться не приходилось. Охарактеризовав взгляды Бухарина как несовместимые с генеральной линией партии, ЦК утвердил вынесенное ему взыскание и принял сталинский пятилетний план. Бухарин и Томский были освобождены от своих официальных постов в «Правде», в Коминтерне и в профсоюзах и предупреждены, что продолжение «фракционной» деятельности повлечет за собой дальнейшие наказания (177). Таким образом апрельский пленум довел до конца борьбу за власть, за руководство партией между Сталиным и бухаринцами. Обе

стороны признавали ЦК последней инстанцией, и ЦК утвердил победу Сталина подавляющим большинством голосов.

И все же, как ни удивительно, результат борьбы вовсе не определился окончательно. Несмотря на резкое осуждение бухаринцев со стороны ЦК, Сталин снова не сумел добиться их полного политического уничтожения. Бухарин, Рыков и Томский все еще оставались членами Политбюро, хотя и не имели больше веса, а Рыков продолжал оставаться Председателем Совета Народных Комиссаров (178). Более того, ни смещение Бухарина и Томского со своих постов, ни антибухаринская резолюция, формулировки которой снова были мягче сталинских, не были обнародованы. Если это означало, что ЦК все еще не хотел окончательно опозорить Бухарина и его друзей и исключить их из рядов руководства, то и его решения по экономическим вопросам, ратифицированные на XVI партконференции, открывшейся в день закрытия пленума, отражали аналогичную политическую сдержанность. Принятие сталинского плана индустриализации, начало которого задним числом отсчитывалось с октября 1928 г., ознаменовало резкий отход от бухаринской политики партии. Однако это отчасти компенсировалось сельскохозяйственными задачами апрельского плана, которые вполне соответствовали бухаринским наметкам. Коллективизация все еще рассматривалась как скромное вспомогательное начинание: через пять лет колхозы и совхозы должны были занимать 17,5 % посевной площади по сравнению примерно с 3–5 % в 1928–1929 гг. Таким образом, крестьянин-единоличник должен был оставаться опорой сельского хозяйства (179). Весь план, как его ни толковать, ориентировался на сохранение нэпа.

Короче говоря, вопреки последовавшим через недолгое время бурным событиям и лживым утверждениям, сталинская победа над Бухариным в апреле 1929 г. не освящала ни личной диктатуры Сталина, ни «революции сверху». Иными словами, ЦК не отверг нэпа и не уничтожил политически его виднейшего защитника, но создал положение, которое было не по душе ни одной из сторон. Добровольные зернопоставки, бывшие основой нэпа, фактически прекратились, а сталинские заявления, поносившие крестьян-единоличников и узаконивавшие «чрезвычайные меры», равно как и повышение плановых заданий индустриализации, не располагали к умеренной политике в нэповском духе (180). Как бы то ни было, ограниченные полномочия, данные Сталину пленумом, были несоизмеримы с его политическими амбициями. Сразу же после пленума его свита начала угрожать бухаринцам исключением из партии и проповедовать в частных разговорах сталинский культ, который восемь месяцев спустя официально расцветет пышным цветом, когда станут говорить, что партия наконец обрела настоящего

твердого вождя – товарища Сталина, единственного наследника Ленина (181).

Всё это не предвещало Бухарину ничего хорошего. Двусмысленность его положения была очевидной на апрельской партконференции – последней перед началом «великого перелома». Бухарин не проявил ни малейшего признака того, что склоняется перед сталинской волей и, по всей видимости, не присутствовал на заседаниях. Тем не менее его, Томского и Рыкова, сделавшего «послушный», хотя и лишенный энтузиазма доклад по пятилетнему плану, со всем уважением избрали в члены почетного президиума. На закрытом заседании в середине конференции Молотов информировал делегатов о санкциях ЦК против бухаринцев, однако публично ни об их поражении, ни о разногласиях в руководстве не говорили (182). Слышны были лишь слабые намеки на ту кампанию безудержной клеветы, которая вскоре обрушится на Бухарина. Хотя один за другим выступавшие призывали оказать безжалостный отпор правому оппортунизму, в воздухе витало ощущение неопределенности относительно зернового кризиса и судьбы Бухарина. Д. Рязанов, почтенный марксист и неукротимый критик нечистой политической игры, вероятно, имел в виду незавидное положение Бухарина, когда сказал: «В Политбюро марксисты не нужны» (183). Как думали некоторые впоследствии, эти слова были эпиграфом к надвигавшейся эпохе.

В отличие от разгрома левых поражение Бухарина имело огромные социальные последствия. С исторической точки зрения это была политическая прелюдия «революции сверху» и того явления, которое впоследствии получило название сталинизма. Поэтому причины и значение политической победы Сталина представляют собой вопрос большой исторической важности. Ответ на него отчасти кроется в природе спора между бухаринцами и сталинистами. В середине 1929 г. дискуссия эта, по всей видимости, часто шла, главным образом, вокруг различных путей достижения одних и тех же целей: обе стороны стремились превратить Советскую Россию в «страну металла», обезопасить себя в экономическом и военном отношении во враждебном капиталистическом окружении, двигаясь при этом к социализму. В более дальней перспективе ясно, что они предлагали партии сделать решающий выбор не только между совершенно разными программами, но и между разными судьбами.

До 1928 г. Сталин был в экономической философии в основном бухаринцем, а в 1928–1929 гг. в своих попытках выработать, по существу, антибухаринскую политику он начинал превращаться в сталиниста. Несмотря на свой пессимистический диагноз текущего экономического кризиса, он, однако, открыто не отвергал нэп, служивший основой бухаринизма. И в самом деле, на протяжении большей части 1929 г. вы-

двигавшиеся им конкретные предложения были немногочисленны и не носили законченного характера. Если оставить в стороне риторику, они заключались в следующем: максимальные капиталовложения в тяжелую промышленность и создание колхозов и совхозов. Не считая своей концепции «дани» на крестьян и принципа постепенности, который Сталин все еще применял к коллективизации, он мало говорил о реальных источниках капиталовложений, о природе экономического планирования и о процессе обобществления сельского хозяйства, или вообще обходил эти вопросы. Эти упущения дали Бухарину повод утверждать, что у Сталина вообще нет долгосрочной экономической политики (184). Радикальной вырабатываемую Сталиным программу делали не столько его конкретные предложения, сколько политические и идеологические доводы, с помощью которых они отстаивались. Аргументация его была по духу воинственной и вращалась вокруг идеи гражданской войны.

В большевизме всегда имелся легкий привкус воинственности. Программный документ движения – ленинская работа «Что делать?» – изобиловал военными аналогиями. Однако в отличие от компартий, впоследствии приходивших к власти в результате продолжительной партизанской войны, вплоть до 1918 г. большевизм оставался поразительно невоенным по духу. Большая перемена произошла в период гражданской войны, потребности которой вызвали глубокую милитаризацию норм партийной жизни. Затем нэп привел к обратному процессу демилитаризации, или демобилизации. Хотя милитаристские привычки приглушались в 20-е гг. реформистской, эволюционной атмосферой нэпа, они не исчезли окончательно. Живучесть их подтверждалась «административным произволом» и «остатками военного коммунизма», которые регулярно критиковал Бухарин и другие руководители. Менее осязаемые, они жили вместе с воспоминаниями о 1917 г., в большевистской «героико-революционной» традиции. Троцкисты периодически выражали их в литературной форме, однако именно Сталин в кризисной атмосфере 1928–1929 гг. возродил военную традицию, придал ей новый смысл и стал переделывать партию и государство в ее духе.

С начала зернового кризиса и после стремительной экспедиции Сталина в Сибирь и на Урал образы и аналогии гражданской войны и ссылки на ее вдохновляющий пример почти постоянно присутствовали в его публичных выступлениях и составляли в 1928–1929 гг. их главную программную тему. В ответ на снижение хлебозаготовок он призвал к мобилизации и предложил «бросить лучшие силы партии сверху донизу на заготовительный фронт». Впоследствии, когда тон стали задавать Сталин и его окружение, официальное мировоззрение партии и ее методы подверглись неуклонной милитаризации. Области политики превратились во «фронты» – «зерновой фронт», «плановый фронт»,

«философский фронт», «литературный фронт» – и к началу 30-х гг. включали такие экзотические поля сражений, как «фронт яровизации». Политические задачи и проблемы сделались крепостями, которые надо было брать штурмом, и, как сказал Сталин в апреле 1928 г., «нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики» (185). Если война есть продолжение политики чрезвычайными средствами, то средства, которые поначалу считались временными, «чрезвычайными мерами», стали в нарождающемся сталинистском мировоззрении вполне законными и постоянными. Хотя Сталин редко вспоминал о 1917 г., прецедент гражданской войны неизбежно переплетался с прецедентом Октября, подтверждая идею, что «большевики все могут», и делаясь в конце 1929 г. частью идеологической подкладки «революции сверху» (186). Исходя из этого, например, сплошная коллективизация будет изображаться как «штурм старой деревни» и «деревенский Октябрь» (187).

Возрождение мышления времен гражданской войны было в какой-то мере естественной реакцией на те трудности, с которыми партия сталкивалась в 1928–1929 гг., однако главный вдохновитель этого возрождения – Сталин – придал ему особый смысл. Годы гражданской войны, которые он, страдая от зависти, провел в тени Троцкого в должности политкомиссара на фронте, психологически были, по-видимому, самым решающим периодом его жизни, и военные методы подхода к социальным проблемам вполне соответствовали его личности, которую характеризуют как «личность военную» (188). Какие бы ни были на то психологические причины, именно Сталин подвел идеологическое основание под «мобилизацию» 1928–1929 гг. и подкрепил ее новым аргументом о том, что по мере приближения к социализму сопротивление внутреннего противника и, следовательно, классовая борьба будут обостряться. Бухарин придерживался противоположной точки зрения: продвижение к социализму требует и предполагает ослабление классовых противоречий и общественной борьбы. Из этого разногласия вытекали абсолютно разные точки зрения на природу и пути развития советского общества (189). Сталинская теория обострения классовой борьбы была по своему духу скорее военной, нежели в традиционном смысле марксистской, и явилась, пожалуй, его единственным вкладом в большевистскую мысль; она стала лейтмотивом его 25-летнего правления. В 1928 г. она была применена к кулакам, «шахтинцам» и непоименованным «контрреволюционерам» и обосновала сталинский тезис о существовании мощного внутреннего врага и «чрезвычайные» методы в духе гражданской войны. К началу 30-х гг. он преобразовал ее в тезис о наличии заговорщиков – «врагов народа» – и в идеологию массового террора (190). Кровавые последствия этой теории стали очевидны для Бухарина, когда он впервые услышал о ней в июле 1928 г.: «Это

идиотская безграмотность… в результате получается полицейщина» (191).

Милитаристские обертоны нарождавшегося сталинизма были центральным моментом борьбы между Бухариным и Сталиным. Они представляли собой полную противоположность основным доводам Бухарина о сотрудничестве между классами, гражданском мире и эволюционном развитии. Систематические «чрезвычайные меры» находились в прямом противоречии с дружелюбной, мирной политикой, которую Бухарин называл «методами нэпа». Сталинская воинственность придавала его предложениям, которые вообще-то были весьма расплывчаты, целеустремленный экстремистский характер. Сложности экономического планирования игнорировались как «вульгарный реализм» и были низведены к штурму «крепостей», а даже осторожная программа коллективизации, как предостерегал Бухарин еще в июле 1928 г., грозила превратиться в сумасбродные потуги «насильно вогнать мужика в коммуну» (192). Полемика между Сталиным и Бухариным отражала противоборство гражданской войны с гражданским миром. Бухарин обвинял Сталина в «военном коммунизме» и «военно-феодальных» методах, «ведущих к гражданской войне» (193). Сталинисты же хвастались, «что сдали в архив теорию мирного врастания кулака в социализм» и прочую «либеральную ерунду», обвиняли Бухарина в том, что он превратил Ленина в «апостола гражданского мира», и обрушивались на него за призывы к осторожности и «нормализации», называя их недопустимыми в военное время «пораженчеством», «пессимизмом» и проявлением демобилизующих настроений (194).

Хотя Бухарин резко критиковал внезапный переход своего бывшего союзника на позиции «сверхиндустриализации» и политики эксплуатации крестьянства как полную идеологическую капитуляцию перед троцкизмом, он понимал, что в сталинских руках такие идеи, искаженные его милитаристским подходом и лишенные тонких аналитических форм, в которые облекали их левые, представляют собой куда большую опасность совсем иного порядка (195). В ответ Бухарин снова сформулировал и обосновал политику и концепцию развития Советской России, выдвигавшиеся им в полемике против левых с начала 20-х гг. Его взгляды и критика нового сталинского курса в 1928- 1929 гг., имевшие в качестве стержня политические, экономические и моральные возражения против «волевых импульсов» и подкрепленные исправлениями и дополнениями, внесенными им в 1927 г., приобретают особое значение в свете последующих событий.

Как и прежде, в основе политических воззрений Бухарина лежало убеждение, что несдержанная политика в деревне подорвет оставшуюся в наследство от 1917 г. смычку между городом и деревней и приведет к фатальной гражданской войне с крестьянством. Бухарин больше

не подразумевал под этим экономические уступки нарождавшейся деревенской буржуазии. Он продолжал поддерживать наступление на кулака, но в той форме, которую он выдвинул в 1927 г. – ненасильственными «методами нэпа», сокращая накопление капитала у кулака и кулацкое влияние, но никоим образом не затрагивая некулацкую массу (196). Сталинская антикулацкая кампания, не уставал повторять Бухарин, представляла собой нечто совершенно иное, а именно – войну против крестьянства в целом, каким бы эвфемизмом ее ни называть. Более того, теория Сталина об обострении классовой борьбы являлась хитроумным обоснованием мер, которые вызвали резкое возмущение деревни и создали «единый фронт села против нас». Нараставшая волна крестьянских восстаний в деревне в середине 1928 г. лишний раз подкрепила убеждение Бухарина, что сталинская политика ведет страну к гражданской войне. По всей видимости, у него впервые появилось подозрение, что безжалостные репрессивные методы «Чингисхана» и в самом деле позволят партии выйти победительницей из открытого столкновения. В этом был скрытый смысл его замечания, что Сталину придется «заливать кровью восстания», но это неожиданное предчувствие не успокоило его и не ослабило его возражений.

Критика Бухариным сталинской политики в деревне содержала еще один аргумент, связанный с вышеизложенным. Хотя война уже не казалась больше столь же неминуемой, как в 1927 г., возможность нападения на Советский Союз была в числе опасностей, на которые сталинисты указывали для обоснования всестороннего развития тяжелой промышленности любой ценой.

Бухарин, хотя и ратовал за развитие оборонной промышленности, отвечал, что «доверие крестьян» является таким же решающим фактором обеспечения безопасности СССР. Активно враждебное или даже пассивно недовольное сельское население в случае войны составит опасность для правительства (197). Эти вполне разумные опасения возродились в 30-е гг., когда опасность войны стала более реальной, и подтвердились во время катастрофы 1941 г., когда крестьянство западных областей поначалу встречало вторгшиеся немецкие войска как освободителей.

Не менее резко Бухарин выступал и против новой сталинской политики в области экономики, начиная с вопроса о продолжении нэпа и кончая характером планирования. Усматривая в зерновом кризисе 1928 г. симптом органического кризиса единоличного крестьянского хозяйства, Сталин косвенным образом ставил под сомнение господствующую бухаринскую точку зрения на нэп как на долгосрочную политику. Сталинский анализ кризиса отличался непоследовательностью. С одной стороны, он утверждал, что кулак процветает, набирает большую силу, пытается навязать правительству свою волю и припрятывает

большие запасы зерна, объявляя, таким образом, войну нэпу и Советскому государству. С другой стороны, он указывал на неизменно низкую производительность и незначительные товарные излишки единоличных крестьянских хозяйств (198). Эти два аргумента противоречили друг другу в оценке объема производства зерна, но приводились в качестве доказательства того, что сохранение индивидуальных хозяйств стало несовместимым с выдвигаемыми партией планами индустриализации.

Бухарин резко возражал, утверждая, что нехватка зерна вызвана не неким «железным законом» или органическими причинами, а «временными диспропорциями» и преходящими обстоятельствами. Он полностью отверг сталинские заклинания об «ужасно громадных» натуральных зерновых фондах… никто больше этим россказням не верит». Настоящая проблема заключалась не в припрятанных запасах зерна, а в низком уровне зернового производства, обусловленном двумя серьезными, но поправимыми обстоятельствами. Одно из них состояло в том, что политика цен осуществлялась, как в «сумасшедшем доме», волей-неволей создав положение, при котором производство зерна стало невыгодным по сравнению с производством других культур или несельскохозяйственными занятиями (промыслы и прочие занятия давали крестьянам почти половину доходов). Гибкая политика цен, оказывавшая предпочтение зерну, могла бы стимулировать увеличение его производства и (в сочетании с прогрессивным налогообложением и неуклонным улучшением положения с дефицитными промтоварами) формирование рыночных излишков. Второй причиной отставания зернового производства, соглашался Бухарин, являлись примитивные методы ведения крестьянского хозяйства. Но он по-прежнему считал, что относительно скромная финансовая и агротехническая поддержка крестьян-единоличников даст значительное увеличение объема сельскохозяйственного производства (199).

Частное крестьянское хозяйство продолжало оставаться основой бухаринской сельскохозяйственной программы, однако в отличие от 1924–1926 гг. оно не было единственным элементом этой программы. Теперь Бухарин считал, что необходимо и возможно создать добровольной коллективный сектор, который, при надлежащей пропаганде и поддержке, постепенно разрастется, через пять-десять лет обеспечит примерно одну пятую товарного зерна и в конце концов, спустя целый исторический период, совершенно вытеснит частное крестьянское хозяйство. До середины 1929 г. Сталин официально придерживался примерно такого же плана. Но уже в мае–июне 1929 г. Бухарин увидел в его воинственном тоне и в манихейском пренебрежении к единоличному крестьянскому хозяйству и к сбытовым кооперативам намерение совершить гибельный «резкий скачок». В ближайшем будущем крестьян-

ские хозяйства должны были дать основную часть производимого зерна, однако в результате сталинских, «чрезвычайных мер», указывал Бухарин, крестьянское хозяйство «регрессирует», ибо «основная масса крестьянства потеряла всякий стимул к производству». Более того, марксисты по традиции полагали, что для здоровой коллективизации необходимы обученные работники, «известное накопление в сельском хозяйстве» и механизация, тогда как в советской деревне эти предпосылки отсутствовали: «…из 1000 сох нельзя сложить ни одного трактора». Бухарин с возмущением вопрошал, не собирается ли Сталин провести коллективизацию «на нищете и раздроблении». Это, добавил Рыков, было бы дискредитацией всей социалистической работы и гибелью всего дела (200).

Бухарин считал сталинский курс в деревне экономически бессмысленным именно потому, что он «запирает нам все входы и выходы», уничтожая многообразие путей развития, которые обещал нэп. Его собственная сельскохозяйственная программа имела целью максимальное использование разнообразных возможностей и достижение «правильного сочетания колхозного и индивидуального накопления» (201). Он призывал к разностороннему подходу: «Подъем индивидуального крестьянского хозяйства, особенно зернового, ограничение кулацкого хозяйства, строительство совхозов и колхозов при правильной политике цен, при кооперировании масс крестьянства…» (202). В таком случае нэп (конкретно говоря, индивидуальное крестьянское хозяйство и рыночные отношения) будет и дальше служить делу индустриализации Советского Союза. Такова была официальная политика партии еще в 1929 г., однако к концу года ее резко отвергли, а бухаринские доводы никем не опровергались и не проверялись на практике.

Аграрная программа Бухарина определила его оппозицию проповедуемому Сталиным безграничному расширению тяжелой промышленности, финансируемому весьма похожими на дань поборами с сельского населения. По всей видимости, теперь Бухарин понял, что «прикладная туган-барановщина» (паразитирующая промышленность, производящая почти исключительно себе на потребу) в руках современного Чингисхана действительно может оказаться успешной – ценой большой жестокости и лишь на какое-то время (203), но, как он снова доказывал в 1928–1929 гг., планомерная «здоровая» индустриализация возможна только на базе расширения рынка потребительских товаров и использования ресурсов процветающего сельского хозяйства. Такой подход свидетельствовал о более серьезном отношении к развитию тяжелой промышленности и связанным с ним затратам. Пересмотрев в 1926–1927 гг. свое отношение к данной проблеме, Бухарин и Рыков теперь стояли за значительные капитальные затраты, они смирились с неизбежностью временных, частичных диспропорций и понимали, что

«придется некоторое время кое в чем поужаться» (204). Однако капитальные затраты должны ограничиваться пропорциональными капиталовложениями в сельское хозяйство и производство потребительских товаров для крестьян, а также реально существующими ресурсами. Бухарин надеялся, что жертвы и диспропорции можно будет свести к минимуму, поощряя мелкую частную промышленность (особенно для утоления голода на потребительские товары), избегая чрезмерных инвестиций в дорогостоящие и долгосрочные проекты, а также сочетая индустриализацию с повышением производительности труда, научной организацией производства и использованием достижений научно-технической революции на Западе (205).

Этот экономический диспут неизбежно вылился и в столкновение между двумя разными точками зрения на планирование, в частности на первый пятилетний план. Сталинская группа в духе своих милитаристских понятий о политике избрала крайний вариант так называемого «телеологического» планирования. Этот подход, согласно которому волевые усилия способны преодолевать объективные препятствия, обратился под водительством Сталина в каскад хилиастических команд и постоянно растущих плановых заданий. В 1928–1928 гг. Бухарин, естественно, высказывал совершенно другие взгляды на планирование. Их можно вкратце суммировать следующим образом.

Во-первых, экономическое планирование означает рациональное использование ресурсов для достижения поставленных целей; поэтому план должен быть основан на научных выкладках и объективной статистике, а не на своеволии и «акробатических сальто-мортале». Во-вторых, целью планирования является избавление экономического развития от свойственных капитализму анархии производства и кризисов (нарушений равновесия). Поэтому план должен способствовать созданию «условий динамического экономического равновесия» и функционировать в их рамках, определяя правильные пропорции во всем народном хозяйстве и придерживаясь их, учитывая и обеспечивая резервы и устраняя «узкие места». В-третьих, планирование, особенно в отсталых аграрных странах, должно быть гибким, допуская весьма значительные элементы не поддающейся учету стихийности, в том числе неустойчивость урожая или рынка, – оно не может быть 100-процентным планированием или, как заметил один бухаринец, «пятилетней Библией» (206). И наконец, при планировании следует неуклонно избегать чрезмерной централизации и чрезмерной бюрократизации. В таких условиях издержки неправильных решений «могут быть не меньше, чем издержки от анархичности капитализма», а искоренение гибкости и инициативы снизу ведет к «хозяйственному артериосклерозу», к «тысячам маленьких и больших глупостей» и к тому, что Бухарин назвал «организованной бесхозяйственностью». На самом деле:

«…централизация имеет свои пределы и… необходимо давать известную самостоятельность подчиненным инстанциям. В определенных рамках они должны быть самостоятельны и ответственны. Предписания из центра должны ограничиваться постановкой задачи исключительно в ее «идее»: конкретная расшифровка есть дело низших инстанций, которые действуют в зависимости от конкретных условий жизни» (207).

Таким образом, вопреки сталинским легендам, борьба происходила не между сторонниками и противниками плановой индустриализации, а между различными подходами к данной проблеме. Дискуссия часто сосредоточивалась на степени: на уровне «выкачивания» из сельского хозяйства, уровне капитальных затрат и планируемых темпах роста. Но для Бухарина в этом как раз и заключалась разница между «более или менее бескризисным развитием» и «авантюризмом». Он защищал установленный в начале 1928 г. весьма высокий уровень капиталовложений, предусматривавший почти 20-процентный ежегодный рост объема промышленного производства и отброшенный Сталиным как недостаточный. Бухарин настаивал на том, чтобы «сохранить (и не раздуть!) этот темп», стремиться к реальному росту и не «создавать фетиша из темпа». Бухарин предсказывал, что в отличие от политики «сумасшедшего дома» так можно будет обеспечить «наивысший длительный темп» (208).

И в своем пересмотренном варианте экономическая философия Бухарина предусматривала сдержанность и сбалансированное развитие в противовес чрезмерным капиталовложениям, чрезмерному планированию, чрезмерной централизации и перенапряжению ресурсов. Если его экономические и плановые доводы кажутся ординарными, то это потому, что они получили широкое признание, в том числе даже в коммунистических странах. Более удивительно то, что их потом абсолютно игнорировали, а вслед за падением Бухарина даже официально предали поруганию как «чуждые» большевизму.

Острая враждебность Бухарина новому сталинскому курсу объясняется не только его тяжелыми политическими предчувствиями и экономическими соображениями. Основным фактором здесь оставалось его нравственное неприятие «чудовищно односторонней» политики по отношению к крестьянству как несовместимой с социализмом и историческими задачами большевиков. В своей полемике с Преображенским в середине 20-х гг. Бухарин особо настаивал на этической стороне индустриализации СССР. Он отстаивал ту же точку зрения и в споре со Сталиным: «…наша социалистическая индустриализация должна отличаться от капиталистической… Социалистическая индустриализация это не паразитарный по отношению к деревне процесс». Это, в свою очередь, повлияло на его экономические доводы против принципа «производства производства» и в защиту «принципа развития массовых

потребностей как основного хозяйственного принципа» советской индустриализации (209).

По мере того как росла тревога Бухарина по поводу сталинской политики «дани» с крестьянства, он начал выражать свой нравственный протест, пользуясь аналогиями с несколько иным периодом русской истории. В сентябре 1928 г. он гневно писал, что позор царской России заключался в «беспощадной эксплуатации мужика»; Сталин же хочет «поместить СССР в этом историческом ряду за старой Россией» (210). Ничто не выразило сути этого исторического обвинения столь ярко, сколь данное им замечательное определение сталинской политики как «военно-феодальной эксплуатации». Эта формулировка (либо ее варианты) имела особое звучание для русских революционеров. Она постоянно встречалась в сочинениях довоенных радикалов и либералов как бранный термин, характеризовавший необыкновенно деспотическую природу царистского государства, наследие монгольского завоевания и грабительского отношения к закрепощенным крестьянам (211). Для Бухарина и его последователей сталинское «выбивание поборов с населения» и «политика татарских ханов» знаменовали возрождение этой традиции (212). Таким образом, обвиняя генсека в «военно-феодальной эксплуатации крестьянства», Бухарин клеймил его не только от имени большевистской революции, но и от имени предшествовавшей ей антицаристской интеллигенции. Поэтому его «злостную клевету» так никогда официально не забыли и не простили (213).

Дурные предчувствия Бухарина насчет возрождения царских порядков этим не ограничивались. Для него, как и для домарксистских русских революционеров, политической квинтэссенцией царизма было чиновничье государство, деспотически правящее несчастным народом при помощи беззакония и произвола. Революция обещала покончить с этой традицией созданием нечиновничьего государства, народного государства для народа, которое Ленин называл государством-коммуной; Бухарин с надеждой смотрел на него как на противовес наметившемуся в новейшей истории сползанию к «новому Левиафану». В начале и середине 20-х гг., отрешившись от своего непродолжительного энтузиазма по поводу «государственности», Бухарин громко выражал озабоченность в связи с возможностью возникновения в советских условиях нового государства чиновников и нового официального беззакония. Он усматривал такую опасность в «монополистической философии» левых и в «волевых импульсах» и видел в партии слугу народа и защиту от естественных чиновных замашек и злоупотреблений государственного аппарата (214).

События 1928–1929 гг. превратили эту озабоченность в нескрываемую тревогу и подорвали его романтическую веру в партию. В затянувшихся сталинских «чрезвычайных мерах» он видел олицетворение

«административного произвола» и нарождающейся системы официального беззакония, которую воплощал советский уполномоченный, выкладывающий наган на стол и выжимающий зерно из приведенных к нему крестьян. Вот почему Сталин презрительно заметил, что «Бухарин убегает от чрезвычайных мер, как черт от ладана» (215). Хуже того, Бухарин знал, что партийные работники, выполняющие приказы сверху, являются не кем иным, как проводниками этого нового произвола. Его громкое возмущение «чиновниками советского государства», которые «позабыли о живых людях», свидетельствует о том, что он лишился иллюзий. Он говорил, что партийные кадры развращены властью и сами начали злоупотреблять ею, как «надворные советники при старом режиме», проявляя «подхалимство» и «угодничество» перед начальством и капризность и чванство по отношению к народу (216). «Партия и государство слились – вот беда… и партийные органы не отличаются ничем от органов государственной власти» (217). Не объясняя, является ли это причиной или следствием нового сталинского курса, но сокрушаясь по поводу его схожести со «старой Россией» и опасаясь его возможных результатов, Бухарин взывал к ленинскому «государству-коммуне (от которой мы еще, к сожалению, очень, очень далеки)», дабы подчеркнуть, что историческая тенденция сталинской политики уводит в сторону от государственного порядка, в котором не «народ для чиновника», а чиновник для народа» (218).

Полагая, что сталинская линия губительна для партии и для страны и несовместима с большевизмом, Бухарин испытывал сильнейшее возмущение, по остроте своей затмившее даже враждебность, которую он некогда испытывал по отношению к левым. Разумеется, историческое наследие всякой неудачной оппозиции в главных поворотных пунктах истории – это вопрос гадания задним числом о чем-то осязаемом, но на самом деле не поддающемся расчету; это относится и к тому ходу развития, который имел бы место, если бы возобладала бухаринская экономическая политика. Однако часть его доводов против нарождавшегося сталинизма скоро подтвердилась на практике. Еще в середине 1928 г., за полтора года до «революции сверху», Бухарин разглядел в милитаристской политике Сталина (оставив в стороне вопрос о ее экономической целесообразности) перспективы «третьей революции», гражданской войны в деревне, кровавых репрессий и «полицейского государства». Другие, в том числе и сторонники генсека, не ожидали таких последствий. Одно это предвидение придало фигуре побежденного Бухарина особое значение в годы, оставшиеся ему в сталинской России, и оно же вызвало к нему особую ненависть Сталина.

Как же тогда объяснить не совсем еще уверенную победу Сталина над Бухариным? Среди нескольких обстоятельств, дававших перевес генсеку, важнейшим был узкий фронт борьбы между ними и ее скрыт-

ность. Бухарин, Рыков и Томский сами способствовали сохранению этой ситуации, ограничивавшей конфликт рамками партийной иерархии, где Сталин был сильнее всего, а сила бухаринской группы сводилась к нулю, поскольку она лежала за пределами партийного руководства и даже за пределами самой партии.

Дело в том, что, в отличие от левых большевиков, остававшихся до самого конца движением диссидентов в высшем партийном руководстве, не имевшим социальной базы, правая оппозиция располагала потенциальной массовой поддержкой по всей стране. Практически всем было ясно, что крестьянское большинство предпочитало политику правых в деревне. Это в равной степени понимали и бухаринцы, и сталинисты, и те, кто держался в стороне (219). Кроме того, чистки, которые потрясали административные органы, начиная от наркоматов и кончая местными Советами и кооперативами, и отдавались эхом в длительной кампании в прессе против «правого уклона на практике», свидетельствовали о том, что умеренные взгляды Бухарина широко распространены среди беспартийных работников, особенно связанных с деревней и с отдаленными республиками (220). Но взгляды Бухарина были популярны не только в деревне. Даже после того, как Томский попал в опалу, правые настроения среди рядовых членов профсоюзов (и, как можно думать, среди городского рабочего класса) упорно сохранялись и выражались, главным образом, в форме упрямого сопротивления сталинской политике в области промышленности. О размахе этих настроений можно судить по сплошной перетасовке фабрично-заводских комитетов в 1929–1930 гг.: в главных промышленных центрах – Москве, Ленинграде, на Украине, Урале – были заменены от 78 % до 85 % их членов (221).

Сторонники Бухарина пользовались скрытой поддержкой и в самой партии, о чем также можно судить по шумным нападкам на «правых оппортунистов» на всех уровнях. Помимо своих признанных последователей среди партийных администраторов и интеллигентов столицы, где, как выразился Фрумкин, «сотни и десятки тысяч товарищей» считали сталинскую линию «гибельной», сильные настроения в пользу правых, видимо, существовали в парторганизациях по всей стране (222). Как и можно было предположить, такие настроения пользовались наибольшей популярностью среди деревенских кадров, которые политически и, возможно, экономически приспособились к нэповским порядкам. Если во время партийной чистки 1929–1930 гг. из партии было исключено 170 тыс. человек, или 11 % ее состава, то в деревне было исключено 15 % коммунистов и столько же получило выговоры (223). Не все пострадавшие от чистки были сторонниками Бухарина или даже сочувствующими, однако, с другой стороны, результаты ее не отражали в полной мере размаха внутрипартийной оппозиции сталинскому курсу.

Точно не известное, но значительное число партийных работников подверглись исключению из партии в период «чрезвычайных мер» 1928 г., еще до начала официальной чистки. Что еще более важно, эти цифры не отражали «скрытых правых настроений», которые, как часто сетовали сталинисты, были широко распространены в партии и в комсомоле. Запуганные яростной кампанией против правых, многие коммунисты официально поддерживали новую линию, в то же время тайно симпатизируя бухаринской оппозиции (224).

Поскольку за пределами ЦК соответствующего голосования не проводилось, невозможно, разумеется, точно измерить поддержку, которой пользовалась оппозиция. И, тем не менее, оценка – пусть даже и преувеличенная – одного из иностранцев подтверждает, что поддержка эта была весьма внушительной: «Страна и партия были в подавляющем большинстве правыми и приняли неожиданный сталинский курс с затаенным страхом». Один из троцкистов, которого, следовательно, нельзя причислить к бухаринцам, придерживался того же мнения: «В отдельные моменты она включала подавляющее большинство партийных и государственных работников и пользовалась симпатиями всей страны» (225).

Трагедия Бухарина и суть его политической дилеммы заключались в его нежелании апеллировать к этим широким настроениям. Когда речь идет о массах в целом, это нежелание легко объяснимо: оно проистекало из большевистской догмы, что политическая деятельность вне партии незаконна и потенциально (если не на практике) контрреволюционна. Эта точка зрения усиливалась опасениями, разделявшимися как большинством, так и оппозиционными группами, что обращение фракций к народу может привести к образованию «третьей силы» и таким образом погубить партию (226). Из этого следовала аксиома, что внутрипартийные разногласия нельзя даже обсуждать перед беспартийной аудиторией. Как заметил один троцкист, объясняя затруднения левых, это было «делом партийного патриотизма: он толкал нас на бунт и в то же самое время обращал нас против самих себя» (227). Так же дело обстояло и с правыми, которых притом сдерживал и разразившийся в стране кризис. Бухарин, Рыков и Томский были убеждены, что сталинский курс опасен своей непопулярностью и гибелен в хозяйственном отношении, но, тем не менее, хранили молчание перед народом. Общественное мнение участвовало в происходившей борьбе лишь косвенно, его учитывали лишь в постоянных дискуссиях о значении наводнявших центр писем с протестами против новой политики в деревне. Для бухаринцев они были «голосом масс», а для Сталина – нетипичными проявлениями панических настроений (228).

Однако Бухарина сдерживало и другое соображение. В глазах марксиста социальные группы, которые, по-видимому, были наиболее

восприимчивы к его политике (а именно, крестьянство и технические специалисты), являлись «мелкой буржуазией» и, следовательно, на них нельзя было ориентироваться большевику. Когда они периодически выражали в 1928–1929 гг. пробухаринские настроения (например, obiter dictum доморощенного представителя беспартийной интеллигенции: «Когда Бухарин говорит от души, беспартийные попутчики справа могут молчать» (229)), сталинисты мигом хватались за их высказывания, которые, таким образом, наносили вред Бухарину. Именно предполагаемая социальная база бухаринцев в деревне побудила Сталина заклеймить их как «правых»; эпитет этот был невыносим Для всех левых и для Бухарина. Его отчаянные попытки отразить это обвинение связывали ему руки политически и стали причиной ряда бессмысленных маневров, включая его решение лично составить проект резолюции с осуждением «правого уклона» для важнейшего Пленума ЦК в ноябре 1928 г. «Должен же я был оповестить партию, что я не правый», – сообщил он ошеломленному Каменеву (230). И здесь Бухарин оказался в плену большевистских догм, частью мифических, а частью придуманных им самим.

Его нежелание выносить борьбу со Сталиным на суд широких партийных масс объясняется сдерживающими факторами того же порядка, так как политическая деятельность в партии за пределами ее руководства также стала вызывать подозрения и постепенно прекращалась. Увеличившись численно с 472 тыс. членов в 1924 г. до 1305 тыс. в 1928 г., партия перестала быть политическим авангардом революции и превратилась в массовую организацию с жестким расслоением, привилегиями и властью. В самом низу находились недавно принятые рядовые партийцы, готовые к безмолвному послушанию и в большинстве своем политически безграмотные, не отличавшие «Бабеля от Бебеля, Гоголя от Гегеля» и один «уклон» от другого. В середине стояли надутые чиновники, партийные «аппаратчики», которых все оппозиционеры, как левые, так теперь и правые, считали «болотом» послушных бюрократов. Наверху восседало высшее руководство, присвоившее себе прерогативу определять мнение партии и выносить все решения (231). Как предостерегал Троцкий и чего периодически опасался Бухарин, политическая жизнь в партии была задушена и заменена системой иерархического подчинения, вызванной и узаконенной нападками руководства на «фракционность», то есть политическую деятельность за пределами его собственного узкого круга.

К 1929 г. Бухарин начал разделять большую часть критических взглядов Троцкого на внутренний режим в партии. Но, в отличие от Троцкого, он сам санкционировал создание этого режима и был потому его узником. Его оппозиционность в 1928–1929 гг. и сопровождающие ее призывы терпимо относиться к чужой критике регулярно получали

отпор в виде цитат из его же собственных прежних филиппик против «фракционности» левых, а его нападки на сталинский «секретарский режим» наталкивались на язвительные выкрики: «…где ты это списал? У кого?.. У Троцкого!» (232). Все же, несмотря на свое участие во внедрении запретительных норм, Бухарин испытывал соблазн обратиться ко всей партии. Он мучительно раздумывал над дилеммой: «По ночам я иногда думаю: “А имеем ли мы право промолчать? Не есть ли это недостаток мужества?.. Не есть ли вся наша “буза” онанизм?”» (233). Наконец, полагая, что партийная иерархия, которую он хотел перетянуть на свою сторону, уничтожит любого руководителя, вынесшего борьбу за ее пределы, Бухарин подчинился «партийному единству и партийной дисциплине», подчинился узким правилам нетерпимой политической игры, созданию которых он сам содействовал. Он остерегался «фракционности» и потому вынужден был ограничиться бесплодными закулисными интригами (вроде его визита к Каменеву), которые легко использовались против него врагами (234). Политически его позиция была нелепой: испытывая глубокое презрение к Сталину и к его политике, он все же оставался до конца скованным, колеблющимся оппозиционером.

Не считая публичных призывов, которые были слишком эзоповскими, чтобы возыметь какое-нибудь действие, Бухарин, Рыков и Томский оказались поэтому в сговоре со Сталиным, ограничив свой далеко ведущий конфликт узкой ареной, на которой им предстояло быть «задушенными за спиной партии» (235). Именно в этом контексте следует объяснить решающую победу Сталина. Обычно даваемое объяснение несложно: бюрократическая власть, накопленная им за шесть лет пребывания на посту генсека и усиленная рядом побед над инакомыслящими в партии, сделала его всесильным и неуязвимым, и он легко и неумолимо сокрушил Бухарина. Полная правда гораздо сложнее, поскольку, хотя такое объяснение подчеркивает важную сторону вопроса, оно преувеличивает организационную силу Сталина в 1928 г., приуменьшает силу правых и не учитывает ряда значительных обстоятельств, лежавших на чаше весов и повлиявших на исход дела.

Сталинский контроль над центральной партийной бюрократией был, разумеется, в числе важнейших факторов. Используя свою власть, Сталин выдвигал верных себе людей на самые различные партийные должности, особенно на посты провинциальных секретарей, являвшихся одновременно членами ЦК. Подобно московскому князю XIV в., он втягивал в свою орбиту партийные «княжества» и партийных «вассалов», сделавшихся его главной опорой в 1928–1929 гг. (236). Не менее важную роль играл аппарат центрального Секретариата, который являлся общенациональным теневым кабинетом генсека. С одной стороны, наличие у него непосредственных связей со всеми парторганизациями позволяло Сталину разъяснять политику, манипулировать пар-

тийным общественным мнением, устраивать «погромы» и в общем и целом противостоять влиянию бухаринской прессы. С другой – сеть подчиненных аппарату организаций, действовавших буквально как система сталинских ячеек в каждом учреждении, возглавляемом оппозицией или симпатизировавшими ей лицами. Эта сеть состояла из 139–194 тыс. кадровых секретарей (237), которые оказались достаточно вездесущими, чтобы задержать Бухарина, когда он возвращался из Кисловодска в ноябре 1928 г. Хотя сталинские ячейки в начале борьбы составляли меньшинство, они подрывали и заменяли правое руководство в таких различных местах, как московская парторганизация, профсоюзы, Институт красной профессуры и даже в заграничных компартиях (238). Их коллективной властью была установлена в 1928–1929 гг. гегемония партийной бюрократии над «княжествами», которые до тех пор находились вне ее контроля, в том числе над рыковским государственным аппаратом.

Проводимая сталинистами политика кнута и пряника (от соблазна выдвижения на более высокий пост до угрозы репрессий) также влияла на голоса колеблющихся членов ЦК. Например, накануне июльского пленума 1928 г. Сталин снял Кагановича – вероятно, самого способного и вызывавшего наибольшее презрение из всех его приспешников – с поста генсека компартии Украины. Трехлетняя тирания Кагановича в Харькове приводила в ярость украинских делегатов, и они испытывали чувство благодарности за его снятие с поста (239). Аналогичное великодушие было проявлено в отношении нового капитального строительства, предусмотренного пятилетним планом. Принципиальные партийные руководители, в том числе украинцы и ленинградцы, на которых рассчитывал Бухарин, хотели, чтобы подчиненные им области получили как можно большую часть ассигнований. Это одновременно настраивало их в пользу сталинской политики «максимальных капиталовложений» и напоминало им, что именно от Сталина зависит, куда пойдут эти капиталовложения. Напряженное соперничество между ними из-за ассигнований и его влияние на ход политической борьбы отмечались в речах Рязанова на апрельской партконференции 1929 г., где «речь всякого оратора» заканчивалась словами: «Дайте завод на Урале, а правых к черту! Дайте электростанцию, а правых к черту!» (240). Кнут генсека обладал не меньшим эффектом: Сталин разгромил москвичей, имел полномочия расследовать деятельность парторганизаций, завел привычку использовать хранящиеся в Секретариате личные дела, чтобы вскрывать «компрометирующие обстоятельства», и т. п. (241).

Все это стало «тяжелой дубиной Центра» (242) и, несомненно, дало Сталину огромное преимущество над Бухариным, который однажды охарактеризовал себя как «худшего организатора в России» (243). Но триумф Сталина был обеспечен не только политической машиной.

В том, что касается ЦК, она в основном обеспечивала ему преданность или благожелательный нейтралитет делегатов низшего и среднего звена, выдвинувшихся благодаря сталинской протекции. Как сказал о них один разочаровавшийся сталинист: «Мы победили Бухарина не аргументами, а партбилетами» (244). Однако, несмотря на то что эти младшие партийные работники являлись членами ЦК, в 1928–1929 гг. роль их была второстепенной. По сути дела, они лишь утверждали решения, уже принятые более узкой, неофициальной группой старших членов ЦК – олигархией из двадцати-тридцати влиятельных лиц, таких, как высшие партийные руководители и главы важнейших делегаций в ЦК (представлявших, в первую очередь, Москву, Ленинград, Сибирь, Северный Кавказ, Урал и Украину) (245).

А среди этой олигархии избранных бюрократическая власть Сталина была гораздо менее внушительна. О ее истинных пределах свидетельствует наличие значительного числа правых в высших эшелонах власти (включая даже Секретариат и Оргбюро) и целого ряда колеблющихся руководителей, нерешительность которых держала под вопросом исход борьбы в течение нескольких месяцев. Ставили ей предел и сами члены олигархии, типичными представителями которой были Орджоникидзе, Куйбышев, украинцы С. Косиор и Г. Петровский и глава ленинградской парторганизации С. Киров, – «практические политики» партии, выдвинувшиеся на высокие «военно-политические» должности в период гражданской войны и с тех пор стоявшие во главе ключевых областей и ресурсов страны (246). Как администраторы и политические деятели они были часто связаны с генсеком, однако в большинстве своем не были бездумными политическими креатурами, а сами являлись крупными, независимо мыслящими руководителями (247). Решительные, прагматичные, они интересовались, главным образом, внутренними делами, и всех их больше занимали проблемы превращения Советской России в современную индустриальную страну. Соответствующие стремления усилились под влиянием угрозы войны в 1927 г. и зернового кризиса 1928 г. Борьба между Бухариным и Сталиным велась в значительной мере за завоевание их поддержки. И здесь реальные проблемы и «аргументы» имели важное значение.

В апреле 1929 г. эти влиятельные деятели предпочли Сталина и обеспечили ему большинство в высшем руководстве. Представляется очевидным, что они поступили так не столько из-за его бюрократической власти, сколько потому, что предпочли его руководство и его политику. В какой-то степени их выбор безусловно определялся тем, что они ощущали родство с генсеком как с волевым «практическим политиком», тогда как мягкий, погруженный в теорию Бухарин по сравнению с ним мог, возможно, казаться «просто мальчиком» (248). Но, кроме этого, их выбор отражал сомнения относительно дальнейшей

эффективности бухаринской политики, а также их отрицательную реакцию на программную дилемму правых в 1928–1929 гг. Несмотря на то, что Бухарин согласился с пересмотренными плановыми заданиями в области промышленности и сельского хозяйства, утвержденными XV съездом, обостряющийся зерновой кризис поставил его и его союзников в неудобное, двусмысленное положение. Они доказывали, что до «нормализации» ситуации в деревне невозможно провести какие-либо экономические программы, совместимые с одобренными съездом «нэповскими методами», и постоянно призывали к временным уступкам крестьянству и к сдержанности в области индустриализации. Какими бы разумными ни были эти требования, они создавали вокруг правых ореол пораженчества и пессимизма и придавали вес неустанно повторяемому утверждению Сталина, что Бухарин, Рыков и Томский неспособны к твердому руководству, страдают излишней робостью, находятся в плену устаревших взглядов и «теории постоянных уступок» и, хуже всего, готовы поставить под удар темпы индустриализации (249). Ни далеко идущие, долгосрочные программы бухаринцев, ни их призывы делать различие «между оптимизмом и глупостью» (250) не развеяли этого впечатления, которое не меньше других обстоятельств способствовало их разгрому.

Дело в том, что важнейшей чертой политической обстановки в 1928–1929 гг. было растущее недовольство партийного руководства наставлениями правых о необходимости соблюдать осторожность и его все большая восприимчивость к настойчивой сталинской пропаганде героических традиций большевизма. Особенно заметно это было среди молодых, идущих вверх партийных работников и комсомольских руководителей, которые, несмотря на долгую связь Бухарина с их организацией, почти единодушно приняли сторону Сталина и в значительной мере способствовали его победе (251). Но самое главное, это недовольство, которое господствовало среди наиболее влиятельных партийных руководителей. Их настроения и разочарование бухаринской группой обобщил Куйбышев: «Не дано нам историей тише идти… более робким шагом вперед…» Ему вторил Киров: «Одним словом, не торопиться… одним словом, правые за социализм, но без особых хлопот, без борьбы, без трудностей». А Орджоникидзе, признавая за Бухариным благие намерения, выразил общую озабоченность: «…дело не в желании, а в политике. А политика т. Бухарина тянет нас назад, а не вперед» (252). Полные решимости быстро «догнать и перегнать промышленный Запад» и измученные текущим кризисом партийные руководители предпочли сталинский «оптимизм» «безнадежному пессимизму» правых (253).

Но сделав этот выбор, они голосовали не за то, что Бухарин называл «политикой авантюристов», а скорее за более смелый, но все еще ори-

ентированный на нэп курс, который Сталин противопоставлял линии правых и который был утвержден ЦК в апреле 1929 г. Этот курс утверждал перевес ускоренного промышленного развития и планирования над рыночным равновесием, однако не предусматривал событий, последовавших в действительности, – насильственной массовой коллективизации, раскулачивания и окончания нэпа (254).

Короче говоря, Сталин сколотил антибухаринское большинство и стал в руководстве первым среди равных не как безответственный автор «революции сверху», а под обличьем трезвого государственного деятеля, избравшего «трезвый и спокойный» курс между робостью правых и экстремизмом левых, – истинного защитника линии XV съезда (255). Несмотря на свою воинственную риторику, он победил в своей знакомой с 20-х гг. роли сторонника золотой середины, производившего выгодное впечатление на других администраторов своей прагматической деловитостью, «спокойным тоном, тихим голосом» (256). Семь месяцев спустя он возьмет совершенно иной курс, с немыслимыми задачами и риском, курс на «великий перелом», который для многих большевиков, в том числе и для тех, кто поддерживал его в борьбе против Бухарина, станет Судным днем, придет, как тать в ночи.

Бурные месяцы между апрелем 1929 г., когда потерпел поражение Бухарин, и декабрем относятся к числу важнейших периодов русской истории. В этот промежуток времени произошли три важных, взаимосвязанных события: резкое ужесточение политической линии Сталина, сопровождавшееся появлением у него привычки принимать главнейшие решения единолично; дальнейшее ухудшение отношений между государством и крестьянством, а также начало официальной яростной кампании против правой оппозиции и лично против Бухарина, которая вылилась в отказ от политической умеренности вообще. Все эти события породили политику, к которой никогда не призывала ни одна из большевистских групп, включая левых оппозиционеров, к окончательному свёртыванию нэпа и к началу сталинской «революции сверху».

Ободренный своей решительной победой в ЦК, в течение лета и осени 1929 г. Сталин взялся переиначивать политическую линию партии. В первый раз он серьезно отошел от нее в Коминтерне. На десятом Пленуме ИККИ в июле, проходившем под председательством Молотова, решения, принятые всего год назад на VI конгрессе, были отброшены и заменены новым радикальным курсом, за который сталинисты выступали с 1928 г. Подверглось пересмотру определение «третьего периода», который стал теперь означать конец стабилизации капитализма, рост боевитости пролетариата и неизбежность революционной ситуации на Западе. Социалистические партии, да и вообще все реформисты, были представлены как главный враг, а их «фашизация» была сочтена завершенной. Чистка умеренных элементов в Коминтерне при-

нимала все более широкий размах, а заграничные компартии получили инструкции порвать связи с социал-демократическими движениями, разоблачить их «социал-фашизм» и организовать соперничающие профсоюзы, то есть, по сути дела, расколоть европейское рабочее движение (257). Так началось гибельное скатывание Коминтерна к экстремизму, завершившееся катастрофой пять лет спустя, когда оно способствовало разгрому некогда мощного немецкого рабочего движения (как социалистической, так и коммунистической его партий) и тем облегчило приход Гитлера к власти.

Новый поворот Сталина влево во внутренней политике носил не менее крайний характер. В течение месяцев, последовавших за его утверждением в апреле-мае, плановые задания пятилетки по промышленности и сельскому хозяйству были резко увеличены, а общий характер плана подвергся переработке. Ободренная крутым ростом промышленного производства в течение лета и несмотря на растущее напряжение в экономике, сталинская группа внезапно превратила оптимальные цифры в минимальные, увеличив задание по годовому приросту с 22,5 до 32,5 % и удвоив число предприятий, намеченных к строительству. К осени она требовала, чтобы весь пятилетний план был выполнен, а затем и перевыполнен, в четыре года. В результате первоначальный план приобрел категоричность, но утерял баланс и всякую последовательность (258). То, что оставалось, было уже не планом, а калейдоскопом рвущихся вверх цифр, суррогатным оправданием головоломного развития тяжелой промышленности в последующие три года.

А положение в деревне всё ухудшалось. В подтверждение предсказаний правых лето и осень принесли новую волну крестьянских волнений. Только в Московской области между январем и сентябрем было зарегистрировано 2198 случаев беспорядков в деревне, многие из которых сопровождались насилием (259). Столь же серьезным – и вполне предсказуемым обстоятельством – было дальнейшее сокращение крестьянских посевов. Обострялась нехватка зерна и технических культур, а карточная система, введенная в 1929 г. впервые после гражданской войны, делалась все более жесткой.

В результате углублявшегося заготовительного кризиса плановые задания в промышленности ставились под угрозу, на что Сталин отреагировал новой серией принудительных и амбициозных мер. К осени 1929 г. «чрезвычайные меры» стали (как и опасался Бухарин) упорядоченной системой государственных реквизиций. В то же самое время Сталин строил всё более грандиозные планы создания крупных колхозов. Плановики в центре и работники на местах получили инструкции рассматривать коллективизацию не как дополнение к единоличному хозяйству и сбытовой кооперации (как предусматривалось первоначальным планом), а как наиболее быстрое решение сельскохозяйствен-

ных затруднений в стране. Применяя всё более насильственные методы, государственные уполномоченные наводнили деревню, добывая зерно, агитируя за колхозы и подстрекая против кулаков, и процент коллективизированных дворов значительно вырос: с 3,9 % в июне до 7,6 % в начале октября. Первые колхозы были небольшие, часто плохо стояли на ногах и все еще составляли незначительную долю от 25 млн крестьянских дворов. Однако даже такой рост, по всей видимости, воодушевил Сталина на сплошную коллективизацию. Центральная печать с надеждой заговорила о массовой коллективизации в отдельных районах, хотя признаков того мощного штурма, который начнется в декабре, еще не было (260).

Поначалу эти события не отразились на разгромленной оппозиции. Томского и его приверженцев официально удалили из профсоюзов в июне, а Бухарин со своими заграничными союзниками был выведен из Исполкома Коминтерна в июле (261). В июне Бухарин был назначен заведующим научно-исследовательского сектора ВСНХ, руководившего сетью научно-исследовательских институтов. Хотя позднее эта должность послужит хорошей трибуной для распространения его взглядов, такое назначение явно не подходило для члена Политбюро и представляло собой политическую ссылку (262). Правда, ни одно из этих перемещений не вышло за рамки апрельского решения ЦК снять Бухарина и Томского с высоких постов (что было, по сути дела, просто принятием их отставки), но оставить их членами 'Политбюро, официально все еще находящимися на хорошем счету. Соответственно с этим, несмотря на усиление кампании против правых в начале лета, открытых выпадов против Бухарина, Рыкова и Томского пока не было.

Они же, со своей стороны, избегали, по всей видимости, публичных выступлений, которые поставили бы под удар их и без того шаткое положение оппозиционного меньшинства в составе руководства. Для Рыкова, продержавшегося на посту председателя СНК до декабря 1930 г., это означало необходимость подписывать декреты, с которыми он не был согласен. Томский хуже умел приспосабливаться, и для него это означало практически полное молчание. Бухарин же продолжал какое-то время высказываться, хотя возможностей для этого оставалось все меньше и приходилось все больше сдерживать себя. Выступая на съезде атеистов в июне, он в завуалированных выражениях протестовал против сгущавшейся атмосферы официальной нетерпимости и сталинских требований беспрекословного партийного подчинения. Марксизм, отмечал он, есть умение критически мыслить, а не догмы и не мертвые формулы. Он рекомендовал помнить излюбленный девиз Маркса: «Подвергай все сомнению» (263). Он косвенно выразил свое собственное критическое отношение к коминтерновской и хозяйственной политике Сталина в очерке, опубликованном двумя частями в мае и июне

1929 г. (это была его последняя статья, в которой он хотя бы с осторожностью мог высказать критические взгляды) (264). Под видом критики западных теорий крупномасштабных организаций он вновь приводил свой довод о том, что стабилизация капитализма на Западе продолжается, а говоря о внутренних них вопросах, снова предупреждал об опасности чрезмерной централизации и безудержной бюрократизации.

Но несмотря на их сдержанность и попытки «легализации» своего оппозиционного статуса в Политбюро (265), к августу стало ясно, что Сталин твердо настроен уничтожить всех троих, и особенно Бухарина, как политических руководителей. Его экстремистский курс и волнения в деревне вели к взрывоопасной ситуации, и хотя они убедили многих высланных троцкистов разоружиться и вернуться («полуповешенными, полупрощенными», по презрительному выражению Троцкого (266)), чтобы послужить сталинской кампании индустриализации, они также вызывали тревогу и брожение среди собственных сторонников Сталина (267). В этих обстоятельствах побежденный, но не опозоренный официально Бухарин оставался грозным соперником, чьи предостережения и программа приобретали новую актуальность и чей политический вес все еще преграждал Сталину дорогу к верховному руководству.

Решение предать позору Бухарина и всё, что он представляет, было принято явно по личной инициативе Сталина и являлось неотъемлемой частью «революции сверху». Публичные нападки против него начались 21 и 24 августа, когда «Правда», служившая теперь рупором генсека, поместила резкие обвинения в адрес Бухарина, назвав его «главным лидером и вдохновителем уклонистов» (268). Эти обвинения были тотчас подхвачены практически всеми газетами и журналами и превратились в последние четыре месяца 1929 г. в систематическую кампанию политической травли, не знавшую себе равных в истории партии (она была беспрецедентна даже и в том, что в отличие от прежних оппозиционеров Бухарин не имел возможности ответить или предать гласности свои взгляды). В выходящих почти ежедневно статьях, выкопанных из архивов документах, брошюрах и книгах (многие из которых были составлены сталинскими «теоретическими бригадами» еще в 1928 г.) (269), вся политическая и интеллектуальная биография Бухарина клеймилась как немарксистская, антиленинская, антибольшевистская, антипартийная, мелкобуржуазная и прокулацкая. Ни один значительный эпизод или сочинение не избежали очернительства, от его разногласий с Лениным в эмиграции и принадлежности к «левым коммунистам» в 1918 г. до его оппозиции Сталину, от его очерков военного времени о современном капитализме и государстве («Экономики переходного периода» и «Теории исторического материализма») до «Заметок экономиста» и «Политического завещания Ленина» (270).

Целью кампании была окончательная дискредитация Бухарина, подрыв его авторитета как вождя большевизма и особенно его репутации «любимца всей партии» и ее крупнейшего теоретика. Но она имела куда более далеко идущие последствия. В отличие от Троцкого Бухарин оказывал сильнейшее интеллектуальное влияние на многие сферы партийной жизни. Его сочинения более десятилетия выражали официальную доктрину, и на них учились «сотни тысяч людей» (271). Поэтому кампания искоренения бухаринского влияния» превратилась в нападки на главные положения большевистской идеологии, на идеологические учреждения партии, на образ мышления целого поколения. Были оклеветаны и отброшены не только центральные принципы бухаринизма – сотрудничество классов, гражданский мир и сбалансированное, эволюционное развитие, но также философские, культурные и общественные взгляды, лишь отдаленно ассоциировавшиеся с ним. В ходе этой кампании на их месте утвердились в качестве официальной идеологии военные мотивы и политические установки сталинизма.

К ноябрю критика Бухарина, «правого уклона» и «примиренчества» превратилась в идеологический террор, направленный против политической умеренности в целом. Непосредственным политическим следствием этого террора, усугубленного чисткой (жертвами которой стали все лица, известные своим сочувствием Бухарину, в том числе жена Ленина Н.К. Крупская и его сестра М.И. Ульянова) (272), явилось установление фанатичного единомыслия в партии, которая до сей поры оставалась по большей части непокорной. В числе прочего террор этот подавил широко распространенную враждебность по отношению к сталинской сельскохозяйственной политике и довел запуганных партийных работников до крайностей, вызвавших катастрофу в деревне зимой 1929–1930 гг. (273).

В более общем плане эта кампания означала официальный отказ от нэповских принципов относительной терпимости и примирения, которые теперь клеймились как «гнилой либерализм» или иногда «бухаринский либерализм» (274). Она отражала глубокие изменения, происходившие в советской культурной и идейной жизни с середины 1929 г. Одновременно с преследованиями крестьян-единоличников, мелких торговцев, ремесленников и беспартийной интеллигенции многообразие культурной жизни приносилось в жертву «классовой борьбе на всех фронтах». Следуя манихейскому духу своей военной политики, сталинская группа начинала с того, что возвышала одну из нескольких группировок или школ, чтобы заткнуть рот другим: Диалектические философы использовались против механистов (запятнанных некоторой своей близостью с философскими теориями Бухарина), «пролетарские» писатели и художники – против попутчиков, любители шапкозакидательного планирования – против сторонников планирования научного и «красные»

специалисты – против «буржуазных» спецов (275). Однако конечной целью – и результатом – было просто-напросто подавление многообразия и насаждение монополистической ортодоксии, которая тогда находилась еще в стадии формирования. И здесь, так же как в хозяйственной жизни, шло наступление на принципы и основы нэпа.

Ни одна из этих кардинальных перемен второй половины 1929 г. не проистекала из официального решения, принятого партией. Они далеко выходили за рамки апрельских резолюций Пленума ЦК, который должен был быть созван снова 10–17 ноября, и проводились по инициативе Сталина и его главных приспешников, прежде всего Молотова и Кагановича, заправлявших теперь в исполнительных органах партии в Москве (276). 7 ноября в статье, напечатанной в «Правде» и обладавшей для запуганных партработников силой закона, Сталин пошел еще дальше. Он объявил о «великом переломе» и изложил главный миф своей «революции сверху». Противореча партийным документам (равно как и действительно сложившейся ситуации), он утверждал, что крестьянские массы, в том числе и середняки, добровольно отказываются от своих личных наделов и «пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями, районами» (277). Это был призыв к немедленной сплошной коллективизации.

Три дня спустя собрался ЦК. До сих пор неясно, что в точности произошло на этом критически важном ноябрьском пленуме. Несмотря на серьёзные сомнения даже среди сторонников Сталина (278), собравшиеся не могли больше, да и не особенно хотели, твердо сказать «нет» генсеку, когда он потребовал утверждения свершившихся фактов, связанных между собой, – политического уничтожения Бухарина и поворота к массовой коллективизации. 12 ноября, вслед за шквалом угроз со стороны сталинистов, требовавших, чтобы Бухарин, Рыков и Томский выступили с покаянием, не то их исключат из партии, те огласили на пленуме осторожное, но отнюдь не покаянное заявление, в котором, признавая определенные «успехи», критиковали сталинские методы в деревне и указывали на их воздействие на уровень жизни в городах. Сталин и Молотов немедленно выступили против этого заявления, и 17 ноября Бухарина исключили из состава Политбюро (279).

Хотя публичное очернительство сделало дальнейшее пребывание Бухарина в руководстве невозможным, ЦК, по всей видимости, принял его изгнание без энтузиазма (280) (Рыков и Томский, которые подверглись в печати менее резким нападкам, временно сохранили свои посты.) Затем пленум одобрил призыв Сталина к массовой коллективизацией, хотя и не без тревоги, внеся некоторые оговорки. Несмотря на требования сталинского резонера Молотова, чтобы сплошная коллективизация в ключевых районах была завершена в немыслимо короткие сроки – к лету 1930 г., пленум довольно неопределенно высказался о её

темпах, сделав двусмысленное заявление о том, что события поставили сплошную коллективизацию на повестку дня в «отдельных районах». Все еще стремясь к некоему подобию порядка и умеренности, пленум также рекомендовал организовать особую комиссию для выработки конкретных директив (281).

Одна политическая победа не далась Сталину в руки на этом пленуме, да и то ненадолго: хотя деморализованные и сломленные сторонники Бухарина, еще остававшиеся в ЦК, публично покаялись на пленуме (282), Бухарин, Рыков и Томский с «чрезвычайным упорством» продолжали отказываться от покаяния (283). Однако неделю спустя, 25 ноября, они наконец пошли на попятную и подписали краткое заявление с признанием своих политических ошибок, опубликованное на следующий день. Содержавший эту уступку абзац гласил:

> Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и её ЦК. Наши взгляды… оказались ошибочными. Признавая эти свои ошибки, мы, со своей стороны, (поведём) решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и, прежде всего, против правого уклона (284).

Хотя это заявление не было тем самоуничижительным покаянием, которого добивался Сталин, оно представляло собой политическую капитуляцию и конец бухаринской оппозиции.

Неясно, почему Бухарин подписал заявление, он был меньше – расположен к этому, чем Рыков и Томский (285). Что это не было искренней переменой убеждений или упадком духа, продемонстрирует его смелое поведение в последующие месяцы. Вероятно, какую-то роль в его решении сыграла тревога за судьбу его молодых последователей из «бухаринской школы», в особенности Слепкова, Марецкого, Цетлина, Петровского, Зайцева и Айхенвальда. Выдерживая ссылку и чудовищное давление, они подражали Бухарину в его вызывающем неповиновении, отказавшись отречься от него и от своих антисталинских взглядов. Теперь им грозили еще худшие репрессии, включая арест. Бухаринская уступка, по-видимому, временно облегчила их положение или по крайней мере развязала им руки и позволила выступить с аналогичными заявлениями (286).

Другим соображением был, по всей вероятности, «партийный патриотизм». Так или иначе страна стояла на краю грандиозных, рискованных пертурбаций, не лишённых героических обертонов. В таких условиях Бухарин видел свой долг в служении партии, что значило подчинение «партийной дисциплине», соблюдение видимости единства и покаянный жест.

Каковы бы ни были её причины, капитуляция Бухарина – крупнейшего представителя альтернативной «генеральной линии» – увенчала рывок Сталина к власти и утвердила его непререкаемое главенство.

Она официально отмечалась совместно с рождением сталинского культа. 21 декабря, в день сталинского 50-летия, печать заполнилась льстивыми панегириками в его адрес: он был назван «наиболее выдающимся продолжателем дела Ленина и его наиболее верным учеником, вдохновителем всех главнейших мероприятий партии в её борьбе за построение социализма… общепризнанным вождем партии и Коминтерна». В числе его заслуг упоминалось разоблачение «антипролетарской, кулацкой» сущности бухаринских идей (287). В последующие годы этот культ превратился в громогласнейшее прославление Сталина, которому будут приписаны все качества и достижения, ранее приписывавшиеся партии и её руководству в целом. Тогда же закончилась карьера Бухарина (которому был всего 41 год) как вождя большевистской революции и «наследника Ленина». Оставалась ещё значительная «посмертная жизнь» в политике, но всего лишь посмертная жизнь, не более.

Как однажды заметил Вендел Филлипс, «революций не делают, революции наступают». Революции «сверху», однако, делают, что и произошло в СССР в декабре 1929 г. Игнорируя отчаянные сообщения о вопиющих беззакониях и нарастающем хаосе в деревне, Сталин теперь бомбардировал сельские кадры категорическими директивами с требованиями ускорить темпы коллективизации. Суть этих директив сводилась к следующему: «Каждый, кто не идёт в колхоз, есть враг Советской власти». Комиссия по коллективизации заседала с 8 по 22 декабря, и восемь её подкомитетов выдвинули ряд предложений по процедуре и графику перехода к колхозам. Сталин категорически отверг все эти предложения и потребовал коллективизации «безо всяких ограничений». 27 декабря – снова без санкции партии – он объявил о последнем, кровавом аспекте коллективизации – о «ликвидации кулачества как класса». Подкреплённое спешно выработанным понятием «подкулачники», раскулачивание санкционировало насильственную коллективизацию 125-миллионного крестьянства страны и тотальную войну против каждого, кто ей противился (288). То был погребальный звон по нэпу и конец целой эпохи.

Узник Лубянки*

Введение

Неправ был Булгаков – рукописи горят. Примеры тому хорошо известны. У нас есть официальные свидетельства того, что последние произведения Бориса Пильняка, арестованные вместе с ним в 1937 г., «не сохранились» (1). Ряд неопубликованных работ Исаака Бабеля и Николая Вавилова, очевидно, постигла та же участь. Но мы никогда не узнаем, сколько же рукописей, а также бесценных писем, исторических документов, фотографий, кинофильмов и даже живописных работ погибло в кровавые десятилетия сталинского режима, стремившегося уничтожить все, что хоть немного отклонялось от официального курса на фальсификацию всего и вся. Часть из них была элементарно утеряна в круговерти миллионов арестов и конфискаций; от других поспешили избавиться из страха, что придут и найдут; но огромное большинство было уничтожено планомерно. В годы наивысшего террора на Лубянке беспрестанно работали печи и тюремная «закопченная труба... посыпала Москву пеплом сжигаемых рукописей» (2). Кто знает, сколько сотрудников провинциальных лубянок усердно трудилось над сожжением рукописей по всей России и в других советских республиках?

Позже, как известно, органы НКВД-КГБ уничтожили огромное количество документов во время наступления гитлеровских армий на Москву в 1941 г., затем в 1950-е годы, опасаясь хрущёвских разоблачений, и, наконец, в 1991 г., после неудавшегося путча против Горбачева (в последнем случае их не сжигали, а рвали в мелкие клочки) (3).

И все же очень многие из запрещенных рукописей и документов сумели пережить долгое царствие сталинского террора. Некоторые были спасены ценой личного мужества, но гораздо большее количество сохранилось благодаря самой машине террора с пометкой «Хранить вечно» в архивах (правильнее было бы сказать -»подвалах») НКВД и Террориста № 1 – Сталина. (Почему вождь и его приспешники хранили такое количество обвинительного материала против себя – вопрос любопытный, но для отдельного исследования).

---

* Публикуется по: Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов / Предисл. С. Бабурина / Перевод Ирины Давидян. Введ. Ст. Коэна. Под ред. Г. Бордюгова. (Серия «АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир. – М.: АИРО-XXI; Издательство РГТЭУ, 2008. – 1020 с. (1-е издание вышло в 1996 г.)

Три из наиболее значительных рукописей, переживших те годы, публикуются в этих двух томах.

Николай Иванович Бухарин, один из советских «отцов-основателей», которого называли «золотое дитя революции», оказался рядовой жертвой среди миллионов жертв сталинского террора, но судьба его была особой. Как ведущему и наиболее дальновидному из большевистских оппонентов сталинской драконовской политики с самого начала ее становления (еще в 1928 г. он предупреждал, что такая политика подразумевает «военно-феодальную эксплуатацию крестьянства» и «полицейское государство»), Бухарину выпала участь быть главным обвиняемым на самом грандиозном из фальсифицированных судебных процессов 1930-х годов. Он был осужден и казнен в марте 1938 г. как «враг народа», чьи преступления якобы «превосходят самые вероломные и чудовищные преступления, известные в истории человечества». Имя Бухарина и его биография предавались официальной анафеме в течение последующих пятидесяти лет, включая три десятилетия после смерти самого Сталина, вплоть до 1988 г., когда при Горбачеве, наконец, он был оправдан и «полностью реабилитирован»).

Но даже сегодня, поскольку архивы той кровавой эпохи очень фрагментарно и весьма неохотно выдают свои страшные секреты, мы можем лишь приблизиться к ответу на вопрос, что же на самом, деле происходило с Бухариным в последний год его жизни. Арестованный 27 февраля 1937 г., он провел последующие двенадцать месяцев в тюрьме на Лубянке – сталинской фабрике ложных признаний, полностью отданный в руки энкавэдэшных «мастеров допроса», которые «готовили» его к процессу. Недавно обнаруженные документы показывают отчаянную, одинокую борьбу 49-летнего Бухарина за спасение своих принципов, сохранив при этом достоинство и здравый смысл, но более того – за спасение своей семьи: молодой жены Анны Михайловны Лариной и сына Юрия, а также 13-летней дочери от предыдущего брака Светланы Гурвич. Это страшная, но во многом и возвышенная история, которую до сих пор никто полностью не рассказал.

Но самое замечательное из открытий есть тот факт, что в условиях непрестанных мучений на Лубянке, пребывая в состоянии «между жизнью и смертью» (5), этот немолодой интеллигент, которого столь часто характеризовали как «мягкого» и «слабого», нашел в себе силы, физические и моральные, написать без малого за год – без пишущей машинки, без необходимых источников, даже без нужного количества бумаги – целых четыре книги: исследование о современной культуре и цивилизации, философский трактат, том тематической лирики и неоконченный роман о своем собственном детстве в дореволюционной Москве.

Все четыре рукописи были немедленно похоронены в глубочайших («совершенно секретно») тайниках Эпохи Террора, где они пролежали

в абсолютной безвестности почти шестьдесят лет. Бухаринские тюремщики, действуя ли в соответствии с существующими инструкциями или руководствуясь инстинктивным страхом, отправили его сочинения прямиком своему хозяину, в Кремль, где они и исчезли в недрах личного архива Сталина (ныне – часть все еще частично недоступного Президентского архива) (6). Только в 1992 г., по моей инициативе, они были извлечены оттуда. Роман «Времена» был опубликован издательством «Прогресс» в 1994 г. – и теперь включён в это издание. Остальные тюремные рукописи Бухарина полностью, включая сочинения по философии и культуре, а также избранную лирику, впервые публикуются здесь.

Моя роль во всей этой эпопее была двоякой: с одной стороны, я получал, хотя и с большим опозданием, возможность написать продолжение моей биографии Бухарина, вышедшей в Соединенных Штатах в 1973 г. (7), а с другой, я был связан тесными дружескими отношениями с семьей Бухарина, Анной Михайловной и Юрием Николаевичем, с которыми впервые познакомился в Москве в 1975 г. Работая над той своей книгой, я встречал свидетельства того, что Бухарин, возможно, что-то написал в тюрьме (8), но лишь в 1988 г. один из помощников М.С. Горбачева в частной беседе подтвердил факт существования четырех таких рукописей. К тому времени я принял для себя решение собрать материал для нового, дополненного издания моей книги, но без доступа к тюремным творениям Бухарина это решение становилось бессмысленным.

От имени Анны Михайловны, Юрия и от себя лично я начал поиски рукописей. Горбачев отнесся с явным сочувствием к моей просьбе, но сделать тогда ничего не мог, так как был уже втянут в острый конфликт внутри компартии по поводу контроля над «партийными документами». Тем не менее, вплоть до 1991 г. я продолжал оптимистически надеяться, что Горбачев вот-вот подпишет соответствующий указ, который откроет доступ к рукописям. Однако внезапный конец Советского Союза и ликвидация должности самого Горбачева, лишили его власти над Кремлевским президентским Архивом.

В 1992 г. Анна Михайловна, которой в ту пору было уже под восемьдесят и ее здоровье оставляло желать лучшего, и я

предприняли еще одну попытку. Убежденная в том, что семья Бухарина является законным наследником его письменных работ и посему обладает юридическим правом на просмотр всех фондов, имеющих отношение к его делу, Анна Михайловна назначила меня своим доверенным лицом и в письмах в соответствующие архивы просила, чтобы мне дали полный доступ ко всем материалам, связанным с Бухариным. К нашему удивлению, ответ из бывшего архива НКВД-КГБ был быстрым и положительным, и вскоре я приступил к работе. В то же время

было очевидно, что никто из высшего архивного начальства новой, посткоммунистической России, как бы хорошо они ко мне не относились, не мог сам, по собственной воле разрешить мне доступ к материалам Президентского архива, где хранились рукописи Бухарина и многие другие важные документы. Это было подвластно лишь очень влиятельной персоне из окружения Ельцина.

С подсказки одного общего русского друга, я вычислил человека, который мог обладать таким влиянием и желанием помочь нам. В июле 1992 г., во время открытия судебного процесса над КПСС, я буквально припер к стенке буквально припёр к стенке Геннадия Бурбулиса, одного из ближайших помощников Ельцина. Не отличающийся сентиментальностью и не замеченный в особой симпатии к большевикам, Геннадий Бурбулис, тем не менее, был явно тронут справедливым желанием Анны Михайловны узнать все о мученической судьбе своего мужа.

Через несколько минут я уже сидел в его правительственном кабинете, пока он говорил по телефону с архивной администрацией, а спустя несколько недель ксерокопии четырех рукописей были у нас в руках (9). Понадобились бездна лет и испытаний, чтобы вдова, сын и дочь Бухарина получили возможность встретиться с ним снова.

Что касается меня, то я, несомненно, испытывал огромное удовлетворение и радость открытия, а как биограф, считавший свою работу законченной двадцать лет назад, – вдвойне. Рукописи давали мне возможность проследить за ходом политического мышления Бухарина после его последних, опубликованных в 1936 г., статей до самой гибели. Ничуть не утрачивая своей важности, эти тюремные писания подтверждали то, что я старался показать в первом издании моей книги: Бухарин не «сломался» за год пребывания на Лубянке, и он на самом деле не «раскаялся» на суде, как принято думать. Наоборот, он в конце концов согласился принять участие в этом чудовищном сталинском спектакле ради спасения собственной семьи, но не только. Он использовал эту возможность, для того, чтобы в последний раз публично высказать, с помощью эзопова языка и других доступных ему, крайне ограниченных, средств свое мнение по наиболее острым вопросам, включая антисталинизм. Большинство людей так и не сумело понять и, следовательно, оценить мужественное поведение Бухарина на процессе, но нескольким западным обозревателям, присутствовавшим в зале суда, по-видимому, это удалось. Как писали они тогда в своих отчетах и как отметил позже советский судья, пересматривавший через пятьдесят лет дело Бухарина, «он был бойцом до конца – вопреки условиям, в которых оказался» (10).

Последний бой Бухарина против Сталина, представленного в тюрьме и в зале суда легионом грубых охранников и предельно продажных обвинителей, был безмерно сложным и, конечно же, неравным. Крем-

левский Великий Инквизитор имел власть даровать жизнь и лишать ее; особенно это касалось семьи Бухарина, но так же, как отмечал с тревогой Бухарин в своих тюремных письмах, – и его последних рукописей. Единственной же «властью» узника Лубянки было извращенное желание Сталина добиться любой ценой его участия в показательном процессе. Даже разрешение писать в камере, которое было необычным и могло исходить только от Сталина, являвшегося, в свою очередь главным и, возможно, единственным бухаринским читателем, было частью этого чудовищно неравного диалога. Эта история тоже должна быть рассказана, но рассказать ее надо, опираясь на всю полноту документального и исторического контекста, а не выдергивая факты, как это делается во многих недавних «архивных сенсациях» (11).

К сожалению, у нас все еще нет многих важных документов. Например, опубликованная в 1938 г. после цензурной правки речь Бухарина на суде содержала намеки на центральные темы его тюремных сочинений. Однако машинописная копия оригинала стенограммы, содержащая собственноручные «исправления» Сталина и его судьи-вешателя Василия Ульриха (12), пока не стала доступной в Президентском Архиве. И в то время как архив бывшего НКВД-КГБ позволил мне читать протоколы фальшивых тюремных показаний, давать которые согласился Бухарин лишь после трехмесячного пребывания на Лубянке, протоколы предыдущих допросов, в которых он заявил о своей невиновности, остаются недоступными в другом закрытом архиве (13).

Другие важные документы, относящиеся к категории загадочно исчезнувших, были в свое время утеряны или сожжены.

К ним относится первый том рукописи Бухарина о культуре, завершенный незадолго до его ареста и конфискованный во время обыска в его кремлевской квартире (14), и потенциально бесценная кинопленка с записью судебного процесса (возможно, даже со звуком), отснятая операторами НКВД в зале суда. (В самом деле, удивительно, что до сих пор ни один фрагмент из этого фильма или хотя бы единственный снимок лиц обвиняемых на этом самом позорном политическом процессе века не был обнародован или хотя бы найден! (15)). Точно также публикуемое здесь трогательное и политически разоблачительное письмо Бухарина Анне Михайловне, написанное им в январе 1938 г., накануне суда, и дошедшее до нее 54 года спустя, было далеко не первым, но единственным, которое нам удалось найти. Поэтому для нас поиски продолжаются, даже если надежда и удача изменят нам.

Иные читатели и иные поколения читателей, несомненно, по-разному отреагируют на публикуемые тюремные рукописи. Некоторые будут оценивать их содержание с точки зрения интеллектуального и политического контекста, в котором они были написаны, или как уникальное отражение судьбоносной исторической эпохи и свидетельство

одного из ее наиболее выдающихся деятелей. Других, возможно, больше восхитит не содержание рукописей, а те чрезвычайное мужество и решимость, которыми надо было обладать, чтобы написать такое. Они будут внимательно подмечать, что Бухарин мог и что не мог доверить бумаге, прекрасно понимая, что он вынужден формулировать каждую мысль, балансируя, как на лезвии бритвы, между отчаянным желанием сказать что-либо деспоту и потомкам – и отчаянным положением его семьи (16). А некоторые читатели, быть может, попытаются сравнивать эти рукописи с сочинениями других политических узников, сидевших в иные времена в иных местах, хотя почти невозможно представить обстоятельства более ужасные, чем в деле Бухарина.

Будут оценки и менее разумные. В «новой России», как и среди специалистов в моей стране, есть люди, которые решительно отбросят бухаринские тюремные писания – как часть недостойного, забытого и потому неуместного сегодня советского прошлого. Так, в 1993 г. одна модная московская газета заклеймила решение одного научного журнала опубликовать несколько разделов бухаринской философской рукописи, как «просто скандал и позор» (17). Подобное отношение есть, без сомнения, продолжение конъюнктурного политического подхода к истории – «политически корректного» в более мягком американском варианте, который периодически трансформирует вчерашние некритические плюсы в сегодняшние не более разумные минусы (18).

Естественно, если бы эти рукописи были опубликованы в Советской России 20 лет назад, во время великого «бухаринского бума» 1988–1990 гг. или даже в 1991 г., они оказались бы среди наиболее читаемых и почитаемых публикаций своего времени (19). Сегодня же, похоже, никто: ни коммунисты, ни экс-коммунисты, ни либералы, ни националисты, ни власть предержащие и ни оппозиция, – по политическим соображениям или из презрения – не испытывает серьезного интереса к недавней истории собственной страны, включая Бухарина. Чем еще можно объяснить тот факт, что в то время, как издатели бухаринских рукописей, едва смогли найти необходимую сумму для тиража в тысячу экземпляров, просталинистские книги распространяются огромными тиражами?

Но и это пройдет, вместе с распространенным убеждением, что народ может игнорировать или отвергать свою историю, В конце концов, все больше и больше русских захочет понять, что же случилось с их страной в это трагическое двадцатое столетие и были ли тому альтернативы. По мере углубления этого процесса исторического переосмысления трудно будет обойтись без Николая Ивановича Бухарина, чья судьба столь тесно переплелась с тремя главными национальными трагедиями этого века (20). Именно Бухарин до конца противостоял

сталинскому бессмысленному разрушению рыночной структуры страны и отечественного слоя мелких производителей (до сих пор не возродившихся по-настоящему); именно его антифашистские предупреждения, даже прозвучавшие из тюремной камеры, создавали альтернативу сталинскому пакту с Гитлером, по вине которого советский народ остался неподготовленным к войне и заплатил за это, может быть, 30 миллионов жизней; и, наконец, именно бухаринский судебный процесс стал символом террора, засасывавшего нацию.

Сегодня лишь несколько тысяч читателей имеют возможность поразмыслить над значением этих рукописей, но со временем их, несомненно, станет больше. И тогда наступит время, когда, вслед за Спинозой, нужно будет не смеяться или плакать, не хвалить или ругать, но – понимать.

Жизнь после Гулага*

Глава 1

История книги

Каждая эпоха рождает и свой специфический тип источников.

Владлен Логинов, русский историк

Советую Вам прекратить проводить время с людьми, недовольными Советской властью.

Офицер КГБ – автору, 1981 г.

Веками жившие в условиях репрессий и цензуры, русские авторы часто говорят, что рукописи, как люди, имеют собственную историю, и это, без сомнения, относится к данной книге. Я набросал черновую версию этого проекта почти 30 лет назад, в 1983 году. До недавнего времени она хранилась, наряду с многочисленными папками собранных мною документов и материалов, в моём личном архиве. Однако эта тема никогда не переставала быть важной составной частью того профессионального и личного интереса, который связывает меня с Россией.

Этот проект задумывался – и, в основном, так и получилось – как рассказ о людях, которые пережили сталинский Гулаг и в период реформ Никиты Хрущёва (1953–1964) вернулись в советское общество. Я начинал это исследование в очень непростых условиях доперестроечной, застойной Москвы конца 1970-х и начала 1980-х годов, когда сама эта тема (сталинский террор и его жертвы) находилась в Советском Союзе под официальным запретом. Ни один здравомыслящий учёный (а я был профессором Принстонского университета) ни за что не выбрал бы тему, по которой существует так мало информации. Но тема, похоже, сама выбрала меня.

Всё началось ещё раньше, хотя о проекте тогда не было и речи. В 1965 году мы с Робертом Конквестом прогуливались в лондонском парке и беседовали о его новой работе, ставшей затем знаменитой кни-

---

* Публикуется по: *Коэн Стивен.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + илл.

гой «Большой Террор». Конквест, с которым я подружился незадолго до того, был уже известным англо-американским автором – поэтом, писателем, литературным критиком и историком. Я же, на двадцать с лишним лет моложе, литературных заслуг не имел вовсе и только-только начал работать над своей докторской о Николае Бухарине, одном из основателей советского государства, осуждённом и казнённом Сталиным как «враг народа» в 1938 году.

Поскольку моя работа о Бухарине, которого в ту пору помнили в основном как прообраз героя знаменитого романа Артура Кёстлера о московских показательных процессах «Тьма в полдень» (*Darkness at Noon*), привела, в конце концов, к этой книге, я должен объяснить, почему я выбрал его как объект исследования. Это не было связано, как позже думали некоторые, с какими-то моими семейными корнями (я вырос вдали от советской действительности, в Кентукки). Просто в своём студенческом исследовании в университете я предположил, что именно идеи Николая Бухарина, а не Льва Троцкого, как было принято считать, представляли реальную советскую альтернативу сталинизму. Я имел в виду полурыночную, эволюционную новую экономическую политику (НЭП), введённую Лениным в 1921 г. и получившую после его смерти дальнейшее развитие и поддержку в трудах Бухарина. Отстранение Бухарина от руководства, совершённое Сталиным в 1929 году, привело к жестокой коллективизации крестьянства и, тем самым, как я полагал, к террору.

Тогда, в 1965 году, я не помышлял о чём-то большем, чем такой анализ нэповского десятилетия. Но, слушая рассказ Конквеста о найденных им новых материалах по 1930-м годам, я заметил, к слову, что недавно узнал, что вдова Бухарина, Анна Ларина, и их сын Юрий сумели каким-то образом уцелеть в сталинском терроре и живут где-то в Москве. Анна, которая была на двадцать шесть лет моложе своего мужа, провела больше двадцати лет в тюрьмах, лагерях и сибирской ссылке, а Юрий, разлучённый с матерью в возрасте чуть больше года, вырос в детском доме без всякого представления о том, кто были его родители. (Ларина позже рассказала их историю в своих мемуарах «Незабываемое».) (1). Да, ответил Конквест, несомненно, что в Советском Союзе живут ещё миллионы таких же уцелевших, и мы какое-то время рассуждали, как могла сложиться их жизнь после Гулага.

Зерно было брошено, но взошло оно значительно позже. В 1976 году я начал подолгу жить в Москве в рамках программы советско-американского научного обмена. К тому времени в Нью-Йорке уже была опубликована моя книга о Бухарине, и экземпляр её, тайком провезенный в СССР, попал к Анне и Юрию Лариным, которые встретили меня, как родного (2). Моя общественная жизнь в Москве по большей части была связана с разросшейся бухаринской семьей, которая включала те-

перь ещё Надежду и Михаила – двух детей Анны Михайловны, рождённых ею в ссылке от второго мужа, Фёдора Фадеева, которого она встретила в Гулаге и который умер вскоре после их возвращения в Москву в 1959 году.

Вскоре я осознал, что большинство людей, с которыми я познакомился через семью Бухариных, также являются выжившими жертвами сталинского террора либо детьми и родственниками жертв. Все публичные разговоры об их страшной судьбе были официально запрещены цензурой вскоре после смещения Хрущёва в 1964 году, и они едва ли надеялись, что когда-нибудь их опыт станет достоянием гласности. По этой причине, а также в силу моего статуса «приемного сына» Анны Лариной, вдовы высокопоставленного старого большевика, имевшей в этой среде большой авторитет, они с готовностью рассказывали мне свои истории и даже передавали неопубликованные мемуары. Внезапно и неожиданно я ощутил себя живущим в некой подземной истории – своего рода ожившей археологии – известной лишь фрагментарно в Советском Союзе и почти совсем не известной на Западе. И писать эту историю, похоже, выпало мне.

* * *

Задуманная мною книга преследовала две цели. Во-первых, после биографии Бухарина, мне хотелось написать своего рода коллективную биографию выживших жертв Гулага – от освобождения в 1950-е годы до попыток вновь обрести своё место в обществе. Другая цель отражала мой интерес к реформам в советской системе. Подавление исторических традиций, как случилось с НЭПом и бухаринскими идеями, часто приводило в истории к серьёзным политическим изменениям. Даже в ультраконсервативные советские 1970-е годы я полагал, что перемены возможны и, в конце концов, произойдут. В этой связи я хотел выяснить, как возвращение миллионов заключённых после смерти Сталина в 1953 году повлияло на процесс принятия политических решений и саму политическую систему при Хрущёве.

Эта вторая задача была нетипична для традиционной западной советологии. Большинство авторов, твёрдо придерживаясь «тоталитарной» модели, по-прежнему рассматривали советскую политическую систему в отрыве как от истории, так и от общества, считали её не подверженной влиянию последних и, значит, неизменной по существу (3). Воздействие, которое оказали в 1950–60-е годы гулаговские «возвращенцы», заставляло взглянуть на дело иначе. Их судьбы были центральным фактором глубоко историзированной политики того периода, когда споры о прошлом стали неотъемлемой частью борьбы за власть и выбор политических решений среди верхушки партийного руководства. В то же время, личные потребности такого большого числа освобож-

дённых узников и их семей создавали не только низовую социальную базу для дальнейшей десталинизации сверху, но и условия для проверки способности системы к изменению. (Уже тогда, до того как это стало распространенным методом в западной советологии, я пытался соединить социальную и политическую историю.)

Но где мне было взять информацию для такой сугубо эмпирической работы? Почти никакой литературы по этой теме не существовало; лучшие западные книги о терроре, в первую очередь, книга Конквеста, концентрировали внимание на процессе репрессий, а не на судьбах репрессированных (4). В самом же Советском Союзе – стране с безраздельно царящей цензурой, закрытыми архивами, запуганными жертвами и негативно настроенным официальным мнением – существовало только одно, и то довольно фрагментарное, исследование: краткое изложение нескольких постгулаговских судеб в конце третьего тома романа Александра Солженицына «Архипелаг Гулаг», который был издан на Западе в 1970-е годы (5).

Это означало, что я должен был опираться преимущественно на первичные источники. Идеальными были бы мемуары, но их почти не существовало. За границей был опубликован ряд бесцензурных воспоминаний бывших гулаговцев, но для меня они имели ограниченную ценность. Большинство из них относилось к периоду до 1953 года и почти не касалось жизни после Гулага. Другие принадлежали перу репатриированных иностранцев (включая нескольких американцев, уехавших в Советский Союз в 1930-е годы в поисках работы или земли обетованной), чей последующий опыт не был типичен для бывших советских узников (6).

Исключений было всего два. Одно – книга Солженицына «Бодался теленок с дубом» – своеобразные воспоминания писателя не столько о своей жизни, сколько о своей борьбе за право публиковаться в Советском Союзе до депортации из страны в 1974 г. Более ценными были воспоминания бывшей преподавательницы Евгении Гинзбург. Её книга «Крутой маршрут» до сих пор остается одним из важнейших произведений об эпохе сталинского террора. (В 2009 г. отдельные части этого – в английском переводе двухтомного – произведения были экранизированы британскими кинематографистами.) Особую ценность представляла та часть воспоминаний Гинзбург, где она рассказывала о своей жизни после освобождения из лагеря в конце 1940-х годов, в том числе о своей магаданской ссылке, где она учила детей офицеров НКВД и где смогла, наконец, воссоединиться с собственным сыном.

Были, однако, ещё два источника информации, оба советские, важные и мало известные западным исследователям. Первый – внушительная по объёму литература на «лагерную тему», в том числе художественные произведения, опубликованные в период относительного цензур-

ного послабления хрущёвской «оттепели». Ошибочно полагают, будто таких текстов даже в то время было мало – в литературе, мол, лишь один солженицынский «Один день Ивана Денисовича» – или что они не заслуживают внимания по причине своей «советскости». (Варлам Шаламов, которого некоторые считают крупнейшим гулаговским писателем, в своё время отказался проявить неуважение к этим более конформистским авторам.) (7).

Многочисленные заметки и наблюдения о сталинском терроре, включая воспоминания выживших узников Гулага, публиковались в первой половине 1960-х годов в официальной советской печати, порой под видом беллетристики. Это относилось не только к московской и ленинградской прессе, но и к провинциальным изданиям. С подсказки «возвращенцев», я обнаружил залежи информации в журналах, издаваемых в отдалённых советских регионах (Сибирь, Казахстан), где была высока концентрация лагерного и ссыльного населения, значительная часть которого там осела после освобождения. Доставать такие журналы было нелегко, но результат с лихвой окупал затраченные усилия (8).

Другой письменный советский источник был полностью неподцензурным и включал в себя растущий пласт литературных сочинений, ходящих по рукам в машинописном виде и известных под названием «самиздат». Эти проявления неофициальной гласности догорбачёвской эпохи были весьма разнообразны: от историй, мемуаров, художественной литературы до современных политических и социальных комментариев (9). Неудивительно, что важным компонентом этой новой, «другой» литературы была эпоха террора – темы, реалии и сами авторы – бывшие зеки.

Больше всего, однако, я опирался на личные свидетельства сталинских жертв, с которыми меня сводила судьба. Поначалу я знакомился с ними через семью Бухарина, но очень скоро у меня появились в Москве ещё три уникальных канала знакомств. Два из них – историки-диссиденты и также жертвы террора, с которыми у меня на долгие годы установились тесные личные и профессиональные отношения: Рой Медведев и Антон Антонов-Овсеенко (10).

Рой Медведев, чей отец, советский офицер и преподаватель коммунистической философии, погиб в Гулаге, был уникальной фигурой в диссидентских кругах, причём не только из-за своих смешанных, марксистско-ленинских и демократических взглядов. Педагог и учёный по образованию и политический одиночка по натуре, Медведев, которому в ту пору было слегка за пятьдесят, обрёл известность как автор первой в Советском Союзе, хотя и опубликованной лишь за рубежом, правдивой истории сталинизма «К суду истории» (*Let History Judge*).

Эта книга и поныне остается мощным обвинительным аргументом и незаменимым источником информации.

В отличие от многих диссидентов, Рой, который вступил в партию после реабилитации отца в 1956 г. и был исключён из неё в 1969 г., был строгим аналитиком и, ценя факты выше полемики, несогласие обычно выражал лишь непонимающей улыбкой. Высокий, привлекательный мужчина, слегка сутулый и седовласый, он был похож на оксфордского или кембриджского профессора, и это впечатление ещё больше подчёркивала английская одежда, которую ему присылал из Лондона его брат Жорес – учёный-биолог, лишённый советского гражданства за свою политическую деятельность. Мы с Роем стали друзьями, но наши частые беседы и споры носили академический характер. Он обладал необходимыми мне знаниями о событиях и людях, а также документами, а я знал неизвестную ему западную литературу. Это было, по нашему общему мнению, блестящее сотрудничество (11).

Антон Антонов-Овсеенко тоже был одиночкой, питавшим схожий с Роем интерес к истории, но в остальном эти два человека были совершенно непохожи. Родители Антона, в том числе отец, легендарный Владимир Антонов-Овсеенко, руководивший большевистским восстанием в Петрограде в октябре 1917 г., умерли в сталинских тюрьмах. Как многие дети крупных сталинских жертв, Антон сам почти тринадцать лет отсидел в Гулаге, и этот опыт наложил отпечаток практически на всю его последующую деятельность, от обвинительных литературных трудов и рискованных поступков до выбора жён и друзей.

Почти слепой, но физически крепкий и решительный, Антон обладал бесконечным запасом прочности в том, что касалось исследовательского и литературного труда. (И не только: даже двадцать лет спустя, в свои восемьдесят, он поражал тем, что мог многократно подтянуться на перекладине.) Подобно другому бывшему зеку, Солженицыну, он был ершист, своенравен и излишне уверен в своей обретённой в Гулаге смекалке. Когда мы подружились, его частые просьбы о моём содействии в обличении «сталинских палачей», прошлых и нынешних, порой вызывали раздражение. Но Антон, как и Рой, пользовался доверием и уважением многих бывших гулаговцев и тоже убеждал их оказывать мне помощь.

Моим третьим каналом стала Татьяна Баева – замечательная молодая женщина, одна из активисток подвергавшегося травле московского движения за права человека. (В знаменитой «демонстрации семи на Красной площади» в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. на самом деле был восьмой участник – 21-летняя Таня Баева. Она была арестована, но, в отличие от прочих, наказания не понесла, если не считать исключения из института.) В рядах этого движения были как сами «возвращенцы», пережившие ужас

двадцатилетнего сталинского террора, так и взрослые дети тех, кто не дожил до возвращения. Отец Татьяны, Александр Баев, всемирно известный биохимик, осыпанный почестями и занимавший высокий пост в советской Академии наук в 1970-е годы, в своё время провёл 17 лет в сталинских лагерях и ссылке, где и родилась его дочь (12). Живя в Москве в одном доме, мы с Таней часто по-соседски сталкивались, в результате чего стали близкими друзьями.

В оценках советского диссидентского движения конца 1960-х – середины 1980-х годов женщинам, как правило, уделяется мало внимания, а, между тем, они формировали инфраструктуру этого явления. Они перепечатывали самиздатовские рукописи, организовывали их распространение, обеспечивали надёжные места для хранения материалов и укрытия людей, находившихся в бегах, а также пытались удержать мужчин от излишнего пьянства. И одной из самых деятельных и влиятельных женщин была Таня Баева. Её маленькая квартирка, вся заваленная рукописями и запрещёнными книгами, изданными за рубежом, была регулярным местом встреч активистов правозащитного движения и других диссидентов. Среди них были и бывшие гулаговцы средних лет, особенно мужчины, покорённые Таниной экзотической внешностью, опытностью и аурой хранительницы многих тайн. Некоторые из этих людей также стали для меня ценными источниками информации.

К началу 1980-х годов, благодаря посредничеству Анны Лариной, Роя, Антона и Тани, я установил личные контакты с более чем двадцатью бывшими узниками Гулага и другими жертвами террора. Во время своих периодических наездов в Москву я встречался с ними и расспрашивал о прошлом. Наши беседы были более или менее длительными, иногда с продолжением, с глазу на глаз или в небольших тесных компаниях, но всегда с соблюдением строгой конфиденциальности, как того требовало время. Каждый из них вернулся со своей собственной Голгофы, как они сами часто повторяли. Имена многих из них, без сомнения, будут знакомы русским читателям, но ничего не скажут американским. Тем не менее, я чувствую себя обязанным назвать здесь хотя бы некоторые из них, во-первых, в знак признательности за помощь и, во-вторых, чтобы дать читателям представление о том, что это были за люди.

Большинство из тех, кто были к моменту нашей встречи людьми среднего возраста, в своё время были арестованы или подвергнуты другому наказанию как дети крупных «врагов народа», имевших политические связи с Бухариным. Юрий Айхенвальд и Леонид Петровский были сыновьями известных молодых бухаринцев 1920-х годов. Отец Натальи Рыковой, Алексей Рыков, был преемником Ленина на посту главы советского правительства и некогда союзником Бухарина в руко-

водстве, а отец писателя Камила Икрамова возглавлял ЦК компартии Узбекистана. Оба, и Рыков, и Икрамов, были расстреляны вместе с Бухариным в 1938 г. Отец Игоря Пятницкого, Осип Пятницкий, будучи высокопоставленным членом ЦК ВКП(б), пытался в 1937 г. остановить сталинский террор и спасти Бухарина и прочих, но сам был арестован, подвергся в заключении чудовищным пыткам, а затем расстрелян. Эти дети некогда влиятельных родителей выжили, но потеряли, как ещё очень много других людей, многие годы жизни.

Другие жертвы террора, которых я хорошо знал лично, имели различное политическое прошлое. Так, престарелый Михаил Байтальский, с которым я познакомился благодаря Рою, был одним из двух известных выживших членов троцкистской оппозиции 1920-х годов. В 1960–70-е годы он стал много писать (всегда под псевдонимами, среди которых были «М.Д.», «Домальский», «Аронович» и, возможно, самый известный, «Красиков») на самые разные темы, от судьбы своих пострадавших товарищей до пьянства и антисемитизма в Советском Союзе, став известным и уважаемым самиздатовским автором. А совсем ещё не старый Юрий Гастев, которого тюрьма сделала человеком психологически неустойчивым, попеременно впадающим то в радостное возбуждение, то в уныние, – состояние, усугубленное мальчишеской безответной влюблённостью в Таню Баеву – был сыном расстрелянного большевистского поэта.

Два гулаговца старшего поколения пользовались, как я вскоре узнал, в нонконформистской среде особенно безупречной репутацией. Лев Копелев, офицер Красной армии и в то время правоверный коммунист и сталинист, был арестован в Германии в 1945 году за то, что выступил с осуждением фактов изнасилования советскими солдатами местных немецких женщин. Похожий на медведя, с белой толстовской бородой, он сидел в Гулаге вместе с Солженицыным и в 1962 году помог организовать публикацию сенсационного рассказа на лагерную тему никому не известного тогда автора, «Один день Ивана Денисовича». (Солженицын позже несправедливо вывел Копелева в образе догматика Льва Рубина в своём романе «В круге первом».) Сочинения самого Копелева, в которых он дал бескомпромиссную оценку своего мировоззренческого пути от сталиниста до демократа и гуманиста: «Хранить вечно», «И сотворил себе кумира», «Утоли моя печали», – в переводах читались на Западе раньше, чем были опубликованы в России. Будучи лишён в 1981 году советского гражданства и поселившись в Германии, он продолжал помогать мне советами и оттуда.

Моим любимым возвращенцем, однако (не считая, разумеется, Анны Лариной), был Евгений Гнедин, которому в ту пору было уже под восемьдесят. Ответственный работник советского МИДа в 1930-е годы, он был одним из очень немногих арестованных, кто не оболгал ни себя,

ни других, несмотря на побои, которым он подвергался в страшной сухановской тюрьме на протяжении нескольких месяцев под личным наблюдением Берии. Маленькая гнединская фигурка, его внешняя мягкость и улыбчивое лицо, казалось, совсем не вязались с личностью человека, который перенёс в жизни так много и на чьих глазах убивали коллег и друзей. И при этом, даже тень ожесточения не омрачила его безмерной мудрости и сострадания к людям.

Вернувшись в 1955 году в Москву после шестнадцати лет лагерей и ссылок, Гнедин подружился со многими более молодыми жертвами, которые продолжали воевать со своим прошлым. Потерявшему опору Камилу Икрамову, который провёл в Гулаге 12 лет, попав туда 16-летним, и для которого Гнедин стал наставником в лагере и ссылке, он помог понять, что тот должен жить так, словно его отец смотрит на него. Квартира Гнедина была центром притяжения, где часто собирались его друзья (в том числе я). Один из них, поэт Владимир Корнилов, написал:

Я временем ужален,
Душа не вся чиста,
До Гнедина я жаден,
Как грешник – до Христа.
…
Хватаю эту повесть
Всей пятернёю чувств,
К серьёзному готовлюсь,
С охотою учусь (13).

Другим моим любимцем был Юрий Ларин. Гнедин заменил ему отца, которого тот не знал, и стал партнёром по тайному переводу на русский язык моей биографии Бухарина. (В середине 1930-х годов Гнедин работал в газете «Известия», главным редактором которой в ту пору был Бухарин.) Изданная в Соединенных Штатах в 1980 г. для подпольного распространения в Советском Союзе, русская версия моей книги имела подпись: «Перевод Е. и Ю. Четверговых», запечатлев день, в который они регулярно собирались для работы. Когда в 1983 г. Гнедин умер в Москве, Юрий написал мне: «Ты знаешь – кого мы потеряли… Без него тяжелее стало жить. Но он был таким добрым и светлым человеком, что кажется, он не умер».

Эти сталинские жертвы были в числе тех, кто изначально сделал мой проект возможным. Несколько позже появились и другие, четверо из которых были особенно важны. Михаил Шатров, племянник Алексея Рыкова и двоюродный брат Натальи Рыковой, потерял в годы террора тридцать родственников, но сумел, тем не менее, стать одним из самых популярных (и подвергаемых цензуре) советских драматургов. Из опыта ранних лет своей жизни, когда он был вынужден скитаться от

одного ненадёжного пристанища к другому, и вследствие позиции в официальной культурной жизни, которую он занимал потом, Шатров знал многое о предмете моего исследования. Не меньшими знаниями, хотя и полученными в других обстоятельствах, обладал старший по возрасту и всегда любезный в общении Лев Разгон. Многолетний зек и детский писатель, Разгон имел свои, особые, взгляды как на жертв террора, так и на их палачей, а его рассказы о Гулаге ценятся некоторыми в России наравне с рассказами Солженицына и Шаламова.

Помощь Александра Мильчакова (Саши, как я называл его) была иного рода. Сын комсомольского лидера 1930-х годов, пережившего Гулаг, тоже Александра, он был журналистом на задании. В конце 1980-х годов он стал пионером в деле установления подлинных дат смерти жертв террора и поиска мест их захоронения. Своё внимание он сосредоточил на московском Донском монастыре. Одним дождливым днём он тайком, чтобы не заметил пьяный сторож, провел меня внутрь печально известного ныне крематория, где в конце тридцатых сжигали тела расстрелянных, а их прах сбрасывали затем в общую могилу. Сашины статьи сделали Донской Меккой для родственников жертв, давно нуждавшихся в месте, где можно было бы их оплакать. (В 1989 г. в качестве консультанта *CBS News* я помог Майку Уолласу снять для репортажа в программе «60 минут» внешний облик крематория. Внутрь нас не пустил на сей раз возмутительно трезвый сторож.)

Наконец, была ещё историк Светлана Гурвич, дочь Бухарина от его предыдущего брака с Эсфирь Гурвич. Светлана не сразу приняла меня, и я понимаю почему. Родившаяся в 1924 году, на 12 лет раньше её сводного брата Юрия, и арестованная в 1949 году вместе с матерью, некогда видным советским экономистом, Светлана Гурвич всю жизнь прожила с грозным фамильным клеймом «гнусного врага народа». Даже в 1970-е годы, жившая вдвоем со старой и больной матерью в крошечной московской квартирке на маленькую зарплату научного сотрудника, она чувствовала постоянную угрозу со стороны институтских коллег-неосталинистов. Она боялась, что контакт со мной и циркулирующей по Москве моей книгой может ещё больше навредить ей.

Зато когда Светлана, в конце концов, приняла меня, она сделала это со сдерживаемым энтузиазмом, не иссякшим до самой её смерти в 2003 году. Правда, и хроническая неустойчивость её нервной системы давала себя знать. Отныне мы были, как она заявила, «товарищами по оружию» в борьбе за восстановление исторической репутации её отца. (Товарищество не исключало, впрочем, длинного списка ошибок, которые я, по её мнению, сделал в своей книге о нём.) Кроме того, родственники Светланы со стороны её матери не общались с родственниками Анны Лариной, хотя тоже пострадали при Сталине. Их судьбы дали мне дополнительный материал для исследования. В частности, опыт

Светланы и Эсфирь поведал мне больше об особой трагедии женщин в Гулаге и после него, а также о том, кто помогал им, и кто нет.

Читатели не должны думать, что я собирал все эти истории жертв террора согласно продуманному плану. Иные просто сами падали мне в руки. В 1982 году, например, первая жена Солженицына Наталья Решетовская неожиданно попросила меня забрать на хранение в Штаты объёмную рукопись её собственных мемуаров. В ней содержались неизвестные мне истории вернувшихся из Гулага зеков, которых она встречала, пока жила с мужем. Двумя годами раньше судьба столкнула меня с Павлом Аксёновым, первым мужем Евгении Гинзбург, бывшим до ареста в 1937 году председателем горсовета Казани. Это случилось на прощальной вечеринке в честь его сына, известного писателя Василия Аксёнова, уезжающего в эмиграцию в Америку по причине своего собственного нонконформизма. Старший Аксёнов хотел говорить со мной о Бухарине, которого он знал, но также ответил на мои вопросы о своей жизни после Гулага. Он лучше, чем кто-либо ещё, объяснил мне, как террор разрушал браки, даже если оба супруга остались живы – как произошло в случае с ним и Гинзбург.

Я не был первым человеком, подвигнувшим бывших жертв на сеансы устной, или, как они сами говорили, «живой истории». Во многих случаях, Солженицын, Медведев и Антонов-Овсеенко, собиравшие материал для своих бесцензурных книг о советском прошлом, меня опережали (14). Солженицын (если взять неудачный пример) в начале 1960-х навестил Анну Михайловну Ларину в её московской квартире, чтобы расспросить о её опыте лагерной и ссыльной жизни. Позже она сожалела об этой встрече, так как Солженицын, в её присутствии на все лады расхваливавший Бухарина, в своём «Архипелаге» выставил его не в лучшем свете. Напротив, к Рою и Антону Ларина всегда питала только самые тёплые чувства, хотя случавшиеся время от времени Антоновы эскапады всех нас слегка волновали.

Я был, однако, насколько мне известно, первым иностранцем, который интервьюировал этих выживших жертв Гулага. В этом качестве я всегда отдавал себе отчёт, что, помогая мне, эти люди, в отличие от меня, возможно, вновь подвергают себя существенному риску. Поэтому я действовал очень осторожно, что обычно означало – конспиративными методами. В частности, это значило: никогда не рассказывать об интервью другим людям без согласия интервьюируемого; никогда не говорить о моём проекте или о намеченной встрече по телефону (один бывший зек, чтобы узнать, пришёл ли я, звонил Лариной и спрашивал: «Пирог готов?»); никогда не оставлять никаких заметок, рукописей или книг в квартире или номере гостиницы, где я жил. (Результатом последнего предостережения стали, по мнению моего доктора, две операции по удалению грыжи.)

Вскоре я понял, однако, что большинство известных мне жертв террора были частными, избранными случаями: в основном это были пожилые люди, имевшие отношение к плеяде первых руководителей Советского государства и коммунистической партии, до и после Гулага жившие в Москве (15). Чтобы расширить круг своих респондентов, я подготовил подробную анкету на русском языке (чего до меня тоже никто не делал), которую друзья, знакомые и не знакомые мне люди распространяли затем среди бывших узников Гулага в Советском Союзе и тех, кто эмигрировал на Запад (16). К началу 1980-х годов я получил, по различным каналам, двадцать или около того подробных ответов.

Вместе с примерами, почерпнутыми мной из печатных и машинописных источников, я имел теперь сведения почти о 60 лицах. Учитывая, что жертв были миллионы, это была ничтожная выборка. Но, по сравнению с опубликованными недавно на Западе обобщающими работами о сталинской эпохе в целом, основанными на куда меньшем числе источников – дневников и прочих личных документов, найденных в архивах, – это было что-то. (Солженицын говорил, что для своего «Архипелага Гулаг» он собрал 227 показаний, но в основном, похоже, это были письма, полученные им от бывших зеков после публикации «Ивана Денисовича».) (17).

Между тем, время, отпущенное мне для осуществления этого проекта внутри СССР, близилось к концу. О моей двойной московской жизни – исследователя, официально работавшего по обмену над дозволенной темой, но при этом всё больше времени и внимания уделявшего другой теме, недозволенной, – стало известно советским властям. Знали они, несомненно, и о моём деятельном участии в переправке запрещённых рукописей (мемуаров и диссидентских текстов) за границу, а оттуда, в виде тамиздатовских публикаций, обратно в Союз. Мой появлявшийся время от времени «хвост» стал более или менее постоянным, и однажды сотрудник КГБ в академическом институте открытым текстом посоветовал мне прекратить «проводить время с людьми, недовольными Советской властью». (Кого он имел в виду, бывших гулаговцев или диссидентов, я не спросил.)

На самом деле, удавка вокруг моего тесного московского мирка затягивалась уже несколько лет. В 1979 году экземпляры американского издания моей биографии Бухарина были конфискованы на Московской международной книжной ярмарке. В течение года русскоязычное издание моей книги регулярно конфисковывалось сотрудниками КГБ во время квартирных обысков наряду с книгами Солженицына, Медведева, Конквеста и Оруэлла – хоть и комплимент, но знак недобрый. Также в 1980 году советская пресса развернула беспощадную травлю Копелева, ставшую прелюдией к лишению его и Василия Аксёнова советского

гражданства; Андрей Сахаров, отец водородной бомбы и главный советский либеральный диссидент, был выслан из Москвы, а отец Дмитрий (Дудко), выдающийся священник, живший с Роем Медведевым в одном доме, где консьерж-кагэбэшник фиксировал всех посетителей, был арестован.

В 1982 году произошли два связанных между собой события, которые затрагивали меня непосредственно. В апреле КГБ неожиданно учинил пятичасовой обыск в квартире Антонова-Овсеенко. Как назло, в это время к Антону заехала Анна Ларина и была вынуждена просидеть там несколько часов. Во время гневной перепалки между хозяином и кагэбэшниками она услышала, как было упомянуто моё имя. (Неоднократно призывавший меня не оставлять «опасные» материалы в моей московской квартире, многоопытный зек хранил нашу тайную переписку в своей.) Вскоре после этого в секретном докладе кремлевскому руководству глава КГБ Юрий Андропов резко обвинил Антонова-Овсеенко в «незаконной и антисоветской» деятельности. Особое внимание он обратил на изданную в том же году в Нью-Йорке книгу Антона о Сталине «Портрет тирана» (18). Рукопись в Соединенные Штаты вывез я, о чём КГБ, несомненно, было уже известно.

То ли из-за этой моей роли транспортёра подобных материалов, то ли из-за моей собственной книги, то ли из-за гулаговского проекта, но я был выдворен из Советского Союза, после чего долго не мог получить советскую визу, несмотря на неоднократные обращения. Несколько раз мою просьбу о выдаче визы поддерживали, как минимум, два высокопоставленных советских деятеля, включая члена ЦК КПСС, но всё напрасно. Рядом с моим именем, похоже, была поставлена несмываемая метка, которая оставалась там последующие три года.

Этим политическим обстоятельствам, возможно, способствовали и перемены в моей личной жизни. Когда в 1976 году я начинал опрашивать бывших гулаговцев, я жил в Москве со своей женой Линн и двумя малолетними детьми, Эндрю и Александрой. Никто из них не говорил по-русски, и семейные обязанности сокращали время, которое я мог тратить на свой неофициальный проект, делая его тем самым менее заметным. К началу 1980-х годов, однако, мой брак распался, и моим компаньоном в поездках в Москву, а позднее и женой стала Катрина ванден Хювель, ныне главный редактор и издатель журнала *The Nation*. Знание русского языка и понимание, с которым она относилась к политическим жертвам благодаря своей работе по маккартизму, сделали её активным участником моего проекта. По-прежнему приезжая в Москву по официальному обмену, мы проводили большую часть времени в компании сталинских жертв и диссидентов. Неудивительно, что с середины 1982 года Катрине, как и мне, было отказано в советской визе.

Моё трёхгодичное отсутствие в Москве было наполнено беспокойством о семье Анны Лариной и других русских, которые помогали мне. Но у меня также появилось больше времени, чтобы писать, продолжая преподавание в университете. У меня уже был накоплен большой материал о сталинских жертвах, часть которого я использовал в двух книгах более общего характера, которые я опубликовал за этот период (19). Я также набросал конспект задуманного мною большого исследования о судьбах бывших гулаговцев.

Эта задумка, однако, после 1985 года оказалась отодвинута на задний план драматическими событиями реформ Михаила Горбачёва. Для меня политика нового советского лидера представляла собой ту самую попытку советской реформации, в возможность которой я всегда верил, и, кроме того, она обеспечивала доступ к прежде закрытым архивным документам, необходимым для более полного издания моей биографии Бухарина. Поскольку в 1985 году наши визовые проблемы благополучно разрешились, мы с Катриной стали проводить в Москве как можно больше времени, чтобы иметь возможность наблюдать, как разворачиваются эти исторические события.

За два года в условиях гласности пресса наполнилась новыми данными о подробностях сталинского террора. Осмелев, его жертвы начали рассказывать свои истории публично и, прослышав от друзей о моём интересе, разыскивать меня. Хотя это больше не было моим приоритетом, я не прекращал собирать информацию о жертвах Гулага, которых становилось всё меньше – не прекратил даже в 1991 году, когда не стало Советского Союза, и родилась наша дочь Ника. Мы с Катриной продолжали встречаться со сталинскими жертвами, часто эти встречи затягивались до глубокой ночи, и Ника, едва ли понимавшая, кто эти люди, засыпала на их диванах. (Нике было пять лет, когда умерла Анна Ларина, но она запомнила старенькую женщину, которую она называла «буля», от русского слова «бабуля», и спустя годы написала о ней вступительное сочинение в колледж.)

Но первоочередное значение для меня тогда уже имели другие проекты: описание истории горбачёвских реформ и поиск новых архивных материалов о Бухарине. Пухлые папки документов о гулаговских «возвращенцах» пылились в коробках в моей нью-йоркской квартире и в офисе Принстонского университета до середины 1990-х годов – до встречи с Нэнси Адлер. Впечатлённый работой, проделанной этой молодой американской исследовательницей по той же самой теме, и её способностями в плане применения психологического и сравнительного подходов, которыми я не обладал, я дал ей полный доступ к своему архиву. Результатом стала её превосходная книга, увидевшая свет в 2002 году (20). В то время я, наверное, думал, что тема закрыта навсегда.

* * *

Зачем же тогда было публиковать эту книгу сегодня, через тридцать с лишним лет после того, как я её начал? Во-первых, потому что все эти годы меня не покидало смутное чувство вины из-за незавершённой работы и невыполненных обязательств, пусть даже тех, перед кем я их брал – знакомых мне бывших гулаговцев – оставалось всё меньше. Я ждал, похоже, какого-то толчка для завершения начатого. Это случилось в 2007 году, когда ряд друзей Роберта Конквеста решили издать сборник статей в ознаменование его 90-летия. Для этой книги я подготовил переработанную версию того конспекта, который я набросал в 1983 году, что пробудило во мне вдохновение и привело, в итоге, к этой книге.

Другая причина состояла в том, что я хотел опровергнуть впечатление, сложившееся на Западе, будто исследование по такой теме было невозможно до периода горбачёвской гласности или даже до постсоветской «архивной революции». На самом деле, как известно по другим историческим примерам, преступления, подобные сталинским, оставляют после себя выживших жертв, которые готовы дать свидетельские показания даже перед лицом государственных репрессий. Как в этой связи напомнил нам историк Владлен Логинов, «каждая эпоха рождает и свой специфический тип источников» (21).

А самое главное, о возвращении и судьбах бывших узников Гулага до сих пор поразительно мало известно – по сравнению, например, с теми же жертвами Холокоста. Их эпопея «часто игнорируется», как заметил один американский автор, даже в книгах по истории Советского Союза (22). За годы, прошедшие с хрущёвской оттепели, «возвращенцы» время от времени фигурировали на страницах художественных произведений русских и зарубежных авторов: «Всё течет» Василия Гроссмана, «Ожог» Василия Аксёнова, «Пушкинский дом» Андрея Битова, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Дом свиданий» Мартина Эмиса, недавние произведения Тома Роба Белла. В России был опубликован ряд мемуаров об их жизни после Гулага, среди которых особенно выделяются книги Копелева и Ефросиньи Керсновской (последняя содержит замечательные рисунки автора, иллюстрирующие её лагерный опыт). Наконец, свидетельства сталинских жертв послужили материалом для нескольких западных монографий на более широкие темы (23). При этом, несмотря на наличие большого количества доступного материала, книга Адлер остаётся единственным серьёзным исследованием на тему этого «великого возвращения», причём, что особенно необъяснимо, даже в России (24). Как написали мне в 2009 году два бывших зека из Израиля, история эта остается «неоконченной летописью».

Моя книга о возвращении гулаговцев, пускай и не такая объёмная, как я изначально планировал, может служить, тем не менее, обзорным пособием, в котором представлены политическое и социальное измерения этого явления. Кроме того, мой взгляд на вещи несколько отличается от взглядов других авторов, поскольку большую часть своего исследования я проделал по горячим следам, когда те события ещё не стали полностью историей и когда многие жертвы (и палачи) ещё были живы. Личное знакомство со многими из них, без сомнения, повлияло на написанное здесь, в лучшую или в худшую сторону.

Темы и сюжеты этой книги повторяют те, что были в моём первоначальном наброске 1983 года, однако я существенно расширил их за счёт фактических данных, накопленных мною с тех пор. (В примечаниях даны ссылки на соответствующие публикации, появившиеся после 1983 года, некоторые из которых я читал в рукописи до того, как они смогли увидеть свет.) Более новые материалы позволили мне раскрыть полнее те сюжеты, которые тридцать лет назад я знал не слишком хорошо. При этом, сохранив главный фокус книги на времени Хрущёва, я добавил продолжение, содержащее обзор дальнейших судеб жертв террора от 1964 года до наших дней.

Но даже сегодня, однако, я не называю имен всех тех, кто, положившись на моё обещание конфиденциальности, помогал мне в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Хотя большинства из них уже нет в живых, я предпочитаю сохранить инкогнито ряда личностей – отчасти из-за неопределённости ситуации в сегодняшней России, а, возможно, просто потому, что не люблю изменять данным обещаниям и некогда усвоенным привычкам.

Глава 3

Жертвы возвращаются

> Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили.
>
> *Анна Ахматова*

Множество обобщений было сделано о тех, кто пережил сталинский террор – их болезнях, психологии, семьях и политике – но большинство из них (если не все) являются безосновательными. Жизнь людей после Гулага была почти такой же разнообразной, как жизнь людей вообще.

Одни жертвы были настолько сломлены физически, что скончались в считанные недели или месяцы после освобождения – «глотнув свободы», как говорили о них (1). Кто-то умер по дороге домой: в поезде, на станции, на улице. А кто-то – ещё в лагере, едва узнав о грядущем освобождении, но не дожив до назначенного дня. Так случилось с одним не старым ещё зеком, который пятнадцать лет отсидел на Колыме, надеясь когда-нибудь снова увидеть престарелую мать. Она пережила его. У этих жертв не было жизни после Гулага, не было возвращения.

Другие, напротив, сумели прожить удивительно долгую жизнь, особенно учитывая, через что им пришлось пройти, а также то, что продолжительность мужской жизни в России даже сегодня не превышает 60 лет. Анна Ларина и Евгений Гнедин дожили до 80 с небольшим, брат Бухарина, Владимир, до 88 лет. Солженицын скончался в 2008 году в Москве, не дожив года до 90 лет. Другие перешагнули 90-летний рубеж, среди них Шатуновская, Снегов, Наталья Рыкова, умершая в 2010 году в 93 года, и известный актер Георгий Жжёнов. Мой друг Антон Антонов-Овсеенко и философ Григорий Померанц, конфидент Шатуновской после её отставки из рядов партийного руководства, и в 2010 году, в свои 90, продолжали вести активный образ жизни.

У меня нет общего объяснения их примечательному долголетию. Может быть, люди, которых я знал и о которых читал, просто обладали особенными генами. А может, вполне по Дарвину, им, выжившим в Гулаге, всё остальное было нипочём. Или они, как Лев Гумилёв, решили: «Лагерные годы не в счёт. Они как бы и не были прожиты», – и твёрдо вознамерились наверстать упущенное (2). (Возможно, стоит добавить, что и среди ведущих сталинских «палачей» было немало долгожителей, в том числе Молотов, Каганович, Маленков.)

Психология людей, переживших Гулаг, также была различной. Для одних лагерь оказался настолько травмирующим опытом, что они до конца жизни продолжали бояться, скрывали своё прошлое, отказываясь обсуждать его даже с членами семьи, и избегали встреч с другими выжившими. Они превратились в послушных советских граждан, «их страх перед собственной мыслью, их ужас перед новым арестом были так всеобъемлющи, что эти люди казались прочней арестованными, чем в пору лагерных принудработ». Другие перестали осознавать себя, своё «я», как одна женщина, которая после десяти лет лагерей говорила: «Мне казалось, меня нет. Это кто-то другой живет в моём теле». Даже два крупнейших гулаговских мемуариста не избежали полностью его наследия. Евгения Гинзбург сожгла «гораздо более резкий» черновой вариант рукописи своей знаменитой книги, опасаясь, что её обнаружат, а Варлам Шаламов, когда писал самые страшные места своих «Колымских рассказов», был «заморожен… Чёрное дерево, обожжённое молнией, которое, видно, уж не зазеленеет» (3).

Другие же и на воле остались «профессиональными зеками», неся своё гулаговское прошлое как знак доблести, поддерживая крепкие дружеские связи с солагерниками, и во всеуслышание говорили и писали о нём, потому что не могли не говорить и не писать. Гумилёву ничего не стоило принять «свою легендарную зековскую позу» и снова пересказать историю своей «Голгофы». Коммунист-правдолюбец Снегов, в ответ на вопрос партийного чиновника, в каком он лагере, советском или антисоветском, гордо ответил: «Я с Колымы», а один поэт взял себе творческий псевдоним «Валентин Зэка». Семён Виленский создал в Москве общество «Возвращение» и начал собирать свою уникальную коллекцию гулаговских мемуаров. Для них, как для Солженицына, «вопрос, скрывать своё прошлое или гордиться им, не стоял никогда». (В 1974 году, уже будучи известным советским писателем, он заявился в КГБ, куда был вызван для беседы, в своей старой лагерной одежде. Получив замечание, что «маскарад неуместен», он был переодет в новый костюм и выслан в Западную Германию.) (4).

Многие «возвращенцы» не отличались ни хроническим страхом перед жизнью, ни излишней смелостью. В особенности это касалось тех, кто вышел на свободу достаточно молодым, чтобы вернуться к профессии или освоить новую, а также тех, кто беспокоился о будущем своих детей. Таким был, в частности, отец Тани, Александр Баев. После своего возвращения в 1950-е годы он сделал блестящую научную карьеру, стал академиком советской Академии наук, но при этом ни разу публично не обмолвился о своих семнадцати годах в Гулаге, предпочитая откровенничать лишь с близкими друзьями и проверенными товарищами по работе. Честный и толерантный человек, он крайне неодобрительно относился к Таниной диссидентской деятельности, в том числе её дружбе со мной, поскольку она ставила под угрозу всё, за что он «страдал» – точно так же, как дочь Бухарина Светлана Гурвич была против публичных протестов, с которыми выступал в 1970-е годы её сводный брат Юрий. Когда сорок лет спустя и за несколько лет до своей смерти Баев, наконец, поведал свою гулаговскую историю, очень многие были удивлены (5).

Огромное большинство бывших зеков, вернувшись, вновь растворились в безымянности советского общества, но очень многие, как Баев, сумели достичь высокого положения и сделать выдающуюся карьеру. Прецеденты, хотя и практически не известные в своё время, случались даже при Сталине, особенно среди зеков, освобождённых в годы Великой Отечественной войны. Вышедший на свободу вместе с рядом других офицеров, арестованных в 1937–38 годах, Константин Рокоссовский, которому в тюрьме вырвали ногти, стал одним из наиболее успешных и популярных генералов военного времени, дослужившись до звания маршала. Другой освобождённый генерал, Александр Горба-

тов, довёл свою армию до Берлина, где в 1945 году стал главой советских оккупационных сил. (А его бывший сокамерник занял такой же пост в Вене.) (6).

Выход в годы войны на свободу инженера-ракетостроителя Сергея Королёва имел не менее значительные последствия. Отпущенный для разработки оружия против нацистской Германии, он позднее возглавил советскую космическую программу, а, учитывая пионерскую роль Советского Союза в данной области, можно сказать, что бывший заключённый Гулага Королёв стал отцом космических полетов. И он был не единственным. Его коллега В.П. Глушко, который помог Королёву освободиться в 1942 году, после того как сам вышел из лагеря, сделал так много для мировой астрономии, что в его честь был назван один из лунных кратеров. (В отличие от Королёва, чья работа оставалась глубоко засекреченной, Глушко сделал также политическую карьеру, став в 1976 году членом ЦК КПСС.) (7)

Разумеется, после смерти Сталина гораздо больше бывших гулаговцев сумели сделать карьеру или вернуть былую известность и влиятельность. Некоторые примеры уже известны читателям. Эдди Рознер, воссоздавший свой джазовый коллектив, вновь обрёл популярность в 1950-е годы, однако пережитое и постепенное вытеснение его музыки западным рок-н-роллом к концу жизни (Рознер умер в 1976 году) ожесточили его. Двое из четвёрки братьев Старостиных, Николай и Андрей, вновь стали влиятельными фигурами в советском футболе, теперь на административных позициях. Бывшая красавица-инженю советского кино Татьяна Окуневская вернулась в профессию, правда, уже на других ролях, как вернулись и актёры Георгий Жжёнов и Пётр Вельяминов. Тамара Петкевич, освоившая актёрскую профессию в Гулаге, после освобождения добилась признания на театральной сцене. Отсидевший десять лет за связь с дочерью Сталина Алексей Каплер также возобновил карьеру в кино, став не только известным режиссером и сценаристом, но и ведущим популярной телепередачи о кино. Два других сценариста, Юлий Дунский и Валерий Фрид, стали успешным творческим дуэтом советского кино. А лагерная подруга Анны Лариной Наталья Сац основала всемирно известный московский детский музыкальный театр (8).

Столь яркие постгулаговские карьеры были, однако, исключениями. Многие талантливые бывшие зеки даже после освобождения не могли вести полноценную публичную жизнь, избегая разговоров о своём прошлом, прячась за псевдонимами или ведя двойную жизнь. Юрий Ларин, к примеру, до конца 1980-х годов добивался признания как художник – без официальной поддержки, без разрешенных выставок, храня публичное молчание о том, кто были его родители. Другим примером был его друг Юрий Айхенвальд – внешне привлекательный и

чрезвычайно талантливый человек, с которым я познакомился в 1970-е годы, когда его московская квартира была местом притяжения для политических и культурных нонконформистов, в том числе бывших гулаговцев.

Родившийся в 1928 году, Айхенвальд был обладателем дважды «подпорченной» биографии: сначала из-за деда, известного антикоммунистического литератора Юлия Айхенвальда, высланного ленинским правительством из страны в 1922 году, а затем из-за отца, который, напротив, был видным большевиком-бухаринцем, расстрелянным Сталиным в годы террора. После ареста матери в 1937 году Юрий жил у своих престарелых родственников, но к своим четырнадцати годам рос фактически сиротой, предоставленный сам себе. В 1949 году, когда в прицел сталинского террора попали подросшие дети его прежних жертв, Юрий Айхенвальд, как и дочь Бухарина Светлана Гурвич, был арестован. Сосланный в Казахстан, он в 1951 году был арестован повторно и помещен в тюремную психиатрическую больницу, где пробыл до своего освобождения в 1955 году.

В начале 1960-х годов Айхенвальд, одновременно преподавая литературу в вузе, был уже выдающимся поэтом, чьи лучшие произведения писались «в стол» или публиковались только на Западе. Диссидентская деятельность, преследование со стороны КГБ и последовавший за этим сердечный приступ заставили его уйти с официальной работы. Чтобы содержать семью и добиться какого-то публичного выражения, Айхенвальд стал переводчиком, в большинстве случаев анонимным, ряда популярных театральных пьес, включая «Человека из Ламанчи» и «Сирано де Бержерака». Таким образом, целое поколение советских зрителей, в том числе члены партийно-советской элиты, сами того не зная, смеялись и задумывались над стихами бывшего зека, который, будучи сам своего рода политическим Дон Кихотом с альтер эго Сирано, сумел втиснуть в текст перевода строки из своих запрещённых произведений (9).

А что же стало с миллионами других бывших гулаговцев, вышедших на свободу в 1950-е годы? Истории некоторых из них известны. Вадим Туманов, колымский зек, освобожденный выездной комиссией в 1956 году, стал впоследствии сибирской легендой, непревзойдённым специалистом по золотодобыче. Геолог Павел Виттенбург, как и ряд других учёных, публиковал свои труды без указания того, что своё исследование он начал в Гулаге. Корифей советской медицинской науки Лев Зильбер, как и Александр Баев, вновь достиг вершин профессии. Ещё один поэт из бывших зеков, взяв псевдоним Роман Сеф, перевел на русский язык «Мою прекрасную леди» и стихи Уолта Уитмена (10). Дальше в этой книге читателям встретятся и другие имена. Но большинство уцелевших жертв сталинского террора бесследно растворились в недрах общества.

Мы, следовательно, можем только догадываться, сколько из них имели свой относительный «хэппи-энд», а скольким не повезло. Когда я спрашивал своих знакомых «возвращенцев», что, по их мнению, случилось с остальными, они обычно пожимали плечами и отвечали идиомой: «Даже у бывших зеков были разные судьбы». Можно только предположить – или надеяться – что многие из тех, кто прожил свою жизнь тихо и замкнуто, получили свой «хэппи-энд», по крайней мере, в советском контексте. (Хотя в Гулаге Камил Икрамов настолько испортил зрение, что не мог по достоинству оценить картины своего друга Юрия Ларина, он считал своё возвращение оттуда «счастливым финалом» и «началом новой жизни».) Однако многим повезло меньше. Годы спустя их можно было встретить в домах престарелых, на вокзалах, во всевозможных временных пристанищах, где они влачили жалкое существование безнадёжно «бывших» людей (11).

Печальный конец трёх «возвращенцев», трёх известных и уважаемых писателей, может быть показательным в этом смысле. Варлам Шаламов, некогда названный «величайшим из живущих российских писателей», умер в 1982 году в полном одиночестве, брошенный на произвол судьбы и примитивных условий государственной опеки. Достигший ныне широкого признания писатель Юрий Домбровский был насмерть избит на улице какими-то хулиганами. А хрупкая красавица, «ленинградская мадонна», поэтесса Ольга Берггольц, чьи слова «Никто не забыт, ничто не забыто» высечены на самом известном и почитаемом памятнике жертвам ленинградской блокады, до конца жизни так и не оправилась от последствий сталинского террора. Оба её мужа погибли в 1930-е годы, две дочери умерли совсем маленькими, а третий ребенок, которого она родила в тюрьме, где провела, как запишет в дневнике, «171 день» в 1938 и 1939 годах, появился на свет мертвым. Ольга Берггольц умерла в 1975 году от алкоголизма, с помощью которого она пыталась заглушить терзавшую её боль. «Боль, вино и одиночество», по словам сестры Берггольц, были её спутниками в последние годы жизни (12).

Сколько-нибудь широкие обобщения в отношении политических взглядов бывших гулаговцев также невозможны. Многие жертвы винили в своих бедах всю советскую систему, начиная с Ленина; некоторые из них затем стали известными антимарксистскими диссидентами и религиозными деятелями, как, например, отец Дмитрий Дудко, чьи гуманистические проповеди привлекали в его маленький подмосковный приход как верующих, так и неверующих в 1970-е годы. Другие вернулись из лагеря настолько циничными и ожесточёнными, что уже до конца жизни не смогли поверить ни в какую политику или идеологию. Третьи, как мы увидим, были носителями различных убеждений, породивших широкий идеологический спектр диссидентства 1960–1970-х годов.

Как ни удивительно, но многие выжившие жертвы политических репрессий 1930–1940-х годов, а также дети погибших вступили по возвращении в коммунистическую партию или попытались это сделать. (Приняты были чуть больше половины тех, кто подал заявления.) Причины у них были разные. Для одних, как для многих из почти двадцати миллионов членов партии в 1980-е годы, это был, главным образом, способ получить лучшую квартиру, работу, пенсию и другие государственные блага. Для других это было подтверждение полной реабилитации. Ведь, как написала в заявлении на посмертное восстановление в партии её матери Наталья Рыкова, «судебная реабилитация… без партийной ещё не реабилитация» (13).

Но многие из тех, кто восстанавливался или вступал в партию, делали это из твёрдых политических убеждений. Ветераны партии, исключенные из неё после ареста, как Шатуновская, Снегов, Гнедин, Мильчаков и Копелев, верили в то, что Хрущёв борется против влиятельной оппозиции за возрождение первоначальных, ленинских, ценностей системы, искажённых при Сталине, и хотели поддержать нового лидера. Пронеся веру в советскую революцию через годы Гулага – она помогала им, по их словам, выжить и не сломаться – они, вернувшись, как писала Ольга Берггольц, «шли сначала, / Чтобы получить свой старый партбилет».

Вторая жена Бухарина Эсфирь Гурвич, с которой он состоял в браке с 1920 по 1929 год, была как раз таким человеком. (Его первая жена Надежда Лукина, инвалид, была замучена до смерти в тюрьме, отказавшись оболгать его.) В 1956 году, сразу по возвращении в Москву и воссоединении с дочерью, Эсфирь восстановилась в партии. Она сделала это, потому что «осталась преданной коммунисткой, верящей в правоту дела, которому она посвятила жизнь». Своё освобождение, как и освобождение других старых большевиков, она считала конечным торжеством справедливости. «Люди возвращаются, всё наладится, в это я верю». Только однажды, в конце жизни, в 1989 году, 94-летняя Эсфирь выразила, наконец, сомнение: «Как я оказалась в этой заварухе?» (14).

Среди этих новых партийцев были не только пожилые люди, стремившиеся оправдать политические идеалы своей юности 1920-х годов. Дети унесённых террором родителей, обладатели «испорченных» биографий, также вступали в партию. Они тоже хотели поддержать Хрущёва и тем самым восстановить справедливость в отношении своих родителей. Среди них были мои друзья Рой Медведев, чей отец, офицер Красной армии, был официально реабилитирован на следующий день после знаменитой антисталинской речи Хрущёва 1956 года; Михаил Шатров, потерявший в годы террора много родных; Леонид Петровский, чей отец был расстрелян за связь с Бухариным, а дед был одним из очень немногих старых большевиков, которые избежали ареста; Ка-

мил Икрамов, чей отец проходил по одному делу с Бухариным. Были в их числе и сын расстрелянного генерала Пётр Якир, проведший детство в Гулаге, и Булат Окуджава, ставший позже известнейшим советским бардом.

К началу 1970-х годов большинство из них, протестуя против политики преемников Хрущёва, либо вышли из партии по собственной воле, как Гнедин, либо были исключены, как Копелев, Медведев, Якир и Окуджава. В своём заявлении о выходе из партии Гнедин сказал за всех: «Принадлежность к партии вообще противоречит сложившемуся у меня на склоне лет пониманию жизни общества и смысла жизни личности». Несколько человек в этой связи даже вновь подверглись аресту, но наиболее драматическим этот поворот оказался у Льва Разгона. Остававшийся убеждённым коммунистом и в 1950-е годы, когда он вернулся из лагеря, и в конце 1980-х, в пору прославивших его как писателя антисталинских реформ Горбачёва, Разгон, тем не менее, в 1992 году вышел из КПСС и даже свидетельствовал против неё на организованном постсоветским правительством судебном процессе.

Но подавляющее большинство восстановившихся в партии бывших зеков оставались её лояльными и послушными членами до конца жизни. Самым известным представителем этой группы была Галина Серебрякова, сильная и волевая женщина, два мужа которой, оба видные большевики, были расстреляны, а она сама провела 21 год в Гулаге. Выступая на собрании деятелей культуры, на котором присутствовал Хрущёв, она поблагодарила партию, в ряды которой вновь вступила, и лично её вождя за своё «второе рождение, возвращение к свету из бездны». Для всех жертв, оставшихся «твёрдыми и верными ленинцами», сказала она, «главная трагедия» это не потеря детей и не физические пытки, оставившие «пять шрамов на моей груди», а «судьба пролетарской революции, судьба партии» (15).

В этом своём понимании «главной трагедии» Серебрякова не усомнилась, похоже, ни разу, даже после позорной отставки Хрущёва и сворачивания его антисталинских реформ. Она продолжала писать «правильные» книжки на разрешённую марксистско-ленинскую тематику, которые издавались в стране массовыми тиражами. Это стало причиной презрительного отношения к ней со стороны многих советских интеллектуалов, которые, в отличие от Серебряковой, не пострадали. Это чувство разделяли и некоторые бывшие жертвы, которые считали её представительницей «поколения обманутых», хотя мне думается, её история, как и ряд подобных, были более сложными (16).

Взять хотя бы пример, представляющий для меня особый интерес: возвращение личного секретаря Бухарина Семёна Ляндреса. Подобно Серебряковой и тысячам других жертв, он до конца остался «верующим коммунистом». О послелагерной жизни Ляндреса я узнал от его

сына, чрезвычайно успешного автора детективных и шпионских романов Юлиана Семёнова, своим авантюрным стилем жизни подражавшего Хемингуэю. Юлиан считал, что было бы нечестно ожидать от сталинских жертв поколения его отца и Серебряковой или от их взрослых детей (здесь он, без сомнения, имел в виду себя), что они захотят снова оказаться не у дел, как они определяли жизнь вне партии (17). И с этим были согласны большинство вернувшихся из Гулага коммунистов, хотя и не все.

Это было только одно из многочисленных политических разногласий между выжившими и вернувшимися сталинскими жертвами, как коммунистами, так и беспартийными. В центре нескольких конфликтов был Солженицын. В 1962 году острые споры разгорелись между бывшими зеками по поводу изображения лагерной жизни в «Одном дне Ивана Денисовича»: одни настаивали, что автор изобразил лагеря слишком мягко, другие, что слишком жёстко. Самые крупные разногласия возникли у Солженицына с другим лагерным писателем, поначалу близким ему по духу, таким же «верным сыном Гулага», Варламом Шаламовым. Если Солженицын воспринимал гулаговский опыт как возможность личного и нравственного спасения, то Шаламов не видел в нем ничего, кроме дегуманизации и смерти. По мере того как слава и идейное влияние Солженицына росли, его бывший «брат» всё чаще отзывался о нём как о «лакировщике действительности» и даже, по некоторым сведениям, как о «лживом политическом манипуляторе» (18).

Вздорный и неуживчивый характер Солженицына делал своё дело: так, он разошелся по «идейным» соображениям с близким другом по Гулагу Львом Копелевым и ещё несколькими бывшими зеками, – но были и другие политические конфликты. Евгения Гинзбург, отказавшаяся восстанавливаться в партии, не смогла простить своего товарища по Гулагу Мильчакова, который, по её презрительной оценке, вернул себе не только партбилет, но и доарестное начальственное мышление. Она полагала, хотя это было не вполне так, что «вместе с арестантским бушлатом он сбросил с себя всякое родство с нами» и «аккуратно связал разорванную нить своей жизни. Тугим узелком затянул он кончики, соединил 37-ой с 54-ым и забросил подальше всё, что лежало посередине». И подобные конфликты были не только данью времени. Много лет спустя словесная война вспыхнула между соперничающими организациями бывших зеков по поводу того, какая из них является более подлинной (19).

Конечно, большинство бывших репрессированных, несмотря на разницу в политических взглядах, испытывали ненависть к Сталину, но и здесь случались разногласия. После распада Советского Союза Владимир Карпов, ещё один репрессированный военный, отпущенный из тюрьмы, чтобы воевать с гитлеровской Германией, а впоследствии гла-

ва Союза писателей, и священник Дудко выступили с положительной оценкой роли Сталина в истории советского государства. А ранее маршал Рокоссовский, которому в тюрьме НКВД в 1937 г. сломали ребра и выбили восемь зубов, отказался, как говорили, участвовать в антисталинской кампании Хрущёва, заявив: «Товарищ Сталин мне святой» (20).

* * *

Как бы ни сложились их личные судьбы после освобождения, в своей совокупности миллионы вернувшихся из Гулага были новым важным фактором в жизни советского общества, особенно после обусловленного страхом конформизма сталинского времени. Их общий опыт, общие чаяния и нужды порождали проблемы и конфликты, которые требовали реакции, сочувственной или не очень, со стороны политико-административной системы при Хрущёве.

Когда Евгения Гинзбург написала Клименту Ворошилову, оставшемуся у власти нераскаявшемуся сталинисту: «За эти годы я потеряла всё» (21), – она говорила от лица большинства «возвращенцев». И хотя некоторые из них явно решили наверстать упущенное время, перепробовав и испытав все те немногие удобства и потребительские радости, которые существовали в 1950-е годы – многие, например, ни разу в жизни не посылали телеграмм и не видели телевизора – огромное большинство хотело получить базовые элементы своей новой (или возобновлённой) жизни. К таким элементам относились семья, медицинское обслуживание, квартира, работа или пенсия, а также финансовая компенсация за годы, проведённые в заключении, и возврат конфискованной собственности.

В ответ на это правительство, как правило, предлагало заключить неписаный, но часто озвученный общественный договор: «Мы удовлетворим, в определённых пределах, ваши нужды и оставим вас в покое, а вы не будете предъявлять политических требований и ворошить прошлое». (При освобождении многих гулаговцев предупреждали, что они не должны распространяться о том, что с ними произошло.) В конечном счёте, всё, что постсталинское руководство делало или не делало для выживших жертв, определялось не только политикой и свойствами бюрократической системы, но и скудостью и бедностью, характерными для советской жизни вообще. (В стране не было ни одного дома отдыха для бывших узников Гулага, и только один – в современной России в 2010 году.)

Государственные органы мало чем могли помочь семьям, разорванным и разбросанным по стране за годы массовых репрессий. Некоторым «возвращенцам» они помогли найти родственников, но даже это делали в основном друзья, другие родственники и, в некоторых случаях, Красный крест. Проблема усугублялась тем, что, начиная с 1930-х

годов, НКВД, а затем его преемник, КГБ, предпочитали не сообщать родственникам правду о смерти близких. Чтобы скрыть факт массовых расстрелов, сталинское «правосудие» изобрело фальшивую формулировку приговора: «десять лет без права переписки». На деле это означало, что жертвы уже нет в живых.

Были люди, которые понимали, что означает эта фраза, кто-то со слезами вспоминал строчку Александра Блока о «царских вратах», откуда «никто не придет назад». Порой агент НКВД или прокурор, огласив такой приговор, говорил жене (мужу): «Вы можете снова выходить замуж (жениться)». Но очень многие верили, что их близкие живы, только находятся где-то далеко, в отдаленном лагере. Сестра Антона Антонова-Овсеенко, Галина, сама оказавшаяся в Гулаге в 1940-е годы, была уверена, что отец тоже где-то в лагере, но «у папы нет права переписки». Жена и дочь Александра Аросева только в 1955 году узнали, что он был расстрелян. Даже имевший большие связи Борис Ефимов поверил фальшивым заверениям насчёт брата, которые ему дал лично сталинский палач Василий Ульрих (22). В результате, многие родственники жертв ждали, что те вернутся к ним через десять лет, в 1947–1948 годах, а затем после смерти Сталина в 1953 году. Некоторые жёны, как, например, мать Плисецкой, ждали мужей всю жизнь, но так и не дождались.

Эпопея детских страданий, вызванных террором, также растянулась на долгие годы. Те, кто были достаточно взрослыми, чтобы понимать, что их родители арестованы как «враги народа», сталкивались с мучительным выбором между преданностью семье и собственным будущим в сталинском Советском Союзе. Когда Ольга Аросева узнала, что её старшая сестра, боясь исключения из комсомола, отказалась от отца, она её ударила. Как позже объяснила Ольга, «боль об отце жила во мне все эти годы» (23). Она так и не вступила ни в комсомол, ни в партию, хотя это могло бы способствовать её актерской карьере. Подобные решения подчас навсегда разводили выживших членов семьи, делая их чужими друг другу. Что касается тех детей, кто поверил в виновность отцов и годами доказывал свою лояльность, стремясь «отчистить пятно», то у многих из них хрущёвские разоблачения вызвали чувство стыда за свою жизнь. Другие продолжали скрывать факт ареста родителей в годы террора, причём кое-кто делает это и по сей день (24).

Менее травматичной была история Василия Аксёнова, который, будучи подростком, смог навестить свою мать в ссылке в Магадане. Однако, вернувшись в начале 1950-х годов на «большую землю», он оказался увлечён своими собственными юношескими делами, а его мать ушла с головой в проблемы новой семьи. Отчуждение продолжилось и после её освобождения. Ещё меньшие чувства испытывал Василий, обладавший в ту пору уже всесоюзной славой, к своему вернувшемуся отцу, Павлу Аксёнову, вспоминая, что его отталкивали исходившие от

бывшего зека «нечистые, нечитаемые запахи». Впрочем, годы спустя, Василий всё-таки помирился с обоими родителями. Похожим образом складывались отношения с вернувшейся матерью и у Елены Боннер, будущей жены знаменитого либерального диссидента Андрея Сахарова. В частности, Боннер возмущали попытки матери вновь начать опекать её, чрезмерная увлеченность гулаговским прошлым и встречи с другими бывшими зеками, включая милейшего Игоря Пятницкого (25).

Маленьких детей, попавших в детские дома и интернаты, обычно удавалось отыскать, однако не всегда; порой поиск растягивался на десятилетия и не завершился по сей день. (Воссоединение разлученных террором семей стало темой передачи современного российского телевидения под названием «Жди меня».) Жена забитого в тюрьме до смерти маршала Василия Блюхера, к примеру, уцелела, но так и не сумела разыскать их младшего сына. А некоторые бывшие зеки боялись разыскивать своих детей, потому что считали, что «за многие годы заключения мы все во многом изменились… Как воспримут эти изменения наши семьи, ведь за прошедшие годы наши дети стали взрослыми, как они встретят своих отцов и матерей, которых почти не знают?» (26). К тому же, воссоединение детей и родителей, которые никогда по-настоящему не знали друг друга, требовало болезненных усилий с обеих сторон.

Анна Ларина и её сын Юрий, отнятый у неё годовалым, находились в разлуке почти двадцать лет после её ареста в 1937 году. В 1954 году, узнав, что его мать жива и находится в сибирской ссылке, он написал ей из детского дома письмо: «Дорогая мама!.. Я не всё понимаю в своей жизни. Именно: почему я ушел из своего родного дома? Где мой папа?.. Прошу тебя ответить мне на все эти вопросы». Ответа на эти жизненные вопросы Юрию пришлось ждать до 1956 года, когда он смог поехать к матери в её далекую ссылку, где и выяснил, что его отец – один из основателей Советского государства и всё ещё презренный «враг народа» Николай Бухарин. Через несколько дней мать и сын были уже навсегда связаны родственными узами. А в 1959 году Анна вместе с Юрием и двумя младшими детьми от брака с мужем-гулаговцем вернулась в Москву. (Свою сводную сестру Светлану Юрий нашёл в 1956 году по телефонному справочнику, отправив потом письмо по выбранному адресу: «надеюсь, он действительно твой».) (27).

Однако были и несчастливые воссоединения. Юная дочь одной гулаговки негативно отреагировала на возвращение матери, которая «выглядела, как нищенка», и своими постгулаговскими «настроениями» оттолкнула её ещё дальше. По словам дочери, в душе она так и осталась сиротой. Другая молодая женщина так и не смогла понять, что её мать испытала в лагерях, пока много лет спустя, после смерти бывшей узницы, не оказалась в Магадане и своими глазами не увидела братские могилы в вечной мерзлоте. А Елена Боннер, хотя и сумела, на своём

последующем опыте, ощутить, что выпало на долю её матери, слишком поздно, по её словам, пожалела о «непреодолимом барьере», который существовал между ними. Похожий опыт был и у Булата Окуджавы с его матерью, которая вернулась «совершенно другим человеком» и которой он позже посвятил свой известный рассказ (28).

Как показывают эти примеры, «возвращенцы» часто оказывались не способны восстановить отношения не только с детьми, но и с другими родственниками, оставшимися на свободе. А причиной порой были просто различия, обусловленные временем. Так, сестра Евгении Гинзбург оказалась для неё совершенно чужим человеком и такой, судя по всему, и осталась. Более серьёзной, хотя и реже упоминаемой причиной был резкий контраст между жизнью прожитой и той, что не удалось прожить. Я слышал разные версии выражения этого чувства; довелось его испытать и герою повести Гроссмана «Всё течёт», двоюродный брат которого вернулся из лагеря: «… Его потрясло известие о приезде двоюродного брата, и его собственная жизнь, полная правды и неправды, встала перед ним…». Учитывая этот контраст жизненного опыта, можно только догадываться, как после тринадцати лет разлуки произошло воссоединение двух братьев: зека с многолетним стажем Льва Нетто и его младшего брата, звезды советского футбола, Игоря. «Игоря – героя спорта – славил весь советский народ. Льва – героя войны и героя норильского восстания – и сегодня знают не так много людей» (29).

Суровому испытанию террором подвергся самый сложный вид семейных связей – брачные отношения, причём даже в тех случаях, когда оба супруга, и муж, и жена, оказывались в лагере. Хорошо известный в интеллектуальных кругах факт полного отчуждения – психологического, эмоционального и политического – которое испытали по возвращении родители Аксёнова (оба – убеждённые коммунисты в 1937 году, когда их «взяли»), был лишь одним из множества примеров разрушенных террором браков. Разделённые десятилетиями массовых арестов в деревне, сельские пары также часто оказывались «чужими» друг другу. Возвращение только ставило точку в процессе «распада» и этих семей (30).

Когда же арестован был лишь один из супругов (обычно муж, хотя и не всегда), варианты воссоединения оказывались самыми разными, от счастливого до трагического. (Некоторые опасались возвращаться к супругам, боясь «скомпрометировать их».) Существовали бесчисленные примеры супружеской верности. Жена Евгения Гнедина, Надежда, не только преданно ждала его все десять лет, пока он отбывал срок в тюрьмах и лагерях, но и добровольно отправилась за ним в казахстанскую ссылку, чем подвергла себя значительному риску. Героизм проявляли и некоторые мужья. Один не только ждал жену пятнадцать лет, но и растил все эти годы детей её арестованной сестры. Как вспоминала по

возвращении его жена, по меркам того времени, было бы абсолютно нормально, если бы Адольф снова женился в 1940 году, а дети оказались в детдоме (31).

Но не меньше было и поощряемых властями супружеских отречений, разводов и новых браков. Когда арестовали жену маршала Семёна Будённого, одного из самых известных и бездарных сталинских военачальников, он поспешил отказаться от неё и расторгнуть брак. Многолетний сталинский управделами Александр Поскрёбышев вскоре после того, как его жену забрали, женился вновь. Муж актрисы Татьяны Окуневской отказался от неё, женился вновь, а её мать выгнал из их совместной квартиры. Некоторые жертвы, вернувшись через много лет, обнаруживали, что их супруги сменили фамилии и исчезли вместе с детьми, но не всех это расстраивало. Многие, как герой Шаламова, не хотели возвращаться в семью: «Там никогда меня не поймут, не смогут понять… То, что я видел, – человеку не надо видеть и даже не надо знать» (32).

Женщины, оставшиеся без мужей, были особенно уязвимы в условиях суровой советской действительности. Двери всех «приличных» квартир, писала ещё одна великая мемуаристка и вдова, Надежда Мандельштам, прочно захлопывались перед их носом. Горбачёв вспоминал, как после ареста своего деда, ставропольского крестьянина, «жил в этом чумном, в доме “врага народа”, и родственники и близкие не могли ходить в него, иначе вслед за дедом бы пошли» (33). Многие оказывались не в состоянии найти работу, чтобы прокормить себя и детей. И всё-таки значительное число женщин, подобно жене Гнедина, хранили верность мужьям, часто даже не зная, живы ли они. Такая преданность не всегда вознаграждалась. Нуждавшиеся в поддержке в новых условиях и не имевшие сведений об оставленных жёнах, мужчины в смешанных лагерях и в ссылке часто обзаводились новыми подругами. Когда одна женщина, прождав мужа десять лет, обнаружила, что он живёт с другой, она его не простила: «…Пережив столько за десять лет, борясь самой со столькими трудностями, можно ли было рассчитывать на какую-то мужскую опору? Нет и нет!» (34).

Влияние террора на брачные союзы оказывалось часто столь глубоким, что трудно было возложить ответственность на кого-либо за их распад. Жены порой винили арестованных мужей, а не сталинскую систему за пятно, которое легло и на их жизнь тоже. Жена Шаламова бросила его, чтобы избежать тени Гулага, но и он, ставший после лагеря совсем другим, не захотел к ней возвращаться. Наталья Решетовская, первая жена Солженицына, пока он находился в заключении, снова вышла замуж, но вернулась к нему после его освобождения. «Снова дома, всё забыто», – думали друзья, но не всё было так просто. «Верный сын Гулага» в своём творчестве, Солженицын оставил Решетов-

скую ради другой женщины (35). (Отсюда горькое напутствие Решетовской, чтобы я берёг её мемуары «от КГБ и от друзей Александра Исаевича».)

Многие вернувшиеся, обнаружив, что их никто не ждёт, вскоре женились снова. (Насмотревшись на своих лагерных друзей, которые по нескольку дней оставались лежать там, где настигла их смерть, Евгения Гинзбург, вышедшая повторно замуж в 63 года, объясняла: «В замужестве помрёшь, сразу похоронят!..».) (36) Очень часто новые супруги также были жертвами репрессий, как, например, в случаях Анны Лариной, Игоря Пятницкого, Льва Разгона, Юрия Айхенвальда, Петра Якира и Антона Антонова-Овсеенко. Иногда такие отношения завязывались в Гулаге, но нередко становились следствием того взаимопонимания, которое могло сложиться только между бывшими зеками. Вот почему многие дети жертв также женились между собой, подчас вызывая беспокойство родителей, как было в случаях Ирины Якир и барда Юлия Кима, Шатрова и его первой жены, Аросевой и её первого мужа, дочери Копелева Лены.

Мужчины часто предпочитали связывать свою судьбу с молодыми женщинами, которые могли дать им то, что забрал Гулаг, в том числе детей. Солженицын оставил Решетовскую ради женщины, моложе его на двадцать два года. Похожая ситуация была у Алексея Снегова, чья политическая роль в хрущёвской политике будет очерчена в следующей главе. Ещё один бывший зек, проживший до девяноста с лишним лет, Олег Волков, возможно, выразился от лица большинства таких немолодых мужчин: «Молодая женщина сумела внушить 60-летнему… веру в его возможности, создала условия, позволившие забыть о возрасте и с молодой энергией окунуться в работу» (37). Напротив, очень многие вернувшиеся из лагеря женщины, по понятным причинам, так и остались одинокими, пополнив ряды вдов и незамужних женщин послевоенного времени.

Конечно, государство не имело отношения к этим интимным аспектам жизни «возвращенцев», но немного оно сделало и для того, чтобы помочь бывшим жертвам, страдавшим от психологического «постлагерного синдрома». Подобно жертвам Холокоста, многие бывшие зеки жили, терзаемые воспоминаниями, ночными кошмарами и ежедневными отзвуками той своей страшной жизни. Одна бывшая гулаговка, внешне вполне приспособившаяся к мирной жизни и дожившая до девяноста лет, умирая, поднялась на своей постели с криком, что ей нужно идти, её конвой ждёт (38). Она была не единственная, кто не смог забыть. Ежедневные напоминания о пережитом ужасе: громкий шум, внезапный стук в дверь, грубый тон чиновничьего голоса, – могли вызвать приступ паники у бывших гулаговцев, но советская психиатрия этого состояния не признавала. Кто-то из бывших зеков искал успокое-

ния в общении с узким кругом себе подобных, которые были им «как семья», а некоторые даже испытывали «ностальгию» по гулаговскому братству, основанному на совместной борьбе за выживание (39). Многим ли из них удалось обрести душевный покой – неизвестно.

Что касается материальных нужд «возвращенцев», то, несмотря на принятые при Хрущёве законы, мало кому из зеков была выплачена финансовая компенсация за годы страданий и лишений. Стандартная официальная выплата составляла лишь два месячных оклада (по доарестным ставкам). Личные вещи, конфискованные при аресте или вынесении приговора, тоже, как правило, к ним не вернулись, хотя кое-кому удалось получить частичную компенсацию по суду (40). Некоторые из моих знакомых бывших зеков не получили назад даже семейные фотографии. У Анны Лариной не было ни одного её совместного снимка с Бухариным, хотя их родственник, известный фотограф-портретист, в своё время сделал их множество. (После бухаринского ареста сын фотографа уничтожил все негативы.) У Икрамова на память о любимом отце осталась только шляпа, сбережённая его бывшей няней, по поводу чего его жена заметила: «Что же это за страна такая, когда от человека остаётся одна панамка?».

Жертвы и их родные часто спрашивали, что стало с тем огромным количеством личных вещей, которые были конфискованы в годы сталинского террора. «Интересно, как они, эти убийцы делили между собой вещи, мебель, посуду, обувь, утварь жертв своих? – задавалась позже вопросом Майя Плисецкая. – Ночами, или на рассвете, или посеред дня? Пялили ли на себя их жирные жёны чужие ношеные одежды или таскали на базарную толкучку?» (41).

Сегодня мы знаем. Многие личные вещи пропали во время сумбурных обысков, которыми сопровождались массовые аресты, или сгорели в печах тюремных котельных, как случилось с неопубликованными работами Исаака Бабеля, известного генетика Николая Вавилова, а также Бухарина, одна из последних рукописей которого до сих пор не найдена. Как отмечали наблюдатели, закопченная труба тюрьмы НКВД на Лубянке день и ночь «посыпала Москву пеплом сожжённых рукописей» (42). Сотни таких же печей провинциальных лубянок, без сомнения, делали то же по всей стране.

Но многое было присвоено сотрудниками НКВД. В Москве грабеж носил хорошо организованный характер. (На Лубянке была замечательная библиотека, основу которой составляли конфискованные книги.) В те годы, когда основная масса населения жила очень скромно, лубянские начальники с радостью перевозили семьи в обставленные хорошей мебелью квартиры своих жертв. Их подчиненным доставались предметы помельче, которые скапливались на складах НКВД либо продавались через специальные магазины, разом возникшие в Москве и других крупных городах в конце 1930-х годов. (Пятьдесят лет спустя

вдове Бухарина анонимно вернули несколько фарфоровых изделий с его инициалами, произведённых в 1920-е годы в его честь. А одна из пропавших картин Бухарина, купленная американским туристом в московском антикварном магазине в 1989 году, обнаружилась в Орегоне.) Большинство новых владельцев «арестованной собственности» явно не ощущали никакой вины, а только «истинную, тайную, манящую близость к року и божественному промыслу» (43).

В провинции, где оперативными работниками НКВД были в основном грубые молодые люди, наскоро набранные на службу из детских домов, мародерство было более спонтанным и хаотическим. Даже во время формальной процедуры «обыска и ареста» они дрались за любую найденную вещь, от денег, ламп и кухонной утвари до поношенной одежды (44). «Конфискации» были настолько распространённым явлением, что люди, опасавшиеся ареста, порой прятали вещи или отдавали друзьям. Большая часть их также пропала, но были исключения. Несколько картин Бухарина и фотографий бывшего предсовнаркома Рыкова, тайно хранившиеся у друзей и родственников с 1937 года, дождались возвращения Анны Лариной и дочери Рыкова Натальи. А семейные документы, которые один из репрессированных руководителей Абхазии (входившей тогда в состав Советской Грузии) накануне ареста спрятал под половицей в своей квартире, через двадцать лет извлек на свет родственник, знавший о секрете (45).

Один эпизод отразил произвольный и циничный характер процесса «конфискаций». Прокурор Андрей Вышинский, главный обвинитель на сталинских показательных процессах 1930-х годов, присвоил себе дачу, участок земли и деньги одной из своих жертв – видного партийного и государственного деятеля Леонида Серебрякова. Когда процесс Серебрякова был ещё в разгаре, Вышинский, заранее зная результат, начал «легальное» переоформление собственности. Умер Вышинский в 1954 году (в Нью-Йорке, где он был советским послом в ООН), но когда чуть позже дочь Серебрякова вернулась из Гулага, семья Инквизитора всё ещё проживала на её даче (46).

Тем не менее, самые насущные потребности жертв сталинского террора советское правительство при Хрущёве удовлетворило. Большинство бывших репрессированных получили жильё, работу или пенсию, право на медицинское, в частности, стоматологическое обслуживание (последнее было особенно важно в силу распространенности цинги и других заболеваний зубов и десен, вызванных неправильным питанием) и другие скромные привилегии, которые давала система советского соцобеспечения. Некоторым поначалу достались тесные комнаты в коммунальных квартирах, но впоследствии, по мере роста темпов жилищного строительства при Хрущёве, они получили отдельные квартиры. А пенсионная реформа 1956 года расширила понятие трудового стажа, включив в него (по умолчанию) годы принудительного труда (47).

Восстановление этих преимуществ полноправного гражданства не было ни автоматическим, ни легким делом. Будучи осуждёнными «по закону», бывшие репрессированные нуждались и в официальном снятии обвинения, или «реабилитации», которую справки об амнистии и освобождении, как правило, не давали. Без этого статуса многие жертвы не могли получить «чистый» внутренний паспорт, дающий право на проживание в крупных городах, даже если они там жили до ареста. Обретение заветной справки о реабилитации, которая обычно фиксировала отсутствие состава преступления и которая должна была перечеркнуть их «тёмное прошлое» (или «тёмное прошлое» их погибших родственников), оборачивалось ещё одной бюрократической волокитой (48).

И здесь опять-таки проще было тем, кто мог рассчитывать на влиятельную поддержку. Активными «ходатаями» за пожилых коммунистов обычно выступали немногие избежавшие репрессий большевики «ленинской гвардии»: Григорий Петровский, Елена Стасова, Глеб Кржижановский и Вячеслав Карпинский. Все они были по-своему трагическими фигурами. Некогда близкие соратники Ленина, они оказались свидетелями того, как большинство их (и его) товарищей, в невиновности которых они были уверены, были объявлены предателями, убийцами, саботажниками и казнены. Мы можем только догадываться, какие смешанные чувства – страха, облегчения, вины – терзали их всю долгую жизнь на свободе при Сталине.

Судьба Григория Петровского была особенно трагичной. Оба его сына были убиты в 1941 году: старший, бухаринский соратник Пётр, был расстрелян в провинциальной тюрьме вскоре после германского вторжения, а младший, командир Красной армии, погиб на фронте. Их мать Доменика, не вынеся потери, скончалась месяц спустя от сердечного приступа. Сам Петровский ещё до этих событий имел «жёсткий» разговор со Сталиным, после которого был смещен с поста председателя ЦИК Советской Украины. Он оставался одиноким и безработным, до тех пор пока старый друг, директор московского Музея революции, не устроил его к себе заместителем.

Эту должность Петровский бессменно занимал – если не считать военной поры, когда он сопровождал в эвакуацию тело Ленина – до смерти Сталина, по мере сил стараясь помогать овдовевшей невестке и маленькому внуку. Сталинские власти не разрешили им жить вместе с Петровским, поэтому он нашёл им временное пристанище в провинциальном детском доме, куда невестку взяли учителем, а внука – воспитанником. В конце концов, Петровский сумел забрать их обратно в Москву, где они получили комнату и где будущий историк и диссидент Леонид Петровский пошёл учиться на токаря (49). После сталинской смерти Григорий Петровский, вернув свой статус одного из «ближай-

ших ленинских соратников», начал помогать вернувшимся из Гулага коммунистам получать справки о реабилитации и льготы.

Свои высокопоставленные ходатаи были и у репрессированных деятелей культуры. За них хлопотали сумевшие избежать террора известные писатели, такие, как Илья Эренбург, Константин Симонов, Александр Твардовский и даже – до своего самоубийства – бывший сталинский литературный комиссар Александр Фадеев. Не меньшее значение имела посмертная реабилитация крупнейших представителей советской культуры, погибших в годы террора, так как их статус «врагов народа» накладывал запрет и на их выдающиеся, новаторские произведения.

Так было в случае с театральным режиссером Всеволодом Мейерхольдом, рассказ о пытках которого приведён в начале этой книги. В 1955 г. ходатайство о его реабилитации попало в руки нового прокурора Бориса Ряжского. Молодой, неопытный идеалист Ряжский к тому времени уже пережил потрясение, когда пересматривал следственные дела видных политических жертв репрессий, в том числе, когда увидел кровь на страницах собственноручно подписанного признания одного из заключённых. Дело Мейерхольда, однако, подразумевало знание культурного мира 1920-х годов, о котором Ряжский не имел никакого представления. Результатом его отчёта, в итоге, стала не только полная реабилитация Мейерхольда, но и открытие для себя тех, по большей части ещё запретных лет, сделанное с помощью Эренбурга и других уцелевших творческих деятелей той эпохи (50).

Чтобы преодолеть ведомственную оппозицию своей реабилитационной политике, Хрущёв дал Ряжскому и ряду других молодых прокуроров «зелёную улицу», открытый доступ к любой информации в особых делах. Однако большинство сталинских жертв, живых и мёртвых, не были столь выдающимися или удачливыми. Для них обретение заветной бумажки оставалось длительным, мучительным процессом, часто зависевшим от воли бездушного чиновника. Тем не менее, за десять лет правления Хрущёва (1954–1964) от 700 до 800 тысяч жертв сталинских репрессий были официально реабилитированы (51). Миллионам других пришлось ждать ещё двадцать лет – до прихода нового советского лидера-реформатора.

* * *

По сравнению с двумя последующими десятилетиями, хрущёвское руководство благоволило бывшим репрессированным, но отношение к ним снизу, со стороны бюрократического аппарата и общества, было далеко не однозначным. Среди чиновников встречались те, кто сочувствовал сталинским жертвам и оказывал поддержку, но многие смотрели на вчерашних зеков «с подозрением». Партийное начальство называло реабилитацию «тухлой» и не доверяло людям с «нечистым»

прошлым. (Особенно «нечистыми», в их глазах, были уцелевшие родственники основателей Советского государства, заклейменных Сталиным архиврагами народа, в том числе вдова и дети Бухарина и дочь Рыкова Наталья.) «Клеймо снято, а пятно осталось», – эти слова одного чиновника, обращенные к реабилитированному зеку, вероятно, выражали позицию многих (52).

Эти партийные и государственные функционеры ставили препоны на всём пути их возвращения, от освобождения до реабилитации. Даже в тех случаях, когда закон был на стороне зеков, бюрократы зачастую отказывались выдавать им необходимые документы, суды выносили решения не в их пользу, государственные чиновники отклоняли их обращения, академические начальники тормозили их исследования, а секретари парткомов наказывали издателей, одержимых «манией борьбы за справедливость». Какой бы ни была политика хрущёвского руководства наверху, чиновники внизу обладали достаточными административными полномочиями, чтобы чинить вред. Один бывший зек настолько отчаялся найти работу, что попытался снова попасть в Гулаг, а поэт Анна Баркова, и так отсидевшая два срока, была отправлена обратно единственно из чиновничьей вредности (53).

Реакция общества также не была единодушной. Вернувшиеся зеки рассказывали много случаев проявления радушия и участия к ним, причём не только со стороны друзей и близких, но и посторонних людей, которые давали им приют, одежду, еду, деньги. Нарождающаяся либеральная интеллигенция и образованные молодые люди видели в них «нечто романтическое», «факелоносцев правды и чистоты» и принимали, «как героев» (54). Так, упомянутая мною ранее нашумевшая публикация о Евгении Гнедине была озаглавлена «Герой поэмы».

Однако многие рядовые граждане отнеслись к бывшим зекам с нескрываемой враждебностью и подозрительностью – как, видимо, и много лет назад, когда их только арестовывали. Плисецкая вспоминала, как была потрясена, когда дворничиха, наблюдающая за арестом её отца, воскликнула: «Скорее бы вас всех перестреляли, сволочи проклятые, враги народа», – и это была не уникальная реакция. Сталин умер, но после десятилетий идеологической обработки, он остался жить, как тогда говорили, «внутри нас». Даже официальная реабилитация не могла оправдать бывших «врагов народа» в глазах людей, которые были уверены, что «дыма без огня не бывает». Усилению этих распространенных настроений после сталинской смерти во многом способствовал мощный всплеск преступности, сопровождавший массовую амнистию 1953 года (55). Разницы между освобождёнными уголовниками и политическими заключёнными многие советские граждане не видели.

Одна социальная группа имела все основания для опасений. К сталинскому террору, длившемуся почти четверть века, так или иначе были

причастны миллионы людей – от партийно-государственных аппаратчиков, которые исполняли приказы Сталина, и сотен тысяч, если не миллионов, сотрудников НКВД, которые арестовывали, охраняли, пытали и расстреливали жертв, до бесчисленной армии стукачей и охочих до клеветы добровольных доносчиков, ставших естественным порождением кровавой чумы. Миллионы других оказались причастны косвенно, унаследовав должности, квартиры, собственность, а иногда и семьи (жён и детей) своих сгинувших сограждан. Два поколения советских людей строили свою жизнь и карьеру, опираясь на последствия террора, который не только уничтожал людей, но и «портил живых» (56).

Конечно, были советские люди, которые, несмотря на всепроникающий и парализующий страх, противились соучастию в терроре. Были школьные учителя, которые переносили экзамены школьникам, психологически травмированным арестом родителей. Были многочисленные «прекрасные люди», как вспоминал Шатров, которые давали приют сиротам. Были начальники, которые брали на работу жён/мужей «врагов народа». Были жители маленьких городов и деревень, которые запечатывали в конверты и отправляли письма заключённых, в отчаянии нацарапанные ими и выброшенные из вагонов гулаговских поездов. Была женщина-врач, добровольно работавшая в госпитале на Колыме. Была вдова советского классика Максима Горького, Екатерина Пешкова, помогавшая заключённым, пока её благотворительную организацию не закрыли в 1938 году. Даже среди прокуроров, следователей и лагерных охранников встречались те, кто проявлял сочувствие к жертвам репрессий (57).

Было много заслуженных, занимающих высокие позиции деятелей науки и культуры, которые, с риском для себя, бросались спасать своих арестованных коллег. Их усилия обычно были тщетны, и частенько они сами становились жертвами, но не всегда. Физик-ядерщик Пётр Капица, сам ходивший по краю, обратился напрямую к Сталину, чтобы заступиться за своего юного протеже Льва Ландау. Оба учёных выжили и в 1960-е годы получили Нобелевские премии. Многие коллеги и друзья Льва Зильбера также ходатайствовали за него перед руководителями страны и самим Сталиным. С не меньшим риском для себя выдающийся биолог Владимир Энгельгардт, вероятно, спас жизнь Таниному отцу Александру Баеву. Благодаря покровительству Энгельгардта, вместо тяжёлых принудительных работ Баеву было позволено работать в лагере врачом. В свою очередь, Баев как врач спас жизни многих других зеков (58).

Однако к 1956 году, когда возвращение из Гулага превратилось в массовый исход, стало очевидно, что в стране назревает глубокий конфликт между двумя группами населения – жертвами и палачами. Как провидчески писала Ахматова, чей сын был освобождён в том самом

году, «теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». Первые «дрожат за свои имена, должности, квартиры, дачи. Весь расчёт был: оттуда возврата нет» (59).

Повсеместные конфликты были неизбежны. Большинство освобождённых пассивно приняли государственную помощь, но значительное число жертв требовали большего – реальной компенсации, более крупных политических разоблачений, официального наказания виновных. Некоторые пробовали действовать, в том числе подавали иски в суд, а позднее организовывали публичные кампании по изобличению тайных агентов и информаторов Лубянки. Другие мечтали о мести в духе графа Монте-Кристо. В лагерях эта история из французской жизни начала девятнадцатого века многократно пересказывалась знатоками для тех, кто роман Дюма не читал.

На деле, впрочем, мало кто решался на подобные крайности. Братья Рой и Жорес Медведевы выследили человека, в своё время написавшего донос на их отца. Теперь он был профессором того же самого Ленинградского университета, где учился Рой. Братья тайком изучили его карьеру и всюду следовали за ним по пятам, но – не более того. Александр Мильчаков вскоре после своего освобождения как-то оказался один у двери кабинета Лазаря Кагановича, близкого сподвижника Сталина в деле террора. Он хотел было ворваться к нему, но прошёл мимо. Их сдержанность не означала прощение. Лев Разгон утверждал, что ко времени возвращения из Гулага его ненависть, злость и желание мести прошли. Но 35 лет спустя, видя, как безжалостно преследует он палачей в своих произведениях, один наш общий друг вспомнил графа Монте-Кристо. К теме Монте-Кристо не раз возвращался в биографии своего отца и Камил Икрамов, которого один друг назвал «самым добрым человеком из встреченных мною в жизни» (60).

В то же время, некоторые жертвы считали, что «не виноват никто» – позиция, до сих пор дебатируемая в современной России, – поскольку сталинский террор лишал людей выбора. Этот взгляд, возможно, помогает объяснить два нетипичных случая из истории террора и его последствий. В 1950-е годы между младшим сыном одной из главных сталинских жертв Юрием Томским и дочерью покойного диктатора Светланой возник короткий, но успевший наделать шума роман (61). Когда весть о нём дошла до кругов бывших гулаговцев, некоторые из них были возмущены поведением Томского, тоже бывшего зека.

Более долгие отношения связывали актрису Ольгу Аросеву с ещё одним ближайшим сообщником Сталина, Вячеславом Молотовым. Сначала юная Аросева не могла простить Молотову, что он бросил её отца, которого продолжал называть своим «очень близким другом», а также её саму, её сестру и мать. Но затем, благодаря тёплым отношени-

ям с женой Молотова Полиной (читатели помнят историю с её арестом и ранним освобождением), Аросева его почти простила и пожелала ему долгих лет жизни. Когда 96-летний вдовец Молотов скончался в 1986 году, она помогала организовать его похороны (62).

Годы спустя я лично был свидетелем одного ещё более необычного примера прощения. В начале 1990-х годов мне удалось отыскать дочь человека, который в 1937 году допрашивал Бухарина в тюрьме на Лубянке, а позже сам был репрессирован и расстрелян. По обоюдному желанию двух женщин, я познакомил её с бухаринской вдовой, Анной Лариной. Перед встречей дочь следователя, которой было уже за шестьдесят, очень волновалась, но Анна Михайловна сразу же успокоила её словами: «Они оба были жертвы». Однако не следует делать обобщающих выводов из этого случая. Очень мало кому из бывших зеков, помимо Лариной и её друзей Гнедина и Икрамова, которые «не хотели мести», не хотели, чтобы «дети и внуки палачей… становились палачами или жертвами палачей», были свойственны подобные великодушие и отсутствие озлобленности. Гораздо больше было тех, кто разделял мнение Антонова-Овсеенко, что различие между «жертвами и палачами» является абсолютным и «вечным» (63).

По мере того как жертвы Гулага возвращались домой, их столкновения с палачами становились всё более частыми. Иногда жертвы сами искали этих встреч, стремясь оказаться лицом к лицу, к примеру, с 55-летним Александром Фадеевым, бывшим главой советского Союза писателей. Красивый, импозантный мужчина, некогда талантливый писатель, он служил, по его собственному выражению, «сталинским сатрапом», даже вошёл в состав ЦК партии, в то время как десятки писателей, которых он знал лично, сгинули в Гулаге. И вот теперь некоторые из них, внезапно вновь возникнув, искали с ним встречи.

Одни приходили просто в надежде на помощь. (Известно, что Фадеев, не входивший в число худших сатрапов Сталина, был способен на добрые поступки.) Однако хрущёвские разоблачения на XX съезде партии в феврале 1956 г. вынесли «суровый приговор» жизни Фадеева, и встречи с выжившими жертвами только усугубляли его. Вот, например, письмо, полученное им от одного писателя, который провел девятнадцать лет в Гулаге: «На днях я вернулся оттуда, откуда не все возвращаются… Сам я тоже, конечно, не тот уже Ванька Макарьев, которого ты знал, а больной и искалеченный старик» (64). Что именно заставило Фадеева выстрелить в себя в мае 1956 года, неизвестно. Одним из факторов был хронический алкоголизм, но и возвращение жертв сыграло свою роль.

Впрочем, чаще всего встречи носили характер случайных столкновений в публичных местах. Так, один бывший репрессированный упал замертво, столкнувшись лицом к лицу со своим бывшим следователем,

зато другой в подобной ситуации увидел «страх смерти» уже в глазах своего мучителя. Одну бывшую доносчицу парализовало после встречи с жертвой. Неприятные встречи происходили в профессиональных учреждениях, где «возвращенцы» неизбежно сталкивались с коллегами, которые, как они знали, приложили руку к их аресту и которые (во всяком случае, некоторые из них) теперь занимали руководящие посты. Реагировали все по-разному: один бывший зек плюнул в лицо доносчику, другой отказался пожать руку, третий сделал вид, что не узнал (65). Таковы последствия возвращения жертв террора на низовом уровне, но нечто подобное происходило и в верхах советской политической системы.

* * *

Нельзя не обратить внимания ещё на одно важное последствие «великого возвращения», имевшее ту же политическую направленность. Даже в условиях жесткой, карательной цензуры жизненные испытания такой глубины и значимости неизбежно должны были найти художественное воплощение. Стихийное просачивание так называемой «лагерной темы» из недр советского общества сначала в неофициальную, а затем и в официальную культуру было одним из важных процессов, характеризующих хрущёвскую оттепель. Изучаемая сегодня гораздо шире, чем в конце 1970-х – начале 1980-х годов, когда я впервые познакомился с ней в Москве, гулаговская культура охватила самые разные области, от языка, музыки и литературы до живописи и скульптуры.

Зеки, возвращавшиеся из «малой зоны», как они называли лагерный архипелаг, в «большую зону» советского общества, несли с собой особый жаргон, принятый в Гулаге, но запрещённый к употреблению в публичной речи при Сталине. Некоторых коробила его грубость и очевидная романтизация блатного мира, но я слышал, как эти выражения буднично звучали в речи многих москвичей, особенно интеллектуалов и молодых людей. (Вскоре появились целые словари этого языка.)

Распространению гулаговской лексики способствовали также блатные песни, которые, по выражению наблюдателя, «шагали вслед за реабилитированными в города». Их исполняли или адаптировали популярные барды, в числе которых были и сыновья жертв террора Булат Окуджава и Юлий Ким. Ни одной из песен в те годы не удавалось миновать официальной цензуры, но благодаря «магнитофонной революции» молодёжь без опыта непосредственного соприкосновения с террором распевала и песни Кима о «стукачах», и строчки типа «Будь проклята ты, Колыма, / Откуда возврата уж нету» (66). (Кстати, одно музыкальное возвращение имело официальный эффект. «Реабилитируем саксофоны», – заверил джазмена Эдди Рознера министр культуры.) (67).

Визуальное искусство, в отличие от языка и музыки, было менее портативным, а значит, его проще было запретить. Но, судя по тому, что я сам видел и слышал, уже в те годы немалое количество картин, графики и даже скульптур на тему Гулага можно было увидеть на закрытых выставках в квартирах, студиях или, как в одном случае, на лужайке перед домом зека, оставшегося жить в Сибири (68). В техническом и жанровом отношении эти работы – практически все они были выполнены самими бывшими зеками – отличались значительным разнообразием: от больших масляных холстов, изображающих аресты и лагерный быт, до мелких карандашных зарисовок истязаний нагих женщин-заключённых. Ефросинья Керсновская проиллюстрировала рисунками едва ли не каждый эпизод своих объёмных мемуаров о жизни в лагерях и после. О существовании подобного искусства в определённых кругах было известно уже на рубеже 1960–70-х годов, однако первые публичные выставки, состоявшиеся в конце 1980-х годов, стали сенсацией (69).

Одновременно свои переживания бывшие зеки начали излагать в прозе и поэзии. В основной своей массе эта литература оставалась частью андеграундной, или «катакомбной», культуры до времён Горбачёва – но не вся. Небольшой ручеёк произведений на гулаговскую тему, центральное место в котором занимал «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, просочился в официальную печать уже вскоре после знаменитой речи Хрущёва 1956 года – задолго до того потока, который хлынул после его же антисталинистских разоблачений конца 1961 года. К середине 1960-х годов лагерная литература выросла в особый, мощный жанр, ставивший ребром нелегкие вопросы о прошлом и настоящем страны – о её «страшной и кровоточащей ране», как признала даже советская правительственная газета (70).

Ни одно из этих социальных явлений, имевших место после 1953 года, не может быть понято в отрыве от того, что по-прежнему являлось жестко-репрессивной политической системой. Чтобы иметь более заметное влияние на общество, эти процессы должны были быть инициированы на самом верху. В то же время, социально-культурное измерение возвращения жертв сталинизма было таково, что оно создавало давление «на нижних этажах», которое требовало от «верхних этажей» реакции более радикальной, чем замечания Хрущёва на партийном съезде. Но даже эти осторожные разоблачения породили, как показали позже архивные документы, «стихийную волну протеста и надежды, мольбы и веры в восстановление попранной справедливости». Когда же в начале 1960-х годов ожидаемая реакция последовала, этот «гул подземных пластов» (Солженицын) оказался важным фактором в развернувшейся политической борьбе, определившим не только её причину, но и глубину противоречий между сторонами (71).

Глава 4

Взлёт и падение «хрущёвских зеков»

> Это он, Хрущёв, открыл и Якира, носился с ним, поощрял его. Он открыл и поднял Солженицына – этого подонка общества.
>
> *Михаил Соломенцев,*
> *заседание Политбюро, 1972 год*

> Солженицын сидел в своё время в тюрьме, отбывал наказание за грубое нарушение советского законодательства и был реабилитирован. Но как он был реабилитирован? Его реабилитировали два человека – Шатуновская и Снегов.
>
> *Леонид Брежнев,*
> *заседание Политбюро, 1974 год*

Александр Солженицын, описавший свой лагерный опыт в романе, который принёс ему Нобелевскую премию и мировую известность, был не единственным из выживших обитателей «Архипелага», кто заслуживает нашего внимания. Мало кто знает, но при Хрущёве вернувшиеся из Гулага зеки играли значительную роль в политике. Некоторые из них серьёзно повлияли на политику Кремля и тем самым помогли спасти жизни тысяч других жертв террора.

Правда, в отличие от ряда других коммунистических стран, в Советском Союзе ни один из деятелей, переживших репрессии и чистки, не вернулся в политическое руководство страны. Об этом задолго позаботился Сталин, уничтожив всех, кто потенциально мог это сделать. Только Александр Мильчаков, в своё время возглавлявший всесоюзный комсомол, мог бы претендовать на высокое политическое назначение, но сердечный приступ в 1956 г. оборвал эти ожидания. Ряд «возвращенцев» получили должности в руководящем аппарате партии, но в основном в низовых звеньях – то ли по состоянию здоровья, то ли потому что «пятно осталось». Некоторым, по их словам, доверяли, но, как Вилли Ломану из пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера», – не вполне доверяли (1).

Многие бывшие зеки, тем не менее, сумели по возвращении занять номенклатурные посты, некоторые даже выбились в *начальники*. Среди них были маршал Рокоссовский и несколько генералов, покоритель космоса Королёв, академик Баев. Другие возглавили престижные академические институты, в частности, экономики и мировой литературы.

Директор ИМЛИ Борис Сучков, например, был не только бессменным главой института с 1966 года до своей смерти в 1974 году, но и членом-корреспондентом Академии наук и лауреатом Ленинской премии. Даже директором музея легендарного крейсера «Аврора» был бывший зек Борис Бурковский, знакомый Солженицына по Гулагу (2). В 1970-е годы я часто спрашивал своих знакомых разных профессий, есть ли среди их начальства кто-то, кто сидел при Сталине, и многие отвечали утвердительно.

Но наиболее важную политическую роль играла немногочисленная группа бывших гулаговцев, неожиданно объявившаяся близ центра кремлевской власти. Ольга Шатуновская и Алексей Снегов до репрессий были партийными руководителями среднего уровня, а Валентина Пикина – секретарем ЦК комсомола. Освободившись одними из первых, в 1953–1954 годах, они, теперь пятидесятилетние, благодаря личным связям с Хрущёвым и его ближайшим союзником Микояном, быстро оказались в окружении двух лидеров.

В 1970-е годы, когда я начал заниматься этим проектом в Москве, Шатуновская и Снегов уже давно были не у дел, но продолжали оставаться легендарными фигурами в кругу бывших гулаговцев из числа моих знакомых. О них говорили, иногда с выражением личной признательности, как о героях, даже спасителях. Оба в дальнейшем стали ценными источниками для бесцензурных книг об истории террора, написанных Роем Медведевым и Антоном Антоновым-Овсеенко. Вместе с Пикиной и некоторыми другими их называли «хрущёвскими зеками», причём этот термин был в ходу как у сторонников, так и у ненавидевших их противников Хрущёва.

Было очевидно, что Хрущёв с Микояном доверяют этим недавно реабилитированным «врагам народа» больше, чем сталинистам, которые продолжали доминировать в партийно-государственном аппарате. В 1955 году по личному распоряжению Хрущёва Шатуновская и Пикина заняли должности в КПК – Комитете партийного контроля ЦК, главном юридическом органе партии, осуществлявшем надзор за процессом реабилитации. Снегов и ещё один «возвращенец», Евсей Ширвиндт, оказались в руководстве Министерства внутренних дел, которому подчинялся Гулаг (по определению сына Хрущёва, Снегов был «комиссаром» его отца в МВД), а Александр Тодорский, бывший до лагеря офицером, получил звание генерал-лейтенанта и «брошен» на реабилитацию жертв сталинского террора в армии (3). Другие реабилитированные гулаговцы, как мы видели ранее, вошли в состав выездных комиссий по освобождению, направленных в 1956 году в лагеря.

Шатуновская и Снегов были самыми влиятельными и самыми «неукротимыми», как выразился о Шатуновской один писатель, из всех «хрущёвских зеков». Оба прожили долгую жизнь: Снегов умер в 1989

году, Шатуновская годом позже, – но при этом остались малоизвестными персонами. О Снегове сохранились лишь устные рассказы и несколько фрагментарных мемуаров и архивных документов (4). Больше информации имеется о Шатуновской. Известно, что при Горбачёве она сама публично рассказала часть своей истории. После её смерти семья опубликовала мемуары, которые она тайком наговорила на магнитофонную ленту, а её друг, Григорий Померанц, независимый философ и сам бывший репрессированный, написал книгу о её жизни и деятельности. В ней Шатуновская представлена, пускай несколько необъективно, «одной из самых замечательных женщин в политической истории России» (5).

В частных беседах и в переписке Шатуновская и Снегов, как позже вспоминали сыновья Хрущёва и Микояна, «открыли глаза» обоим лидерам на масштаб и ужасы сталинского террора. В силу той роли, которую они играли, «Снегов и Шатуновская, – писал сын Хрущёва, – стали первыми в российской истории уполномоченными высшей властью наблюдателями за соблюдением того, что сейчас называют «правами человека»» (6). Это они, два бывших зека, вставших на сторону Хрущёва, подтолкнули его издать указ о немедленном освобождении ссыльных, а затем помогли убедить нового партийного лидера выступить на XX съезде с его исторической антисталинской речью. И они же впоследствии, настаивая, что «иначе люди умрут», уговорили Хрущёва и Микояна послать «разгрузочные» комиссии непосредственно в лагеря (7).

Это было только начало. Позже, когда вокруг десталинизации в правящих кругах развернулась нешуточная борьба, Шатуновская со Снеговым понадобились Хрущёву и Микояну, чтобы служить им «глазами и ушами» (8), а, возможно, также и совестью. Как я уже пояснял, среди сталинских наследников не было никого, на ком не лежала бы ответственность за тысячи загубленных жизней, но раскаявшимися сталинистами стали только Хрущёв с Микояном. (Я не нашёл сведений о том, что другие – Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков – делали что-то, чтобы помочь уцелевшим репрессированным после смерти Сталина, не считая, конечно, освобождения Молотовым собственной жены.)

О Микояне, маленьком армянине с большими усами, не лишенном, по отзывам, способности сострадать, вспоминают обычно как о функционере, служившем при всех советских лидерах, от Ленина до Брежнева. Но его усилия в деле освобождения и реабилитации жертв террора после смерти Сталина также заслуживают внимания. Как старший член нового руководства, Микоян поддержал и даже подталкивал Хрущёва в его антисталинских инициативах, предприняв, в свою очередь, ряд своих. Так, во время открытых заседаний XX съезда, ещё до знаменитой речи Хрущёва, он, единственный из всех выступающих, назвал по имени, чем фактически оправдал, нескольких репрессированных деятелей, включая Владимира Антонова-Овсеенко, отца Антона. Кроме

того, он был председателем самой первой комиссии по реабилитации и курировал возвращение ряда депортированных народов.

В частном порядке Микоян проявлял даже бóльшую активность, лично и подчас по своей инициативе выступая в поддержку многих жертв, не зависимо от их прошлой политической принадлежности. Среди них были бывший сталинист Мильчаков и дети ведущих сталинских оппозиционеров Бухарина и Рыкова; Булат Окуджава и его мать, которую Микоян когда-то знал лично; юная Елена Боннер, будущая жена Сахарова, а также уцелевшие жертвы последнего из актов террора, «ленинградского дела», к которому был серьёзно причастен действующий и всё ещё влиятельный член руководства Маленков (9).

Тот факт, что Микоян иногда лично встречался с родственниками жертв, к аресту которых он сам приложил руку (сын Бухарина Юрий Ларин был в их числе), говорил, по всей видимости, о его потребности в прощении. (Возможно, здесь сыграло свою роль и не покидающее его чувство вины за то, что не сумел предотвратить арест двух собственных сыновей.) Этим же, возможно объяснялась и его дружба с бескомпромиссной Шатуновской. Один случай личного вмешательства Микояна особенно впечатлил «возвращенцев». Престарелый Михаил Якубович после освобождения из лагеря остался без жилья и средств к существованию. Не сумев, как в других случаях, добиться его реабилитации в Москве, поскольку Якубович был членом антиленинской партии в 1917 году, Микоян устроил ему прописку и пенсию в Советском Казахстане. Подобные поступки, по мнению некоторых, говорили, что Микоян был сталинистом, наиболее мучимым совестью (10).

Не зависимо от степени личного раскаяния, Микоян мало что мог бы сделать, не сыграй Хрущёв свою, гораздо более значимую роль. Принято считать, что антисталинизм Хрущёва носил исключительно прикладной характер, что это была не более чем тактика в его борьбе за власть с другими наследниками Сталина. Да, действительно, Хрущёв использовал сталинскую тему, порой выборочно и непоследовательно, в борьбе за личную власть. Но само по себе это обстоятельство не может объяснить, почему Хрущёв сделал антисталинизм такой важной и неотъемлемой частью своего десятилетнего пребывания у власти. Не являются объяснением также страдания его собственной семьи, из всех членов которой «только» его невестка, как подчёркивал Хрущёв, была репрессирована и оказалась в Гулаге. (Немудрено, что Молотов был потрясен внезапным поворотом в своей судьбе: «Я думал, что он будет тем же человеком, каким был».) (11)

Конечно, одной политикой невозможно объяснить ни серьёзный риск, на который Хрущёв шёл, открыто разоблачая преступления власти, ни его чрезвычайные инициативы, касавшиеся судьбы уцелевших жертв репрессий. Борьба за власть не требовала от него, к примеру,

обнародовать такое количество деталей этих кровавых преступлений; назначать на высокие посты бывших зеков, даже тех, перед кем он лично был виноват; давать полномочия Ряжскому и другим молодым прокурорам опротестовывать сфабрикованные дела; определять детей жертв, вроде Леонида Петровского или Петра Якира, в престижные академические институты или защищать их, как писателя Василия Аксёнова, от своих же подчинённых. На самом деле на свой антисталинизм Хрущёв истратил больше политического капитала, чем приобрел в итоге – как было, к примеру, в 1961 году, когда он фактически принудил членов Политбюро и ЦК принять его решение о публикации солженицынского «Ивана Денисовича» (12).

Автор лучшей западной биографии Хрущёва называет его речь на XX съезде, изобличающую сталинские преступления, «самой смелой и самой безрассудной вещью из всех, что он сделал», и задается вопросом: «Хотел ли он [таким образом] укрепить свою власть или успокоить остатки совести?». В приватных беседах Хрущёв часто говорил о своей совести. О том, что слышит «голоса погибших товарищей» и надеется, что люди, совершившие преступления, найдут в себе силы признать это, а когда признают, это принесет им снисхождение, если не оправдание. Ещё более откровенен он был с Михаилом Шатровым, признаваясь: «У меня руки по локоть в крови… Это самое страшное, что лежит у меня на душе». Годы спустя после его отставки он всё ещё надеялся «умереть честным человеком» (13).

Жертвы террора, знавшие Хрущёва, или те, кто хотел его понять: Солженицын, Якир, Шатуновская, Антонов-Овсеенко, Медведев, Айхенвальд, Копелев, Шатров, Анна Ларина и другие, – полагали, что его решение об изобличении преступлений сталинской эпохи можно объяснить только «душевным движением». Многие также были уверены, что толчком к его нравственному пробуждению стало влияние «хрущёвских зеков». (Померанц называл Шатуновскую «серым преосвященством» Хрущёва.) Как иначе, подчёркивали они, объяснить выдвинутое им на съезде в 1961 году удивительное предложение о сооружении национального мемориала в память о жертвах сталинских репрессий – мемориала, которого нет в стране и по сей день? (14).

Изобличение преступлений сталинской эпохи, в которых была замешана часть руководства, не раз за десять лет приводило Хрущёва к конфликтам с влиятельными оппонентами, и всегда определённую роль в них играли его зеки. Когда он инициировал судебные процессы над Берией и другими руководителями сталинской госбезопасности в 1953–55 годах, выжившие жертвы, в том числе Снегов и Пикина, предстали перед судом, чтобы дать показания. В основном это были постаревшие, всеми забытые или вовсе безвестные жертвы, но когда Берия увидел Снегова, которого знал до его ареста в 1939 году, он оторопел: «Ты ещё жив!» (15)

Тремя годами позже, когда Хрущёв втайне готовил свою политическую бомбу для XX съезда партии (опять при поддержке, в том числе моральной, Снегова), он позаботился о том, чтобы какое-то количество освобожденных зеков были приглашены и заметны в зале среди остальных 1400 делегатов. (Сколько именно делегатов-гулаговцев было на съезде, неясно. По некоторым данным, Хрущёв намеревался пригласить сто человек, но оппозиция так сильно возражала, что они со Снеговым были вынуждены сократить список чуть ли не до десяти.) Внезапное появление этих давно пропавших без вести, скорее всего погибших товарищей вызвало среди делегатов, как рассказывал мне тридцать лет спустя один из них, настоящий «шок». А когда в следующем, 1957 году Хрущёв пошёл на открытое столкновение с попытавшимися свергнуть его нераскаявшимися сталинистами в ЦК: Молотовым, Кагановичем, Маленковым и Ворошиловым, – Шатуновская и Снегов снабдили его свидетельствами их личного участия в сталинских преступлениях.

В двух последующих случаях Хрущёв сделал ставку на то, чтобы общество услышало голоса уцелевших жертв террора. В октябре 1961 года он пошёл в публичное наступление на упорно не желавший сдаваться культ личности Сталина, убрав тело деспота из ленинского Мавзолея, где оно находилось с 1953 года. Чтобы обеспечить видимость спонтанной инициативы, он позаботился, чтобы ещё одна бывшая репрессированная, старая большевичка и друг Ленина Дора Лазуркина, внесла соответствующую резолюцию на заседании съезда. Перед этим она обратилась к делегатам: «Вчера я советовалась с Ильичём, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: “Мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии”». Той же ночью тело Сталина было вынесено из Мавзолея. (Молотов не простил этого Лазуркиной, обозвав её годы спустя «ведьмой».) (16).

Чтобы подкрепить свои разоблачения и доказать обоснованность освобождения миллионов жертв массового террора, Хрущёву также было необходимо развенчать миф о сталинском Гулаге как об «исправительно-трудовом учреждении». И он сделал это, разрешив в 1962 году публикацию солженицынского рассказа «Один день Ивана Денисовича». Неприкрашенный рассказ бывшего зека о жизни в лагере, пересыпанный лагерной лексикой и исполненный писательского мастерства, с очевидностью показал всю жестокость Гулага и невиновность его политических жертв. Мои знакомые «возвращенцы» позже вспоминали свою реакцию на сенсационную публикацию рассказа. Наконец-то, думали они, правда вышла наружу, и от неё уже не отмахнуться. Но они были правы лишь наполовину.

В начале 1960-х годов вернувшиеся из лагерей бывшие репрессированные способствовали десталинизации ещё в одном важном отноше-

нии. Споры вокруг прошлого часто становятся горючим материалом для политики, но редко этот процесс достигает такого накала, как в советские 1950–60-е годы, когда сталинская эпоха была ещё «живой историей» для большинства советских граждан. Их понимание её определялось десятилетиями самопожертвования и фальшивой официальной историей, которая держалась на цензуре и репрессиях. Согласно этой официальной версии, Сталин в советской истории – это череда непрерывных великих достижений страны, от коллективизации и индустриализации до победы над нацистской Германией и последующего превращения в супердержаву. Постсталинские элиты были продуктом той эпохи, она обеспечивала легитимность их власти и привилегий, поэтому они были решительно настроены «защищать прошлое, защищая себя», как убедился вскоре молодой писатель (и сын репрессированного) Юрий Трифонов (17).

Однако масштабы, в которых происходило возвращение людей к жизни, как заметила со своего высока даже дочь Сталина, были неопровержимым свидетельством параллельного существования, наряду с историей великих побед, истории не менее великих преступлений. Многие вернувшиеся хранили молчание, но не все. Эти другие, как и предвидел Хрущёв, рассказывали «родственникам, знакомым, друзьям, товарищам, как всё было». Так, в московский академический институт отечественной истории из лагерей вернулись примерно 10–12 человек, которые откровенно говорили о том, что пережили. Для слушателей, в особенности молодых людей, «их свидетельства проливали новый свет на события» (18).

В идейном отношении большинство жертв оставались в 1950–60-е годы преданными сторонниками Советской власти, винившими в своих бедах преимущественно Сталина. Их опыт, тем не менее, способствовал пересмотру истории, необходимому для хрущёвской политики реформ. Но были среди них и представители репрессированных несоветских традиций. Старый меньшевик Михаил Якубович и эсерка Ирина Каховская, например, жаждали справедливости в отношении своих убиенных товарищей. Солженицын, отец Дудко и Гумилёв отстаивали более ранние российские религиозные и националистические ценности. А мой друг, бывший троцкист Михаил Байтальский хотел оправдать не только своих партийных товарищей, но и свои иудейские корни.

Подобно жертвам Холокоста, многие из тех, кто пережил сталинские лагеря, писали свои, не совпадающие с официальной историей, мемуары о Гулаге, потому что «Это не должно повториться», как озаглавил свою рукопись Сурен Газарян. Анна Ларина, например, начала писать свои воспоминания в 1960-е годы, работая над ними втайне много лет, прежде чем в конце 1970-х отдать готовые главы мне на хранение. Некоторые из этих ценных свидетельств истории двадцатого

века, как, например, книга Гнедина «Катастрофа и второе рождение», до сих пор существуют только на русском языке, но другие доступны в английском переводе, в том числе «Незабываемое» Лариной, «Крутой маршрут» Гинзбург, упомянутые ранее три книги Копелева, «Непридуманное» Разгона и «Тетради для внуков» Байтальского.

Для этого старшего поколения гулаговцев писать правду о Сталине, говоря словами Антонова-Овсеенко, это был «долг перед всеми погибшими от его руки. Перед теми, кто пережил ночь. Перед теми, кто придёт после нас» (19). (Самым монументальным продуктом этого морального долга был, конечно, «Архипелаг Гулаг» Солженицына.) Что касается детей сталинских жертв, у которых вся жизнь была ещё впереди, перед ними вставал непростой вопрос о выборе собственного будущего в советской системе. (Аксёнов и Боннер последовали советам своих матерей идти в медицину, поскольку «врачам в лагерях было проще выжить».) Имея перед глазами пример жизни своих родителей, большинство предпочли отставить в сторону прошлое и выбрать политический конформизм. Для них «самым ценным в жизни стали семья и работа» (20). Так, из известных, Святослав Фёдоров, чей отец вернулся, отсидев семнадцать лет в Гулаге, стал в 1960–70-е годы пионером в области глазной хирургии, изобретя революционную методику оперативного лечения катаракты, глаукомы и близорукости.

Действительно, многие дети жертв репрессий сделали успешную партийно-государственную карьеру. Одного такого молодого карьериста писатель Анатолий Рыбаков встретил в начале 1960-х годов во время своей поездки по Сибири, где искал следы сталинского террора. Вся «кулацкая» семья этого молодого человека была сослана в эти края и частично погибла, не выдержав суровых условий. Сам же он остался в Сибири, стал секретарем райкома комсомола и ожидал повышения – перевода на партийную работу в Москву. Брат его и сестра также успешно двигались по советской карьерной лестнице. Обиды на власть, как писал Рыбаков, они не чувствовали (21).

Более примечательным является «феномен Петра Машерова», чей отец умер в лагере в 1938 году. Сам Машеров, будучи главой компартии Белоруссии и кандидатом в члены союзного Политбюро, на протяжении 15 лет, с 1965 года и до своей смерти в автомобильной катастрофе в 1980 году, входил в состав правящей элиты Советского Союза. Но и в этом случае, говорят нам, нет ничего удивительного в том, «что сын незаконно репрессированного Советской властью (реабилитированного в 1959 году) человека мог быть искренним и убеждённым сторонником этой самой власти… Таковы были и время, и люди, выкованные в горниле 1930–1940-х годов» (22).

Но не все дети жертв пошли по конформистской стезе, некоторые последовали примеру ищущих правды старших товарищей. Братья Рой

и Жорес Медведевы и Антонов-Овсеенко начали собирать материал для своих исторических исследований, изобличающих деспотическую роль Сталина. Юрий Трифонов, Леонид Петровский, Юрий Гастев, Пётр Якир и Камил Икрамов писали биографии своих пострадавших отцов. (Большинство делали это из сыновьего долга, а Гастев взялся за это, после того как в прокуратуре ему сказали, что это лучший способ добиться реабилитации отца.) Между тем, группа детей расстрелянных генералов, ратующих за «восстановление исторической правды», собирали документы для музеев и школ в различных городах (23).

Лишь малая часть этой исторической правды могла быть опубликована в СССР во время и сразу после хрущёвской оттепели. Но наружу, наряду со всё более откровенными литературными описаниями, не только солженицынскими, вышло достаточно, для того чтобы напугать всю чиновничью братию. Становилось понятно, что власть и привилегии, как минимум, одного поколения этих чиновников были также результатом политики террора в отношении миллионов их сограждан. Неудивительно, что они «боялись Истории» (24).

* * *

Антисталинизм был одновременно силой и слабостью хрущёвского руководства. Обличение преступлений власти придавало моральное измерение другим его инициативам и способствовало прогрессивным переменам. Социальные нужды, которые испытывали «возвращенцы», к примеру, ускорили осуществление реформ в области соцобеспечения и права. Кроме того, антисталинизм хрущёвского руководства вдохновил новое, реформаторское, поколение советских интеллектуалов и партийно-государственных деятелей. Некоторые из них, как молодой прокурор Ряжский, сыграли свою роль немедленно. (Сын Николая Вавилова был так признателен прокурору за реабилитацию отца, что много лет спустя разыскал его, к сожалению, лишь для того, чтобы узнать, что старик совсем утратил память.) (25). Другие, получившие название «шестидесятники» и считавшие себя «детьми XX съезда», постепенно продвигались по этажам советской системы. Их черёд, под руководством Михаила Горбачёва, наступил на тридцать лет позже.

Но хрущёвские разоблачения одновременно вызвали к жизни и мощную оппозицию его политике. Угроза, которую представляли преступления прошлого, нависла не только над ближайшими сподвижниками Сталина, теми, кто подписывал расстрельные списки – Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и Маленковым, – но и над множеством менее значимых фигур с пятнами крови на биографии. Среди этих последних были и два близких к хрущёвскому кругу деятеля: первый постсталинский глава КГБ, генерал Иван Серов, имевший непосредственное отношение к депортациям народов в годы войны, а позже – к печально знаменитой пыточной тюрьме, и будущий главный идеолог

партии, один из наиболее могущественных и реакционных политических олигархов брежневской эпохи, Михаил Суслов.

Их попытки саботировать хрущёвскую политику возвращения и реабилитации жертв террора нашли яркое отражение в мемуарах Шатуновской (26). Когда Хрущёв и Микоян распорядились освободить ссыльных, Маленков и Суслов не давали хода этому указу, пока Шатуновская не пожаловалась Микояну, а тот не поставил в известность Хрущёва. Маленков, Суслов и другие пытались также повлиять на состав выездных комиссий по освобождению узников Гулага. Оппоненты Хрущёва ненавидели его зеков, отныне бывших «в моде», особенно Шатуновскую, которая использовала свою позицию в КПК не только для того, чтобы принимать прошения о реабилитации, но и чтобы активно ходатайствовать за них. Агенты Серова следили за ней, перехватывали её почту, прослушивали телефоны и пытались «изолировать», поскольку она «очень плохо влияет на Никиту Сергеевича». А когда Хрущёв включил Шатуновскую в состав комиссии по расследованию преступлений сталинского времени, доверив ей допрашивать Молотова, Кагановича и других, они протестовали против того, чтобы «бывшие каторжники судили нас» (27).

Сталинисты, точнее неосталинисты, сдаваться не собирались. Хрущёв назначил главой нового Комитета государственной безопасности своего давнего друга генерала НКВД Серова, но был вынужден сместить его. Молотов, Каганович и Ворошилов сделали попытку уйти от ответственности классическим способом: председательствуя на заседаниях комиссии, где расследовались преступные эпизоды с их участием. Когда это не удалось, они попытались лишить ожидаемого эффекта речь Хрущёва на XX съезде, а затем ослабить её последствия. Их агенты, между тем, прочёсывали секретные архивы партии и НКВД в поисках документов, подтверждающих участие в терроре самого Хрущёва, одновременно уничтожая те, что демонстрировали их вину. (То же самое, только в пользу Хрущёва, делали его представители.) (28) А когда и это не сработало, они совершили в 1957 году попытку сместить Хрущёва, едва не увенчавшуюся успехом.

У этих людей были все основания страшиться «судного дня» (29). По мере того как споры о прошлом становились всё более острыми, стали возникать вопросы о судебной ответственности верхушки руководства, подобные тем, что десятилетием раньше официально прозвучали на Нюрнбергском процессе. Избежать сравнения было нелегко. В Нюрнберге, где судили преступления против человечности, Советский Союз был одной из стран, представляющих обвинение. (Назначенный Хрущёвым новый генеральный прокурор СССР Роман Руденко был главным обвинителем на процессе.) И теперь, когда так много узников Гулага вернулись и заговорили о том, что они там пережили,

аналогия между репрессиями сталинского времени и Холокостом становилась всё более очевидной.

Когда в 1953–55 годах одни сталинские преемники судили и казнили других («бериевскую банду»), они попытались максимально сузить дело. Судебные заседания были закрытыми, Берия был фальшиво обвинён в измене и шпионаже, а его преступления объявлены делом исключительно его рук, к которым прочие наследники Сталина отношения не имеют. Но даже тогда обвинение в «преступлениях против человечности» было выдвинуто, по крайней мере, в одном случае, а присутствие бывших гулаговцев в качестве свидетелей говорило о реальности чудовищных преступлений. (Благодаря архивным стараниям неутомимого Никиты Петрова, мы сегодня знаем больше о тех тайных судебных процессах и данных на них свидетельских показаниях.) В 1956 году отклики на доклад Хрущёва на XX съезде показали, что эта проблема готова была вот-вот выйти на поверхность. На партийных собраниях в низовых организациях звучали, правда, тут же пресекаемые, вопросы об ответственности всего руководства, включая Хрущёва, за то, что произошло (30).

Тем не менее, вскоре Хрущёв перешёл ещё один рубикон, хоть и снова за закрытыми дверями. На пленуме ЦК в июне 1957 года он и его сторонники устроили своего рода суд над Молотовым, Маленковым и Кагановичем. Цитируя шокирующие документы, добытые Шатуновской и другими, они обвинили Молотова и Кагановича в том, что они, наряду со Сталиным, несут ответственность за 1,5 миллиона арестов, совершённых только в 1937 и 1938 годах, и лично санкционировали в этот период 38 679 смертных приговоров, 3 167 – лишь в один из дней. Собственноручно подписанные ими кровожадные приказы зачитывались вслух: «…Всех к расстрелу… Мерзавцу, сволочи… одна кара – смертная казнь» (31).

Казалось, близится советский Нюрнберг. Когда обвиняемые, защищаясь, попытались представить свои действия как «ошибки», их громко поправили: «Преступления!». Один из сторонников Хрущёва бросил в лицо трём главным сталинским сподвижникам угрозу, от которой должны были похолодеть многие из сидящих в зале партийных бонз: «Если бы только народ знал, что у них с пальцев капает невинная кровь, то он встречал бы их не аплодисментами, а камнями». Другому члену ЦК, до того момента также поддерживавшего Хрущёва, это показалось чрезмерным. Он «глубочайшим образом» был убеждён в неправомерности утверждения о том, что «во главе нашей партии столько-то лет стояли и руководили люди, которые являются убийцами, которых нужно посадить на скамью подсудимых» (32). В итоге, однако, Молотов, Маленков и Каганович были всего лишь выведены из состава Пре-

зидиума и из членов ЦК и отправлены на незначительные должности подальше от Москвы.

Это был, безусловно, драматический момент, но, всё же, наказание было несоизмеримо с преступлениями этих людей. Сразу после смерти Сталина, в середине 1950-х годов, от 50 до 100 сотрудников госбезопасности, начальников и особо жестоких следователей – один из них никак не мог вспомнить, пытал ли он Тодорского – были привлечены к суду; от 25 до 30 человек были приговорены к смертной казни, остальные получили различные тюремные сроки. (Точные цифры до сих пор неизвестны.) Ещё 2 370 человек, по некоторым данным, были уволены или понесли административные наказания с лишением званий, наград, партийного членства – вплоть до пенсий. В целом, в период между 1954 и 1963 годом примерно 46 тысяч офицеров КГБ были отправлены в отставку, хотя не все из них за злоупотребления эпохи террора (33).

Кроме того, не менее десятка высокопоставленных чинов – генералов НКВД и лагерных комендантов – покончили жизнь самоубийством после хрущёвских разоблачений; большинство застрелились, некоторые вскрыли себе вены. (Много лет спустя подобная сцена была показана, хотя и применительно к другому времени, в «оскароносном» русском фильме «Утомлённые солнцем».) Но больше всего политический истеблишмент взволновало самоубийство бывшего сталинского литературного генерала Александра Фадеева. Культурный, сугубо гражданский человек, Фадеев лично никого не пытал и не расстреливал, он только смолчал, когда арестовывали его коллег, а так поступали многие члены сталинской элиты.

«Хрущёвские зеки» восприняли эти проявления торжества справедливости как только первые шаги и умоляли лидера наказать всех виновных и даже устроить публичный суд над сталинским режимом. Хрущёв же не хотел «варфоломеевских ночей», как он это называл, и не хотел, без сомнения, по нескольким причинам. Как, спрашивалось, судить о степени соучастия человека в преступлениях террора, длившегося более двадцати лет? Рой Медведев полагал, что это зависело от того, «что человек мог сделать для предотвращения преступлений». Но как тогда быть с «честными» и «добрыми» энкавэдэшниками, о которых вспоминали Серебрякова, Икрамов и Разгон? Или с рядовыми охранниками Гулага, этим «пестрым сборищем малообразованных и низкооплачиваемых горемык»? Или с отчимом моего московского издателя, рядовым солдатом, которому приказали депортировать чеченцев? (35).

Существует мнение, что массовый террор был возможен только вследствие массовой вины. По некоторым оценкам, пять процентов населения были тайными информаторами, и не меньше миллиона людей работали в системе Гулага, включая завхозов и библиотекарей. Неда-

ром один процветавший при Сталине, а после проникшийся чувством вины поэт написал, что все, кто промолчал, несут ответственность «за кровь Лубянки, тьму допросов». (У Шатуновской был экземпляр этого неопубликованного стихотворения.) Однако, следуя этой логике, возражал Хрущёв, пришлось бы «отправить в заключение больше людей, чем освободилось при реабилитациях» (36).

К тому же, он имел глубоко личную причину не заходить так далеко. «Палачи», пошедшие под суд или совершившие самоубийство, настаивали, что они «только выполняли приказы» вышестоящих властей, и указывали при этом на членов нынешнего советского политического руководства. Между тем, враги Хрущёва распространяли материалы, подтверждающие, что он сам подписывал расстрельные списки и у него самого, как позже узнал его поклонник Горбачёв, «руки в крови» (37). Завести больше дел по преступлениям сталинской эпохи или сделать большее число из них публичными значило бы для Хрущёва (и для Микояна) подвергнуть себя ещё большей опасности.

И всё-таки на XXII съезде партии в октябре 1961 года Хрущёв совершил свою самую серьёзную, с точки зрения последствий, атаку на сталинское прошлое и его многочисленных защитников. Он и его сторонники не только существенно расширили, по сравнению с 1956–1957 годами, объём разоблачений и обвинений, но и представили их публично. Впервые на страницах газет и в радиорепортажах о работе съезда, прозвучали слова о «чудовищных преступлениях» и необходимости восстановления «исторической справедливости», а также шокирующие рассказы об арестах, пытках и убийствах, происходивших при Сталине по всей стране. Чтобы усилить впечатление, стране напомнили, что от террора пострадали «не только сами работники, но и их семьи, даже абсолютно безвинные дети, жизнь которых была надломлена, таким образом, в самом начале». Воздействие новых разоблачений на публику было огромным. Бывший зек Солженицын, чьи романы об этом времени ещё не были опубликованы, был потрясен: «Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII съезде!» (38).

Это было ещё не всё. На сей раз Хрущёв не ограничился, как раньше, обвинением сталинистов в преступлениях против членов партии. В постановлении о выносе тела Сталина из мавзолея говорилось о «массовых репрессиях против честных советских людей». И впервые Хрущёв и его союзники заявили о «прямой персональной ответственности» Молотова, Кагановича и Маленкова за эти «незаконные» акты и потребовали исключить их из партии (что вскоре и случилось), а это подразумевало, что они вполне могли быть затем привлечены к суду. Грозный призрак будущих процессов, замаячивший в связи со ссылками на «имеющиеся многочисленные документы», как и призыв Хрущёва «тщательно и всесторонне разобраться в такого рода делах, связанных

со злоупотреблением властью», вызвали трепет в рядах тех, кто также нёс «прямую персональную ответственность».

Съезд был победой «хрущёвских зеков». Своим более радикальным антисталинизмом он был в значительной мере обязан их влиянию на Хрущёва и, как выяснилось годы спустя, одному важному закулисному обстоятельству. В процессе подготовки к съезду Хрущёв создал при президиуме ЦК так называемую «комиссию Шверника» с целью, как он намекнул на съезде, «всесторонне разобраться» в самых тёмных делах сталинских 1930-х годов. Работа комиссии сосредоточилась на убийстве первого секретаря ленинградской парторганизации Сергея Кирова, ставшем первой искрой «большого террора», и последующих судебных процессах и расправе над Бухариным и другими основателями Советского государства.

Ведущую роль в следственной работе комиссии играла Шатуновская. Не доверяя аппаратчикам из ЦК, она набрала себе в помощники других бывших гулаговцев. (Особенно радовался возвращению в строй Мильчаков.) Результатом их работы – кропотливого поиска в секретных архивах и опроса уцелевших свидетелей – стали 64 тома засекреченных документальных свидетельств. Комиссия пришла к выводу, что те трагические события были спланированы Сталиным с целью развязать массовый террор, который консолидировал его личную диктатуру и превратил советскую политическую систему в полицейское государство. Накануне съезда Шатуновская передала Хрущёву предварительный отчёт о находках комиссии. Когда он читал этот отчёт, рассказывала Шатуновская, «он плакал» (39).

* * *

Хрущёвские инициативы, выдвинутые им на съезде партии в 1961 году, явились причиной трёхлетней борьбы в советском истеблишменте и в обществе между «друзьями и недругами» десталинизации (40). Ослабление цензуры позволило историкам начать критику всей сталинской эпохи, даже таких её «священных коров», как коллективизация и война (особенно её начального периода, показавшего неготовность страны к германскому вторжению, и немыслимой – 26,5 миллионов погибших – цены победы). Открывшиеся данные о насильственной коллективизации крестьянства ставили под сомнение основу существующей политической и экономической системы, а правда о войне ломала рационалистические построения, на которых зиждилась внутренняя и внешняя политика постсталинского режима.

Но ещё больший эффект оказала хлынувшая потоком литература о терроре. Напечатанный в 1962 году «Один день Ивана Денисовича» Солженицына немедленно стал лакмусовой бумажкой, выявляющей различное отношение людей к сталинскому прошлому, однако и другие

писатели и редакторы пользовались моментом, чтобы опубликовать повести, рассказы, пьесы и стихи по данной тематике. Расхожим литературным образом, в частности, стала фигура человека, вернувшегося из Гулага, что подчёркивали названия художественных произведений типа «Возвращение Дюжева» или «Возвращение Юрия Митрофановича». Самые известные авторы, такие, как Камил Икрамов или Василий Аксёнов, сами были жертвами террора (41).

Повторяющиеся темы этой плохо замаскированной под вымысел литературы не могли не встревожить членов советского истеблишмента, сделавших карьеру при Сталине. Одной из таких тем было изображение в негативном свете официальных лиц и прочих влиятельных граждан, которые были напуганы возвращением жертв и препятствовали их реинтеграции в советское общество. Другой темой был конфликт отцов и детей, выражающийся в острых вопросах, которые дети задавали отцам, почему те не помогли своим обреченным на гибель родным и друзьям. И над всем этим грозно маячил вопрос об ответственности перед миллионами жертв, которые уже никогда не вернутся. Это от их лица написал поэт Лев Озеров:

Говорят погибшие. Без точек.
И без запятых. Почти без слов.
Из концлагерей. Из одиночек.
Из горящих яростно домов.
Говорят погибшие. Тетради.
Письма. Завещанья. Дневники.
На кирпичной на шершавой глади
Росчерк торопящейся руки.
На промозглых нарах железякой.
На стене осколками стекла.
Струйкой крови на полу барака
Расписалась жизнь – пока была (42).

Подобные публикации, как с горьким сожалением признавался позже Суслов, были результатом хрущёвских политических инициатив. Другим результатом были внезапно ожившие надежды – и страхи – что преступления сталинской эпохи не останутся безнаказанными. В 1956 году один бывший зек, причастный к работе «разгрузочных» комиссий, спросил Шатуновскую: «Кто и когда будет привлекать к суду этих преступников, которые годами уничтожали невинных советских людей?». Вопрос о новых судебных процессах поднимался в 1957 году, но только вскользь и за закрытыми дверями. Отсюда тот чрезвычайный эффект, который имели публичные заявления о людях, замешанных в сталинских преступлениях, сделанные на XXII съезде, включая реплику близкого сподвижника Хрущёва: «Их должны преследовать кошмары,

им должны слышаться рыдания и проклятия матерей, жён и детей невинно погибших товарищей» (43).

Осмелевшие и вдохновленные заявлениями руководства и вновь возникшей перспективой суда над ведущими сталинистами, жертвы стали решительнее преследовать тех, кто нёс персональную ответственность за их несчастья. («У него это на лице написано», как сказала об одном из них Евгения Гинзбург.) (44) Некоторые их требования носили символический характер. После того как Хрущёв распорядился очистить города от имени Сталина и демонтировать памятники в его честь, появились петиции с требованием убрать прах сталинского прокурора Вышинского с почётного места захоронения в кремлёвской стене, а останки судьи-палача Ульриха, умершего в 1951 году, с престижного Новодевичьего кладбища.

Большинство призывов к справедливости касались, впрочем, живых соучастников сталинских преступлений, которых можно было найти практически в любой советской сфере деятельности. Широкую известность в Москве получили три случая, один из которых представлял особый интерес для уцелевших детей членов старой ленинской гвардии. Андрей Свердлов, сын ещё одного основателя Советского государства, был их другом детства, приятелем по играм и школьной скамье. Когда же он предстал перед ними в их тюремных камерах в качестве следователя НКВД, как было с Анной Лариной, они были потрясены и затем деморализованы. Известный своей «патологической жестокостью», Свердлов лично пытал нескольких своих бывших приятелей. В начале 1960-х годов, оставаясь полковником госбезопасности, он начал новую карьеру учёного и писателя, автора детективных рассказов для детей (45). Друзья, которых Свердлов предал, организовали кампанию по разоблачению и наказанию предателя.

В другой пострадавшей от террора области ряд высокопоставленных литературных критиков, являвшихся, как было известно, информаторами НКВД, регулярно писали доносы на своих коллег за их политические взгляды. Теперь члены культурного сообщества добивались их разоблачения и наказания, нацарапав на воротах престижной дачи одного из доносчиков: «Осторожно! Злая собака!». Особенной решительностью отличалась кампания по изобличению в «доносительстве» видного литературного критика Якова Эльсберга, который своими действиями способствовал аресту и смерти ряда прозаиков и поэтов. Её результатом стало исключение Эльсберга, по крайней мере, временное, из членов Союза писателей и КПСС (46).

Но более опасной для влиятельных приспешников террора была кампания, инициированная «возвращенцем» Павлом Шабалкиным против двух ведущих партийных философов, Марка Митина и Павла Юдина. Он обвинил их в причастности к аресту и гибели коллег и к

собственному длительному заключению, а также в плагиате работ репрессированных. Митин и Юдин, однако, были не просто философами, но и крупными партийными функционерами: оба были членами ЦК партии, а Юдин даже кандидатом в члены Политбюро. Как Свердлов и Эльсберг, Юдин с Митиным избежали реального наказания – оба были назначены в комиссию по написанию новой программы партии – и все четверо окончили свои дни в официальном почёте. Но кампаний, организованных против них, оказалась достаточно, чтобы вызвать панику и «психическое расстройство» у некоторых из тех, кто также нёс ответственность за репрессии (47).

Неотвратимо, как казалось, вопросы о коллективной вине, подобные тем, что звучали на Нюрнбергском процессе, стали – пусть и осторожно, обиняком – подниматься в подцензурной советской печати. Между строк они прочитывались уже в острой полемике вокруг рассказа Солженицына и других публикаций о терроре, участники которой, как возмущался один культурный функционер, «зачем-то поспешили вытащить на свет литературные трупы». Иногда обвинения были направлены против сталинской тайной полиции, как в романе, герой которого, молодой прокурор типа Ряжского, говорил бывшему майору НКВД: «Вы ещё будете расплачиваться за 37-й и 38-й годы» (48). Но чаще их адресатом были остающиеся у власти политические функционеры. Один такой инцидент, связанный с уважаемым писателем Ильей Эренбургом и затрагивающий самого Хрущёва, произошёл в 1963 году и вызвал гневную реакцию политического и литературного истеблишмента.

В отличие от многих крупных деятелей сталинского времени, Эренбург вёл себя достойно, избегая прямого участия в событиях террора и демонстрируя «готовность делать добро», несмотря на то, что его собственная жизнь неоднократно подвергалась угрозе. После смерти Сталина Эренбург всячески помогал бывшим репрессированным и узникам Гулага. Он помогал добиваться реабилитации, как мы видели в случае с Мейерхольдом. Одну бывшую заключённую, Наталью Столярову, он взял к себе на работу личным секретарем. Он встречался с вдовой и сыном Бухарина, другом своего детства, и не отказывал в советах детям других жертв, которых знал. Василий Аксёнов однажды спросил его: «Как случилось, что Вы уцелели? Это очень важно мне знать». «Не знаю», – ответил Эренбург (49).

Но он, несомненно, знал, по крайней мере, догадывался. В одном месте своих изрядно порезанных цензурой мемуаров, опубликованных в 1963 году, и более полно в издании, которое вышло тридцатью годами позже, Эренбург признался, что при Сталине был вынужден «жить… сжав зубы», потому что знал, что его арестованные друзья и коллеги невиновны. Это его признание, или «теория заговора молчания», как её стали называть, вызвало бурную реакцию, и нетрудно понять почему.

Ведь если даже далёкий от власти писатель Эренбург знал правду, то её не могли не знать те, кто эту власть представлял, – многочисленные партийно-государственные функционеры. А это значило, возмущался один анонимный автор, что все они «просто спасали свои шкуры и тем самым помогали злу набрать силу» (50).

Ситуация для них ухудшалась ещё и тем, что в начале 1960-х годов в Советском Союзе во множестве издавались книги о гитлеровской Германии, и многие комментарии, судя по всему, явно касались советской системы при Сталине. Читатели невольно переносили свой собственный недавний опыт на описания таких вещей, как культ Гитлера, гестапо, концлагеря и соучастие в преступлениях нацизма множества государственных чиновников. Когда в 1963 году в Москве показали мощный по своему воздействию американский документальный фильм «Нюрнбергский процесс», реакция оказалась ещё более острой. В свете этой аналогии, всё более реалистичных описаний ужасов сталинского террора и всё более громких призывов к торжеству справедливости, нетрудно понять, почему «страх перед ответственностью за свои преступления» охватил бюрократическое сообщество советского государства (51).

В какой-то момент даже относительно молодые люди, которых Хрущёв привлёк в свои советники, решили, что его инициативы угрожают слишком многим людям, возможно, даже системе в целом. В отличие от Суслова, у Леонида Брежнева и других деятелей, правивших страной в последующие 20 лет, не было или почти не было крови на руках, но зато в избытке имелось на подошвах. Стремительно поднявшиеся наверх при Сталине, после того как их предшественников смыло волной террора, они испытывали «комплекс по поводу прошлого». Их поколенческий дискомфорт отчасти объясняет, почему после смещения Хрущёва в 1964 году они ввели жёсткую цензуру на всё, что касалось сталинской эпохи.

С самого начала, как считал сын Хрущёва, антисталинистская политика его отца «практически изолировала» его в возглавляемых им партийно-государственных структурах (52). Учитывая достижения Хрущёва за десять лет пребывания у власти, его сын явно преувеличивает. Однако нельзя отрицать, что Хрущёв всегда был уязвимым лидером, особенно в том, что касалось сталинского вопроса. Даже одержав победу над Молотовым, Маленковым, Кагановичем, Ворошиловым и Серовым, он впоследствии ещё не раз сталкивался с серьёзной оппозицией. Так, в 1957 году один из его ближайших сторонников не поддержал его, отказавшись отправить «на скамью подсудимых» старших товарищей – сталинистов. А для того, чтобы вынести тело Сталина из Мавзолея, несмотря на то, что идея была посеяна Хрущёвым ещё в 1956 году, ему понадобилось почти шесть лет.

Находившиеся под его номинальной протекцией бывшие политзаключенные, освобождённые из Гулага, также не были гарантированы от нападок. Шатуновская постоянно подвергалась оскорблениям и саботажу во время своей работы в КПК. Недоброжелатели постарались подсунуть на стол Хрущёву лживую информацию о Снегове и Василии Аксёнове. Директор московского академического института предупредил моего друга Игоря Пятницкого, что если тот не угомонится, то закончит, как его отец. Солженицыну, несмотря на поддержку Хрущёва, ни в 1963, ни в 1964 году так и не дали Ленинскую премию по литературе за «Один день Ивана Денисовича». Не сумели Хрущёв с Микояном и отменить постановление ЦК 1931 года, обвинявшее философа Абрама Деборина, одного из немногих уцелевших. Между тем, партийный начальник Ленинграда отказался предоставлять реабилитации и пенсии жертвам террора, вернувшимся в его город (53).

На первый, поверхностный, взгляд казалось, что съезд партии 1961 года был крупной победой антисталинистских сил и лично Хрущёва. В реальности, однако, большинство новых кремлевских лидеров, разделивших с Хрущёвым коллективное руководство страной, проигнорировали инициативы своего благодетеля, выдвинутые им на съезде, показательно отмолчавшись в вопросе о преступлениях прошлого. А те немногие из высокопоставленных делегатов, кто поддержал антисталинистскую линию Хрущёва, на самом деле, были «против всего этого». Даже решение убрать тело Сталина из Мавзолея, обиженно сетовал один из участников заговора по свержению Хрущёва, «принималось узким кругом руководства» (54).

Сопротивление хрущёвской политике десталинизации продолжало нарастать и после съезда, что, несомненно, явилось ответом на его решения. Это наглядно продемонстрировало стихотворение Евгения Евтушенко, опубликованное по распоряжению Хрущёва на видном месте в газете «Правда» в октябре 1962 года. Озаглавленное «Наследники Сталина», оно читалось как мрачное предупреждение – или отчаянная мольба о помощи:

Мы вынесли из Мавзолея его.
Но как из наследников Сталина Сталина вынести?
Иные наследники розы в отставке стригут,
А втайне считают, что временна эта отставка.
Иные и Сталина даже ругают с трибун,
А сами ночами тоскуют о времени старом.
Наследников Сталина, видно, сегодня не зря
Хватают инфаркты. Им, бывшим когда-то опорами,
Не нравится время, в котором пусты лагеря… (55).

Между тем, позиции Хрущёва ослабевали, он начал терпеть поражения в закулисной борьбе. Он чувствовал себя окружённым противни-

ками, которые «в спину расстреливали меня глазами» (56). В 1962 году Шатуновская и Снегов были смещены со своих постов. Оба жаловались, что Хрущёв их подвёл, пошёл на уступки неосталинистам, не сумев или не захотев опереться на молодые антисталинистские силы в аппарате КПСС. Возможно, это была правда. Возможно, Хрущёв со временем испугался своих собственных инициатив или, подходя к семидесятилетнему рубежу, почувствовал себя слишком старым для борьбы. Непонятно только, где бы он нашёл новых антисталинистов в партии. Их время, их власть были далеко в будущем; ждать оставалось ещё двадцать лет.

Каким бы ни было объяснение, поражения следовали одно за другим. К 1963 году процесс реабилитации был практически свернут. Доклад «комиссии Шверника» о сталинских преступлениях так и остался неопубликованным, а материалы, собранные Шатуновской, похоронены глубоко в партийном архиве. (Даже краткие итоги работы комиссии были опубликованы только через сорок лет, а многие материалы и вовсе исчезли.) В 1964 году помимо отказа в Ленинской премии Солженицыну, большая редакционная статья о «Сталине и его наследниках», заказанная Хрущёвым, так и не увидела свет. То же случилось с предложенными им и Микояном поправками в Конституцию и реформами КГБ, направленными на то, чтобы не допустить повторения в будущем злоупотреблений сталинской эпохи (57). Между тем, об одной из прошлых инициатив Хрущёва, строительстве мемориала жертвам сталинского террора, больше ничего не было слышно.

Когда в октябре 1964 года ЦК кулуарно отстранил Хрущёва от власти, ни в предъявленном ему обвинении, ни в официальном заявлении для печати о Сталине и сталинизме не было ни слова. Формально семидесятилетнему Хрущёву вменялись в вину только провалы в экономической и внешней политике (один из последних – Карибский кризис 1962 года), реорганизационные просчёты, всё более непредсказуемое личное поведение и нежелание соблюдать принцип «коллективного руководства» (58). Во всём этом была существенная доля правды.

Тем не менее, главной, пусть и фактически неупомянутой, причиной отставки был его антисталинизм в подходах к прошлому и настоящему страны. Именно он, в конечном счёте, был движущей силой его десятилетней попытки реформировать советскую систему, которая отныне уступила место глубоко консервативной реакции. Одним из проявлений этой реакции был рост сталинистских настроений в среде высокопоставленных партийно-государственных чиновников, которые между собой возмущались, что «тысячи вредителей за десятки лет не могли бы нанести столько вреда стране, сколько нанёс Никита» (59).

Хрущёв, возможно, и отступил в политической борьбе, но не отступился от антисталинизма; во всяком случае, в месяцы, предшествую-

щие его отставке, признаков этого не наблюдалось. В январе 1964 года правительственная газета, главным редактором которой был зять Хрущёва, уделила необычайно пристальное внимание действующему провинциальному чиновнику, перенявшему сталинские «преступные и губительные» методы. Когда влиятельный партийный олигарх выступил против недавних публикаций, организованных по распоряжению Хрущёва, пожилой лидер с вызовом ответил: «Если эти стихи Евтушенко и повесть Солженицына антисоветские, тогда я тоже антисоветский». Не прибавило спокойствия оппонентам Хрущёва и то, что всего за три месяца до его отставки та же правительственная газета под редакцией его зятя заявила, что при Сталине, когда они вошли в элиту, «ложный донос не раз становился лестницей для восхождения в гору» (60).

Прав был Солженицын, когда, оглядываясь назад, назвал кампанию, организованную в 1963 – начале 1964 года с целью отказать ему в Ленинской премии, «репетицией путча против Никиты». Когда стенограмма октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК была, наконец, опубликована сорок три года спустя, это стало ещё более очевидно. Во время закрытых дискуссий, предшествовавших формальным заседаниям, Хрущёва обвинили в том, что он якобы «поносил Сталина последними словами». Суслов, которого особенно возмущало, что Хрущёв «поддерживал всю эту лагерную литературу» (61), представил подробный обвинительный доклад, и единственным членом Политбюро, который попытался защитить Хрущёва, оказался Микоян.

Всякие сомнения исчезли, когда вскоре новое руководство пошло на свертывание антисталинистской политики в отношении прошлого и восстановление некоторых черт сталинизма, в том числе исторической репутации самого тирана. Заинтересованные люди, безусловно, понимали, что означает отставка Хрущёва. Солженицын назвал её «малой октябрьской революцией» и начал тайком переправлять рукописи о терроре за рубеж. В то время как бериевские подручные в тюрьмах торжествовали, некоторые бывшие узники Гулага были обеспокоены: «Что это значит, и не начнут ли нас теперь сажать?» (62).

II

Советская система: была ли альтернатива распаду СССР?

Переосмысливая советский опыт
(*Политика и история с 1917 года*)*

Посвящается моим детям Энди и Дасти. Пусть их поколение поймет лучше и сделает больше, чем наше.

Прошлое никогда не умирает. Оно даже не прошлое.

У. Фолкнер

История – это ведь не просто то, что было, история – с нами, в нас.

Ю. Трифонов

Предисловие

Читателю предлагается небольшая книга на большую тему – советская история и политика за период с большевистской революции 1917 года до наших дней.

Книга преследует две цели, но ни одна из них не сводится к полному изложению истории Советского Союза. Одна цель заключается в том, чтобы с позиций «ревизионизма» пересмотреть многие важные вопросы, касающиеся судьбоносных событий советской истории и их кардинальных последствий, вопросы, которые многие ученые давно считают решенными и, следовательно, закрытыми. Мой подход зачастую вынуждает меня критиковать коллег-советологов. По причинам, которые я попытаюсь подробно осветить в первой главе, академическая советология слишком часто черпала свою мудрость из поверхностных стереотипов, представлений о неизменности советской системы, банальных политических решений и упрощенных исторических трактовок. Моя же тема – живая советская действительность во всем ее многообразии. Тема

---

* Публикуется по: *Stephen F. Cohen.* Rethinking the soviet experience. Copyright 1985 by Oxford University Press for Russian translation 1986 by Chalidze Publications. Published by Chalidze Publications Benson, Vermont 05731. Manufactured in USA. Перевод Я. Зельцера.

эта требует критической постановки вопросов и углубленного их объяснения. Не я один, конечно, оспариваю идеи, господствующие в советологии, о чем свидетельствуют, в частности, библиографические примечания к данной работе. Но эта книга является первой попыткой дать общее представление о точке зрения «ревизионистов».

При этом, однако, у меня нет намерения принизить или обесценить работу других специалистов по Советскому Союзу. Научный ревизионизм – процесс поверки старых ответов новыми исследованиями и более дальней перспективой – необходим для любого вида интеллектуальной деятельности. Он особенно важен в исторических исследованиях, этих «спорах без конца» (например, до сих пор не смолкают дебаты о революциях в Англии и Франции (1)). Конструктивный ревизионизм возможен только благодаря новаторским работам тех самых ученых, чьи выводы впоследствии ставятся под сомнение. Библиографические ссылки к этой книге, а также другие мои работы показывают, сколь многим я лично обязан советологам старшего поколения, чьи труды критикую. Больше того, даже те из нас, кого можно назвать ревизионистами по нашему подходу к советской истории, далеко не единодушны в оценках целого ряда важных вопросов. Так и должно быть в науке, особенно когда предмет исследования столь противоречив.

Вторая моя цель – пересмотреть современную советскую политику в свете новых исторических представлений. Для меня политика и история составляют единый объект исследования. Сегодняшняя политическая жизнь страны с ее идеологией, институтами, общественными отношениями, руководством и рычагами власти является прямым результатом исторического опыта, своеобразным сгустком истории. Уильям Фолкнер и Юрий Трифонов, говоря о своих, столь различных обществах, пришли к одному выводу: «Прошлое никогда не умирает. Оно даже не прошлое» (2). Следовательно, исторический подход к изучению современной политики не только уместен, но и необходим. Если политический анализ не основан на глубоком знании истории, он будет поверхностным, бесплодным или ошибочным.

Непосвященный читатель может удивиться, узнав, что этот некогда самоочевидный и весьма почтенный подход к изучению политики стал непопулярным в начале 1960-х годов и мало практиковался в американской политологии. Даже в советологии его вытеснили внеисторические исследования и методологии, хотя сравнительно короткая и чрезвычайно бурная история

Советского Союза дает классические примеры непреходящего значения прошлого в политике. Советские люди чувствуют это интуитивно: «Для нас история не в учебниках, не в мертвых страницах, история – в нашей крови» (3). Западные же исследования советской политики в

большинстве своем не были историчными. В результате, многие из них либо не освещают главные факторы, формирующие внутреннюю и внешнюю политику СССР, либо, молчаливо опираясь на сложившиеся в прошлом, ошибочные исторические представления, увековечивают неправильное понимание современной советской политики. Интересно отметить, что изучение политики Советского Союза в историческом контексте также стало одной из форм ревизионизма (4).

Итак, главной темой этой книги является связь между великими историческими событиями и их политическими последствиями. Глава 1 (критический обзор истории советологии) ставит вопрос о необходимости пересмотра применявшихся на протяжении многих лет методов изучения Советского Союза. Глава 2 анализирует решающие десятилетия советской истории от большевистской революции до сталинизма. В главе 3 тот же период рассматривается с учетом последних фактов развития советской и других коммунистических партий. Глава 4 исследует глубоко противоречивое влияние сталинского прошлого на советскую политическую жизнь после Сталина. Наконец, глава 5 показывает, что крупные политические конфликты послесталинской эры – с 1953 года до настоящего времени – можно понять только в контексте всего советского опыта (5).

Я работал над книгой с перерывами, начиная с середины 70-х годов, когда решил написать серию очерков, которые впоследствии должны были сложиться в цельное произведение. Поэтому все главы, кроме первой, были в свое время опубликованы в виде отдельных статей. При подготовке книги я пересмотрел каждую главу с учетом новых материалов, исследований и событий. Кроме того, я существенно расширил последнюю главу, завершив анализ брежневской эры, краткого правления Юрия Андропова и первого полугодия власти старцев во главе с Константином Черненко. Однако новые материалы и события не потребовали изменения моей аргументации и интерпретации.

Нью-Йорк июль 1984 г.

Глава 1

Миссия ученого: советология как призвание

Но дико светская вражда
Боится ложного стыда.

А. Пушкин, Евгений Онегин

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.

В. Гете, Фауст

Научные интересы и пристрастия переменчивы, как мода или биржевой курс акций. Советология (не очень глубокий, но полезный термин, обозначающий профессиональные исследования Советского Союза) была процветающей отраслью американской науки с конца 1940-х до середины 1960-х годов. Щедро финансируемые из частных и правительственных фондов научно-исследовательские программы, посвященные России и СССР, выйдя за пределы Колумбийского и Гарвардского университетов на востоке США, быстро распространились на сотни высших учебных заведений страны. Множилось число учреждений, кафедр, специальных курсов, аспирантов, академических и правительственных постов, научных публикаций; пополнялись полки библиотек. Однако в начале 1970-х годов ощущение глубокого кризиса внезапно охватило некогда столь энергично развивавшуюся научную дисциплину. Кризис этот продолжается и поныне.

Большинство советологов полагает, что кризис носит финансовый характер. Это отчасти верно. Научные исследования СССР пострадали от пересмотра позиций и первоочередных задач в Америке, пережившей Вьетнамскую войну, пораженной инфляцией, озабоченной дефицитом бюджета. Частные и правительственные организации переместили свои ассигнования с международных исследований на внутренние проблемы. Например, Фонд Форда, на протяжении многих лет активно поддерживавший исследования СССР, за период с 1966 по 1979 год сократил общий объем финансирования международных исследований примерно с 47 до 2 миллионов долларов (2). Университеты, проводившие такие исследования и на протяжении многих лет использовавшие внешние источники финансирования, не смогли или не захотели заполнить образовавшуюся брешь.

Такое смещение акцентов отрицательно сказалось на судьбе советологии – сократились финансовые ресурсы и дотации, уменьшилось

число студентов, научных работников и преподавателей. Именно в тот период, когда богатый фактический материал и дальняя перспектива сделали возможным более качественное изучение политики, истории общества и экономики СССР, все меньшее количество людей занималось этой работой и обучалось ремеслу. Пока Америка паникует по поводу мистического военного «превосходства» Советского Союза, тот увеличивает разрыв в науке и в настоящее время имеет примерно в три раза больше специалистов по нашей внешней политике, чем мы – по советской (3).

И все же количество не всегда переходит в качество. Бюджеты определяют размах научной деятельности, но «здоровье» любой отрасли науки зависит от качественного уровня совершаемой в ней интеллектуальной работы. Интеллектуальный кризис, более глубокий и менее заметный, чем финансовый, охватил американскую (точнее, англо-американскую) советологию где-то в 1960-х годах. Советологи потеряли цель, энергию, напор и масштабность, которые на протяжении двух десятилетий оживляли учебный процесс и привлекали способных студентов. Основной причиной такого интеллектуального кризиса была внутренняя болезнь – единодушная оценка главнейших проблем советологии (4).

Политические и исторические исследования всегда были интеллектуальной базой, сформировавшей облик и научную программу советологии. За период с конца 1940-х до начала 1960-х годов большинство англо-американских советологов восприняло как аксиому определенный набор взаимосвязанных трактовок истории, современного состояния, а подчас, и будущего развития Советского Союза. Такое единодушие интерпретации получило название тоталитарной школы. В научном отношении это была практически единственная, ставшая ортодоксальной школа советологии. Она продержалась почти два десятилетия.

Та же ортодоксальная школа царила и в советологической историографии. В ранних исследованиях Советского Союза история и политология практически сливались в единую научную дисциплину. Политологи написали большинство классических работ по советской истории, и даже специальные политические исследования характеризовались историческим подходом. В этом заключалось большое преимущество ранней советологии, ибо без знания истории невозможно понять политику. Верно, однако, и то, что в ортодоксальной советологии недостаточно глубокий исторический анализ часто приводил к поверхностному политическому анализу. Учение тоталитарной школы о современной (и будущей) политике СССР базировалось на опять-таки единодушной трактовке почти всех важных этапов и событий советской истории, начиная с русской революции 1917 года до сталинского режима, каким он стал к началу 1950-х годов.

Такое единомыслие и его отрицательные последствия для развития советологии будут рассмотрены в следующей главе. Выражаясь языком тоталитарной школы, речь идет о зловещей и непредотвратимой прямой линии развития советской истории и политики. Вкратце, дело излагается следующим образом:

В октябре 1917 года большевики (коммунисты) – маленькая, непредставительная и (в зародыше своем) тоталитарная партия – захватили власть и тем самым предали русскую революцию. Впоследствии, как и в 1917 году, советская история определялась тоталитарным характером Коммунистической партии, основанной и возглавляемой Лениным. Речь идет о монополистической политике, жестокой тактике, идеологической ортодоксии, программном догматизме, дисциплинарном руководстве и централизованной организации бюрократического аппарата. Быстро монополизировав советскую власть и создав рудиментарную тоталитарную партию-государство, коммунисты с их дисциплиной, организованностью и жестокостью выиграли Гражданскую войну 1918–1921 гг. В 1920-х годах партия, истощенная войной и стоящая на пороге борьбы за ленинское наследие, тактически отступила от планов построения тоталитарного общества, временно заняв менее авторитарную позицию, известную под названием Новой экономической политики (НЭП). Однако в 1928–1929 годах, после того как Сталин «навел порядок в доме», партия, движимая идеологическим рвением, возобновила тоталитарное наступление на общество. Закономерной и неизбежной кульминацией этого процесса стали 1930-е годы, когда партия посредством массового террора и всепроникающего бюрократического контроля навязала коллективизацию и индустриализацию. Возникла тотальная партия-государство. Автономные социальные институты и процессы, а также границы между государством и обществом были разрушены. Развитому тоталитаризму пришлось несколько умерить свой пыл во время войны с Германией в 1941–1945 годах. Но после войны он вновь набрал силу и монолитная, идеологизированная, террористическая партия-государство во главе со Сталиным стала всемогущей силой, безраздельно правящей пассивным, застывшим обществом разобщенных граждан «нового типа».

Я несколько утрировал ситуацию, сложившуюся в ортодоксальной советологии. Разумеется, в рамках тоталитарной школы время от времени возникали дискуссии о второстепенных вопросах, акцентах и формулировках, но в конечном счете и они были направлены на укрепление единомыслия (5). Я ни в коей мере не исказил изложение и толкование почти четырех десятилетий советской истории и политики; в той или иной форме такой подход доминировал в основном потоке советологической литературы с конца 1940-х до середины 1960-х годов (6). Классический учебник, опубликованный в 1953 и переизданный в 1963 году, выражает эту ортодоксальную позицию следующим

образом: «Из тоталитарного зародыша должен был развиться абсолютный тоталитаризм» (7). Яснее не скажешь.

Удивительно, что в смирительной рубашке такой интерпретации советологи умудрились провести так много добротных эмпирических исследований. Во всех же остальных отношениях, как будет показано в этой книге, дела и в историческом, и политологическом разделах ортодоксальной советологии обстояли из рук вон плохо. В лучшем случае, тоталитарная школа выдавала полуправду за абсолютно аксиоматические истины; в худшем – единомыслие приводило к неполному изложению фактического материала, сомнительному анализу и псевдонаучной интерпретации. Подлинные объяснения подменялись слепой предубежденностью, приклеиванием ярлыков, незыблемыми представлениями, двусмысленными замечаниями, телеологией.

Советология скрывала больше, чем проясняла. Исторический анализ сводился к тезису неотвратимо «неразрывной последовательности» развития советской истории. Тем самым из рассмотрения исключались главнейшие ее факторы – вступающие в противоречие традиции, альтернативы, поворотные пункты и многочисленные случайности. Политический анализ базировался на неизменном представлении о режиме, навязывающем свою «внутреннюю тоталитарную логику» бессильному и обманутому обществу. Тем самым из рассмотрения исключались главнейшие рычаги реальной политики – взаимодействие государственных, исторических, социальных, культурных и экономических факторов, борьба классов, институтов, групп, поколений, идей и личностей. Советология как область интеллектуальной деятельности, основанная на потенциально плодотворной идее многоотраслевых исследований, обеднила себя, исключив из своей тематики все многогранное и проблематичное.

Все это и породило интеллектуальный кризис, охвативший к 1960-м годам академическую советологию, особенно в сфере политологии и истории. Здоровая интеллектуальная жизнь представляет собой непрерывный процесс постановки вопросов, скептических оценок, ревизионизма. Тоталитарная школа, возможно, и сыграла положительную роль, вызвав критику и альтернативные трактовки. Однако единомыслие продержалось слишком долго. Что оставалось для талантливых честолюбивых новичков, да и для всей советологии в целом, после того как к началу 1960-х годов стандартный вариант советской истории и политики был «должным образом» представлен в многочисленных публикациях? Казалось, все важные вопросы были уже поставлены и решены. Советологическая литература увязла в непрерывных повторах и интеллектуальной косности. Все большее число многообещающих аспирантов уходило в другие сферы интеллектуальной деятельности, ошибочно полагая, что «все важные проблемы советологии уже реше-

ны» (8). В 1966 году один из крупных советологов заявил: «Стандартные дискуссии длятся десятилетиями. Я предлагаю ввести в них новые идеи, новые темы, новые модели» (9). С большим опозданием новые идеи проникли в советологию, но это было вызвано не ее интеллектуальным динамизмом, а политическими переменами в Советском Союзе – переменами, которые, как и следовало ожидать, не были предсказаны и едва ли могли быть объяснены профессиональными советологами.

В связи с этим возникает важный вопрос. Каким образом наука, привлекавшая разные дисциплины для изучения самой противоречивой политической истории XX века, пришла к столь бесплодному единомыслию и так долго сохраняла его? Вопрос этот вдвойне труден потому, что такого единомыслия не существовало среди горстки ученых, представлявших англо-американскую советологию в конце 1940-х годов. В весьма малочисленной группе советологов 1930-х и 1940-х годов процветали самые разнообразные научные подходы, трактовки и политические прогнозы: от явно враждебных советскому эксперименту до симпатизирующих ему и даже оправдывающих его (10). Почему эта плюралистическая традиция исчезла, почти не оставив следа в последующей научной жизни? Мне представляется, что ответ следует искать вне самой советологии.

Единомыслие и миссия советологии в эпоху холодной войны

Немногие академические дисциплины так тесно связаны с американской политической и интеллектуальной жизнью, как советология. Советский Союз играет огромную, почти патологически утрированную роль во внутренней и внешней политике США. Советология как наука постоянно испытывает влияние международных событий – от холодной войны до детанта. Она «производит» советников для американских президентов, чиновников и дипломатов для госдепартамента. Советская политическая история непосредственно повлияла на убеждения и карьеры нескольких поколений американских ученых. Фундаментальная литература по советологии включает в себя произведения целой когорты авторов, не имеющих отношения к науке: от эмигрантов и бывших коммунистов до журналистов и работников правительственных учреждений. Таким образом, полную историю советологии, изложение которой не входит в мои намерения, следовало бы изучать в контексте современной американской истории.

Американская советология как одна из ведущих отраслей науки была создана в разгар холодной войны. До второй мировой войны изучением СССР занимались несколько эрудированных журналистов и дипломатов, а также небольшая группа научных работников, рассеянных

по университетам США и интересующихся, в основном, русским языком, литературой и историей. Предложения о развитии исследований Советского Союза обсуждались в правительственных и научных учреждениях, а первые программы были организованы министерствами обороны и военно-морского флота США, а также одним из университетов еще в ту пору, когда Соединенные Штаты и Советский Союз были военными союзниками. В 1943–1945 годах СССР утвердился на международной арене как мировая держава, что стимулировало последующее развитие профессиональной американской советологии. Однако лишь в послевоенные 1940-е и 1950-е годы (годы конфронтации двух держав во многих регионах мира: от Европы до Кореи) и, особенно, после запуска советского спутника в 1957 году, академические исследования СССР стали щедро финансироваться и были надлежащим образом организованы и расширены (11).

Я упомянул об уходящих в эпоху холодной войны корнях, чтобы рассмотреть их влияние на развитие советологии, а не для того чтобы очернить эту науку. Сами советологи изменили свое мнение по данному вопросу.

На протяжении 1950-х и начала 1960-х годов руководители советологических программ вообще отрицали наличие влияния холодной войны на советологию. Они хвалили советологов за их «объективность», «трезвые оценки» и «здоровый дух, позволивший им перешагнуть через… поляризацию власти в мировой политике» (12).

Иное мнение сформировалось в 1960-х и начале 1970-х годов. Оно отражало всеобщее самокритичное настроение, охватившее научный мир США после Вьетнамской войны и Уотергейта. Некоторые ученые старшего поколения стали рассматривать предвзятость и «провалы» советологии как наследие холодной войны. Один из ведущих советологов пришел к заключению, что «постоянные неудачи наших попыток понять и объяснить советскую действительность в прошлом, настоящем и будущем» в значительной степени обусловлены «непреднамеренным вмешательством политики в научные исследования» (13). Это суждение, ставшее возможным благодаря более дальней перспективе изучения советской действительности и американского мышления, представляется мне абсолютно верным. Оно отчасти объясняет исчезновение ранних течений в советологии и появление послевоенного единомыслия.

Холодная война оказала влияние как на политический, так и на научный аспекты академической советологии. Прежде всего, она сформировала эту науку таким образом, что прикладные («полезные») исследования считались более важными для национальных интересов США, чем чисто научные поиски, являющиеся главной целью советологии. Эта отрасль науки была создана и бурно развивалась в 1940–

1950 годах благодаря скоординированному сотрудничеству правительственных учреждений, Фондов Рокфеллера и Карнеги и университетов.

С самого начала партнеры откровенно подчеркивали «безотлагательность таких исследований и… их актуальность для политики США» (14). Доминирующая роль политических и стратегических соображений еще более возросла после 1947 года, когда отношения между Соединенными Штатами и «советским коммунистическим тоталитаризмом» ухудшились и американские чиновники решили, «что холодная война фактически является настоящей войной, в которой на карту поставлено самое выживание свободного мира» (15).

Соответствующим образом развивалась и научная советология. Среди первых профессоров и студентов было немало способных и честных людей. Многие из них пришли к советским исследованиям после работы в правительственных учреждениях, повинуясь «международной ситуации» и руководствуясь интересом к «проблемам национальной безопасности», а не желанием понять российско-советскую цивилизацию (16). В научной и околонаучной деятельности к ним присоединились некоторые из экс-коммунистов и беженцев от коммунизма, чье политическое рвение часто превосходило разрекламированный ими самими опыт и знания.

Обучение студентов было поставлено слабее, чем аспирантура, многие выпускники которой получили работу в государственных учреждениях (17). Частные фонды отпускали миллионы долларов на русские исследования, но политический контекст способствовал развитию направлений, имеющих отношение к политике. Тому же способствовали и фонды специального назначения, учреждавшиеся правительственными организациями, в том числе Министерством обороны США и Центральным разведывательным управлением (18). Университетские советологи установили множество открытых связей с государственными учреждениями, но наряду с этим развивались и «закрытые» связи, приведшие впоследствии к серьезным неприятностям (19). Академическая советология стала воинствующей отраслью науки, живущей актуальными политическими интересами и усматривающей свое назначение в изучении противника. Как одобрительно отметил автор известного литературного обзора, все советологические теории того времени были «направлены на формирование оппозиции свободного мира коммунизму» (20).

В политизации американской советологии не было ничего уникального или удивительного. Ведь еще в Европе XIX века русские исследования развивались в связи с соперничеством великих держав. Первый серьезный опыт советских исследований, предпринятый в Германии в 1920–1933 годах, носил ярко выраженный политический характер. Аналогичным образом развивались и советологические программы, ор-

ганизованные в США после второй мировой войны (21). Политическая активизация может принести большую пользу науке. Некоторые из ученых-эмигрантов, повлиявших на политическое развитие англо-американской советологии (особенно небольшая группа меньшевиков и социалистов), внесли неоценимый вклад в советские исследования.

Политизация не является поводом для морального осуждения. В науке есть место для самых разных направлений. Ученые, возражающие из этических соображений против любых политически ориентированных исследований и связей с государственными учреждениями, теряют право критиковать политику правительства. В большинстве своем советологи 1940–1950 годов были политизированы в силу присущего им идеализма и глубокой озабоченности судьбами мира, а не из цинизма. У тех из нас, кто пришел в советологию позднее, были другие заботы, и по мнению многих старших коллег, другие иллюзии.

Однако политизация привела к весьма серьезным последствиям, сказавшимся на профессиональной деятельности советологов. Бурный рост и высокая активность послевоенной советологии были, в основном, обусловлены внешними политическими обстоятельствами, а не чисто научными интересами. Когда в 1960-х годах холодная война пошла на убыль, внешние обстоятельства переменились и советология лишилась не только фондов, но и научных стимулов. В отличие от китаеведов, влюбленных в историю, культуру и народ изучаемой ими страны, многие советологи явно недолюбливают или ненавидят объект своих исследований (22). (Правда, зачастую этим объектом является «коммунизм», а не Россия.) У таких людей мало интеллектуальных мотивов и перспектив, которые могли бы стимулировать их работу. Даже сегодня поражаешься тому, что лишь немногие советологи получают творческое наслаждение от посещения Советского Союза; для большинства из них такая поездка – всего лишь неприятная служебная командировка.

Больше того, политически ориентированная наука, плоды которой предназначены для политического потребления, налагает весьма серьезные творческие ограничения. Сложную политическую историю приходится поверять сиюминутной актуальностью; «уроки» и прогнозы становятся главной целью исследований. Кругозор такой науки сужается, и она переходит на службу политике. Наука достигает высокого профессионализма, но боится показаться нонконформистской или мягкотелой (23). В результате она теряет чисто интеллектуальную ориентацию, предполагающую столкновение самых разнообразных, в том числе непопулярных и ошибочных идей и подходов. Это и произошло с советологией, ставшей чрезмерно утилитарной и недостаточно самокритичной в выборе тем и трактовок. Подобно большинству научных дисциплин, имеющих отношение к политике, советология – дабы быть

услышанной – стремилась преподавать свои «уроки» единым голосом, что и породило единомыслие и ортодоксию. Такие привычки отмирают с трудом. Даже десятилетие спустя, после воцарения американо-советского детанта, некоторые советологи продолжали настаивать на том, что их наука должна давать американскому правительству «однозначные ответы на вопросы, касающиеся характера советского поведения» (24).

Однако только происхождением невозможно полностью объяснить степень политизации или природу научного единомыслия, сформировавшегося в советологии. Для этого необходимо также рассмотреть два аспекта американской жизни в эпоху холодной войны, то есть в конце 1940-х годов и в 1950-е годы. Речь идет, во-первых, о яростном накале антикоммунизма и советофобии в официальной и популярной идеологии, породившем национальное, «внепартийное» единомыслие по крупным вопросам внешней и внутренней политики, и, во-вторых, о крестовом походе «за лояльность и безопасность» против воображаемых коммунистических агентов и их влияния в США – походе, впоследствии названном маккартизмом. На самом деле, движение это выходило далеко за пределы маккартизма. Оно укрепило и увековечило единомыслие в советологии.

Вопреки легенде, ученый не живет в башне из слоновой кости и не огражден от идеологических страстей и политических событий. Антикоммунистическое единомыслие охватило американскую систему образования, науку, интеллектуальную жизнь; некоторые восприняли его с воинствующим энтузиазмом. В 1947 году министр образования призывал руководителей школ воспитывать молодых граждан, «которые были бы хорошо информированы и умели бы расстраивать планы тоталитаристов» (25). Не остались в стороне и университетские профессора, даже те из них, чьи профессиональные интересы были весьма далеки от политики. Президент Американского исторического общества заявил в 1949 году: «Мы не можем позволить себе быть неортодоксами». Он наставлял своих коллег по университету отказаться от традиционного «плюрализма целей и ценностей», ибо «тотальная война, горячая или холодная, призывает под ружье всех, и каждый должен исполнить свой долг. Историк свободен от этих обязанностей не более, чем физик» (26).

Насколько мне известно, ни один из ведущих советологов никогда не издавал столь неразумных «приказов». Однако один из них впоследствии вспоминал: «Специалисты по Советскому Союзу, как и все остальные, оказались весьма восприимчивыми к послевоенному климату страха и отчаяния и возложили на непримиримого врага ответственность за крушение своих надежд на мир во всем мире». Антикоммунизм и, особенно, антисоветизм сформировал политико-идеологическую базу

научного единомыслия в советологии, заполонив ее литературу «идеологическими предрассудками» и «господствующими убеждениями эпохи холодной войны» (27). Даже слово «тоталитаризм», ставшее символом советологической ортодоксии, оказалось неотъемлемой частью антикоммунистического единомыслия Америки и использовалось в официальной обиходной речи как научное понятие, объясняющее современную историю и конкретную политику. В полном согласии с ментальностью эпохи холодной войны, тоталитарная школа отождествляла сталинскую Россию с гитлеровской Германией и учила, что послевоенный советский коммунизм является повторением нацизма 1930-х годов, или «красным фашизмом», предостерегая таким образом против «примиренчества». Один историк американского славяноведения даже в 1957 году не отказался от этой экстремистской позиции: «Любое объективное исследование порабощенного коммунистами мира становится невозможным, если оно ставит перед собой цель способствовать взаимопониманию» (28).

Однако примитивный антикоммунизм был лишь частью истории холодной войны. Охватив всю Америку, антикоммунистическая лихорадка идеологически переросла в более широкое движение против радикализма (а подчас и либерализма) 1930-х годов, когда под влиянием депрессии и европейского фашизма многие американские интеллигенты прониклись симпатией к Советскому Союзу (29). В итоге, пока бывших радикалов преследовали в конце 1940-х и на протяжении 1950-х годов за принадлежность к Коммунистической партии или симпатии десятилетней давности, в стране зародилась и пышно расцвела новая «интеллектуальная индустрия» (назовем ее «контркоммунизмом») (30). Контркоммунисты утверждали, что просоветские настроения господствовали в политике интеллектуальной элиты США в 1930-х годах (такое обобщение было грубым преувеличением (31)) и, следовательно, могут возродиться. В связи с этим, целью контркоммунизма стало доказательство несостоятельности всех исторических и современных аспектов советской идеологии и пропаганды – всех бессмысленных выдумок и лживых утверждений (от торжества социальной справедливости и сталинского гения уже с 1917 года до расцвета советской демократии и ее миротворческой роли в международных делах), создающих официальный, сфабрикованный агитпропом образ Советского Союза.

Контркоммунизм нашел естественное прибежище в академической советологии, что вполне соответствовало специфическому опыту и «просветительской миссии» представителей этой науки. «Анализ, разоблачение и идеологический разгром советской пропаганды» стали постоянными темами даже чисто научной литературы (32). Простого антикоммунизма, то есть утверждения, что «коммунизм – зло», было уже

недостаточно (33). Более важная научная задача состояла в том, чтобы показать, что зло это неизменно проявляется на каждом повороте истории (начиная с 1917 года) и что «советские достижения» не только ничего не стоят, но и являются полной противоположностью подлинного прогресса. В большинстве своем советологи, вероятно, не видели противоречия между миссионерской деятельностью и научной работой. Американское единомыслие времен холодной войны сплавляло эти два понятия в одно. Переиздавая капитальный научный труд по советологии, издательство «Тайм-Лайф» сопроводило его предисловием бывшего директора ЦРУ и пояснило читателям, что «в данной области лучшие исследования являются лучшей полемикой» (34).

К сожалению, и миссионерская наука имеет тенденцию к идеологизации и ортодоксии и, в конечном счете, теряет всякий смысл. К началу 1960-х годов только два-три влиятельных англо-американских специалиста осмеливались положительно отзываться о чем-либо значительном в советской политической истории (35). В 1967 году, когда советское государство праздновало 50-ю годовщину революции, гарвардский профессор русской истории организовал конференцию на эту тему в полном соответствии с контркоммунистической традицией. Один из рецензентов отчета об этой конференции назвал ее «судом присяжных вешателей», отметив, что только один участник «не считает Октябрьскую революцию катастрофой» (36). Двенадцать лет спустя тот же гарвардский профессор по-прежнему настаивал на необходимости контркоммунистического подхода к советским исследованиям, мотивируя свою точку зрения тем, что «большинство работающих ныне [западных] историков считает эту революцию прогрессивным событием, покончившим с невыносимым деспотизмом и проложившим дорогу к торжеству свободы и равенства» (37). Неудивительно, что раздраженный сторонний наблюдатель, также профессор Гарвардского университета, сетовал в 1971 году: «Мы получили в наследство от холодной войны священный синод русоведов, глубоко озабоченных тем, как бы их менее проницательные сограждане не были обмануты тем, что говорят Советы. Я никого не хочу оставить без работы, но полагаю, что теперь они могут спокойно подать в отставку» (38).

Не все советологи были «миссионерами». Фанатизм времен холодной войны особенно глубоко укоренился среди политологов и историков, но почти в каждой отрасли советских исследований можно было отыскать нескольких «диссидентов», которые, правда, вели себя очень смирно. Концепции и контркоммунистическая миссия тоталитарной школы меньше всего повлияли на экономистов и демографов, по-видимому, благодаря эмпирическому характеру их исследований. Фактически, в академической науке таких специалистов было меньше, чем в различных государственных учреждениях, где они тихо собирали и анализировали информацию (39). Но и здесь они составляли незначи-

тельное меньшинство среди ученых, охваченных страстями холодной войны.

Спросить, почему диссидентов было мало, а голоса их были почти неслышны, значит поставить вопрос о влиянии «крестового похода за лояльность и безопасность», о влиянии политического страха на людей, занимавшихся исследованиями Советского Союза. Окончательный ответ на этот вопрос дать пока невозможно. История американской науки тех лет еще не написана, и никому не хочется оглядываться назад. Ясно, однако, что советологи избежали тотальной атаки по типу той, что обрушилась на экспертов по азиатским странам после «потери Китая» в 1949 г. Советология была защищена влиятельными покровителями, связями с правительственными учреждениями и близостью к официальной политике. И все же такое привилегированное положение таило потенциальную опасность, Полигики-маккартисты искали «коммунистические заговоры» по всей Америке – в Голливуде, школах, Государственном департаменте, армии. В представлении «крестоносцев» не было более удобного канала для коммунистического «проникновения», чем академическая советология.

Без лишней шумихи инициаторы «крестового похода за лояльность и безопасность» прямо и косвенно запугивали советологов. Прямых путей запугивания было немного, но и их оказалось достаточно, чтобы посеять и распространить панику. Рассмотрим, например, дело Американо-русского института, основанного в Нью-Йорке в 1926 году. Это был культурно-просветительский, а не научный институт и, в общем, он симпатизировал Советскому Союзу. За многие годы своей деятельности институт завоевал поддержку в умеренных кругах. Он опубликовал ряд научных трудов и разработал несколько программ, впоследствии включенных в академические советские исследования, создал обширную библиотеку, которой после 1945 года пользовались многие университетские профессора и аспиранты. В конце 1940-х годов Американо-русский институт попал в список «подрывных организаций», составленный Генеральным прокурором США, был лишен статуса не облагаемой налогами организации и прекратил свое существование в 1950 году. Одного из сотрудников Института вызывали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, после чего он и некоторые его коллеги были отстранены от научных занятий (40).

Престижный Русский институт Колумбийского университета, стоявший у истоков всего последующего развития советологии, был учрежден в 1946 году. «Охотники за красными» развязали клеветническую кампанию против двух из пяти его основателей – профессоров Джона Хазарда и Эрнеста Симмонса. Другому основателю института – Филипу Мозли, вместе с Хазардом, пришлось присягнуть в том, что они не коммунисты, чтобы получить американские паспорта (41). Хазард, гла-

ва американской школы исследований советского права, и Симмонс, один из первых исследователей славянских литератур, были крупными учеными и почитаемыми преподавателями. В 1953 году сам сенатор Джозеф Маккарти назвал их «участниками коммунистического заговора», что, как обычно, было политической клеветой (42). Беды Хазарда начались с того, что в 1930-е годы он на американскую стипендию учился в СССР, а в 1944 году в качестве переводчика сопровождал вице-президента Генри Уоллеса во время его визита в СССР. Хазард был вызван в Комиссию Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности не за научную деятельность, а в связи с работой на посту заместителя директора ленд-лиза в период американо-советского военного сотрудничества. Мягкий интеллигентный человек, Хазард вспоминает: «Это было ужасное время, и оно сильно попортило мне нервы» (43).

Были, конечно, и другие примеры прямого вмешательства участников похода за «лояльность и безопасность» в советологию, но происходило это за кулисами и оставалось незамеченным. Такие случаи, как вынужденная отставка заместителя директора Гарвардского центра русских исследований в 1948 году и неофициальное «соглашение» между тем же институтом и отделом ФБР, занимавшимся охотой на «подрывных элементов», стали достоянием гласности гораздо позднее (44). Теперь мы знаем, что все авторы правительственного журнала «Проблемы коммунизма» (Problems of Communism), в котором регулярно печатались многие выдающиеся советологи, должны были пройти предварительную секретную проверку лояльности, без которой их статьи не допускались к публикации. Редактор журнала боролся с этим правилом и добился частичного его пересмотра, но оно оставалось в силе с 1950-х по 1977 год (45)

Между тем, косвенный политический нажим оказывал еще более обескураживающее влияние на университетских советологов, чем случаи прямого вмешательства. Следует помнить, что советология сформировалась в атмосфере «охоты на ведьм», затронувшей всю сферу просвещения. К этому периоду относится изучение «коммунистических методов проникновения» Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности (1953 г.), увольнение по меньшей мере шестисот профессоров и преподавателей, обвинение в нелояльности многих других и – снаряды рвались совсем близко – атака на почтенных коллег, занимавшихся китайскими исследованиями. Младший преподавательский состав, имеющий отношение к советским и иным коммунистическим проблемам, особенно остро ощущал политический нажим и необходимость подчиниться. Конспекты их лекций внимательно изучались бдительными согражданами, и многие материалы «признавались слишком рискованными для использования в педагогической практике» (46).

Страх проник и в высшие эшелоны преподавательского состава, охватив университетских советологов, которые, как мы уже знаем, также не обладали «иммунитетом». Особенно уязвимыми чувствовали себя ученые старшего поколения, начавшие заниматься советскими исследованиями до второй мировой войны. Но и некоторые из более молодых советологов опасались обвинений в «грехах» своих учителей и предшественников, сочувственно относившихся к советскому эксперименту в смутные 1930-е и 1940-е годы (47).

Итак, какое же влияние оказал «крестовый поход за лояльность и безопасность» на академические советские исследования? Большинство советологов, возможно, и верило в научную обоснованность единомыслия. Если же зарождались сомнения, то (по признанию одного из них) «не такое было время, чтобы говорить, что думаешь» (48). Влияние на советологию было, вероятно, таким же, как на американскую прессу. В 1953 году газета «Нью-Йорк Таймс» писала в своей передовице:

> Хотя Соединенные Штаты никоим образом не охвачены «волной террора»… маккартизм оказал на всех нас глубокое влияние, повлиял на то, что мы пишем, говорим и даже думаем. Все мы стали гораздо осторожнее… ибо учитываем, что любой наш поступок может вызвать губительную критику крайне правых. Сама отправная точка нашей деятельности сместилась, а мы этого и не заметили. Даже если бы Маккарти сегодня не стало, его влияние на интеллектуальную жизнь Америки осталось бы настолько глубоким, что нам нескоро удалось бы от него отделаться (49).

Мне здесь хочется подчеркнуть не политику или искренность советологии времен холодной войны, а ее интеллектуальное наследие. В условиях крайней поляризации мировой политики, советология, вероятно, и не могла развиваться иначе. Я сам и многие другие ученые, пришедшие в советологию позднее, не можем утверждать, что не примкнули бы к порожденному холодной войной единомыслию. Восприняв многие истины от ученых старшего поколения, ни один из нас не стал «просоветским». Больше того, мы должны помнить, что советская действительность сталинских времен существенно затруднила научную критику ортодоксальной тоталитарной школы. Преступный характер сталинской системы, утвердившейся с 1930-х годов, скудность несталинских материалов, не пропускавшихся советской цензурой до середины 1950-х годов, и конформизм запуганных террором советских ученых, лишали западных советологов основы для альтернативных подходов и трактовок (50).

Но подлинная миссия научного анализа состоит в том, чтобы заглянуть за фасад, проникнуть в смысл явлений и критически осмыслить их. Американские условия в такой же мере, как советские, не способст-

вовали выполнению этой миссии. Идеология и политика холодной войны содействовали формированию и сохранению вредного для развития науки единомыслия в области советской политики и истории. Они сузили выбор тем и трактовок, ограничили интеллектуальный простор, сведя к минимуму возможность критических нетрадиционных взглядов, сделали научные концепции жесткими и ортодоксальными. Результатом этого было интеллектуальное наследие, способствовавшее кризису советологии в 1960-х и 1970-х годах.

Уникальная политическая история?

В 1931 году Герберт Баттерфилд опубликовал свой знаменитый труд «Виги трактуют историю», в котором он подверг суровой критике господствующую школу британской историографии. Эта небольшая, но имеющая непреходящее значение книга должна стать «противоядием» для каждого ученого, занимающегося профессиональным изучением советской политической истории, хотя автор даже не упоминает о данном предмете.

Баттерфилд выступил против традиции вигов «изучать прошлое ради настоящего», вместо того чтобы «попытаться понять прошлое ради него самого». Эти историки «заинтересованы в распространении моральных суждений», ищут «логику развития истории», логику, которая подтвердила бы нынешнюю политическую ситуацию. Они преуспевают в этом, «организуя историческую летопись при помощи системы ссылок на современность», открывают «мнимую непрерывность», позволяя себе выборочные сокращения, упрощения и искажения реального исторического процесса. Таким образом историки-виги приходят к «капитальным, самодовлеющим историческим суждениям» ради настоящего, «исключив из рассмотрения сложности и спрямив извилистый путь исторического развития». В этом процессе приняли участие и другие ученые, продолжавшие «отбирать лишь то, что подтверждало основной принцип, и ставить на старую историю заплаты новых исследований» (51).

Советологический вариант виговской интерпретации истории лежит в основе единомыслия в советских исследованиях времен холодной войны. Конечно, у Баттерфилда историки-виги славят настоящее Британии, в то время как советологи осуждают современную советскую систему, но и те и другие прибегают к весьма сходным приемам и доктринам. В ориентированной на современность и практическую пользу советологии, завуалированная цель исторического исследования состояла в том, чтобы драматизировать роль «внутренней логики тоталитаризма», которая с абсолютной «неизбежностью» развивалась с 1917 года и на всем протяжении сталинской эпохи 1940-х и 1950-х годов. В области исследований СССР глубоко укоренились такие приемы, как

изучение истории от конца к началу, проецирование последствий сталинизма на прошлое Советского Союза, трактовку всего, происшедшего между 1917-м и 1930-ми годами, как преддверия к сталинизму. Даже в конце 1960-х годов, когда один из критиков такой практики заявил, что советскую политическую историю следует изучать с самого начала, «слой за слоем», представитель тоталитарной школы возразил: «Иногда прошлое легче понять, изучая настоящее и устанавливая связь между настоящим и прошлым» (52).

Виговское единомыслие в советологии покоилось на сложном сплетении трактовок, подходов, концепций и суждений. Чтобы распутать этот клубок, потребуются годы ревизионистских исследований. Основополагающий тезис сводился, конечно, к «неразрывной преемственности», к «прямой линии», якобы соединяющей первоначальный вариант русского коммунизма (большевизм) со сталинизмом. Это обобщение распространялось на суждения обо всех промежуточных периодах и событиях советской истории. В свою очередь, в основе таких объяснений лежал набор шаблонных подходов и концепций. Наиболее важными из них были крайне детерминированные рассуждения и выражения типа «естественный процесс» и «неизбежные последствия», а также однопричинные исторические трактовки, которые, как мы уже видели, почти исключительно концентрировались вокруг «политической динамики» (идеологической, программной и организационной) большевистской (коммунистической) партии.

В следующей главе мы подробнее рассмотрим эти советологические приемы в контексте конкретных исторических событий. Но уже здесь следует задержаться на повышенном внимании советологов к политическим чертам, или «принципам функционирования» (53) верхних эшелонов системы как решающем факторе всей советской истории. Такой подход сформировал базу для создания виговской летописи, каждая существенная глава которой была поставлена под сомнение последующими исследованиями.

Как и во всех сказаниях подобного рода, зло было заложено в самом акте творения. Советология эпохи холодной войны объясняла поразительную победу большевиков в революционном 1917 году маккиавелизмом партийных руководителей, централизованной организацией, дисциплинированностью членов партии и манипулированием массами. Однако последующие исследования вскрыли разнообразие методов руководства, децентрализованную организацию, непокорный рядовой состав партии и идеологическую связь между большевистской философией и самопроизвольной радикализацией общественного мнения (54). Победу Коммунистической партии в гражданской войне 1918–1921 годов объясняли аналогичным образом – циничной демагогией, жестокостью и организованностью. Сегодня ученые начинают изучать граж-

данскую войну как глубокий исторический процесс развития социальных и политических противоречий, в котором большевистская идеология оказалась привлекательной для широких масс и который сам существенно изменил природу правящей партии (55). Либерализация большевистской политики и идеологии в период Новой экономической политики (1921–1928 годы) примитивно толковали как передышку – хитрый тактический прием партии, укрепляющей свои тоталитаристские позиции. Впоследствии ученые обнаружили в НЭПе множество большевистских тенденций и политических возможностей. Сталинская политика 1930-х и последующих лет, включая принудительную коллективизацию и массовый террор, была истолкована как неизбежная кульминация первоначального «плана» партии. Ученые-ревизионисты, изучая тот же период, видят нереализованные альтернативы сталинизма, сложное переплетение социальных, культурных и политических факторов, глубокие причинно-следственные связи, возможные варианты развития событий (50).

Утрированное внимание к механизму функционирования верхушки политической системы представляет собой еще один аспект ранних советских исследований, который невозможно полностью объяснить в отрыве от холодной войны. Ведь объяснение сложных исторических и социальных процессов соображениями высокой политики было характерно для философии холодной войны по обе стороны железного занавеса. Выводы, конечно, делались противоположные. Но насколько виговская политическая теология и детерминизм советологических трактовок отличались от официальной сталинской историографии? (57). Не свидетельствует ли почти маниакальное увлечение советологов политическими факторами о профессиональном (хотя и молчаливом) стремлении опровергнуть знаменитый тезис Маркса о главенствующей роли «общественных сил» в истории?

Риторика и необъективность холодной войны проникли и в научный анализ «политической динамики» советской истории. Достаточно привести лишь несколько примеров. Радикализм, охвативший Россию в 1917 году, революция снизу, поддержавшая большевиков на демократических выборах и приведшая их к власти, списываются за счет «анархизма и неистовства толпы» (58). Некоторые ученые, отрицательно относящиеся к революции 1917 года, в то же время обвиняют большевиков в том, что они ее «предали». Ленина поливают грязью за то, что он воспользовался «немецкими деньгами» для достижения своих целей в 1917 году, а генералу Власову аплодируют за то, что он сформировал из советских военнопленных армию для борьбы со Сталиным на стороне Гитлера. Коммунистическое правление Россией на протяжении нескольких десятилетий именуют не государством, а режимом. Нам говорят, что в борьбе между советскими лидерами все решает гру-

бая сила, а не личные качества и политические соображения (59). Советские политики придерживаются «рабской партийной дисциплины», в то время как американские «слуги народа» являются «игроками команды». В 1975 году молодой советолог аплодировал маститому коллеге, пришедшему к выводу, что советская политическая культура вообще «сбилась с верного пути и отклонилась от нормы» (60). Такая необъективность делает «политико-динамическую» интерпретацию советской истории еще более неполноценной.

В широком контексте социальных, культурных и исторических явлений политические факторы, конечно же, существенны для интерпретации истории. Однако советологи истолковывали «политическую динамику» как нечто крайне ограниченное, обособленное и статичное. Политика в их представлении ассоциировалась лишь с деятельностью партийной верхушки, провозглашенной ею идеологией и «стремлением к абсолютной власти» (61). Несмотря на многочисленные, документально подтвержденные факты, свидетельствующие об обратном, эти вторичные политические аспекты рассматривались как нечто однородное по своему существу или, по шаблонному выражению, как «монолитный режим» (62). Кроме того, хотя большинство советологических исследований характеризовалось хронологическим подходом, «партия» рассматривалась в них как «внеисторическая», практически неизменяющаяся категория. Пройдя через революционные бури 1917–1921 годов, невзгоды 1920-х годов, переломные события 1930-х и 1940-х годов, партия не претерпела никаких изменений, а ее «динамика» не испытала влияния бурливших вокруг нее социальных и международных перемен. Создавался образ некоей «внеисторической партии» (63).

Бесплодие этой концепции наиболее наглядно проявилось в неспособности советологии (особенно ее тоталитарной школы) реально оценить социальные аспекты советской политики. Анализ взаимовлияния и взаимодействия государства и общества находится в центре большинства исторических и политических исследований. Это не распространяется на советологов, видящих только жестко детерминированный односторонний, длящийся десятилетиями процесс, в ходе которого партия-государство «навязывает свою идеологию» инертному обществу (64). Излюбленными образами таких «аналитиков» стали «перманентная гражданская война между правителями и подданными» и «режим, оторванный от народа» (65). Ошибочно принимая сталинский деспотизм и массовый террор («основу тоталитаризма») за всю политическую и социальную жизнь Советского Союза, советологи в большинстве своем забыли важнейшую истину. По свидетельству одного из советских диссидентов, деспотические условия «отнюдь не означали, что из советского общества можно лепить все что угодно, как из комка

глины. Советские люди проявили способность жить собственной жизнью. В толще многомиллионных масс сохраняется преемственность и происходят реальные перемены» (66).

По мере того как тоталитарная школа укрепляла свои ортодоксальные позиции в советологии, даже лучшие ее представители все с большим недоверием относились к социальному анализу. Вот что пишет один из них:

> «Моя тема – Коммунистическая партия Советского Союза, а не советское общество в целом. По-моему, история партии охватывает все (кроме сугубо юридических) вопросы, которые мы обычно рассматриваем в рамках политической истории. Поскольку советская система тоталитарна, исследование правящей партии включает в себя всю историю СССР… Сущность тоталитаризма – в политической власти» (67).

Таким образом, академическая советология стала заниматься изучением режима, а не социальными исследованиями. Например, в ее научных программах отсутствовала социальная история и политическая социология (68). Были исключены из рассмотрения или искажены социальные факторы, лежащие в основе перемен в исторической и современной политике: от непрерывного, хотя и подспудного, развития общества до скрытой борьбы противоречивых (хотя и приглушенных) социальных интересов внутри правящей верхушки. Один из самых авторитетных и влиятельных советологов заявил, что советская политическая система не имеет социальной структуры, ибо «там нет даже местного самоуправления» (69).

По иронии судьбы, все советологические концепции, созданные вне подлинной истории, социологии, культуры и даже подлинной политики получили наиболее полное воплощение в «тоталитарной модели» 1953–1956 годов, когда после смерти Сталина в Советском Союзе происходили важные перемены (70). Тоталитарная школа превратилась в монолитную советологию на базе обобщений, сформулированных для объяснения прошлого, настоящего и будущего. Ее представители заблуждались во всех отношениях. Не предсказание, а познание перемен является главной целью политического анализа. Создав в собственном воображении советскую историю без конкурирующих тенденций или альтернатив, советскую политическую жизнь без социальных факторов и «монолитный режим» без глубоких внутренних конфликтов, советологи получили статичную концепцию замороженной системы. Этот ледяной монумент не растаял за целое десятилетие, в течение которого социологи открывали советское общество. Советологическая концепция по-прежнему гласит: «Советская система сложилась окончательно… Основные ее очертания застыли, и мы не можем ожидать существенных новшеств. Система… заморожена во всех ее компонентах, формах и связях» (71).

Советологи не сумели распознать начавшийся в 1950-х годах процесс постепенного отхода от сталинского террора и деспотизма, процесс, впоследствии получивший название десталинизации. Они обсудили и отвергли перспективу таких перемен непосредственно перед смертью Сталина и в последующие годы. Если оставить в стороне довольно распространенное мнение о неизбежном усилении тоталитаризма и сопутствующего ему террора, в советологии господствовали две точки зрения. Согласно первой, считавшейся доминирующей, «никакие фундаментальные перемены не представляются вероятными без насильственного разрушения» советской системы (72). Эта аксиома вдохновила автора лучшего советологического учебника на следующее изречение: «Тоталитарный режим не может добровольно отказаться от присущих ему характерных черт полицейского государства; он отомрет, только если будет лишен власти» (73). Второй тезис состоял в том, что система вообще не сможет пережить Сталина. Сторонники этой точки зрения предсказывали, что борьба за власть в послесталинском руководстве приведет к «дезинтеграции» или крушению советской системы (74). Поскольку стабильность объясняли только «тоталитарным контролем» над «порабощенным народом», следовал вывод: «Если что-либо нарушит единство и подорвет дееспособность партии как политического инструмента, Советская Россия в мгновение ока превратится из одной из сильнейших в одну из самых слабых и жалких стран мира» (75).

Я пишу все это не для того, чтобы задним числом, во всеоружии тридцатилетнего опыта высмеять заблуждения советологов, а чтобы подчеркнуть неизбежную связь между плохим историческим и плохим политическим анализом. Один из основоположников научного единомыслия в советологии совершенно справедливо заметил: «Очертания будущего… заключены в прошлом и определяются как налагаемыми прошлым ограничениями, так и открываемыми им возможностями» (76). Но сам он и его коллеги, в силу «тоталитарного» подхода к предмету, видели в этом прошлом только исторические ограничения без возможностей, открывающихся для настоящего и будущего. Представители академической советологии не только не предвидели возвышение и падение Никиты Хрущёва и целый ряд политических перемен, но и проглядели (а многие из них так и не признали) некоторые важнейшие события и явления послесталинских десятилетий, включая разногласия в среде политической бюрократии, конец массового террора, реформы сверху и мощное консервативное противодействие им, политические раздоры внутри Коммунистической партии между приверженцами разных советских традиций, споры о сталинском наследии, усиление роли общества и его проблем в политической жизни, диссидентское движение среди интеллигенции.

Но может быть, этот приговор несправедлив? Может быть, политическая ситуация, сложившаяся в США и СССР, мешала проведению более проницательных и более глубоких исследований? Возможно. Однако, как я уже отмечал, некоторые из американских советологов не только не примкнули к ортодоксальному направлению, но и пытались отмежеваться от него (77), Например, один из неофитов, поживший в сталинской России и мысливший исторически, возражал против «косной тенденции преуменьшать значение всех слабых признаков перемен в послесталинской России и игнорировать их как “несущественные”». В 1956 году он предсказал «более глубокий разрыв со сталинским прошлым», включая возрождение диссидентского движения интеллигенции, «как это уже было в XIX веке» (78). Можно привести еще один пример. Английский марксист-советолог Исаак Дейчер, еще в ту пору когда в СССР свирепствовал сталинский террор, утверждал, что «сильные социальные тенденции» в конечном счете приведут к изменению системы (79). У Дейчера были свои догмы. Он полагал, что советский рабочий класс станет движущей силой в борьбе за подлинную демократизацию, а его марксистский оптимизм и левые политические взгляды часто выливались в нечто близкое к апологетике сталинизма. Однако, в отличие от большинства презрительно относившихся к нему представителей основного направления советологии, Дейчер понимал, что история «в России не завершена» и что советская система «не защищена от закона перемен» (80).

Кто-то однажды сказал, что, начиная со средних веков, интеллектуалы лишь комментируют ранее сделанные заключения. Будучи еще совсем молодой наукой, советология, перестала заниматься исследованием неизвестного и начала превозносить то, что считалось известным и аксиоматичным. Интеллектуальную ортодоксию, принявшую форму дидактической истории и наставительной политологии, легко преподавать и трудно оспаривать. Однако и она не устояла против натиска ревизионизма, что и привело к кризису академической советологии.

Миссия ревизионизма

Неудивительно, что к 1970-м годам единомыслие в советологии уступило место плюрализму подходов и интерпретаций. Политические обстоятельства постоянно меняются; интеллектуальное единомыслие не вечно. Однако цепкость единомыслия советологов и невероятная, вызывающая ассоциации с таянием ледников, замедленность темпов его эрозии поистине поразительны. Ученый старшего поколения так выразил эту мысль: «Боюсь, что как группа мы весьма медленно расставались с отмирающими представлениями». Несмотря на «впечатляющий набор впоследствии отвергнутых или опровергнутых гипотез и предпо-

ложений» (81), несмотря на то, что некоторые ученые начали мыслить иначе, тоталитарная школа сохраняла господствующее положение на протяжении значительной части 1960-х годов, а ее приверженцы продолжали публиковать скорректированные описания «нового лица советского тоталитаризма» (82). Таким образом, ортодоксальная советология выжила в весьма неблагоприятных для нее условиях хрущёвского периода, отмеченного драматичными переменами в советской политике.

В конечном счете, три события, из коих два не имеют прямого отношения к советологии, нарушили единомыслие советологов. Первое и самое важное из них произошло в сфере международных отношений. Признаки разрядки, появившиеся при Эйзенхауэре и Хрущёве в 1950-х годах, снова в начале 1960-х годов поставили под сомнение компетентность советологии как «прикладной науки». Детант, по всей вероятности, не привел в замешательство советологов, как это утверждал один из критиков (83), но разрушил их доктрину неизменности «непримиримых противоречий» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Основополагающая аксиома советских исследований и американской внешней политики времен холодной войны гласила, что тоталитаристское «стремление к абсолютной власти» внутри страны неизменно ведет к аналогичному поведению СССР за рубежом (84). Поэтому даже медленные перемены в политике холодной войны и ментальности обеих сторон начали вызывать к жизни ревизионистские вопросы о подлинной природе советской системы. Эти вопросы становились все более актуальными вследствие развития глубоких противоречий – от споров о различных путях стран Восточной Европы к социализму до разрыва между Китаем и СССР – в считавшемся некогда монолитным блоке коммунистических систем. Вполне понятно, почему ориентированные на политику советологи одними из первых забеспокоились по поводу того, что «многие аспекты послевоенного единомыслия оказались по меньшей мере устаревшими, а в некоторых отношениях и неверными» (85).

Политические события, происшедшие в Советском Союзе, особенно после начала Хрущёвым антисталинской кампании в 1956 году и до свержения самого Хрущёва в 1964 году, также повлияли на западную советологию, хотя произошло это с некоторым опозданием. Конец массового террора и ослабление цензуры выявили целый ряд факторов, не укладывавшихся в рамки тоталитарной концепции. Оказалось, что в Советском Союзе есть враждующие между собой политические лидеры, писатели-нонконформисты, различные социальные тенденции и мировоззрения. Эта, некогда подспудная многокрасочность советской действительности противоречила однотонным стереотипам советологии. Кроме того, западных ученых захлестнул непрерывно нарастающий поток новых материалов. Противоречия, раздирающие советскую по-

литическую олигархию, проникли в официальную печать, и даже газеты становились ценным источником информации. В ту пору специальные журналы публиковали статьи советских историков, содержащие разноречивые оценки прошлого (86).

Ценность этих официальных материалов колебалась в зависимости от усиления или ослабления цензуры, но с конца 1960-х годов их начал пополнять массовый поток самиздата. Отпечатанные на машинке материалы передавались из рук в руки и в конце концов попадали за границу. Для советологов, не закрывавших глаза на происходящее в Советском Союзе, «монолита» больше не существовало.

Наконец, в 1960-х и начале 1970-х годов в советологию пришло новое поколение ученых. Как группа они были не талантливее своих предшественников, но в научном плане имели перед ними вполне реальные преимущества, так как могли учиться на достижениях и ошибках ортодоксальной советологии, были в меньшей степени связаны политическими ограничениями времен холодной войны, пользовались новыми советскими материалами и работали в более самокритичной атмосфере американской интеллектуальной жизни 1960-х годов. Кроме того, многие из молодых советологов получили образование, не доступное старшему поколению, ибо им была предоставлена возможность учиться в Советском Союзе по начавшимся в 1958 году программам научного обмена. Я лично могу подтвердить, что такой опыт, полученный из первых рук, способствовал разрушению монотонных стереотипов и одномерных концепций, созданных по эту сторону и на большом расстоянии от «железного занавеса». Не все молодые ученые и даже не большинство из них стали ревизионистами, но некоторые из них все же к этому пришли (87).

Первая волна ревизионизма в советологии пришлась на вторую половину 1960-х годов и затронула политические науки. Однако зародилась она в так называемой кремленологии, процветавшей в 1950-х годах на фоне разгоревшейся после смерти Сталина борьбы за власть. Несмотря на сенсационное название и сомнительную репутацию, кремленология занималась и продолжает заниматься полезным и зачастую плодотворным анализом, основанным на отрывочных сведениях о подспудной борьбе внутри советского руководства. Хотя кремленологи в большинстве своем были ярыми приверженцами тоталитарианской школы, их работы подрывали ортодоксальные представления о «монолитном режиме» (88). Кругозор кремленологов был ограничен. Они рассматривали политические конфликты как эпизодические события и сводили их только к борьбе за власть, причем только в высших эшелонах советского руководства. Тем не менее к середине 1960-х годов результаты их исследований привели к более разностороннему и глубокому подходу к современной советской политике и развернутой критике тоталитарной модели (89).

Под влиянием социологических веяний молодые и некоторые из маститых советологов попытались совершить методологическую, или «бихевиористическую» революцию в советских исследованиях (90), бросив вызов трем основополагающим догматам тоталитарианской школы. Во-первых, они с разных позиций отвергали концепцию статичности советской политики, («…перемены являются постоянным фактором коммунистических систем» (91)). Во-вторых, они нарисовали более полную картину политических противоречий и пришли к выводу, что «представление о советской политической системе как монолите – просто миф» (92). Вместо монолита они увидели сложный процесс формирования советской политики, протекающий с участием соперничающих фракций, представляющих различные интересы социальных, бюрократических и элитарных группировок. В-третьих, они отвергли утверждение тоталитарианской школы о том, что СССР можно сравнивать только с нацистской Германией и некоторыми другими экстремистскими государствами, и призвали к более широкому сравнительному исследованию советской политики (93).

Ревизионистские исследования советской политики, принципиальное влияние которых начало ощущаться в середине 1970-х годов, дали как положительные, так и отрицательные результаты. Прежде всего, они рассеяли чары тоталитарианской модели, столь долго сковывавшие советологию, породили многообразие путей познания и изучения советской системы и расширили сферу эмпирических исследований, направив их от политического центра к периферии (94). Некоторые советологи целиком и полностью отвергли концепцию тоталитарианизма, придя к выводу, что ее несоответствия и идеологические обертоны слишком очевидны и что единственная ее функция состоит «в наклеивании оскорбительных ярлыков на плохую систему правления» (95). Таким образом, ревизионизм положил конец ортодоксии в советских исследованиях.

Однако ревизионизм не покончил с тоталитарной школой, которая до сих пор влияет на изучение современной советской политики. Реакция школы на вызов ревизионистов была неоднозначной и простиралась от примиренчества до упорного сопротивления. Некоторые ученые частично признали справедливость критики и даже сами отчасти стали ревизионистами, но только для того чтобы спасти тоталитарианскую модель. Например, один социолог признал, что «тоталитаризмом нельзя адекватно объяснить то, что социологи называют социальными проблемами», но тем не менее взял под защиту тоталитарную концепцию. Один политолог, чьи труды немало способствовали опровержению основных догматов тоталитарной школы, пытался лишь подкорректировать модель и слегка ограничить ее в историческом плане (96).

Другие влиятельные ученые, несмотря на новые научные исследования и явные перемены в советской системе, оставались страстными

проповедниками «ортодоксальных» представлений о сталинской и послесталинской России. «Пытаясь подкрепить старый миф новыми исследованиями», они признали возможность «зрелого тоталитаризма» без эксцессов террора. Для них и им подобных даже очевидная идея о роли представляющих различные интересы групп в советской политике была «одной из самых сомнительных» (97). Цепкость тоталитарной школы отражала не только упрямство старшего поколения. В учебнике, написанном двумя молодыми советологами, сказано, что «начинающему студенту легче всего понять советскую систему в рамках концепции тоталитаризма» (98). Состояние постревизионистской советологии можно сравнить с ситуацией, сложившейся в науке о нацизме, где некогда тоже господствовала школа тоталитаризма. Крупный специалист в этой области пишет: «Каждое новое детальное исследование реальных фактов жизни в нацистской Германии показывает несостоятельность “тоталитарной концепции”» (99).

Недостатки в области советских исследований отчасти объяснялись несовершенством самой ревизионистской политологии. Как это вообще свойственно современной социологии, советологи-ревизионисты зачастую больше декларировали, чем поясняли. Профессиональный жаргон брал верх над конкретным анализом, методологические вопросы – над принципиальными (100). За редкими исключениями, ревизионисты не сумели отказаться от старой концепции и перейти от исследования политики режима к социальной политике, или отношениям между партией-государством и обществом (101).

Главное же состояло в том, что волна ревизионизма в советологии 1960-х годов оказалась не на высоте, ибо (опять-таки подобно большинству направлений политологии) была почти вызывающе антиисторичной. Большинство ревизионистов, находясь в плену неисторичного подхода к предмету своих исследований, не проявляло большого интереса к русской или советской истории. Их определения современной системы не были связаны с реальными фактами исторического развития советской политики и поэтому часто опровергались ими. В отличие от советологов старшего поколения, они не связывали политические и исторические трактовки, оставив в неприкосновенности и молчаливо приняв виговскую историографию, на которой базировалась тоталитарная модель.

Ревизионизм проник в западные исследования по истории СССР позже, и произошло это по следующим причинам. Политологические факультеты с их антиисторизмом и негативным отношением к предмету собственных исследований не культивировали у студентов и аспирантов исторического подхода к советской политике, и тем приходилось применять его косвенно, под прикрытием какой-нибудь неясно сформулированной концепции вроде «политической культуры». Со-

циологические идеи модернизации и «конвергенции» индустриальных обществ, проникшие в советологию в начале 1960-х годов, могли стимулировать новые исторические исследования, но оказались слишком эфемерными или просто повторяли старые тоталитарные мотивы (102). Исторически мыслящие студенты тяготели к историческим факультетам и (поскольку те не уделяли большого внимания «современной истории») к изучению дореволюционной России. Не менее важную роль сыграло и то обстоятельство, что исторический труд требует больших затрат времени, чем политологический, особенно в советологии, где приходится просеивать горы прошедших цензуру материалов в поисках крох полезной информации. Так, пока на протяжении 1960-х годов политологи- ревизионисты спешно публиковали свои подчас скудно документированные статьи, историки-ревизионисты работали над фундаментальными книгами, появившимися в 1970-х годах (103).

Создавая более полное и альтернативное представление о советском опыте в целом, исторический ревизионизм может, в конечном счете, оказать сильное влияние на советологию. Однако этот длительный процесс только начался. Более четкая картина революционного 1917 года уже вырисовывается, но период гражданской войны и 40-х годов остается в основном неизученным. Несмотря на увеличение объема исследовательских работ по НЭПу и сталинизму, некоторые политические и общественные явления 20-х годов еще ждут своих исследователей; в дополнительных исследованиях нуждаются и 1930-е годы. К тому же, новая историческая наука, как это вообще свойственно раннему ревизионизму, подняла больше вопросов, чем решила. Ревизионисты осветили целый ряд долго игнорировавшихся фактов советской истории, но только начали разрабатывать многофакторные трактовки. (Особенно неразвитыми остаются социальная история и ее анализ.) Не создали они и описательного или интерпретативного обзора советской истории в целом.

Следует отметить, что не все новые тенденции в историографии позитивны. Это особенно относится к замалчиванию наиболее уродливых аспектов советского опыта. Например, некоторые молодые историки, изучающие общество и его институты, делают основной упор на те явления, которые они считают модернизирующими или прогрессивными, в частности, на индустриализацию, урбанизацию, социальную мобильность, массовую культуру и административный реализм, сводя на нет или затушевывая страшные человеческие трагедии и материальные потери сталинского периода, связанные с принудительной коллективизацией сельского хозяйства, массовым террором и системой лагерей (104). Сейчас еще слишком рано судить о том, объясняется ли эта отрицательная тенденция утрированной реакцией на разоблачительный пыл советологии времен холодной войны, узкой направленностью исследо-

ваний в области социальной истории или потаенным политическим стремлением реабилитировать сталинскую эпоху (105).

Как бы то ни было, столь неполные исследования не являются подлинно научным ревизионизмом, ориентированным на создание более исчерпывающей, чем когда-либо в прошлом, советской истории и более адекватную интерпретацию всех ее аспектов. Перенос акцентов на советское общество является важной поправкой к навязчивым политическим идеям советологии времен холодной войны. Однако систематическое уничтожение, депортация и заключение в тюрьмы миллионов советских граждан в количественном, аналитическом и этическом отношениях составляют не менее существенную часть социальной истории 1930-х годов и сталинской системы, чем продвижение по служебной лестнице и «модернизация» миллионов других. Эта непростая истина логически вытекает не только из солидных западных исследований, но и из советской литературы послесталинского периода, включая официально сакционированную историографию хрущёвской эры и диссидентские произведения, появившиеся после Хрущёва. Как будет показано в одной из последующих глав, критически настроенные советские авторы по-разному оценивают сталинское прошлое. Некоторые из них пытаются взвесить преступления и достижения. Другие настаивают: «За три десятилетия генсек… не совершил ни одного доброго поступка» (106). Однако никто из них не пытается приуменьшить серьезность этих преступлений.

Вероятно, лучше всего было бы оставить право окончательного суда за советскими людьми. Трагедии и достижения, а следовательно, и право судить принадлежат им, а не нам. Однако для современных западных историков попытки замалчивания этих глубоких и непреходящих трагедий – сколь бы блистательными ни были их работы во всех остальных отношениях – означают создание еще одной односторонней истории и отказ от подлинной ее интерпретации. Это означает возврат к направленному против холодной войны, но глубоко ошибочному подходу Е.Г. Карра, английского историка, чьи обширные и ценные труды косвенно оправдывают сталинскую эпоху посредством избирательной периодизации и подбора фактов, использования эвфемизмов советского образца для описания важнейших событий и отказа от всесторонней оценки альтернатив и последствий. По иронии судьбы, такой подход ведет – как это и произошло с Карром – к сложившейся во времена холодной войны аксиоме о сталинизме как единственно рациональном и возможном итоге большевистской революции (107).

При всех своих несовершенствах, исторический ревизионизм существенно обогатил советологию. Как уже упоминалось ранее, он поставил под сомнение многие аспекты виговского единомыслия. Ныне новая историография простирается от 1917 до 1930-х годов, от альтер-

натив, представленных поверженными оппозиционерами из высших сфер Коммунистической партии, до экономических и социальных факторов, от отдельных событий (например, всеобщей коллективизации в 1929 году) до широкой интерпретации природы первоначального большевизма, НЭПа 1920-х годов и сталинских 1930-х годов как различных политико-социальных моделей советской истории. Необходимая связь между этими новыми трактовками исторических событий и новой политологией установлена не в полной мере, но, чувствуя исходящее от прошлого «живое тепло», некоторые ученые переосмысливают историю посредством изучения нынешней советской системы (108). Короче говоря, ученые-ревизионисты, занимающиеся вопросами истории и политологии, даже оставаясь в меньшинстве, заменили единомыслие и аксиомы советологии научным плюрализмом и широким кругозором.

С другой стороны, трансформация советологии была неполной. Многие унаследованные от холодной войны признаки этой отрасли науки, хотя и стали менее четко выраженными, пережили детант и возродились с ухудшением американо-советских отношений в конце 1970-х годов. Некоторые советологи остаются ярыми советофобами и выступают даже против программ научного обмена, которые, якобы, позволяют Советскому Союзу «влиять как на западных ученых, так и на западную политику» (109). Стратегические и политические соображения продолжают формировать советологию и влияют на приток фондов, необходимых для исследовательской и преподавательской работы (110). После того как в начале 1980-х годов «борьба против тоталитаризма» официально вернулась в Белый Дом, некогда бывшие ортодоксальными концепции «незаконности» советского правительства, его «внутренней войны» против собственных граждан, «принципиально неизменной» природы и возможного крушения возродилась наряду с контркоммунистическими традициями (111).

Заслуживает сожаления и тот факт, что некоторые американские и европейские советологи унаследовали от холодной войны политическую нетерпимость к собственным коллегам. Они обвиняют поддерживающих детант советологов в «примиренчестве», а ученых-ревизионистов – в идеологическом разоружении Америки и прочих смертных грехах (112). Эта нетерпимость подогревается эмигрантами новой волны 1970-х годов, привнесшими в советологические дискуссии грубые полемические приемы советского образца (113). Неудивительно, что ученые-ревизионисты и ныне боятся показаться «мягкотелыми» или «снисходительными по отношению к коммунизму», ибо это может закрыть доступ в политические круги (114). Может быть, именно поэтому даже молодые советологи порой жаждут «однозначных ответов» или «последнего слова» в советских исследованиях (115). Ведь едино-

мыслие создает определенные удобства. Ученые-ревизионисты должны научиться жить с такими «военными аспектами» американской советологии. Политические соображения постоянно влияют на профессиональных советологов; время от времени связанная с ними опасность ослабевает, но исчезнуть она не может никогда. Эта опасность коренится в американо-советском соперничестве, агрессивном поведший советских властей дома и за рубежом и распространенных в США представлениях о СССР. Советофобия зародилась задолго до холодной войны 1940-х годов и не поддавалась излечению даже в лучшие времена. Например, даже в пору военного союзничества американцы ставили русских как нацию ниже немцев (116).

Что бы ни произошло в Советском Союзе, американские наблюдатели и многие советологи находят в этом то, что ищут. Интересно отметить, что охваченная сталинским террором Россия имела многочисленных почитателей в Америке, в то время как никому из американцев не нравилось менее жестокое правление Брежнева (117). Англо-американские советологи, настаивающие на том, что и сегодня советская система остается неизменной и развивается по непреложным законам и что ничего принципиально нового изучать не осталось, отражают предрассудок, широко распространенный среди людей, живущих в демократических обществах. Они не понимают, что в мире существует широкий спектр недемократических авторитарных политических систем – от кровавых до патерналистических (118). Как не раз уже происходило в советской истории, перемены в пределах этого спектра не обязательно ведут к демократизации, но для граждан таких стран они крайне важны. Непризнание этого факта свидетельствует об отсутствии аналитического подхода к проблеме и элементарного сострадания к людям.

Все это не может разочаровать нас в выбранной профессии, но должно служить напоминанием о том, насколько плохо советология выполняла свои обширные просветительские функции. Финансирование академических советских исследований по-прежнему определяется стратегическими и торговыми отношениями США с Советским Союзом (119), но интеллектуальное здоровье этой отрасли науки улучшается. Совершенно ясно, что должно быть сделано в этом направлении. Советологам приходится маневрировать между двумя ортодоксальными крайностями в политике. Они должны отказаться от абстракций, аксиом и прогнозов (в том числе и ревизионистских) и заняться накоплением фактических данных по истории изучаемой страны. Они должны сконцентрировать свое внимание на непознанном, отказавшись от представления о Советском Союзе как «загадке, окутанной тайной, которая погружена в мрак неизвестности» или системе, настолько уникальной, что «ничто в истории России или любой другой страны не может служить ориентиром стороннему наблюдателю» (120).

Подлинная миссия ученого состоит в дальнейшем развитии советологии, превращении ее в поле столкновения различных взглядов, подходов и трактовок, охватывающих сложное многообразие изменяющегося советского опыта. Нет никакой нужды в новом советологическом единомыслии; в науке есть место для всех школ, включая и тоталитарную. Один го лидеров старого ортодоксального направления резко критиковал молодых советологов за то, что «их работа может быть взята на вооружение политиками и использована в интересах холодной войны. Он приходит к выводу, что «их вклад в подлинную науку не может быть столь значительным, как вклад их предшественников» (121). Вызов, заключенный в его критике ревизионистских ученых, актуален. Но ответить на него можно, лишь переосмыслив весь ход советской истории и политики.

Глава 2

Большевизм и сталинизм

> Коль вы способны, сев времен провидя, Сказать, чьи семена взойдут, чьи – нет.
>
> *Шекспир*

Каждая великая революция ставит перед учеными кардинальные исторические вопросы. Самый главный, сложный и важный вопрос, поставленный большевистской революцией и ее последствиями, касается связи между большевизмом и сталинизмом.

Сущность этого вопроса сводится к следующему: является ли социально-политический порядок, установленный при Сталине в 1930-х годах, логическим результатом «непрерывного» развития большевистского движения, доминировавшего в советской России на протяжении первого десятилетия после 1917 года. Ответ на этот вопрос неизбежно формирует взгляды историка на множество менее крупных проблем, относящихся к периоду от 1917 до 1939 года. Не будет большим преувеличением сказать историку этого периода: «скажи мне, как ты истолковываешь связь между большевизмом и сталинизмом, и я скажу тебе, как ты трактуешь почти все значительные события между ними». В конечном итоге, вопрос этот был и остается политическим, и, если исключить западных поклонников официальной советской историографии, чем меньше симпатий у историка к революции и большевистскому движению, тем меньше он видит существенных различий между большевизмом и социализмом.

Читатель, не знакомый с западной литературой по советской истории, может предположить, что по этому коренному вопросу ведутся яростные споры между приверженцами соперничающих школ. Ведь речь идет о кардинальном и весьма сложном вопросе, а аналогичные вопросы, поставленные другими революциями, например связь между бонапартизмом и французской революцией 1789 года, вызвали бесконечные дискуссии (1). К тому же имеющиеся данные весьма противоречивы и порой ставят исследователя в тупик. И наконец, без ответа на этот вопрос невозможно объяснить революцию сверху, проведенную Сталиным в 1930-х годах, – этот беспрецедентный, длившийся целое десятилетие переворот, начавшийся с коренного изменения официальной политики и принудительной коллективизации 125 миллионов крестьян, прошедший через стадию далеко идущего пересмотра официальных идеологических догматов и представлений и закончившийся ликвидацией старой большевистской элиты, включая большинство основателей советского государства.

Тем большее удивление вызывает тот факт, что до недавнего времени этот вопрос мало обсуждался советологами. Вместо этого в период бурного развития советологии, с конца 1940-х до 1960-х годов, сформировалось поразительное единодушие в интерпретации проблемы большевизма и сталинизма. Пережив подъем и падение различных методологий и подходов, это единодушие утвердило следующий примитивный вывод: «Не существует никаких принципиальных различий, никакого логического несоответствия между большевизмом и сталинизмом, которые в политическом и идеологическом отношении представляют собой одно и то же». Когда бы в научной литературе ни проводились некоторые различия (происходило это нечасто и без какой-либо системы, ибо термины большевик, ленинец и сталинист были практически взаимозаменяемыми), нам говорили, что они непринципиальны, носят чисто количественный характер и обусловлены изменением исторических обстоятельств, к которым должна приспосабливаться советская система. Согласно этому единодушному мнению, сталинизм был логичным, закономерным, триумфальным и даже неизбежным итогом большевизма. На протяжении 20 лет такая историческая интерпретация была аксиомой почти для всех научных исследований по советской истории и политике (2). Она превалирует и сегодня.

Эта глава имеет целью пересмотреть тезис непрерывности, показать, что он базируется на ряде сомнительных формулировок, концепций и трактовок, и доказать, что его сторонники, при всей их проницательности, запутывают, а не проясняют рассматриваемый нами вопрос. Такая критика необходима и более чем актуальна по целому ряду соображений.

Во-первых, тезис неразрывной преемственной связи между большевизмом и сталинизмом формирует научные представления обо всех главных периодах, событиях, причинных факторах, движущих силах и альтернативах десятилетий, определивших развитие советской истории. Этот тезис лежит в основе более широкого единомыслия в советологии, которое я попытался обрисовать в предыдущей главе, – единомыслия в оценке того, что и почему произошло в Советском Союзе за период от 1917 года до смерти Сталина в 1953 году. Во-вторых, тезис непрерывности в значительной степени затушевал необходимость изучать сталинизм как особый феномен с собственной историей, политической динамикой и социальными последствиями (3). Наконец, он оказал существенное влияние на наше понимание сегодняшнего положения дел в Советском Союзе. Рассматривая большевистское и сталинистское прошлое как единое, недифференцированное целое, многие ученые преуменьшали способность послесталинской системы к переменам. В большинстве своем они, по-видимому, считали, что советские реформаторы, обращающиеся к несталинистской традиции в ранней политической истории СССР, найдут там лишь «социальный и политический организм, разъедаемый быстро распространяющейся раковой опухолью» (4). Как будет показано в последующих главах, эта точка зрения мешает понять принципиальные расхождения и конфликты между антисталинистами и неосталинистами, между реформаторами и консерваторами, формирующими официальную советскую политику после смерти Сталина.

Тезис непрерывности

История и сущность тезиса непрерывности нуждаются в более пристальном рассмотрении. Споры об истоках и природе политики Сталина начались на Западе еще в начале 1930-х годов (5). Однако на протяжении многих лет этим в основном занимались представители левых течений в политике, в частности настроенные против Сталина коммунисты и, особенно, Лев Троцкий. В середине 1930-х годов, после ряда неубедительных и противоречивых заявлений, этот высланный из страны оппозиционер выдвинул свой знаменитый тезис о том, что, вопреки официальным декларациям Москвы, сталинизм является не завершением большевизма, а его «термидорианским отрицанием» и «предательством». В 1937 году, когда сталинский террор уничтожал большевистскую элиту, Троцкий добавил: «Нынешняя “чистка” проводит между большевизмом и сталинизмом… целую реку крови» (6).

Недвусмысленное, хотя и не вполне четкое обвинение Троцкого, сводившееся к тому, что сталинизм представляет собой контрреволюционный бюрократический режим, «диаметрально противоположный» большевизму, вызвало яростные споры среди западных радикалов, в

том числе и троцкистов. Эта не прекращающаяся и поныне дискуссия сильно пострадала от свойственной марксистам страсти к наклеиванию ярлыков и псевдонаучному анализу (Стала ли сталинская бюрократия новым классом? Была ли сталинская Россия капиталистической, термидорианской, фруктидорианской, бонапартистской или все же социалистической страной?), а также от вполне понятного нежелания бросить тень на роль Советского Союза в борьбе с Гитлером (7). Тем не менее спор был интересным, и ученые зря игнорируют его. Он предвосхитил целый ряд аргументов в пользу непрерывности или разрыва непрерывности развития советской истории – аргументов, появившихся впоследствии в научной литературе по большевизму и сталинизму (8).

Научные исследования по этому вопросу начались лишь после второй мировой войны в связи с интенсивным развитием профессиональной советологии. Весьма существенно, что по времени это совпало с расцветом сталинизма как развитой системы правления в Советском Союзе и странах Восточной Европы, а также с началом (или возобновлением) холодной войны. Знание эпохи помогает объяснить два аспекта тезиса непрерывности, которые представляются очевидными, но с трудом поддаются документальному обоснованию. Прежде всего, речь идет о сомнительной логике. Эта логика, как подметил один из участников ранних дискуссий, утверждала, что «русский коммунизма должен был стать тем, чем он стал, потому что это действительно произошло» (9). Второй аспект состоит в том, что, как сетовал один из основоположников русских исследований в США, ранние научные труды «слишком часто создавались в атмосфере лютой ненависти к нынешнему русскому режиму» (10). Эти факторы несомненно способствовали утверждению в научном мире мнения о том, что пороки сталинской России были предопределены непрерывным «распространением злокачественной опухоли» в советской политической истории после 1917 года.

Теория «прямой линии», соединяющей большевизм или, как его неверно именуют, ленинизм с основами сталинской политики, вновь стала популярной благодаря выступлениям Александра Солженицына после его высылки из Советского Союза в 1974 году (11). Эта теория на протяжении многих лет служила основой академической советологии. В подтверждение тому приведем несколько типичных заявлений ведущих советологов.

Михаил Карпович: «Сколь ни велики изменения, происшедшие с 1917 года до настоящего времени, в основе своей сталинская политика является закономерным развитием ленинизма». Вальдемар Гурян: «Все основополагающие принципы своей политики Сталин заимствовал у Ленина». Джон С. Решетар: «Ленин разработал исходные предпосылки, а Сталин принял их и довел до логического завершения, апогеем

которого стали большие чистки». Роберт В. Дэниелс: «Победа Сталина… была не личной победой, а триумфом символа, личности, воплотившей в себе заповеди ленинизма и методы претворения их в жизнь». Збигнев Бжезинский: «Вероятно, самым живучим достижением ленинизма явилась догматизация партии, фактически подготовившая и обусловившая следующую стадию – стадию сталинизма». Роберт Г. Макнил: «Сталин сохранил большевистскую традицию и близко подошел к завершению работы, начатой Лениным». Адам. Б. Улам: «Большевистский марксизм определил характер послереволюционного ленинизма и главные черты того, что мы называем сталинизмом». В другом месте Улам говорит о Ленине следующее: «Его психология сделала неизбежными жестокости сталинского периода». Артур П. Мендел: «За немногими исключениями, все атрибуты сталинской России в конечном счете вытекают из ленинского наследия». Джереми Р. Азраэль: «Как провозгласил Сталин, “вторая революция” была естественным продолжением первой». Альфред Г. Майер: «Сталинизм можно и должно определить как образ мыслей и действий, непосредственно вытекающий из ленинизма». Цитирование можно продолжить, но мы ограничимся лишь высказыванием Г.Т. Виллетса, подтверждающим, что западные ученые считают сталинизм «логичной и, вероятно, неизбежной стадией органичного развития Коммунистической партии» (12).

Совершенно ясно, что именно утверждает и объясняет тезис «принципиальной непрерывности перехода от ленинизма к сталинизму» (13). Речь идет не о каких-то второстепенных событиях, а о чудовищных деяниях сталинизма за период с 1929 по 1939 год и в последующие годы: от принудительной всеобщей коллективизации до заключения в тюрьмы или уничтожения десятков миллионов людей. Все это, говорят нам, вытекает из политической (идеологической, программной и организационной) сущности первоначального большевизма (14). Поражает жесткая детерминированность такой аргументации, строящейся на единственном причинном факторе.

Очевидно, что такая интерпретация была бы немыслимой в отрыве от тоталитарной школы, господствовавшей в советологии на протяжении столь многих лет. Советологи-ортодоксы не только запутали вопрос, употребляя термин «тоталитаризм» как синоним сталинизма, но и способствовали утверждению тезиса непрерывности. Так, западные теоретики советского тоталитаризма в большинстве своем считали сталинский переворот 1929–1933 годов важнейшей вехой советской истории, но истолковывали его не как отклонение от «прямой линии» развития большевистского движения, а как продолжение и кульминационный пункт начавшегося ранее процесса установления тоталитарного режима. Отсюда и классическая формула Мерля Фейнсода: «Тоталитарный зародыш разовьется в созревший тоталитаризм» (15). На этой почве

сложилась тенденция рассматривать всю большевистскую и советскую историю до 1929 года всего лишь как преддверие к сталинизму, или всеобъемлющему тоталитаризму. С другой стороны, жестко детерминированная риторика ортодоксальной советологии, основанной на «внутренней логике тоталитаризма», представляла этот процесс не только непрерывным, но и неизбежным. Например, Улам, пишет: «После победы в октябре 1917 года Коммунистическая партия начала искать пути к тоталитаризму. Вопрос был только в том, какой характер и какое философское направление примет этот тоталитаризм» (16). Таких примеров можно привести множество.

Тезис непрерывности был создан трудами не только университетских ученых. Значительную роль сыграли бывшие коммунисты (к этой группе недавно присоединился Солженицын), отошедшие от большевизма-ленинизма и, наконец, от марксизма. В представлении этих людей постепенно стирались некогда казавшиеся существенными различия между первыми двумя, а подчас и между всеми тремя понятиями. Опираясь на авторитет, завоеванный личным опытом (зачастую вдали от России) и обращением в «иную веру», экс-коммунисты самыми разнообразными способами защищали теорию «прямой линии». Некоторые из них стали профессиональными историками «тоталитаризма» (17). Другие, в том числе Джеймс Бернгем и Милован Джилас, создали ставшие популярными теории, представляющие советский коммунизм в ином свете – как новый класс, или бюрократический режим. Но и они трактовали 1930-е годы (победоносный период нового класса – бюрократии) как «продолжение» и «законнорожденное детище ленинизма и революции» (18). В историографическом плане их концепция отличалась от теории прямой линии только терминологией. По существу, они говорили о непрерывном переходе нового класса – правящей бюрократии – от зарождения к зрелости. Наконец, уникальный вклад в утверждение тезиса непрерывности внес Артур Кестлер, который в романе «Слепящая тьма» изобразил уничтожение Сталиным старых большевиков как логичный итог самого большевизма (19). Тезис непрерывности утвердился окончательно; единодушие стало полным.

О том, насколько полным было единодушие по этому вопросу, свидетельствуют труды Е.Г. Карра и Исаака Дейчера – историков, непримкнувших к господствующему направлению академической советологии. Оба они не разделяли антипатии большинства советологов к большевизму. Дейчер был приверженцем революции, а Карр относился к ней с большой симпатией. Оба высказывали оригинальные, отличающиеся от «магистральных», мнения о многих аспектах советской истории (20). И все же эти ученые по иным, более сложным, чем у ортодоксальных советологов, причинам считали, что между большевизмом и сталинизмом существует прямая связь. Созданная Карром мону-

ментальная «История Советской России» заканчивается досталинским периодом. Однако детальный анализ 1917–1929 годов, в ходе которого Карр отвергает все альтернативы сталинизму, согласуется с более ранним его заявлением о том, что без сталинской революции сверху «ленинская революция ушла бы в песок, и в этом смысле Сталин продолжил и завершил дело Ленина» (21).

Дейчер тоньше и интереснее анализировал данный вопрос отчасти потому, что сделал его центром своих исторических и биографических очерков о Сталине и Троцком. Он проводил четкое различие между большевизмом и сталинизмом, описывал кардинальные разрывы непрерывности исторического процесса, говорил даже о «пропасти между ленинской и сталинской фазами советского режима» и был непримиримым критиком ученых, воображением которых была создана идея «сплошной непрерывности» перехода от ленинизма к сталинизму. И все же Дейчер полагал, что сталинизм «продолжил ленинскую традицию», поскольку национализация осталась основой социализма, сталинский режим преследовал революционные цели модернизации России, а единственная большевистская альтернатива, каковой, по Дейчеру, был троцкизм, в условиях 1920-х годов не имела шансов на успех. Несмотря на отказ сталинизма от основополагающих большевистских идей (согласно Дейчеру, в основном от интернационализма и пролетарской демократии) и грубейшие нарушения бюрократией ленинских заветов, «большевистская идея и традиция осталась, пройдя через ряд прагматических и казуистических ревизий, господствующей в Советском Союзе» (22).

Короче говоря, несмотря на серьезные разногласия по другим вопросам, «инакомыслящие» Карр и Дейчер молчаливо соглашались с представителями господствующей школы советологии времен холодной войны в том, что «история советской России с октября 1917 года до смерти Сталина развивалась как непрерывный процесс» (23). Спорили лишь о том, с какого момента отсчитывать неумолимый ход эпохи сталинизма: с октября 1917 года и роспуска Учредительного собрания, с 1921 года и запрещения фракций Коммунистической партии или с 1923 года и первого поражения Троцкого.

Единомыслие ученых, даже если они занимаются советскими исследованиями, противоестественно. Первая негласная попытка ревизии историографии, принятой на вооружение «правящей» тоталитарной школой, была предпринята еще в 1960-х годах представителями магистрального направления советологии, решившими взглянуть на сталинизм в более широкой перспективе опыта развивающихся стран и их модернизации. Они начали изучать сталинизм в рамках русской истории и социальных перемен, Но вместо того чтобы поставить под сомнение тезис непрерывности, они лишь пытались переформулировать

его. Сталинская политика 1930-х годов, а иногда и кровавые чистки того периода трактовались как большевистская (или коммунистическая) программа модернизации, необходимая или полезная в свете отсталости России и модернизующей роли партии и, следовательно, как «логическое завершение» 1917 года (24). В этом несколько отретушированном варианте тоталитарианской догмы сталинизм изображался как зрелый большевизм в его модернизирующей стадии.

Прямой вызов тезису непрерывности был брошен совсем недавно. Сделали это ученые-ревизионисты, исходившие из новых советских материалов. Объединяет их не общий подход к проблеме, а стремление критически переосмыслить всю советскую историю и политику. Хотя отзывы на книги ревизионистов были уважительными и даже благожелательными (25), влияние их на советологию остается весьма ограниченным. Правда, единодушного мнения о связи между большевизмом и сталинизмом уже не существует, но большинство советологов, включая и представителей нового поколения, по-прежнему считают, что «Сталин воплотил коммунистическую идею», что его деятельность является «ленинизмом чистой воды» и что «Ленин был наставником, а Сталин – учеником, доведшим дело учителя до логического завершения» (26).

Прямые линии и другие виговские стереотипы

В ходе общих исследований, посвященных тезису непрерывности, сложились некоторые, весьма стойкие стереотипы, которые можно разбить на две категории. Во-первых, речь идет о наборе формулировок, подходов и концептуальных трактовок по вопросу о том, как и почему возникла «прямая линия» между большевизмом и сталинизмом, во-вторых – о ряде взаимосвязанных интерпретаций, якобы демонстрирующих непрерывность большевистской программы с 1917 года до сталинского переворота 1929–1933 годов. Эти представления должны быть переосмыслены, и начать следует с концептуальных вопросов.

Сама формулировка тезиса непрерывности представляется нам весьма проблематичной. Одно из самых известных положений тезиса состоит в том, что большевизм содержал «семена», «корни» или «зародыши» сталинизма. С этим утверждением не могут не согласиться даже самые непримиримые противники тезиса непрерывности (27). В соответствии с другими советологическими стереотипами, сталинизм не был «случайностью», а стал возможным благодаря ленинизму-большевизму. К сожалению, эти обобщения говорят лишь о вполне очевидных вещах. Каждый исторический период, каждое политическое явление имеет корни в прошлом: русская революция – в истории царской России, гитлеровский третий рейх – в Веймарской Германии и т. д. Такие обобщения, по сути дела ничего не говорят о непрерывности, тем более

о причинности или неизбежности. Они просто напоминают нам, что в истории нет ничего совершенно нового, не имеющего прочных корней в недалеком прошлом.

Большевизм 1917–1928 годов действительно таил в себе «семена» сталинизма; о них достаточно сказано в западной литературе, и они не нуждаются в дополнительном рассмотрении. Менее известно, но чрезвычайно важно то, что большевизм содержал в себе и иные, несталинистские «семена», а «корни» сталинизма можно отыскать не только в большевизме, но и в русской историко-культурной традиции, событиях типа гражданской войны, международной обстановке и т. д. Дело, однако, не в «семенах» или иных, еще менее существенных признаках преемственности, а в принципиальной непрерывности или ее отсутствии. В этой связи уместно процитировать одного из бывших большевиков, который ввел новую метафору непрерывности исторического процесса: «Разумно ли судить о живом человеке по зародышам разложения, которые обнаружились при вскрытии и, возможно, содержались в организме с момента рождения?» (28).

Основные термины тезиса непрерывности (большевизм, сталинизм, неразрывность) в том виде, как они обычно употребляются, не проясняют, а запутывают вопрос. Тоталитарная школа провозгласила, что ее главная задача сводится к тому, чтобы выявить и проанализировать совершенно новый вид авторитаризма. Однако новизна этого явления зачастую игнорируется, о чем свидетельствует ставшее стандартным объяснение сталинизма: «авторитаризм дореволюционного ленинизма вполне естественно и, вероятно, неизбежно породил советский авторитаризм» (29). Варианты этого тезиса поясняют, что сталинизм продолжил антилиберальные, недемократические и репрессивные тенденции большевизма.

Этот аргумент не имеет ничего общего с весьма важным в подобных случаях сравнительным анализом. К тому же здесь ошибочно предполагается, что в 1917 году или позднее в России существовала возможность подлинно демократического порядка – либерального, пролетарского или какого-либо иного. В различных (в зависимости от периода) отношениях большевизм был ярко выраженным авторитарным движением, но, не проводя различий между советскими авторитарными режимами до и после 1929 года, легко исказить самую сущность сталинизма. Сталинизм означал не просто беспрецедентное сочетание национализма, бюрократии, отсутствия демократии и полицейских репрессий. Подобные явления возникали и в других странах и легко поддаются объяснению.

Суть дела в том, что сталинизм воплощал гипертрофированные, экстремальные черты этих явлений. Например, речь шла не просто о притеснении крестьян, а о настоящей гражданской войне против крестьян-

ства, не просто о полицейских репрессиях или терроре в стиле гражданской войны, а о геноциде, жертвами которого за 25 лет стали десятки миллионов людей, не просто о термидорианском возрождении националистической традиции, а о шовинизме почти фашистского толка, не просто о культе вождя, а об обожествлении тирана. Во времена Хрущёва и Брежнева западные ученые часто говорили о «сталинизме без перегибов» или «сталинизме без арестов». Такие формулировки лишены всякого смысла, ибо перегибы составляли самую сущность сталинизма и именно они нуждаются в объяснении (30).

Аналогичные проблемы создает широко распространенный, поражающий своей ограниченностью взгляд на большевизм как на сталинизм или «зародышевый» сталинизм. В другой работе я попытался показать, что большевизм является гораздо более многогранным политическим движением в плане идеологии, программы, взаимоотношения поколений и т. д., чем это обычно признавали наши ученые (31). Вызывает сомнение еще один аспект тезиса непрерывности – знак равенства между большевизмом и ленинизмом. Ленин был всего лишь одним из видных большевиков. Стиль его руководства, идеи и личность несомненно оказали неизгладимое влияние на формирование движения, но большевизм был шире и многограннее, чем ленинизм. Его идеология, стратегия и политика формировались и другими вождями, рядовыми членами партии, ее комитетами, внепартийными элементами и великими социальными событиями, включая первую мировую войну, революцию и гражданскую войну (32). Я не пытаюсь создать впечатление, что зародыши сталинизма таились в ленинизме, а не в большевизме. Те, кто так считают, весьма избирательно пользуются имеющимися в нашем распоряжении фактическим материалом, делая основной упор на работу Ленина «Что делать?» и публицистику периода Гражданской войны, сводя к минимуму значение ленинской книги «Государство и революция» и статей 1922–1923 годов.

Так как же все-таки быть с формулировкой непрерывности? Мы сталкиваемся здесь с одной из труднейших задач исторического анализа. Большинство историков согласится с тем, что эта проблема требует кропотливого эмпирического исследования исторических аналогий и различий, что непрерывность и разрывы, как правило, сосуществуют в определенной пропорции и что эта пропорция, определяющая возможность перехода количественных перемен в качественные, имеет решающее значение. Неудивительно, что такой заслуживающий уважения подход играет главную роль в наших рассуждениях о различиях в политической истории царской России и Советского Союза, но почти не сказывается на наших представлениях о большевизме и сталинизме. Так, один из видных сторонников тезиса непрерывности предупреждает против отождествления царского и советского режимов: «Важно

подчеркнуть, что существует глубокая пропасть между авторитаризмом и тоталитаризмом и, рассматривая их как идентичные политические формации, мы, в конечном счете, обнаружим свою неспособность проводить различия между неперерывностью и переменами» (33). Применяя это вполне разумное предостережение к советской истории, легко заключить, что и здесь «количество переходит в качество… Сталин довел ленинизм до крайности, изменил его сущность» (34).

Однако, как было показано выше, для интерпретации советской истории применялись особые методы. Прежде всего, речь идет о жестком детерминизме и однопричинных толкованиях, на которых часто базировался тезис непрерывности. Лексикон, применявшийся для установления прямой причинно-следственной связи между «политическим динамизмом» большевизма и сталинизмом, особенно коллективизацией и большим террором 1936–1939 годов, уникален для современных исследований в области истории и политики. Он изобилует терминами телеологического детерминизма – «неизбежный процесс», «внутренняя логика», «неискоренимые тоталитарные черты», «неотвратимые последствия», «логическое завершение», «неминуемая стадия» и т. д. Например, автор типичной в этом отношении работы поясняет, что сталинская кампания коллективизации в 1929–1933 годах «была неизбежным следствием победы большевистской партии 7 ноября 1917 года» (35).

Здесь мы сталкиваемся с серьезными вопросами, касающимися методологии исторических исследований. Во-первых, такой лексикон выдает детерминизм, сходный с тем, который некогда господствовал в официальной сталинистской историографии и был заслуженно раскритикован западными учеными (36). Во-вторых, претендуя на широкий охват проблемы, такого рода телеологическая интерпретация мало что объяснила. Как заметила много лет назад Ханна Арендт, такой подход дает «аксиоматическую оценку», а не подлинный исторический анализ (37). К тому же он не выдерживет проверки логикой. Отвечая на аналогичные суждения, бытующие в Советском Союзе, историк-диссидент Рой Медведев указывает, что если сталинизм был предопределен большевизмом, если после 1917 года не было иных альтернатив, то и 1917 год и большевизм должны были быть предопределены более ранней российской историей. В этом случае «для объяснения сталинизма мы должны будем обращаться ко все более ранним эпохам нашей истории – едва ли не до татарского ига». Затем Медведев добавляет: «…Но это был бы неправильный путь – исторического оправдания, а не осуждения сталинизма» (38).

Все это коренится в советологическом варианте виговской интерпретации истории, оценивающей прошлое по настоящему и предшествующие события по последующим (39). Как напоминает нам Карр, все историки испытывают влияние настоящего времени и событий, после-

довавших за изучаемым ими периодом (40). Верно и то, что современные знания иногда проливают свет на прошлое. Но в вопросе о большевизме и сталинизме особенно четко проявляются отрицательные аспекты виговской традиции в советологии. Полагаясь на ту же концепцию предопределенности и проецируя события сталинского периода на большевистское прошлое, эта традиция сталинизирует все существенное в ранней советской истории и политике, игнорирует (ради возможности продолжить «прямую линию» вплоть до 1917 года) период с 1929 до 1933 года, когда сталинизм впервые появился на исторической арене, интерпретирует большевистскую, или коммунистическую партию с антиисторических позиций, как если бы она действовала вне общества и вне самой истории.

Виговская интерпретация базируется на двух стандартных и в равной степени сомнительных аргументах. Первый из них предполагает, что внутренняя «политическая динамика» (или «природа») большевистской партии предопределила сталинизм. Второй исходит из того, что перемены в советской политической системе при большевизме и сталинизме были поверхностными и второстепенными по сравнению с непрерывностью, носившей фундаментальный и принципиальный характер. Первый аргумент отчасти верен, но ему вредит скрытая в нем антиисторическая концепция партии, не изменяющейся с 1917 года, – концепция, легко опровергаемая опубликованными в литературе материалами. Какой смысл говорить о партии как об исторической детерминанте, если только за период с 1917 по 1921 год ее численность, состав, организационная структура, внутренняя политическая жизнь и мировоззрение претерпели глубокие изменения? (41). И это только один пример.

Говоря о «динамике» причинно-следственных связей, чаще всего ссылаются на идеологию партии (42). Это в высшей степени одностороннее объяснение вызывает целый ряд очевидных возражений. В нем не учитывается тот факт, что одна и та же идеология способна по-разному влиять на события. Так, христианство ассоциируется и с гуманизмом и с инквизицией, а социализм – и с социальной справедливостью и с тиранией. Кроме того, это объяснение определяет главную цель большевистской идеологии как «концентрирование безграничной власти над обществом» (43).

Еще более важен тот факт, что большевистская идеология по своей природе была менее последовательной и неизменной, чем это допускает рассматриваемая нами шаблонная интерпретация. Идеология, конечно, влияла на ход событий, но и сама она формировалась и изменялась под их напором. Так, гражданская война в России оказала существенное влияние на большевистское мировоззрение, возродив предложенное Лениным в 1902 году определение партии как боевого авангарда.

Такая самооценка придала некогда миролюбиво настроенной партии качество, которое один видный большевик назвал «военно-советской культурой» (44), Но главное состоит в том, что официальная идеология кардинально изменилась при Сталине. Некоторые из этих перемен были отмечены западными и советскими учеными. Речь идет о возрождении национализма, доминирующей роли государства, антисемитизма и консервативных или реакционных норм поведения и культурной жизни; отказе от идей и отмене законов, покровительствующих рабочим, женщинам, школьникам, национальным меньшинствам и способствующих установлению равенства; аннулировании множества революционных и большевистских символов; признании за вождями и официальными руководителями, а не за массами, роли творцов истории (45). Это были не поправки и дополнения, а новая идеология, которая «изменилась по существу» и уже «не представляла партию, захватившую власть в 1917 году» (46).

Аналогичной критики заслуживают теоретические рассуждения об «организационных принципах» партии как еще одном факторе причинной «динамики». Согласно этой теории, сталинизм зародился в 1902 году с появлением книги «Что делать?», в которой Ленин дал набросок своего плана создания партии заговорщиков как авангарда, способного спровоцировать революцию масс, избежав репрессий царской полиции (47). Теория «организационных принципов» партии также страдает односторонностью и антиисторичностью. Организационно большевизм формировался годами, часто под прямым влиянием внешних событий, и прошел путь от неуправляемой, рыхло организованной партии, успешно участвовавшей в демократическом процессе 1917 года, до централизованной бюрократической партии 1920-х годов и затравленной террором партии 1930-х годов (48).

По сути дела, этот аргумент представляет собой вариант сформулированного Михельсом «железного закона олигархии», претендующего на обобщение опыта всех крупных политических организаций с их тенденцией олигархического, а не демократического развития. Закон Михельса многое объясняет в развитии отношений большевистского руководства с партийными массами в 1917–1929 годах и в природе современных партий вообще. Однако он ничего не говорит о сталинизме с его самодержавной, а не олигархической политикой, если только не заключить, что «железный закон олигархии» по существу представляет собой железный закон самодержавия (49).

Непрерывно усиливавшаяся с 1917 года централизация, бюрократизация и нетерпимость партии несомненно способствовала авторитаризму в однопартийной системе и возвышению Сталина. Однако нельзя сказать, что эти явления предопределили сталинизм. Даже в 1920-х годах, после бюрократизации и милитаризации, стимулированной граж-

данской войной, партийная верхушка не была, да так никогда и не стала дисциплинированным авангардом, созданным фантазией Ленина в книге «Что делать?». Партия оставалась олигархической и, по определению одного из ее руководителей, являлась «федерацией договаривающихся между собой групп, группочек, фракций и “течений”» (50). Короче говоря, «организационные принципы» партии не породили сталинизм ни до 1929 года, ни после смерти Сталина в 1953 году.

Остается рассмотреть рассуждения о вторичности разрыва и первичности непрерывности развития советской политической системы при большевизме и сталинизме (51).

В принципе этот вопрос носит эмпирический характер, но здесь была допущена серьезнейшая методологическая ошибка. Необходимость проводить различие между официальным, или театральным фасадом и внутренней, подчас замаскированной реальностью в политике стала вполне очевидной еще в 1867 году, когда Вальтер Бейджхот выделил в английской политической системе «возвышенную» и «фактическую» части. Аргументация западных ученых в пользу принципиальной непрерывности развития советской политической системы базируется на «возвышенной», то есть, попросту говоря, показной, или фиктивной ее части.

Несколько лет назад, исследуя «фактическую», или внутреннюю реальность, Роберт Такер пришел к совершенно иному выводу: «То, что мы машинально называем “советской политической системой”, лучше всего рассматривать и анализировать как историческую последовательность политических систем в широких рамках преемственности институтов». Большевистская система была партийной диктатурой, характеризовавшейся олигархическим руководством внутри правящей партии. После 1936 года и сталинской «большой чистки» несмотря на внешнее «постоянство организационных форм и официальной терминологии, однопартийная система уступила место самодержавной системе, а правящая партия – правящей личности». Это был чреватый далеко идущими последствиями переход от олигархического партийного режима к автократическому, «фюреровскому» режиму, – переход, «нашедший отражение в целой системе перемен в политическом процессе, идеологических штампах, организации верховной власти и официальных стереотипах поведения» (52). Внешние атрибуты непрерывности, постоянно фигурирующие в советологической литературе (вождь, партия, террор, классовая борьба, цензура, марксизм-ленинизм, чистки и т. д.), оказались ложными и иллюзорными. Термины, возможно, остались теми же, но смысл их в корне переменился (53).

Вывод Такера о том, что сталинский террор «сломал хребет партии, ликвидировал ее как… правящий класс» получил убедительное подтверждение в опубликованных позднее материалах (54). После того как

чистки 1935–1939 годов уничтожили по меньшей мере миллион членов партии, ее примат, составлявший, по большинству научных определений самую суть большевизма и ленинизма, перестал существовать. Партийная элита, пришедшая на смену практически полностью истребленной старой гвардии большевиков, состав партии (в 1939 году ВКП(б) на 70 % состояла из неофитов, вступивших в нее после 1929 года), шкала ценностей и роль оказались совершенно не такими, как в 1917 или даже в 1934 году. Конечно, партия сохранила определенную роль и престиж, но в новом, сталинизированном виде она уступала полиции по политическому значению и государству по официальному признанию. Ее консультативные органы – партийный съезд, Центральный Комитет, а в конечном счете, и Политбюро – собирались крайне редко (55). Поэтому невозможно стало писать даже искаженную историю старой и новой партии, и за период с 1938 по 1953 год в СССР на эту некогда «святую» тему была защищена только одна докторская диссертация (56).

В отчаянной попытке защитить тезис непрерывности иногда указывают на то, что при Сталине был официально признан только марксизм-ленинизм, но не сталинизм. В свете теории Бейджхота это, конечно, ни о чем не говорит (57). Больше того, это не совсем так. Когда культ Сталина как непогрешимого вождя (отметим в скобках его существенное отличие от большевистского культа исторической необходимой, но не непогрешимой партии) перерос после 1938 года в подлинное обожествление, эпитет «сталинский» стали все чаще применять к людям, институтам, ортодоксальным идеям, событиям и даже истории. Это было отходом даже от начала 1930-х годов, когда в подобных случаях обычно употреблялись определения «ленинский», «большевистский» или «советский». Среди прочего это отражало резкое снижение официального статуса Ленина (58). Ходовые фразы вроде «учение Ленина и Сталина» остались, но появились и новые штампы, характеризующие строительство социализма в СССР как «дело великого Сталина», лично Сталина и только его одного как «гениального зодчего коммунизма», а советскую историю как «сталинскую эпоху» (59). Термин «сталинизм» открыто не употреблялся, но концепция – негласно и фактически – пустила глубокие корни (60).

Символы все же могут кое-что сказать о политической действительности. В качестве примера приведем комментарий советского диссидента Леонида Петровского по поводу памятника Юрию Долгорукому, сооруженного Сталиным на том самом месте, где Ленин когда-то открыл монумент в честь первой советской конституции: «Памятник кровавому феодалу стал как бы олицетворением мрачной эпохи культа личности. Конь феодала и сегодня повернут задом к Центральному партийному архиву, где хранятся бессмертные творения Маркса, Энгельса, Ленина и стоит прекрасный памятник Ильичу» (61).

Сталинизм – программа Октября?

Наконец рассмотрим еще один аргумент, лежащий в основе тезиса непрерывности. Речь идет о программной «прямой линии», не прерывающейся с 1917 года. В советологической литературе широко распространено мнение, что сталинская компания всеобщей коллективизации и интенсивной индустриализации, коренной переворот, впоследствии правильно названный Сталиным «революцией сверху», представляли собой продолжение и претворение в жизнь большевистской идеи модернизации России и построения социализма. Другими словами, если даже согласиться с тем, что террор 1936–1939 годов был отходом от первоначального большевизма, то как же быть с событиями 1929–1933 годов?

Аргумент программной непрерывности базируется на взаимообусловленных трактовках двух ранних периодов большевизма: военного коммунизма, введенного во время гражданской войны 1918–1920 годов и характеризовавшегося экстремальной национализацией экономики, реквизицией зерна у крестьян, монополизацией власти государством, и НЭПа 1921–1928 годов – периода умеренной политики в сельском хозяйстве и промышленности и смешанной, частно-государственной, экономики. В общих чертах, аргументация строится следующим образом. Военный коммунизм был, в основном, продуктом первоначальных идеологических и программных идей партии, именуемых иногда «чертежами», и представлял собой ударную программу построения социализма (62). Эта яростная атака захлебнулась в 1921 из-за оппозиции масс, и партия вынуждена была отступить, перейдя к новой экономической политике уступок частному предпринимательству в городе и деревне. Соответственно, официальная политика на протяжении восьми лет НЭПа, да и сам НЭП как социально-политическая система трактовались в литературе как «простая передышка», «сдерживающая операция», или «тактическое отступление, в ходе которого силы социализма должны перегруппироваться и восстановиться, а затем возобновить наступление». (63)

Один из стандартных учебников, посвященных истории советской России, показывает, как эти две трактовки сливаются в единый тезис программной непрерывности перехода от большевизма к сталинской революции. Военный коммунизм представляется в ней как «оказавшаяся преждевременной попытка реализовать провозглашенные партией идеологические цели», а НЭП (в полном соответствии с большевистской философией) как «тактический маневр, необходимый для того, чтобы выждать пока не произойдет неизбежная перемена условий и не станет возможной победа». После этого можно подивиться сталинской политике 1929–1933 годов: «Трудно подыскать исторические паралле-

ли партии, которая, находясь у власти на протяжении десяти лет, выжидала бы, пока не окрепнет настолько, чтобы выполнить свою первоначальную программу» (64). Беда такой трактовки состоит в том, что она противоречит многочисленным историческим фактам. Поскольку я детально рассмотрел эти вопросы в другой работе (65), буду краток.

Можно привести три существенных возражения против теории, согласно которой военный коммунизм неразрывно связан с первоначальной большевистской программой. Во-первых, как это ни странно для партии, которую часто называют «доктринерской», большевики, придя к власти в октябре 1917 года, не имели четко сформулированной экономической политики. Были, конечно, общие большевистские цели и догматы (социализм, рабочий контроль, национализация, крупномасштабное сельское хозяйство, планирование), но они формулировались крайне расплывчато и по-разному истолковывались внутри самой партии. До Октябрьской революции большевики недостаточно серьезно занимались практическими вопросами экономической политики и лишь по немногим из них смогли прийти к согласию (66).

Во-вторых, по первоначальной большевистской программе официальной политикой был не военный коммунизм, а то, что Ленин назвал в апреле-мае 1918 года «государственным капитализмом», то есть комбинация социалистических мероприятий, уступок существующей капиталистической структуре и контроля над экономикой (67). Черты этой первой большевистской программы можно отыскать только в НЭПе. И наконец, в-третьих, военный коммунизм был введен лишь в июне 1918 года и его практические меры были реакцией на угрозу затяжной войны и истощение ресурсов. Таким образом, сложившаяся ситуация отменила разработанную Лениным примирительную систему «государственного капитализма» (68).

Все это, конечно, не означает, что военный коммунизм был лишен идеологических мотивов. По мере того как Гражданская война перерастала в глубокий социальный конфликт, правительственные меры становились все более экстремальными, а их смысл – все более неотделимым от «защиты революции». Большевики, естественно, наполняли свои политические новшества высоким теоретическим и программным смыслом, а не просто объясняли их потребностями войны. Их действия становились идеологически мотивированными (69). Эволюция военного коммунизма, его наследие и связь со сталинизмом требуют скрупулезного исследования. При этом, однако, не следует придавать слишком большое значение аналогиям и нет смысла искать истоки военного коммунизма в большевистской программе Октябрьской революции.

Еще более существенное значение имеет вопрос о НЭПе. Официальная экономическая политика 1921–1928 годов резко отличалась от сталинской политики 1929–1933 годов. Более того, сам социально-по-

литический порядок эпохи НЭПа с его официально допускаемым плюрализмом в экономической, культурноинтеллектуальной и даже (в местных советах и высших государственных органах) политической жизни представлял историческую модель советского коммунистического правления, в корне отличающуюся от сталинизма (90). Большевистская теория НЭПа обычно трактуется более изощренно, ибо все ученые знают о яростных политических дискуссиях 1920-х годов, а это обстоятельство трудно примирить с упрощенной интерпретацией НЭПа как привала на пути к осуществлению программы или как преддверия сталинизма.

Неувязки такой интерпретации становятся очевидными во вторичных, но весьма существенных стереотипах советологической литературы, посвященной НЭПу. Программные дебаты 1920-х годов трактуются, в основном, как продолжение и проявление соперничества между Троцким и Сталиным, или (по неверной терминологии того периода) между теориями «перманентной революции» и «социализма в одной стране». Нам говорят, что Троцкий и левая оппозиция были настроены против НЭПа, несли в себе зародыши сталинизма и заложили основы «почти всех важнейших пунктов политической программы, впоследствии выполненной Сталиным». Далее нам сообщают, что Сталин в 1928 году присвоил или адаптировал идеи Троцкого об экономической политике. Создавая впечатление о «принципиальной близости планов Троцкого и действий Сталина» и исключая все реальные альтернативы, такие трактовки предполагают практически непрерывный переход от большевистской философии 1920-х годов к сталинизму. Эти трактовки и лежат в основе общей интерпретации НЭПа (71). Однако они ошибочны и легко опровергаются фактами.

Традиционная интерпретация экономических дебатов (мы не рассматриваем здесь споры о политике Коминтерна или партийной бюрократии) в рамках соперничества между Троцким и Сталиным не имеет никакого отношения к реальным дискуссиям 1923–1927 годов. Если соперничающие направления в политике вообще поддаются персонификации, то следовало бы говорить о борьбе между Троцким и Бухариным. Объявленная «сталинской» программа развития промышленности, сельского хозяйства и планирования на самом деле была разработана ведущим теоретиком партии Николаем Бухариным, то есть была нэповской, умеренной, эволюционной. Это сродство цементировало дуумвират Сталина и Бухарина, который формировал официальную политику и вел большинство партии против левой оппозиции вплоть до 1928 года. В ту пору «сталинской» открыто называли только идею «социализма в одной стране», которая, кстати, тоже принадлежала Бухарину (72). Если уж так необходимо пользоваться «измами», то не было никакого сталинизма, а борьба шла между бухаринизмом и троцкизмом, и со-

временники это прекрасно понимали. Так, в 1925 году оппозиция заявляла: «…т. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии (смех), творцом и подлинным представителем которой является т. Бухарин». Сталин был не «пленником», а сторонником такой политической линии. Он ответил: «…мы стоим и будем стоять за Бухарина» (73).

Бухаринские экономические предложения, касающиеся модернизации и построения социализма в советской России 1920-х годов, сформулированы достаточно четко. Разрабатывая темы последних произведений Ленина, защищавшего и развивавшего представление о НЭПе как пути к социализму, и дополняя их собственными идеями, Бухарин стал главным теоретиком Новой экономической политики. Хотя в 1924–1928 годах Бухарин все более склонялся к курсу, направленному на планирование, крупные капиталовложения в промышленность и попытки стимулировать частичную и добровольную коллективизацию сельского хозяйства, он сохранил приверженность к нэповской экономике, складывающейся из государственного, «социалистического» сектора (главным образом, тяжелая индустрия, транспорт и банки) и частного сектора (крестьянские хозяйства и мелкие производственные, торговые и обслуживающие предприятия), которые взаимодействуют между собой посредством рыночных отношений. Даже в период кризиса 1928–1929 годов НЭП был для бухаринцев жизнеспособной, развивающейся моделью, основанной на гражданском мире, который привел бы в соответствие большевистские устремления и российскую социальную действительность (74).

Что же касается Троцкого, то хотя в политических выступлениях он часто прибегал к риторике революционного героизма, его экономические предложения также базировались на НЭПе. Еще до Бухарина он уделял большое внимание тяжелой индустрии и планированию и проявлял беспокойство по поводу «кулачества»; предлагавшиеся им меры были умеренными и ориентированными на рыночные отношения, то есть, по выражению тех лет, «нэповскими». Как и Бухарин, Троцкий был «реформистом» в экономической политике и возлагал надежды на эволюцию нэповской России в направлении индустриализации и социализма (75).

Даже Евгений Преображенский, глашатай левацкой идеи «супериндустриализации», вдохновлявший Сталина пламенными аргументами в пользу необходимости «первоначального социалистического накопления за счет эксплуатации» крестьянского сектора, принимал основы нэповской экономики. Он предлагал «эксплуатировать» крестьян посредством рыночных отношений, искусственно устанавливая более высокие цены на промышленные товары, чем на сельскохозяйственные продукты (76). Преображенский, Троцкий и другие представители ле-

вого крыла большевизма полгали, что в обозримом будущем сельское хозяйство останется единоличным. И хотя их идеи были непоследовательны, никто из них никогда не поддерживал идею принудительной всеобщей коллективизации как средства реквизиции продукции сельского хозяйства и преодоления отсталости промышленности (77).

Дебаты между бухаринцами и троцкистами в 1920-х годах представляли весь спектр большевистского программного мышления. Стороны расходились по важным экономическим вопросам: от политики цен и обложения крестьян налогом до всеобъемлющего планирования. Однако в отличие от политических и международных вопросов, поддерживающих накал фракционной борьбы, экономические расхождения не выходили за пределы параметров НЭПа, принимавшихся, хотя и с разным энтузиазмом, обеими сторонами.

С некоторыми поправками бухаринская программа была принята в качестве первого пятилетнего плана на XV партсъезде в 1927 году. Этот план, предусматривавший более крупные капиталовложения в промышленность и частичную добровольную коллективизацию сельского хозяйства, представлял собой своеобразный сплав бухаринских и троцкистских идей, сформировавшихся в ходе дебатов 1920-х годов (78). Отменив через полтора года эту программу, Сталин отказался от основополагающих большевистских представлений об экономических и социальных преобразованиях. После 1929 года и отмены НЭПа бухаринизм остался практически единственной в программном отношении большевистской альтернативой сталинизму, и партия знала об этом. Высланный из страны Троцкий осыпал обвинениями сталинский режим, но в начале 1930-х годов, как и в 1920-х годах, его экономические предложения были близки к бухаринским и стали «практически неотличимыми» от них (79).

В 1921 году НЭП воспринимался как постыдное отступление, и негодование по поводу нэповской экономки, политики и культуры не прекращалось на всем протяжении 1920-х годов. Такое отношение к НЭПу соответствовало большевистской традиции Октябрьской революции и Гражданской войны и наиболее сильно проявлялось среди кадров, решающей закалкой которых были 1918–1920 годы, и партийной молодежи. Сталин сыграл на этих чувствах, когда восстанавливал в 1929–1933 годах атмосферу времен Гражданской войны. Однако по причинам, выходящим за рамки нашего исследования, к 1924 году большевистские вожди признали целесообразность НЭПа и даже Сталин в последней схватке с бухаринцами в 1928–1929 годах не рискнул поставить ее под сомнение. Он вел и выиграл кампанию не как упразднитель НЭПа или сторонник «революции сверху», а как «трезвый и спокойный» лидер, который сделает НЭП эффективным (80). Даже после разгрома бухаринской группировки в апреле 1929 года, когда НЭП разва-

ливался под ударами сталинской радикальной политики, сам Сталин продолжал утверждать, что «НЭП есть единственно правильная политика социалистического переустройства» (81). Это положение пользовалось официальной поддержкой вплоть до 1931 года.

Я не пытаюсь объяснить судьбоносные события 1928–1929 годов, а лишь подчеркиваю, что новая сталинская политика, названная впоследствии «великим переломом», была принципиальным отходом от большевистских представлений о программе партии. Большевистские лидеры и фракции никогда не выступали за принудительную коллективизацию, «ликвидацию» кулачества, головокружительные темпы развития тяжелой промышленности, полное разрушение рыночного сектора и «планирование», которое на деле было вовсе не планированием, а гипертрофированно централизованным управлением экономикой (82). Эти годы «революции сверху» в историческом и программном отношениях были периодом рождения сталинизма. За этим первым разрывом непрерывности последовали другие.

Исторический сталинизм

Тезис непрерывности, представляя сталинизм как «развитой» большевизм, а советскую действительность 1930-х годов как следствие и продолжение 1917 года, мешал детальному изучению сталинизма как особой системы с собственной историей и своеобразным наследием, до сих пор оказывающим большое влияние на жизнь в Советском Союзе. Такер совершенно справедливо отметил, что существенные отличительные черты сталинизма, включая крутые повороты его истории и многие его «перегибы», невозможно понять без изучения личных особенностей Сталина как политического деятеля (83). Тем не менее многие из важнейших политических, социальных и исторических факторов, обусловливающих сложность сталинизма как важного исторического и современного явления, остаются неизученными и непонятыми. Эти факторы привлекают все более пристальное внимание в связи с появлением новых материалов, более дальней перспективой и обсуждением рассматриваемых вопросов внутри Советского Союза на протяжении последних трех десятилетий.

Прежде всего, важно отказаться от антиисторического представления о сталинской системе как неизменном феномене. Историческое развитие сталинизма следует проследить и проанализировать на нескольких этапах, от революционных событий начала 1930-х годов до сугубо консервативного социально- политического режима 1946–1953 годов (84). Такой переход от радикальных преобразований к крайнему консерватизму сам по себе заслуживает тщательного исследования, и мы еще вернемся к нему в главе 5. 1930-е годы следует подразделить на

несколько периодов, вычленив, по меньше мере, такие этапы, как переворот 1929–1933 годов, междуцарствие 1934–1935 годов, когда в высших эшелонах власти шли споры о будущей политике, и 1936–1939 годы – период массового террора против старой партийной элиты, окончательной победы сталинизма над большевистской традицией и завершения революции сверху.

Особенно важны 1929–1933 годы, слабо освещенные как западной, так и официальной советской теорией сталинизма (85). Этот период сформировал сталинизм как систему, предопределил многое из того, что за ним последовало. Например, многие догмы развитого сталинизма, включая чреватое кровавыми последствиями положение о неизбежности «обострения классовой борьбы», которое легло в основу идеологии массового террора 1937 года, зародились во время сталинской кампании 1928–1930 годов, направленной на дискредитацию бухаринизма и НЭПа. Аналогичным образом, личная роль Сталина в осуществлении принудительной коллективизации и эскалации планов индустриализации в 1929 году, когда он принимал важные решения в обход руководящих партийных органов, предвосхитила полноту его личной власти в последующие годы (86). Моше Левин в своих исследованиях по социальной истории 1929–1933 годов показал, что многие административные, правовые, классовые и идеологические черты зрелого сталинистского государства сформировались как паллиативные меры против социального хаоса, «нестабильного общества», порожденного разрушением нэповских институтов и процессов в период первой волны революции сверху. По мнению Левина, который первым в западной литературе обосновал важность многостороннего подхода к изучению социальной истории, сталинская система не была продуктом большевистских программ или планов, а возникла в результате отчаянных попыток справиться с социальным хаосом и кризисами, созданными самим сталинским руководством в 1929–1933 годах (87).

Рассматривая последующие события, было бы ошибкой считать террор, развязанный Сталиным против советской верхушки в 1936–1939 годах, «неизбежным», или «функциональным» побочным продуктом навязанной стране социальной революции 1929–1933 годов. Большинство партийных руководителей поддерживало в 1934–1935 годах совершенно иной курс. Более того, существуют прямые доказательства того, что чистки, вопреки досужим вымыслам некоторых ученых, не были оправданы нуждами модернизации, не были своего рода омолаживающим средством, ускоряющим процесс и убирающим с пути прогресса косных функционеров. В действительности террор свел на нет или задержал многие го реальных достижений 1929–1936 годов (88).

Следует, однако, отметить, что между этими двумя великими переломами существовала тесная связь, которая требует тщательного изучения. Огромный размах полицейских репрессий, укрепление роли ор-

ганов безопасности и создание архипелага ГУЛАГ в 1929–1933 годах стали составной частью фона и механизмов событий 1936–1939 годов. Кроме того, были и не столь очевидные, но не менее важные последствия. Хотя принудительная всеобщая коллективизация и не была продуктом политики партии или ее коллективного руководства, но партийная элита, да и вся партия были причастны к социальной и экономической катастрофе сталинских мер, приведших к страшному голоду 1932–1933 годов. Даже плохо информированные партийные аппаратчики, по-видимому, знали, что коллективизация стала бедствием, приведшим к развалу сельского хозяйства и гибели миллионов людей (89).

Однако официальной идеологии было предписано в обязательном порядке прославлять коллективизацию как великое достижение сталинского руководства. Такое, отнюдь нехарактерное для исторического большевизма расхождение между официальными заявлениями и социальной действительностью стало важным этапом мифотворчества в советской идеологии сталинской эпохи. По всей вероятности, оно в значительной степени способствовало глубокой деморализации партийного аппарата, чем, по-видимому, объясняется слабость его сопротивления сталинскому террору 1936–1939 годов. Это расхождение вовлекало партийных аппаратчиков в процесс создания культа непогрешимого Сталина – культа, который нарастал по мере углубления катастрофы и становился неотъемлемой составной частью сталинской системы (90).

На протяжении многих лет редкие попытки подлинно научного анализа сталинизма как социально-политической системы предпринимались в основном критически настроенными марксистами, которые выдвинули теорию «нового класса», или «правящей бюрократии». Литература, созданная этими авторами, противоречива. Она отражает дискуссии о природе сталинской бюрократии и о том, следует ли считать ее классом или всего лишь прослойкой. Она содержит ценный материал по социологии сталинизма (эту тему обычно игнорируют академические исследования) и напоминает о том, что новая бюрократия, созданная в 1930-х годах, сильно повлияла на природу зрелого сталинизма, особенно на его антиэгалитаризм, жесткую стратификацию, культурный и социальный консерватизм (91).

Однако такой подход к теории или общей интерпретации сталинизма грешит серьезными ошибками. Тезис о бюрократии как правящем классе и движущей силе событий 1929–1939 годов противоречит логике и фактам. Эта теория игнорирует роль Сталина, представляя его всего лишь заменяемым верховным бюрократом, и не объясняет, каким образом бюрократия, изображаемая как глубоко консервативный класс, оказалась способной разработать и осуществить такое радикальное и рискованное

мероприятие, как принудительная коллективизация. Действительно, многократные попытки Сталина радикализировать и активизировать аппарат в 1929–1930 годах (и позднее) свидетельствуют о том, что партийно-государственная бюрократия была запугана и не могла вершить судьбами страны. Эта теория неспособна объяснить и массовые репрессии 1936–1939 годов, направленные против высших советских чиновников, если только не предположить, что «правящий» бюрократический класс совершил самоубийство.

Как и в других подобных ситуациях, мы сталкиваемся здесь с принудительной невозможностью приложить западные концепции – марксистские или более современные – к советской политической и социальной действительности, сформированной российскими историческими и культурными традициями. Одна из причин неприменимости западных теорий к сталинской административной элите состоит в том, что последняя больше всего напоминает сословие царских чиновников – официально признанный привилегированный класс, который служит государству (в данном случае, возродившемуся российскому государству (92)), а не правит им. Сегодня в Советском Союзе, возможно, и существует правящий класс бюрократии, освободившейся на протяжении последних десятилетий от власти тирана. Позднее мы покажем, что бюрократический аппарат сыграл важную роль в изменении и формировании политики руководства страной после смерти Сталина. Однако в период, когда создавалась и агонизировала сталинская политика, бюрократия, несмотря на высокое положение и большую власть над народом, страной не правила.

Аналогичные несоответствия возникают, когда сталинские 1930-е годы пытаются охарактеризовать, полагаясь на фундаментальную западную концепцию модернизации без сколько-нибудь серьезной критической ее оценки. Верно, конечно, что сталинская политика создала существенные черты того, что принято называть современностью, включая индустриализацию, технический прогресс и массовую грамотность. Однако верно и то, что сталинизм породил другие важные явления в экономической, социальной и политической жизни – явления, которые были не «современными» и «прогрессивными», а консервативными и даже регрессивными. Наряду с большими городами, заводами и школами развивались, например, политическая автократия типа царской власти, средневековый культ личности, полукрепостная зависимость коллективизированного крестьянства и широкое применение фактически рабского труда. Эти характерные для всей системы в целом аспекты сталинизма были навязаны стране анахронизмом, имеющим большее отношение к прошлому России, чем к западным моделям модернизации, и поныне остающимися частью наследия 1930-х годов. Даже сегодня, 50 лет спустя неверно называть Советский Союз «мо-

дернизированным» государством. По существу, в СССР уживаются две страны: одна – современная и даже европеизированная, другая (включающая обширные сельские районы и провинцию) – сродни тому, что теоретики модернизации именуют развивающимися странами, или третьим миром.

Таким образом, при изучении сталинизма чрезвычайно важно принимать во внимание традиции российской истории и культуры. Однако и этот подход иногда неверно применялся западными учеными. Ранние исследования сталинской эпохи в историко-культурном контексте часто сводились к односторонней интерпретации коммунистической революции, неизбежно гибнущей или фатально трансформируемой силой исторических традиций России. Традиции при этом рассматривались не контекстуально, а автономно и детерминистически (93). Как выразился Карр, «у каждой победившей революции есть свой термидор» (94). Однако итог не предопределяется прошлым, а является сложным сплавом новых и старых элементов; его природа зависит, главным образом, от современных социальных и политических условий. Например, в 1932–1933 годах сталинское руководство восстановило в стране паспортную систему, заклейменную всеми русскими революционерами, включая и большевиков, как типичный атрибут царизма. Мы имеет здесь дело не только с возрождением традиции, но и с современной политикой в кризисной ситуации, ибо возврат к прошлому явился непосредственной реакцией на социальный хаос, особенно на вызванную коллективизацией массовую миграцию крестьян в поисках пропитания.

Знание традиций и политической культуры дореволюционной России может помочь нам понять многое – от личного мировоззрения и самодержавных устремлений Сталина (как показал Такер) до социальной основы сталинизма как системы. Существует, например, важный вопрос о массовой поддержке сталинизма в советском обществе. Ранняя советологическая литература по существу игнорирует или даже отрицает этот факт, ибо он не согласуется с вымышленным образом «тотального» режима, правящего недовольным, «распыленным» обществом, опираясь только на грубую силу. Хотя роль методов принуждения и репрессий в сталинской системе невозможно переоценить, они не могут в полной мере объяснить взаимоотношения между сталинской партией-государством и обществом, как не могут они объяснить и взаимоотношения между властью и народом в гитлеровской Германии.

С самого начала и на протяжении наиболее мрачных своих периодов сталинизм пользовался существенной поддержкой народа, хотя характер и сила такой поддержки изменялись с годами.

Некоторые аспекты популярности сталинизма нетрудно объяснить, и это нужно сделать, ибо она играет существенную роль в политике послесталинского периода. Сталинская революция сверху, проведенная в

1930-х годах, была навязана обществу, но для ее осуществления требовались и находились энтузиасты, хотя они и составляли относительное меньшинство населения. По призыву властей ревностные чиновники, интеллигенты, рабочие, а иногда даже и крестьяне выходили на борьбу и побеждали на «фронтах» культуры, индустрии, сельского хозяйства, чисток (95). Кроме того, революция сверху привела к колоссальному усилению государства и расширению его функций, а это означало появление новых синекур и привилегий. Миллионы людей стали жертвами сталинизма, но миллионы извлекли из него выгоду и поэтому отождествляли себя с режимом. Речь идет не только о перепроизводстве «маленьких сталинов» во всех сферах административной жизни в СССР, но и о множестве мелких чиновников и рабочих, получивших возможность продвинуться наверх и даже попасть в элиту (96). По мнению Медведева, даже кровавые чистки могли найти поддержку среди рабочих, которые видели во внезапном падении своих начальников осуществление мечты «работника-нехозяина» свести счеты со своим повседневным унижением при помощи некоей высшей и жестокой справедливости» (97).

Более того, все эти события, способствовавшие формированию сталинизма, разворачивались на фоне официального возрождения национализма и традиционных ценностей, включая частичную реабилитацию самого царизма. Все в большей степени сталинское руководство отождествляло революцию сверху не с первоначальными большевистскими идеями, а с историей строительства государства в царской России, борьбой против отсталости и стремлением к великодержавному статусу. Все это укрепляло народную поддержку сталинизма (98). Наконец, колоссальный подъем массового патриотизма в военные 1941–1945 годы послужил (несмотря на первоначальные неудачи и гибель более чем 20 миллионов человек, а может и благодаря этому) дальнейшему укреплению поддержки националистической, а теперь и победоносной сталинской системы.

Другие аспекты сталинизма, обычно считающиеся навязанными сверху и, следовательно, не имеющими социальных корней, также требуют пересмотра в более широком контексте и более дальней перспективе для понимания не только сталинских, но и последующих лет. Главными носителями культурной традиции являются социальные группы и классы. В 1930-х годах крестьянское и «мелкобуржуазное» большинство старой России устремилось в крупные города и сформировало новый рабочий класс, средние классы и партийно-государственное чиновничество. Это «мещанское» большинство до сих пор приводит в ярость как официальных советских реформаторов, так и диссидентов. В этом контексте представляется ошибочным интерпретировать всю

социально-политическую культуру сталинского периода только как продукт государственной цензуры и репрессий. В значительной степени сталинская культура (включая стереотипные романы и шовинистические заявления) имела, по-видимому, глубокие социальные корни, ибо в ней находили выражение чаяния, мировоззрение и мещанская культура восходящих и еще не уверенных в себе средних классов и непомерно разрастающегося чиновничества (99).

По сути дела, и культ личности, ставший во многих отношениях одним из главных институтов автократической сталинской системы, создавался при поддержке снизу и в рамках российской традиции. Сталинское руководство насаждало культ сверху, но он нашел благодатную почву, став (по свидетельству многих советских источников) подлинно социальным феноменом. Начавшись как внутрипартийное восхваление нового лидера в 1929 году, культ разросся до масштабов «своеобразной светской религии» (100). Поистине всенародный размах этого явления невозможно объяснить ни большевистской традицией культа личности Ленина, ни потворством прихотям Сталина. Для этого необходимо принять во внимание более древние обычаи, «неписанный мандат, носившийся в воздухе» (101). Неудивительно, что и в современной советской политике мы находим отголоски этих народных чувств, переживших самого Сталина.

Глава 3

Бухарин, НЭП и альтернатива сталинизму

> Почему [бухаринская] ересь, столь часто отвергаемая, караемая и предаваемая анафеме, неизменно возрождается? Почему не дают покоя этому призраку и ставят на него все новые и новые ставки?
>
> *Бертрам Д. Вульф*

Как нет железной исторической неизбежности, не существует и таких ситуаций, которым не было бы исторических альтернатив. Поэтому без изучения нереализовавшихся альтернатив не может быть ни полного представления о прошлом, ни верного объяснения исторических событий. Получается лишь подведение итогов, которые представляются неизбежными.

И все же на протяжении многих лет большая часть профессиональных работ по советской истории как на Западе, так и в СССР базировалась на аксиоме отсутствия альтернатив сталинизму. Нелепо, что и западные советологи и советские ученые, несмотря на противоположность целей и взглядов, поддержали – разными способами и по разным причинам – доктрину, исключавшую наличие альтернатив (1).

У советских ученых не было другого выбора. Идеи любых альтернатив находились под запретом и безжалостно карались при Сталине как преступные заговоры. Каковы бы ни были их личные взгляды, советские авторы вынуждены были неизменно утверждать первый принцип сталинизма – Сталин и его политические акции, включая террористические, были закономерной кульминацией большевистской революции и единственно возможным воплощением коммунистической идеи (2). С другой стороны, отрицание несталинских альтернатив западными учеными было следствием не цензуры, а единомыслия. Как мы уже показали ранее, это непосредственно вытекало из советологического тезиса непрерывности, согласно которому сталинизм стал единственно возможным итогом советской истории в силу исконной природы большевизма, императивов модернизации или и того и другого вместе. В той или иной форме это суждение фактически безраздельно господствовало в западной и советской историографии вплоть до 1960-х годов. Эта точка зрения преобладает и сегодня.

В действительности же сталинизму в Советском Союзе и вне его всегда противостояли другие коммунистические альтернативы или идеи таких альтернатив. Они впервые появились еще в 1920-х годах, когда большевистские фракции открыто обсуждали различные несталитские пути развития совершенной ими революции и решения стоявших перед страной проблем. Даже в годы правления Сталина идеи альтернативной политики подспудно зрели в некоторых из зарубежных компартий и открыто заявили о себе в конце 1940-х годов, когда правящая коммунистическая партия Югославии порвала с Советским Союзом. После смерти Сталина в 1953 году идея прошлых и будущих антисталинских альтернатив в разное время появлялась и набирала политическую силу во всем коммунистическом мире – от Москвы, Восточной Европы и еврокоммунистических партий Запада до Китайской Народной Республики.

Как часто случается в истории, эта идея нашла воплощение в отдельной личности. Разные этапы развития антисталинизма нашли наиболее наглядное отражение в судьбе Николая Ивановича Бухарина, коммунистического вождя, которого Ленин называл «любимцем всей партии», а Сталин приговорил к смерти на московском процессе 1938 года (3). Ложно обвиненный в преступном руководстве обширным антисоветским заговором, саботаже и покушениях Бухарин, почитавшийся

как один из основателей советского государства, превратился в «оголтелого врага народа». В сталинской демонологии его имя, наряду с именем Троцкого, стало олицетворением предательской идеи антисталинской альтернативы – идеи, предававшейся анафеме в Советском Союзе и компартиях всех стран мира. Даже на Западе некогда знаменитый Бухарин был почти забыт и вспоминали его, главным образом, в связи с образом морально обанкротившегося старого большевика Рубашева из романа Артура Кестлера «Тьма в полдень».

Однако к 1970-м годам слава Бухарина поразительно возродилась. Он стал и поныне остается символом борьбы между реформаторами-антисталинистами и консерваторами-неосталинистами в коммунистическом мире – от Москвы до столиц еврокоммунизма. Причина кроется в четко выраженном историзме коммунистической политики, в которой сталинское прошлое до сих пор сталкивается с настоящим. Как будет показано в двух следующих главах, трагические события сталинской эпохи – принудительная коллективизация, массовый террор, ГУЛАГ, более 20 миллионов жертв второй мировой войны, 25 лет поклонения деспоту, установление власти Москвы над мировым коммунистическим движением – поныне фигурируют в спорах между сторонниками и противниками перемен в советской и других компартиях. Они составляют фон современной борьбы, определяющей политику и дальнейшее развитие коммунизма.

Коммунисты-консерваторы, все еще контролирующие советскую и большинство восточноевропейских компартий, должны защищать и даже освящать сталинское прошлое, которое столь многое сформировало в их политике, институтах, взглядах, карьерах. С другой стороны, партийные реформаторы должны отречься от значительной части сталинского опыта, чтобы направить коммунизм по новаторскому и менее авторитарному курсу.

Однако, чтобы продемонстрировать возможность несталинского коммунизма сегодня, реформаторы должны показать, что такая возможность существовала и в прошлом. Кроме Ленина, они должны найти в советской истории до 1929 года вождей и программные идеи, представляющие подлинно коммунистическую альтернативу Сталину и сталинизму. Этот поиск привел их – негласно в Советском Союзе и открыто в других странах – к Бухарину.

Бухарин и нэповская альтернатива

Притягательность образа Бухарина как символа современного антисталинизма определяется той ролью, которую он играл в годы пребывания у власти. В 1917 году Бухарину было всего 29 лет. Тем не менее он занимал высокое положение в небольшой группе людей, правивших пер-

вым социалистическим государством на протяжении последующих 12 лет. Влиятельный член Политбюро и ЦК партии, редактор «Правды», председатель Коммунистического Интернационала (1926–1928 годы), Бухарин вместе со Сталиным возглавил правящую партию вскоре после смерти Ленина и оставался в высшем эшелоне власти вплоть до политического поражения в 1928–1929 годах. Кроме того, по определению Ленина, он был «крупнейшим теоретиком» советского марксизма. Его книги – «Мировое хозяйство и империализм», «Азбука коммунизма», «Теория исторического материализма», опубликованные в десятках русских и иностранных изданий, – стали учебниками для коммунистов и сочувствующих им людей во всем мире. К середине 1920-х годов никто в советском руководстве не мог сравниться с Бухариным по силе политического влияния (4).

После десятилетий восточного деспотизма и сталинской бюрократии интернациональное мировоззрение и личное обаяние Бухарина представляются особенно привлекательными. Воспитанный в традициях западной культуры и владевший ее языками (Бухарин с 1911 по 1917 год жил в эмиграции в Европе и США), он, как и Троцкий, воплощал интернационалистическое направление советского коммунизма до его деградации в сталинский шовинизм. Хотя он и был автором теории «социализма в одной стране», Бухарин выступил против наметившейся в 1920-х годах тенденции «наплевать» на международную революцию». Он полагал, что «из такой тенденции может возникнуть своя особая идеология, своеобразный “национальный большевизм”» и что «отсюда несколько ступенек могут привести к ряду еще более вредоносных идей». Предвосхитив идеи коммунистов современной Восточной и Западной Европы – от Тито до еврокоммунистов – он утверждал возможность и даже необходимость различных путей к социализму. Он полагал, что в российских условиях советская модель может быть только «отсталым социализмом» (5).

Личная популярность Бухарина приобрела масштабы легенды, передающейся из поколения в поколение среди советских и зарубежных коммунистов. Небольшого роста, преисполненный юношеского обаяния, острый на язык, жизнелюбивый человек, Бухарин увлекался философией и спортом, интересовался научными открытиями и живописью, обожал животных. Как писал в своем завещании Ленин, Бухарин был самым любимым вождем большевистской революции. Характерно, что Бухарин, решительно защищавший идею партийной диктатуры, дружил с людьми, придерживавшимися противоположных взглядов. В числе его друзей были семидесятилетний физиолог Иван Павлов, на которого он произвел большое впечатление, обреченный поэт Осип Мандельштам, которого он защищал на протяжении целого десятилетия, и Борис Пастернак, посвятивший Бухарину одно из своих стихотворений (6).

Эти качества усиливают, но не объясняют современное значение Бухарина, значение программного характера, связанное с резким оживлением интереса к Советской России 1920-х годов. Вошедшие в историю как период Новой экономической политики (НЭПа), эти годы между концом Гражданской войны в 1921 году и началом сталинской революции сверху в 1929 году отмечены первой, поныне самой далеко идущей либерализацией советской политики, своего рода Московской весной (7).

Новизна политики, введенной Лениным в 1921 году, состояла в том, что она решительно порывала с экстремальными мерами и методами принуждения, применявшимися во время Гражданской войны. Она породила первую в истории коммунистических движений смешанную экономику, совмещавшую общественный сектор с частным, социалистические устремления с капиталистической практикой, план с рынком. Советское государство сохраняло контроль над тяжелой индустрией, внешней торговлей, банками и транспортом. Однако более мелкие предприятия были денационализированы, принцип единоличного сельского хозяйства был возрожден, а рыночные отношения, подавлявшиеся во время Гражданской войны, были восстановлены.

НЭП привел к новой, более мягкой внутренней политике. Коммунистическая партия сохраняла диктатуру, но проявляла определенную терпимость, допуская больший, чем когда-либо впоследствии, социальный, культурный и интеллектуальный плюрализм. В этих областях, как и в экономической жизни, чрезмерное государственное вмешательство и принуждение были объявлены нежелательными. Принципами НЭПа стали социальная гармония и сотрудничество классов, а не борьба и террор. Советское государство 1920-х годов не было ни демократическим, ни тем, что на Западе принято считать либеральным. Однако, когда в 1929 году Сталин развязал настоящую гражданскую войну против крестьянства и частного сектора, заклеймив НЭП как «гнилой либерализм», он разрушил модель коммунистической политики и экономики, которую многие в СССР долго вспоминали как «золотой век» советской истории. Десятилетия спустя коммунисты-реформаторы в Советском Союзе, Восточной Европе и других регионах увидят в этой модели нереализованную альтернативу сталинизму (8).

Ленин создал НЭП, но после его смерти и раскола группы его преемников на враждующие между собой фракции главным теоретиком и защитником Новой экономической политики стал Бухарин, выступивший вначале со Сталиным против левой троцкистской фракции, а в 1928 и 1929 годах – против Сталина. (Один из оппонентов в шутку заметил, что Бухарин – это «Пушкин от НЭПа» (9).) В то время как некоторые члены левой большевистской фракции ратовали за эксплуатацию 25 миллионов крестьянских хозяйств страны как «внутренней колонии»

государственной индустрии (идея позже реализованная Сталиным другим, более беспощадным путем), Бухарин утверждал, что постепенные, компромиссные меры НЭПа открывают единственно возможный путь к индустриализации и социализму в России.

Защищая НЭП, Бухарин в 1920-х годах создал целую систему идей и политических мероприятий, в корне отличавшуюся от сталинизма. Эта система предвосхитила предложения реформаторов-антисталинистов в СССР и Европе после смерти Сталина в 1953 году. Так, например, чешские реформаторы периода Пражской весны 1967–1968 годов в поисках «нереализованных» идей пришли к выводу, что идеи Бухарина «заявили о себе на языке современной эпохи» (10). Бухарин стал великим критиком произвола монополистической государственной власти, разжигаемого идеологическим рвением, противником военизированных мер и резких скачков в экономике, административного беззакония, чрезмерной централизации и паразитической бюрократии, гигантомании и систематической неэффективности.

Бухарин выступал за эволюционную политику, которая позволила бы крестьянскому большинству и частному сектору процветать и «врастать в социализм» через рыночные отношения. Он отстаивал план социального развития, основанный на «социалистическом гуманизме» и на принципе, согласно которому «хозяйство существует для потребителя, а не потребитель для хозяйства». Отвергая «чингиз-хановские» схемы, Бухарин разработал форму планирования, которая сочетала в себе гибкие рациональные цели, устанавливаемые в верхах, с инициативой «низших инстанций, которые действуют в зависимости от конкретных условий жизни». Он говорил руководителям советской промышленности: «Мы победим при научном хозяйственном руководстве или же мы не победим вовсе». Он отстаивал политическую диктатуру партии, но при этом выступал за «советский закон, а не советский произвол, умеряемый “бюро жалоб”, неизвестно где обретающимся». В области культуры и науки Бухарин также поддерживал политику, основанную на принципе «свободной, стихийной конкуренции», а не праве «сжимать всех в один кулак» (11).

В этих и многих других отношениях бухаринизм был альтернативой сталинизму и предостережением против него. Когда Сталин в 1928 и 1929 годах порвал с НЭПом и обратился к драконовскому курсу индустриализации, протесты Бухарина поставили его во главе так называемой правой внутрипартийной оппозиции. Еще до того как сталинская политика достигла апогея, приведя в 1929–1933 годах к массовой гибели крестьян, Бухарин видел «чудовищно односторонний» характер «военнофеодальной эксплуатации крестьянства» и ее последствия. Он предупреждал: «Политика Сталина ведет к гражданской войне. Ему придется заливать кровью восстания. В результате получается полицейщина» (12).

Эти пророчества, высказанные накануне сталинской эры, определили судьбу Бухарина. Исключенный из Политбюро в ноябре 1929 года, он стал свидетелем того, как его эволюционные программы предавались анафеме как «правый уклон» и измена социализму. Номинально он оставался членом Центрального Комитета партии вплоть до ареста в феврале 1937 года. В период короткой оттепели 1934–1935 годов он даже играл существенную роль в жизни страны как редактор правительственной газеты «Известия», автор посвященных гражданским правам разделов советской конституции 1936 года и как сторонник антифашистских союзов против нацистской Германии. Однако по существу последние годы жизни стали прелюдией к гибели Бухарина – самой представительной жертвы сталинского террора 1936–1939 годов, террора, направленного против старой большевистской партии.

Катастрофа коллективизации, унесшей миллионы крестьянских жизней и приведшей в начале 1930-х годов к разрушению советского сельского хозяйства, только укрепила притязания Сталина на то, что его политика является единственным закономерным итогом большевистской революции. Альтернативные партийные программы из простых «уклонов» превратились в контрреволюционные преступления. Так, показательный процесс против Бухарина, состоявшийся в 1938 году, имел целью отвергнуть и предать забвению бухаринскую альтернативу, придав криминальную окраску всей его политической биографии. Все противники Сталина из числа старых большевиков «превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц» (13). Но для Бухарина, представлявшего наиболее привлекательную и жизнеспособную, а следовательно, и самую опасную альтернативу, Сталин подобрал особые эпитеты и устами прокурора Вышинского провозгласил, что «лицемерием и коварством этот человек превзошел самые коварные, чудовищные преступления, какие только знала человеческая история» (14). На протяжении двух десятилетий никто в коммунистическом мире не оспаривал это обвинение.

Посмертная слава Бухарина

В 1956 году, вскоре после того как Хрущёв на закрытом заседании XX съезда партии разоблачил сталинские «массовые репрессии», в далеком сибирском городке произошло воссоединение одной семьи. Двадцатилетний Юрий, выросший сиротой в приютах и домах чужих людей в центральной части России, узнал, что его мать жива и находится в сибирской ссылке. Он поехал к ней и обнаружил, что является единственным сыном Николая Бухарина. Анна Михайловна Ларина вышла замуж за сорокапятилетнего Бухарина в 1934 году, когда ей было 19 лет. Арестованная в июне 1937 года, через четыре месяца после ареста

Бухарина, и разлученная с грудным ребенком, она провела двадцать лет в тюремных камерах, лагерях и ссылках как «жена врага народа». К 1961 году вдове и сыну Бухарина удалось вернуться в Москву, и они начали хлопотать о его реабилитации.

В этом событии экстраординарным было лишь громкое имя. Повсюду в Советском Союзе воссоединялось множество семей, и вскоре личные судьбы этих людей начали оказывать существенное влияние на общественные дела. Ранние стадии десталинизации, ставшей основным пунктом реформаторской программы Хрущёва в 1956–1964 годах, привели к освобождению около 10 миллионов чудом выживших узников лагерей и принудительных ссылок и к «посмертной реабилитации» 5–6 миллионов людей, погибших за 25 лет сталинского террора (15).

Эти акты частичного восстановления справедливости вызывали недовольство в некоторых кругах населения и сеяли новые распри. Разоблачение прошлого представляло угрозу для советской элиты, тесно связанной со сталинской политикой, оскорбляло глубоко укоренившееся чувство ностальгии по сталинским временам, сталкивало миллионы людей, непосредственно участвовавших в проведении террора и пользовавшихся его плодами, с жертвами репрессий и памятью о погибших. С другой стороны, вернувшиеся из лагерей и родственники погибших требовали более полных разоблачений и более широкой реабилитации. Для них речь шла не только о долге перед мертвыми, но и о жизненной необходимости, ибо только юридически оформленная реабилитация мужа или отца смывала официальное клеймо преступника. Это могло означать разрешение вернуться в родной город или в свою квартиру, получение вдовьей пенсии, образование и карьеру детей.

Судьбы погибших вождей вызывали особенно острые разногласия внутри послесталинского руководства. В период, предшествовавший его свержению, Хрущёв, преодолевая мощную оппозицию, добился полной реабилитации – юридического

оправдания и восстановления политической репутации – тысяч деятелей партии, государства, армии и культуры. Эта кампания, однако, не затронула самых выдающихся руководителей большевистской партии – Бухарина, Троцкого, Рыкова, Зиновьева и Каменева. Самым важным оказалось дело Бухарина, ибо оно поднимало вопрос о закономерной альтернативе сталинизму в 1929 году, было неразрывно связано с вопросом сталинского наследия и стало своеобразным мерилом силы и слабости хрущёвского реформаторства.

Впоследствии, уже в вынужденной отставке, Хрущёв, предаваясь невеселым воспоминаниям, писал, что он лично восхищается Бухариным и сожалеет о решении не реабилитировать его (16). Тем не менее, именно Хрущёв, выступая на XX съезде КПСС, сформулировал новую,

до сих пор остающуюся в силе официальную оценку деятельности Бухарина. При этом Хрущёв исходил из собственной идеи ограничить десталинизацию, совместив разоблачение сталинского террора против партии в конце 1930-х годов с полной поддержкой сельскохозяйственной и индустриальной политики диктатора в 1929–1933 годах, политики, заложившей фундамент современной советской системы. Таким образом, фактически признав, что процесс Бухарина был сфальсифицирован, Хрущёв выразил удовлетворение по поводу его политического поражения (17). Вследствие этого советская пресса перестала называть Бухарина преступником, но его политическую деятельность определяли как «антиленинскую» и как «объективную капитуляцию перед капитализмом».

Даже такая полумера, открывшая путь к юридической (но не политической) реабилитации, встретила сильное сопротивление. Где-то между 1956 и 1958 годом, после того как тайная комиссия Политбюро подтвердила безосновательность обвинений, выдвинутых против Бухарина и других жертв сталинских процессов, советское руководство обсудило и отвергло предложение об их публичной реабилитации. Впоследствии Хрущёв возложил ответственность за это решение на влиятельных лидеров западных компартий, опасавшихся, что еще одно крупное разоблачение нанесет ущерб их партиям. Такое объяснение представляется неубедительным и, по-видимому, было выдвинуто Хрущёвым для самооправдания. Хотя Мориз Торез и Гарри Поллит действительно возражали против новых разоблачений, вряд ли их голоса имели решающее значение (18). Скорее всего, самому Хрущёву не хватило решимости или его оппоненты в СССР оказались слишком сильны. Тем не менее этот эпизод продемонстрировал, что бухаринский вопрос получил международный резонанс, особенно среди европейских коммунистов, которые горячо аплодировали сталинскому террору и по существу остались сталинистами.

Так обстояли дела до тех пор, пока укрепивший свои позиции Хрущёв, пытаясь сломить консервативную оппозицию своей реформаторской политике, не выступил с первым публичным осуждением сталинских преступлений. Это произошло в октябре 1961 года на XXII съезде партии. В стране стихийно поднялась волна антисталинизма, кульминацией которого стал вынос тела Сталина из ленинского мавзолея. В последовавшие за этим два с половиной года советские историки начали исследовать некогда запретные темы, в том числе сталинские методы коллективизации и индустриализации. В этих работах содержались косвенные намеки на альтернативы сталинизму (19).

Отражая связь между прошлой и текущей политикой, новая кампания десталинизации была частью становившегося все более радикальным

реформаторства, особенно в области экономики. Хрущёвские инициативы начала 60-х годов вдохновили реформаторов советской экономики на далеко идущую критику гиперцентрализованной системы планирования и управления, унаследованной от сталинской эпохи. Собственные же их предложения, направленные на усиление роли рынка, вторили долго находившимся под запретом нэповским идеям 1920-х годов, а следовательно, и знаменитым бухаринским наказам, предупреждавшим против перегибов централизации, бюрократизма и своевольного государственного вмешательства в экономическую жизнь. В работе, посвященной советским реформаторам того периода, чьи предложения были тесно связаны с экономическими преобразованиями, уже начавшимися в Восточной Европе, Моше Левин приходит к выводу: «Поразительно, сколь многие идеи Бухарина… приняты нынешними реформаторами как собственные и насколько их критика прошлого опыта, вплоть до формулировок, перекликается с его критическими замечаниями и прогнозами» (20).

Официальное предание анафеме столь крупной исторической фигуры как Бухарин накладывало ограничение на целый круг идей и политических мероприятий, связанных с его именем. Многие советские реформаторы, конечно же, знали, что, даже не ссылаясь открыто на Бухарина, они рискуют быть обвиненными в возрождении «правого уклона». Это обстоятельство, наряду с возобновившимся хрущёвским наступлением на культ личности Сталина, вновь поставило бухаринский вопрос на повестку дня.

В марте 1961 года вдову Бухарина вызвали в Центральную Контрольную Комиссию, занимавшуюся вопросами реабилитации, и предложили дать показания для досье по бухаринскому делу. Наряду с некоторыми биографическими сведениями, Анна Ларина рассказала о «последнем завещании» Бухарина – письме, написанном им за несколько дней до ареста. Он попросил жену выучить наизусть это письмо «Будущему поколению руководителей партии», а затем уничтожить его. Бухарин писал о своей беспомощности перед «адской машиной» и «организованной клеветой», настаивая на абсолютной своей невиновности. Письмо завершается словами: «Ко всем членам партии обращаюсь! В эти, может быть, последние дни своей жизни, я уверен, что фильтр истории рано или поздно неизбежно сметет грязь с моей головы… Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии-, оправдать и восстановить меня в партии… Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови» (21).

Обнадеженная этим разговором и состоявшимся несколько месяцев спустя XXII съездом партии, Анна Ларина обратилась к Хрущёву и По-

литбюро с просьбой реабилитировать Бухарина. Положение семьи несколько улучшилось. Ларина получила пенсию, а ее сын Юрий, чья репутация как художника сильно укрепилась за последние годы, начал преподавать живопись. Однако хрущёвская кампания десталинизации, а вместе с ней и рассмотрение бухаринского вопроса столкнулись со шквальным огнем критики со стороны консерваторов. Более года не появлялось никаких публичных комментариев по делу Бухарина.

Наконец, 22 декабря 1962 года такое заявление было сделано в весьма необычной форме, которая, по-видимому, позволила Хрущёву обойти своих оппонентов в советском руководстве. Выступая на Всесоюзной конференции историков, Поспелов, поддерживавший Хрущёва в Центральном Комитете партии, зачитал заранее подготовленный «вопрос из зала»: «Студенты спрашивают, были ли бухаринцы иностранными шпионами». Ответ Поспелова был однозначным: «Ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были» (22).

Неофициальное заявление Поспелова осталось единственной попыткой публичного оправдания Бухарина в Советском Союзе. Официальных заявлений за ним не последовало; не имело оно и политической силы. Несмотря на временное смягчение тона антибухаринских выступлений в официальных публикациях, имя Бухарина было исключено даже из энциклопедий, а вопрос о его статусе не решался из-за внутренней борьбы в советском руководстве. В конечном счете, дело о реабилитации Бухарина было закрыто в связи со свержением Хрущёва в октябре 1964 года. Последующие петиции семьи и друзей Бухарина остались без ответа. К концу 1960-х годов новое советское руководство во главе с Брежневым и Косыгиным разработало обширную консервативную программу, которая фактически перечеркивала хрущёвские реформы. Этот исключительно важный поворот событий подробно рассмотрен в главе 5. Десталинизация кончилась, а сам Сталин был в значительной степени реабилитирован.

Всякая надежда на пересмотр дела Бухарина исчезла после советского вторжения в Чехословакию в 1968 году. Реформаторский дух Пражской весны и открыто провозглашенная мечта о «социализме с человеческим лицом» стали кульминацией развития антисталинистских идей, которые с 1950-х годов распространялись в самых разнообразных формах, нагоняя страх на консерваторов-неосталинистов в Советском Союзе и странах Восточной Европы. После 1968 года политика и идеи Пражской весны, родство которой с еврокоммунизмом представлялось советским консерваторам вполне очевидным, стали для официальной советской пропаганды воплощением «антисоциалистических и контрреволюционных» последствий «правого оппортунизма». В обширной советской литературе, «вскрывающей» эту «опасность», содержались

многочисленные намеки на прямую связь бухаринского «правого уклона» с чешскими реформаторами и другими антисталинистами. Базой для такой жесткой политики стала аксиома, выдвинутая самим Сталиным против Бухарина в 1928–1929 годах. Согласно этой аксиоме, «правый уклон» представляет «главную опасность» для коммунистического движения (23).

Неосталинистский подход к Бухарину, который стал ощущаться в советской литературе после 1968 года, открыто проявился 9 июня 1977 года, когда Г.С. Климов, высокопоставленный чиновник той самой Центральной Контрольной Комиссии, что некогда пробудила надежды Анны Лариной, позвонил ей домой и сказал ее сыну Юрию: «Мне поручено передать Вам, что Ваша просьба о восстановлении Бухарина в партии… не может быть удовлетворена, поскольку с него не сняты обвинения в уголовных преступлениях, за которые он был осужден» (24). Чрезвычайно важное значение этого поразительного заявления, быстро распространившегося по неофициальным каналам, состояло в том, что обвинения, выдвинутые против Бухарина, все еще остаются в силе. Это было равносильно отмене решений, принятых в хрущёвские времена (до 1964 года по меньшей мере семь «соучастников» Бухарина были полностью реабилитированы). Заявление Климова фактически оправдывало печально знаменитые процессы и чистки 1930-х годов и косвенно одобряло сталинский террор (25).

Второе рождение Бухарина

После смерти Сталина Москва потеряла монополию на коммунистические идеи, и официальное советское отношение к Бухарину уже не отражает его статус и репутацию в мире и даже внутри Советского Союза. Конец официальной десталинизации в середине 1960-х годов породил поток неподцензурной самиздатской литературы о сталинском прошлом страны и исторических альтернативах. Во всех этих работах Бухарин уже реабилитирован. Мемуаристы благожелательно отзываются о нем, а целый ряд историков-нонконформистов, открывших, что идеи Бухарина «не утратили своей остроты и по сей день», восхищаются его принципиальной оппозицией сталинизму. Один такой историк пишет: «Имя Николая Ивановича Бухарина в революционной летописи XX века, по праву, может быть названо первым, вслед за Лениным» (26). Рой Медведев, выдающийся историк-диссидент и представитель демократического советского социализма, пришел к выводу: «Если бы после Ленина во главе нашей партии оказался не Сталин, а Бухарин, то не было бы ни коллективизации в ее сталинской форме, ни террора 30–

40-х годов» (27). С этим соглашаются даже некоторые диссиденты, не придерживающиеся марксистского мировоззрения. Говоря об оппозиции Бухарина сталинской кампании коллективизации, один из них называет его поражение «величайшей трагедией России» (28).

Вне Советского Союза два события привели ко второму рождению Бухарина и необычной кампании, развернувшейся вокруг его имени в 1978 году. Речь идет, во-первых, о непрекращающемся поныне развитии международного коммунистического реформизма, начавшегося в Белграде, получившего мощную поддержку в компартиях Польши и Венгрии после 1956 года, пережившего короткий период расцвета в Праге в 1960-х годах, ставшего частью еврокоммунизма в 1970-х годах и разворачивающегося в 1980-х годах в Китае в виде демаоизации. В каждой из этих стран собственные проблемы и политические соображения привели реформаторов-антисталинистов к «отрубленным» нэповским корням, а следовательно, и к Бухарину. В каждой из этих компартий он негласно или открыто реабилитирован (29).

Во-вторых, многие ученые-некоммунисты на Западе, ознакомившись с новыми материалами, опубликованными советскими специалистами после смерти Сталина, изменили собственное невысокое мнение об историческом значении НЭПа и Бухарина. К 1970-м годам представление ортодоксальной советологии о неизбежности сталинизма после 1917 года настолько пошатнулось, что возник интерес к изучению Советского Союза 1920-х годов вообще и Бухарина (с представляемой им альтернативой) в частности (30). Е.Г. Карр и другие влиятельные ученые продолжали настаивать на том, что бухаринская программа «по самой своей сути была неосуществима в условиях НЭПа» (31). Однако это суждение противоречит многочисленным новым исследованиям других западных (и даже советских) ученых, не оставивших камня на камне от давнего мифа о необходимой и эффективной «сталинской модели» индустриализации и модернизации СССР в 1929–1933 годах.

Многие ученые начали рассматривать Первую сталинскую пятилетку как процесс, в котором произвол вытеснил подлинное планирование, нереальные задачи выполнялись наполовину и неоправданно дорогой ценой, а крестьянское хозяйство было без всякой нужды разрушено коллективизацией, которая ничего не дала индустриализации и, по-видимому, затормозила ее развитие. Ученые (в том числе и советские) все меньше верили в необходимость сталинского курса. Был обнаружен целый ряд иных путей развития сельского хозяйства и промышленности, которые открывались перед советским руководством в конце 1920-х годов. Все эти возможности не выходили за пределы параметров НЭПа и согласовывались с политическими альтернативами, предложенными партии Бухариным и его соратниками накануне их поражения

в 1929 году (32). В таком обобщенном смысле научный анализ этого судьбоносного периода советской истории в значительной мере приобрел бухаринский характер.

К началу 1978 года, ознаменовавшего 90-ю годовщину со дня рождения и 40-ю годовщину со дня казни Бухарина, его второе открытие на Западе стало совершившимся фактом. Это выразилось в резком увеличении объема научных исследований на бухаринскую тему, которая вошла в моду даже в некоторых левых кругах (33). Письмо из Москвы неожиданно превратило годовщину гибели Бухарина в международное политическое событие. 3 марта 1978 года сын Бухарина обратился к руководителю Итальянской коммунистической партии Энрико Берлингуэру с просьбой «принять участие в деле восстановления справедливости в отношении моего отца». Письмо Юрия Ларина, повествовавшее о невыносимом положении его матери, было опубликовано во многих западных газетах и поставило Итальянскую компартию перед необходимостью принять важное решение (34). 16 июня видный итальянский коммунист публично поддержал Ларина, назвав реабилитацию Бухарина «моральной и политической необходимостью» и дав понять, что говорит от имени партийного руководства (35).

Копия ларинского письма попала в созданный Бертраном Расселом Фонд мира, который решил организовать среди западных коммунистов и социалистов сбор подписей под петицией, адресованной советским властям. Это обращение нашло живой отклик; подписи поступали «непрерывным потоком» от представителей коммунистических и социалистических партий Европы, а также крупнейших деятелей культуры, придерживавшихся левых взглядов. Подписи пришли даже из Австралии (36).

Письмо Ларина и кампания, развернутая Фондом Рассела, сделали вопрос об исторической репутации Бухарина еще более актуальным и усилили его политическую окраску. Этот вопрос имел особо важное значение для еврокоммунистических партий и их отношений с Советским Союзом и некоммунистическим левым движением в Европе. Ларин не ошибся, обратившись с призывом именно к Итальянской коммунистической партии, самой антисталинской из всех западных компартий. Итальянские историки-коммунисты на протяжении ряда лет сочувственно писали о Бухарине (37). Симпатии итальянских коммунистов отчасти объяснялись его антифашистской позицией, особенно привлекательной на фоне сталинского пакта с Гитлером, а также дружбой с покойным руководителем Итальянской компартии Пальмиро Тольятти. Но главная причина заключалась в «бухаринском» пути к социализму, во многих важных отношениях предвосхитившим программу Итальянской компартии с ее постепенным переходом к социализму, двухсекторной рыночной экономикой и единоличным сельским

хозяйством. Как пояснил один из ее представителей, для Итальянской коммунистической партии реабилитация Бухарина «имеет не только общеисторическое значение, но и представляется логичной в моральном, теоретическом, гуманистическом и политическом отношениях» (38).

Ведущие представители других партий, именуемых еврокоммунистами в широком смысле этого слова (в частности, компартий Испании, Австралии, Бельгии и Великобритании), не замедлили поддержать обращение к Москве (39). Дольше всех не откликалась Французская коммунистическая партия, что отражало непоследовательность ее антисталинизма и разногласия, существовавшие внутри еврокоммунистического движения. Хотя несколько крупных интеллектуалов поставили свои подписи под петицией Фонда Рассела, руководство Французской компартии, следуя примеру Москвы, долго хранило молчание. Наконец, в ноябре 1978 года один из руководителей французских коммунистов выступил в «Юманите» с призывом реабилитировать Бухарина (40). Единодушие еврокоммунистов по этому вопросу стало полным.

В то же время выдающиеся западные социал-демократы присоединились к еврокоммунистам в бухаринской кампании, впервые поддержав их в подходе к вопросу, связанному с советским коммунизмом. Это липший раз подтвердило, что исторический раскол европейского левого движения, сохранению которого способствовал советский опыт, может быть преодолен. Некоторые находящиеся у власти социалисты отказались подписать обращение к советскому руководству на том основании, что это было бы «равносильно вмешательству во внутренние дела партии, отождествляющей себя с государством» (41). Однако многие социалисты подписали петицию. В частности, это сделали секретарь по международным делам Французской социалистической партии, председатель Лейбористской партии Великобритании и 11 членов британского парламента, трое из которых лично поставили вопрос о Бухарине перед советским посольством в Лондоне (42). Как бы то ни было социалисты и коммунисты согласились с тем, что (по определению, содержавшемуся в итальянской петиции) реабилитация Бухарина помогла бы «стереть с облика социализма мрачные, нечеловеческие черты, приданные ему сталинизмом» (43).

Противники социализма и коммунизма во всем мире также понимали связь между бухаринской кампанией и идеей политической альтернативы сталинизму. Они выразили тревогу по поводу популярности кампании в Европе и способности еврокоммунистов привлекать широкую поддержку масс. Так, в передовой статье, красноречиво названной «Жертва, а не герой», лондонская «Таймс» обрушилась на саму идею коммунистической альтернативы сталинизму в истории СССР или какой-либо другой страны. Вяло поддержав призыв реабилитировать Бухарина, «Таймс» предупреждала: «Имя Бухарина нельзя использовать как средство реабилитации самого коммунизма» (44).

Бухарин и будущее антисталинской альтернативы

Международные кампании могут задержать процесс открытой реставрации сталинизма, но сами по себе они не приведут к официальной реабилитации Бухарина в Советском Союзе. Для этого потребуются крупные политические победы советских реформаторов-коммунистов, которые с конца 1960-х годов потерпели поражение почти на всех фронтах партийной политики. Пока это не произойдет, место Бухарина в коммунистическом мире будет определяться реформаторами вне Советского Союза. Здесь его репутация по-прежнему укрепляется. Так, Институт имени Грамши Итальянской коммунистической партии провел в 1980 году первую международную конференцию, посвященную идеям Бухарина. В ней приняли участие коммунистические и некоммунистические ученые многих стран мира, в том числе Венгрии, Югославии и Китайской Народной Республики (45).

Некоторые ученые и журналисты утверждают, что посмертная слава Бухарина зиждется на фальсифицированном образе «легендарного загубленного вождя» (46). Это совершенно неверно. По сравнению со Сталиным, Бухарин, конечно же, был недальновидным политиком и слабым лидером. Подлинное значение Бухарина состоит в том, что он олицетворяет вновь открытые антисталинские идеи, символизирует потерянную, но все еще возможную программную альтернативу сталинизму в коммунистическом мире. Один из антисоветски настроенных эмигрантов пишет: «Как все дороги ведут в Рим, так и все мысли о плачевном состоянии экономики социализма ведут к НЭПу как к способу решения вопроса» (47).

Некогда преданные анафеме нэповские идеи рыночной экономики и либерализованной политики возродились в столь многих коммунистических партиях в ответ на современные проблемы, а не на произведения Бухарина, созданные в 1920-х годах. Тем не менее возрождение этих идей неразрывно связано с реабилитацией Бухарина. Ничто не иллюстрирует эту истину более наглядно, чем реабилитация Бухарина Коммунистической партией Китая, которая дольше других компартий придерживалась сталинско-маоистской традиции, но в конечном счете, внедряя свой вариант НЭПа в конце 1970-х и начале 1980-х годов, обратилась к Бухарину через 50 лет после его гибели (48).

Следует, однако, иметь в виду, что не все антисталинские реформы были разработаны Бухариным. Некоторые из важнейших идей, выдвинутых им в 1920-х годах, в том числе его анализ роли массового потребления и рынка в плановой экономике, остались в зачаточном состоянии, и нынешние реформаторы, особенно в Восточной и Западной Европе, давно переросли их.

Кроме того, несмотря на стойкую оппозицию гигантскому разрастанию коммунистического государства, демократом Бухарин никогда не был. Вместе с другими представителями старой большевистской гвардии он несет ответственность за установление сталинского режима. Например, он никогда не ставил под сомнение принцип однопартийной диктатуры и не выступил против запрещения оппозиционных фракций внутри коммунистической партии. Таким образом, Бухарин не имеет никакого отношения к попыткам еврокоммунистов объединить коммунистические социальные идеи с политической демократией. Более того, по мере дерусификации европейских коммунистических движений и их возврата к собственным традициям, они все реже будут обращаться к русскому опыту и перестанут испытывать потребность в символах из советского прошлого.

Сегодня бухаринские идеи по-настоящему актуальны в тех коммунистических странах, чей исторический опыт таит глубокие корни деспотизма и сталинизма. Прежде всего, это относится к самому Советскому Союзу. Бухаринизм двадцатых годов был более либеральным, более гуманным вариантом русского коммунизма с искони присущими ему авторитарными традициями. Таким образом, его идеи сохраняют способность стимулировать официальные шаги правящей Коммунистической партии Советского Союза в сторону более либерального, менее сталинистского, хотя, вероятно, и недемократического порядка. Возможность таких перемен не исключена. Не упоминая имени Бухарина, советское правительство рекомендует странам третьего мира нэповский, а не сталинский путь развития (49). Хотя обстоятельства в стране изменились с 1920-х годов, многие официальные реформаторы все еще защищают нэповские решения внутренних проблем СССР. Предлагаемые ими реформы предусматривают большую роль рынка и частной инициативы в промышленности, сельском хозяйстве и сфере обслуживания, меньшую роль централизованного государственного планирования и правительственных учреждений, а также менее жесткий курс в политической и культурной жизни (50).

Актуальность бухаринских идей признается не только антагонистами внутри КПСС, но и диссидентами и эмигрантами, обсуждающими прошлое и будущее страны без оглядки на цензуру. В их дискуссиях имя Бухарина играет центральную роль в решении вопроса «Что надо сохранить от революции?» (51). Как мы уже показали, прокоммунистически настроенные диссиденты реабилитировали Бухарина. Иногда даже признают, что он «является, вероятно, единственным большевиком, которого кое-кто в России поминает добрым словом» (52). Вызвано это его оппозицией сталинскому наступлению на деревню, а также тем, что в отличие от многих других большевистских вождей он был русским по

национальности. Однако по той же причине Александр Солженицын и другие диссиденты, придерживающиеся экстремистских антисоветских взглядов и полагающие, что вся советская система прогнила насквозь, возражают против любой положительной оценки деятельности Бухарина, опасаясь, что его репутация будет способствовать сохранению наследия революции (53).

Между тем, консерваторы-неосталинисты в КПСС преисполнены не меньшей решимости продолжать борьбу с призраком Бухарина, одного из основателей советского строя. Они понимают, что его реабилитация, к которой, по-видимому, все еще призывают некоторые официальные круги, узаконила бы реформаторские идеи (54). Это открыло бы путь к пересмотру сталинских основ нынешней системы – от непродуктивных колхозов и неэффективной бюрократической системы планирования до все- подавляющей цензуры. Цепляясь за прошлое, наследники Сталина вынуждены делать все возможное, чтобы сохранить запрет на имя Бухарина. И все же они имеют не больше шансов преуспеть в этом, чем в замалчивании более широкого вопроса о сталинском прошлом страны.

Глава 4

Сталинский вопрос после Сталина

…и старые следы –
тридцатилетней власти
величья и беды.

Борис Слуцкий

Скажи мне, что ты думаешь о Сталине, и я скажу тебе, кто ты.

Из московских разговоров, 1977 г.

Подобно крепостному праву в дореволюционной России, сталинизм называют «проклятым вопросом». Сталин правил Советским Союзом четверть века. Большую часть этого периода он властвовал как абсолютный монарх, создав собственную эпоху, вошедшую в историю под названием сталинщины. Споры о природе и наследии его правления не прекращались в Советском Союзе еще четверть века, сначала в официальной печати, а с середины 1960-х годов – главным образом, в самиз-

датской литературе. Несмотря на это, сталинский вопрос до сих пор не разрешен и вызывает глубокие разногласия в политической жизни страны. Даже подцензурная правительственная газета вынуждена была признать его «страшной и кровоточащей раной» (1).

Сталинский вопрос носит исторический, социальный, политический и этический характер. Он имеет отношение ко всей советской и даже российской истории, пронизывает и заостряет современные политические вопросы. Он ставит под сомнение карьеры многих представителей правящей элиты и бросает тень на репутацию нескольких поколений советских людей. Сталинский вопрос затрагивает как высшие, так и низшие слои общества, сеет распри среди руководителей, влияя на принимаемые ими политические решения, вызывает шумные споры в семьях, среди друзей, на общественных собраниях. Конфликт принимает самые разнообразные формы, от философской полемики до кулачного боя. Он с новой силой вспыхивает каждый год 5-го марта в годовщину смерти Сталина. Многие в этот день поднимают стаканы с водкой за «великого вождя, сделавшего Родину сильной». Другие радуются смерти «тягчайшего преступника страны за всю ее современную историю» (2).

Столь противоположные взгляды отражают крайне противоречивую историческую ситуацию, породившую сталинский вопрос и поддерживающую интерес к нему. Если прибегнуть к метафоре советского типа, сталинизм в историческом плане представляется горой с двумя вершинами: вершиной великих свершений, соседствующей и неразрывно связанной с вершиной преступлений. От свершений трудно отмахнуться. На протяжении первого десятилетия сталинского правления, официально увековеченного как период первого и второго пятилетних планов, коллективизации и индустриализации, отсталая, аграрная, неграмотная страна была преобразована в преимущественно индустриальную, урбанизированную и грамотную державу. Как уже упоминалось выше, для миллионов людей 1930-е годы стали периодом героических дел и открытых дорог к образованию и продвижению по социальной лестнице. Во второе десятилетие сталинского правления Советский Союз сокрушил напавшую на него могущественную Германию и больше, чем какая- либо другая страна, способствовал поражению фашизма. При этом он создал обширную империю в Восточной Европе и стал сверхдержавой на международной арене. Все это до сих пор заставляет многих признавать величие правления Сталина. Именно поэтому даже подвергавшийся преследованиям диссидент говорит: «Но и сталинский период для меня закономерный период, я его не зачеркиваю» (3).

Не менее монументальными были и преступления. Сталинская политика – от принудительной коллективизации крестьянских хозяйств в 1929–1933 годах до не затихавшего до смерти тирана массового террора НКВД или МГБ – привела к гибели миллионов ни в чем не повин-

ных людей, в том числе женщин и детей. По произволу властей их арестовывали, пытали, казнили, ссылали и заключали в тюрьмы или лагеря.

До сих пор никому не удалось точно подсчитать число жертв сталинщины. Те, кто попытался это сделать, утверждают, что погибло по меньше мере 20 миллионов (4). Сюда не входят миллионы погибших в начале войны из-за неэффективности сталинского военного руководства и миллионы людей, томившихся на протяжении 20 лет в сталинских лагерях. Если судить только по числу жертв, оставляя в стороне существенные различия между режимами, придется признать, что сталинский геноцид превзошел по размаху гитлеровскую катастрофу.

Споры о Сталине в основном питаются таким двойственным характером истории его эпохи. Просталинская аргументация (в примитивном и научном вариантах) строится на принципе «лес рубят – щепки летят» и утверждает, что «Сталин был необходим» (5). По этой теории, жертвы, которые обычно списывают на «ошибки и перегибы» и считают преувеличенными, были неизбежны. Экономические преимущества коллективизированного сельского хозяйства сделали возможной быструю индустриализацию. Репрессии устранили ненадежные, чуждые и враждебные элементы и сплотили страну под сильным руководством Сталина. Эти события подготовили народ к великой победе над Германией и дали СССР статус великой державы. В такой интерпретации прошлого Сталин превозносится как великий творец, государственный деятель и полководец (6).

Антисталинисты в Советском Союзе придерживаются прямо противоположного мнения: «Да, победы были. Но не благодаря культу, а вопреки ему» (7). Жестокость, с которой была проведена коллективизация, принесла больше вреда, чем пользы; существовали другие, лучшие пути индустриализации. Массовые репрессии были бессмысленным преступлением. Они истощили трудовые ресурсы страны, уничтожили элиты, игравшие важную роль в укреплении обороны страны, включая командный состав армии. Атмосфера террора и прогнившее сталинское руководство явились причиной катастрофических поражений 1941 года и усугубили трудности ведения войны. Престиж советского государства в мире и тогда и сейчас был бы гораздо выше, если бы не позор сталинских преступлений.

Эти аргументы не объясняют, почему многие советские руководители и большинство населения до сих пор хорошо отзываются о Сталине, оправдывая таким образом совершенные им чудовищные преступления (8). Правда, официальная цензура лишила многих советских граждан полной и систематизированной информации о прошедшем. Тем не менее, к середине 1960-х годов многое было опубликовано в советской печати, хотя и с большими пробелами. Кроме того, большинство взрослого населения должно было знать или во всяком случае догадываться

о масштабах репрессий, ибо практически каждая семья потеряла родственников или друзей (9). Почему же тогда то же большинство не разделяет высказанное даже в подцензурных советских изданиях мнение о «горьких и черных страницах периода культа личности Сталина», о том, что «в нашей душе уже сейчас не осталось места для какого бы то ни было оправдания его злодеяний»? (10).

Масштабы сталинского вопроса

Западные ученые обычно рассматривают сталинскую проблему в узкополитическом плане. Они трактуют официальный антисталинизм хрущёвского периода (1956–1964 годы), десталинизацию и то, что советские руководители именовали «преодолением культа личности и его последствий», лишь как тактическое оружие Хрущёва в борьбе за власть в Кремле. Такое объяснение верно лишь отчасти.

Хотя Хрущёв и стоял во главе советского руководства, он не располагал неограниченной властью диктатора. Поэтому он по отношению к высшим эшелонам партийного и государственного аппарата действительно использовал сталинский вопрос для достижения своих политических целей. Подобно другим его инициативам, десталинизация натолкнулась на фракционную оппозицию (11). Это обстоятельство помогает объяснить непоследовательность хрущёвского антисталинизма и резкие повороты его курса.

Однако фракционная борьба сама по себе не объясняет политическую сущность сталинского вопроса. В полном соответствии с основной тенденцией западного анализа такое объяснение слишком узко трактует советскую политику. Соперничество групп в Политбюро и ЦК КПСС – лишь часть и отражение более мощных политических сил и течений в советском обществе и бюрократическом аппарате. Это особенно верно в отношении сталинского вопроса, затрагивавшего социальные группы, наиболее заинтересованные в том или ином официальном разрешении проблемы сталинского прошлого, реформаторов и консерваторов среди правящей элиты, а также широкие массы населения.

Две категории советских граждан – жертвы террора и их палачи – были лично заинтересованы в решении сталинского вопроса после 1953 года. Большинство жертв погибло, но многие остались в живых и оказывали определенное влияние на высокую политику. Миллионы людей выжили; некоторые из них провели в лагерях и ссылках более двадцати лет. Большинство выживших – около 10 миллионов человек – вышли на свободу после смерти Сталина. Они начали возвращаться в общество. В 1953 году их было немного, но в 1956 году начался массовый исход. Чтобы спасти обломки своих разбитых судеб, вернувшиеся требовали реабилитации в самых разнообразных формах, включая юридическое

оправдание, воссоединение семей, предоставление жилья, работы, медицинского обслуживания, пенсий (12).

Их требования поддержали миллионы родственников погибших во времена террора. Позорное клеймо «враг народа» на членах этих семей, многие из которых сами подвергались преследованиям, мешало им жить и работать. Посмертная реабилитация и восстановление в правах стали, таким образом, не только делом выполнения священного долга перед погибшими, но и практической необходимостью. Требования многочисленных жертв террора имели весьма серьезные политические последствия уже потому, что их оправдание и восстановление в правах были равносильны официальному признанию ужасающих преступлений, совершенных властями. Более того, некоторые из пострадавших требовали полного публичного разоблачения преступлений и даже наказания виновных.

Многие жертвы террора, объединенные общим стремлением к восстановлению справедливости, имели прямой или косвенный доступ к высшему советскому руководству. Люди, вернувшиеся из лагерей, стали членами и даже руководителями ряда партийных комиссий, учрежденных после 1953 года для изучения системы ГУЛАГа, рассмотрения дел о реабилитации и расследования конкретных преступлений сталинской эпохи. (Одна из таких комиссий готовила материалы для антисталинских докладов Хрущёва на партийных съездах 1956 и 1961 годов.) Многие из вернувшихся вновь заняли видное положение в военной, экономической, научной и культурной сферах общественной жизни. (Правда, в отличие от того, что произошло в Чехословакии, никто из них не поднялся до высшего уровня партийного руководства.) Некоторые из них имели личный доступ к Хрущёву, Микояну и другим «раскаявшимся» сталинистам в советском руководстве и пытались воздействовать на их решения. Другие, подобно Солженицыну, влияли на ход событий другими путями (13). В результате, к середине 1950-х годов жертвы террора стали мощной силой, формирующей антисталинские настроения и политику.

Не менее заинтересованными и гораздо более сильными были и противники реабилитации жертв террора. За двадцать лет террора в систематических массовых репрессиях такого масштаба должны были участвовать миллионы людей. Степень ответственности была различной, но сопричастность к преступлениям распространялась подобно раковой опухоли, охватив многие слои общества – от членов Политбюро, которые вместе со Сталиным руководили террором, партийных и государственных чиновников, участвовавших в репрессиях, сотен тысяч работников НКВД, которые арестовывали, пытали, казнили и охраняли узников, до легионов соглядатаев и доносчиков, пытавшихся поживиться плодами кровавого безумия. Миллионы других людей, порой

неумышленно, стали соучастниками преступлений, воспользовавшись чужим несчастьем. Они унаследовали посты жертв террора, их квартиры, имущество, а иногда даже жен. Целые поколения строили свою жизнь на катастрофе, поразившей страну (14). Террор не только убивал, но и, по слову одного из бывших заключенных, «портил живых» (15).

Вопрос уголовной ответственности за совершенные преступления и наказания в виде судебного разбирательства по типу Нюренбергского процесса или исключения из общественной жизни широко обсуждался в 1950-х и 1960-х годах, хотя делалось это без огласки (16). Официальная и ставшая популярной линия защиты, построенная на том, что только Сталин и горстка его сообщников якобы знали о масштабах преступлений и невиновности жертв, неоднократно разбивались вдребезги. Маститый писатель Илья Оренбург впоследствии говорил, что ему пришлось «жить, работать, сражаться, сжав зубы», так как он знал, что его арестованные друзья невиновны. При этом подразумевалось, что вся советская элита также была в курсе событий (17). Простые люди, возможно, и верили в сталинский миф о «врагах народа». Это признают даже антисталинисты. Однако, когда поэт Евгений Евтушенко пишет, что народ «ожесточенно работал, заглушая грохотом станков, тракторов, бульдозеров, стоны, доносившиеся из-за колючей проволоки сибирских концлагерей», он признает, что и простой человек «кое-что инстинктивно чувствовал» (18).

Из числа явно виновных несколько человек покончили жизнь самоубийством, немногие лишились своих постов, горстку руководящих работников полицейских органов судили и расстреляли, некоторые покаялись в своих политических грехах (19). Однако подавляющее большинство никто не тронул. Даже отдаленного намека на возмездие было достаточно, чтобы объединить миллионы участников преступлений и многих из тех, кто по тем или иным личным причинам возражал против разоблачения прошлого и всего процесса десталинизации. В 1956 году молодой Юрий Трифонов заметил: «Много людей будут защищать [прошлое], защищая себя». Анна Ахматова, сама пострадавшая от сталинского террора, писала: «Теперь они дрожат за свои имена, должности, квартиры, дачи. Весь расчет был: оттуда возврата нет» (20).

Противодействие соучастников сталинских преступлений сдерживало напор жертв репрессий. Столкновение палачей и жертв придало сталинскому вопросу особую остроту. Оно распространилось на все слои советского общества, вплоть до Политбюро. По словам Анны Ахматовой, сын которой был выпущен на свободу в 1956 году, «две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили» (21).

Второй важный аспект сталинского вопроса имел еще более далеко идущие последствия. Как будет показано в следующей главе, предложения изменить закостенелую советскую систему и оппозиция переменам

после смерти Сталина занимали центральное положение в официальной политической жизни. Конфликт между реформаторами и консерваторами был неотделим от сталинского вопроса, так как система и история ее возникновения были сталинскими. Доказывая необходимость перемен, советские реформаторы должны были критиковать наследие сталинизма практически во всех областях, критиковать преимущественные капиталовложения в тяжелую промышленность, эксплуатацию коллективизированного сельского хозяйства, гипертрофированную централизацию управления, жесткую цензуру, бессчетные запреты в интеллектуальной, культурной и научной деятельности, домостроевские порядки в семейной жизни, репрессивный характер теории и практики права, порожденную холодной войной философию внешней политики (22). С другой стороны, чтобы защищать эти институты, практические установления и ортодоксальные взгляды, советские консерваторы вынуждены были оправдывать сталинское прошлое.

Сталин и сталинизм неизбежно становились политическими символами как для сторонников, так и для противников перемен. Советские реформаторы в 1950-х и 1960-х годах, как и их коллеги в странах Восточной Европы, разрабатывали антисталинскую идеологию, в то время как советские консерваторы обращались (порой весьма неохотно) к различным вариантам неосталинизма. Хрущёв и его сторонники в середине 1950-х годов установили неразрывную связь между десятилетием реформ и кампаниями, подрывавшими историческую репутацию Сталина. Они говорили, что сталинский вопрос оборачивается «борьбой нового, прогрессивного против старого, реакционного» защитники Сталина при этом именовались «сектантами и догматиками» (23). В действительности же, не все советские консерваторы были сталинистами. Но связь между отношением к Сталину и к переменам была прямой и проявлялась во всех областях, где реформаторы вступали в конфликт с консерваторами.

Настроения масс были и остаются еще более важным аспектом сталинского вопроса. Выражение «культ личности Сталина» (эвфемизм, официально употреблявшийся с 1953 года для обозначения понятия «сталинизм») имело прочные и глубокие исторические корни, ибо на протяжении более чем двадцати лет прославление Сталина не знало меры. Все достижения страны приписывались его гениальным идеям. Практически все представления о стране, народе, патриотизме и коммунизме отождествлялись с его именем, как например, в боевом лозунге: «За Родину! За Сталина!» Его имя, слова и приписываемые ему дела беспрестанно превозносились во всех уголках страны. Его фотографии, живописные и скульптурные портреты были повсюду. Вначале говорили, что Сталин – это Ленин сегодня, но в 1930-х годах на смену этому определению пришли титулы всемогущего и непогрешимого вождя:

«Отец Народов», «Гений Человечества», «Машинист Локомотива Истории», «Величайший Человек Всех Времен и Народов». По мере того как культ разрастался до размеров обожествления, слово «человек» становилось неприемлемым: «О, Великий Сталин! О, Вождь Народов! Ты даешь жизнь человеку! Ты даруешь плодородие Земле!» (25).

Культ личности насаждался сверху, но, как я уже говорил, у него, да и у всей сталинской системы были глубокие корни в народе. Многие советские авторы, по-разному оценивающие другие аспекты сталинизма, сходятся на том, что миллионы советских людей (особенно в городах), независимо от возраста, классовой принадлежности и рода занятий, приняли культ личности Сталина и поверили в него. Конечно, многие не верили или верили не всему, но большинство городского населения было пленено культом, ставшим религиозным феноменом, «своеобразной светской религией» (26) Даже русская православная церковь присоединилась к хору славословий (27). В глубоко личном, психологическом и эмоциональном плане страна была сталинистской. Впоследствии один из поэтов старшего поколения вспоминал:

Оно не знало меньшей меры
Уже вступая в те права,
Что у людей глубокой веры
Имеет имя божества.
И кто при нем его не славил,
Не возносил – найдись такой!

Молодой поэт вторит старшему собрату: «Мы – дети культа личности» (28).

Когда советское руководство, выступив сначала косвенно, а потом открыто против культа Сталина, представило «Отца Народов» массовым убийцей, это вызвало болезненный кризис веры. Десталинизация уничтожила «веру, вырвав сердцевину мировоззрения, а сердцевиной был Сталин». В разоблачении прошлого была заключена «не только правда о Сталине, но и правда о себе, о своих иллюзиях». Многие люди пережили «духовную революцию» и стали антисталинистами. Сделать это было нелегко, ибо приходилось «переоценивать собственную жизнь». Один советский литератор писал: «Как трудно все мы прощались со своей верой в Сталина» (29). Это было так трудно, что многие так и не смогли это сделать.

На каждого советского человека, осудившего Сталина и все, что было связано с его именем, приходилось множество людей, которые думали, как поэт, сказавший: «Фигура Сталина, как тема, это – эхо прошлого во мне». Один из членов ЦК заявил: «Нет, я его судить не могу. Его может судить партия, народ, история, но не я… Я мал для этого».

Некоторые продолжали восхищаться Сталиным: «Я помню его таким, каким меня научили его видеть, и ничего не могу с этим поделать». Другие по-прежнему боготворили его как «великого государственного деятеля» и сожалели о разоблачениях. Даже после того как совершенные Сталиным преступления стали достоянием гласности, «культовое сознание» было широко распространено в народе, а вместе с ним сохранилась и «тайна открытой или скрытой вражды служителей этого культа». Вместе с поэтом-антисталинистом, каждый из «служителей культа» мог бы воскликнуть: «Повторять не устал: верните Сталина на пьедестал!» (30)

Таким образом, сталинский вопрос имеет отношение не только к борьбе за власть, но и к истории всего советского общества, социальным конфликтам и личным интересам миллионов людей, политическим расчетам и страстям. Все эти факторы проявились после внезапной и для многих советских людей непостижимой смерти Сталина 5 марта 1953 года.

Друзья и недруги официального антисталинизма

Смерть Сталина, устранив с исторической арены тирана, правившего системой, стала первым актом десталинизации (31). Она нанесла непоправимый ущерб божественности культа, ибо боги не страдают кровоизлияниями в мозг, расширением сердечной мышцы, гипертонией и другими недугами, скрупулезно перечисленными в медицинских бюллетенях и протоколе вскрытия (32). Даже похороны стали причудливым сочетанием старого и нового. Десятки людей были затоптаны насмерть истеричной толпой, движущейся к гробу Сталина, что увеличило число жертв сталинского правления. Однако новые нотки зазвучали в панегириках преемников Сталина, входивших в состав «коллективного руководства». Они по-прежнему прославляли «бессмертное имя» Сталина, но делали это не так громогласно, как при его жизни. К тому же, они приписывали Коммунистической партии роль, которую после великого сталинского террора 1930-х годов она играла только в советской мифологии. Партию вновь провозгласили «великой направляющей, руководящей силой советского народа» (33).

Второй важный акт десталинизации был совершен людьми, которые проделали путь наверх в условиях террора и постоянно находились под его угрозой. Хрущёв выступал от имени правящей элиты, когда говорил: «Все мы вокруг Сталина были временщиками» (34). Даже членство в Политбюро не давало защиты. Нескольких членов Политбюро расстреляли (одного из них в 1950 году); жена Молотова была арестована; к концу жизни Сталин относился с мрачной подозрительностью ко

всему Политбюро. Прожив так долго под властью жестокого и своенравного деспота, большинство его преемников объединилось для проведения важной реформы, направленной на ослабление мощной машины террора и восстановление руководящей роли Коммунистической партии. К апрелю 1953 года было закрыто дело о «заговоре врачей» – последний сценарий сталинского террора. К июню партия установила контроль над политической полицией, а ее руководитель Берия и несколько его приспешников были арестованы. Несколько сот видных узников лагерей были выпущены на свободу (35).

Ни одна из акций частичного отречения от прошлого открыто не затрагивала Сталина, но это подразумевалось. На протяжении короткого периода времени в 1953 году имя его красноречиво замалчивалось в печати. Начали появляться критические замечания в адрес непоименованного «культа личности». Совершенно очевидно, что сталинский вопрос уже обсуждался новым руководством. Однако пересмотренный вариант его официальной репутации, подготовленный в 1953–1954 годах и официально признававшийся до 1956 года, оставался весьма хвалебным. Сталин уже не был «машинистом локомотива истории», но еще оставался «великим продолжателем бессмертного дела В.И. Ленина», приведшим партию и народ к «славным победам», включая ликвидацию «врагов партии и народа». Как заметил один ученый, «Отец Народов стал Сыном Партии» (36).

Однако такой осторожной переоценки величия Сталина было недостаточно. Его имя уже негласно фигурировало во всех конфликтах, раздиравших советское руководство при обсуждении экономических и иных реформ. Профессиональная и, особенно, военная элита оказывала нажим на партийную верхушку, требуя очистить их профессиональную репутацию от клейма позора сталинщины. Не менее важную роль играло и давление снизу. Широкие массы населения требовали радикального пересмотра отношения к Сталину. Этот фактор продолжал действовать и впоследствии. В интеллектуальной и культурной жизни страны началась «оттепель»: на какое-то время было дозволено обсуждать некогда запретные темы. Из лагерей возвращались родственники и друзья высокопоставленных партийных и государственных деятелей. Они рассказывали о миллионах людей, все еще томящихся в ГУЛАГе. В партийные и государственные учреждения хлынул поток писем с просьбами об их освобождении. Уже велась подготовка посмертной реабилитации тысяч жертв террора. Были случаи открытого мятежа в далеких северных лагерях (37).

По иронии судьбы, развенчивание Сталина представляло серьезную опасность для его преемников, ибо марксизму-ленинизму и партии приходилось делить с ним ответственность за все неблаговидные дела. Новое руководство стремилось поставить себе в заслугу «исторические

свершения» партии. Но за этим начинала вырисовываться не менее внушительная громада преступлений, намеки на которые содержались в публичных сообщениях о процессах над Берией и его сообщниками. «Неизбежно, – впоследствии вспоминал Хрущёв, – народ должен был узнать о том, что творилось в стране». В Политбюро царило беспокойство, подобное тому, что испытывал Александр II, знавший, что если крепостное право не будет отменено сверху, это будет сделано снизу (38).

Эти факторы породили два существенно различных варианта официального антисталинизма хрущёвской эпохи. Сторонники первого варианта придерживались «сбалансированной» точки зрения на историческую роль Сталина, а сторонники второго подчеркивали преступный характер его правления. Очертания обоих вариантов были представлены в сенсационном «секретном» докладе Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС (25 февраля 1956 года); первый из них доминировал до 1961 года.

Хрущёв говорил четыре часа перед 1500 делегатами, представлявшими правящую элиту страны. Он нанес сокрушительный удар по культу Сталина (39). В докладе содержались жуткие подробности, свидетельствовавшие о личной ответственности диктатора за «массовые репрессии», пытки, «чудовищные фальсификации» и прославление собственной личности. Хрущёв намекнул на то, что Сталин организовал убийство Кирова и создал таким образом предлог для развязывания большого террора. И уже без всяких обиняков он возложил на Сталина вину за ряд поражений СССР во второй мировой войне. Слова Хрущёва, подкрепленные письмами замученных пытками узников тюремных камер, звучали пламенно и недвусмысленно. Хотя доклад так никогда и не был опубликован в Советском Союзе, его зачитывали на тысячах партсобраний по всей стране в течение нескольких недель после окончания съезда. Общее его содержание стало таким образом широко известным (40).

Доклад Хрущёва ознаменовал поворотный пункт в истории сталинского вопроса. Однако он базировался на двойственной оценке. Хрущёв заявил: «В деятельности товарища Сталина мы видели две стороны: положительную, которую мы поддерживаем и высоко ценим, и отрицательную, которую критикуем, осуждаем и отвергаем» (41). Обвинительный акт, предъявленный Хрущёвым мертвому тирану, оказался весьма ограниченным в трех важнейших отношениях.

Во-первых, огонь критики был сосредоточен на сталинском «массовом терроре против партийных кадров» и других представителей политической элиты. Это обвинение отражало тот факт, что Хрущёв пришел к власти как руководитель возрождающейся Коммунистической партии, а предлагаемые им реформы носили ограниченный характер.

В докладе говорилось о миллионах советских людей, погибших при Сталине. Во-вторых, Хрущёв начал отсчет сталинских преступлений с 1934 года. Таким образом, сталинская кампания коллективизации, проведенная в 1929–1933 годах и принесшая столько страданий крестьянству, официально признавалась необходимым и положительным мероприятием. Кроме того, оставался в силе запрет на обсуждение оппозиционных движений в партии и альтернатив сталинизму, существовавших до 1929 года. Наконец, Хрущёв обошел молчанием вопрос о весьма широком круге лиц, ответственных за совершенные преступления, и их наказании. Вся полнота ответственности была возложена на Сталина и небольшую «шайку» его сообщников, которые были уже разоблачены и наказаны. Хрущёв – по крайней мере, публично – настаивал на том, что все оставшиеся в живых члены Политбюро невиновны (42). А если уж сталинское руководство было провозглашено невиновным, то палачам меньшего калибра и подавно нечего было опасаться.

Эти ограничения, принятые Хрущёвым по собственной инициативе или под нажимом, оставляли нерешенным сталинский вопрос, взрывная сила которого вскоре стала совершенно очевидной. Разоблачение Хрущёвым «массовых репрессий» вызвало волны протеста в Восточной Европе и раздоры в международном коммунистическом движении (43). (Зарубежные компартии были кровно заинтересованы в решении сталинского вопроса, и их представители соответствующим образом «обрабатывали» советское руководство.) Бурные проявления про- и антисталинских настроений отмечались даже в Советском Союзе (44).

Эти события вызвали сильное противодействие хрущёвским разоблачениям со стороны советской верхушки, что привело к еще более «сбалансированной» оценке, нашедшей отражение в первой открытой резолюции по сталинскому вопросу, принятой ЦК КПСС 30 июня и опубликованной 2 июля 1956 года. Хотя в начале 1960-х годов этот документ был изъят из обихода, 10 лет спустя он был вновь использован преемниками Хрущёва.

Полагают, что эту пространную резолюцию подготовили Молотов, Каганович, Ворошилов и Маленков, наиболее просталински настроенные члены Политбюро, которые ближе всех стояли к Сталину и, следовательно, имели что скрывать (45). Резолюция осуждала «тяжелые последствия культа личности», но авторы ее явно думали о самозащите, когда подбирали смягченные формулировки, согласно которым «многие беззакония» сводились к «серьезным ошибкам», которые казались «на фоне громадных успехов менее значительными». Опираясь на фразу, промелькнувшую в хрущёвском докладе, резолюция подчеркивала, что преступления Сталина «совершались особенно в последний период его жизни», то есть после 1945 года. Таким образом, замалчивался большой террор 1930-х годов. Последовавшие за этим волны антиста-

линского протеста, особенно восстания в Польше и Венгрии в октябре и ноябре 1956 года, способствовали существенной реабилитации Сталина. Не прошло и года как сам Хрущёв заговорил о «двух сторонах» личности Сталина. «Позитивная» сторона была на подъеме.

Внешне позиция советского руководства по сталинскому вопросу оставалась неизменной на протяжении последующих четырех лет (46). Однако нажим сверху и снизу продолжал нарастать вплоть до кульминационного взрыва официального антисталинизма на XXII съезде КПСС в 1961 году. В июне 1957 года при поддержке преданного ему Центрального Комитета партии Хрущёв нанес поражение группе большинства в Политбюро во главе с Молотовым, Кагановичем и Маленковым, попытавшихся сместить его с поста руководителя партии. Большинство членов «антипартийной группы» (так Хрущёв окрестил своих соперников) были выведены из состава руководства. В марте 1958 года Хрущёв укрепил свои позиции, став председателем Совета министров СССР.

Сталинский вопрос стал главным фактором закулисной борьбы за власть в Кремле. Хрущёв открыто столкнулся со своими противниками в Политбюро при обсуждении планов посмертной реабилитации видных коммунистов, ставших жертвами сталинского режима. На этот раз речь шла о представителях высшего командного состава армии, расстрелянных в конце 1930-х годов. Когда Молотов, Каганович и Ворошилов, скрепя сердце согласились реабилитировать военачальников, Хрущёв, как он сам впоследствии вспоминал, заметил: «Но вы же и казнили этих людей… Так когда же вы действовали по совести: тогда или сейчас?» Хрущёв вел себя как победитель, но нет никаких оснований в справедливости обвинений, выдвинутых им против своих соперников, которые «боялись дальнейшего разоблачения их незаконных действий в период культа личности, боялись, что им придется отвечать перед партией. Ведь известно, что все злоупотребления проводились тогда не только при их поддержке, но и при активном участии» (47).

В 1957 году это бурное столкновение закончилось компромиссом. Молотов, Каганович и Маленков были выведены из состава руководства как «консерваторы и догматики», но дело об их ответственности за преступления сталинской эпохи, которое могло иметь серьезные последствия для многих людей, замяли. Однако, поставив вопрос на повестку дня, Хрущёв пошел еще дальше, чем в своем антисталинском докладе 1956 года.

Не менее важным аспектом сталинского вопроса была и «консервативная» позиция поверженных противников Хрущёва. Во второй половине 1950-х годов хрущёвский реформизм распространился на многие сферы политической жизни страны, вызвав оппозицию консерваторов на всех уровнях партийного и государственного аппарата. Особая опасность угрожала сталинскому наследию в экономике. Хрущёв побуждал

советских реформаторов к радикальной критике неэффективной сверхцентрализованной системы планирования и управления. К 1960– 1961 годам их предложения, отражавшие запретные бухаринские идеи 1920-х годов, предусматривали умеренную децентрализацию, большую роль рынка, рост производства товаров широкого потребления и облегчение бедственного положения колхозников (48). Чтобы претворить эти идеи в политические решения, необходимо было отречься от сталинского опыта, а это угрожало целому классу советских чиновников, чьи привилегии и власть базировались на существующей сталинской системе. Структурные преобразования и десталинизация не могли вызвать у них ничего, кроме страха и враждебного отношения.

Между тем, отголоски прошлого продолжали подогревать антисталинские настроения и вне коридоров власти. Миллионы узников лагерей, освобожденных после 1956 года, стали заметной силой и громогласно напоминали о сталинской катастрофе.

Процесс реабилитации погибших развивался медленно, но неуклонно, а родственники жертв и другие группы требовали большего (49). хрущёвский доклад 1956 года пробудил у части интеллигенции чувства «долга, чести и совести». Более глубокая «оттепель» в культурной жизни 1956–1957 годов сделала возможным осторожное публичное обсуждение злоупотреблений сталинской, да и послесталинской эпохи (50).

Промежуточный период либерализации был коротким, но антисталинские темы приглушенно звучали и в советской художественной литературе 1957–1961 годов. Более того, «лагерная тема», образы погибших и выживших узников ГУЛАГа медленно, но верно проникали в советскую прозу и поэзию. Наряду с этим развенчивание Сталина и посмертные реабилитации населяли научные публикации целыми поколениями преданных забвению жертв террора. Десятилетиями не упоминавшиеся имена, Неведомые миру судьбы постепенно возвращались в учебники, монографии, энциклопедии, журналы и газеты. Всего два года спустя поэт Лев Озеров смог опубликовать в советской печати следующие строки (51):

Говорят погибшие. Без точек.
И без запятых. Почти без слов.
Из концлагерей. Из одиночек.
Из горящих яростно домов.
Говорят погибшие. Тетради.
Письма. Завещанья. Дневники.
На кирпичной на шершавой глади
Росчерк торопящейся руки.
На промозглых нарах железякой.
На стене осколками стекла.
Струйкой крови на полу барака
Расписалась жизнь – пока была.

Призраки из сталинского прошлого будоражили советское общество. Молчание, царившее наверху, было взорвано «гулом подземных пластов» (52). В 1956 году Константин Паустовский бичевал сталинских чиновников, чьим оружием была измена, клевета, моральное и физическое уничтожение честных людей. Его выступление не было опубликовано (53). Четыре года спустя, Александру Твардовскому удалось опубликовать более сдержанную, проникнутую чувством собственной вины поэму «Так это было». Это крупное произведение, увидевшее свет в «Правде», предвосхитило новую вспышку антисталинизма. Поэт сетовал на те недоброй памяти годы, когда люди «сходили в тень по одному», и спрашивал: «Кто виноват?» Твардовский писал: «Нам никуда с тобой не деться от зрелой памяти своей». Он призывал положить конец молчанию (54):

И правда дел – она на страже,
Ее никак не обойдешь
Все налицо при ней – и даже
Когда умалчиванье – ложь…

Нажим снизу, нараставший с 1956 по 1961 год, невозможно объяснить вне общего контекста. Инициатива раскрытия и провозглашения истины, как и более широких преобразований, могла исходить только сверху. Хрущёв всегда играл двоякую роль в этой драме. В свои шестьдесят с лишним лет это был человек сталинской эпохи, сформированный ее нравами, гордившийся ее достижениями и замешанный (правда, в гораздо меньшей степени, чем многие другие) в ее преступлениях.

После 1953 года раскаявшийся сталинист Хрущёв был типичным представителем многочисленной группы советских руководителей и простых людей. У него всегда было двойственное отношение к сталинскому вопросу. Это проявилось даже в мемуарах, которые он продиктовал уже как частное лицо. Хрущёв одновременно ненавидел и обожал Сталина, яростно нападал на радикальных антисталинистов, которых сам перед этим поощрял. Непоследовательность Хрущёва можно отчасти объяснить ограниченностью его власти и страхом перед взрывной силой сталинского вопроса. Впоследствии он сам признавался: «Мы испугались… сильно испугались. Мы боялись, что оттепель вызовет наводнение, которое мы не сможем контролировать и которое потопит нас». Обращаясь к своим оппонентам, Хрущёв как-то заметил: «Сталинист сидит в каждом из вас. Я и сам немножко сталинист» (55).

Как это часто бывает с политиками, пытающимися войти в историю, поднявшись над собственным прошлым, решимость Хрущёва «выкорчевать зло» крепла и в конечном счете превозобладала. «Некоторые люди ждут, пока я подохну, чтобы возродить Сталина и его методы, –

говорил он в 1962 году. – Поэтому перед смертью я хочу уничтожить Сталина и уничтожить этих людей, чтобы нельзя было повернуть вспять часы истории» (56). Эта комбинация мотивов – попытка сокрушить консервативную оппозицию, которая вновь поднимала голову и проникла даже в Политбюро, реакция на антисталинские настроения низов и чувство морального долга – побудила Хрущёва и его сторонников представить XXII съезду КПСС в октябре 1961 года второй, более радикальный вариант официального антисталинизма.

Резкие выступления против культа личности Сталина на XXII съезде КПСС существенно отличались от хрущёвского доклада XX партсъезду. Прежде всего, они были публичными. На протяжении почти двух недель октября (когда страна отмечала годовщину революции) газеты, радио и телевидение приковывали внимание общественности к «чудовищным преступлениям» и требовали «исторической справедливости». Докладчики один за другим приводили мрачные подробности массовых арестов, пыток и убийств, свирепствовавших во всех уголках страны. Общественный интерес подогревался сенсационными резолюциями съезда, постановившего вынести тело Сталина из ленинского мавзолея (этого с 1956 года требовали партийные низы) и переименовать тысячи носивших его имя городов, предприятий, зданий (57).

Иной стала сама природа антисталинизма, который выходил за пределы хрущёвского доклада 1956 года, не говоря уже о резолюции от 30 июня 1956 года. На несколько лет открылась возможность открытой критики преданных забвению или «священных и неприкосновенных» событий. В обвинениях, выдвинутых съездом, по-прежнему делался упор на сталинский террор против партии, но некоторые из выступавших шли дальше, справедливо клеймя «зло, причиненное партии, стране и советскому народу». Так, в резолюции о мавзолее прямо говорилось о «массовых репрессиях против честных советских людей». Все это предвосхищало начавшие появляться в следующем году страшные рассказы о сталинских лагерях (58). Обвинительный акт, предъявленный сталинскому режиму, был настолько суровым и всеобъемлющим, что совершенно заслонил «положительную сторону» сталинизма. Например, через несколько месяцев после съезда в печати появилась критика сталинской кампании коллективизации сельского хозяйства.

Драматизм ситуации достиг апогея, когда Хрущёв и его сторонники выступили на съезде с обвинениями против живых и здравствующих политических лидеров страны. Они прямо заявили, что Молотов, Каганович, Маленков и Ворошилов «повинны в незаконных массовых репрессиях против многих партийных, советских, военных и комсомольских работников и несут прямую, персональную ответственность за их физическое уничтожение». Ворошилова простили. Однако Хрущёв и другие докладчики требовали исключения Молотова, Кагановича и

Маленкова из партии. Это предполагало возможность судебного процесса. Угроза таких процессов, подкрепляемая ссылками на «имеющиеся многочисленные документы», а также призыв Хрущёва «тщательно и всесторонне разобраться в такого рода делах, связанных со злоупотреблением властью» повергли в панику тысячи или даже миллионы тех, кто нес «прямую персональную ответственность» (59).

XXII съезд ознаменовал начало короткого, но примечательного периода в советской политической жизни, периода открытой борьбы между сторонниками и противниками десталинизации. Казалось, Хрущёв в последний момент обрушил на оппонентов всю мощь своего радикального антисталинизма. Неудивительно, что это встретило яростное сопротивление бюрократического аппарата, которое проявилось уже на съезде. Бросалось в глаза, что многие докладчики, включая членов Политбюро, выступали гораздо осторожнее, чем Хрущёв, особенно по вопросу об ответственности за совершенные преступления. Явная и скрытая оппозиция десталинизации продолжалась до свержения Хрущёва через три года после XXII съезда (60). Символом этой оппозиции является непостроенный памятник жертвам террора, который должны были воздвигнуть по предложению Хрущёва.

Не меньшей решимости были преисполнены и антисталинисты, особенно среди интеллигенции. Они надеялись, что «оттепель» 1950-х годов приведет к настоящей «весне» (61). Ободренные хрущёвскими инициативами, антисталинисты, несмотря на цензуру, противодействие влиятельных оппонентов, периодически возобновляемые репрессии и ненадежность поддержки, оказываемой Хрущёвым, сумели развернуть публичную дискуссию о сталинской эпохе и ее наследии, которая по остроте и последствиям превосходила все дискуссии, происходившие в СССР после 1920-х годов. Официальные, подцензурные публикации начала 1960-х годов – научные труды, художественные произведения, мемуары – предвосхитили практически все аспекты последующей критики сталинизма в самиздате. По необходимости, радикальным антисталинистам порой приходилось прибегать к понятному посвященным эзоповскому языку (62), но многое говорилось и открыто. В результате накопился внушительный материал, критически освещающий три важнейших события сталинской эпохи: коллективизацию, большой террор и вторую мировую войну.

Больше всего досталось репутации Сталина как великого полководца, генералиссимуса, одержавшего победу в войне 1941–1945 годов. Преемники военачальников, уничтоженных Сталиным в конце 1930-х годов, взяли запоздалый реванш. Официальные исторические труды, монографии, мемуары и романы изображали Сталина как руководителя, который обезглавил армию накануне войны, игнорировал многочисленные предупреждения о готовящемся вторжении Германии, оста-

вил страну беззащитной в июне 1941 года, панически дезертировал в первые дни войны и своей непоследовательной стратегией привел к ряду крупных военных поражений. Прославленный генералиссимус предстал преступно некомпетентным тираном, лично ответственным за гибель миллионов людей (63). Эта сторона антисталинской кампании вызвала наибольшее возмущение среди ветеранов войны, сражавшихся с именем Сталин на устах (64). Критика военной деятельности Сталина прекратилась сразу же после падения Хрущёва.

Сталинский террор и система концентрационных лагерей послужили объектом еще более драматичных разоблачений. Самым знаменитым произведением на эту тему стала опубликованная в 1962 году повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», вызвавшая лавину статей о лагерях. Наряду с этим появились многочисленные романы, рассказы, биографические очерки, мемуары, фильмы и пьесы, воссоздавшие довольно правдивую картину страшной катастрофы, длившейся на протяжении 20 лет (65). Когда лагерная тема прорвалась в официальную печать Твардовский взволнованно заметил: «Птичка вылетела! Птичка вылетела!.. Теперь уж вряд ли задержат! Теперь уж – почти невозможно!» (66). Он полагал, что разоблачения развеют миф о лагерях как малозначительном аспекте сталинской эры. Поэт писал об этом в поэме «По праву памяти», так и не опубликованной в Советском Союзе (67):

И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа…
Зато уж вот где без изъятая
Все классы делались равны,
Все люди – лагерные братья,
Клеймом единым клеймлены.

Разоблачения не ограничивались прошлым. Разворачивавшаяся картина массовых репрессий сокрушала миф о виновности одного Сталина и нескольких его сообщников. В литературе и на сцене изображались прямые столкновения жертв произвола с их палачами (68). Это создавало угрозу для сталинистов. В своей знаменитой поэме «Наследники Сталина» (1962 г.) Евгений Евтушенко писал, что эти люди «тоскуют о времени старом» и им «не нравится время, в котором пусты лагеря» (69).

Разоблачения принудительной коллективизации 125 миллионов крестьян в 1929–1933 годах были чреваты еще более далеко идущими последствиями, чем кровоточащая лагерная тема. Каждый думающий советский человек знал, что коллективизация была всенародной траге-

дией, разрушившей не только сельское хозяйство страны, но и традиционный уклад жизни, культуру крестьянской России. В частном порядке Хрущёв признавал, что «коллективизация сталинского типа не принесла ничего кроме бедствий и жестокости» (70). Тем не менее, до сих пор неработоспособная и отсталая колхозная система держится на сталинском мифе о коллективизации как спонтанном, добровольном и благотворном процессе, осуществленном самими крестьянами.

К середине 1960-х годов советские ученые и писатели, разрабатывающие деревенскую тему, развеяли этот миф, детально осветив репрессивные мероприятия зимы 1929–1930 годов и последовавшие за ними акты массового насилия, высылки и голод. Цензура все еще требовала, чтобы эти события изображались как отдельные «перегибы», но в итоге складывалось представление о коллективизации как едином, весьма длительном и катастрофичном «перегибе» (71).

Такой пересмотр представлений о коллективизации подрывал всю концепцию сталинских 1930-х годов как периода «строительства социализма». Такие разоблачения по меньшей мере взывали к радикальным реформам в сельском хозяйстве. По большому счету, они означали, что вся сталинская эра, все достижения правящей партии с 1929 года ничего не стоили, что физически уничтоженная группа была права и даже, как заявил один советский историк, Октябрьская революция была совершена напрасно (72). Такой пересмотр истории грозил разрушить преграды, стоявшие на пути перемен. Неслучайно, что вскоре после падения Хрущёва была запрещена находившаяся в печати книга, содержавшая новые разоблачения событий, происшедших в деревне в 1929–1933 годах (73).

Активное противодействие такого рода десталинизации, принимавшее самые разнообразные формы, нетрудно объяснить. Антисталинисты ставили под сомнение официальную аксиому, согласно которой сталинизм был только «чуждым наростом», а не самой сущностью советской системы на протяжении 20 лет. Утверждая, что «суть культа личности состоит в слепом преклонении перед авторитетом», они ставили под угрозу существующую систему правления (74).

Встревоженные тем, что десталинизация породила «у части молодежи негативное отношение ко всяким авторитетам», руководители политической системы, особенно политические работники армии, бюрократы по культурному ведомству, комсомольские вожди и партийные идеологи, развернули контркампанию, основанную на «героико-патриотической теме» и направленную на восстановление уважения к властям (75). Их поддержали люди, замешанные в преступлениях или ставшие неосталинистами по иным причинам. Они угрожали судом самому Хрущёву, клеймили «угрюмых сочинителей мемуаров, которые… тащат на свет божий давно истлевшие литературные трупы» и прославляли «героические» 1930-е годы сталинской эпохи (76).

Ошибкой было бы считать, что активное противодействие антисталинизму было вызвано только злобой, страхом перед возможной расплатой и борьбой за власть. Десталинизация столкнулась с отрицательной реакцией снизу, со стороны порядочных людей, которые не были неосталинистами, а просто входили в состав консервативного большинства советского населения. Они считали, что покончить с террором и подправить ошибки – это одно дело, а осквернение прошлого и радикальное преобразование советского режима, ради которого они стольким пожертвовали, – совсем иное. Нельзя было требовать, чтобы они «охаивали историю страны», считали свою жизнь «цепью преступлений и ошибок», предлагали «сыновьям» по сути дела «выбирать себе “отцов”, либо сидевших, либо сажавших» (77). Советский человек, достигший к 1964 году среднего возраста, созрел в трудные сталинские годы, а трудная жизнь порождает приукрашенные воспоминания и консервативные политические взгляды.

Мы не располагаем документированными данными о роли, которую сыграл сталинский вопрос на заседании Центрального Комитета партии, который свергнул Хрущёва в октябре 1964 года. Десталинизация не числилась в официальном перечне его прегрешений (78). Основные обвинения состояли в том, что сам Хрущёв становился своенравным диктатором, а смелые его реформы были необдуманны. По сути дела, это было верно. Тем не менее, Хрущёв был сметен волной консервативного противодействия бюрократического аппарата и широких масс населения его десятилетней реформаторской деятельности, существенной частью которой была десталинизация. В этом смысле Хрущёв пал жертвой сталинского вопроса, что вскоре после его свержения стало очевидным в свете подхода нового руководства к сталинскому прошлому.

Реабилитация Сталина

На протяжении десяти лет после смерти Сталина массовый и официальный антисталинизм был непреодолимой движущей силой советской политики. Но не менее неотвратимым казалось и мощное возрождение просталинских настроений, наблюдавшееся с 1964 года. Этот поворот отразился на судьбе Александра Солженицына. В 1964 году его лагерная повесть «Один день Ивана Денисовича» была выдвинута на соискание Ленинской премии, а десять лет спустя его арестовали и выдворили из страны.

Поначалу падение Хрущёва ободрило и антисталинистов и неосталинистов. Антисталинисты надеялись, что новое руководство, возглавляемое Брежневым и Косыгиным, возьмет более последовательный курс на реформы и десталинизацию. С другой стороны, неосталинисты ждали указания вытравить «яд Хрущёвщины» (79). Их борьба продол-

жалась открыто и за кулисами в 1965 и 1966 годах. Появлялись новые антисталинские публикации, продолжался процесс реабилитации жертв сталинского режима, а в октябре 1965 года руководство утвердило обширную (впоследствии провалившуюся) программу экономических реформ (80). Однако в то же время влиятельные официальные лица, включая и самого Брежнева, начали выступать с заявлениями, восстанавливающими репутацию Сталина как руководителя страны в годы войны и в 1930-е годы. Эти выступления замалчивали террор и обвиняли Хрущёва в клевете на советский строй. За кулисами политической сцены напористая про- сталинская группировка, члены которой с гордостью именовали себя «сталинцами», перешла в 1965 году в наступление, которое, по-видимому, было поддержало Брежневым. Антисталинистов смещали с постов; ужесточалась цензура; разрабатывались новые идеологические ограничения, ставились под сомнение решения о реабилитации; в армии была запрещена подписка на антисталинистские журналы (81).

Решительное сражение в официальных кругах завершилось к началу 1966 года. За 18 месяцев, прошедших после свержения Хрущёва, процесс десталинизации был прекращен, произошел крутой поворот в политике, и антисталинизм стал всего лишь лозунгом, объединяющим горстку диссидентов. Два события придали особый драматизм сложившейся ситуации. В феврале 1966 года двух видных писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля судили и заключили в лагеря за публикацию «клеветнических» (антисталинских) произведений за границей. Публичный процесс, вызывающий ассоциации с процессами чистки партии в 1930-х годах, был ударом неосталинистов по критически настроенным представителям интеллигенции. Примерно в то же время началась кампания против историков-антисталинистов. Первой жертвой стал известный историк Александр Некрич. Он был оклеветан и исключен из партии за приверженность к разработанной при Хрущёве антисталинистской интерпретации немецкого вторжения в 1941 году (82).

Эти события и опасения, связанные с перспективой реабилитации Сталина на XXIII съезде партии в марте 1966 года, привели к широкому распространению диссидентского движения и самиздатской литературы. Среди интеллигенции циркулировали многочисленные петиции против процесса Синявского- Даниэля и против неосталинизма вообще. Их подписывали сотни, иногда тысячи людей, включая видных антисталинистов хрущёвского периода. В стране складывалась ситуация, сохранившаяся на всем протяжении 1970-х годов. Усиливающиеся консервативные и неосталинистские обертоны брежневской политики исключали антисталинистов из официальной сферы советского общества и приводили их в ряды диссидентов. Так к диссидентскому движению присоединились Андрей Сахаров, Лидия Чуковская, Рой и Жорес Мед-

ведевы, Солженицын, Петр Якир, Лев Копелев. Впоследствии политические дороги этих людей разошлись, но все они стали диссидентами вследствие поражения официального антисталинизма (83). Такой поворот событий изменил характер сталинского вопроса: внутренний конфликт, разделявший советские правящие круги, перерос в борьбу государства с инакомыслящими.

Некоторые диссиденты полагали, что их протесты предотвратили полную реабилитацию Сталина на XXIII съезде, где его имя почти не упоминалось. Если это и так, то победа была весьма скромной на фоне общего разгрома. Политика брежневского руководства развивалась как широкая консервативная реакция на хрущёвские реформы. Чтобы сохранить статус кво, требовалось «приемлемое» сталинское прошлое. В переписываемых книгах по истории страны и в периодических изданиях все больше и больше говорилось только о вершинах свершений сталинской эпохи. К концу 1960-х годов официальная репутация Сталина как выдающегося вождя была восстановлена. Серьезная критика его деятельности во время войны и коллективизации была запрещена; реабилитации прекратились, а некоторые из них были даже отменены; упоминания о большом терроре стали крайне редким явлением. Людей, критиковавших сталинское прошлое, как это делал Хрущёв на партийных съездах, теперь можно было преследовать за клевету «на советский общественный и государственный строй» (84). Десятки известных писателей и историков, придерживавшихся антисталинских взглядов, стали жертвами преследований или были лишены возможности печатать свои произведения. Быстро нарастала лавина арестов среди диссидентов.

Если у реформаторов-антисталинистов в советских официальных кругах еще оставались какие-то надежды, они развеялись, когда в августе 1968 года была растоптана Пражская весна, которая как для антисталинистов, так и для неосталинистов была воплощением десталинизации. Доводы, выдвигавшиеся для оправдания вторжения в Чехословакию, живо напоминали о террористической идеологии сталинской эпохи. Вскоре ее лексикон вновь просочился в официальные публикации вместе с утверждением, что десталинизация была ни чем иным, как «антикоммунистическим лозунгом», изобретенным врагами Советского Союза (85).

Вдохновленные триумфом, неосталинисты развязали кампанию за полную реабилитацию Сталина в связи с 90-й годовщиной со дня его рождения (декабрь 1969 года). По традиции, развившейся с 1967 года, в стране регулярно издавались просталинские романы, явно пользовавшиеся поддержкой сверху (86). В 1969 году руководство, по-видимому, одобрило планы полной реабилитации, предусматривавшие проведение юбилейных собраний, публикацию хвалебных статей, издание собраний сочинений Сталина, массовый выпуск его портретов и скульптурных

изображений. Снова диссиденты подняли голос протеста. В частном порядке это сделали и некоторые руководители зарубежного коммунистического движения. И снова они добились очень немногого (87).

Планы великой реабилитации в последний момент сорвались, но неосталинисты, мечтавшие вернуть своего кумира на пьедестал, выиграли больше, чем проиграли. Юбилейная статья, появившаяся в «Правде» 21 декабря 1969 года, была тщательно сбалансирована. Она отдавала должное «большому вкладу» Сталина как «крупного теоретика и организатора» и руководителя партии и государства, но наряду с этим осуждала его «ошибки», следствием которых стали «необоснованные репрессии» (88). Как бы то ни было, эта статья впервые за 10 лет официально отметила годовщину со дня рождения Сталина.

Вскоре раскрылся и подлинный смысл «сбалансированной» оценки. На могиле Сталина, прямо за ленинским мавзолеем, был установлен мраморный бюст. Это не свидетельствовало о полной реабилитации или возрождении культа. Тем не менее бюст реабилитировал Сталина, в значительной степени снимал с него выдвинутые Хрущёвым обвинения. Правительства не ставят памятники – даже небольшие – людям, которых считают преступниками (89). Если какие-то сомнения еще оставались, они развеялись, когда брежневское руководство, идя навстречу давним требованиям неосталинистов, разгромило возглавлявшуюся Твардовским редколлегию «Нового мира», сокрушив таким образом последний бастион официального антисталинизма в Советском Союзе (90).

Просталинские настроения неуклонно укреплялись в советских официальных кругах на всем протяжении 1970-х и первой половины 1980-х годов. За редкими исключениями, критический анализ сталинского опыта был выкорчеван из официальных публикаций и стал достоянием узкого круга неподцензурных авторов самиздата и их читателей (91). Ссылки на «отрицательную» сторону деятельности Сталина и вред, причиненный его личными «ошибками», еще содержались в двух примечательных статьях, официально отметивших его столетний юбилей в декабре 1979 года (92). Но в более широком контексте общего тона этих статей они казались лишь незначительными ремарками. В бурном потоке массовых публикаций личная репутация Сталина котировалась очень высоко. Правда, он уже не был объектом религиозного поклонения, но снова стал великим вождем и благодетелем народа, вершившим судьбы страны на протяжении 20 лет. Его «преданность рабочему классу и самоотверженная борьба за социализм» не подвергались сомнению (93). Главное же состояло в том, что вся сталинская эпоха, представлявшая особый исторический интерес для консервативного советского руководства, была целиком и полностью реабилитирована как необходимый и героический этап «становления нового строя». Один из представителей высшей власти поучал историков: «Все – я подчерки-

ваю – все этапы развития советского общества должны рассматриваться как положительные» (94).

В начале 1970-х годов официальная просталинская кампания приобрела еще более зловещие формы. Самые разнообразные публикации, в том числе поток исторических романов, многие из которых были удостоены государственных премий и экранизированы, оправдывали сталинский террор 1930-х годов как «борьбу с разрушительными нигилистическими элементами». В печати вновь замелькали стереотипные ярлыки эпохи террора – «враги партии и народа», «пятая колонна», «безродные космополиты» (95). (Ярлыки эти широко популяризировались легионами партийных лекторов, чья повседневная устная пропаганда, охватывающая все население страны, в значительной степени определяет тон советской политической жизни.) К середине 1970-х годов многие пособники Сталина превозносились как образцовые защитники официально признанных идеалов (96). К 100-летнему юбилею Сталина в 1979 году неосталинисты, вопреки постановлениям, принятым при Хрущёве, добились негласной реабилитации печально знаменитых показательных процессов 1930-х годов, процессов, послуживших основой сталинского террора против Коммунистической партии. Наконец, в 1984 году престарелый Молотов, ближайший из соратников Сталина и последний из оставшихся в живых столпов сталинской эпохи, был восстановлен в партии, из которой его исключили в 1962 году, после того как Хрущёв разоблачил его преступные деяния (97).

Просталинские настроения, возродившиеся в 1970-х и 1980-х годах, были не только проявлением курса, насаждавшегося сверху. Они овладели массами и стали, по выражению одного из диссидентов, «популярным сталинизмом». Мраморный бюст, установленный на могиле Сталина, дал волю чувствам, которые повсеместно – кроме Грузии – подавлялись на протяжении более десяти лет. Простые советские люди открыто восхищались Сталиным, с тоской вспоминали о его правлении, украшали свои жилища, киоски, ветровые стекла автомобилей портретами вождя, извлеченными из укромных тайников или добытыми нелегальными путями (98). По замечанию одного из москвичей: «Сталин находится среди нас не только в Тбилиси, но и в Москве. Он менее мертв сегодня, чем 20 лет назад» (99).

Сталин и будущее Советского Союза

Процесс реабилитации Сталина, начавшийся в конце 1960-х годов, означает возможность, хотя и не неизбежность, установления в СССР более деспотичного режима. Такая возможность драматически отразилась в истории падения и возрождения политической полиции, именуемой после 1953 года Комитетом Государственной Безопасности. Политика

Хрущёва привела к резкому сокращению численности и ослаблению влияния политической полиции, а его разоблачения двадцатилетнего сталинского террора дискредитировали КГБ как жестокого исполнителя «чудовищных преступлений». При Брежневе, однако, в потоке романов, мемуаров и кинофильмов была предпринята колоссальная попытка реабилитировать сталинскую эпоху, восстановить репутацию КГБ, представив в романтическом свете его военные и зарубежные операции, и усилить роль органов безопасности в советской жизни. Успех стал очевидным после смерти Брежнева в ноябре 1982 года. Если преемники Сталина арестовали и казнили Берию, долгое время бывшего шефом полиции, то преемники Брежнева сделали начальника КГБ Юрия Андропова новым советским руководителем.

Тем не менее возрождение просталинских настроений не означает воскрешения сталинизма. Сталинизм как система личной диктатуры и массового террора был порождением конкретных исторических обстоятельств и особых качеств деспотичной личности. Эти факторы сошли со сцены. Сегодня советская политическая система, оставаясь авторитарной, существенно отличается от сталинской. Неосталинисты могут добиться ужесточения внутренней и внешней политики, но подлинная «ресталинизация» вызвала бы радикальное изменение нынешней системы. Против этого настроено большинство советских руководителей и населения страны, чьи просталинские настроения отражают лишь глубоко укоренившийся политический и социальный консерватизм (100). (Отсюда явное недовольство недолговечной андроповской кампанией, направленной на установление жесткой «дисциплины» путем полицейского преследования нерадивых рабочих и бюрократов.)

Подлинные мотивы современного сталинизма чрезвычайно многообразны и противоречивы. Просталинские настроения руководящей верхушки легко объяснить. Для этих людей генералиссимус на пьедестале по-прежнему олицетворяет их собственную власть и привилегии, охраняет существующий порядок от коренных перемен. Неудивительно поэтому, что главными покровителями неосталинистской литературы являются органы власти, ответственные за политическое воспитание молодежи и армии. Работники этих учреждений прекрасно знают правду о прошлом и, следовательно, вполне заслужили суровую критику со стороны антисталинистов: «Восстановить уважение к Сталину, зная, что он делал, – значит установить нечто новое, установить уважение к доносам, пыткам и казням» (101).

Однако просталинские настроения в массах означают нечто иное, возможно, даже недовольство существующим режимом. С одной стороны, они являются частью активного возрождения русского национализма, с которым Сталин связывал судьбы советского государства в 1930-е и 1940-е годы. Сегодня возрождающийся национализм принимает самые разнообразные формы и становится мощнейшим идеологи-

ческим фактором политической жизни Советского Союза. Вторя старым идеям об особом предназначении России, националистические тенденции в большинстве своем носят прогосударственный характер и базируются на подлинном или мнимом величии русского советского государства (а не коммунистической партии), расцветшего при Сталине. Они пытаются увековечить наследие сталинской эпохи: от гордости за свершения 1930-х годов и победы военных лет до антисемитизма, антизападных настроений и старых российских традиций, которые Пушкин называл «прелестями кнута». В дыму националистического угара Сталин представляется звеном, связывающим цепочку великих русских правителей, восходящую к первым царям. Его имя придает особый смысл ностальгическому кличу: «Назад! Только назад!» (102)

Эти идеи были порождением текущих социальных проблем. Неосталинистское мировоззрение в различных его проявлениях пронизывает все классы – от рабочих до интеллигенции, отражая их недовольство советским обществом (103). В более широком плане, либеральные тенденции и перемены 1950-х и 1960-х годов сильно повлияли на представления и судьбы многих людей, не привыкших открыто обсуждать наболевшие социальные проблемы. Публичное обсуждение придавало им новизну. К середине 1960-х годов многие советские руководители и рядовые граждане считали, что после реформ и частичной десталинизации Советский Союз переживает кризис. Экономические трудности, инфляция, массовое пьянство, участившиеся разводы, «трудные» дети, плюрализм в культуре, запутанные международные отношения – все, казалось, подтверждало, что государство неспособно руководить обществом и тем более контролировать его. Все это создавало идеализированное представление о сталинском прошлом как эпохе высокой эффективности, низких цен, закона и порядка, дисциплины, единства, стабильности, послушных детей и международного престижа.

Недовольство текущим состоянием дел и ощущение того, что «после его смерти мы катимся с горы», не могли не укрепить популярность Сталина среди населения страны. К концу 1970-х годов официальный образ положительного руководителя государства был подкреплен воспоминаниями простых людей о Сталине как «крепком хозяине», при котором «у нас не было таких забот» (104). Этой массовой ностальгии фактически нечего было противопоставить. Цензура заставила замолчать антисталинистов, а новые поколения, на долю которых приходилось около 40 процентов населения, выросли в послесталинскую эпоху. Воспитанные на пережитках культа в сознании родителей, многие молодые люди полагают, что Сталин арестовал «20–30 человек» или «может быть, две тысячи». Когда один известный антисталинист сказал группе молодых людей, что аресты исчислялись не тысячами, а миллионами, ему не поверили (105).

В 1980-х годах антисталинизм и, следовательно, сталинский вопрос в целом, перестали – по крайней мере, внешне – играть существенную роль в советской политике. Репутация сталинской эпохи была официально восстановлена, иннакомыслие по этому вопросу – подавлено. И все же, по двум важным причинам такое положение вещей можно считать временным.

Одна из этих причин носит прагматический характер. Как будет показано в следующей главе, дело реформаторства, несмотря на поражения, наносимые ему с конца 1960-х годов, живо и имеет сторонников в советском государстве. Такая жизнестойкость объясняется тем, что унаследованные от сталинской эпохи институты (особенно гиперцентрализованная экономическая система) остаются источником множества серьезных трудностей. Скромные управленческие реформы, объявленные недолговечным андроповским руководством летом 1983 года, подтверждают эту истину (106). Несмотря на консервативную политику Константина Черненко, пришедшего к власти после смерти Андропова в феврале 1984 года, нетрудно представить себе будущее советское руководство, которое поднимет выпавшее из рук антисталинистов знамя более фундаментальных экономических реформ. Такая программа потребует не только возобновления критики сталинской эпохи, но и создания реформистской идеологии, способной преодолеть мощную оппозицию консерваторов (107). Антисталинизм остается единственной жизнеспособной идеологией коммунистических реформ сверху и единственной коммунистической альтернативой консерватизму. Это подтверждается хрущёвским экспериментом и реформаторской деятельностью в других коммунистических странах – от Чехословакии и Югославии до Китая.

Наличие другого источника антисталинизма невольно подтверждают сами неосталинисты постоянными жалобами на «перевес морально-нравственных проблем над государственно-патриотическими» (108). Зачарованные мнимыми свершениями, многие в Советском Союзе (да и на Западе) всегда будут считать Сталина великим вождем и «преобразователем». Но все, что мы узнали о преступлениях той эпохи, не изгладится из памяти человечества даже после того, как уйдут из жизни уцелевшие жертвы сталинизма.

«Морально-нравственная» идея исторической справедливости неистребима, особенно если она подкрепляется чувством ответственности всего народа за судьбы страны (109). Эта истина подтверждается множеством исторических примеров – от Америки после отмены рабства до Германии после Гитлера. Но русским нет нужды далеко ходить за примерами. Достаточно взглянуть на нарастающий поток самиздатской литературы, которая на протяжении тридцати лет разоблачает сталинизм и поддерживает идею народной расплаты «во имя настоящего и будущего» (110). Один самиздатский историк так объясняет непрехо-

дящий характер сталинского вопроса и его значение для новых поколений антисталинистов: «Писать правду о Сталине – это долг каждого честного человека. Долг перед погибшими от его руки. Перед теми, кто пережил ночь. Перед теми, кто придет после нас» (111). В последнее время сталинские темы неоднократно проникали даже в подцензурную советскую печать, а это значит, что антисталинизм по-прежнему имеет сторонников в советских правящих кругах (112).

Официальная цензура и политические репрессии могут на время замять конфликт, отсрочить расплату и вырастить поколение, которое будет смутно представлять себе, что произошло за годы правления Сталина. Однако, как показали события, происшедшие после смерти Сталина, запрет на прошлое лишь усиливает интерес к нему, а замалчивание исторических конфликтов лишь обостряет их.

Глава 5

Друзья и недруги перемен: советский реформизм и консерватизм

> Сочетание консервативных институтов с революционными идеями означало, что Республика стала первой успешной попыткой примирить консервативные и революционные идеи во Франции. Но это означало также, что в двадцатом веке преобразующие силы встретили отчаянное сопротивление.
>
> *Дейвид Томпсон. Демократия во Франции*

> Тема собрания «Традиции и новаторство» дает повод говорить об этих серьезных вещах.
>
> *Михаил Ромм, советский кинорежиссер, 1962 г.*

Начавшаяся после смерти Сталина ломка созданной им системы и упорное сопротивление этим переменам породили глубокий, не прекращающийся и поныне конфликт в политической жизни СССР. Этот конфликт проявляется при принятии важнейших политических решений в высших эшелонах власти, в работе всех уровней бюрократического аппарата, в науке и культуре, в мироощущении простых людей. Говоря языком советской прессы, противостоящие силы «традиций и новаторства» формируют «два полюса» в советской политике, культуре, обществе. Они отражают «две тенденции в подходе… к жизни», вы-

зывающие «острые столкновения между людьми, стоящими по обе стороны психологического барьера» (1).

Западные советологи не сразу распознали этот чрезвычайно глубокий и принципиально важный конфликт между сторонниками и противниками послесталинских перемен. Привыкшие видеть непрерывность и, следовательно, только одну политическую традицию в советской истории, представляющие себе СССР как неизменную тоталитарную систему, советологи лишь в середине 1960-х годов начали серьезно думать о переменах и порожденных ими крупных конфликтах (2). Как уже упоминалось в первой главе, сегодня существует ценнейшая научная литература по этому вопросу, но большая ее часть имеет три существенных недостатка (3).

Во-первых, как было показано при рассмотрении сталинского вопроса, советологи часто трактуют конфликт, связанный с переменами, слишком узко – либо как борьбу в верхах и, следовательно, в отрыве от сил и тенденций развития советской государственной системы и общества, либо с позиций диссидентов, то есть в полной изоляции от официальной политики. Оба подхода страдают односторонностью. Во-вторых, большинство советологических исследований конфликта в послесталинской политике совершенно лишено исторической перспективы. Между тем, этот конфликт тесно связан с историческими событиями, рассмотренными в предыдущих главах, и даже с прошлым царской России и, следовательно, не может быть понят в отрыве от истории. Наконец, многие советологические сочинения написаны на профессиональном жаргоне или пропитаны идеологическими суждениями; они скрывают то, что должны раскрывать, и изображают советскую политику как нечто совершенно уникальное.

В действительности же, принципиальный конфликт между «двумя полюсами» советской политической жизни (в его общечеловеческом, историческом и социально-политическом аспектах) правильнее всего трактовать как столкновение сил реформизма и консерватизма. С этой точки зрения можно составить общее представление об этом конфликте, который оказывает влияние на положение дел в СССР на протяжении более чем 30 лет после смерти Сталина и еще много лет будет формировать советскую политику.

Реформизм и консерватизм

Чрезвычайно важно избежать старой привычки советологов изображать многокрасочную советскую действительность одной серой краской. Термины «реформистский» и «консервативный» не охватывают всего разнообразия политических взглядов (от крайне левых до крайне правых), которые столь драматично проявляются в СССР после 1950-х годов.

Как и в других обществах, термины эти обозначают лишь доминирующие, а не крайние позиции в отношении существующего положения вещей и его изменения. Например, для описания спектра политических взглядов членов советской компартии потребовалось бы разбить их, по меньшей мере на четыре группы: подлинные демократы, реформисты, консерваторы и реакционеры-неосталинисты (4). Хотя демократы и неосталинисты во многом разделяют взгляды реформистов и консерваторов, соответственно, их политическая ориентация в контексте нынешней советской действительности означает радикализм, а не реформизм или консерватизм. Во времена глубоких кризисов реформизм и консерватизм обычно порождают экстремистские тенденции и могут перерасти в свои крайние проявления – революцию и контрреволюцию (5). Однако вне экстраординарных исторических ситуаций реформисты и консерваторы составляют подавляющее большинство в антагонистических группировках сторонников и противников перемен.

Многие советологи иначе характеризуют антагонистов в советской политике (6), но термины «реформист» и «консерватор» имеют ряд важных преимуществ. В отличие от заумных конструкций вроде «функциональный технократ-модернизатор», эти термины просты и универсальны. В отличие от слов «либерал» и «догматик» или «ревизионист» и «ортодокс», они непредвзяты и не упрощают природу советского реформизма и консерватизма, которые представляют собой сложные сплавы политических взглядов. (Неверно, например, считать, что любая реальная реформа в Советском Союзе должна отвечать западному представлению о демократизации или либерализации, хотя она, конечно, затрагивает некоторые аспекты этих процессов.) Мы уже показали, что антисталинисты и неосталинисты играют важную роль в советской политике, но и они являются всего лишь актерами в драме более глубокого конфликта между сторонниками и противниками перемен. Прежде всего, термины «реформисты» и «консерваторы» верно отражают советскую действительность. Даже скрытная советская печать признает наличие «сторонников двух главных направлений» в советской жизни, направлений, породивших столь многочисленные конфликты на протяжении последних тридцати лет. Как однажды выразился советский консервативный лидер Молотов, «есть… коммунисты-реформисты и есть настоящие коммунисты» (7).

Таким образом, реформизм и консерватизм представляют собой универсальные политические концепции, которые не нуждаются в особом определении применительно к Советскому Союзу. В разных странах эти тенденции приобретают национальные черты, ибо каждая политическая культура имеет свой язык. (Например, советские консерваторы говорят сегодня на языке неосталинизма или славянофильства XIX века, а иногда пользуются обоими лексиконами.) Кроме того, при-

рода реформизма и консерватизма везде носит исторический характер и изменяется от одного периода к другому. (Например, либерализм и консерватизм в Англии, Франции и США сегодня иные, чем в начале XX века.) Однако несмотря на такие культурные и исторические различия, антагонизм между реформистами и консерваторами в принципе одинаков в большинстве стран, включая Советский Союз.

Реформизм представляет собой мировоззрение и политику тщательно обдуманных перемен, направленных на улучшение существующего порядка без коренных преобразований его социальных, политических и экономических основ и при сохранении господствующих идеологических концепций. Реформисты критикуют недостатки, разрабатывают свою программу, добиваются политического признания и успеха в рамках существующего порядка. Эти черты отличают реформизм от радикализма. Основной довод реформистов состоит в том, что потенциал существующей системы и ресурсы ее идеологии (например, марксистского социализма в СССР или либерального демократизма в США) не исчерпаны, но могут и должны быть реализованы. Они исходят из того, что перемены означают прогресс. Поэтому реформисты, в отличие от консерваторов, относятся к истории без излишнего пиетета и стремятся развенчать культы прошлого.

Как говорят советские реформисты, они против «пристрастий, унаследованных от вчерашнего дня нашей жизни», против тенденции считать универсально ценными «положения, справедливые лишь для одного периода нашей истории» (8).

Напротив, консерватизм основан на глубоком почтении к прошлому, сентиментальном желании защитить существующие институты, освященные временем обряды и ортодоксальные взгляды и постоянном страхе перед переменами, предвещающими беспорядки и оскверняющими прошлое. Политический консерватизм часто является всего лишь суммой сил инерции, привычки и своекорыстных мотивов. Но даже в Советском Союзе он может стать убедительной философской системой, оправдывающей статус кво как кульминацию всего полезного в историческом прошлом и, следовательно, как единственный прочный мост в будущее (9). Мыслящие консерваторы часто проводят различие между стабильностью и застоем и не отвергают категорически саму идею перемен. Однако они настаивают на том, что любое изменение должно происходить медленно, под строгим контролем властей, в рамках существующего закона и порядка и в соответствии с господствующими ортодоксальными представлениями. В конечном итоге, консерваторы, как правило, превозносят культы прошлого и органов власти (особенно армии и политической полиции), которые охраняют режим от перемен и «чуждых влияний». Именно за это советские реформисты постоянно критикуют «тех, кто хочет прожить старым багажом» (10).

Подлинный реформизм и подлинный консерватизм всегда носят не только политический, но и социальный характер. В массах они проявляются в народных чувствах и настроениях, в средних слоях политической системы – в формировании групп, фракций и партий, а на самом верху – в идеологических и философских формулировках.

С 1950-х годов столкновения между реформистскими и консервативными воззрениями проявляются в Советском Союзе на всех трех уровнях социальной структуры. Мы не располагаем детальными данными, ибо опросы общественного мнения по таким важным вопросам в СССР не проводятся. Тем не менее, из имеющейся статистической информации и свидетельств очевидцев известно, что глубоко укоренившиеся консервативные взгляды в равной степени распространены среди рядовых граждан и представителей власти (11). Многие научные исследования документально подтверждают наличие столкновений между реформистскими и консервативными группировками в высших кругах государственного и партийного аппарата (12). Как будет показано ниже, за последние годы особенно четко проявились идеологические и философские аспекты борьбы между реформистами и консерваторами.

Менее изученной и практически непонятой остается взаимосвязь между реформизмом и консерватизмом в советском обществе и его политическом руководстве. Большинство советологов полагает, что между ними нет органической связи. Это ошибочное представление, отчасти обусловленное отсутствием информации, проистекает из непоколебимой уверенности в том, что советский партийно-государственный аппарат оторван и изолирован от общества и его мировоззрений. Такая концепция лишена основания в стране, где почти все население работает в государственных учреждениях, а партия насчитывает 18 миллионов человек. Есть все основания полагать, что каждое из многочисленных направлений общественного мнения (от крайне правых до крайне левых и диссидентских) представлено в политическом аппарате. По выражению одного из западных ученых, советское общество отделяет от властей лишь «тонкая грань» (13). Отказавшись от ложного представления о пропасти, разделяющей политический аппарат и общество, которые, по образному выражению бывшего советского журналиста, составляют верхние и нижние этажи единого политического здания (14), легче увидеть более широкую социальную панораму конфликта между реформизмом и консерватизмом в Советском Союзе.

В области политики этот конфликт приобретает особый размах и остроту в связи с тем, что спор одновременно ведется о советском прошлом, настоящем и будущем. Исторический агностицизм реформистов и идеализация истории консерваторами сталкиваются с особой силой в Советском Союзе, где «живая история» изобилует трагическими событиями. Яростные споры вызывает не только сталинская эпоха, но и

прошлое царской России. Советские консерваторы страстно протестуют против реформистской «дегероизации» прошлого, против взглядов, согласно которым «прошлое, настоящее и будущее… оказываются изолированными, отрезанными одно от другого», и превозносят «преемственность поколений». Реформисты на это отвечают: «Если бы дети не критиковали отцов, человечество не сдвинулось бы с места». В представлении консерваторов, реформисты искажают прошлое, а по мнению реформистов, консерваторы идеализируют прошлое и пытаются спасти его от настоящего (15).

Эта полемика о важности истории составляет существенную часть политических дискуссий послесталинского периода. Они отражают борьбу между силами реформизма и консерватизма в советском руководстве с 1953 до 1980-х годов – от официальных реформ Хрущёва до всеобъемлющей консервативной реакции на всем протяжении 18-летнего брежневского правления и после него.

От реформизма к консерватизму

Вследствие крайне деспотического характера правления Сталина, его смерть ознаменовала начало триумфального десятилетия советского реформизма, размах которого не соответствовал реальным силам реформистов в правящих кругах и обществе. Реформы и усовершенствования затронули практически все стороны советской жизни. Перемены 50-х и начала 60-х годов, несмотря на их ограниченность и противоречивость и вопреки отчаянному сопротивлению, означали (в рамках авторитарной системы) реформацию советской политики и общества. В подтверждение этого вывода приведем краткий перечень важнейших реформ.

Более чем двадцатилетний период личной диктатуры Сталина закончился, и Коммунистическая партия вновь стала ведущей политической силой страны. Был положен конец массовому террору, свирепствовавшему почти 25 лет, и влияние политической полиции – главного орудия сталинской диктатуры – было ограничено и поставлено под контроль. Миллионы выживших узников лагерей и ссылок вышли на свободу, а многие жертвы террора были посмертно реабилитированы, что позволило их родственникам и близким вновь стать полноценными гражданами страны. Были ограничены многие административные злоупотребления и привилегии. Просвещенные слои общества начали более активно участвовать в политической, интеллектуальной и культурной жизни страны, а рабочим и крестьянам были предоставлены некоторые льготы. Была осуществлена широкая программа экономических, социальных и правовых реформ. Существенные коррективы были внесены в

практику советской цензуры, официальную марксистко-ленинскую идеологию и внешнюю политику.

Поскольку эти перемены были осуществлены в рамках официального реформизма (реформы сверху) и, следовательно, под руководством Хрущёва, его свержение в 1964 году ознаменовало начало политического разгрома реформистов в советском руководстве (16). Сам Хрущёв был весьма противоречивой политической фигурой. Биография и карьера сделали его представителем и старого и нового, а некоторые из проведенных им мероприятий в политике и науке фактически сыграли на руку окопавшимся консервативным силам. Тем не менее, по общему характеру правления Хрущёв был, как и некоторые русские цари, «великим реформатором».

Хрущёв и поддерживавшая его фракция высшего политического руководства были тем не менее лишь частью более широкого реформистского движения в советских официальных кругах. За десятилетие, прошедшее после 1953 года, борьба между сторонниками и противниками перемен распространилась на формирование политики во всех областях, затронув управление и планирование, промышленность и сельское хозяйство, науку, историю, культуру, право, быт, систему социального обеспечения, идеологию и внешнюю политику (17). Во всех этих областях у реформистского движения появились выдающиеся последователи (18). Подобно советскому консерватизму с его широким политическим спектром, простирающимся от закоснелых сталинистов до сторонников умеренных перемен, советский реформизм представлял собой сложный сплав самых разнообразных направлений. К нему примыкали технократы, добивавшиеся ограниченных перемен в узких сферах своей профессиональной деятельности, и подлинные демократы, стремившиеся к преобразованию всей системы. Его питали как своекорыстные побуждения карьеристов, так и возвышенные устремления идеалистов. Таким образом, по главному вопросу существенного изменения сталинского режима в советских официальных кругах и даже внутри самой компартии сформировалось нечто вроде двух направлений, представленных реформистами и консерваторами, столкнулись их противоречивые интересы, политические убеждения, идеи и идеалы.

Консерватизм как движение в защиту унаследованного от Сталина режима имел в первые послесталинские годы более прочный идеологический и политический фундамент, чем реформизм. Однако к началу 1960-х годов советские реформисты сумели создать солидный комплекс политических, историографических и идеологических представлений. Большинство из них резко противоречило консервативным представлениям, уходящим корнями в сталинское прошлое. К 1960-м годам появилось множество реформистских идей; большинство из них сохранило свое влияние в официальных кругах 80-х годов. Эти идеи

трудно обобщить, но нескольких примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать их характер.

В то время как консерваторы прославляли прошлое царской России и сталинскую эпоху, особенно 1930-е годы, когда сформировались многие из поныне существующих советских институтов, реформисты восстанавливали репутацию радикально настроенной русской интеллигенции XIX века и уничтоженного Сталиным поколения старых большевиков. В то время как консерваторы делали упор на авторитарные черты марксизма- ленинизма, культ Сталина, стереотипные представления о рабочем классе и армии и опасность идеологического ревизионизма, реформисты ссылались на преимущества социалистической демократии, авторитет Ленина, преступный характер сталинского правления, полезность критического мышления и опасность догматизма. Консервативным темам российского государственного национализма, гегемонии СССР в коммунистическом мире, опасности извне и ненависти ко всему иностранному реформисты противопоставляли интернационализм, своеобразие путей разных стран к социализму, актуальность внутренних проблем и более открытую к Западу международную политику, получившую название детанта. В противовес консерваторам, настаивавшим на сохранении жесткой цензуры, конформизма и ортодоксальных культурных традиций, реформисты призывали к либерализации в области интеллектуальной деятельности и культуры. В противовес гипертрофированно централизованной сталинской системе планирования и управления экономикой, характеризовавшейся преимущественным развитием тяжелой промышленности, отсталостью сельского хозяйства, малой производительностью труда и низким уровнем потребления, реформисты защищали преимущества свободного рынка, децентрализованную систему принятия решений, развитие производства товаров широкого потребления и других нововведений, направленных на стимулирование частной инициативы в коллективизированной системе. Сталинской традиции террора реформисты противопоставляли власть закона (20).

В хрущёвские годы реформисты одержали немало побед. Однако в любой стране реформа сверху всегда ограничена во времени и по существу и за ней всегда следует волна консерватизма. Такой ход событий отчасти обусловлен самой природой реформизма, который внутри существующей системы ведет борьбу за достижение ограниченных целей против естественной инерции народных масс и государственных институтов. Многие сторонники реформ быстро успокаиваются на достигнутом, их союзники теряют мужество, а люди, терпимо относившиеся к реформам, начинают противиться дальнейшим переменам. Все они становятся соучастниками неоконсервативного движения, защитниками нового, реформированного статус кво и критиками прошлых

реформистских «перегибов». Такой естественный ритм политической жизни с переходами от реформизма к консерватизму и обратно характерен для США и Англии, где республиканцы и тори периодически сменяют у кормила власти демократов и либералов.

Свержение Хрущёва его собственными соратниками и ставленниками отразило обратный ход маятника советской бюрократической машины, а может быть, и всего общества. По ряду причин большинство не только в Политбюро и ЦК КПСС, но и в народе ополчилось против Хрущёва и его «опрометчивых» реформ. После краткого периода неясной линии в 1964–1965 годах наступила эра глубокой реакции, которая положила конец преобразованиям в большинстве сфер советской жизни – от экономики и права до историографии, культуры и идеологии.

Примерно с 1966 года и особенно после свержения реформистского коммунистического правительства Чехословакии в 1968 году советское руководство, возглавлявшееся сначала Брежневым и Косыгиным, а затем (до самой его смерти в ноябре 1982 года) одним Брежневым, было консервативным почти во всех отношениях. За 18 лет правления брежневское руководство возродило многие из рассмотренных выше консервативных традиций. Возрождение затронуло и главный символ прошлого – образ Сталина. Антиреформистский дух и политика нового руководства нашли отражение в множестве подновленных консервативных лозунгов, культов и кампаний: «стабильность кадров», «закон и порядок», «укрепление организации, дисциплины и ответственности во всех сферах», «военно-героический патриотизм», «развитой социализм», «бдительность против буржуазных влияний» и т. д. (21). Короче говоря, власти вновь насаждали консервативные представления о прошлом, настоящем и будущем. Лучшую эпитафию брежневским годам мне довелось услышать в частной беседе с одним советским гражданином вскоре после помпезных похорон Брежнева: «Это была первая после революции подлинно консервативная эпоха в России».

Консервативная реакция, последовавшая после падения Хрущёва, не стала, однако, реставрацией сталинской политики. Консервативные взгляды и приемы, как и само общество, меняются со временем. В середине 60-х годов сталинизм уже не доминировал в советской действительности, как это было в начале 50-х годов. Брежневское руководство, отменив некоторые из хрущёвских реформ, пыталось сделать многие из них частью нового статус кво. При этом оно выступало против прошлых «перегибов» реформизма и дальнейших перемен подобного масштаба. (Примерно также вели себя республиканцы и тори, вернувшиеся к власти в США и Англии в 1950-х годах.)

Некоторые идеи и методы советских реформистов хрущёвского период, в том числе развитие производства товаров широкого потребления, увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, совершен-

ствование системы социального обеспечения, научное руководство, укрепление законности, детант, осуждение сталинских «перегибов», были приняты на вооружение консерваторами. Вопреки мнению некоторых западных наблюдателей, это не было проявлением реформистского духа части брежневского руководства. Все эти реформистские идеи были наполнены глубоко консервативным содержанием. Например, брежневское руководство время от времени возвращалось к идее «экономической реформы». Однако суть первоначальных предложений начала и середины 1960-х годов была выхолощена. В частности, из них исключались существенные аспекты, касающиеся децентрализации управления и повышения роли рынка. Реформы приобретали вид «чисто внешних, частичных изменений, не затрагивающих по существу дореформенной системы» (22). Многие из брежневских мероприятий 70-х и начала 80-х годов, включая «научно-техническую революцию» и импорт западной технологии, были фактически направлены на то, чтобы избежать коренных преобразований режима. Советские люди прекрасно понимали, что правительство настроено против подлинных реформ: «Нами правит не коммунистическая, не фашистская и не сталинистская партия, а партия статус кво» (23). Косную политику сохранения статус кво унаследовал Андропов, пришедший к власти после смерти Брежнева в конце 1982 года. Ту же политику с некоторыми проявлениями реформистской активности переходного периода получил в наследство и Черненко, сменивший Андропова в 1984 году.

И все же, как будет показано ниже, дело реформизма в Советском Союзе не погибло. К концу 1960-х годов жесткий консерватизм брежневского руководства заглушил голоса реформистов и погасил очаги открытых конфликтов во многих областях политической жизни. Вопреки, а может быть, именно благодаря этому, противоборство между реформистами и консерваторами вспыхнуло на страницах советской прессы в абстрактных, но яростных спорах об исторической сущности России.

Почти два десятилетия сторонники двух противоположных мировоззрений открыто сражаются между собой, сосредоточив основное внимание на вопросах философии, культуры и религии (24). Эти разногласия напоминают раскол между западниками и славянофилами в России XIX века, но подлинный их смысл носит современный характер. Речь идет о непрекращающемся конфликте между современным советским реформизмом и консерватизмом, о споре, ведущемся на языке философии, зачастую с привлечением дореволюционного лексикона. Традиционная аргументация консерваторов подается с особой откровенностью, когда они отстаивают «вечные ценности» России или выступают против любых перемен – от государственного управления до классической оперы и балета. Между тем, реформисты по-прежнему

утверждают, что Советский Союз нуждается «больше, а не меньше в современном Западе» и что советские консервативные идеи суть «анахронизм, заимствованный, списанный, взятый напрокат из арсенала консервативной литературы прошлого века» (25).

К началу 1980-х годов неоконсервативная философия, питавшаяся набирающим силу антиреформистским духом и российским национализмом брежневского руководства, получила широкое распространение в официальной советской прессе, стала основой редакционной политики ряда ведущих газет и журналов. Она проникла даже в неподцензурную самиздатскую литературу и оказалась весьма привлекательной для многих слоев населения, в том числе для советского чиновничества, некоторых диссидентов и рядовых граждан. Ее популярность лишний раз подтверждает, что официальный консерватизм брежневской эпохи был не только насаждаемым сверху антиреформистским мировоззрением, но и отражением глубоких течений в советском аппарате и обществе (26).

Итак, через 20 лет после падения Хрущёва стало ясно, что реформы, проведенные под его руководством, проистекали из специфики сложившейся исторической ситуации, а не из подлинной политической или социальной мощи реформистского движения в СССР. Чтобы составить более полное представление о всей послесталинской эре и о будущем СССР, необходимо понять, каким образом сталинское прошлое формировало и продолжает формировать современный советский реформизм и консерватизм.

Сталинизм и истоки советского реформизма и консерватизма

Первой и наиболее глубокой реформой в советской истории было введение Новой экономической политики в 1921 году. В процессе вытеснения экстремистских экономико-политических методов времен Гражданской войны НЭП быстро развился в стройную систему идей и практических приемов, которую Ленин, заложивший ее основы, называл «реформистским подходом» к советскому социализму (27). На протяжении 5 лет после смерти Ленина НЭП оставался официальной советской политикой; главным ее защитником и теоретиком был Бухарин. Как показано выше, Сталин, насильственным путем отменив НЭП в 1929 году, непреднамеренно создал историческую альтернативу для будущих поколений коммунистов-реформаторов. С тех пор и особенно после 1953 года НЭП с его смешанной экономикой, сочетанием рынка и плана, плюрализмом в культуре, более либеральной политикой и ленинской законностью неизменно привлекает симпатии партийных рефоматоров-антисталинистов в большинстве коммунистических стран, в

том числе и в Советском Союзе. Советские реформисты возродили многие экономические идеи НЭПа; историки реформистского толка с восхищением пишут о годах НЭПа; либеральные деятели культуры вспоминают о терпимости цензуры; политики, выступающие за реформы, пытаются обосновать свои предложения ссылками на положительный опыт нэповской эпохи (28).

Однако такие реформы стали возможными только после смерти Сталина. После отмены НЭПа и начала сталинской революции сверху (1929 год) реформисты внутри советской коммунистической партии стали главными врагами и жертвами сталинизма. При жизни Сталина представители высшей власти предприняли по меньшей мере две серьезные попытки провести реформу сверху. В 1933–1934 годах группа членов Политбюро, среди которых был Киров, предложила смягчить непомерные тяготы принудительной коллективизации и индустриализации, осуществив ряд реформ в области экономики, политики и культуры. В 1947–1948 годах сходные предложения, касающиеся изменений сталинской экономической политики, были внесены членом Политбюро Вознесенским и его сторонниками. Обе попытки реформировать сталинизм имели трагические последствия. Киров был убит (почти определенно по указанию Сталина), после чего в стране воцарился большой террор 1936–1939 годов. Вознесенский был расстрелян в 1950 году после ленинградской чистки 1949 года (29).

Трагическая история провалившихся реформ показывает, однако, что даже в худшие времена дух реформизма не угасал в высших сферах советского партийно-государственного аппарата. Ранние устремления некоторых представителей советского руководства к «Московской весне» (определение одного из участников событий 1936 года) предвосхитили хрущёвские реформы 1950-х и 1960-х годов. Это негласно признавал сам Хрущёв, связывавший свою кампанию десталинизации с расследованием убийства Кирова и реабилитацией Вознесенского. В то же время история показывает, что реформы не имели шансов на успех в условиях террористического самодержавия при неизменно враждебном отношении самого Сталина к переменам (30).

И все же, хотя Сталин душил в зародыше малейшие проявления реформистской деятельности, его собственная система и политика создавали политическую и социальную основу для будущего развития советского реформизма. Сталинизм 1929–1953 годов представлял собой запутанный клубок противоречий. Возникший как радикальный акт революции сверху, он переродился в консервативную социально-политическую систему. Он сочетал революционные и реакционные традиции российского прошлого, гуманные идеи социальной справедливости и массовый террор, радикальную идеологию и традиционную социальную политику, мифы о социалистической демократии под руководством коммунистической партии и реальность личной диктатуры, мо-

дернизацию и косность, бюрократическую рутину и административные новшества.

Этот дуализм сыграл двоякую роль в развитии советского реформизма и консерватизма после смерти Сталина. Во-первых, идеи и убеждения реформистов и консерваторов послесталинского периода были заложены в самом сталинизме. Так, при Сталине господствовала система, основанная на примитивном национализме, терроре и привилегиях, но и противоположные принципы оставались частью официальной сталинской идеологии. Культ личности и террор удерживали все эти идеи в рамках скрытого конфликта как составные части раздвоенной советской политической культуры (31). После смерти Сталина подспудные антагонистические течения, развиваясь разными политическими путями, переросли в главные конфликты последнего тридцатилетия, в частности, в конфликт между антисталинизмом и неосталинизмом, который сыграл столь важную роль в борьбе между реформистами и консерваторами при Хрущёве.

Второй путь, проложенный сталинской системой к реформации был, как сказали бы марксисты, диалектическим. На протяжении многих лет в недрах сталинизма медленно созревала альтернативная модель политического правления (32). Вопреки упованиям Исаака Дейчера и других марксистских критиков сталинизма, проводником потенциальных перемен оказался не пробудившийся рабочий класс, а созданный Сталиным политико-административный бюрократический аппарат. Руководящие слои партийно-государственной бюрократии, разросшиеся и укрепившейся после прихода Сталина к власти в 1930-х годах, десятки тысяч чиновников, которых в России называют «начальством», захватили материальные блага, привилегии и колоссальную власть над подчиненными. Однако им не хватало не менее важного – устойчивости положения и даже личной безопасности. Сталинский террор наносил населению страны один удар за другим. При этом ни одна из групп не опасалась террора больше, чем «начальство».

История и дух сталинизма сформировали глубоко консервативное отношение бюрократии к большинству политических и социальных проблем (33). Тем не менее, советские чиновники жаждали одной великой реформы, которая освободила бы их от своенравного тирана и его террористического режима, позволив им стать подлинными бюрократами, то есть консервативной силой, опирающейся на стабильность, личную безопасность и уверенность в завтрашнем дне. При жизни Сталина даже высшие административные и политические деятели чувствовали себя всего лишь «временщиками». За двадцать лет им многократно приходилось наблюдать, как их предшественники и коллеги за одну ночь превращались из всесильных начальников в узников застенков НКВД и лагерей. Будучи бюрократами, они искали защиту от террора в

крючкотворстве (34). Но добиться полной нормализации положения можно было только после ухода тирана и конца его деспотического режима. Таким образом, в марте 1953 года, когда Сталин, готовивший новый удар по советской верхушке, наконец умер, консерватизм и реформизм уже существовали. В первых же публичных выступлениях преемники Сталина, призывавшие население не поддаваться «панике и смятению», показали себя трусливыми консерваторами, опасающимися массовых беспорядков. Однако страх перед возмездием масс и новой волной полицейского террора заставил их пойти на серьезные преобразования уже в дни официального траура. Этими реформами были ликвидация и ослабление главных сталинских институтов деспотизма (личный секретариат, система террора, культ) и восстановление партийной диктатуры и коллективного руководства. За ними последовали другие реформы (35).

Восстановление руководящей роли партии в советской системе само по себе было важной переменой, имевшей далеко идущие последствия. Несмотря на то что многие годы партия находилась во власти сталинской полиции, восстановить ее главенство оказалось чрезвычайно легко. Это удалось сделать посредством реформ, а не революционным путем отчасти потому, что возвышение партии сулило защиту от террора всем высокопоставленным чиновникам, кроме горстки руководителей полицейского аппарата, которые после смерти Сталина были расстреляны или заключены в тюрьмы. Именно в этом состоял подлинно реформаторский смысл антисталинского выступления Хрущёва на XX съезде КПСС в 1956 году. Обещание личной безопасности не только пришлось по сердцу большинству советских чиновников, но и показалось им вполне достаточным.

Эти обстоятельства помогают объяснить колоссальный успех первых хрущёвских реформ, успех, достигнутый вопреки тому, что реформизм был тогда (и остается сегодня) мировоззрением меньшинства в советских официальных кругах. Торжество политики Хрущёва и приход его к власти в 1953–1958 годах были основаны на своеобразном реформизме, получившем название десталинизации и завоевавшем широкую популярность в условиях исторической ситуации, созданной длительным правлением Сталина. Большинство советских чиновников стремилось покончить с террором, ослабить полицейскую систему, пересмотреть историю, приписав и себе (а не только Сталину) заслуги в свершениях страны, смягчить международную напряженность, которая к 1953 году достигла критических масштабов, и провести некоторые, выгодные не только для широких масс населения, но и для самого правящего аппарата, социальные реформы, особенно в области пенсионного обеспечения. Обратившись к метафорическим образам, получившим широкое распространение в послесталинском коммунистическом мире,

можно сказать, что советские чиновники хотели и получили оттепель, но не весну.

В 1958 году, когда Хрущёв достиг вершины власти, его реформизм и возобновившаяся кампания десталинизации начали приобретать иной смысл. (Мы показали это при рассмотрении сталинского вопроса.) Они стали отражать псевдонаучные идеи и методы, непосредственно затрагивающие партийно-государственную бюрократию и ее отношения с обществом, а не с высшим руководством (36). В этот момент на арене появилось затаившееся консервативное большинство советского аппарата, начавшее отчаянно сопротивляться дальнейшим реформам. К началу 1960-х годов Хрущёв стал «обороняющимся» лидером. Правда, после 1958 года ему удалось многого добиться, несмотря на мощную оппозицию, собственные политические ошибки и личное несоответствие роли лидера-реформатора, но это в значительной степени объясняется силой политической инерции и популярностью антисталинизма. Когда к 1964 году эти факторы потеряли силу, выдохлись и хрущёвские реформы. Вскоре после этого в советской политике началась долгая эпоха брежневского правления (37).

Советский консерватизм и будущее реформ

В Советском Союзе, как и в любой другой стране, возможны перемены к лучшему и к худшему. Может произойти как прогрессивная реформа, направленная на либерализацию политической, экономической и культурной жизни, так и возврат к деспотическим приемам сталинизма. И те и другие перемены уже происходили на протяжении тридцати лет после смерти Сталина. И в середине 80-х годов сторонников обоих направлений можно встретить среди советских руководителей, рядовых граждан и даже диссидентов. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов ни одну из этих двух возможностей.

Главным препятствием на пути дальнейших преобразований в Советском Союзе являются не институты, группы или лидеры, а глубокие корни консерватизма, пронизывающие все и вся – от семьи до Политбюро, от местных властей до московского начальства. Проще говоря, СССР «внизу» (в обществе) и «наверху» (в политической системе) стал одной из самых консервативных стран в мире. Опросы общественного мнения, проведенные за последние годы, показывают, что рядовые советские граждане (по меньшей мере славянское большинство) даже более консервативны, чем некоторые группы правящей элиты (38).

Наличие глубоко укоренившегося консерватизма имеет двоякое значение. Во-первых, оно заставляет переосмыслить всю систему взаимоотношений между партией-государством и обществом в Советском Союзе, включая и исключительную стабильность политического режи-

ма, сохраняющуюся несмотря на весьма серьезные и непреходящие социальные трудности (39). Это лишний раз свидетельствует о том, что советологи, не заметив органичности этих отношений, до сих пор переоценивают роль принуждения и недооценивают роль согласия в советской голике. Во-вторых, наши представления о возможности будущих советских реформ должны исходить из понимания истоков социального и политического консерватизма, который проявляется во всех сферах общественной жизни в виде уважения к традиции и порядку и страха перед новшествами и разбродом.

Нам, конечно, могут возразить, что советскую систему нельзя назвать консервативной, так как она родилась в огне революции и до сих гор провозглашает революционные идеи (40). Однако история знает немало примеров такого рода политического перерождения и внутренней дерадикализации революционных идеологий (41). Больше того, консервативные последствия великих социальных революций наступают с неотвратимостью исторического закона (42). Это особенно верно для России, где за революцией снизу, происшедшей в 1917 году, последовала сталинская революция сверху, совершенная в 1930-х годах. Некоторые из старых большевиков прекрасно осознавали такую возможность и опасались за будущее радикальной компартии. Один из них предостерегал: «История полна примерами того, как партии революции становились партиями порядка. Временами только настенные лозунги напоминают о революционной партии» (43).

Кроме общих закономерностей, укреплению бюрократизма в СССР способствовало и множество факторов, сугубо специфических для советской действительности. Прежде всего, в стране до сих пор ощущается влияние наследия царской России с ее бюрократическими и консервативными тенденциями. Последующая бюрократизация советской жизни породила консервативные нормы и создала номенклатуру – официально признанный класс защитников установившегося порядка и собственных привилегий (44). Постоянный дефицит качественных товаров и услуг многократно усиливает сопротивление переменам со стороны групп, заинтересованных в сохранении статус-кво. Определенную роль играет даже официальная идеология, которая на внутреннем фронте давно перешла от пропаганды нового порядка к прославлению существующего режима.

Деятельность Брежнева продолжала формировать и укреплять консервативные тенденции в советской политической жизни. Так, например, он обеспечил практически пожизненные синекуры высокопоставленным советским вельможам и чиновникам средней руки («стабильность кадров»), что существенно «состарило» не только высшее политическое руководство, но и всю элиту в целом (45). Наряду с этим, мероприятия, направленные на сохранение установившегося порядка, спо-

собствовали значительному усилению политической роли искони консервативных органов, ответственных за безопасность и идеологию, особенно армии и КГБ. Обширный бюрократический аппарат управления государственной экономики, гиперцентрализованной власти которого уже не угрожали коренные реформы, усилил сопротивление любым преобразованиям структуры советского общества. Бюрократия саботировала даже робкие реформы системы управления экономикой, официально провозглашенные Брежневым и Косыгиным в 1965 году, молчаливо отказавшись проводить их в жизнь. Та же тактика применялась в 1970-х и 1980-х годах (46). Укрепившаяся власть различных административных органов, в том числе местных парторганизаций, нанесла серьезный ущерб способности высшего руководства осуществлять сколько-нибудь значительные перемены. Так, в 1983 году группа советских реформистов рекомендовала сменившим Брежнева руководителям разработать «продуманную социальную стратегию» преодоления внутреннего сопротивления системы. В частном порядке некоторые реформисты жаловались: «Чтобы добиться реальных перемен, нам потребовался бы новый Сталин, а этого никто не хочет» (47).

Эти консервативные тенденции подкрепляются всем историческим опытом советской власти с присущим ему причудливым сочетанием величественных достижений и колоссальных провалов. Миллионы простых граждан и их руководители пережили такие катастрофы, как первая мировая война, революция 1917 года, Гражданская война, два голода, принудительная коллективизация, сталинский террор, вторая мировая война… Этот опыт, являющийся для многих советских людей частью биографии или предметом глубокого интереса, стал фундаментом современного консерватизма. Речь идет о чувстве гордости за модернизацию страны, военные победы, достижения СССР как великой державы и постоянном страхе перед постоянно маячащими на горизонте новыми катастрофами и, следовательно, перед любыми существенными переменами, которые воспринимаются как «некий жуткий бетховенский стук судьбы в двери заводоуправления» (48). Консерватизм, одновременно базирующийся на чувствах гордости и страха, обладает двойной силой. Он подчиняет своему влиянию большинство слоев советского населения, в том числе и многих диссидентов (49). Именно он соединяет тесной связью государство и общество и является главной преградой на пути перемен.

Следует ли из всего вышесказанного, что реформа в СССР невозможна или возможна только под влиянием глубочайшего кризиса, который поставил бы под угрозу самое существование системы? Такого мнения придерживаются многие советологи, всегда считавшие советскую систему неизменной. Вопреки таким представлениям, консерватизм, как было показано выше, не является единственным фактором

официальной советской политики послесталинского периода. Одна из реформ, выдержавших испытание временем, заключается в том, что политическая система терпит осторожных сторонников перемен даже в периоды засилья консерваторов. Несмотря на неудачно сложившиеся судьбы многих реформистов после падения Хрущёва (50), сторонники преобразований продолжают свою деятельность в разных сферах политической жизни страны и даже сохраняют свои посты на низшем и среднем уровнях партийно-государственного аппарата. Их приглушенные призывы к децентрализации управления экономикой, усилению роли свободного рынка, ослаблению тисков цензуры и другим реформам, направленным на либерализацию системы, периодически появлялись в советской печати на всем протяжении 1970-х годов (51). К началу 1980-х годов, когда косность и застой последних лет брежневского правления обострили и без того серьезные социальные проблемы, закулисные голоса реформистов зазвучали смелее и убедительнее (52).

События, последовавшие за смертью Брежнева в ноябре 1982 года, моментально подтвердили, что борьба между реформистами и консерваторами в советском правящем аппарате практически никогда не прекращалась. Приход к власти Андропова, долгие годы возглавлявшего КГБ, отражал консервативную природу послехрущёвского периода советской истории. (Напомним, что всего 30 лет назад реформистски мыслящие наследники Сталина приговорили к расстрелу руководителя его полиции.) Тем не менее при Андропове советские газеты сразу же стали менее консервативными и начали более настойчиво призывать к решению «основных задач» (53). Известные всем легальные реформисты выступали все чаще и настойчивее. В 1983 году андроповское руководство провозгласило «важную» экономическую реформу, направленную на расширение прав руководителей предприятий в ряде отраслей промышленности и областей страны и соответствующее ослабление власти центрального бюрократического аппарата. Несмотря на ограниченный характер предлагавшейся реформы, она немедленно столкнулась с неприкрытой оппозицией консервативных сил (54). Несмотря на продолжительную болезнь, а потом и смерть Андропова в феврале 1984 года, его короткое правление ознаменовало начало новой главы в истории тридцатилетней борьбы сторонников и противников перемен в послесталинской политической системе.

Эти события свидетельствуют о том, что дело реформизма в официальной советской политике, потерпев поражение, все же пережило долгую зиму брежневского консерватизма. Они указывают на неиссякаемые источники реформистских течений в советской системе и, вопреки преобладанию консервативных тенденций, на возможность новых реформ сверху. Что же касается советского политического консерватизма, то несмотря на всю его силу, он страдает от трех хронических не-

достатков, которые являются постоянными источниками реформизма внутри системы.

Во-первых, подобно консерваторам во всем мире, советские противники перемен нуждаются в «славном» прошлом для оправдания и сохранения установившегося порядка вещей. Однако в данном случае прошлое включает в себя многие годы сталинских преступлений. После падения Хрущёва советские консерваторы пытались решить эту проблему двумя путями. Они реабилитировали сталинское прошлое (главным образом, в свете великой победы над Германией), но без полного оправдания сталинских преступлений (55). С другой стороны, опираясь на русский национализм, консерваторы пустились на поиски подходящего прошлого в истории царской России.

Оба эти подхода не дали желаемых результатов. Антисталинизм и негодование по поводу сталинских преступлений остаются мощным источником политического реформизма. Дело не только в том, что миллионы людей стали жертвами террора 1930-х годов. Сталинское руководство повинно еще и в гибели миллионов репатриированных солдат и других неугодных режиму военнослужащих, попавших в ГУЛАГ после второй мировой войны (56). Прошлое царской России было отчасти реабилитировано еще при Сталине и вызывает большой интерес нынешнего поколения страны. Однако политические традиции царизма противоречат идеям русской революции, к которым советским консерваторам приходится обращаться для обоснования законности своего пребывания у власти. Традиции царизма и революции непримиримы. В конечном счете, они порождают не гармонию, а противоположные течения и политические конфликты, как это некогда произошло в послереволюционной Франции (57).

Второй хронической слабостью консерватизма и источником, питающим реформизм, является разрыв между важными спектрами официальной коммунистической идеологии и повседневной советской действительностью. Для подавляющего большинства населения речь идет о чем-то даже более фундаментальном, чем принципиальное несоответствие между демократической риторикой и диктаторской практикой. Западная точка зрения, согласно которой большинство советских людей окончательно изверилось в официальной идеологии, неверна отчасти потому, что смешивает идеологию с догмами марксизма. По ряду практических соображений современный советский коммунизм остается привлекательным для населения. Официальная идеология обещает прочную национальную безопасность (страна никогда больше не будет такой беззащитной, как в 1941 году), расцвет поощряемого государством национализма народнического толка, закон и порядок как гарантию против внутренней «анархии», пугающей столь многих русских,

социальное обеспечение «от колыбели до могилы» и повышение материального уровня жизни от поколения к поколению (58).

Судя по всему, советские граждане всерьез поверили этим идеологическим посулам «коммунизма». При каждой смене руководства власти неизменно их повторяют, что составляет важную часть нынешнего общественного договора между правителями и управляемыми, а наличие такого договора чрезвычайно важно для стабильности любой политической системы, даже такой репрессивной, как Советский Союз (59). К тому же, советская власть выполнила ряд существенных обещаний, особенно в части обороны, национализма, закона и порядка и обширной системы социального обеспечения, превращая их в дополнительные источники современного советского консерватизма.

Наряду с этим многие важные обещания в области социального обеспечения и материального снабжения остаются невыполненными или существенно недовыполненными, особенно если учесть непрерывно возрастающие запросы советского населения. Низкий уровень жизни и медицинского обслуживания, нашедший, например, отражение в повышении смертности после 1960-х годов, хронический дефицит жилья и продуктов питания, убогая система бытовых услуг, недостаток качественных товаров широкого потребления – все это создает многочисленные и пока неустранимые трудности в повседневной жизни советского человека. В сипу этих факторов Советский Союз во многих отношениях больше напоминает страну «третьего мира», чем современную западную державу.

Обещания улучшить снабжение и социальное обеспечение, ставшие долгосрочными и непрерывно подтверждаемыми идеологическими обязательствами перед государственным аппаратом и обществом в целом, нелегко отменить или отсрочить на неопределенный срок (60). Невыполненные обещания заключают в себе явную угрозу советским консерваторам, ибо привлекают постоянное внимание к хроническим недостаткам централизованной экономической системы, унаследованной от Сталина, и не позволяют снять с повестки дня вопрос о разумной экономической реформе. И реформисты и консерваторы понимают, что такого рода реформа должна предусматривать существенную децентрализацию управления экономикой и усиление роли рынка, а это имело бы серьезные политические последствия (61).

Третий важный фактор, способствующий реформам, также связан с официальной идеологией. Классический коммунизм, или марксизм-ленинизм, хотя и утратил свое былое значение, продолжает формировать риторику и определять границы конфликтов в политике СССР. В любой стране мира ни реформистское, ни консервативное движение не имеет шансов на успех, если оно отчуждено от установившихся политических норм и развивается вне национальной политической куль-

туры. В СССР реформисты и консерваторы должны иметь собственное лицо, то есть должны находить стимулы и обоснования своей деятельности в историческом опыте и идеях марксизма-ленинизма. Именно поэтому реформисты жалуются, что консерваторы пытаются наполнить «марксовы формулы» собственным содержанием (62). Однако марксизм-ленинизм является весьма ненадежным проводником консервативных идей, ибо даже в догматизированном варианте он базируется на целесообразности и неизбежности перемен. Советские реформисты не упускают возможность лишний раз напомнить об этом: «Материалистической диалектике чужда апологетика действительности… Это относится к любой конкретной форме, которой достигло общество на той или иной ступени своего развития. Девиз диалектики – постоянные поиски нового, творческое преобразование действительности» (63).

В этом отношении легально действующие советские реформисты имеют идеологическое преимущество, которого были лишены их предшественники в бюрократическом аппарате царской России, исторический опыт которых способствует пониманию послесталинского будущего СССР (64). Многолетняя борьба с консервативным большинством российского чиновничества в конечном счете привела к великим реформам, осуществленным сверху в 1860-х годах. Серьезным препятствием на этом пути была официальная консервативная идеология, сугубо враждебная самой идее перемен. Реформаторам приходилось черпать вдохновение извне, главным образом из «чуждых» западных культур, которые не вызывали и не вызывают доверия среди русских политиков.

Реформаторы в советском бюрократическом аппарате не испытывают таких трудностей или, по крайней мере, ощущают их не так остро, ибо марксизм-ленинизм узаконивает идею «новых творческих путей». Больше того, начиная с 1950-х годов, советские реформисты могут ссылаться на пример децентрализации экономики в странах Восточной Европы, то есть на опыт Запада, но не «чуждого» капиталистического, а братского коммунистического (65). Восточноевропейский пример может, конечно, иметь серьезные политические последствия. Кризисы, разразившиеся в Восточной Европе, например в Чехословакии в 1968 году и в Польше с конца 1970-х годов, подтверждают аксиому советских консерваторов, утверждающих, что реформы иногда могут оказаться политически приемлемыми в небольших коммунистических странах, но совершенно недопустимы в таких огромных, неоднородных странах, как Советский Союз. Тем не менее, успешные реформы, проведенные восточноевропейскими компартиями, способствуют развитию реформистского движения в советском правящем аппарате. Аналогичную роль играют, по-видимому, и напоминающие НЭП перемены в

Китае – стране с большим и потенциально более непокорным населением, чем в СССР (66).

Опыт царских реформаторов помогает разобраться еще в одном аспекте советской действительности. Нарастание реформистских настроений и числа «просвещенных» царских чиновников происходило медленно и постепенно. Процесс длился годами, успехи чередовались с неудачами. На протяжении длительных периодов реакции, особенно в годы правления Николая I (1825–1855 гг.) идеи реформистов могли открыто циркулировать только вне бюрократического аппарата, среди нонконформистов и диссидентов. Из этих кругов такие идеи проникали в бюрократический аппарат и начинали влиять на государственную политику. Примерно так же развивалась борьба между реформистами и консерваторами в послесталинской советской истории. В исторической перспективе смелые реформы Хрущёва представляются преждевременными. Они не получили широкой официальной поддержки, ибо процесс «просвещения» советской бюрократии только начинался. Поэтому брежневские годы консервативной реакции были не концом долгой истории послесталинских реформ, а периодом «замораживания» этого процесса.

Изучение процесса просвещения российской бюрократии проливает свет на недопонятое Западом современное диссидентское движение, зародившееся в СССР во второй половине 1960-х годов. Немногочисленные и не представляющие широкие слои общества, диссиденты не способны провести перемены в советской системе или заставить власти пойти на такие перемены. Как и в царской России, изменить политическую систему можно посредством массовой революции снизу или официальной реформы сверху. В XIX веке, когда попытки провести реформы заканчивались неудачей, диссиденты часто становились революционерами. В отличие от этого, советские диссиденты относятся к перспективе новой революции еще с большей неприязнью, чем к существующему режиму (67). Они не видят никаких положительных альтернатив реформе сверху.

До начала 1970-х годов большинство советских диссидентов руководствовалось такой реформистской перспективой. Их протесты и программы, сформулированные в духе верности идеям социализма, были обращены непосредственно к властям. Они надеялись просветить советскую бюрократию и найти в ее среде прореформистски настроенных «потребителей» диссидентских идей (68). Однако к началу 1970-х годов контрреформы и репрессивные меры, предпринятые преемниками Хрущёва, лишили большинство диссидентов, придерживавшихся либерально-демократических взглядов, надежды на самопреобразование системы. Тогда они пришли к выводу, что изначально порочная система прогнила насквозь и что реформа изнутри партийно-государствен-

ного аппарата невозможна. Выступления диссидентов-либералов становились все более антисоветскими и рассчитанными на западное, а не советское потребление (69). Это вызвало ужесточение репрессий и глубокий кризис идей среди представителей магистральных направлений либерального движения. Питая отвращение к революционному пути и потеряв надежду на реформы, диссиденты зашли в тупик, из которого, по собственному признанию многих из них, «нет выхода». Приходится – смириться и уйти из политической жизни (70).

Итак, брежневские годы стали затяжной «зимой» как для легальных, так и для нелегальных реформистов, судьбы которых, как и в царской России, тесно переплелись (71). Так, в начале 1980-х годов, когда в советском аппарате возродились реформистские настроения, о реформах вновь заговорили и «внизу», в диссидентских кругах. Выступая против упадочнических настроений и прозападной тактики либерального движения 1970-х годов, диссиденты 1980-х годов попытались взглянуть на процесс преобразований в Советском Союзе в общем контексте советской истории. Они переключили свои усилия на поиск внутренних возможностей преодоления лихорадящих страну трудностей и на необходимость укрепления реформистских настроений среди партийно-государственной бюрократии. Таким образом, подобно всем российским и советским реформистам, они вернулись к надежде на реформу сверху (72).

Насколько реальной окажется эта надежда, будет зависеть от ряда обстоятельств; два из них тесно связаны между собой и имеют особо важное значение. В бюрократическом аппарате авторитарной и консервативной страны сторонники реформ всегда, даже в наилучшие времена, будут оставаться в меньшинстве. Так было при царях-реформаторах и при Хрущёве. Такое соотношение сил не изменит и новое поколение советских чиновников, восхождение которого было несколько задержано престарелым руководством во главе с Черненко. Как и любое другое поколение политиков, оно будет разделено на сторонников и противников перемен (73). Советские реформисты не могут черпать силы в массовых движениях протеста, как это делают их коллеги в демократических странах. Они не могут открыто отстаивать экономическую политику, чреватую неприятностями для многих мелких чиновников и рабочих. В связи с этим им приходится искать союзников среди консервативного большинства бюрократов, которых, чаще всего, привлекают неосталинистские решения. Другими словами, коалиция реформистов и консерваторов в советском бюрократическом аппарате является необходимым условием успешного осуществления реформ сверху.

Возможность такой коалиции не исключена. Во времена Пражской весны один чешский коммунист заметил: «Граница между прогрессив-

ным и консервативным проходит через каждого из нас» (74). Советские реформисты могут апеллировать к таким «прогрессивным» качествам своих консервативных оппонентов. Более того, история показывает, что по мере нарастания трудностей консерваторы иногда объединяются с реформистами, пытаясь спасти основы существующего режима (75). Уже сейчас можно распознать симптомы формирования единодушного мнения о необходимости перемен, особенно в связи с общепризнанными проблемами разоренной деревни, падения производительности труда в промышленности и социальных эпидемий алкоголизма, абортов и разводов. По сути дела, весьма скромные экономические реформы, предложенные Андроповым летом 1983 года, можно рассматривать как попытку создать коалицию реформистов и консерваторов. В отличие от НЭПа и хрущёвских реформ, эти предложения базировались не на либерализации политической и культурной жизни, а на обещаниях укрепить трудовую дисциплину и покончить с коррупцией, то есть предусматривали проведение кампаний, находящих широкую поддержку в массах и среди консерваторов (76).

Коалиция, которая поддержала бы преобразования, полностью не сформировалась, но с ней связана единственная надежда на будущие реформы. К сожалению, это зависит не только от обстановки внутри страны. Внутренняя политика СССР всегда сильно зависела от международных дел, особенно от отношений между Востоком и Западом. Поэтому, в заключение мы должны вернуться к теме, с которой я начал эту книгу, то есть к необходимости сочетания исторических исследований с политическим анализом.

С самого зарождения советской системы в ее высшем руководстве и политическом аппарате периодически возникали группировки, поддерживавшие умеренную, реформистскую и даже либеральную внутреннюю политику. Как правило, их побеждали, а иногда и уничтожали приверженцы более деспотичного или более консервативного курса. Часто это приводило к таким трагическим последствиям, как перегибы военного коммунизма в 1918 году, принудительная коллективизация в 1929 году, сталинский «большой террор» в 1936 году, возврат к репрессивной сталинской политике после второй мировой войны, отход от политики десталинизации и реформ в середине и конце 1960-х годов. На каждом из этих поворотных этапов советской истории поражение умеренных и реформистов было в значительной степени обусловлено кризисом или серьезным обострением отношений между Востоком и Западом (77).

Урок истории состоит в том, что холодная война играет на руку консерваторам и неосталинистам в советском бюрократическом аппарате, а реформисты в Советском Союзе имеют шанс на успех только в усло-

виях разрядки напряженности в отношениях между Востоком и Западом (78). Сторонники холодной войны на Западе всегда настаивали на том, что с разрядкой следует подождать до преобразования советской системы. Но эта принципиально неверная политика лишь подрывает дело реформизма в СССР. Она приводит к установлению непредумышленного, но крайне опасного союза между сторонниками «жесткой линии» на Западе и Востоке. Первыми жертвами такого союза становятся советские реформисты. Таким образом, борьба между сторонниками и противниками реформ в СССР является также борьбой сторонников и противников разрядки международной напряженности в СССР и на Западе. В наш ядерный век вряд ли можно извлечь более важный урок из изучения прошлого и настоящего.

Можно ли было реформировать советскую систему?*

[Это] вопрос вопросов.

Леон Оников

Из всех российских «проклятых» вопросов XX века один продолжает терзать нацию и в XXI веке: Почему погиб Советский Союз, или, как иногда называют его националисты, «Великая Россия»? С декабря 1991 г. российские ученые, политики и общественность не перестают спорить по этому вопросу, в то время как у большинства западных комментаторов уже готов ответ: Советская система была нереформируема и, следовательно, обречена из-за присущих ей неисправимых дефектов.

Но, учитывая те исторические перемены в сторону демократии и рынка, которые произошли за шесть лет правления Михаила Горбачёва в 1985–1991 гг. и которые выходили далеко за рамки простой либерализации, допускаемой самыми «оптимистичными» прогнозами некоторых советологов, была ли она действительно нереформируемой? Разумеется, в то время такой единодушной уверенности в этом не было. Западные правительства, включая США, практически до самого конца думали и надеялись, что руководство Горбачёва может привести к реформированию Советского Союза. (Я должен подчеркнуть, что дело здесь не в реформаторской роли Горбачёва, а в способности системы к фундаментальному изменению.) В то время как сегодня учёные-«пессимисты», вслед за большинством советологов, твердят, что советскую систему невозможно было реформировать и, следовательно, Горбачёв потерпел поражение, многие исследования, проводимые в годы перестройки, считали само собой разумеющимся, что «системные изменения возможны в советском контексте». Один американский экономист, которому суждено было вскоре стать главным экспертом Белого дома по советским проблемам, выразился даже более категорически: «Можно ли реформировать советский социализм? Конечно, можно, и он уже реформируется» (1).

---

* Публикуется по: *Коэн Стивен.* Можно ли было реформировать Советскую систему? / Перевод Ирины Давидян. Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 16. – М.: АИРО-XX, 2005. – 64 с.

Почему же тогда так много специалистов, принадлежащих к разным поколениям и исповедующих разные научные убеждения, твердят, начиная с 1991 г., что «СССР невозможно было реформировать», что он был «фундаментально, структурно нереформируемым», а выражение «советская реформа» вообще есть «словесное противоречие, как горячий снег», и, следовательно, Горбачёв просто «не сумел реформировать нереформируемое»? И ещё более непонятно, почему они так настойчиво утверждают, словно не желая возвращаться к этой теме, что на этот глобальный исторический вопрос «уже дан ответ»? (2). Понять их мотивацию непросто ещё и потому, что сама формулировка: «врождённая нереформируемость советского коммунизма», – является одной из худших в литературе. В некоторых случаях, объяснение являет собой простую тавтологию, как у того французского советолога, который не представлял, что «советская система может реформировать себя во что-то принципиально иное, не перестав при этом быть советской системой» (3). Не принимая в расчёт подобные образцы псевдоанализа, остановимся на четырёх, слегка отличающихся друг от друга, способах аргументации, обычно используемых различными учеными для доказательства утверждения о нереформируемости советской системы.

Первый заключается в том, что первородный грех Советского Союза: его аберрантная идеология, нелегитимный способ возникновения и совершенные им преступления, – превратил его в вечное зло и лишил спасительной альтернативы в виде возможностей к развитию. Советская система, таким образом, оказалась «слишком глубоко, фатально порочной, чтобы быть реформированной». За семь десятилетий советской истории, продолжают приверженцы этого взгляда, не произошло и не могло произойти никаких коренных изменений; система так и не произвела на свет ни настоящих реформ, ни настоящих реформаторов, а только, как в случае с горбачёвской перестройкой, «иллюзию реформируемости». Положить конец советскому злу могло только тотальное разрушение системы в «экономический и социальный прах». Несмотря на видимость научной объективности, этот способ аргументации является по сути теологическим. Подобно большинству религиозных вероучений, он загоняет историю в узкие рамки манихейской интерпретации, с упорством отметая любые сведения или логические аргументы, которые в неё не вписываются (4).

Опровергнуть этот способ аргументации можно с его же позиций. Ни одна теологическая система в мире не предполагает подобного догматизма в отношении роли, длительности и путей избавления от зла, как этот жёстко детерминированный подход к истолкованию советского опыта. Все они оставляют место для альтернатив и человеческого выбора. Кроме того, если первородный грех навечно лишает политическую или экономическую систему возможности избавиться от зла, как

удалось тогда рабовладельческой Америке превратиться в образцовую демократию? Можно ли с полным основанием и моральным правом утверждать, что изначальное советское зло было масштабнее, влиятельнее и больше противоречило провозглашенным государством ценностям, чем рабство в Соединённых Штатах? Рабство, которое Джон Адамс назвал «злом колоссальной величины», а современный американский историк и нынешний американский президент признали «одним из величайших преступлений в истории»? В Соединённых Штатах, где 8 из 12 миллионов душ населения более двухсот лет пребывали в полной рабской зависимости, а ещё 12 миллионов, возможно, умерли во время транспортировки из Африки и где, как утверждают, «рабы представляли собой капитал более значительный, нежели любое другое национальное достояние, за исключением земли»? Похоже, нации и системы могут меняться. Недаром главный американский борец с советской «империей зла» президент Рональд Рейган заявил, что она перестала быть таковой, всего через три года после начала горбачёвских реформ (5).

Вторым и более распространенным способом аргументации является ссылка на то, что сама-де кончина Советского Союза доказала его нереформируемость – довод, основанный, по всей видимости, на предположении, что всякая смерть есть результат неизлечимой болезни. Это старая привычка советологии – читать, вернее, перечитывать историю с конца, отталкиваясь от уже известного результата: «Оглядываясь назад, конечно, теперь мы понимаем, что историческая миссия Горбачёва состояла не в том, чтобы победить, а в том, чтобы проиграть». Согласно ещё одному мнению, «после краха Советского Союза кажется, что этот результат был неизбежен с самого начала». Похоже, даже искушенным специалистам трудно отказаться от убеждения, что любые эпохальные события предопределены некой железной логикой (6). Но в таком случае настоящий анализ и объяснение случившегося становятся ненужными. Если результат неизбежен, то роль исторических сложностей, случайностей, альтернатив и прочих возможностей сводится к минимуму, если не к нулю.

Даже без учёта того, что распад СССР был, возможно, наименее предсказуемым «неизбежным» крупным событием современной истории, «ошибочность ретроспективного детерминизма», или «склонности к запоздалым суждениям», также может быть доказана его собственными методами (7). Многие из «детерминистов» подчёркивают «ошибочность» тех или иных действий Горбачёва и предлагают при этом свои рецепты политики, тем самым подразумевая, что советская реформа была бы успешной, действуй Горбачёв по-другому или будь на его месте другой лидер (8). Подобная критика в адрес Горбачёва неконструктивна, поскольку предлагаемые рецепты слишком противоречивы.

Одни полагают, что ему следовало проводить реформу быстрее, другие – медленнее; одни говорят, что он был недостаточно демократичным, другие – недостаточно авторитарным. Но все эти «если бы да кабы» по сути являются негласным признанием существования альтернатив, а значит, правомерности контрфактических вопросов типа «что, если бы…», опровергающих их собственные выводы о нереформируемости советской системы и неизбежности её краха.

Рассмотрим несколько таких контрфактических вопросов по поводу случайностей и альтернатив горбачёвской реформы – способ анализа, широко применяемый в других областях исторического знания, но редко воспринимаемый серьёзно в советологии (9). По мнению большинства авторов, горбачёвская политика ускоренной демократизации сделала его руководство более уязвимым, не способным противостоять растущим экономическим трудностям и национальным беспорядкам. Его ошибка 1990 г., когда он не стал выставлять свою кандидатуру на всесоюзные президентские выборы, впоследствии лишила его легитимности, что особенно проявилось в 1990–1991 гг., когда он столкнулся с ростом популярности Ельцина как претендента на пост президента РСФСР. А сочетание антикремлевской политики Ельцина и августовского путча 1991 г. привело к тому, что все усилия Горбачёва удержать Союз от распада оказались тщетны.

Но что, если Горбачёву удалось бы провести рыночные реформы до или вообще без всякой демократизации – эдакая версия китайской модели, которая, как до сих пор полагают многие российские реформаторы, была бы наилучшим вариантом – и если бы чернобыльская катастрофа 1986 г. и армянское землетрясение 1988 г. не опустошили союзный бюджет? Что, если бы уже позже, как союзный президент, неважно, избранный всенародно или нет, Горбачёв применил силу – а он легко мог это сделать – чтобы пресечь национально-сепаратистскую деятельность в одной-двух республиках? И что, если бы он после отставки Ельцина в 1987 г. отправил его в ссылку послом в далёкой африканской стране? Или в 1990–1991 гг. перекрыл ему доступ к государственному телевидению, как в своё время поступил Ельцин по отношению к своему коммунистическому оппоненту на выборах 1996 г.?

С другой стороны, покусился бы Ельцин на союзное правительство, если бы сам был избран президентом СССР, а не Российской республики, что было вполне реально в 1990 г. и на что он рассчитывал после поражения августовского путча 1991 г.? А когда он вместе с двумя другими советскими лидерами в декабре 1991 г. тайком отменил Союз, что, если бы армия и другие советские силовые структуры, как и опасался Ельцин, выступили против них? Что до обречённой попытки путча в августе 1991 г., случился бы он, если Горбачёв сместил со своих постов тех высокопоставленных партийных и государственных лиде-

ров, которые уже отметились в попытке заговора против него несколькими месяцами раньше? И если бы США и страны «семёрки» оказали существенную финансовую помощь реформам в СССР, как о том просил Горбачёв в середине 1991 г., осмелился бы кто-нибудь в Советском Союзе выступить против него?

Таковы лишь некоторые из вполне закономерных вопросов, которые, однако, не учитывает ещё одно типичное объяснение, почему советская система не могла измениться: «Система просто не приняла бы реформу». Ведущий своё происхождение от старой тоталитарной модели и существующий в разных версиях, этот аргумент о структурной нереформируемости системы базируется на двух главных предположениях. Монолитный правящий коммунистический класс, или бюрократическая номенклатура, никогда не допустил бы никаких изменений, угрожающих его монополистическому господству, и потому «противился любым видам реформы». А поскольку «политическая система была выстроена в соответствии с тоталитарными требованиями… её институты невозможно было приспособить для обслуживания плюралистических целей» (10).

Но эти предположения тоже оказались ложными. Все главные политические и экономические реформы Горбачёва, произошедшие в решающий период 1985–1990 гг., предлагались, обсуждались и ратифицировались верховными органами коммунистической номенклатуры: Политбюро, ЦК, всесоюзной партийной конференцией, двумя партийными съездами. Эти органы даже проголосовали за отмену практики, обеспечивавшей их номенклатурное превосходство – практики назначения на все важнейшие политические посты – в пользу выборов. И в процессе осуществления этих «плюралистских» реформ эти структуры сами раскололись, раздробились, стали плюралистическими, как и конституционная основа системы – Советы.

Это замечательное достижение приводит нас вплотную к излюбленному аргументу тех, кто настаивает, что Советский Союз не мог быть реформирован: советская система и демократия были «взаимоисключающими» понятиями, и, следовательно, первая не могла не умереть от второго (11). Но даже если так, это не означает, что система была абсолютно не реформируема, это означает, что ей была чужда демократизация, что, впрочем, тоже спорно. Сторонники этого аргумента полагают, что разрешённая Горбачёвым ещё до 1989 г. относительная свобода слова, политической деятельности и выборов должна была заставить массовые антисоветские настроения – долгое время подавляемые и считающиеся атрибутом оппозиционного системе «гражданского общества» – смести систему как незаконную и заменить её чем-то принципиально иным.

Неудивительно, что за это объяснение ухватились Ельцин и его союзники в конце 1991 г., когда они сбрасывали с корабля истории горбачёвскую постепенную перестройку и разбирали на части Союз. В работах многих западных учёных и специалистов, особенно американских, с тех пор утвердилось незыблемое мнение, что последние годы существования СССР были временем «нарастающей революции снизу», «подлинно народной революции», «народно-демократической революции». В соответствии с этим мнением, рядовые граждане страны Советов отвергли социализм, совершив «как бы массовое внутреннее дезертирство» и «величайшую в истории бескровную революцию с целью устранения Советского режима» (12).

На самом деле, никакой антисоветской революции снизу никогда не было, во всяком случае, в России, о которой преимущественно идёт речь в этих утверждениях. В 1989–1991 гг. действительно можно было наблюдать рост народной поддержки демократических и рыночных преобразований, а также протестов против диктата КПСС, коррупции и злоупотреблений в партийно-государственном аппарате и экономического дефицита. Но объективные данные, в частности, данные опросов общественного мнения, показывают, что огромное большинство советских граждан (порядка 80%, а по некоторым вопросам ещё больше) попрежнему было против рыночного капитализма и поддерживало основополагающие социально-экономические ценности советской системы, среди которых: государственная собственность на землю и другие экономические объекты общенационального значения, государственное регулирование рынка, контроль за потребительскими ценами, гарантия занятости, бесплатное образование и здравоохранение. Или, как выразился один российский историк, «подавляющее большинство населения разделяло идеи “социалистического выбора”» (13).

Ещё более очевидной была общественная поддержка самого многонационального Советского государства, что подтверждается соответствующими данными. По результатам беспрецедентного референдума, состоявшегося в России и ещё восьми союзных республиках в марте 1991 г. и охватившего 93% всего советского населения, 76,4% участников проголосовали за сохранение Союза – всего за девять месяцев до его роспуска. То, что этот результат демократического голосования действительно соответствовал общественному мнению в России – центре предполагаемой народной антисоветской революции – подтверждается двумя обстоятельствами. Даже сам Ельцин поднялся к вершине выборной власти в Российской Федерации на волне всеобщего ожидания реформы, а не свержения советской системы. А отмена Союза продолжала вызывать сожаление общества всё десятилетие после 1991 г., и даже в начале XXI века около 80% российских граждан не одобряли её (14).

Неверным является и утверждение, будто бы антисоветская «Августовская революция» предотвратила попытку государственного переворота, устроенного силовыми структурами с целью навести порядок в стране, несколько месяцев спустя после референдума. Вопреки и этому не менее распространенному мифу, никакого «общенационального сопротивления» путчу не было. Даже в проельцинской Москве едва ли один процент граждан активно противостоял трёхдневной танковой оккупации столицы, а в провинциальных городах, в сельской местности и за пределами Российской Федерации процент сопротивления был ещё ниже. Остальные 99%, по свидетельству авторитетного российского источника, «лихорадочно скупали макароны и делали вид, что ничего не происходит», или, как сообщал посол Великобритании, выжидали, желая «посмотреть, куда кошка прыгнет». Каковы бы ни были точные цифры, даже члены оппозиции путчу знали, «как мало народа» вышло на улицы поддержать их (15). (Так, например, призыв Ельцина ответить на путч всеобщей забастовкой не нашёл отклика в массах.)

Итак, у нас не осталось больше теоретических или концептуальных оснований утверждать, что советская система была нереформируемой и, значит, как стало принято говорить, «обречённой» с самого начала горбачёвских реформ. На самом деле, если вопрос сформулировать должным образом, без традиционного идеологического подхода, и тщательно изучить в свете тех изменений, которые действительно произошли, особенно в период 1985–1990 гг., то есть, до того как кризисы дестабилизировали страну, то окажется, что она была замечательно реформируемой. Но для того чтобы задать вопрос правильно, нам нужно точно представлять себе, что такое реформа и что такое советская система.

В универсальном понимании, реформа есть не просто изменение, но изменение, которое ведёт к улучшению жизни людей, обычно за счёт расширения рамок их политической или экономической свободы, или и того, и другого вместе. Это не революция или тотальная трансформация существующего порядка, а постепенные, пошаговые улучшения в широком историческом, институциональном и культурном измерении системы. Утверждения, что «настоящая реформа» должна быть быстрой и полной, которые так часто можно встретить в работах советологов, вычёркивают из разряда «настоящих», к примеру, исторически значимое, но постепенное, в течение десятилетий, расширение избирательных, гражданских и социальных прав в Великобритании и США, а также американский «новый курс» 1930-х гг. Следует, к тому же, помнить, что реформа не всегда и не обязательно означает демократизацию и маркетизацию, хотя в настоящее время это всё чаще оказывается именно так.

В таком понимании, исторически неверно утверждать, что советская система была нереформируемой, что у неё были только «неудачные попытки реформ» (16). Новая экономическая политика в 1920-е годы существенно расширила экономическую и, в меньшей степени, политическую свободу большинства граждан СССР, а политика Хрущёва привела к ряду положительных и долговременных изменений в 1950–1960-е годы. Многие западные специалисты явно полагают, что это был предел возможностей советских реформ, указывая на то, что даже проповедуемый Горбачёвым демократический социализм был уже не совместим с оправдывающими систему антидемократическими историческими иконами – Октябрьской революцией и Лениным.

Но этому утверждению также не хватает сравнительной перспективы. Французы и американцы со временем изменили образы своих национальных революций, с тем чтобы они соответствовали современным ценностям (17). Почему же российская демократическая нация не могла бы со временем простить Ленина и других основателей советской системы, которые всё-таки были приверженцами демократии, хотя и подавляли её? Простить как продукт своей эпохи, сложившейся под влиянием беспрецедентного до 1914 г. насилия Первой мировой войны – ведь простили же американцы своим отцам-основателям их рабов. (Соединёнными Штатами почти 50 лет руководили президенты-рабовладельцы, а не имевшие рабов сторонники рабства – и того больше; труд рабов использовался даже при строительстве Капитолия и Белого дома) (18). На самом деле, подобное переосмысление роли Ленина и Октября к концу 1980-х гг. уже шло в стране полным ходом – как часть более широкого процесса «покаяния» (19).

Для точного определения понятия «советская система» сначала, как и в случае с реформой, нужно отринуть все произвольные и неточные. Наиболее распространённым из них является отождествление советской системы с «коммунизмом», как, например, в известной аксиоме «коммунизм невозможно было реформировать». Фигурирующий здесь коммунизм есть недоступное восприятию, ничего не значащее, выхолощенное аналитическое понятие (20). Ни один из советских лидеров никогда не заявлял, что такой коммунизм когда-нибудь существовал в его стране или где-либо ещё, а только социализм – впрочем, последний советский лидер сомневался даже в этом (21). «Коммунистический» было попросту название, данное официальной идеологии, правящей партии и заявленной цели; значение этого термина зависело от конкретного руководства и менялось столь часто и столь существенно, что могло означать практически что угодно. Так, Горбачёв в 1990 г. решил, что оно означает «быть последовательно демократическим и ставить общие ценности превыше всего». Западные обозреватели могут не понимать разницы между абстрактным «коммунизмом» и полнотой жизни

реальной советской системы, или «советизма», но советским (а впоследствии российским) гражданам было ясно, и в этом они были солидарны с Горбачёвым: «коммунизм – это не Советский Союз» (22).

Чтобы дать точное определение и оценку советской системе, её, как любую другую, нужно рассматривать не как абстракцию или идеологический артефакт, а с точки зрения её работающих компонентов, в особенности базовых институтов и практик. Таковыми в западной советологической литературе принято считать шесть: официальная и непреложная идеология; особо авторитарная правящая Коммунистическая партия; партийная диктатура во всём, что имеет отношение к политике, с опорой на силу политической полиции; общенациональная пирамида псевдодемократических Советов; монополистический контроль государства над экономикой и всей значимой собственностью; многонациональная федерация, или Союз, республик, являвшаяся в действительности унитарным государством, управляемым из Москвы.

Спрашивать, была ли реформируема советская система, значит спрашивать, можно ли было реформировать эти её базовые компоненты или какие-то из них. Если не считать, как некоторые, что система была неделимым «монолитом» или что Коммунистическая партия была её главным и основным элементом, глупо было бы полагать, что трансформация или замена некоторых компонентов привели бы к тому, что система перестала быть советской (23). Подобный логический подход не применяется в отношении реформ в других системах, и советская история также не даёт для него оснований. Первооснова системы, Советы образца 1917 г., были избранными народом, многопартийными органами и лишь позже превратились в нечто другое. В экономике до 1930-х гг. не было монополистического контроля и существовал рынок. А когда сталинский массовый террор, бывший в течение 25 лет основополагающим признаком системы, закончился в 1950-е гг., никто не сомневался, что система по-прежнему осталась советской.

Советские концепции необходимых и приемлемых реформ внутри системы, возникшие к 1990 г., были весьма разнообразны, однако многие сторонники Горбачёва и Ельцина пришли к убеждению, что они могут и должны включать в себя многопартийную демократию, рыночную экономику со смешанной формой собственности, государственной и частной, и подлинную федерацию республик (24). Эти современные убеждения и политическая история страны показывают, что для того чтобы реформированная система осталась советской или считалась таковой, в ней должны были сохраниться, в той или иной форме, четыре основных элемента: национальная (хотя необязательно чётко оформленная и всеми разделяемая) социалистическая идея, которая продолжала бы чтить память о событиях и людях 1917 г. и том изначальном ленинском движении, которое до 1918 г. называло себя социал-демо-

кратическим; система Советов как воплощение институциональной преемственности и конституционный источник политического суверенитета; государственная форма собственности в сочетании с частной в рыночной экономике и пакет социальных прав и гарантий – достаточно большой, чтобы экономика могла именоваться социалистической и при этом напоминала вэлферное государство западного образца; союз России, по крайней мере, с несколькими советскими республиками, которых изначально было четыре, и лишь со временем их число выросло до пятнадцати (25).

Теперь, имея чёткие и непредвзятые представления о сути вопроса, мы можем задаться целью выяснить, какие из главных компонентов старой советской системы были действительно реформированы при Горбачёве. Что касается официальной идеологии, то здесь едва ли могут быть сомнения. К началу 1990-х гг. десятилетиями царившие жесткие догмы сталинизма, а затем ленинизма в основном уступили место социал-демократическим и другим прозападным «универсальным» убеждениям, которые мало чем отличались от либерально-демократических. То, что раньше считалось ересью, стало официальной советской идеологией, одобренной недавно избранным Съездом народных депутатов и даже очередным, пусть и не вполне обратившимся, съездом ЦК КПСС (26). А главное, государственная идеология больше не являлась обязательной даже в таких некогда священных областях, как образование и официальная коммунистическая печать. «Плюрализм» убеждений, в том числе религиозных, был отныне официальным лозунгом момента и всё более явной реальностью (27).

Эта реформа не была поверхностной или непоследовательной. Западные специалисты всегда обращали внимание на роль идеологии в советской системе, а некоторые даже считали эту роль определяющей. Это, конечно, преувеличение, но идеология действительно имела значение. Точно так же, как горбачёвское радикальное «новое мышление» в международных делах проложило дорогу к реформированию советской внешней политики в конце 1980-х гг., снятие старых идеологических запретов было необходимым условием для осуществления глубоких преобразований внутри страны (28).

Следующей и ещё более значительной реформой стала ликвидация монополии Коммунистической партии в политической жизни, особенно в таких областях, как общественные дискуссии, подбор руководящих кадров и разработка политики. Масштаб этих демократических изменений был настолько велик уже к 1990 г., когда в результате политики Горбачёва было фактически покончено с цензурой, утвердились свободные выборы, свобода политических организаций и создан настоящий парламент, что некоторые западные ученые назвали их «революцией» внутри системы (29). Сложившаяся при Ленине диктатура партии

и решающая роль, которую играли её официальные представители на всех уровнях советской системы, в течение 70 лет (за исключением, по понятным причинам, периода сталинского террора) была краеугольным камнем советской политики. В «командно-административной системе», доставшейся в наследство Горбачёву, общенациональный партийный аппарат был главнокомандующим и всесильным администратором. Всего за пять лет картина коренным образом изменилась: система перестала быть ленинистской или, как сказали бы некоторые, коммунистической (30).

Это обобщение, однако, нуждается в уточнении. В такой огромной стране с её культурным разнообразием политические реформы, родившиеся в Москве, были обречены иметь самые разные результаты, от быстрой демократизации в российских столичных городах и западных республиках Балтии до менее заметных изменений в среднеазиатских партийных диктатурах. Кроме того, уход Коммунистической партии с политической сцены, даже там, где демократизация достигла значительных успехов, не был полным и окончательным. Насчитывавшая несколько миллионов членов, имевшая отделения практически в каждом учреждении и на каждом предприятии, обладавшая длительным опытом контроля над военными и другими силовыми структурами, огромными финансовыми ресурсами и привычным влиянием на граждан, – партия оставалась самой внушительной политической организацией в стране. КГБ также не претерпел заметных изменений и оставался практически бесконтрольным, хотя политические заключённые были выпущены на свободу, права человека набирали вес, а сами органы безопасности сделались предметом всё более пристального и растущего общественного интереса. Тем не менее, процесс перераспределения власти, долгое время принадлежавшей КПСС, между парламентом, новым институтом президентства и ныне подлинно выборными Советами на местах зашёл достаточно далеко. Горбачёв не преувеличивал, когда заявил на съезде партии в 1990 г.: «Пришёл конец монополии КПСС на власть и управление». Процесс демонополизации покончил ещё с одной старой чертой советской системы – псевдодемократической политикой. Широкий и разноголосый политический спектр, загнанный прежде в подполье, теперь пользовался почти полной свободой слова. Организованная оппозиция, десятки потенциальных партий, массовые демонстрации, забастовки, бесцензурные публикации, – всё то, что подавлялось и запрещалось в течение 70 лет, было узаконено и быстрыми темпами распространялось по стране. И опять Горбачёв был недалек от истины, когда с гордостью заметил, что Советский Союз внезапно превратился в «самое политизированное общество в мире» (31).

Россия и прежде бывала глубоко политизирована (судьбоносно – в 1917 г.), но никогда ещё этот процесс не происходил при поддержке

правящего режима или во благо конституционного правления. Конституционализм и законность вообще были характерными чертами политических реформ Горбачёва. Законов и даже конституций в России было немало (как до 1917 г., так и после), но чего действительно не было, так это конституционного порядка и реально ограниченной законом власти, которая традиционно концентрировалась в руках верховного руководства и осуществлялась посредством бюрократических указов (по некоторым подсчётам, в 1988 г. в ходу было около миллиона министерских указов) (32).

В этом состоит уникальная суть политических реформ Горбачёва. Весь процесс перехода страны от диктатуры к неоперившейся демократии, основанный на отделении бывшего всевластия Коммунистической партии от «социалистической системы сдержек и противовесов», проходил в рамках существующей и постепенно совершенствующейся конституционной процедуры. Культура закона и политические традиции, необходимые для демократического правления, не могли возникнуть в одночасье, но начало было положено. Например, в сентябре 1990 г. новоиспечённый Конституционный суд отменил один из первых президентских указов Горбачёва, и тот был вынужден подчиниться (33).

Почему же, при всех этих очевидных успехах, так часто говорят о провале политических реформ Горбачёва? Ответ, который обычно следует за этим, заключается в том, что КПСС, этот оплот старой системы, якобы оказалась нереформируемой. Это обобщение дважды неточно. Во-первых, оно приравнивает советскую систему в целом к КПСС, так что выходит, будто первое не могло существовать без второго, а во-вторых, оно рассматривает партию как единый, однородный организм.

К концу 1980-х гг. КПСС, прошедшая в своем развитии долгий и непростой путь, представляла собой огромное государство, состоящее из четырёх связанных между собой, но при этом существенно различных общностей: относительно небольшой руководящий орган – пресловутый аппарат, диктаторски контролирующий всю партию и, хотя и всё меньше, собственно бюрократическое государство (34); назначаемая аппаратом, но более многочисленная и разнообразная номенклатура, представители которой занимали все важные посты в советской системе; примерно 19 миллионов рядовых членов, многие из которых вступили в партию по карьерным соображениям или из конформизма; и, как минимум, две скрывающиеся в тени тайно-политические партии – реформистская и консервативная, зародившиеся в «монолитной» однопартийной системе в 1950-е гг. (35). Естественно, что все эти компоненты КПСС по-разному реагировали на реформы Горбачёва.

Был или не был реформируем партийный аппарат, а это около 1800 функционеров в центральных органах в Москве и ещё несколько сотен

тысяч на других уровнях системы, – едва ли имело значение, поскольку к 1990 г., благодаря политике Горбачёва, он был лишён большинства своих прав и привилегий. (Особенно показательной в этой связи было растущая оппозиция реформам со стороны Егора Лигачёва – главного представителя партаппарата и некогда союзника Горбачёва) (36). Главный штаб аппарата, Секретариат ЦК, фактически прекратил свою деятельность, партийные комитеты в министерствах были распущены или утратили влияние, а на более низком государственном уровне их власть перешла в руки избираемых Советов. В провинции этот процесс шёл гораздо медленнее; толчком послужило обретение им официального статуса, когда полномочия, десятилетиями осуществляемые ЦК и Политбюро, торжественно были переданы новому советскому парламенту и президенту. Контроль и влияние аппарата существенно снизились даже внутри самой партии, а в 1990 г. его глава, Генеральный Секретарь, прежде выбираемый тайно партийными олигархами из своего числа, впервые был избран открыто на общесоюзном съезде партии.

Возможно, Горбачёв и продолжал бояться «эту паршивую взбесившуюся собаку», но аппарат по сути обернулся бумажным тигром. Столкнувшись с избирательными реформами, он пребывал «в состоянии психологического шока» и «в полной растерянности» (37). По мере сужения его роли в системе и распада организационных структур, его представители пытались предпринимать какие-то шаги против Горбачёва, но особого эффекта это не имело. Основные антиреформенные силы были сосредоточены в других местах: в экономических министерствах, в армии, в КГБ и даже в парламенте. Как ничтожно мало значил теперь партийный аппарат, со всем драматизмом продемонстрировали августовские события 1991 г. Большинство его центральных и региональных функционеров поддержало переворот, направленный против Горбачёва, но, вопреки распространённому мнению на Западе, аппарат не организовывал переворот и, возможно, даже не знал о нём заранее (38). (У него не осталось власти и воли даже для того, чтобы воспротивиться запрету и роспуску КПСС и своему собственному роспуску после провала путча.)

В отличие от аппарата, порождённый им класс коммунистической номенклатуры в большинстве своём пережил Советский Союз. Уже один этот факт обесценивает любые простые обобщения относительно его приспособляемости. Среди миллионов номенклатурных работников по всему Союзу было много представителей административной, экономической, культурной и других профессиональных элит, а значит, значительная часть его среднего класса. Этот большой слой советского общества, хотя и состоял номинально сплошь из членов Коммунистической партии и на том основании был без разбора заклеймён, на самом деле, как и средний класс в других странах, имел внутреннее деление:

по привилегиям, профессии, возрасту, образованию, географическому положению и политическим взглядам (39).

Поэтому говорить о нереформируемости партийно-государственной номенклатуры в целом было бы бессмысленно. Даже представители её верхушки абсолютно по-разному отреагировали на горбачёвские реформы и разошлись в разных направлениях (40). В 1990 г. их можно было встретить в любой части политического спектра, от левых до правых. Многие оказались в авангарде борьбы с перестройкой. Но и почти все ведущие советские и постсоветские реформаторы 1980-х и 1990-х годов также вышли из номенклатурного класса, в том числе Михаил Горбачёв, Борис Ельцин и многие из их окружения. После 1991 г. выходцы из старой советской номенклатуры составили основу политической, административной и собственнической элиты посткоммунистической России; некоторые из них оказались даже среди тех, кого сегодня назвали бы «радикальными реформаторами» (41). А представитель её более молодого поколения, Владимир Путин, стал впоследствии первым президентом России в XXI веке.

Ещё более неправомерно называть «нереформируемыми» 19 миллионов рядовых членов Коммунистической партии. Большинство из них по своему положению в обществе и политическим взглядам мало чем отличалось от беспартийных советских граждан, и так же по-разному они вели себя в перестроечные годы. К середине 1991 г. около 4 миллионов человек вышли из партии, в основном из-за того, что членство утратило всякий смысл. Среди оставшихся было «молчаливое большинство», но были и активные сторонники политики Горбачёва, которые поддержали его с самого начала и вели на местах борьбу против партаппарата (42). Многие другие стали социальной базой для антиперестроечного движения, формирующегося внутри партии и за её пределами.

Действительно важным вопросом по поводу реформируемости Коммунистической партии и в связи с горбачёвской политикой демократизации является вопрос о том, могла ли из КПСС или на её основе возникнуть полноценная, конкурентоспособная парламентская партия как часть реформированной советской системы. То, что мы называем широким понятием «партия», в разные периоды своей 80-летней истории означало разные вещи: подпольное движение в царской России; успешная, пользующаяся поддержкой избирателей организация в революционном 1917 г.; диктатура, но с элементами открытой фракционной борьбы по вопросам политики и власти в годы НЭПа; изрядно поредевшая, запуганная бюрократия в сталинские 1930-е; милитаризованная структура, инструмент борьбы с немецкими захватчиками в годы войны; набирающий силу орган олигархического правления в послесталинские 1950–1960-е гг. и неотъемлемая часть бюрократической государственной системы к началу 1980-х гг. (43).

И теперь, после всех этих трансформаций, Горбачёву понадобилась ещё одна: чтобы партия или значительная часть её стала «нормальной политической организацией», способной побеждать в выборах «строго в рамках демократического процесса» (44). Достижение этой цели повлекло за собой последствия, которых он, возможно, не вполне предвидел, но, в конце концов, принял их. Это означало политизацию (или реполитизацию) советской компартии, что Горбачёв и начал делать в 1987 г., когда призвал к демократизации КПСС, сделавшей возможным возникновение и развитие в её недрах зародышей других, возможно, оппозиционных партий. Это означало конец мифа о «монолитном единстве» и риск вступления в «эру раскола» (45). Неожиданно прерванный событиями конца 1991 г., процесс этот, тем не менее, протекал бурно и стремительно.

Уже в начале 1988 г. раскол в партии зашёл так далеко, что вылился в беспрецедентную полемику между двумя наиболее влиятельными периодическими изданиями ЦК. Защищавшая фундаменталистские, в том числе неосталинистские «принципы», «Советская Россия» опубликовала большую статью, содержавшую резкий протест против перестройки Горбачёва. «Правда» ответила не менее решительной контратакой в защиту антисталинистской и демократической реформы (46). На всесоюзной партийной конференции, состоявшейся два месяца спустя, делегаты впервые после партийных дискуссий 1920-х гг. публично спорили между собой. Заседания ЦК превратились теперь «в поле битвы между реформаторами и консерваторами». В марте 1989 г. коммунисты по всей стране боролись друг с другом за делегатские мандаты на Съезд народных депутатов. И хотя 87% делегатов съезда были членами одной и той же партии, политические взгляды их были настолько различны, что Горбачёв заявил, что единой партийной линии больше не существует (47).

К 1990 г. углубляющийся раскол принял территориально-организационные формы, когда региональные партии начали выпрыгивать из КПСС, как матрёшки. Три прибалтийские компартии вышли из КПСС, чтобы попытаться конкурировать с другими политическими силами внутри своих республик, всё больше оказывавшихся во власти национализма. Между тем, аппарат и другие консерваторы вынудили Горбачёва пойти на создание Российской Коммунистической партии – номинально в составе КПСС, но фактически под их контролем. Формально объединяющая более 60% всех советских коммунистов, РКП тоже практически сразу раскололась, когда сторонники реформ создали свою конкурирующую организацию – Демократическую партию коммунистов России (48).

Все стороны отныне понимали, что «КПСС “беременна” многопартийностью» и что политический спектр нарождающихся партий простирается «от анархистов до монархистов» (49). Никто не знал, сколько

партий может появиться на свет (Горбачёв полагал, что только среди 412 членов ЦК в 1991 г. было «две, три или четыре» партии (50)), но только две, крупнейшие из них, имели значение: выступавшее за реформы и вплотную приблизившееся к социал-демократии радикально-перестроечное крыло КПСС во главе с Горбачёвым и сплав различных консервативных и неосталинистских сил, отвергавших реформы и сохранявших преданность традиционным коммунистическим убеждениям и устоям.

Возможность формального «размежевания» и «расставания» вовсю обсуждалась уже в 1990 г., но тогда ни одна из сторон не была к этому готова (51). У консерваторов не было достаточно сильного лидера, способного объединить их в масштабах всей страны, и они опасались Ельцина с его растущим после выхода из КПСС в середине 1990 г. влиянием – почти так же (но не совсем), как они ненавидели Горбачёва. Некоторые из советников Горбачёва подталкивали его выйти вместе со своими сторонниками из КПСС или исключить из нее оппозиционеров и создать таким образом подлинно социал-демократическое движение, но лидер КПСС колебался, как всякий лидер, не желая раскалывать свою партию, и боялся лишиться союзного партийного аппарата с его связями с органами безопасности и его противниками. Только летом 1991 г. стороны «созрели» для официального «развода». Он должен был состояться на внеочередном съезде партии в ноябре–декабре, но пал очередной жертвой августовского путча (52).

Раскол гигантской Коммунистической партии на две оппозиционных, как ещё в 1985 г. тайно предлагал (и как впоследствии продолжал верить) сподвижник Горбачёва Александр Яковлев, был бы самым надёжным и быстрым способом создания в СССР многопартийной системы, причём более прочной, чем та, что существовала в постсоветской России в начале XXI века (53). При «цивилизованном разводе», подразумевавшем разное голосование по принципиальным вопросам, круг которых был определён горбачёвской социал-демократической программой, стороны разошлись бы, сохранив за собой значительную долю членства, местных организаций, печатных органов и другого «общего имущества» КПСС. Обе партии немедленно стали бы крупнейшими и единственными общенациональными советскими партиями, чье влияние многократно превышало бы влияние дюжины тех «карликовых “партий”», которые испещрили российский политический ландшафт в последующие годы и которые, во всяком случае, многие из них, едва ли выходили за рамки московских квартир, в которых они были созданы. (Опираясь на данные одного закрытого исследования, Горбачёв был уверен, что в новую партию за ним бы последовало, по меньшей мере, 5–7 миллионов членов КПСС) (54).

Нет сомнения и в том, что оба крыла бывшей КПСС стали бы влиятельными структурами, которые могли бы рассчитывать на значительную поддержку избирателей на грядущих выборах как на местном, региональном, так и на общенациональном уровне. В то время, как большинство советских граждан считало Коммунистическую партию виновной во всех прошлых и нынешних бедах, обособившись, обе половины могли бы снять с себя часть ответственности за счёт перекладывания её друг на друга и взаимных обвинений, чем они и так уже занимались. Обе унаследовали бы избирательные преимущества КПСС, как то: организационный опыт, подготовленные кадры, опыт использования СМИ, финансовые ресурсы и даже преданность избирателей. По данным исследований, проведённых в 1990 г., 56% советских граждан не доверяли КПСС, но другим партиям не доверяло ещё больше – 81%, и 34% всё ещё предпочитали компартию всем остальным (55). Учитывая растущую поляризацию в обществе, обе производные КПСС имели все шансы наращивать свой электорат.

Избирательная база социал-демократической партии под руководством Горбачёва объединила бы миллионы советских граждан, которые желали политических свобод, но при этом предпочитали смешанную или регулируемую рыночную экономику, сохранявшую социальные гарантии граждан и другие элементы старой системы. Скорее всего, туда вошли бы профессиональные и другие слои среднего класса, квалифицированные рабочие, интеллигенция прозападной ориентации и вообще все те, кто остался социалистом, но при этом не считал себя коммунистом (56). Как показывают результаты выборов в России и в странах Восточной Европы в конце 1980-х – 1990-х гг., коммунисты-демократы и бывшие коммунисты – потенциальное ядро социал-демократической партии – оказались вполне способны организовать избирательную кампанию и выиграть выборы.

В этом случае, ретроспективный анализ был бы полезен для выяснения возможных и реальных перспектив. То, что Горбачёв не сумел создать или вычленить из КПСС то, что могло бы стать президентской партией, было его крупнейшей политической ошибкой (57). Если бы он воспользовался удобным моментом и сделал это на уже расколовшемся (и, по сути, многопартийном) XXVIII съезде КПСС в июле 1990 г., он не оказался бы в политической изоляции впоследствии, в конце 1990 – начале 1991 г., когда страну охватил кризис, а его популярность резко упала. В частности, если бы он не побоялся проявить инициативу и совершить такой шаг, серьёзно изменивший бы советский политический ландшафт, многие из его бывших сторонников, даже Ельцин, возможно, не покинули бы его (58).

Оппоненты Горбачёва, ортодоксальные коммунисты, вопреки западной точке зрения, также обладали значительным избирательным по-

тенциалом. Отстаивая идеи «здорового консерватизма», они вполне могли рассчитывать на поддержку миллионов чиновников, заводских рабочих, колхозников, интеллигенции антизападной ориентации и других традиционалистов, обиженных и недовольных горбачёвскими политическими и экономическими преобразованиями (59). Число таких недовольных, непрерывно растущее с 1985 г., должно было только увеличиваться, по мере того как реформы «размывали» социальные гарантии и иные устои. Был у коммунистических консерваторов и ещё один «козырь»: государственнический, или «патриотический» национализм, присущий консервативному коммунизму со времён Сталина, становился всё более мощным идеологическим оружием, особенно в России (60). (Причём за него ухватились и коммунистические противники Горбачёва, и антикоммунистические сторонники Ельцина.)

Не следует также думать, что антиреформаторское крыло компартии было не способно адаптироваться к демократической политике. После шока и раздражения, которые вызвало у них поражение на выборах на Съезд народных депутатов в марте 1989 г. нескольких десятков «аппаратных» кандидатов, коммунисты-консерваторы начали формировать корпус своих собственных избирателей (61). К 1990 г. в РСФСР они уже представляли собой крупную, полноправно участвующую в выборах парламентскую партию. Каковы бы ни были их тайные амбиции, в целом коммунисты вели себя вполне конституционно, даже тогда, когда на выборах главы исполнительной власти в республике победил Ельцин, и компартия впервые в советской истории оказалась оппозиционной партией.

Об избирательном потенциале горбачёвского крыла КПСС, которое рассеялось вместе с роспуском Союза, можно только догадываться, но зато его консервативные оппоненты вскоре продемонстрировали свои возможности. В оппозиции они, как выразился один российский обозреватель, «обрели второе дыхание». В 1993 г. ими была создана Коммунистическая партия Российской Федерации, быстро превратившаяся в крупнейшую и наиболее популярную у избирателей партию в постсоветской России. К 1996 г. коммунисты правили многими российскими городами и областями, имели много больше своих представителей в парламенте, чем любая другая партия, и во время президентской кампании официально набрали 40% голосов (а по мнению некоторых аналитиков, даже больше) против Ельцина, который так и не сумел сформировать массовую партию (62). И до 2003 г. процент набранных коммунистами голосов неуклонно рос от выборов к выборам. Всё это говорит о том, что если судить о реформируемости старой советской Коммунистической партии по её избирательным возможностям, оба её крыла были реформируемы.

Рассмотрим теперь два других главных компонента советской системы – государственную экономику и Союз. При внимательном изуче-

нии специализированной литературы, в ней невозможно найти ни одного реального подтверждения того, что советская экономика была нереформируемой. Существует общая, почти единодушная уверенность в том, что экономические реформы Горбачёва «полностью провалились», но даже если это так, это относится к его руководству и политике, но не к самой экономической системе (63). Как уже отмечалось ранее, многие западные специалисты не только допускали, что советская экономика могла быть реформирована, но и предлагали свои собственные рецепты преобразований (64). Утверждения о нереформируемости были ещё одной позднейшей выдумкой российских политиков (и их западных покровителей), решивших нанести фронтальный удар по старой системе с помощью «шоковой терапии».

И снова мы должны обратиться к понятию «реформа». Если оно означало, в данном случае, переход к полностью приватизированной и стопроцентно рыночной капиталистической экономике, то тогда советская экономическая система, конечно, была нереформируемой; её можно было только полностью заменить. Некоторые самозванные западные советники ещё в 1991 г. настаивали на необходимости сделать это и потом не могли простить Горбачёву, что он к ним не прислушался (65). Но среди советских политиков и политических аналитиков, включая радикальных реформаторов, в то время было очень мало сторонников такой идеи. Подавляющему большинству из них гораздо ближе была цель, провозглашённая Горбачёвым и неоднократно и настойчиво (к 1990 г.) им повторяемая: «смешанная экономика» с «регулируемым», но при этом «современным полнокровным рынком», которая предоставила бы «экономическую свободу» гражданам и «равные права» всем формам собственности, но по-прежнему могла называться социалистической (66). Разногласия, возникавшие в этой связи между советскими реформаторами, в большинстве своём, касались темпа и методов преобразований.

Предложенная Горбачёвым идея смешанной экономики стала предметом многочисленных насмешек на Западе. Замечания типа сделанного Ельциным, о том, что советский лидер хочет соединить несоединимое, или, как выразился один западный историк, «скрестить кролика с ослом», вызывали аплодисменты (67). Но это тоже было несправедливо. Все современные капиталистические экономики были и остаются в разной степени смешанными и регулируемыми, сочетающими в себе частную и государственную собственность, рыночные и нерыночные методы регулирования, соотношение которых со временем неоднократно меняется. Ни в одной из них никогда не было действительно полностью «свободного рынка», идею которого проповедуют их идеологи. Кроме того, сочетание в экономике крупных государственного и частного секторов было традиционным для России – как царской, так и советской, за исключением периода после окончания НЭПа в 1929 г.

С политической и экономической точки зрения, внедрение «капиталистических» элементов в реформированную советскую систему было более трудным делом, чем привнесение «социалистических», скажем, в американскую экономику 1930-х гг. Но серьёзных причин, по которым рыночные элементы: частные фирмы, банки, сервисные предприятия, магазины и сельскохозяйственные фермы (наряду с государственными и коллективными), – не могли быть добавлены к советской экономике и получить возможности для развития и конкуренции, не было. В коммунистических странах Восточной Европы и Китае нечто подобное произошло в условиях куда больших политических ограничений. Нужно было только твёрдо следовать горбачёвскому принципу постепенности и решительного отказа навязывать людям образ жизни, пусть даже реформированной жизни. Причины, по которым этого не произошло в советской или постсоветской России, были в первую очередь политическими, а не экономическими, так же как и причины растущего экономического кризиса, охватившего страну в 1990–1991 гг.

Мы должны также задаться вопросом, действительно ли экономические реформы Горбачёва «полностью провалились», поскольку это означало бы, что советская экономика не отреагировала на его инициативы. Как и во многих других случаях, это утверждение также является результатом ретроспективного взгляда. Даже в 1990 г., когда уже было очевидно, что политика Горбачёва породила грозный букет обстоятельств: растущий бюджетный дефицит, растущая инфляция, растущий недостаток потребительских товаров и растущее падение производства, – некоторые западные экономисты, тем не менее, полагали, что он движется в правильном направлении. Один из них, к примеру, писал, что «последовательное проведение экономических реформ разумно: у Горбачёва отличное чувство стратегии» (68). В таком случае, однако, нас будут интересовать более глобальные вопросы.

Если экономическая реформа есть «переход», состоящий из нескольких обязательных этапов, то Горбачёв к 1990 г. запустил весь этот процесс в нескольких важных отношениях. Он добился принятия почти всего необходимого для всесторонней экономической реформы законодательства (69). Он привил значительной части советской элиты рыночное мышление, причём настолько крепко, что даже самый главный неосталинист на президентских выборах 1991 г. признал: «Только сумасшедший сегодня может отрицать необходимость рыночных отношений» (70). Более того, развенчивая старые идеологические догмы, узаконивая частные предприятия и собственность, а значит, рыночные отношения и лично приветствуя «живое и честное соревнование» всех форм собственности (71), Горбачёв в значительной степени освободил экономику от тисков запретов и ограничений, которыми её сковал партийный аппарат. И, как непосредственный результат этих перемен, на-

чались процессы маркетизации, приватизации и коммерциализации советской экономики.

Последним следует уделить особое внимание, так как сегодня их почти всегда связывают с Ельциным и постсоветской Россией. К 1990 г. количество частных предприятий, называемых кооперативами, уже насчитывало 200 тысяч, на них работало почти 5 млн чел., и они давали от 5% до 6% валового национального продукта. Вне зависимости от результатов, шёл реальный процесс приватизации государственной собственности номенклатурными чиновниками и другими частными лицами. Во многих городах открывались коммерческие банки; возникли первые биржи. Параллельно с рыночными структурами формировались и новые бизнес- и финансовые элиты, включая будущий «Клуб молодых миллионеров». В середине 1991 г. один американский корреспондент подготовил и опубликовал целую серию репортажей о «советском капитализме» (72). Западные эксперты могут считать политику Горбачёва неудавшимися полумерами, но некоторые российские экономисты по прошествии лет убедились: «Именно в годы его пребывания у власти зародились все основные формы экономической деятельности в современной России» (73). И, что ещё более важно, они родились внутри советской экономики, что явилось свидетельством её реформируемости.

Последний вопрос касается крупнейшего и наиболее существенного компонента старой советской системы – Союза, или собственно многонационального государства. Горбачёв не сразу осознал, что его политические и экономические преобразования могут негативно сказываться на способности Москвы удерживать вместе пятнадцать республик, но к 1990 г. он был уверен, что от судьбы Союза будут зависеть и результат всех его реформ, и его собственная судьба (74). За два последних года у власти он превратился в фигуру, подобную Линкольну: он так же был полон решимости «сохранить Союз», – но, в его случае, не силой, а переговорами добиваясь превращения дискредитировавшего себя «суперцентрализованного унитарного государства» в настоящую добровольную федерацию. Когда в декабре 1991 г. Советский Союз закончил своё существование, а входившие в него республики стали самостоятельными и независимым государствами, это означало и конец эволюционных преобразований Горбачёва под названием «перестройка» (75).

Можно ли было реформировать Союз, как утверждали Горбачёв и многие российские политики и интеллектуалы как до, так и после 1991 г.? Западная литература по этому «вопросу вопросов» (76) находится под влиянием двух предвзятых точек зрения. Антисоветизм, присущий большинству западных, особенно американских, оценок, заставляет их поверить (независимо от степени «склонности к запоздалым суждениям») в то, что Советский Союз как государство был обречен. Другая предвзятость, возможно, ненарочитая, опять-таки связана с язы-

ком, или формулировками. Почти всегда говорится (возможно, по скрытой аналогии с концом царской России в 1917 г.), что Союз потерпел «крах» или «распался» – термины, подразумевающие наличие внутренних причин, неизбежно ведущих к такому результату, и, тем самым, практически исключающие возможность реформирования Советского государства. Но если сформулировать вопрос по-другому: как и почему Союз был *отменён*, *распущен* или попросту *закончился*, – мы получим возможность допустить, что основной причиной могла оказаться случайность или какие-то субъективные факторы, и, следовательно, был возможен иной исход (77).

Расхожий западный тезис о том, что Союз нельзя было реформировать, в значительной степени базируется на одном растущем заблуждении. Оно предполагает, что общенациональный партийный аппарат, с его вертикальной организационной структурой и принципом безоговорочного подчинения нижестоящих органов вышестоящим, был «единственным [фактором], удерживающим союзную федерацию вместе». А, поскольку Коммунистическая партия, в результате горбачёвских реформ, лишилась своих прав и влияния, не осталось сплачивающих факторов, которые могли бы противостоять центробежным силам, и «распад Советского Союза был неизбежен». Короче говоря, «нет партии – нет Союза» (78).

Конечно, роль компартии не стоит преуменьшать, но были и другие факторы, поддерживающие единство Союза, в том числе другие советские структуры. В частности, союзные экономические министерства, разместившиеся в Москве и имевшие подразделения по всей стране, во многих отношениях, были таким же важным фактором, как и партийные организации (79). Не следует также недооценивать объединяющую роль общесоюзных военных структур с их дисциплиной и собственными методами ассимиляции. Ещё более важное значение имела сама общесоюзная экономика. За многие десятилетия экономики пятнадцати республик стали, по сути, единым организмом, поскольку совместно использовали и зависели от одних и тех же естественных ресурсов, топливных и энергетических сетей, транспортной системы, поставщиков, производителей, потребителей и источников финансирования. В итоге, по общему признанию, сложилось «единое советское экономическое пространство».

Человеческий фактор также не следует сбрасывать со счетов. Официальные лозунги, прославлявшие «советский народ» как единую нацию, преувеличивали, но они, как заверяют серьёзные источники, не были просто «идеологическим артефактом» (80). Хотя в состав Советского Союза входили десятки и сотни различных этнических групп, миллионы людей состояли в смешанных браках, и примерно 75 миллионов граждан – около трети населения – проживали за пределами

своих этнических территорий, из них 25 миллионов русских. Объединяющим фактором служил и совместный исторический опыт, такой как тяжесть потерь и радость победы во Второй мировой, или, в интерпретации Москвы, Великой Отечественной войне. Более 60% нерусского населения Союза бегло говорило по-русски, а большинство остальных имели представление о русском языке и культуре, благодаря единой образовательной системе и союзным средствам массовой информации (81).

При условии правильной политики реформ и наличии других необходимых обстоятельств, этих многочисленных интеграционных элементов вкупе с привычкой жить вместе с Россией, сложившейся до и после 1917 г., хватило бы, чтобы и без диктатуры КПСС сохранить единство большей части Союза. Недаром один американский историк, путешествующий десятилетие спустя после конца СССР по его бывшей территории, находил «признаки советского чуть не на каждом повороте» (82). Даже без учёта других последствий, десятки миллионов советских граждан многое теряли в случае распада Союза. Понимание этого, без сомнения, помогает объяснить результат мартовского референдума 1991 г., представлявший собой, по определению одного американского специалиста, «голосование подавляющим большинством за Союз» (83).

Следует признать, что добровольная федерация, предложенная Горбачёвым вместо СССР, объединила бы меньше 14 нерусских республик. Горбачёв надеялся, что будет иначе, но, тем не менее, признал возможность такого хода событий, подтверждением чему стал принятый в апреле 1990 г. закон о выходе из СССР. Почти наверняка предпочли бы вернуться к независимости небольшие балтийские республики Литва, Латвия и Эстония, аннексированные в 1940 г. сталинской Красной Армией, а Западная Молдавия пожелала воссоединиться с Румынией (правда, после 1991 г. она изменила своё решение) (84). Выйти также могли бы одна-две из трёх закавказских республик – в зависимости от того, стали бы вечные враги Армения и Азербайджан искать у России защиты друг против друга, и понадобилась бы Грузии помощь Москвы в сохранении единства её собственного полиэтнического государства.

Но даже если так, все эти небольшие республики находились на советской периферии, и их выход не стал бы слишком заметным, поскольку на оставшиеся 8–10 приходилось 90% территории, населения и ресурсов бывшего Союза. Этого было более чем достаточно, чтобы сформировать новый жизнеспособный Советский Союз. Хватило бы даже нескольких республик, объединившихся вокруг России. Как сказал один из национальных лидеров, принимавший участие в отмене СССР несколькими месяцами позже, новый Союз мог бы «состоять из четырёх республик» (85).

Каким бы «просоюзным» ни было мнение подавляющего большинства населения, после весны 1990 г., когда в результате состоявшихся региональных выборов значительная часть власти перешла от Москвы к регионам, судьбу республик уже решали их лидеры и элиты. Существует объективное свидетельство в поддержку того факта, что большинство из них желало сохранить Союз. Свою позицию они ясно продемонстрировали во время переговоров о новом Союзном договоре, начатых Горбачёвым с лидерами девяти советских республик: России, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении, – в апреле 1991 г. (Этот период, когда страна была охвачена кризисом, несколько выходит за рамки анализируемого, но оттого не становится менее значимым.)

Результатом переговоров, известных как «новоогарёвский процесс», стало создание нового Союза Советских Суверенных Республик. Под договором, официальное подписание которого было намечено на 20 августа 1991 г., поставили свои инициалы все девять республиканских лидеров, в том числе те трое, которые всего несколько месяцев спустя отменили Союз – Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич (86). Горбачёв был вынужден уступить республикам больше власти, чем он хотел, но общесоюзное государство, выборный президент и парламент, а также вооружённые силы и экономика в Договоре сохранились. Всё было продумано до конца: за церемонией подписания Договора должны были последовать новая Конституция и выборы, даже споры вокруг того, кто где должен сидеть во время церемонии подписания, были благополучно разрешены и согласие по поводу специальной бумаги для текста и памятных марок достигнуто (87).

Всё это говорит о том, что распространённый аргумент, будто провал новоогарёвской попытки спасти Союз доказал его нереформируемость, не имеет смысла. Переговоры были успешными; они проходили, как и другие реформы Горбачёва, в рамках советской системы, имели легитимный статус и полномочия, делегированные им народным выбором на референдуме в марте, и велись признанным многонациональным руководством большей части страны. «Новоогарёвский процесс» нужно рассматривать как разновидность «консенсуса элит» или пример «договорной практики», столь необходимой, по мнению многих политологов, для успешной демократической реформы политической системы (88). Даже известный демократический политик из окружения Ельцина предвосхищал, что подписание Договора станет «историческим событием», которое будет жить так же долго, как американская Декларация независимости, и служить такой же надёжной политической и правовой базой обновленного Союза (89).

Иными словами, Договор не состоялся не потому, что Союз был нереформируемым, а потому, что небольшая группа высокопоставленных

чиновников в Москве организовала 19 августа вооружённый переворот с целью помешать его успешной реформе. (Да и сам вооружённый переворот не был неизбежным, но это уже другая история (90).) Хотя сам путч быстро провалился, и, прежде всего, потому что его руководителям не хватило решимости использовать военную силу, которую они стянули в Москву, его последствия нанесли тяжёлый удар по «новоогарёвскому процессу». Они существенно ослабили Горбачёва и его центральное правительство, усилили политические амбиции Ельцина и Кравчука и заставили других республиканских лидеров опасаться непредсказуемого поведения Москвы. По мнению большинства западных специалистов, путч уничтожил все оставшиеся возможности спасти Союз. (Подобные оценки выпускают из внимания осторожную, выжидательную позицию, занятую некоторыми республиканскими лидерами во время танкового путча в советской столице, которая дает основания полагать, что даже в августе 1991 г. простой угрозы применения Москвой силы хватило бы, чтобы удержать этих «коммунистических начальников, обернувшихся националистами» в рамках Союза.)

На самом деле, даже провалившийся, но имевший губительные последствия августовский путч не погасил ни политического импульса, направленного на сохранение Союза, ни ожиданий ведущих советских реформаторов на то, что он может быть сохранён. В сентябре около 1900 депутатов от 12 союзных республик отказались от участия в сессиях внеочередного Съезда народных депутатов СССР. В октябре было подписано соглашение о новом экономическом союзе. Ельцин ещё в ноябре 1991 г. заверял публику: «Союз будет жить!» (91). Семь республик, включая Россию – большинство, если не считать ставшие независимыми балтийские республики – продолжали переговоры с Президентом Горбачёвым, и 25 ноября была, похоже, достигнута договорённость о новом союзном Договоре. Он был больше конфедеративным, чем федеративным, но всё ещё предусматривал союзное государство, президентство, парламент, экономику и армию (92). Две недели спустя, он также пал жертвой переворота, осуществлённого на сей раз даже меньшим числом заговорщиков, но куда более решительно и успешно.

Вывод, который нельзя не сделать, заключается в том, что для утверждения о нереформируемости советской системы не было ни концептуальных, которых мы так и не нашли, ни эмпирических оснований. Как показывают заново проанализированные здесь исторические события и факты, к 1991 г. большая часть системы была охвачена процессом глубоких демократических и рыночных преобразований. Конечно, Советский Союз при Горбачёве не был полностью реформирован, но он находился в состоянии «перехода» – термин, обычно приберегаемый для характеристики постсоветского периода. Всё, что остаётся от «аксиомы нереформируемости», это безапелляционный вывод, что по-

скольку реформы Горбачёва были признаны всеми просоветскими и просоциалистическими, они были не более чем «фантазией» или «химерой» (93). Это идеологическое предубеждение, не имеющее ничего общего с историческим анализом.

Почему же, вопреки многолетним заверениям многочисленных специалистов, система оказалась замечательно реформируемой? Было ли в этом действительно некое «политическое чудо», как написал впоследствии один американский историк? (94). Для объяснения этого необходимо учесть такие немаловажные факторы, как длительное воздействие идей антисталинизма, уходящего корнями в 1920-е и даже в 1917 г.; политическое наследство Никиты Хрущёва, в том числе зарождение в недрах КПСС протореформенной партии; растущая открытость советской элиты по отношению к Западу, расширявшая её представления об альтернативных путях развития (как социалистического, так и капиталистического); глубокие изменения в обществе, десталинизировавшие систему снизу; рост социально-экономических проблем, стимулировавший прореформенные настроения среди номенклатурной верхушки, и, наконец, незаурядное во всех отношениях руководство самого Горбачёва, которое не стоит недооценивать. Однако был ещё один, не менее значимый, фактор.

Большинство западных специалистов долгое время было убеждено, что базовые институты советской системы были чересчур «тоталитарными» или иначе устроенными, чтобы быть способными к фундаментальному реформированию. На самом деле, в системе с самого начала была заложена двойственность, делавшая её потенциально реформируемой и даже готовой к реформам. С формальной точки зрения, в ней присутствовали все или почти все институты представительной демократии: конституция, предусматривавшая гражданские свободы, законодательные органы, выборы, органы правосудия, федерация. Но внутри каждого из этих компонентов или наряду с ними присутствовали «противовесы», сводившие на нет их демократическое содержание. Наиболее важными из них были политическая монополия Коммунистической партии, безальтернативное голосование, цензура и полицейские репрессии (95). Всё, что требовалось, чтобы начать процесс демократических реформ, это желание и умение устранить эти противовесы.

Горбачёв, как и его ближайшие помощники, осознавал эту двойственность, которую он характеризовал как «демократические принципы на словах и авторитарность на деле». Для того чтобы демократизировать систему, отмечал он позднее, «не пришлось ничего придумывать», только, по словам одного его советника, превратить демократические компоненты «из декорации в реальность». Это относилось почти ко всем горбачёвским реформам, но самым выдающимся примером была, как он подчёркивал, «передача власти из рук монопольно владевшей ею

Коммунистической партии в руки тех, кому она должна была принадлежать по Конституции, – Советам через свободные выборы» (96). Но двойственность институтов советской системы не только делала её в высшей степени реформируемой, без неё, скорее всего, невозможна была бы мирная демократизация и другие преобразования эпохи Горбачёва, во всяком случае, они не были бы столь стремительными и исторически значимыми (97).

И, наконец, последнее, на что следует обратить внимание, но невозможно рассмотреть здесь. Если аргументация, представленная в этой статье, достаточно убедительна, она ставит под сомнение и большинство расхожих трактовок конца Советского Союза, так или иначе предполагающих, что он был нереформируемым. Но это ещё более широкий и спорный вопрос, только ждущий своего рассмотрения.

«Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?*

Об альтернативности.

Предисловие к новому расширенному изданию

Я решил подготовить это новое издание «Вопроса вопросов» по трем причинам, каждая из которых для меня как американского историка, более тридцати лет связанного с русским читателем, имеет большое значение.

Во-первых, первое издание этой книги, опубликованное в Москве в 2007 году, быстро исчезло с прилавков книжных магазинов и сегодня практически недоступно. О том, что оно стало «дефицитом», я узнал, когда всё больше русских, знакомых с моими прочими работами, стали спрашивать меня, не написал ли я что-нибудь по поводу конца Советского Союза. Поскольку эта тема, начиная с 1991 года, была важной частью моей исследовательской работы, вопрос удивил меня и расстроил. Надеюсь, это новое издание поможет донести до всех заинтересованных читателей мои мысли по поводу «вопроса вопросов».

Я не считаю, однако, что трактовки и доводы, представленные здесь, являются чем-то вроде истины в последней инстанции в этом вопросе. Исчезновение Советского государства – это одно из тех меняющих историю событий, которые будут по-разному истолковываться и дебатироваться десятилетиями, если не столетиями – «спор без конца», как справедливо выразился об Истории, какой она должна быть, Питер Гейл. В этом смысле, те из нас, кто пишут сегодня о конце Советского Союза, всё еще работают над первым черновым наброском этой истории.

С другой стороны, «Вопрос вопросов», думаю, может стать существенным вкладом в продолжающуюся дискуссию, особенно в связи с 20-летием того события, которое обыкновенно (и часто ошибочно) именуют «распадом». Насколько мне известно, это единственная книга, в которой сделана попытка выявить, проанализировать и дать критиче-

---

* Публикуется по: *Коэн Стивен*. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Перевод Ирины Давидян / Новое расширенное издание. Первое издание на русском вышло в 2007 г. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.

скую оценку всех существующих на Западе и в России серьёзных объяснений конца Советского Союза. Тем более, что в отличие от большинства западных и российских авторов, пишущих по данной теме, я подошёл к вопросу без какой бы то ни было личной, политической или идеологической пристрастности – или, по крайней мере, попытался подойти. Удалось мне это или нет – решать читателю.

Вторая причина подготовить новое издание «Вопроса вопросов» заключалась в моём намерении расширить и дополнить оригинал. Оценка важнейшего поворотного момента в истории, безусловно, не может сводиться только к объяснению причин. Его последствия, в ближайшей и отдалённой перспективе, также требуют выявления и анализа. Я начал это делать в этом издании, добавив главу «Утраченное наследие Горбачёва».

Хочется подчеркнуть, что эта глава является ещё более черновым, предварительным историческим наброском, как минимум, в двух отношениях. Двадцать лет – недостаточный срок для оценки тех последствий декабря 1991 года, которые до сих пор проявляются в постсоветской России – и в мире – и будут проявляться ещё долгие годы. Другая причина ограниченности этой главы в том, что в ней наследие ассоциируется с правлением Михаила Горбачёва. Это объясняется, главным образом, тем, что именно горбачёвскую перестройку я наблюдал с наиболее близкого расстояния, часто бывая в Москве в те годы, и именно её изучил с тех пор наиболее полно. Однако я понимаю, что в 1991 году существовали и другие альтернативы, не связанные с последним советским президентом, которые тоже требуют серьёзного рассмотрения. Надеюсь, всё же, что пристальное внимание, уделённое в этой главе концу горбачёвских реформ в стране и в мире, внесёт свою лепту в эту более широкую дискуссию.

Наконец, это издание даёт мне возможность высказать несколько замечаний по поводу значительной части моей интеллектуальной автобиографии, которая так долго и так тесно связана с Россией. Некоторые читатели справедливо отмечают, что тема исторической альтернативности является сквозной для всех моих книг: биографии Николая Бухарина, нелегально ходившей по Союзу в тамиздатовском переводе в начале восьмидесятых годов и переизданной затем несколько раз легально, большими тиражами, на рубеже восьмидесятых и девяностых; «Переосмысливая советский опыт», выпущенной лишь небольшим тамиздатовским тиражом в 1986 году; «Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России» и даже «Жизнь после ГУЛАГа: Возвращение сталинских жертв», изданных в Москве соответственно в 2001 и 2011 годах. И, конечно, альтернативность занимает центральное место в «Вопросе вопросов».

Как хорошо известно читателям доперестроечной советской эпохи, официальное отрицание наличия альтернатив в прошлом (и, следова-

тельно, в настоящем) является опорой политической диктатуры. Иногда, впрочем, подобное мышление если не отрицается, то не слишком приветствуется и в демократических странах. Например, советские власти долгое время на корню пресекали идею существования альтернатив сталинизму после Октября 1917 года, и, одновременно, та же самая ортодоксия, только в антисоветском варианте, господствовала в исследованиях о России в Соединенных Штатах. Так, покойный Виктор Петрович Данилов, крупнейший российский историк сталинской коллективизации, подвергавшийся гонениям как «альтернативщик Данилов», однажды заметил в мой адрес: «А ты, Стив, альтернативщик Коэн». (Меня, разумеется, гонениям никто не подвергал.)

В одном отношении мы с Даниловым не были из ряда вон выходящими. Многие писатели, особенно, пожалуй, романисты и историки, однажды понимают, что снова и снова возвращаются к той или иной большой теме, которая пленила их в юности. Для меня это – политические альтернативы в истории, дороги избранные и неизбранные, особенно в России, хотя началось всё дома, в Америке.

Выросший на Юге, в Кентукки, в маленьком городке, разделённом на белых и чёрных – в системе американского апартеида – я, как все дети, воспринимал окружающий меня мир как норму. Но когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать, в моей жизни произошли события, заставившие меня понять, что сегрегация – это ужасная несправедливость, и задуматься, была ли в истории Кентукки какая-то альтернатива, хотя самого слова я тогда ещё не употреблял. К примеру, мне было любопытно, как мой штат мог стать родиной обоих президентов периода Гражданской войны – Союза и Конфедерации, Авраама Линкольна и Джефферсона Дэвиса.

Несколькими годами позже, когда я начал изучать Советскую Россию в соседнем Индианском университете, профессор Роберт Такер, ставший моим наставником – а впоследствии, до самой своей смерти в возрасте 92 лет в 2010 году, ещё и близким другом и коллегой по Принстонскому университету – посоветовал мне выбрать тему, которая представляла бы для меня особый интерес в истории России. Видя моё затруднение, он спросил, есть ли какие-то исторические и политические вопросы, которые интересуют меня помимо России. Не оторвавшись еще в полной мере от дома, я ответил: «Была ли в истории Кентукки альтернатива сегрегации». Тогда Такер и дал мне путевку в мою интеллектуальную жизнь: «Хорошо. Вопрос об альтернативах – очень большая и малоизученная тема в советской истории». Такой эта тема стала и остаётся для меня.

Я должен также пояснить, что именно я понимаю под историческими альтернативами. Это не воображаемые или гипотетические конструкции типа «что, если…», не выстроенная от противного контрфактическая история или то, что отметается многими авторами как «не

существующее в истории сослагательное наклонение». Меня интересуют альтернативные возможности, которые реально существовали в конкретные переломные моменты советской и постсоветской истории, имели под собой реальную почву, были представлены реальными лидерами и пользовались достаточной политической и социальной поддержкой, чтобы иметь шанс на реализацию. Можно спорить о том, что касается их шансов, но не о том, что реальные люди боролись – и умирали – за них.

Не нужно никаких «что, если» или прочих выдумок, чтобы понять, что бухаринская оппозиция сталинскому политическому и экономическому курсу представляла иной советский путь развития, путь, имевший широкую поддержку в коммунистической партии и в обществе. Что реформы Хрущёва, с энтузиазмом воспринятые молодым поколением, интеллигенцией и далеко не отдельными представителями партийно-государственного аппарата, могли привести к более существенным изменениям в советской системе ещё за двадцать лет до перестройки. Или что призыв Горбачёва к полномасштабной советской реформации, или перестройке, имел значительную поддержку элиты и народа, и пока личная популярность Горбачёва не рухнула под тяжестью предлагаемой им альтернативы, даже Борис Ельцин заявлял, что одобряет её.

Почти семилетняя драма горбачёвской перестройки вывела идею политической и исторической альтернативности на передний край теоретических рассуждений о Советском Союзе как в России, так и в Америке. (Горбачёв, как я покажу позже, был своего рода еретиком, а еретикам свойственно верить в альтернативы.) Но после конца Советского Союза эта идея альтернатив в истории всё больше утрачивала популярность, и вновь возобладала вера в историческую неизбежность. Сегодня всё большее число российских и американских историков (и политиков) опять утверждают, что была некая неизбежная, предопределённая одним или несколькими необоримыми факторами, «прямая линия», ведущая от Октября к сталинизму и распаду.

Но история, написанная без учёта проигранных альтернатив и упущенных возможностей, не будет ни полным изложением событий прошлого, ни настоящим объяснением того, что произошло. Это всего лишь история победителей, задача которой – выглядеть предопределённой. Такая история может обслуживать существующую власть или служить каким-то другим политическим целям, но вряд ли может чему-нибудь нас научить.

Нью-Йорк, июль 2011 г.

Предисловие

[Это] вопрос вопросов.

Леон Оников

Нереформируемых общественных систем не бывает: иначе не было бы вообще прогресса в истории.

Михаил Горбачёв

Из всех российских «проклятых» вопросов XX века один продолжает терзать нацию и в XXI веке: Почему погиб Советский Союз, или, как иногда называют его националисты, «Великая Россия»? С декабря 1991 г. российские учёные, политики и общественность не перестают спорить по этому вопросу, в то время как у большинства западных комментаторов уже готов ответ: Советская система была нереформируема и, следовательно, обречена из-за присущих ей неисправимых дефектов.

Но, учитывая те исторические перемены в сторону демократии и рынка, которые произошли за шесть лет правления Михаила Горбачёва в 1985–1991 гг., была ли система действительно нереформируемой? Разумеется, в то время такой единодушной уверенности в этом не было. Западные правительства, включая США, практически до самого конца думали и надеялись, что руководство Горбачёва может привести к реформированию Советского Союза. В то время как учёные «пессимисты», вслед за большинством советологов, твердили, что советскую систему невозможно реформировать и, следовательно, Горбачёва ждёт поражение, многие исследования, проводимые в годы перестройки, однозначно показывали, что «системные изменения возможны в советском контексте». Один американский экономист, которому суждено было вскоре стать главным экспертом-советологом Белого дома, выразился даже более категорично: «Можно ли реформировать советский социализм? Конечно, можно, и он уже реформируется» (1).

Глава I

К критике теории нереформируемости

Почему же тогда так много специалистов, принадлежащих к разным поколениям и исповедующих разные научные убеждения, твердят, начиная с 1991 г., что «СССР невозможно было реформировать», что он

был «фундаментально, структурно нереформируемым», а выражение «советская реформа» вообще есть «словесное противоречие, как горячий снег», и, следовательно, Горбачёв просто «не сумел реформировать нереформируемое»? И ещё более непонятно, почему они так настойчиво утверждают, словно не желая возвращаться к этой теме, что на этот глобальный исторический вопрос «уже дан ответ»? (2). Понять их мотивацию непросто ещё и потому, что сама формулировка: «нереформируемость коммунизма, присущая ему изнутри», – является одной из худших в литературе. В некоторых случаях, объяснение являет собой простую тавтологию, как у того французского советолога, который не представлял, что «советская система может реформировать себя во что-то принципиально иное, не перестав при этом быть советской системой» (3). Не принимая в расчёт подобные образцы псевдоанализа, остановимся на четырёх, слегка отличающихся друг от друга, способах аргументации, обычно используемых различными учёными для доказательства тезиса о нереформируемости советской системы.

Первый заключается в том, что первородный грех Советского Союза: его аберрантная идеология, нелегитимный способ возникновения и совершённые им преступления, – превратил его в вечное зло и лишил спасительной альтернативы в виде возможностей к развитию. Советская система, таким образом, оказалась «слишком глубоко, фатально порочной, чтобы быть реформированной». За семь десятилетий советской истории, продолжают приверженцы этого взгляда, не произошло и не могло произойти никаких коренных изменений; система так и не произвела на свет ни настоящих реформ, ни настоящих реформаторов, а только, как в случае с горбачёвской перестройкой, «иллюзию реформируемости». Положить конец советскому злу могло только тотальное разрушение системы в «экономический и социальный прах». Несмотря на видимость научной объективности, этот способ аргументации является по сути теологическим. Подобно большинству религиозных вероучений, он загоняет историю в узкие рамки манихейской интерпретации, с упорством отметая любые сведения или логические аргументы, которые в неё не вписываются (4).

Опровергнуть этот способ аргументации можно с его же позиций. Ни одна теологическая система в мире не предполагает подобного догматизма в отношении роли, длительности и путей избавления от зла, как этот жёстко детерминированный подход к истолкованию советского опыта. Все они оставляют место для альтернатив и человеческого выбора. Более того, рассуждая исторически, если первородный грех навечно лишает политическую или экономическую систему возможности избавиться от зла, как удалось тогда рабовладельческой Америке стать, в конце концов, настоящей демократией? Можно ли с полным основанием и моральным правом утверждать, что изначальное советское зло

было более масштабным и оказало большее влияние на развитие страны, чем рабство в Соединённых Штатах? Признанное законным во всех тринадцати первоначальных штатах, оно, усилиями федерального правительства, превратилось в общенациональную систему, позволявшую более двухсот лет держать от 8 до 12 миллионов душ в полной рабской зависимости, убивая, калеча и навеки разлучая с семьями. На американском Юге, как известно, сформировалось «самое мощное рабовладельческое общество, какое только видел современный мир», но и в Нью-Йорке тоже из рабства была «соткана… базовая ткань» общества. Рабство было составной частью, институтом новой американской «демократии» и, одновременно, «основой благосостояния Америки как нации», в том числе, её главного экспорта – хлопка. К началу 1860-х гг. рыночная стоимость рабов в Америке «превышала общую долларовую стоимость всех банков, железных дорог и промышленных предприятий страны» (5).

В конце концов, пусть и с опозданием, некоторые американские историки и выдающиеся политические деятели пришли к выводу, что рабство было «злом колоссальной величины», «одним из величайших преступлений в истории» и «первородным грехом» нации. Выходит, нации и системы могут меняться. Недаром главный американский борец с советской «империей зла», президент Рональд Рейган, заявил, что она перестала быть таковой, всего через три года после начала горбачёвских реформ (6).

Вторым и более распространённым способом аргументации является ссылка на то, что сам-де конец Советского Союза доказал его нереформируемость – довод, основанный, по всей видимости, на предположении, что всякая смерть есть результат неизлечимой болезни. Это старая привычка советологии – читать, вернее, перечитывать историю с конца, отталкиваясь от уже известного результата: «Конечно, оглядываясь назад, теперь мы понимаем, что историческая миссия Горбачёва состояла не в том, чтобы победить, а в том, чтобы проиграть». Согласно ещё одному мнению, «после краха Советского Союза кажется, что этот результат был неизбежен с самого начала». Похоже, даже искушённым специалистам трудно отказаться от убеждения, что любые эпохальные события предопределены некой железной логикой (7). Но в таком случае настоящий анализ и объяснение случившегося становятся ненужными. Если результат неизбежен, то роль исторических сложностей, случайностей, альтернатив и прочих возможностей сводится к минимуму, если не к нулю.

Даже без учёта того, что из всех «неизбежных» событий современной истории, как сказал в своё время Токвилль о Французской революции, распад СССР был, возможно, наименее предвидимым, ошибочность «ретроспективного детерминизма», или «склонности к запоздалым

суждениям», также может быть доказана его собственными методами (8). Многие из «детерминистов» подчёркивают «ошибочность» тех или иных действий Горбачёва, тем самым, подразумевая, что советская реформа была бы успешной, действуй Горбачёв по-другому или будь на его месте другой лидер. Подобная критика в адрес Горбачёва неконструктивна, поскольку предлагаемые рецепты слишком противоречивы. Одни полагают, что ему следовало проводить реформу быстрее, другие – медленнее; одни говорят, что он был недостаточно демократичным, другие – недостаточно авторитарным. Но все эти «если бы да кабы» по сути являются негласным признанием существования альтернатив, а значит, правомерности контрфактических вопросов типа «что, если бы…», опровергающих их собственные выводы о нереформируемости советской системы и неизбежности её краха.

Рассмотрим несколько таких контрфактических вопросов по поводу случайностей и альтернатив горбачёвской реформы – способ анализа, широко применяемый в других областях исторического знания, но редко воспринимаемый серьёзно в советологии (9). По мнению большинства авторов, горбачёвская политика ускоренной демократизации сделала его руководство более уязвимым, не способным противостоять растущим экономическим трудностям и националистическим беспорядкам. Его ошибка 1990 г., когда он не стал проводить общенародные выборы президента СССР, а ограничился решением съезда, впоследствии лишила его легитимности, что особенно проявилось в 1990–1991 гг., когда он столкнулся с ростом популярности Ельцина как претендента на пост президента РСФСР. А сочетание антикремлевской политики Ельцина и августовского путча 1991 г. привело к тому, что все усилия Горбачёва удержать Союз от распада оказались тщетны.

Но что, если Горбачёву удалось бы провести рыночные реформы до или вообще без всякой демократизации – эдакая версия китайской модели, которая, как до сих пор полагают многие российские реформаторы, была бы наилучшим вариантом – и если бы чернобыльская катастрофа 1986 г. и армянское землетрясение 1988 г. не опустошили союзный бюджет, а мировые цены на советскую нефть не упали так резко? Что, если бы уже позже, как союзный президент, неважно, избранный всенародно или нет, Горбачёв применил силу – а он легко мог это сделать – чтобы пресечь национально-сепаратистскую деятельность в одной-двух республиках? И что, если бы он в 1987 г., после снятия Ельцина с руководящего поста, отправил его в посольскую ссылку в далекую африканскую страну? Или в 1990–1991 гг. перекрыл ему доступ к государственному телевидению, как позже поступил сам Ельцин по отношению к своему коммунистическому сопернику на выборах 1996 г.?

С другой стороны, покусился бы Ельцин на союзное правительство, если бы сам был избран президентом СССР, а не Российской республики, что было вполне реально в 1990 г. и на что он рассчитывал после поражения августовского путча 1991 г.? А когда он вместе с двумя другими советскими лидерами в декабре 1991 г. тайком отменил Союз, что, если бы армия и другие советские силовые структуры, как и опасался Ельцин, выступили против них? Что до обречённой попытки путча в августе 1991 г., случился бы он, если Горбачёв сместил со своих постов тех высокопоставленных партийных и государственных лидеров, которые уже отметились в попытке заговора против него несколькими месяцами раньше? И если бы США и страны «семерки» оказали существенную финансовую помощь реформам в СССР, как о том просил Горбачёв летом 1991 г., осмелился бы кто-нибудь в Советском Союзе выступить против него?

Таковы лишь некоторые из вполне закономерных вопросов, которые, однако, не учитывает ещё один типичный тезис, объясняющий, почему советская система не могла измениться: «Система просто не приняла бы реформу». Ведущий своё происхождение от старой тоталитарной модели и существующий в разных версиях, этот аргумент о структурной нереформируемости системы базируется на двух главных предположениях. Монолитный правящий коммунистический класс, или бюрократическая номенклатура, никогда не допустил бы никаких изменений, угрожающих его монополистическому господству, и потому «противился любым видам реформы». А поскольку «политическая система была выстроена в соответствии с тоталитарными требованиями… её институты невозможно было приспособить для обслуживания плюралистических целей» (10).

Но эти предположения тоже оказались ложными. Все главные политические и экономические реформы Горбачёва, произошедшие в решающий период 1985–1990 гг., предлагались, обсуждались и ратифицировались высшими органами коммунистической номенклатуры: Политбюро, ЦК, всесоюзной партийной конференцией, двумя партийными съездами. Эти органы даже проголосовали за отмену практики, обеспечивавшей их номенклатурное превосходство – практики назначения на все важнейшие политические посты – в пользу выборов. И в процессе осуществления этих «плюралистических» реформ эти структуры сами раскололись, раздробились, стали плюралистическими, как и конституционная основа системы – советы.

Это замечательное достижение подводит нас к самому излюбленному аргументу тех, кто настаивает, что Советский Союз не мог быть реформирован: советская система и демократия были «взаимоисключающими» понятиями, и, следовательно, первая не могла не умереть от

второго (11). Но даже если так, это не означает, что система была абсолютно не реформируема, это означает, что ей была чужда демократизация, что, впрочем, тоже спорно. Сторонники этого аргумента полагают, что разрешённая Горбачёвым ещё до 1989 г. относительная свобода слова, политической деятельности и выборов должна была заставить массовые антисоветские настроения – долгое время подавляемые и обычно считающиеся атрибутом оппозиционного системе «гражданского общества» – смести систему как незаконную и заменить её чем-то принципиально несоветским.

Неудивительно, что за это двойное объяснение (нереформируемости системы и конца СССР) ухватились Ельцин и его союзники в конце 1991 г., когда они сбрасывали с корабля истории горбачёвскую перестройку и разбирали на части Союз. В работах многих западных учёных и комментаторов, особенно американских, с тех пор утвердилось незыблемое мнение, что последние годы существования СССР были временем «нарастающей революции снизу», «подлинно народной революции», «народно-демократической революции». В соответствии с этим мнением, рядовые граждане страны Советов отвергли социализм, совершив «как бы массовое внутреннее дезертирство» и «величайшую в истории бескровную революцию с целью устранения советского режима» (12).

На самом деле, никакой антисоветской революции снизу никогда не было, во всяком случае, в России, о которой преимущественно идёт речь в этих утверждениях. В 1989–1991 гг. действительно можно было наблюдать рост народной поддержки демократических и рыночных преобразований, а также протестов против диктата КПСС, коррупции и злоупотреблений в партийно-государственном аппарате и экономического дефицита. Но объективные данные, в частности, данные опросов общественного мнения, показывают, что огромное большинство советских граждан (порядка 80%, а по некоторым вопросам ещё больше) попрежнему было против рыночного капитализма и поддерживало основополагающие социально-экономические ценности советской системы, среди которых: государственная собственность на землю и другие экономические объекты общенационального значения, государственное регулирование рынка, контроль за потребительскими ценами, гарантия занятости, бесплатное образование и здравоохранение. Или, как выразился один российский историк, «подавляющее большинство населения разделяло идеи “социалистического выбора”» (13).

Ещё более очевидной была общественная поддержка самого Советского многонационального государства, что подтверждается соответствующими данными. По результатам беспрецедентного референдума, состоявшегося в России и ещё восьми союзных республиках в марте 1991 г. и охватившего 93% всего советского населения, 76,4% участни-

ков проголосовали за сохранение Союза – всего за девять месяцев до его роспуска. То, что этот результат демократического голосования действительно соответствовал общественному мнению в России – центре предполагаемой народной антисоветской революции – подтверждается двумя обстоятельствами. Даже сам Ельцин поднялся к вершине выборной власти в Российской федерации на волне всеобщего ожидания реформы, а не свержения советской системы. А упразднение Союза продолжало вызывать сожаление общества всё десятилетие после 1991 г., и даже в начале XXI века от 65% до 80% российских граждан не одобряли его (14).

Неверным является и утверждение, будто бы антисоветская «Августовская революция» 1991 г. предотвратила попытку государственного переворота, устроенного силовыми структурами с целью навести порядок в стране. Вопреки этому не менее распространённому мифу, никакого «общенационального сопротивления» путчу не было. Даже в ельцинской Москве, при всём героизме и решимости её защитников, едва ли один процент граждан активно противостоял трёхдневной танковой оккупации столицы, а в провинциальных городах, в сельской местности и за пределами Российской Федерации процент сопротивления был ещё ниже. Остальные 99%, по свидетельству авторитетного наблюдателя, «лихорадочно скупали макароны и делали вид, что ничего не происходит», или, как сообщал посол Великобритании, выжидали с намерением «посмотреть, куда кошка прыгнет». Каков бы ни был реальный процент, даже лидеры оппозиции путчу знали, «как мало народа» вышло на улицы поддержать их (15). (Так, например, призыв Ельцина ответить на путч всеобщей забастовкой практически не нашёл отклика в массах.)

Итак, у нас не осталось больше теоретических или концептуальных оснований полагать, что советская система была нереформируемой и, значит, как стало принято говорить, «обречённой» с самого начала горбачёвских реформ. На самом деле, если вопрос сформулировать должным образом, без традиционного идеологического подхода, и тщательно изучить в свете тех изменений, которые действительно произошли, особенно в период 1985–1990 гг., то есть, до того как кризисы дестабилизировали страну, то окажется, что она была замечательно реформируемой. Но для того чтобы задать вопрос правильно, нам нужно точно представлять себе, что такое реформа и что такое советская система.

В универсальном понимании, реформа есть не просто изменение, но изменение, которое ведёт к улучшению жизни людей, обычно за счёт расширения рамок их политической или экономической свободы или и того, и другого вместе. (Как у Горбачёва: без реформы «не было бы прогресса в истории» (16).) Это не революция или тотальная трансформация существующего порядка, а постепенные, пошаговые улучшения в широком историческом, институциональном и культурном измерении

системы. Утверждения, что «настоящая реформа» должна быть быстрой и полной, которые так часто можно встретить в работах советологов, вычёркивают из разряда «настоящих», к примеру, исторически значимое, но постепенное, в течение десятилетий, расширение избирательных, гражданских и социальных прав в Великобритании и США, а также американский «новый курс» 1930-х гг. Следует, к тому же, помнить, что реформа не всегда и не обязательно означает демократизацию и маркетизацию, хотя в настоящее время это всё чаще оказывается именно так.

В таком понимании, исторически неверно утверждать, что советская система была нереформируемой, что у неё были только «неудачные попытки реформ» (17). Новая экономическая политика в 1920-е гг. существенно расширила экономическую и, в меньшей степени, политическую свободу большинства граждан СССР, а политика Хрущёва привела к ряду положительных и долговременных изменений в 1950–1960-е гг. Многие западные специалисты явно полагают, что это был предел возможностей советских реформ, указывая на то, что даже проповедуемый Горбачёвым демократический социализм был уже не совместим с антидемократическими историческими иконами – Октябрьской революцией и Лениным.

Но этому утверждению также не хватает сравнительной перспективы. Французы и американцы со временем изменили образы своих национальных революций, с тем чтобы они соответствовали современным ценностям. Почему же российская демократическая нация не могла бы со временем простить Ленина и других основателей советской системы, которые всё-таки были приверженцами демократии, хотя и подавляли её? Простить, как продукт своей эпохи, сложившейся под влиянием беспрецедентного насилия и жестокости Первой мировой войны – ведь простили же американцы своим отцам-основателям, в числе которых были Вашингтон, Джефферсон и Мэдисон, их рабов. (Соединенными Штатами почти 50 лет руководили президенты-рабовладельцы, а не имевшие рабов сторонники рабства – и того больше; труд рабов использовался даже при строительстве Капитолия и Белого дома, а многие учебники и спустя почти сто лет после отмены рабства ещё не давали ему чёткой оценки либо считали безвредным) (18). На самом деле, подобное переосмысление роли Ленина и Октября, наряду с официальным признанием преступлений сталинской эпохи, к концу 1980-х гг. уже шло в стране полным ходом – как часть более широкого процесса публичного «покаяния».

Для точного определения понятия «советская система» сначала, как и в случае с реформой, нужно отринуть все произвольные и неточные. Наиболее распространённым из них является отождествление совет-

ской системы с «коммунизмом», как, например, в известной аксиоме «коммунизм невозможно было реформировать». Фигурирующий здесь коммунизм есть недоступное восприятию, ничего не значащее, выхолощенное аналитическое понятие (19). Ни один из советских лидеров никогда не заявлял, что такой коммунизм когда-нибудь существовал в его стране или где-либо ещё, а только социализм – впрочем, последний советский лидер сомневался даже в этом. «Коммунистический» было попросту название, данное официальной идеологии, правящей партии и заявленной цели; значение этого термина зависело от конкретного руководства и менялось столь часто и столь существенно, что могло означать практически что угодно. Так, Горбачёв в 1990 г. решил, что оно означает «быть последовательно демократическим и ставить общие ценности превыше всего». Западные обозреватели могут не понимать разницы между абстрактным «коммунизмом» и полнотой жизни реальной советской системы, или «советизма», но советским (а впоследствии российским) гражданам было ясно, и, по крайней мере, в этом они были солидарны с Горбачёвым, что «коммунизм это не Советский Союз» (20).

Чтобы дать точное определение и оценку советской системе, её, как любую другую, нужно рассматривать не как абстракцию или идеологический артефакт, а с точки зрения её работающих компонентов, в особенности базовых институтов и практик. Таковыми в западной советологической литературе принято считать шесть: официальная и непреложная идеология; сугубый авторитаризм правящей Коммунистической партии; партийная диктатура во всём, что имеет отношение к политике, с опорой на силу политической полиции; общенациональная пирамида псевдодемократических Советов; монополистический контроль государства над экономикой и всей значимой собственностью; многонациональная федерация, или Союз, республик, являвшаяся в действительности унитарным государством с доминантным центром – Москвой.

Спрашивать, была ли реформируема советская система, значит спрашивать, можно ли было реформировать, полностью или частично, эти её базовые компоненты. Если не считать, как некоторые, что система была неделимым «монолитом» или что Коммунистическая партия была её главным и основным элементом, глупо было бы полагать, что трансформация или замена некоторых компонентов привели бы к тому, что система перестала быть советской (21). Подобный логический подход не применяется в отношении реформ в других системах, и советская история также не даёт для него оснований. Первооснова системы, Советы образца 1917 г., были избранными народом, многопартийными органами и лишь позже превратились во что-то ещё. В экономике до

1930-х гг. не было монополистического контроля и существовал рынок. А когда сталинский массовый террор, бывший в течение 25 лет основополагающим признаком системы, закончился в 1950-е гг., никто не сомневался, что система по-прежнему осталась советской.

Советские концепции легитимных реформ внутри системы, возникшие к 1990 г., были весьма разнообразны, однако многие сторонники Горбачёва и Ельцина пришли к убеждению, что они могут и должны включать в себя многопартийную демократию, рыночную экономику со смешанной формой собственности, государственной и частной, и подлинную федерацию республик (22). Эти современные убеждения, как и политическая история страны, показывают, что для того чтобы реформированная система осталась советской или считалась таковой, в ней должны были сохраниться, в той или иной форме, четыре основных элемента: национальная (хотя необязательно чётко оформленная и всеми разделяемая) социалистическая идея, которая продолжала бы чтить память о событиях 1917 г. и том изначальном ленинизме, который до 1918 г. называл себя социал-демократией; система Советов как воплощение институциональной преемственности и конституционный источник политического суверенитета; государственная форма собственности в сочетании с частной в рыночной экономике и пакет социальных прав и гарантий – достаточно большой, чтобы экономика могла именоваться социалистической и при этом напоминала вэлферное государство западного образца; союз России, по крайней мере, с несколькими советскими республиками, число которых никогда не было строго установленным и с годами выросло с четырёх до пятнадцати.

Глава II

Можно ли было реформировать советскую систему?

Теперь, имея чёткие и непредвзятые представления о сути вопроса, мы можем спросить себя, какие из главных компонентов старой советской системы были реально реформированы при Горбачёве? Что касается официальной идеологии, которая в умах элиты претерпела значительную «эволюцию», то здесь едва ли могут быть сомнения. К началу 1990-х гг. десятилетиями царившие жесткие догмы сталинизма, а затем ленинизма в основном уступили место социал-демократическим и другим «универсальным» убеждениям западного образца, которые мало чем отличались от либерально-демократических. То, что раньше считалось ересью, стало официальной советской идеологией, одобренной

недавно избранным Съездом народных депутатов и даже очередным, пусть и не вполне отказавшимся от прежней веры, Съездом КПСС (23). А главное, правительственная идеология больше не являлась обязательной даже в таких некогда священных областях, как образование и официальная коммунистическая печать. «Плюрализм» убеждений, в том числе религиозных, был отныне официальным лозунгом момента и всё более явной реальностью (24).

Эта реформа не была поверхностной или непоследовательной. Западные специалисты всегда обращали внимание на роль идеологии в советской системе, а некоторые даже считали эту роль определяющей. Это, конечно, преувеличение, но идеология действительно имела значение. Точно так же, как горбачёвское радикальное «новое мышление» в международных делах проложило дорогу к реформированию советской внешней политики в конце 1980-х гг., снятие старых идеологических запретов было необходимым условием для осуществления глубоких преобразований внутри страны (25).

Следующей и ещё более значительной реформой стала ликвидация монополии Коммунистической партии в политической жизни, особенно в таких областях, как общественные дискуссии, подбор руководящих кадров и разработка политики. Масштаб этих демократических изменений был настолько велик уже к 1990 г., когда в результате политики Горбачёва было фактически покончено с цензурой, утвердились свободные выборы, свобода политических организаций и создан настоящий парламент, что некоторые западные учёные назвали их «революцией» внутри системы (26). Сложившаяся при Ленине диктатура партии и решающая роль, которую играли её официальные представители на всех уровнях советской системы, в течение 70 лет (за исключением, по понятным причинам, периода сталинского террора) была краеугольным камнем советской политики. В «командно-административной системе», доставшейся в наследство Горбачёву, общесоюзный партийный аппарат был главнокомандующим и всесильным администратором. Всего за пять лет картина коренным образом изменилась: советская политическая система перестала быть ленинистской или, как сказали бы некоторые, коммунистической (27).

Это обобщение, однако, нуждается в уточнении. В такой огромной стране с её культурным разнообразием политические реформы, родившиеся в Москве, были обречены иметь самые разные результаты, от быстрой демократизации в российских столичных городах и Прибалтике до менее заметных изменений в среднеазиатских партийных диктатурах. Кроме того, уход Коммунистической партии с политической сцены, даже там, где демократизация достигла значительных успехов, не был полным и окончательным. Насчитывавшая несколько миллионов членов, имевшая ячейки практически в каждом учреждении и на

каждом предприятии, обладавшая длительным опытом контроля над военными и другими силовыми структурами, огромными финансовыми ресурсами и привычным влиянием на граждан, – партия оставалась самой внушительной политической организацией в стране. И, хотя политические заключённые были выпущены на свободу, права человека набирали вес, а органы безопасности сделались предметом всё более пристального и растущего общественного интереса, КГБ также не претерпел заметных изменений и оставался практически бесконтрольным.

Тем не менее, процесс перераспределения власти, долгое время принадлежавшей КПСС, между парламентом, новым институтом президентства и ныне подлинно выборными Советами на местах зашёл достаточно далеко. Горбачёв не преувеличивал, когда заявил на съезде партии в 1990 г.: «Пришёл конец монополии КПСС на власть и управление». Процесс демонополизации покончил ещё с одной чертой старой советской системы – псевдодемократической политикой. Широкий и разноголосый политический спектр, загнанный прежде в подполье, теперь пользовался почти полной свободой слова. Организованная оппозиция, десятки потенциальных партий, массовые демонстрации, забастовки, бесцензурные публикации, – всё то, что подавлялось и запрещалось в течение 70 лет, было узаконено и быстрыми темпами распространялось по стране. И опять Горбачёв был недалёк от истины, когда с гордостью заметил, что Советский Союз внезапно превратился в «самое политизированное общество в мире» (28).

Россия и прежде бывала глубоко политизирована (судьбоносно – в 1917 г.), но никогда ещё этот процесс не происходил при поддержке правящего режима или во благо конституционного правления. Конституционализм и законность вообще были самыми характерными чертами политических реформ Горбачёва. Законов и даже конституций в России было немало (как до 1917 г., так и после), но чего действительно не было, так это конституционного порядка и реально ограниченной законом власти, которая традиционно концентрировалась в руках верховного руководства и осуществлялась посредством бюрократических указов (по некоторым подсчётам, в 1988 г. в ходу было около миллиона министерских указов) (29).

В этом состоит уникальная суть политических реформ Горбачёва. Весь процесс перехода страны от диктатуры к неоперившейся демократии, основанный на отделении бывшего всевластия Коммунистической партии от «социалистической системы сдержек и противовесов», проходил в рамках существующей и постепенно совершенствующейся конституционной процедуры. Культура закона и политические традиции, необходимые для демократического правления, не могли возникнуть в одночасье, но начало было положено. Например, в сентябре 1990 г. новоиспечённый Конституционный суд отменил один из первых президентских указов Горбачёва, и тот был вынужден подчиниться (30).

Почему же, при всех этих очевидных успехах, так часто говорят о провале политических реформ Горбачёва? Ответ, который обычно следует за этим, заключается в том, что КПСС, этот оплот старой системы, якобы оказалась нереформируемой (31). Это обобщение дважды неточно. Во-первых, оно приравнивает советскую систему в целом к КПСС, так что выходит, будто первое не могло существовать без второго, а во-вторых, оно рассматривает партию как единый, однородный организм.

К концу 1980-х гг. КПСС, прошедшая в своём развитии долгий и непростой путь, представляла собой огромное государство, состоящее из четырёх связанных между собой, но при этом существенно различных общностей: относительно небольшой руководящий орган – пресловутый аппарат, диктаторски контролирующий всю партию и, хотя и всё меньше, собственно бюрократическое государство (32); назначаемая аппаратом, но более многочисленная и разнообразная номенклатура, представители которой занимали все важные посты в советской системе; примерно 19 миллионов рядовых членов, многие из которых вступили в партию по карьерным соображениям или из конформизма; и, скрывающиеся в тени, потенциально полноценные, но пока находящиеся в эмбриональном состоянии, политические партии – реформистская, консервативная и неосталинистская. Естественно, что все эти компоненты КПСС по-разному реагировали на реформы Горбачёва.

Был или не был реформируем партийный аппарат, а это около 1800 функционеров в центральных органах в Москве и ещё несколько сотен тысяч на других уровнях системы, – едва ли имело значение, поскольку к 1990 г., благодаря политике Горбачёва, он был лишён большинства своих прав и привилегий. (Особенно показательной в этой связи было растущая оппозиция реформам со стороны Егора Лигачёва – главного представителя партаппарата и некогда союзника Горбачёва.) Главный нервный центр аппарата, Секретариат ЦК, фактически прекратил свою деятельность, партийные комитеты в министерствах были распущены или утратили влияние, а на более низком государственном уровне их власть перешла в руки избираемых Советов. В провинции этот процесс шёл гораздо медленнее; толчком послужило обретение им официального статуса, когда полномочия, десятилетиями осуществляемые ЦК и Политбюро, торжественно были переданы новому советскому парламенту и президенту. Контроль и влияние аппарата существенно снизились даже внутри самой партии, а в 1990 г. его глава, Генеральный Секретарь, прежде выбираемый тайно партийными олигархами из своего числа, впервые был избран открыто на общесоюзном съезде партии (33).

Возможно, Горбачёв и продолжал бояться «эту паршивую взбесившуюся собаку», но аппарат по сути обернулся бумажным тигром.

Столкнувшись с избирательными реформами, он пребывал «в состоянии психологического шока» и «в полной растерянности» (34). По мере сужения его роли в системе и распада организационных структур, его представители пытались предпринимать какие-то шаги против Горбачёва, но особого эффекта это не имело. Основные антиреформенные силы были отныне сосредоточены в других местах: в экономических министерствах, в армии, в КГБ и даже в парламенте. Как ничтожно мало значил теперь партийный аппарат, со всем драматизмом продемонстрировали августовские события 1991 г. Большинство его центральных и региональных функционеров поддержали переворот, направленный против Горбачёва, но, вопреки распространённому мнению на Западе, аппарат не организовывал переворот и, возможно, даже не знал о нём заранее (35). (У него не осталось власти и воли даже для того, чтобы воспротивиться запрету и роспуску КПСС и, значит, своему собственному роспуску после провала путча).

В отличие от аппарата, порождённый им класс коммунистической номенклатуры в большинстве своём пережил Советский Союз. Уже один этот факт обесценивает любые примитивно обобщающие выводы относительно его приспособляемости. Среди миллионов номенклатурных работников по всему Союзу было много представителей административной, экономической, культурной и других профессиональных элит, а значит, значительная часть его среднего класса. Как и средний класс в других странах, этот большой слой советского общества, хотя и состоял номинально сплошь из членов Коммунистической партии и на том основании был без разбора заклеймён, имел внутреннее деление: по привилегиям, профессии, возрасту, образованию, географическому положению и политическим взглядам (36).

Поэтому говорить о нереформируемости партийно-государственной номенклатуры в целом было бы бессмысленно. Даже представители её верхушки абсолютно по-разному отреагировали на горбачёвские реформы и разошлись в разных направлениях (37). В 1990 г. их можно было встретить в любой части политического спектра, от левых до правых. Многие оказались в авангарде борьбы с перестройкой, но при этом и почти все ведущие советские и постсоветские реформаторы 1980-х и 1990-х гг. также вышли из номенклатурного класса, в том числе Михаил Горбачёв, Борис Ельцин и многие из их окружения. После 1991 г. выходцы из старой советской номенклатуры составили основу политической, административной и собственнической элиты посткоммунистической России; некоторые из них – в ранге так называемых «радикальных реформаторов» (38). А представитель её более молодого поколения, Владимир Путин, стал впоследствии первым президентом России в XXI веке.

Ещё более неправомерно называть «нереформируемыми» 19 миллионов рядовых членов Коммунистической партии. Большинство из них по своему положению в обществе и политическим взглядам мало чем отличалось от беспартийных советских граждан, и так же поразному они вели себя в перестроечные годы. К середине 1991 г. около 5 миллионов человек вышли из партии, в основном из-за того, что членство утратило всякий смысл. Среди оставшихся было «молчаливое большинство», но были и активные сторонники политики Горбачёва, которые поддержали его с самого начала и вели на местах борьбу против партаппарата (39). Многие другие составили социальную базу для антиперестроечного движения, формирующегося внутри партии и за её пределами.

Действительно важным вопросом по поводу реформируемости Коммунистической партии и в связи с горбачёвской политикой демократизации является вопрос о том, могла ли из КПСС или на её основе возникнуть полноценная, конкурентоспособная парламентская партия как часть реформированной советской системы. То, что мы называем широким понятием «партия», в разные периоды своей 80-летней истории означало разные вещи: подпольное движение в царской России; успешная, пользующаяся поддержкой избирателей организация в революционном 1917 г.; диктатура, но с элементами открытой фракционной борьбы по вопросам политики и власти в годы НЭПа; изрядно поредевшая в результате репрессий, запуганная бюрократия в сталинские 1930-е; милитаризованная структура, инструмент борьбы с немецкими захватчиками в годы войны; набирающий силу орган олигархического правления в послесталинские 1950–1960-е гг. и, наконец, неотъемлемая часть бюрократической государственной системы к началу 1980-х гг. (40).

И теперь, после всех этих трансформаций, Горбачёву понадобилась ещё одна: чтобы партия или значительная часть её стала «нормальной политической организацией», способной побеждать в выборах «строго в рамках демократического процесса» (41). Достижение этой цели повлекло за собой последствия, которых он, возможно, не вполне предвидел, но, в конце концов, принял их. Оно означало политизацию (или реполитизацию) советской компартии, что Горбачёв и начал делать в 1987 г., когда призвал к демократизации КПСС, сделавшей возможным возникновение и развитие в её недрах зародышей других, возможно, оппозиционных партий. Оно означало конец мифа о «монолитном единстве» и риск вступления в «эру раскола» (42). Неожиданно прерванный событиями конца 1991 г., процесс этот, тем не менее, протекал бурно и стремительно.

Уже в начале 1988 г. раскол в партии зашёл так далеко, что вылился в беспрецедентную полемику между двумя наиболее влиятельными периодическими изданиями ЦК, «Правдой» и «Советской Россией».

Защищавшая фундаменталистские, в том числе неосталинистские «принципы», «Советская Россия» опубликовала большую статью, содержавшую резкий протест против перестройки Горбачёва. «Правда» ответила не менее решительной контратакой в защиту антисталинистской и демократической реформы (43). На всесоюзной партийной конференции, состоявшейся два месяца спустя, делегаты впервые после партийных дискуссий 1920-х гг. публично спорили между собой. Заседания ЦК превратились теперь «в поле битвы между реформаторами и консерваторами». В марте 1989 г. коммунисты по всей стране боролись друг с другом за делегатские мандаты на Съезд народных депутатов. И хотя 87% делегатов съезда были членами одной и той же партии, политические взгляды их были настолько различны, что Горбачёв заявил, что единой партийной линии больше не существует (44).

К 1990 г. углубляющийся раскол принял территориально-организационные формы, когда региональные партии начали выпрыгивать из КПСС, как матрёшки. Три прибалтийских компартии вышли из КПСС, чтобы попытаться конкурировать с другими политическими силами внутри своих республик, всё больше оказывавшихся во власти национализма. Между тем, аппарат и другие консерваторы от номенклатуры вынудили Горбачёва пойти на создание Российской Коммунистической партии – номинально в составе КПСС, но фактически под их контролем. Формально объединяющая более 60% всех советских коммунистов, РКП тоже практически сразу раскололась, когда сторонники реформ создали свою конкурирующую организацию – Демократическую партию коммунистов России (45).

Все стороны отныне понимали, что «КПСС “беременна” многопартийностью» и что политический спектр нарождающихся партий простирается «от анархистов до монархистов» (46). Никто не знал, сколько партий может появиться на свет (Горбачёв полагал, что только среди 412 членов ЦК в 1991 г. было «две, три или четыре» партии (47)), но только две, крупнейшие из них, имели значение: выступавшее за реформы и вплотную приблизившееся к социал-демократии радикально-перестроечное крыло КПСС во главе с Горбачёвым и сплав различных консервативных и неосталинистских сил, отвергавших реформы и сохранявших преданность традиционным коммунистическим убеждениям и устоям.

Возможность формального «размежевания» и «расставания» вовсю обсуждалась уже в 1990 г., но тогда ни одна из сторон не была к этому готова (48). У консерваторов не было достаточно сильного лидера, способного объединить их в масштабах всей страны, и они опасались Ельцина с его растущим после выхода из КПСС в середине 1990 г. влиянием – почти так же (но не совсем), как они ненавидели Горбачёва. Некоторые из советников Горбачёва подталкивали его выйти вместе со

своими сторонниками из КПСС или исключить из неё оппозиционеров и создать таким образом откровенно социал-демократическое движение, но лидер КПСС колебался – во-первых, боясь остаться без союзного партийного аппарата с его связями с органами безопасности и, возможно, даже без президентского поста, которые могли перейти к его противникам, а во-вторых, как всякий лидер, не желая раскалывать собственную партию. Только летом 1991 г. стороны «созрели» для официального «развода». Он должен был состояться на внеочередном съезде партии ближе к концу того же года, но пал очередной жертвой августовского путча (49).

Раскол гигантской Коммунистической партии на две оппозиционных, как ещё в 1985 г. втайне полагал и до конца остался в этом убеждён сподвижник Горбачёва Александр Яковлев, был бы самым надёжным и быстрым способом создания в СССР многопартийной системы, причём более прочной и подлинной, чем та, что существовала в постсоветской России в начале XXI века (50). При «цивилизованном разводе», подразумевавшем разное голосование по принципиальным вопросам, круг которых был определён горбачёвской социал-демократической программой, стороны разошлись бы, сохранив за собой значительную долю членства, местных организаций, печатных органов и другого «общего имущества» КПСС. Обе партии немедленно стали бы крупнейшими и единственными общенациональными советскими партиями, чьё влияние многократно превышало бы влияние дюжины тех «карликовых “партий”», которые испещрили российский политический ландшафт в последующие годы и которые, во всяком случае, многие из них, по размерам и влиянию едва ли выходили за рамки тех московских квартир, в которых они были созданы. (Опираясь на данные одного закрытого исследования, Горбачёв был уверен, что в новую партию за ним бы последовало, по меньшей мере, 5–7 миллионов членов КПСС) (51).

Нет сомнения и в том, что оба крыла бывшей КПСС стали бы влиятельными структурами, которые могли бы рассчитывать на значительную поддержку избирателей на грядущих выборах как на местном, так и на региональном и общенациональном уровне. В то время как существующую Коммунистическую партию большинство советских людей считали виновной во всех прошлых и нынешних бедах страны, обособившись, обе половины могли бы снять с себя часть ответственности, перекладывая её друг на друга, чем они и так уже занимались. Обе унаследовали бы избирательные преимущества КПСС, как-то: организационный опыт, подготовленные кадры, опыт использования СМИ, финансовые ресурсы и даже приверженность избирателей. По данным исследований, проведённых в 1990 г., 56% советских граждан не доверяли КПСС, но другим партиям не доверяло ещё больше – 81%, и 34%

всё ещё предпочитали компартию всем остальным (52). Учитывая растущую поляризацию общества, обе производные КПСС имели все шансы наращивать свой электорат.

Избирательная база социал-демократической партии под руководством Горбачёва объединила бы миллионы советских граждан, которые желали политических свобод, но при этом предпочитали смешанную или регулируемую рыночную экономику, сохранявшую социальные гарантии граждан и другие элементы старой системы. Скорее всего, туда вошли бы профессиональные и другие слои среднего класса, квалифицированные рабочие, интеллигенция прозападной ориентации и вообще все те, кто остался социалистом, но при этом не считал себя коммунистом (53). Как показали результаты выборов в России и в странах Восточной Европы в конце 1980-х –1990-х гг., коммунисты-демократы и бывшие коммунисты – потенциальное ядро социал-демократической партии – оказались вполне способны организовать избирательную кампанию и выиграть выборы.

В этом случае, ретроспективный анализ был бы полезен для оценки реальных возможностей. То, что Горбачёв не сумел создать или вычленить из КПСС то, что могло бы стать президентской партией, было его крупнейшей политической ошибкой (54). Если бы он воспользовался удобным моментом и сделал это на уже расколовшемся (и, по сути, многопартийном) XXVIII съезде КПСС в июле 1990 г., он не оказался бы в политической изоляции впоследствии, в конце 1990–1991 гг., когда страну охватил кризис, а его популярность резко упала. В частности, если бы он не побоялся проявить инициативу и совершить такой шаг, серьёзно изменивший бы советский политический ландшафт, многие из его бывших сторонников, возможно, даже Ельцин, не покинули бы его (55).

Оппоненты Горбачёва, ортодоксальные коммунисты, вопреки большинству западных оценок, также обладали значительным избирательным потенциалом. Отстаивая идеи «здорового консерватизма», они вполне могли рассчитывать на поддержку миллионов чиновников, заводских рабочих, колхозников, интеллигенции антизападной ориентации и других традиционалистов, обиженных и недовольных горбачёвскими политическими и экономическими преобразованиями (56). Число таких недовольных, непрерывно растущее с 1985 г., должно было только увеличиваться, по мере того как реформы «размывали» социальные гарантии и иные устои. Был у коммунистических консерваторов и ещё один «козырь»: государственнический, или «патриотический» национализм, присущий консервативному коммунизму со времён Сталина, становился всё более мощным идеологическим оружием в стране, особенно в России (57). (Причём за него ухватились и коммунистические противники Горбачёва, и антикоммунистические сторонники Ельцина).

Не следует также думать, что антиреформенное крыло компартии было не способно адаптироваться к демократической политике. После шока и раздражения, которые вызвало у них поражение на выборах на Съезд народных депутатов в марте 1989 г. нескольких десятков «аппаратных» кандидатов, коммунисты-консерваторы начали формировать корпус своих собственных избирателей (58). К 1990 г. в РСФСР они уже представляли собой крупную, полноправно участвующую в выборах, парламентскую партию. Каковы бы ни были их тайные амбиции, в целом коммунисты вели себя вполне конституционно, даже тогда, когда на выборах главы исполнительной власти в республике победил Ельцин, и компартия впервые в советской истории оказалась оппозиционной партией.

Об избирательном потенциале горбачёвского крыла КПСС, которое рассеялось вместе с роспуском Союза, можно только догадываться, но зато его консервативные оппоненты вскоре продемонстрировали свои возможности. В оппозиции они, как выразился один российский обозреватель, «обрели второе дыхание». В 1993 г. ими была создана Коммунистическая партия Российской Федерации, быстро превратившаяся в крупнейшую и наиболее успешную в избирательном отношении партию постсоветской России. К 1996 г. коммунисты стояли во главе руководства многих российских городов и областей, имели много больше своих представителей в парламенте, чем любая другая партия, и во время президентской кампании официально набрали 40% голосов (а по мнению некоторых аналитиков, даже больше) против Ельцина, который так и не сумел сформировать массовую партию (59). И до 2003 г. процент набранных коммунистами голосов неуклонно рос от выборов к выборам. Всё это говорит о том, что если судить о реформируемости старой советской Коммунистической партии по её избирательным возможностям, оба её крыла были реформируемы.

Рассмотрим теперь два других главных компонента советской системы – государственную экономику и Союз. При пристальном рассмотрении, в специализированной литературе невозможно найти ничего, что говорило бы, что советская экономика была нереформируемой. Существует общая, почти единодушная уверенность в том, что экономические реформы Горбачёва «полностью провалились», но даже в этом случае, это относится к его руководству и политике, но не к самой экономической системе (60). Как уже отмечалось ранее, многие западные специалисты не только допускали, что советская экономика могла быть реформирована, но и предлагали свои собственные рецепты преобразований (61). Утверждения о нереформируемости были ещё одной позднейшей выдумкой российских политиков (и их западных покровителей), решивших нанести фронтальный удар по старой системе с помощью «шоковой терапии».

И снова мы должны обратиться к понятию «реформа». Если оно означало, в данном случае, переход к полностью приватизированной и стопроцентно рыночной капиталистической экономике, то тогда советская экономическая система, конечно, была нереформируемой; её можно было только полностью заменить. Некоторые самозванные западные советники ещё в 1991 г. настаивали на необходимости сделать это и потом не могли простить Горбачёву, что он к ним не прислушался (62). Но среди советских политиков и политических аналитиков, включая радикальных реформаторов, в то время было очень мало сторонников такой идеи. Подавляющему большинству из них гораздо ближе была цель, провозглашённая Горбачёвым и всё более настойчиво им повторяемая: «смешанная экономика» с «регулируемым», но при этом «современным полнокровным рынком», которая предоставила бы «экономическую свободу» гражданам и «равные права» всем формам собственности, но по-прежнему могла называться социалистической (63). Разногласия, возникавшие в этой связи между советскими реформаторами, в большинстве своём, касались темпа и методов преобразований.

Предложенная Горбачёвым идея смешанной экономики стала предметом многочисленных насмешек на Западе, а замечания типа сделанного Ельциным о том, что советский лидер хочет соединить несоединимое, или, как выразился один западный историк, «скрестить кролика с ослом», вызывали аплодисменты (64). Такое отношение, однако, тоже было несправедливым. Все современные капиталистические экономики были и остаются в разной степени смешанными и регулируемыми, сочетающими в себе частную и государственную собственность, рыночные и нерыночные методы регулирования, соотношение которых со временем неоднократно меняется. Ни в одной из них никогда не было действительно полностью «свободного рынка», идею которого проповедуют их идеологи. Кроме того, сочетание в экономике крупных государственного и частного секторов было традиционным для России – как царской, так и советской, за исключением периода после окончания НЭПа в 1929 г.

С политической и экономической точки зрения, внедрение «капиталистических» элементов в реформированную советскую систему было более трудным делом, чем привнесение «социалистических», скажем, в американскую экономику 1930-х гг. Но серьёзных причин, по которым рыночные элементы: частные фирмы, банки, сервисные предприятия, магазины и сельскохозяйственные фермы (наряду с государственными и коллективными), – не могли быть добавлены к советской экономике и получить возможности для развития и конкуренции, не было. В коммунистических странах Восточной Европы и Китае нечто подобное произошло в условиях куда больших политических ограничений. Нужно было только твёрдо следовать горбачёвскому принципу постепенно-

сти и решительного отказа навязывать людям образ жизни, пусть даже реформированной жизни. Причины, по которым этого не произошло в советской или постсоветской России, были в первую очередь и в основном политическими, а не экономическими.

Мы должны также задаться вопросом, действительно ли экономические реформы Горбачёва «полностью провалились», поскольку это означало бы, что советская экономика не отреагировала на его инициативы. Как и во многих других случаях, это утверждение также является плодом более поздних измышлений. Даже в 1990 г., когда уже было очевидно, что политика Горбачёва породила грозный букет обстоятельств: растущий бюджетный дефицит, растущая инфляция, растущий недостаток потребительских товаров и растущее падение производства, – некоторые западные экономисты, тем не менее, полагали, что он движется в правильном направлении. Один из них, к примеру, писал, что «последовательное проведение экономических реформ разумно: у Горбачёва отличное чувство стратегии» (65). Нас, однако, в этом случае интересуют более глобальные вопросы.

Если экономическая реформа есть «переход», состоящий из нескольких обязательных этапов, то Горбачёв к 1990 г. запустил весь этот процесс в четырёх важных отношениях. Он добился принятия почти всего необходимого для всесторонней экономической реформы законодательства (66). Он привил значительной части советской элиты рыночное мышление, причём настолько крепко, что даже главный кандидат-неосталинист на выборах президента России 1991 г. признал: «Только сумасшедший сегодня может отрицать необходимость рыночных отношений» (67). Кроме того, как уже было отмечено, Горбачёв в значительной степени освободил экономику от тисков запретов и ограничений, которыми её сковал партийный аппарат. И, как непосредственный результат этих перемен, начались процессы маркетизации, приватизации и коммерциализации советской экономики.

Последним следует уделить особое внимание, так как позднее их будут в основном связывать с Ельциным и постсоветской Россией. К 1990 г. количество частных предприятий, называемых кооперативами, уже насчитывало 200 тысяч, на них работало почти 5 млн чел., и они давали от 5% до 6% валового национального продукта. Вне зависимости от того, к чему это привело, уже шёл процесс приватизации государственной собственности номенклатурными чиновниками и другими частными лицами. Во многих городах открывались коммерческие банки; возникли первые биржи. Параллельно с рыночными структурами формировались и новые бизнес- и финансовые элиты, включая будущий «Клуб молодых миллионеров». Один американский корреспондент в середине 1991 г. подготовил и опубликовал целую серию репортажей

о «советском капитализме» (68). Западные комментаторы могут не считаться с политикой Горбачёва, видя в ней неудавшиеся полумеры, но многие российские экономисты убеждены: «именно в годы его пребывания у власти зародились все основные формы экономической деятельности в современной России» (69). И, что ещё более важно, они родились внутри советской экономики, что явилось свидетельством её реформируемости.

Последний вопрос касается крупнейшего и наиболее существенного компонента старой советской системы – Союза, или собственно многонационального государства. Горбачёв не сразу осознал, что его политические и экономические преобразования могут негативно сказываться на способности Москвы удерживать вместе пятнадцать республик, но к 1990 г. он уже твёрдо знал, что от судьбы Союза будет зависеть и результат всех его реформ, и его собственная судьба (70). Последние два года у власти он, подобно Линкольну, был исполнен решимости «сохранить Союз» – но, в его случае, не силой, а переговорами добиваясь превращения дискредитировавшего себя «сверхцентрализованного унитарного государства» в настоящую добровольную федерацию. Когда в декабре 1991 г. Советский Союз прекратил своё существование, а входившие в него республики стали самостоятельными и независимым государствами, это означало и конец эволюционных преобразований, названных Горбачёвым перестройкой (71).

Можно ли было реформировать Союз, на чём настаивали Горбачёв и многие российские политики и интеллектуалы как до, так и после 1991 г.? Западная литература по этому «вопросу вопросов» находится в плену двух предубеждений (72). Антисоветизм, присущий большинству западных, особенно американских, оценок, убеждает их, вне зависимости от степени «склонности к запоздалым суждениям», что Советский Союз как государство был обречён. Другое предубеждение, возможно, ненарочитое, опять-таки связано с языком, или формулировками. Почти всегда говорится (возможно, по скрытой аналогии с концом царской России в 1917 г.), что Союз потерпел «крах», «лопнул» или «распался» – термины, подразумевающие наличие внутренних причин, неизбежно ведущих к такому результату, и, тем самым, практически исключающие возможность реформирования Советского государства. Но если сформулировать вопрос по-другому: как и почему Союз был *упразднён*, *распущен* или его попросту *не стало*, – мы получим возможность допустить, что основной причиной могла оказаться случайность или какие-то субъективные факторы, и, следовательно, был возможен иной исход (73).

Расхожий западный тезис о том, что Союз нельзя было реформировать, в значительной степени базируется на одном концептуальном за-

блуждении. Оно предполагает, что общенациональный партийный аппарат, с его вертикальной организационной структурой и принципом безоговорочного подчинения нижестоящих органов вышестоящим, был «единственным [фактором], удерживающим союзную федерацию вместе». А поскольку Коммунистическая партия, в результате горбачёвских реформ, лишилась своих прав и влияния, не осталось сплачивающих факторов, которые могли бы противостоять центробежным силам, и «распад Советского Союза был неизбежен». Короче говоря, «нет партии – нет Союза» (74).

Конечно, роль компартии не стоит преуменьшать, но были и другие факторы, поддерживающие единство Союза, в том числе другие советские структуры. В частности, союзные экономические министерства, с управленческим аппаратом в Москве и подразделениями по всей стране, во многих отношениях, были таким же важным фактором, как и партийные организации (75). Не следует также недооценивать объединяющую роль общесоюзных военных структур с их дисциплиной и собственными методами ассимиляции. Ещё более важное значение имела сама общесоюзная экономика. За многие десятилетия экономики пятнадцати республик стали, по сути, единым хозяйством, поскольку зависели от одних и тех же, общих, естественных ресурсов, топливных и энергетических сетей, транспортной системы, поставщиков, производителей, потребителей и источников финансирования. В итоге, по общему признанию, сложилось «единое советское экономическое пространство».

Человеческий фактор также не следует сбрасывать со счетов. Официальные лозунги, прославлявшие «советский народ» как единую нацию, преувеличивали, но они, как заверяют серьёзные источники, не были просто «идеологическим артефактом» (76). Хотя в состав Советского Союза входили десятки и сотни различных этнических групп, миллионы людей состояли в смешанных браках, и примерно 75 миллионов граждан – около трети населения – проживали за пределами своих этнических территорий, из них 25 миллионов русских. Объединяющим фактором служил и совместный исторический опыт, такой как тяжесть потерь и радость победы во Второй мировой, или, в советской интерпретации, Великой Отечественной войне. Более 60% нерусского населения Союза свободно говорило по-русски, а большинство остальных владели основами русского языка и культуры, благодаря единой образовательной системе и союзным средствам массовой информации. По сути, начиная с 1950-х гг., в стране наблюдалась общая «тенденция к ассимиляции» (77).

При условии правильной реформенной политики и наличии других необходимых обстоятельств, этих многочисленных интеграционных

элементов вкупе с привычкой жить вместе с Россией, сложившейся до и после 1917 г., хватило бы, чтобы и без диктатуры КПСС сохранить единство большей части Союза. Недаром один американский историк, путешествующий десятилетие спустя после конца СССР по его бывшей территории, находил признаки «советскости чуть не на каждом углу» (78). Даже без учёта других последствий резкой дезинтеграции, десятки миллионов советских граждан многое теряли в случае распада Союза. Понимание этого, без сомнения, помогает объяснить результат мартовского референдума 1991 г., представлявший собой, по определению одного американского специалиста, «голосование подавляющим большинством за Союз» (79).

Следует признать, что добровольная федерация, предложенная Горбачёвым вместо СССР, объединила бы меньше 14 нерусских республик. Горбачёв надеялся, что будет иначе, но, тем не менее, был готов к подобной перспективе, подтверждением чему стал принятый в апреле 1990 г. закон о выходе из СССР. Не вызывало почти никаких сомнений, что три небольшие прибалтийские республики, Литва, Латвия и Эстония, аннексированные сталинской Красной Армией в 1940 г., пожелают вернуть себе независимость, а Западная Молдавия захочет воссоединиться с Румынией (правда, после 1991 г. она передумала) (80). Выйти также могли бы одна-две из трёх закавказских республик – в зависимости от того, стали бы вечные враги, Армения и Азербайджан, искать у России защиты друг против друга, и понадобилась бы Грузии помощь Москвы в сохранении единства её собственного полиэтнического государства.

Но даже если так, все эти небольшие республики находились на советской периферии, и их выход не стал бы слишком заметным, поскольку на оставшиеся 8–10 приходилось более 90% территории, населения и ресурсов бывшего Союза. Этого было более чем достаточно, чтобы сформировать новый жизнеспособный Советский Союз. Хватило бы даже нескольких республик, объединившихся вокруг России. Как сказал один из национальных лидеров, принимавший участие в упразднении СССР несколькими месяцами позже, новый Союз мог бы «состоять из четырёх республик» (81).

Каким бы «просоюзным» ни было мнение подавляющего большинства населения, после весны 1990 г., когда в результате состоявшихся региональных выборов значительная часть власти перешла от Москвы к регионам, судьбу республик уже решали их лидеры и элиты. Существует объективное свидетельство в поддержку того факта, что большинство из них желало сохранить Союз. Свою позицию они ясно продемонстрировали во время переговоров о новом Союзном договоре, начатых Горбачёвым с лидерами девяти советских республик: России, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Таджи-

кистана, Киргизии и Туркмении, – в апреле 1991 г. (Этот период, когда страна была охвачена кризисом, несколько выходит за рамки анализируемого, но оттого не становится менее значимым.)

Результатом переговоров, известных как «новоогарёвский процесс», стало создание нового Союза Советских Суверенных Республик. Под договором, официальное подписание которого было намечено на 20 августа 1991 г., поставили свои инициалы все девять республиканских лидеров, в том числе те двое, усилиями которых, главным образом, всего несколько месяцев спустя и будет упразднен Союз, – Борис Ельцин и Леонид Кравчук (82). Горбачёв был вынужден уступить республикам больше власти, чем он хотел, но общесоюзное государство, выборный президент и парламент, а также вооружённые силы и экономика в Договоре сохранились. Всё было продумано до конца: за церемонией подписания Договора должны были последовать новая Конституция и выборы, даже споры вокруг того, кто где должен сидеть во время церемонии подписания, были благополучно разрешены и согласие по поводу специальной бумаги для текста, ручек и памятных марок достигнуто (83).

Всё это говорит о том, что распространенный аргумент, будто провал новоогарёвской попытки спасти Союз доказал его нереформируемость, не имеет смысла. Переговоры были успешными; они проходили, как и другие реформы Горбачёва, в рамках советской системы, имели легитимный статус и полномочия, делегированные им народным выбором на референдуме в марте, и велись признанным многонациональным руководством большей части страны. «Новоогарёвский процесс» нужно рассматривать как разновидность «консенсуса элит» или пример «договорной практики», столь необходимой, по мнению многих политологов, для успешной демократической реформы политической системы (84). Даже известный демократический политик из окружения Ельцина предвосхищал, что подписание Договора станет «историческим событием», которое будет жить так же долго, как американская Декларация независимости, и служить такой же надежной политической и правовой базой обновленного Союза (85).

Иными словами, Договор не состоялся не потому, что Союз был нереформируемым, а потому, что небольшая группа высокопоставленных чиновников в Москве организовала 19 августа вооружённый переворот с целью помешать его успешной реформе. (Да и сам вооружённый переворот вовсе не был неизбежным, но это уже другая история (86).) Хотя путч быстро провалился, и, прежде всего, потому что его руководителям не хватило решимости использовать военную силу, которую они стянули в Москву, его последствия нанесли тяжёлый удар по «новоогарёвскому процессу». Они существенно ослабили Горбачёва и его цен-

тральное правительство, усилили политические амбиции Ельцина и Кравчука и заставили других республиканских лидеров опасаться непредсказуемого поведения Москвы. По мнению большинства западных специалистов, путч уничтожил все оставшиеся возможности спасти Союз. (Подобные оценки выпускают из внимания осторожную, выжидательную позицию, занятую некоторыми республиканскими лидерами во время танкового путча в советской столице, которая даёт основания полагать, что даже в августе 1991 г. простой угрозы применения Москвой силы хватило бы, чтобы удержать этих «коммунистических начальников, обернувшихся националистами» в рамках Союза (87).)

На самом деле, даже провалившийся, но имевший губительные последствия августовский путч не погасил ни политического импульса, направленного на сохранение Союза, ни ожиданий ведущих советских реформаторов на то, что он может быть сохранён. В сентябре около 1900 депутатов от 12 союзных республик вернулись к участию в сессиях внеочередного Съезда народных депутатов СССР. В октябре было подписано соглашение о новом экономическом союзе, а Ельцин ещё в ноябре 1991 г. заверял публику: «Союз будет жить!» (88). Семь республик, включая Россию – большинство, если не считать ставшие независимыми прибалтийские республики – продолжали переговоры с Президентом Горбачёвым, и 25 ноября была, похоже, достигнута договорённость о новом союзном Договоре. Он был больше конфедеративным, чем федеративным, но всё ещё предусматривал союзное государство, президентство, парламент, экономику и армию (89). Две недели спустя, он также пал жертвой переворота, осуществленного на сей раз даже меньшим числом заговорщиков во главе Ельциным, но куда более решительно и успешно.

Вывод, который нельзя не сделать, заключается в том, что для утверждения о нереформируемости советской системы не было ни концептуальных, которых мы так и не нашли, ни эмпирических оснований. Как показывают заново проанализированные здесь исторические события и факты, к 1991 г. большая часть системы была охвачена процессом глубоких демократических и рыночных преобразований. Конечно, Советский Союз при Горбачёве не был полностью реформирован, но он находился в «переходном» состоянии – термин, обычно приберегаемый для характеристики постсоветского периода. Всё, что остаётся от «аксиомы нереформируемости», это безапелляционный вывод, что поскольку реформы Горбачёва официально считались просоветскими и просоциалистическими, они были не более чем «фантазией» или «химерой» (90). Это ещё одно политическое предубеждение, названное российским историком «чисто идеологическим подходом» и не имеющее ничего общего с историческим анализом (91).

Почему же, вопреки многолетним заверениям многочисленных специалистов, система оказалась замечательно реформируемой? Было ли в этом действительно некое «политическое чудо», как написал впоследствии один американский историк? (92). Для объяснения этого необходимо учесть такие немаловажные факторы, как длительное воздействие идей антисталинизма, уходящего корнями в 1920-е и даже в 1917 г.; политическое наследство Никиты Хрущёва, в том числе зарождение в недрах КПСС протореформенной партии; растущая открытость советской элиты по отношению к Западу, расширявшая её представления об альтернативных путях развития (как социалистического, так и капиталистического); глубокие изменения в обществе, совершившие десталинизацию системы снизу; рост социально-экономических проблем, стимулировавший прореформенные настроения на всех ступенях общества, и, наконец, незаурядное во всех отношениях руководство самого Горбачёва, которое не стоит недооценивать. Однако был ещё один, не менее значимый, фактор.

Большинство западных специалистов долгое время было убеждено, что базовые институты советской системы были чересчур «тоталитарными» или иначе устроенными, чтобы быть способными к фундаментальному реформированию. На самом деле, в системе с самого начала была заложена двойственность, делавшая её потенциально реформируемой и даже готовой к реформам. С формальной точки зрения, в ней присутствовали все или почти все институты представительной демократии: конституция, предусматривавшая гражданские свободы, законодательные органы, выборы, органы правосудия, федерация. Но внутри каждого из этих компонентов или наряду с ними присутствовали «противовесы», сводившие на нет их демократическое содержание. Наиболее важными из них были политическая монополия Коммунистической партии, безальтернативное голосование, цензура и полицейские репрессии (93). Всё, что требовалось, чтобы начать процесс демократических реформ, это желание и умение устранить эти противовесы.

Горбачёв, как и его ближайшие помощники, осознавал эту двойственность, которую он характеризовал как «демократические принципы на словах и авторитарность на деле». Для того чтобы демократизировать систему, отмечал он позднее, «не пришлось ничего придумывать», только, по словам одного его советника, превратить демократические компоненты Союза «из декорации в реальность». Это относилось почти ко всем горбачёвским реформам, но самым выдающимся примером была, как он подчёркивал, «передача власти из рук монопольно владевшей ею Коммунистической партии в руки тех, кому она должна была принадлежать по Конституции, – Советам через свободные выборы» (94). Но двойственность институтов советской системы не только делала её в высшей степени реформируемой. Без неё, скорее всего, невозможна

была бы мирная демократизация и другие преобразования эпохи Горбачёва, во всяком случае, они не были бы столь стремительными и исторически значимыми (95).

Глава III

Почему исчез СССР?

Большинство версий, объясняющих, почему Советский Союз прекратил своё существование в декабре 1991 г., так или иначе предполагают, что он был нереформируем. А если это не так, то почему же тогда это огромное государство, долгие годы слывшее «второй сверхдержавой», пережившее за свою 74-летнюю историю многочисленные испытания и потрясения, внутренние и внешние, и в результате только окрепшее, вдруг внезапно исчезло? За ответом, или в поисках ответа, мы должны, в первую очередь, обратиться к историческому контексту данного события.

Летом 1990-го года, шестого года горбачёвских реформ, Советский Союз находился в состоянии дестабилизации, вызванной нарастающим кризисом практически во всех областях: экономической, социальной и политической. В течение следующих полутора лет размер государственного бюджетного дефицита и внешнего долга резко увеличился. Из-за ослабления контроля за ростом заработной платы и денежной массы подскочила инфляция. В то же время финансовые ресурсы государства, существенно сократившиеся с 1985 г. в результате падения мировых цен на советскую нефть, были практически исчерпаны. Начавшееся падение производства привело к тому, что к 1991 г. почти все основные потребительские товары исчезли с полок государственных магазинов. Экономические трудности – в ряде регионов на самые необходимые товары было введено талонное распределение – уничтожили остатки социального консенсуса вокруг горбачёвской перестройки. Многие советские граждане не хотели больше никаких реформ и даже выступали за отмену уже принятых; влиятельное меньшинство призывало к более глубоким и быстрым экономическим преобразованиям – рыночной реформе и приватизации; прочие же, по старой русской традиции, «ждали Мессию» (96).

Наиболее серьёзным из всех был политический кризис, угрожавший дестабилизацией всего советского государства снизу доверху. Принятые Горбачёвым меры по демократизации страны создали общественное пространство для проявления всех возможных форм недовольства: как старых, долгие годы подавляемых, так и недавно возникших. В 1991 г. это пространство было щедро заполнено, помимо повсеместных выбо-

ров, националистическими требованиями большего суверенитета во многих республиках, вплоть до откровенных призывов к отделению (в Прибалтике и на Кавказе) и даже этнических погромов; массовыми политическими забастовками шахтеров угольных бассейнов России и Украины и всесоюзной «митинговой стихией», отличительной чертой которой стали многолюдные анти- (и, часто не замечаемые, про-) коммунистические демонстрации на улицах Москвы и других крупных городов (97).

Между тем, парламентские выборы в РСФСР в 1990 г. породили движение так называемых «радикальных реформаторов», сплотившихся вокруг оппозиционной и неординарной фигуры бывшего кандидата в члены Политбюро Бориса Ельцина. Практически все лидеры этих новых «радикальных реформаторов», или, как они ещё себя называли, «радикальных демократов», начинали как коммунисты и горячие сторонники Горбачёва. Летом 1990 г. они, вслед за Ельциным, стали один за другим выходить из КПСС, разом отвергнув и её роль в современной жизни страны, и всю историю, начиная с Ленина.

Глубокий кризис переживало и само политическое руководство Горбачёва. Его популярность, неизменно высокая в течение пяти лет, во второй половине 1990 г. резко упала – в отличие от Ельцина, чья популярность росла день ото дня (98). Авторитет Горбачёва ещё больше сократился в июне 1991 г., когда Ельцин был всенародно избран президентом Российской Федерации: на этом фоне президентство Горбачёва, избранного президентом СССР на съезде народных депутатов годом раньше, выглядело гораздо менее легитимным. То же касалось его репутации «освободителя», которой он ранее пользовался в глазах, возможно, самой главной своей опоры – перестроечной интеллигенции. Не видя больше в нём самом или в его идее социалистических преобразований сплачивающего начала, некоторые из наиболее известных представителей этой группы, его «прорабы гласности и перестройки», покинули его и примкнули к Ельцину.

Но ещё более опасной для Горбачёва в той ситуации политической неопределенности, где-то между уже ликвидированной диктатурой и демократией, была утрата поддержки со стороны партийно-государственной элиты. Осенью 1990 г. перестроечная коалиция с умеренно-реформаторским крылом номенклатуры, позволившая ему осуществить все те крутые перемены, которые произошли после 1985 г., окончательно распалась. С точки зрения наиболее влиятельных её представителей, таких как Егор Лигачёв или Николай Рыжков, политика Горбачёва оказалась не просто слишком радикальной, а откровенно деструктивной, ведущей страну «к гибели». Даже ближайшие сподвижники больше не могли поддерживать его. Как пояснял позже его главный военный советник: «Горбачёв мне дорог, но Отечество дороже» (99). И хотя пока

ни Лигачёв, ни Рыжков ещё не перешли в открытую оппозицию, они уже не защищали его от бюрократического гнева, направленного на его руководство.

Открыв для себя всю пользу гласности, лидеры всех влиятельных советских институтов: партийного аппарата, министерств, армии, КГБ, – и даже голосовавшие за него народные депутаты теперь открыто ополчились против Горбачёва. Они обвиняли его в том, что своими реформами он «уничтожил КПСС, разложил Союз, потерял Восточную Европу, ликвидировал марксизм-ленинизм… нанёс удар по армии, опустошил прилавки, развёл преступность» и т. д. Насколько сильно было их недовольство, говорило брошенное в сердцах обвинение в том, что Горбачёв поставил страну «перед опасностью более грозной, чем даже в 41-ом году». Сначала в кулуарах, затем всё более публично зазвучали угрозы сместить Горбачёва, если он немедленно не «наведёт порядок». Вовсю муссировались слухи об антигорбачёвском перевороте (100).

Это были не пустые угрозы. Антигорбачёвские настроения были чрезвычайно сильны среди военных и других силовиков – «людей с оружием», как напомнил наблюдателям один из его советников (101). Особенно их раздражала его внешняя политика, в том числе сделанные им серьёзные уступки Соединенным Штатам в области разоружения, вывод советских войск из Восточной и Центральной Европы, воссоединение Германии на западных условиях и отказ воспротивиться войне США против вторгшегося в Кувейт Саддама Хусейна. Горбачёв настаивал, что все эти беспрецедентные шаги были необходимы для завершения холодной войны и гонки вооружений с Соединёнными Штатами, налаживания связей с объединённой Европой и, в конечном счёте, упрочения безопасности страны. Противники же его считали их «преступными», видели в них «советский Мюнхен», «предательство всего того, что было достигнуто послевоенным поколением», «катастрофу», равную «последствиям поражения в третьей мировой войне» (102).

На рубеже 1990–1991 гг., оказавшись под перекрёстным огнем, с одной стороны, реакционных угроз, с другой – требований более радикальных преобразований, а также призывов к наведению «твёрдого порядка в стране», разделяемых тремя четвертями общественного мнения, Горбачёв совершил отчаянный политический манёвр, значение которого большинством наблюдателей так и осталось не понятым (103). Известный как «правый поворот» Горбачёва, манёвр этот заключался в том, что он публично дистанцировался от нескольких самых известных своих сподвижников-реформаторов и произвёл ряд перестановок в правительстве, которые выглядели так, словно он намеренно решил отдать его «в руки злостных противников реформ». Создавалось впечатление, что он полностью превратился в «консерватора» и даже «главу возрож-

денного авторитаризма» (104). Многие бывшие сторонники обвинили его в предательстве идей перестройки, а ближайший союзник в правительстве, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, подал в отставку.

На самом деле, Горбачёв, который всего несколькими месяцами ранее говорил о готовности принять «более радикальные» меры в политике и экономике и не переставал считать себя «демократом, склонным к радикальным взглядам», пытался спасти свои реформы путём создания новой коалиции из числа тех высокопоставленных функционеров, которых он, и небеспочвенно, считал умеренными в условиях 1990–1991 гг. Свою новую позицию он называл «центризмом» и защищал её от того, что он считал растущим «экстремизмом» слева и справа (105). В течение этих нескольких месяцев Горбачёвым действительно был принят ряд жёстких мер во имя «порядка и стабильности», но при этом он заверил своих сторонников, что это лишь «тактический манёвр», что его реформы это «вечные ценности» и что он никогда не «повернёт назад». Он и на самом деле не отступился ни от одного из своих демократических преобразований и даже продвинулся вперёд, проведя беспрецедентный референдум о судьбе Союза. Как отмечал в своё время один из его «радикальных» критиков, «то, что Горбачёв внезапно стал правым… это абсурд». Позже эту же мысль высказали два исследователя, пришедшие к выводу, что Горбачёв «не думал поворачивать назад, он просто пошел вперёд более осторожно» (106).

Как бы то ни было, манёвр очень скоро обернулся политическим провалом. В тех условиях крайней поляризации общества в нём просто не оказалось устойчивого центра. Разрываясь между стремлением сохранить свой статус отца советской перестройки и пониманием необходимости стабилизировать ситуацию в стране и своё положение в руководстве, Горбачёв колебался между ельцинскими радикалами и собственным правительством, а его новые министры, между тем, готовили против него заговор. И когда в апреле 1991 г. он пригласил Ельцина и других республиканских лидеров в Ново-Огарёво обсудить план радикальной децентрализации Союза, в правительстве был запущен механизм подготовки августовского переворота, нацеленного на его устранение.

Несмотря на всю серьёзность этих кризисов, они не могут служить объяснением конца Советского Союза. Кризисная ситуация явилась результатом, в первую очередь, отмены «командных» элементов прежней административной системы в политике и экономике, в то время как новые демократические и рыночные процессы в них не успели набрать полную силу. Дальнейшее развитие новых институтов вкупе с предложенными Горбачёвым и другими лидерами антикризисными мерами были в тот момент разумным и реальным выходом. На самом деле, со-

ветскому режиму доводилось переживать и худшие периоды дестабилизации, например, во время коллективизации и голода в 1929–1933 гг. или германского вторжения в начале 1940-х. Более того, глубина кризисных процессов в 1990–1991 гг. зачастую преувеличивалась комментаторами-современниками – а их оценки сильно повлияли и на более поздние исследования – отчасти по политическим мотивам, отчасти потому, что стало «модно говорить и писать о кризисе», но, главным образом, из-за того, что для Советского Союза, в отличие от других стран, политические и экономические беспорядки были беспрецедентным явлением и имели поэтому чрезвычайный психологический эффект (107).

Но даже при этом мало кто (если вообще кто-нибудь) из информированных наблюдателей в то время видел в кризисе предвестие краха советской системы. Большинство, напротив, рассматривало его как «кризис выздоровления» – совокупность симптомов, свидетельствующих об идущей полным ходом трансформации, или «переходе», страны в новое качество (108). И в этом отношении они были согласны с Горбачёвым: «Логика и ценности стабильности… не совпадают с логикой и ценностями реформаторских прорывов». Или, как выразился он в другой раз, «если стабильность, то конец перестройке», а значит, «не надо бояться хаоса» (109). Очевидно, так же полагали и все ведущие разведки мира: во всяком случае, ни одна из них, судя по донесениям 1991 г., не предвидела конца самого Советского Союза, речь шла лишь о форме его прежнего существования (110).

Как же тогда объяснить то, что случилось в итоге? Вопрос этот чрезвычайно важен. Вполне естественно, что для многих россиян, может быть, даже для большинства из них конец Советского Союза остаётся «вопросом века», вызывающим страсти сродни тем, что присущи «религиозным фанатикам», вопросом, на который «никто толком народу не ответил» и который «чем больше пройдёт лет, тем труднее будет понять» (111). Но и для нас вопрос об исчезновении этого огромного, ставшего эпохой государства и о том, почему это произошло, имеет жизненно важное значение. Это событие, как никакое иное в современной истории, явилось определяющим для мира, в котором мы все живём после 1991 г.

Читателей уже не должен удивить тот факт, что большинство версий ответа на этот вопрос, которые можно найти в обширной специализированной литературе, как и множество интерпретаций советской истории вообще, изобилует ошибочными оценками, заблуждениями и идеологической предвзятостью, свойственными ретроспективному подходу. Так, один учёный муж убеждает нас, что «в ретроспекции» конец Советского Союза «легко объясним и вовсе не удивителен», хотя в своё время он ничего подобного не предвидел, да и сейчас не даёт убедительного объяснения (112). Удивить читателей, однако, может то, что,

несмотря на обилие в литературе подобных решительных утверждений, согласия по поводу того, какие конкретно факторы или фактор привели к концу Советского Союза, нет и в помине.

Вместо этого существует, как минимум, десять различных версий объяснения (113). Некоторые из них, типа рассуждений о пресловутой нереформируемости советской системы, слишком необоснованны, чтобы представлять серьёзный интерес. Другие, по замечанию одного российского исследователя, «чрезвычайно импрессионистские и поверхностные», не более чем «сборник банальностей» и «стереотипов». А третьи, хотя и отличаются серьёзным и обстоятельным подходом, называют так много самых разных, порой противоречивых, факторов, что никак не способствует формулированию внятного ответа на вопрос (114).

Отбросив эти версии и сгруппировав ряд наиболее часто называемых в литературе факторов по признаку сходства, мы получим шесть разных объяснений конца Советского Союза, которые заслуживают нашего внимания:

– Конец Советского Союза был «неизбежен», поскольку был «предопределён» неким неисправимым генетическим или врожденным дефектом.

– Система пала жертвой антисоветской народной революции снизу – демократической (в России) и/или национальной (в других советских республиках).

– Основание советской системы оказалось подточено неработающей экономикой, что привело к экономическому коллапсу.

– Постепенные преобразования (перестройка), которые попытался проводить Горбачёв, вышли из-под контроля и, как не раз уже случалось в российской истории, пали жертвой национальной традиции максимализма, или экстремизма, разрушившей основания системы.

– Исчезновение Советского Союза – это классический пример решающей роли лидеров в истории, в данном случае, сначала Горбачёва, затем Ельцина.

– Распад Союза был «элитным» деянием, и, значит, объяснение нужно искать в поведении номенклатуры или отдельных её сегментов в конце 1980-х и начале 1990-х гг.

Начнём с неизбежности. Тезис о том, что Советский Союз был с самого начала обречён, есть, как не раз отмечали российские учёные, упрощенческая разновидность исторического детерминизма, весьма схожая с вульгарным марксизмом, некогда преподаваемым в советских школах (115). Кроме того, это чрезвычайно характерный пример предопределения «постфактум». Вот перед вами красноречивые образцы западного научного мышления, взятые из работ трёх ведущих специалистов. В 1990 г., по мнению первого, конец Советского Союза «казался абсолютно немыслимым». А в 1998 г., констатирует второй, «никто не вы-

ражает ни малейшего удивления по поводу того, что Советский Союз рухнул». И, наконец, в 2002 г., считает третий, мнение о том, что «распад был неминуем», являлось «преобладающим» (116). Что это было: концептуальное открытие, склонность мыслить «задним умом» или дань политической моде, – превратившее «немыслимое» в экспертной оценке в «неминуемое»?

Что касается фатального дефекта, якобы предопределившего гибель Советского Союза, то обычно, так или иначе, говорят о трёх. Все они, естественно, исходят из аксиомы о нереформируемости системы. С первым мы уже сталкивались и отвергли как теологический: первородный грех советской власти, или изначально присущее ей зло. В качестве второго называют «издержки социализма», под которыми понимается неестественная идеология, уничтожившая систему. Этот тезис также в основном есть проявление идеологической неприязни к иной идеологии (117). Несколько сложнее обстоит дело с третьим свойством системы, часто называемым в качестве фактора её обречённости: Советский Союз был «империей», а все «многонациональные империи обречены» (118).

С этим распространённым утверждением связан ряд серьёзных проблем. Во-первых, сторонники его зачастую путают или не разделяют конец собственно Советского Союза в 1991 г. и падение советской империи в Восточной Европе двумя годами ранее, а это разные вещи. (Впрочем, это не значит, что те события не имели глубоких последствий для Восточной Европы, хотя о степени их значимости можно спорить (119)). Во-вторых, оно также почти полностью основано на ретроспективном анализе. Многие западные учёные впоследствии решили, что «Советский Союз был явной империей», но до 1991 г. мало кто из них действительно считал это многонациональное государство империей (120). В-третьих, этот тезис тоже сильно попахивает идеологией, поскольку определение «империя» здесь носит отчётливо негативный оттенок. В итоге, это объяснение утратило часть своей аналитической целостности (и идеологической убедительности) после 11 сентября 2001 г., когда широкий спектр американского политического мнения решил, что существует или должна существовать американская империя – и, разумеется, никак не связанная с понятиями «зло» или «обречённость» (121).

Главный вопрос, однако, состоит в том, был ли Советский Союз внутри себя империей и, если так, является ли это достаточным объяснением его исчезновения? Исследователи часто утверждают, что «СССР распался, потому что был империей», но при этом три ведущих западных авторитета считают, что его конец не был неизбежным, ещё один специалист сомневается, а другой отрицает, что СССР был империей, и так же думают очень многие учёные и мыслители в постсоветской

России (122). Впрочем, даже сторонники «имперского» тезиса признают, что Советский Союз был «империей особого рода» и «отличался… по ряду важных признаков» от традиционных империй (123). Так, несмотря на всё многолетнее политическое давление, там не существовало экономической эксплуатации союзных республик со стороны российского центра. Напротив, отсталые республики подверглись при советской власти существенной модернизации – во многом за счёт экономики России (124).

И закончил своё существование Советский Союз не как традиционные империи, в том числе его предшественница, царская Россия, которые разваливались под тяжестью войн и политической оппозиции со стороны колониальных окраин. В советском случае войны не было, а перед самым концом семь республик даже вели с Москвой переговоры о заключении нового союза. Среди этих семи были и пять центральноазиатских республик, которые якобы больше всех пострадали от «колонизации», но при этом меньше всего хотели расставаться с Союзом. А разрушил Советский Союз, главным образом, его собственный «имперский» центр, Москва, перешедший под контроль Ельцина. Так что, если в Советском государстве и были какие-то имперские аспекты, их было, по мнению самых авторитетных исследователей, явно недостаточно, чтобы означать, что «он был обязательно обречён на распад» (125).

Не менее распространённый тезис о том, что Советский Союз был разрушен мощным революционным движением снизу, звучит столь же неубедительно. Существуют две версии этих, как их окрестил один российский специалист, «популистских интерпретаций» и «политических мифов» (126). Первая особого внимания не заслуживает: как мы успели убедиться ранее, никакой народной антисоветской революции в самой России не было. Не существует, как мы тоже убедились ранее, и реальных доказательств того, что советская система пала жертвой «кризиса легитимности» и, прежде всего, «делегитимизации» социалистической идеологии, главную роль в которой сыграли разоблачения периода горбачёвской гласности (127). Возможно, россияне и оценили свои новые политические свободы и выступили против Коммунистической партии, но «подавляющее большинство», как припомнят читатели, оставалось просоветским и просоциалистическим.

Вторая версия тезиса о «революции снизу» помещает эту революцию в основном за пределы России, в другие советские республики. В соответствии с этим выспренним и обобщенным объяснением, порой смыкающимся с «имперским тезисом», Союз был опрокинут «народами… всех республик», «восстанием [советских] наций», «замечательной национальной мобилизацией», поднявшей «повсюду волны нацио-

нально-освободительного протеста». Иными словами, в том была «воля народов… что Советский Союз должен умереть» (128).

Это объяснение плохо стыкуется с реальными фактами, не самую последнюю роль среди которых играют те 76% голосов, отданных за Союз на референдуме, состоявшемся всего девятью месяцами ранее. Противоречит ему и несамостоятельное, послушное поведение лидеров большинства союзных республик, от Средней Азии и Закавказья до Украины, во время событий августа 1991 г. Пока они думали, что ГКЧП в Москве может победить и восстановить власть центра во всей стране, они либо демонстрировали лояльность, либо помалкивали (129). По этим и другим причинам, некоторые западные и российские аналитики высказывают совершенно иное мнение относительно конца Советского Союза: была «лишь ограниченная мобилизация масс», так что Союз «развалили не толпы народа, который вышел на улицу под националистическими лозунгами». А группа российских (некоммунистических) экспертов пять лет спустя пришла к выводу, что распад Союза произошёл «вопреки воле его народов» (130).

Главная ошибка, влекущая за собой прочие заблуждения сторонников тезиса о «национально-освободительной революции снизу», состоит в том, что во всех или почти во всех из тысяч этнических протестов горбачёвской эпохи они видят требования отделения и полной независимости (131). На самом деле, в огромном большинстве случаев протесты были вызваны желанием восстановить ту или иную попранную справедливость в рамках Союза и до конца 1991 г. были «не борьбой против СССР», а борьбой между этническими группами, или, как отмечают некоторые российские наблюдатели, «некой декорацией» для прикрытия своекорыстных политических интересов местных элит (132). К этому важному вопросу мы ещё вернёмся.

Ошибочность данного тезиса усугубляется ещё и той путаницей, которая возникла и до сих пор существует между понятиями «суверенитет» и «независимость». В соответствии с доперестроечной советской конституцией, все союзные республики были «суверенными». В начале 1990 г. Горбачёв призвал недавно избранные республиканские съезды народных депутатов подтвердить свой суверенитет, в качестве подготовительного этапа к заключению нового союзного Договора (133). Практически все сделали это, и никто, если не считать прибалтийские республики, не счёл тогда, что суверенитет должен означать независимость от Союза. Даже роковая резолюция о суверенитете, принятая Съездом народных депутатов РСФСР в июне 1990 г., несмотря на позднейшие утверждения, «на самом деле не имела ничего общего с независимостью». Именно поэтому за неё проголосовали 927 из 929 делегатов съезда, включая убеждённых сторонников Союза – коммунистов (134). И именно поэтому собравшиеся весной 1991 г. в Ново-Огарёво лидеры

девяти республик, включая Россию, и Михаил Горбачёв смогли подписать соглашение, призвавшее к созданию нового «Союза Суверенных Советских Республик».

И всё-таки толкование суверенитета как полной независимости сыграло важную роль в конце Советского Союза. Частично это произошло из-за неоднозначного смысла самого слова, по-разному толкуемого в разных языках СССР, но, главным образом, потому что это отвечало политическим амбициям ряда республиканских лидеров и стоявших за ними элит. В особенности это касалось российского лидера Ельцина и украинского лидера Кравчука. В конце 1991 г. слова «суверенитет» и «независимость» то и дело звучали в ходе многочисленных политических баталий по всей стране, но даже опытный специалист по советским СМИ не мог бы сказать с уверенностью, что имелось в виду в каждом конкретном случае.

Это позволяет объяснить неожиданный результат декабрьского референдума 1991 г. в Украине, который обычно приводят в качестве решающего довода в пользу версии о народной национально-освободительной революции. Тогда 90% участников референдума проголосовали за «независимость», хотя всего девятью месяцами ранее, на всесоюзном референдуме в марте, 70% украинцев (и 80% при дополнительном голосовании) проголосовали за сохранение Союза. Украина, наряду с Россией, Белоруссией и Западным Казахстаном, составляла славянское ядро Советского Союза. И когда, спустя несколько дней, Ельцин, Кравчук и следовавший за ними лидер сравнительно небольшой Белоруссии отменили Союз, они использовали декабрьский референдум как оправдание.

Но неужели действительно так много украинцев, столетиями связанных с Россией и едва ли отличимых от своих славянских соседей, проголосовали за выход из Союза? В Украине была уже «значительная путаница» в словах «суверенитет» и «независимость», и ими вовсю манипулировала обернувшаяся националистами бывшая коммунистическая элита во главе с Кравчуком, используя их практически как синонимы (135). Как «в общем-то, справедливо», по словам одного американского учёного, указывал Кравчуку Горбачёв, выступивший против использования тем результатов референдума, другие республики провозгласили независимость, не означавшую «обязательного выхода из Союза». Более того, как утверждает ещё один американский учёный, основываясь на данных голосования, вопрос референдума был сформулирован неопределённо; от участников просто требовалось ответить, хотят ли они «независимости Украины». Если бы было сказано, что это означает выход из Союза, итог голосования мог бы быть принципиально иным (136). Десять лет спустя 60% украинцев желали бы иметь, в той или иной форме, союз с Россией, и только 46,5% проголосовали бы на референдуме за независимость (137).

Каким бы ни оказался итог событий, Украина, как и большинство других республик, не пережила народной революции во имя освобождения от Союза. Там, как и везде, рост антисоюзных настроений имел место «больше в политике элит, чем в массовом общественном мнении», то есть, «сепаратизм шёл… сверху» (138). Оглядываясь назад, на события 1990–1991 гг., один российский специалист пришёл к выводу о «почти полном отсутствии во всех советских республиках (за исключением Прибалтики и Грузии) сколько-нибудь серьёзных сепаратистских настроений». К такому же выводу, предупредив попутно об опасности ретроспективного подхода, пришёл и известный британский учёный. «Только в Прибалтике (и, возможно, в Закавказье), – пишет он, – национальный вопрос принял форму требования безотлагательной независимости» (139).

Третья распространённая версия объясняет конец Советского Союза «принципиально неработающей» экономикой: мол, это сделало всю систему «нежизнеспособной» и привело, в конечном итоге, к «полному и окончательному краху». (Некоторые сторонники данной версии приписывают определённую заслугу в этом Рейгану, полагая, что наращивание военной мощи в начале 1980-х гг. приблизило или ускорило экономический коллапс.) В качестве доказательства обычно приводится экономический кризис 1990–1991 гг., который якобы поставил страну на грань катастрофы и даже голода (140). Это объяснение, среди убежденных сторонников которого есть как антимарксисты, так и некоторые марксисты, но очень мало экономистов, также не свободно от идеологических акцентов: «обречённую» советскую экономику представляют то как извращённо-социалистическую, то как фатально антисоциалистическую (141). Свою лепту в формирование данной версии внесли и самооправдания ельцинских «радикальных реформаторов». При всем том, что их «шоковая терапия» обернулась для России 1990-х гг. ещё большей катастрофой, они настаивали, что «крах советской экономики» не оставил им выбора (142).

Это объяснение не более убедительно, чем первые два. Экономики «со стажем» обычно не терпят внезапный «крах» и не приводят к гибели собственные государства. Этого не случилось, к примеру, ни в более ранние периоды советской истории, хотя среди них были и более трудные в экономическом отношении, ни во время разрушительной «великой депрессии» 1930-х гг. в США, ни позднее в России, когда её постсоветская экономика оказалась охвачена куда более серьёзными кризисами (143). Более того, кризис 1990–1991 гг. на самом деле не был кризисом советской экономики, которая демонстрировала рост ещё в 1985–1989 гг., – это была уже постсоветская, или переходная экономика (144). К 1990 г., благодаря реформам Горбачёва и другим изменениям, элементы партийно-государственного командования и контроля,

являвшиеся характерной чертой и движущей силой советской экономики в течение десятилетий, были в основном устранены или ослаблены.

Да и сам экономический кризис, несмотря на всю его серьёзность, не был действительно «крахом». (Как убедился позднее, изучив новые данные, один американский экономист, «советская экономика была гораздо более прочной, чем предстает в ретроспекции».) Граждане продолжали работать и получать зарплату, и экономика в целом, несмотря на растущий беспорядок, продолжала функционировать, время от времени даже демонстрируя некоторые признаки выздоровления (145). В 1990 г. промышленное производство начало резко падать, но сельскохозяйственные показатели оказались одними из самых высоких за десятилетия. Конечно, кризису способствовало то, что на руках у граждан оказалось гораздо больше свободных средств, чем когда-либо раньше: «слишком много рублей», на которые можно было купить «слишком мало товаров», поскольку большинство предметов первой необходимости, в том числе продуктов питания, исчезло с прилавков.

Этот товарный дефицит способствовал распространению мифа о тотальном экономическом крахе, но проблема заключалась, прежде всего, в кризисе распределения. В ожидании неминуемого роста государственных цен и потребители, и поставщики припрятывали товары до лучших времён: первые, из страха перед ростом цен, делали запасы дома, а вторые, надеясь впоследствии получить бóльшую прибыль, придерживали товары на складах (146). (Недаром прилавки так быстро вновь заполнились товарами, причём не только импортными, стоило Ельцину отпустить цены и девальвировать рубль.) Впрочем, значение даже этого кризиса снабжения было преувеличено. Советские люди не впервые столкнулись с проблемой дефицита. Но, хотя и раньше они периодически испытывали недостаток тех или иных товаров, панические разговоры о нависшей катастрофе и, в том числе, об угрозе общенационального голода, зазвучали только теперь и стали частью общей «истерии» 1990–1991 гг. (Панически раскупать товары первой необходимости, как только возникают слухи о дефиците, и, тем самым, создавать этот дефицит по-прежнему является российской традицией. В 2006 г., например, она проявилась в «соляной лихорадке» и была правильно расценена как «психологический» феномен, не имеющий «ничего общего с реальной экономикой») (147).

Пустые полки государственных магазинов, несмотря на яркость образа, не означали массового голода. Деревенские жители во все времена питались в основном тем, что вырастили сами, но даже многие горожане не были полностью зависимы от государственных прилавков. Существовали, пускай более дорогие, негосударственные – колхозные и кооперативные – рынки и магазины, существовали личные дачи с огородами, а, кроме того, существовала система общественного пита-

ния: почти все работающие и учащиеся советские граждане традиционно обедали в столовых по месту работы или учебы, откуда они также могли брать продукты домой. Эта устоявшаяся система продолжала действовать и в 1990–1991 гг., хотя, без сомнения, качество такого питания заметно снизилось (148).

Впрочем, каким бы серьёзным ни был данный кризис, его главная причина была не экономическая. Как говорят в один голос многие западные и российские экономисты, «СССР убила… политика, а не экономика» (149). С конца 1980-х гг. и по 1991 г. следующие одно за другим политические решения и события непрерывно ослабляли и расшатывали старую советскую экономическую систему, не оставляя при этом времени для развития на её месте новой. И, как результат, – экономический кризис. Между тем, присущая советской бюрократической системе проблема претворения в жизнь новых политических решений, только обострилась. (К лету 1990 г. Горбачёв, несмотря на свои новые президентские полномочия на бумаге, на деле был не в состоянии осуществить ни одной крупной экономической инициативы. Как сетовал один из его помощников, «самые реформаторские решения повисают в воздухе») (150).

Начало череде политических факторов, дестабилизировавших экономику, было положено принятием Горбачёвым реформ, направленных на демократизацию и децентрализацию власти. Это привело к сокращению партийно-государственного контроля над предприятиями, ресурсами, заработной платой, денежной массой и, в конечном итоге, собственностью. Затем последовали «парад суверенитетов» (причём в суверенитете многие республики и регионы всё больше видели экономическую автономию), стихийная «приватизация» без оглядки на производство и целый ряд заявлений правительства – сначала горбачёвского, затем ельцинского – о грядущем повышении цен, спровоцировавших покупательский и «запасательский» ажиотаж. Негативное воздействие на экономику оказали даже некоторые аспекты внешней политики Горбачёва: так, для вывоза военной техники и оборудования из Восточной Европы потребовалось задействовать значительные железнодорожные мощности, что также способствовало перебоям в продовольственном снабжении. В ответ на растущий спрос и дефицит товаров, региональные власти – и, похоже, не без участия недругов Горбачёва – начали придерживать свою продукцию, саботируя общенациональный рынок и, тем самым, нанося ему ещё больший ущерб (151).

И здесь также свою разрушительную роль сыграл августовский путч 1991 г. Ещё более ослабив центральную власть Горбачёва и союзного правительства, он усугубил экономическую ситуацию и, в конечном счёте, привёл к расчленению единой союзной экономики. К концу года Ельцин, от имени РСФСР, не только отказался платить налоги в союз-

ный бюджет, но и присвоил себе ряд экономических и финансовых активов Союза (152). Экономика, жаловался Горбачёв, стала «заложницей политики» (153). И, по мере того как политика становилась всё более радикальной и экстремальной, те же черты приобретал и экономический кризис.

Политический радикализм, поразивший страну и особенно столичные Москву и Ленинград в 1990–1991 гг., является центральным пунктом четвёртой версии распада СССР. Представляя российскую историю как «цикличный» процесс (154), её сторонники утверждают, что перестройка потерпела крах по тем же самым причинам, что и все предыдущие попытки модернизации страны путём постепенных, эволюционных преобразований: пала жертвой полного драматических страстей и предельно деструктивного экстремизма.

В соответствии с этим «трагическим» взглядом на давнюю российскую традицию неудачных реформ и упущенных возможностей, «с её жуткими гримасами и жестокой иронией», итогом всегда была либо революция, либо реакция, либо и то, и другое (155). Так, реформы Александра II, предпринятые им в 1860-е гг. с целью либерализации российского общества, привели к его убийству радикалами, политике «закручивания гаек» со стороны его наследников и революционному взрыву в 1905 г. Модернизация земельных отношений, начатая премьер-министром Петром Столыпиным в 1907 г., закончилась его убийством и, в конечном счете, крахом царизма в ходе Февральской революции 1917 г. Возникшее в результате тех февральских событий, демократически настроенное центристское правительство было сметено большевистским переворотом в октябре 1917 г. Эволюционный ленинский НЭП 1920-х гг. пал жертвой сталинской «революции сверху». Даже ограниченные, направленные на десталинизацию, реформы Хрущёва 1956–1964 гг. привели к его свержению и двум десятилетиям реакционного «застоя» (156).

Главным проводником идей деструктивного радикализма при царизме было, как считается, экстремистское крыло русской интеллигенции: образованные, оппозиционно настроенные молодые люди, часто с характерным комплексом вины перед простым народом, – возникшее во второй половине XIX века. Эта радикальная русская интеллигенция, отличавшаяся, как принято считать, политическим нетерпением, максимализмом и нигилизмом, постоянно стремилась свергнуть существующий режим во имя некоего нового порядка, навеянного западными теориями, самой роковой из которых оказался марксистский социализм (157). Согласно данной версии, нигилистическая традиция интеллигенции XIX века вновь возобладала при Горбачёве, когда ряд представителей советской партийной интеллигенции, проникшись идеями свободно-рыночного капитализма и назвав себя «радикальными демо-

кратами», принялись подрывать основы эволюционной перестройки нещадной критикой и всё более антисоветскими требованиями.

В работах западных авторов эта трактовка конца Советского Союза встречается не часто и не в полном объёме – возможно, потому что большинство из них с симпатией относятся к этому самому антисоветскому «экстремизму». Зато она очень популярна в России, где ведущая роль интеллигенции считается «непреложным законом всех русских революций» (158). Как недвусмысленно пишет известный российский историк, «нет сомнения, что именно интеллигенция явилась главной силой, расшатывавшей советский строй». Другой учёный также уверен, что именно эти «политические противники Горбачёва и его осторожного, эволюционного курса» задушили перестройку и уничтожили Советский Союз. Некоторые авторы ещё более категоричны в своих обвинениях и «на сакраментальный вопрос “кто виноват?”» отвечают однозначно: «интеллигенция» (159).

В отличие от некоторых других версий развала Советского Союза, эта не является плодом позднейших умозаключений. Начиная с 1988 г. и по 1991 г. более умеренно настроенная часть советской интеллигенции, озабоченная «пресловутыми» прецедентами, предупреждала «сверхрадикалов» об опасности «большевизма наизнанку», который вновь «разрушит всё до основания». Они боялись, что традиционно присущие интеллигенции «нетерпение и экстремизм» и новое попадание «в плен максимализма» приведут к «очередным историческим потрясениям», вновь оставив нераскрытыми «эволюционные возможности отечественной цивилизации» (160). Страх того, что традиция возобладает над начавшейся советской перестройкой, был настолько велик, что сторонники реформ, от так называемых «умеренных демократов» до самого руководства во главе с Горбачёвым, всерьёз заговорили о грозной аналогии: «Нашу перестройку… постигнет трагическая судьба НЭПа» (161).

Традиция российской интеллигенции действительно сыграла важную роль в событиях последних лет существования Советского Союза. Она проявилась в поведении многих коммунистов среднего возраста, которые так быстро и круто развернулись и против своей прежней идеологии (в том числе, вдохновивших перестройку идей антисталинизма), и, в духе «своеобразного эдипова комплекса», против недавно освободившего их советского лидера. Как и в случае с их предшественниками из царской России, подобный интеллигентский радикализм часто выглядел как «личное покаяние» за «стыдный факт» предшествующей привилегированной жизни – на сей раз, партийных интеллектуалов-конформистов (162). Неудивительно, что они с таким энтузиазмом, в соответствии с ещё одним характерным аспектом данной традиции, восприняли новую максималистскую «сказку» – о возможности одним

революционным скачком, всего за «500 дней», достичь полностью приватизированной рыночной экономики. (Даже несмотря на то, что МВФ и другие западные финансовые организации также выступили против «500 дней», когда Горбачёв в 1990 г. отверг этот первый вариант «шоковой терапии» как нереалистический, болезненный в социальном отношении и небезопасный для существования Союза, ненависть к нему радикальной интеллигенции только возросла) (163).

Другой чертой, унаследованной перестроечной интеллигенцией от предшественников, от революционеров-подпольщиков XIX века до Ленина, стала страсть к политике. (Один интеллигентный наблюдатель пришёл в «ужас» от «революционной толпы, состоящей из докторов наук и академиков») (164). Доверенные им Горбачёвым важнейшие средства массовой информации они всё больше использовали для поляризации политической атмосферы. Уже к 1990 г. они стояли в первых рядах самых радикальных движений своего времени, променяв Горбачёва на более «максималистского» героя («Самые умные – за Ельцина»), о чём впоследствии некоторые из них будут глубоко сожалеть (165). Но тогда, в ноябре 1990 г. и особенно после официального применения вооружённой силы в Латвии и Литве в январе 1991 г., ответственность за которое они возложили на Горбачёва, даже «прорабы перестройки», которых он выдвигал и поддерживал с 1985 г., выступили с требованием его отставки (166).

Однако, в конечном счёте, радикальная интеллигенция не была главной причиной развала Союза. Она много сделала, для того чтобы сфокусировать общественное недовольство на политике Горбачёва и поддержать Ельцина, но никакой реальной власти, помимо этих двух руководящих фигур, у неё не было. Несмотря на весь свой вес в обществе и громкие голоса, радикальная интеллигенция пользовалась небольшим авторитетом у простых россиян, по большей части недолюбливавших её. Кроме того, радикалы представляли далеко не всю интеллигенцию даже Москвы и Ленинграда, не говоря уже о провинции, где их почти не было. Как и на протяжении большей части российской истории, интеллигенция оказалась второстепенным, а отнюдь не главным действующим лицом.

Это вплотную подводит нас к проблеме роли лидеров: Горбачёва, Ельцина или обоих, – в исторической драме 1985–1991 гг. Рассматриваемый в контексте событий, этот «субъективный» фактор был первой и основной причиной конца Советского Союза, или того, что некоторые русские называют «навязанным роспуском» (167). Многие западные специалисты (в отличие от большинства российских) с этим решительно не согласны. Советологи, подобно большинству современных интерпретаторов истории, а также по собственным, советологическим, резонам, не любят объяснять важные исторические события поведени-

ем отдельных личностей, пусть и очень влиятельных. Они предпочитают говорить об «объективных процессах» – в данном случае, тех, что были связаны с важнейшими, определяющими элементами советской системы, якобы сделавшими её гибель неизбежной (168).

Однако «решающая роль субъективного фактора» в развале СССР становится очевидной из простого контрфактического примера: стоит убрать двух этих главных протагонистов, особенно Горбачёва, и становится почти невозможно представить, чтобы события 1985–1991 гг., приведшие к печальному итогу, развивались именно таким образом. Зато, считает известный американский учёный, легко представить себе Советский Союз, «продолжающий идти своим путём в условиях относительной стабильности. Вот единственно возможный вывод» (169). И с ним согласны не только очень многие российские авторы, пишущие на эту тему, но и большинство российских граждан, о чём говорят регулярные опросы общественного мнения, и, по крайней мере, несколько западных специалистов. Все они тоже «не видят каких-то мощных объективных экономических, социальных и политических причин, способных разрушить столь сильное и большое государство» (170).

Однако и среди сторонников «лидерской» версии имеются существенные разногласия. Споры (особенно в России) вокруг характера руководства в те годы, как то: двигали ли им благие намерения или оно изначально не несло ничего, кроме вреда; отличалось мудростью или непрофессионализмом; достойно или не достойно уважения; насколько преднамеренными или непреднамеренными оказались его итоги, – представляют интерес, но для нас важно другое. Нас больше интересует, кто из лидеров несёт главную ответственность за исчезновение Советского государства. Одни «субъективисты», как западные, так и российские, кивают на Горбачёва, другие на Ельцина, а некоторые возлагают вину на обоих лидеров.

На первый взгляд может показаться, что больше виноват Ельцин. Это он 8 декабря 1991 г. тайно встретился в Беловежской Пуще с лидерами двух других советских республик, чтобы подписать соглашение об упразднении Советского Союза. Однако вклад в этот роковой исход отсутствующего Горбачёва был более значительным – даже несмотря на то, что он изо всех сил старался предотвратить его. Без тех политических перемен, которые Горбачёв осуществил в предыдущие шесть лет, ни Ельцин, ни любой другой из тех факторов, которые называют в качестве причины распада Союза, не смогли бы сыграть сколько-нибудь значительной роли, по крайней мере, в обозримом будущем.

В конечном итоге, именно горбачёвская политика демократизации предоставила интеллигенции свободу открыто говорить о «грехах» прошлого и настоящего, позволила общественному недовольству при-

нять легальные и организованные формы, способствовала развитию национализма и формированию националистических движений, а также, ослабив центральный контроль над экономикой, приблизила её кризис. Что касается Ельцина, то он, как никто другой, выиграл от горбачёвских реформ, оказавшись в 1989 г. делегатом первого всесоюзного съезда народных депутатов, в 1990 г. – первого съезда народных депутатов РСФСР, а в 1991 г. – первым всенародно избранным президентом России. Таким образом, какую бы роль в конце СССР ни сыграли те или иные явления и события, «важнейшим ускоряющим фактором» явилось руководство Горбачёва. Неслучайно американский автор заключил: «Без Горбачёва до сих пор был бы Советский Союз» (171).

Суждения о том, к каким последствиям привело горбачёвское руководство, существуют самые разные, как в России, так и на Западе. Одни говорят, что он «вывел [Россию] из рабства» и, как «освободитель такой страны», является «единственным великим русским реформатором, которому реформа удалась». Другие, что его «невероятное политическое невежество» сделало его «одним из самых ярких примеров провального руководства в истории». Третьи и вовсе обвиняют Горбачёва (и Ельцина) в том, что они явились вольными или невольными участниками американского заговора с целью уничтожения Советского Союза (172). (По сути, широко распространённые в России теории заговора и популярные в США триумфаторские утверждения, что это американский президент или какая-то тайная служба «покончили с коммунизмом», – одного поля ягоды. Ни в тех, ни в других нет ничего достойного внимания, так что рассматривать их здесь мы не будем) (173).

Но, каким бы ни оказался вердикт знающих комментаторов, ни у кого из них нет сомнений в том, что в 1985 г. Горбачёв был единственным человеком в руководстве правящей Коммунистической партии, кто хотел и мог начать подобные реформы, а в последующие нескольких лет, когда политический класс перерос рамки КПСС, единственным, кто хотел и мог пойти на ещё более радикальные меры, даже перед лицом растущей оппозиции. Вот почему некоторые американские и российские учёные утверждают, что Горбачёв был чрезвычайно редкой фигурой в истории – лидером, «делающим события», или, как было сказано по поводу его не менее значительной роли в окончании холодной войны, «исторически роковой личностью» (174).

Именно в результате способности Горбачёва «делать события» и Ельцин, прежде мало кому известный провинциальный партийный руководитель, после его назначения по личной рекомендации нового генсека в Москву, также превратился в «роковую личность». («Не было бы Горбачёва, – заверяет нас знающий человек, – не было бы Ельцина» (175).) К 1991 г., будучи президентом единственной действительно неотъемлемой республики Союза – России, лидером растущего легиона

«радикальных реформаторов» и народным «мессией», он определял судьбу начатых его патроном и оказавшихся в кризисе реформ, а значит, и непосредственно судьбу Союза. До провала августовского переворота он ещё колебался, не зная, поддержать ему Горбачёва или выступить против него. Но сразу после путча Ельцин, словно совершая свой собственный маленький путч, повёл наступление на и без того ослабленного противника, систематически, один за другим ликвидируя союзные институты власти и добиваясь передачи в пользу своей РСФСР практически всех политических и экономических полномочий союзного правительства (176).

Последним шагом стало уничтожение того, что ещё оставалось у Горбачёва-президента: его государства. И если формально отменившее Союз Беловежское соглашение подписали три человека, по сути это сделал один. Без Ельцина, как говорил потом один из бывших республиканских лидеров, «не было бы Беловежского документа» (177). Что касается двух других лидеров, то глава советской Белоруссии (вскоре ставшей Белорусью), верный традиционному статусу «младшего славянского брата», беспрекословно последовал за российским лидером, а глава Украины Кравчук, хотя и демонстрировал склонность к «независимости», тоже попал под влияние Ельцина (178).

Вслед за Ельциным, оправдывавшим Беловежье его «неизбежностью» (179), большинство западных авторов также уверовали в то, что к декабрю 1991 г. союзная альтернатива окончательно исчерпала себя. Но это было не так. Как признавался всего месяцем ранее сам Ельцин, а впоследствии подтвердил один из его главных советников на Беловежской встрече, она продолжала существовать (180). Об этом свидетельствовали не прекращавшиеся переговоры между Горбачёвым и рядом республиканских лидеров и опросы общественного мнения, демонстрировавшие неизменную поддержку Союза. Более того, Союз из семивосьми оставшихся республик, поддержи его Ельцин, мог бы, с учётом его размеров и ресурсов, подтолкнуть к возвращению остальных, в том числе Украину. Проблема заключалась в другом. В том, что, даже формально продолжая переговоры с Горбачёвым, Ельцин уже решил, что союзная альтернатива его больше не устраивает (181).

Что же заставило двух этих лидеров сделать то, о чём ещё несколькими месяцами ранее практически никто не мог подумать – уничтожить супердержаву XX века? Очевидно, что оба были людьми незаурядной политической воли, но не менее очевидно и то, что воля была у них разная: у Горбачёва воля к реформам, а у Ельцина воля к власти. Различие это не означает автоматического осуждения того или другого: последствия горбачёвской тяги к реформам могут быть так же неоднозначны, как и последствия тяги его противника к власти. Но при этом несомненно то, что эти двое сыграли взаимосвязанную роль в событи-

ях, которые за какие-то шесть лет привели к исчезновению государства, ещё в 1985 г. казавшегося нерушимым.

Это примечательное стремление Горбачёва реформировать унаследованную им советскую систему и неразрывно, в его представлении, связанный с ней международный порядок, основанный на состоянии холодной войны между СССР и США, часто упускают из вида те, кто упрекает его в отсутствии энтузиазма и слишком медленном темпе реформ. На самом деле, страстная, безоглядная преданность реформам, названным им перестройкой, была главной чертой горбачёвского руководства, и, по мнению знающих наблюдателей, она обусловила, напротив, слишком быстрый темп нововведений. Имея в виду именно эту почти христианскую приверженность идее реформ, один бывший критик позднее назвал Горбачёва «апостолом Михаилом», подчеркнув при этом, что он использовал власть «не ради власти», а будучи «озабочен… судьбой начатого им переустройства жизни». Мало кто из наблюдателей сомневался, что «все произошедшие [к 1990 г.] титанические сдвиги» произошли благодаря «политической воле Горбачёва» (182).

Только этой всепоглощающей волей к реформам можно объяснить те фатальные шаги, которые Горбачёв сделал – или не сделал. Этим объясняется то, что он шёл, перепрыгивая через тотемы и табу, на еретические изменения, даже не заручившись поддержкой собственной перестроечной коалиции, а затем и на ещё более радикальные шаги – перед лицом растущей угрозы оппозиции. «Никто не знает, как далеко я пойду», – сказал он помощнику ещё в самом начале пути и так и сделал: пересекая один политический рубикон за другим, ликвидировал диктатуру Коммунистической партии в стране и советскую империю за рубежом и ни разу при этом не повернул назад (183).

Этим же, что не менее примечательно, объясняются и две характерные черты горбачёвского руководства, которые были и остаются беспрецедентными в российской политической истории. Первая состояла в пренебрежении, буквально разбазаривании огромной личной власти, унаследованной им вместе с должностью генерального секретаря ЦК КПСС. Как он сам неоднократно и без сожаления признавался: «Я бы работал так, как до меня работали, правили. Как Брежнев… как император». И, чтобы подчеркнуть, добавлял: «А есть ли ещё другой случай в истории, чтобы человек, получив власть, сам же её и отдал?» (184). Результатом было его растущее политическое бессилие.

Второй уникальной чертой правления Горбачёва была его «глубокая неприязнь к использованию силы». Можно спорить о том, как часто он реально прибегал к использованию вооружённой силы – многие русские до сих пор жалеют, что он делал это не так часто и эффективно, как мог, – но, учитывая суровое прошлое страны и масштаб изменений, произведённых под его руководством, на его руках действительно ос-

талось мало крови, можно даже сказать, «ни капли» (185). За этим стоит его приверженность тому беспрецедентному для России типу реформ, которому он пообещал следовать в 1987 г., – «революции без выстрелов». Этому своему «кредо реформ» и «принципиальному ненасилию», которые для него были «не просто слова, а твёрдое убеждение, жизненная идея», Горбачёв в основном остался верен до конца – «в отличие от Линкольна», мог бы он добавить. Во имя своей реформаторской миссии, отмечает российский автор, Горбачёв «готов был отдать всё – и корону, и державу, и союзников» (186).

Но если горбачёвская воля к реформам порой и подвергалась сомнению, то воля к власти его соперника, Ельцина, никогда. (Горбачёв, подчёркивая разницу между собой и Ельциным, говорил, что «царь Борис», как он насмешливо называл его, «боготворит власть») (187). С момента появления Ельцина на советской политической сцене его все воспринимали как человека, убеждённого в том, что его судьба – править. У него, пишет британский корреспондент, была «огромная жажда власти и чутьё на то, где её можно найти», а российский журналист, некогда бывший почитателем Ельцина, назвал его позже «алкоголиком власти». Не отрицал этого и сам Ельцин. «Быть “первым” – наверное, это всегда было в моей натуре», – говорил он, а один из его бывших пресс-секретарей подтвердил: «Власть – его идеология» (188).

Но дело, конечно, было не только в этом. Ельцин, как и многие его поклонники, видел себя героическим «отцом независимой демократической России» (189). Но неотступная погоня за властью, осложнённая «патологической, всеуничтожающей, сжигающей его самого ненавистью к Горбачёву» (190), оказывалась, в конечном счёте, определяющей для его политической позиции. В разное время Ельцин побывал и «за», и «против» почти всех обсуждаемых в те годы инициатив: по поводу перестройки, «шоковой терапии» и свободного рынка, парламентаризма, коммунистической номенклатуры, Союза, – а также «ни за капиталистическую, ни за социалистическую» Россию. Даже поддержка независимости Прибалтики, которую так часто ставят ему в заслугу, воспринималась как «способ противопоставить себя Горбачёву». Действительно, очень многие из его политических взглядов, отличавшихся растущей радикальностью, похоже, имели смысл «не сами по себе, а, главным образом, как средство достижения личных политических целей». Это, по мнению американского посла в России, заставляло Ельцина «говорить людям то, что они хотят услышать, и он делал это не задумываясь», или, как метко выразился один российский автор, «ради власти он может стать кем угодно, хоть мусульманином» (191).

Крайним проявлением ельцинской воли к власти стал исторический Беловежский *coup d'etat*, низвергнувший то, что, несмотря на все кризисы и потери, всё ещё оставалось ядерной сверхдержавой с населени-

ем около 250 миллионов человек. Ельцин и его соавторы неизменно отрицали то, что Беловежское соглашение было переворотом, настаивая на том, что после провала августовского путча «Советский Союз фактически прекратил своё существование, и нужно было об этом заявить де-юре». (На самом деле, гораздо больше их беспокоило наметившееся политическое возвращение «хитрого Горбачёва» и то, что его просоюзная позиция набирает голоса) (192). Но если было так необходимо формально прекратить существование Советского Союза, Ельцин мог бы сделать это открыто, обратившись с соответствующим предложением к лидерам или законодательным собраниям оставшихся республик – или даже напрямую к народу, путём референдума, как это сделал девятью месяцами ранее Горбачёв (193).

Но Ельцин предпочёл отмахнуться от предусмотренных действующей конституцией законных методов и действовать нелегально, в обстановке, как он сам признавал, «сверхсекретности» и, что говорит само за себя, страха перед возможным арестом. (Чтобы обезопасить себя, беловежские конспираторы устроили встречу в надёжно охраняемом месте вблизи польской границы, причём первым человеком, которого они поставили в известность о результатах встречи и заверили в сохранении высшего военного поста, был советский министр обороны.) Результатом, по единодушному мнению самых разных независимых обозревателей, включая посла Великобритании, стал переворот, или, учитывая провалившийся августовский путч против Горбачёва, – «второй переворот». В нём, как признавал позднее один весьма уважаемый сторонник Ельцина, не было ничего «ни легитимного, ни демократического» (194).

На этот роковой шаг, как уверены многие российские и западные авторы, Ельцин пошёл, прежде всего, чтобы полностью избавиться от Горбачёва (195). Для того чтобы быть «первым», недостаточно было быть президентом одной из союзных республик, пускай даже самой важной; ему нужен был горбачёвский Кремль – средоточие и символ верховной власти. Ни у одного другого противника Горбачёва – из числа «радикальных реформаторов» или тех, кто стоял по другую сторону политической баррикады, – не было такой воли к власти. Путчисты в августе 1991 г. сосредоточили в центре Москвы внушительную военную силу, но не смогли воспользоваться ею, даже не попытались арестовать Ельцина или кого-то из его сторонников. Причины назывались разные, но все они сводились к одному: «фатальному отсутствию воли» (196).

Таким образом, именно противоположные, но симбиотически связанные воли двух экстраординарных политиков – экстраординарных ещё и в том, что появились они в один и тот же исторический момент,

и, в отдельности, судьба каждого из них могла сложиться иначе – и привели к концу Советского Союза. Возможно, читателям сложно поверить, что столь эпохальное событие явилось делом рук двух личностей, но это вполне соответствовало российской традиции лидерской политики. Два крупных специалиста по этой традиции, русский и американец, не сомневаются в той роли, которую сыграли Горбачёв и Ельцин. Первый выразил своё понимание этой роли при помощи российской исторической аналогии: «Горбачёв наша Февральская революция, а Ельцин – Октябрьская». Американский автор прибег к устойчивому западному образу: «Соперничество между Ельциным и Горбачёвым, похоже, содержало в себе все элементы шекспировской трагедии» (197).

Это объяснение выявляет главную, сущностную причину исчезновения Советского Союза и означает, что такой итог вовсе не был неизбежен. Но является ли это объяснение исчерпывающим? До сих пор остаётся непонятным, как Ельцин, не имея за собой ни армии, ни даже политической партии, сумел, фактически единолично, покончить с огромным, пускай и ослабленным государством, имеющим 74-летнюю историю, и никто: ни рядовые граждане, ни парламент, никакие другие силы, хотя бы в РСФСР, – даже не попытался воспротивиться этому?

Отсутствие общественного сопротивления беловежскому демаршу Ельцина (при том, что идея Союза и в 1991 г., и после пользовалась широкой поддержкой населения), возможно, объяснялось тремя факторами. Во-первых, пассивность русского народа в моменты судьбоносных схваток политических лидеров – неважно, чем она была обусловлена: покорностью, страхом, равнодушием или надеждой, – была ещё одной устойчивой традицией. Так что в декабре 1991 г. «народ безмолвствовал» – по расхожему выражению из пушкинского «Бориса Годунова», – не впервые (198). Второй фактор был более современным. К 1991 г. общественное мнение было уже настолько резко настроено против Горбачёва, что, без сомнения, увидело в Беловежском соглашении не конец советского государства, а желанное избавление от его непопулярного президента (199).

Третий и, по-видимому, главный фактор был тесно связан с предыдущим. На Беловежской встрече Ельцин и другие аболиционисты заявили, что вместо Советского Союза немедленно образуется Содружество Независимых Государств, которое позволит сохранить единство большинства бывших союзных республик, а также их населения, хозяйства и вооружённых сил. На бумаге это очень напоминало тот «мягкий» вариант союза, который незадолго до того предлагали Горбачёв и Ельцин. В этом смысле, как пишет российский историк, Беловежское соглашение «было преподнесено не как ликвидация, а как трансформация ранее существовавшего государства» (200). Неизвестно, было ли Содружество, со стороны Ельцина и Кравчука, действительно подлин-

ным чаянием или «обманом своих народов», но очевидно, что сразу после подписания соглашения они повели Россию и Украину прочь от какого бы то ни было союза. (Сообщения о том, что в ночь подписания документа участники встречи много пили, особенно Ельцин, помогают объяснить, почему, по крайней мере, один из подписантов впоследствии чувствовал себя запутанным или «обманутым» в том, что там происходило) (201).

Гораздо менее очевидно, почему Верховный Совет РСФСР – этот российский парламент, всенародно избранный в 1990 г. гражданами Российской республики, несколькими месяцами позже проголосовавшими также за сохранение Союза – практически единодушно (188 голосов «за», 6 «против», 7 воздержавшихся) и без обсуждения (менее часа формальной дискуссии) ратифицировал Беловежские соглашения (202). Ведь это был тот же самый парламент, который спустя всего два года не побоялся в открытую пойти против Ельцина, вплоть до вооружённого столкновения. Для некоторых российских демократов эта ратификация «навсегда останется несмываемым позором и виной российского парламента». А для Горбачёва, направившего тогда депутатам отчаянное обращение с мольбой о сохранении Союза, останутся необъяснимыми причины их внезапного «сумасшествия» (203).

Самым необъяснимым выглядит поведение депутатов-коммунистов. Составлявшие внушительную фракцию в парламенте, в большинстве своём поддержавшую августовский путч именно ради «спасения Союза», они либо не глядя, автоматически «подмахнули» ельцинский документ о ликвидации Союза, либо просто не явились на то историческое заседание 12 декабря. (В зале наглядно пустовали места почти трети депутатского корпуса.) Частью коммунистов, без сомнения, двигала нелюбовь к Горбачёву. Один из них, перед тем как отдать свой голос, даже воскликнул: «Слава Богу, эпоха Горбачёва на этом закончилась» (204). Кроме того, многие из них, подобно большинству избирателей, верили или надеялись, что, голосуя за новое Содружество, они голосуют за «обновление, возрождение Союза» – во всяком случае, так следовало из пояснений Ельцина на заседании, и некоторые обозреватели позже это подтвердили (205).

Но была и другая, более убедительная причина, заставившая депутатов-коммунистов, а возможно, и других сторонников Союза проголосовать за его отмену, – «боязнь репрессий». После августовского путча, за который КПСС подверглась грозным обвинениям и запрету, антикоммунизм стал политическим девизом нового ельцинского режима, провоцирующим новую «охоту на ведьм». Будучи «дезориентированы и подавлены», а также памятуя о репрессиях, совершённых их партией в прошлом, коммунисты опасались, что теперь пришёл их черед. И, подобно тому, как когда-то миллионы людей подчинились воле их пред-

шественников, теперь они сами, под гнётом «страха, генетически захваченного из прежних эпох», склонились перед волей Ельцина (206). Фактически беспрекословно, коммунистические депутаты проголосовали за ликвидацию государства, являвшегося воплощением их идей, истории и нынешних амбиций – и об этом им напомнят семь лет спустя, когда они, в составе уже другого парламента, попытаются объявить импичмент Ельцину за это «преступление».

Но даже эти факторы не объясняют в полной мере видимого безразличия, с которым другие, более влиятельные советские элиты, такие как верхушка бюрократической номенклатуры, восприняли ликвидацию Ельциным государства, породившего их и наградившего ни с чем не сравнимыми властью, статусом и привилегиями. Проще всего, пожалуй, объяснить молчание военной элиты – верхушки армии и КГБ. После неудачной попытки антигорбачёвского переворота, в которую они оказались втянуты тремя месяцами ранее, военные были деморализованы и опасались быть вовлечёнными в очередной конфликт между политическими лидерами. Кроме того, они давно разочаровались в Горбачёве и понимали, что теперь только Ельцин мог гарантировать им их зарплаты, чины и звания (207).

Более сложным является вопрос о молчаливом согласии советской административно-хозяйственной элиты, которая, по мнению большинства обозревателей, «продолжала держать под неослабным контролем гигантскую государственную машину» (208). И здесь мы вплотную подходим к последней версии конца Советского Союза, трактующей события следующим образом: на рубеже 1980-х и 1990-х гг. небольшой, но занимающий стратегически выгодную позицию сегмент номенклатуры был занят тем, что вовсю «приватизировал» огромные богатства СССР, «плохо лежавшие» в результате экономических реформ Горбачёва. Представители этого сегмента, по общим оценкам, «превращали власть в собственность», а значит, потенциально, в ещё большую власть. Следовательно, они были мало или вовсе не заинтересованы в защите государства, чьи активы они растаскивали.

В многочисленных российских и даже в значительно более редких западных исследованиях, представляющих эту версию распада СССР, можно встретить самые разные трактовки «номенклатурной приватизации». Одни видят в ней закономерный итог длительного исторического процесса борьбы советской номенклатуры за превращение в самостоятельный правящий класс, по праву владеющий гигантской госсобственностью, которой они всегда только управляли, но не могли ни извлекать из неё прибыль, ни передавать по наследству. Другие считают лихорадочную приватизацию спонтанной, незапланированной реакцией на утрату номенклатурой её доминирующих позиций в результате горбачёвских политических реформ и на изменение экономической си-

туации в Восточной Европе – своего рода «выходным пособием», или, по-английски, «золотым парашютом» для прыжка в новую систему (209). Для одних это был естественный (в советских условиях) путь возникновения российского капиталистического класса; для других – «преступное» разграбление страны (210).

Но какими бы ни были корни и суть данного явления, оно имело исключительное значение. Когда в 1985 г. Горбачёв пришёл к власти, почти вся гигантская советская экономика была государственной, на 90 или более процентов контролируемой из центра, московскими министерствами и их общесоюзной номенклатурой. По мере того как, под воздействием прорыночных мер Горбачёва, происходила всё большая либерализация прав собственности, верхушка номенклатуры, особенно управленческая элита и все те, кто имел прямой доступ к государственным (и партийным) активам, стали искать пути – легальные, полулегальные или нелегальные – присвоения этой собственности, в той или иной форме (211).

К 1991 г. процесс этот распространился вширь: за пределы Москвы, в провинцию и республики, – и вглубь: от отдельных конфискаций к приватизации нефтяных и прочих ископаемых ресурсов, крупных промышленных предприятий, банков, экспортно-импортных и торговых сетей, а также недвижимости. Характерно, что министры, как правило, приватизировали и коммерциализировали свои отрасли промышленности, руководители финансовых учреждений – свой капитал, директора заводов – свои предприятия, а партийные функционеры – огромные активы компартии (212). (Сегодня невозможно сказать, какое количество приватизационных сделок было совершено с участием «криминальных» элементов, вышедших из недр «теневой» экономики, или экономики «чёрного рынка».) И хотя официально приватизация была объявлена позже, при Ельцине, в постсоветские 1990-е гг., уже к концу 1991 г. «стихийные» захваты собственности, как их называли, поглотили значительные участки советской экономики стоимостью в миллиарды долларов и грозили вылиться в «подлинную вакханалию перераспределения» (213).

Мощные политические амбиции были неотъемлемой частью номенклатурной «прихватизации», как не замедлили окрестить этот процесс, особенно среди руководства союзных республик. К концу 1980-х гг. республиканские лидеры, следуя примеру Горбачёва и памятуя о судьбе восточноевропейских товарищей, принялись перемещать центр тяжести своей власти со стремительно теряющей вес компартии в новые национальные парламенты и президентства. (Этническая природа советского федерализма и официальная политика поддержки национальных элит сделали такое, потенциально центробежное, смещение возможным.) (214).

Советские элиты инстинктивно понимали – и отчасти, без сомнения, благодаря своему марксистскому образованию – что собственность есть лучший способ обеспечить власть без авторитета и ресурсов партийного аппарата. Но так как под непосредственным контролем республик находилось менее десяти процентов советской экономики, национальные лидеры начали требовать «суверенитета», то есть полного права распоряжаться теми активами Союза, которые располагались на их территории. К 1990 г. фактически все споры, возникавшие между союзным правительством Горбачёва и республиками, касались борьбы за «перераспределение собственности и власти» (215), особенно когда речь заходила о новом союзном договоре.

Это новое явление было главной движущей силой многих националистических и сепаратистских движений, охвативших страну в 1990–1991 гг. Эти движения часто называют «народными» и видят в них проявление «революции снизу», но на самом деле в большинстве из них бал правила элита, «номенклатурные националисты» (216). Ошибиться невозможно: это были те же самые бывшие партийные боссы, которые быстренько сменили имидж и поспешили объявить себя главными националистами в своих республиках: от Ельцина и Кравчука в России и Украине до коммунистических царьков центральноазиатских республик и Азербайджана, один из которых теперь утверждал, что, на самом деле, всегда был «тайным мусульманином» и «антикоммунистом» (217).

В этом новом обличье республиканские элиты играли очень важную роль в последние годы существования Советского Союза, причём гораздо более важную, чем роль «народа» (везде, за исключением, может быть, Прибалтики и части Кавказа), но её следует понимать правильно. Их настойчивое стремление обрести власть, опирающуюся на собственность, в конечном итоге, определило форму распада Союза, при которой все его пятнадцать республик стали независимыми государствами. Так что иногда, глядя на активную приватизацию ими государственных богатств, могло показаться, что распад Союза был актом «самороспуска», или «самоубийства» (218).

Однако авторы, делающие упор на стихийной приватизации, ошибаются, полагая, что к распаду привели действия элит, а номенклатура была главным «катализатором» (219). Главная роль в 1991 г., как уже говорилось, принадлежала Ельцину. Неубедительным является и связанное с предыдущим утверждение, что систему сгубил институт национальных республик, поскольку поведение институтов обычно определяется поведением руководящих ими элит (220). А в истории и современном поведении большинства советских республиканских элит мало что предполагало возможность несогласия с Москвой вплоть до отделения. Они не возмущались, когда в 1980-е гг. продемократические

реформы Горбачёва постепенно подрывали их власть, и молчали, когда в августе 1991 г. московские путчисты грозили вернуть республики под жёсткий контроль центра. (А некоторые из лидеров «суверенных» республик даже звонили путчистам в Кремль, чтобы обсудить своё место в «новом порядке» (221)). На путь независимости они ступили лишь после того, как Ельцин в Москве проложил им дорогу.

Иными словами, хотя жаждущая собственности номенклатура и выиграла больше всех от распада Союза (222), она не была главным причинным фактором происшедшего, даже в центре своей бюрократической власти в России. Но она, без сомнения, была главным вспомогательным фактором, обеспечившим саму возможность подобного исхода. В этом смысле, можно сказать, что «никакая сила не развалила бы Советский Союз, если бы этого не захотела российская элита» (223). Но, с точки зрения причинности, номенклатура была индифферентна. Целиком сконцентрировав внимание на огромных богатствах страны, она всего-навсего, как горестно заметил Горбачёв, «промолчала» в тот момент, когда подлинный «катализатор» (224), Ельцин, ликвидировал СССР.

Нетрудно понять, почему советские элиты, занятые растаскиванием собственности, которая для них была «важнее идеологии», и отныне предпочитающие хоть какой-нибудь капитализм любому социализму, выбрали Ельцина, а не Горбачёва. Они прониклись антипатией к советскому лидеру ещё во время перестройки, когда «слово “номенклатура” стало бранным» (225), но к 1991 г. у них появилась более веская причина: принципиально социалистический характер проводимых Горбачёвым преобразований. Вопреки всем новым политическим веяниям и охватившей страну жажде обогащения, Горбачёв оставался верен выбранной цели: социал-демократический Советский Союз со «смешанной» (государственной и частной) экономикой и «регулируемым» рынком, позволяющими сохранить социальные достижения старой системы.

Эта «социалистическая идея» стала причиной, подтолкнувшей оппозицию к мысли о необходимости быстрой и всеобщей приватизации, которая была сформулирована в плане «500 дней» и других «шокотерапевтических» предложениях. Горбачёв был готов «идти смелее» по пути «разгосударствления», но при условии, что «собственность, созданная целыми поколениями», не попадёт «в руки ворюг», и не окажется так, «что над нами будет кто-то стоять». Как часто подчёркивали в окружении Горбачёва, «перестройка не создавалась, чтобы конвертировать власть в собственность». Предупреждая об опасности советского «Клондайка», он хотел, чтобы приватизация была постепенной и частичной, осуществлялась в соответствии с «высшими юридическими и политическими стандартами» и «в интересах трудящихся» (226). Западные авторы обычно с насмешкой относятся к вере Горбачёва в «социализм с человеческим лицом», однако советские элиты знали, что его

намерения серьёзны и, следовательно, он является главным препятствием на их пути к захвату собственности (227).

Ельцин был совсем другое дело. Как популярный политик он возник благодаря выступлениям против привилегий номенклатуры, однако уже летом 1990 г. и особенно год спустя, став президентом РСФСР, он начал вовсю апеллировать к недовольным советским элитам в своей кампании против Горбачёва (228). «Радикальное реформаторство» Ельцина основная масса его электората восприняла как популизм, но для номенклатуры оно послужило одобрением и даже стимулом к беспорядочной и бесконтрольной приватизации, или, как выразился известный реформатор, «стремлению урвать» – взять хотя бы демонстративную поддержку Ельциным «рыночной» программы «500 дней» или его фантастический призыв к региональным элитам: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите» (229).

Всякая двусмысленность, если она ещё и оставалась, исчезла, когда осенью 1991 г. Ельцин принялся конфисковывать в пользу России находящиеся на её территории союзные экономические объекты – от природных ресурсов до банков. Номенклатура всего Советского Союза, как вспоминают наблюдатели, «следила за поведением Ельцина» и «лишь имитировала» его. (Некоторых, в том числе его соавтора по Беловежскому договору Кравчука, он просто подкупал с помощью собственности) (230). К моменту беловежского вояжа Ельцина советские элиты, которым очень скоро предстояло стать постсоветскими, знали: вот лидер, который узаконит их приватизированные владения, который, как выразился один из его ближайших помощников, «будет играть первую скрипку в этом историческом дележе. Это – главное» (231).

Глава IV

Утраченное наследие Горбачёва

Говоря обычным для политики языком, Горбачёв потерпел поражение и поражение катастрофическое: «демократическая реформация», которую он пытался провести в Советском Союзе, закончилась распадом страны и государства (232). Но это не все, что можно сказать о шести с половиной годах его лидерства, которые были отмечены двумя беспрецедентными достижениями Горбачёва. Он подвёл Россию (тогда еще советскую Россию) к реальной демократии ближе, чем когда-либо в ее многовековой истории. И совместно с партнёрами, которых он нашел в лице американских президентов Рональда Рейгана и первого Джорджа Буша, ближе, чем кто-либо до него, подошёл к окончанию многолетней холодной войны.

Бессмысленно, впрочем, полагать, что Горбачёв должен был непременно завершить свои начинания. Немногие реформаторы, даже «выдающиеся исторические деятели», способны увидеть свою миссию во всем объёме, от и до. Особенно это касается зачинателей больших перемен, характер и длительность которых порождают больше препятствий и проблем, чем их авторы (если только это не Сталин) могут или успевают преодолеть. «Новый курс» Франклина Рузвельта, эта перестройка американского капитализма, продолжался, с отступлениями, еще много лет после смерти автора. Большинство таких лидеров только открывают политические двери, оставляют после себя не существующие прежде альтернативные пути и надеются, как Горбачёв, который не раз заявлял, что то, что начато, будет «необратимо» (233).

Исторические шансы модернизировать Россию постепенно и на основе всеобщего согласия и положить конец холодной войне составили *наследие Горбачёва*. То, что оно оказалось утрачено или разбазарено, было виной элит и лидеров, пришедших после него, как в Москве, так и в Вашингтоне. В результате, эти шансы вскоре получили неверное представление и были полузабыты. Несмотря на демократические прорывы, имевшие место при Горбачёве, роль «отца русской демократии» вскоре была отдана его преемнику Борису Ельцину. Ведущие американские журналисты, как и представители вашингтонского политического истеблишмента, теперь заявляют своим читателям, что это именно Ельцин начал «переход России от тоталитаризма», он «поставил Россию на путь демократии», и при нем случились «первые проблески демократической гражданственности» (234). «Демократия возникла в России после краха советского коммунизма в 1991 г.» (235). В итоге, горбачёвская модель эволюционной демократизации была вычеркнута из истории и, следовательно, из политики.

Как можно объяснить подобную историческую амнезию? В постсоветской России главная причина заключалась в политической целесообразности. Опасаясь народного возмущения по поводу их роли в развале Советского Союза и не стихающей популярности Горбачёва за рубежом, Ельцин и его ближайшее окружение заявили, что именно новый российский президент, несомненно, был «отцом русской демократии», а Горбачёв всего лишь неуверенным реформатором, который надеялся «спасти коммунизм» (236). Поначалу даже некоторые русские сторонники Ельцина понимали, что это не отвечает действительности и опасно для будущего страны. Один деятель, который, оценивая роль Горбачёва, назвал его «освободителем», написал: «Чудес не бывает: люди, не способные оценить великого человека, не могут успешно руководить государством» (237).

На Западе и особенно в Соединенных Штатах пересмотр истории определялся идеологией. Исторические реформы Горбачёва, как и прежние надежды Вашингтона на то, что они состоятся, оказались момен-

тально забыты после 1991 г., когда крах Советского Союза и мнимая победа Америки в холодной войне положили начало новой американской идеологии триумфализма. Вся история «побежденного» советского врага отныне преподносилась в американской прессе как «семь десятилетий жёсткого и безжалостного полицейского государства», как «рана, причинённая народу» и мучившая его «бóльшую часть столетия», как опыт, оказавшийся «насквозь даже бóльшим злом, чем мы предполагали». Брошенное Рейганом в адрес Советского Союза обвинение – «империя зла», – которое он, под воздействием горбачёвских реформ, сам с радостью забрал назад всего тремя годами раньше, вновь получило признание. А один влиятельный американский колумнист даже заявил, что «фашистская Россия» была бы «гораздо лучше» (238).

Сходным образом реагировали и американские ученые, часть которых также подверглась влиянию «триумфалистской веры». За небольшим исключением, они предпочли вернуться к старым советологическим аксиомам, согласно которым советская система всегда была нереформируемой, а её судьба – предопределённой. Мнение о том, что в ее истории были многообещающие, но «неизбранные дороги», вновь было отвергнуто как «невероятная идея», основанная на «сомнительных допущениях». Предложенный Горбачёвым «эволюционный средний путь… был химерой», такой же, как в свое время НЭП, попыткой «реформировать нереформируемое», так что Советский Союз скончался из-за «недостатка альтернатив». В связи с этим, большинство учёных, даже в свете череды последовавших бедствий, уже не задавались вопросом: а, может быть, реформированный Советский Союз был бы лучшим будущим для посткоммунистической России или любой другой из бывших союзных республик? (239). Напротив, они настаивали, что всё советское «должно быть отброшено» за ненужностью, а «всё здание политико-зкономических отношений полностью разрушено» – убеждение, которое вылилось в американскую энтузиастическую поддержку тех крайних мер, которые проводил Ельцин в 1990-е годы (240).

Пересмотр истории Советского Союза потребовал пересмотра взгляда и на его последнего лидера. Некогда признанного «радикалом № 1» Советского Союза, которому рукоплескали за его «смелость», Горбачёва теперь обвиняли в недостатке «решительности и продуктивности», как и в недостатке «радикализма» (241). Лидер, который, будучи у власти, говорил о себе: «Всё стóящее в философии появилось сначала как ересь, а в политике как мнение меньшинства», – и которого за «ересь» в политике ненавидели собственные коммунистические фундаменталисты, был презрен как человек «без глубоких убеждений» и даже как «ортодоксальный коммунист» (242). Вера Горбачёва в «социализм с человеческим лицом» порождала упорную идеологическую реакцию, которая также способствовала утверждению мысли о том, что рынок и демократию в Россию принёс Ельцин (243).

Представление о том, что продемократические меры Горбачёва и другие его реформы были недостаточно радикальны, препятствует пониманию фатальной разницы между его подходом и подходом Ельцина. От Петра I и до Сталина главным методом властных преобразований в России была «революция сверху», которая навязывала болезненные изменения обществу путём государственного принуждения. Если вспомнить историю, то в России всегда было немало тех, кто, приветствуя реформы, отвергал подобные методы «модернизации через катастрофу» за их чрезвычайно высокую цену, материальную и человеческую, и за то, что они закрепляли за русскими людьми статус подданных государства вместо того, чтобы освободить их и сделать демократическими гражданами. Ельцинские меры начала 1990-х годов, получившие название «шоковая терапия», несмотря на преследуемую им принципиально иную цель, продолжили эту порочную традицию (244).

Горбачёв же категорически отвергал эту традицию. Он был с самого начала решительно настроен провести страну – впервые в её многовековой истории – через поворотный момент без кровопролития. Перестройка, заявлял он, это «исторический шанс модернизировать страну путём реформ, то есть мирными средствами», процесс «революционный по содержанию, но эволюционный по методам и форме перемен». Это означало, что, инициированное сверху, «дело перестройки» передавалось «в руки народа» путем «демократизации всех сфер жизни советского общества». Известно, какую цену Горбачёв заплатил за выбранную им «демократическую реформацию» (для человека у власти – уже своего рода ересь) как альтернативу русской истории насильственных трансформаций (245).

В условиях политических и социальных потрясений ельцинских постсоветских 1990-х годов, российские историки и другие интеллектуалы, в отличие от их американских коллег, начали переосмысливать последствия советского распада. Всё больше людей приходило к выводу, что определённая форма горбачёвской перестройки, или «некатастрофичной эволюции», пусть даже без него, была шансом демократизировать и маркетизировать страну менее травматичными и затратными, а значит, более эффективными, методами, чем те, что были выбраны при Ельцине. На эту тему российские историки (и политики) будут спорить еще долгие годы, но судьба демократизации страны показывает, почему некоторые из них уже сейчас убеждены, что подход Горбачёва был «упущенной альтернативой» (246).

Рассмотрим вкратце «траекторию», как говорят специалисты (247), четырёх основных компонентов любой демократии, по которой они развивались в России до и после конца Советского Союза в декабре 1991 г.:

Без значительного числа *независимых средств массовой информации* другие элементы демократии, от честных выборов и механизмов ограничения власти до системы правосудия, не могут существовать. В 1985–1986 гг. Горбачёв, в качестве первой важной реформы, ввёл «гласность», что означало постепенное уменьшение официальной цензуры. Результатом стало появление к 1990–1991 гг. огромного количества независимых публикаций и, что было более важным для того времени, в значительной мере свободных от цензуры государственных телевидения, радио и газет. Последнее явилось заслугой руководящих усилий Горбачёва, продолжающегося государственного финансирования центральных СМИ и отсутствия других сил, которые могли бы использовать эти инструменты для формирования общественного мнения в своих целях.

Обратный процесс начался после победы Ельцина над ГКЧП в августе и отмены СССР в декабре 1991 г. В обоих случаях им были закрыты несколько оппозиционных газет и восстановлена цензура Кремля на телевидении. Это были временные меры; более продолжительный контроль над постсоветскими российскими СМИ был установлен после вооружённого уничтожения Ельциным российского парламента в 1993 г. и его «приватизационных» указов, сделавших узкую группу людей, известных как «олигархи», собственниками главных богатств страны, в том числе СМИ.

Президентские выборы 1996 г., которые Ельцин едва не проиграл кандидату от Коммунистической партии, ознаменовали конец подлинно свободных и независимых общенациональных СМИ в постсоветской России. Несмотря на то, что некоторый плюрализм и независимый журнализм в СМИ продолжали сохраняться, – что было, в основном, следствием междоусобных войн между их олигархическими владельцами и остаточным эффектом горбачёвской гласности – они неуклонно деградировали. Как позже подчёркивал редактор одного из ведущих перестроечных и постсоветских изданий, «в 1996 г. российская власть и… крупнейшие бизнес-группы… совместно использовали СМИ, в первую очередь, телевидение, для целенаправленного манипулирования поведением избирателей – и добились осязаемого успеха. С этих пор ни власть, ни олигархи уже не выпускали этого оружия из своих рук» (248).

Другие российские журналисты, сравнивая свой опыт работы при Горбачёве и при Ельцине и Путине, отдавали предпочтение первому. Вот, однако, мнение осведомленного американца, главы международной мониторинговой организации, высказанное им в 2005 г.: «В годы гласности храбрая журналистика вышибала закрытые двери в историю, разжигала жаркие дебаты о многопартийной демократии и вдохновляла советских граждан на свободные речи… Но в сегодняшней России

храбрые журналисты в опасности… Репортажи на общественно значимые темы подвергаются всё более жёсткому контролю, и публика остается в неведении относительно коррупции, преступности и нарушений прав человека» (249).

По той же «траектории» развивались и *российские выборы*. Первые в советской истории общенациональные выборы на альтернативной основе на Съезд народных депутатов СССР состоялись в марте 1989 г. И, хотя половина депутатов были избраны от организаций, а не народным голосованием, это был исторический прорыв, ознаменовавший горбачёвскую кампанию демократизации. Вскоре последовали и другие. Выборы в соответствующий законодательный орган РСФСР в начале 1990 г. остаются до сих пор самыми свободными и честными парламентскими выборами, когда-либо проводимыми в России (250). То же можно сказать и о новых для страны выборах президента Российской Федерации в 1991 г., на которых мятежный Ельцин с большим отрывом победил кремлёвского кандидата.

Больше в России до распада Советского Союза ни парламентских, ни президентских выборов не было, а те, что имели место после, хотя и сохраняли безопасную степень конкуренции, раз от раза были все менее свободными и честными. К 1996 г. было наработано достаточное количество «политических технологий» для «управляемой демократии», позже связанной с именем Владимира Путина: максимально широкое использование денежных средств, контроль над СМИ, урезание в правах независимых кандидатов и партий и фальсификация итогов голосования, – чтобы гарантировать сохранение эффективной власти независимо от того, кто конкретно правит Россией. Даже результаты референдума, призванного, как говорили, ратифицировать новую ельцинскую Конституцию в 1993 г., были – в отличие от горбачёвского референдума по Союзу 1991 г. – почти наверняка сфальсифицированы (251).

Самое показательное, что выборы Ельцина президентом РСФСР в 1991 г. были первым и последним случаем, когда исполнительная власть свободно перешла от Кремля к оппозиционному кандидату. В 2000 г. Ельцин передал власть Путину уже посредством «управляемых» выборов, а Путин в 2008 г. аналогичным путём сделал своим преемником Медведева. Даже без симпатии относящийся к горбачевским реформам американский специалист пришел к выводу, что «при Горбачёве выборы были менее фиксированными и лживыми, чем большинство постсоветских парламентских и президентских кампаний в России». Российский комментатор выразился яснее: «Пик выборной демократии в нашей стране пришёлся на конец перестройки» (252).

Но ни одно из демократических достижений эпохи Горбачёва не имело большего значения и не претерпело более фатальной деградации,

чем всенародно избранные, с его подачи, в 1989–1990 гг. советские *законодательные органы*. Демократия может существовать без независимой исполнительной власти, но она невозможна без суверенного парламента или его эквивалента – единственно незаменимого института представительной власти. От царей до генсеков, русский авторитаризм отличался безусловным преобладанием исполнительной власти при отсутствии или незавидной участи представительного собрания, будь то царская Дума предреволюционного периода, Учредительное собрание 1917–1918 гг. или всенародно избранные Советы.

В этом контексте, Съезд народных депутатов СССР, состоявшийся в 1989 г., и его российский республиканский аналог 1990 г., каждый из которых избрал свой собственный Верховный Совет в качестве постоянно действующего парламента, были самым исторически значимым итогом продемократических мер Горбачёва. Первый действовал как всё более независимый конституционный конвент, принимая законы для дальнейшей демократизации Советского Союза путём разделения полномочий, ранее являвшихся монополией царей или комиссаров, а также создавая всевозможные комиссии по расследованию и выступая как источник оппозиции Горбачёву. Второй делал то же самое в Российской республике, причем самым важным законодательным нововведением его стало учреждение выборной президентской власти для Ельцина. Между тем, Горбачёв был настолько привержен реальной законодательной власти как неотъемлемому компоненту демократизации, что с неохотой согласился в 1990 г. принять исполнительный пост президента, опасаясь, что это может ограничить независимость Верховного Совета, а затем, со всей горечью, терпел растущие нападки депутатов в адрес своего руководства (253).

Двадцать лет спустя постсоветский российский парламент, переименованный в Думу, стал почти точной копией своих слабых и послушных предшественниц царского времени, а президентская власть обрела почти всевластные полномочия. Путь к этому фатальному изменению отмечен двумя поворотными событиями. Первое произошло в конце 1991 г., когда советскому парламенту выпало сыграть лишь незначительную роль в событиях, предшествовавших роспуску Советского Союза, и вовсе никакой – в самом роспуске. Второе случилось осенью 1993 г., когда Ельцин силой прекратил деятельность российского парламента 1990-го г. созыва и ввёл в действие суперпрезидентскую конституцию. С тех пор каждый следующий парламент (как и выборы в него) был всё менее независимым и влиятельным, превращаясь, в итоге, в глазах своих критиков, в «декоративный» орган или «имитацию» законодательной власти – как и постсоветская демократия вообще.

Наконец, жизнеспособная демократия нуждается в *правящих элитах, доступ в которые открыт*, по крайней мере, время от времени,

для представителей других партий, негосударственных структур и гражданского общества. К моменту начала перестройки самоназначенная советская номенклатура сосредоточила в своих руках всю политическую власть и даже само участие в политике. Нарушение этой монополии путём обеспечения возможности появления новых политических фигур из разных социальных и профессиональных слоев – так, мэрами Москвы и Петербурга были избраны доктор экономических наук и профессор права – было ещё одним демократическим прорывом времени Горбачёва. В 1990 г. такие люди уже составляли значимое меньшинство в союзном и большинство – в российском парламенте.

После 1991 г. это достижение тоже было свернуто. Постсоветская правящая элита вскоре превратилась в узкую группу, состоящую, по большей части, из личного окружения лидера, финансовых олигархов и их представителей, государственных чиновников и силовиков (людей из структур вооружённых сил и госбезопасности). Рост числа последних на высших уровнях власти, к примеру, обычно связывают с приходом Путина, бывшего полковника КГБ, но этот процесс начался уже вскоре после советского распада. До 1992 г., т. е. при Горбачёве, силовики составляли 4 % от правящей элиты; при Ельцине их численность увеличилась более чем в четыре раза – до 17 %, а при Путине еще утроилась – почти до 50 % (254).

Ситуация с гражданским обществом развивалась соответственно. Что бы там ни говорили люди, называющие себя «промоутерами» гражданского общества, оно всегда существует, даже в авторитарных системах. Но в постсоветской России большинство его представителей к концу 1990-х гг. вновь впали в доперестроечную пассивность, предпочитая действовать спорадически или вовсе бездействовать. Такой поворот был вызван несколькими факторами, в том числе, усталостью, разочарованием, государственной реоккупацией политической сферы, а также нокаутирующим воздействием ельцинской «шоковой терапии» начала 1990-х., выбившей из рядов некогда широких и профессиональных советских средних классов, считавшихся предпосылкой стабильной демократии, каждого десятого. Александр Яковлев, партнёр Горбачёва по демократизации, произнес накануне двадцатой годовщины перестройки «кощунственную фразу: такого разрыва между правящей верхушкой и народом не было в истории России» (255). Это было существенным преувеличением, но всё же выражало судьбу того, что они с Горбачёвым когда-то начали.

Короче говоря, эти четыре признака свидетельствуют, что российская демократизация после конца Советского Союза развивалась по *нисходящей* траектории. Другие политические процессы двигались в том же направлении. Конституционализм и главенство закона были ру-

ководящими принципами горбачевских реформ. Они не всегда доминировали, но являли резкий контраст с ельцинскими методами, которые уничтожили в 1993 г. весь сложившийся конституционный порядок, от парламента и только набиравшего форму Конституционного суда до возрождённых советов на местном уровне управления. Затем, до конца 1990-х гг., Ельцин правил в основном при помощи указов, издав 2300 только за один год. Взлёт и падение наблюдались в это время и в официальном отношении к правам человека, что всегда служит чувствительным индикатором степени развития демократии. По этому поводу в одном западном исследовании, опубликованном в 2004 г., говорилось: «Количество нарушений прав человека в России впечатляющим образом возросло с момента краха Советского Союза» (256).

Вывод кажется очевидным: Советская демократизация, какой бы диктаторской ни была предыдущая история системы, была для России упущенной демократической возможностью, непройденной эволюционной дорогой. В контексте американского триумфализма и его политической корректности, этот вывод звучит еретически, но не в постсоветской России. Даже прежние сторонники Ельцина и критики Горбачёва позже переосмыслили свои позиции, занимаемые ими в 1990–1991 гг. Оглядываясь назад, один из них признал: «Горбачёв… подарил нам политические свободы – бесплатно, без крови. Свободу печати, слова, митингов, собраний, многопартийной системы». Другой уточнил: «То, как мы воспользовались этими свободами – это уже наша, а не его проблема и ответственность». А третий, политически поддержавший Ельцина в решении об отмене Союза, задался вопросом: «Как пошло бы развитие страны?» – продолжи она существовать (257).

Двадцать лет спустя после прекращения существования советского государства большинство западных наблюдателей сошлись во мнении, что *в России идёт глубокий процесс «де-демократизации»*. Попытки объяснить, когда и почему он начался, вновь выявляют принципиальные различия между мышлением западных, особенно американских, специалистов и самих русских.

В отличие от американцев, большинство русских сожалели о конце Советского Союза, но не потому, что они скучали по «коммунизму», а потому что лишились привычного государства и стабильного образа жизни. Даже заключённый постсоветский олигарх, подобно многим соотечественникам, рассматривал это событие как «трагедию» – взгляд, породивший афоризм: «Тот, кто не сожалеет о распаде СССР, у того нет сердца» (258). Уже хотя бы по этой причине российские интеллектуалы и политические деятели были в меньшей степени, чем американцы, связаны идеологией и политикой, когда объясняли причины де-демократизации. Росло число тех, кто, наряду со сторонниками Горбачёва, был уверен в том, что конец перестройки, отменённой вместе

с Советским Союзом, был «упущенным шансом» и «трагической ошибкой» (259).

Большинство американских комментаторов настаивали и настаивают на ином объяснении. Вычеркнув реформы Горбачёва из «злодейской» истории Советского Союза и приписав заслугу демократизации Ельцину, они обвинили Путина в том, что он «повёл Россию в противоположном направлении». Непосредственными инициаторами этого объяснения выступили комментаторы из политических, академических и журналистских кругов, которые ранее громко рукоплескали «демократии ельцинской эпохи», но оно стало расхожей истиной: «Демократизирующаяся Россия, которую унаследовал Путин», пала жертвой его «антидемократической повестки дня» и «проекта [построения] диктатуры» (260). Только считанные американские специалисты не разделили этот взгляд, возложив вину за начало «отката демократических реформ» не на Путина, а на его предшественника Ельцина (261).

Ещё меньше в Америке – видимо, из-за боязни усомниться в «одном из великих моментов в истории» (262) – тех, кто спрашивает, а не начался ли «откат» ещё раньше, собственно с распадом советского государства. То, что журналисты и политические деятели не рассматривают такую возможность, ещё можно понять. Но даже солидные учёные, которые впоследствии сожалели о своем «оптимизме» в отношении ельцинского руководства, не берутся пересмотреть свою позицию по поводу конца Советского Союза (263). А им следовало бы это сделать, поскольку то, *как* произошел его распад – в обстоятельствах, которые стандартные западные оценки в основном замалчивают или мифологизируют – явно не предвещало ничего хорошего для российского будущего. (Один из мифов – миф о «мирном» и «бескровном» роспуске Союза (264). На самом деле, в разразившихся вскоре этнических конфликтах в Средней Азии и на Кавказе были убиты или насильственно лишены родины сотни тысяч граждан, и постсоветские последствия того ядерного взрыва до сих пор дают себя знать, что показала война 2008 г. в Грузии).

В самом общем смысле, существовали грозные параллели между распадом Советского Союза и крахом царизма в 1917 г. В обоих случаях способ, которым было покончено со старым порядком, вызвал почти тотальное разрушение русской государственности, что надолго ввергло страну в хаос, конфликт и бедствие. (Термин «Смута», которым русские называют то, что последовало, наполнен страхом перед будущим, страхом, вытекающим из прежнего исторического опыта и не передаваемым традиционным английским переводом – «Time of Troubles». В этом смысле, конец Советского Союза был связан не столько со спецификой советской системы, сколько с повторяющимися сломами государства в российской истории.)

Последствия 1991 г. и 1917 г., несмотря на важные различия, были схожи. Вновь надежды на эволюционный прогресс в направлении демократии, процветания и социальной справедливости были разбиты; небольшая группа радикалов навязала нации экстремальные меры; активная борьба за собственность и территорию, раздробив, подорвала основы многонационального государства, на этот раз ядерного, а победители разрушили устоявшиеся экономические и другие важные структуры, чтобы создать абсолютно новые, «как будто не имея прошлого» (265). Вновь элиты действовали во имя идей и лучшего будущего, но оставили общество резко расколотым по отношению к очередному «проклятому вопросу»: почему это произошло? (266). И вновь обычные люди расплачивались за все, в том числе катастрофическим падением уровня и продолжительности жизни.

Все перечисленные процессы разворачивались, на фоне взаимных (и долго не стихавших) обвинений в предательстве, в течение трех месяцев, с августа по декабрь 1991 г., когда был произведён «демонтаж союзной государственности». (Горбачёв ощущал себя преданным участниками августовского путча и Ельциным, Ельцин – его партнером по беловежскому соглашению Кравчуком, а миллионы россиян – беловежским роспуском Советского Союза, который побудил одного иностранного корреспондента назвать постсоветскую Россию «страной нарушенного слова») (267). Этот период начался и кончился переворотами в Москве и Беловежье, а его кульминацией стала «революция сверху», направленная против реформирующейся советской системы и совершённая её собственными элитами – аналогичная той (опять же, при всех значимых расхождениях), что совершил в 1929 г. Сталин, отменив НЭП. Впоследствии, оглядываясь назад, россияне различных политических взглядов пришли к выводу, что именно в эти три месяца политический экстремизм и безудержная жадность лишили их шанса на демократический и экономический прогресс (268). Некоторые думали, что это случилось десятилетием позже, при Путине.

Безусловно, трудно себе представить политический акт, более экстремальный, чем ликвидация государства с 280-миллионным населением и бессчетными запасами ядерных и прочих средств массового уничтожения. И всё-таки Ельцин сделал это, как признали даже его сторонники, сделал безоглядно, способом, который не был «ни легитимным, ни демократическим» (269). Принципиально отличный от горбачевской приверженности постепенности, социальному консенсусу и конституционализму, это был возврат к «необольшевистской» и более ранним российским традициям насильственных изменений, как считают многие русские и даже некоторые западные авторы (270). Последствия его неизбежным образом поставили под угрозу демократические достижения предшествующих шести лет перестройки.

Ельцин и его ставленники, к примеру, обещали, что принимаемые ими крайние меры будут «чрезвычайными», т. е. временными, но, как это уже не раз бывало в России (предыдущий – при Сталине в 1929–1933 гг.), они разрослись в систему правления (271). (Следующей, уже запланированной, мерой была «шоковая терапия».) Эти начальные шаги были продиктованы следующей политической логикой. Покончив с Советским государством недостаточно легитимным, с точки зрения закона и народной поддержки, способом, правящая группа Ельцина вскоре стала опасаться реальной демократии. В частности, свободно избранный, независимый парламент и возможность в любой момент лишиться власти порождали страх «пойти под суд и в тюрьму» (272).

Экономические последствия Беловежского соглашения были не менее угрожающими. Ликвидация Союза, без какой бы то ни было предварительной подготовки, разрушила высокоинтегрированную экономику страны. Помимо того, что это способствовало уничтожению огромного государства, это стало основной причиной краха производства на всех бывших советских территориях, сократившегося в 1990-е гг. почти наполовину. Падение производства, в свою очередь, вело к массовой бедности и сопутствующим ей социальным патологиям, от сокращения продолжительности жизни до масштабной коррупции, которые оставались «главным фактом» российской жизни даже в начале двадцать первого века (273).

Экономическая мотивация, стоявшая за поддержкой Ельцина элитами в 1991 г. …была еще более злокачественного свойства. Как написал тринадцать лет спустя один бывший сторонник Ельцина, «почти всё происходившее в России после 1991 г. в значительной мере определялось дележом собственности бывшего СССР» (274). И здесь тоже были свои зловещие исторические прецеденты. В России двадцатого века уже дважды имели место конфискации собственности в масштабах страны: в 1917–1918 гг., когда в ходе революции были экспроприированы помещичьи владения и промышленные предприятия и другая крупная собственности капиталистов, и в 1929–1933 гг., когда 25 миллионов крестьян лишились земли в ходе сталинской коллективизации. Негативные последствия обоих эпизодов ещё долгие годы терзали страну (275).

Значительная доля огромных богатств страны, которые в течение десятилетий считались – законодательно и идеологически – «собственностью всего народа», перекочевала в руки советских элит, проявивших при этом не больше уважения к законности процедуры или к общественному мнению, чем большевики в 1917–1918 гг. На самом деле, по мнению одного русского интеллектуала-антикоммуниста, «большевистская экспроприация частной собственности выглядит просто верхом благочестия на фоне безумной несправедливости нашей абсурдной

приватизации» (276). Чтобы закрепить своё господствующее положение и лично обогатиться, советские элиты нуждались в том, чтобы самые ценные куски государственной собственности распределялись сверху, без участия законодательных структур и иных представителей общества. Этой цели они достигли сперва сами, с помощью «стихийной приватизации» накануне роспуска Союза, а затем, после 1991 г., с помощью указов, изданных Ельциным. В итоге, приватизацию с самого начала преследовал призрак «двойной нелегитимности» – в глазах закона… и в глазах населения» (277).

Политические и экономические последствия было нетрудно предвидеть. Опасаясь за свои сомнительным образом приобретённые богатства, а порой и за свою жизнь и жизнь своих близких (многие отослали свои семьи жить за границу), собственники, составившие ядро первой постсоветской правящей элиты, были не меньше Ельцина заинтересованы в ограничении или свёртывании парламентской демократии и свободы СМИ, введенных Горбачёвым. Взамен они стремились создать своего рода преторианскую политическую систему, призванную защищать их богатство и им же развращаемую.

Роль, которую в постсоветской «де-демократизации» сыграл «дележ собственности бывшего СССР» (процесс, всё ещё шедший и во время финансового кризиса 2008–2009 гг.), редко отмечается в западных оценках. Полное освещение этой проблемы лежит за рамками данной работы, но некоторые его вехи отметить стоит. «Приватизация» государственных активов стоимостью миллиарды долларов была центральным пунктом конфликта между Ельциным и парламентом в 1993 г. и танкового расстрела последнего в октябре. Она же была побудительным мотивом принятия в декабре 1993 г. суперпрезидентской конституции, а также создания коалиции Кремля с новыми олигархами с целью сохранить Ельцина у власти путём манипуляции президентскими выборами 1996 г.

Угроза благосостоянию и безопасности кремлёвско-олигархической «Семьи» способствовала затем «демократическому переходу» власти от Ельцина Путину в 1999–2000 гг. В условиях всё громче звучавших в стране и в Думе требований социальной справедливости, ответственности за преступления и импичмента, а также ухудшения политического и физического здоровья Ельцина, олигархи отчаянно нуждались в новом защитнике в Кремле. (По результатам опроса, проведённого в конце 1999 г., 90 % россиян не доверяли Ельцину, а 53 % хотели, чтобы он был привлечён к суду.) План заключался в том, чтобы назначить его преемника премьер-министром, чтобы он, согласно Конституции, занял кресло Ельцина после его отставки до новых «выборов».

В качестве кандидатов на этот пост рассматривались несколько фигур, пока выбор не пал на 47-летнего Владимира Путина, карьерного

офицера КГБ и главу наследовавшего ему ведомства, ФСБ. Хотя позже он повёл себя на посту лидера не так, как рассчитывали олигархи, причина, по которой выбрали Путина, была очевидна: как глава ФСБ, он уже продемонстрировал, что «готов помочь» прежнему патрону избежать уголовного обвинения. И, действительно, первое, что он сделал, став президентом, гарантировал Ельцину, как было оговорено заранее, пожизненный иммунитет от судебного преследования. Впервые за столетия полицейских репрессий в России, таким образом, карьерный офицер тайной полиции стал её верховным лидером (278). (Юрий Андропов перед тем, как стать генеральным секретарем ЦК КПСС в 1982 г., возглавлял КГБ, но это не была его первая или основная профессия.)

Экономические последствия «дележа» были не менее глубокими. Не зная точно, как долго они смогут на деле владеть своей огромной собственностью, новые олигархи изначально были больше заинтересованы в том, чтобы обдирать активы, как липку, нежели инвестировать в них. Отток капитала вскоре намного превысил вложения в экономику, которые упали на 80 % в 1990-е гг. Это стало главной причиной депрессии, хуже той, что была на Западе в 1930-е гг.: ВВП сократился наполовину, а реальные зарплаты (там, где их ещё платили) даже больше, при этом примерно 75 % граждан страны оказались за чертой бедности. В результате, постсоветская Россия лишилась многих из своих, с трудом завоёванных, достижений двадцатого века, став *первой* нацией в истории, подвергшейся настоящей демодернизации в мирное время (279).

Неудивительно, что по мере того как новая элита и её бюрократическая верхушка всё больше воспринимались как алчная «оффшорная аристократия», ненависть народа к ним росла и становилась более интенсивной. По данным опроса 2005 г., россияне оценивали их ниже, чем их советских предшественников, по таким показателям, как забота о благе народа, патриотизм и моральные качества. Тот факт, что все эти процессы разворачивались под знаменем «демократических реформ», ещё больше дискредитировал демократию (именуемую теперь не иначе как «дерьмократия») в народном мнении (280). Двадцать лет спустя после начала «дележа собственности бывшего СССР», его политические и экономические последствия, наряду с убеждением, что «собственность без власти ничего не стоит» (281), остаются главной причиной дедемократизации России и, одновременно, главным препятствием для её обратного движения.

Учитывая все эти зловещие обстоятельства, почему же так много западных комментаторов, от политиков и журналистов до учёных, приветствовали распад Советского Союза как «прорыв» к демократии и свободно-рыночному капитализму, упорствуя в этих своих заблуждениях? (282). Там, где дело касалось России, их реакция, опять же, была основана на антикоммунистической идеологии, обнадеживающих ми-

фах и амнезии, а не на исторических или современных реалиях. Намекая на близорукость тех людей, которые давно мечтали уничтожить советское государство и затем «ликовали» на обломках, один московский философ с горечью заметил: «Они целили в коммунизм, а попали в Россию» (283).

Одним из наиболее идеологизированных мифов, связанных с концом Советского Союза, является миф о том, что он «был обрушен руками собственного народа» и привёл к власти в России «Ельцина и демократов» – даже «моральных лидеров» – представляющих «народ» (284). На самом деле, как я отмечал ранее, не было ни народной революции, ни общенациональных выборов, ни референдума, узаконивших или санкционировавших распад, и, следовательно, это предположение не подтверждается никакими эмпирическими данными. Напротив, всё свидетельствует в пользу совсем другой интерпретации.

Даже самые выдающиеся лидеры нуждаются в сторонниках для осуществления своих исторических деяний. Ельцин отменил Советский Союз в декабре 1991 г., опираясь на альянс сил, движимых эгоистическими интересами. Все входившие в него группы называли себя «демократами» или «реформаторами», но при этом две самые важные были явно плохими союзниками. Первая – это номенклатурные элиты, которые, как метафорически заметил ельцинский главный министр, шли «на запах собственности, как хищник идет за добычей», и жаждали собственности больше, чем любой демократии или рыночной конкуренции (многие из них выступили против горбачёвских реформ), а вторая – это нетерпеливое, откровенно продемократическое крыло интеллигенции (285). Традиционные враги в дореформенной советской системе, они стали сообщниками в 1991 г., в основном, потому что радикальные экономические идеи интеллигенции казались оправданием для номенклатурной приватизации.

Однако самые влиятельные ельцинские сторонники из числа интеллектуалов, которые затем играли ведущие роли в его постсоветском руководстве, не были ни случайными попутчиками, ни настоящими демократами. Это, прежде всего, Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и их «команда» шоковых терапевтов. С конца 1980-х гг. Чубайс и другие настаивали, что рыночная экономика и крупная частная собственность должны быть навязаны неподатливому российскому обществу «железной рукой» режима. Этот превозносимый ими «большой скачок» потребует «жёстких и непопулярных» политических решений, что повлечёт за собой «массовое недовольство» и, в результате, сделает необходимым применение «антидемократических мер» (286). Подобно жаждущим собственности элитам, главное препятствие эти «либеральные почитатели Пиночета» видели в новых законодательных органах, избранных при Горбачёве и всё ещё называемых советами. О своём лидере Ельцине они говорили: «Пусть будет диктатором» (287).

Что могло быть хуже для нарождающейся российской демократии в 1992 г., чем вера Кремля в необходимость лидера типа Пиночета для осуществления рыночных реформ (роль, от которой в своё время отказался Горбачёв) и команда интеллектуалов-«реформаторов», укрепляющая его в этой вере? Отсюда оставался только шаг до возврата к российским авторитарным традициям, а за ним – свержение избранного парламента, декретная приватизация, назначение Кремлём финансовых олигархов и коррупция в сфере выборов и СМИ. Российский профессор права позже так оценивала случившееся: «В итоге, так называемое демократическое движение перестало существовать уже к концу 91-го года… Одни занялись дележом собственности и первоначальным накоплением капитала, другие подрядились к новым собственникам для политического обслуживания их интересов» (288).

Разумеется, Чубайс и его «демократические реформаторы» участвовали в этом на всех стадиях, планируя и оправдывая отказ от демократизации, включая переход власти к Путину, и одновременно продолжая скучать по российскому Пиночету (289). Служа министрами в ельцинском правительстве, они были теперь больше (или меньше) чем интеллектуалы, особенно это касалось самого Чубайса, а также Гайдара, Альфреда Коха, Бориса Немцова и десятка других. (Следует подчеркнуть, что их деятельность в этом качестве нашла активную поддержку американских политиков, влиятельных представителей СМИ и академических специалистов) (290).

Лежавший в основе взглядов ельцинских сторонников-интеллектуалов «синдром Пиночета» был проявлением их глубокого антидемократического презрения к русскому народу. Когда результаты выборов оказались не в пользу «либералов», они усомнились в «психическом здоровье» избирателей, воскликнув: «Россия, ты сошла с ума!» и сделав вывод: «главная беда нашей демократии – народ». А когда их политика привела к экономической катастрофе, они кивали на подпорченный «национальный генофонд» и вновь обвиняли «народ», который-де заслуживает своей жалкой участи (291). Однако, когда не стало Советского Союза, судьба страны оказалась не в руках её народа, который с радостью воспринял демократические реформы Горбачёва, а в руках тех элит, которые теперь пребывали у власти.

Политические и экономические альтернативы продолжали существовать в России и после 1991 г. Впереди были другие судьбоносные битвы и решения. И среди факторов, приведших к концу Советского Союза, не было ничего необратимого или детерминистского. Но даже если подлинные демократические и рыночные чаяния там присутствовали, то были там и властные амбиции, и политические заговоры, и алчность элит, и экстремистские идеи, и распространённое чувство несправедливости происходящего, и гнев по поводу «величайшего преда-

тельства двадцатого столетия» (292). Все эти факторы продолжали играть свою роль после 1991 г., но уже должно было стать ясно, какие из них возьмут верх – как ясной должна была стать и судьба демократической альтернативы, завещанной России Горбачёвым.

В 2001 г., по случаю 70-летия Горбачёва, представительница советской интеллигенции, предавшая его в 1990–1991 гг., по-новому взглянула на его руководство. Признав, что демократизация России была его достижением, она добавила: «Горбачёв закончил холодную войну, и именно этот факт делает его одним из героев уходящего столетия» (293). Хотя сам Горбачёв всегда отводил «ключевую роль» своим «партнёрам», Рональду Рейгану и Джорджу Бушу-старшему, мало кто из беспристрастных историков этого процесса или его участников станет отрицать, что он был главным героем (294).

Однако и это его наследие может быть утрачено. В августе 2008 г., спустя почти ровно двадцать лет после исторической речи Горбачёва в ООН, дезавуировавшей идеологическую предпосылку участия СССР в холодной войне, Вашингтон и Москва оказались – опосредованно – в состоянии «горячей войны» в бывшей советской республике Грузии. Суррогатные советско-американские военные конфликты в странах «третьего мира» и в других были характерной чертой холодной войны, но на этот раз конфронтация была наполовину непосредственной. Если Вашингтон представляли вооруженные силы Грузии, щедро финансируемые им в течение ряда лет, то Москва воевала (и победила) в этой войне собственными силами. Что бы ни говорили в Америке, многие русские, грузины и южные осетины, на территории которых началась война, «воспринимали конфликт как опосредованное столкновение двух мировых держав – России и Соединённых Штатов» (295).

Война застигла большинство западных правительств и обозревателей врасплох, прежде всего, потому что они так и не сумели понять, что новая (или обновлённая) холодная война уже давно шла, начавшись задолго до кавказского конфликта России и США (296). В частности, американские официальные лица и специалисты, практически без исключения, неоднократно отвергали саму возможность новой холодной войны. Некоторые делали это особенно упорно (в ответ на предупреждения немногочисленных критиков, меня в том числе, о нарастающей угрозе), по-видимому, потому что сами имели отношение к политике, способствовавшей нарастанию этой угрозы. Госсекретарь Кондолиза Райс, например, официально объявила, что все «разговоры о новой холодной войне являются гиперболической чушью». А колумнист из «Вашингтон пост» подверг критике само «понятие» как «наиболее опасное заблуждение из всех» (297).

Если отбросить личные мотивы, большинство комментаторов откровенно не понимали природы холодной войны, полагая, что та, кото-

рая последовала за Второй мировой, была единственно возможной моделью. По сути, холодная война это такая форма взаимоотношений между государствами, при которой в большинстве сфер преобладают всё углубляющиеся конфликты и конфронтация, обычно (хотя не всегда) без вооружённого столкновения. Если взять два крайних примера, то пятнадцатилетнее непризнание Соединенными Штатами Советской России (до 1933 г.) было разновидностью холодной войны, но без гонки вооружений и прочих прямых угроз в адрес друг друга. С другой стороны, советско-китайская холодная война, длившаяся с 1960-х по 1980-е гг., сопровождалась отдельными вооруженными пограничными конфликтами. Отношения холодной войны могут различаться по форме, причинам и содержанию, при этом последние американо-советские являлись чрезвычайно опасными, так как включали гонку ядерных вооружений.

В основе предположения о том, что американо-российская холодная война была невозможна после конца Советского Союза, лежали и другие заблуждения. В отличие от прежних времен, расхожим стало убеждение, что постсоветские конфликты между Вашингтоном и Москвой не были продуктом различных экономических и политических систем, не были идеологическими и глобальными, и вообще постсоветская Россия была слишком слаба для ещё одной холодной войны (298). (В качестве дополнительного доказательства часто приводят «дружбу» между президентами Бушем-младшим и Путиным, забывая, что тридцать лет назад Ричард Никсон и Леонид Брежнев клялись в такой же личной дружбе.)

Все эти утверждения, которые до сих пор широко в ходу в США, базируются на неверной информации. Российский «капитализм» принципиально отличается от американского экономически и политически. Что касается идеологии, то, оставляя в стороне явную переоценку её роли в предыдущей холодной войне, идеологический конфликт, или «расхождение в ценностях», между американским «продвижением демократии» и российской «суверенной демократией» – «автократическим национализмом», даже «фашизмом», как новые американские воины холодной войны клеймят её – росло в течение ряда лет, так же, как численность и известность идеологов с обеих сторон. И это расхождение, как нам говорят, «сегодня больше, чем когда-либо со времени краха коммунизма». Так что, как уверяет нас один американец, «идеология опять имеет значение» (299). Кроме того, после Второй мировой холодная война начиналась не в глобальном масштабе, а в пределах Восточной Европы – так же, как и нынешняя, которая теперь быстро распространяется. А что касается российской неспособности вести войну, то это убеждение было в считанные дни опрокинуто войной в Грузии (300).

То, что люди, отрицающие новую холодную войну, стойко заблуждаются, иллюстрируют их собственные оценки американо-российских отношений как «худших за последние 30 лет», и это итог их развития в течение первого десятилетия двадцать первого века. Несмотря на эвфемизмы, в которых это выражается, ухудшение отношений вряд ли можно принять за что-то другое, кроме новой холодной войны. Вот, например, отрывки из первополосного «анализа новостей», опубликованного в «Нью-Йорк таймс» через неделю после начала войны в Грузии под заголовком «Не холодная война, а большое охлаждение»:

> «Холодная война закончилась», объявил в пятницу президент Буш, но началась, тем не менее, новая эпоха вражды между Соединёнными Штатами и Россией… Постольку, поскольку г-н Буш заявил, что старые определения холодной войны больше не подходят, он провёл новую линию… между странами свободными и несвободными, и тут же поместил Россию по другую сторону от неё… Напряжённость уже налицо, и обе стороны сделали достаточно, чтобы разжечь пламя… Совет Безопасности ООН вновь оказался в патовой ситуации, свойственной холодной войне… Российская наступательная операция – первая после краха Советского Союза в 1991 г. совершённая за пределами её территории – зафиксировала некое перестроение, уже имеющее место в Центральной и Восточной Европе… Администрация перестала возражать против посылки ракет «Патриот», которые могли бы защитить польское место базирования [для американской ракетной обороны]… Высокопоставленный русский генерал подтвердил худшие опасения Польши, заявив в пятницу, что эта страна только что сделала себя мишенью для российского ядерного арсенала… Может показаться несовременным говорить о блоках в Европе, но они возникают сегодня столь же очевидно (пусть и менее идеологически), как те, что существовали по обе стороны от «железного занавеса»… На самом деле, отчуждение между Соединёнными Штатами и Россией редко когда (если вообще когда-то) было более глубоким (301).

А если так, то что же случилось с «концом холодной войны»? Ключевой вопрос в данном случае: как и когда закончилась холодная война?

Когда Горбачёв пришёл к власти в 1985 г., он уже был решительно настроен добиваться не просто очередного ослабления западно-восточной напряженности, но отмены сорокалетней холодной войны (302). На это у него были три причины. Он был уверен, что её наиболее опасный элемент, советско-американская ядерная гонка, представляет угрозу существованию человечества. Он хотел, чтобы Советский Союз стал неотъемлемой частью Запада, «общеевропейского дома», в который он включал и США. Кроме того, без существенного сокращения международной напряженности и экономических затрат на холодную войну Горбачёв едва ли мог мобилизовать в стране политическую поддержку и ресурсы, необходимые для перестроечных преобразований.

Антивоенная миссия Горбачёва была продиктована тем, что он и его помощники называли «новым мышлением». Также заклейменное коммунистическими фундаменталистами как ересь, оно совершило «концептуальную революцию» в советской внешней политике (303). Заложенные в нём идеи, вкупе с замечательными лидерскими свойствами Горбачёва и значимым участием президента США, который тоже опасался потенциальных последствий ядерной гонки, Рональда Рейгана, быстро преобразили отношения между Востоком и Западом.

Уже в 1986 г., едва ли год спустя после прихода Горбачёва к власти, оба лидера принципиально согласились, что всё ядерное оружие должно быть запрещено – цель, которой невозможно достичь, но жизненно важно стремиться. В 1987 г. они подписали договор об уничтожении – впервые – целой категории такого оружия, чем, по сути, дали обратный ход гонке вооружений. В 1988 г., поддержав Горбачёва ещё в ряде инициатив, касающихся разоружения, Рейган официально снял с СССР клеймо «империя зла», заявив: «То было другое время, другая эпоха». И, оставляя в январе 1989 г. президентский пост, объяснил, почему теперь наступила новая эпоха: «холодная война кончилась» (304).

Но требовалось ещё подтверждение со стороны Горбачёва и преемника Рейгана, Джорджа Буша-старшего. Что они убедительно и сделали в ноябре и декабре 1989 г.: сначала Горбачёв, когда отказался применить военную силу (как делали его предшественники в подобных ситуациях) в ответ на падение Берлинской стены и распад советской империи в Восточной Европе, а затем они оба, договорившись во время встречи на Мальте считать этот саммит началом отсчёта «качественно новой эпохи в советско-американских отношениях» (305). Вскоре последовали и другие формальные договоры, но окончательным подтверждением наступления новой, пусть и краткосрочной, эпохи стали два примера беспрецедентного советско-американского сотрудничества, продемонстрированные миру в 1990 г.: соглашение по поводу воссоединения Германии и поддержка Москвой американской войны против Саддама Хусейна, вторгшегося в Кувейт.

В этой истории принципиально важными являются три момента. Первое, даже допуская, что Рейган и Буш играли «ключевые» роли, холодная война никогда бы не кончилась и, может, даже углубилась, если бы не инициативы Горбачёва. Второе, объективные историки и участники событий расходятся во мнении, когда именно закончилась холодная война, но согласны в том, что это случилось где-то между 1988 и 1990 гг., т. е. за полтора-три года до роспуска Советского Союза в декабре 1991 г. (306). И третье, прекращение холодной войны было совершено таким образом, чтобы, как сначала заверял Буш, «не было побеждённых, только победители», или, как позже написала госсекретарь Райс, «без победителей и побеждённых» (307).

С американской стороны, однако, эти исторические реалии были вскоре переписаны. Сразу после декабря 1991 г. конец холодной войны был привязан, сущностно и причинно, к концу Советского Союза, и роли обоих событий были переписаны в угоду новому американскому триумфалистскому сценарию. Первый вариант написал сам Буш, заявивший в январе 1992 г.: «Америка выиграла холодную войну… Холодная война не закончилась – она была выиграна». Это повторенное им заявление было отмечено и опровергнуто сторонниками Горбачёва во время его кампании по переизбранию в том же году (308).

Джордж Ф. Кеннан, которого считают каноническим авторитетом в области американо-советских отношений (но обычно не прислушиваются к нему), позже отмёл утверждение о победе США как «принципиально глупое» и «просто ребяческое» (309), но практически все американские политики и главные СМИ пошли тогда за Бушем и продолжают идти этим путём и по сей день. Как и ведущие ученые, которые должны бы были знать лучше, как обстояло дело. (Двое из них даже заявили, что Борис Ельцин, который стал президентом РСФСР только в июне 1991 г., т. е. много позже поворотных событий 1988–1990 гг., был «катализатором окончания холодной войны») (310).

Результатом стала «новая история», написанная, как сказал один критик, «как видится из Америки, как чувствуется из Америки, рассказанная так, чтобы это устраивало большинство американцев» – или «сказка со счастливым концом», как написал другой (311). Когда историки будущего будут искать ответ на вопрос, когда началась новая холодная война, они, возможно, обнаружат, что она началась в тот момент, когда американцы переписали конец предыдущей, вычеркнув оттуда наследие Горбачёва.

III

Российско-американские отношения от первой холодной войны до второй: есть ли альтернатива?

Провал крестового похода*

Крестовый поход во имя «России, которая нам нужна»

Идея того, что США могут переделать Россию по своему образу и подобию или, по крайней мере, смогут «думать за русских», возникла впервые после Второй мировой войны, в среде апологетов холодной войны (2). В 1992 г., в первый год постсоветской эры и последний год администрации Буша, эта идея возродилась. Так, в апреле 1992 г. состоялось совещание представителей правительства, бизнеса, средств массовой информации и академической среды, которое рекомендовало Соединённым Штатам и их союзникам «принять самое непосредственное участие в процессе трансформации экономической и политической жизни в бывших советских республиках». А один политик-учёный даже конкретизировал задачу: «Нужно сформировать элитный корпус западных экспертов, которые будут жить на территории бывшего Советского Союза и помогать управлять государством и бизнесом» (3).

Вскоре, однако, этот миссионерский порыв превратился в настоящий крестовый поход, и сделала это администрация Клинтона (хотя, нужно заметить, не без поддержки республиканской партии в Конгрессе). Почти сразу же после инаугурации президента Клинтона в январе 1993 г. его эксперты принялись тайно обсуждать вопрос, «как лучше реформировать Россию» и сформулировать задачи американского участия. Возникшая в результате «целостная политика», как пояснил позднее официальный представитель Госдепартамента, была направлена на внутреннюю «трансформацию России» (4). По сути дела, США должны были учить экс-коммунистическую Россию капитализму и демократии и наблюдать за процессом превращения – так называемым «переходом». Доверить России самой искать пути собственной трансформации, разумеется, было нельзя, дабы не дать ей заблудиться, как заметил один из сторонников крестового похода, «в хитросплетениях её собственных противоречивых замыслов» (5).

Наука, которую предстояло изучить России, была проста, но сурова. Экономическая реформа должна означать «шоковую терапию» и жёсткий монетаризм, режим строгой бюджетной экономии, никаких субси-

---

* Публикуется по: *Коэн Стивен.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XX, 2001. – 304 с.

дий и дотаций советской эпохи, полную приватизацию всей страны, открытие рынков для иностранных производителей и минимальную роль государства. Политическая реформа сводилась к более чем абсолютной поддержке президента Бориса Ельцина, поскольку, как объясняли советники Клинтона, «Ельцин представляет движение к той России, которая нам нужна» (6). Помимо бесплатных советов, означавших, по сути, диктат в области экономической политики, американская администрация обещала профинансировать «переход», главным образом, за счёт кредитов Международного валютного фонда (МВФ), если, конечно, Россия будет соблюдать все американские условия (7).

Итак, толпы американских политических миссионеров, обычно именуемых «советниками», наводнили Россию в первой половине 90-х гг. (8). Спонсируемые американским правительством, идеологическими организациями, различными фондами и институтами, они проникали повсюду, где существовал материал для «новообращения», – от политических движений, профсоюзов, средств массовой информации и школ до офисов самого российского правительства. Среди прочих миссионерских деяний американцев было финансирование нужных российских политиков, инструктаж министров, составление проектов законов и указов президента, написание новых учебников и перевыборы президента Ельцина в 1996 г. (9).

Конечно, чтобы сохранить лицо, всё это делалось в довольно дипломатической форме. И уж точно никогда (или почти никогда) администрация Клинтона не допускала столь откровенно миссионерских высказываний, как то, что сделал бывший советник по национальной безопасности, заявивший, что «экономическая и даже политическая судьба России… сегодня всё более зависит от Запада, de facto играющего роль распорядительного директора по банкротству». Не была администрация Клинтона и столь категорична, как анонимное программное письмо, распространявшееся в Вашингтоне в 1993 г.: «Ключ к демократическому возрождению [России] больше ей не принадлежит. Он в наших руках» (10). Наоборот, официальные лица из администрации время от времени специально подчёркивали (обычно тогда, когда крестоносцы терпели неудачи): «Русские сами должны решать. Мы не можем это делать за них».

Но, заявляя так, администрация думала и действовала совершенно иначе. Это подтверждалось и жестким контролем за соблюдением «наших (т. е. американских) условий»; и словами американского посла, хвастливо заявившего в 1996 г., что «без нашего руководства… Россия сегодня была бы иной»; и свидетельством дипломатического источника о том, что вице-президент Альберт Гор, игравший ведущую роль в этой политике, «взялся заново придумать Россию». И даже в 1999 г. один из главных вдохновителей крестового похода продолжал восторгаться:

«Наша политика в отношении России должна быть светом маяка… С помощью этого света они смогут найти себя» (11).

К тому времени крестовый поход уже давно захлебнулся, столкнувшись с российской действительностью. (Одним из прямых результатов его стало усиление антиамериканских настроений до невиданных размеров. Во всяком случае, за сорок лет, которые я изучаю и посещаю Советскую и постсоветскую Россию, я такого ещё не видел).

Провал клинтоновской политики есть тема отдельного осуждения, и мы к ней ещё вернемся в последней части этой книги. Мое мнение, как будет понятно из дальнейшего, состоит в том, что это была крупнейшая катастрофа американской внешней политики поиле Вьетнама, последствия которой могут быть ещё более длительными и губительными.

Однако, для того, чтобы судить об этом провале, нужны точные критерии. После распада в 1991 г. Советского Союза первоочередной заботой американских политических деятелей стали гарантии контроля за гигантским российским арсеналом ядерного и другого оружия массового поражения, а такие гарантии им могла дать только Россия процветающая, политически стабильная, мирно и тесно сотрудничающая с США по наиболее животрепещущим международным проблемам. Начался XXI век, но Россия и российско-американские отношения явно далеки от нарисованного идеала.

Столь же эффектное поражение потерпели и финансовые специалисты по посткоммунистической России, и по сходным причинам. Они с азартом кинулись в этот великий крестовый поход, который для них означал «зарождение российского рынка». Используя «лучшие умы, какие только могли собрать Уолл-стрит и Вашингтон», они также намеревались построить «нью-Америку» на Москве-реке. Среди этих «лучших умов» был и Джордж Сорос – миллиардер, финансист и филантроп, который пообещал лично «направить средства для разрешения сегодняшних проблем российской экономики» (12).

Американские инвесторы по-своему тоже были миссионерами, как и администрация Клинтона. «Известные американские советники по инвестициям распределили по пакетам большую часть предложений по российским облигациям», – напоминает нам бывший корреспондент «Wall Street Journal». И он же: «Американские брокеры написали книгу о том, каким им видится промышленное возрождение России». Предложения, которые они рассылали потенциальным клиентам, перекликались с высказыванием одного американского бизнесмена, уже обосновавшегося в Москве: «Это рай для предпринимателя. Бог весть, когда ещё эта страна… станет похожа на Соединённые Штаты». Вот почему «вслед за американскими инвесторами, возглавившими натиск» (13), в Россию устремились также толпы искателей лёгкой наживы с Запада.

Масштабы поражения этого крыла крестового похода имеют количественное выражение, во всяком случае, приблизительное. По отчётам западных банкиров и инвесторов, только в результате российского финансового кризиса в августе 1998 г. они потеряли от 80 до 100 миллиардов долларов, что явилось крупнейшим в истории единовременным ущербом. (Один Фонд Сороса потерял 2 миллиарда долларов, а ряд мелких фондов полностью обанкротились). Поражение американских финансистов в посткоммунистической России выразилось и в другом. Их проекты и предприятия дали жизнь грандиозным схемам отмывания денег и прочим сомнительным сделкам (14).

Нечем особенно гордиться и большинству американских журналистов, писавших о России в 90-е гг. А ведь их предупреждали и предупреждали давно. На заре коммунизма в России Уолтер Липман и Чарльз Мерц опубликовали анализ освещения в американской прессе событий революции 1917 г. и последовавшей гражданской войны между красными и белыми, ставший превосходным пособием для изучения журналистского непрофессионализма. По мнению Липмана и Мерца, репортажи носили «почти катастрофический» характер, а «результатом почти всегда было введение в заблуждение». Причину же этого они усматривали, главным образом, в том, что американские корреспонденты и редакторы были абсолютно уверены в правоте своего правительства, объявившего крестовый поход против красных, и потому видели «не то, что было, а то, что люди хотели видеть» (15).

Спустя семь десятилетий, история повторилась. Большинство журналистов, пишущих для влиятельных американских газет и журналов поверили в крестовый поход, объявленный администрацией президента Клинтона, во имя обновления России. Подобно обозревателю «Washington Post», они быстренько «встали на сторону Ельцина». Подобно московскому корреспонденту «Business Week», они поверили в «либеральную альтернативу» и в «работу, которую начали Ельцин и его либеральные реформаторы». Подобно международному обозревателю «New York Times», они не сомневались, что России нужна «та же базовая модель», что и у Америки, и вслед за корреспондентом той же газеты постоянно беспокоились, не свернёт ли Россия на путь собственных сумбурных замыслов. Некоторые были настроены ещё более воинственно. Так, для одного давнего корреспондента «Washington Post» посткоммунистический крестовый поход – ещё одна страница в холодной войне, которая «на самом деле ещё не выиграна» (16).

Если не брать во внимание обилие фактических ошибок, первой жертвой, как и предупреждали Мерц с Липманом, стала профессиональная объективность. Московские корреспонденты, судя по обзору 1996 г., были склонны глядеть на события в России «сквозь призму собственных ожиданий и убеждений». Тремя годами позже рецензент

книги, написанной бывшим корреспондентом, пришёл к выводу, что «откровенно неверные представления» автора проистекают из его личных ожиданий в отношении России, «что заставляло его принимать видимость за реальность и желаемое за факт» (17).

Подобные ожидания и опасения породили тот тип освещения российских событий американской прессой, который можно было бы назвать манихейским, т. е. одномерным (в лучшем случае) и основанным в основном на оценках, предлагавшихся американскими официальными лицами. (Как разъяснял корреспондент «Washington Post», определяющую роль во всей этой эпопее играли «стандарты МВФ по превращению в нормальную страну с рыночной экономикой» (18)). На стороне добра, по этим оценкам, были президент Ельцин и его последователи в лице крестоносцев-«младореформаторов», иногда именуемые «гигантами демократии»: Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Сергей Кириенко. На стороне зла были силы, неизменно выступающие против реформы: коммунисты, националисты и прочие политические драконы, притаившиеся в зловещей пещере парламента. Глава за главой, эта сказка рассказывалась вновь и вновь в течение почти десяти лет, и всегда с позиции «реформаторов» и их западных сторонников, бывших одновременно и первоисточником. По мнению одного известного российского журналиста, это был «сплошной обман» (19).

Казалось, что во всей огромной России не было иных достойных политических фигур, помимо Ельцина и его команды. Пускай большинство россиян считало «шоковую терапию» и другие мероприятия этой команды экстремизмом, для американской прессы Ельцин был единственным оплотом страны от «экстремистов как справа, так и слева» (20). Для реформаторов не-ельцинского толка просто не оставалось места. Когда один из них, Григорий Явлинский, во время президентской кампании 1996 г. попытался пойти против Ельцина, американская пресса пригвоздила его к позорному столбу: «История припомнит, кто всё испортил, если дела демократии пойдут плохо». В то же время, какой бы ни была политическая биография человека, если его выдвигал Ельцин, он автоматически превращался в «одного из демократов», «подлинного реформатора» с «чистыми руками». Так было и с Владимиром Путиным, сделавшим карьеру в органах КГБ и назначенным Ельциным своим преемником (21).

Продолжая придерживаться манихейских заповедей при описании реальности (однобокость при заведомой противоречивости самой реальности), американские журналисты превратились в проводников политики Белого дома и «группу поддержки» действий ельцинского Кремля. Ещё в 1993 г. даже проамерикански настроенный русский считал «пропагандой» то, что американские средства массовой информации сообщали о России. В 1996 г. нечто подобное заявил один нью-йорк-

ский обозреватель, сетовавший на то, что газетные репортажи превратились в «зеркало двойного мышления Госдепартамента». А один известный американский историк даже написал, что проельцинизм прессы напоминает ему «коммунистических попутчиков 30-х гг.», только с обратным идеологическим знаком (22).

Американские журналисты, к примеру, создали культы тех российских политических деятелей, которых американское правительство избрало для воплощения своей политики. Феноменальный культ Ельцина начала 90-х гг. («куда Ельцин, туда и народ»), оказался, правда, основательно подорван просчётами его политики и причудами поведения. Но даже в 1999 г. он оставался, согласно мнению «New York Times», «ключевой фигурой в ряду защитников российских демократических реформ, с таким трудом завоеванных», и «огромным благом для США» (23).

Что же касается ельцинских «младореформаторов», то, несмотря на все провалы их политики и сомнительный моральный облик, их репутация (в США), похоже, вообще не пострадала, а если и пострадала, то ненадолго. Возьмём, к примеру, Чубайса, которого в американских официальных кругах считают «полубогом» и лидером «экономической dream team» (24). Даже после нашумевшей истории с «коробкой из-под ксерокса» (когда он приказал скрыть финансовое преступление своих помощников в Кремле) «New York Times» устами своего корреспондента уверяла читателей, что «Чубайс готовит сценарий следующего этапа российской демократической революции». И даже после того, как стало известно, что свои приватизационные программы, осуществляемые, в том числе, за счёт рыночных сделок, он превратил в источник личного обогащения, он оставался, по мнению другого корреспондента «New York Times», «крестоносцем свободного рынка» и настоящим «Элиотом Нессом рыночной реформы» (25). Надо сказать, что «New York Times» не была одинока в своих репортажах. В 1999 г. два американских журналиста пришли к выводу, что московское бюро «Wall Street Journal» играло роль «несколько бо;´льшую, нежели просто проводника пиара для коррумпированного режима» (26).

Имели место злоупотребления и более существенные, с точки зрения американских ценностей. В 1993 г. редакторы и обозреватели американских газет практически единогласно поддержали администрацию Клинтона, открыто ставшую на сторону Ельцина в его противоборстве с парламентом, приветствовали разгон, а затем и расстрел законно избранного органа. Представленные объяснения были информационно скупы и морально корректны. Утверждая, что «было бы не только целесообразно, но и нужно поддержать недемократические меры», журналисты, по сути, реабилитировали принцип «цель оправдывает средства» – тот самый, который так долго ассоциировался как раз с советскими коммунистами и который был ими глубоко дискредитирован:

«Нельзя приготовить омлета, не разбив яиц» (27). Даже Дума, следующий парламент, избранный на основе уже ельцинской конституции, стала объектом нападок со стороны американской прессы, как будто без законодательного органа, с одним президентом и его назначенцами, Россия была бы более демократическим государством (28).

Следующий пример подчёркивает неуместность большинства американских репортажей о посткоммунистической России и полное безразличие их авторов к судьбе страны, население которой (даже по сведениям одной не очень официозной московской газеты) подвергается эксплуатации и разорению невиданными прежде способами. Говоря о жестоких последствиях экономической «шоковой терапии» для рядовых граждан, ещё один прозападно настроенный российский учёный высказал сожаление, что «у корреспондентов, пишущих из Москвы, нет желания взглянуть в глаза трагической российской действительности». Как сходным образом выразился позднее журналист агентства Рейтер, «боль при редактировании вымарывается» (29).

Конечно, темы бедности и проблем здравоохранения присутствовали в американских репортажах, но обычно лишь в качестве дополнения к главному сюжету о российском переходном периоде и наследии коммунистического прошлого. С презрением встречали американские журналисты любые российские предложения о постепенных, «несколько менее болезненных реформах», от кого бы они ни исходили, будь то вице-президент Руцкой в 1993 г. или премьер-министр Примаков в 1998–1999 гг. (30).

Однако, несмотря на катастрофические последствия «шоковой терапии» 90-х гг. в России, в середине 2000 г. американские журналисты, политики и учёные очень надеялись, что при Путине Россия получит новую, более крепкую дозу, хотя и беспокоились, что рядовые граждане «могут быть не готовы принять этот план». Основанием для подобных надежд было возвышение Германа Грефа, нового министра экономического развития и торговли, сменившего Чубайса на посту главного «молодого реформатора» страны. Предложенная им политика, по всей видимости, получила одобрение Путина. И хотя предложения Грефа были направлены лишь на то, чтобы сделать и без того обедневшее российское большинство ещё беднее, а горстку богачей – ещё богаче, американские комментаторы на все лады расхваливали «превосходную программу».

Помимо введения 13% единого подоходного налога, исчисляемого по регрессивной шкале (во всех демократических странах фиксированный налог считается несправедливым для всех, кроме богатых, и потому отвергается, однако американская пресса признала его вполне приемлемой демократической «реформой» для России), программа Грефа предусматривала существенное сокращение имеющихся социальных

гарантий, в том числе жилищно-коммунальных льгот, рост цен и угрозу свести на нет и без того мизерные пенсии. Так, хотя в 2000 г. большинство россиян с трудом могло оплатить предоставляемые им жилищно-коммунальные услуги, корреспондент «New York Times» счёл цены на эти услуги «возмутительно низкими» и приветствовал реформы Грефа, которые назвал «значительно более смелыми, чем любые планы, которые западные правительства когда-либо пытались протолкнуть, минуя подозрительных избирателей» (31).

Подобно приснопамятным советским журналистам, американские корреспонденты оправдывают лишения, которые сегодня претерпевает Россия, будущими дивидендами, абстрактным «светлым будущим». По мере того, как страна всё глубже погружалась в пучину экономического кризиса и нищеты, они продолжали твердить, вслед за Кремлем и Вашингтоном, что экономический подъем и стабильность вот-вот наступят. (Обычно цитируют вице-президента Альберта Гора, якобы заявившего в марте 1998 г.: «Оптимизм является повсеместно преобладающим чувством среди тех, кто знаком с тем, что происходит в России») (32).

Буквально накануне финансового краха 1998 г. (и даже после, как будет видно в дальнейшем) они продолжали убеждать читателей в том, что Россия являет собой пример «замечательного успеха». И даже признание Путина о необычайных масштабах нищеты в стране не привлекло внимание американских репортёров к этой проблеме (33).

Понятно, что «страшные и мрачные» истории о невыплаченных зарплатах и пенсиях, недоедание населения и упадке российской провинции, где, по свидетельству российского журналиста, царит всеобщее отчаяние, не привлекали американских корреспондентов. (Так, корреспондент «Newsweek» посоветовал беднякам жить на одном хлебе: «могло быть и хуже») (34). Нечасто фигурировали в их репортажах и отчаянные акты протеста, имевшие место по всей стране. И уж совсем без внимания остались те методы, которыми «правительство реформы» лишило российских рабочих прав и гарантий, которые они имели при Советской системе. Вместо этого американские журналисты предпочитали искать подходящие «метафоры для российских метаморфоз» (35) – обычно в той чрезвычайно тонкой прослойке московского общества, которая преуспела за годы преобразований, от финансовых олигархов до яппи, расплодившихся в Москве благодаря обилию представительств западных фирм.

Так, один недавний корреспондент, а затем обозреватель «Washington Post» предложил именовать новых русских, получивших наибольшие выгоды от перераспределения государственных благ, прогрессивными «бэби-миллионерами», а «Wallstreet Journal» – «русскими биллами гэйтсами» (36). Другие, например, редактор «New York Times», тоже бывший московский корреспондент, считали, что «одно из лучших

мест, где можно лицезреть новую Россию, – открытая терраса “Макдональдса”. Она является меккой для богатых молодых москвичей, прибывающих туда на своих “Джипах Чероки” и “Тойотах Лэнд Крузер”, с мобильными телефонами в руках» (37). В то время реальная заработная плата в среднем по России составляла около 60 долларов в месяц и продолжала падать.

Неудивительно, что подавляющее большинство читателей американской прессы оказалось неподготовленным к восприятию экономической катастрофы и череды финансовых скандалов, разразившихся в России в конце 90-х гг. К примеру, читатели «New York Times», должно быть, с изумлением узнали (причём даже не от специалиста по России), что, вопреки предыдущим публикациям газеты, «вся политическая борьба в России в 1992–1998 гг. была борьбой между различными группировками за право контроля над государственной собственностью», а демократия и рынок были здесь не при чём (38).

Милосердия ради, можно было бы попытаться найти оправдание для всех этих горе-специалистов по России. Политических деятелей, наверное, подвела политика, инвесторов – жажда выгоды, журналистов – жесткие сроки подготовки материалов и редакторские ожидания. К тому же, для большинства из них Россия не была делом всей жизни, они мало знали о стране и зачастую даже не владели русским языком. (Последнее обстоятельство объясняет вопиющее отсутствие ссылок на местную прессу у большинства американских корреспондентов, аккредитованных в Москве.)

Но как тогда объяснить провал подлинных специалистов, университетских и институтских учёных, жизнь свою посвятивших изучению России и, казалось бы, неподвластных влиянию финансовых и политических соображений. Начнём с того, что откажемся от двух заведомо ложных посылок: учёные застрахованы от элементарных фактических ошибок, и они редко принимают участие в публичных делах.

Рассмотрим два примера вопиющих ошибок. В 1993 г. два публикующихся в «New York Times» уважаемых профессора, стремясь очернить антиельцинский парламент, умудрились спутать свободно избранный в 1990 г. Верховный Совет РСФСР с куда менее демократично избранным Верховным Советом СССР образца 1989 г. А в 1999 г., когда широкую огласку в Москве получили случаи нечестных коммерческих сделок, Русский центр Гарвардского университета заплатил огромную цену за эксклюзивные копии архивных документов советской эпохи, а потом обнаружилось, что копии тех же документов давно имеются в другом американском исследовательском центре (39).

Политическая ангажированность также всегда являлась отличительной чертой науки о России. Во время холодной войны 1960–1980-х гг. научные специалисты по России играли заметную роль в многочислен-

ных дискуссиях в Конгрессе и в средствах массовой информации по вопросам политики разрядки и горбачёвских инициатив. Ряд университетских профессоров даже официально числился в штате Белого дома и Госдепартамента во время правления и демократической, и республиканской администраций (40). Воздействие учёных на восприятие американцами российской действительности было многократно усилено за счёт связи с влиятельными журналистами. Нередко перед назначением московские корреспонденты слушали курсы известных россиеведов, читали их книги, а затем консультировались с ними по поводу своих репортажей.

Однако, если раньше в более или менее равной степени были представлены обе позиции (pro и contra), то в 90-е гг. подавляющее большинство специалистов по современной российской истории и политике разделило точку зрения американского правительства и прессы на посткоммунистическую Россию. Неудивительно, что они оказались в такой чести у влиятельных газет и журналов, с удовольствием публиковавших их статьи, рецензии и ссылки на их книги. Но они были не просто «миссионерами из неоконсервативного научного лагеря», как охарактеризовал их один британский ученый; они представляли определённый политический лагерь. Между тем, та часть специалистов по России, которая всеми силами стремилась отмежеваться от «американских адвокатов Ельцина», оставалась незаметной, неуслышанной и невостребованной (41).

В результате, большинство комментариев, сделанных в прессе специалистами по россиеведению и другим родственным дисциплинам, и по содержанию, и по интонации мало чем отличалось от комментариев журналистов. Подчас научные комментарии отличались даже большей «идейностью» и большим миссионерским порывом. Учёные были уверены в необходимости для России «западной экономической стратегии» и «западного присутствия» в широких масштабах под руководством США. Мнение, что Америка должна воспользоваться предоставленным ей шансом «изменить традиционную схему русской истории», без сомнения, было общим (42).

И, подобно американским политикам и журналистам, большинство учёных, конечно, считало Бориса Ельцина единственным «гарантом реформ» в России. Один историк из университета Беркли даже поставил его в один ряд с Петром I, Джоном Локком и Томасом Джефферсоном (43). Оппоненты Ельцина, даже не являющиеся коммунистами, были однозначно отвергнуты как «реформаторы-волынщики», «стареформаторы», «вредители» и «возмутители недовольной черни» (44).

События 1993 г. стали своеобразным моральным тестом и для университетских профессоров. Считая, что «давно назрела» необходимость действовать, они побуждали Ельцина отбросить «политическую кор-

ректность» и «свергнуть» избранный парламент, или, как советовал один гарвардский историк, «прибегнуть к методам, неприемлемым на Западе». А чтобы кто-нибудь не усомнился в достаточной для этого легитимности Ельцина, один йельский специалист по конституции сравнил его с Джорджем Вашингтоном, причём сравнение было в пользу Ельцина (45).

Это был позорный эпизод в истории академического россиеведения, но не главный, с точки зрения участия в коллективном американском безумии 90-х гг. Гораздо большее значение имело то, что учёные сумели подвести историческую и юридическую базу под главную лже-идею американского крестового похода – о переходе России от коммунизма к капитализму и демократии американского типа. Эта идея «перехода» не только придала осмысленность американской политике, но и обеспечила прессу – материалом для публикаций, а учёных – новой парадигмой для исследований, грантов и, в конечном счёте, для своей карьеры.

«Холодный мир»? Ноябрь 1992 г.

В 1992 г., впервые по крайней мере за 50 лет, отношения с Россией не были проблемой, поднимавшейся в ходе американской президентской кампании. Фактически Россию почти и не упоминали. Если вспомнить о тлетворном влиянии, которое оказывала в течение многих лет политика холодной войны, то это можно считать хорошей новостью. К сожалению, однако, в основе лежало ложное и потенциально опасное убеждение, что с концом Советского Союза в 1991 г. Россия и США оставили позади все свои длившиеся десятилетиями конфликты и вступили, как заявили на своей встрече в июне Борис Ельцин и Джордж Буш, «в новую эру дружбы и партнёрства». На самом деле никакой «новой эры» нет, и провозглашение её на высшем политическом уровне и в средствах массовой информации может породить ещё один идеологический миф из тех, что многие годы препятствуют установлению стабильных отношений между двумя ядерными гигантами. Политический горизонт уже затягивается тучами серьёзных конфликтов в российско-американских отношениях, которые неизбежно скажутся на внутренней политике. Между тем, ни один из кандидатов в американские президенты, включая Билла Клинтона, ни словом не намекнул, как будет действовать в случае подобного конфликта и как это может отразиться на его предвыборных обещаниях.

Теперешний образ посткоммунистической России как лучшего друга Америки и её близкого партнера основывается на многих неверных представлениях о постсоветском развитии или даже на полностью неверной его картине. Этот образ в основном строится на предположении, что русская внутренняя и внешняя политика вдохновлена США

или по меньшей мере глубоко проамериканская. Он предполагает прежде всего, что Россия принимает демократию и капитализм западного типа, избегает имперской политики по отношению к другим бывшим советским республикам и фактически вступает в союз с США в мировой политике, включая политические проблемы, связанные с ядерным оружием. Между тем все эти сферы русской политики характеризуются путаницей, противоречиями и неопределённостью, но ни в одной из них и близко нет того, что отвечало бы американским представлениям о «правильной» российской политике.

Процесс демократизации России, начавшийся при бывшем президенте СССР Михаиле Горбачёве, после гибели коммунистической партии и ликвидации Советского Союза практически не продвинулся вперед. Можно сказать, что на деле он даже пошел вспять, в немалой степени из-за широко применяемой президентом Ельциным практики управления посредством президентских указов и его кампании по восстановлению «сильной исполнительной власти» за счёт парламента и местного самоуправления. Одновременно элита, совершенно не заинтересованная в дальнейшей демократизации (прежде всего – директора монополистических государственных предприятий и руководство армии и службы безопасности), вновь приобрела власть в посткоммунистической политической системе и в окружении самого Ельцина. В лучшем случае, можно сказать, что процесс демократизации оказался замороженным почти на год, не самый добрый знак в стране, где демократия только-только оперяется. Даже если оставить в стороне до сих пор живущие в обществе авторитарные традиции, Россия до сих пор не имеет настоящей Конституции, разделения компетенции между исполнительной и законодательной властями, независимой судебной власти, регулярных выборов, многопартийной системы, привычки к политическому диалогу и свободной прессы, способной обходиться без государственных субсидий. В отличие от американских энтузиастов немногие из убеждённых российских демократов теперь называют существующий режим демократическим. Даже некоторые сторонники Ельцина признаются, что не верят в торжество демократии при нынешнем российском президенте.

В экономической жизни России, хотя и судорожно и болезненно, идёт процесс становления рынка. Но очень не похоже, что он ведёт к «свободному капиталистическому рынку», как этого хотят западные энтузиасты новой России. Шоковая терапия прыжка в капитализм, которой в начале этого года под давлением западных правительств и банков подвергли русское общество Ельцин и его главный министр Гайдар, не достигла ни одного из желаемых результатов. Вместо этого она привела к бурному и постоянному росту цен на потребительские товары, дальнейшему падению курса рубля, обеднению большинства русских семей, резкому спаду промышленного производства и продолжающе-

муся снижению народной поддержки либеральных экономических и политических реформ, да и самого Ельцина – первого и единственного в русской истории избранного народом руководителя. (По опросам общественного мнения, его положительный рейтинг сегодня не превышает 30% и уступает рейтингу его вице-президента Александра Руцкого, который с самого начала был против «шоковой терапии»). И если для своих западных приверженцев Ельцин продолжает произносить прокапиталистические речи, то у себя в стране он неуклонно движется от гайдаризма к совершенно иной программе своих самых серьёзных противников – коалиции «Гражданский союз», сплотившей руководителей государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, националистически настроенных офицеров, бывших коммунистических реформаторов и отошедших от радикализма радикалов. Эта программа призывает к специфически русской «смешанной экономике», «регулируемому рынку», с любовью смотрит на «китайскую модель» постепенной экономической реформы без демократизации и с презрением отзывается о МВФ и других предполагаемых западных архитекторах будущей России. При 90% экономики, всё ещё находящихся в руках государства, в России, бесспорно, будет доминировать политика «Гражданского союза», а совсем не та, на которой настаивают и которую ожидают США.

Отношения России с другими бывшими советскими республиками, по всей видимости, также не будут в обозримом будущем, да и вообще когда-нибудь, напоминать отношения между США и Канадой. Несмотря на резкое политическое размежевание, наступившее после 1991 г., многие из четырнадцати бывших советских республик всё ещё привязаны к России мощными узлами – такими, как незаменимые экономические связи, суровые военные реальности и нерасторжимые человеческие связи в виде больших этнических диаспор и смешанных браков. Неудивительно, что опросы показывают растущую ностальгию русских по старому союзу, а некоторые лидеры нерусских республик всё громче призывают к новому союзу. Если эти тенденции продолжатся, то небеспочвенное утверждение противников раскола о том, что Советский Союз на самом деле не «рухнул» в декабре 1991 г., а был уничтожен в результате заговора со стороны Ельцина и его украинского и белорусского союзников, может стать неотразимым аргументом в российской политике.

Не меньшее значение имеет взрывоопасное сочетание 25 млн русских, живущих в бывших советских республиках вне России, и российской армии, которая продолжает находиться на этих территориях. Так или иначе эта армия уже вовлечена по крайней мере в четыре гражданские войны вне России – в Молдове, Грузии, Таджикистане и армянском анклаве в Азербайджане – Нагорном Карабахе. И если число и интенсивность гражданских войн в бывших советских республиках

будут расти, что очень вероятно, то вместе с этим будут расти имперская роль русской армии и потенциал новой русской гегемонии. (Почему-то в американских средствах массовой информации редко упоминают заявление бывшего советского министра иностранных дел, а ныне президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, сделанное им в октябре 1992 г., о том, что «война между Россией и Грузией, по сути… уже идёт»). В Эстонии и Латвии, где российское меньшинство оказалось лишено гражданских прав, оставшиеся элементы российской армии ведут себя довольно агрессивно, а 29 октября Ельцин отдал приказ о приостановке вывода войск из Прибалтики. Не решёнными остаются и многие взрывоопасные вопросы взаимоотношений России с Украиной.

Американские учёные и политики обычно думают, что за подобным «советским» поведением стоят российские сторонники «жёсткого курса», но и российские лидеры с демократическими убеждениями из окружения Ельцина не чураются такой политики. Вице-президент Руцкой является, возможно, самым ярым защитником военных интересов России за её пределами, но и глава внешнеполитического комитета в парламенте Евгений Амбарцумов – радикальный демократ, в своё время порвавший с Горбачёвым ради Ельцина – заявил недавно, что России нужна своя «доктрина Монро», обеспечивающая ей гегемонию на всей территории бывшего Союза. Подобные настроения присущи сегодня многим из тех, кого мы называем российскими демократами. Но хотели бы Соединённые Штаты видеть исторически сложившуюся систему своих взаимоотношений с Латинской Америкой в качестве модели для отношений посткоммунистической России с бывшими советскими республиками?

Наконец, совершенно нелепой является идея, что Россия теперь в международных делах будет следовать за Америкой – как будто конфликты с США могут быть только у марксистов-ленинцев. Внешняя политика, осуществляемая под руководством министра иностранных дел Андрея Козырева, сурово критикуется во многих политических кругах России как раз за то, что до последнего времени она производила впечатление «изготовленной в США». Американские комментаторы указывают на бывших коммунистов (кто из людей, находящихся теперь у власти в России, не бывший коммунист?) и других сторонников «жесткого курса». Но наиболее яркими критиками были как раз лидеры, которых мы идентифицируем с демократами, в том числе Амбарцумов, депутат-антикоммунист Олег Румянцев, помощник Ельцина Сергей Станкевич и посол России в США Владимир Лукин, недавно выступивший с протестом против «инфантильного проамериканизма» в российской политике.

Очень трудно представить себе, что исход этой борьбы будет таким, на который надеются американские политики и комментаторы. Несмотря на хвастливые заверения Буша во время предвыборной кампа-

нии, ни одна из проблем, связанных с ядерной угрозой, на самом деле не была решена. Они были только прикрыты бумагами. Соглашение ОСВ-2, которое, если будет подписано, обещает существенные сокращения вооружений, ещё вызовет борьбу за ратификацию в российском парламенте. А если принять во внимание проблему плохо контролируемых ядерных реакторов и возможность захвата тактического ядерного оружия на бывших советских территориях, то мы должны признать, что ядерная угроза сейчас больше, чем при советском режиме.

Достаточно ли самого факта антикоммунистического правительства в Москве для того, чтобы ослабить американские страхи по поводу этой угрозы? Американские средства массовой информации достаточно много места и негодования уделили факту недавних продаж Россией своей стратегической технологии и оружия Китаю, Ирану и Индии, но почему-то не обратили внимания на потрясающее откровение, сделанное в сентябре маршалом Шапошниковым. Оказывается, российские межконтинентальные ракеты, которые в начале этого года якобы были перенацелены по приказу Ельцина с территории США, на самом деле перенацелены не были, в частности потому, объясняет Шапошников, что Америка не взяла на себя аналогичного обязательства. Ситуация вполне понятная, но далёкая от «дружбы и партнерства». Сюда же можно отнести и предупреждение, сделанное в октябре министром обороны России Павлом Грачевым, о том, что Россия может возобновить в середине 1993 г. проведение ядерных испытаний, если США не примут свой закон о запрете испытаний.

Что касается соперничества на международной арене, то Россия, очевидно, будет стремиться к хорошим отношениям с западными державами. Но достаточно ли этого, чтобы удовлетворить идеологические ожидания Америки? По мере того, как в условиях прекращения глобальной холодной войны будут усиливаться расхождения между США и их западноевропейскими союзниками, перед Россией откроются большие дипломатические и экономические возможности. Она может найти на своём собственном континенте более близких друзей и лучших партнеров, чем США.

Символизм следующего факта также заслуживает внимания: Ельцин не счел возможным поехать в сентябре в прозападную Японию, хотя этот визит давно готовился, но зато объявил о намерении посетить в декабре соседний Китай – последнюю великую коммунистическую державу.

Ни одна из этих «неамериканских» тенденций в российской внутренней и внешней политике не ведёт к возобновлению холодной войны, которая была продуктом в основном исчезнувших исторических факторов. Но они означают, что советско-американские отношения, основанные на «дружбе и партнёрстве», на одинаковых национальных

ценностях и интересах, – это новый миф и в высшей степени невероятная перспектива.

Какова же альтернатива? Многое, как и раньше, зависит от наших собственных восприятий и реакций, и здесь тоже таится большая опасность. Дело в том, что Россия мыслится сегодня американскими политиками и политологами почти исключительно в миссионерском контексте, основанном на предположении, что Соединённые Штаты могут и должны помочь превратить это принципиально иное общество в слепок с американской системы. При всём разнообразии будущих перспектив России, американизация явно не входит в их число. Недавние российские события были обусловлены не столько чьей-то злой политической волей, непониманием законов рынка и демократии или губительным влиянием сторонников «жёсткого курса», сколько глубоко укорененными традициями и сложившимися обстоятельствами. Одна из этих традиций – вера в особую судьбу России – уже привела к протесту против основанной на помощи Запада ельцинской экономической политики и её болезненных последствий, а также против многочисленных западных «советников», наводнивших Россию.

Какова же будет реакция наших политиков и тех, кто формирует у нас общественное мнение, когда русская реальность опровергнет (а это неизбежно произойдёт очень скоро) распространённые сейчас мифы об американском посткоммунистическом друге и партнере? Если миссионерская политика продолжится, нетрудно предсказать обратную реакцию: в лучшем случае это будет реакция цинизма и безразличия к российским бедам, в худшем – чувство предательства и возрождения установок холодной войны. В любом случае первой жертвой этой реакции станут перспективы существенного уменьшения американских военных расходов, тот «дивиденд мира», который мы получили после холодной войны.

Необходимой альтернативой является тот откровенный и основанный на здравом смысле разговор, которого так не хватало в президентской кампании. Реформирующаяся и стабильная Россия, живущая в мире со своими соседями, – это важнейший интерес Америки, но такая Россия может найти свой путь, исходя только из своих собственных, а не наших традиций и возможностей. Такое реформирование не нуждается в нашем политическом менторстве, но требует нашей финансовой поддержки. И если США не примут этого первого принципа посткоммунистической политики, то за холодной войной, вполне вероятно, наступит очень холодный мир.

«Nation», 23 ноября 1992 г.

P.S.

Я не собираюсь брать патент на авторство термина «холодный мир» и даже не уверен, что я был первым, кто употребил его в данном кон-

тексте, но он впоследствии стал часто мелькать в американской и российской прессе и, что примечательно, – даже прозвучал в заявлении президента Бориса Ельцина. (Моя статья была опубликована в Москве, на русском языке и под тем же заголовком) 5 декабря 1994 г., протестуя против планов администрации Клинтона по расширению НАТО на восток, Ельцин предупредил об опасности сползания Европы в «холодный мир» (9). (Не могу сказать, что я испытываю удовольствие от того, что выражение впоследствии употреблялось столь часто и порой не к месту).

Посмотрим теперь, как развивались другие сюжеты статьи. «Гражданский союз» вскоре распался, как и большинство других «центристских» движений- его преемников, лишь в конце 90-х гг. получивших поддержку. Однако его программа «смешанной экономики» находила всё больший отклик в обществе. Российская армия покинула страны Балтии и Украину, но её части ещё оставались в ряде других республик, наряду с опасностью возникновения гражданских войн. Так, например, во время чеченской войны 1999–2000 гг. военные отношения России с Грузией, граничащей с Чечней, как никогда, обострились.

В январе 1996 г. Ельцин заменил демонстративно проамерикански настроенного и непопулярного Андрея Козырева Евгением Примаковым на посту министра иностранных дел. «Радикальный антикоммунизм» Олега Румянцева закончился в октябре 1993 г. по причинам, которые станут вскоре понятны читателю. Бывший помощник Ельцина Сергей Станкевич позднее был обвинён в получении взятки и скрылся в Польше. (Последовавшие перемены привели к тому, что в 1999 г. Станкевич вернулся в Россию). Посол в США Лукин тоже вернулся в Москву, где стал вторым человеком после Григория Явлинского в партии демократических реформ «Яблоко».

Три бывшие советские республики, обладавшие стратегическим ядерным оружием, – Украина, Казахстан и Беларусь – действительно вернули его России. Но окончательная ратификация договора ОСВ-2, подписанного в 1993 г., должна быть произведена российским парламентом в 2000 г. К тому же новый союз России и Беларуси не исключает возможности обратного перемещения ядерного оружия на просторы самой западной из бывших советских республик. Ракеты обеих сторон были в конце концов перенацелены, но это был не более, чем символический акт, поскольку возвращение к первоначальным целям – дело нескольких секунд. Действительно значительным шагом было бы лишить ракеты обеих сторон статуса «спускового крючка», слишком чувствительного к прикосновениям.

Что касается разногласий между США и их партнёрами по НАТО, способствовавших дальнейшему сближению России и Европы, то расширение НАТО в 1998 г., его война против Югославии в 1999 г., а также

новая война России в Чечне в 1999–2000 гг. предотвратили возможность разрыва. Однако подобная возможность вполне может возникнуть в будущем, о чём я буду говорить дальше в книге.

Провал американского крестового похода Февраль 1994 г.

С посткоммунистической Россией связан самый крупный и, одновременно, самый предсказуемый провал внешней политики США конца XX века. Всё, чего мы желали для страны, имеющей столь большое значение для американской безопасности: демократия, процветающая экономика, прозападный политический истеблишмент, существенное сокращение ядерных вооружений и гарантия ядерной безопасности, – свелось на нет усилиями самого американского правительства.

Американские политики и учёные запоздало заговорили об этом провале, но и они ещё не имеют полного представления о его действительных масштабах и причинах. Вопрошая «Кто потерял Россию?» и тыча друг в друга пальцами, рьяные приверженцы глубоко ошибочной политики, начатой при Буше в 1992 г. и получившей дальнейшее развитие при Клинтоне в 1993 г., утверждают, что эта политика провалилась, потому что Запад не обеспечил российских реформаторов достаточной и своевременной финансовой помощью. В своём самооправдании они не учитывают тех уроков, которые нужно обязательно извлечь и усвоить, если мы не хотим, чтобы американская неудача в России обернулась крупномасштабной катастрофой.

Ошибочной, как я неоднократно повторял, была уже сама базовая посылка американской политики, начиная с 1991 г.: о том, что США могут и должны вмешаться во внутренние дела России, для того, чтобы превратить её в американскую копию и послушного партнёра. Эта безумная миссионерская идея почти полностью противоречила российским традициям, а также реалиям и возможностям сегодняшнего дня, и потому была контрпродуктивной.

Характерно, что Соединённые Штаты говорили российскому руководству во главе с Борисом Ельциным: если вы будете следовать нашим рецептам экономической реформы – «шоковой терапии», позволяющей сходу «прыгнуть» в капитализм, – и нашим советам в международных делах, мы дадим вам достаточную финансовую помощь, своих специалистов и место подле себя (или в нашей тени) на мировой арене. Руководствуясь своими причинами, Ельцин соглашался или делал вид, что согласился принять предложение, которое обе стороны тут же окрестили «дружбой и стратегическим партнёрством». Размахивая этим флагом, администрация Клинтона взялась за дело с ещё большим рвением, чем её предшественница, администрация Буша.

Подведём неутешительные итоги этой американской политики:

• Перспективы для мирного развития рынка и демократии в России сегодня хуже, чем они были два года назад, и гораздо хуже, чем они были всего лишь год назад, когда Клинтон пришёл к власти. Российская экономика находится сегодня в свободном падении, испытывая множественные кризисы производства, капиталовложений, потребления, рубля и др. Кроме того, с тех пор как прошлой осенью Ельцин уничтожил конституционный порядок в стране, у России нет реальной политической системы, если не считать попыток создать режим личной власти президента. В результате, антидемократические, военные и прочие силовые структуры играют сегодня гораздо бóльшую роль во внутренних и внешних делах страны, чем это было год назад.

• Далека от американских предписаний оказалась и российская внешняя политика. Её противодействие как предполагаемому расширению НАТО на восток, так и западной кампании против Сербии, – это лишь последние примеры, подтверждающие тот факт, что российская политика делается в Москве, а не в Вашингтоне. Между тем, почти ничего не было сделано, чтобы уменьшить реальную угрозу, исходящую от всевозможных ядерных объектов на территории бывшего СССР, – более реальную, чем при советском режиме. Ряд разрекламированных договоров по сокращению вооружений, например, так и не был ратифицирован.

• Что касается ставки, сделанной американцами на Ельцина как на популярную фигуру, удобный инструмент для достижения американских целей, то 85% граждан России, принявших участие в выборах в Государственную Думу в декабре 1993 г., проголосовали против его политики и его партии. И это при том, что Ельцин определял правила, контролировал телевидение и щедро платил своим сторонникам. Особенно прискорбно то, что в значительной мере этот антиельцинизм вызван протестом против американского вмешательства в российские дела, что проявлялось, в том числе, в различных жестах, которые делал «друг Билл» в пользу «друга Бориса».

• Несколько позже неосведомлённость американской администрации в российских делах привела к тому, что президент Клинтон поверил в «потёмкинскую деревню» – обещаниям, данным Ельциным на саммите в Москве. Анонсы по поводу состава и направления деятельности ельцинского кабинета были сразу же нарушены. «Прорыв» в деле убеждения Украины отказаться от ядерного оружия выглядел весьма сомнительно после того, как в Крыму был избран пророссийски настроенный президент, ратующий за присоединение черноморского побережья к России, и украино-российские отношения обострились. А в Беларуси, которую Клинтон посетил после Москвы, прозападный президент оказался смещён сразу же после его отъезда.

• Наконец, в самих Соединённых Штатах администрация Клинтона породила такое множество иллюзий и ложных надежд, что это привело к антироссийской реакции в нашей собственной стране – прежде всего против продолжения помощи русским реформам. Закоренелые вояки времён холодной войны начали возводить свои баррикады. «Мы дали медведю попытку, – заявил в “Time” Чарльз Краутхаммер. – Она не сработала». Возможно, новая холодная война между Россией и Америкой ещё не маячит на горизонте, но «прохладный» или «холодный» мир сегодня более вероятен, чем провозглашённая «эпоха дружбы и партнерства». (Достаточно представить американскую реакцию в случае возникновения нового союза вокруг России из одной или нескольких бывших советских республик).

Но есть и более неприятная новость. Даже те, кто предупреждал об опасностях, таящихся в американской политике, не могли предвидеть, насколько глубоко клинтоновская администрация увязнет в болоте российской политики. Нам говорят, что Соединённые Штаты должны поддерживать Ельцина, потому что он – законно избранный российский президент. Но Клинтон и его ближайшие помощники пошли гораздо дальше. Превысив всякие нормы международных отношений, они стали группой поддержки Ельцина, его сообщниками и подельниками и тем самым втянули Америку в некоторые из его весьма сомнительных и даже безнравственных деяний.

Чтобы оценить степень и значение этого соучастия, нужно взглянуть на Ельцина глазами огромного большинства российских граждан. Для них он радикальный лидер, навязывающий сверху (старинная русская традиция) чрезвычайно радикальную политику, за которую они никогда не голосовали. Три чрезвычайных мероприятия Ельцина имели наиболее болезненные, шоковые последствия. В 1991 г. он внезапно упразднил СССР, единственную родину большинства россиян. (Мнение американцев здесь не в счёт). В 1992 г. он применил к экономике России «шоковую терапию», лишившую множество людей их кровных сбережений и достойного уровня жизни. И, наконец, в 1993 г. он сверг с помощью танков законно избранный парламент и весь посткоммунистический конституционный порядок, ранее представляемый гражданам как законный.

Неудивительно, что шоковый режим Ельцина породил, вместо «русского перехода», о котором столько трубили на Западе, поляризованное общество, отметающее любые разновидности умеренности и центризма в политической жизни. Но экстремизм всегда порождает экстремизм. Недаром ельцинская политика привела к победе на думских выборах в декабре 1993 г. крайнего националиста Владимира Жириновского.

Давайте посмотрим теперь, какую роль сыграли американцы во всех этих событиях. Даже если исключить случаи прямого вмешательства,

американское правительство бешено аплодировало факту уничтожения СССР, нисколько не заботясь о психологических, экономических и прочих последствиях этого события для рядовых граждан, включая опасность гражданских войн в ядерной войне. Когда «шоковая терапия» разоряла десятки миллионов россиян, наше правительство кричало: «Ещё!» и с презрением относилось к не «настоящим» реформаторам, коими считало всех экономистов-рыночников «не-ельцинского» толка. На закономерный рост парламентской оппозиции Ельцину в 1992–1993 гг. американская администрация отреагировала по-ельцински же, обозвав парламент «цитаделью красно-коричневой реакции». Российский процесс демократизации лишился тем самым двух самых важных вещей – влиятельного парламента и признанной оппозиции. Администрация Клинтона поддержала уже первую попытку Ельцина прикрыть парламент в марте 1993 г., а затем, не обращая внимания на стремление умеренных российских политиков предотвратить более серьёзное столкновение, громко приветствовала финальный, танковый акт трагедии – и, вместе с ним, торжество российской антидемократической традиции неограниченной исполнительной власти. И вот теперь новая ельцинская «конституция», лишённая демократического принципа разделения властей, провозглашается американской администрацией «демократическим прорывом».

Могут ли быть после этого сомнения в том, что американская миссионерская политика, с таким энтузиазмом поддержанная Конгрессом, средствами массовой информации, академическими кругами, скомпрометировала, извратила и наши цели в России, и наши самые большие ценности? Крестовый поход за глобальное обустройство настоящего и будущего России (аналогичные планы строятся и насчёт Украины) должен рано или поздно закончиться. Что за политику мы будем проводить потом?

Ответ на этот вопрос нужно искать уже сегодня и не в Вашингтоне, международных финансовых организациях или американских университетах, а в самой России.

Истерзанная, поляризованная, разгневанная Россия нуждается в умеренных, постепенных, мирных реформах. Новые «шоковые» методы не способны привести ни к чему хорошему. Российские «умеренные» – «центристы», зажатые между Ельциным, крайними националистами и правоверными коммунистами, – ведут отчаянную борьбу за право консолидации в политическую силу, способную направить процесс реформ в нужное русло, с Ельциным во главе или без. Для того чтобы сделать это, их лидеры должны сначала преодолеть свои собственные разногласия, обиды и амбиции. Так, хотя недавнее заявление премьер-министра Виктора Черномырдина о необходимости соедине-

ния рыночной экономики с российскими особенностями и традициями и отражает философию всех центристов, другие «умеренные» (например, бывший глава Конституционного суда Валерий Зорькин) никак не могут простить ему проельцинской позиции во время октябрьских событий 1993 г.

Так или иначе, но подобный умеренный блок есть главная надежда России, вставшей на путь рыночных и демократических реформ, даже если это не укладывается в американские представления о том, как нужно делать реформы. А раз так, то это главная надежда для Америки тоже, поскольку мы заинтересованы в том, чтобы Россия занималась прогрессивными реформами у себя дома, а не пыталась наверстать утраченную власть на мировой арене.

Но как отреагирует на центристскую оппозицию Ельцину администрация Клинтона, которая, несмотря на всю свою приверженность центризму в американских делах, не терпит «умеренности» в российской политике? Если она извлечёт правильные уроки из своих миссионерских провалов в России, то она придет к выводу, который я повторял неоднократно: у Соединённых Штатов нет ни права, ни мудрости, ни власти вмешиваться во внутренние дела России, и любые попытки сделать это вызовут ответную грозную реакцию. Следуя этому выводу, США должны отказаться от своего чрезмерного присутствия в России, прекратить свои догматические проповеди и долларовый диктат и подтолкнуть Россию к поиску своего собственного пути, в рамках её условий и возможностей.

А когда (для пессимистов – если) русские найдут свой собственный путь, даже если он будет непохож на наш, Америка сможет предоставить им достаточную и достойную финансовую помощь. В противном случае, у Соединённых Штатов не останется ни друзей, ни партнеров в России после Ельцина.

«Nation», 28 февраля 1994 г.

P.S.

Как я отмечал ранее, Украина в конце концов перевела свои запасы ядерного оружия в Россию, но отношения между этими крупнейшими из бывших советских республик всё ещё оставляют желать лучшего, и большинство других проблем, затронутых в статье, только обострилось.

Особая роль Владимира Жириновского в российской политике может служить ещё одним примером неверного освещения российской действительности в американских средствах массовой информации. После того, как его партия с совсем неподходящим названием «Либерально-демократическая» завоевала на парламентских выборах в декабре 1993 г. больше всех голосов (около 23%), эта демонстративно ультранационалистическая, даже квази-фашистская фигура оказалась в центре внимания Кремля, клинтоновской администрации и американ-

ской прессы. На Жириновского указывали как на пример того, что ждёт Россию и мир после Ельцина. Даже когда ЛДПР потеряла почти половину голосов своих избирателей на выборах в декабре 1995 г., её лидер продолжал играть роль пугала в американских репортажах, наряду с коммунистами, завоевавшими большинство в Думе.

На самом деле, после 1993 г. Жириновский и его партия почти по всем решающим вопросам становились на сторону Ельцина, включая поддержку его преемника Путина. В свою очередь, Кремль поддерживал Жириновского как фактор давления на электорат, предоставляя ему финансовую помощь и возможность выступления на подконтрольных Кремлю телевизионных каналах. Для сравнения: антидемократическая по определению, компартия по своему голосованию в Государственной Думе гораздо ближе к демократической партии «Яблоко» Григория Явлинского. Это ещё один пример того, насколько российские реалии не совпадают с упрощёнными американскими стереотипами.

«Кто проиграл Россию?» 1998–2000 гг.

С тех пор, как правительство США начало свой крестовый поход за превращение России в копию американской системы, оставалось лишь ждать, когда эта миссионерская затея приведёт к катастрофе и всеобщему воплю: «Кто проиграл Россию?». То, что это мероприятие оборачивается катастрофой, было ясно с самого начала, но американцы поняли это и стали показывать друг на друга пальцами в поисках виновных только после московского финансового обвала в августе–сентябре 1998 г.

Но и тогда вопрос возник не как попытка понять, почему всё так произошло и в чём ошибка американской политики, а по другим, эгоистическим мотивам, имеющим, к тому же, опасные последствия. Это уже было пятьдесят лет назад, когда американские политики и пресса настойчиво желали знать: «Кто проиграл Китай?». Для тех, кто забыл: тогда всё закончилось разгулом маккартизма и застоем в политической жизни.

Поэтому вопрос о России должен найти разумный ответ как можно раньше, до того, как он станет смертоносным, с политической точки зрения. Крах ельцинизма – особенно опустошительной экономической политики, основанной на «шоковой терапии» и монетаристских методах, – был также и крахом российской политики администрации Клинтона, как бы упорно она (администрация) не отказывалась это признать.

Но это не значит, что администрация или Соединённые Штаты «проиграли» Россию. Если понимать под этим растраченные возможности

для российской демократии, экономического процветания и социального благосостояния, то это скорее президент Ельцин и его «радикальные реформаторы» проиграли Россию. Никто и ничто не заставляло их навязывать своему народу глупые и догматические предписания американского руководства, несмотря на предостережения лучших российских экономистов. Неудивительно, что большинство российских граждан сегодня бросает гневные взгляды в сторону Кремля, задавая свой «проклятый» вопрос: «Кто виноват?» – и вопрос этот звучит всё громче и требовательнее.

Но Америке тоже есть что терять в России, и это «что-то» не менее важное – её моральная репутация. Почти десять лет американское правительство, во имя сомнительной экономической догмы и так называемых ельцинских «реформ», закрывало глаза на страдания подавляющего большинства русского народа, качество и сама продолжительность жизни которого неумолимо падали год от года. Возможно, Ельцин и проиграл Россию, но мы можем проиграть там свою душу.

Есть кое-что и для «реалистов», далёких от моральных соображений в международных делах. Политика Клинтона в отношении России и политика Ельцина привели к тому, что международная и американская безопасность оказалась под большой угрозой. Впервые в истории страна, имеющая огромные запасы ядерного оружия, топлива, реакторов и прочих смертоносных вещей, оказалась в глубочайшем кризисе, а её экономические, социальные, административные и политические структуры – на разных стадиях распада. Если этот процесс продолжится – а вместе с ним неизбежно продолжится кризис российской ядерной безопасности – мы столкнёмся с беспрецедентно опасной ситуацией. Угроза, реально исходящая сегодня из России, давно превысила ту, что существовала в относительно стабильную и понятную эпоху холодной войны. Однако этот факт администрация Клинтона также отказывается признавать.

На самом деле, у американской администрации была реальная возможность изменить ход вещей – в 1998–1999 гг., но она не воспользовалась ею. Почти полный крах, постигший российскую финансовую систему летом 1998 г., заставил Ельцина отправить в отставку последний из его кабинетов «молодых радикальных реформаторов» во главе с неопытным и некомпетентным Сергеем Кириенко. (Некоторые американские официальные лица и комментаторы, правда, назвали его «лучшим российским правительством», возможно, потому что оно находилось под сильным влиянием их любимцев – «младореформаторов» Гайдара и Чубайса, которые, потеряв уважение и доверие в России, были вынуждены уйти за сцену).

На место Кириенко Ельцин сначала попытался вернуть бывшего премьер-министра Виктора Черномырдина, ещё одного дискредитиро-

вавшего себя политика, которого американская администрация когда-то прочила в российские президенты, но получил отпор в Думе. Понимая, что нынешний кризис и отсутствие заслуживающих доверия альтернатив представляют угрозу его собственному положению, Ельцин решил обратиться к фигуре человека, не связанного ни с провальной экономической политикой последнего кабинета, ни с финансовыми олигархами. Им стал 68-летний Евгений Примаков, занимавший в своё время высокий пост в перестроечном правительстве Горбачёва, а затем, при Ельцине, возглавлявший внешнюю разведку и внешнеполитическое ведомство.

Страна, доставшаяся Примакову, билась в сетях жестокого экономического кризиса. Семь лет депрессии, даже без учёта августовского краха 1998 г., вдвое сократили ВВП, разрушили основы системы жизнеобеспечения, обанкротили государство и «повесили» на него 168 миллиардов долларов внешнего долга. Около 75% россиян проживало за чертой бедности или непосредственно перед ней, хронически не получало зарплату, его банковские сбережения были заморожены, имеющиеся на руках деньги обесценились, а от советской системы социальных гарантий почти ничего не осталось. Страна утопала в коррупции, преступности, болезнях, пьянстве и преждевременной смертности.

Неудивительно, что, став премьер-министром в сентябре 1998 г., Примаков направил основные усилия на то, чтобы помочь людям, смягчить негативные последствия кризиса, приостановить бегство капиталов (24 млрд долларов в год) за рубеж, возродить национальное производство и стабилизировать положение в стране. О «монетаризме» и «радикальной реформе» речи не шло. Центрист по натуре, он сформировал коалиционный кабинет, в состав которого вошли как коммунисты, так и антикоммунисты (последние были представлены членом либеральной партии «Яблоко»). После торжествовавшей столько лет политики конфликта и принуждения Примаков предпочёл искать консенсусные пути для преодоления национального кризиса.

Кабинет министров Примакова оказался первым за весь период ельцинского правления, начиная с 1992 г., который получил поддержку большинства в парламенте. Опираясь на эту поддержку, Примаков предложил, в дополнение к своим экономическим инициативам, начать борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти и с этой целью разобраться в делах пресловутых олигархов, создать широкую центристскую коалицию для противостояния растущему экстремизму как справа, так и слева, гарантировать проведение в срок очередных выборов президента и обеспечить непопулярному и постоянно критикуемому Ельцину неприкосновенность личности после того, как срок его полномочий подойдет к концу. В итоге, в начале 1999 г. Примаков стал самой популярной политической фигурой в стране.

Для администрации Клинтона премьерство Примакова представляло реальную возможность дать новый старт американо-российским отношениям. Это был шанс помочь ядерной стране обрести стабильность, реабилитировать репутацию США в ней и обеспечить себе партнёров на пост-ельцинский период. Администрация этого не сделала. Мало того, как раз тогда, когда Примаков летел в Вашингтон, совершая свой первый официальный визит с момента вступления в должность, силы НАТО начали бомбить Сербию, дружественную России славянскую республику, и российский премьер был вынужден вернуться домой.

В истории отношений клинтоновской администрации с правительством Примакова нет полной ясности, но похоже, что у нового российского премьер-министра в Вашингтоне (и в американской прессе) врагов не меньше, чем в Москве. Американские официальные лица не любят его за дружбу с Саддамом Хуссейном, идущую ещё из тех времён, когда Примаков в качестве арабиста и советского корреспондента работал на Ближнем Востоке, за связи, которые он поэтому должен был иметь с КГБ, и за то, что он всегда лоялен к Горбачёву (21).

Однако, больше всего, похоже, Вашингтон пугает тот факт, что Примаков, которого «долгое время не принимали в расчёт» (как выразился о нём один американский источник), якобы возглавил «коммунистическое правительство», – утверждение, абсолютно не соответствующее действительности, но усиленно пропагандируемое отставленными «радикал-реформаторами» в Москве и рядом влиятельных чиновников и журналистов в США. Будь это так, приход к власти в России подобного правительства не только стал бы «самым страшным сном клинтоновской администрации» и сделал бы более драматическим провал американской политики, но и заметно усложнил бы шансы вице-президента Гора на президентских выборах в 2000 г. (22).

Как бы то ни было, американская администрация отнеслась к Примакову весьма прохладно и приложила, по-видимому, все усилия, чтобы ускорить его отставку, что Ельцин и сделал в мае 1999 г. В частности, Вашингтон, всегда с готовностью осуществлявший финансовую поддержку российских правительств при Ельцине, – даже того, которое затеяло кровопролитную первую чеченскую войну 1994–1996 гг., – Примакову в подобных просьбах отказал. Официальная причина, привычно подхваченная американскими печатными изданиями, была – «отказ от реформ». На самом деле, кабинет Примакова отказался от так называемого «свободного рынка» и монетаристской политики, которые вот уже шесть лет были непременными условиями для получения Россией помощи, не потому, что был против реформы или против рынка как таковых, а потому что именно эти меры во многом способствовали российскому экономическому коллапсу. В поисках путей выхода из ситуации и спасения своего народа, правительство Примакова решило обратить-

ся к политике государственного регулирования и сокращения расходов, близкой антикризисным реформам Франклина Рузвельта.

Но даже эта откровенная апелляция к американскому опыту не смогла смягчить жёсткой позиции администрации Клинтона. По-видимому, два коммуниста в правительстве значили для неё гораздо больше, чем страдания миллионов людей. Столь же малопонятным выглядит и утверждение администрации, что любая новая финансовая помощь России будет обязательно разворована, хотя воровства и некомпетентности хватало и в предыдущих правительствах американских протеже – «радикальных реформаторов». Напротив, в отличие от них, команда Примакова ни в чём подобном не была замечена. (Стоит ли удивляться, что после отстранения Примакова МВФ решил предоставить кредиты Кремлю?).

Обстоятельства отставки Примакова, совпавшей по времени с натовскими бомбардировками Сербии, испортили американскую репутацию в России ещё больше. Учитывая, что большинство граждан в России и фактически вся политическая элита были до предела возмущены бомбардировками, Примаков с его популярностью и большим международным опытом имел все шансы стать идеальным главой правительства в условиях самой жёсткой конфронтации с Западом.

Однако Ельцин вдруг назначил своим личным представителем в зоне конфликта американского любимца Черномырдина, а спустя месяц сместил Примакова с поста премьер-министра и заменил его Сергеем Степашиным. Степашин, чьей главной заслугой была верность Ельцину в различных политических обстоятельствах, включая чеченскую войну 1994–1996 гг., сделал карьеру в Министерстве внутренних дел, где дослужился до генерала. Накануне попытки импичмента, которая лишь чудом не удалась, Ельцин явно чувствовал необходимость обезопасить себя, и премьер-преторианец казался ему в этом плане более надёжным, чем премьер с большим политическим и дипломатическим опытом, пользующийся к тому же поддержкой народа и большинства парламента (23).

Что касается Черномырдина, то его удивительное посредничество в югославских делах, благодаря которому американский альянс сумел достичь своих главных военных целей – капитуляции югославского президента Слободана Милошевича и оккупации Косово силами НАТО – без потерь и значительных уступок, шокировало многих россиян. Этот «балканский Мюнхен» (24) ещё более усилил подозрения в зловещей роли Вашингтона в делах Кремля и несчастьях страны.

Тем не менее, как показали события с мая 1999 г. до весны 2000 г., клинтоновская администрация явно полагала, что антипримаковская политика оправдала себя. Но что она дала российской реформе или Соединённым Штатам? Примаков выражал собой надежду на гражданский мир, социальную справедливость и стабильность в России. После

его отставки последовали гражданская война, интриги олигархов и политика, построенная на общественных страхах.

За отстранением Примакова в России стояли влиятельные силы, которым был нужен такой премьер-министр (и одновременно преемник Ельцина), который смог бы защитить их и их интересы, – преторианец, или русский Пиночет, как говорили в Москве и как признался в своих мемуарах полтора года спустя сам Ельцин (25). Ельцин, кстати, по каким-то причинам, не доверял обещанию Примакова гарантировать иммунитет президента после истечения срока его полномочий – несмотря на соответствующие решения парламента. Российских финансовых олигархов, которые, в свете недавних скандалов с отмыванием денег, уже не могли рассчитывать на безопасное убежище на Западе, страшило обещание Примакова начать расследование их приватизационных дел. «Молодые радикал-реформаторы» ненавидели его за отказ осуществлять навязанную ими стране «шоковую терапию». Все они являлись, по сути, союзниками клинтоновской администрации в 1999–2000 гг. (Легко понять, почему Березовский и другие олигархи предпочли бы видеть новым президентом США нынешнего вице-президента Альберта Гора).

Страх являлся определяющим в поведении Ельцина и его окружения, называемого мафиозным термином «Семья». Вскоре они пришли к выводу, что даже генерал Степашин, политически конфликтная фигура, «слишком мягок» и «недостаточно решителен» для них. В августе 1999 г., меньше чем через три месяца со дня назначения, они сместили Степашина со своего поста и назначили премьер-министром бесконфликтного, но практически неизвестного Владимира Путина, перед этим возглавлявшего бывший КГБ. В своих мемуарах, вышедших только в конце 2000 г., Ельцин признается, что выбрал Путина в качестве возможного наследника ещё до назначения Степашина и что на него произвели особое впечатление путинская лояльность и решимость, с которой тот защищал «бывшего босса», обвинённого в коррупции.

Кадровый офицер госбезопасности, Путин ушёл в отставку в 1991 г., после чего его деятельность была связана с двумя видными политическими фигурами (оба впоследствии оказались под подозрением в коррупции), пока в июле 1998 г. Ельцин не назначил его главой службы безопасности. В отличие от Примакова, премьер-министр Путин (как и ранее Степашин) получил безоговорочную поддержку президента Клинтона. Создавалось впечатление, что в Вашингтоне тоже предпочитают русского Пиночета русскому Рузвельту.

Между тем, в Москве готовилось кое-что похуже кровопролития, учинённого в Чили Пиночетом, и по сравнению с чем Примаков и его политика будут вскоре выглядеть «продемократическими». Уже в марте 1999 г. – в противовес более поздним официальным заявлениям о том,

что это было сделано лишь в ответ на провокации, имевшие место в августе–сентябре, – Кремль начал тайную подготовку к возобновлению военной кампании в Чечне (26). (В Москве полагали, по-видимому, что продолжающаяся война НАТО против Югославии служит законным основанием для подобных планов) То, что последовало за этим, можно было бы назвать «мошеннической войной» («wag-the-dog war», по аналогии с известным в России американским фильмом, где для того, чтобы сделать «проходной» кандидатуру президента, понадобилась «маленькая победоносная война»), нацеленной на то, чтобы привести в Кремль выбранного Ельциным преемника. «Это война не за Кавказ, а за Кремль, – говорили русские. – Победа позволит кремлёвскому кандидату [Путину] стать президентом, а правящему клану клептократов удержаться у власти» (27).

Первоначально планировалось оккупировать только северную часть Чечни, пограничную с Россией. Но трагические и до сих пор загадочные события, произошедшие в августе–сентябре: не характерный для чеченцев партизанский рейд в соседний Дагестан и особенно беспрецедентные ночные взрывы жилых домов в Москве и других городах, – накалили атмосферу настолько, что позволили развернуть в Чечне широкомасштабные военные действия, с тем чтобы навязать ей промосковский режим.

Безжалостная война против чеченских «бандитов и террористов» («будем мочить их в сортире!») была центральным пунктом избирательной кампании Путина, обеспечившим ему сначала одобрение в парламенте в декабре 1999 г., а затем победу на выборах в марте 2000 г. (При этом экономическая программа нового президента так и осталась загадкой для избирателей). Умело играя на страхе, охватившем общество после взрывов домов, и растущем стремлении к «порядку», стоявшие за Путиным силы быстро превратили его в самого популярного политика в России, вытеснив престарелого Примакова. Впрочем, учитывая, что в их распоряжении были общенациональные средства массовой информации и особенно телевидение, это было нетрудно сделать.

Имеющая ощутимый привкус крови, стратегия вполне оправдала себя уже в декабре, позволив начать осуществление сценария в полном объёме. Пропутинская «партия», наспех сколоченная накануне парламентских выборов, получила 23% голосов, почти догнав прежнего лидера – компартию. Убедившись, что у его рукотворного преемника есть все шансы выиграть президентские выборы, Ельцин (добровольно или под нажимом) внезапно заявил о своей отставке.

В соответствии с Конституцией, это делало премьер-министра Путина исполняющим обязанности президента со всеми его царскими полномочиями и автоматически передвигало срок президентских выборов с июня 2000 г. на март, когда общественная поддержка войны в

Чечне ещё не успеет ослабеть. В тот же день Путин издал указ, гарантирующий Ельцину полную неприкосновенность и защиту от всякого рода преследования. Три месяца спустя человек, ещё недавно фактически никому не известный, получил в руки суперпрезидентскую власть, созданную в 1993 г. специально для Ельцина, победившего на выборах своего коммунистического соперника Геннадия Зюганова.

Таков был тщательно продуманный ход событий, который администрация Клинтона и многие американские журналисты и учёные приветствовали как «первый в истории демократический переход власти» в России. Поддержав утверждение администрации о том, что её крестовый поход и российский «переход» получили уверенные шансы на продолжение, потому что Путин является «ведущим реформатором», один заслуженный историк заверил читателей «Wall Street Journal», что Ельцину удалось найти «преемника-единомышленника» и поставить многообещающую точку в конце собственной эпохи (28).

Перемены начались почти сразу же.

В декабре 1999 г. американские наблюдатели приветствовали успех путинской партии на парламентских выборах как долгожданный антикоммунистический прорыв, который должен привести к более «радикальной реформе». Однако уже в январе они явились свидетелями сделки, заключенной Путиным с коммунистами в Думе в ущерб интересам американских любимчиков-«либералов». Даже обычно заносчивые американские газеты были вынуждены заняться явно не свойственным им делом – самокритикой. «Неожиданная сделка… – признавали они, – говорит о том, что вместо центристского парламента, появление которого многие предрекали после декабрьских выборов, к господству в Думе, скорее всего, вновь вернутся коммунисты, теперь в союзе с путинской партией» (29). Это не было похоже на то, что американцы ожидали, провозглашая «многообещающий» конец ельцинской эпохи. Победа Путина на выборах вовсе не была «передачей власти», тем более «демократической». По мнению ряда обозревателей в России и в США, она включала элементы государственного переворота и советских «безальтернативных выборов», задуманных и организованных, чтобы обеспечить сохранение власти в руках ельцинского кремлёвского окружения и не допустить передачи её «чужаку». Одним словом, процесс этот не был «ни свободным, ни справедливым». (В сентябре 2000 г. газета «Moscow Times» опубликовала результаты полугодового расследования, из которых следовало, что «фальсификация» сыграла «решающую» роль в мартовской победе Путина на выборах) (30).

По сути, многие аспекты прихода Путина к власти для российского демократического процесса были шагом назад. Один российский ученый из демократического лагеря указывал, что в деле назначения собственного преемника у Ельцина была «абсолютная» власть – более «аб-

солютная», чем у любого советского лидера. Кроме того, как отмечает ряд обозревателей, кремлёвское грубое манипулирование средствами информации подрывало и без того дискредитированную идею и роль «свободной прессы». Двух российских комментаторов (журналиста и специалиста по конституционному праву) особенно встревожил тот факт, что назначение Путина наследником было встречено в обществе с «покорным согласием» и забытым советским, ещё догорбачёвским «одобрям-с» (31).

И что ещё хуже, новая чеченская война Кремля 1999–2000 гг. оказалась существенным фактором, способствовавшим возвышению Путина и приходу его к власти. Положим, решение администрации Клинтона полностью или частично закрыть глаза на кремлёвские беззакония в маленькой кавказской провинции можно объяснить политикой. Но ведь то же самое делали учёные и журналисты (по крайней мере, до середины 2000 г., когда большинство из них отвернулось от Путина в связи с его поведением в деле о «независимой прессе» и трагедии подлодки «Курск»). Так, корреспондент «New York Times» охарактеризовал возобновление кровопролития в Чечне как «первую российскую действительно демократическую войну», а известный историк из Беркли заявил, что её «главная причина заключается в том, что русские хотят иметь сильное реформаторское правительство». Что касается фигуры главнокомандующего, ещё один западный журналист написал, что всё больше убеждается в том, что в Путине «Россия обрела гуманную версию Петра I» (32).

Иного мнения придерживались российские демократы, во всяком случае, некоторые из них, такие как вдова Андрея Сахарова Елена Боннэр. Для неё беспорядочные бомбардировки российской армией чеченских городов и сел, приводящие к тысячам жертв, разрушенная до основания столица Чечни – Грозный и почти 300 тыс. беженцев являются проявлением «геноцида» и «преступления против человечества». Международные организации по правам человека также обвинили Кремль в «военных преступлениях» (33).

Злодеяния Москвы не могут быть оправданы ни тем, что Чечня – российская территория, ни тем, что Москва имеет право вести борьбу с террористами, ни популярностью войны среди российских избирателей. Они ничем не лучше действий югославского президента Слободана Милошевича в Косово – сравнение, которое напрашивается само собой, – а возможно, и много хуже. «Реформой», во всяком случае, их никак не назовёшь.

Последствия чеченской кампании Кремля продолжали сказываться и после избрания Путина. Несмотря на разрушения, причинённые Москвой, и неоднократные заявления о победе, война продолжается, только теперь в условиях, гораздо более выгодных для чеченских боевиков.

Продолжает расти роль военных и сил безопасности в российской политической жизни. Политически оправданный, но исторически нетипичный (КГБ и армия никогда не были настоящими союзниками) альянс Путина с армейскими генералами, жаждущими мести за унижение 1996 г., – только один пример.

Кроме того, когда станет ясно, что война не может быть выиграна на московских условиях, общественная поддержка прекратится, и Россия останется наедине со своими проклятыми вопросами. Кто, спросят её, и зачем второй раз за 5 лет послал тысячи молодых, необученных солдат умирать и калечиться в Чечню? Кто будет отвечать за гибель русских стариков, не сумевших убежать из Грозного? И даже (вопрос, который уже прозвучал) кто на самом деле заложил в московские дома гексоген, взрыв которого стал сигналом к началу кровопролития в Чечне? (34). В русской истории подобные вопросы о преступлениях власти звучали не раз, но приводили они чаще всего не к появлению законов, ограничивающих произвол, а лишь к глубокому расколу в обществе.

Всё вышесказанное имеет непосредственное отношение к «демократическому переходу» власти к Путину и к тому, что за этим стояло. Не нужно обязательно разделять широко распространённую точку зрения, что с приходом Путина к власти вновь вернётся КГБ и Россия превратится в полицейское государство, чтобы понять, что это событие имеет особое историческое и политическое значение (35).

Впервые в многовековой российской истории полицейского произвола кадровый офицер тайной полиции занял пост верховного руководителя страны. В своё время, после 20-летнего сталинского полицейского террора советская элита решила, что ни один кадровый офицер КГБ никогда не будет руководить страной, и это неукоснительно выполнялось. (Юрий Андропов, бывший советским лидером короткое время с 1982 г. по 1984 г., прежде возглавлял КГБ, но он не сделал карьеру в этом ведомстве, он был лишь партийный чиновник и заранее оставил свой пост, чтобы сменить умершего Брежнева.) (36).

Почему же посткоммунистическая «демократическая» элита решила прервать эту царскую и советскую традицию? Как поведал читателям один московский информированный источник, «случайный приход» Путина не был случайным. Предопределяющими стали две характерные черты социально-экономической реальности 90-х гг.: разграбление кучкой близких к Кремлю людей крупнейших богатств страны и, одновременно, обнищание, полное или частичное, большинства их сограждан. В связи с этим на передний план вышли и приняли беспрецедентно острую форму ещё две традиционных для России вещи: пресловутый вопрос «Кто виноват?» и страх пополам с презрением в отношении московской элиты к своему народу. Отсюда необходимость президента преторианского типа, способного использовать «тоталитарную силу»

(как заявил один олигарх), если понадобится защитить тех, кто привёл его к власти (37).

Это означает, однако, что «путинизм» должен обязательно стать «высшей и последней стадией грабительского капитализма в России» (38). Ещё довольно молодой человек, Путин вполне может проявиться с другой стороны, неожиданной для его создателей. История знает немало политических лидеров, переступавших через себя ради интересов нации.

После формальной инаугурации в мае 2000 г. Путин начал править Россией, как послушный преемник и защитник прав олигархов. Ельцин получил иммунитет, олигархи – приостановку большинства расследований в отношении их деятельности. Но вскоре оказалось, что сложившаяся ситуация далеко не стабильна и, возможно, носит временный характер. В течение второй половины 2000 г. Путин явно колебался между предоставлением олигархам так чаемой ими амнистии и стремлением начать новые расследования по поводу их приватизационных сделок, финансовых операций и уклонения от уплаты налогов. Как действия будут развиваться дальше, какие последствия оно будет иметь для страны и Путина лично, пока неизвестно.

Что касается администрации Клинтона, то она заявила, и это заявление было немедленно подхвачено рядом учёных и журналистов, что победа Путина на выборах была победой американских целей и российско-американских отношений. Если так, то речь идёт о странным образом изменившихся целях и отношениях.

В 1999–2000 гг. в Москве почти никто не сомневался, что путинские «антизападные инсинуации» носили популистский характер и были одним из решающих факторов его прихода к власти (39). Но и на деле сегодня мало что осталось, если осталось вообще, от российско-американской «дружбы и стратегического партнёрства», столь широко декларируемых в 90-е гг. И хотя Путин быстро составил расписание встреч на высшем уровне с западными лидерами, включая встречу с президентом Клинтоном в Москве в июне 2000 г., а Дума наконец ратифицировала договор ОСВ-2, подобные шаги были в порядке вещей и во время холодной войны.

Более существенно то, что приход Путина к власти обнажил одну из ложных посылок американской политики. Российские «либеральные» ценности и их носители из числа политического бомонда, которых администрация США поддерживала на протяжении всех 90-х гг., продемонстрировали ей свою иную сущность. Будучи уверены (как и бизнесмены и даже часть интеллектуалов), что осуществилась «их мечта о русском Пиночете», «молодые радикал-реформаторы» – Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Сергей Кириенко – с готовностью сплотились вокруг Путина и его чеченской войны (40). Даже неизменные сторонники

вынуждены были признать, что их герои самым противоестественным образом бросились «в объятия военного национализма… усилив политическое влияние армии и разведывательных структур» (41).

Между тем, администрация Клинтона по-прежнему продолжает рисковать потерять в России если не душу Америки, то её репутацию наверняка. Признав Путина так поспешно и некритически, правительство США подкинуло российским оппозиционным демократам ещё один вопрос: «Чем Путин так полюбился американским лидерам?» (Эти чувства продолжались до сентября 2000 г., когда американцы окончательно убедились в том, что Путин «не Борис»). По мере того, как нарастал (во всяком случае, так казалось) энтузиазм американской администрации по поводу продолжения «демократического перехода» после Ельцина, ответ становился всё более очевидным: «Запад прельщает перспектива русского Пиночета, способного гарантировать права западных инвесторов в России» (42).

Все эти факторы, лежащие в основе феномена Путина, от разграбления и обнищания страны до войны, требований «твёрдой руки» и антиамериканизма, были логическими, а не «противоестественными» последствиями «великого перехода». Таким образом, американский крестовый поход за изменение чужой цивилизации закончился катастрофой в посткоммунистической России и «холодным миром», или, что звучит ещё хуже, отношениями США с охваченной кризисом ядерной страной.

Как снова привлечь Россию к сотрудничеству?

Оставив в стороне как сантименты, так и идеологию, следует признать, что у Соединённых Штатов с Россией связан только один жизненно важный интерес: сокращение и окончательное устранение растущей ядерной и, возможно, иных смертельных угроз. Чтобы достичь существенного прогресса, следует привлечь правительство России к действительному сотрудничеству, не рассматривая его как объект поучений. Вне всякого сомнения, это вызовет протесты со стороны неперестроившихся сторонников миссионерского подхода. Из провала своей исключительно прокремлёвской позиции 90-х гг. они извлекли единственный урок: оказывается, ошибка заключалась в том, что они не сделали своим «союзником непосредственно народ России». Теперь они предлагают переделать посткоммунистическую Россию снизу: «помочь российскому народу, а не российскому государству», помочь тем, кого они мечтательно называют «гражданским обществом» (73).

Какой бы привлекательной ни казалась эта идея (74), очевидна её практическая непригодность и безрассудность. В ней воплотился дух вмешательства и высокомерия, убеждённость в том, что без американского руководства русские не смогут создать ни демократии, ни системы свободного предпринимательства. Более того, как отмечалось выше, в понятие «гражданского общества» может вкладываться любое содержание. Согласно Путину, жестокая война против гражданского населения в Чечне была начата Кремлём для того, чтобы «восстановить гражданское общество» (75). А если, как предлагают западные сторонники этого подхода, понимать под термином действительно массовые и независимые от государства общественные организации, то в нынешней России самой большой такой организацией является партия коммунистов.

На практике политика поддержки «гражданского общества» используется обычно как оправдание того, что американские деньги и политическая поддержка предоставляются исключительно «нашим ребятам»: отдельным российским гражданам, средствам массовой информации, партиям и другим общественным группам, которые исповедуют проамериканские идеи. Продолжая эту политику и игнорируя мнение российского правительства, можно только добиться того, что побудительные мотивы США будут вызывать ещё больше подозрений, а получатели американской помощи подвергнутся оскорблениям и преследованиям, в особенности со стороны местных властей. И во всяком случае, не от «гражданского общества» зависят те отчаянно необходимые меры, которые следует осуществить для стабилизации российской экономики и предприятий ядерного комплекса (76). Это может сделать только государство и находящееся в Москве руководство.

Стабильность экономики и ядерного комплекса не в меньшей степени соответствует интересам России. Можно быть уверенным в том, что Путин, а также любой другой кремлёвский руководитель будет приветствовать новые, порывающие с миссионерством предложения, призванные способствовать реализации этих целей. Чтобы проводить эффективную политику, американскому президенту вовсе не нужно иметь близкого друга или протеже в Кремле, как очевидно думала администрация Клинтона; в качестве партнера ей достаточно руководителя, стремящегося к достижению этих важных целей. (Таким образом, администрация вновь совершила ненужную ошибку, когда поспешила поддержать Путина как президента ещё до выборов марта 2000 г., именно в то время, когда он всячески наращивал жестокую войну в Чечне) (77).

Правительство США, включая конгресс, также не может позволить себе прежнюю политику настоящего бойкота российского парламента, которая проводилась на протяжении 90-х гг. Что бы ни значил термин

гражданское общество, избранное народом собрание, вне зависимости от своей, как выразился Кеннан, политической физиономии, является продуктом и отражением этого общества, а также тем несомненно единственным учреждением, без которого, в принципе, не может быть представительной демократии (78). Без участия парламента, или Думы, любые программы, призванные обеспечить стабильность России и её ядерных арсеналов, сами не могут быть стабильны.

Привлечение России к сотрудничеству следует начинать с её полуживой экономики. Она является и основным источником гибельной нестабильности, и основным объектом провалившихся, но непрекращающихся миссионерских попыток. В интересах стабилизации и подлинного сотрудничества от США требуется принципиально иной подход. При этом потребуется даже новый лексикон. Слово *реформа,* в нынешней России основательно дискредитированное и не имеющее ясного отношения к реальности, следует заменить на *восстановление* или *развитие* (79).

Этот новый подход ознаменует разрыв со старыми американскими догмами о «переходном периоде» в России. Вместо того, чтобы диктовать Москве экономическую политику как условие финансовой помощи, что является самой навязчивой формой опеки, Вашингтону следует предложить российскому правительству выдвинуть собственную программу восстановления экономики. Если эти предложения покажутся состоятельными и убедительными не узкому кругу контролировавших политику сектантов, а целому ряду американских и европейских экономистов (видные американские экономисты уже призвали к выработке альтернативного подхода для России (80)) – то у президента США появится возможность оправдать своё звание мирового лидера, начав международную кампанию по сбору необходимых средств.

У этого немиссионерского начинания, которое имеет столь важное значение для новой американской политики, есть несколько существенных достоинств. В политическом отношении оно должно продемонстрировать пост-ельцинскому руководству России, что постклинтоновское руководство США отказалось от опеки в пользу реального сотрудничества, и не только в сфере экономики. Взаимная заинтересованность и сотрудничество, которые возникнут при реализации этого проекта, могли бы в дальнейшем послужить устранению исходящих от России ядерных опасностей и укреплению международного мира в целом.

Благодаря этому подходу политика США встанет на почву российских реалий, вместо иллюзий и вымыслов. Очень мало кто среди российских политиков и экономистов ещё верит – пусть некоторые и делают такой вид – в неолиберальные, монетаристские рецепты, прописывавшиеся МВФ с начала 90-х гг. Главные условия МВФ: минимизация ро-

ли государства в пользу сил свободного рынка, достигаемая любой ценой максимальная степень приватизации, строгие рамки для государственных расходов, сжатие денежной массы и другие показатели антиинфляционной политики, достигаемые за счёт инвестиций, объёма производства, занятости и социального обеспечения, – все эти меры сейчас повсеместно отвергаются как неработающие, разрушительные и даже лишившие Россию (возможно, преднамеренно) её экономического суверенитета (81).

Рано или поздно Москва не сможет больше «придерживаться курса», нравится это Вашингтону или нет. Чтобы иметь хоть какой-то шанс на стабилизацию экономики, её новый курс должен быть разработан в самой стране. У России есть множество профессиональных и рыночно настроенных экономистов, чьи голоса были не слышны в 90-е гг., и которые, в отличие от большинства западных миссионеров, знают страну и то, на что она способна. Если их программы причинят населению страдания или потерпят неудачу, Америке, по крайней мере, не придётся больше выступать в роли соучастника.

В этом важном отношении немиссионерский, или недогматический подход был бы созвучен самому лучшему примеру американской международной помощи, а именно плану Маршалла по восстановлению и развитию Западной Европы после Второй мировой войны. План получил щедрую финансовую поддержку Соединённых Штатов, но, по предложению правительства США, проект плана был разработан самими странами-получателями помощи (82). Этот план, основанный на принципиально отличном подходе (а также иных экономических принципах), сработал и, в отличие от рецептов, которые прописывались США для посткоммунистической России, принёс результаты.

Такой экономический план помощи России отвечает, если угодно, историческому опыту самой Америки. После того как «вашингтонское согласие» потерпело неудачу, у значительной части российского политического спектра всё бо;´льшую поддержку получает московское согласие, иногда именуемое «третий путь Путина». В отличие от гуверовской по сути политики МВФ, которая, как и можно было ожидать, погрузила Россию в ещё большую экономическую депрессию, этот новый консенсус напоминает о кейнсианских мерах «нового курса», который в 30-е гг. позволил Америке выйти из её экономического кризиса. Отсюда растущее число упоминаний и сравнений с Франклином Рузвельтом, начиная с прихода к власти кабинета Примакова и кончая Путиным (83).

Москва сможет взять «антикризисный курс» в своей экономической политике, если не будет цепляться за аксиомы МВФ, которые говорят о том, что после мучительных лишений можно внезапно достичь процветания (84). Она начнет тогда бороться за то, чтобы вновь заработали

заводы и фермы, используя при этом некогда стандартные способы преодоления экономической депрессии. То есть, будет оживлять производство путём прямых инвестиций в промышленные и сельскохозяйственные предприятия и направлять деньги в руки потенциальных потребителей для создания внутреннего спроса на производимую продукцию. Частный сектор будет сохранён; как и положено в «смешанной» экономике, его развитие даже будут поощрять, однако при этом вновь обретёт жизнь национализированный сектор, а государство вернёт себе руководящую роль в ходе экономического оздоровления и роста (85).

Даже если эти необходимые меры когда-то и были на Западе общепринятой практикой, защитники догм политики США и МВФ всё равно восприняли бы их как ересь, прибегни к ним российское правительство в 90-х гг. В той или иной степени список этих мер должен включать: использование дефицитного бюджета для капиталовложений, выплаты долгов по зарплатам и пенсиям, а также другим государственным обязательствам; возобновление субсидий для финансирования оборонной промышленности, образования, науки и сферы социального обеспечения; введение пошлин на импортируемые товары для защиты собственного производителя; усиление контроля над банковской деятельностью с целью прекращения злоупотреблений и утечки капитала; введение регулируемых цен на некоторые товары; а, возможно, и избирательная ренационализация приватизированных предприятий, в особенности в области добычи нефти и газа, лесной промышленности, в производстве стратегических металлов, драгоценных камней и водки.

Ради собственных интересов Соединённые Штаты должны сделать всё возможное, чтобы предоставить финансовую помощь для этой беспрецедентной и судьбоносной попытки восстановить стабильность в ядерной стране, если, конечно, подобная попытка будет предпринята Москвой. Единственным условием должно быть то, что Кремль в дальнейшем воздержится от любых дестабилизирующих действий, таких, как война в Чечне 1999–2000 гг. Оставляя в стороне её финансовые издержки, кампания в Чечне дошла до такой крайности и в военном и в моральном отношении, что привела обе стороны к безрассудным угрозам, связанным с использованием ядерного оружия. В случае повторения подобных событий Москва не должна получать никаких средств от Запада, кроме тех, что уже обещаны для обеспечения ядерной безопасности. Если негативного развития событий не произойдёт, то Запад должен предоставить ту поддержку, какая окажется необходимой.

Многие влиятельные американцы решительно воспротивятся тому, чтобы снова предоставлять российскому правительству финансовую помощь. Некоторые так и говорят: «восстановление их экономики не в наших интересах», хотя эта напоминающая о холодной войне близорукость и подвергает серьёзному риску безопасность США и всего

мира (86). Другие скажут, что любые новые деньги тоже будут украдены, хотя баснословное обогащение расхитителей и создателей официально признанных «пирамид» поощрялось политикой МВФ и Вашингтона, и значительная часть средств была расхищена их же собственными протеже и олигархическими креатурами. Новые средства или, по крайней мере, бо;´льшую их часть можно было бы уберечь, использовав иную политику и сделав выводы из уроков 90-х гг.

Как и прежде, противники предоставления новой финансовой помощи настаивают прежде всего на том, что экономической политике, которая проводилась МВФ, нет альтернативы, а, значит, и новые методы, к которым могут прибегнуть в Москве, всё равно не дадут результатов. Но раз уж поддерживавшаяся США политика потерпела столь явное крушение, то почему бы Москве не попробовать прибегнуть к новой программе, напоминающей американский «новый курс» 30-х гг.? Ядерная Россия не может позволить себе роскоши новой «шоковой» политики, а также дезинтеграции и полного разрушения инфраструктуры, которая и так, при всей своей современности, представляет сегодня руины. До сих пор не было предложено никакой иной возможности. А у предлагаемой политики есть, по крайней мере, то преимущество, что после многих лет безразличия официальной Москвы (и Вашингтона) к «несчастной судьбе» испытывающего лишения русского народа, она может рассчитывать на массовую поддержку. (Отметим, что Путин не раз подчеркивал страшные масштабы обнищания страны и её народа) (87).

Сколько же денег потребуется России, чтобы возродить и стабилизировать экономику, притом что объёмы производства по сравнению с началом 90-х гг. уменьшились наполовину или даже более? Расчёты дают разные цифры в зависимости от того, какая доля технической и иной инфраструктуры была за прошедшее десятилетие безвозвратно утрачена из-за практически полного отсутствия финансирования, что во многих случаях не позволяло даже просто сохранить оборудование. За основу можно взять подсчёты российского экономиста, которого высоко ценят за умеренность и здравый смысл. По его мнению, России потребуется 500 млрд долларов в течение десятилетия (88).

50 миллиардов долларов в год – это много или мало? По сравнению с примерно 65 млрд долларов, которые Запад предоставил с 1992 по 1999 гг. посткоммунистической России в качестве кредитов, это может показаться огромной суммой. Но это и очень мало по сравнению с теми фантастическими суммами, которые в годы холодной войны были истрачены Соединёнными Штатами на создание ядерного и иного оружия или с теми 4,6 трлн. долларов, которые, по оценкам специалистов, будут получены за те же 10 лет в результате превышения доходов американского бюджета над расходами. Невелика эта сумма и с точки зрения

интересов безопасности, которые будут обеспечены подобными затратами.

К тому же Соединённым Штатам и не придётся брать на себя большую часть расходов на восстановление экономики России. Нестабильность в России и особенно возможность новых ядерных катастроф на реакторах чернобыльского типа в большей степени затронет богатые страны Западной Европы, Скандинавии, а также Японию. Можно рассчитывать, что, предоставив общее руководство Соединённым Штатам, эти страны возьмут на себя львиную долю необходимых трат. Важно также, что те в Москве, кто защищает политику опоры на собственные силы, не желая увеличивать и без того огромный внешний долг и испытывая сомнения в возможности получить в близком будущем достаточные иностранные инвестиции, полны решимости найти необходимые средства внутри страны. (Частично это будет зависеть от мировых цен на российскую нефть).

Рассчитывая на силы и мощь возрождающегося государства, они предлагают: отобрать у самоназначенных олигархов и коррумпированных директоров их огромную валютную выручку от экспорта российской нефти, газа, леса и другой продукции естественных монополий; восстановить прежние, традиционно большие объёмы прибыли от продажи водки; ограничить, по крайней мере, частично утечку капитала за границу, которая сейчас составляет от 18 до 24 млрд долларов в год; провести реформу коммерческих банков, чтобы привлечь в народное хозяйство миллиарды хранимых «в чулке» частных сбережений, а также предоставить инфляционные льготы госбюджету, который сейчас составляет менее 5% от уровня десятилетней давности, вместо того, чтобы раздавать их спекулятивным банкам и иностранным инвесторам (89).

Объём денег, которые российское правительство сможет мобилизовать внутри страны, будет также зависеть от политических факторов. Один из них – желание и решимость самого правительства. Вопреки широко распространённому мнению оно всё ещё обладает достаточной властью, чтобы разделаться с финансовыми олигархами и коррупцией высокопоставленных должностных лиц, пивших народную кровь при Ельцине. С этим тесно связан вопрос о ренационализации прибыльных предприятий, которые были приватизированы противозаконно либо попросту украдены у государства. В дальнейшем государство смогло бы управлять ими само – либо же продать по их действительной стоимости. (В начале и середине 90-х гг. принадлежавшие государству активы стоимостью примерно 200 млрд долларов, были переданы тесно связанным с властью лицам всего за 7 млрд) (90).

Учитывая огромные богатства России и то, что Путин назвал государственническим «генетическим кодом» нации, готовое к необходи-

мым решениям руководство в Кремле вероятно сможет найти значительную часть требующихся для восстановления экономики средств внутри страны, но не всю необходимую для этого сумму (91). (В 2000 г. размеры уклонения от налогов составили, только по 4-м нефтяным кампаниям, 9 млрд долларов). Если стабилизация ситуации в самой большой ядерной стране мира, действительно, наш высший приоритет, то Запад должен не препятствовать, а поощрять любую попытку Москвы, направленную на мобилизацию средств внутри страны, и дать необходимые заверения, что она получит те средства, которые не сможет собрать сама. Если руководство западных стран захочет, то сможет это сделать, применив широкий набор мер: от предоставления прямой финансовой помощи либо долговременных беспроцентных займов до облегчения непосильного долгового бремени.

Как предполагаемый лидер этой международной кампании, Соединённые Штаты могли бы сделать первый шаг, который имел бы большое экономическое и политическое значение. Они могли бы без промедления предоставить российскому правительству средства, около 1 млрд долларов, для того чтобы выплатить задолженности по зарплате, в том числе врачам, учителям, офицерам и техническому персоналу ядерного комплекса. Будет ещё лучше, если предоставить и дополнительную сумму, которая позволит Кремлю повысить те пенсии и зарплаты, которые находятся ниже прожиточного минимума, составляющего сейчас около 45 долларов в месяц (92). (В ноябре 2000 г. среднемесячная пенсия составляла 20 долларов, что было на 15 долларов ниже официального прожиточного минимума).

Совершив подобный акт возмещения убытков и социальной справедливости, – назовём это экономикой не «свободного», а честного рынка, – правительство Соединённых Штатов сможет достичь трёх целей, которые действительно достойны «единственной оставшейся сверхдержавы». Оно предотвратит или снизит инфляционные последствия появления большого количества рублей, которые российскому правительству придётся, по-видимому, напечатать в любом случае. Оно предоставит необходимые средства тем, кто отчаянно и больше других в них нуждается. И тем самым положит начало длительному процессу реабилитации американского доброго имени в посткоммунистической России.

Помощь обнищавшим массам необходима не только потому, что так много русских винит в этом Соединённые Штаты, но и потому, что их бедственное положение представляет основной источник нестабильности. Так, например, Вашингтон мог бы организовать международную помощь лекарствами тем 86% россиян, которые не могут позволить себе необходимое лечение. Отметим, что продовольственная помощь менее необходима, а кроме того препятствует преодолению жестокой депрес-

сии в российском сельском хозяйстве. Учитывая большое количество безработных, низкую зарплату и обесценившийся рубль, следует признать, что даже скромная финансовая помощь Запада позволит Москве развернуть программу, сходную с «новым курсом». Будут созданы дополнительные рабочие места, что поможет восстановить разваливающуюся инфраструктуру, которая является ещё одним источником нестабильности.

В помощи нуждаются и другие слои общества, пострадавшие от кризиса. Советский и постсоветский средний класс должен был стать основной опорой стабильной демократии, которую, как заявлял Запад, он хочет создать в России. Однако именно эта часть общества была уничтожена поддерживавшейся США экономической политикой. Тем временем западные программы помощи, призванные предоставлять начальный капитал небольшим частным фирмам, а также ипотечные кредиты будущим собственникам жилья, находятся лишь в стадии разработки или не получают достаточного финансирования (93). Пришло время использовать эти методы всерьёз и при этом в ненавязчивой форме, предоставляя кредиты в рублях, а не в долларах и через российские банки, а не отделения банков западных. Это позволит утвердить в стране те коммерческие практики, которые не были там прежде известны.

Могут быть предприняты и другие шаги, с тем чтобы уменьшить разрыв между провозглашёнными Западом политическими целями и имеющимися у него финансовыми ресурсами. Заплатив 7 млрд долларов, которые бывшие советские республики должны России (в основном за поставки энергии) Соединённые Штаты и их союзники могли бы сразу же укрепить независимость этих государств, одновременно передав в руки Москвы больше средств, необходимые для восстановления экономики. Аналогичным образом, если Запад действительно хочет достижения в результате переговоров стабильного мира в Чечне, то взамен он должен предложить финансовую помощь для восстановления этих опустошённых войной территорий (94).

Подобные шаги помогли бы России ступить на путь, ведущий к восстановлению экономики; но их недостаточно, если рассчитывать на долгую перспективу. В дальнейшем потребуется ещё много миллиардов долларов. Даже не предоставляя новых средств, Запад может помочь России изыскать самой требуемые суммы, существенно облегчив Москве её непосильное долговое бремя и оказав поддержку в возвращении миллиардов долларов, которые с начала 90-х гг. утекали на Запад.

Внешний долг России составляет 168 млрд долларов, что в восемь раз превышает её годовой бюджет, а для его обслуживания уже в ближайшие годы потребуется от 15 до 16 млрд долларов в год. Эта пер-

спектива делает восстановление экономики поистине невозможным (95). Независимо от того, сколько денег правительство сможет изыскать внутри страны, ему придётся выбирать между долгом Западу и направлением средств на развитие экономики и выплаты собственному населению. Договорённости о реструктуризации только увековечивают долговые узы. В конце концов, это может заставить Кремль пойти на фундаментальный выбор между продолжением экономического упадка и объявлением дефолта по долгу, что будет означать самоизоляцию от Запада.

Единственным решением в этой ситуации является списание большей части российского внешнего долга с отсрочкой выплат по остающейся части. Даже оставляя за скобками широкую кампанию за отмену долгов всех бедных стран, можно указать и на прямо относящийся к делу прецедент. Запад списал половину долга, который оставался с прежних времен у посткоммунистической Польши; а ведь почти две трети долгов посткоммунистической России составляют обязательства советского времени. Больше того, около 25 млрд долларов её посткоммунистического долга МВФ и Всемирному банку составляют суммы, которые были предоставлены Ельцину по настоянию США и в основном по политическим, а не экономическим мотивам. Но на первом месте должен стоять императив безопасности: если Запад не освободит Россию от непосильного бремени, то, испытывая растущее возмущение и обиду, эта огромная ядерная держава станет ещё более нестабильной.

Не менее важно, по словам обозревателя «New York Times», «сделать всё возможное, чтобы помочь России вернуть деньги, выкачанные из неё продажными чиновниками и их западными сообщниками» (96). Большинство источников оценивает размеры утечки капитала из России, начиная с 1992 г., где-то между 150 и 350 млрд долларов. Даже остановившись на нижней границе, мы всё равно получим сумму, практически равную всему российскому внешнему долгу и далеко превосходящую масштабы всех сделанных и гипотетически возможных иностранных инвестиций, которые в 1999 г. едва достигали 2 млрд долларов.

На Соединённых Штатах, чья политика и чьи финансовые институты поощряли расхитителей, лежит обязательство стать во главе усилий Запада по возвращению максимально возможной части этой огромной суммы. (В качестве оправдания собственного бездействия говорят о том, что средства вернутся в страну автоматически, как только в России появится благоприятная инвестиционная среда. Но этот способ рассуждений игнорирует преступный характер совершенных действий и ставит телегу впереди лошади). Тут тоже можно указать на прецеденты. Мексика и другие государства уже обращались в прошлом к иностранным правительствам с просьбой о конфискации незаконно выве-

зенного капитала, а в 1998 г. ФБР США помогло Москве установить местонахождение украденных драгоценных камней и золотых монет. И хотя это уже не относится к американской политике, директор ФБР высказался в сентябре 2000 г. в том смысле, что бюро могло бы сделать гораздо больше: «Если Путин захочет узнать, куда ушли все деньги, мы можем ему помочь» (97).

Каждый миллиард долларов, который Соединённые Штаты помогут России возвратить домой и поставить на службу экономическому выздоровлению, явится прямым вкладом в укрепление ядерной безопасности Америки и всего мира. Как подчеркнул один из специалистов, у этого императива есть две составляющих: «Страны, которые служат прибежищем для украденных денег, ответственны перед гражданами ограбленной страны… В противном случае расхищение миллиардов долларов будет продолжаться бесконечно, и стремительному погружению России в экономический хаос не будет конца» (98).

Даже если все эти меры новой экономической политики и будут приняты в Москве и Вашингтоне, Соединённые Штаты не могут ждать, рискуя дестабилизацией России. Не считая, как мы подчёркивали, опасностей, связанных с биологическим и химическим оружием, уже существующие ядерные угрозы и так выглядят устрашающе серьёзными. Как мы могли убедиться, часы катастрофы уже тикают в этой злосчастной стране, и никто не знает, который час: рассвет, полдень, вечерние сумерки, либо же время уже близится к полуночи.

Чтобы справиться с этой беспрецедентной ядерной опасностью, которая в значительной степени обязана возникновением неумной политике и халатности администрации Клинтона (99), крайне необходимо появление в Америке исключительно сильного и компетентного руководства. Масштаб его участия должен стать по крайней мере таким же, как в войне с Ираком, который обладал несравненно меньшим запасом оружия массового уничтожения. Одновременно необходимо задействовать два подхода: один призван уменьшить опасности, связанные с растущей ненадёжностью систем управления, контроля и обслуживания ядерного оружия, а другой должен быть направлен на ремонт и приведение в порядок инфраструктуры этого оружия.

На вопрос о том, почему до сих пор Россия не нанесла случайного ядерного удара по Соединённым Штатам, один из экспертов дал ответ, достойный Кассандры: «Нам повезло» (100). Если так, то у нас нет времени на то, чтобы стараться уменьшить угрозу традиционным путём переговоров и последующей ратификации договоров в парламенте. (Договор ОСВ-2 застрял в российском парламенте на семь лет, в то время как Сенат США отказался ратифицировать всеобъемлющий договор о запрещении ядерных испытаний, а также отложил решение по нескольким протоколам к договору ОСВ-2) Вместо этого президент

Америки должен предпринять ряд односторонних шагов, которые призваны резко снизить или вообще устранить эти опасности, резонно полагаясь на то, что Москва ответит тем же.

Публично заявив, что рассчитывает на аналогичные шаги Москвы, – а Путин уже продемонстрировал готовность сделать их – президент должен начать сокращение числа развернутых ядерных боеголовок с 7 тыс., существующих в настоящее время, но не до 3–3, 5 тыс., разрешённых договором ОСВ-2 на момент декабря 2007 г., а до общего числа не более 1 тыс. боеголовок, которые Москва может в настоящее время должным образом обслуживать и которые обеспечат значительно бо;´льшую степень защиты, чем в сущности нужно каждой из сторон. Все развёрнутые боеголовки следует вывести из состояния предстартовой готовности. При этом президент должен пойти против давно утвердившейся стратегической доктрины, заявив, что правительство США никогда не применит ядерного оружия первым (101).

Эти серьёзные односторонние шаги, основанные на действии, а не рассуждениях, возможно войдут в противоречие с прописными истинами вашингтонской мудрости, а для некоторых потребуется согласие конгресса. Зато они позволят резко уменьшить нагрузку привычек и стереотипов холодной войны на разрушающиеся системы раннего предупреждения в России, а также увеличат с нескольких минут до нескольких дней время для распознавания ложной тревоги. Это обеспечит Америке и всему миру не поддающуюся измерению степень безопасности, причём без всяких американских затрат на поддержание способности «сдерживать или вести ядерную войну», как любят выражаться приверженцы стратегии судного дня. (Объявленное Клинтоном и Путиным в июне 2000 г. создание совместного центра для распознавания ложных сигналов тревоги демонстрирует понимание сторонами растущей угрозы несанкционированных запусков ракет, но не её причин и не обеспечивает надлежащей защиты).

Из этого, разумеется, следует, что Соединённые Штаты не должны, пока Россия не выразит своего полного согласия, развёртывать национальную систему противоракетной обороны, либо ревизовать каким-либо иным образом Договор об ограничении таких систем. Наряду с другими контрпродуктивными последствиями, этот односторонний шаг побудит Москву ещё больше полагаться на свои разрушающиеся ядерные арсеналы и инфраструктуру и, несомненно, заставит производить ещё больше стратегических вооружений для преодоления любой подобной системы (102). Для Соединённых Штатов этот шаг повлечёт за собой необходимость потратить примерно 60 млрд долларов на создание системы обороны против гипотетических угроз со стороны «террористических государств», но также будет означать показательный рост ядерных угроз, которые будут исходить из России. Насмарку, вероятно,

пойдут и три десятилетия переговоров и соглашений по ограничению вооружений.

Ещё один способ, который необходимо задействовать, чтобы поставить возможные угрозы под непосредственный контроль, предполагает полную инвентаризацию «узких мест» российского ядерного оружия, ядерных материалов и реакторов. Частичный перечень уже был составлен учёными и разведывательными органами нескольких обеспокоенных стран, включая Соединённые Штаты, но он, очевидно, не является исчерпывающим в отношении всех существующих опасностей (103). Такой список невозможно составить без непосредственного участия Москвы. В случае необходимости он может быть выработан в ходе иностранных инспекций на месте при участии экспертов из стран – не членов НАТО, а также под патронажем ООН или любой другой, не связанной с НАТО международной организации.

Составив примерный перечень возможных катастроф, западные и российские специалисты смогут разработать программу для их предотвращения, а Соединённые Штаты возьмут на себя инициативу финансирования. (У отвечающего за это российского министерства настолько мало денег, что оно предполагает зарабатывать их, принимая на хранение ядерные отходы из других стран, т. е. умножая уже существующие риски. Теми же финансовыми причинами продиктовано решение Путина ослабить ограничения на экспорт российского ядерного оборудования, что увеличивает угрозу распространения ядерного оружия). Существует целый ряд проектов по оказанию помощи России в утилизации снятого с вооружения стратегического оружия и защите ядерных установок и материалов; однако их финансирование находится в совершенно плачевном состоянии. Нужны также новые, неортодоксальные программы, включая предложение привести в порядок российскую систему раннего предупреждения, что стоит относительно недорого и ничуть не в меньшей степени соответствует интересам безопасности Америки (104).

Впрочем, без полного перечня никто не сможет сказать, сколько всё это будет стоить. Хотя, в сущности, это не имеет значения. В отличие от массы химерических угроз, предусмотренных в доходящем до 300 млрд долларов оборонном бюджете США, реальная безопасность не может стоить слишком дорого. (10 млн долларов, которые в 1999 г. направили для поддержки в России средств массовой информации «гражданского общества», лучше было бы потратить на выплату или повышение зарплаты техническому персоналу российского ядерного комплекса). Но остановимся на важном примере: на финансирование американских программ, призванных обеспечить защиту и демонтаж российских ядерных боеголовок и материалов, в 2001 г. будет направлено чуть более 1 млрд долларов; однако, чтобы эти программы были

доведены до логического конца, необходимо, как сообщается, выделить на протяжении пяти лет от 5 до 8 млрд долларов (105).

И снова спросим себя: много это или мало, если речь идёт о расходах, которые Соединённые Штаты разделят с другими странами? В сравнении с триллионами долларов, которые были потрачены, чтобы вызвать эти фатальные угрозы, или с миллиардами долларов, которые предлагается направить на создание национальной системы противоракетной обороны, эти расходы составляют малую сумму. Иными словами, как предупреждает ещё одна Кассандра, эти расходы «мизерны по сравнению с теми издержками и рисками, которые повлечёт за собой наша неспособность действовать» (106).

Тем не менее, ни одна из этих мер экономического и исследовательского характера не даст эффекта, если Соединённые Штаты не прекратят политику, которая убеждает Москву в том, что её изолируют, окружают и запугивают, заставляя тем самым максимально укреплять системы оружия массового поражения. Комментируя действия администрации Клинтона, один американский обозреватель заметил: «Такое впечатление, что кому-то там наверху, в Вашингтоне, поручено каждое утро, вскакивая с постели, задавать вопрос: Что мы сегодня можем сделать ещё, чтобы заставить русских понервничать?» (107).

Играть на стратегических нервах правительства, чей контроль над собственными возможностями разрушить Америку всё больше ослабевает, это, мягко говоря, крайне безрассудное занятие. Должна возобладать более мудрая линия: каждый шаг в политике США за границей должен соизмеряться с беспрецедентным уровнем ядерных и иных угроз, исходящих ныне от посткоммунистической России. Это означает, что остро необходимы кардинальные изменения в существующей политике США.

Должен быть положен конец проводимой под руководством США, экспансии НАТО на Восток, которая нарушает обещания, данные администрацией Буша правительству Горбачёва. Включение в 1998 г. трёх бывших стран советского блока, Чехии, Венгрии и Польши, в состав НАТО убедило Москву, что России – посткоммунистической или какой-либо иной – на Западе (по крайней мере, в США), в сущности, никогда не доверяли и никогда не относились к ней как к желанному гостю. Считая, что его не просто исключают из создаваемой после холодной войны системы западной безопасности, но и снова рассматривают в качестве главного противника, Кремль усилил поиски стратегических партнёров в других частях света, одновременно форсируя планы создания нового ядерного оружия.

Если, действуя в соответствии с объявленным администрацией Клинтона намерением принять в НАТО бывшие советские республики Литву, Латвию, Эстонию, а возможно, и Украину, НАТО ещё ближе

придвинется к границам России, то тем самым будет перейдён Рубикон, что грозит ещё большими бедами в будущем. Если это действительно случится, то Москва скорее всего вновь разместит ракеты на границе с натовской Польшей, в союзной России Беларуси. Результатом будет новое ядерное противостояние в Европе, причём на этот раз Москва будет в намного меньшей степени контролировать свои находящиеся в полной боевой готовности ракеты.

Должно также прекратиться использование сил НАТО в наступательных операциях, что коренным образом противоречит её первоначальным оборонительным целям, и в особенности применение силы на соседних с Россией территориях. Предпринятые под началом США вслед за расширением альянса на Восток бомбардировки Югославии в 1999 г. нанесли «глубокую психологическую травму» российской политической жизни (108). Последствия этого – и все они негативные – продолжают разворачиваться на наших глазах.

Семидесятивосьмидневная воздушная война против дружественного России славянского народа сыграла главную роль в том, что российские военные и силы безопасности вновь очутились в центре политической жизни. Эта война явно сдвинула баланс кремлёвских разногласий о Чечне в пользу «партии войны». Она уменьшила желание и готовность России сотрудничать с НАТО и Соединёнными Штатами в стратегических вопросах. Больше того, она возбудила страх, что сама Россия может стать следующей жертвой НАТО: «Югославия вчера, Россия завтра». Не в состоянии найти защиту от тех обычных авиационных средств нападения, использование которых американцами она могла наблюдать в небе Сербии, Москва сделала вывод: «Не остается ничего другого, как рассчитывать на ядерное оружие» (109). Одним из прямых последствий стала новая кремлёвская доктрина, в которой Запад вновь рассматривается в качестве противника, а также расширен перечень условий, при которых Москва пойдёт на применение ядерного оружия.

Равным образом должен быть положен конец безрассудному американскому поведению на другом конце России – в бассейне Каспийского моря, располагающем большими запасами нефти и газа. В 90-е гг. администрация Клинтона бросилась заключать соглашения с несколькими бывшими советскими республиками в Закавказье и Средней Азии о прокладке трубопроводов через их территорию, что ведёт к ограничению или полному прекращению доступа Москвы к этим месторождениям. За этим последовало нарастающее американское присутствие – политическое, финансовое и даже военное – в этом потенциально взрывоопасном регионе, который на протяжении столетий был частью царской империи, а затем Советского Союза.

Можно представить себе, как воспринимается в Москве эта политика посягательства на российские интересы, направляемая из далёкой

Америки. В сочетании с выдвижением НАТО на западные границы эта политика возродила весь спектр настроений и комплексов «враждебного окружения». Одно из худших наследий сталинизма, страх этот в течение десятилетий играл самую отрицательную роль в политике холодной войны и репрессиях внутри страны, пока Горбачёв не избавил от него страну в конце 80-х гг. Благодаря политике США, он вернулся. Даже люди, в течение многих лет занимавшие открыто антисталинистские позиции, теперь говорят, что тиран, возможно, был прав в своём отношении к «империалистическому» Западу.

Похоже, администрация Клинтона не извлекла уроков из той печально знаменитой и порочной по сути политики, которую союзники выбрали после Первой мировой войны в обращении с побеждённой Германией. В результате Вашингтон после окончания холодной войны сходным образом обращается с Россией, то есть как с побеждённой нацией. Как ещё, кроме безапелляционного: «победитель забирает всё», – можно объяснить заявления о том, что у Соединённых Штатов имеются «жизненно важные интересы», а тем самым и цели на всём пространстве бывшего Советского Союза: от республик Балтии и Украины до Средней Азии и Закавказья? (110).

Судя по всему, России собираются оставить очень немногое. Россия обременена невыносимым долговым бременем, её не допускают в военные союзы на Западе, на её энергетические ресурсы на юге претендуют другие державы, заявляющие о своём влиянии на бывших союзников и на бывшие советские республики. И при всём том Россию, по-видимому, лишают и права иметь какие-либо законные требования, национальные интересы и, судя по недавним протестам США против союза России и Беларуси, зоны особых интересов даже в соседних славянских государствах.

От многих наблюдателей мы слышали предостережения, что из-за внутренних причин посткоммунистическая Россия рискует повторить трагическую судьбу веймарской Германии. Если так, то им следует предостеречь Запад и от обращения с Россией как с веймарской Германией (111). В нынешний нестабильный ядерный век не нужно быть Гитлером, чтобы подвергнуть мир самой страшной из существующих опасностей.

Неумная политика, проводимая по отношению к России, на деле не принесла и никакого, компенсирующего потери выигрыша. Расширение НАТО не решило и не могло решить ни одной из серьёзных проблем, связанных с бывшим Советским Союзом, – проблем, вызванных экономическим коллапсом, ядерными угрозами, терроризмом, экологическими опасностями, распространением наркотиков и оружия, а также международным отмыванием денег и прочим. Более того Запад, если бы действительно стремился к этому, мог бы гарантировать безопас-

ность малых стран, таких как балтийские государства, ждущих своей очереди вступлений в НАТО, и без рискованного приближения военного альянса к границам России.

Равным образом, не были вызваны необходимостью и натовские бомбардировки Югославии, проводившиеся под командованием США. Если бы России отвели серьёзную посредническую роль ещё до их начала, то, возможно появились бы иные возможности для обуздания Милошевича. Но вместо этого в нарушение международного права и нанеся ещё больший вред моральной репутации Америки, была начата война, которая оставила значительную часть экономики Сербии в руинах, Косово – в нищете, право сильного – в законе, а шесть тысяч американских солдат – в трясине этнических чисток и непрекращающегося насилия. Ни одного постоянного решения не было принято, даже после падения Милошевича, а выхода из ситуации не видно и поныне.

Ещё одним образцом близорукой и контрпродуктивной американской политики является поддержка США строительства нефтепровода и другие антироссийские игры в регионе Каспийского моря, где Путин уже начал вновь утверждать российские интересы. Даже если строительство осуществимо в финансовом отношении – а в этом всё ещё есть сомнения – нефтепроводу суждено стать пирровой «победой внешней политики» администрации Клинтона (112).

Американские и другие западные нефтяные компании не смогут успешно вести дело без определённого уровня стабильности в регионе, а России вполне по силам дестабилизировать ситуацию, как только она сочтёт нужным. Её методы могут быть разными: и те, что использовались в Чечне, и оказание давления, и провоцирование беспорядков в новых прикаспийских государствах, в которых она всё ещё пользуется большим влиянием. Вашингтон намекал на возможность оказания военной помощи этим странам, которые по большей части являются владениями самодержавных клептократов (113). Однако война в этом насыщенном энергетическими ресурсами регионе, да ещё с ядерной Россией вряд ли входит в его планы. Чтобы получать прибыль в бывшем Советском Союзе, западным нефтяным компаниям придётся считаться с долговременными интересами России, не оттесняя её, а сотрудничая с ней.

Не подлежит сомнению, что во всей политике Вашингтона по отношению к посткоммунистической России отсутствовало подлинное сотрудничество; термином так часто злоупотребляли, что превратили в простое клише. Несмотря на те пространные разговоры, которые администрация Клинтона вела о мире после холодной войны, она по сути увековечила основные принципы принятия решений, характерные для политики холодной войны. Идеология, милитаризованное мышление, решения, основанные на принципе «нулевого варианта» – всё это отли-

чало политику той эпохи. С начала 90-х гг. для новой администрации идеология стала ключевым элементом миссионерской политики. Военные доводы сыграли основную роль в расширении НАТО и решении о начале воздушной войны против Югославии (а также семи других стран, которые также в разное время подверглись нападению с применением бомбардировок, либо с использованием других видов оружия). А «нулевой вариант» стоял за импровизациями американской администрации в регионе Каспия.

Новая политика по отношению к России окажется успешной лишь в том случае, если на смену опасным анахронизмам придёт здравый смысл, политическое и дипломатическое мышление, а также примат интересов взаимной безопасности, что означает подлинное, а не мнимое сотрудничество. Без этого ничего нельзя будет сделать ни с опасной нестабильностью в России, ни с ситуацией вокруг её оружия массового поражения, ни даже с менее серьёзными проблемами. Если воспользоваться примером Косова, с которым у Соединённых Штатов связаны огромные ставки, то, в конце концов, здесь потребуется дипломатическое, а не военное решение, которое, возможно, сведётся к политическому разделу. Без полноправного участия России достичь этого нельзя. Есть и другие примеры, среди которых следует указать на Ирак.

Необходимо тем самым, если мы конечно хотим снова привлечь Россию к сотрудничеству, подняться над господствующими настроениями: «победитель забирает всё» – и осознать, что даже в нынешнем ослабленном состоянии у Москвы есть законные интересы, права и потенциальные возможности для участия в мировых делах. Для Кремля его статус связывается ныне с членством и правом вето в Совете Безопасности ООН, – тем единственным неядерным преимуществом, которое у него осталось.

Неуважение, которое в 90-е гг. администрация Клинтона проявляла к ООН, используя односторонние действия в рамках НАТО, стало основным фактором, обусловившим отход России от сотрудничества. Соединённые Штаты должны теперь вновь привлечь Организацию Объединенных Наций к сотрудничеству, рассчитывая на возможные коллективные действия. Однако это нужно не только для установления более тесных связей с Москвой (114). Зловещие признаки нового ядерного века, ознаменованного нестабильностью в России, тревожат многие страны. И ни одна из них, даже «единственная оставшаяся сверхдержава», не сможет справиться с опасностью в одиночку.

И в более широком смысле для Америки настало время сдерживать свои импульсы сверхдержавы. На протяжении полувека после Второй мировой войны Соединённые Штаты представляли Запад, формируя и руководя его отношениями с Россией. Их полномочия принимались как

данное – нечто нормальное и даже естественное – однако с географической и исторической точки зрения всё выглядит несколько иначе. Если России суждено когда-нибудь интегрироваться в западный мир, то она станет в значительной степени европейской страной и, главным образом, благодаря своим связям с другими европейскими государствами, а не с Америкой. Альтернативой холодной войне является не «Pax Americana», а то, что когда-то Горбачёв называл «нашим общим европейским домом».

Соединённым Штатам по-прежнему должно принадлежать первое слово в обеспечении безопасности и сокращении количества оружия массового поражения, но в других областях они должны постепенно отходить от той ведущей роли, которую на протяжении пятидесяти лет играли в отношениях Запада и России. Разумеется, это вызовет много протестов. Во время холодной войны инициативы советской России в Европе встречались с противодействием американских политиков и экспертов, рассматривавших их как заговор и попытку привлечь союзников Америки на свою сторону. Это ревнивое отношение несомненно сыграло роль в том, что после окончания холодной войны Соединённые Штаты настаивали на расширении НАТО, а также сферы её ответственности.

Сейчас однако нет никаких разумных причин, чтобы вновь впадать в привычное раздражение, либо стараться на деле руководить Европой в её поступках. В XIX и начале XX века тесные связи России с Европой, в том числе династические узы, не принесли никакого особого вреда далёкой Америке, и нет оснований думать, что это произойдет теперь. И если Соединённым Штатам не суждено потерять Россию, потому что она им никогда не принадлежала, тогда то же самое можно сказать и о Европе.

По-видимому, роль Соединённых Штатов в этом процессе уменьшится в любом случае. По окончании холодной войны естественным образом начало восстанавливаться взаимное притяжение между Россией и Европой. Так, наиболее крупным кредитором России является не Америка, а Германия. Европейский Союз, на долю которого уже приходится около 40% российской внешней торговли, в конце 2000 г. открыто провозгласил своё стремление к «стратегическому» и «энергичному партнёрству», основанному на растущей потребности в российских нефти и газа (115). Кроме того, и Западная Европа, и Россия демонстрируют рост недовольства по поводу того, что они считают политическим и военным «гегемонизмом» США. Так, обе стороны выступают против планов Вашингтона развертывания систем противоракетной обороны.

Одно мимолетное исключение только подтверждает эту тенденцию. Значительно сильнее, чем в правительстве США, в европейских столи-

цах реагировали на жестокости, совершённые Кремлём в Чечне. В апреле 2000 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы, к которой Москва присоединилась в 1996 г., даже лишила её права голоса. Но несмотря на это, в том же самом месяце новый президент России заявил: «Мы будем стремиться интегрироваться Европу», и нанёс свой первый государственный визит в Лондон, что дало британскому премьер-министру повод с энтузиазмом говорить о «новых стратегических отношениях» (116). И это стало только началом энергичной политики Путина в Западной Европе. Не успел Клинтон покинуть Москву после завершения их встречи в июне 2000 г., как Путин уже отбыл в Рим. Вскоре он совершил ещё более важный дипломатический визит в Германию, а в октябре 2000 г. – в Париж.

Нам следует понять, что у исторической перспективы восстановления отношений Европы и России есть свои политические достоинства. В отличие от Америки, Европа и Россия пережили исторический шок войны на собственной территории, а также оккупацию, полицейский террор и диктатуру. (И если почти никто из американцев не видел живого коммуниста, то почти у каждого европейца были знакомые-коммунисты, иногда даже близкие) Узы близости, взаимного понимания и терпимости зачастую порождаются общностью исторического опыта. В целом, пережившие те же бедствия, что и русские, европейцы менее склонны относиться к ним как к «злополучному народу», какой-то изощрённой «загадке» истории.

Даже если выяснится, что Европа не сможет до конца понять и интегрировать Россию, её политика вряд ли будет хуже американской, которая проводилась после распада Советского Союза. В конце концов, европейцы уже очень давно не верят в крестовые походы.

Правда ли, что холодная война закончилась?*

Тема моего выступления парадоксальна: все – политики, журналисты и ученые, – твердят, что холодная война в американо-российских отношениях закончилась 15 лет назад и даже раньше. Однако сегодня в американской и в российской прессе регулярно появляются материалы о политике, поведении и полемике, которые якобы возрождают холодную войну.

Объясняется этот кажущийся парадокс тем, что в 1989–1991 гг. холодная война не закончилась. Закончились всего лишь несколько глав в ее долгой истории. Сегодня разворачивается ее новая глава. Чтобы понять эту реальность, нам нужно вспомнить историю.

Если считать, что холодная война означает серьезное идеологическое, политическое, экономическое и даже военное противостояние, но без выстрелов или бомб, то в этом смысле холодная война между Америкой и Россией началась не в конце 40-х годов, как принято считать, а разворачивалась в течение 16 лет после Октябрьской революции, когда правительство США отказывалось признавать законность нового советского правительства.

Чтобы ответить на вопрос о том, когда она началась (и началась ли вообще), мы должны вспомнить другой исторический факт: с самого начала помимо оголтелых разжигателей холодной войны и в Америке, и в России были силы, которые хотели, чтобы на смену конфликтам холодной войны пришли элементы сотрудничества. Впоследствии их политика получила название «разрядка». Но одновременно важно признать, что главные сторонники разрядки вовсе не стремились к прекращению холодной войны. Они только хотели, чтобы она стала менее опасной, потому что они также считали, что холодная война естественным образом вытекает из различий в природе систем, существовавших в Америке и в Советской России.

Эти две исторические политики обусловили разные главы в истории холодной войны XX века.

Первая глава была ограниченной по своему охвату и сводилась, главным образом, к словесным заявлениям, но в первые 16 лет холодной войны, когда США с полным безразличием отказывались призна-

---

* Впервые опубликовано: Горбачевские чтения. Под ред. О. Здравомысловой. Том 4. – М., 2006. – С. 267–273.

вать Советский Союз, а советская сторона проводила революционный политический курс, породили идеологические факторы, которые действуют и по сей день. Позже сюда был вписан первый эпизод разрядки, которая началась в 1933 году при президенте Рузвельте, когда Вашингтон, наконец, заявил о дипломатическом признании советского правительства. Тем не менее, в 30-е годы борьба между ярыми ревнителями холодной войны и поборниками разрядки продолжалась как публично, так и за кулисами, а потом, в 1941 году, две страны стали союзниками в войне.

Вторая глава холодной войны, равно как и возобновление борьбы между сторонниками жесткой линии и сторонниками умеренной политики, начала развиваться после Сталинградской битвы, когда стало ясно, что общий враг, то есть нацистская Германия, будет побеждена. К концу 40-х годов сторонники разрядки в Вашингтоне и в Москве потерпели поражение, и вторая глава холодной войны пошла полным ходом.

На этом этапе обострились идеологические конфликты первой главы, но это был более крупный этап, четко отличавшийся от предыдущего в двух отношениях. Советско-американские конфликты оформились в результате раздела Европы и вскоре распространились на весь мир. Эта глава холодной войны характеризовалась опасной гонкой вооружений, в особенности ядерных.

Второй эпизод разрядки, инициированный Эйзенхауэром и Хрущёвым в 50-е годы, начался плохо и закончился провалом. К 60-м годам вторая глава разрядки не состоялась из-за серии событий, в числе которых были Карибский кризис, убийство президента Кеннеди, смещение Хрущёва и Вьетнам. По-настоящему разрядка развернулась только в 70-е годы, при Никсоне и при Брежневе. В Соединенных Штатах она проявилась в исключительно острой публичной борьбе между оголтелыми поджигателями холодной войны и сторонниками разрядки, которые в большинстве своем потерпели поражение в конце 70-х. (Я прекрасно помню это, поскольку был в рядах сторонников разрядки).

Третья (и потенциально последняя) глава холодной войны началась во второй половине 80-х. Самым важным моментом этой главы было то, что появилась историческая возможность навсегда покончить с холодной войной. Эту возможность олицетворял новый советский лидер Горбачев. Горбачевское «новое мышление» во внешней политике, не до конца понятое в тот момент и недооцененное даже сейчас, не было программой новой политики разрядки. Фактически это была программа прекращения холодной войны. (Основные постулаты «нового мышления» отрицали все идеологические, политические и военные аксиомы, на которых с 1917 года зиждилась холодная война).

Так в Вашингтоне (и в Москве) началась роковая борьба между политиками, хотевшими использовать исторический шанс, который появился благодаря Горбачеву (сам Горбачев назвал этот шанс «альтернативой»), и теми, кто этого не хотел. Эту историю знают все.

К чести для Рейгана (и к недоумению многих из его сторонников из числа правых), по вопросу об окончании холодной войны он решил занять позицию, хотя бы частично созвучную позиции Горбачева. После «затянувшейся паузы» то же самое сделал и его преемник президент Буш. В результате этого в декабре 1989 года на Мальте, где проходила встреча на высшем уровне, Горбачев и Буш заявили, что холодная война закончена.

Неизвестно, что произошло бы, если бы в 90-х годах Горбачев и/или Буш остались у власти, но дурное предзнаменование было уже тогда. Даже в 1989–1991 гг., когда Буш согласился прекратить холодную войну, многие из его главных советников, так же, как и многие представители американской политической элиты и СМИ, не верили в реальность этой задачи или отказывались принять ее. (Я сам был свидетелем этого накануне встречи на Мальте, в Кемп-Дэвиде, куда меня пригласили для обсуждения вопроса с наиболее непримиримыми сторонниками продолжения холодной войны. Среди них был и Ричард Пайпс. На обсуждении присутствовал президент Буш со всей своей внешнеполитической командой. Президент Буш согласился со мной, тогда как многие из его высокопоставленных сподвижников явно возражали).

Доказательством служит тот факт, что в декабре 1991 года, когда Советский Союз прекратил свое существование, американское правительство и американские СМИ мгновенно стали представлять якобы произошедшее «окончание холодной войны» не как взаимное советско-американское решение, которое, несомненно, и было таковым, а как величайшую победу Америки над Россией.

Это (ставшее общим местом) победное изложение событий и стало одной из причин начала четвертой главы холодной войны, которая идет уже более десяти лет. Она началась, как теперь утверждают в США, в начале и в середине 90-х, когда Администрация Клинтона приняла два решения, которые шли совершенно разных направлениях. Одно из этих решений гласило, что к пост-коммунистической России следует относиться как к побежденной стране, и если эта страна хочет быть другом и младшим партнером США, она должна строить свои дела по американскому образцу. Второе решение состояло в том, чтобы нарушить обещание, данное России Администрацией Буша, о том, что НАТО «ни на дюйм» не продвинется на восток, как это тогда сформулировал государственный секретарь Джеймс Бейкер.

Пятнадцать лет спустя мы стали свидетелями новых проявлений этой четвертой главы в истории холодной войны и даже повторений ее

второй главы, причем я должен с сожалением констатировать, что эти события были вызваны действиями правительства США. (То, что сделал Кремль, было по большей части реакцией на действия США). Приведу четыре очевидных примера:

1. Перемещение военных контингентов США и НАТО вплотную к российским границам, создание нового санитарного кордона или «холодного занавеса наоборот» и новая милитаризация отношений между двумя странами.

2. Молчаливое отрицание со стороны США того факта, что у России есть законные национальные интересы за пределами своей территории, причем в соседних, этнически родственных странах, и даже законный и полноправный суверенитет в области внутренней политики и экономики.

3. Знакомый двойной стандарт, когда Москве ставят в вину, что она проводит точно такую же политику, что и Вашингтон. Например, то, что она стремится получить союзников и военные базы в Украине и в других бывших советских республиках и использует свои богатства (в случае России это энергоносители) в качестве иностранной помощи дружески настроенным правительствам. (Есть много и других примеров).

4. Разработка новых видов ядерного оружия обеими сторонами (что прошло практически незамеченным)

Если эта новая глава холодной войны будет разворачиваться и впредь, то по целому ряду причин она станет одной из самых опасных:

• Ее геополитический фокус сместился из Центральной Европы в самый центр традиционной зоны безопасности России, в «новоезарубежье». Таким образом, расширяется крайне провокационное военное окружение.

• Одновременно разрастается опасное противоречие в том, как Америка и Россия видят себя. Соединенные Штаты, провозгласившие себя «единственной сверхдержавой», в расширительном смысле трактуют то, на что они якобы имеют право, чего прежде, до 1992 года, не было. (Действительно, в отношении пост-советской России Вашингтон проводит политику по принципу «победивший забирает все». Такой подход намного агрессивнее подхода, который был у США в отношении коммунистической России). Россия, со своей стороны, сильно ослаблена по сравнению с 1992 годом. Ослаблена и ее безопасность. Следовательно, в обоих отношениях ситуация стала менее стабильной и менее предсказуемой.

• Существует и не менее серьезный психологический фактор: эта глава стала главой необъявленной советско-американской холодной войны. Она разворачивалась, по крайней мере до недавнего времени, под маской «псевдопартнерства и псевдодружбы», и в результате в ней

превалируют взаимные обиды по поводу якобы нарушенных обещаний и предательств. (Психологический фактор станет еще опаснее, если под влиянием этих событий Москва сделает вывод, что американская холодная война на самом деле ведется против России, а не против коммунизма, как сейчас считают многие в России).

• Нет сегодня и существенных отношений между Вашингтоном и Москвой, которые напоминали бы разрядку. Особую тревогу вызывает тот факт, что переговоры по сокращению ядерных вооружений по существу были прекращены из-за того, что Администрация Буша в одностороннем порядке вышла из Договора по ПРО и в 2002 году навязала Москве заведомо бессмысленное соглашение о сокращении ядерных вооружений. И все это, в том числе и новое наращивание военной мощи обеими сторонами, происходит именно в тот момент, когда средства, которыми располагает Россия для реального контроля имеющихся ядерныхустройств, гораздо менее надежны, чем в советские времена.

• И, наконец, элиты, бывшие ярыми сторонниками холодной войны, в обеих столицах по своей силе превосходят сторонников разрядки и намного превосходят тех, кто требует покончить с холодной войной. Поэтому возможности ослабления или прекращения холодной войны всегда зависят о того, находится ли на посту руководителя необыкновенный человек. Сначала таким необыкновенным человеком был Рузвельт, потом – Горбачев. Но возможен ли такой лидер сегодня? Трудно представить себе, что такой человек скоро найдется в Соединенных Штатах, где разрабатывается новая политика холодной войны в отношении России, причем такую политику всецело поддерживают обе политические партии. В этой связи особенно многозначительным и прискорбным примером служит «доклад» Эдвардса-Кемпа, представленный в этом месяце «беспартийным» Советом по иностранным делам. Причем в отличие от прошлого все это делается без какого бы то ни было значительного привлечения элиты, СМИ или народной оппозиции. Что касается России, то Горбачев действительно вышел из консервативной советской номенклатуры, к огромному удивлению большинства западных специалистов. Но московские комментаторы твердят нам, что современная российская элита более коррумпирована и корыстна и менее устремлена в будущее, нежели ее советские предшественники, и уж, конечно, менее нацелена на реформы, чем Горбачев и «дети XX Съезда».

Поэтому я закончу свое выступление извинениями в адрес Михаила Сергеевича Горбачева за то, что я оспорил утверждение, которое так часто делают от его имени, а именно утверждение о том, что он прекратил холодную войну.Я считаю, что трагическая реальность этой упущенной возможности не умаляет величия Горбачева в истории. Никто, даже самый великий лидер, и уж ни в коем случае не вероотступник, –

а Горбачев, безусловно, был им, – не может в одиночку реально реформировать свою страну или мир. Он только может дать всем нам возможность, которой у нас прежде не было, а именно возможность осуществить эти преобразования. У себя в стране Горбачев дал России возможность продолжить беспрецедентную эволюционную политическую и экономическую реформацию, которой Россия не воспользовалась. А моей стране он дал возможность прекратить холодную войну, которая длится почти сто лет, но мы этой возможностью тоже не воспользовались.

Когда историки, наконец, напишут настоящую историю эпохи Горбачева и историю утраченных в это время альтернатив, они будут судить нас очень строгим судом, то есть если вообще будет, кому писать.

Или же мы можем надеяться в духе оптимизма, который всегда был присущ Михаилу Сергеевичу, что альтернативы, которые он дал нам, не потеряны безвозвратно.

Снова холодная война. Кто виноват?*

Даже если результатом станет несиловая «изоляция России» (мантра, которую сегодня всё повторяет Запад), последствия будут плачевными. Москва не склонит голову, а отвернет ее, устремив свои взгляды на Восток. США рискуют потерять стратегического партнера в ключевых аспектах собственной национальной безопасности. И, что немаловажно, надежды на возрождение процесса демократизации России придется оставить минимум на поколение.

* * *

Противостояние Востока и Запада в отношении Украины, которое привело к присоединению Москвой Крыма, началось давно и потенциально является самым серьезным международным кризисом более чем за последние 50 лет – и наиболее судьбоносным. Возможно разрешение ситуации путем переговоров, но время как будто бы на исходе.

Новый раскол со всеми признаками холодной войны уже наблюдается в Европе – и не в Берлине, а у границ России. Можно ожидать и худшее. Если силы НАТО разместятся на западе Украины или даже на польско-украинской границе, за что активно выступают ретивые сторонники холодной войны в Вашингтоне и Брюсселе, то Москва, возможно, направит вооруженные силы на территорию Восточной Украины. Результатом будет угроза, сопоставимая с Карибским кризисом 1962 года.

Москва – Пекин

Даже если результатом станет несиловая «изоляция России» – мантра, которую сегодня всё повторяет Запад, – последствия будут плачевными. Москва не склонит голову, а отвернет ее, устремив свои политические

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2014, April 21. Печ. по: Новая газета. 2014, 9 апреля.

и экономические взгляды на Восток, в первую очередь заботясь об укреплении альянса с Китаем, как уже случалось ранее. США рискуют потерять стратегического партнера в ключевых аспектах собственной национальной безопасности: от ситуации по Ирану, Сирии и Афганистану до угрозы новой гонки вооружений, распространения ядерного оружия и повторных терактов. И, что немаловажно, надежды на возрождение процесса демократизации России придется оставить минимум на поколение.

Почему это произошло, почти 23 года после падения советского коммунизма, когда и Вашингтон, и Москва провозгласили новую эру «дружбы и стратегического партнерства»? Ответ, данный администрацией Обамы и в подавляющем большинстве политическим и медиаистеблишментом США, заключается в том, что виновником является президент Владимир Путин. Его «авторитарные» методы управления страной и «политика неосоветского империализма» за рубежом подорвали основы партнерства, созданного в 90-х годах Биллом Клинтоном и Борисом Ельциным. Этот ключевой тезис лежит в основе преобладающей интерпретации Соединенными Штатами сути двух десятилетий американо-российских отношений и нынешнего украинского кризиса.

Но есть и альтернативная версия, более согласующаяся с историческими фактами. Со времен администрации Клинтона и при поддержке каждого последующего президента, будь то от республиканцев или демократов и конгресса, Запад при лидерстве США бескомпромиссно приближал свой военный, политический и экономический потенциал все ближе к постсоветской России. В рамках расширения НАТО на Восток в трех бывших советских прибалтийских республиках на границе с Россией размещены военные базы, которые теперь и усилены комплексами ПРО в соседних государствах, – этот двухпартийный принцип «победитель получает все» проявляется в различных формах.

Они включают в себя финансируемые американцами НПО, «способствующие распространению принципов демократии», занятые внутренней политикой России в большей степени, чем это дозволено зарубежным представителям. Сюда же относится бомбежка Сербии в 1999 году, славянского союзника Москвы, и насильственное отчуждение ее исторической провинции Косово, организация военного форпоста США на территории бывшей Советской Грузии (вместе с Украиной одной из ранее именуемых «красных черт» для Путина), что привело к непродолжительной опосредованной войне в 2008 году. И односторонние переговоры, продолжающиеся все это время, именуемые «избирательным сотрудничеством», в отношении которых Кремль проявлял лояльность, оставшуюся практически не отмеченной Белым домом, а впоследствии и вовсе нарушенные обещания американцев.

Обострение кризиса

Эти события разворачивались при искренней поддержке некоторых сторонников во имя «демократии» и «суверенного выбора» многих небольших стран, вовлеченных в конфликт, но основная геополитическая суть происходящего стала ясна. Во время первого конфликта между Востоком и Западом в отношении Украины, происшедшего вследствие «оранжевой» революции 2004 года, Чарльз Краутхаммер, влиятельный обозреватель, поддерживающий республиканцев, признал: «Речь идет, во-первых, о России и только потом о демократии… Запад хочет завершить работу, начатую с падением Берлинской стены, и продолжить продвижение по Европе на восток… Заманчивым призом является Украина». Покойный Ричард Холбрук, амбициозный заместитель госсекретаря от партии демократов, разделял это мнение, надеясь даже на «окончательный разрыв Украины с Москвой» и «ускорение» вступления Киева в НАТО.

Тот факт, что российская политическая элита давно придерживается аналогичной угрожающей точки зрения в отношении намерений США, не делает такую позицию менее верной – или менее значимой. Формально объявив аннексию Крыма 18 марта, Владимир Путин озвучил (и не впервые) давние обиды Москвы. Некоторые из его утверждений не соответствуют действительности и вызывают беспокойство, но другие являются разумными или хотя бы понятными, не «бредовыми». Оценивая западных (в основном американских) политиков, он горько сокрушался, что они «пытались загнать нас в угол», «неоднократно лгали нам» и в Украине «пересекли черту». При этом Путин предупредил, что «всё имеет свои пределы».

Нам остается быть свидетелями глубоко противоречивых российско-западных концепций и неясного политического дискурса, самого по себе часто являющегося прелюдией к войне. Личность Путина демонизировалась в течение многих лет, и так мало из того, что говорит Путин от имени Москвы, удостаивается пристального внимания Вашингтона. Его выступление об аннексии Крыма было расценено бывшим госсекретарем Мадлен Олбрайт как «набор фикций». Ничего в ответах Вашингтона не подрывает обоснованную уверенность Путина в том, что соглашение с Европейским союзом, отвергнутое украинским президентом Виктором Януковичем в ноябре, и его отстранение от власти в феврале путем насильственных уличных протестов, – были нацелены на разрыв связей Украины с Россией, исчислявшихся столетиями, и присоединение Украины к НАТО. (Сегодняшний кризис был спровоцирован недальновидным ультиматумом ЕС, несмотря на предложение Путина о «трехстороннем» соглашении, которое вынуждало избранного президента радикально разделенной страны делать экономический

выбор между Западом и Россией, – подход, давно критикуемый бывшими немецкими канцлерами Гельмутом Колем и Герхардом Шрёдером. Предложенное ЕС «партнерство» также включало в себя несущественные положения о «безопасности», требующие украинской «согласованности» с политикой НАТО, не говоря уже о военном сотрудничестве.)

Между тем с обеих сторон обостряется воинственная риторика, вооруженные силы мобилизуются, и провокации усугубляются в политической гражданской войне в Украине действиями головорезов в масках и вооруженных отрядов, «спонтанными» демонстрациями сепаратистов и экстремистскими заявлениями некоторых потенциальных лидеров Киева. Все теперь возможно – фактическая гражданская война, раздел Украины и дальнейшее ухудшение ситуации. Санкции по принципу «око за око» являются протокольной болтовней, только обостряющей кризис.

Поиски решения

Существует дипломатический выход из ситуации.

Путин не инициировал и не желал возникновения этого кризиса. Помимо прочих издержек кризис нивелировал достижения его сочинской Олимпиады.

Равно как президент России не хотел и разворачивать холодную войну, которая была идейно подпитана Вашингтоном задолго до того, как он пришел к власти. Поэтому западным политикам следует серьезно отнестись к поговорке о «двух сторонах одной медали». Прав ли был Путин, когда он утверждал 18 марта, что Россия «имеет свои собственные национальные интересы, которые должны быть приняты во внимание и соблюдаться», особенно вдоль ее границ? Если ответ «нет», как было с 1990-х годов – прав ли он, сердито протестуя против того, что «только они могут быть правы», – тогда война возможна, и если не сейчас, то потом. Но если ответ «да», то предложения, сделанные российским Министерством иностранных дел 17 марта, могут послужить отправной точкой для переговоров.

Если кратко резюмировать, эти предложения призывают к формированию «контактной группы» с участием США, России и ЕС, которая будет добиваться немедленного разоружения ополченцев в Украине, согласно постановлению украинского парламента 1 апреля; принятия новой федеративной конституции, которая предусматривает большую автономию пророссийских и прозападных регионов; проведения президентских и парламентских выборов с участием международных наблюдателей; формирования «нейтрального военно-политического» (то есть не пронатовского) правительства в Киеве без участия министров, разделяющих радикально националистические (а как некоторые наблюда-

тели полагают – «неофашистские» взгляды); и, по-видимому, сохранения украинско-российских экономических отношений, важных для обеих стран. В свою очередь, Москва признает легитимность нового правительства и территориальный суверенитет Украины, тем самым отрекаясь от поддержки пророссийских сепаратистских настроений далеко за пределами Крыма, хотя и не возвращая при этом аннексированный полуостров. Группа также проголосует за резолюцию Совета Безопасности ООН, подтверждающую урегулирование кризиса, и, возможно, внесет свой вклад в помощь Украине, исчисляемую несколькими миллиардами долларов, необходимую для спасения страны от финансового краха.

Реакция администрации Обамы на предложения Москвы далека от адекватной. Допуская необходимость принятия какой-либо федеративной конституции Украины и проведения президентских выборов, Белый дом выступает против новых парламентских выборов, что оставляет нынешний парламент в сильной зависимости и даже в опасениях по поводу действий ультранационалистических депутатов и их вооруженных уличных сторонников, которые в последнее время угрожали навязыванием своей воли, врываясь в административные здания. Также не очевидно, что Обама разделяет серьезную озабоченность Путина в том, что боевики продолжат дестабилизировать ситуацию в стране.

Между тем Белый дом настаивает на том, чтобы Москва аннулировала аннексию Крыма (признала ее нелегитимной), сократила военное присутствие на границе Украины и взаимодействовала непосредственно с самопровозглашенным правительством Киева. Кроме того, ничто из предложений Запада не исключает возможности расширения НАТО в Украине. Более того, 31 марта политический представитель НАТО, вторя словам Краутхаммера, произнесенным 10 лет назад, заявил, что «задача военного альянса еще не выполнена». И что хуже: Брюссель, похоже, использует кризис, чтобы развернуть войска в глубь Восточной Европы по направлению к России.

Даже если эти противоположные взгляды сблизятся, будет ли Путин надежным партнером в таких переговорах? Демонизация личности Владимира Путина, как недавно написал Генри Киссинджер, – «это не политика». Она также не напоминает о том, что глава России оказывал помощь войскам США и НАТО в Афганистане с 2001 года, поддерживал весьма жесткие санкции против Ирана в 2010 году, неоднократно призывал к «взаимовыгодному сотрудничеству» с Вашингтоном, как правило, придерживался реактивной внешней политики и в результате был обвинен влиятельными представителями его собственного политического класса в потворстве Западу. (Нет, Путин не всемогущий «диктатор», и да, есть высокая политика вокруг его персоны.)

Новая холодная война и потребность в патриотической ереси*

Наша сегодняшняя встреча проходит в самый худший и потенциально самый опасный момент российско-американской конфронтации за многие десятилетия. Наверное, такое было только во время Карибского кризиса в 1962 году. Гражданская война в Украине, вызванная незаконной сменой власти в Киеве в феврале, уже перерастает в опосредованную войну между США и Россией. То, что казалось немыслимым, становится вообразимым. Речь идет о реальной войне между НАТО во главе с США и постсоветской Россией.

Безусловно, мы уже находимся в состоянии холодной войны, которая только углубится и обретет формальные черты в связи с ужесточением санкций. Эта война может оказаться более опасной, чем прежнее советско-американское противостояние, которое мир пережил с трудом. Тому есть несколько причин.

– Эпицентр новой холодной войны находится не в Берлине, а на границе России, в Украине, которая, по мнению Москвы, жизненно важна для ее национальной безопасности и даже для ее цивилизации. А это значит, что те просчеты, казусы и провокации, с которыми мир сталкивался десятки лет назад, будут в еще большей степени чреваты опасностью. (Зловещий пример тому – таинственное уничтожение малайзийского авиалайнера в небе над Восточной Украиной.)

– Еще больший риск заключается в том, что новая холодная война может подтолкнуть стороны к применению ядерного оружия, чего не было в период советско-американской конфронтации. Я имею в виду тот довод, который приводят некоторые московские военные стратеги: если России будут напрямую угрожать превосходящие неядерные силы НАТО, она может прибегнуть к своему крупному арсеналу оперативно-тактического ядерного оружия. (Окружение России базами США и

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2014, August 15. Печ. по: Новая газета. 2014, 29 августа. В основе текста – выступление на ежегодном российско-американском форуме, состоявшемся в Вашингтоне 16 июня. Это мероприятие проходило в здании Сената имени Харта, и в нем приняло участие большое количество людей, однако форум был организован в частном порядке, без какого-либо содействия властей.

НАТО, а также системой противоракетной обороны наземного и морского базирования только усиливает такую возможность.)

– Еще одна опасность заключается в том, что в новой холодной войне нет сдерживающих правил, которые появились за сорок лет предыдущей холодной войны, и особенно после Карибского кризиса. На самом деле, из-за исключительно сильных подозрений, недовольства, превратных представлений и дезинформации со стороны Вашингтона и Москвы добиться такой взаимной сдержанности будет еще труднее. То же самое касается сюрреалистической демонизации российского руководителя Владимира Путина. Такое обливание человека грязью не имеет реального прецедента в прошлом, по крайней мере, после смерти Сталина. (Генри Киссинджер сказал, что «демонизация Владимира Путина – это не политика; это оправдание отсутствия таковой». А я думаю, все даже хуже: это отказ от настоящего анализа и рационального процесса формирования политики.)

– И, наконец, новая холодная война может оказаться более опасной, потому что, в отличие от предыдущей холодной войны, длившейся 40 лет, она не встречает действенной американской оппозиции – ни в администрации, ни в конгрессе, ни в ведущих средствах массовой информации, ни в университетах, ни в аналитических центрах, ни в обществе.

Здесь нам надо понять свое собственное бедственное положение. Нас, оппонентов американской политики, которая внесла столь удручающий вклад в нынешний кризис, очень немного. Мы не организованы, у нас нет влиятельных сторонников. Я достаточно стар и знаю, что наши позиции существенно отличались в 1970-х и 1980-х годах, когда мы боролись за разрядку международной напряженности. Мы были в меньшинстве, но – в существенном меньшинстве. У нас были союзники наверху, даже в конгрессе и Госдепартаменте. О наших взглядах писали ведущие газеты, говорили на радио и телевидении. Мы не только пользовались поддержкой снизу; у нас даже было собственное лобби в Вашингтоне – Американский комитет за согласие между Востоком и Западом, в правление которого входили главы корпораций, политики, известные ученые и государственные деятели такого калибра, как Джордж Кеннан.

Сегодня ничего этого нет. У нас нет выхода на администрацию Обамы, практически нет доступа к конгрессу, который стал двухпартийным оплотом политики холодной войны, и нас очень редко пускают в средства массовой информации основного направления. (Кто-то может вспомнить, как с углублением украинского кризиса он читал о наших взглядах на редакционных страницах и в разделах мнений в New York Times, Washington Post и Wall Street Journal, или что он видел, как их излагают MSNBC и Fox Cable News, мало чем отличающиеся друг

от друга в своих несбалансированных программах?) У нас есть доступ к альтернативным медийным площадкам, но в Вашингтоне они не считаются авторитетными и даже существенно важными. Я не могу припомнить такого провала в американском демократическом дискурсе в период кризиса. (Американский специалист по России и опытный корпоративный руководитель Гилберт Доктороу (Gilbert Doctorow), который живет в Бельгии, пытается создать американо-европейскую версию комитета за согласие между Востоком и Западом.)

В оставшееся ограниченное время я буду в трех качествах говорить об этой зловещей ситуации, которая почти наверняка является роковым переломным моментом в мировых делах: как участник тех немногих дебатов, которые разрешены в СМИ господствующего направления, как историк, долгое время изучающий российско-американские отношения, и как информированный наблюдатель, верящий в то, что выход из этого ужасного кризиса пока еще существует.

По поводу моего эпизодического участия в очень ограниченной дискуссии на площадках ведущих СМИ я буду говорить в более личностном плане, чем обычно. С самого начала я усматривал для себя двоякую роль. Помня старую американскую пословицу «У каждой истории есть две стороны», я пытаюсь объяснить точку зрения Москвы на украинский кризис, которая практически не находит места в репортажах СМИ. (Не будь незаменимого ежедневного бюллетеня Дэвида Джонсона (David Johnson) Russia List, не владеющие русским языком читатели имели бы очень ограниченный доступ к альтернативным точкам зрения.) Например, что имел в виду Путин, когда он сказал, что западные политические руководители «пытаются загнать нас в какой-то угол», «много раз лгали нам», а в Украине «перешли черту»? Во-вторых, я еще в 1990-х годах начал говорить о том, что политика Вашингтона в отношении России (демократическая и республиканская) может привести к новой холодной войне и именно к такому кризису (см. мои статьи в Nation и мои книги Failed Crusade («Провалившийся крестовый поход») и Soviet Fates and Lost Alternatives («Советские судьбы и утраченные альтернативы»). Тем самым я хотел сделать так, чтобы мой многолетний анализ хоть как-то повлиял на сегодняшний кризис.

В результате меня постоянно подвергают нападкам, и не где-нибудь, а в якобы либеральных публикациях. Меня называют американским «апологетом Путина № 1», «полезным идиотом», «простофилей», «лучшим другом», а теперь еще и новым незрелым ругательством – «лизоблюд». Да, я ждал критики, как это было на протяжении почти 20 лет, когда я работал комментатором CBS News, но не такой оскорбительной и задевающей мою личность. (Что изменилось в нашей политической культуре? Возможно, это связано с интернетом.)

До сих пор я не отвечал на эти клеветнические нападки. Но сегодня отвечаю, поскольку считаю, что они направлены не только против меня, но и против многих из нас, находящихся в этом зале, против всех, кто критикует вашингтонскую политику в отношении России. (Иммунитетом здесь не пользуются даже Генри Киссинджер и невероятно успешный посол США в Москве Джек Мэтлок (Jack F. Matlock).) Перечитывая эти нападки, я пришел к следующим выводам:

– Ни один из этих клеветников не опроверг с фактами в руках ничего из того, что я написал или сказал. Они занимаются клеветническими обвинениями, рассчитанными на чувства и предубеждения, а не на разум, искажая факты и исходя из общей посылки о том, что любой американец, пытающийся понять точку зрения Москвы, является «путинским апологетом», а следовательно, непатриотичным человеком. Такая посылка лишь подстрекает к началу войны.

– Некоторые из этих авторов, а также стоящие за ними люди издавна являются сторонниками той двадцатилетней американской политики, которая привела к кризису в Украине. Пытаясь нас опорочить, эти люди стараются скрыть свою причастность к возникающей катастрофе и свое нежелание ее предотвратить. Отказ от переосмысления обрекает нас на самую худшую развязку.

– Не менее важно и то, что эти неомаккартисты пытаются подавить демократические дебаты, клеймя нас позором и стараясь сделать так, чтобы мы стали нежелательными людьми для ведущих СМИ, газетных рубрик и политических руководителей. И они в основном добиваются в этом успеха.

Давайте говорить откровенно. Это значит, что не порочащие нас слева и справа люди, а мы являемся настоящими американскими демократами и патриотами США, отстаивающими национальную безопасность страны. Мы не стремимся подвергать остракизму и затыкать рты новым рыцарям холодной войны, а пытаемся вовлечь их в публичные дебаты. И это не они, а мы понимаем, что сегодняшняя политика США может иметь катастрофические последствия для международной и американской безопасности. Риски и издержки новой продолжительной холодной войны будут причинять боль и страдания нашим детям и внукам. Так или иначе, эта безрассудная политика, проводники которой даже на самом высоком уровне неустанно демонизируют Путина, уже лишила Вашингтон важного партнера в лице Кремля, с которым можно было решать серьезнейшие вопросы американской безопасности – от Ирана, Сирии и Афганистана до противодействия распространению ядерного оружия и международного терроризма.

Но я должен добавить, что мы также виноваты в том, что дебаты либо вообще отсутствуют, либо носят однобокий характер. Как я уже говорил, мы не организованы. Мы очень редко публично выступаем в

защиту друг друга, хотя я лично благодарен Джеймсу Кардену (James Carden), Гилберту Доктороу и Роберту Легвольду (Robert Legvold) за то, что они вступились за меня. И очень часто мы говорим недостаточно смело. (Например, мы не должны беспокоиться по поводу того, что наши аргументы порой совпадают с тем, о чем говорит Москва, поскольку это не что иное, как самоцензура.)

На самом деле некоторые люди, втайне разделяющие нашу обеспокоенность, – из конгресса, из СМИ, университетов, мозговых трестов – вообще никогда не высказываются. Каковы бы ни были причины – боязнь оказаться обесчещенным, беспокойство за карьеру, характер человека – эти люди молчат. Но в нашей демократии, где плата за инакомыслие относительно невелика, молчание не является уже признаком патриотизма. (Лично я, как американец, ощущаю это очень сильно; я с огромным негодованием наблюдаю за тем, как поддержанный США киевский режим без всякой на то нужды опустошает восток Украины, ведет его к гуманитарной катастрофе и, возможно, совершает военные преступления против собственных граждан в этих регионах.)

Но я должен также подчеркнуть, что нам следует освободить от этой нравственной ответственности молодежь, которой есть что терять. Некоторые молодые люди обращаются ко мне за советом, и я всегда говорю им: «В Америке даже незначительные наказания за инакомыслие в отношении России могут негативно отразиться на вашей карьере. На данном этапе жизни ваши главные обязательства – перед семьей, а, следовательно, вам надо думать о карьере. Ваше время сражаться еще придет».

И, наконец, в связи с нашей борьбой за более мудрую американскую политику я пришел еще к одному выводу. Многих из нас учили, что умеренность в мыслях и в словах – это всегда лучший принцип. Но во время таких роковых кризисов, как тот, с которым мы сталкиваемся сегодня, умеренность ради умеренности не может считаться добродетелью. Она превращается в конформизм, а конформизм становится соучастием.

Я вспоминаю, как мы обсуждали этот вопрос очень давно и в другом контексте – с диссидентами советской эпохи, когда я жил среди них в Москве в 1970-е и 1980-е годы. Некоторые наши сторонники, знакомые с этой историей (в том числе бывший советский диссидент и рейгановский республиканец Эдуард Лозанский, который организовал сегодняшнее мероприятие), недавно назвали нас «американскими диссидентами». Такая аналогия несовершенна: у моих советских друзей было гораздо меньше возможностей для выражения своего несогласия, да и последствия им грозили намного более серьезные.

Но такая аналогия преподносит определенный урок. Советские диссиденты выступали против глубоко укоренившейся ортодоксии догм и

некритичного формирования политики. Именно поэтому советская власть и средства массовой информации осуждали их, называя еретиками. С 1990-х годов, начиная с администрации Клинтона, исключительно неразумные представления о постсоветской России и политкорректность американской политики слились в двухпартийную американскую ортодоксию с ее общепринятыми взглядами. Естественной реакцией на ортодоксию, как свидетельствует история, является ересь. Так давайте же будем патриотическими еретиками, не обращая внимания на последствия и надеясь на то, что к нам присоединятся многие, как часто бывает в истории.

Теперь я, как историк, обращусь к этой ортодоксии. Покойный сенатор Дэниел Патрик Мойнихан (Daniel Patrick Moynihan) как-то произнес ставшую знаменитой фразу: «Каждый имеет право на собственное мнение, но не на собственные факты». Господствующие взгляды новой холодной войны основаны почти исключительно на ошибочных и ложных мнениях. Сегодня особенно важно помнить о пяти таких заблуждениях:

– Заблуждение первое. После распада Советского Союза в 1991 году Вашингтон относился к посткоммунистической России великодушно, как к желанному другу и партнеру, прилагая значительные усилия к тому, чтобы помочь ей стать демократическим и благополучным членом западной системы международной безопасности. Не желая того или будучи не в состоянии это сделать, Россия отвергла такой американский альтруизм, наиболее выразительно делая это при Путине.

Факт. Начиная с 1990-х годов и, опять же, с администрации Клинтона, каждый американский президент и конгресс обращались с постсоветской Россией как с побежденной страной, не обладающей полноценными правами у себя дома и за рубежом. Такое надменное отношение по принципу «победитель забирает все» нашло свое главное отражение в расширении НАТО, которое сопровождалось отсутствием взаимности в переговорном процессе, а теперь еще и созданием противоракетной обороны. НАТО вторгалась в традиционные сферы национальной безопасности России, а сама исключала ее из системы европейской безопасности. С самого начала конечной целью этого расширения была Украина и в меньшей степени Грузия. Как писал в 2004 году влиятельный обозреватель Washington Post, «Запад хочет завершить дело, начатое с падением Берлинской стены, и продолжить свой марш на восток…. Главным призом является Украина».

– Заблуждение второе. Существует такая страна, как «Украина», и такая нация, как «украинский народ», который стремится уйти от многовекового российского влияния и присоединиться к Западу.

Факт. Как знает каждый информированный человек, Украина – это страна, разделенная этническими, языковыми, религиозными, культур-

ными, экономическими и политическими различиями, особенно ее западные и восточные регионы. Но не только. Когда в 2013 году начался нынешний кризис, у Украины было одно государство, но она не была единым народом или сплоченной нацией. Некоторые из этих разногласий после 1991 года еще больше усугубила безнравственная элита, но в основном они формировались и развивались на протяжении столетий.

– Заблуждение третье. В ноябре 2013 года Европейский союз при поддержке Вашингтона предложил украинскому президенту Виктору Януковичу благотворную ассоциацию с европейской демократией и процветанием. Янукович был готов подписать это соглашение, однако Путин запугал и подкупил его, заставив президента отвергнуть европейское предложение. Это вызвало протесты на киевском Майдане и все, что последовало потом.

Факт. Предложение ЕС было опрометчивой провокацией, принуждающей демократически избранного президента глубоко расколотой страны сделать выбор между Россией и Западом. Такой же провокацией был и отказ ЕС от встречного предложения Путина с совместным российско-европейско-американским планом по спасению Украины от финансового краха. Само по себе предложение ЕС в экономическом плане было неосуществимо. В нем было мало финансовой помощи, но содержались требования к украинскому правительству принять жесткие меры экономии и самоограничений, а также резко сократить давние экономические отношения с Россией. Да и благотворным предложение ЕС можно назвать лишь с большими оговорками. В нем были протоколы, требующие от Украины приверженности европейской политике в области обороны и безопасности, что по сути дела означало приверженность НАТО без упоминания названия альянса. Короче говоря, не мнимая путинская «агрессия» породила сегодняшний кризис, а своеобразная «бархатная» агрессия Брюсселя и Вашингтона, цель которой заключалась в перетягивании всей Украины на Запад и в ее вовлечении в НАТО (это – мелким шрифтом).

– Заблуждение четвертое. Развернувшаяся сегодня гражданская война в Украине была вызвана агрессивной реакцией Путина на мирные протесты Майдана против решения Януковича.

Факт. В феврале 2014 года радикальные протестующие с Майдана под мощным влиянием ультранационалистов и даже полуфашистских уличных группировок перешли к применению жестокой силы. Надеясь на мирное разрешение кризиса, европейские министры иностранных дел добились компромисса между парламентскими представителями Майдана и Януковичем. Согласно достигнутой договоренности, он должен был остаться президентом коалиционного правительства национального примирения вплоть до новых выборов, намеченных на декабрь 2014 года. Но за несколько часов яростные боевики с улиц Киева

сорвали эту договоренность. Европа и Вашингтон не стали защищать свое собственное дипломатическое соглашение. Янукович бежал в Россию. Находившиеся в меньшинстве парламентские партии, которые представляли Майдан и преимущественно Западную Украину (среди них было ультранационалистическое движение «Свобода», которое Европарламент прежде подвергал анафеме как несовместимое с европейскими ценностями), сформировали новое правительство. Они также отменили действующую конституцию. Вашингтон и Брюссель поддержали переворот и до сих пор продолжают поддерживать его последствия. Все, что произошло потом, от российской аннексии Крыма и распространения восстания на юго-востоке Украины, которое переросло в гражданскую войну, и до «антитеррористической операции» Киева, было спровоцировано этим февральским переворотом. А действия Путина – это в основном ответ на происходящие события.

– Заблуждение пятое. Единственный выход из кризиса – это прекращение Путиным своей «агрессии» и отзыв его агентов с юго-востока Украины.

Факт. Причины, лежащие в основе кризиса, – это внутренние украинские противоречия, но не действия Путина. Основной фактор, ведущий с мая месяца к эскалации кризиса, – это киевская «антитеррористическая» военная кампания, которую власти проводят против собственных граждан в городах Донбасса, на сегодня в основном в Луганске и Донецке. Нет сомнений, что Путин оказывает влияние на силы «самообороны» Донбасса и предоставляет им помощь. С учетом того давления, которое оказывается на него в Москве, он, скорее всего, будет делать это и дальше, возможно, усиливая свою поддержку. Но Путин не контролирует ополченцев. Если Киев прекратит свое наступление, Путин, наверное, сможет заставить повстанцев сесть за стол переговоров. Но заставить остановиться Киев может только администрация Обамы, а она этого не делает.

Короче говоря, двадцать лет американской политики привели к этой роковой конфронтации между Россией и США. Наверное, Путин тоже этому способствовал, но за 14 лет пребывания у власти он почти всегда ограничивался тем, что оборонялся и отвечал на удары. И это довольно часто ставят ему в вину московские ястребы.

В политике, как и в истории, всегда существуют альтернативы. Есть как минимум три выхода из украинского кризиса:

– Гражданская война расширяется и усиливается, в нее втягиваются российские, а возможно, и натовские вооруженные силы. Это самый худший исход, похожий на современную версию Карибского кризиса.

– Нынешнее фактическое разделение Украины закрепляется формально в виде двух украинских государств. Одно вступает в альянс с

Западом, второе – с Россией. Это будет некая форма сосуществования между холодной войной и холодным миром. Это не самый лучший выход, но и не худший.

– Оптимальный исход – это сохранение единства Украины. Для этого потребуется провести добросовестные переговоры между представителями всех украинских регионов, включая лидеров восставшего юго-востока. Переговоры можно организовать при посредничестве Вашингтона, Москвы и Евросоюза, что уже давно предлагает и Путин, и его министр иностранных дел Сергей Лавров.

Между тем человеческая трагедия в Украине продолжает усиливаться. По данным представителя ООН, к августу были убиты и получили ранения тысячи ни в чем не повинных мирных людей, и около миллиона человек стали беженцами. Это ненужная трагедия, так как разумные люди со всех сторон знают общие условия мирных переговоров.

– Украина должна стать федеративным или достаточно децентрализованным государством, чтобы ее очень разные регионы могли выбирать собственных руководителей, жить в соответствии с нормами и обычаями местной культуры, имели право голоса при решении вопросов налогообложения и бюджета, как это бывает в многочисленных федеративных государствах от Канады до Германии. Такого рода конституционные положения надо утвердить в ходе референдума или на конституционном собрании, во время или после которых должны состояться парламентские и президентские выборы. (Поспешные президентские выборы в мае были ошибкой, ведь по сути дела почти четверть страны не имела своих кандидатов, а, следовательно, была лишена права голоса.)

– Украина не должна сближаться ни с одним военным блоком, включая НАТО (как и все прочие бывшие советские республики, которые сегодня переманивает к себе Североатлантический альянс).

– Украиной надо управлять так, чтобы она могла развивать экономические отношения как с Россией, так и с Западом. Иначе она никогда не станет политически независимой и экономически процветающей.

– Если эти принципы будут приняты, их, а также территориальную целостность Украины должны гарантировать Россия и Запад. Сделать это можно в виде резолюции Совета Безопасности ООН. Но такие переговоры не могут начаться, пока Киев не прекратит свое военное наступление на востоке Украины. Россия, Германия и Франция неоднократно призывали к прекращению огня, но «антитеррористическая операция» может завершиться только там, где она началась – в Киеве и Вашингтоне.

Увы, в Вашингтоне нет лидеров, способных сделать это. Президент Обама исчез как государственный деятель в украинском кризисе. Госсекретарь Джон Керри в своих выступлениях больше похож на военно-

го министра, нежели на нашего главного дипломата. Сенат готовит новые законопроекты о войне. Ведущие средства массовой информации слепо полагаются на пропаганду Киева и аплодируют его политике. В отличие от разрушений в Газе, американское телевидение редко показывает то, как Киев уничтожает Луганск, Донецк и другие украинские города. А поэтому в обществе не возникает ни сомнений, ни вопросов.

Поэтому мы, патриотические настроенные еретики, остаемся в основном в одиночестве, часто подвергаясь клевете и оговорам. Я могу предложить одну очень оптимистическую перспективу, и предлагаю вспомнить, что позитивные изменения в истории часто возникали как ересь. Здесь можно процитировать слова Михаила Горбачева, который когда-то так сказал о своей борьбе за перемены внутри еще более косной и ортодоксальной советской номенклатуры: «Все новое в философии начинается как ересь, а в политике – как мнение меньшинства».

Молчание американских ястребов о зверствах Киева*

Вот уже несколько месяцев поддерживаемый США киевский режим совершает зверства против собственных граждан на юго-востоке Украины, где проживают в основном русскоязычные украинцы и этнические русские. Подвергая нападениям все большее число ни в чем не повинных людей, в том числе, детей, и подрывая репутацию Америки, организаторы этих нападений, которые фиксируются на видео, оказывают давление на Россию и на президента Владимира Путина, который слышит призывы «спасти наших соотечественников».

Реакция администрации Обамы, а также ястребов новой холодной войны в Конгрессе и в ведущих средствах массовой информации является двоякой: это молчание, периодически нарушаемое заявлениями в оправдание Киева, которые подстрекают его к новым зверствам. Мало кто из американцев (среди которых, что примечательно, независимый ученый Гордон Хан (Gordon M. Hahn)) выступает против этого скандального пособничества. Мы благородно не соглашаемся по поводу причин и методов разрешения украинского кризиса, который привел к самой серьезной конфронтации между США и Россией за многие десятилетия, но храним молчание о тех деяниях, которые выходят или уже вышли на уровень военных преступлений.

* * *

В середине апреля новое правительство в Киеве, являющееся преимущественно западноукраинским по составу и мировоззрению, объявило о начале «антитеррористической операции» против участников разраставшегося политического восстания на юго-востоке. В то время восставшие действовали в основном по образцу протестов на киевском Майдане в 2013 году – проводили манифестации, выступали с демонстративными заявлениями, захватывали государственные здания и возводили оборонительные баррикады. Но Майдан прибег к свирепому насилию и в феврале сверг коррумпированного, но законно избранного президента Виктора Януковича. (Следует вспомнить, что все эти события на Майдане пользовались активной политической, а возможно, и более осязаемой поддержкой Вашингтона.) На самом деле, прецедент

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2014, June 30. Печ. по: Иносми. 2014, 30 июня.

с захватом правительственных зданий и с требованиями о лояльности местных властей был создан раньше, в январе месяце на западной Украине. И создали его сторонники Майдана, протестовавшие против Януковича, а в некоторых местах провозглашавшие «независимость» от его власти.

С учетом этой предыстории, но прежде всего, глубокого исторического раскола страны, особенно между ее западными и восточными регионами (с их этническим, языковым, религиозным, культурным, экономическим и политическим разделением) восстание на юго-востоке с центром в промышленном Донбассе не является неожиданностью. Не могут вызывать удивления и протесты против антиконституционного прихода к власти нового правительства (по сути дела, в результате переворота), против внезапной потери юго-востоком страны эффективного политического представительства в столице и вполне реальных перспектив дискриминации со стороны властей. Но объявив «антитеррористическую операцию» против манифестантов с юго-востока, Киев просигнализировал о своем намерении «уничтожить» их, но не вести с ними переговоры.

2 мая в такой взрывоопасной атмосфере в южном городе Одессе произошли страшные события, пробудившие воспоминания о карательных отрядах немецких фашистов на Украине и в других советских республиках в годы Второй мировой войны. Организованная толпа сторонников Киева загнала протестующих в здание, подожгла его и попыталась заблокировать все выходы. Примерно сорок человек, а может и больше, погибли в огне или были убиты при попытке вырваться из горящего здания. Неизвестное до сих пор количество людей получило серьезные ранения.

Эту толпу возглавили члены печально известной крайне правой военизированной организации «Правый сектор», которая по своей идеологии близка к ультранационалистической партии «Свобода», вошедшей в коалиционное правительство в Киеве. Информированные обозреватели часто называют эти организации неофашистскими движениями. (Во время зверств в Одессе были слышны ненавистнические выкрики и скандирование толпы в адрес других национальностей, а внутри выгоревшего здания были обнаружены нарисованные свастики.) Киев заявил, что жертвы сами устроили пожар, однако очевидцы, телевизионные кадры и видеозаписи в социальных сетях рассказали правду о поджоге и о последовавших затем бесчинствах.

Вместо того, чтобы призвать к сдержанности после одесской бойни, Киев активизировал свою «антитеррористическую операцию». С мая месяца режим во все больших количествах отправляет в юго-восточные города бронетранспортеры, танки, артиллерийские орудия, ударные вертолеты и самолеты. Среди этих городов Славянск, Мариуполь, Крас-

ноармейск, Краматорск, Донецк и Луганск. Когда регулярные воинские части и местные милицейские подразделения продемонстрировали свою полную неэффективность, нежелание воевать и нелояльность по отношению к Киеву, тот в спешном порядке мобилизовал «Правый сектор» и прочих радикальных боевиков из числа националистов, несущих ответственность за насилие на Майдане, и создал из них национальную гвардию, которая сопровождает армейские подразделения – отчасти в качестве усиления, а отчасти, как кажется, для того, чтобы силой добиваться выполнения приказов Киева. Ретивые, слабо обученные, набранные в основном из центральных и западных регионов новобранцы Киева разжигают межэтническую войну и убивают ни в чем не повинных граждан. (Такие эпизоды, получившие название «массовое убийство», вскоре произошли в Мариуполе и Краматорске.)

Вначале «антитеррористическая» кампания была ограничена в основном (хотя и не только) действиями против блок-постов повстанцев на городских окраинах. Но с мая месяца Киев начал регулярные артиллерийские обстрелы и авиационные удары по городским центрам, мишенью для которых стали жилые дома, торговые центры, парки, школы, детские сады и больницы, в первую очередь, в Славянске и Луганске. Все большее количество городских районов, прилегающих к ним поселков и даже деревень сегодня похожи на зоны военных действий с характерными для таких зон разрушенными зданиями и домами с отметинами от пуль и осколков, изуродованными автомашинами, трупами и ранеными людьми на улицах, плачущими детьми и оплакивающими убитых родственниками. Из-за противоречивой информации, поступающей из Киева, от местных руководителей сопротивления и из Москвы, очень трудно установить число погибших и раненых среди гражданского населения – но счет определенно идет на сотни. И это количество продолжает расти, отчасти из-за того, что Киев устраивает блокаду городов, где кончаются медикаменты, продовольствие, вода, топливо, где отключено электричество, где никто уже не получает зарплаты и пенсии. В результате там начинается гуманитарная катастрофа.

Заметен и другой эффект. «Антитеррористическая» тактика Киева создает атмосферу страха и ужаса в атакуемых городах. Страшась разрывающихся на улицах снарядов и мин, пролетающих в небе вертолетов и самолетов, и в панике думая о том, что будет дальше, семьи прячутся в подвалах и других темных убежищах. Даже New York Times, которая, подобно всем прочим ведущим американским СМИ, в своих материалах избегает упоминания о зверствах, написала о выживших в Славянске, что они «живут как будто в средневековье». Между тем, все большее количество беженцев, в основном женщины и напуганные дети, бегут через границу в Россию. По оценкам ООН, в конце июня 110 000 жителей Украины бежали в Россию и наполовину меньше – в безопасные места на территории Украины.

Действительно, выступающие против Киева повстанцы в юго-восточных регионах хорошо вооружены (хотя у них, в отличие от правительственных войск, нет тяжелого вооружения и авиации), организованы и агрессивны. Нет сомнений, что они получают определенную помощь от России, которая поступает к ним с санкции властей или без таковой. Но называя себя «самообороной», эти ополченцы говорят правду. Не они начали боевые действия; это на их землю напали войска правительства, которое обладает ничуть не большей политической легитимностью, чем ополченцы; две области этого крупного региона провели референдум, на котором подавляющим большинством проголосовали за автономию; и в отличие от террористов, они не ведут военные действия за пределами своих мест проживания. Здесь уместна старая французская пословица, которую приводит один американский обозреватель: «Зверь очень опасен. Если на него напасть, он будет защищаться».

* * *

Среди важнейших вопросов, которые редко выносятся на обсуждение политико-медийным истэблишментом, роль неофашистского фактора в киевской «антитеррористической» идеологии и в военных операциях. Позиция Путина, которой он придерживался как минимум до недавнего времени – что все украинское правительство это «неофашистская хунта» – не соответствует действительности. Многие члены правящей коалиции и ее парламентского большинства это демократы или умеренные националисты европейского стиля. То же самое, наверное, можно сказать и о недавно избранном президенте Украины олигархе Петре Порошенко. Но в равной степени не соответствуют действительности и утверждения американских апологетов Киева, включая некоторых ученых и либеральных интеллектуалов, которые утверждают, что украинские неофашисты – или, пожалуй, квази-фашисты – это просто возбужденные националисты, «разновидность европопулистов», «фактор отвлечения внимания», и что они не пользуются народной поддержкой, а следовательно, не имеют никакого значения.

Независимые западные ученые документально доказали фашистское происхождение «Свободы» и ее попутчика «Правого сектора», их современной идеологии и декларативных символов. Оба движения прославляют кровожадных украинских коллаборационистов нацизма, действовавших в годы Второй мировой войны, и вдохновлявших их предшественников. Оба, если прислушаться к словам лидера «Свободы» Олега Тягнибока, призывают к созданию этнически чистой нации, очищенной от «московско-еврейской мафии» и «прочего отребья» к которому он причисляет гомосексуалистов, феминисток и левые политические силы. Оба движения приветствовали одесскую бойню. На вебсайте лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша появилась запись: «Это

очередной светлый день в истории нашей нации». Депутат парламента от «Свободы» добавил: «Браво, Одесса.. Пусть дьяволы горят в аду». Если нужны дополнительные доказательства, вот они. В декабре 2012 года Европарламент осудил «расистские, антисемитские и ксенофобские взгляды [партии «Свобода»], которые идут вразрез с основополагающими ценностями и принципами ЕС". В 2013 году Всемирный еврейский конгресс обвинил «Свободу» в неонацизме. Но хуже то, что обозреватели едины в своем мнении: «Правый сектор» является еще более экстремистским объединением.

Результаты выборов в этом плане не показательны. Вместе Тягнибок и Ярош получили менее двух процентов голосов на президентских выборах; однако историкам хорошо известно, что во времена смуты, когда, как писал Уильям Йейтс (William Yeats) «центр не может удержаться», небольшие, но решительно настроенные движения способны воспользоваться моментом, как это сделали ленинские большевики и гитлеровские нацисты. На самом деле, «Свобода» и «Правый сектор» пользуются гораздо большей властью и влиянием, нежели показывают результаты голосования. «Умеренные» в пользующемся американской поддержкой правительстве Киева своим приходом к власти в результате насильственного переворота и своей личной безопасностью обязаны этим движениям, и в награду за такие действия они отдали «Свободе» и «Правому сектору» примерно пять из восьми (это зависит от меняющейся политической принадлежности) главных министерских постов, в том числе, в таких сферах как национальная безопасность, армия, прокуратура и образование. Более того, как отмечается в исследовательской работе блестящего выпускника Мичиганского университета Пьетро Шакаряна (Pietro Shakarian), «Свобода» получила губернаторские должности в пяти областях, которые составляют 20 процентов украинской территории. И здесь еще не учитывается роль «Правого сектора» в «антитеррористической операции».

Здесь также не учитывается тот факт, что бесчеловечные идеалы фашизма переходят в разряд политического мейнстрима. В декабре 2012 года лидер фракции «Свободы» в парламенте назвал американскую актрису Милу Кунис (Mila Kunis) «грязной жидовкой». С 2013 года поддерживающие Киев бандитствующие элементы и боевики постоянно порочат русских, называя их «колорадами» (цвета колорадского жука напоминают цвета священной для России георгиевской ленты). А недавно поставленный американцами на пост премьера Арсений Яценюк назвал участников сопротивления юго-востока «недочеловеками». Его министр обороны предложил отправить этих людей в фильтрационные лагеря с целью последующей депортации, что вызвало опасения о грядущих этнических чистках. Бывший премьер-министр Юлия Тимошенко, номинально возглавляющая партию Яценюка и участво-

вавшая в майских президентских выборах в качестве одного из главных кандидатов, в одном из записанных разговоров пожалела о том, что не может «поубивать всех их [русских на Украине] атомным оружием». В стремлении к очищению Украины не менее апокалиптически звучат рассуждения власти о «стерилизации».

Столкнувшись с такими фактами, американские апологеты Киева сочинили еще одно логическое обоснование. Любой неофашист на Украине, заверяют они нас, гораздо безопаснее, чем «четко выраженные фашистские аспекты» путинизма. Данное утверждение даже не заслуживает серьезного анализа: каким бы самовластным правителем ни был Путин, в его правлении, политике, государственной идеологии и личных поступках нет ничего подлинно фашистского.

На самом деле, сравнение Путина с Гитлером, чем занимаются видные американцы, начиная с Хиллари Клинтон и Збигнева Бжезинского, и заканчивая Джорджем Уиллом (George F. Will), это очередной пример того, как наши новые рыцари холодной войны безрассудно и опрометчиво наносят ущерб национальной безопасности США в тех важных областях, где сотрудничество с режимом Путина исключительно ценно. Если заглянуть вперед, то можно сказать, что потенциальных президентов, выступающих с такого рода высказываниями, Путин вряд ли будет приветствовать с распростертыми объятиями – ведь во время войны Советского Союза с фашизмом умер его брат, а отец получил ранения. Более того, десятки миллионов россиян, чьи родственники погибли на той войне от рук настоящих фашистов, считают кощунством эту клевету на своего популярного президента, как и те бесчинства, которые творит Киев.

* * *

Тем не менее, администрация Обамы реагирует на происходящее молчанием, а то и хуже. Историки решат, чем занималось на Украине в предыдущие двадцать лет правительство США и финансируемые им организации по «продвижению демократии», но во многом роль Вашингтона в нынешнем кризисе уже сейчас ясна и понятна. Когда в ноябре-декабре прошлого года начались массовые протесты Майдана против президента Януковича, сенатор Джон Маккейн, высокопоставленный руководитель из Госдепартамента Виктория Нуланд, а также целая толпа американских политиков и официальных лиц приезжали в Киев, вставали на трибуне бок о бок с лидерами протестов, главным среди которых был Тягнибок, и заявляли: «Америка с вами!» Затем появилась запись разговора Нуланд с американским послом Джеффри Пайеттом (Geoffrey Pyatt), во время которого они сговаривались о свержении Януковича и о замене его на Яценюка. Вскоре тот действительно стал премьер-министром и остается на этом посту до сих пор.

Между тем, президент Обама лично предупреждал Януковича о недопустимости насилия. Об этом же неоднократно говорил и госсекретарь Джон Керри. Но когда начались жестокие уличные столкновения, в результате которых был свергнут Янукович (произошло это спустя буквально несколько часов после принятия при посредничестве Европы и при содействии Белого дома компромиссного решения, согласно которому Янукович должен был до новых выборов в декабре 2014 года оставаться на посту президента во главе правительства национального примирения), администрация приняла роковое решение. Она с энтузиазмом поддержала такой исход с насильственным свержением. Обама лично признал переворот законным, назвав его «конституционным процессом» и пригласив Яценюка в Белый дом. Соединенные Штаты как минимум негласно содействовали тому, что произошло потом. А произошло следующее. Путин после колебаний принял в марте решение о присоединении Крыма, а на юго-востоке Украины началось восстание, переросшее в идущую до сих пор гражданскую войну.

Неизвестно, насколько активно американские представители участвуют в киевской «антитеррористической операции», но администрация определенно не демонстрирует особой скрытности. До и после начала активной военной кампании Киев посещали директор ЦРУ Джон Бреннан (John Brennan) и вице-президент Джозеф Байден (дважды), а за ними последовала целая стая «высокопоставленных руководителей американского оборонного ведомства», потекло оружие, и пошла финансовая помощь несостоятельному правительству в Киеве. Несмотря на эту жизненно важную для Киева поддержку, Белый дом не стал настаивать на проведении расследования одесской бойни, зловещих убийств снайперами 18–20 февраля многочисленных протестующих на Майдане и милиционеров, что ускорило изгнание Януковича. (Вначале говорили, что снайперов направил Янукович, но появившиеся позднее улики указывают на экстремистов из рядов оппозиции, а возможно, и на «Правый сектор». В отличие от Вашингтона, Совет Европы требует от Киева расследовать оба события.)

Сегодня, когда на Украине творятся зверства и надвигается гуманитарная катастрофа, Обама и Керри как государственные деятели куда-то исчезли. Если не считать периодически звучащих банальностей о добродетельных намерениях Вашингтона и Киева, и утверждений об ответственности Путина за все это насилие, давать конкретные ответы они поручили чиновникам рангом пониже. Естественно, все они рассказывают одну и ту же манихейскую историю о борьбе добра со злом, начиная с Белого дома и кончая Госдепартаментом. Так, миссионерствующий неокон из Госдепа Нуланд, которая несколько дней провела на Майдане, заверила комитет Конгресса, что у нее нет свидетельств той роли, которую на Украине играют фашистские элементы. Посол Пай-

етт, который ранее высказал аналогичное мнение о расправе в Одессе, отнесся к этим события еще более пренебрежительно, заявив услужливым редакторам из New Republic, что весь этот вопрос «смехотворный».

Еще большее безобразие заключается в том, что ни один американский официальный представитель не выступил с содержательным заявлением и соболезнованиями по поводу гибели гражданского населения от рук киевского правительства, и даже по поводу событий в Одессе. Вместо этого администрация проявляет неизменное безразличие. Отвечая на вопрос о том, испытывает ли ее начальство «хоть какую-то обеспокоенность» по поводу людских потерь в ходе военной кампании Киева, пресс-секретарь Госдепартамента Джен Псаки (Jen Psaki) неизменно говорит «нет». На самом деле, выступая 2 мая в Совете Безопасности ООН, представитель США Саманта Пауэр, говоря конкретно о «контртеррористической инициативе», отказалась от своей глубоко чтимой доктрины под названием «Обязанность защищать» и выдала киевским лидерам американскую лицензию на убийство. Приветствуя их «выдающуюся, почти невообразимую сдержанность», о чем сам Обама заявил после одесских событий, она заявила: «Их ответ вполне приемлем, соразмерен, и если говорить откровенно, точно так поступила бы любая из наших стран». (После этого администрация заблокировала призыв Москвы о создании гуманитарного коридора ООН между юго-востоком Украины и Россией.)

Вопреки нескончаемым действиям администрации и СМИ по демонизации Путина и его «агентов» на Украине, «антитеррористическую операцию» можно завершить только там, где она началась – в Вашингтоне и Киеве. Если оставить в стороне вопрос о том, какой властью новый президент обладает в Киеве (и над воюющими боевиками из «Правого сектора»), «мирный план» Порошенко и объявленное 21 июня прекращение огня создавали благоприятные возможности, за исключением двух выдвинутых в них важных условий: ополченцы на юго-востоке должны были сначала «сложить оружие», и Порошенко один должен был решить, с кем вести переговоры о мире. Это сродни условиям капитуляции, и 1 июля Порошенко в одностороннем порядке прекратил перемирие и активизировал наступление Киева на восточные города.

А администрация Обамы продолжает усугублять ситуацию. Несмотря на возражения некоторых натовских союзников и даже глав американских корпораций, президент и его госсекретарь, который на протяжении всего кризиса действует в большей степени как военный министр, нежели как главным дипломат страны, постоянно угрожают России все более суровыми экономическими санкциями, предъявляя Путину одно условие за другим, хотя знают, что в большинстве своем они явно являются невыполнимыми. 26 июня Керри даже потребовал

(буквально), чтобы российский президент «в ближайшие часы..помог разоружить» членов сопротивления на юго-востоке, как будто у них нет никаких причин для участия в собственно украинском конфликте, и они просто боевики из частной армии Путина.

В действительности реальные цели администрации с начала кризиса непонятны, причем не только для Москвы. Стремятся ли США к переговорному компромиссу, в результате которого на Украине должна произойти существенная федерализация и децентрализация, и страна в результате будет поддерживать долгосрочные экономические связи с Россией, лишенная возможности вступить в НАТО? А может, цель в том, чтобы вся страна принадлежала исключительно Западу и стала членом НАТО? Или это вендетта против Путина и всего того, что он якобы сделал и не сделал за все эти годы? (Некоторые поступки Обамы и Керри, явно нацеленные на то, чтобы унизить и оскорбить Путина, показывают, что в этом есть доля правды.) Или цель в том, чтобы спровоцировать Россию на войну с США и НАТО на Украине?

Последний вариант кажется вполне возможным независимо от того, существуют такие намерения или нет. После того, как Россия аннексировала в марте Крым (или «воссоединилась» с ним), «выдающуюся сдержанность» демонстрирует не Киев и не Вашингтон, а Путин. Однако в силу происходящих событий делать это ему становится все труднее. Почти ежедневно российские государственные средства массовой информации, и особенно телевидение, представляют яркие репортажи с мест, показывающие, как Киев ведет наступление на восточные города Украины. В результате и элита, и общество в целом испытывают возмущение, негодование и даже ярость, недоумевая, почему Путин отказывается от военного вмешательства.

Мы можем не обращать внимания на приводимый ниже обвинительный вердикт влиятельного идеолога российских ультранационалистов, который тесно связан с командирами сил «самообороны» на Украине: «Путин предает не только Донецкую народную республику и Луганскую народную республику, но и себя, Россию и всех нас». Однако не следует недооценивать значение статьи, появившейся в ведущей прокремлевской газете «Известия», которая обвиняет российское руководство в «игнорировании криков о помощи» и спрашивает: «Неужели Россия оставила Донбасс в беде?» Если это так, предупреждает автор, то результатом станет «самый страшный кошмар для России», которая займет положение «побежденной страны».

Не менее важны и аналогичные предостережения лидера российских коммунистов Геннадия Зюганова, ведь его партия вторая по численности в стране и в парламенте. Она пользуется значительным влиянием среди военной элиты, в руководстве органов безопасности и даже в Кремле. Так, один из помощников Путина публично призвал его на-

править в районы боевых действий истребители, чтобы создать «бесполетную зону», и уничтожать киевские самолеты на подлете и наземные силы, как это было сделано во время операции ООН в Ливии, которой руководили американцы. Кремль этого не забыл и не простил. Если такое произойдет, силы США и НАТО, концентрирующиеся в настоящее время в Восточной Европе, также могут вмешаться, и в результате возникнет конфронтация наподобие карибского кризиса. Как напоминает нам один бывший российский министр иностранных дел, которым восхищается Запад, «ястребы есть с обеих сторон».

Но в Соединенных Штатах этого даже не замечают. В демократической политической системе ведущие средства массовой информации должны срывать завесу тайны и устранять неясность боевой обстановки. Но в ходе украинского кризиса ведущие американские газеты и телеканалы действуют почти так же предвзято и уклончиво, как Белый дом и Госдепартамент. Они затушевывают происходящие зверства, а то и вовсе о них умалчивают, и в целом полагаются на информацию из Вашингтона и из Киева. Поэтому большинство американцев, сами того не подозревая, опозорены действиями администрации Обамы. А те, кто знает, но молчит – в правительстве, в аналитических центрах, в университетах и в СМИ – сами становятся соучастниками преступления.

Почему мы должны вернуться к принципу паритета между США и Россией*

Он уже погрузил нас в новую (или возобновленную) холодную войну, потенциально даже более ожесточенную, чем предшествовавшее сорокалетнее противостояние между Америкой и СССР, поскольку эпицентр этой новой схватки находится у самой границы России, потому что у этой войны нет стабилизирующих законов, выработанных в течение предыдущей холодной войны, а еще потому, что в отличие от прежних времен, сегодня в американском политическом истеблишменте и медиа-сообществе не существует никакой оппозиции. Я также говорил о том, что мы можем вскоре оказаться даже ближе к реальной войне с Россией, чем во время карибского ракетного кризиса в 1962 году.

К сожалению, я вынужден сказать, что сегодня кризис зашел еще дальше. Новая холодная война обострилась и обрела формальные черты в процессе, который начался в феврале прошлого года как, в сущности, украинская гражданская война и позже превратился в гибридную войну между США/НАТО и Россией. Это сопровождалось потоком провокационной дезинформации из Вашингтона, Москвы, Киева и Брюсселя. США и Евросоюзом были введены экономические санкции, подтолкнувшие Россию к политической изоляции от Запада, как в конце 1940-х. Еще больший риск заключается в том, что обе стороны активно приступили к развертыванию обычных и ядерных вооружений, а также к испытанию друг друга на прочность в воздухе и на море.

Дипломатические связи между Вашингтоном и Москвой уступили место милитаризированному мировоззрению, в то время как сотрудничество, формировавшееся в течение многих десятилетий в сфере торговли, образования и контроля над вооружениями, практически прекращено.

И все же, несмотря на этот ужасный кризис и его растущую опасность, в Америке до сих пор не существует никакой оппозиции – ни в администрации, ни в Конгрессе, ни в ведущих средствах массовой информации, ни в университетах, ни в аналитических центрах, ни в обще-

---

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2015, April 14. Печ. по: Иносми. 2015, 14 апреля.

стве. Вместо этого – почти не подвергающаяся критике политическая, финансовая и военная поддержка все более авторитарному киевскому режиму, который едва ли представляет собой бастион «демократии и западных ценностей».

На самом деле, надежда предотвратить разрастание войны находится под угрозой из-за действий политических сил, прежде всего Вашингтона и поддерживаемого Америкой Киева, которые, судя по всему, стремятся к военному столкновению с российским президентом Владимиром Путиным, которого незаслуженно обливают грязью. В феврале канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Франсуа Олланд выступили посредниками в минском военно-политическом соглашении между Путиным и украинским президентом Петром Порошенко, которое, в случае его выполнения, могло бы способствовать окончанию гражданской войны на Украине.

Могущественные противники минских договоренностей, как в Вашингтоне, так и в Киеве, осуждают перемирие, считая его проявлением «политики умиротворения» в отношении Путина и требуя от президента Обамы направить вооружения стоимостью 3 миллиарда долларов киевским властям.

Этот шаг привел бы к эскалации войны на Украине, срыву перемирия и политических договоренностей, заключенных в Минске, и спровоцировал бы военный ответ России с самыми непредсказуемыми последствиями. В то время как единая позиция Европы относительно кризиса раскололась, что может привести к разрушению трансатлантического альянса, эта безрассудная позиция Вашингтона получила почти единогласную поддержку в конгрессе (необходимо отдать должное тем 48 конгрессменам, которые проголосовали против резолюции 23 марта, даже если их усилия оказались слишком слабыми и запоздалыми).

Что я еще могу сказать сегодня? Я мог бы попытаться доказать, что первопричиной этого рокового кризиса является политика, проводимая США с 1990-х годов, а вовсе не «российская агрессия». Однако, я уже делал это несколько месяцев назад и позже опубликовал несколько своих статей на эту тему. Сегодня я хочу кратко остановиться на холодной войне между США и СССР, а также взглянуть на ближайшую перспективу, чтобы задать вопрос, возможно несколько «донкихотский»: Даже если переговоры по украинскому конфликту будут успешными, как мы можем обеспечить их соблюдение и что можно сделать, чтобы избежать новой, длительной и еще более ожесточенной холодной войны с постсоветской Россией?

Ответ – новая «разрядка напряженности» между Вашингтоном и Москвой. Для этого мы должны заново усвоить главный урок истории сорокалетней американо-советской холодной войны. Эта история почти забыта, извращена или вовсе неизвестна многим молодым аме-

риканцам. «Разрядка» как идея и политический курс, означает расширение элементов сотрудничества в американо-советских отношениях при одновременном сокращении точек столкновения, в особенности, хотя и не исключительно, в сфере гонки ядерных вооружений. В этом отношении «разрядка» имеет долгую, сложную, нередко печальную, но в конечном итоге победную историю.

Если не касаться первой «разрядки» 1933 года, когда США официально признали советскую Россию, после пятнадцати лет дипломатического непризнания (первая холодная война), настоящая «разрядка» началась в середине 1950-х во время правления президента Дуайта Эйзенхауэра и советского лидера Никиты Хрущёва.

Вскоре она была сорвана силами холодной войны и событиями в обеих странах. Это волнообразное состояние продлилось тридцать лет: при президенте Джоне Кеннеди и Хрущёве, после Карибского ракетного кризиса, при президенте Линдоне Джонсоне и советском генсеке Леониде Брежневе, во время войны с Вьетнамом, при президенте Ричарде Никсоне и Брежневе в 1970-х (самый долгий период разрядки) и недолго при президентах Джералде Форде и Джимми Картере, также с Брежневым. Каждый раз «разрядка» неизбежно срывалась, сознательно и несознательно.

Наконец, в 1985 году один из самых последовательных сторонников холодной войны среди американских президентов, Рональд Рейган, начал вместе с советским лидером Михаилом Горбачевым новую «разрядку», настолько глубокую, что оба они, также как и последователь Рейгана, президент Джордж Буш-старший, поверили, что холодная война пришла к концу. Как могла политика разрядки, несмотря на три десятилетия повторявшихся поражений и политической диффамации, оставаться жизнеспособной и в конечном итоге успешной (как тогда казалось большинству обозревателей) американской политикой?

Прежде всего, дело в том, что Вашингтон постепенно признал советскую Россию в качестве великой державы, обладающей легитимными национальными интересами в международной сфере. Это признание получило концептуальное обоснование и особое название: «паритет».

Это правда, что паритет начался с крайне неохотного признания того факта, что ядерный потенциал США и СССР достиг состояния «гарантированного взаимного уничтожения» и в силу различия между двумя системами, принцип паритета не означает морального равенства. Правда и то, что мощные политические силы в Америке никогда не принимали этого принципа и последовательно с ним боролись. Несмотря на это, принцип паритета все же существовал, как секс в викторианской Англии, лишь косвенно признаваемый в обществе, однако постоянно практикуемый, что отразилось в общепринятом словосочетании «две мировые сверхдержавы», без прилагательного «ядерные».

Самое главное, что каждый из президентов США, от Эйзенхауэра до Рейгана, возвращался в свое время к этому принципу. Так, Джек Мэтлок-младший, высокопоставленный дипломат и историк «разрядки» времен Рейгана-Горбачева-Буша, рассказывает, что для Рейгана «разрядка основывалась на нескольких логических принципах», первым из которых был следующий: «страны должны строить равноправные отношения».

Особую важность имели три элемента американо-советского паритета.

Во-первых, обе стороны признали сферы влияния, «красные линии», которые недопустимо пересекать. Этот принцип прошел испытание во время кризиса на Кубе в 1962 году, однако в конце концов победил. Во-вторых, ни одна из сторон не должна чрезмерно вмешиваться, помимо взаимной военной пропаганды, во внутреннюю политику другой. Принцип невмешательства также подвергся проверке, в особенности в связи с проблемой еврейской эмиграции из СССР и преследованием политических диссидентов, однако, в целом он все же соблюдался. И в-третьих, Вашингтон и Москва несли общую ответственность за мир и всеобщую безопасность в Европе, даже несмотря на экономическое и военное соперничество. Разумеется, и это положение не раз проверялось на прочность во время серьезных кризисов, однако стороны никогда не отказывались от принципа паритета.

Эти правила паритета предотвратили настоящую войну между США и СССР во время холодной войны. Они стали фундаментом дипломатических успехов во время «разрядки», от символических встреч на высшем уровне, соглашений о контроле над вооружениями, хельсинкского Договора о европейской безопасности 1975 года, до многочисленных форм сотрудничества, которое сейчас отвергается. Кроме того, в 1985–1989 годах они сделали возможным объявление обеими сторонами об окончании холодной войны.

Сегодня мы снова в состоянии холодной войны с Россией, особенно в связи с конфронтацией на Украине, вызванной по большей части нарушением со стороны Вашингтона принципа паритета.

Конечно, сейчас мы знаем, где, почему и как это произошло. Три лидера, которые обсуждали окончание американо-советской холодной войны неоднократно говорили в 1988–1990, что «в холодной войне нет побежденной стороны». Обе стороны, как они уверяли друг друга, оказались победителями. Однако, когда Советский Союз прекратил свое существование два года спустя в декабре 1991, Вашингтон объединил эти два исторических события, что привело к изменению точки зрения президента Буша-старшего. В своем обращении к Конгрессу в 1992 году он заявил: «С божьей помощью, Америка победила в холодной войне». Он добавил, что «единственной сверхдержавой в мире стали Со-

единенные Штаты Америки». Это двойное отрицание принципа паритета и претензии Америки на первенство в международных отношениях стало, и остается сегодня, практически священной аксиомой американской политики, которая воплотилась в формулировке госсекретаря Мадлен Олбрайт: «Америка – единственная незаменимая держава мира», которую президент Обама по-своему повторил в 2014 году в обращении к курсантам Вест-Пойнта: «Соединенные Штаты есть и остаются единственной незаменимой нацией».

Этот официальный американский триумфализм – то, в чем мы убеждали самих себя и чему учили наших детей в течение почти двадцати пяти лет. Он крайне редко подвергается критике со стороны ведущих американских политиков и комментаторов. Этот ортодоксальный подход привел к многим катастрофам во внешней политике США, не только в отношениях с Россией.

Более двух десятилетий Вашингтон воспринимал постсоветскую Россию как побежденную и, следовательно, более слабую страну, подобно Германии и Японии после второй мировой войны, и не обладающую легитимными правами и интересами, сравнимыми с американскими, как внутри страны, так и за рубежом. Анти-паритетное мышление сформировало все важные политические шаги Вашингтона в отношении России, начиная с катастрофического «крестового похода» по созданию нового образа России в Америке в 1990-х годах, продолжающейся экспансии НАТО к российским границам, невзаимных переговоров, известных как «избирательное сотрудничество», двойных стандартов во внешней политике и нарушений собственных обещаний, до настойчивых указаний по «продвижению демократии» во внутренней политике самой России.

Два особенно опасных примера прямо относятся к украинскому кризису. В последние годы лидеры США не раз заявляли о том, что России не полагается никаких «сфер влияния», даже на собственных границах, в то же время расширяя собственную сферу влияния с помощью НАТО, к самым границам России. Эта самая большая в истории мирного времени сфера влияния занимает приблизительно миллион квадратных километров. Попутно американские официальные СМИ и политические деятели стали обливать грязью лично Владимира Путина так, как никогда не поступали ни с одним из советских лидеров, по крайней мере после Сталина, создавая впечатление новой политической тенденции, противоположной принципу паритета – делегитимизации и свержения российского правительства.

Москва много раз выражала протест против американской политики мировой гегемонии, особенно решительно после того, как эта политика привела к гибридной войне в одной из бывших советских республик Грузии в 2008 году, однако Вашингтон оставался глух.

По всей вероятности, следует считать неизбежным, что этот антипаритетный подход привел и к сегодняшнему украинскому кризису, причем Москва отреагировала так, как и должна была реагировать при любом другом национальном лидере, о чем хорошо было известно каждому осведомленному наблюдателю.

Если идея «разрядки напряженности» не будет полностью реабилитирована, включая ее важнейший принцип паритета, новая холодная война приведет к угрозе настоящей войны Запада против ядерной России. Мы должны добиваться новой «разрядки». Возможно, время не на нашей стороне, но разум – безусловно. Тем, кто скажет, что это «политика умиротворения» или «апологетика Путина», мы ответим, нет, это американский патриотизм, не только из-за риска большой войны, поскольку истинная национальная безопасность США во многих жизненно важных сферах и многих регионах (от распространения ядерного оружия и международного терроризма до проблем ближневосточного урегулирования и ситуации в Афганистане) нуждается в Кремле как в партнере.

Тем, кто настаивает, что американский президент ни в коем случае не должен вступать в партнерство с «демонизированным» Путиным, мы объясним, что его образ чудовища почти не основан на фактах и логике.

Мы также подчеркнем, что расширение НАТО на восток с 1990-х годов целенаправленно исключило Россию из постсоветской «системы европейской безопасности», которую Путин сейчас обвиняет в предательстве, поскольку эта экспансия нарушает прежние обещания Запада, данные Кремлю, относительно «общего европейского дома».

Триумфалистам, настаивающим на том, что Россия не заслуживает никаких сфер влияния, мы ответим, что это стремление России – не империализм образца девятнадцатого века, а оправданная зона безопасности на ее границах, свободная от военного присутствия США и НАТО, например, на Украине и в Грузии. А еще мы зададим вопрос: если США имеют право на такие зоны безопасности не только в Канаде и Мексике, но по всему западному полушарию, согласно вашингтонской доктрине Монро, почему Россия не должна иметь подобных интересов в отношении своих соседей? Тем же, кто ответит, что любая страна формально имеет право вступить в НАТО, мы скажем, что НАТО – не организация в сфере безопасности, это не благотворительная ассоциация, не Американское общество пенсионеров, и ее беспорядочное расширение не привело к повышению степени безопасности ни одной из стран, а лишь разрушило дипломатические институты, что и продемонстрировал украинский кризис.

Тем, кто скажет, что Россия не имеет равных с Западом прав, поскольку проиграла сорокалетнюю холодную войну, мы должны объяснить, как это произошло на самом деле.

А сторонникам мнения, что Америка должна продолжать «продвижение демократии» даже путем смены режима в современной России, мы ответим, как я это уже делал на слушаниях в Конгрессе в 1977 году: «Мы не обладаем монополией на применение силы, чтобы непосредственно влиять на перемены в Советском Союзе. Любое иностранное правительство, которое вмешивается во внутренние дела СССР… принесет своей стране и другим больше вреда, чем пользы. Соединенные Штаты должны оказывать влияние на либерализацию Советского Союза путем развития долгосрочной внешней политики и формирования такой международной обстановки, которая усилит реформистские тенденции и лишит почвы реакционные настроения в Советском Союзе… Короче, “разрядка”».

Все это подтверждается событиями, произошедшими менее десяти лет назад, и позже забытыми. Это не в меньшей степени относится к России и американо-российским отношениям сегодня, начиная с применения принципа паритета к Украине. Это означает, что две страны договариваются о независимом статусе Украины при условии ее внеблокового статуса, с определенной степенью возможностей для тех регионов, которые сохраняют свою историческую связь с Россией и тех, кто стремится к более тесным отношениям с Западом. Осуществление тяжело достигнутых минских договоренностей было бы важным шагом в этом направлении, и их противники это хорошо понимают.

Перестанет ли Россия быть частью Запада?*

Безусловно, Россия географически не может перестать быть частью Запада. Ее просторы охватывают огромные дальневосточные территории и народы и протяженную границу с Китаем, но помимо этого, они включают и крупные европейские города – такие, как Санкт-Петербург. Лишь по этой причине Россия была в разные времена в той или иной степени и европейской, и неевропейской страной. Как говорится, география – это судьба, но Коэн обращает особое внимание на следующие исторические моменты:

– Глубокие разногласия, существовавшие в рядах российской политической и интеллектуальной элиты между славянофилами, которые видели истинную судьбу России только отдельно от Запада, и западниками, которые видели ее с Западом, изначально вызывавшие жаркие споры в XIX веке, так и не исчезли. Можно утверждать, что в ходе последующих исторических событий в стране они лишь стали еще более острыми.

– Наглядно это проявилось в 1920-е годы в коммунистической партии Советского Союза, когда соперничающие фракции спорили и враждовали по причине разного понимания природы и будущего революции 1917 года.

– Долгая сталинская эпоха, продолжавшаяся с 1929 по 1953 годы, предполагала наличие таких признаков западной модернизации страны, как грамотность, индустриализация и урбанизация, а также элементов того, что некоторые наблюдатели называли «восточной деспотией». Эти противоречивые явления, свойственные Западу и Востоку, легли в основу борьбы, главным образом внутри коммунистической партии. Но не только – в последующие десятилетия они составили основу борьбы между антисталинистами-реформаторами и сталинистами-неоконсерваторами.

– Даже во время длившейся 40 лет холодной войны, когда существовал «железный занавес», СССР при всей его изоляции по-прежнему был связан с Западом. Например, официальная коммунистическая идеология, пусть даже формальная, по сути своей была западной и интернационалистической. Более того, в европейских странах, попавших

---

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2017, September 13. Печ. по: Иносми. 2017, 14 сентября.

в ловушку социалистического лагеря (ГДР, Чехословакии, Польше и других странах) сохранились их западные политические течения, которые из их собственных коммунистических партий проникали в умы представителей советского политического истеблишмента. Неудивительно, что многие из ближайших советников Михаила Горбачева, которые повлияли на его программу реформирования советской системы по западному образцу, называемой «перестройкой», сами находились под значительным влиянием идеологических тенденций, существовавших в европейских странах социалистического лагеря, и происходивших там событий.

Более того, когда в 1991 году произошел распад СССР (в значительной степени благодаря горбачевским демократическим реформам), многие в Вашингтоне, в Европе и в прозападных группировках в Москве считали, что Россия теперь или вскоре после короткого переходного периода станет неотъемлемой частью Запада, возглавляемого Соединенными Штатами. Однако сегодня, немногим более 25 лет спустя, в Вашингтоне и в некоторых странах Европы Россию гневно осуждают, называя ее «угрозой № 1 для Запада», врагом, который стремится подорвать, а то и вовсе уничтожить западную демократию – от Америки до Европы. И хотя Коэн утверждает, что это широко распространенное и практически общепринятое мнение не имеет под собой никакой фактологической основы, мы должны задаться вопросом – что пошло не так?

– Ошибочное мнение Запада заключается в том, что все русские антикоммунисты-реформаторы были прозападными. На самом же деле, если брать в расчет провинциальные политические и интеллектуальные элиты, то большинство из них были и остаются современными славянофилами. Теперь они проявляют себя в различных направлениях «евразийства» и национализма. С 1991 года их влияние (с учетом возрастающей роли Русской православной церкви, в «идеологии» которой отсутствуют западные элементы «коммунизма»), весьма заметно выросло.

– Более важными для России были два потрясения, которые она испытала вслед за распадом Советского Союза и предшествовавшей ему холодной войной. Сначала произошла социальная, экономическая и демографическая катастрофа 1990-х годов, связанная с появлением демократии и капитализма, которые распространял Запад. Вторым шоком стало начало новой холодной войны, в ходе которой Вашингтон и Брюссель обвиняют Россию во всех грехах – от украинского кризиса 2014 года до избрания Дональда Трампа президентом США. Многие россияне – пожалуй, большинство россиян из числа политиков и представителей интеллигенции – не верят ни одному из этих голословных обвинений. На самом деле они делают вывод, что Запад лишь стремит-

ся исключить, изолировать и ослабить Россию независимо от ее истинных намерений.

– Кроме того, образованные россияне, имеющие гораздо более широкий доступ к информации, чем принято считать на Западе, видят конкретные политические меры и действия, предпринимаемые Западом (и в особенности Соединенными Штатами), которые в их понимании направлены на то, чтобы изолировать Россию.

Неудивительно и то, что Россия оказывает противодействие Западу и даже отвергает его. Одним из умеренных проявлений этого противодействия является значительный рост популярности идеологических движений наподобие славянофильства. Более существенным и значительным примером является растущая экономическая независимость Москвы от Запада и ее переориентация на незападных партнеров – от Китая и Ирана до стран БРИКС в более широком смысле. Есть и другие примеры, среди которых, разумеется, и перемены в военной сфере.

Между тем, самыми быстрорастущими сегментами населения России являются миллионы граждан-мусульман и выходцев из Центральной Азии. Рано или поздно демография будет влиять на политику – если уже не влияет.

Возможно, но не обязательно, что все эти перемены и развитие событий с ориентацией на Восток, со временем приведут к политическому отторжению России от Запада. Если это так, то ситуация прояснится после того, как Путин покинет пост президента России. Одним из признаков этого является то, что ни один из его потенциальных преемников, находящихся сегодня «в поле зрения», не является (в российском контексте) таким же «прозападным», каким был Путин в 2000 году, когда он пришел к власти.

И наконец, что будет означать, если со временем Россия в политическом плане «уйдет» от Запада (или ее оттуда вытеснят)? Скорее всего, Россия – с ее обширными территориями, колоссальными природными ресурсами, наукой мирового уровня, огромной армией и ядерным потенциалом, а также правом вето в Совете Безопасности ООН – объединится в прочный альянс со всеми другими стремительно развивающимися странами, которые не являются частью американо-натовского Запада и даже выступают против него. И, конечно же, это приведет к тому, что Россия будет все больше отдаляться от способствующих либерализации влияний Запада – назад к своим более авторитарным традициям.

Такой вероятный сценарий, хотя и по-прежнему гипотетический, является еще одним следствием новой холодной войны, которая началась и продолжается стараниями не Москвы, а Вашингтона и Брюсселя.

Почему так необходима встреча Путина и Трампа?*

Согласно недавним сообщениям, в настоящее время в Вашингтоне и Москве всерьез обсуждается возможность проведения официальной встречи президента США Дональда Трампа и президента России Владимира Путина. Подобные ритуализированные, но зачастую весьма содержательные саммиты часто использовались в период холодной войны между США и СССР, чтобы среди прочего урегулировать конфликты и повысить уровень сотрудничества между этими двумя сверхдержавами. Самое большое значение такие саммиты имели в моменты наивысшей напряженности. Некоторые из них были чрезвычайно успешными, некоторые – менее успешными, а какие-то с самого начала были обречены на неудачу. Учитывая сегодняшние чрезвычайно токсичные политические обстоятельства – даже если отвлечься от сильнейшего сопротивления внутри Вашингтона (в том числе внутри администрации Трампа) любому сотрудничеству с Кремлем – нам, возможно, стоит спросить себя, может ли саммит Трампа и Путина привести к каким-то положительным результатам. Тем не менее, очень важно и даже крайне необходимо, чтобы Вашингтон и Москва все же предприняли такую попытку.

Причины вполне очевидны. Пришло время внести некоторые коррективы в список причин, обуславливающих ее опасность, которых уже как минимум 10.

1. Политический эпицентр новой холодной войны находится не в далеком Берлине, как это было в период первой холодной войны начиная с конца 1940-х годов, а непосредственно у российских границ – от стран Балтии и Украины до бывшей советской республики Грузии. На каждом из этих фронтов новой холодной войны существует или недавно возникала вероятность начала горячего конфликта. Сегодня российско-американские военные отношения являются особенно напряженными в Прибалтике, где НАТО в настоящий момент наращивает свой военный потенциал, и на Украине, где интенсивность российско-американской опосредованной войны продолжает нарастать. «Советского блока», который прежде служил буфером между Россией и НАТО, больше не существует. И множество возможных столкновений на этом

* Впервые опубликована в: The Nation. 2018, June 6. Печ. по: Иносми. 2018, 6 июня.

новом Восточном фронте Запада – как запланированных, так и случайных – могут с легкостью спровоцировать начало настоящей войны между США и Россией. Причиной формирования такой беспрецедентной ситуации у российских границ – как минимум с момента вторжения нацистской Германии в 1941 году – стало, разумеется, совершенно неразумное решение расширить границы НАТО на восток, принятое в конце 1990-х годов. Это решение, принятое во имя «безопасности», сделало положение вовлеченных государств менее безопасным.

2. Опосредованные войны были характерной чертой первой холодной войны, однако чаще всего это были небольшие войны, разгоравшиеся в странах так называемого третьего мира – к примеру, в Африке – и в них крайне редко были задействованы советские или американские военные – обычно СССР и США помогали только деньгами и оружием. Современные опосредованные войны стали другими: они возникают в центрах геополитики, и в них задействовано множество американских и российских кураторов, военных советников и даже, возможно, бойцов. Мы уже наблюдали две такие войны: первая произошла в Грузии в 2008 году, где российские войска выступили против грузинской армии, которую финансировали, готовили и направляли американские военные и фонды; второй стала война в Сирии, где в феврале антиасадовские силы, пользующиеся поддержкой США, убили множество российских бойцов. Москва никак не отреагировала на этот инцидент, однако она пообещала сделать это, если будет «следующий раз», а такое вполне может произойти. Если такое случится, это обернется войной непосредственно между Россией и Америкой. Между тем риск начала такого непосредственного конфликта продолжает расти на Украине, где поддерживаемое США, но политически слабое правительство Петра Порошенко, по всей видимости, хочет начать очередное наступление на контролируемый ополченцами Донбасс, пользующийся поддержкой Москвы. Если оно начнет наступление, и эта его кампания не сойдет быстро на нет, как прежде уже бывало, Россия, несомненно, вмешается, и ее вмешательство примет форму вполне недвусмысленного «вторжения» на восток Украины. В этом случае Вашингтону придется принимать судьбоносное решение – делать выбор между войной и миром. Уже нарушив свои обязательства, прописанные в Минском соглашении, которое пока остается наилучшим инструментом для урегулирования украинского кризиса мирным способом, Киев, по всей видимости, руководствуется непреодолимым импульсом стать тем самым хвостом, который виляет псом войны. Однако его возможности для организации провокаций или дезинформационной кампании остаются ничтожными, в чем мы убедились на прошлой неделе в связи с историей об «убийстве и воскрешении» журналиста Аркадия Бабченко.

3. Многолетняя демонизация лидера Кремля Путина на Западе и особенно в США тоже является беспрецедентной. Напомним, что ни

один советский лидер, по крайней мере со времен Сталина, не подвергался такой длительной, необоснованной, абсолютно унизительной личной диффамации. В то время как к советским лидерам как правило относились как к приемлемым партнерам для переговоров с американскими президентами, Путина превратили в нелегитимного национального лидера, которого в лучшем случае называют «убийцей из рядов КГБ», а в худшем – кровожадным «главой мафии».

4. Более того, демонизация Путина спровоцировала русофобскую диффамацию самой России – «России Владимира Путина», как часто пишут «Нью Йорк Таймс» (New York Times) и другие ведущие издания. В недавнем прошлом врагом был советский коммунизм. А сегодня врагом стала Россия, которой в связи с этим отказывают в праве называться великой державой, имеющей легитимные национальные интересы. «Принцип паритета», как Коэн его назвал в период первой холодной войны, – признание того, что обе стороны имеют свои легитимные интересы внутри и за пределами своих границ, которое служило основанием для дипломатии и переговоров и находило воплощение в саммитах глав государств, – больше не работает, по крайней мере со стороны США. Кроме того, исчезло и осознание того, что в холодной войне виноваты обе стороны, по крайней мере в определенной степени. С точки зрения влиятельных американских обозревателей, которые признают реальность новой холодной войны, во всем виновата исключительно «путинская Россия». Если нет признанного паритета и общей ответственности, для дипломатии тоже не будет места – остается только дальнейшая милитаризация отношений, в чем мы сегодня убеждаемся.

5. Между тем большая часть инструментов обеспечения безопасности эпохи первой холодной войны – механизмов сотрудничества и выполняемых обеими сторонами правил поведения, которые складывались на протяжении нескольких десятилетий, чтобы предотвратить горячую войну между двумя сверхдержавами – просто испарилась или серьезно ослабела после начала украинского кризиса в 2014 году, о чем заявил – один из немногих – генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш (António Guterres): «Холодная война вернулась – в полном смысле слова, но теперь она иная. Механизмы и инструменты обеспечения безопасности, призванные снижать риск эскалации, которые существовали в прошлом, больше, по всей видимости, не работают». Во время недавнего ракетного удара Трампа по Сирии американцы сделали все возможное, чтобы находящиеся там россияне не погибли, однако Москва все равно пообещала нанести удар по американским ракетным установкам и другим вовлеченным силам, если будет «следующий раз», вероятность которого довольно высока. Даже многолетний процесс контроля над вооружениями может, как нас убеждают эксперты, подойти к «концу». Если это случится, мы получим ничем не контролируемую новую гонку вооружений, а также свертывание про-

должающегося дипломатического процесса, который позволял поддерживать советско-американские отношения в периоды кризисов. Коротко говоря, если и есть какие-то правила новой холодной войны, то их еще нужно окончательно сформулировать и принять. В условиях этой полуанархии мало кто помнит о новых технологиях ведения войны в киберпространстве. Какими, к примеру, могут быть последствия для безопасного функционирования ключевых российских и американских систем раннего оповещения и систем управления ядерными силами, которые оберегают нас от случайного запуска ракет, все еще приведенных в состояние повышенной боевой готовности?

6. Обвинения в рамках Рашагейта в том, что Кремль скомпрометировал – или даже сделал своим агентом – президента США, тоже беспрецедентны. Эти обвинения повлекли за собой чрезвычайно опасные последствия, среди которых оказались не имеющая под собой никаких оснований мантра «Россия атаковала Америку» в период президентских выборов 2016 года; агрессивные нападки на президента Трампа каждый раз, когда он беседует с Путиным лично или по телефону; и превращение Путина и Трампа в настолько токсичные фигуры, что большинство политиков, журналистов и профессоров, осознающих опасности нынешней ситуации, не хотят говорить о вкладе США в новую холодную войну.

7. Ведущие СМИ тоже, разумеется, сыграли печальную роль во всем этом. В отличие от первой холодной войны, когда сторонники политики разрядки имели примерно такой же доступ к ведущим СМИ, как и ее противники, сегодня ведущие СМИ агрессивно навязывают идею о том, что во всем виновата только Россия. Сегодня они руководствуются не принципом разнообразия мнений, а принципом «предвзятости восприятия». Альтернативные голоса (предлагающие альтернативные факты) редко звучат в наиболее влиятельных ведущих газетах или на телеканалах. Одним из тревожных результатов стало то, что «дезинформация», которую генерирует Вашингтон или которая нравится Вашингтону и его союзникам, приведет к негативным последствиям прежде, чем ее можно будет скорректировать. Фальшивое убийство Бабченко (которое, разумеется, заказал сам Путин) было быстро разоблачено, однако ситуация оказалась совершено иной в случае с предполагаемым покушением на Скрипаля в Англии, которое обернулось самой масштабной высылкой российских дипломатов из США в истории, прежде чем официальная версия Лондона начала рассыпаться на части. Это тоже не имеет никаких прецедентов: мы наблюдаем холодную войну, лишенную возможностей для дебатов, которые необходимы для постоянного пересмотра и корректировки американской политики и которые были характерны для первой холодной войны – по сути, мы имеем дело с навязываемой догматизацией политики США, которая становится все более опасной и недемократичной.

8. В отличие от первой холодной войны, сегодня внутри американского мейнстрима не существует практически никакой значимой оппозиции роли США в новой холодной войне – ни в СМИ, ни в Конгрессе, ни внутри двух ведущих политических парий, ни в университетах, ни на уровне населения. Это тоже крайне опасно, беспрецедентно, и это противоречит демократическим принципам. Вы только подумайте о том оглушительном молчании, которое хранят множество американских корпораций, в течение многих лет успешно работавших с постсоветской Россией – от сетей ресторанов быстрого питания и производителей автомобилей до фармацевтических компаний и энергетических гигантов. А теперь вспомните, как вели себя главы «Пепсико» (PepsiCo), «Контрол дейта» (Control Data), «Ай-би-эм» (IBM) и других крупных американских корпораций, стремившихся попасть на советский рынок в 1970-х и 1980-х годах, когда они публично поддерживали и даже финансировали организации и политиков, выступавших за разрядку в советско-американских отношениях. Как можно объяснить молчание их нынешних коллег, которые обычно руководствуются стремлением к прибыли? Неужели они боятся, что их назовут «сторонниками Путина» или «сторонниками Трампа»? Если это так, то в условиях новой холодной войны будет крайне мало по-настоящему смелых влиятельных людей, готовых бросить вызов преобладающей точке зрения.

9. Кроме того, сегодня существует широко распространенный миф о том, что современная Россия, в отличие от СССР, слишком слаба – ее экономика хрупкая и маленькая, а ее лидер «находится в изоляции на международной арене» – чтобы вести холодную войну на протяжении длительного периода времени, и что в конечном итоге Путин, который «пытается прыгнуть выше головы», капитулирует. Это чрезвычайно опасное заблуждение. Как Коэн ранее говорил, «путинская Россия» вовсе не изолирована на международной арене, и уровень ее изоляции устойчиво снижается даже в Европе, где как минимум пять стран уклоняются от влияния Вашингтона и Брюсселя и, возможно, скоро откажутся от экономических санкций против России. Кроме того, несмотря на санкции, энергетическая и сельскохозяйственная отрасли России процветают. В геополитическом отношении у Москвы есть немало военных и связанных с ними преимуществ в тех регионах, где разворачивается новая холодная война. Мы не можем говорить о том, что Россия, имеющая в своем распоряжении столько современного ядерного и неядерного оружия, «пытается прыгнуть выше головы». Более того, подавляющее большинство россиян сплотились вокруг Путина, потому что они искренне верят в то, что Запад во главе с США действительно ведет наступление на их родину. Любой человек, обладающий элементарными знаниями в области истории России, поймет, что Россия не станет сдаваться ни при каких обстоятельствах.

10. Наконец (по крайней мере, пока), мы наблюдаем нарастающую военную «истерию», которую часто комментируют в Москве и в Вашингтоне. В ее основе лежит множество факторов, однако телевизионные ток-шоу и выпуски «новостей», широко распространенные как в США, так и в России, играют важную роль. Вероятно, только тщательное количественное исследование может продемонстрировать нам, кто сыграл более печальную роль в раздувании этой истерии – каналы «Эм-эс-эн-би-си» (MSNBC) и «Си-эн-эн» (CNN) или их российские аналоги. Стоит отметить, что в определенных масштабах этот американский телевизионный экстремизм существовал и в эпоху первой холодной войны, однако он практически всегда был сбалансирован по-настоящему информированными, разумными точками зрения, которые теперь мы встречаем крайне редко.

Не является ли такой анализ рисков, присущих новой холодной войне, экстремистским или алармистским? Даже некоторые обычно сдержанные специалисты, по всей видимости, согласны с точкой зрения Коэна. Эксперты из одного центристского аналитического центра в Вашингтоне считают, что по шкале от 1 до 10 вероятность начала настоящей войны с Россией колеблется от 5 до 7. По некоторым сообщениям, бывший глава британской разведки MI6 сказал, что «впервые на нашей памяти возник реальный риск конфликта между сверхдержавами». А уважаемый российский генерал в отставке сказал, что любая военная конфронтация «обернется применением ядерного оружия со стороны США и России».

В сложившейся опасной ситуации один саммит Трампа и Путина не сможет устранить все риски новой холодной войны. Однако советско-американские саммиты традиционно выполняли три дополнительные функции. Они создавали своего рода сотрудничество в области безопасности – не сговор – и в нем был задействован тот ограниченный политический капитал лидеров внутри их стран, который они должны были признавать и не ставить под угрозу. Они отправляли четкий сигнал аппаратам национальной безопасности друг друга – которые зачастую не слишком хорошо относились к идее сотрудничества и разрядки – о том, что их «босс» настроен решительно, и им пора прекратить тянуть резину или даже устраивать диверсии. Саммиты, наполненные множеством ритуалов и широко освещаемые прессой, обычно приводили к улучшению медиа-политической ситуации, что было необходимо для продолжения сотрудничества на фоне конфликтов холодной войны. Если саммит Трампа и Путина позволит достичь хотя бы одной из этих целей, он, возможно, предотвратит ту катастрофу, которая нам сейчас угрожает.

Трамп как еретик холодной войны*

Как все американские президенты, начиная с Франклина Делано Рузвельта в 1943 г., Трамп встретился на высшем уровне с кремлевским лидером – российским президентом Путиным. Встреча состоялась 16 июля в Хельсинки. И как у всех американских президентов, начиная с Эйзенхауэра, основной и главной целью ее было стремление уменьшить вероятность войны между двумя ядерными супердержавами. В условиях новой российско-американской холодной войны, чреватой возможностями перерастания в горячую на разных фронтах, от Украины, Прибалтики и Черноморского региона до Сирии, важнейшим долгом Трампа, долгом, обусловленным национальной безопасностью, было встретиться с Путиным в самом уважительном формате. Как и на предыдущих саммитах, подробности выяснятся позднее, но ряд важных договоренностей был достигнут: два лидера договорились реанимировать такой необходимый российско-американский дипломатический процесс, вдрызг разорванный последними событиями; восстановить многолетние переговоры по сокращению и контролю ядерного оружия и тем самым предотвратить новую гонку ядерных вооружений; приложить совместные усилия к тому, чтобы помешать Ирану, ближневосточному партнеру России, грозить «безопасности Израиля», как выразился Путин, на границах этой страны; совместными усилиями ликвидировать «гуманитарный» кризис в Сирии, вызванный в значительной мере помощью, оказанной Вашингтоном и его союзниками «борцам за свободу» из антиассадовской оппозиции, и в меньшей – уроном, нанесенным вмешательством в сирийскую войну Москвы в сентябре 2015 г. с целью уничтожить грозившее захватить Дамаск смертоносное Исламское государство; способствовать развитию американо-российских «бизнес-связей», что выглядит заоблачным чаянием в условиях наложенных на Россию американских и европейских экономических санкций. (Возможно, со стороны Трампа это был сигнал, что он не будет возражать, как это делал Обама, если Европейский союз сократит или приостановит свои санкции – в соответствии с пожеланиями отдельных членов Союза и со здравым смыслом.)

В прежние времена, именуемые теперь «нормальной» холодной войной, эти итоги саммита снискали бы широкую поддержку, даже аплодисменты по всему американскому политическому спектру, как это

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2018, July 18. Перевод Ирины Давидян.

было даже при президентстве Никсона. Но не Трампа, чьи достижения вызвали беспрецедентный поток обвинений в его адрес со стороны главенствующего двухпартийного (в основном демократического, но не только) политического и медийного истеблишмента. Выражения варьировались, от «Вашингтон пост» до MSNBC и CNN, но тон задавала некогда почтенная «Нью-Йорк таймс», что стало для нее сегодня почти ежедневной практикой. Заголовок на первой полосе ее номера от 17 июля трубил: «Трамп, встав на сторону Путина, усомнился в данных американских спецслужб относительно выборов 2016 года». Заголовок ниже уточнял: «Презрение к американским институтам и восхваление врага». Сам «репортаж» не скупился на прокурорскую риторику, а вот достигнутые Путиным и Трампом договоренности в нем почти не упоминались. Колумнисты «Нью-Йорк таймс» соревновались между собой в предъявлении обвинений американскому президенту. Еще 16 июля, когда о результатах саммита ничего толком не было известно, появилась статья Чарльза М. Блоу с громыхающим аллитерацией заголовком: «Trump, Treasonous Traitor» («Трамп, предатель и изменник»). Статья Мишель Голдберг, вышедшая 17 июля, носила менее громкое название: «Трамп демонстрирует миру, что он путинский лакей». Как я и предвидел еще за несколько недель до саммита, эта вредная идея была подхвачена основным корпусом новостных печатных и кабельных изданий: Трамп предал и опозорил Америку перед всем миром. Так же, как ранее в случае с «российской угрозой» – созданной во многом самой американской политикой, – голоса инакомыслящих (если не считать таковыми неквалифицированные «говорящие головы» Трампа) не были допущены к «дискуссиям».

Не поведение Трампа на саммите, а освещение его в СМИ – вот что было позорным. А СМИ освещали «новости» так, как им было нужно, привлекая голоса ведущих политиков из разных частей политического спектра. Как обычно в подобных случаях, поход добровольцев-охранителей системы возглавил сенатор Джон Маккейн: «Никогда еще ни один президент не прогибался так низко перед тираном». И добавил от себя: «Одно из самых позорных выступлений американского президента, какое только можно припомнить». Более необычным, впрочем, учитывая традиционное для руководителей американской разведки дистанцирование от публичной политики, было поведение бывшего директора ЦРУ Джона Бреннана, который поспешил выступить прокурором и судьей Трампа, заявив, что его поведение в Хельсинки «переходит порог» импичмента и является «ничем иным, как предательством». Единственной крупной политической фигурой, стоящей вне и над этим затеянным политиканами и СМИ неправым и смехотворным судилищем, был сенатор от Кентукки Рэнд Пол. Выступив в защиту президента Трампа и его встречи с Путиным с точки зрения интересов

американской национальной безопасности, сенатор Пол проявил себя как единственный настоящий государственный деятель в Конгрессе – позиция, когда-то уважаемая, но давно отринутая современным Сенатом.

Именно эти до сих пор не доказанные, необоснованные обвинения в духе «Рашагейт» породили то, что получило название «синдром помешательства», или «шизофрения Трампа». (Комментаторам, по-видимому, хотелось увидеть, как Трамп под пытками выбивает из президента России признание.) Отсюда обвинения, что в Хельсинки Трамп выступил в союзе с Путиным «против американских разведывательных служб». Оставим в стороне мутную роль, сыгранную этими службами в происхождении «Рашагейта», о чем следовало бы Бреннана допросить под присягой, и припомним, как эти службы в свое время подтолкнули американских президентов к действиям, обернувшихся катастрофами в заливе Свиней на Кубе, во Вьетнаме, Ираке и Ливии, и это еще неполный список национальных несчастий, о которых мы сегодня сожалеем. Припомним также сенатский комитет Черча 1975 г., который исследовал и обнародовал информацию о незаконных и даже преступных деяниях «спецслужб», в особенности ЦРУ. Политологи говорят, что начальники могут меняться, а вот сами бюрократические ведомства – несильно. И при этом преследователи Трампа, особенно либеральные демократы и их СМИ, предпочитают судить его, отталкиваясь от добродетельности «спецслужб», поведение которых сами когда-то нещадно критиковали. «Шизофрения», как и было сказано.

Причем это зашло так далеко, что один удивительный, но далеко не глупый комментарий Трампа, прозвучавший до и после саммита, остался практически не замеченным, а кем-то даже поднят на смех. А он напрямую касался самого важного вопроса российско-американских отношений: Почему эти отношения с 1991 г., с конца Советского Союза, вылились в новую, еще более опасную холодную войну? На протяжении последних пятнадцати лет американский двухпартийный истеблишмент отвечает на этот вопрос практически единодушно: во всем виноват Путин, «Путинская Россия». Решение Вашингтона придвинуть НАТО к границам России, бомбить традиционного российского союзника Сербию, выйти в одностороннем порядке из Договора по баллистическим ракетам, произвести военную смену режимов в Ираке и Ливии, спровоцировать украинский кризис и поддержать переворот в Киеве, приведший в 2014 г. к свержению законно избранного президента, и многое другое – все это ни при чем, нет, только «Путинская агрессия» привела к новой холодной войне. Это объяснение давно превратилось в жесткую двухпартийную ортодоксию, не терпящую никакого инакомыслия, никаких альтернативных объяснений, а те, кто, в силу своей информированности, такие объяснения предлагает, отстраняются от дискуссии и даже выставляются в неприглядном свете. (См., напри-

мер, мои книги «Провал крестового похода: Америка и трагедия постсоветской России», глава 7 и Эпилог, а также «Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War».) Как результат – у нас долгие годы нет дебатов, не происходит переосмысления и, следовательно, пересмотра того «триумфалистского» подхода в духе «победитель получает все», который утвердился при президенте Билле Клинтоне в 1990-е годы и продолжился, в смысле неизменности духа и набора практик, при всех последующих, от Джорджа Буша-младшего до Обамы. Именно непрошибаемая ортодоксия привела сегодня не только к новой холодной войне с Россией, но и к реальной опасности настоящей войны с ней, от Украины и Прибалтики до Сирии.

И тут вдруг президент Трамп, следуя ли здравому смыслу или мудрому совету, порывает с этой многолетней неправильной и опасной ортодоксией. В своем твите 15 июля он написал: «Наши отношения с Россией НИКОГДА еще не были хуже, и все из-за многолетней глупости и тупизма Соединенных Штатов». В Хельсинки, в ответ на вопрос о новой холодной войне, он сформулировал это более дипломатично: «Я считаю обе страны ответственными. Я думаю, Соединенные Штаты вели себя глупо. Мы все вели себя глупо. Мы должны были начать этот диалог давным-давно». Все сказанное здесь Трампом основано на фактах и анализе этих фактов, даже глубоком анализе. Но в то же время это – откровенная ересь и возможная причина, по которой его встреча с Путиным продолжает шельмоваться представителями политических и медийных элит, сделавшими карьеры на защите ортодоксальных догм в ущерб американской и международной безопасности.

Еретиков презирают, клеймят, но иногда в истории они торжествуют. Как бы неодобрительно не относились люди к иным словам и делам президента, любой, кто хочет избежать войны с Россией (опять же, возможно, ядерной войны), к какой бы части политического спектра он ни принадлежал, должен поддержать и упрочить эту ересь Трампа – пока она не перестанет быть ересью, пока не последуют полноценные дебаты по поводу безрассудной американской политики, начатой в 1990-е годы, и пока этот подход не изменится, что должно было случиться, как выразился Трамп, «давным-давно». Еще не слишком поздно, но это, возможно, последний шанс.

Кем не является Путин?*

«Путин – это зло, и он намерен совершать злодеяния».

Сенатор Джон Маккейн

«(Путин) был агентом КГБ. По определению, он не имеет души».
«Если это что-то напоминает, так это то, что сделал Гитлер в 1930-е годы».

Номинированный кандидат в президенты в 2016 году Хиллари Клинтон

Призрак творящего зло Владимира Путина нависает над нами, и это мешает рассуждать в Америке о России, по крайней мере, в течение десяти лет. Следует отдать должное Генри Киссинджеру за его предупреждение (возможно, в этом отношении он находится в одиночестве, если брать ведущие американские политические фигуры) о вреде попыток сильно исказить имидж российского лидера, продолжающихся с 2000 года: «Демонизация Владимира Путина не является политикой. Это алиби для того, чтобы ее не иметь».

Но Киссинджер тоже ошибался. Вашингтон сделал так, что многие направления политики подвержены теперь сильному влиянию со стороны демонизации Путина – нападки личного характера в данном случае превосходят все то, что делалось в отношении коммунистических лидеров в последние дни существования Советской России. Эти направления политики в 2000-х годах выражались в виде растущего количества претензий, а затем переросли в американо-российские опосредованные войны в Грузии, на Украине и в Сирии. На самом деле, влиятельные политики приняли более раннюю формулировку покойного сенатора Джона Маккейна качестве составной части новой и более опасной холодной войны: «Путин является неисправимым русским империалистом и аппаратчиком КГБ… Его мир – это жестокое, циничное место… Мы не должны допустить, чтобы темнота мира г-на Путина накрыла собой новые части человечества».

Мейнстримные СМИ играют главную обвинительную роль в этом процессе демонизации. Вот весьма типичные фразы, написанные редактором редакционной полосы газеты Washington Post: «Путин любит делать так, чтобы подскакивали тела… Править с помощью страха –

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2018, September 20. Печ. по: Иносми. 2018, 23 сентября

это советская традиция, но теперь там нет никакой идеологии – лишь пагубная смесь, состоящая из персонального возвеличивания, ксенофобии, гомофобии и примитивного антиамериканизма».

Уважаемые издания и авторы сегодня, как правило, понижают свой уровень, соревнуясь между собой в очернении «некой фигуры с дряблыми мышцами», «низкорослого серого упыря по имени Владимир Путин». Можно привести сотни подобных примеров, если не больше, и все это продолжается в течение многих лет. Обливание грязью российского лидера превратилось в оружие в ортодоксальном американском нарративе новой холодной войны.

Как это происходит со всеми институтами, демонизация Путина имеет свою собственную историю. Когда он впервые появился на мировой сцене (в 1999–2000 годах) как преемник, получивший благословение от Бориса Ельцина, Путина приветствовали ведущие представители американского истеблишмента политических средств массовой информации. Главный корреспондент газеты New York Times в Москве, а также другие журналисты сообщали о том, что новый российский лидер «имеет эмоциональное обязательство относиться построения сильной демократии». Спустя два года президент Джордж Буш-младший с похвалой отозвался о своем саммите с Путиным и назвал его «началом очень конструктивных отношений».

Однако дружественный в отношении Путина нарратив вскоре уступил место постоянной и резкой критике. В 2004 году обозреватель газеты New York Times Николас Кристоф (Nicholas Kristof) непреднамеренно объяснил – по крайней мере, частично, – почему это произошло. Кристоф горько пожаловался на то, что «был обманут г-ном Путиным. Он не является трезвой версией Бориса Ельцина». В 2006 году один из редакторов газеты Washington Post выразил уточненное мнение этого истеблишмента. Он заявил: «Настало время начать думать о Владимире Путине как о враге Соединенных Штатов». Остальное, как говорится, история.

Так кем же является Путин, если учитывать все время его пребывания у власти? Возможно, нам следует оставить этот большой и сложный вопрос будущим историкам, когда материалы для полного биографического изучения – мемуары, архивные документы и так далее – станут доступными. Но даже в этом случае читателей может удивить то, что российские историки, интеллектуалы, работающие в области политики, и журналисты уже ведут публичные споры, и их мнения значительно расходятся в том, что касается «плюсов и минусов» лидерства Путина (моя собственная оценка находится где-то посредине).

Однако в Америки и в других местах на Западе только предполагаемые «минусы» принимаются в расчет, когда речь идет о крайне негативном анти-культе Путина. Многие оценки основаны на недостаточ-

ной информации, а также на крайне ограниченном количестве избирательных или не поддающихся проверке источниках, и, кроме того, они мотивированы политическими обидами, в том числе со стороны некоторых олигархов ельцинской эпохи и их агентов на Западе.

Однако если мы обозначим и проанализируем, пусть даже коротко, основные «минусы», поддерживающие демонизацию Путина, мы сможем, по крайней мере, понять, кем он не является.

– Путин не является тем человеком, который после прихода к власти в 2000 году «де-демократизировал» российскую демократию, установленную президентом Борисом Ельциным в 1990-е годы, и восстановил систему, напоминающую советский «тоталитаризм». Демократизация началась и развивалась в Советской России во время правления последнего советского лидера – Михаила Горбачева, и происходило это в период с 1987 года по 1991 год.

Ельцин постоянно наносил по этому историческому русскому эксперименту тяжелые и, возможно, фатальные удары. Среди прочего, в октябре 1993 года он использовал танки для разрушения свободно избранного российского Парламента, а вместе с ним и всего конституционного порядка, сделавшего Ельцина президентом. Он провел две кровопролитные войны против Чечни – небольшой отколовшейся провинции. Он позволил небольшой группе связанных с Кремлем олигархов похитить самые дорогие российские активы и содействовал тому, что около трети населения страны оказались в бедности и в тяжелом положении, включая представителей некогда многочисленного и обладавшего хорошими профессиональными навыками советского среднего класса. Он подтасовал результаты своих собственных выборов в 1996 году. А еще он ввел в действие «суперпрезидентскую» Конституцию, ограничив влияние законодательной и судебной власти, однако воспользовался всем этим уже его преемник. Возможно, Путин и дальше проводил процесс де-демократизации, начатый Ельциным в 1990-е годы, но он не был его инициатором.

– Путин не сделал себя царем или «автократом» советского стиля, то есть он не стал деспотом, обладающим абсолютной властью и превращающим в политику свою волю. Последним кремлевским лидером, обладавшим такой властью, был Сталин, который умер в 1953 году, а вместе с ним и его продолжавшийся 20 лет массовый террор. По причине возраставшей бюрократической рутины внутри политико-административной системы каждый следующий советский лидер обладал меньшим объемом персональной власти, чем его предшественник. Путин, возможно, имеет больше власти, но если бы он, действительно, был «хладнокровным, безжалостным» автократом – «наихудшим диктатором на планете», – десятки тысяч протестующих не появлялись бы регулярно на улицах Москвы и не имели бы иногда официальное раз-

решение. А еще их протесты (и отдельные аресты) не показывались бы по государственному телевидению.

Политологи, в целом, согласны с тем, что Путин является «мягким авторитарным» лидером, управляющим системой, которая имеет унаследованные от прошлого авторитарные и демократические компоненты. Их мнения расходятся в том, что касается конкретизации, определения и балансировки этих элементов, однако большая их часть, как правило, соглашаются с коротким постом, размещенном в фейсбуке 7 сентября 2018 года известным дипломатом и ученым Джеком Мэтлоком (Jack Matlock): «Путин… не является абсолютным диктатором, как его представляют некоторые люди. Его власть, похоже, основывается на балансировке различных патронажных сетей, некоторые из которых являются криминальными (В 1990-е годы большая их часть таковыми и были, и никто их не контролировал). Поэтому он не может публично признать, что (криминальные действия) совершались без его одобрения, поскольку это будет свидетельствовать о том, что он не полностью держит в руках бразды правления».

– Путин не является кремлевским лидером, который «глубоко уважает Сталина», его Россия не является «гангстерской тенью сталинского Советского Союза». Эти утверждения настолько преувеличены и поверхностны относительно сталинского режима террора, Путина и сегодняшней России, что их даже трудно комментировать. В сегодняшней России, помимо разнообразных политических свобод, большинство граждан пользуются большей свободой для того, чтобы жить, учиться, работать, писать, говорить, путешествовать, чем раньше (Когда такие профессиональные «демонизаторы» как Дэвид Крамер (David Kramer) говорят об «ужасной ситуации с правами человека в путинской России», следует задать им вопрос: в сравнении с какой Россией в истории, или с каким другим государством в современном мире?)

Путин явно понимает, что миллионы россиян имеют и часто высказывают просталинские настроения. Тем не менее, его роль в продолжающихся спорах по поводу исторической репутации этого деспота беспрецедентна в одном отношении – это роль антисталинского лидера. Вот пример: если Путин с особым уважением относится в памяти Сталина, то почему его личную поддержку получили два мемориала (великолепный Государственный музей истории ГУЛАГа и весьма экспрессивная «Стена скорби»?), посвященные памяти миллионам жертв этого тирана, и оба они находятся в центре Москвы? Последний из них был впервые предложен кремлевским лидером Никитой Хрущёвым в 1961 году. Однако он не был построен и его преемниками, и так продолжалось до Путина, который принял это решение в 2017 году.

– Путин не является создателем постсоветской российской «клептократической экономической системы» с ее олигархами и другими рас-

пространенными видами коррупции. Эта система оформилась при Ельцине в ходе шоковой терапии и приватизационных схем 1990-х годов, когда «жулики и воры», осуждаемые сегодня оппозицией, по сути, и появились.

Путин в течение многих лет проводит «антикоррупционную политику» по нескольким направлениям. Насколько она оказалась успешной – это обоснованный предмет для споров. Столь же обоснованным является и вопрос о том, какой властью он обладает для правления в окружении как ельцинских, так и собственных олигархов. Однако нет реального контекста для того, чтобы называть Путина «клептократом», и это очень похоже на демонизацию, основанную на плохой информированности.

Так, например, в одном недавно опубликованном научном исследовании говорится о том, что Путин «и либеральная технократическая экономическая команда, на которую он полагается, искусно управляют российской экономикой», хотя они и могу быть «коррумпированными». Бывший директор Международного валютного фонда (МВФ) идет дальше и делает вывод о том, что нынешняя экономическая команда Путина «нетерпимо относится к коррупции» и что «Россия в настоящее время занимает 35 место из 190 стран в рейтинге Всемирного банка относительно условий для бизнеса (Doing Business). В 2010 году она находилась на 124 месте».

Если говорить о жизни людей, то в 2000 году, когда Путин пришел к власти, около 75 % россиян жили в бедности. Многие из них потеряли даже скромное наследие советской эпохи – накопления всей своей жизни; медицинские и социальные пособия; реальную заработную плату; пенсии; рабочие места, а средняя продолжительность жизни мужчин опустилась значительно ниже 60 лет. Всего за несколько лет «клептократ» Путин мобилизовал достаточно средств, чтобы остановить эту человеческую катастрофу, и, кроме того, миллиарды долларов были направлены в специальные фонды «на черный день», которые помогли защитить нацию в наступившие сложные времена. Мы можем как угодно оценивать эти достижения, но именно по этой причине россияне продолжают называть Путина «Владимир Спаситель».

– Теперь мы подходим к наиболее зловещему из выдвинутых против него обвинений: Путин, получивший подготовку как «головорез КГБ», регулярно отдает приказы об убийстве неудобных журналистов и своих личных врагов, и делает он это как «бос мафиозного государства». Эту демонизирующую аксиому легче всего опровергнуть, потому что нет никаких реальных доказательств в поддержку этой версии и даже никакой логики. И, тем не менее, это мнение получило повсеместное распространение. Авторы редакционных статей и комментаторы газеты New York Times – и далеко не только они одни – так часто называют

Путина «головорезом», а его политику «бандитизмом» (иногда они даже усиливают свою критику и используют выражение «автократический головорез»), что подобная оценка, возможно, содержится в руководстве для внутреннего использования. Неудивительно, что так много политиков используют подобные выражения, как это сделал и сенатор Бен Сэсс (Ben Sasse): «Мы должны сказать американскому народу и сказать миру – мы знаем, что Владимир Путин является головорезом. Он бывший агент КГБ и убийца».

Немногие из современных мировых лидеров – а, возможно, никто из них – не подвергается такому очернению, да еще с такой регулярностью. И даже Сэсс, на самом деле, «не знает» никого из них. Он и другие ему подобные выбирают из кучи сообщений влиятельных средств массовой информации те из них, в которых содержатся огульные обвинения в адрес Путина, но одновременно они прячут подальше сводящие на нет «но», имеющие отношение к истинным доказательствам. Поэтому другой обозреватель газеты New York Times может себе позволить написать так: «Я понимаю, что это доказательство является всего лишь косвенным и не убедительным. Но это один из многих подозрительных примеров». Это тоже можно считать журналистским «примером», когда речь заходит о Путине.

Отставив в сторону других мировых лидеров со значимыми или менее значимыми предыдущими карьерами в разведывательных службах, можно сказать, что годы работы Путина в качестве сотрудника КГБ в Восточной Германии были явно поучительными. Спустя много лет, в возрасте 65 лет, он все еще с гордостью о них говорит. Какими бы ни были другие составляющие этого опыта, он сделал Путина европеизированным русским, человеком, бегло говорящим по-немецки, а также политическим лидером с замечательной и продемонстрированной способностью воспринимать и холодно анализировать очень большие объемы информации (почитайте стенограмму или посмотрите запись нескольких его длинных интервью). Неплохая черта для лидера в весьма непростые времена.

Более того, ни один серьезный биограф не станет считать лишь один период из продолжительной карьеры человека определяющим, как это делают демонизаторы Путина. Почему бы вместо этого не взять период после того, как он покинул КГБ в 1991 году, когда он работал заместителем мэра Санкт-Петербурга, который в то время считался одним из двух или трех наиболее демократичных лидеров в России? Или последовавший непосредственно за этим период работы в Москве, где он своими глазами увидел масштабы коррупции ельцинской эпохи? Или те годы, когда он, еще будучи относительно молодым, начал работать в качестве президента?

Что касается обозначения «убийца» журналистов и других своих «врагов», то в этом списке много россиян, которые погибли – у себя

в стране или за границей – в результате сомнительных или естественных причин, и все они рефлексивно приписываются Путину. Наша священная традиция состоит в том, что бремя доказательства возлагается на обвинителя. Обвинители Путина не предоставили ни одного доказательства – только предположения, косвенные намеки или плохо переведенные высказывания Путина по поводу судьбы «предателей». Два случая послужили прочным основанием для этой клеветнической практики – убийство занимавшейся журналистскими расследованиями Анны Политковской, которая была застрелена в Москве в 2006 году, а также смерть Александра Литвиненко, сомнительного перебежчика и бывшего сотрудника КГБ со связями с обиженными олигархами ельцинской эпохи, который умер от радиационного отравления в Лондоне в том же 2006 году.

Никакие доказательства не указывают на Путина в этих делах. Главный редактор той газеты, в которой работала Политковская – речь идет о благочестиво независимой «Новой Газете» – все еще считает, что это убийство было заказано чиновниками из Чечни, обвиненными в нарушении прав человека. Что касается Литвиненко, то, несмотря на яростные утверждения средств массовой информации и проведенные в стиле кенгуру «слушания», предположившие, что Путин, «вероятно», несет ответственность, пока нет никаких убедительных доказательств даже того, было ли отравление Литвиненко намеренным или случайным. Такое же незначительное количество доказательств характерно и для других дел, в том числе в отношении убийства оппозиционного политика Бориса Немцова в 2015 году «на фоне (удаленных) стен Кремля».

Что касается российских журналистов, то следует, однако, отметить, наличие статистических данных, которые, как правило, не привлекают к себе внимания. По данным Американского комитета защиты журналистов 77 журналистов были убиты – 41 во время правления Ельцина и 36 во время правления Путина (данные по 2012 год включительно). К 2018 году их число увеличилось до 82–41 при Ельцине и такое же количество при Путине. Все это убедительно свидетельствует о том, что все еще частично коррумпированная постсоветская экономическая система, а не Ельцин или Путин, стала причиной убийства такого большого количества журналистов после 1991 года, и большинство из них занимались проведением журналистских расследований. Вот что сказала жена одного журналиста, который, как говорят, был отравлен: «Многие западные аналитики возлагают ответственность за эти преступления на Путина. Однако более вероятной причиной является система взаимной ответственности и культура безнаказанности, которая начала формироваться еще до Путина, в конце 1990-х годов».

– Недавно было выдвинуто еще одно обвинение: Путин является фашистом и сторонником господства белых. Это обвинение, судя по

всему, делается, в основном, теми людьми, которые хотят отвлечь внимание от той роли, которую играют неонацисты в поддерживаемой Соединенными Штатами Украине. Путин, несомненно, считает это грубой попыткой дискредитации, и даже на ее поверхности, если быть предельно снисходительным, следует сказать, что она ни на чем не основана. Как иначе объяснить напыщенное заявление сенатора Рона Уайдена (Ron Wyden) во время слушаний 1 ноября 2017 года о «нынешнем фашистском руководстве в России»? Один молодой ученый недавно показал несостоятельность почти необъяснимой поддержки этого тезиса со стороны одного старшего профессора Йельского университета. Мой подход сопоставим, но отличен от этого.

Какими бы ни были ошибки Путина, обвинение в «фашизме» является абсурдным. Ничто из его заявлений в течение почти 20 лет нахождения у власти не свидетельствует о фашистских взглядах, основный смысл которых состоит в культе крови и утверждениях о превосходстве одной этнической группы над всеми остальными. Для Путина, руководящего огромным мультиэтническим государством – в нем проживают самые разные группы с разным цветом кожи – подобные высказывания или соответствующие действия являются невероятными, и их даже можно назвать политическим самоубийством. Вот почему он постоянно призывает к гармонии в «нашем многонациональном государстве» с его «многонациональной культурой», как он еще раз подчеркнул это в своей инаугурационной речи в 2018 году.

В России, конечно же, имеются мыслители и активисты, выступающие с позиций превосходства белой расы, хотя многие из них были посажены в тюрьму. Однако нет оснований говорить о каком-то массовом фашистском движении в стране, где так много миллионов людей погибли во время войны против нацистской Германии, во время войны, которая непосредственным образом затронула Путина и явно оказала заметное влияние на него. Хотя он родился после войны, его мать и его отец с трудом выжили, несмотря на почти фатальные ранения и болезни, а его старший брат умер во время продолжительной немецкой блокады Ленинграда. Кроме того, во время войны погибли несколько его дядей. Только те люди, которые не имеют подобного опыта или неспособны представить себе нечто подобное, могут рассуждать о фашисте Путине.

Существует еще один несложный для понимания и существенный факт. У Путина нет ни следа антисемитизма. Здесь мало на это обращают внимания, но средства массовой информации в России и в Израиле много сообщают о том, что жизнь евреев при Путине лучше, чем она была в течение всей продолжительной истории этой страны.

– И, наконец, следует сказать о многочисленных демонизирующих утверждениях – по крайней мере, в настоящее время – о том, что Пу-

тин, осуществляющий руководство внешней политикой, ведут себя исключительно «агрессивно» за границей. В лучшем случае, подобные утверждения можно назвать «мнением отдельных людей», преимущественно полуслепых. В худшем случае это является оправданием того, что даже один министр иностранных дел Германии вынужден был назвать «разжиганием Западом войны» против России.

Что касается трех случаев, которые приводятся в качестве примера «агрессивности» Путина, то те обстоятельства, которые уже давно привожу я и многие другие, указывают на возглавляемую НАТО подстрекательскую деятельность, в первую очередь в процессе расширения военного альянса НАТО с конца 1990-х годов от границ Германии к российским границам. Опосредованная американо-российская война в Грузии в 2008 году была инициирована поддерживаемым Соединенными Штатами президентом этой страны, рассчитывавшим на членство в НАТО. Кризис 2014 года и последовавшая за ним опосредованная война на Украине стала результатом продолжительных попыток включить эту страну в состав НАТО, несмотря на цивилизационные связи этого обширного региона с Россией. А военное вмешательство Путина в Сирии в 2015 году было предпринято по убедительной причине: нужно было выбирать, кто будет находиться в Дамаске – сирийский президент Асад или террористическая группировка Исламское государство (запрещена в России, – прим. ред.). Кроме того, следует учитывать отказ президента Барака Обамы вступить в направленный против Исламского государства альянс. В результате этой истории в России часто говорят о том, что Путин как руководитель поздно реагирует на события за границей и что его действия не являются достаточно «агрессивными».

В аксиому относительно «агрессивного Путина» включены еще две другие. Одна из них состоит в том, что Путин является неосоветским лидером, который пытается восстановить Советский Союз за счет соседей России. Его постоянно и неверно цитируют, и в качестве такого примера приводят сказанные им в 2005 году слова: «Развал Советского Союза был величайшей геополитической катастрофой 20 века». Можно подумать, что он ставит это событие выше двух мировых войн. Но вот что он, на самом деле, сказал: «крупнейшей геополитической катастрофой 20 века» – именно таковым развал Советского Союза и был для большинства россиян.

Хотя Путин часто критически отзывается о советской системе и ее основателях, о Ленине и Сталине, он, как и большинство представителей его поколения, во многом, естественно, остается советским человеком. Однако сказанные им слова в 2010 году отражают его истинные взгляды, а также взгляды большинства других русских: «Кто не жалеют

о распаде Советского Союза, у того нет сердца. А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, нет головы».

Другая ложная побочная аксиома состоит в том, что Путин якобы всегда был настроен «против Запада», особенно «против Америки» и «всегда относился к Соединенным Штатам» с «плохо скрываемым подозрением». Однако простой взгляд на годы его правления свидетельствует об обратном. Путин, вестернизированный русский, стал президентом в 2000 году, когда еще сильны были традиции Горбачева и Ельцина, и тогда он надеялся на установление «стратегической дружбы и партнерства» с Соединенными Штатами. Этим объясняется значительная помощь после событий 9 сентября (2001 года), оказанная им в ходе военных действий Соединенных Штатов в Афганистане. Отсюда вытекает его полноценное партнерство в американо-европейских клубах с участием главных лидеров, пока он не понял, что к России не будут относиться как к равному партнеру, а НАТО приблизится к российским границам.

С учетом всего того, что произошло почти за два десятилетия – особенно, если посмотреть на это глазами Путина и других российских лидеров, – было бы удивительным, если бы не изменилось его отношение к Западу, особенно к Америке. Как он сказал в 2018 году: «Мы все меняемся». А несколькими годами ранее Путин сделал характерное признание – первоначально у него были «иллюзии» по поводу внешней политики, но он не уточнил, какие именно. Возможно, он имел это в виду, выступая в конце 2017 года: «Самая главная ошибка с нашей стороны в отношении Запада в том, что мы слишком вам доверяли. А ваша ошибка заключается в том, что вы восприняли это доверие как слабость и злоупотребили этим доверием».

Если мое опровержение аксиом относительно демонизации Путина убедительно, то к какому выводу это нас приводит? Разумеется, не к апологии Путина, а к вопросу: «Кто есть Путин?» Россияне любят говорить: «Пусть история рассудит», но с учетом опасностей новой холодной войны, мы не можем ждать. По крайней мере, мы можем начать с некоторых исторически правдивых вещей. В 2000 году молодой и имевший мало опыта человек стал лидером обширного государства, которое очень быстро распалось, или «развалилось», и так было дважды в 20-м веке – в 1917 году и в 1991 году – с катастрофическими последствиями для его жителей. В обоих случаях эта страна потеряла свой «суверенитет», а вместе с ним и основательную часть своей безопасности.

Это постоянно появляющиеся темы в путинских словах и делах. Именно с них и должен начинаться процесс понимания. Никто не может сомневаться в том, что он уже является наиболее последовательным «государственным деятелем» 21-го столетия, хотя эти слова редко применяются к нему в Америке, если вообще применяются. А что означает слово «последовательный»? Даже если не учитывать приведен-

ные выше мнимые минусы, сбалансированная оценка будет включать и настоящие недостатки.

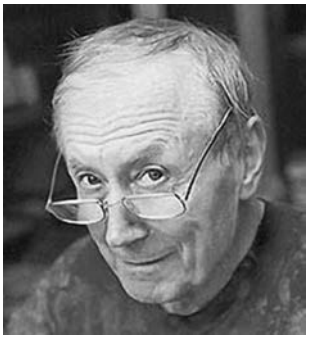
Вот, например, вопрос: а нужно ли было настолько укреплять и расширять кремлевскую «вертикаль» на территории всей страны для того, чтобы восстановить единство России? А нужно ли было наделять равным приоритетом исторический эксперимент с демократией? А разве не было альтернативы аннексии Крыма, даже с учетом воспринимаемых угроз? А лидерство Путина, действительно, не сделало ничего для пробуждения страхов у небольших восточноевропейских государств, которые Россия угнетала в течение столетий? Это только небольшое число вопросов, которые могут стать минусами рядом с заслуженными Путиным плюсами.

Каким бы ни был подход, кто бы ни сделал сбалансированную оценку, можно, перефразируя Спинозу, сказать – не для того, чтобы демонизировать, не для того, чтобы насмехаться, не для того, чтобы ненавидеть, а для того, чтобы понять.

Приложения

Евгений ЕВТУШЕНКО

Всегда Россией он обеспокоен*…



Спокойным не бывает Стивен Коэн.
Всегда Россией он обеспокоен.
Она его волнует вновь и вновь –
мучительная давняя любовь.
Сквозь рыжую библейскую небритость
В нем брезжит идеалов неубитость.
Свою Россию любит он, не спрятав
Презрения к России бюрократов,
Дочь получил он колдовски за это
от поцелуя русского поэта
в пупок прелестной Катрин ванден Ховен –
одной из политических диковин.
Поэта платоническая дочка,
как лучшая его живая строчка!
Но возвратимся к Стивену. Кто Стивен?
Он, словно Украина, самостиен.
В политике он редкость – не двуличен.
Как местечковый мальчик, романтичен.
Впитал он сумасшедший ритм Москвы.
Внутрь принял боль бухаринской вдовы.
И произнес эпохе приговор:
«Cold piece is pregnant with a worst cold war»
Люблю тебя, мой уникальный Стивен
Завидую тому, что ты наивен.
О, если бы за чистоту морали
Наивных в президенты выбирали!

16 января 2008 Переделкино

---

* Впервые опубликовано: Стивен Коэн и Россия/Советский Союз. Под ред. Г. Бордюгова и Л. Доброхотова. – М.: АИРО-XXI, 2008.

Стивен Коэн: «Похотливое отношение к власти – убийственно»*

Ответы на вопросы «Новой газеты» (2013, 14 октября)

Перед вами анкета, которую мы просили заполнить 10 лет назад друзей редакции – заметных политиков, деятелей культуры. В год своего 20-летия «Новая» выбрала ряд выдающихся, на наш взгляд, современников, чтобы повторить этот опрос. Он составлен так, чтобы ответить на большую часть вопросов адресат мог только лично, без помощи референтов.

Сегодня анкету «Новой» заполняет всемирно известный историк, профессор Нью-Йоркского университета, советолог, автор биографии Николая Бухарина и «Жизни после ГУЛАГа» Стивен Коэн.

1. Что может вас оттолкнуть от человека при первом знакомстве?

Чрезмерная политкорректность, которая делает невозможными конструктивные интеллектуальные или политические отношения; и чересчур неприятное дыхание, которое делает очень тяжелыми отношения социальные.

2. О чем вас бесполезно просить?

Обсудить Бога, потому что мне не хватает достаточных знаний.

3. О каком не совершённом поступке вы сожалеете?

Имея счастье жить в такие интересные времена, я глубоко сожалею, что мне не удалось последовательно вести дневник, и, соответственно, об отсутствии самодисциплины.

4. Какую книгу вы бы не позволили прочесть своим детям?

После того как дети достигают 14–15 лет, таких книг нет. Я не люблю любые формы цензуры, в том числе «доброжелательную». Они увидят и услышат все в интернете. Точно так же я не заставлял своих детей читать книги. В результате только один мой ребенок из трех, Ника, читала мою книгу – и то только одну («Жизнь после ГУЛАГа»), потому что отчасти это мемуары о нашей совместной жизни в России.

5. Что для вас труднее – выслушивать слова благодарности или извинения?

Ни то, ни другое выслушивать не тяжело, если они искренни. На самом деле все мы должны выражать эти чувства чаще, чтобы убедиться в доброте и надежности других и признать свои собственные недостатки.

6. Что вы могли бы делать своими руками на продажу?

В молодости я хотел стать профессиональным гольфистом. У меня больше нет прежних навыков, но я все еще могу обучать людей игре в гольф, что предполагает использование рук. Хотя, когда однажды в Принстоне дочь Сталина Светлана попросила меня об этом, я вежливо отказался.

---

* Стивен Коэн: «Похотливое отношение к власти – убийственно». Ответы на вопросы «Новой газеты» // Новая газета. 2013. 14 октября.

7. Какое свойство юности вы мечтаете себе вернуть?

Мои способности к игре в гольф и, чуть позже, желание подготовить себя к карьере некоего политического лидера. Теперь это личные примеры «потерянных альтернатив», о которых я пишу в своих исторических исследованиях.

8. Сумма наличных денег при себе, без которой вы чувствуете себя некомфортно?

Это сумма, необходимая для оплаты такси в случае внезапного ливня и отсутствия метро поблизости, и на кусок пиццы, если я голоден. Проведя много времени в не самых безопасных кварталах Нью-Йорка сначала в качестве баскетболиста, а затем в качестве организатора турниров, я взял в привычку иметь при себе ровно столько денег, сколько мне действительно нужно.

9. На что ежедневно не хватает времени?

На работу, любовь (включая секс) и сон.

10. Элемент комфорта, без которого труднее всего обойтись?

Тишина и отсутствие стресса.

11. Есть ли реалии советской эпохи, по которым вы скучаете?

Я часто жил в брежневской Москве. Я по-прежнему скучаю по близким, порядочным отношениям среди моих московских друзей и глубоким, без цензуры, откровенным кухонным разговорам в их квартирах. Позже, с 1985 по 1991 год, я тоже часто бывал в Москве. Скучаю по интеллектуальным и политическим волнениям, надеждам и (да) великим достижениям перестроечных лет, которые сейчас все чаще забываются или искореняются как в России, так и на Западе.

12. Назовите три, на ваш взгляд, определяющие приметы современной России.

Я никогда не сужу и не учу Россию, но эти три взаимосвязанные приметы объективны: чрезмерная концентрация богатства в руках немногих; породившая эту примету политико-экономическая система, в том числе широко распространенная коррупция; и, как результат, нежелание финансовой элиты и множества ее государственных вассалов разрешить по-настоящему честные выборы. (Все это началось, конечно, еще в 90-х, а не при Путине.)

13. Сколько дней отпуска вы можете себе позволить за один раз?

У меня, как и у большинства работников умственного труда, не бывает «чистого» отпуска. В отпуск я беру работу с собой, так что количество дней едва ли что-то значит. Наверное, это не очень хорошо, но это так.

14. Если у вас была бы возможность позвонить в прошлое, кому и для чего вы позвонили бы?

Я много лет изучаю сталинскую эпоху и пишу о ней. Но у меня по-прежнему остались вопросы. Чтобы ответить на эти вопросы наиболее полно, мне нужно поговорить со Сталиным – в первую очередь о его чудовищных преступлениях во время коллективизации и Большого террора. Не чтобы осудить его, а чтобы понять. И еще один звонок – Николаю Бухарину, так как я сейчас готовлю расширенное издание его биографии.

15. На какой вид благотворительности вы бы с желанием тратили деньги?

На студенческие стипендии для молодых афроамериканцев и денежную помощь на издание первых книг юных российских историков.

16. Что в людях раздражает вас больше всего?

Не в порядке важности: вранье, ненадежность, политкорректность.

17. Какой из смертных грехов (гордыня, зависть, алчность, чревоугодие, похоть, уныние, гнев) кажется вам не таким уж и смертным?

Предаваясь им всем время от времени, могу сказать, что ни один из них в умеренном количестве не смертный. Исключением может быть похотливое отношение к власти, которое, как мы знаем из истории, может быть смертельно опасно, даже убийственно.

18. Какая новая черта нынешней молодежи вызывает у вас зависть или восхищение?

Завидую их молодости. А единственная новая черта, которая меня «восхищает», – это очевидная неспособность многих из них отличить мнение от факта в интернете, откуда большинство молодых людей берут свои «знания».

19. Идеал женщины?

Умная, с критическим мышлением, сострадающая, красивая, преданный друг и любящий партнер и главный редактор журнала, который будет публиковать мои статьи. Это моя жена, Катрина (Катя) ванден Хьювел, главный редактор и издатель The Nation. Мне повезло.

20. Идеал мужчины?

Идеала мужчины для меня не существует, потому что я в обиде на мужчин, которые идеальны во всем том, в чем я – нет.

21. Самое сильное впечатление детства?

Я вырос в маленьком городе на юге Америки, в обществе и системе, которые были американской версией апартеида. Нам, детям той эпохи, было сказано, что сегрегация была естественной, справедливой и вечной. Но тот опыт научил меня, что приличные люди должны бороться за перемены, даже если борьба неудобна или опасна, потому что всегда есть лучшая альтернатива. Эта правда была проиллюстрирована историей моего родного штата Кентукки. Во время Гражданской войны в Америке один кентуккиец, Авраам Линкольн, был президентом Союза, а другой, Джефферсон Дэвис, президентом Конфедерации.

22. Слово или выражение, от которого коробит?

В американских СМИ политики и комментаторы часто используют выражение «at the end of the day» (*буквально: «в конце дня»*. – **Ред.**), под которым, как им кажется, они имеют в виду «in the final analysis» (*«в конечном счете», буквально: «в окончательном анализе»*. – **Ред.**). На самом деле во всем, что они говорят, нет никакого анализа – только конформистские идеологические россказни и корыстные высказывания. По какой-то причине – возможно, потому, что как историк и политический обозреватель я воспринимаю анализ серьезно – меня очень раздражает это выражение.

23. Ваша любимая семейная легенда?

Большинство моих дальних родственников были убиты при Гитлере или Сталине, так что у нас немного семейных легенд, но одну я придумал сам. Много лет назад, когда был популярен фильм «Конан-варвар», я сказал моей младшей дочери Нике, что мы потомки Конана. Для маленького ребенка, на слух которого слова «Коэн» и «Конан» звучали почти одинаково, это было правдоподобно. Нике нравилась эта легенда, но она переросла ее, как и многое другое из того, что я ей говорил.

24. Чего вы боитесь сильнее, чем смерти?

Перспективы того, что кто-то из моих детей может умереть раньше, чем я.

25. За что вы готовы переплачивать без сожаления?

Я всегда стараюсь ни за что не переплачивать. Поэтому когда я потом обнаруживаю, что переплатил, то глубоко возмущаюсь своей неудаче, вне зависимости от того, насколько велик или мал товар или услуга. Похоже, нет такой переплаты, о которой я не пожалею. Личная черта – вероятно, унаследованная от отца, который был «продуктом» Великой депрессии.

26. Назовите проблемы, которые в России надо решать незамедлительно.

В дополнение к трем приметам из вопроса № 12 есть еще две: распространенное мнение, что огромное богатство, которым владеет относительно небольшое число россиян, было нажито и остается незаконным; и распространенная уверенность, что сегодняшние российские госслужащие более коррумпированы, менее патриотичны и заботятся о народе меньше, чем их советские предшественники.

27. Самый далекий (по времени) родственник, чье имя-отчество вы знаете?

Так как дальние родственники умерли при Гитлере и Сталине, я знаю имена (но не отчества, которые в Америке, как правило, не в ходу) только своих дедов, один из которых был из Царской империи, а другой из Австрии.

28. Вспомните ваш самый счастливый день за последние 13 лет, то есть в XXI веке.

Я все еще жду этого дня. Надеюсь, что это будет день, когда врачи найдут способ излечить наследственное заболевание сердца, которое есть у моих сорокалетнего сына и старшей дочери.

Опубликовано: http://www.novayagazeta.ru/arts/60436.html

Джордан Майкл Смит (Jordan Michael Smith)

Профессор Стивен Коэн – американский апологет Путина?

Как Стивен Коэн стал самым противоречивым экспертом по России в Америке

Вот фотография Горбачева вместе со Стивом. Вот еще одна фотография Горбачева со Стивом, а на этой Стив позирует вместе с несколькими российскими диссидентами. На этой фотографии Горбачев и Катрина, супруга Стива, держат их крохотную дочь. Даже на холодильнике у Стива есть магнит с изображением Горбачева.

Если пройтись по уставленной книжными шкафами квартире в Верхнем Вест-Сайде Манхеттена, создается впечатление, что человек с самым знаменитым родимым пятном является третьим партнером в семье Стивена Коэна (Stephen F. Cohen) и редактора издания Nation Катрины ванден Хувел (Katrina vanden Heuvel).

В течение более 40 лет Коэн был самым заметным экспертом по России, деля свое время между научной работой – в настоящее время он является почетным профессором Принстонского и Нью-Йоркского университетов – и СМИ, и оказывал определенное влияние на мировые события. Лишь немногие научные работы по степени своего непосредственного политического воздействия могут сравниться с написанной Коэном биографией советского отца-основателя Николая Бухарина (1973). Книга «Бухарин и большевистская революция» (Bukharin and the Bolshevik Revolution) не только предложила новую интерпретацию Русской революции, выйдя в свет в самый разгар холодной войны, но и существенно повлияла на ход этой самой войны. Главный внешнеполитический советник Михаила Горбачева Анатолий Черняев написал: «Некоторые из нас уже прочли эту книгу, и мы посоветовали Горбачеву сделать то же самое. Он взял эту книгу с собой в отпуск. Он внимательно ее прочитал, а потом постоянно цитировал ее мне… Переоценка роли и личности Бухарина открыла шлюзовые ворота для пересмотра всей нашей идеологии».

Симпатия Горбачева к идеям Коэна – и к самому Коэну – превратила обыкновенного исследователя эпохи русской революции в VIP-персону интеллектуального мира, который присутствовал на многих встречах глав государств. Эрик Олтерман (Eric Alterman), профессор журналистики Бруклинского колледжа и колумнист Nation, который знаком с Коэном уже несколько десятилетий, называет книгу «Бухарин и большевистская революция» «одной из самых важных книг прошедшего столетия». В ней Коэн воплотил «мечту всех писателей о том, чтобы оказать влияние не только на мировых лидеров, но и на саму историю».

Однако сегодня Коэн в основном известен своими взглядами на другого российского лидера. В своих колонках и выступлениях на телевидении за

последние несколько лет он стал, возможно, самым известным защитником Владимира Путина. «Путин – не убийца, – заявил он во время интервью CNN. – И он – не неосоветский империалист, пытающийся воссоздать Советский Союз. Более того, он – не антиамериканист». Его попытки защитить репутацию Путина распространились даже на американского президента, который несколько раз положительно отозвался о российском лидере. «Сегодня угрозой номер один для США, – сказал Коэн, выступая на Fox News, – является продолжающееся расследование связей Трампа с Россией: нет никаких доказательств того, чтобы были совершены какие-либо противозаконные действия».

Подобная точка зрения сделала Коэна объектом гнева огромного количества критиков. Исаак Чотинер (Isaac Chotiner) из издания New Republic назвал Коэна «американским апологетом Путина». Джонатан Чейт (Jonathan Chait) из журнала New York назвал его «жертвой обмана» и «семидесятилетним левтистом старой закалки, который перенес общепринятые взгляды нескольких десятилетий анти-антикоммунизма в новую эпоху анти-антипутинизма». Кэти Янг (Cathy Young) написала в Slate, что Коэн «повторяет российскую дезинформацию» и «перерабатывает эту пропаганду». И таких взглядов придерживается огромное множество политических деятелей и журналистов – даже в журнале, которым руководит супруга Коэна.

Взгляды и идеи Коэна касательно России, которые однажды дали ему возможность приехать в Кэмп-Дэвид в качестве советника действующего президента, теперь делают его самым противоречивым экспертом в этой области. Его враги и друзья задают себе один и тот же вопрос: что случилось со Стивеном Коэном?

Когда книга «Бухарин и большевистская революция» вышла в свет, в отношениях между США и Россией уже полным ходом шел процесс разрядки напряженности. Однако в исследованиях, касавшихся России, все еще господствовала идея о том, что Советский Союз – это тоталитарное государство, неспособное на реформы, потому что логика тотального контроля уже успела укорениться в советском ДНК. «Согласно западной точке зрения, сталинизм был единственным возможным итогом большевизма», – писал Коэн.

Его книга разрушила это убеждение. Она показала, что Бухарин – теоретик марксизма и член Коммунистической партии – предложил программную советскую альтернативу тому сталинизму, который в конечном итоге одержал верх. «Это было очень серьезное заявление», – говорит Юджин Хаски (Eugene Huskey), политолог из университета Стетсона. В своей книге «Бухарин и большевистская революция» Коэн сделал то, что должна была сделать историческая наука: он использовал материалы первоисточников, чтобы переосмыслить интерпретацию прошлого. Однако эта его работа имела очевидные последствия для настоящего и будущего. Если Советский Союз стал тираническим режимом в результате исторической случайности, а не вследствие особенностей детерминистической идеологии, тогда, вероятно, реформы все же были возможны.

Книга Коэна, возможно, так и осталась бы всего лишь качественным научным трудом, если бы не Горбачев. Для тех россиян, которые искали альтернативу между капитализмом и коммунистической диктатурой – и, главным образом, для членов горбачевского кабинета – книга «Бухарин и большевистская революция» предлагала один подобный вариант. «В годы перестройки многие мои знакомые были буквально поглощены чтением этой книги, – написал Горбачев в своем эссе, включенном в антологию, выход которой был приурочен к 70-летию Коэна и в которую вошли статьи 35 известных российских политических деятелей, а также деятелей культуры и СМИ. – Я помню, что эта книга, которая во многих отношениях перекликалась с социальными изменениями, происходившими в тот период, стала в Советском Союзе бестселлером».

В конце 1980-х годов наступил короткий славный период, когда казалось, что гуманные реформы возможны, и Коэн стал настоящим героем для Горбачева и других реформаторов. Его считали человеком, который предложил интеллектуальный проект демократического социализма, способный спасти Россию. Коэн посетил Кэмп-Дэвид по приглашению Джорджа Буша-старшего, вступив в научное противоборство с Ричардом Пайпсом (Richard Pipes) из Гарварда за право оказывать влияние на внешнюю политику США и определять курс холодной войны. Он часто писал статьи для New York Times и чуть было не покинул Принстон, чтобы стать московским корреспондентом этой газеты.

Но это было несколько десятилетий назад. Горбимания осталась в прошлом. Теперь есть Путин. Путин, Путин, Путин. Коэн не дружит с российским лидером, хотя он старается несколько преуменьшить недостатки и неудачи Путина. Президенты больше не интересуются мнением Коэна. Но, по крайней мере, сейчас у него есть возможность сделать все, чтобы то, что он многие годы называл второй холодной войной, не переросло в горячую войну. По мнению Коэна, сейчас Россия и США ближе к началу войны друг с другом, чем когда-либо прежде – ближе, чем они были в период Кубинского ракетного кризиса или операции «Опытный лучник». И мысль о том, что он не может остановить движение российско-американских отношений по нисходящей спирали, вызывает у него своего рода агонию. Больше всего он боится начала ядерной войны между Россией и США.

Но, когда мы встречаемся в его квартире, мне так и не удается разглядеть в нем следы этой боли и страха. По словам Коэна, он из Кентукки, и он придерживается «скептического отношения ко всему, кроме лошадей и бурбона». Одетый в джинсы и черную футболку, он курит Marlboro, сидя на диване в гостиной. Из окна гостиной открывается великолепный вид на Риверсайд-парк и закат. В свои 78 лет он все еще остается довольно приятным внешне – с пышной шевелюрой пепельно-седых волос. Ванден Хувел, которая периодически появляется в гостиной, на 20 лет моложе его и выглядит так, будто она – темноволосая героиня толстовских романов.

Большую часть времени Коэн пишет статьи для Nation. Их дочь Никола, которая сегодня решила поужинать дома, учится в Школе права

Колумбийского университета, специализируясь на реформе уголовного права. Если бы вы попытались представить себе, чем в жизни могла бы заниматься дочь Коэна и ванден Хувел, вы, вероятнее всего, остановились бы именно на уголовном судопроизводстве. «Я очень горжусь, когда у меня появляется возможность рассказать о страсти моей дочери к праву», – говорит он, перечисляя ее достижения. Вполне достойная жизнь.

Но нападки СМИ задевают за живое. Ванден Хувел может с легкостью перечислить самые жестокие из них. И критика уже начинает доноситься изнутри издания Nation, где многие редакторы и репортеры начинают спрашивать себя, не Коэн ли является причиной того, что ведущий американский журнал левого толка постепенно занимает сторону Дональда Трампа и Владимира Путина в вопросах российско-американских отношений.

В академических кругах Коэн пользуется большим уважением. Он заслужил себе достойную репутацию благодаря, в первую очередь, биографии Бухарина, а также благодаря множеству работ по истории России, которые были напечатаны в таких книгах как «Переосмысление советского опыта» (Rethinking the Soviet Experience, Oxford University Press, 1985), «Советские судьбы и утраченные альтернативы» (Soviet Fates and Lost Alternatives, Columbia University Press, 2009). «Его очень уважают как историка и политолога», – отметил Рональд Сани (Ronald Suny), русист из университета Мичигана.

Но даже в научных кругах ситуация заметно изменилась с тех пор, как Коэн стал главным публичным интеллектуалом, опровергающим обвинения в том, что Россия помогла Трампу стать президентом. Он выступал на таких программах, как шоу Такера Карлсона (Tucker Carlson) на Fox News, называя Трампа «политически храбрым» и «демонизированным» за его попытки наладить отношения с Россией. «Он превратился из блестящего историка советской России в комментатора, который в основном говорит о политических дебатах в США и о том, что он считает коррумпированностью этих дебатов. Но это не является его научной областью, и его вклад сейчас нельзя назвать научным», – отметил Стивен Сестанович (Stephen Sestanovich), эксперт по России в Колумбийском университете.

«Я бы сказал, что он не попадает в мейнстрим, – отметил Хаски. – Он, очевидно, стал исключением», не желая критиковать Россию за ее военные кампании и вмешательство в выборы. «У многих складывает впечатление, что его комментарии делают его апологетом России».

Такое восприятие повредило репутации Коэна. В 2014 году ванден Хувел начала переговоры с Ассоциацией славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (Associationfor Slavic, East European, and Eurasian Studies) по вопросу о финансировании стипендии на написание диссертаций, названной в честь Коэна и его наставника Роберта Такера (Robert Tucker). Но ассоциация не захотела одобрить эту стипендию, когда некоторые члены правления пожаловались на то, что стипендия будет носить имя Коэна. Стивен Хансон (Stephen Hanson), который в тот момент был директором ассоциации, сказал в интервью New York Times: «Нет никакого секрета в том, что вокруг профессора Коэна разгорелись нешуточные

споры. В таком контексте консультации с широким сообществом ученых были вполне разумным шагом».

Коэн и ванден Хувел отозвали свое предложение. Позже ассоциация спросила их, согласятся ли они на то, чтобы имени Коэна не было в названии стипендии в том случае, если ассоциация все же профинансирует ее, но этот вопрос еще больше оскорбил их.

В январе 2015 года Дэвид Рансел (David Ransel), профессор университета Индианы и бывший редактор American Historical Review, написал в эту ассоциацию письмо, в котором он отметил, что ее действия в этом вопросе «отдают попытками подвергнуть цензуре широкое обсуждение, и любой добропорядочный человек должен относиться к ним как к позору для нашей ассоциации». Под его письмом подписались 60 ученых. Спустя несколько месяцев ассоциация все же одобрила программу стипендии Коэна-Такера на написание диссертаций, которая продолжает работать по сей день.

Эта ситуация привела Коэна в уныние. «Я потерял над собой контроль», – говорит он. Ванден Хувел называет это «ударом не в бровь, а в глаз». По мнению Коэна, молодые ученые боятся вслух высказывать точку зрения, сходную с его идеями. По его словам, для этого есть электронная почта. «Они будут соблюдать осторожность. Но нельзя соблюдать осторожность и быть хорошим ученым одновременно».

* * *

Во вторник вечером Коэн приезжает в студию WABC. Он каждую неделю выступает в радиопрограмме The John Batchelor Show, где он принимает участие в 40-минутной дискуссии, основные итоги которой затем публикуются на сайте Nation. У него небольшая бородка (легендарный русский поэт Евгений Евтушенко однажды назвал бороду Коэна «запущенной библейской небритостью»), и, поднимаясь в лифте, он курит.

Пока мы идем по коридорам, он вспоминает и рассказывает мне о том, как он несколько раз выступил на шоу с Оливером Стоуном (Oliver Stone), чтобы обсудить Путина. «Это показали во всем мире», – говорит он. Во время выступления Коэна на экране в студии демонстрируется гигантский портрет Путина. Коэн чувствует себя очень комфортно, четко излагает свои мысли и перебрасывается шутками с ведущим. В 1980-х годах он был комментатором на канале CBS и часто появлялся на телевидении. Его мягкий глубокий голос – результат многолетнего курения – просто создан для того, чтобы вести радиопередачи. Появляется ванден Хувел, которая делает несколько фотографий Коэна, а затем просматривает электронную почту.

Во время программы Коэн излагает свои взгляды, которые превратили его в одного из самых непопулярных экспертов по России в Америке. Рассказывая об украинской революции 2014 года, за которой последовало российское вторжение, он спрашивает: «Если вы сидите в Кремле и наблюдаете за скрытым расширением альянса НАТО, нацелившегося на Украину, с которой Россию связывает практически кровное родство, станете ли вы предпринимать какие-либо меры?» Путин «реагирует… У него поч-

ти нет альтернативы». Коэн продолжает: «Если вы спросите, кто подорвал основы украинской демократии, то это не Путин». Это сделали западные лидеры.

Коэн также обвиняет США в разжигании скандала и паники вокруг вмешательства России в президентские выборы 2016 года. «Почему Америка так охотно приняла то, что, несомненно, является вымыслом и чему нет никаких подтверждений?» И он предлагает возможный ответ: Путин – это препятствие для глобальной гегемонии Америки. Другой сценарий: «Темным силам, жадным силам, занимающим высокое место в нашей политической системе и нашей экономике, нужно, чтобы Россия была нашим врагом, потому что это приносит чрезвычайно высокую прибыль». Российско-американские отношения «были разрушены не в Москве, они были разрушены в Вашингтоне».

Далеко не все ученые согласны с мнением Коэна. Но даже те, кто считает, что сейчас Коэн заблуждается, вынуждены признавать, что Коэн очень часто оказывался прав в прошлом. Помимо его веры в возможность реформ в Советском Союзе, он оказался совершенно прав в своей оценке конца 1980-х годов, когда он заявил, что Горбачев был истинным демократом в противовес мнению тех, кто, как и Ричард Пайпс, считал, что Горбачев был всего лишь более мягкой версией советского аппаратчика. В 1990-х годах Коэн стал одним из первых, кто заявил о том, что Борис Ельцин наносит России невероятный по своим масштабам ущерб посредством коррупции. «Большинство представителей академических кругов поддерживали Ельцина», – вспоминает Сани. И Коэн совершенно правильно предсказал, что расширение НАТО после окончания холодной войны спровоцирует возрождение русского национализма.

Сани говорит, что Коэн «пытается бороться со всеми ветряными мельницами сразу», но добавляет, что Коэн «достаточно отважен» и что он «заменяет собой своих более робких коллег», которые по каким-то причинам боятся бросить вызов стандартной американской интерпретации образа России. По словам Роберта Легвольда (Robert Legvold), политолога из Колумбийского университета, серьезные эксперты по России читают, что Коэн заблуждается, но они ни в коем случае не видят в нем предателя. По словам Легвольда, «любой, кто считает его инструментом в руках советов или России, – глупец».

Ванден Хувел говорит о Коэне так: «Если нужно охарактеризовать Стивена, то он – альтернативист. Он следует идее о том, что не стоит ничего принимать на веру, что нужно искать альтернативы». Взгляды Коэна усложнили жизнь не только ему, но и ванден Хувел. По его словам, учитывая то, что он поддерживает Путина и Трампа (по крайней мере в вопросе политики по отношению к России), в отношении него «сейчас возникла двойная неприязнь».

Сотрудники Nation открыто выступают против пророссийского уклона издания. «Согласно широко распространенному мнению, он всегда принимал участие и всегда имел большое влияние на ванден Хувел, но это влия-

ние усилилось после Крыма, – говорит колумнист издания Ката Поллитт (Katha Pollitt). – Он считает, что мы находимся на пороге третьей мировой войны, но это не та точка зрения, которую я и мои коллеги разделяем».

Ванден Хувел отмечает, что Коэн пришел в издание Nation раньше нее и что она считает оскорбительными заявления о том, что он контролирует ее работу. Однако невозможно отрицать, что флагманский журнал американского левого крыла в настоящее время поддерживает политику Дональда Трампа в отношении России. В июне несколько авторов Nation сообщили ванден Хувел в письме, что «журнал теперь не только служит интересам администрации Трампа, но и покрывает позором его лучшие традиции».

Коэн остается равнодушным к разгоревшимся вокруг него спорам, если только это не затрагивает ванден Хувел. Его опыт работы с российскими диссидентами в 1970-х и 1980-х годах развил в нем невозмутимость. «В Америке не приходится платить за инакомыслие так, как за него приходилось платить в Советском Союзе, – говорит он. – Я – почетный профессор двух университетов. Это значит, что я стар и что мне постоянно требуется медицинская помощь. Что они могут со мной сделать?»

Однако эта его невозмутимость не может скрыть его глубокую печаль. Трагедия Коэна заключается в том, что демократическая советская альтернатива Горбачева так и не материализовалась. Горбачев потерял контроль над советской империей, после чего к власти пришел Ельцин, который развалил СССР и принес с собой гиперкапитализм, полностью лишенный диктатуры закона. А потом Ельцин выбрал своим преемником Путина.

Когда я прощался с Коэном, он подарил мне свою книгу «Возвращение жертв» (The Victims Return, PublishingWorks, 2010), в которой рассказывается о жертвах сталинских ГУЛАГов. Уже в вагоне метро, я прочитал то, что он написал мне на первой странице: «Для Джордана. Желаю вам более счастливой участи, Стив».

Избранная библиография трудов Стивена Коэна

I. Книги

The Great Purge Trial. Co-Editor. (New York: Grosset & Dunlap and Universal Library Paperbacks, 1965).

Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888-1938 (New York: Knopf, 1973).
British Edition (London: Wildwood House, 1974).
American Paperback Edition (New York: Vintage Book, 1976).
Italian Edition (Milan: Feltrinelli, 1975).
Spanish Edition (Madrid-Mexico City: Siglo Veintiuno, 1976).
Japanese Edition (Tokyo: Mirai Sha Ltd., 1979).
French Edition (Paris: Maspero, 1979).
Russian Edition (Royal Oak, Mich.: Strathcona, 1980).
Serbo-Croat Edition (Opatija: Otakar Kersovani, 1980).
New American Paperback Edition (New York: Oxford Univ. Press, 1980).
British and New U.S. Paperback Edition (London: Oxford Univ. Press, 1980).
Swedish Edition (Lund: Arkiv, 1983).
Chinese Edition (Beijing, 1983).
Издания в СССР и РФ (М.: Прогресс, 1989, and 1993).
Brazilian Edition (Sao Paulo: Paz E Terra, 1990).

The Soviet Union Since Stalin. Co-editor (Bloomington: Indiana University Press, Hardcover and Paperback, 1980).
British Edition (London: Macmillan, 1980).

An End to Silence: Uncensored Opinion in the Soviet Union. Editor (New York: W.W. Norton, 1982).
Paperback Edition (New York: W.W., Norton, 1984).

Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917. (New York: Oxford University Press, 1985.).
Paperback Edition (New York: Oxford University Press, 1986).
Русское издание (Benson, Vt.: Chalidze Publications, 1986).
Chinese Edition (Beijing, 1988).

Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities (New York: W.W. Norton, 1985).
Expanded Paperback Edition (New York: W.W. Norton, 1986).

Voices of Glasnost: Interviews with Gorbachev's Reformers, with Katrina van-den Heuvel (New York: W.W. Norton, 1989).
Paperback Edition (New York: W.W. Norton, 1990).

Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia (New York: W.W. Norton, 2000).
Expanded Paperback Edition (New York: W.W. Norton, 2001).
Издание в РФ (М.: AIRO, 2001).

Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War (New York: Columbia University Press, 2009).
Paperback Edition With New Epilogue (New York: Columbia University Press, 2011).

The Victims Return: Survivors of the Gulag After Stalin (Exeter, NH: Publishing Works, 2010).
Издание в РФ (М.: AIRO-XXI, 2011).
UK Edition (London: IB Tauris, 2011).
Spanish Edition (Madrid: Creaciones Vincent Gabrielle, 2011).
US Paperback Edition (New York: IB Tauris, 2012).
Finnish Edition (Helsinki: Like Publishing, 2013).
Korean Edition (Paju-si: Geulhangari, 2014).

War With Russia? From Putin & Ukraine to Trump & Russiagate (New York: Skyhorse Publisher, 2019).

Можно ли было реформировать Советскую систему? / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16. (М.: АИРО-XXI, 2005). .

«Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза? (М.: AIRO-XXI, 2007; expanded edition, 2011).

Долгое возвращение: Жертвы ГУЛАГа после Сталина (in Russian, Moscow: AIRO-XXI, 2009).

Утраченное наследие Горбачева (М.: «Новая газета»; АИРО-XXI, 2010).

Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. (М.: АИРО-XXI, 2011).

II. Статьи и предисловия к книгам

Marxist Theory and Bolshevik Policy // *Political Science Quarterly*, Vol. LXXXV, No. l (March 1970), pp. 40-60.

Bukharin, Lenin and the Theoretical Foundations of Bolshevism // *Soviet Studies* (University of Glasgow), Vol. XXl, No. 4 (April 1970), pp. 436-57.
– reprinted by *School of International Affairs*, Columbia University, 1971.
– Japanese translation: *Doshisha University Economic Review*, Vol. XX, No. l-2 (March 1972), pp. 186-222.

In Praise of War Communism: Bukharin's The Economics of the Transition Period // *Revolution andPolitics in Russia: Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky*, edited by Alexander and Janet Rabinowitch (Bloomington: Indiana University Press, 1972), pp. 192-203.

Stalin's Revolution Reconsidered // *Slavic Review,* Vol. 32, No. 2 (June 1973), pp. 264-270.

Politics and the Past: The Importance of Being Historical // *Soviet Studies,* Jan. 1977, pp. 137–45.

Bolshevism and Stalinism // *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*, edited by Robert C. Tucker (New York: W.W. Norton, 1977; Norton Paperback, 1978), pp. 3-27.
– also in *Dissent*, Spring 1977, pp. 190-205.
– also in *Totalitarianism Reconsidered*, edited by Ernest J. Menze (Port Washington-London: Kennikat Press, 1981), pp. 58-80.
– Italian translation in *Studi Storici,* October-November 1978, pp. 686-7.

Foreword to *Roi and Zhores Medvedev, Khrushchev: The Years in Power* (New York W.W. Norton, 1978), pp. i-viii.

Common and Uncommon Sense About the Soviet Union and American Policy // *The Soviet Union: Internal Dynamics of Foreign Policy, Present and Future* (Hearings Before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on International Relations, House of Representatives) Washington: U.S. Government Printing Office, 1978), pp. 202-239.
– also as *A New Look at the Sources of Soviet Conduct* // *Inquiry Magazine,* December 19, 1977, pp. 11-17.
– Italian Translation in *Studi Storici*, April-June 1978, pp. 309-330.

Soviet Domestic Politics and Foreign Policy (revised version of above item) // *Detente or Debacle: Common Sense in U.S.-Soviet Relations,* edited by Fred Warner Neal (New York: W.W. Norton, 1979), pp. 11-28.
– Abridged version in *Common Sense in Soviet Relations*, edited by Carl Marcy (Washington: American Committee on East West Accord, 1978), pp. 11-25 Premonitions of Stalinism, Dissent, Winter 1978, pp. 79-82.

Premonitions of Stalinism // *Dissent*, Winter 1978, pp. 79-82

Why Bukharin's Ghost Still Haunts the Kremlin (author's title: **The Afterlife of Nikolai Bukharin**), *The New York Times Magazine,* December 10, 1978, pp. 79-82.
–Hebrew translation in *HA'ARETZ*, January 5-6, 1979, pp. 22 FF.

The Friends and Foes of Change: Reformism and Conservatism in the Soviet Union // *Slavic Review,* Vol. 38, No. 2 June 1979), pp. 187-202.
– also in *The Soviet Union Since Stalin*, Edited by Stephen F. Cohen, Alexander Rabinowitch, and Robert Sharlet (Bloomington: Indiana University Press, 1980), pp. 11-31.
– Italian translation in *Studi Storici*, No. 3, 1979, pp. 567-90.

What Is Fundamental? // *Slavic Review,* Vol. 38, No. 2 (June 1979), pp. 220-23.

The Rage of Heresy // *The Nation*, December 29, 1979, pp. 692-94.
– Italian translation in *L'Espresso*, December 16, 1979, pp. 54-57.

Stalin's Afterlife // *The New Republic*, December 29, 1979, pp. 15-19.

Bukharin and the Idea of An Alternative to Stalinism, new introduction to *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (Oxford University Press, 1980), pp. xv-xxiv.

Bukharin and the Eurocommunist Idea // *Eurocommunism Between East and West.* Edited by Vernon Aspaturian, Jiri Valenta and David P. Burke (Bloomington: Indiana University Press, 1980), pp. 56-71.
– also in *N.I. Bukharin, Selected Writings.* Edited by Richard B. Day (White Plains: M.E. Sharpe, 1982), pp. ix-xxv.
– also in *The Crucible of Socialism.* Edited by Louis Patsouras (Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press International, 1987), pp. 293-307.

Essays on the History of Stalinism, appeared intermittently in *Stalin L'Uomo, La Nazinoe, Il Partito* (Milan: Fabbri Editori, 1980).

E ora Brezhnev puo andare in pensione: collquio con Stephen F. Cohen // *L'Espresso,* June 17, 1979, pp. 54-59.

Cold Warriors of the World, Unite (author's title: **The Unholy Axis**) // *Inquiry Magazine*, April 21, 1980, pp. 23-24.

Dissenso, Democrazia ed evoluzine dell 'autoritarismo sovietico: 1917-1979 // *Dissenso e Democrazia new paesi dell'est* (Florence, 1980), pp. 24-34.

La sue visione della 'construzinoe del socialismo // *Rinascita,* July 4, 1980, pp. 18-20.

Il dopo Brezhnev: discuterne Josif Brodsky e Stephen F. Cohen // *L'Espresso*, November 16, 1980, pp. 70-82.

Hard-Line Fallacies // *New York Times* (OP-ED), August 22, 1980.
– also in *Social Education*, April 1981 (Vol. 45, No. 4), pp. 252-53.

The Parity Principle in U.S.-Soviet Relations // *The New York Times*, June 26, 1981 (OP-ED).

The Survivor as Historian, Introduction to Anton Antonov-Ovseyenko // *The Time of Stalin* (New York: Harper and Row, 1981), pp. vii-xi.

Roy Medvedev and Political Diary, foreword to *An End To Silence*, edited by Stephen F. Cohen (New York: W.W. Norton, 1982), pp. 7-14.

The Stalin Question Since Stalin // *An End to Silence*, edited by Stephen F. Cohen (New York: W.W. Norton, 1982), pp. 22-50.

Bucharin e il bucharinismo // *Istituto Gramsci*, *Bucharin tra rivoluzione e Riforme* (Rome: Editori Riuniti, 1982), pp. 19-27.

How to Save the World // *The New York Times*, November 13, 1983 (OP-ED).

Andropov in mezzo al Guado // *L'Espresso,* December 12, 1983.

No Andropov Era // *The New York Times,* November 13, 1983 (OP-ED).

Soviet Domestic Politics and Foreign Policy // *World Politics Debated*, edited by Herbert M. Levine (New York: McGraw-Hill, 1983), pp. 126–137.

The Stalin Question // *The Soviet Union Today*, edited by James Cracraft (Chicago: University of Chicago Press, 1983), pp.21-32.

The Friends and Foes of Change // *The Soviet Polity in the Modern Era*, edited by E. Hoffmann and R. Laird (Hawthorne: Aldine, 1984), pp. 85-104.

Soviet State and Society as Reflected in the American Media // *Nieman Reports*, Winter 1984, pp. 25-28.
– also (abridged) in *Bulletin of the American Society of Newpaper Editors*, November/December 1984, pp. 36-37.
– also (abridged) in *Harper's*, March 1985.
– also in *The Other Side: How Soviets and Americans Perceive Each Other*. Edited by Robert English and Jonathan Halperin (New Brunswick: Transaction Books, 1987), pp. 77-81.

Soviet Domestic Politics and Foreign Policy // *Soviet Foreign Policy In A Changing World*, edited by R. Laird and E. Hoffmann (New York: Aldine, 1986), pp. 66-83.

Stalin's Terror as Social History // *The Russian Review*, Vol. 45, No. 4 (1986), pp. 375-84.

A Matter of Global Survival // *Before the Point of No Return*, edited by Craig Snyder (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986), pp. 49-53.

The Struggle for Detente // *East-West Tension, North-South Conflict* (New York: Riverside Church Disarmament Program, 1986), pp. 9-13.

America's Russia: Can the Soviet System Change? // *Socialism and Democracy*, No. 3 (Fall/Winter 1986), pp. 5-16.
– also in *Princeton Alumni Weekly*, September 30, 1986, pp. 11-15.
– also (abridged) in *Harper's* November 1986.

Gorbachev's Historic Embattled Program // *Il progetto Gorbaciov* (Rome: Rinascita, 1987) pp. 158-165.

«Perestroika» (Debate with Richard Pipes) // *Princeton Alumni Weekly*, December 9, 1987, pp. 21-27.

Soviet State And Society in the American Media // *The Other Side*, edited by Robert English and Jonathan Halperin (New Brunswick: Transaction Books, 1987), pp. 77-81.

Bukharin and The Eurocommunist Idea // *The Crucible of Socialism*, edited by Louis Patsouras (Atlantic Highlands: Humanities Press, 1987), pp. 293-307.

The U.S. Press and Glasnost // *Deadline*, May-June 1988, pp. 3-4.

Centrists Lack the Guts to Respond to Gorbachev [Not Author's title] // *New York Times*, September 19, 1988 (OP-ED).
– also in *International Herald Tribune* September 20, 1988.
– also in *Ekho Planety*, No. 33 (Nov.), 1988, p. 48.

The President's Historic Opportunity: Will We End the Cold War? // *The Nation*, October 10, 1988, pp. 305-314.
– also in *America's Transition*, edited by Mark Green and Mark Pinsky (New York: Democracy Project, 1989) pp. 120-134.
–abridged in *The Trenton Times*, October 16, 1988.
–abridged in *Rinascita*, October 22, 1988, pp. 28-30.

The History of A Book, foreword to the Soviet edition of *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (Moscow, 1989).
– also in *Rinascita*, December 3, 1988.
– also in *Ogonek*, No. 45, 1988, p. 28.

Supporters and Opponents of Perestroika: A Roundtable // *Soviet Economy*, October-December 1988, pp. 275-318.

Gorbachev and the Soviet Reformation // *Voices of Glasnost*, edited by Stephen F. Cohen and Katrina vanden Heuvel (New York: W.W. Norton, 1989), pp.13-32.

Changing the Image of the Enemy: Dialogue with Vitaly Korotich // *Michigan Quarterly Review*, Fall 1989, pp. 507-20.

The Moderate Alternative // *The Stalin Revolution*, edited by Robert V. Daniels (Lexington: D.C. Heath, 1990), pp. 35-53.

Gorbachev the Great [Author's Title: **Has Gorbachev Really Failed?**] // *The New York Times*, March 11, 1991, op-ed.
– also in *International Herald Tribune*, March 11, 1991.
– also in *Izvestiia*, March 12, 1991.

Gorbachev's Reforms and American Perceptions // *Outlook*, Winter 1990–91, pp. 70–74.

Gorbachev's Reforms After Six Years // *Hearings Before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations U.S. Senate* (Washington: U.S. Government Printing Office, 1991), pp. 41–47.

The Friends and Foes of Change // *The Soviet System in Crisis*, edited by Alexander Dallin and Gail W. Lapidus (Boulder: Westview Press, 1991), pp. 64–80.

Cold Dawn in Moscow // *The New York Times*, September 4, 1991, op-ed.
– also in *International Herald Tribune*, September 5, 1991.
– also in *Sovetskaia Rossiia*, September 7, 1991.
– also in *Nezavisimaia gazeta*, October 5, 1991 (and English ed., October, No. 2, 1991).

What's Really Happening in Russia? // *The Nation*, March 2, 1992, pp. 259–68.
– also in *Annual Editions: Comparative Politics* (Dushkin Publishers, 1993).

The Election's Missing Issue: A Cold Peace With Russia? // *The Nation*, November 23, 1992, pp. 622–24.
– also in *Information* (Denmark), November 6, 1992.
– also in *De Morgen* (Belgium), December 1993.

Ligachev and the Tragedy of Soviet Conservatism, introduction to *Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev* (New York: Pantheon Books, 1993), pp. 7–37.

The Afterlife of Nikolai Bukharin, introduction to *Anna Larina, This I Cannot Forget: The Memoirs of Nikolai Bukharin's Widow* (New York: W.W. Norton, 1993), pp. 13–36.

Staggering Toward Democracy? // *Harvard International Review*, Winter 1992/993, pp. 14–17, 60–62.

Can We Convert Russia? // *Washington Post Outlook*, March 28, 1993, pp. 1–2.
– also in *Rabochaia tribuna*, April 7, 1993.

American Policy and Russia's Future // *The Nation*, April 12, 1993, pp.476–85.

U.S. Policy Toward Post-Communist Russia: Fallacies, Failures, Possibilities // *Hearings Before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives* (Washington: U.S. Government Printing Office, 1993), pp. 453–479.

Yeltsin's Desperation Dismantles Democracy // *Washington Post Outlook*, October 10, 1993, pp. 1–3.
– also in *Washington Post National Weekly*, October 18–24, 1993, pp. 23–24.
– abridged in *International Herald Tribune*, October 13, 1993.
– abridged in *The Moscow Times*, October 14, 1993.
– abridged in *Rabochaia tribuna*, October 18, 1993.
– abridged in *Novaia ezhednevnaia gazeta*, November 29, 1993.

The Last Chance (with K. vanden Heuvel) // *The Nation*, January 24, 1994, pp. 76–77.

America's Failed Crusade in Russia // *The Nation*, February 28, 1994, pp. 261–64.
– abridged in *International Herald Tribune*, February 16, 1994.
– abridged in *Los Angeles Times*, February 11, 1994.
– abridged in *Rabochaia tribuna*, February 11, 1994.

Clinton's Yeltsin, Yeltsin's Russia // *The Nation*, October 10, 1994, pp. 373–76.
– abridged in *International Herald Tribune*, September 26, 1994.
– abridged in *New York Newsday*, September 25, 1994.
– abridged in *The Moscow Times*, September 27, 1994.
– abridged in *Rabochaia tribuna*, October 4, 1994.
– abridged in *Sovetskaia Rossiia*, October 4, 1994.

The Friends and Foes of Change (reprint) // *The Soviet System: From Crisis to Collapse*, edited by Alexander Dallin and Gail Lapidus (Boulder: Westview Press, 1995), pp. 57–74.

If Not Yeltsin, The Russian Opposition // *The Washington Post* (Outlook), December 3, 1995.

In Russia, Who Is Guilty Now? // *The New York Times*, December 11, 1995, op-ed.

To Be Preserved Forever, Introduction to *The Prison Manuscripts of N.I. Bukharin* (in Russian, Moscow: AIRO, 1996), Vol. 1, pp. 14–24.
– abridged in *The Nation*, November 27, 1995, pp. 672–76.
– abridged in *Nezavisimaia gazeta*, November 3, 1995.
– abridged in *Svobodnaia mysl*, December 1995, pp. 50–56.
– abridged in *Princeton Alumni Weekly*, March 20, 1996, pp. 20–23.

Russia's Judgment Day? (co-author) // *The Nation*, July 8, 1996, pp. 3–5.
– also in *Literaturnaia gazeta*, July 3, 1996.

Ligachev and the Tragedy of Soviet Conservatism // *Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev* (reprint, Boulder: Westview Press, 1996), pp. vii-xxxvi.

'Transition' or Tragedy? // *The Nation*, December 30, 1996, pp. 4–6.
– also in (abridged) *International Herald Tribune*, December 13, 1996.
– also in (abridged) *The Moscow Times*, December 17, 1996.
– also in *Obschchaia gazeta*, December 26–31, 1996.
– also in (abridged) *Los Angeles Times*, December 12, 1996.
– also in *Zavtra*, January (No. 3), 1997.

The Other Russia (co-author) // The Nation, August 11/18, 1997, pp. 24–26.

Preface to *David King, The Commissar Vanishes* (New York: Metropolitan Books, 1997).

Bukharin's Fate, Introduction to *Nikolai Bukharin, How it All Began* (New York: Columbia University Press, 1998), pp. 7–28.
– also in (abridged) *Dissent*, Spring 1998, pp. 58–68.

Why Call It Reform? // *The Nation*, Sept. 7/14, 1998, pp. 6–7.
– also in several U.S. and Russian newspapers.

Russian Tragedy or Transition // Michael Cox (ed.), *Rethinking the Soviet Collapse* (London: Cassell, 1998), chap. 13.

'Who Lost Russia?' // *The Nation*, October 12, 1998, p. 5.
– also in *International Herald Tribune*, October 27, 1998.
– also in *Los Angeles Times*, October 27, 1998.

Help Russia (with Katrina vanden Heuvel) // *The Nation*, January 11/18, 1999, pp. 6–9.
– also in *The Moscow Times*, December 25, 1998.

– also in *The St. Petersburg Times*, December 29, 1998.
– also in *Courrier International*, January 7–13, 1999.
– also in *Nezavisimaia Gazeta*, January 26, 1999.

Russian Studies Without Russia // *Post-Soviet Affairs*, January–March 1999, pp. 37–55.
– also in *Svobodnaia mysl*, No 9–12, 1998, pp. 21–34.

'Transition' Is a Notion Rooted in U.S. Ego // *The New York Times* (Ideas Page), March 27, 1999.

Degrading America // *The Nation*, May 24, 1999, p. 6.
– also in *Nezavisimaia Gazeta*, May 7, 1999.

American Journalism and Russia's Tragedy // *The Nation*, October 2, 2000, pp. 23–30.

Gorbachev as Leader: Pope or Luther? // *Gorbachev on His 70th Birthday*, English and Russian eds. (Moscow, 2001), pp. 242–46.

Russian Nuclear Roulette // *The Nation*, June 25, 2001, p. 16.

A Second Chance With Russia // *The Nation*, November 5, 2001, pp. 7, 23.
– also in *Pittsburgh Post-Gazette*, November 11, 2001.
– also in *International Herald Tribune*, November 14, 2001.
– also in *Sovetskaia Rossiia*, October 18, 2001.

Endangering U.S. Security (co-author) // *The Nation*, April 15, 2002, p. 5.
– also in *Sovetskaia Rossiia*, April 2, 2002.
– also in *Los Angeles Times*, May 1, 2002.
– also in *Newsday*, May 3, 2002.
– also in *Chicago Tribune*, May 14, 2002.

Are We Safer? // *The Nation*, May 5, 2003, p. 4.
– also in *International Herald Tribune*, April 23, 2003.
– also in *Izvestiia*, June 20, 2003.

The Struggle for Russia // *The Nation*, November 24, 2003, pp. 5–6.
– also in *Philadelphia Inquirer*, November 9, 2003.
– also in *Moscow Times*, November 12, 2003.
– also in *Rodnaia Gazeta*, November 14, 2003.

How to Get Out of Iraq // *The Nation*, May 24, 2004, p.11.
– also in *The Guardian* (UK).
– also in *Rodnaia gazeta*, May 14–20, 2004.

Was the Soviet System Reformable? // *Slavic Review*, Fall 2004, pp. 459–488; and **Reply** (to comments), pp. 553–54.
– also in *Svobodnaia mysl*, No. 1, 2005, pp. 136–62.
– also in *Politicheskii zhurnal*, Jan 17, 2005, pp 66–70 (abridged).
– also in *Proryv k svobode: o perestoike dvadtsat let spusta* (Moscow, 2005), pp. 24–25.

The Media's New Cold War // *The Nation*, Jan. 31, 2005, pp. 18–22.
– also in *Gudok*, Feb. 2, 2005.
– also in *Natsionalnye interecy*, No. 1, 2005, pp. 3–6.

Gorbachev's Lost Legacy // *The Nation*, March 14, 2005, p. 5.
– also in *Los Angeles Times*, Feb. 27, 2005.
– also in *Politicheskii zhurnal*, Feb. 28, 2005.

Who's to Blame? (in Russian) // *Politicheskii klass*, No. 10, 2005, pp. 60–65.

The New American Cold War // *The Nation*, July 10, 2006, pp. 9–17.
– also in *Polityka*, June 28, 2006.
– also in *Oestado de Sao Paolo*.
– also in the *Spokesman* (UK), No. 101 (2009), pp. 18–35.
– also in *Novyi zhurnal*, No. 248 (2007), pp. 143–59.

The Soviet Union, R.I.P.? // *The Nation*, December 25, 2006, pp. 14–18.
– also in *The Guardian* (UK), December 13, 2006.
– also in *Novaia gazeta*, December 21–24, 2006.
– also in *Europa* (Poland), December 30, 2006.
– also in *Weekendavisen*, Feb. 10 2006.

Bukharin's Fate, Introduction to Nikolai Bukharin, *Socialism and Its Culture* (London – New York – Calcutta, 2006), pp. vii-xxxii.

Is the Cold War Really Over? (in Russian) // *Gorbachevskie chteniia*, edited by O.M. Zdravomyslova, Vol. 4 (Moscow, 2006), pp. 267–73.

Conscience and the War // *The Nation*, March 26, 2007, pp. 4–5.

Boyhood Memories of a Pine Crest Friend (Frederic Wakeman, Jr.) // *Pine Crest Magazine*, Spring 2007, p. 44.

The Fifteenth Anniversary of the End of the Soviet Union (with others) // *Kennan Institute Occasional paper #299* (Washington, DC, 2008).

Introduction to *The Prisoner of Lubianka: The Prison Manuscripts of Nikolai Bukharin* (in Russian; expanded edition of 1996 volumes) (Moscow, 2008), pp. 20–28.

The Missing Debate // *The Nation*, May 19, 2008, pp. 6–8.
– also in *Los Angeles Times*, April 30, 2008.
– also in *International Herald Tribune*, May 3–4, 2008.
– also in *Metro*, April 30, 2008.
– also in *Izvestiia*, April 30, 2008.
– also in *L'unita*, April 30, 2008.

The Victims Return: Gulag Survivors Under Khrushchev // *Political Violence: Essays in Honor of Robert Conquest*, edited by Paul Hollander (New York – London, 2008), pp. 49–68.
– abridged version in *The Nation*, September 15, 2008, pp. 27–32.

U.S. – Russian Relations in an Age of American Triumphalism (Interview) // *Journal of International Affairs*, Spring/Summer 2010, pp. 191–205.

Obama's Russia 'Reset': Another Lost Opportunity? // *The Nation*, June 20, 2011, pp. 11–18.
– also in *Nezavisimaia gazeta*, July 12, 2011.
– also in *Mir peremen*, No. 3, 2011, pp. 106–20.

My Sports Hero as Fate // *The Nation*, August 15/22, 2011, p. 15.

Boukharine et les communistes de gauche // in *Moscou 1918: Le Revue Kommunist* (Toulouse, 2011), pp. 35–57.

The Soviet Union's Afterlife // *The Nation*, Jan. 9/16, 2012, pp. 14–18.

America's Failed (Bi-Partisan) Russia Policy // *Huffington Pos*t, February 28, 2012.
– also in *Natsionalnye interesy,* No. 2, 2012, pp. 34–38.

Stop the Pointless Demonization of Putin // *Reuters.com*, May 7, 2012.
– also in *Inosmi.ru*, May 9, 2012.

Cold War Chill // *The Spokesman*, No. 117 (2012).

Dishonoring Stalin's Victims (with Peter Reddaway) // *The Nation*, June 11, 2012, pp. 6–8.
– also in *Novaia gazeta*, June 4, 2012.
– also in *The Moscow Times*, June 28, 2012.
– also in (abridged) The Guardian.com, June 18, 2012.

Is Congress's Magnitsky Bill A New Blacklist? (coauthor) // *The Nation.com,* December 14, 2012.

Cold War Follies // *The Nation*, February 4, 2013, pp. 6–8.
– also in *The Moscow Times*, January 24, 2013.
– also in *Inosmi.ru*, January 21, 2013.
– also in *RT.ru*, January 22, 2013.

How Obama Can Avert a New Cold War // *The Washington Post*, February 15, 2013.
– also in *Inosmi.ru*, February 16, 2013.

Distorting Russia: How the American Media Misrepresent Putin, Sochi and Ukraine // *The Nation*, March 3, 2014, pp. 6–11.
– also in *The Moscow Times*, February 19, 2014.
– also in *Przegald* (Poland), March 2014.

Why Cold War Again? // *The Nation*, April 21, 2014, pp. 5–6.
– also in *The Moscow Times*, April 3, 2014.
– also in *Novaia gazeta*, April 9, 2014.

Cold War Against Russia – Without Debate (with Katrina vanden Heuvel) // *The Nation*, May 19, 2014, pp. 3–4.

Kiev's Atrocities and the Silence of the Hawks // *The Nation*, August 4–11, 2014, pp. 11–15.
– also in *Komsomolskaia pravda*, July 9, 2014.

Why Is Washington Risking War with Russia? (with Katrina vanden Heuvel) // *The Nation*, August 18–25, 2014, pp. 4–6.

Patriotic Heresy vs. the New Cold War // *The Nation*, September 15, 2014, pp. 22–26.
– also in *Novaia gazeta*, August 29, 2014.
– also in La Monde Diplomatique, October 2014.

Snowden in Exile (Interview with Edward Snowden, done with Katrina vanden Heuvel) // *The Nation*, November 17, 2014, pp. 14–26.

Why We Must Return to the US-Russian Parity Principle // *The Nation*, April 15, 2015.

Coalition or Cold War With Russia? // *The Nation,* November 30, 2015.

The Obama Administration Recklessly Escalates Confrontation With Russia // *The Nation*, February 9, 2016.

Why We Must Oppose the Kremlin-Baiting Against Trump // *The Nation*, February 22, 2017.

Памяти Евгения Гнедина // СССР: Внутренние противоречия. Вып. 2. – Нью-Йорк, 1984. С. 269–273.

Переосмысливая советский опыт // США. – 1986. – № 2. – С. 97–104.

Возвращение Николая Бухарина // Московские новости. – 1988. – 21 февр.

Предисловие // Американцы пишут Горбачеву. – М.: Прогресс, 1988. – С. 9–35.

Страницы жизни Николая Бухарина // За рубежом. – 1988. – № 15, 16.

На крутом повороте: Бухарин и Сталин в канун «великого перелома» // Знание – сила. – 1988. – № 8. – С. 64–74.

Николай Бухарин: взгляд американского советолога // Эхо планеты. – 1988. – № 32. – С. 30–33.

Нэповская альтернатива // Наука и жизнь. – 1988. – № 10. – С. 60.

Бухарин, НЭП и идея альтернативы сталинизму // ЭКО. – 1988. – № 9. – С. 155–167.

Дуумвират: Бухарин и Сталин // Огонёк. – 1988. – № 45. – С. 29–31.

Предисловие к советскому изданию // Бухарин: политическая биография, 1888–1938. – М.: Прогресс, 1989. – С. 3–9; То же // Огонёк. – 1988. – № 45. – С. 28.

Марксистская теория и большевистская политика: «Теория исторического материализма» Бухарина / Послесл. В.Н. Шевченко // Философские науки. – 1989. – № 1. – С. 73–87.

[Рец. на кн.: *Горелов И.Е.* Николай Бухарин. – М.: Моск. рабочий, 1988. – 282 с: ил.] // Проблемы мира и социализма. – 1988. – № 5. – С. 85–86. – Соавт.: С. Меньшиков.

Перестройка – это путешествие в поисках нового // Коммунист. – 1989. – № 7. – С. 23–29.

Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. – 1989. – № 7. – С. 46–72.

Предупреждение сталинизма // Огонёк. – 1990. – № 28. – С. 13–16.

Партия на перепутье // Литературная газета. – 1990. – 4 июля.

Американское восприятие и советская действительность // СССР глазами советологов. – М.: Московский рабочий, 1990. – С.40–59.

Что же происходит в России? // Свободная мысль. —1992. – № 8. – С. 15–23.

Американская политика и будущее России // ПОЛИС. – 1993. – № 3. – С. 86–97.

Круглый стол // Что значит издать книгу в Советском Союзе. – М., 1993. – С. 6 – 14, 32–38.

«Let Russia be Russia» // Литературная газета. – 1993. – 23 июня.

Может ли Ельцин стать новым Ельциным? // Новая ежедневная газета. – 1994. – 4 янв.

Что Америка может дать России? // Рабочая трибуна. – 1994. – 19, 20 июля.

Куда идёт Россия? // Труд. – 1994. – 26 июля. – Соавт.: С. Бабурин.

Предисловие к изданию «Тюремные рукописи Н.И. Бухарина» // [*Бухарин Н.И.*] Тюремные рукописи Н.И. Бухарина: В 2 кн. / Под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 1: Социализм и его культура / Публ. С.Н. Гурвич-Бухариной, А.М. Лариной-Бухариной, Ю.Н. Ларина; Предисл. Б.Я. Фрезинского; Коммент., указ. имён О.Л. Сорокиной, М.Ф. Федотовой. – М.: АИРО-XX, 1996. – С. 14–24; То же в сокр. // Свобод, мысль. – 1995. – № 12. – С. 50–56; Независимая газета. – 1995. – 3 нояб.

Изучение России без России. Крах американской постсоветологии / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 4 – М.: АИРО-XXI, 1999. – 48 с. То же // Свободная мысль. – 1998. – № 9/12. – С. 21–34.

Горбачев как лидер: Папа или Лютер? // Многая лета… Михаилу Горбачеву. – М., 2001. – С. 254–259.

Предисловие // *Бухарин В.И.* Дни и годы / Публ. подгот.: М.В. Бухарина, Ю.Н. Гусев, Л.Н. Гусева, Г.В. Девицина; Сост., введ., коммент., послесл.: Г.В. Девицина, Л.Н. Гусева, Е.Н. Юркевич; Введ. Н.В. Тороповой. – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 5–8; То же // Библиография. – 2003. – № 4. – С. 73–75.

Бухарин на Лубянке // Свободная мысль. – 2003. – № 3. – С. 58–64.

Кто виноват? // Политический класс. – 2005. – № 10. – С. 60–65.

Правда ли, что «холодная война» закончилась? // Горбачёвские чтения / Под ред. О.М. Здравомысловой. – Вып. 4. – М., 2006. – С. 267–273.

Введение // Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов / Предисл. С. Бабурина. Под ред. Г.А. Бордюгова. Изд. 2-е, доп., измен. и расшир. – М.: АИРО-XXI; РГГЭУ, 2008. – С. 20–28.

Приди Бухарин к власти, в СССР было бы меньше насилия // Известия. 2008, 9 октября.

Утраченное наследие Горбачева // Новая газета. 2010, 1 марта.

III. Monthly magazine/newspaper column

From 1982 to 1987, I wrote a monthly column (1000 words) on current Soviet affairs and U.S.-Soviet relations. The column appeared in *The Nation* magazine under the running title «Sovieticus». It was syndicated in several newspapers, under various titles, each month. Those newspapers included the *Los Angeles Times*, *Baltimore Sun*, *Newsday*, *Chicago Tribune*, *Boston Globe*, *International Herald Tribune*, *Washington Post*, *Philadelphia Inquirer*, *San Jose Mercury*, *Miami Herald*, *New York Times*, *Portland Oregonian*, *Cleveland Plain Dealer*, and *Kansas City Star*.

IV. Weekly commentaries on the new US-Russian cold war, 2014–2018

Since 2014, I have done a weekly national radio broadcast about the new US-Russian Cold War on The John Batchelor Show, which originates in New York on WABC AM. I then turned my contributions to these broadcasts into written commentaries and posted them the following day at *TheNation.com*.

Some are rather short, others are full articles. All of them can be found at that website.

V. Review essays

On the Genesis of Stalinism // *Dissent*, July-August 1966, pp. 435-38.

Uncensored Russia // *The New York Times Book Review*, July 23, 1972, pp. 6-7, 12-13.

Politics and the Past: The Importance of Being Historical // *Soviet Studies*, January 1977, pp.137-45.

A Left Right // *The New York Times Book Review*, January 7, 1979, pp. 9, 24-28.

Voices From the Gulag // *The New York Times Book Review*, May 4, 1980, pp. l and inter alia.

Don't Blame Mr. Arbatov, a review of Georgi Arbatov // *The System*, in *The New York Times Book Review*, August 16, 1992, pp. 13–14.

Works in progress

Nikolai Bukharin: A Full Biography (forthcoming, 2016).

VI. Documentary films
(Project Developer and Correspondent)

«Conversations With Gorbachev», 90 mins. (First broadcast, PBS WNET/New York, December 1994).

«Russia Betrayed? Voices of the Opposition», 60 mins. (First broadcast, PBS WNET / New York, December 1995).

«Widow of the Revolution: The Anna Larina Story», 60 mins. (First PBS Broadcast, June 2000).

Several national Russian broadcasts, 2000–2002.

VII. Литература о Ст. Коэне

Гефтер М.Я. Все мы заложники мира предкатастроф: Письмо американскому историку Стивену Коэну // *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М., 1991. – С. 85–91.

Согрин В. Стивен Коэн и перипетии посткоммунистической России // Обществ, науки и современность. – 2002. – № 4.

Аннинский Л. Коэн зрит в корень // Родина. – 2002. – № 7.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI; РГТЭУ, 2008.

Stephen Cohen, The Soviet Union and Russia. Tributes and Comments by Russian Colleagues. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Ed. by Gennady Bordyugov and Leonid Dobrokhotov. Translated by George Shriver. – PublishingWorks, Exeter, NH, 2010.

Две родины Стивена Коэна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013.

Примечания

I раздел
Бухариниада: была ли в СССР альтернатива сталинизму?

Бухарин: Политическая биография

Избранная библиография

Пояснения к избранной библиографии и к примечаниям

Библиография к книге «Бухарин. Политическая биография» – избранная в том смысле, что она включает в себя не все материалы, использованные в работе над книгой, и даже не всю литературу и источники, указанные в примечаниях. Стремясь ограничить ее объем разумными пределами, я перечисляю лишь те работы, которые оказались наиболее полезными или цитируются чаще всего. В частности, приведены не все публикации Бухарина в периодических изданиях (главным образом в «Правде» и «Известиях»), число которых достигает нескольких сотен. Читателю, интересующемуся полной аннотированной библиографией работ Бухарина между 1912 и 1929 гг., следует обратиться к книге Сидни Хайтмана (Heitman Sidney. Nikolai I. Bukharin: A Bibliography, Stanford, California, 1969). Эта книга, превосходная во всех прочих отношениях, недостаточно полна в той части, где речь идет о публикациях и речах Бухарина в 1930–1936 гг., поэтому интересующимся данным периодом следует пользоваться ею в сочетании с моими примечаниями к главе 10-й настоящей работы.

Вся библиография разделена на две части: источники на русском языке (с № 1 по № 283) и источники на иностранных языках (с № 301 по № 466). Обе библиографии составлены в алфавитном порядке.

Чтобы сократить объем примечаний, все публикации в них (включенные в библиографию) даются под соответствующим номером в круглых скобках: (..).

В примечаниях и в библиографии даны следующие сокращения:

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия, 1-е изд. в 66-ти томах. М., 1926–1947.

ВКА – «Вестник Коммунистической академии».

МСЭ – «Малая Советская Энциклопедия».

ПЗМ – «Под знаменем марксизма».

Inprecor – International Press Correspondence.

T – The Trotsky Archives, Houghton Library, Harvard University (неопубликованные материалы).

Более подробные примечания к материалу, изложенному в главах 1–7 этой книги, можно найти в моей докторской диссертации: «Bukharin and Russian Bolshevism, 1888–1927», Columbia University, 1969.

Источники на русском языке

1. *Абрамов А.* О правой оппозиции в партии. – М., 1929.

2. *Айхенвальд А.* Советская экономика. – М.–Л., 1927.

3. *Александров /псевдоним/.* Кто управляет Россией? – Берлин, 1933.
4. *Астров Валентин.* Круча /роман/. – М., 1969.
5. *Аст ров В.* Огни впереди. – М., 1967.
6. *Астров В.* и *Слепков А.* Социал-демократия и революция. – М.–Л., 1928.
7. *Баевский Д.* Большевики в борьбе за III Интернационал // Историк-марксист. 1929, № 11.
8. *Баевский Д.* Борьба Ленина против бухаринских «шатаний мысли» // Пролетарская революция. 1930, № 1 (96).
9. *Баевский Д.* Партия в годы империалистической войны // Очерки по истории Октябрьской революции: работы исторического семинара Института красной профессуры / Под ред. М.Н. Покровского. Т. I. – М.–Л., 1927.
10. *Богданов Александр.* Философия живого опыта. – М., 1920.
11. *Богданов А.* Тектология: всеобщая организационная наука. – Берлин и Петроград, 1922.
12. *Богденко М.Л.* Колхозное строительство весной и летом 1930 года // Исторические записки. 1965, № 76.
13. *Богушевский В.* Канун пятилетки // Год восемнадцатый: альманах восьмой / Под ред. М. Горького. – М., 1935.
14. Большевик.
15. Большевики: документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. – М., 1918.
16. *Бубнов А.* ВКП(б). – М.–Л., 1931.
17. *Бухарин Н.И.* Автобиография // Деятели СССР и Октябрьской революции. Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41, ч. I.
18. *Бухарин Н.И.* и *Преображенский Е.* Азбука коммунизма. – Харьков, 1925.
19. *Бухарин Н.И.* Атака: сборник теоретических статей. – М., 1924.
20. *Бухарин Н.И.* В защиту пролетарской диктатуры: сборник. – М.–Л., 1928.
21. *Бухарин Н.И.* Второй Интернационал под флагом левого коммунизма // Большевик. 1924, № 5–6.
22. *Бухарин Н.И.* Годы побед // Плановое хозяйство. 1933, № 7 –8.
23. *Бухарин Н.И.* Диктатура пролетариата в России и мировая революция // Коммунистический Интернационал. 1919, № 4.
24. *Бухарин Н.И.* Доклад на IX чрезвычайной партконференции Выборгского района // Ленинградская организация и четырнадцатый съезд: сборник материалов и документов. – М.–Л., 1926.
25. *Бухарин Н.И.* Доклад на XXIII чрезвычайной ленинградской губернской конференции ВКП(б). – М.–Л., 1926.
26. *Бухарин Н.И.* За упорядочение быта молодежи // Быт и молодежь: сборник статей / Под ред. А. Слепкова. – М., 1926.
27. *Бухарин Н.И.* Значение аграрно-крестьянской проблемы // Большевик. 1925, № № 3–4.
28. *Бухарин Н.И.* Из речи тов. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 г. // Пролетарская революция. 1922, № 10.
29. *Бухарин Н.И.* Империализм и накопление капитала (теоретический этюд), 4-е изд. – М.–Л., 1929.
30. *Бухарин Н.И.* и Пятаков Юрий. Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия // Красная новь. 1921, № 1.
31. *Бухарин Н.И.* Как не нужно писать истории Октября: по поводу книги т. Троцкого «1917» // За ленинизм: сборник статей. – М.–Л., 1925.
32. *Бухарин Н.И.* Какой должна быть молодежь? // Молодая гвардия. 1926, № 2.
33. *Бухарин Н.И.* К вопросу о троцкизме. – М.–Л., 1925.
34. *Бухарин Н.И.* К итогам XIV съезда ВКП(б). – М.–Л., 1926.
35. *Бухарин Н.И.* Кризис капитализма и коммунистическое движение. – М., 1923.

36. *Бухарин Н.И.* К теории империалистического государства // Революция права: сборник первый. – М., 1925.

37. *Бухарин Н.И.* Культурные задачи и борьба с бюрократизмом // Революция и культура. 1927, № 2.

38. *Бухарии Н.И.* Лозунг Советов в венском восстании // Коммунистический Интернационал. 1927, № 43.

39. *Бухарии Н.И.* Мировое хозяйство и империализм. (Экономический очерк). М.–Пг., 1923.

40. *Бухарин Н.И.* На подступах к Октябрю: статьи и речи мая–декабря 1917 года. – М.–Л., 1926.

41. *Бухарин Н.И.* Настоящая потеха и настоящее мучение // Красная новь. 1921, № 2.

42. *Бухарин Н.И.* Некоторые вопросы экономической политики: сборник статей. – М., 1925.

43. *Бухарин Н.И.* Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии // Организованный капитализм: дискуссия в Комакадемии. 2-е изд. – М., 1930.

44. *Бухарин Н.И.* Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. (К вопросу об экономическом обосновании троцкизма) // За ленинизм: сборник статей.» – М.–Л., 1925.

45. *Бухарин Н.И.* Об итогах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). – М.–Л., 1927.

46. *Бухарин Н.И.* О ликвидаторстве наших дней // Большевик. 1924, № 2.

47. *Бухарин Н.И.* О международном положении. – Л., 1926.

48. *Бухарин Н.И.* О некоторых вопросах из первой части проекта программы К.И. // Коммунистический Интернационал. 1928, № № 31–32

49. *Бухарин Н.И.* О некоторых задачах нашей работы в деревне // Большевик. 1924, № 7–8.

50. *Бухарин Н.И.* О новой экономической политике и наших задачах // Большевик. 1925, № 8–10.

51. *Бухарин Н.И.* О политике партии в художественной литературе // К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. – М., 1924,

52. *Бухарин Н.И.* О рабкоре и селькоре: статьи и речи. 2-е изд. – М., 1926.

53. *Бухарин Н.И.* О старинных традициях и современном культурном строительстве. (Мысли вслух) // Революция и культура. 1927, № 1.

54. *Бухарин Н.И.* О теории перманентной революции // За ленинизм: сборник статей. – М., 1925.

55. *Бухарин Н.И.* От крушения царизма до падения буржуазии. – Харьков, 1923.

56. *Бухарин Н.И.* О формальном методе в искусстве // Красная новь. 1925, № 3.

57. *Бухарин Н.И. и Рыков А.И.* Партия и оппозиционный блок. 2-е изд. – М.–Л., 1926.

58. *Бухарин Н.И.* По скучной дороге: ответ моим критикам // Красная новь. 1923, № 1.

59. *Бухарин Н.И.* Политическое завещание Ленина. 2-е изд. – М., 1929.

60. *Бухарин Н.И.* Политическая экономия рантье. (Теория ценности и прибыль австрийской школы). – М., 1919.

61. *Бухарин Н.И.* Проблемы китайской революции. – М., 1927.

62. *Бухарин Н.И.* Программа коммунистов (большевиков). – Пг., 1927.

63. *Бухарин Н.И.* Производственная пропаганда. – М., 1920.

64. *Бухарин Н.И.* Пролетариат и вопросы художественной политики // Красная новь. 1925, № 4,

65. *Бухарин Н.И.* Пролетарская революция и культура. – Пг., 1923.

66. *Бухарин Н.И.* Путь к социализму в России: избранные произведения / Под ред. Сидни Хайтмана. – NY, 1967.

67. *Бухарин Н.И.* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. – М.–Л., 1925.

68. *Бухарин Н.И.* Революция 1905 года // Вестник труда. 1925, № 12.

69. *Бухарин Н.И.* Речь на октябрьском Пленуме ЦК и ЦККВКП(б) // Партия и оппозиция накануне XIV съезда ВКП(б): сборник дискуссионных материалов. Том I. – М.–Л., 1928.

70. *Бухарин Н.И.* Речь тов. Бухарина в германской комиссии // Коммунистический Интернационал. 1926, № 3.

71. *Бухарин Н.И.* Судьбы русской интеллигенции // Печать и революция. 1925, № 3.

72. *Бухарин Н.И.* Текущий момент и основы нашей политики. – М., 1925.

73. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии. М. – Пг., 1923.

74. *Бухарин Н.И.* Теория организованной бесхозяйственности // Организованный капитализм: дискуссия в Комакадемии. 1930.

75. *Бухарин Н.И.* Три речи (к вопросам о наших разногласиях). – М.–Л., 1926.

76. *Бухарин Н.И.* Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. – Л., 1928.

77. *Бухарин Н.И.* Учение Маркса и его историческое значение // Памяти Карла Маркса: сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти. 1883–1933. – М., 1933.

78. *Бухарин Н.И.* Чем мы побеждаем // Двадцать пять лет РКП (большевиков): 1898–1923. – М., 1923.

79. *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. Часть первая: общая теория трансформационного процесса. – М., 1920.

80. *Бухарин Н.И.* Этюды. – М.–Л., 1932.

81. *Бухарцев Д.* Теоретические оруженосцы оппортунизма: ошибки правых в международных вопросах. – М.–Л., 1930.

82. Бюллетень оппозиции.

83. *Ваганов Ф.М.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930). – М., 1970, 1977.

84. *Ваганов Ф.М.* Разгром правого уклона в ВКП(б) (1928–1930 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1960, № 4.

85. *Валентинов (Вольский) Н.* Доктрина правого коммунизма. – Мюнхен, 1960.

86. *Валентинов (Вольский) Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Воспоминания. – Стэнфорд, Калиф. 1971.

87. *Верещагин Ив.* Председатель Совета Народных Комиссаров Алексей Иванович Рыков. 3-е изд. – М.–Л., 1925.

88. Вестник Коммунистической академии.

89. *Владимирова Вера.* Революция 1917 года (хроника событий). В 6-ти томах. – М.–Л., 1924–1929.

90. *Вольфсон С.* Николай Иванович Бухарин // Литературная энциклопедия. Т. I. – М., 1929.

91. Вопросы истории.

92. Вопросы истории КПСС.

93. Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна: стенограммы совещания, созванного Обществом историков-марксистов 9 февраля 1930 года. – М., 1930.

94. Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 года. Протоколы. – М., 1961.

95. VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 5–16 мая 1928 года. Стенографический отчет. – М., 1928.

96. Восьмой съезд профессиональных союзов СССР (10–12 декабря 1928 г.). Полный стенографический отчет. – М., 1929.

97. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. – М., 1959.

98. Всероссийская конференция РКП(б). Бюллетень. № № 1–5. – М., 1921.

99. Всероссийское учредительное собрание. – М.–Л., 1930.

100. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научнопедагогических кадров по историческим наукам (18–21 декабря 1962 г.). – М., 1964.

101. Вся Москва. 1927 год. 3 тома. – М., 1927.

102. Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. – М., 1920.

103. Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенографический отчет. – М., 1935.

104. *Вяткин А.Я.* Разгром коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп. *Часть I.Л.*, 1966.

105. *Гайсинский М.* Борьба с уклонами от генеральной линии партии. Исторический очерк внутрипартийной борьбы послеоктябрьского периода. 2-е изд. – М.–Л., 1931.

106 (107). *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. 3-е изд. – Пг., 1918.

108. *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут.

109. *Дан Л.* Бухарин о Сталине // Новый журнал. 1964, № 75.

110. *Данилов В.П.* К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации // Исторические записки. № 79, (1966).

111. *Данилов В.П.* Колхозное движение накануне сплошной коллективизации (1927 г. – первая половина 1929 г.) // Исторические записки. № 80 (1967).

112. *Данилов В.П.* ред. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. – М., 1963.

113. Двадцать пять лет РКП(б): 1898–1923. – М., 1923.

114. Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. – М., 1923.

115. *Двинов В.* Московский Совет рабочих депутатов 1917–1922. Воспоминания. – Нью-Йорк, 1961.

116. IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. – М., 1931.

117. *Денике Ю.П.* Интервью № 16–17. Неопубликованная рукопись. – Колумбийский университет, 11 июня и 25 октября 1963 г.

118. Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 года. Протоколы. – М., 1960.

119. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. – М., 1963.

120. Деятели СССР и Октябрьской революции // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 1–3.

121. *Дзержинский Ф.Э.* Избранные произведения. Т, 2. – М., 1957.

122. Дискуссия о профсоюзах. Материалы и документы 1920–1921 годов. – М., 1927.

123. *Дробижев В.З.* Главный штаб социалистической промышленности – очерк истории ВСНХ 1917–1932 гг. – М., 1966.

124. *Дунаев В.А.* В юношеские годы // Пятый год. Сборник второй / Под ред. М. Милютина. – М.–Л., 1926.

125. За индустриализацию.

126. За ленинизм. Сборник статей. – М.–Л., 1932.

127. За марксистско-ленинское учение о печати. Сборник. – М.–Л., 1928.

128. За поворот на философском фронте. Сборник статей. Т. I. – М.–Л., 1931.

129. *Зайцев А.* Об Устрялове, «неонэпе» и жертвах устряловщины. – М.–Л., 1928.

130. *Залежский В.* Николай Иванович Бухарин // Малая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 2. 1934. с. 173–176.

131. Записки Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. Т. 2. – М., 1924.

132. *Иванов В.М.* Из истории борьбы партии против «левого оппортунизма»: ленинградская партийная организация в борьбе против троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1925–26 гг. – Л., 1965.

133. *Иванов В.М. и Шмелев А.Н.* Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. – Л., 1970.

134. Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. – М., 1966.

135. Известия.

136. *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата. – М.–Л., 1966.

137. Историк-марксист.

138. Исторические записки.

139. Исторический архив.

140. История ВКП (о). Краткий курс. – М., 1944.

141. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. – М., 1970.

142. История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. – М., 1963.

143. Итоги ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). – Л., 1929.

144. К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. – М., 1924.

145. Как подготавливался московский процесс (из письма старого большевика) // Социалистический вестник. № № за 22 декабря 1936 г. и 17 января 1937 г.

146. Календарь коммуниста на 1929 год. – М.–Л., 1929

147. *Киров С.М.* Избранные статьи и речи. Т. 2. – М., 1957.

148. *Киров С.М.* Статьи и речи 1934. – М., 1934.

149. *Козелев Б.* Михаил Павлович Томский: биографический очерк. – М., 1927.

150. *Козелев Б.* Славный юбилей (к 20-летию революционной деятельности М.П. Томского) // Вестник труда. 1925, № 1.

151. Коммунист. – Женева, 1915.

152. Коммунист. – М., 1918.

153. Коммунистическая революция.

154. Коммунистический Интернационал: краткий исторический очерк. – М., 1969.

155. Коммунистический Интернационал.

156. *Конюхов Г.* КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928–1929). – М., 1960.

157. *Косарев А.* Комсомол в реконструктивный период. – М., 1931.

158. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Части 2-я и 3-я. – М., 1954.

159. Красная новь.

160. Красная печать.

161. *Крицман Л.* Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. «военного коммунизма»). 2-е изд. – М.–Л., 1926.

162. *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. – М., 1933.

163. *Крылов С. и Зыков А.* О правой опасности. 2-е изд. – М.–Л., 1929.

164. *Куйбышева Г.В.* Валериан Владимирович Куйбышев. Биография. – М., 1966.

165. *Леман Н. и Покровский С.* Идейные истоки правого уклона: об ошибках и уклонах тов. Бухарина. 2-е изд. – Л., 1930.

166. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. 5-е изд., 55 томов.

167. *Ленин В.И.* Соч., 3-е изд., 30 томов.

168. Ленинградская организация и четырнадцатый съезд. Сборник материалов и документов. – М.–Л., 1926.

169. Ленинский сборник. в 33-хтомах.

170. *Ленцнер Н.* О правой опасности в Коминтерне. 2-е изд. – М.–Л., 1929.

171. *Леонтьев А.* Экономическая теория правого уклона. – М.–Л., 1929.

172. *Марецкий Д.* Николай Иванович Бухарин // Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. VIII. – М., 1926. С. 271–284.

173. *Маркс Карл*. Капитал. Т. 2.

174. Марксизм и с.-хоз. кооперация. Сборник основных материалов по вопросам с.-хоз. кооперации от Маркса до наших дней. – М., 1928.

175. *Медведев Р.А.* К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. – Нью-Йорк, 1974.

176. *Мельгунов С.* Как большевики захватили власть: октябрьской переворот 1917 года. – Париж, 1953.

177. *Мещеряков Н.* Николай Иванович Бухарин // Малая советская энциклопедия. Т. 1. – М., 1929. С. 912–915.

178. *Мильчаков А.* Первое десятилетие. Записки ветерана комсомола. 2-е изд. – М., 1965.

179. *Милютин В.* Аграрная политика СССР. – М.–Л., 1926.

180. *Минц И.И.* История Великого Октября. Т. 1. – М., 1967.

181. Молодая гвардия.

182. Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом: 1921–1929. – М., 1969.

183. *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–32 гг.) М., 1966.

184. На фронте исторической науки. – М., 1936.

185. *Немаков Н.И.* Коммунистическая партия организатор массового колхозного движения (1929–1932 гг.). – М., 1966.

186. *Николаевский Б.И.* Проблема десталинизации и дело Бухарина // Социалистический вестник. Сборник 4. Дек. 1965.

187. *Николаевский Б.И.* Устные и письменные сообщения автору. 1963–1965 годы.

188. Новая оппозиция. Сборник материалов о дискуссии 1925 года. – Л., 1926.

189. Новый журнал.

190. Новый мир. (Нью-Йорк).

191. О перестройке партийно-политической работы: к итогам Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. – М., 1937.

192. Об экономической платформе оппозиции. Сборник статей. – М.–Л., 1926.

193. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март–апрель 1922 г. Стенографический отчет. – М., 1961.

194. Октябрьское восстание в Москве / Под ред. Н.М. Овсянникова. 1922.

195. *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. Т. 2. – М., 1957.

196. *Осинский Н.* Строительство социализма. – М., 1918.

197.Очерки истории Коммунистической партии Украины. 2-е изд. – Киев, 1964.

198. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 2. – М., 1968.

199. Очерки истории Московской организации КПСС: 1883–1965. – М., 1966.

200. Памяти В.И. Ленина. Сборник статей к десятилетию со дня смерти 1924–1934 гг. – М.–Л., 1934.

201. Первый конгресс Коминтерна. Март 1919. – М., 1933.

202. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. – М., 1934.

203. Печать и революция.

204. Под знаменем марксизма.

205. Политбюро ЦК ВКП(б). Биографии. – М., 1928.

206. Полонский Вячеслав. Очерки литературного движения революционной эпохи, 2-е изд. – М.–Л., 1929.

207. *Попов К.* Дискуссия 1923 года. Материалы и документы. – М.–Л., 1927.

208. *Попов Н.* Очерки истории Всесоюзной Коммунистической партии. – М.–Л., 1927.

209. *Попов Н.* Очерк истории Всесоюзной Коммунистической партии (б). Вып. 1 и 2, изд. XV. – М., 1932–1933.

210. Правда.

211. *Преображенский Е.А.* Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. 1, часть 1, 2-е изд. – М., 1926.

212. Прожектор.

213. Пролетарская революция.

214. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного комитета четвертого созыва. – М., 1920.

215. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. – М., 1958.

216. Процесс эсеров: речи защитников и обвинителей. В двух томах. – М., 1922.

217. Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет в двух томах. – М.–Л., 1927.

218. Путь к Октябрю. Сборник статей, воспоминаний и документов. В пяти томах. – М., 1923–1926.

219. XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) 26 октября – 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. – М.–Л., 1927.

220. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет в 2-х томах. – М., 1961.

221. Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 года. Стенографический отчет. Ч. 1–2. – М.–Л., 1925.

222. Пятый Всероссийский съезд РКСМ. Стенографический отчет. – М.–Л., 1927.

223. Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала (21 марта – 6 апреля 1925 г.) Стенографический отчет. – М.–Л., 1925.

224. Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12–23 июня 1923 года). Отчет. – М., 1923.

225. *Рыков А.И.* Деревня, новая экономическая политика и кооперация. – М.–Л., 1925.

226. *Рыков А.И.* Хозяйственное положение СССР. – М.–Л., 1928.

227. *Рыков А.И.* На переломе. – М., 1925.

228. *Рыков А.И.* Статьи и речи. 2 тома. – М.–Л., 1927–1928.

229. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет. – М., 1962.

230. Седьмой съезд профессиональных союзов СССР. Стенографический отчет. – М., 1927.

231. VII съезд Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи. 11–12 марта 1926 года. Стенографический отчет. – М.–Л., 1926.

232. *Селектор М.Е.* Диалектический материализм и теория равновесия. – М., 1934.

233. XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М., 1932.

234. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 года. Стенографический отчет. – М., 1934.

235. *Сидоров А.* Экономическая программа Октября и дискуссия с «левыми коммунистами» о задачах социалистического строительства // Пролетарская революция. 1929, № 6 (89) и № 11 (94).

236. *Слепков А.* Кронштадтский мятеж. (К седьмой годовщине). – М.–Л., 1928.

237. *Сорин В.* Борьба Бухарина и Рыкова против партии Ленина–Сталина. – М., 1937.

238. *Сории В.* Партия и оппозиция: из истории оппозиционных течений (фракция левых коммунистов). – М., 1925.
239. Социалистическая реконструкция и наука.
240. Социалистический вестник.
241. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 4 изд. – М.–Л., 1928.
242. *Сталин И.В.* Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. – М.–Л., 1929.
243. *Сталин И.В.* Соч., в 13 томах.
244. Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока». Полный текст стенографического отчета. – М., 1938.
245. *Тетюшев В.И.* Борьба партии за генеральную линию против правого уклона в ВКП(б) в период между XV и XVI съездами // Вестник Московского университета. Выпуск 9-й, 1961, № 3.'
246. III конгресс. Красного Интернационала профсоюзов. 8–22 июля 1924 года. Отчет. – М., 1924.
247. Всероссийский съезд профессиональных союзов. 6–13 апреля 1920 года. Стенографический отчет. – М., 1921.
248. 3-й Всероссийский съезд РКСМ 1920 г. Стенографический отчет. – М.–Л., 1926.
249. Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. – М., 1924.
250. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. – М., 1963.
251. *Троцкий Л.Д.* История русской революции. 2 т. – Берлин, 1931–1933.
252. *Троцкий Л.Д.* К капитализму или социализму? – М., 1925.
253. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. 2 т. – Берлин, 1930.
254. *Троцкий Л.Д.* Новый курс. – М., 1924.
255. *Троцкий Л.Д.* О Ленине. М, 1924.
256. *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификации. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. – Берлин, 1932.
257. Труды Института красной профессуры / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 1. М. – Пг, 1923.
258. Труды 1-го Всероссийского съезда советов народного хозяйства 26 мая – 4 июня 1918 г. Стенографический отчет. – М., 1918.
259. *Трукан Г.А.* Октябрь в центральной России. – М., 1967.
260. 1917 год в Москве. (Хроника событий). – М., 1934.
261. *Тюшевский Н.* Внутрипартийный режим и правый уклон: на троцкистских позициях в оргвопросах. – Л., 1929.
262. *Тюшевский Н.* О Ленине. – М., 1924.
263. *Ульянова М.* О Ленине. – М., 1964.
264. М.И. Ульянова – секретарь «Правды». – М., 1965.
265. *Устрялов Н.* Под знаком революции. 2-е изд. – Харбин, 1927.
266. *Фотиева Л.А.* Из воспоминаний о В.И. Ленине. – М., 1964.
267. *Фрадкин Борис.* 12 биографий. – М., 1924.
268. *Хавин А.Ф.* У руля индустрии. – М., 1968.
269. *Хармандарян С.В.* Ленин и становление Закавказской федерации, 1921–1923. – Ереван, 1930.
270. *Черняк И.* Политическое завещание Ленина в изображении тов. Бухарина. – М., 1930.
271. IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 5 ноября – 3 декабря 1922 г. Избранные доклады, речи и резолюции. – М.–Пг., 1923.
272. Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов. Стенографический отчет. – М., 1922.

273. Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М., 1925.
274. XIV съезд Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. – М.–Л., 1926.
275. *Чигринов Г.А.* Разгром партией правых капитулянтов. – М., 1969.
276. *Шацкин Л.* ВЛКСМ // Большая советская энциклопедия. 1-е изд., т. XI. – М., 1930. С. 618–648.
277. Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929. Стенографический отчет. – М., 1962.
278. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии. Стенографический отчет в 2-х томах. – М., 1935.
279. VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. – М.–Л., 1929.
280. Шестой расширенный Пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля – 15 марта 1926 г.). Стенографический отчет. – М.–Л., 1927.
281. Шестой съезд российского Ленинского Коммунистического союза молодежи. Стенографический отчет. – М.–Л., 1924.
282. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. – М., 1958.
283. *Ярославский Е.* История ВКП(б). Т. 4. – М.–Л., 1929.

Источники на иностранных языках

301. *Abramovitch Raphael.* The Soviet Revolution 1917–1939. – New York, 1962.
302. *A11i1uyeva Svetlana.* Twenty Letters to a Friend. – New York, 1967.
303. *Aviich Paul.* Kronstadt 1921. – Princeton, N. J., 1970.
304. *Avtorkhanov Abdurakhman.* Stalin and the Soviet Communist Party: A Study in the Technology of Power. – New York, 1959.
305. *Bauer Raymond A.* The New Man in Soviet Psychology. – Cambridge, Mass, 1952.
306. *Bauer Joseph.* Nothing But the Truth. – New York, 1971.
307. *Bernstein Eduard.* Evolutionary Socialism. – New York, 1965.
308. *Berken au Franz.* World Communism: A History of the Communist International. – Ann Arbor, Mich., 1962.
309. *Bottomore T.B.* Karl Marx, Sociologist or Marxist? // *Science and Society* (Winter 1966). P. 11–24.
310. *Bottomore T.B. and Maximilian Rubel.* Karl Marx: Selected Writings in Sociology and Social Philosophy. – New York, 1964.
311. *Brown Edward J.* The Proletarian Episode in Russian literature. – New York, 1953.
312. *Bukharin N.I.* An Abrupt Turn in the Chinese Revolution // Inprecor, Vol. VII (1927). P. 897–899,927–930.
313. *Bukharin N.I.* Aggressive Tactics // The Communist Review (October 1921). P. 72–74.
314. *Bukharin N.I.* The Austrian Social-Democrats' New Programme // The Communist International. 1926, № 1. P. 2–6.
315. *Bukharin N.I.* The Imperialist Pirate State // Gankin Olga Hess and *Fisher H.H.* The Bolsheviks and the World War: The Origin of the Third International. – Stanford, California, 1940. P. 236–239.
316. *Bukharin N.I.* The International Bourgeoisie and Its Apostle, Karl Kautsky // Inprecor. Vol. V (1925), Nos. 62, 64–65, 67–69.
317. *Bukharin N.I.* The International Situation and the Internal Situation in the Soviet Union // Inprecor. Vol. VII (1927). P. 189–200.
318. *Bukharin N.I.* Tlie New Policies of Soviet Russia. With others. – Chicago, 1921.
319. *Bukharin N.I.* The Opposition in the C. P. S. U. and in the Comintern // Inprecor. Vol. VIII (1928). P. 213–228.

320. *Bukharin N.I.* The Position of the Chinese Revolution // Inprecor. Vol. VII (1927). P. 874–876.

321. *Bukharin N.I.* Les Problemes fondamentaux de la Culture contemporaine. – Paris, 1936.

322. *Bukharin N.I.* Program of the Communist International: Draft Submitted as a Basis for Discussion at the Fifth Congress of the Communist International. Copy of Bertram D. Wolfe, Delegate from Mexico, New York Public Library.

323. *Bukharin N.I.* Questions of the International Revolutionary Struggle // Inprecor. Vol. VI (1926). P. 830–834, 850–854.

324. *Bukharin N.I.* Report on the Program Question. *With A.* Thalheimer. – M., 1924.

325. *Bukharin N.I.* The Results of the VI World Congress of the C.I. // Inprecor. Vol. VIII (1928). P. 1267–1277.

326. *Bukharin N.I.* The Russian Revolution and Its Significance // The Class Struggle. 1917, № . 1. P. 14–21.

327. *Bukharin N.I.* The Russian Revolution and Social Democracy // Inprecor. Vol. VII (1927). P. 1527–1530.

328. *Bukharin N.I.* Theory and Practice from the Standpoint of Dialectical Materialism // Science at the Cross Roads. – London, 1931. P. 1–23.

329. *Bukharin N.I.* The Tenth Anniversary of the February Revolution // Inprecor. Vol. VII (1927). P. 421–423, 454, 457.

330. *Bukharin N.I.* Twelfth Congress of the Russian C.P. // The Communist International. 1923, № 25,p. 10–17.

331. *Bukharin N.I.* Ten Years of Victorious Proletarian Revolution // Inprecor. Vol. VII (1927). P. 1347–1355, 1418–1423.

332. *Bunyan John and Fisher H.H.* The Bolshevik Revolution 1917–1918: Documents and Materials. – Stanfird, Calif., 1934.

333. *Carr E.H.* The Bolshevik Revolution. 3 vols. – New York, 1951–1953.

334. *Carr E.H. and Davies R.W.* Foundations of a Planned Economy. 2 vols. – New York, 1969–1971.

335. *Carr E.H.* The Interregnum: 1923–1924. – New York, 1954.

336. *Carr E.H.* Socialism in One Country. 3 vols. – New York, 1958–1964.

337. The Case of the Anti-Soviet «Bloc of Rights and Trotskyites»: Report of Court Proceedings. – M., 1938.

338. The Case of the Anti-Soviet Trotskyite Centre: Report of Court Proceedings. – M., 1937.

339. The Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre: Report of Court Proceedings. – M., 1936.

340. Chamberlin William Henry. The Russian Revolution: 1917–1921. 2 vols. – New York, 1960.

341. The Communist International.

342. The Communist Review.

343. *Conquest Robert.* The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. – New York, 1968.

344. The Crisis in the Communist Party, U. S. A.: Statement of Principles of the Communist Party (Majority Group). – New York, 1930.

345. *Dahrendorf Ralf.* Class and Class Conflict in Industrial Society. – Stanford, Calif., 1966.

346. *Dahrendorf Ralf.* Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis // The American Journal of Sociology. LXIV (September 1958). P. 115–127.

347. *Daniels Robert V.* The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. – Cambridge, 1960.

348. *Daniels Robert V.* Ed. A Documentary History of Communism. 2 vols. – New York, 1962.

349. *Daniels Robert V.* Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. – New York, 1967.

350. *Daniels R.V.* The ‘Withering Away of the State’ in Theory and Practice // Soviet Society: A Book of Readings. Fd. Alex Inkles and Kent Geiger. – Boston, 1961. P. 22–43.

351. *Deutscher Isaac.* The Prophet Armed: Trotsky, 1879–1921. – New York and London, 1954.

352. *Deutscher Isaac.* The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940. – London and New York, 1963.

353. *Deutscher Isaac.* The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929. – London and New York, 1959.

354. *Deutscher Isaac.* Soviet Trade Unions. – London, 1950.

355. *Deuteher Isaac*. Stalin: A political Biography. 2nd ed. – New York, 1967.

356. *Dobb Maurice.* Russian Economic Development Since the Revolution. – London, 1928.

357. *Dobb Maurice.* Soviet Economic Development Since 1917. – New York, 1966.

358. *Dгachкovitch Milorad V. and Lazitch Branko.* The Comintern: Historical Highlights. – New York, 1966.

359. *Draper Theodore*. American Communism and Soviet Russia: The Formative Period. – New York, 1960.

360. *Draper Theodore*. The Ghost of Social-Fascism // Commentary (February 1969). P. 29–42.

361. *Draper Theodore.* The Roots of American Communism. – New York, 1957.

362. *Draper Theodore.* The Strange Case of the Comintern // Survey (Summer 1972). P. 91–137.

363. *Eastman Max.* Love and Revolution: My Journey Through an Epoch. – New York, 1964.

364. *Ehrenburg Ilya.* Memoirs: 1921–1941. – Cleveland and New York, 1964.

365. *Ehrenburg Ilya.* People and Life: 1891–1923. – M., 1962.

366. *Erlich Alexander*. The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928. – Cambridge, 1960.

367. *Erlich Alexander.* Stalin’s Views on Soviet Economic Development // Continuity and Change in Russia and Soviet Thought. Ed. Ernest J. Simmons. – Cambridge, 1955. P. 81–99.

368. *Ermolaev Herman.* Soviet Literary Theories 1917–1934: The Genesis of Socialist Realism. – Berkeley, Calif., 1963.

369. *Fainsod Merle.* Smolensk Under Soviet Rule. – Cambridge, 1958.

370. *Fischer Louis.* The Life of Lenin. – New York, 1964.

371. *Fischer Markoosha.* My Lives in Russia. – New York, 1944.

372. *Fisher Ruth.* Stalin and German Communism. – Cambridge, 1948.

373. *Fitzpatrick Sheila.* The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky. – Cambridge, England, 1970.

374. *Flaherty John E.* The Political Career of Nicolas Bukharin to 1929. Неопубликованная докторская диссертация. – New York University, 1954.

375. From the First to the Second Five-Year Plan. – New York, 1933.

376. *Futrell Michael.* Northern Underground. – New York, 1963.

377. *Gankin Olga Hess and Fisher H.H.* The Bolsheviks and the World War: The Origin of the Third International. – Stanford, Calif., 1940.

378. *Gay Peter.* The Dilemma of Democratic Socialism: Eduard Bernstein’s Challenge to Marx. – New York, 1962.

379. *Graham Loren R.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party: 1927–1932. – Princeton, N. J., 1967.

380. *Gramsci Antonio.* The Modem Prince and Other Writings. – New York, 1959.

381. The Great Purge Trial / Ed. *Robert C.* Tucker and *Stephen F.* Cohen. – New York, 1965.

382. *Heitman Sidney.* Between Lenin and Stalin: Nikolai Bukharin // Revisionism: Essays on the History of Marxist Ideas / Ed. Leopold Labedz. – New York, 1962. P. 77–90.

383. *Heitman Sidney.* The Myth of Bukharin's Anarchism // The Rocky Mountain Social Science Journal (April 1963). P. 39–53.

384. *Heitman Sidney.* Bukharin's Conception of the Transition to Communism in Soviet Russia: An Analysis of His Basic Views, 1923–1928. Неопубликованная докторская диссертация. – Columbia University, 1963.

385. *Hilferding Rudolf.* Bohm-Bawerk's Criticism of Marx / Ed. Paul M. Sweezy. – New York, 1949.

386. *Hi1ferding Rudolf.* State Capitalism or Totalitarian State Economy? // Verdict of Three Decades. Ed Julian Steinberg. – New York, 1950. P. 445–453.

387. *Hobson J.A.* Imperialism: A Study. – Ann Arbor, Mich., 1965.

388. *Hoglund Gunhild.* Moskva tur och retur: En dramatisk period i Zeth Hoglunds liv. – Stockholm, 1960.

389. *Hughes H. Stuart.* Consciousness and Society: The Reorientation of European Social Thought, 1890–1930. – New York, 1961.

390. *Humbert-Droz Jules.* De Lenine a Staline: Dix ans service de l'lnternationale communiste, 1921–1931. – Neuchatel, 1971.

391. *Humbert-Droz Jules.* «L'oeil de Moscou» a Paris. – Paris, 1964.

392. International Press Correspondence.

393. Istituto Giangiacomo Feltrinelli // Annali. Anno Ottavo. – Milano, 1966.

394. *Jackson George D. Jr.* Comintern and Peasant in East Europe 1919–1930. – New York and London, 1966.

395. *Jasny Naum.* Soviet Economists of the Twenties. – New York, 1972.

396. *Jasny Naum.* Soviet Industrialization: 1928–1952. – Chicago, 1961.

397. *Joravsky David.* Soviet Marxism and Natural Science: 1917–1932. – New York, 1961.

398. *Jordan Z.A.* The Evolution of Dialectical Materialism. – New York, 1967.

399. *Katkov George.* The Trial of Bukharin. – New York, 1969.

400. *Katz Zev.* Party-Political Education in Soviet Russia. Неопубликованная докторская диссертация. – University of London.

401. *Kaufman Adam.* The Origin of 'The Political Economy of Socialism': An Essay on Soviet Economic Thought // Soviet Studies. 1953, № 3. P. 243–272.

402. *Keep J.L.H.* The Rise of Social Democracy in Russia. – London 1963.

403. *Khrushchev Nikita S.* The Crimes of the Stalin Era. – New York, 1956.

404. *Kitaeff Michael.* Communist Party Officials: A Group of Portraits. – New York, 1954.

405. *Knirsch Peter.* Die Ökonomischen Anschauungen *Nikolau I.* Bucharins. – Berlin, 1959.

406. Koestler Arthur. Darkness at Noon. – New York, 1961.

407. *Leites Nathan and Bernaut Elsa.* Ritual of Liquidation. – Glencoe, Ill., 1954.

408. *Lerner Warren.* Karl Radek: The Last Internationalist. – Stanford, Calif., 1970.

409. *Lewin Moshe.* Lenin's Last Struggle. – New York, 1968.

410. *Lewin Moshe.* Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization. – Evanston, Ill., 1968.

411. *Liberman Simon.* Building Lenin's Russia. – Chicago, 1945.

412. *Lichtheim George.* Marxism: An Historical and Critical Study. – New York, 1962.

413. *London Jack.* The Iron Heel. – New York, 1957.

414. *Lowy A.G.* Die Weltgeschichte ist das Weltgericht. Bucharin: Vision des Kommunismus. – Vienna, 1969.

415. *Lyons Eugene.* Assignment in Utopia. – New York, 1937.

416. *MacLean Fitzroy*. Escape to Adventure. – Boston, 1950.
417. *Maguire Robert*. Red Virgin Soil: Soviet literature in the 1920's. – Princeton, N.J., 1968.
418. *Mande1stam Nadezhda*. Hope Against Hope: A Memoir. – New York, 1970.
419. *Marx Karl and Engels Frederick*. Selected Works. 2 vols. – M., 1955.
420. *McKenzie Kermit E*. Comintern and World Revolution 1928–1943: The Shaping of Doctrine. – New York, 1964.
421. *Narkiewicz Olga A*. The Making of the Soviet State Apparatus. – Manchester, England, 1970.
422. *Nicolaevsky Boris I*. «Power and the Soviet Elite: The Letter of an Old Bolshevik» and Other Essays. – New York, 1965.
423. *Nove Alec*. An Economic History of the U.S.S.R. – London and Baltimore, 1969.
424. *Nove Alec*. Was Stalin Really Necessary? // Encounter (April 1962). P. 86–92.
425. *Orlov Alexander*. Secret History of Stalin's Crimes. – New York, 1953.
426. *Pipes Richard*. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. – Cambridge, 1954.
427. Platform of the Left Opposition. – London, 1963.
428. *Pollack Frederick*. State Capitalism: Its Possibilities and Limitations // Studies in Philosophy and Social Science. 1941, № . 2. P. 200–225.
429. *Reed John*. Ten Days That Shook the World. – New York, 1935.
430. *Reswick William*. I Dreamt Revolution. – Chicago, 1952.
431. Revisionism: Essays on the History of Marxist Ideas / Ed. Leopold Labedz. – New York, 1962.
432. *Rosmer Alfred*. Moscou sous Lenine: les Origines du Communisme. – Paris, 1953.
433. *Schapiro Leonard*. The Communist Party of the Soviet Union. – New York, 1960.
434. *Schapiro Leonard*. The Origin of the Communist Autocracy. – Cambrige, 1956.
435. *Schwartz Benjamin I*. Chinese Communism and the Rise of Mao. – New York, 1967.
436. *Serge Victor*. Memoirs of a Revolutionary: 1901–1941. – London, 1963.
437. *Shub David*. Lenin. – Garden City, N.J., 1949.
438. *Slusser Robert M*. The Role of the Foreign Ministry // Russian Foreign Policy. Ed. Ivo J. Lededer. – New Haven, Conn., 1962. P. 197–239.
439. *Sorenson Jay Bertram*. The Dilemma of Soviet Trade Unions During the First Period of Industrial Transfromation: 1917–1928. Неопубликованная докторская диссертация. – Columbia University, 1962.
440. *Sorenson Jay B*. The Life and Death of Soviet Trade Unionism: 1917–1928. – New York, 1969.
441. *Sorokin Pitirim*. Russian Sociology in the Twentieth Century // American Sociological Society: Papers and Proceedings. XXI (1926). P. 57–69.
442. *Souvaзine Boris*. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. – New York, 1939.
443. Soviet Russia.
444. Soviet Sociology: Historical Antecedents and Current Appraisals / Ed. Alex Simirenko. – Chicago, 1966.
445. Soviet Studies.
446. *Spulber Nicolas*. Soviet Strategy for Economic Growth. – Bloomington, Ind., 1964.
447. *Sukhanov N.N*. The Russian Revolution 1917: Eyewitness Account. 2 vols. – New York, 1962.
448. Survey.
449. *Sweezy Paul M*. The Theory of Capitalist Development: Principles of Marxian Political Economy. – New York, 1942.
450. *Thompson J.M*. Leaders of the French Revolution. – New York, 1967.
451. *Trotsky Leon*. Problems of the Chinese Revolution. – Ann Arbor, Mich., 1967.
452. *Trotsky Leon*. The Real Situation in Russia. – New York, 1928.
453. *Trotsky Leon*. Stalin. – New York, 1941.

454. *Trotsky Leon.* The Third International After Lenin. – New York, 1957.
455. The Trotsky Archives. Неопубликованные материалы. – Houghton Library, Harvard University.
456. *Tucker Roberte*. The Marxian Revolutionary Idea. – New York, 1969.
457. *Tucker Robert C.* The Soviet Political Mind. Revised edition. – New York, 1971.
458. *Tucker Robert C.* Stalin as Revolutionary: A Study in History and Personality. – New York, 1973.
459. *Ulam Adam.* The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia. – New York, 1965.
460. *Uralov Alexander.* The Reign of Stalin. London, 1953.
461. *Weissberg Alexander.* The Accused. – New York, 1951.
462. *Wetter Gustav A.* Dialectical Materialism. – New York, 1958.
463. *Wolfe Bertram D.* Khrushchev and Stalin's Ghost. – New York, 1957.
464. *Wolfe Bertram D.* Three Who Made a Revolution. – Boston, 1955.
465. *Wolin Simon and Slusser Robert M.* The Soviet Secret Police. – New York, 1957.
466. Ypsilon. Pattern for Worl Revolution. – Chicago, 1947.

Предисловие к советскому изданию

1. См., напр., *Горбачев М.С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М. 1987. С. 16–17; *Иллеш Е.* В бывшем городе Брежневе // Советская культура. 7 июня 1988 г.; *Воскресенский Л.* Знайте, товарищи… // Московские новости. 6 декабря 1987 г.; *Карпинский Л.* Возвращение Николая Бухарина // Московские новости. 21 февраля 1988 г.; *Шатров М.* Дальше. дальше. дальше! // Знамя. 1988, № 1.; Бухарин на сцене // Московский комсомолец. 12 мая 1988 г.; *Евтушенко Е.* Вдова Бухарина // Известия. 25 марта 1988 г.; *Белых В.* Запечатленное время // Труд. 29 мая 1988 г.; *Амлинский В.* На заброшенных гробницах… // Юность. 1988, № 3; *Лиходеев Л.* «Поле брани (повести о Н.И. Бухарине)» принято к публикации в «Дружбе народов» в 1989 г.; *Афанасьев Ю.* Нелепо бояться самих себя // Московские новости. 13 сентября 1987 г.; *Латышев А.* Бухарин – известный и неизвестный // Неделя. 1987, № 51; *Шкаренков Л.К.* Николай Иванович Бухарин // Вопросы истории. 1988, № 7. В 1988 г. в советских газетах и журналах появилось также много писем читателей и статей о Бухарине; не обошло его вниманием и советское телевидение – ему было посвящено несколько телепередач.

2. Опубликована в Соединенных Штатах и Англии в 1985 г. издательством «Оксфорд юниверсити пресс». Пять ее глав называются соответственно: «Советология как профессия», «Большевизм и сталинизм», «Бухарин, нэп и идея альтернативы сталинизму», «Сталинский вопрос после Сталина», «Друзья и недруги перемен: советский реформизм и консерватизм». В Соединенных Штатах был опубликован и русский перевод: Переосмысливая советский опыт (политика и история с 1917 года) // Чалидзе пабликейшн. 1986 г. Реферат книги см. в «SS HA». 1986, № 2. С. 97–104; глава третья опубликована в «Эко». 1988, № 9.

3. Примеры первой точки зрения см. в: *Морозов Л.Ф.* Ленинская концепция кооперации и альтернативы развития // Вопросы истории КПСС. 1988, № 6; *Волкогонов Д.* Феномен Сталина // Литературная газета. 9 декабря 1987 г.; *Соловьев А.И.* Сталин, В. Туманов, А. Рекунков и другие // Книжное обозрение. 24 июня 1988 г.; *Кузнецов П.* Вопросы истории // Правда. 25 июня 1988 г.; *Андреева Н.* Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 13 марта 1988 г.; Подмена // Молодая гвардия. 1988, № 6. С. 257. Примеры в пользу бухаринской альтернативы или нэпа см. в: *Лацис О.* Проблема темпов в социалистическом строительстве // Коммунист. 1987, № 18. С. 19–90; *Тихонов А.* Уроки прошлого // Аргументы и факты. 1988, № 14; *Данилов В.* Феномен первых пятилеток // Горизонт. 1988, № 5; *Афанасьев Ю.* Перестройка и историческое знание // Литературная Россия. 17 июня 1988 г. и его же: Ответы историка // Правда. 26 июля

1988 г.; *Шмелев Г.И.* Не сметь командовать! // Октябрь. 1988, № 2; *Можаев Б.* Заботы и тревоги // Литературная газета. 6 апреля 1988 г.; *Капустин М.П.* От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988, № 5; *Селюнин В.* Истоки // Новый мир. 1988, № 5; *Нуйкин А.* Идеалы или интересы? // Новый мир. 1988, № 2; Коллективизация: как это было // Правда. 26 августа 1988 г. Полный драматизма диалог между «бухаринистом» и «сталинистом» накануне отмены нэпа см. в: *Бурлацкий Ф.* Политическое завещание // Литературная газета. 22 июля 1987 г. В письме одного из читателей, опубликованном в «Советской культуре» 7 мая 1988 г., говорилось: «На историю глядя, никто не знает, на чьей стороне правда: на стороне сталинизма или на стороне бухаринизма». Примеры центристской позиции см. в: Историко-партийная наука: пути перестройки и дальнейшего развития // Вопросы истории КПСС. 1987, № 7; *Сидоровский Л.* Бухарин и Рыков // Смена. (Л.) 13 февраля 1988 г.; *Горелов И.*, *Осипов А.* Николай Иванович Бухарин // Агитатор. 1988, № 5; *Шкаренков Л.К.* Николай Иванович Бухарин.

4. Такер написал несколько хорошо известных книг о марксизме и о советской политике и истории. Его основной исторический труд – биография Сталина в трех томах. Первый том, посвященный периоду до 1927 г. уже вышел в свет.

5. См. «Огонек». 1987, № 48 и 1988, № 17; а также «Знамя». 1988, № 10–12.

6. *Гнедин Е.* Катастрофа и второе рождение. Записки дипломата // Нева. 1989.

7. *Николаев А.* Пакостник из Нью-Йорка // Литературная газета. 1 июля 1981 г. См. также, напр., *Овчаренко Н.Е.* XXV съезд КПСС и вопросы борьбы с современным правым ревизионизмом // Вопросы истории КПСС. 1977, № 1. С. 110,

8. Московский комсомолец. 27 июля 1988 г.

9. *Яковлева Т.* Первый редактор // Комсомольская правда. 24 мая 1988 г.

Предисловие к первому американскому изданию 1973 г.

1. Помимо моей докторской диссертации, исследования о Бухарине включают две монографии и две неопубликованные докторские диссертации: (405); (414); (374) – неопубликованная докторская диссертация, Нью-йоркский университет, 1954 и (384) – неопубликованная докторская диссертация, Колумбийский университет, 1963. Хайтман опубликовал весьма ценную библиографию (см. Пояснения к избранной библиографии и к примечаниям). О Бухарине также идет речь в более общих исследованиях по данному периоду, включая (366); (347); (85); (410) и многотомную «Историю Советской России» Э.Х. Карра, соответствующие тома которой приводятся в библиографии.

2. *Lernet Warren* // The Russian Review (April 1969). P. 202.

3. (353), гл. IX, Рудольф Шлезингер ранее справедливо отмечал, что работа Карра ознаменовала разрыв с «традициями междоусобицы между Сталиными и Троцким». См. (445), 1960, April. P. 393.

Предисловие к Оксфордскому изданию

1. Я рассмотрел это подробнее в: The Stalin Question After Stalin // Political Diary / Ed. *Stephen F.* Cohen (New York, 1980).

2. Bolshevism and Stalinism // Stalinism: Essays in Historical Interpretation / Ed. *Robert C.* Tucker (New York, 1977). P. 3–29.

3. См., напр., *Овчаренко Н.Е.* XXV съезд КПСС и вопросы борьбы с современным правым ревизионизмом // Вопросы истории КПСС. 1977, № 1. С. 110; и *Ваганов Ф.М.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930 гг.), 2-ое изд. – М., 1977. С. 11.

4. *Pachter Henry.* Bukharin-History and Legend, Dissent (Fall 1974). P. 572–579; *Meyer Alfred G.* The Coming of the Iron Age // Soviet Union. II, 1 (1975). P. 89–93. Более интересное изложение этой общей точки зрения см. в: *Hook Sidney.* The Case of Comrade Bukharin // Encounter (December 1974). P. 81–92.

5. См., напр., *Carr E.H.* The October Revolution: Before and After (New York, 1969), которая содержит анализ работы Дейчера. О критике позиции Дейчера Карра см.: *Tucker Robert C.* Stalinism as Revolution from Above // Stalinism. P. 84–89.

6. *Carr E.H.* The Legend of Bukharin, The Times Literary Supplement (September 20, 1974). P. 989–991; *Deutscher Tamara.* Bukharinism vs. Trotskyism, Monthly Review. Vol. 26, N 11 (April 1975). P. 48–56.

7. См., напр., *Boffa Giuseppe.* Bucharin e Stalin // L'Unita (December 24, 1975); *Mirski Michael.* A Few Thoughts on a Certain Book Review // Canadian Jewish Outlook (January 1976). P. 13–16 and (February-March 1976). P. 10 и *Медведев Р.*, см. ниже прим. 20.

8. Bukharinism, Revolution and Social Development // The Socialist Register 1975. Ed. Ralph Miliband and John Saville (London, 1975). P. 75–94.

9. Помимо работ Карра и Т. Дейчер: *Breitman George.* Bukharin and the Russian Revolution, The Militant (June 7, 1974); *Cгawfoгd John.* A Liberal Apologist for Bukharin // Workers Press (July 29, 1974); Sedgwick Peter. The Return of Bukharin // International Socialism (February 1975). P. 16–20; и как пример другого направления: *Haynes Mike.* The Resurrection of Bukharin // International Socialism. № 2 (Autumn 1978). P. 11–34.

10. Тамара Дейчер с одобрением цитирует Карра в своей рецензии (см. прим. 6 к данному предисловию).

11 Foundations of a Planned Economy, 1926–1929. Vol. 2 (New York, 1972), Chapter 41.

12. См., напр., следующие работы, вышедшие на Западе и основанные частично на современных советских источниках: *Lewin Moshe.* Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers (Princeton, 1974); Hunter Holland. The Overambitious First Soviet Five-Year Plan // Slavic Review. Vol. 32, N 2 (June 1973). P. 237–257; *Millar James R.* Mass Collectivization and the Contribution of Soviet Agriculture to the First Five-Year Plan: A Review Article // Ibid. Vol. 33, N 4 (December 1974). P. 750–766.

13. *Lewin M.* Political Undercurrents in Soviet Economic Debates P. 68–72. См. также новые работы о Троцком: *Day Richard B.* Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation (Cambridge, England, 1973); *Knei-Paz Baruch.* The Social and Political Thought of Leon Trotsky (Oxford, 1978); *Howe Irving.* Leon Trotsky (New York, 1978). Школа Дейчера Карра также возражала против моего вывода о том, что партийное недовольство после переворота 1929–1930 гг. было в идейном плане более бухаринским, чем троцкистским. В связи с этим я хочу добавить свидетельство бывшего троцкиста, которое не попалось мне раньше. Он говорит, что бухаринская оппозиция «пользовалась поддержкой народных масс и даже партийного большинства в течение 1932–1934 гг.». *Серж Виктор.* Жизнь и смерть Троцкого (франц.). – Париж, 1951. С. 213.

14. В плане более полной дискуссии см. мою работу: Bukharin and the Eurocommunist Idea // Eurocommunism Between East and West / Ed. Vernon Aspaturian, Jiri Valenta and *David P.* Burke (Bloomington, 1980).

15. *Lewin M.* Political Undercurrents // Soviet Economic Debates, p. xiii.

16. V revoluci a po revoluci. Ed. F. Janacek and J. Sladek (Prague, 1967). P. 9, 281. (Эти цитаты были предоставлены мне и переведены М. Краусом.) О более систематических высказываниях венгерских экономистов см.: *Szamuely Laszlo.* First Models of the Socialist Economic Systems (Budapest, 1974).

17. См. выше, прим. 3,

18. Хроника защиты прав в СССР. (Нью-Йорк), № 27 (июль–сент. 1977). С. 16–17. Для сравнения см. мою статью: Why Bukharin's Ghost Still Haunts Moscow // New York Times Magazine (December 10, 1978). P. 146–150, 153–158.

19. В числе других опубликованных материалов см.: Khrushchev Remembers (Boston, 1970); *Alliluyeva Svetlana.* Twenty Letters to a Friend (New York, 1967); *Mandelstam Nadezhda.* Hope Against Hope (New York, 1970) и Hope Abandoned (New York, 1974); *Катанян Василий.* Из воспоминаний // Россия. 1977, № 3. С. 177–182; *Гнедин Евгений.* Катастрофа и второе рождение (Амстердам, 1977); *Копелев Лев.* И сотворил себе кумира (Анн Арбор, 1978); Политический дневник (Амстердам, 1972). С. 546–548.

20. Первое высказывание также из книги Роя Медведева "Н. И. Бухарин. Последние годы жизни". – М., рукопись. С. 1, 116. Книга вышла на итальянском языке в Риме в 1979 г., а также на английском, сербскохорватском, японском и испанском языках.

21. К числу таких научных исследований принадлежат: *Ragionieri E.* Il problema Bucharin // Studi Storici. № 1 (1972). P. 209–231; *Stehr Uwe.* Kapitalismus zum Kommunismus. Bucharins Beitrag zur Entwicklung einer socialistischen Theorie und Gesellschaft (Düsseldorf, 1973); *Dallemagne J.L.* Justice for Bukharin // Critique. № 4 (Spring 1975). P. 43–59; *Day Richard B.* Dialectical Method in the Political Writings of Lenin and Bukharin // Canadian Journal of Political Science. IX, 2 (June 1976). P. 244–260; *Buchanan H. Ray*. Lenin and Bukharin on the Transition from Capitalism to Socialism // Soviet Studies. XXVIII, 1 (January 1976). P. 66–82; *Gransow Bettina and Gransow Volker.* Ursprünge der Politischen Ökonomie des Sozialismus // SOPO. 43 (March 1978). P. 54–74. *Пьеса Э.* Максмита «Бухарин» была поставлена в августе 1978 г. в Королевском театре в Лондоне. Л. Дель Фра подготовил фильм о Бухарине для итальянского телевидения.

22. Письмо Ларина к Энрико Берлингуэру появилось во многих газетах, включая «Нью-Йорк тайме» от 7 июля 1978 г. См. ответ Spriano Paolo – Il Caso Bucharin // L'Unita (June 16, 1978). Об этой кампании см. *Coates Ken.* The Case of Nikolai Bukharin (Nottingham, 1978); *Cohen S.* Why Bukharin's Ghost Still Haunts Moscow; Dossier on Bukharin (Nottingham: Bertrand Russell Peace Foundation Mimeograph, 1978); and *Blanc Yannick and Kaisergruber David*. L'Affaire Boukharine (Paris, 1979).

23. A Victim, Not a Hero // The Times (July 28, 1978). Редакционная статья цитирует Карра, который активно выступает против того, чтобы считать Бухарина «легендарным потерпевшим поражение лидером». О подобной же оценке американских консерваторов см.: Bukharin and Hope // National Review (January 5, 1979). P. 17. Термин «опасные иллюзии» взят в: *Liebman.* Bukharinism, Revolution and Social Development. P. 93

24. *Анин Давид.* Актуален ли Бухарин? // Континент. 1972, № 2. С. 313–314.

25. Там же; кроме того, *Солженицын А.И.* Архипелаг Гулаг. Т. 1 и 2. (на англ. – NY, 1974. С. 412–418). См. также: *Штурман Дора*. Николай Бухарин – любимец партии // Время и мы. № 39 (март 1979). С. 130–146 и № 40 (апрель 1979). С. 120–135.

26. См.: *Анин Д.* Актуален ли Бухарин?; *Шрагин Борис.* Николай Иванович Бухарин (Семинар радиопередач радио «Свобода», № 38, 1978); Khrushchev Remembers. P. 74.

Глава 4
Марксистская теория и большевистская политика: «Теория исторического материализма» Бухарина

2. (119). С. 230.

3. Важнейший пример западной точки зрения содержится в (305). Гл. 2. См также (462). С. 143–149. Образцы доводов с советской стороны см. в статье Луппола «К вопросу о теоретических корнях правого уклона», (14), 1929, № 18. С. 11–25; и у Гессена и И. Подволоцкого в «Философских корнях правого оппортунизма», ПЗМ, 1929, № 9. С. 1–29.

4. (73). – М., 1921 (Все ссылки на изд. 1923 г., М. – Пг.).

5. (397). С. 48, 54, 56 игл. III.

6. См. рецензию В. Сарабьянова в ПЗМ, 1922, № 3. С. 62–76; и Бухарин (58). С. 275–289.

7. О Троцком см. (397). С. 97–100; о Преображенском см. его «Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе», ВКА, XVII (1926). С. 35–76, и XVIII (1926). С. 63–84.

8. Рыков, цит. в (397). С. 40.

9. (73). С. 5–6; *Бухарин Н.* К постановке проблем теории исторического материализма (беглые заметки), (19). С. 115–116.

10. См. рецензию Питирима Сорокина в «Экономист», 1922, № 3. С. 148.

11. (73), гл. I–II, Vine. 68–71,225–226,270.

12. Там же. С. 205–206, 264–265; см. также (159), 1923, № 1. С. 287–288.

13. (73). С. 164–165,226–228, 258–259; см. также (79). С. 62.

14. (73), гл. VIII. Бухарин перечислил то, что он считал своими удачными нововведениями, в (19). С. 115–127.

15. См., напр., обсуждение Бухарина как теоретика у В. Полонского в (206), гл. VIII.

16. Цит. в (389). С. 79. В дополнение к Хьюзу (гл. Ill, VIII) см. о влиянии марксизма на раннюю социологическую мысль в (310). С. 29–48.

17. В дополнение к прим. 16 см. (309). С. 11–24; (345). Ч. 1 и *Aron Raymond.* Main Currents in Sociological Thought I (Garden City, N.Y., 1968). P. 145–236.

18. (389). С. 74.

19. В официальном английском переводе (Нью-Йорк, 1925) имелся более пышный подзаголовок: «Система социологии».

20. (73). С. 10–12.

21. Там же. С. 8–10; см., напр., его попытку дать ответ на теории элиты Михельсаи Парето. С. 313–316.

22. (309). С. 39–45; (412). С. 305.

23 История русской и советской социологической мысли еще не написана. Среди существующих – довольно фрагментарных – исследований упомянем следующие: (441). С. 57–69 и (444).

24. (167). Т. 1. С. 62.

25. (166). Т. 49. С. 294.

26. (444). С. 19; см. также дискуссию в (137), 1929, № 11. С. 189–213.

27. См., напр., ПЗМ, 1922, № 3. С. 62–63 и 1922, № 11–12. С. 172–173. Бухарин сетовал, что «некоторые товарищи считают, что теория исторического материализма ни в коем случае не может рассматриваться как марксистская социология», (73). С. 12.

28. (153), 1930, № 2. С. 20.

29. (206). С. 178. По поводу Сорокина см. «Экономист», 1922, № 3. С. 148.

30. См. предисловие Сеймура Мартина Липсета к: *Michels Robert.* Political Parties (New York, 1962). P. 27, n. 22.

31. О разногласиях между Марксом и Энгельсом см. (398); О Ленине см. его «Философские тетради». – М., 1933; а о Деборине см. *Ahlberg Rene.* The Forgotten Philosopher: Abram Deborin, Revisionism. Ch. ix.

32. (19). С. 116,118; (73). С. 67.

33. (73). С. 216,279; (19). С. 118,121.

34. Это общее положение проходит через несколько глав, особенно HI, V, VI и VIII.

35. (73). С. 56, 64–67.

36. (73). С. 66,69–71,240.

37. Там же, пг. V–VI; (19). С. 119.

38. (73). С. 243–251,264–265.

39. Там же. С. 71–75.

40. (79). С. 36,44, 87–89 и га. X.

41. См., напр., М.З. Селектор, (232). После 1917 г. Бухарин регулярно выступал против богдановских теорий и политических установок, полагая, что они составляют одно целое. В одном знаменитом теоретическом диспуте по поводу возможности существования пролетарской культуры он согласился с Богдановым и разошелся с Лениным. Тем не менее он выступал за подчинение непокорного богдановского «Пролеткульта» партии. А когда в 1921 г. несколько молодых большевиков взяли на вооружение богдановские идеи, Ленин поставил Бухарина во главе идеологического контрнаступления. См. Бухарины. К съезду Пролеткульта, (210), 22 ноября 1921 г.; (166). Т. 44. С. 266. Хотя Бухарин восхищался Богдановым, он стал считать его неполноценным марксистом, чье «расхождение с марксистской ортодоксией и с большевизмом» сделалось для Богданова «личной трагедией». (210), 8 апреля 1928 г.

42. (19). С. 120.

43. Экономист. 1922, № 3. С. 146.

44. Богданов цит. в: *Bailes Kendall E.* Philosophy and Politics in Russian Social Democracy: Bogdanov, Lunacharsky and the Crisis of Bolshevism (неопубликованный очерк Русского института Колумбийского университета, 1966. С. 86) и (73). С. 6.

45. Сорокин в: Экономист. 1922, № 3. С. 146.

46. См. (73). С. 78–79, 91, 96, 144–145,206–207, 217–218, 257–258.

47. См. его «Заметки экономиста» в (210), 30 сентября 1928 г.

48. См., напр., (107), га. XVI и (232), гл. IX, особенно с. 169–170.

49. (73). С. 67; см.также (79). С. 129–130, си. 1.

50. (73). С. 69, 70; на с. 233, однако, он настаивает, что «не существует общества “вообще”».

51. Там же. С. 107; (210), 3 июля 1926 г.

52. См., напр., (346). С. 115–127; (309) и *Coser Lewis A.* The Functions of Social Conflict (Glencoe, III., 1956), ch. i. [Cynthia Eagle Russen], The Concept of Equilibrium in American Social Thought (New Haven, Conn., 1966). P. 53.

53. См., напр., *Бруйков В.С.* Марксизм и теория равновесия. – М., 1965.

54. (79). С. 130; (73). С. 240–241.

55. (73). С. 79–80; (19). С. 150.

56. (73). С. 218.

Глава 5
Переосмысление большевизма

1. Крицман, цит. в (303). С. 8.

2. См. (333), гл. XVIII–XIX; и замечания Бухарина в (14), 1925, № 8. С. 4–5.

3. На 1923 г. см. *Baykov Alexander*. The Development of the Soviet Economic System (New York, 1947). P. 107.

4. Лучшим исследованием крестьянского общества в годы нэпа является книга М. Левина (410).

5. См. резолюции в (119). С. 571–576; и (347). С. 146–153.

6. (252).

7. (254). С. 53.

8. (336). С. 9 вт. 1.

9. (52). С. 77 и его статья «Эпоха великих работ», (210), 24 декабря
1920. г.

10. (119). С. 324.

11. (167), т. XXVI. С. 338.

12. «Наши задачи», (14), 1924, № 1. С. 3; о настроениях более скептических см. бухаринское изложение взглядов Каменева и Зиновьева в 1925 г. (274). С. 135–136.

13. Цит. в: *Валентинов Н.* От нэпа к сталинской коллективизации, (189), 1963, № 72. С. 242.

14. (119). С. 230–231; см. также его высказывания в (210), 28 августа
1921. г.

15. (210), 25 января 1923 г.

16. См., напр., (167), т. XXVII. С. 84; и Бухарин, (19). С. 254, 263.

17. Первые два термина принадлежат Ленину, (167), т. XXVI. С. 58, 137; о прочих см. (265). С. 107.

18. См. (305). С. 14–15.

19. О Троцком как революционном герое см. трехтомную биографию И. Дейчера и описание в (336), 1. С. 139–152. См. соответствующие цитаты в (353). С. 24, 44 и Trotsky Leon. Literature and Revolution (New York, 1970). P. 190–191. См. также его «Уроки Октября» в (126). С. 433–486; и (254).

20. (211). С. 45–46 и (366). С. 37.

21. *Валентинов Н.* Суть большевизма в изображении Ю. Пятакова, (189), LII (1958). С. 140–161. Я цитирую здесь из более пространного варианта этих воспоминаний – *Вольский (Валентинов) Н.Н.* Воспоминания (неопубликованная рукопись, Russian and East European Archive, Columbia University, 1956).

22. *Yugow A.* Russia's Economic Front for War and Peace (New York, 1942). P. 5–6 и (153), 1929, № 10–11. С. 96.

23. *Thomson David.* Democracy in France (London, 1960). P. 19; *Bullock Alan.* Hitler (New York, 1964). P. 284–309.

24. Такие мысли ассоциировались в основном с Лариным. О его и других версиях см. замечания Бухарина в (19). С. 276; в (14), 1925, № 9,10. С. 7, 13; и (273). С. 185–186.

25. *Бухарин Н.* Пролетарский якобинец. *Памяти Ф.Э.* Дзержинского. – М., 1926; *Sorokin Pitirim.* Leaves From a Russian Diary (New York, 1924. P. 93) и перевод статьи Матьеза 1920 г. в Dissent (Winter 1955). P. 77–86.

26. (433). С. 290.

27. *Farbman Michael.* After Lenin (London, 1924). P. 3; (265). С. 41–46 и слова Бухарина о меньшевике Мартове в (217), 1. С. 80–81 и 11. С. 118.

28. (256). С. 151; см. также (253). Т. 2. С. 255. Этим зиновьевцем был Петр Залуцкий. См. (274). С. 358 и (188). С. 45.

29. См., напр., *Бухарин Н.* Новый курс экономической политики, перепечатано в (18). С. 309; слова Бухарина в (222). С. 109–110, 112–114; (411). С. 94–95.

30. Это был В. Ломинидзе. См. (188),с. 163.

31. (167), т. XXVI. С. 305–306, 321–325,408 и (167), т. XXVII. С. 50–51, 65,342–345,525; (193). С. 23–27.

32. (167), т. XXVII. С. 79, 80, 323. О реформаторском наследии Ленина см.также (85). С. 14–15.

33. См. (59). С. 7–8. На самом деле концепцию эту выдвинул Маркс; см. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 29. – М., 1962. С. 37.

34. (126). С. 373 и (42). С. 48.

35. Напр., (210), 24 августа 1929 г., цит. в (134). С. 512. А впоследствии критики-сталинисты будут приравнивать бухаринизм к социал-демократическому реформизму. См., напр., *Петровский Д.* Борьба компартии с реформизмом. – Л., 1929.

36. *Gneuss Christian.* The Precursor: Eduard Bernstein, Revisionism. P. 33–36.

37. (210), 21 января 1925 г. Бухарин называл их так постоянно, в том числе и в своей знаменитой речи «Политическое завещание Ленина» (59). См. ленинские статьи в (167), т. XXVI. С. 387–418.

38. См., напр., (211). С. 255–256, 260; (454). С. 31–32. Свидетельство Валентинова в (189), LII (1958). С. 149 и БухаринН. Экономические перспективы в деревне, (210), 5 ноября 1927 г.

39. (167),т. XXVI. С. 321–352 и т. XXVII, с.395.

40. Как он признал там же, т. XXVII. С. 62. См. также (92), № 1,1967. С. 61–62.

41. (193). С. 139–141; (159), 1925, № 4. С. 265.

42. См. (169),т. IV. С. 384–385 и III. С. 21.

43. (167), т. XXVI. С. 388, 391, 393–394 и т. XXVII. С. 29–30, 44–46, 83; и (193). С. 13–21,32.

44. (167), т. XXVI. С. 336 и т. XXVII. С. 303–304, 348–349. О кооперативах см. (333). Т. 1. С. 120–125.

45. (167), т. XXVII. С. 366; (266). С. 18.

46. (167), т. XXVII. С. 387–390, 398, 401,405.

47. Там же. С. 392–394.

48. Там же, т. XXVI. С. 336 и т. XXVII. С. 391, 396. См. интересную попытку примирить две точки зрения Ленина в (92), 1966, № 12. С. 44–55.

49. (167), т. XXVII. С. 396–397, 414, 417–418. О последних месяцах жизни Ленина см. (409).

50. См., напр., (210), 28 августа 1921 г. Также см. предисловие Сидни Хайтмана к (67). С. 36–37.

51. (14), 1924, № 2. С. 3.

52. См. (169), т. IV. С. 380–385; и (98), № 2, 20 декабря 1921 г. С. 50.

53. Протоколы Десятой Всероссийской конференции РКП(б). – М., 1933, с, 100. Статья появилась в (210), 6 августа 1921 г. и была перепечатана в издании (18), 1925 г. С. 301–309.

54. (119). С. 224–225; «Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». С. 264–268, 379–382; (18). С. 301–309 и The New Policies of Soviet Russia (Chicago, 1921?). P. 43–61.

55. (159), 1921, № I. С. 269; (18). С. 306–307.

56. (18). С. 301,307.

57. (271). С. 192; и (98), № 2 от 20 декабря 1921 г. С. 49, 51.

58. (19),с. 216–241; (172),с. 283.

59. (19). С. 219–232; см. также (65). С. 17–22 и «Проблема культуры в эпоху пролетарской революции», (135), 15 декабря 1922 г.

60. (19). С. 222, 227, 232–236; (65). С. 33; (210), 28 августа 1921 г.

61. Как он указывал впоследствии. См. его (75). С. 35.

62. (19). С. 237–240; (65). С. 46–47.

63. См., напр., его «Краткий курс экономической науки», 15-е изд. – М., 1924. С. 24–27, 41, 106, 331–332, 339–341. См. также *Карев Н.* О группе «Рабочая правда», (14), 1924, № 7–8. С. 32–34.

64. (19),с. 227; (65),с. 23; (210), 23 ноября 1921 г.

65. (73). С. 314–315; (19). С. 239–240. См. также (135), 15 октября 1922 г.

66. См., напр., его замечания в (217),11. С. 117–118.

67. См., напр., (52). С. 75–77; (126). С. 292; (274). С. 824 и его (67). С. 71. По поводу его скептического отношения к аналогии с термидором

см. «На пороге десятого года», (210), 7 ноября 1926 г.

68. Хотя немногочисленные публичные высказывания Бухарина о Кронштадтском мятеже содержали выпады против политических сил, которые будто бы были в нем замешаны, они были окрашены скорее печалью, нежели злобой. См. (119). С. 224–225 и неподписанные передовицы в (210), 25 марта 1921 г. и 22 мая 1921 г. (о его авторстве говорится у Ленина, (167), т. XXVI. С. 661, 671). Сообщают, что позднее он заявил делегатам III конгресса Коминтерна в 1921 г.: «Кто говорит, что Кронштадтский мятеж был белогвардейским? О нет. Ради идеи, ради нашей задачи нам пришлось подавить восстание наших заблуждающихся братьев. Мы не можем рассматривать кронштадтских матросов как врагов. Мы любим их как настоящих братьев своих, плоть от плоти и кровь от крови нашей…» (301). С. 203.

69. (119). С. 322–323; «Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». С. 382; (28). С. 321–322.

70. Более ранний пример см. в (210), 28 августа 1921 г.

71. (131). II. – М., 1924. С. 255–259; (52). С. 16, 36–37. Организации рабкоров и селькоров сделались его излюбленным примером.

72. «Влияние нэпа и “уклоны» в рабочем движении», (210), 25 марта 1923 г.; (341), 1923, № 25. С. 13; «Крестьянство и рабочий класс в ближайший исторический период», (210), 28 сентября 1923 г. Это мнение основано на выступлении Бухарина на XII партсъезде в апреле 1923 г., где он разбирал основные вопросы дня – индустриальную политику, линию в национальном вопросе и международное движение. Его позиция в каждом случае отражала то, что начинали называть «прокрестьянской ориентацией». См. (114). С. 169–176, 561–565 и его (35).

73. (131), II. с. 254–255.

74. (210), 28 сентября 1923 г.; (19). С. 279. См также (210), 25 января 1923 г. и от 25 марта 1923 г.

75. (271). С. 192–193; точно так же см. «Р.С.Ф.С.Р.», (210), 3 декабря 1922. г.

76. (210), 25 января 1923 г.; (131), II. С. 264.

77. См. (210), 3 декабря 1922 г.; (19),с. 240; и (271),с. 190.

78. “Критика и критика”, (210), 30 июня 1923 г.; (210), 28 сентября 1923. г.

79. См. (241). С. 169–203.

80. (271). С. 191.

81. (25). С. 37.

82. (14), 1924, № 2. С. 6. И на самом деле, вся дискуссия по поводу новизны лозунга построения «социализма в одной стране» в какой-то степени не отражает действительного положения вещей. Бухарин и партийное руководство думали, что «военный коммунизм» приведет к социализму вне всякой связи с перспективами революции в Европе. Даже до Сталина некий Петров ссылался в июне 1924 г. на Ленина, оспаривая утверждение Богданова, что социализм не может восторжествовать в одной отдельно взятой стране. (14), 1924, № 5–6. С. 99–100. И наконец, левый экономист Преображенский сформулировал свой «закон первоначального социалистического накопления» не без намерения использовать его как способ построения социализма в изолированной отсталой стране.

83. *Молчанов Ю.Л.* Коминтерн. У истоков политики единого пролетарского фронта. – М., 1969. С. 115–119; высказывания Бухарина в (221). Т. 2. М. – Л., 1925. С. 275; (210), 7 ноября 1922 г. и (213), с, 3.

84. (271;. С. 196.

85. (114). С. 169; (210), 13 мая 1923 г.; (223). С. 246; (246); (35). С. 24.

86. (35). с. 25, 81–82; см. также (341), 1923, № 25. С. 16 и (210), 8 сентября 1923 г.

87. (341), 1923, № 25. С. 16.

88. См. замечания Петровского в (274). С. 168 и (254). С. 48–49.

89. См. историю триумвирата в (347), гл. VIII–IX и (353), гл. II.

90. *Зиновьев Г.* Соч., XI. М. – Л., 1929. С. 390; (166). Т. 45. С. 345.

91. *Mogizet Andre.* Chez Lenine et Trotski: Moscou 1921 (Paris, 1922). P. 63. См. также (240), 8 сентября 1922 г. С. 4. До смерти Ленина полными членами Политбюро были: он сам, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Рыков и Томский, причем последние двое являлись второстепенными фигурами. Ленин н своем «Завещании» упомянул лишь Троцкого, Сталина, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова, который постоянно выступал в качестве оппозиционера. (166). Т. 45. С. 344–345.

92. *Eastman Max.* Since Lenin Died (New York, 1953). P. 30. (166), т. 45. С. 345; слова Сарабьянова в ПЗМ, 1922, № 3. С. 63; (4). С. 55 и (175). С. 148–149.

93. (104). С. 115.

94. См. (167), т. XXVII. С. 277–280, 537, 538 и (422). С. 10.

95. (167), т. XXVII. С. 379–382; (100). С. 290.

96. (166). Т. 45. С. 345.

97. (169), т. XX. С. 353; см. также т. XXIII. С. 33 и (166). Т. 45. С. 524. Последняя цитата взята из (117). Эту историю мне рассказал также Б.И. Николаевский, сообщивший, что слышал ее от Крестинского.

98. См., напр., (166). Т. 45. С. 145–146 и Т. 54. С. 141, 524.

99. См. бухаринский рассказ об этих встречах в (422). С. 12–13. Дополнительные доказательства того, что Бухарин регулярно посещал Ленина в течение примерно года до его смерти, можно найти в (117). См. (436). С. 176; *Бухарин Н.* Ильич, (210), 24 сентября 1922 г.; (266). С. 42 и (166). Т. 45. С. 682, 686, 693, 716. По сообщению советского историка Роя Медведева, Ленин в это время относился к Бухарину с «большой любовью». См. (175). С. 153. См. также *Roy M.N.* Memoirs (Bombay, 1964). P. 498. Рой гово-

рит, что Ленин рассматривал Бухарина как «своего духовного сына». Бухарин вне всякого сомнения полагал, что Ленин считает его человеком, «наиболее способным понять его мысли. Он беседовал с Бухариным, чтобы тот писал вещи, о которых сам Ленин не высказывался». (422). С. 13. С другой стороны, некоторые из последних работ Ленина поддерживают призыв Троцкого к расширению промышленного планирования.

100. О грузинском деле см. (409); (269) и (166). Т. 45. С. 356–362 и Т. 54. С. 329–330. О Троцком см. также (353). С. 91–93.

101. См. (269). С. 348, 351–356, 369. На съезде его шутя называли «почетным грузином». (114). С. 564.

102. (114). С. 561–565; (35). С. 33, 63.

103. *Бухарин Н.* Итоги XII съезда РКП(б), в (155), 1923, № 25. Более поздний пример см. (210), 2 февраля 1927 г.

104. Цит. М. Шактманом в его предисловии к (256) (2-е изд. НьюЙорк, 1962, с. XIV). См. также высказывание Бухарина о нормах внутрипартийной жизни в (119). С. 217–233 и его тезисы на с. 644–651.

105. См. (250). С. 147–148.

106. Версия Троцкого о зависимости Бухарина от него, однако, явно апокрифична. См. (253), II. С. 205–208. См. также (353). С. 82–83.

107. (117).

108. (274). С. 398–399,455–456.

109. См., напр., (182). С. 67.

110. (353). С. 35–37 и Сталин, цит. в (133). С. 349.

111. Она известна как «платформа сорока шести» и перепечатана в (335). С. 367–373.

112. (210), 3 января 1924 г.

113. См. (335), гл. III–IV; (353). С. 99–104.

114. В течение многих месяцев он пытался бороться с «психологической деморализацией» и «пессимизмом», произведенными нэпом; оппозиция же откликалась на такие настроения и апеллировала к ним. См. (222). С. 112; (131), II. С. 263; (210), 25 марта 1923 г. и 30 июня 1923 г.

115. «Долой фракционность!», (33). С. 10–11, 20, 31,43.

116. Там же. С. 7–43. Сначала она появилась в (210), 28–30 декабря 1923 г. и 1 и 4 января 1924 г.

117. (126). С. 333; (33). С. 9; (57). С. 85.

118. (34). С. 4–5; речь Бухарина в (168). С. 86–88; письмо Троцкого к Бухарину, 9 января 1926 г. (Т 2976) и (44). С. 294–295. Сталин, видимо, выступил против их требования.

119. См. несколько превратную версию в (353). С. 257–258. Об этом речь пойдет в гл. 7.

120. (86). С. 91

121. (19). С. 242–284. Наиболее известным примером является сталинская работа “Об основах ленинизма”, основанная на лекциях, прочитанных в Университете им. Свердлова в начале апреля 1924 г.

122. Ср., напр. С. 271 там же со сталинскими (241). С. 115.

123. (19). С. 274–275; (126). С. 287.

124. (19). С. 275–276.

Глава 7
Дуумвират: Бухарин и Сталин

1. О конце триумвирата см. в (347). С. 253–257 и (336), II, гл. ХШ. Данные о постепенном складывании союза между Сталиным и Бухариным см. в (274). С. 136. 397–398, 459, 460, 502 и в (336), II. С. 43–45. Ведущее положение Сталина и Бухарина в 1925–1927 гг. подчеркивалось разными приемами как окольно, так и официально. См., напр.,

на каких местах они помещены на официальной фотографии ЦК в декабре 1927 г. («Огонек» от 1 января 1928 г.)

2. (34). С. 4.

3. Термин «группировка» принадлежит Бухарину, там же. См. также замечание Лашевича о том, что Политбюро на самом деле не представляет собой коллектива вождей, а есть набор «комбинаций», (274). С. 181.

4. О растущей организационной власти Сталина см. (336), II. С. 196–214 и (347). С. 165–171, 193–198. В 20-е гг. термин «княжество» всегда использовался с критическим оттенком в этой связи. См., напр., (25). С. 53 и (277). С. 749.

5. (412). С. 476. В 1929 г. Бухарин назовет это «секретарским режимом». Цит. в (105). С. 196.

6. (436). С. 211; (274). С. 524; (132). С. 155–200.

7. См. (274). С. 149; (210), 13 декабря 1925 г., (75). С. 34. См. также (172). С. 278; (336), I. С. 269 и (85).

8. В этом заключалась суть жалоб Зиновьева на XIV партсъезде. См. (274), особенно с. 101–109.

9. (223). С. 528–544. Первоначально они появились за подписью Бухарина в (210), 1 апреля 1925 г. и содержали практически все его теоретические нововведения относительно построения социализма в крестьянской стране. Позднее они сделались предметом дискуссии, когда сталинисты пытались отрицать, что бухаринизм когда-то был официальной политикой. См., напр., *Ярославский Е.* Об одной фальшивой ссылке, (210), 17 ноября 1929 г. Позднейшие взгляды Бухарина на мировую революцию и коминтерновскую политику разбираются в главе\'П1.

10. Роберт Дэниеле писал о союзе Сталина с бухаринцами: «В вопросах политики и доктрины он руководствовался их линией, а в вопросах организационных поддержкой им служила его власть.» См. «Stalin’s Rise to Dictatorship, 1922–1929,» Politics in the Soviet Union: Seven Cases, edited by Alexander Dallin and *Alan F.* Westin (New York, 1966). P. 27.

11. См., напр., (274). С. 494, 503–504.

12. Этот вопрос разбирается в (367). С. 81–99 и в (85). С. 81–85. Иную точку зрения см.: *Schlcsinger Rudolf.* A Note on the Context of Early Soviet Planning, Soviet Studies (July 1964). P. 22–44.

13. (274). С. 254, 494. Смотри сходные оппозиционные воззрения в заявлениях Смилги и Радека, в ВКА, 1926. XVII. С. 199, 247 и Каменева в (274). С. 255–256, 269–270.

14. (14), 1924, № 1. С. 3.

15. См. (366), II. С. 55 и «Вестник Ленинградского университета (История–язык–литература)», 1971, № 2. С. 26.

16. Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма. Ч. 1. – М., 1961. С. 76; (160), 1926, № 4. С. 7. См. также «Вестник Ленинградского университета (История–язык–литература)», 1968, № 2. С. 26.

17. (274). С. 254. См. также жалобу Зиновьева там же. С. 113–117.

18. (154). С. 261–262; Власть Советов за десять лет. 1917–1927. – Л., 1927, с. XXXVII.

19. В числе прочих А. Слепков, В. Астров, А. Айхенвальд и Е. Гольденберг, видные молодые бухаринцы-партийцы, после 1925 г. иногда работали в аппарате Коминтерна. Бухарин, напр., устроил в Политический Секретариат Коминтерна Слепкова, рекомендовав его как «превосходного организатора”. (390). С. 285. Два менее известных бухаринца, Грольман и Идельсон, по всей видимости, руководили советской партячейкой в Исполнительном комитете. См. (210), 22 ноября 1929 г. и 16 декабря 1929 г. Особенно близок к Бухарину был швейцарский делегат и ведущий деятель коминтерновского аппарата Эмбер-Дро. О нем и о других коминтерновцах речь пойдет в главе 9.

20. См. слова Покровского в ВКА, 1925, XI. С. 320 и Вольфсона в «Литературной энциклопедии», I. – М., 1929. С. 634. См. также (363). С. 353–354 и «Нью-Йорк тайме», 4 ноября 1926 г. С. 12.

21. См. нападки Бухарина на Зиновьева в (274). С. 136–151; по поводу его ленинградских речей см. (168) и (25). Преображенский отзывался о Бухарине как о своем «наиболее ученом» и «главном оппоненте». (211),с. 13,324.

22. Нападки начались в Ленинграде в начале 1925 г. и достигли наибольшего накала на съезде в декабре. См. (188). С. 11, 64–65, 176 и (274). См. также слова Сафарова, цит. в (265). С. 225 и (211). С. 308.

23. (274). С. 109, 165,254,274.

24. См., напр., Троцкого в (82), № 12–13, 1929. С. 18 и См илга И. Платформа правого круга ВКП(б), (Т 2825). С. 3. О нападках сталинистов см. (210), 18 сентября 1929 г. и 20 октября 1929 г.

25. ПЗМ, 1922, № 3. С. 85. Как указывал Бухарин, на самом деле они начали формировать в 1919–1920 гг. (244). С. 344.

26. «Меморандум Бухарина-Каменева» (Т 1897) и (244). С. 346. О комсомольской карьере Цетлина см. его воспоминания в «Юношеское движение в России» под ред. А. Кирова и В. Далина, 2-е изд., М. – Л., 1925. С. 235–236 и «ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918–1928», М. – Л., 1929. С. 7.

27. Сначала Зиновьев, а потом и Сталин, напр., пытались привлечь в свои собственные секретариаты наиболее способных молодых бухаринцев.См. (210), 24 июля 1927 г.; (14), 1927, № 11–12. С. 38–39 и (4). С. 318. О Сталине см. «Голоса советской оппозиции», под ред. Джоджа Саундерса (Нью-Йорк, 1974). С. 149 (англ, яз.).

28. (304). С. 24. См., напр., (172).

29. (131), II. С. 259.

30. (128). С. 101. См. также выше. Гл. 5, прим. 92.

31. Об этом институте см. (400) и А. Алымов «Десять лет ИКП», ВКА, 1931, № 12. С. 13–18; (139), 1958, № 6. С. 73–90; (304). Гл. 1, III–V, X и *Гуковский А.И.* «Как я стал историком» // История СССР. 1965, № 6. С. 76–99.

32. См., напр., (177). С. 914; (436). С. 163 и (376). С. 142 и воспоминания, цит. на всем протяжении книги (414). О замечании Троцкого см. Writings of Leon Trotsky (1937–1938) (New York, 1970). P. 166.

33. (167), т. XXVI. С. 121. См., напр., (119). С. 293 и (274). С. 223, 461.

34. (167), т. XII, (с. 25 по амер. изд.).

35. (177). С. 914.

36. *Рейхенбах Бернард.* Москва 1921 в (448), № 53 (1964). С. 17 (англ, яз.) и *McCarthyMargaret*. Generation in Revolt, (London, 1953). С. 112. О (210) см. воспоминания в (264). С. 186.

37. См. посвящение Бухарину в (66).

38. См. ниже, Эпилог, прим. 2.

39. (240), 18 июля 1927, с.14. О Петровском см. ниже. Гл. 10, прим. 86. О Стецком см. «Герои Октября», II. – Л., 1965. С. 444–445 и (282). С. 466. Астров позднее написал два романа, в которых в достаточно прозрачной форме повествуется и о нем самом, и о молодых бухаринцах. См. его (5) и (4).

40. См. «Руль», 7 ноября 1929 г. С. 3 и (210), 18 ноября 1929 г. О Гольденберге см. (210), 21 июля 1929 г.

41. См. *Слепков А.* Классовые противоречия в 1-ой Думе. – М., 1923 и *Астров В.* Экономисты – предтечи меньшевиков. Экономизм и рабочее движение в России на пороге XX века. – М., 1923. См. также исследование Д. Марецкого об австрийском маргинализме в (257). С. 247–275. Астров и Слепков продолжали печататься как историки в 20-е гг. Айхенвальд и Гольденберг регулярно публиковались в экономических журна лах. Главнейшей работой первого была работа «Советская экономика».

42. Зиновьев сетовал на то, что молодые бухаринцы «наполняют наши центральные органы своими статьями». (274). С. 117. Библиография их работ заняла бы много страниц. Достаточно будет сказать, что в 1925–1927 гг. редкий номер «Правды» или «Большевика» не содержал статей по меньшей мере одного из них. См., напр., следующие сборники: (188), (292) и «Партия против оппозиции», сб. статей и документов под ред. Л. Робинского и А. Слепкова, М. – Л., 1927. В качестве примера их монографий. выдержанных в бухаринском духе, см. *Слепков А.* О пропаганде ленинизма и рабочей партийной школе. – М., 1925 и «Пролетариат и крестьянство в революции», 2-е изд., Харьков, 1925; *Марецкий Д.* Так называемый «термидор». – М., 1927 иЗайцев А. (129). См. примеры их публичных выступлений в ВКА, 1925, XI. С. 322–327, 332–334 и 1926, XVII. С. 236–241, 247, 249–254, 261–265.

43. См., напр., Зайцев в ПЗМ, 1924, № 6–7. С. 280–291; *Марецкий Д.* в (14), 1925, № 5–6. С. 106–110 и (172).

44. (210), 18 сентября 1929 г. и 20 октября 1929 г.

45. Ярославский в (210), 24 июля 1927 г., См. опровержения Бухарина в (75). С. 3 и (274). С. 823.

46. (83). С. 143.

47. См. (274). С. 504; (92), 1967, № 6. С. 58 и (101), II. с. 358.

48. *Дубровин В.* Повесть о пламенном публицисте (С. М. Киров и печать). – Л., 1969. С. 201, 204 и (4). С. 392–393, 399,419,473.

49. См. выше, прим. 19. Слепков играл видную роль в корреспондентском движении, см. (210), 25 мая 1926 г.

50. См., напр., (210), 13 ноября 1929 г. и 18 ноября 1929 г.; (1). С. 252–253 и (83), гл. IV–V. (2) – учебник бухаринского направления, опубликованный в 1927 г., к 1929 г. выдержал пять изданий общим тиражом 100 тыс. экземпляров на русском и украинском языках. См. (14), 1929, № 18. С. 131–136 и (240), 8 марта 1929 г. С. 13.

51. (210), 21 июля 1929 г.

52. (274). С. 1003; (198), II. С. 316–321; (219). С. 838 и (220), II. С. 15–34.

53. ВКА, 1925, XI. С. 326.

54. (14), 1925, № 9–10. С. 59–64.

55. См. слова Бухарина в (168). С. 89; обсуждение в (274). С. 187, 204, 408, 417 и (14), 1930, № 7–8. С. 104–105. Несмотря на скандал, Богушевский сделал исключительную карьеру, став ведущей фигурой среди сталинских индустриализаторов и редактором и автором официальной истории первой пятилетки. О*. (13). С. 461–537. Неясно, кто именно ему протежировал, но, скорее всего, это был В. Куйбышев. См. (164). С. 313.

56. (274). С. 335; См. также *Микоян А.* Из воспоминаний о Ленине // Юность. 1970, № 4. С. 46. Роберт Такер убедительно доказывает, что Ленина лучше всего рассматривать как своего рода «харизматического вождя», (458).

57. «Товарищ» в «Владимир Ильич Ленин.» Сборник, Иваново-Вознесенск, 1924. С. 15; (210), 27 февраля 1929 г.,с. 3. Хотя Бухарин не называл Сталина по имени, он, как и Сокольников в приведенной выше цитате, указывал на контраст между авторитетом Ленина и генсека.

58. (274). С. 173, 179 и (75). С. 40.

59. Выражение принадлежит Зиновьеву, (274). С. 460.

60. См., напр., (240), 14 ноября 1928. С. 14.

61. Меморандум Бухарина–Каменева (Т 1897). Из тактических соображений в 1925 г. Сталин доказывал совсем иное, см. (274). С. 506.

62. Термин «авторитетнейший деятель» или «авторитетный представитель партии» регулярно использовался в 20-е гг. См., напр., (177). С. 913 и ВКА, 1926, XVII. С. 247.

63. Меморандум Бухарина–Каменева (Т 1897). См. также (355). С. 290.

64. (253). Т. 2. С. 265.

65. Никому, напр., не пришло бы в голову испрашивать сталинского мнения во время литературной дискуссии в 1924–1925 гг. О внешнеполитической области см. (451). С. 169.

66. (466). С. 102.

67. (403). С. 10–11. См. также (166). Т. 45. С. 346 ит. 54. С. 329–330.

68. *Об М.И.* Ульяновой см. (264). По всей видимости, они с Бухариным подружились в Москве еще до 1910 г. О том, что они были близки в 1918 г., указывается в (263). С. 86. В 1929 г. Сталин изгнал ее из «Правды» так же, как и Бухарина, см. (264). С. 259. Об этом вопросе см. также «Дневники Троцкого в ссылке: 1935» (Нью-Йорк, 1963). С. 33 (англ, яз).

69. (274). С. 158–166, 299.

70. (341), 1926, № 4, с. (14).

71. *Разумовский И.П.* Курс теории исторического материализма, 2-е изд., М. – Л., 1927. С. 511–512.

72. (379). С. 92, 95, 114.

73. (242). С. 48.

74. См. официальную биографию Рыкова в (126), II. С. 223–230; (87) и (267). С. 34–39. О Томском см. (126), III. С. 146–150 и (149).

75. Устное сообщение Б. Николаевского – дальнего родственника Рыкова. См. об этом периоде (228).

76. (87). С. 22–23.

77. Цит. в (85). С. 21. Рыков является центральной фигурой в воспоминаниях Валентинова (Вольского) – (86) и в книге Резвика – (430). О его антипатии к Троцкому см. его предисловие к (126). С. 3–8.

78. О его взглядах см. (249). С. 6–20; *Рыков А.И.* Деревня, новая экономическая политика и кооперация, М. – Л., 1925; (273). С. 143–144 и (274). С. 408–417.

79. (439). С. 90. См. о том же (219). С. 669 и (427). С. 65.

80. Томский в (392), 1930, X. С. 687 и (105). С. 209–210. О профсоюзах и руководстве Томского в 20-е гг. см. (440) и (354) и (101), II. С. 201–202.

81. (333), II. С. 190–191, 221–223; (149). С. 81–84.

82. (105). С. 202.

83. См. (354). С. 76–79 и замечания Козелева в «Вестнике труда», 1925, № 11. С. 35. Взгляды Томского разбираются в гл. IX.

84. *Николаевский Б.* Сорок лет тому назад, (240), февраль-март 1961. С. 27 и его «Революция в Китае, Япония и Сталин», (189), VI, 1943. С. 241–244.

85. См. (336), III, гл. XXXVI; *Томский М.* Статьи и речи, I. – М., 1928; *Фрейдлин Б.* Союзы СССР в борьбе за единство профессионального движения. – М., 1925 и *Langsam David E.* Pressure Group Politics in NEP Russia: The Case of the Trade Unions (Princeton University, 1973), (неопубликованная докторская диссертация), гл. IV.

86. (274). С. 277–279; (219). С. 294. Официальный профсоюзный журнал «Вестник труда» также вдруг стал отводить Бухарину особое место. См. рецензию на его книгу в 1925, № 11. С. 216–218 и его статью в 1925, № 12. С. 5–8.

87. Резвик в (430) предполагает, что они составляли группу еше в 1924–1925 гг.

88. (274). С. 289, 418. Их высказывания имели особое значение, поскольку Каменев предостерег съезд, что выход Сталина на первые роли отражает «теорию вождя», что это «создает вождя», там же. С. 274–275. О тех, кто выдвигал Сталина, см. выступления Ворошилова и Куйбышева, там же. с. 397, 628.

89. (430). С. 116–120, 150. В одном из писем 1921 г. Сталин насмехается над «обывательским “реализмом”… Рыкова. по уши погрязшего в рутине». (243), V. С. 51.

90. (243), XI. с. 220; (105). С. 209–210.

91. (336), III. С. 500, 585–588, 592–593; (240), 16 января 1925 г. С. 8–10, 15.

92. (240), 15 января 1927 г. С. 15 и 8 июля 1927 г. С. 14.

93. См., напр., (230). С. 19–23 и (210), 2 декабря 1928 г.

94. Разумеется, все стороны утверждали, что являются настоящими «левыми», а от ярлыка «правых» бежали, как черт от ладана. В контексте большевизма термины «левый», «правый» и «центр» не обладают своим обычным значением и употребляются здесь лишь как указания на относительное расположение той или иной группы в политическом спектре левой большевистской партии. О том, как Сталин пытался привлечь на свою сторону центр, см. в (355). С. 295–297. Пятаков, цит. в (86). С. 164.

95. Цит. в меморандуме Бухарина-Каменева (Т 1897).

96. *Коларц Вальтер.* Россия и ее колонии (Нью-Йорк, 1955). С. 9–10, 18 (англ, яз.). С другой стороны, некоторые беспокоились, что победа правых породит «надгосударственный русский шовинизм», (304). С. 71. Согласно частному сообщению Б. Николаевского автору, Бухарин, Рыков и Томский имели прозвище «Ивановичи» – намек на их русское происхождение, несмотря на то, что отчество Томского было Павлович.

97. Валентинов в (189), 1964, № 75. С. 174; (404); (430). С. 84–96.

98. (404). С. 49.

99. См. ниже, гл. IX, прим. 3.

100. О меньшевиках см. (86) и (395). Оба автора разбирают также и эсеров, которых привлекала аграрная политика Бухарина, тогда как меньшевикам были по душе его взгляды на планирование. О Рыкове см. также (411). С. 64–68.

101. (121), II. С. 349; см. также с. 83–84. Его руководству Советом посвящается значительная часть воспоминаний Валентинова (86).

102. См. воспоминания Валентинова (Вольского) в (189), 1963, № 74. С. 197, 202 и 1964, № 75. С. 170–171 и (268). С. 48–49.

103. См. его автобиографию в (126), III. С. 165–176 и его биографию в «Известиях», 30 ноября 1928 г., а также слова Ворошилова в (274). С. 394.

104. О московском руководстве см. (210), 15 декабря 1925 г. и (101), II. С. 196–198. В 1928 г. оно было несколько иным. Рютин, Пеньков, Куликов и Яковлев были секретарями райкомов, Мороз – секретарем Московской контрольной комиссии, а Мандельштам заведовал в МК агитпропом. Все были членами узкого Бюро, возглавлявшегося Углановым и Котовым. Их роль разбирается и в главе 9.

105. (132). С. 36, 75; (336), I. С. 154 и (11). С. 52–59.

106. (199). С. 395, 429, 430, 439; (336), I. С. 344–345, 376.

107. (283), II. – М., 1933. С. 296.

108. (126), II. С. 165–176.

109. (105). С. 209.

110. (193). С. 837; (210), 15 декабря 1925 г.; (126), II. С. 27–32; (336), II. С. 56–57.

111. (213), 1922, № 10. С. 320. О том, что было названо именем Бухарина, см., напр., (101), II. С. 116, 278, 308, 488 и 111. С. 611. О Московском Совете см. (210), 13 мая 1923 г. и 17 марта 1929 г.

112. Подсчет основан на речах, собранных в (243); см. также т. IX. С. 159.

113. (75). С. 15–40.

114. Эти документы опубликованы в (188). С. 36–40, 44–50. Они вторили Бухарину и во многих других отношениях. По всей видимости, молодые бухаринцы были особенно активны в отделах пропаганды Московской парторганизации, либо через посредство «Правды» и «Большевика», либо Института красной профессуры, работавшего в тесной связи с московскими партийцами. Об этой последней связи см. *Зеймаль В.* и *Поспелов П.* ИКП и борьба за генеральную линию партии, (210), 1 декабря 1931 г. и (4). С. 77, 194, 220. На связь Бухарина с москвичами указывает также Рудольф Шлезингер в (445) за апрель 1960. С. 406.

115. См. выступление Угланова в (274). С. 193. Помимо него самого, Котов, Куликов, Михайлов и К.В. Уханов были членами ЦК, избранного в декабре 1927 г. К декабрю 1927 г. Рютин и еще один москвич, В.И. Полонский, тоже входили в состав ЦК.

116. Угланов в (219). С. 633. См. также рютинскую похвалу в адрес Бухарина в (274). С. 154–156.

117. (181), 1926, № 2. С. 86; (392), 1927, VII. С. 200; «Ленинизм и проблема культурной революции», (210), 27 января 1928 г.

118. (250). С. 526.

119. См., напр., ВКА, 1925, XI. С. 292. Отвергая такие тенденции, он писал в 1927 г.: «Дискуссию можно и должно вести, но не этакими методами, которые и по существу мало соответствуют действительности и явно вредоносны политически. Это – мое личное мнение». Цит. в (210), 24 августа 1930 г.

120. О его постоянной роли «заступника» см. ниже, глава 10, прим. 90.

121. «Злые заметки», в его (80). С. 204, 207–208. Они сначала появились в (210), 12 января 1927 г.

122. Цит. в письме Троцкого Бухарину, датированном 6 января 1926 г., (Т 2976).

123. (274). С. 149–150; (281). С. 243; Бухарин, цит. в письме Троцкого, см. (Т 2976).

124. О его частных записках на эту тему см. (4). С. 294–295, 310–312, 317.

125. (168). С. 108 и (34). С. 4–5.

126. Единственное свидетельство этой переписки, на котором основано мое изложение, содержится в копиях трех писем Троцкого к Бухарину, датированных 8 января, 14 марта и 19 марта 1926 г. и находящихся в Архиве Троцкого (Т 2976, 868, 869).

127. Позднейшие уверения Троцкого, что «Сталин категорически запретил ему это делать», полностью противоречат имеющимся данным. См. выступления Бухарина против советского антисемитизма в (210), 2 февраля 1927 г. и 24 ноября 1927 г.; в (95). С. 24.

128. (451). С. 169; (45). С. 67–69.

129. (57). С. 79, 89; (219). С. 42; (34). С. 63.

130. (219). С. 599, 601. За одиннадцать месяцев до этого он сказал: «Мы никогда не требовали от тов. Зиновьева: откажись публично от своей ошибки» – (274). С. 150. Дейчер назвал это «странным, почти зловещим поступком Бухарина», (353). С. 305.

131. См. слова Бухарина в (210), 15 января 1927 г. Есть кое-какие данные о том, что Сталин пытался исключить левых из партии летом или осенью 1927 г., но натолкнулся на сопротивление со стороны правых в Политбюро и потерпел неудачу. См. (433). С. 355–356 и (353). С. 355–356.

См. также любопытное письмо Сталина от 8 октября 1926 г., критикующее Слепкова за слишком снисходительное отношение к Троцкому во время недавней дискуссии. (243), VIII. С. 206–208.

132. Сведения о таком плане были предоставлены мне в 1965 г. ныне покойным Б. Николаевским. Он получил их от бывшего коммуниста, жившего в Советском Союзе в 20-е гг. Недавно появились столь же косвенные и не более неопровержимые данные, см. (4). С. 217 и (175). С. 219. Астров был видным бухаринцем и вполне мог находиться в курсе дел, однако его данные представляются менее убедительными из-за того, что содержатся в романе, в котором реальные факты нередко подаются в искаженном виде. Медведева следует считать весьма надежным источником, однако здесь он ссылается лишь на «некоторые сведения». Ни тот, ни другой не упоминают в этой связи Бухарина, однако, если бы подготовка к такому шагу имела место в действительности, он, безусловно, был бы в ней главным участником.

133. См. (274). С. 503–504 и (243), VII. С. 153–155.

134. (274). С. 47–48, 504–505.

135. (231). С. 257.

136. Цит. в (253), II. С. 165, 184. См. другие точки зрения там же. С. 512 и (453). С. 393. В неофициальных беседах Сталин уже намекал, что считает себя «единственным человеком», стоящим «во главе государства». Цит. в (175). С. 628.

137. Меморандум Бухарина–Каменева (Т 1897).

138. (33). С. 3; (274). С. 133, 134; (20). С. 241.

139. (274). С. 181.
140. (240) за июль–август 1962 г. С. 119. См. также (442). С. 426.

Глава 9
Падение Бухарина и начало сталинской революции

1. Как указывается в (140). С. 191.

2. Статистика ремесленного производства относится к Российской Федерации (1928–1929 гг.). См. (92), 1971, № 7. С. 83–84 и (334), I. С. 390.

3. (277). С. 458. Как мы видели, в Наркомземе главенствовали бывшие эсеры, а в ВСНХ – бывшие меньшевики. В 1924 г. из 527 служащих Госплана лишь 49 состояли в партии. В том же году 88% рядовых работников центральных кооперативных органов и большинство заведующих отделами были беспартийными. См. (92), 1967, № 3. С. 55 и 1970, № 10. С. 81–82. В последние годы нэпа подобное же положение существовало и в других крупнейших ведомствах. См. (220), 1. С. 446–447.

4. *Harper Samuel Noithrup*. Civic Training in Soviet Russia (Chicago, 1929). P. 263. Так же в 1928 г. из всех инженеров, работавших в государственной промышленности, только 139 являлись членами партии. См.: Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. – Л., 1965. С. 49.

5. Напр., из 152 работников центрального печатного органа ленинградской партийной организации в 1926 г. в партии состояли лишь 28. См. «Вестник Ленинградского университета (История–язык–литература) “ 1971, № 2. С. 31.

6. Эти цифры относятся к РСФСР в 1926–1927 гг. *Bernstein*. Leadership and Mobilization. P. 213. По всей стране процент председателей-коммунистов вырос к 1928–1929 гг. до 37,7%. См. *Male D.J.* Russian Peasant Organization Before Collectivization: A Study of Commune and Gathering 1925–1930 (New York, 1971). P. 128.

7. (433). С. 343. О различных аспектах партийной мысли см. (397); (305) и (373). К числу наиболее интересных партийных журналов относились (88) и (204).

8. В 20-е гг. наркомом, ответственным за управление «культурным фронтом”, был А. Луначарский, известный своим либеральным подходом и ненавязчивым руководством. См. (373). Начальные главы воспоминаний Эренбурга передают ощущение культурного подъема и брожения в нэповские годы. Вот один пример того, как тогдашние писатели пользовались поддержкой конкурирующих секторов: в 1927 г. частные книгоиздатели выпускали всего 6% общего тиража публикуемых книг, но 25% всех названий. См. The Soviet Union: Facts, Descriptions, Statistics (Washington, D. C., 1929). P. 196.

9. О различных аспектах культурной жизни времен нэпа см. (417); *Slonim Marc*. Russian Theater from the Empire to the Soviets (Cleveland, 1961), ch. VIII–IX; *Kopp Anatole.* Town and Revolution: Soviet Architecture and City Planning, 1917–1935 (New York, 1970); *MacDonald Dwight.* On Movies (New York, 1971); Part IV; *Freeman Joseph, et al.* Voices of October (New York, 1930); Art in Revolution: Soviet Art and Design Since 1917 (London, 1971).

10. Подобные случаи иногда освещались и подвергались осуждению в официальной печати. К числу людей, имевших большие (но еще преодолимые) трудности в 20-е гг., относился известный поэт Осип Мандельштам См. (418). С. 35, 138, 173.

11. Начиная с 1929 г. сталинский режим начал яростные нападки на «гнилой либерализм», иногда называвшийся еще «буржуазным либерализмом», который определялся им как «примиренческое, терпимое отношение не только к оппортунизму, но и к прямо враждебным идеям», (209), II. С. 433–434. См. также «Глашатаям либерализма нет места в большевистской партии», (210), 21 ноября 1929 г. и «Против буржуазного либерализма в художественной литературе». Дискуссия о «Перевале» (апрель 1930). – М., 1931.

12. Я позаимствовал эту идею из высказываний М. Хейварда о литературном брожении в Советском Союзе, которые подтверждаются историей, рассказанной Эренбургом в (364). С. 76. См. Blake and Hayward, eds. Dissonant Voices in Soviet Literature (New York, 1962), p. XVII.

13. *Schlesinger Rudolf.* The Family in the U.S.S.R (London, 1949), p. I.

14. *DeWitt Nicholas.* Education and Professional Employment in the U.S.S.R. (Washington, D.C., 1961). P. 577; The Soviet Union. P. 197; *Semashko N.A.* Health Protection in the U.S.S.R. (London, 1934). Грамотность среди лиц старше девяти лет составляла 24% в 1897 г. и 51,1% в 1926 г. Невозможно судить о том, в какой мере этот прирост объяснялся усилиями советских властей.

15. *Ma1e.* Russian Peasant Organization; Taniuchi Yuzuru. The Village Gathering in Russia in the Mid-1920s (Birmingham, England, 1968). О жизни деревни в нэповские годы см. также (410). В 1927 г. на каждые 10 000 городского населения было 319 членов партии, а на каждые 10 000 деревенского – всего 25. В трех четвертях советских деревень не было вообще никакой организованной партийной деятельности. (341) (Лондон, 1928). С. 499, 504.

16. *Borders Karl.* Village Life Under the Soviets (New York, 1929). P. 132–133, 183, 191; *Male.* Russian Peasant Organization. P. 129, 209, 212; *Fainsod*. Smolensk. P. 138–141.

17. (433). С. 332; (334), 1, гл. XXII, XXVII; (439), гл. IX, XI и «The Soviet Union». С. 184–185 (см. выше, прим. 8 к гл. 9). Плохие условия труда на заводах регулярно фиксировались и подвергались критике в печати. Вызванная войной разруха, рост населения и отставание жилищного строительства уменьшили, количество жилплощади, приходящейся на среднего горожанина, с 7 м^2 в 1913 г. до 5,8 м^2 в 1928 г. См. *Brodersen Arvid.* The Soviet Worker (New York, 1966). P. 113.

18. Идею, связанную с воздействием нового высокого статуса («революцией статуса», как он ее называет), я взял у Д. Шенбаума в Hitler's Social Revolution (Garden City, N.Y., 1967). Ch. VIII–IX.

19. Советские невозвращенцы, представлявшие собой, скорее всего, нерепрезентативную группу, позднее вспоминали о нэпе как о «чем-то вроде золотой эры советской истории». См. *Bauer Raymond A., Inkeles Alex, Kluckhohn Clyde.* How the Soviet System Works (New York, 1960). P. 138. Как бы то ни было, потребление продуктов питания на душу населения в деревне резко упало между 1928 и 1932 гг. См. (183). С. 136.

20. Население Москвы, напр., в течение двух лет выросло на 204 тыс. человек, 156 тыс. из которых приехали туда из других мест, (392), IX, (1929). С. 153.

21. Рыков надеялся, что в результате этого проблему перенаселения и безработицы в деревне можно будет решить за пять лет. (220), II. С. 874.

22. Живую картину жизни в Советской России в 20-е гг. рисует знаменитая документальная лента Дзиги Вертова «Человек с киноаппаратом» и его более ранняя серия короткометражных фильмов «Кино–Правда». Также небесполезно прочесть Stuart Chase, Robert Dunn and Rexford Guy Tugwell, eds. Soviet Russia in the Second Decade (New York, 1928).

23. См. высказывания Бухарина в 1928 г. о все еше имевшем место «величайшем предрассудке» в (95). С. 31. Такой дух часто выражался в романах этого периода. К числу наиболее известных примеров относится «Цемент» Ф. Гладкова.

24. См. сообщения очевидцев в (436). С. 196–199; (364). С. 66–70; (430). С. 53–54, 56, 231 и DurantyWalter. I Write as I Please (НьюЙорк, 1935). С. 145–149. Писатель Ю. Либединский говорил о «неистовых ревнителях» в рядах партийных авторов; это выражение послужило названием книги С. Шескулова: «Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы в 20-х годах». – М., 1970. С. 3–4.

25. *Trotsky Leon.* On Literature and Art (New York, 1970). P. 63–82.

26. Даже через два года после отмены нэпа сталинский режим все еще официально заявлял о его существовании. «Нэп еще не закончен», (210), 21 марта 1931 г.

27. Карикатуры на вождей регулярно появлялись в журналах (212) и «Огонек». См. также, напр., *Ефимов Б.* Карикатуры. – М., 1924. С. 153. С победой Сталина в 1929 г. дружеские шаржи» такого рода больше не позволялись. См. (264). С. 199–201.

28. См. прямые упоминания об использовавшей эзоповский язык дискуссии в (171). С. 52; «Об ошибках и уклоне тов. Бухарина», (210), 24 августа 1929 г. и (158), II. С. 563. Разумеется, вожди в 20-е гг. спорили «символами» еще до того, как дискуссия сделалась публичной. См. признание Бухарина в (274). С. 133.

29. Как отмечал Ворошилов. Цит. в (83). С. 175. О том, как воспринимали борьбу в середине 1928 г. рядовые члены партии, см. «Информационную справку» от 21 июля 1928 г. (Т 2021).

30. (277). С. 523.

31. Статья № 107 была внесена в УК в 1926 г., однако до сего времени не применялась. (156). С. 98–99. Из заявлений Рыкова и И. Варейкиса можно сделать вывод, что первоначальное решение было принято единогласно и что правые не предусмотрели его последствий. См. выступления Рыкова на июльском пленуме 1928 г. (Т 1835) и (83). С. 149.

32. (410), гл. X; (156). С. 119 и (110). С. 42. Особая роль генсека в этой кампании превозносилась впоследствии как начало «большого стратегического плана, задуманного Сталиным». (13). С. 463.

33. См. образчик непосредственных сталинских заявлений местным работникам в (243), 11. С. 1–9, 16. См. (410). С. 217 и «Первые итоги хлебозаготовительной кампании и задачи партии» в (210), 15 февраля 1928 г., где обсуждается директива от 6 июля.

34. (156). С. 119; *Каганович Л.* Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов. – М., 1933. С. 13. По всей видимости, из правых в этом участвовал один Угланов, да и тот весьма непродолжительное время. *Молотов В.* На два фронта, (14), 1930, № 2 (31 января). С. 21.

35. Выдержки из сталинских заявлений в Сибири были опубликованы двадцать лет спустя в (243), 11. С. 1–9; о его маршруте см. с. 369–370. См. также (185). С. 25.

36. Об этом заседании Политбюро см. (347). С. 325. Угланов еще 31 января намекал на участие Сталина в перегибах. См. (210), 4 февраля 1928. г. и см. (226) и (76). С. 5–41. Сравни это со сталинскими высказываниями в (243), 11. С. 1–9, 48–49.

37. (410). С. 231; (243), 11. С. 10–19. Даже резко антикулацкая передовица, (210), 15 февраля 1928 г., осудила «перегибы».

38. (334), I. С. 58. Поставленный на место Смирнова Н.А. Кубяк скоро вступил в столкновение со Сталиным по вопросу о судьбе частного землевладения. (243), 11. С. 268.

39. (110). С. 42; (277). С. 387.

40. Политбюро обычно собиралось раз в неделю, по четвергам, и заседало пять часов. (133). С. 362. Как пишет один коммунист, «в течение остальных шести дней Сталин контролировал партию через свой аппарат». (430). С. 58.

41. Куйбышев, цит. в: *Кузьмин В.И.* Исторический опыт советской индустриализации. – М., 1969. С. 40. Об Угланове см. (199). С. 445. В таком же духе высказывались и другие московские руководители. См. (105). С. 187–188.

42. *Бухарин Н.* Ленинизм и проблема культурной революции, (210), 27 января 1928 г. *Астров В.* Ленин – хранитель ортодоксии, (210), 21 января 1928 г.; *Слепков А.* Ленин и проблемы культурной революции, (210), 21 января 1928 г.

43. О московском инциденте см. (243), 11. С. 257 и (199). С. 445. Маловразумительный рассказ об эпизоде в ИКП напечатан в: ЗеймальВ и *Поспелов П.* Ячейка ИКП в борьбе за генеральную линию партии, (210), 1 декабря 1931 г. В феврале Бухарин резко критиковал как путчизм кантонское восстание (декабрь 1927 г.), в котором Ломинидзе и Г. Нейман выступили подстрекателями (как считали некоторые, по приказу Сталина). См. (279), IV. С. 319–324. Западная политика Томского подверглась нападкам на IV

конгрессе Профинтерна, открывшемся 17 марта. См. *Троцкий*. Дорогой друг, июнь 1928 г. (Т 1588); (278), II. С. 781–787, 1167.

44. О рыковском предложении см. (83). С. 113–114 и (141), IV. Кн. 1. С. 551 Теперь пошли слухи о борьбе между Рыковым и Сталиным.

45. (240), 21 марта 1928 г.; (210), 13 мая 1928 г.

46. О том, как Сталин использовал шахтинское дело, см. (243), 11. С. 53–63 и 12. С. 10–19; (304). С. 28–30; (240), 18 мая 1928 г. С. 12 и (430). С. 246.

47. Одним из них был Куйбышев. См. (164). С. 290–291; (334), I. С. 585–586. О сталинской репутации см. *Флаксерман Ю.Н.* Глеб Максимилианович Кржижановский. – М., 1964. С. 171–172.

48. (83). С. 102; (278), I. С. 568.

49. См., напр., (76). С. 42–53; (226). С. 40–51 и *Цетлин Е*. По белому болоту, (210), 27 марта 1928 г.

50. (13). С. 409–500.

51. Там же. С. 507; (243), 11. С. 27–38, 98–99, 127–138; (158). С. 94–98.

52. См., напр., высказывания Астрова, Угланова и Слепкова в (210), 20 апреля 1928 г., 26 апреля 1928 г. и 17 июня 1928 г. А также см.: Тезисы тов. Слепкова о самокритике // Комсомольская правда. 19 апреля 1929. г.

53. (158), II. С. 492–510; (410). С. 296–297. Свидетельства того, что выступавшие на пленуме, возможно, были в резком несогласии друг с другом, см. в (83). С. 125, 139–140.

54. *Троцкий*. Дорогой друг, июнь 1928 (Т 1588). Сообщение Троцкого как будто бы подтверждается Вагановым в (83). С. 102, а также в (14), 1930, № 21 (15 ноября). С. 35 и в (243), XIII. С. 13.

55. (243), 11. С. 27–64. Примерно в то же самое время Сталин сделал неудачную попытку изменить правила землепользования в ущерб частному хозяйству. (433). С. 363.

56. (76). С. 32–33. То, что Бухарин имел в виду Сталина и его окружение, впоследствии было подтверждено Астровым в (210), 3 июля 1929 г.

57. (334), 1. С. 63–66. См. также (156). С. 120.

58. Это было центральной темой бухаринского доклада на апрельском пленуме (76); он возвращался к ней в течение всего года. См., напр., «Заметки экономиста» и (83). С. 139–140.

59. См., напр., (243), 11. С. 81–98, 101–115 и позднейшие сталинские высказывания относительно его ранних разногласий с бухаринцами, (243), 12. С. 10–19.

60. Там же; (13). С. 479. См. также о критике бухаринцев идей сталинистов, цит. ниже, прим. 66.

61. (13). С. 476–482 и (334), I. С. 876–879.

62. Томский в (234). С. 249.

63. См., напр., (76). С. 29–31; *Астров В*. К текущему моменту, (210), 1 июля 1928 г. и примечание редакции к статье Крицмана в (210), 7 июля 1928 г.

64. Из записок Бухарина в Политбюро и письма Сталину в мае–июне 1928 г., цит. у Ваганова в (83). С. 112,140.

65. (95). С. 13–14, 21–26, 30; (210), 27 мая 1928 г.

66. *Марецкий Д.* Фальшивая нота, (210), 30 июня 1928 г.; Астров в (210), 1 июля 1928 г. и 3 июля.

67. Ср., напр., их речи на VIII съезде ВЛКСМ в мае. (95). С. 13–16, 1841 и (243), 11. С. 66–67.

68. Частичное изложение сталинского выступления содержится в его (243), 11. С. 81–97. См. рассказ очевидца в (304). Гл. 1. См. также (347). С. 328. В программном отношении важность его заключается в том, что Сталин необыкновенно резко изменил официальные партийные установки в отношении сельского хозяйства. Вместо того чтобы поставить вопрос (как требовал обычай) об улучшении частного крестьянского

хозяйства раньше вопроса о создании колхозов и совхозов, он отодвинул единоличное хозяйство на последнее место. Уступая политическому давлению, он впоследствии вернулся к господствующим установкам, однако после своей победы над Бухариным в апреле 1928 г. он снова изменил очередность задач. Наконец, 27 декабря 1929 г. он совсем отказался от двуступенчатой системы и объявил, что коллективизация является единственным «выходом». (243), 11. С. 207–208, 262 и 12. С. 58–59, 145–146.

69. (83). С. 112, 140–141, 144–145; меморандум Бухарина-Каменева (Т 1897); (243), 11. С. 319–320 и (393). С. 902.

70. Об этих событиях см. (83). С. 141–142, 144–145; (243), 11. С. 116–126 и меморандум Бухарина–Каменева (Т 1897).

71. Eudin Xenia Joukoff and Slusser *Robert M.*, eds., Soviet Foreign Policy 1928–1934: Documents and Materials (2 vols; University Park and London, 1966–1967), Vol. I. P. 175.

72. По всей видимости, углановское руководство начало выступать на стороне правых в начале 1928 г. См. заявление Пенькова в (278), I. С. 644–646; (782). С. 244–258; (83). С. 153–156 и *Троцкий.* Дорогой товарищ. Сентябрь 1928 (Т 2442).

73. Профработник Козелев, цит. в (195). Т. 2. С. 245. См. также «*Заявление Б.* Козелева», (210), 6 июля 1930 г.; «Комсомольская правда», 19 апреля 1929 г.; (278), II. С. 1134–1135; (210), 1 декабря 1931 г.; *Троцкий.* Дорогой друг. Июнь 1928 (Т 1588).

74. См. выше, прим. 72. Бухарин также обрабатывал делегатов из провинции, это явствует из своеобразных показаний в (244). С. 111, 119–120.

75. Троцкий. Дорогой друг (Т 1588). О Стецком и Петровском см. (198), II. С. 316.

76. Меморандум Бухарина–Каменева (Т 1897); Козелев в (210), 6 июля 1930 г. и Угланов в (278), II. С. 12–99. См. также (105). С. 198. Как сказал Угланов, «Сталин сидит на шее у партии, и нам следует от него избавиться». Цит в (347). С. 333.

77. Меморандум Бухарина–Каменева (Т 1897).

78. Можно понять, почему правые рассчитывали на Калинина, расположенного в пользу крестьян. Глава вооруженных сил Ворошилов был старым приятелем Сталина, однако говорили, что он был встревожен тем, какое действие окажет сталинская политика в деревне на Красную Армию, состоявшую почти целиком из крестьян. Что касается Куйбышева и Рудзутака, то из слов Бухарина о «семерке» Политбюро можно сделать вывод, что в данный период они либо воздерживались от голосования, либо голосовали нерегулярно. См. там же. О Ворошилове и Калинине см. (334), I. С. 57; (240), 10 октября 1929 г. С. 14; (393). С. 903.

79. В июле Бухарин сообщал: «Оргбюро наше», см. меморандум (Т 1897). Это подтверждается в (83). С. 144. Секретариат состоял из Сталина, Молотова, Косиора, Угланова и Александра Смирнова. Последние двое поддерживали правых.

80. Твердый блок примерно из 15 голосов, с которым начинал Бухарин, включал в себя московских и профсоюзных делегатов, трех правых членов Политбюро и Стецкого, Осинского и Сокольникова. В это число не входят Ворошилов и Калинин, которые вскоре переметнулись к Сталину, и Крупская с Кубяком, которые в конечном итоге поддерживали правых. Результаты голосования в ЦК не публиковались.

81. (83). С. 144.

82. Меморандум Бухарина–Каменева (Т 1897). В дополнение к этому Бухарин сообщил на июльском пленуме (Т 1901), что Ягода предоставил ему сведения о крестьянских восстаниях, которые он не мог получить по обычным каналам. См. также выступление Менжинского на пленуме (Т 1901) и показания Бухарина и Ягоды в (244). С. 345–346, 502, 610. Сообщают, что работники ОГПУ, которым приходилось заниматься волнениями в стране, были обеспокоены нарастающей волной крестьянских восстаний. Возможно, роль тут сыграла и личная дружба с правыми. См. (465). С. 43–56. Трилиссера убрали из ОГПУ в 1929 г. См. (135), 30 октября 1929 г. А Ягода сделался главой сталинских органов госбезопасности, потом был осужден и погиб вместес Бухариным и Рыковым в 1938 г.

83. (83). С. 144; (240), июль–август 1962 г. С. 119.

84. Из восьми членов Политбюро с совещательным голосом правых поддерживал только Угланов.

85. См., напр., (304). С. 48, 54; и слова Пенькова о «двух московских комитетах» – официальном МК Угланова и комитете, стоящем на стороне Сталина. См. (278), I. С. 646. См. также (410). С. 278.

86. Ягоде, например, «ясно было, что правые идут к власти». (244). С. 610. Такое же впечатление сложилось в начале лета 1928 г. и у Троцкого. См. (353). С. 412, 428.

87. (353). С. 428. Резолюции см. в (158), II. С. 511–524.

88. Частичная стенограмма заседаний содержится в архиве Троцкого под номерами (Т 1832–6) и (Т 1900–1). Дополнительный материал имеется у Троцкого в (Т 2442). Опубликованы были одни сталинские речи. (243), 11. С. 141–196.

89. Меморандум Бухарина–Каменева (Т 1897).

90. Там же. О положении в деревне беспокоились даже те, кто в конце концов поддержал Сталина. См., например, высказывания Андреева и украинцев Косиора и Чубаря (Т 1835, Т 2442). Ворошилов доказывал свою преданность тем, что прерывал выкриками речь Бухарина (Т 1901).

91. По словам Рыкова (Т 1835), Молотов (Т 833) возражал против нападок бухаринской прессы на чрезвычайные меры. См. выше, прим. 66 и прим, редакции к статье Крицмана в (210), 7 июля 1929 г.

92. Речь Бухарина (Т 1901).

93. (243), 11. С. 157–196 и меморандум (Т 1897).

94. Меморандум (Т 1897).

95. Там же. Сокольников, сопровождавший Бухарина, назначил встречу на 9 июля – день сталинской речи о «дани» на пленуме. Бухарин и его секретарь Цетлин, у которого были свои собственные неофициальные контакты с лагерем левых, впоследствии утверждали, что записи Каменева искажают суть дела и имеют односторонний характер. Они, однако, не отрицали в принципе их подлинности. (393). С. 889, 893–894, 897–898.

96. Об их последующих встречах см. «Внутри право-центристского блока», (82), № 1–2, 1929. С. 15–17.

97. См. выше, прим. 43. Пленум Исполкома объявил политику «классовой борьбы» и приказал, чтобы английская и французская партии повернули влево, однако предостерег против крайностей. См. выступление Бухарина (319). С. 213–218. См. противоречивые и двусмысленные резолюции Профинтерна в «Резолюции и постановления IV конгресса Профинтерна». – М., 1928.

98. Меморандум (Т 1897).

99. Сталин и его сторонники впервые наметили свою новую линию в декабре 1927 г. Они разработали ее на закрытых заседаниях до и во время конгресса Коминтерна. См. позднейшую сталинскую версию в (243), 12. С. 19–26 и *Куусинен О.В.* Новый период и поворот в политике Коминтерна (под руководством тов. Сталина) в (155), № 2, 24 января 1930 г. С. 3–19.

100. *Гольденберг Е.* Германская проблема, (14), № 5, 15 марта 1928 г. С. 35. Автор был известным бухаринцем. От редакции сообщалось, что в статье поднимаются спорные вопросы.

101. В этой связи взгляды Бухарина оставались без изменений. Несмотря на все свои компромиссы, он снова повторил их на VI конгрессе Коминтерна. См. его основные речи в (279), I. С. 26–64, 587–615; III. С. 7–32, 122–155.

102. (243), 6. С. 202. О происхождении и истории понятия «социал-фашизм» см. (360). С. 29–42. По словам Дрейпера, Зиновьев начал распространять эту идею в 1924 г., но скоро от нее отказался. Позднее Сталин взял ее на вооружение.

103. Из его речей на конгрессе Коминтерна можно заключить, что на закрытых заседаниях идет жаркая дискуссия. См. (279), III. С. 30–31, 137–138, 143–145 и V. С. 130.

104. Там же, III. С. 144–145. Точно также он настаивал в декабре 1927 г., что поворот влево «не исключает предложения единого фронта и голосования в отдельных слу-

чаях за социалистических кандидатов, когда могут пройти реакционные кандидаты». (220), I. С. 658. Столь же важное значение имеет крупное исследование о социал-демократии, опубликованное в 1928 г. двумя ведущими молодыми бухаринцами. Хотя книга содержала критику социал-демократии, в ней не было и намека на понятие «социал-фашизма». См. (6).

105.06 этих событиях см. (243), 12. С. 20–21; (359), гл. XIV; (393). С. 900; (158), II. С. 558–559 и Revolutionary Age, November 1, 1929. С. 15.

106. (359), гл. XI–XIV; *SprianoPaolo*. Storia del Partito communista italiano. Vol. II (Turrin, 1969). С. 175.

Хотя официальным вождем германской партии являлся сторонник Сталина Эрнст Тельман, «громадное большинство» ее ЦК стояло ближе к бухаринской позиции. См. (278), II. С. 779. См. другой пример в книге *Macfarlane L.J.* The British Communist Party (London, 1966), ch. IX–X.

107. См. ключевые резолюции и программу в (279), II. С. 7–161, 192–193 и особенно разделы, посвященные «третьему периоду», фашизму и социал-демократии, профсоюзной тактике и «правому уклону». См. указания на закулисные компромиссы в (393). С. 495; а также намеками в (209). С. 238–239.

108. См., напр., (344) и высказывания *Бертрама Д.* Вульфа в: Revolutionary Age, November 15, 1929. P. 3–4.

109. (390). С. 348–349. По сообщению Эмбер-Дро (с. 240), после конгресса Бухарин никогда больше не возвращался в штаб-квартиру Коминтерна.

110. (347). С. 336–337. См. высказывания Бухарина и соответствующие резолюции в (279), 1. С. 58–60, 610–614 и II. С. 80.

111. См. выше. Гл. 8, прим. 4.

112. (348), I. С. 309–313.

ИЗ. (243), 11. С. 246–248.

114. «Заметки экономиста (к началу нового хозяйственного года)», (210), 30 сентября 1928 г.

115. (83). С. 161–163, 174–175.

116. См., напр., (268). С. 65; “Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана”, 2-е изд. Ашхабад, 1965. С. 361–363; (243), 11. С. 220 и (334), I. С. 554. По всей вероятности, уже ходили слухи о том. что Сталин хочет сместить Томского. См. высказывания Козелева в (210), 6 июля 1930 г.

117. Как явствует из односторонней версии Ваганова (83). С. 153–173; (182). С. 258–298.

118. Троцкий. Дорогой товарищ (Т 2442); (304), гл. IV–VI. О событиях в Коминтерне см. (210), 22 ноября 1929 г.; (391). С. 256–259 и (83). С. 197–198.

119. (393). С. 898.

120. (83). С. 143–144; см. также: *Троцкий.* Дорогой товарищ (Т 2442). Имена новых редакторов (14) были объявлены в номере от 15 августа 1928 г. Хотя сообщают, что Бухарин мог еще 23 сентября (см. *Тетюшев*. С. 10) влиять на содержание передовиц (210) или даже писать их, настоящими редакторами были теперь Ярославский, М. Соловьев и Г. Крумин.

121. См., напр., передовые статьи об июльском пленуме в (210), 13 и 14 июля 1928 г., чье авторство приписывается Бухарину. (245). С. 10.

122. Публичная кампания против правых началась в передовицах (210), 15 и 18 сентября 1928 г. О закулисных нападках на Бухарина см. его высказывания в (393). С. 899, 901 и (83). С. 175.

123. См., напр., Мандельштам в (210), 11 августа 1928 г.; Угланов в (210), 21 сентября 1928 г. и замаскированную критику Рютина в адрес Сталина в «Руководящие кадры ВКП(б)», (14), № 15, 15 августа 1928 г. С. 18–29.

124. (82), № 1–2, 1929. С. 15.

125. См. об этих событиях в (347). С. 337–344; (182). С. 279–298; (83). С. 160–173 и (243), 11. С. 222–238.

126. (210), 28 ноября 1928 г.; КозловаЛ. Московские коммунисты в борьбе за победу колхозного строя. М» 1960. С. 46–47. Угланов утратил голоса большинства в Бюро и контроль в Московской контрольной комиссии и в агитпропе после снятия Мороза и Мандельштама 19 октября. См. (210), 20 октября 1928 г.

127. (163). С. 53–54, 159–161; Большевики Москвы 1905 года. М. – Л., 1925. С. 16–17.

128. *Воскресенский Ю.В.* Коммунисты во главе политического и трудового подъема (1926–1929 гг.). – Тула, 1958. С. 26 и, напр., «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана». С. 362 (прим. 116).

129. (82), № 1–2,1929. С. 15–16. На приблизительную дату его возвращения указывает речь в (210), 10 ноября 1928 г. и (393). С. 542.

130. Об этих событиях см. (82), № 1–2, 1929. С. 15–16; (83). С. 115, 176–178; (158), II. С. 566 и (393). С. 542. В числе прочего Бухарин потребовал удаления двух сталинистов: Крумина из «Правды» и Неймана из Германской компартии. См. также (243), 12. С. 25–26.

131. Общая сумма капиталовложений (две трети которой предназначались для тяжелой промышленности) была определена в 1650 млн руб. против 1330 млн в 1927–1928 гг. См. (83). С. 178. Надо полагать, что Бухарин, Рыков и Томский выступали за капиталовложения в сумме, близкой к намеченной в 1927–1928 гг.

132. Назначение было сделано 29 ноября 1928 г., через два дня после снятия Угланова с поста секретаря Московской организации. (135), 30 ноября 1928 г. Решение было принято в последнюю минуту, если судить по празднованию десятилетнего «юбилея» Шмидта на посту наркома земледелия всего за двенадцать дней до этого. (135), 17 ноября 1928 г. Шмидт был назначен одним из заместителей Рыкова в августе и, по всей видимости, пребывал какое-то время на этом посту. См. (135), 14 августа 1928 г.

133. (83). С. 180–188.

134. (243), 11. С. 245–290; (158), II. С. 525–548.

135. (83). С. 184. Рыков и Томский, как сообщают, показывались там редко.

136. (243), 11. С. 294–310.

137. (341). Т. 3 (Лондон, 1965). С. 27; (359), гл. XVII. См. протесты Бухарина в (84). С. 75; (243), 12. С. 25–26; (390),с.340.

138. Яглом, цит. в (278), II. С. 11–94. См. о нападках в (277). С. 783, сн. 78. О падении Томского см. также (347). С. 344–348.

139. (105). С. 210; см. неопубликованную докторскую диссертацию: *Langsam David E.* Pressure Group Politics in NEP Russia: The Case of the Trade Unions (Princeton University, 1973).

140. (96). В дополнение к речам Томского (с. 3–6, 24–25, 186–207) см. высказывания Рыкова, Шмидта, Угарова, Козелева и Яглома. См. также (105). С. 203; *Недачин Л.* Аполитичность в профработе недопустима. (210), 12 декабря 1928 г. и (278), II. С. 11–34.

141. (347). С. 347–348; (105). С. 175–176; (84). С. 71; (210), 6 июля 1930 г. и (83). С. 193.

142. (278), I. С. 122.

143. (209), Вып. 2. С. 245–246; (158), II. С. 557–558.

144. Меморандум (Т 1897).

145. «Текущий момент и задачи нашей печати», (210), 2 декабря 1928 г.

146. «Ленин и задачи науки в социалистическом строительстве», (210), 20 января 1929 г.

147. Она появилась в (210) и в (135), 24 января 1929 г. Все ссылки даются на отдельное издание, (59).

148. Постышев, цит. в (83). С. 198; (171). С. 85. См. пример позднейших нападок в (270).

149. (59). С. 27.

150. (353). С. 469–471; (393). С. 648.

151. «О перевыборах Советов», (210), 1 января 1929 г.; (83). С. 127–128; (334), I. С. 100–105.

152. Весьма отрывочная стенограмма заседания, скорее всего, взятая Таской у бухаринского секретаря Цетлина, помещена в (393). С. 889–905. Впоследствии – двадцать лет спустя – были напечатаны лишь сталинские высказывания, да и то в сокращенном виде. (243), 11, с, 318–326. См. также (158), II. С. 556–565.

153. См. об этих событиях (82), № 1–2, 1929. С. 17; (393). С. 897–898; (83). С. 199–202 и (278), I. С. 578–5 80. По словам Ваганова, в комиссию входили Бухарин, Киров, Коротков, Рудзутак, Сталин, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе и Ярославский. Последние четверо почти наверняка были надежными сталинистами.

154. Реконструировано из цитат в (158), II. С. 560; (82), № 1–2, 1929. С. 17 и (278), I. С. 157, 363, 578.

155. Реконструировано из цитат в (393). С. 899, 901; (158), II. С. 562–563. См. (83). С. 115, 198.

156. Цит. в (278), I. С. 577–578.

157. Реконструировано из цитат, см. там же. С. 363 и (83). С. 105, 118, 200, 202–203.

158. Цит. в: *Молотов.* На два фронта в (14), № 2, 31 января 1930. С. 14. См. также (158), II. С. 558–559.

159. (158), II. С. 556–567.

160. Ходили слухи, что теперь Сталин твердо вознамерился изгнать их на предстоящем апрельском пленуме. См. (82), № 1–2, 19–29. С. 15 и (240). 4 мая 1929. С. 3.

161. (243), 11. С. 325.

162. (393). С. 903. Возможно, соображения такого рода обусловили неудачный компромисс 7 февраля. См. высказывания Орджоникидзе годом позже, когда он извиняющимся тоном говорил о том, что «мы делали все возможное для того, чтобы сохранить тт. Рыкова, Бухарина, Томского, Угланова на руководящих постах в партии». Это было сказано в ответ непоименованным партийцам, тревожащимся, что «вышибли Зиновьева, Каменева и Троцкого, теперь собираются вышибить Рыкова. Бухарина и Томского». См.: Отчеты ЦК, ЦКК и делегации ВКП(б) и ИККИ XVI съезду ВКП(б). М. – Л., 1930. С. 291.

163. Огонек. 24 февраля 1929, без указ.стр.; (210), 8 марта 1929 г. и 17 марта 1929 г.; (379). С. 92, 95, 103.

164. Выражение принадлежит Левину, см. (410). С. 325. См. сетования Бухарина на то, что их «прорабатывают» и предают «гражданской казни», в (243), 12. С. 103.

165. О Рыкове см. (243), 11 и высказывания Ворошилова в (278), I. С. 516. Его отступление отразилось в резолюции от 9 февраля, критиковавшей его в куда более мягких выражениях, чем Бухарина и Томского. ОСтецкомсм. (210), 8марта 1929 г. и его статью в (210), 17 марта 1929 г.

166. (82), № 1–2, 1929. С. 15. Бухарин высказывался против Сталина еще четыре раза в феврале–марте, однако с каждым разом использовал все более завуалированные выражения. См. (210), 27 февраля 1929 г., 12 марта 1929 г., 17 марта 1929 г. и 23 марта 1929 г.

167. (334), I, гл. XXXVII.

168. (277), VIII–IX, XIII. С. 795, сн. 135; (141). Кн. 1. С. 563; (83). С. 209–210; (243), 12. С. 81–82.

169. (166). Т. 45. С. 346.

170. (390). С. 356 и факсимиле на фронтисписе. Две недели спустя, явно имея в виду Сталина, Бухарин напомнил партии, что Ленин занимал в ней главенствующее по-

ложение, поскольку его любили и уважали, а вовсе не потому, что он прибегал к «командованию» и «администрированию». (210), 27 февраля 1929 г.

171. (243), 12; с. 1.

172. Сообщают, что резолюция с осуждением Бухарина прошла с десятью голосами против и при трех воздержавшихся. (277), с. IX. В дополнение к трем правым в Политбюро противники ее должны были включать Сокольникова, Угланова, Котова, Куликова, Шмидта, ленинградского профсоюзного руководителя Угарова и Розита, члена ЦКК и бухаринца. Крупская могла быть одной из остальных трех. В январе она поддержала бухаринское утверждение о том, что знаменитая статья Ленина о кооперации говорила о сбытовых кооперативах, а не о колхозах. «Ильич о колхозном строительстве», (210), 20 января 1929 г.

173. (243), 12. С. 1–107.

174. О том, что Рыков говорил в более умеренном тоне, можно судить но цитатам из его выступления. См. также (304). С. 128–129 и (243) 12. С. 2–3. Об Угланове см. (14), № 2, 31 января 1930. С. 19.

175. См. сталинские слова об «обвинениях личного порядка». (243), 12. С. 1.

176. Высказывания Бухарина реконструированы из цитат, содержащихся там же. С. 83, 103; (278), I. С. 327; (277). С. 803, сн. 236; (83). С. 217 и (14), № 2, 31 января 1930. С. 18. Замечание Томского см. в (277). С. 803, сн. 215.

177. (158), II. С. 549–567.

178. Кроме того, после партконференции Угланов был выведен из Политбюро и из Секретариата. Через месяц Рыкова заменили С. Сырцовым на посту председателя СНК РСФСР (он занимал этот пост одновременно с постом председателя СНК СССР). Сообщение об этом не содержало, однако, указаний на то, что Рыков попал в опалу; в нем говорилось лишь, что совмещение этих двух должностей сделалось слишком обременительным для одного лица. См. (135), 19 мая 1929 г. Следует отметить, что смещение Бухарина и Рыкова с их постов пленумом всего-навсего оформило их отставку. Из сталинского тона и обвинений на пленуме напрашивался вывод о куда более строгих санкциях. Через двадцать лет была опубликована версия его речи, выдаваемая за «стенограмму», но, скорее всего, ею не являвшаяся. В ней записано, что Сталин не соглашался с теми «некоторыми товарищами», которые требовали исключения Бухарина и Томского из Политбюро. «Товарищи» эти почти наверняка были его сторонниками, и его возражения, странным образом помещенные в самый конец его речи, были, очевидно, дипломатической уступкой сопротивлению, на которое натолкнулась «такая крайняя мера». (243), 12. С. 1.

179. (158), II. С. 569–589; (410). С. 350–358. Доля продукции обобществленного сельского хозяйства должна была увеличиться с 2% в 1927 г. до 21,9% в 1932–1933 гг., (334), I. С. 253.

180. См. выше, прим. 68; (243), 12. С. 86–92.

181. (304). С. 133–136.

182. (277). С. 3, 5–24, 666.

183. Там же. С. 440.

184. (393). С. 900. О том же см.: Угланов в (14), 1930, № 2. С. 19.

185. О мотиве гражданской войны у Сталина см. (243), 11. С. 11, 58, 68–69, 75, 81, 217–218, 224 и 12. С. 38, 215. О «фронте яровизации» см. Лысенко, цит. BMedvedevZhores A. The Rise and Fall of T.D. Lysenko (New York, 1969). P. 17.

186. Ворошилов в (278), I. С. 513.

187. (157). С. 58; (153), № 22–23, декабрь 1929. С. 66.

188. См. (457). С. 40–41; (458).

189. Сталин огласил свою теорию на июльском пленуме 1928 г. (243), 11. С. 170–171. С кое-какими ограничениями она была официально одобрена в апреле 1929 г. (158), II. С. 552. В наиболее полной форме Бухарин повторил свою точку зрения в (59).

С. 9–10, 20–23. Она разделялась Рыковым. (234). С. 209. Как вполне справедливо доказывал Сталин, в основе дискуссии лежал вопрос о классовой борьбе. (243), 12. С. 10–19, 28–39.

190. См. предисловие Такера к (381), с. XV–XVI.

191. Меморандум Бухарина–Каменева (Т 1897).

192. Пленум ЦК, июль 1928 г. (Т 1901). Далее Бухарин предостерег против «искусственного насаждения коммунизма в деревне». Цит. в: *Ключева З.И.* Идейное и организационное укрепление коммунистической партии в условиях борьбы за построение социализма в СССР. – М., 1970. С. 256. О «вульгарном реализме» см. (334), I. С. 323 и заявление о том, что, хотя аргументация Бухарина по поводу планирования является «математически» верной, она, как доказала победа Красной Армии, неуместна. (392), XI (1929). С. 972.

193. См. его обвинения по поводу «военного коммунизма» в неподписанной передовице в (210), 14 июля 1928 г. Остальные обвинения цит. выше.

194. (210), 24 апреля 1929 г.; (135), 23 апреля 1929 г. См. также Постышев, цит. в (139), 1962, № 2. С. 193 и (210), 4 октября 1929 г. Каганович обвинил бухаринцев в стремлении «демобилизовать партию». Пленум ЦК, июль 1928 г. (Т 1835).

195. Как он сообщил Каменеву в июле 1928 г. Меморандум (Т 1897).

196. См., напр., его речь на июльском пленуме 1928 г. (Т 1901); его неподписанную передовицу в (210), 14 июля 1928 г. и (210), 30 сентября 1928 г. Он доказывал к тому же, что к пассивным противникам режима следует применять только ненасильственные методы. (210), 10 ноября 1928 г.

197. (59). С. 12–16; см. также (279), III. С. 150–152. Он уже высказывал такую точку зрения ранее в полемике с левыми. См. (45). С. 30–31.

198. Ср., напр., его высказывания в (243). Т. 11.

199. (210), 30 сентября 1928 г.; неподписанная передовица в (210), 23 сентября 1928 г., чье авторство приписывается Бухарину Тетюшевым. С. 10; его высказывания на июльском пленуме 1928 г. (Т 1901); (76). С. 12–16 и (210), 27 января 1928 г.

200. Высказывания Бухарина см. в (210), 30 сентября 1928 г.;(83). С. 112, 115; (95). С. 29–32; (278), II. С. 10–15; (279), III. С. 27–29 и (210), 17 марта 1929 г. См. также передовицу в (210), 24 мая 1928 г. Рыков, цит. в (3341, I. С. 215–216.

201. См. (83). С. 127–128 и Марецкий в (210), 30 июня 1928 г.

202. (210), 30 сентября 1928 г. См. также (76). С. 29–31; речь Бухарина на июльском пленуме 1928 г. (Т 1901); (210), 2 декабря 1928 г. и (210), 12 марта 1929 г.

203. См., напр., его предсказания насчет «рабовладельческого хозяйства» в (155), 1928, № 31–32. С. 35 и ранее., в (39). С. 157, сн. 1. Несмотря на то что Бухарин предсказывал катастрофу, в его «Заметках экономиста» проскальзывала также мысль о возможном успехе «прикладной туганбарановщины». (210), 30 сентября 1928 г.

204. Рыков в: (220), II. С. 870; (336), гл. IV.

205. Наиболее полно его пересмотренные взгляды на политику в области промышленности и его возражения против сталинской индустриальной политики излагаются в «Заметках экономиста», (210), 30 сентября 1928 г. См. также (76). С. 37–38; его речь на июльском пленуме 1928 г. (Т 1901); (210), 2 декабря 1928 г. и от 20 января 1929 г.; а о преимуществах научной организации труда – (43). С. 168–199.

206. В.А. Писарев, цит. в (210), 29 августа 1929 г.

207. Наиболее полно взгляды Бухарина на планирование изложены в «Заметках экономиста», (210), 30 сентября 1928 г. См. также (76). С. 7–14; его речь на июльском пленуме 1928 г. (Т 1901) и (155), № 31–32, 13 августа 1928. С. 32–40. Об опасностях чрезмерной централизации и взваливания на себя непосильных задач см. также (392), VIII (1928). С. 12–72; (210), 20 января 1929 г. и (43). С. 183–199.

208. (210), 30 сентября 1928 г. О том же см. (210), 10 ноября 1928 г. и (210), 2 декабря 1928 г. О Рыкове см. (83). С. 98, 215. В своем заявлении в Политбюро 30 января 1929 г. Бухарин предостерегал: «Мы можем заколачивать громаднейшие средства на

индустриализацию, но в один прекрасный день с удивлением увидим, что нужно резать по живому месту, сокращать, закрывать и т. д.» Цит. в (83). С. 118.

209. (210), 30 сентября 1928 г.; (43). С. 184, 197. См. также (210), 27 мая 1928 г.

210. (210), 30 сентября 1928 г. На эзоповском языке Бухарина обвинение было направлено против «сверхиндустриализаторов троцкистского толка».

211. См., напр., *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1, 5-е изд. – СПб., 1904. С. 141–143; *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. Т. 1, изд. 2-е, М. – Л., 1925. С. 51–55 и *Сидоров А.Л.* В.И. Ленин о русском военно-феодальном империализме // История СССР», № 3, май–июнь 1961. С. 47–70.

212. Эти выражения приписываются молодым бухаринцам. (210), 21 ноября 1929 г. Один из них говорил: «В связи с политикой военнофеодальной эксплуатации крестьянства можно переименовать СССР в Золотую Орду». См. (1). С. 114–115.

213. Этим обвинением он задел сталинистов за живое. См. их немедленную реакцию в (243), 12. С. 49–56; *Боярский П.* Легенда о «военно-феодальной эксплуатации крестьянства» // Спутник коммуниста. № 8, апрель 1929. С. 8–16 и Каганович в «Комсомольской правде», 28 ноября 1929 г. Официальная советская литература до сих пор не может простить его Бухарину.

214. См., напр., его призыв в (210), 2 декабря 1928 г.

215. См. неподписанную передовицу Бухарина в (210), 14 июля 1928 г.; рассказ Астрова о процессе реквизиции в (210), 3 июля 1928 г. и (243), 12. С. 61.

216. (210), 2 декабря 1928 г. и (210), 12 июня 1929 г.

217. Меморандум (Т 1897) и (210), 2 декабря 1928 г.

218. (59). С. 27; (43),с. 191; (210), 12 июня 1929 г. См. также (210), 30 сентября 1928 г.

219. Сталинисты в своих заклинаниях клеймили правых как «кулацких агентов» в партии. В моменты просветления они, однако, утверждали, что бухаринцы представляют «мелкобуржуазные элементы» в стране, то есть крестьянство. См., напр., *Варейкис* в (278), I. С. 244–245 и, в таком же духе // Партийное строительство. № 2, декабрь 1929. С. 3. См. суждения бухаринцев и нейтральных партийцев ниже, прим. 228 и 225.

220. См., напр., (153), № 18, сентябрь 1929. С. 27–39; Партийное строительство. № 1, ноябрь 1929. С. 39–51; (14), № 9, 15 мая 1930. С. 18, 22–23 и (210) и (135), регулярно, на всем протяжении второй половины 1929 г. О чистке госаппарата, по которой полных цифр нет, см.: *Иконников С.Н.* Создание и деятельность объединенных органов ЦКК-РКИ в 1923–1934 гг. – М., 1971. С. 284–293.

221. *Трапезников С.П.* Коммунистическая партия в период наступления социализма по всему фронту. Победа колхозного строя в деревне (1929–1932 гг.), 2-е изд. – М., 1961. С. 40–41. См. свидетельства сохранения правых настроений на фабриках в «Партийном строительстве», № 1, ноябрь 1929. С. 39–41; (210), 11 декабря 1929 г. и в «Бюллетене Третьей ленинградской областной конференции ВКП(б)», № 9. – Л., 1930. С. 5–8. Сталинист Шверник, заменивший Томского на посту руководителя профсоюзов, сетовал в ноябре 1928 г.: “Рабочие еще недостаточно представляют себе всей опасности, вытекающей из правого уклона”. Цит. в (83). С. 187.

222. *Фрумкин,* цит. в (105). С. 179. Свидетельства того, что в партии широко распространены правые настроения, регулярно представлялись самими сталинистами. См., напр.: Партийное строительство. № 1, ноябрь 1929. С. 39–51; (14), № 16, 31 августа 1929. С. 39–62; (277). С. 300–301, 384 и (210), регулярно на всем протяжении 1929 г. Советские историки не высказали большого желания документально подтвердить их масштабы, однако их существование косвенно подтверждается во многих провинциальных пособиях по истории партии, опубликованных после смерти Сталина. См., напр., *Некрасов К.В.* Борьба коммунистической партии за единство своих рядов в период между XV и XVI съездами ВКП(б). – Вологда, 1955. С. 35; *Шарова П.Н.* Коллективизация сельского хозяйства в центрально-черноземной области. 1928–1932. – М., 1963. С. 80; Очерки по истории Коммунистической партии Туркменистана. С. 361–363;

Очерки истории Коммунистической партии Грузии, ч. II. – Тбилиси, 1963. С. 85–86. См. также (369). С. 54–55, 211–212.

223. *Rigby T.H.* Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967 (Princeton, N. J., 1968). P. 176–181; *Bernstein Thomas Paul.* Leadership and Mobilization in the Collectivization of Agriculture in China and Russia. – Columbia University, 1970. P. 246–247. Последняя работа – неопубликованная докторская диссертация. Сталинисты часто жаловались, что «в деревне значительная часть коммунистов» настроена против новой политики и представляет собой «подкулачников с партбилетами». См. (163). С. 202; (105). С. 230.

224. См. комментарии по поводу этого явления у Косарева, (157). С. 17; (278), I. С. 207; и Бухарин, цит. в (1). С. 132.

225. (415). С. 152; (436). С. 253. См. то же в книге: *Seibert Theodor.* Red Russia (London, 1932). P. 129, 348.

226. О призраке «третьей силы» см. бухаринские высказывания задним числом в (234). С. 124–125 и Томский в (278), I. С. 264. Хотя запрет на обсуждение партийных разногласий на собраниях беспартийных нередко нарушался, он стал «традицией». См. высказывания Бухарина на встрече с делегацией немецких рабочих 9 января 1927 г. (неопубликованная стенограмма, хранящаяся в Амстердаме в: International Institut voor sociale Geschiedenis).

227. (436). С. 245.

228. См. *Астров* в (210), 1 июля 1928 г. и его редакционное примечание в (210), 7 июля 1928 г.; высказывания Рыкова и Бухарина на июльском пленуме 1928 г. (Т 1835) и (Т 1901); *Бухарин* (210), 30 сентября 1928 г. и *Сталин* (243), 12. С. 91.

229. *Н. Устрялов*, цит. в (171). С. 5.

230. (82), № 1–2, 1929. С. 16.Напомним, что ранее он поддержал резолюцию Коминтерна против «правого уклона». Однако на том же самом конгрессе он пытался доказывать, что вопрос не в том, правая политика или левая, а в «ее неправильности; соответствии или несоответствии объективному положению». (279), 1. С. 47.

231. См. официальные сетования по поводу политической неграмотности среди комсомольцев, в равной степени распространенной среди партийцев, (157). С. 41. О том же говорит анекдот, сообщаемый официальным пособием по истории. У комсомольца спрашивают об уклонах в партии. Он отвечает, что уклонов три: правый, левый и центральный. Правый, поясняет он, стоит за медленное промышленное развитие, левый – за быстрое, а центральный – за среднее. «А кто же в центральном уклоне?» – спрашивают его. «Наша партия, ЦК». См. (1). С. 210–211. Бухаринский анализ партийной бюрократии в 1928–1929 гг. весьма походил, разумеется, на анализ троцкистов. Даже один из разочаровавшихся сталинистов заключил, что партийные чиновники являют собой «политическое болото», состоящее «из обывателей». См. *Шацкин Л.* Долой партийного обывателя! // Комсомольская правда. 18 июня 1929 г.

232. Цит. в (82), № 1–2, 1929. С. 17. См. также (261). Другие вожди правых тоже столкнулись с противоречием между своей былой нетерпимостью и теперешними призывами к свободе для лояльных инакомыслящих. О Томском и московских руководителях см., напр., (105). С. 197–198 и (83). С. 157–158.

233. Меморандум (Т 1897).

234. (209), Вып. 2. С. 240–241. Он был столь же сдержан со своими сторонниками в Коминтерне. См. (414). С. 327, 365. И к 1929 г. его встречи с ними были так же конспиративны и бесполезны, как и свидания с Каменевым. См. об одной из таких встреч в (393). С. 653–659. Томский позднее в печальных тонах описывал затруднительное положение правых и ограничения, накладываемые на них «единством партии и партийной дисциплиной». (234). С. 250; а также (278), 1. С. 260.

235. *Смилга*, цит. в (353). С. 451.

236. Следующие лица, например, относились к числу провинциальных партийных секретарей в 1928–1929 гг» ранее работавших в сталинской центральной бюрократии:

Бауман (Москва), Каганович (Украина), И. Варейкис (Центрально-черноземная обл.), С. Сырцов (Сибирь), Б. Шеболдаев (Нижнее Поволжье), Н. Шверник (Урал), М. Хатаевич (Среднее Поволжье) и Ст. Косиор (Украина).

237. (433). С. 444–445.

238. Или как Сталин грозил пробухаринскому руководству американской компартии в мае 1929 г.: «Пока что у вас есть формальное большинство. Но завтра никакого большинства не будет и вы окажетесь в полной

изоляции.» См. *Eudin and S1ussег.* Soviet Foreign Policy. I. P. 177. (См. прим. 71.)

239. Меморандум (Т 1897). См. также (197). С. 376–377 и *Марягин Г.* Постышев. – М., 1965. С. 79.

240. (277). С. 214. Об украинцах и ленинградцах см. (268). С. 67–68; *Дробижев В.* и *Думова Н.В.*Я. Чубарь. – М., 1963. с. 48–50 и *Стецкий* в (210), 17 марта 1929 г.

241. Последнее обстоятельство вполне могло быть теми «особыми цепями», которыми, по мнению Бухарина, Сталин держал Ворошилова и Калинина. См. (347). С. 329 и Writings of Leon Trotsky (1937–1938), (New York, 1970). P. 167–168; О полномочиях Сталина обследовать парторганизации см. высказывания Кагановича в (278), I. С. 153.

242. Один из грузинских большевиков в 1921 г., цит. в (269). С. 218.

243. *Бухарин*, цит. в (388). С. 208. Хотя это, вне сомнения, преувеличение, Бухарин, по всей видимости, сильно манкировал своими организационными обязанностями. См., напр., сетования Эмбера-Дро на то, что у Бухарина мало времени на коминтерновские дела. См. (391). С. 242.

244. *Шацкин* в: The Revolutionary Age (New York), № 7 (November 1, 1929). P. 16. То, что старшие члены ЦК видели расслоение в этом органе, ясно из бухаринских высказываний в меморандуме Бухарина–Каменева (Т 1897).

245. То, что это были ключевые парторганизации, можно понять из статьи «Подчиниться партии или капитулировать перед мелкобуржуазной стихией», (210), 23 апреля 1929 г.; эта сталинская статья хвалила их за то, что они официально отвергли правых. Напомним, что кроме москвичей, Бухарин надеялся также на поддержку ленинградцев и украинцев. Он также относил к числу возможных союзников Андреева, секретаря на Северном Кавказе. См. меморандум. Сырцов, бывший партийным начальником в Сибири, где Сталин впервые применил свои «чрезвычайные меры» в 1928 г., в мае 1929 г. заменил Рыкова на посту председателя СНК РСФСР. См. выше, прим. 178, По-видимому, эта неофициальная олигархия формально собиралась вместе лишь один раз – на расширенном заседании Политбюро в январе-феврале 1929 г., осудившем оппозицию.

246. См., напр., характеристику Кирова как «военно-политического деятеля» в «Посланцы партии. Воспоминания» (М» 1967. С. 181) и заявление Молотова о том, что «подавляющее большинство из нас – не теорети ки, а практики» ((14), № 3, 15 февраля 1931. С. 20). Многие из них были, как и Сталин, кавказцами, жесткими, крепко сбитыми усачами, немало пережившими в годы гражданской войны. Об их политическом облике и характере см.: *Микоян А.И.* Дорогой борьбы. Т. 1. – М., 1971. Многие другие, в том числе Киров, выдвинулись в Закавказье и отчасти отождествлялись с ним.

247. Благодаря своей политической роли и гибели от руки убийцы Киров служит важным примером. До того, как он возглавил ленинградскую парторганизацию после поражения Зиновьева в 1926 г., Киров руководил азербайджанской партийной организацией и имел тесные связи с закавказскими сторонниками Сталина. Обычно считают, что он был верным сталинистом и что в 20-е гг. ленинградская парторганизация твердо стояла за генсека. Эта точка зрения представляется менее убедительной в свете данных о том, что в 1926 г. Киров сопротивлялся попыткам Секретариата диктовать кадровую политику в Ленинграде. (См. Вестник Ленинградского университета. 1968, № 8. С. 82–83.) Можно понять надежды Бухарина на ленинградцев в 1928 г. ввиду видного положения его сторонников в Ленинграде, особенно Стецкого, Петровского и профсоюзного руководителя Ф. Угарова, а также ввиду поразительного отсутствия каких-либо ука-

заний на то, что сам Киров играл какую-то роль в антибухаринской кампании до апреля 1929 г., когда исход борьбы уже вполне определился (у меня, однако, не было доступа к ленинградской печати) Вместо этого Киров, по-видимому, стоял в стороне от конфликта на протяжении критических месяцев его развития. Хотя относительно его взглядов в 1928 г. ясности нет, известно, что он назвал индустриальный план Сталина «нереальным». (139). С. 109. По всей видимости, сталинское недовольство выразилось в двух неожиданных нападках на ленинградскую парторганизацию (и, естественно, на самого Кирова) – одной на ее газету и второй – на ее Контрольную комиссию в 1928 и в 1929 гг. См. речь Куйбышева в (210), 25 сентября 1929 г.; *Красников С.В.* С.М. Киров в Ленинграде. – Л., 1966. С. 49–56. и (210), 4 сентября 1929 г.

248. (4). С. 220. Сталинисты не без оснований регулярно изображали Бухарина «главным лидером и вдохновителем оппозиции». (210), 19 ноября 1929 г. Их утверждения о том, что правые «пытались сделать тов. Бухарина вождем нашей париии», представляются менее убедительными. См. Бюллетень Третьей ленинградской областной конференции ВКП(б). № 3 (Л., 1930). С. 14. Несмотря на свое более видное положение, Бухарин никогда не старался возвыситься над Рыковым и Томским, которые сами были «практиками». Как можно судить по его пробным шарам в адрес Зиновьева и Каменева, он все еще мыслил понятиями коллективного руководства.

249.0 его обвинениях по поводу «постоянных уступок» см. (163). С. 159–170. Предложение Рыкова и Бухарина о ввозе зерна для облегчения кризиса было особенно непопулярным и подверглось критике как «сильнейший удар по нашим темпам индустриализации». (83). С. 106; (92), № 5, май 1969. С. 30.

250. *Бухарин* в (279), I. С. 33. Или, как выразился бухаринец Айхенвальд, «лучше быть правым уклонистом, чем безнадежным идиотом». Цит. в (210), 3 ноября 1929 г. В другом месте Бухарин ответил призывом к «земному оптимизму». (210), 12 июня 1929 г.

251. Квинтэссенцией союза между Сталиным и молодыми партийно-комсомольскими лидерами являлась группа радикальных противников Бухарина, называвшаяся иногда «молодыми сталинскими левыми», (436). С. 259. Они были сталинскими протеже с начала 20-х гг. Наиболее известны среди них: Ломинидзе, Шацкин и Ян Стэн; кроме того, к ним принадлежали коминтерновские союзники вроде Г. Неймана. Некоторые из них вскоре разочаруются и порвут со Сталиным. См. (210), 1 декабря 1931 г.; и *Buber-Neumann Margarete.* Kriegsschauplätze der Weltrevolution (Stuttgart, 1967). P. 282–284.

252. *Куйбышев*, цит. в (92), 1967, № 10. С. 76; (147). С. 539; (195). С. 174.

253. По всей видимости, наиболее действенным было сталинское обвинение в том, что правые проповедуют философию пессимизма. См. выше, прим. 194 и 250. Оно выдвигалось также и против бухаринских взглядов по поводу Коминтерна, особенно против его утверждений, что революция в Европе невозможна без всеобщей войны. См., напр., «Комсомольская правда». 17 ноября 1929 г.

254. Для партийной олигархии главным вопросом в развернувшейся борьбе была проблема промышленного роста и планирования. Коллективизация, которую они, подобно Бухарину, все еще рассматривали как постепенное, добровольное предприятие, была делом второстепенным, а разногласия по поводу Коминтерна вообще, видимо, волновали их очень мало. То обстоятельство, что они не отвергали нэпа, подчеркивалось в передовице по поводу разгрома правых: «Нэп есть единственно правильная политика социалистического переустройства». (210), 28 апреля 1929 г. И вообще, некоторых сталинских сторонников все еще тревожили иные его доводы, в том числе идея обострения классовой борьбы, равно как и его энтузиазм по поводу «чрезвычайных мер». См., напр., сомнения редакции в (135), 23 апреля 1929 г. и высказывания Эйхе в (277). С. 91.

255. См., напр., (243), 11. С. 207, 246, 279–281.

256. См., напр., *Микоян А.И.* Мысли и воспоминания о Ленине. – М., 1970. С. 145, 196, 233 и Khrushchev Remembers. P. 27, 50.

257. См. о заседаниях пленума (392), IX (1929), № 40–41, 44–49, 51, 53, 55, 57, 59. Новая линия была выдвинута Молотовым, Куусиненом и Мануильским. Сталин на пленуме не выступал, однако он объявил о новом курсе в двух речах, произнесенных в мае. См. *Сталин И.* О правых фракционерах в американской компартии. – М., 1930.

258. Об этих событиях см. (410). С. 375, 453.

259. *Козлова Л.* Московские коммунисты. С. 43. Советские статистические данные о волнениях в деревне, характеризовавшихся как «кулацкие террористические акты», отрывочны и противоречивы. Особенно трудно достать сравнительные данные за 1928 и 1929 гг. Например, сообщают только, что в 1929 г. «кулацких террористических актов» на Украине было в четыре раза больше, чем в 1927 г. (92), 1966. № 2. С. 101.

260. Наиболее важным исследованием о политике по отношению к крестьянству и событиях в деревне в 1929 г. является (410). гл. XIV–XVII.

261. (392), IX (1929). С. 745.

262. Советский энциклопедический словарь. Т. 1. – М., 1931. С. 221. До того этот пост занимал Каменев. См.: Политический словарь. – Л., 1929. С. 660.

263. (210), 12 июня 1920 г.

264. (43). С. 2–3 и (747). С. 3, 5. Страницы приведены из публикаций в (210), 26 мая 1929 г. и 3 июня 1929 г.

265. Сообщают, что все трое жаловались на свое «неравноправное положение» и просили «легализовать» их статус. См. (158), II. С. 662.

266. (82), № 1–2, 1929. С. 14.

267. В июне и июле два лидера «молодых сталинских левых», Шацкин и Стэн (см. выше, прим. 251) выступили с протестами против некритического партийного послушания, прибегая примерно к тем же доводам, что и Бухарин в начале июня. См. «Комсомольская правда», 18 июня 1929 г. и 26 июля 1929 г. По всей видимости, их протесты отражали растущее беспокойство сторонников Сталина по поводу его социальной политики. Оба под давлением отказались от своих слов, – см. (210), 2 ноября 1929 г. и 12 ноября 1929 г., – но приняли участие в более серьезном мятеже Сырцова и Ломинидзе в 1930 г. Дополнительные данные о тревожных настроениях в органах госбезопасности, ЦК и Политбюро см. в (240), 14 июня 1929. С. 14 и 10 октября 1929. С. 14; а также (410). с. 460–461.

268. См. выше, прим. 248.

269. (304), гл. VI.

270. Нет смысла перечислять хотя бы несколько из сотен антибухаринских статей. Начиная с конца августа они регулярно появлялись в (210), (14), (153), «Комсомольской правде», «Пропагандисте» и пр. Более обстоятельные нападки на его деятельность и теоретические произведения печатались регулярно в ВКА, ПЗМ и (213). В качестве примеров брошюр и книг см.: *Сорин В.* О разногласиях Бухарина с Лениным. – М., 1930; (165); (1) и (81).

271. Как жаловались его критики-сталинисты. См. (128). С. 91, 101, где один из них сообщает, что по сравнению с Бухариным Троцкий был в теоретических вопросах «quantite negligeable». См. также высказывания Сгецкого в (278), I. С. 488.

272. Ульянову из «Правды» убрали. А Крупская, хотя и оставалась номинально заместителем наркома народного просвещения, потеряла, тем не менее, всякую власть. См. (264). С. 259. См. также (210), 26 февраля 1964 г. О поддержке, оказываемой Бухарину Крупской, см. выше, прим. 172.

273. Это обстоятельство теперь подчеркивается советскими историками коллективизации. См. (12). С. 21; (110). С. 42 и (185). С. 194. Кампания оказала такое же действие на сторонников сбалансированного промышленного развития. См. *Г. Сорокин* в (210), 1 декабря 1963 г. См. признание, что «антиколхозные настроения» были широко распространены в партии, в (210), 28 августа 1929 г. и (163). С. 142.

274. См. выше, прим. 11 и (1). С. 249.

275. См. 397, часть IV; (373). С. 236–253 и (311).

276. Это обстоятельство теперь подчеркивается несколькими советскими историками в связи с массовой коллективизацией. См., напр., *Ивницкий Н.А.* О критическом анализе источников по истории начального этапа сплошной коллективизации (осень 1929 – весна 1930), (139), 1962, № 2. С. 193–198; (12). с. 78–79. Ивницкий называет сталинскую группу «узким кругом людей» (с. 196). См. также (410), гл. XV–XVII.

277. (243), 12. С. 130–132.

278. (410). С. 460–461.

279. (83). С. 246–249; (14), 1930, № 2. С. 7–26; (158), II. С. 662–663.

280. Резкие нападки на Бухарина на закрытых заседаниях, стенограммы которых не опубликованы, обычно широко цитируются советскими историками на основании архивных материалов. Кроме нападок, исходящих от Сталина и его окружения, я не обнаружил на этом пленуме выпадов с чьей-либо стороны.

281. (410). С. 458–465; (158), II. С. 620–632 и 642–656. Левин говорит, что резолюции пленума полностью отражали линию Сталина–Молотова, однако его блестящее новаторское исследование содержит убедительные доказательства противоположной точки зрения (которую принял я). Другие данные, в том числе рекомендации позднейших комиссий по коллективизации, дают основания полагать, что ведущие члены пленума после его окончания не считали 1930 г. официально установленной датой.

282. См. заявления Котова, Михайлова, Угланова и Куликова в (143). С. 187–192.

283. Там же. С. 193.

284. Там же. С. 196. Их последний сторонник в ЦК, ленинградец Ф. Угаров, капитулировал в тот же день.

285. (304). С. 155–156.

286. Бухарин высказал свою тревогу за них, Б. Николаевскому. (422). С. 19. В октябре–ноябре в (210) регулярно появлялись зловещие выпады против молодых бухаринцев. Айхенвальда, к примеру, связали с берлинскими эмигрантами и исключили из партии. См. (210), 18 ноября 1929 г. и 20 ноября 1929 г. Однако они продолжали доказывать, что Бухарин является «не правым уклонистом, а революционером-большевиком». (210), 10 ноября 1929 г. После капитуляции Бухарина большинство из них подписало сходные покаянные заявления. См. (210), 25 ноября 1929 г.; 28 ноября 1929 г.; 3 декабря 1929 г. и 6 декабря 1929 г.

287. (242), 2-е изд. – М., 1930. С. 10. См. также (210), 21 декабря и *Попов К.* Партия и роль вождя // Партийное строительство. Январь 1930. С. 5–9.

288. См. об этих событиях (410). С. 465–519 и *Выльцан М.А.*, *Ивницкий Н.А.*, *Поляков Ю.А.* Некоторые вопросы истории коллективизации в СССР в (91), 1965, № 3. С. 3–25.

«Узник Лубянки»

1. Цит. по английскому переводу книги Виталия Шенталинского «Воскресшее слово» (Vitaly Shentalinsky. Arrested Voices. New York, 1996. Chap.7»), которая готовилась к публикации в 1996 г.

2. Там же. P. 285.

3. По мнению Роя и Жореса Медведевых, сталинские преемники изъяли и, возможно, уничтожили ряд документов, которые обвиняли их в участии в его преступлениях. – См.: Roy and Zhores Medvedev. The Unknown Stalin. New York, 2004. Chap. 3). Тем не менее, в их распоряжении оставалось ещё достаточно подобных документов, чтобы использовать их (или грозить использовать) в последующей борьбе за власть, что и сделал, например, Хрущёв в отношении Молотова, Маленкова и Кагановича на пленуме ЦК в 1957 г. и позже, на XXII съезде партии в 1961 г. По поводу документов, обви-

няющих самого Хрущёва, см. примеры, приведённые в докладах комиссий Шверника и Яковлева. – См.: Реабилитация: как это было. Т. 2. – М., 2003. С. 541–670; Т. 3. – М., 2004. С. 142–151.

4. О роли Бухарина в советской истории см.: Коэн Стивен. Бухарин: Политическая биография (1888–1938). – Москва, 1988, особенно разделы 9–10. О посмертной реабилитации Бухарина, или его «жизни после смерти» («afterlife»), как я это называю, см. мою книгу «Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917» (New York, 1985), раздел 3, а также в моих предисловиях к американскому изданию воспоминаний вдовы Бухарина-Анны Лариной: «This I Cannot Forget» (New York, 1993). С. 11–33 и к тюремному роману Бухарина, озаглавленному в английском переводе «How It All Began» (New York, 1998), p. vii-xxviii.

5. «Болтаюсь между жизнью и смертью», – так писал Бухарин 29 сентября 1937 г. в одном из своих писем Сталину с Лубянки. По крайней мере, четыре из этих писем сохранились в Архиве президента Российской Федерации: Ф. 3. Оп. 24. Д. 301. Л. 129–133 и Д. 427. Л. 1–22 и в фонде Бухарина в РГАСПИ.

6. Уже в 1934 г., а возможно, и раньше Сталин обладал налаженной системой глубокого погребения запретных документов: «Пусть лежит весь этот “материал» глубоко в архиве. И. Сталин. 2/1/34». – Цит. по: Родина. 1992. № 8–9. С. 71.

7. Cohen *Stephen F.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1988–1938. – New York, 1973. Эта книга, большая часть которой была тайно переведена сыном Бухарина Юрием и покойным Евгением Александровичем Гнединым, была впервые опубликована на русском языке за рубежом в 1980 г., и позднее была издана в Москве (см. примечание 4).

8. См., напр.: Berger Joseph. Nothing But the Truth. – New York, 1971. С. 110. По словам американского журналиста Луиса Фишера, с которым я познакомился в Принстоне, Анастас Микоян рассказывал ему, что Бухарин «работал» в тюрьме. Микоян вполне мог слышать об этом от Сталина либо он на самом деле знал о существовании рукописей, которые могла обнаружить одна из многочисленных ««комиссий по расследованию» второй половины 50-х-начала 60-х годов. На процессе Бухарин многозначительно намекнул, что он «работал» в тюремной камере. Сделал он это, очевидно, не только для того, чтобы поведать о существовании собственноручного литературного наследства или завещания, но и чтобы показать обозревателям, что он находится в здравом уме, и им следует правильно истолковывать все то, что он говорит на этом процессе.

9. Высшее архивное начальство, с которым я встречался, в лице Р.Г. Пихоя и А.В. Ко-роткова, поддержало меня и приветствовало это решение. Особую благодарность я хочу выразить Ю.Г. Мурину, в то время – старшему архивисту Президентского архива, чьи экспертные оценки, знание документов и их истории, а также человеческое сочувствие очень помогли нам.

10. См. интервью М.А. Марова в «Известиях», 7 февраля 1988 г. Позже я лично встречался с Михаилом Алексеевичем, и он заверил меня, что базируется в своей оценке на прочитанных им материалах.

11. Даже один из наиболее благожелательных комментаторов бухаринского дела основывает свои выводы на одном единственном тюремном документе – письме Бухарина Сталину от 10 декабря 1937 г., опубликованном в «Источнике», 1993, № 0. С. 23–25. – См.: Гефтер Михаил. Апология человека слабого // Российская провинция. 1994. № 5. С. 149–164.

12. Ценный, хотя и неполный анализ архивной стенограммы, касающейся в основном заключительного заявления Бухарина, содержится в статье Ю.Г. Мурина: Как фальсифицировалось «дело Бухарина» // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 61–70. Мурин дает и архивные координаты документа: Ф. 3. Оп. 24. Д. 393–401.

13. В архиве бывшего НКВД-КГБ хранятся некоторые из бухаринских заявлений, сделанных им в этот период, но не полное собрание протоколов допросов. По словам представителей Президентского архива, там их тоже нет. Известно, что они были обна-

ружены несколько лет назад в секретных фондах так называемой «комиссии Шверника», созданной Хрущёвым в начале 60-х гг. для расследования сталинских преступлений в 30-е годы, результаты которого, однако, были засекречены. У меня есть сведения, подтверждающие существование этих протоколов, но мне до сих пор не удалось не только посмотреть, но даже обнаружить их.

14. Большая часть бухаринского имущества и весь его личный архив, включая письма Ленина, а также десятки картин, написанных им за многие годы, были изъяты из его квартиры и из домов его родственников, впоследствии арестованных, и затем исчезли. Ни один из заинтересованных архивов не признался в существовании упомянутых писем. Известны сведения, хотя и непроверенные, что Сталин приказал уничтожить часть ленинских писем, изъятых у арестованных большевиков – см.: Шейнис Зиновий. Провокация века. – М., 1992. С. 184. Что касается судьбы бухаринских картин, то она также остается неясной. Лишь очень малая часть картин, обнаруженных случайно, вернулась к Анне Михайловне и дочери Бухарина Светлане Николаевне; большинство же считается утраченными. Возможно, некоторые из них могли уцелеть в частных коллекциях. Во всяком случае, по непроверенным сведениям, одна была продана в 1990-е годы.

15. Опубликованная в книге Дмитрия Волкогонова «Сталин» (книга I. – М., 1991) фотография имеет подпись «Н. И. Бухарин на процессе, 1938 г.», но она весьма неубедительная и не имеет ссылки на источник. Существует 30-ти минутная хроника о процессе “Приговор суда – приговор народа”, которую в укороченном виде крутили в кинотеатрах в 1938 г., но она показывает подсудимых только мельком и со спины. По сведениям Ольги Шатуновской, члена Центральной Контрольной Комиссии ЦК и ведущего следователя Комиссии Шверника в начале 1960-х, Бухарин написал Сталину из тюрьмы 10 писем. См.: Шатуновская Ольга. Об ушедшем веке. La Jolla, CA, 2001. С. 298.

16. Из некоторых тюремных документов явствует, что Бухарина заставили поверить в то, что его жена вместе с малолетним сыном все еще находятся в Москве. На самом деле, к июню 1937 г. Анна Михайловна уже находилась в заключении в ГУЛАГе, где ей предстояло провести целых 20 лет, а Юрий начал свое долгое скитание по детским домам и приютам. Об этой истории см.: Ларина-Бухарина Анна. Незабываемое. – М., 1989. Дочь Бухарина Светлана была арестована вместе со своей матерью, Эсфирь Исаевной Гурвич, в 1949 г. О жизни Светланы Николаевны см.: Россия и Европа. № 4. Под ред. А.С. Намазовой. – М., 2007. С. 190–296. Первая жена Бухарина, Надежда Михайловна Лукина, инвалид, была арестована в 1937 г., подверглась жестоким пыткам и казнена в 1940 г. См.: Борин Александр. Ритуал // Литературная газета. 1988. 23 ноября.

17. См.: «Толстые журналы» // Сегодня. 1993. 1 июня. Выборочные части рукописи были опубликованы в «Вопросах философии» в 1993, № 6, с интересным и вполне благожелательным предисловием А.П. Огурцова. Некоторые российские историки даже начали сравнивать Бухарина с такими одиозными фигурами, как Ежов и Ягода. – См., например, статью Короткова Александра, Степанова Александра, Пихои Рудольфа в «Московских новостях» (1997, 1–8 июня).

18. Исследование этого подхода к истории в период гласности см. в книге Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова «История конъюнктура» (М., 1992).

19. О «бухаринском буме» см. там же, разд. 2.

20. Даже антибухарински настроенный националист заключает: «Споры же историков о личности Бухарина и его роли в истории и революции будут продолжаться, пока у людей будет сохраняться живой интерес к прошлому, соединенному с будущим неразрывными связями». – *Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине. – М., 1989. С. 315.

Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв

Глава 1

История книги

1. См.: *Ларина-Бухарина А.М.* Незабываемое. – М.: Вагриус, 2002 (первое издание – АПН, 1989).

2. По поводу моей книги см.: *Коэн Стивен.* Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1888–1938. – New York, 1980; М., 1988.

3. По поводу этой темы см.: *Cohen Stephen.* Rethinking the Soviet Experience. – New York, 1985, особенно главы 1, 3–5.

4. Была, впрочем, довольно полезная диссертация Джейн Шапиро: *Shapiro Jane.* Rehabilitation Policy and Political Conflict in the Soviet Union. – Columbia University, 1967.

5. *Solzhenitsyn Aleksandr.* The Gulag Archipelago. Vol. 3. – New York, 1976. P. 445–468.

6. По поводу гулаговской литературы того времени см.: *Zorin Libushe*. Soviet Prisons and Concentration Camps: An Annotated Bibliography. – Newtonville, 1980. По поводу американцев и террора см.: *Tzoulidis Tim.* The Forsaken. – New York, 2008; а пример информативного мемуара: *Herman Victor.* Coming Out of the Ice. – New York, 1979.

7. См., напр., *Tolczyk Dariusz.* See No Evil. – New Haven, 1999. P. xix–xx. Chaps. 4–5; *Toker Leona.* Return From the Archipelago. – Bloomington, IN, 2000. P. 49–52, 73. По поводу Шаламова см. его письмо Солженицыну: Независимая газета. 1998. 9 апреля.

8. Это были журналы «Сибирские огни», «Байкал», «Простор», «Ангара», «Урал», «Север», «Полярная звезда», «На рубеже» и «Дальний Восток».

9. На радио «Свобода» был составлен постоянно пополняемый каталог под названием «Архив самиздата».

10. См.: *Cohen Stephen*, ed. An End to Silence. – New York, 1982. P. 7–14; *Антонов-Овсеенко А.* Враги народа. – М., 1996. С. 367.

11. По поводу наших отношений см. нашу беседу: Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 94–101; а также *Cohen*, ed. An End to Silence.

12. Академик Баев почувствовал себя достаточно свободным, чтобы рассказать свою историю, только много лет спустя. См.: Академик Александр Баев / Под ред. А.Д. Мирзабекова. – М., 1997.

13. Опубликовано в газете: Московский комсомолец. 1966. 13 июля. см. также: *Гнедин Евгений.* Выход из лабиринта. – М., 1994; *Cohen Stephen.* Sovieticus, exp. ed. – New York, 1986. P. 104–107. По поводу Икрамова см.: Возвращенные имена / Под ред. А. Прошкина. В 2-х томах. – М., 1989). Т. 1. С. 208–209.

14. См., соответственно: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. В 3-х томах. – М., 2007; и The Time of Stalin. – New York, 1981. По поводу конфликтных отношений Солженицына с другими зеками после Гулага см.: *Сараскина Людмила.* Александр Солженицын. – М., 2008. Ч. 5 и 6; а по поводу теплых отношений Медведева см.: Подъем. 1990. № 7 и 9.

15. Они представляли, следовательно, не более 30 процентов от общего числа жертв террора. см.: выше, Пролог, прим. 1.

16. Несколько вопросников было подготовлено после 1985 года. см.: Горизонт. 1989. № 7. С. 63–64; *Adler Nanci.* The Gulag Survivor. – New Brunswick, 2002. P. 121; Москвичи в Гулаге. – М., 1996. С. 51–52; *Figes Orlando.* The Whisperers. – New York, 2007. P. 662.

17. *Сараскина.* Указ. соч. С. 553; а также упомянутые ранее воспоминания Решетовской. Солженицын назвал свои источники только много лет спустя в издании: *Солженицын.* Архипелаг Гулаг. – М., 2008. Т. 1 С. 13–18. Книга Файджеса (Figes) основана на значительно большем, чем у меня, числе примеров, что является её бесспорным плюсом, но он проводил своё исследование в условиях, когда конспирация уже не требова-

лась, к тому же, у него были команды помощников по всей России. *Figes.* The Whisperers. P. 657–665.

18. Доклад был опубликован много лет спустя, см.: Литературная газета. 1996. № 27.

19. *Cohen*, ed. An End to Silence (книга основана на самиздатовских материалах Роя Медведева); *Cohen.* Rethinking.

20. *Adler.* Gulag Survivor.

21. См. предисловие к: *Антонов-Овсеенко А.В.* Портрет тирана. – М., 1995. С. 3.

22. *Applebaum Anne.* Gulag. – New York, 2003. P. 515.

23. См.: *Орлова Раиса, Копелев Лев.* Мы жили в Москве. – М., 1990; *Керсновская Ефросинья.* Сколько стоит человек. – М., 2006. В качестве примеров других недавних мемуаров см.: *Туманова Анна.* Шаг вправо, шаг влево… – М., 1995; *Мильчаков Александр.* Молодость светлая и трагическая. – М., 1988; *Негретов Павел.* Все дороги ведут на Воркуту. – Benson, VT, 1985; *Жигулин Анатолий.* Чёрные камни. – М., 1989; *Миндлин Михаил.* Анфас и профиль. – М., 1999; *Шатуновская Ольга.* Об ушедшем веке. – La Jolla, CA, 2001; *Улановская Надежда, Улановская Майя.* История одной семьи. – СПб., 2005; *Григоров Григорий.* Повороты судьбы и произвол: воспоминания. Книга 1. – М., 2005; книга 2, 2008. Большинство воспоминаний, однако, сконцентрированы на жизни в Гулаге, как, напр., Доднесь тяготеет. В 2-х томах. Сост. С.С. Виленский. – М., 2004. По поводу более общих западных исследований см. выше, прим. 7, 22; *Hochschild Adam.* The Unquiet Ghost. – New York, 1994; *Montefiore Simon.* Stalin. – London, 2003; *Smith Kathleen.* Remembering Stalin's Victims. – Ithaca, 1996; *Merridale Catherine.* Night of Stone. – New York, 2001; и *Figes.* The Whisperers.

24. Частичными исключениями являются книги: *Dobson Miriam.* Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crimes and the Fate of Reform after Stalin. – Ithaca, 2009 и *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России. – М., 2006 (последняя сосредоточена, главным образом, на репрессированных народах, а не отдельных гражданах). Тем не менее, Адлер продолжает своё исследование; по итогам конференции, состоявшейся в 2006 году в Гарварде, должен выйти сборник публикаций о гулаговских «возвращенцах»; Кэтлин Смит готовит книгу о 1956 годе, где немалое место будет уделено вернувшимся политзаключенным. Кроме того, несмотря на обобщающий характер, ценные наблюдения содержатся в книгах: *Figes.* The Whisperers (chap. 8) и *Merridale*. Night of Stone. Что касается русских авторов, то у них этой теме посвящено лишь несколько страниц. См., напр.: *Зубкова Елена*. Мир после Гулага. – СПб., 2004; *Zubkova Elena*. Russia After the War. – Armonk, 1998 (chap. 16). По поводу архивных публикаций см.: Реабилитация. В 3-х томах. – М., 2000–2004; Дети Гулага. – М., 2002. Семья Бухарина представляет один из наиболее полно документированных случаев. См.: *Ларина.* Незабываемое; *Юнге Марк.* Страх перед прошлым. – М., 2003; *Бухарин В.И.* Дни и годы. – М., 2003; *Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. – М., 2010; Россия и Европа. № 4. Под ред. А. Намазовой. – М., 2007 (о дочери Бухарина Светлане Гурвич), а также моё предисловие к книге: *Bukharin Nikolai.* How It All Began. – New York, 1998.

Глава 3
Жертвы возвращаются

1. *Applebaum.* Gulag. P. 512.

2. *Ардов М., Ардов Б., Баталов А., Арпишкин Ю.* Легендарная Ордынка. – М., 1995. С. 101. Другие примеры долголетия см.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 89.

3. См., соответственно: *Гроссман*. Всё течёт. С. 95; *Орлова, Копелев*. Мы жили в Москве. С. 347–348; *Svirski.* A History. P. 197. По поводу женщины см.: *Дорман Олег.* Подстрочник: жизнь Лилианны Лунгиной. – М., 2010 (первая фотовкладка).

4. См., соответственно: *Хлебников Олег* о Шаламове // Новая газета. 2007. 18 июня; *Gerstein.* Moscow Memoirs. P. 423; *Лурье, Малярова*. 1956 год. С. 281; *Снегов Алексей.* Выступление на закрытом заседании историков в 1956 г.; некролог Валентина Зэка

(Соколова) // Русская мысль. 1984. 20 декабря; *Сараскина.* Александр Солженицын. С. 456; *Изюмов Ю.* // Досье. 2003. 29 мая. Другие примеры см.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 89.

5. См.: Академик Баев. По ред. Мирзабекова. Гл. 1. В качестве примера похожего поведения см.: *Туманова*. Шаг влево, шаг вправо. С. 213–226.

6. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. – СПб., 2008. С. 123. По поводу Рокоссовского см.: *Braithwaite Rodric.* Moscow 1941. – New York, 2007. P. 38–40.

7. Исторический архив. 2008. № 2. С. 30–41; *Королёва Н.* Отец. Т. 2. – М., 2006.

8. *Сац Наталья*. Жизнь – явление полосатое. – М., 1991. С. 353–356; *Ларина.* Незабываемое. С. 266. См. также: *Petkevich Tamara.* Memoir of a Gulag Actress. – DeKalb, IL, 2010, а по поводу дуэта сценаристов: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 29 ноября.

9. Айхенвальд умер в 1993 году. Его последняя опубликованная книга, «Последние страницы» (М., 2003), содержит автобиографию, стихи и эссе.

10. *Виттенбург Е.П.* Павел Виттенбург. – СПб., 2003; *Киселёв Л.Л., Левина Е.С.* Лев Александрович Зильбер. – М., 2005. По поводу Сефа см.: Литературная газета. 2008. 22–28 октября.

11. По поводу примеров счастливых и несчастливых концов см.: *Adler.* Gulag Survivor. *Figes.* The Whisperers; *Коэн.* Долгое возвращение. С. 90. По поводу Икрамова см.: *Икрамов.* Дело моего отца. С. 56, 147.

12. По поводу Шаламова см.: *Glad John* // Shalamov. Graphite. – New York, 1981. P. 9; *Захарова Елена* // Новая газета. 2007. 8–11 ноября. По поводу Берггольц см.: *Кемоклидзе Д.* // Литературная газета. 2008. 12–18 ноября; *Гранин Даниил.* Причуды моей памяти. – СПб., 2008. С. 2008. С. 104–106. По поводу дневника см.: *Берггольц Ольга.* Ольга: запретный дневник. – СПб., 2010. С. 29.

13. Реабилитация. Т. 2. С. 351. О реакции самих вернувшихся из Гулага коммунистов см.: *Орлова, Копелев.* Мы жили в Москве; *Улановская М., Улановская Н.* История одной семьи. См. также: *Adler.* Gulag Survivor. P. 29, 205–223; *Dobson.* Khrushchev's Cold Summer. P. 69–77. Новая книга Адлер о коммунистах, вернувшихся из Гулага, выйдет в свет в 2012 году.

14. *Гурвич*. Взгляд в настоящее прошлое. С. 89–95. По поводу цитаты из Ольги Берггольц в предыдущем абзаце см.: *Улановская М., Улановская Н.* История одной семьи. С. 267.

15. Никита Сергеевич Хрущёв: два цвета времени. В 2-х томах. – М., 2009. Т. 2. С. 572–573.

16. Я благодарен Нэнси Адлер за эту цитату.

17. О Ляндресе и Семёнове см.: *Семёнова Ольга*. Юлиан Семёнов. – М., 2006.

18. *Солженицын* // Новый мир. 1999. № 4. С. 163. По поводу Шаламова см.: *Boym Svetlana* // Slavic Review. Summer 2008. P. 347; *Zink Zinovy* // The Times Literary Supplement. Dec. 5, 2008. P. 6; а также: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 90.

19. См., соответственно: *Карякин Юрий.* Перемена убеждения. – М., 2007. С. 232; *Ginzburg.* Within. P. 390; *Антонов-Овсеенко*. Портрет тирана. С. 469–477; *Smith.* Remembering. P. 177–178.

20. См.: *Карпов* // Советская Россия. 2002. 27 июля; *он же* // Правда. 1995. 26 апреля; *он же.* Генералиссимус. В 2-х томах. – М., 2002; *священник Дмитрий Дудко.* Посмертные встречи со Сталиным. – М., 1993; по поводу Рокоссовского: Советская Россия. 2008. 6 марта; Molotov Remembers. – Chicago, 1993. P. 290.

21. Два следственных дела Е. Гинзбург. Под ред. А.Л. Литвина. – Казань, 1994. С. 14.

22. См., соответственно: *Разгон.* Непридуманное. С. 281–282; *Мандельштам.* Воспоминания; *Керсновская.* Сколько стоит… С. 374; *Аросева.* Без грима. С. 89; Реабилитирован посмертно. В 2-х томах. – М., 1988. Т. 1. С. 104–106.

23. *Аросева.* Без грима. С. 88–89, 255.

24. См., напр.: *Frierson and Vilensky.* Children. P. 362–364; *Arutunyan Anna* // Moscow News. Nov. 16, 2009.

25. *Аксёнов Василий.* Зеница ока. – М., 2005. С. 399–410; *Орлова, Копелев.* Мы жили в Москве. С. 359; *Bonner Elena.* Mothers and Daughters. – New York, 1993. P. 328–333.

26. См.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 91; *Шмидт Т.И.* Дом на набережной. – М., 2009. С. 27; В Политбюро ЦК КПСС / Под ред. А. Черняева и др. (2-е изд.). – М., 2008; *Григоров.* Повороты судьбы. Т. 2. С. 610–611.

27. *Гурвич.* Взгляд в настоящее прошлое (третья вкладка иллюстраций).

28. *Matthews.* Stalin's Children. P. 105–108; *Raleigh Donald J.*, ed. Russia's Sputnik Generation. – Bloomington, IN, 2006. P. 168–174; *Bonner.* Mothers and Daughters. P. 323; а также: *Шмидт.* Дом на набережной. С. 84. По поводу Окуджавы и всей этой темы см.: *Etkind Alexander* // The Russian Review. Oct. 2009: 623–40.

29. *Гинзбург.* Крутой маршрут. С. 642; *Гроссман.* Всё течёт. С. 12. См. также: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 91. По поводу братьев Нетто см.: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2008. 21–27 февраля.

30. Как наших дедов забирали / Под ред. И. Щербаковой. – М., 2007. С. 502.

31. *Vilensky*, ed. Till My Tale. P. 280, 284. По поводу примеров верности см.: *Мильчаков.* Молодость светлая… С. 91–92; *Baitalsky.* Notebooks. P. 389–391. Противоположные примеры см.: *Лакшин* // Литературная газета. 1994. 17 августа, а также: *Adler.* Gulag Survivor. P. 139–145. По поводу боязни возвращения см.: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 16 июня.

32. *Shalamov.* Graphite. P. 281.

33. *Mandelstam.* Hope Against Hope. P. 279; *Горбачёв* // Известия. 1990. 1 декабря.

34. *Козлова Наталья.* Советские люди. – М., 2005. С. 345.

35. *Орлова, Копелев.* Мы жили в Москве. С. 75; *Scammell Michael.* Solzhenitsyn. – New York, 1984. P. 657.

36. *Svirski.* A History. P. 183.

37. *Волков Олег.* Погружение во тьму. – М., 1992. С. 428–429.

38. *Vilensky*, ed. Till My Tale. P. 98.

39. Подробнее об этой теме см.: *Adler.* Gulag Survivor. По поводу примеров см.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 91–92.

40. См.: *Adler.* Gulag Survivor. P. 186–90; по поводу законов см.: Реабилитация. Т. 2. С. 181–183, 194–197, 333–334; а по поводу примеров: *Adler.* Gulag Survivor. P. 92, n. 67.

41. *Плисецкая.* Я, Майя… С. 56–57.

42. *Shentalinsky*. Arrested Voices. P. 285.

43. *Трифонов Юрий.* Исчезновение. – М., 1988. С. 201; *Шмидт.* Дом на набережной. С. 92.

44. См., напр.: Круг семьи и колесо истории / Под ред. И. Щербаковой. – М., 2008. С. 251.

45. *Антонов-Овсеенко А.В.* Республика Абхазия. – М., 2008. С. 19–20.

46. *Vaksberg Arkady.* Stalin's Prosecutor. – New York, 1991. P. 86–93.

47. *Ефимов Е.* // Социалистическая законность. 1964. № 9. С. 42–45; а также: *Заверин Лев* // Союз. 1990. № 51. С. 9.

48. См.: *Adler.* Gulag Survivor. Chap. 5.

49. См. рассказы Леонида Петровского о его старших родственниках: Вопросы истории КПСС. 1988. № 2. С. 93–97; Работница. 1988. № 3. С. 17–19.

50. См. воспоминания Ряжского: Театральная жизнь. 1989. № 5. С. 8–11.

51. *Adler.* Gulag *Survivor P.* 171, 177; *Землянушин Иван* // Труд. 1992. 24 декабря. Цифры, по всей вероятности, совместимы, поскольку первая относится к 1954–1961 годам, а вторая – к 1954–1964 годам.

52. См.: *Adler.* Gulag Survivor. P. 179; а также: *Зальцман Моше.* Меня реабилитировали. – М., 2006. С. 247. По поводу других цитат и примеров см.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 93.

53. О судьбе Барковой см.: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2009. 29 июля.; Другие примеры см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 93.

54. По поводу того, как принимали, см.: *Зараев* // Огонёк. 1991. № 15. С. 15; *Adler*. Gulag Survivor. P. 186; *Коржавин*. В соблазнах. Т. 2. С. 657. По поводу примеров радушия см.: *Вознесенский*. Истины. С. 678.

55. *Плисецкая*. Я, Майя… С. 51; по поводу «дыма без огня» см.: *Mandelstam*. Hope Against Hope. P. 33; а по поводу амнистии: *Dobson*. Khrushchev's Cold Summer. Chaps. 1–6.

56. *Снегов* // Всероссийское совещание историков. – М., 1964. С. 270; а также: *Амлинский Владимир* // Юность. 1988. № 3. С. 53.

57. По поводу этих последних примеров см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 94. По поводу упомянутых примеров см. соответственно: *Шмидт*. Дом на набережной. С. 77–78; *Шатров*. Т. 5. – М., 2007. С. 383; *Плисецкая*. Я, Майя… С. 58; *Mandelstam*. Hope Against Hope. P. 345; Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2009. 9 сентября; *Горчева*. Пресса Гулага. С. 171, 220.

58. *Левина Е.С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский. – М., 1995. С. 134–135; *Киселёв, Левина*. Л.А. Зильбер. С. 251–263. Другие примеры см.: Коэн. Долгое возвращение. С. 94.

59. *Чуковская Лидия*. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. – Париж, 1980. С. 115, 137; а также: *Разгон Лев* // Литературная газета. 1995. 13 декабря.

60. *Разгон*. Непридуманное. С. 221; *Икрамов*. Дело моего отца; *Бек Татьяна* // Камил Икрамов и о нём. – М., 2003. С. 7.

61. *Рубин Борис*. Моё окружение. – М., 1995. С. 187.

62. *Аросева*. Без грима. С. 255–264; Molotov Remembers. P. 281.

63. *Антонов-Овсеенко*. Враги народа. С. 16. По поводу Икрамова см.: Дело моего отца. С. 171.

64. По поводу цитат в этом и предыдущем абзаце см.: соответственно: Исторический архив. 2008. № 1. С. 80; *Svirski*. A History. P. 53; Александр Фадеев: письма и документы. – М., 2001. С. 297–298.

65. По поводу этого и других примеров см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 95; а также: *Mandelstam*. Hope Against Hope. P. 48.

66. *Dobson*. Khrushchev's Cold Summer. P. 122; *Svirski*. A History. P. 353, 367; *Alexeyeva Ludmilla and Goldberg Paul*. The Thaw Generation. – Boston, 1990. P. 84; а также: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 96.

67. Цит. по: *Цейтлин* // Крокодил. 1989. № 7. С. 6.

68. *Панов Юрий* // Известия. 1990. 10 августа; *Бокарев Виктор* // Литературная газета. 1989. 29 марта.

69. См.: *Керсновская*. Сколько стоит… По поводу других опубликованных книг по искусству Гулага см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 96.

70. *Симонов Константин* // Известия. 1962. 18 ноября. Примеры более ранних работ см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 96–97.

71. См.: *Yanov Alexander*. The Russian New Right. – Berkeley, 1978. P. 15; *Волкогонов Дмитрий*. Сталин. В 2-х Т. 3-е изд. – М., 1992. Т. 2. С. 626; *Солженицын*. Бодался теленок с дубом. С. 19.

Глава 4
Взлёт и падение «хрущёвских зеков»

1. См., напр., жалобы Ивана Исаева: Исторический архив. 2001. № 2. С. 123–124; *Иванов-Паймен В.* // там же. 2003. № 4. С. 23–24.

2. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 523. По поводу директоров см.: *Tall Emily* // Slavic Review. Summer 1990: 184; а также: *Логинов В., Гловацкая Н.* // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 154–156. По поводу Сучкова см.: *Арсланов Виктор* // Свободная мысль. 2010. № 3. С. 143.

3. См.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 97–98; *Хрущёв Сергей.* Никита Хрущёв: реформатор. (Трилогия об отце). – М., 2010. С. 202

4. См., напр.: *Микоян С.А.* Алексей Снегов в борьбе за десталинизацию // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 69–83; *Khrushchev Sergei.* Khrushchev on Khrushchev. – Boston, 1990. Chap. 1; Реабилитация. Т. 1–3 (именной указатель); *Доклад Н.С.* Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС / Под ред. К. Аймермахера. – М., 2002; а по поводу писателя: *Фирсов Б.* Разномыслие. С. 249.

5. *Шатуновская.* Об ушедшем веке; *Померанц Григорий.* Следствие ведет каторжанка. – М., 2004. Цит. по: *Померанц.* Памяти одинокой тени // Знамя. 2006. № 7. С. 165. Один молодой американский историк недавно выпустил книгу, в которой, оправдывая свою интерпретацию советской политики 1930-х годов, несправедливо – я бы сказал: бесчестно – обрушился на Шатуновскую, её роль, сыгранную при Хрущёве, и даже её личные качества. см.: *Lenoe Matthew.* The Kirov Murder and Soviet History. – New Haven, 2010. Chaps. 14–15.

6. *Микоян Анастас.* Так было. – М., 1999. С. 589; по поводу воспоминаний сыновей см. выше, прим. 4, а также: *Хрущёв С.* Никита Хрущёв: реформатор. С. 263.

7. См. источники, приведённые в прим. 4–6.

8. Самый лучший и подробный рассказ о развернувшейся борьбе, об оппозиции, с которой столкнулся Хрущёв, содержится в книге его сына, бывшего свидетелем многих из этих событий, «Никита Хрущёв: реформатор». По поводу «глаз и ушей» см.: *Khrushchev.* Khrushchev. P. 13; *Микоян.* Алексей Снегов; а также: *Хрущёв С.* Никита Хрущёв: реформатор. С. 262.

9. См.: соответственно: *Мильчаков.* Молодость светлая… С. 94–98; *Шелестов Дмитрий.* Время Алексея Рыкова. – М., 1990. С. 296; *Быков Дмитрий* // Родина. 2008. № 8. С. 118–119; *Bonner.* Mothers. P. 323–24; *Афанасьев А.* // Комсомольская правда. 1988. 15 января. Другие примеры см.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 99.

10. *Улановская Надежда* // Время и мы. 1983. № 77. С. 217–241; *Kun Miklos.* Stalin. – Budapest, 2003. P. 79. Пример симпатизирующей биографии см.: *Павлов М.Ю.* Анастас Микоян. – М., 2010.

11. *Шатров* // Свободная мысль. 1994. № 10. С. 22; а по поводу Молотова: Исторический архив. 1993. № 3. С. 76.

12. См.: *Сараскина.* Александр Солженицын. С. 480–498; по поводу жертвы самого Хрущёва см.: *Семичастный Владимир.* Беспокойное сердце. – М., 2002. С. 79; а по поводу Аксёнова: Никита Сергеевич Хрущёв. Т. 2. С. 538–539.

13. *Taubman William.* Khrushchev. – New York, 2002. P. 274–275, 276–277; *Шатров* // Свободная мысль. 1994. № 10. С. 22; *Никита Хрущёв.* 1964. – М., 2007. С. 442.

14. См.: *Medvedev Roy.* Khrushchev. – Garden City. – NY, 1983. P. 87–91; *Орлова, Копелев.* Мы жили в Москве. С. 31; а также: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 99–100. По поводу Померанца см. *Померанц.* Памяти одинокой тени. С. 168, Следствие ведет каторжанка. С. 38–39.

15. Бывший узник Гулага Сурен Газарян, выступавший свидетелем на бериевском процессе, оставил воспоминания о нём, см.: СССР: внутренние противоречия // New York. 1982. № 6. С. 109–146. По поводу Пикиной см.: *Петров Никита.* Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 19 ноября.

16. По поводу Лазуркиной см.: XXII съезд КПСС. В 3-х т. – М., 1962. Т. 3. С. 121; Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. – М., 1991. С. 367.

17. *Трифонов Юрий.* Отблеск костра. – М., 1966. С. 86.

18. См. соответственно: *Аллилуева.* Двадцать писем к другу. Письмо 20-е; *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. В 4-х т. – М., 1999. Т. 2. С. 184; *Danilov Viktor* // Kritika. Spring 2008. P. 355; *Остроумов Георгий.* Прорыв к свободе. – М., 2005. С. 288; а также: *Alexeyeva and Goldberg.* The Thaw Generation.

19. *Антонов-Овсеенко.* Портрет тирана. С. 8.

20. *Frierson and Vilensky.* Children. P. 365.

21. *Рыбаков Анатолий.* Роман-воспоминание. – М., 1997. С. 84.

22. *Лицкевич Олег* // Свободная мысль. 2008. № 6. С. 135–144.

23. По поводу этих проектов см.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 101.

24. См.: Молотов, Маленков, Каганович 1957. – М., 1998.

25. *Вавилов.* В долгом поиске. С. 176.

26. *Шатуновская.* Об ушедшем веке.

27. *Medvedev*. Khrushchev. P. 81. По поводу «в моде» см.: *Лакшин Владимир* // Литературная газета. 1994. 17 августа; по поводу Шатуновской – её «Об ушедшем веке». С. 291.

28. По поводу Серова см.: *Петров Н.* Первый председатель КГБ; по поводу архивных документов: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 101–102.

29. *Барсуков Н.* // Коммунист. 1990. № 8. С. 99.

30. См.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 103; по поводу цитаты: *Петров Н.* // Новое время. 2000. № 23. С. 33. По поводу архивных разысканий историка Никиты Петрова см.: Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2010. 26 мая, 2 и 30 августа, 22 сентября, 19 ноября, 20 декабря.

31. Молотов, Маленков, Каганович 1957. С. 39. См. также: Исторический архив. 1993. № 3. С. 17, 19, 85, 88.

32. Исторический архив. 1993. № 4. С. 17.

33. См.: *Коэн*. Долгое возвращение. С. 103; *Петров Н.* Первый председатель КГБ. С. 151; по поводу увольнений см.: *Elkner Julie* // *Melanie Ilic and Jeremy Smith*, eds. Soviet State and Society Under Khrushchev. – London, 2009. P. 146. См. также публикации Петрова в «Правде Гулага», упомянутые в прим. 30.

34. *Коэн*. Долгое возвращение. С. 103.

35. По поводу Хрущёва, Серебряковой, Икрамова, Разгона, охранников и моего издателя см. соответственно: *Medvedev*. Khrushchev. P. 97 (а также: *Шатуновская*. Об ушедшем веке. С. 286); *Хрущёв.* Два цвета. Т. 2. С. 574; *Икрамов.* Дело моего отца. С. 168–169; *Разгон.* Непридуманное; *Gregory Paul*. Lenin's Brain and Other Tales from the Secret Soviet Archives. – Stanford, CA, 2008. P. 91; *Авеличев Александр* // Стивен Коэн и Советский Союз/ Россия. – М.: АИРО-XXI, 2008. С. 42.

36. По поводу оценок, поэта и Хрущёва см.: *Volkogonov Dmitri* // Moscow Times Magazine. Aug. 13, 1995: 21; *Иванова Галина* // Общая газета. 1998. 27 августа – 2 сентября; *Антокольский Павел* // Грани. 1964. № 56. С. 182; а также первые два источника из прим. 35. По поводу завхоза см.: мемуары Фёдора Васильевича Мочульского: Gulag Boss (edited by Deborah Kaple). – New York, 2010. P. 37. По поводу архивных документов см.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 101–102.

37. По поводу «выполнения приказов» см.: *Пятницкий.* Осип Пятницкий. С. 610–611; *Mandelstam.* Hope against Hope. P. 49; *Tzouliadis.* The Forsaken. P. 320. см. также: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 101–102, а по поводу Микояна: *Петров Н.* Правда ГУЛАГа // Новая газета. 2009. 22 апреля.

38. *Сараскина*. Александр Солженицын. С. 478. См.: также XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 121–122, 362, 402, 584. (По поводу детей см.: С. 114.)

39. *Шатуновская.* Об ушедшем веке. С. 297–300. По поводу отчёта комиссии см.: Реабилитация. Т. 2. С. 541–670.

40. *Лакшин Владимир* // Новый мир. 1964. № 1.

41. См.: соответственно: *Полевой Борис* // Огонёк. 1962. Июль. С. 20–24; *Стариков В.* // Урал. 1963. № 4. С. 4–48; *Икрамов* // Молодая гвардия. 1962. № 12. С. 183–234; *Аксёнов* // Юность: избранное. – М., 1965. С. 9–36.

42. День поэзии 1962. – М., 1962. С. 45. Я остаюсь признательным покойному профессору Вере Данэм (Vera Dunham), которая привлекла моё внимание к этому стихотворению. По поводу изображения официальных лиц см., напр., сюжет о повести Ивана Лазутина в: *Adler*. Gulag Survivor. P. 179–181; а по поводу конфликта поколений: *Икрамов.* // Молодая гвардия. 1962. № 12. С. 183–234.

43. *Шатуновская.* Об ушедшем веке. С. 276; *Шелепин Александр* // XXII съезд ЦК КПСС. Т. 2. С. 405. По поводу Суслова см.: Источник. 1996. № 2. С. 115.

44. *Рыбаков.* Роман-воспоминание. С. 177.

45. См.: *Ларина.* Незабываемое. С. 275–283; *Medvedev Roy* // *Cohen*, ed. An End to Silence. P. 119–123.

46. *Ардов и др.* Легендарная Ордынка. С. 259; *Зезина.* Советская художественная. С. 174; а также: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 104.

47. Там же.

48. *Sokolov Mikhail* // Current Digest of the Soviet Press. April 24, 1963. P. 13; *Лазутин Иван.* Суд идёт. – М., 1962. С. 258.

49. *Хрущёв.* Два цвета. Т. 2. С. 581. О его «готовности делать добро» см.: Анна Ахматова, цит. по: *Rubenstein Joshua.* Tangled Loyalties. – New York, 1996. P. 249.

50. См.: перебранку между Эренбургом и Виктором Ермиловым в газете Известия. 1963. 30 января и 6 февраля; по поводу Хрущёва см.: *Taubman.* Khrushchev. P. 596; по поводу письма анонимного автора см.: Encounter. June 1964. P. 88–98; *Ilyichev Leonid* // Current Digest. April 3, 1963. P. 6. По поводу более позднего издания мемуаров Эренбурга см.: *Эренбург Илья.* Люди, годы, жизнь. В 3-х томах. – М., 1990. Т. 3. С. 233–235.

51. Политический дневник. Т. 2. – Амстердам, 1975. С. 123. Несколько аллюзивных статей о фашистской Германии были написаны Гнединым. См.: Новый мир. 1966. № 3; 1968. № 8. Другие примеры см.: *Коэн.* Долгое возвращение. С. 104–105.

52. *Khrushchev S.* Khrushchev. P. 14.

53. По поводу Шатуновской, Снегова и Аксёнова см.: *Шатуновская.* Об ушедшем веке. Гл. 20–23; *Khrushchev S.* Khrushchev. P. 15; *Аксёнов* // Новая газета. 2009. 8 июля. По поводу Ленинграда см.: *Dobson.* Khrushchev's Cold Summer. P. 54, 87. По поводу Деборина см.: *Плимак Евгений.* На войне и после войны. – М., 2005. С. 106.

54. *Шатуновская.* Об ушедшем веке. С. 292; *Семичастный.* Беспокойное сердце. С. 161.

55. Правда. 1962. 21 октября. По поводу Хрущёва см. *Евтушенко Евгений.* Волчий паспорт. – М., 1998. С. 241–243; *он же* // Литературная газета. 2010. 9–15 июня.

56. *Караулов Андрей.* Вокруг Кремля. – М., 1990. С. 50.

57. *Burlatsky Fedor.* Khrushchev and the First Russian Spring. – New York, 1988. P. 200–201, 215; *Павлов.* Анастас Микоян. С. 314–319; *Смирнов Г.Л.* // Неизвестная Россия. Т. 3. – М., 1993. С. 377–381; *Семичастный.* Беспокойное сердце. С. 342–343. По поводу итогов работы комиссии Шверника см.: Реабилитация. Т. 2. С. 541–670. По поводу Конституции см. также: *Хрущёв С.* Никита Хрущёв: реформатор. С. 827–829.

58. Никита Хрущёв 1964.

59. *Рыбаков.* Роман-воспоминание. С. 41.

60. Current Digest. Feb. 5, 1964; *Евтушенко.* Волчий паспорт. С. 242; Current Digest. Aug. 5, 1964. P. 20.

61. См. соответственно: *Сараскина.* Александр Солженицын. С. 525; *Taubman.* Khrushchev. P. 14; а также: Никита Хрущёв 1964. С. 211, 340, 346, 347; Источник. 1996. № 2. С. 115.

62. *Сараскина.* Александр Солженицын. С. 535; *Волин О.* // Совершенно секретно. 1989. № 6. С. 18; *Улановская М., Улановская Н.* История одной семьи. С. 269.

II раздел
Советская система: была ли альтернатива распаду СССР?

Переосмысливая советский опыт

Предисловие

1. Выражение принадлежит Питеру Гейлю и взято из его знаменитой книги Napoleon: For and Against (London, 1949). См. также *R.C. Richardson, The Debate on the English Revolution* (London, 1977).

2. Трифонов высказал ту же мысль, что и Фолкнер, в своем интервью журналу *Литературное обозрение,* 1977, № 4. С. 101.

3. *Stephen F. Cohen, ed., An End to Silence: Uncensored Opinion in the Soviet Union* (New York, 1982). P. 261.

4. Я рассмотрел это подробнее в статье «Politics and the Past: the Importance of Being Historical», *Soviet Studies*, January 1977. P. 137–45.

5. Главы 2–5, соответственно, были опубликованы в книгах: Robert C. Tucker, ed., *Stalinism: Essays in Historical Interpretation* (New York, 1977); Vernon V. Aspaturyan, Jiri Valenta, David P. Burke, eds., *Eurocommunism Between East and West* (Bloomington, Ind. 1980); Cohen, ed., *An End to Silence*; Stephen F. Cohen, Alexander Rabinovich, Robert Sharlet, eds., *The Soviet Union Since Stalin* (Bloomington, Ind., 1980).

Глава 1

1. American Association for the Advancement of Slavic Studies, *Newsletter*, February 1982. P. 1.

2. Неопубликованные данные, собранные Фелицией Гаер (в прошлом сотрудницей Фордовского Фонда).

3. Walter D. Connor, Robert Legvold, Daniel C. Matuszewski, «Foreign Area Research in the National Interest: American and Soviet Perspectives» (New York, IREX Occasional Paper, 1982). P. 27. См. также James R. Millar, «Where Are the Young Specialists on the Soviet Economy and What Are They Doing?» *Journal of Comparative Economics*, No. 4, 1980. P. 317–29; Jonathan R. Adelman, «A Profile of the Soviet Politics, Or Who Will Study Stalin's Successors?» *Political Science,* Winter 1983. P. 38–44. Еще более отчаянное положение сложилось в области изучения советской истории, где всего лишь горстка крупных специалистов активно ведет исследования и занятия с аспирантами.

4. Аргументация этого обобщения содержится в следующей главе, но в предвидении возражений сразу сошлюсь на свидетельство советолога, обучавшегося «ремеслу» в 1950-х годах и впоследствии вспоминавшего о «принципиальном единомыслии, царившем в академических и правительственных кругах, имевших отношение к советской политике»; см. Donald L.M. Blackmer, «Scholars and Policymakers: Perceptions of Soviet Policy», доклад, прочитанный на годичном собрании Американской ассоциации политологов, 2–7 сентября 1968 года. С. 2, 7.

5. В 1958 году Дэниел Белл сделал обзор десяти теорий «советского поведения». Большинство из них нисколько не противоречило единодушному мнению, сложившемуся в советологии. Это относилось даже к тем теориям, которые, по мнению Белла, были созданы вне тоталитарной школы. См. Daniel Bell, *The End of Ideology,* rev. ed. (New York, 1961). chap. 14.

6. Это положение будет проиллюстрировано и подтверждено документами в следующей главе.

7. Merle Fainsod, *How Russia Is Ruled*, rev. ed. (Cambridge, Mass., 1963), p.59.

8. Я слышал это от людей, вместе со мной занимавшихся в аспирантуре в 1960-х годах и даже в начале 1970-х годов. А почему бы и нет? Ведь говоря о советской поли-

тической истории, один маститый советолог заявил: «Нерешенным оставался лишь вопрос о том, какой характер примет этот тоталитарный режим после 1917 года и какой философии он будет придерживаться». (Adam B. Ulam, *The New Face of Soviet Totalitarianism* [New York, 1965]. P. 49.) Но согласно тоталитарной доктрине, проблема «характера в философии» также давно решена в политологической литературе. См. Carl J. Friedrich and Zbigniew K. Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (Cambridge, Mass., 1956).

9. Alex Inkeles, Social Change in Soviet Russia (New York, 1971). P. 42.

10. Эту группу ранних советологов составляли несколько ученых, журналистов и дипломатов, в том числе С. Харпер, В.Г. Чемберлен, Л. Фишер, Б. Пейрс, Дж. Мейнард, М. Флоринский и М. Добб. Многие их работы не выдержали испытания временем. Исключение составляет двухтомник Чемберлена «Русская революция» (W. H. Chamberlin, *The Russian Revolution,* 2 vols [New York, 1935] Доказавший влияние на советологов-ревизионисгов, начинавших работать в 1960-х и 1970-х годах.

11. О развитии советологии до и после второй мировой войны см. L. Gray Cowan, *A History of the School of International Affairs and Associated Area Institutes of Columbia University* (New York, 1954), chap. 4; Harold H. Fisher, ed., *American Research on Russia* (Bloomington, Ind., 1959), особенно гл. 1; Cyril Black and John M. Thompson, eds., *American Teaching About Russia* (Bloomington, Ind., 1959); Walter Z. Laqueur and Leopold Labedz, eds., *The State of Soviet Studies* (Cambridge, Mass., 1965);Walter Laqueur, The Fate of the Revolution (New York, 1967), chaps. 1–2.

12. Fisher, ed., *American Research on Russia.* P. 20–22 и (еще более двусмысленное заявление) 177. См. также Laqueur and Labedz, eds., *The State of Soviet Studies.* P. 24. Отметим, кстати, пронизанный самовосхвалением тон большинства работ, перечисленных в предыдущем примечании.

13. Alexander Dallin, «Bias and Blunders in American Studies on the USSR», *Slavic Review*, September 1973. P. 562,565. См. также Blackmer, «Scholars and Policymakers»; Samual L. Sharp, «Unity of the Struggle of Opposites: Coexistence or Consensus in American Views of Soviet Foreign Policy», *Newsletter on Comparative Studies of Communism*, February 1973. P. 3–13. Еще более резкая критика содержится в работе молодого британского советолога: Stephen White «Political Science as Ideology: The Study of Soviet Politics» in B. Chapman and A.M. Potter, eds., *Political Questions* (Manchester, 1975), chap. 14.

14. Процитировано в работе Уайта (White, «Political Science as Ideology», p.255), рассмотревшего и документировавшего это общее

положение. См. также исторические очерки советологии, перечисленные в примечании 11.

15. «NSC –68: A Report to the National Security Council on United States Objectives and Programs for National Security, April 15, 1950», Naval War *College Review,* May–June 1975. P. 108.

16. Dallin, «Bias and Blunders in American Studies on the USSR». P. 566; Paul Nitze процитировано в книге Edward Friedman and Mark Seiden, eds., *America's Asia* (New York, 1971). P. 74. См. также Blackmer, «Scholars and Policymakers». Эта, с позволения сказать, интеллектуально-демографическая схема вырисовывается и из цитировавшихся ранее исторических очерков советологии (примечание 11). Специалистами по России стали, например, люди, которые во время войны работали в Управлении стратегических служб США или принимали участие в программе лендлиза или финансировавшихся Министерством обороны советологических исследованиях.

17. По состоянию на октябрь 1952 года, 68 выпускников Русского института Колумбийского университета, не считая командированных на учебу офицеров, работали в государственных учреждениях или принимали участие в финансируемых правительством исследованиях, а 46 стали штатными или нештатными преподавателями. (См. Cowan, *History of the School of International Affairs.* P. 50). Впоследствии, в связи с уве-

личением в 1950-х годах количества программ, связанных с изучением России и СССР, академической деятельностью занимались 33%, а работой в государственных учреждениях – 39% выпускников. (См. Black and Thompson, eds., *American Teaching about Russia*. P. 64.)

18. Это обсуждается в работе: White, «Political Science as Ideology» (см., в частности, сс. 256–59). Наибольшую известность приобрел Гарвардский проект «Советская социальная система», построенный на интервью с советскими эмигрантами. Этот проект финансировался Военно-воздушными силами США.

19. Я имею в виду личные и деловые связи с ЦРУ, установившиеся в 1950-х годах, но раскрытые лишь гораздо позднее, а также косвенное финансирование Центральным разведывательным управлением ведущего британского журнала по советологии Survey. См., например, статьи в *Columbia Daily Spectator*, April 18, 1980: Forerunner (Princeton University). April 29, 1980. Личные связи устанавливались также с ФБР (см. ниже – примечание 44).

20. Bell, *The End of Ideology*. P. 353.

21. Laqueur, *The Fate of the Revolution.* P. 21–26; Friedman and Seiden, eds., *America 's Asia* (в различных местах).

22. Merle Goldman, «The Persecution of China's Intellectuals», *Radcliffe Quarterly*, September 1981. P. 12. Еще до возникновения современной советологии инициатор американских исследований по русской истории, сам русский эмигрант, писал: «Книги, создаваемые вне России, слишком часто пишутся в атмосфере лютой ненависти к нынешнему русскому режиму» (Michael Karpovich, «The Russian Revolution of 1917», *Journal of Modem History*, June 1930. P. 253).

23. Аналогичные взгляды на советологию высказываются в следующих работах: Blackmer, «Scholars and Policymakers»; Sharp, «Unity or the Struggle of Opposites»; Dallin, «Bias and Blunders in American Studies on the USSR». P. 567–68. В более общем виде см. Gene M. Lyons, *The Uneasy Partnership: Social Science and the Federal Government in the Twentieth Century* (New York, 1969).

24. William Welch, *American Images of Soviet Foreign Policy* (New Haven and London, 1970). P. X. Эта точка зрения критикуется в статье: Samuel L. Sharp, *Newsletter on Comparative Studies of Communism,* February 1973. P. 3–13; ответ Уэлча см. Welch, там же. С. 32–35.

25. Цитируется в книге: Richard M. Freeland, *The Truman Doctrine and the Origins of McCarthyism* (New York, 1974). P. 228.

26. Conyers Read, «The Social Responsibilities of the Historian», *American Historical Review*, January 1950. P. 282–83.

27. Blackmer, «Scholars and Policymakers». P. 12; Dallin, «Bias and Blundersin American Studies on the USSR». P. 566. Более детальный анализ дан в работе: White, «Political Science as Ideology».

28. Clarence A. Manning, *A History of Slavic Studies in the United States (Milwaukee, 1975).* P. 80–81. Анализ идеологического содержания концепций «тоталитаризма» и «красного фашизма» содержится в статьях: Herbert J. Spiro, Benjamin R. Barber, «Counter-Ideological Uses of 'Totalitarianism'». *Politics and Society,* November 1970. P. 3–21; Les K. Adler, Thomas G. Paterson, «Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930s-1950s», *American Historical Review*, April 1970. P. 1046–1064.

29. Cm. Alistair Cooke, *A Generation on Trial* (New York, 1968); Daniel Bell ed., *The Radical Right* (New York, 1964).

30. Я заимствовал этот термин у Джона Стрейчи (John Strachey, «The Absolutists», *The Nation*, October 4, 1952. P. 291–93). Аналогичная концепция развивается в статье: Spiro, Barber, «Counter- Ideological Uses of 'Totalitarianism'».

31. Американское общественное мнение, в целом, было явно антисоветским с 1917–1918 годов, когда фактически зародился антагонизм в духе холодной войны. См.

об этом в работе: Ralph B. Levering, The Public and American Foreign Policy, 1918–1978 (New York, 1978) и в примечании 116. Даже в период наибольшей популярности среди интеллектуалов Американская коммунистическая партия была относительно небольшой организацией, насчитывающей от 75 до 100 тысяч членов (Lewis Coser, Irving Howe, *The American Communist Party* [Boston, 1957]. P. 385–86).

32. Frederick C. Barghoom, *The Soviet Image of the United States* (New York, 1950). P. XI. Аналогичное утверждение находим в статье: Blackmer, «Scholars and Policymakers». P. 12.

33. Harold J. Berman, «The Devil and Soviet Russia» *The American Scholar*, Spring 1958. P. 49. Неспрведливо, что я цитирую здесь Бермана, а не многих других советологов, но его статья была, пожалуй, первой жалобой на то, что «мы не отдаем должного позитивным достижениям советской системы» (с. 151). Таким образом, он предвосхитил мою точку зрения.

34. Bertram D. Wolfe, *Three Who Made a Revolution, I* (New York, 1964). P. XV.

35. Я говорю о Э.Г. Карре и Исааке Дейчере, живших в Англии.

36. См. отзыв Сиднея Монаса на книгу: Richard Pipes, ed., Revolutionary Russia (Cambridge, Mass., 1968); отзыв был помещен в журнале *Journal of Modem History*, June 1970. P. 285.

37. Richard Pipes, *The New York Times Book Review*, December 30, 1979. P. 7. Той же точки зрения придерживается и Александр Солженицын, но ему это простительно, ибо он не знает западной научной литературы. См. его «Чем грозит Америке плохое понимание России», Собрание сочинений. Т. 9 (Вермонт–Париж, 1981).

38. John Kenneth Galbraith, *Book World* (Washington Post), March 14, 1971. P. 3.

39. Я заимствовал это положение у Марри Фешбаха. Впоследствии, когда работа аналитиков из государственных учреждений получила более широкую известность, они оказали существенное влияние на развитие новых тенденций в академической советологии. Примером тому служит собственная карьера Фешбаха. См. Cullen Murphy, «Watching the Russians», *The Atlantic Monthly,* February 1983. P. 33–52.

40. William M. Mandel, «The American Russian Institute of New York: 1926–1950» (Доклад на Конференции славистов Дальнего Запада, Американская ассоциация содействия развитию социальных наук, 25–26 апреля 1969 года); David Caute, *The Great Fear* (New York, 1979). P. 77,175.

41. Об основании Института см. Cowan, *History of the School of International Affairs*. P. 45. Информация об «охоте на красных» и эпизодах с паспортами взята из моего интервью с Джоном Хазардом (Нью-Йорк, 21 марта 1981 года).

42. Стенограмма заседания Сенатской комиссии воспроизведена в книге: Phillip Wittenberg, ed., *The Lamont Case* (New York, 1957). P. 30, 42, 55, 56, 74, 129.

43. В своем интервью Хазард рассказал, что Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности хотела узнать от него, каким образом Советский Союз получил лицензию на импорт урана по программе лендлиза. Хотя этот вопрос был разъяснен к полному удовлетворению Комиссии, когда было доказано, что генерал Лесли Гроувс, руководивший разработкой атомной бомбы, одобрил лицензию, расследование попортило немало крови Хазарду. О том, как сложилась дальнейшая карьера Хазарда, см. John N. *Hazard, Recollections of a Pioneering Sovietologist* (New York, 1984).

44. Seymour Martin Lipset, David Riesinan, *Education and Politics at Harvard* (New York, 1975). P. 184–85; Sigmund Diamond, «The Arrangement: The FBI and Harvard University in the McCarthy Period», in Athan G. Theoharis, ed., *Beyond the Hiss Case* (Philadelphia, 1982). P. 341–71.

45. A.B. [Abraham Brumberg], «Reds and Feds», *The New Republic,* March 7, 1983. P. 43. Брамберг, бывший в ту пору редактором, добился пересмотра этого правила, и оно стало распространяться только на авторов, неоднократно печатавшихся в журнале.

46. Caute, *The Great Fear*, chaps. 15, 22–23; Paul F. Lazarfeld, Wagner Thielens, Jr., *The Academic Mind: Social Scientists in a Time of Crisis* (Glencoe, 111., 1958). P. 197–204, 219–20.

47. Adam Ulam, in: Laqueur and Labedz, eds., *The State of Soviet Studies*. P. 14. В нашем интервью Хазард упомянул о тревожном чувстве, парившем среди ученых, начинавших работать до 1941 года. Улам называет Джона Мейнарда, а также Сиднея и Беатрис Вебб провозвестниками просоветского направления в советологии. Веббы, правда, были малоосведомленными дилетантами. Это в гораздо большей степени относится к Бернару Пейрсу (см. Laqueur, *The Fate of the Revolution*. P. 16) и Фредрику Шуману. Некоторые ученые, пришедшие в советологию в конце 1940-х годов, в частных беседах смущенно отмечали, что «апологетика» Шумана находила свое выражение в популярных в прошлом учебниках.

48. Bernard S. Morris, in: Laqueur and Labedz, eds., *The State of Soviet Studies*. P. 110.

49. John B. Oaks, цит. в кн.: Edwin R. Bayley, *Joy McCarthy and the Press* (Madison, Wis., 1981). P. 216–17. Русско-советские исследования находились под бдительным надзором правых. В 1956 году Джеймс Бернхем, критикуя программы Колумбийского и Гарвардского университетов, писал в журнале National Review: «99 процентов их публикаций не имеют ни малейшей интеллектуальной, научной или политической ценности» (цит. в John F. Diggins, «Four Theories in Search of a Reality», American Political Science Review, June 1976. P. 507).

50. Впоследствии советский поэт-антисталинист напишет: «Первая ошибка многих “западных специалистов по русской революции” состоит в том, что они видят смысл самой идеи революции не в подлинно преданных этой идее, а в ее предателях» (Е.А. Евтушенко, *Автобиография* (Лондон, 1964). С. 43.

51. *The Whig Interpretation of History* (New York, 1965), в различных местах.

52. Збигнев Бжезинский, отвечая Роберту Такеру в Donald W. Treadgold, ed., *The Development of the USSR* (Seattle, Wash., 1964). P. 40.

53. См, например, Carl J. Friedrich, Zbigniew K. Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy,* 2d ed., (New York, 1966). P. 46.

54. Фейнсод обобщил стандартную интерпретацию событий 1917 года следующим образом: «В 1902 году в книге Что делать? Ленин писал: “…дайте нам организациою революционеров – и мы перевернем Россию!» 7 ноября 1917 года мечта сбылась и дело свершилось” (How Russia Is Ruled. P. 86). Знаменитая книга Бертрама Вулфа – коллективная биография Ленина, Троцкого и Сталина – озаглавлена Три человека, которые сделали революцию. Ср, например, с взглядами в: Alexander Rabinowitch, *The Bolsheviks Come to Power: The 1917 Revolution in Petrograd* (New York, 1976) или в: Marc Ferro, *October 1917: A Social History of the Russian Revolution* (Boston, 1980). Эти вопросы обсуждаются в: Teddy J. Uldricks, «Petrograd Revisited: New Views of the Russian Revolution», *The History Teacher*, August 1975. P. 611–23; Alexander Rabinowitch, «The October Revolution Revisited», *Social Education*, April 1981. P. 245–48; Ronald Grigor Suny, «Toward a Social History of the October Revolution», *American Historical Review,* February 1983. P. 31–52.

55. Стандартная интерпретация представлена, например, в следующих публикациях: David Footman, *Civil War in Russia* (London, 1961). P. 304–5; John S. Reshetar, Jr., *A Concise History of the Comminist Party of the Soviet Union*, rev. ed. (New York, 1964). P. 139; Donald W. Treadgold, Twentieth-Century Russia (Chicago, 1959), chaps., 11–12. Ревизионисты только начинают исследовать период Гражданской войны в России. См., например, William G. Rosenberg, *Liberals in the Russian Revolution* (Princeton, 1974); Robert Service, *The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organisational Change, 1917–1923* (London, 1979); T.H. Rigby, *Lenin's Government: Sovnarkom 1917–1922* (Cambridge, 1979); Jonathan R. Adelman, «The Development of the Soviet Party Apparat in the Civil War», *Russian History,* 9, Part 1 (1982). P. 86–110. Трактовка событий времен Гражданской войны дана также в моей книге *Бухарин и большевистская революция: политическая биография, 1888–1938* (Royal Oak, Michigan, 1980), chap. 3 и в работе: Robert C. Tucker, *Stalin as Revolutionary, 1879–1929* (New York, 1973), chap. 6.

56. Стандартная и ревизионистская интерпретация НЭПа и сталинизма рассматривается в следующей главе.

57. Так, советский историк Михаил Гефтер впоследствии показал, как сталинская историогрфия реконструировала прошлое, пытаясь изобразить его лишь как подготовительный этап к настоящему, так что начальные стадии процесса так или иначе определялись его результатами. Гефтер, в частности, писал: «…подстановка итога в исходный пункт придавала черты предопределенности историческому развитию: могло быть только так, а не иначе» (цит. по книге: Р.А. Медведев, *К суду истории: Генезис и последствия сталинизма*. – NY, 1974. С. 1040–1042).

58. См., например, Leonard Schapiro, «Scaffolding of Lies», *New York Review of Books*, September 24,1958,p. 31.

59. Роберт Конквест с одобрением цитирует следующее высказывание Леонарда Шапиро: «В Политбюро и Президиуме (ЦК КПСС) все наоборот: политики борются за власть, используя политику как орудие в этой борьбе» (Laqueur and Labedz, eds., *The State of Soviet Studies.* P. 129).

60. Уолтер Коннор процитировал это высказывание Роберта Кон- квеста в ст.: *Problems of Communism,* September–October 1975. P. 23. Кстати, о партийной дисциплине. Американский конгрессмен Пол Маккпоски заметил: «Мы позволили партийной дисциплине превратить всех нас в трусов, а в некоторых случаях – и в лжецов» (*The New York Times*, December 17,1971).

61. George F. Kennan, «The Sources of Soviet Conduct», in Alex Inkeles and Kent Geiger, eds. *Soviet Society: A Book of Readings* (Boston, 1961). P. 93.

62. Я цитирую здесь одного из лучших специалистов, чья работа наглядно показывает, что дело обстояло не так (Leonard Schapiro, *The Origin of the Communist Autocracy*, 2d ed. [London, 1977]. P. XVIII).

63. Я цитирую здесь Бернара Морриса, критиковавшего исследования мирового коммунизма в кн.: Laqueur and Labedz, eds., *The State of Soviet Studies.* P. 111. Эта антиисторическая концепция критикуется в ст.: Moshe Lewin, «Stalinism – Apparaised and Reappraised», *History,* February 1975,p.73.

64. Zbigniew K. Brzezinski, *Ideology and Power in Soviet Politics*, rev. ed. (New York, 1967). P. 113–14.

65. См. соответственно, Eugene Lyons in Zbigniew Brzezinski, ed., *Dilemmas of Change in Soviet Politics* (New York, 1969). P. 53 и Joel Carmichael in *The New Leader*, May 26, 1975. P. 20. См. также Bertram D. Wolfe, *An Ideology in Power* (New York, 1969). P. 228; Fainsod, *How Russia is Ruled.* P. 99; William E. Odom, «The ‘Militarization’ of Soviet Society», *Problems of Communism,* September–October 1979. P. 51. «Аналитиков» нисколько не смущал тот факт, что «режим» зародился в рамках рабочего движения и утвердился в результате великой революции снизу. Нам говорили, что, по единодушному мнению всех авторитетных специалистов, большевистская партия давно (еще в 1917 году) потеряла право именоваться партией рабочих (Stuart Ramsay Tompkins, *The Triumphant Bolshevism* [Norman, Okla., 1967]. P. 270–271.

66. Boris Shragin, «The Limits of Knowing from Outside», *Russia,* No. 1 (1981). P. 69.

67. John A. Armstrong, *The Politics of Totalitarianism* (New York, 1961). P. XI–XII. См. также Robert Conquest цит. в кн.: Laqueur, *Fate of the Revolution*. P. 182.

68. Аналогичную точку зрения высказал Лаккер, но, как ни странно, он не связал ее с проблемой интерпретации (*Fate of the Revolution.* P. 182).

69. Kennan, «The Sources of Soviet Conduct». P. 97.

70. К числу крупнейших работ, опубликованных в те годы, относятся: Fainsod, *How Russia Is Ruled* (1953); Friedrich and Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (1965); Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York, 1951); Carl J. Friedrich, ed., *Totalitarianism* (New York, 1954); Zbigniew K. Brzezinski, *The Permanent Purge* (Cambridge, Mass., 1956). Эта первая волна советологических публикаций продолжалась до начала 1960-х годов.

71. Inkeies, *Social Change in Soviet Russia*. P. 55.

72. Эти обобщения базируются на статье Баррингтона Мура («The Outlook», *Annals of the American Academy of Political and Social Science,* January 1956. P. 1–10), других опубликованных работах и неопубликованных ответах сотрудников Гарвардского центра русских исследований на вопрос директора этого учреждения. (Ротапринтные копии этого материала можно получить в Центре.) Мур отметил существование и третьей точки зрения, согласно которой в Советском Союзе существовала возможность постепенной либерализации. Эта точка зрения, представленная самим Муром и Исааком Дейчером, не оказала влияния на развитие советологии. Мы рассмотрим ее позднее. По этому вопросу см. также предисловие Марселя Либмана к книге: Isaac Deutscher, *Russia After Stalin* (London, 1969). P. IX.

73. Fainsod, *How Russia Is Ruled* (1953 ed.). P. 500.

74. Moore, «The Outlook». P. 1–2; Inkeles, *Social Change in Soviet Russia.* P. 28.

75. Kennan, «The Sources of Soviet Conduct». P. 97.

76. Fainsod, *How Russia Is Ruled* (1963 ed.). P. 577.

77. См., например, Barrington Moore, Jr., *Terror and Progress, USSR* (Cambridge, Mass., 1954); Raymond A. Bauer, Alex Inkeles, Clyde Kluckhorn, *How the Soviet System Works* (Cambridge, Mass., 1956). Авторы последней работы, впервые попытавшиеся исследовать советское общество в рамках «тоталитарного» подхода, по крайней мере, признавали возможность перемен, направленных на десталинизацию режима. К этому, однако, они не преминули добавить, что результатом было бы «не менее тоталитарное государство» (с. 295).

78. Robert C. Tucker, «Optimism and Post-Stalin Russia», *The New Leader,* October 22, 1956. P. 10–13.

79. См., например, его *Heretics and Renegades* (London, 1969); *Russia in Transition*, rev. ed. (New York, 1960).

80. Я цитирую здесь работу: Louis Menasche, «The Dilemma of Desta- linization» in David Horowitz, ed., Isaac Deutscher: *The Man and His Work* (London. 1971). P. 132–75. В этой работе рассматривается мировоззрение Дейчера и отношение к нему советологов.

81. Dallin, «Bias and Blunders in American Studies on the USSR». P. 564, 574.

82. В 1960-х годах появился ряд работ, дающих стандартное и обновленное описание «советского тоталитаризма». К ним относятся, в частности, следующие публикации: Ulam, *The New Face of Soviet Totalitarianism: Brzezinski, Ideology and Power in Soviet Politics*; Robert V. Daniels, *The Nature of Comminism* (New York, 1962); Wolfe, *An Ideology in Power*; John Armstrong, *Ideology, Politics and Government in the Soviet Union* (New York, 1962); Leonard Schapiro, *Government and Politics of the Soviet Union* (New York, 1967); Friedeich and Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*; Fainsod, *How Russia Is Ruled.*

83. White, «Political Science as Ideology». P. 264.

84. См., например, Kennan, «The Sources of Soviet Conduct»; W.W. Rostow, *The Dynamics of Soviet Society* (New York, 1958); ряд статей в кн.: Robert A. Goldwin, ed., *Readings in Russian Foreign Policy* (New York, 1959) и литературный обзор в кн.: Welch, *American Images of Soviet Foreign Policy.* Классическая формулировка излагалась следующим образом: «Советский тоталитаризм не признает никаких законных ограничений своей власти. В границах существующего ныне советского государства Кремль присвоил себе право полной власти над человеком… Честолюбивые планы советского режима распространяются на весь мир. Целью сознательно проводимой политики непрекращающейся экспансии является поглощение всех стран мира единой политической системой советского типа» (Elliot R. Goodman, *The Soviet Design for a World State* [New York, 1960]. P. 472 и в других местах).

85. Blackmer, «Schoolars and Policymaker». P. 7. См. также Dallin, «Bias and Blunders in American Studies on the USSR» и литературный обзор в кн.: Welch, *American Images of Soviet Foreign Policy.*

86. Эти публикации обсуждаются в кн.: Nancy Heer, *Politics and History in the Soviet Union* (Cambridge, Mass., 1971).

87. Здесь следует отметить, что ни одно поколение никогда не придерживается единой системы политических взглядов, никогда не мыслит одинаково. Как и в политике, ревизионизм в науке является плодом сотрудничества критически настроенных людей разных поколений, так сказать, дедов, отцов и сыновей. В советологии такой союз поколений нашел отражение в работах цитируемых ниже авторов (см. примечание 103).

88. Я имею здесь в виду ранние работы таких ученых, как Мирон Раш, Вольфганг Леонгард, Роберт Конквест, Сидней Плосс, Борис Николаевский и Карл Линден.

89. См., например, Carl A. Linden, *Khrushchev and the Soviet Leadership, 1957–1964* (Baltimore, 1966).

90. Ревизионистские работы публиковались, как правило, в журналах. Важнейшие из них собраны в кн.: Frederick J. Fleron, Ir., ed., Communist *Studies and the Social Studies* (Chicago, 1969); Roger Kanet, ed., *The Behavioral Revolution and Communist Studies* (New York, 1971); Robert C. Tucker, *The Soviet Political Mind*, rev. ed., (New York, 1971), chaps. 1–2; Jerry F. Hough, *The Soviet Union and Social Science Theory* (Cambridge, Mass., 1977). См. также H. Gordon Skilling and Franklin Griffiths, eds., *Interest Groups in Soviet Politics* (Princeton, 1971); Chalmers Johnson, ed., *Change in Communist Systems* (Stanford, 1970). Впоследствии эти работы анализировались и обсуждались в кн.: A.H. Brown, *Soviet Politics and Political Science* (London, 1974); William Taubman, «The Change to Change in Communist System» in Henry W. Morton and Rudolph L. Tokes, eds., *Soviet Politics and Society in the 1970s* (New York, 1974). P. 369–94.

91. Alfred G. Meyer in Lewis J. Edinger, ed., *Political Leadership in Industrialized Societies* (New York, 1967). P. 84. Этот вопрос обсуждается в ст.: Taubman, «The Change to Change in Communist System».

92. Milton Lodge in Kanet, ed., *The Behavioral Revolution and Communist Studies.* P. 100.

93. На этот призыв откликнулись новый журнал *Studies in Compara five Communism,* журнал *Newsletter on Comparative Studies of Comminism* и многие цитировавшиеся выше (примечание 90) издания. См. также Lenard J. Cohen and Jane P. Shapiro, eds., *Communist Systems in Comparative Perspective* (Garden City, N. Y., 1974).

94. Наиболее важное значение в этом плане имела работа: Jerry F. Hough, *The Soviet Prefects* (Cambridge, Mass., 1969).

95. Fleron, ed., *Communist Studies and Social Sciences.* P. 33, n. 82.

96. Paul Hollander, «Observations on Bureaucracy, Totalitarianism, and the Comparative Study of Communism», *Slavic Review*, June 1967. P. 302–7; Tucker, *The Soviet Political Mind*, chap. 2.

97. Brown, *Soviet Politics and Political Science*. P. 71. Итоги обсуждения «тоталитарной модели» подведены в цитировавшихся выше работах (примечание 90). См. также Carl J. Friedrich, Michael Curtis, Benjamin R. Barber, *Totalitarianism in Perspective: Three Views* (New York, 1969); Leonard Schapiro, *Totalitarianism* (London, 1972); T.H. Rigby, «Totalitarianism (1) and Change in Communist Systems», *Comparative Politics,* April 1972. P. 433–53.

98. Donald D. Barry and Carol Barner-Barry, *Contemporary Soviet Politics* (Englwood Cliffs, N. J., 1978). P. 313.

99. James Joll, «Prussian Night», *New Statesman*, January 20, 1978. P. 84. В германологии «тоталитарная концепция» была разгромлена быстрее и полнее, чем в советологии, ибо в силу сложившихся обстоятельств исследования нацистской Германии приобрели более историчный, а следовательно, и более эмпирический характер. Это положение обсуждается в серии статей: Geoffrey Barraclough, *New York Review of Books,* October 19, 1972; November 2, 1972; November 16, 1972; April 3, 1975; November 19,1981. См. также Peirre Aycoberry, *The Nazi Question* (New York, 1981), особенно гл. 8.

100. Или, как заметил Александр Даллин, «рафинированные приемы и утонченные концепции не исключают невольного предубеждения» («Bias and Blunders in American Studies on the USSR». P. 569).

101. Многообещающие попытки в этом направлении были предприняты в работах: David Lane, *Politics and Society in the USSR* (New York, 1971); Walter D. Connor, «Generations and Politics in the USSR», *Problems of Communism*, September–October, 1975. P. 20–31; Mervyn Matthews, *Class and Society in Soviet Russia* (London, 1972); Mervyn Matthews, *Privilege in the Soviet Union* (London, 1978); Gail Warshofsky Lapidus, *Women in Soviet Society* (Berkeley, 1978); Hough, *The Soviet Union and Social Science Theory*; Seweryn Bialer, *Stalin's Successors* (New York, 1980).

102. Я рассматриваю идеи модернизации в историографических исследованиях в главе 2. Тесная связь этого подхода с тоталитарной школой очевидна, например, из работы: Inkeies, *Social Change in Soviet Russia.* По вполне понятным причинам, теория конвергенции не оказала большого влияния на советологические исследования. Другая точка зрения излагается в работе: Taubman, «The Change to Change in Communist Systems».

103. Первыми такими книгами были французские работы: Moshe Lewin, *Lenin's Last Struggle* (New York, 1968); Moshe Lewin, *Russian Peasants and Soviet Power* (Evanston, 111., 1968). По разным показателям, к ревизионистской литературе можно отнести следующие опубликованные в 1970-х годах книги: David Joransky, *The Lysenko Affair* (Cambridge, Mass., 197 0); Sheila Fitzpatrick, *The Commissariat of Enlightenment* (London, 1970) and *Education and Social Mobility in the Soviet Union* (Cambridge, 1979); Loren Graham, *Science and Philocophy in the Soviet Union* (New York, 1972); Tucker, *Stalin as Revolutionary* (1973); Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (1973); Richard B. Day, *Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation* (Cambridge, 1973); Roger Pethybridge, *The Social Prelude to Stalinism* (New York, 1974); Vera Dunham, *In Stalin's Time* (Cambridge, 1976); Robert C. Tucker, ed., *Stalinism: Essays in Historical Interpretation* (New York, 1977); Sheila Fitzpatrick, ed., *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931* (Bloomington, Ind., 1978); Kendall E. Bailes, *Technology and Society Under Lenin and Stalin* (Princeton, 1978). Книги о революции 1917 года и Гражданской войне были названы ранее (см. примечания 54 и 55). Я опускаю здесь несколько важных статей, особенно по экономической истории. Ревизионистские аспекты экономической истории затронуты в дискуссии: James R. Miller and Alec Nove, «A Debate on Collectivization Was Stalin Really Necessary?», *Problems of Communism*, July–August 1976. P. 49–62.

104. См» например, следующие работы Шейлы Фитцпатрик: *Education and Social Mobility in the Soviet Union*; «Culture and Politics under Stalin: A Reappraisal», *Slavic Review*, June 1976. P. 211–31; «Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939», *ibid.*, September 1979. P. 377–402; и статью в вышедшем под ее редакцией сборнике *Cultural Revolution in Russia.* Я остановился на работах Фитцпатрик как типичных образчиках литературы, отражающей эту тенденцию, ибо во всех остальных отношениях они представляют большую ценность. См. также George Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930* (Chicago, 1982). P. 557; J. Arch Getty, «Party and Purge in Smolensk: 1933–1937», *Slavic Review,* Spring 1983. P. 60–79.Один из аспектов такого рода «ревизионизма» заключается в занижении числа жертв сталинизма. См., например, Jerry F. Hough and Merle Fainsod, *How the Soviet Union Is Governed* (Cambridge, Mass., 1979). P. 151–52, 176–77.

105. Я не исключаю роль смены поколений. В то время как молодые советологи не отягощены памятью о сталинской эре, представители старшего поколения полагают, что она никогда не кончалась. С другой стороны, некоторые из советологов старшего поколения также придерживаются этой точки зрения на сталинские 1930-е годы. См., например, Theodore H. Von Laue, «Stalin Among the Moral and Political Imperatives, or How to Judge Stalin?» *Soviet Union*, 8. Part 1 (1981). P. 1–17. Фактически эта точка зрения была сформулирована и представлена в более уравновешенном виде много лет назад в

работе: Alec Nove, «Was Stalin Really Necessary?» *Encounter*, April 1962. P. 86–92 и, как я покажу ниже, в многотомном труде: E.H. Carr, *History of Soviet Russia.*

106. Ср., например, с оценками, представленными в книгах: Рой Медведев, *К суду истории* (Нью-Йорк, 1974) и Антон Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана* (Нью-Йорк, 1981). Я цитирую здесь последнее произведение. К более поздним работам относятся следующие публикации: Georgi Arbatov and Willem Oltmans, *The Soviet Viewpoint* (New York, 1983). P. 153; Александр Зиновьев, «Нашей юности полет», *Континент*, № 35 (1983). С. 176–206 и Давид Тарский «О воинственных парадоксах», *Новое русское слово*, 7 августа 1983 г.

107. См» например, Sheila Fitzpatrick, *The Russian Revolution* (New York, 1982);в этом обзоре советской истории за периоде 1917 по 1938 года категорически отрицается возможность какой-либо альтернативы сталинизму. Труды Карра резко критикуются в работах: Norman Stone, «Grim Eminence», *London Review of Books*, January 20 – February 2, 1983. P. 3–8; Leopold Labedz, «A History in the Making», *Times Literary Supplement*, June 10, 1983. P. 605–7. Я лично ценю работу Карра гораздо выше, чем эти авторы, но согласен с их критикой карровской трактовки сталинских 1930-х годов.

108. См., например, Moshe Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Political Mind*; Hough and Fainsod, *How the Soviet Union Is Governed* и эту книгу.

109. Robert F. Byrnes циг. в ст.: Theodore Draper, «Appeasement and Detente», *Commentary,* February 1976. P. 36; см. также письма с отзывами на эту статью в июньском, сентябрьском и ноябрьском номерах журнала *Commentary* за 1976 год.

110. См., например, оценку финансовой ситуации и стратегической роли советологии в статьях: *The New York Times,* October 7, 1982,November 8, 1982 (редакционная статья), December 14, 1983; *Time*, November 29, 1982. P. 98. Новые, неправительственные фонды появились в конце 1970-х и начале 1980-х годов. Однако ведущая организация, поддерживавшая индивидуальные исследования (Национальный совет советских и восточноевропейских исследований), финансировались, в основном, Министерством обороны и ЦРУ.

111. Richard Pipes, «Militarism and the Soviet State», *Daedalus*, Fall 1980. P. 7; Odom, «The ‘Militarization’ of Soviet Society». P. 51; Robert F. Byrnes, «Moscow Revisited», *Survey,* Autumn 1977–1978. P. 4–5. Тоталитарная школа вернулась в Белый дом в лице нового посла США при ООН Джин Дж. Киркпатрик; см. ее *Dictatorship and Double Standards* (New York, 1982). В контркоммунистической традиции написана новая крупная работа по советологии: Paul Hollander, *Political Pilgrims* (New York, 1981).

112. Cm. Walter Laqueur, «The Psychology of Appeasement», *Commentary,* October 1978. P. 44–50; Alain Besagen, «The View from East of Eden», *Encounter,* June 1980. P. 9–17; в том же тоне выдержаны некоторые из цитировавшихся ранее работ (примечание 109). Я оставляю в стороне нападки различных групп на университетских советологов. Остановлюсь лишь на частном письме одного советолога к другому. Автор письма, ведущий профессор-советолог, настаивал на том, что «ответственность» за действия его молодого коллеги, выступившего с критикой тотолитарного подхода «должна быть поровну поделена между всеми институтами», в которых он учился и работал. Фактически это было равносильно предложению завести неофициальный черный список. Письмо было написано в 1970 году.

113. См., например, Lev Navrozov, «The Russian Dissident Mythmakers and Their Western Admirers», *Midstream,* November 1975. P. 59–63; А. Солженицын, Чем грозит Америке плохое понимание России. Особо отличается в этом отношении эмигрантская пресса, обрушивающая на ученых-советологов поток брани. Справедливости ради следует сказать, что многие эмиграны обижены тем, что им фактически закрыт доступ в советологию. Как заметил Игорь Бирман («Почему нас не слушают?» *Континент*, № 35, 1983. С. 207–30), в этом, по-видимому, повинны обе стороны. Достается и эмигрантам, ставшим на Западе профессиональными советологами. Один из эмигрантов выступил с резким протестом против подобной практики (Александр Иванов, «Отчего мы молчим?» *Синтаксис*, № 8, 1980. С. 110–15).

114. Это соображение трудно подтвердить документально, ибо в печати оно не обсуждается. Однако все мы слышали и высказывали подобные мысли. Например, в 1980–1982 годах мне довелось участвовать в нескольких научных дискуссиях по вопросу о стабильности советской системы. Критикуя укоренившееся представление о хронической нестабильности системы, даже самые популярные ревизионисты вынуждены были начинать свои выступления примерно так: «Я не меньше других ненавижу советский коммунизм, но полагаю, что мы должны попытаться ответить на вопрос, почему стабильна система, а не на вопрос, стабильна ли она».

115. См. Welch, *American Images of Soviet Foreign Policy*. P. X; William Zimmerman, Slavic Review, 1980. P. 485. Циммерман, в частности, сетовал на то, что переработанный учебник, в отличие от предыдущего издания, «не является последним словом даже по брежневской эпохе». Я считаю, что в науке не должно и не может быть «последнего слова», особенно при изучении столь обширного объекта.

116. Согласно данным опроса, проведенного в 1942 году, американцы поставили русских на двенадцатое, а немцев – на седьмое место в списке народов, вызывающих их уважение (Levering, *The Public and American Foreign Policy*. P. 89).

117. На основании изучения американских представлений был сделан следующий вывод: «Говоря о Советском Союзе, американцы фактически говорили о своей стране и о себе» (Peter G. Filene, ed., *American Views of Soviet Russia, 1917–1965* [Homewood, 111, 1968]. P. XI. Cm. также Peter G. Filene, *Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933* (Cambridge, Mass., 1967).

118. Я не хочу сказать, что этой точки зрения придерживаются только коренные американцы. Например, Александр Гершенкрон в разгар существенных реформ, проводившихся в Советском Союзе, писал: «Диктатура может быть только такой, какая она есть, или ее не будет вообще» (Alexander Gerschenkron, *Continuity in History and Other Essays* [Cambridge,Mass., 1968]. P. 312).

119. Призыв к созданию фондов для финансирования советских исследований содержится, например, в следующих публикациях: *U.S. Research on the USSR and East Europe: A Critical Resource for Security and Commercial Policy* (Washington, D. C.: Center for Strategic and Intrenational Studies, Georgetown University, 1977)*;* Herbert E. Meyer, «Why Bussiness Has a Stake in Keeping Sovietology Alive», *Fortune,* September 1975.

120. Первое суждение, как известно, принадлежит Уинстону Черчиллю (выступление по радио 1 октября 1939 года), второе взято из кн.: Laquer, *Fate of the Revolution.* P. 186. Позднее нам скажут: «Американские аналитики сталкиваются с непроницаемостью советской системы, как физики с непознаваемыми тайнами атома» (Robert J. Pranger, «Six U.S. Perspectives on Soviet Foreign Policy Intentions», *AEI Foreign Policy and Defence Review*, No. 5 [1979]. P. 6).

121. Leonard Schapiro, «Rewriting the Russian Rules», *New York Review of Books*, July 19. 1979. P. 10. См. также Walter Laqueur, «What We Know About the Soviet Union», *Commentary*, February 1983. P. 13–14, где автор пишет: «Специалисты старшего поколения, конечно же, преследовали своекорыстные цели и зачастую были предубеждены. Но их предрассудки не были помехой, а лишь обостряли их ощущения».

Глава 2

1. См., например, Pieter Geyl, *Napoleon: For and Against* (London, 1949); R.C. Richardson, *The Debate on the English Revolution* (London, 1977).

2. Это мое суждение основано на анализе литературы, опубликованной с конца 1940-х годов. О таком единодушном мнении одобрительно и неодобрительно отзывались и другие авторы. См. Hannah Arendt, «Understanding Bolshevism», *Dissent*, January–Februaury 1953. P. 580–83; Isaac Deutscher, *Russia in Transision* (New York, 1960). P. 217; H.T. Willets, «Death and Damnation of a Hero», *Survey*, Apnl 1963. P. 9. В отличие от других советологов, Роберт Такер видел разрывы преемственности и даже «пропасть» между большевизмом и сталинизмом (см. его *The Soviet Political Mind,* rev. ed., New York,

1971). Мур, не соглашаясь по ряду важных пунктов с единодушной интерпретацией советской истории, все же разделял мнение о непрерывности ее развития (см. Barrington Moore, *Soviet Politics – The Dilemma of Power*, rev. ed., New York, 1965).

3. Аналогичная точка зрения высказывается в работе: Robert M. Slusser, «A Soviet Historian Evaluates Stalin's Role in History», *American Historical Review*, December 1972. P. 1393. До недавнего времени практически не было научных работ, в которых советский сталинизм изучался бы как самостоятельное явление. Первая смелая попытка провести такое исследование была предпринята в книге: Robert C. Tucker, ed., *Stalinism: Essays in Historical Interpretation* (New York, 1977). Различные подходы к данной проблеме нашли отражение в работах: Alvin W. Gouldner, «Stalinism: A Study of Internal Colonialism», *Telos*, Winter 1977–1978. P. 5–43; G.R. Urban, ed., *Stalinism: Its Impact on Russia and the World* (London, 1982); Giuseppe Boffa, *Il fenomeno Stalin nella storia del XX secolo* (Rome, 1982).

4. Abraham Rothberg, *The Heirs of Stalin: Dissidence and Soviet Regime* (Ithaca, N. Y. 1972). P. 377–78. Аналогичная критика была высказана в работе: Tucker, *The Soviet Political Mind*. P. 19.

5. Американский журналист Уолтер Дюранти первым предложил называть сталинскую политику «сталинизмом, а не марксизмом и даже не ленинизмом» (см. его серию корреспонденций в газете *The New York Times* за. июнь 1931 года; впоследствии эти статьи были собраны в книгу *Duranty Reports Russia* (New York, 1934). P. 186–219. Такая характеристика подверглась критике в ст.: Jay Lovestone, «The Soviet Union and Its Bourgeois Critics», *Revolutionary Age*, August 8 and 22, September 15, 1931.

6. Лев Троцкий, «Сталинизм и большевизм», *Бюллетень оппозиции,* № 58–59 (сентябрь–октябрь 1937 г.). С. 11, 13; его же *Что такое СССР и куда он идет?* (Париж). См. также Л. Троцкий, «Их мораль и наша», *Бюллетень оппозиции*, № 68–69 (август–сентябрь 1938 г.). С. 6–14, и *Writings of Leon Trotsky, 1937–1938* (New York, 1970). P. 169–72.

7. Многие советские и несоветские коммунисты впоследствии признавали, что в 1930-х годах они смягчали критические высказывания в адрес сталинизма или вообще воздерживались от них, понимая, что мир стоит перед судьбоносным выбором между советской Россией и гитлеровской Германией. К сожалению, это соображение часто не принимают во внимание, а ведь оно повлияло на взгляды некоммунистов, в том числе и антикоммунистически настроенных русских эмигрантов; см., например, Н.А. Бердяев, *Истоки и смысл русского коммунизма* (Париж, 1955). С. 120.

8. Основными первоисточниками дискуссии являются издававшийся Троцким Бюллетень оппозиции (4 тома. – NY, 1973), а также троцкистские и другие радикальные журналы, публиковавшиеся в Европе и США. В результате споров появилось несколько книг. Некоторые из них цитируются ниже.

9. Dwight MacDonald, *Partisan Review*, Winter 1945. P. 186. Автор критиковал статью из того же номера журнала *Partisan Review* (James Burnham, «Lenin's Heir»), в которой утверждалось, что «при Сталине коммунистическую революцию не предали, а завершили» (с. 70). Сходная методологическая позиция прослеживается и в книге: Tucker *The Soviet Political Mind*. P. 6.

10. Michael Karpovich, «The Russian Revolution of 1917», *Journal of Modem History*, June 1930. P. 253.

11. А. Солженицын, *Архипелаг Гулаг 1918–1956, I–II* (Париж, 1973). С. 146 и его же «Understanding Communism», *The New Leader*, August 4, 1975. P. 8.

12. См., соответственно, Karpovich, *Partisan Review*, July 1949. P. 759–60; Waldemar Gurian, ed., *The Soviet Union* (Notre Dame, Ind., 1951). P. 7; Reshetar, *Concise History of the Soviet Union* (New York, 1960). P. 218–19; Daniels, *Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia* (Cambridge, Mass., 1960). P. 403; Brzezinski in Donald W. Treadgold, ed., *The Development of the USSR* (Seattle, Wash., 1964). P. 6; McNeal, *The Bolshevik Tradition* (Englewood Cliffs, N. J., 1963). P. 136–37; Ulam, *The Unfinished*

Revolution (New York, 1960). P. 198, и *The Bolsheviks* (New York, 1965). P. 477; Mendel ed., *Essential Works of Marxism* (New York, 1965). P. 199; Azrael in Samuel P. Huntington and Clement H. Moore, eds., *Authoritarian Politics in Modern Society* (New York, 1970). P. 266–67; Meyer, *Leninism* (New York, 1962). P. 282–83; Willets, Survey, April 1965,p. 9.

13. Waldemar Guiian, *Bolshevism* (Notre Dame, Ind., 1952). P. 3.

14. Так обычно трактовали коллективизацию и чистки. Из множества работ упомянем лишь труды: Zbigniew Brzezinski, *The Permanent Purge* (Cambridge,Mass., 1956). P. 50 и в других местах; Naum Jasny, *The Socialized Agriculture of the USSR* (Stanford, 1949). P. 18.

15. *How Russia Is Ruled* (Cambridge, Mass., 1963). P. 59. Эту, одну из лучших книг по советологии портит ошибочное утверждение неотвратимости процесса формирования «развитого тоталитарного режима» (сс. 12, 31, 37, 91, 95, 102, 109, 116, 128). Аналогичные взгляды высказываются в работах: Tucker, *The Soviet Political Mind.* P. 178; Robert V. Daniels, *The Nature of Communism* (New York, 1962). P. III; Gurian, *Bolshevism.* P. 72; Brzezinski in Treadgold, ed., *The Development of the USSR.* P. 6; McNeal, *The Bolshevik Tradition.* P. 70; Ulam, *The Bolsheviks* (New York, 1965). P. 541; John A. Armstrong, *The Politics of Totalitarianism* (New York, 1961), p.X.

16. Adam B. Ulam, The New Face of Soviet Totalitarianism (New York, 1965). P. 48, 49.Уламу вторит Роберт Уессон: «Неуклонное движение советской системы к абсолютизму или тоталитаризму развитого сталинизма создает впечатление неизбежности процесса» (Robert G. Wesson, *The Soviet Russian State* [New York, 1972]. P. 96).

17. См., например, Bertram D. Wolfe, *An Ideology in Power* (New York, 1969).

18. Milovan Djilas, *The New Class* (New York, 1957). P. 51, 53, 56, 57, 167–68; Milovan Djilas, «Beyond Dogma», *Survey*, Winter 1971. P. 181–88; Burnham, *The Managerial Revolution* (New York, 1941). P. 220–221 и ранее (примечание 9). К аналогичным выводам пришел бывший коммунист, философ Лешек Колаковский (см. Tucker, ed., *Stalinism.* P. 283–98).

19. Многие другие бывшие коммунисты способствовали утверждению тезиса непрерывности. См. об этом несдержанный в выражениях, но интересный очерк Дейчера в его книге *Russia in Transition*. P. 223–36. Это мнение не разделял Вольфганг Леонгард, утверждавший, что «сталинизм ни в коей мере не является логичным или последовательным продолжением ленинизма» (*The Three Faces of Marxism* [New York, 1974]. P. 358). Свою обособленную позицию по данному вопросу он отстаивал также в ст.: *The Review: A Quarterly of Pluralist Socialism* (Brussels), No. 2–3 (1962). P. 45–68.

20. Труды Карра и Дейчера обсуждаются в кн.: Walter Laqueur, *The Fate of the Revolution: Interpretations of Soviet History* (New York, 1967). P. 96–108,111–33.

21. E. H. Carr, *Studies in Revolution* (New York, 1964). P. 214.

22. «Russia in Transition», *Dissent*, Winter 1955. P. 24; *Russia in Transition.* P. 216–18; *Russia After Stalin* (London, 1969). P. 21–22, 28–29, 33–34 и гл. 2, в различных местах. *The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929* (London, 1966),p.463. Дейчер говорил, что «равновесие между переменами и непрерывностью» составляет «самую сложную и трудную из всех проблем, с которыми приходится сталкиваться специалисту, изучающему Советский Союз». Он отрицал возможность «установления идеального равновесия» в этом вопросе (*Ironies of History* [London, 1966]. P. 234; *Russia in Transition*. P. 217).

23. Я цитирую здесь Ханну Арендт. Говоря об участниках конференции, состоявшейся в 1967 году, она продолжает: «Те, кто более или менее поддерживали ленинскую революцию, оправдывали и Сталина. Те же, кто осуждали правление Сталина, были уверены, что Ленин не только ответственен за сталинский тоталитаризм, но и сам является тоталитаристом, что сталинизм является неизбежным последствием ленининзма» (Richard Pipes, ed., *Revolutionary Russia* [Cambridge, Masses., 1968]. P. 345).

Следует упомянуть еще об одной научной традиции, отклоняющейся от магистральной линии советологии. Некоторые ученые трактовали сталинские годы в контек-

сте русской истории и культуры, подчеркивая возрождение «русского духа» в сталинизме. Это могло бы подвести их к концепции разрыва преемственности между большевизмом и сталинизмом, но они затушевывали различия, упрощенно трактуя оба периода как «коммунистические» или пытаясь обнаружить признаки возрождения русских традиций в ранней советской истории. См., например, Nicholas S. Timasheff, *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia* (New York, 1946); Бердяев, *Истоки и смысл русского коммунизма*; Dinko Tomasic, *The Impact of Russian Culture on Sovier Communism* (Glencoe, IB., 1953); Edward Crankshaw, *Cracks in the Kremlin Wall* (New York, 1951). Позднее Збигнев Бжезинский трактовал советскую политическую историю, исходя из точки зрения о самодержавном характере «русской политической культуры». Он интерпретировал большевизм и ленинизм как «продолжение доминирующей традиции», а сталинизм – как «развитие непосредственно предшествовавшего ему прошлого, а не отклонение от него» (*Soviet Politics: From the Future to the Past?* in Paul Cocks, Robert V. Daniels, Nancy Whittier Heer, eds., *The Dynanics of Soviet Politics* [Camgridge, Mass., 1976], chap. 17).

24. Maximilien Rubel in Pipes ed., *Revolutionary Russia*. P. 316. См. также Cyril E. Black, ed., *The Transformation of Russian Society* (Cambridge, Mass., 1967). P. 678; Theodore H. Von Laue, *Why Lenin? Why Stalin?* (Philadelphia, 1964); Alec Nove, «Was Stalin Really Necessary?» *Encounter*, 1962. P. 86–92. Один из сторонников тезиса модернизации утверждает, что «самой характерной чертой советской революции… является неразрывность ее развития» (Alex Inkeies, *Social Change in Soviet Russia* [New York, 1971]. P. 41).

25.См. примечание 103 к главе 1. Ранее тезис непрерывности косвенно оспаривался в кн.: Alexander Erlich, *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928* (Cambridge, Mass., 1960).

26. Первая цитата взята из кн.: Adam B. Ulam, *Stalin* (New York, 1973). P. 362 (см. также сс. 282, 294, 362), а две другие из предисловия Ричарда Грегора к книге *Resolutions and Decisions of the Communist Party of the Soviet Union*, Vol. 2 (Toronto, 1974). P. 38. Сходные утверждения содержатся в работах Ronald Hingley, «The Cleverest of Them All», *Times Literary Supplement*, March 18. 1983; Sheila Fitzpatrick. *The Russian Revolution* (New York, 1982). P. 2–3, 108–9, 117, 141, 154. Я сделал этот вывод на основании обзора последних трудов по истории, опубликованных учеными обоих поколений, а также научного анализа пяти книг, вышедших в свет в 1970-х годах и посвященных связи между большевизмом и сталинизмом: Р.А. Медведев, *К суду истории: генезис и последствия сталинизма* (Нью-Йорк, 1974); Солженицын, *Архипелаг Гулаг*; Ulam, *Stalin*; Robert C. Tucker, *Stalin as Revolutionary* (New York, 1973); С. Коэн, *Бухарин и большевистская революция: политическая биография, 1888–1938* (Royal Oak. Michgan, 1980).

27. Это делает, например, Рой Медведев в книге *К суду истории.*

28. Victor Serge, *The New International,* February 1939. P. 53–55. По вопросу о «корнях» см, также: Троцкий, «Сталинизм и большевизм», *Бюллетень оппозиции*, № 58–59 (сентябрь–октябрь 1937). С. 4–20.

29. Thomas T, Hammond, «Leninist Authoritarionism Before the Revolution» in Ernest J. Simmons ed., *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought* (Cambridge, Mass., 1955). P. 156.

30. Вопрос о том, возможно ли рассматривать сталинизм вне его эксцессов, занимал важное место в состоявшихся в советском обществе после смерти Сталина дискуссиях о прошлом. Например, советские историки-ревизионисты утверждали, что коллективизацию 1929–1933 годов нельзя понять без учета перегибов этого движения. В ответ один из советских руководителей сетовал, что в представлении этих историков «коллективизация была сплошной цепью ошибок, нарушений, преступлений и т. д.» («Речь тов. Д.Г. Стуруа», *Заря Востока,* 10 марта 1966 года). Оспаривая официальную точку

зрения, Рой Медведев пишет: «Существо же именно “сталинских методов администрирования” как раз и составляли те “жестокости и идиотские перегибы”, о которых А. Михайлов пишет как о каких-то частностях» (*Книга о социалистической демократии,* Амстердам/Париж, 1972. С. 343). О западной концепции сталинизма без «излишних эксцессов» см. в ст.: Nove, «Was Stalin Really Necessary?»

31. С. Коэн, *Бухарин и большевистская революция.*

32. Например, труды Бухарина оказали большое влияние на формирование ленинской и большевистской идеологии, в частности, по проблемам империализма и государства (там же). В книге *The Bolsheviks Come to Power* (New York, 1976) Александр Рабинович, вопреки сложившемуся в советологии стереотипу, изображает большевиков в 1917 году не группкой заговорщиков, подчиненных партийной дисциплине, а партией, чутко реагирующей на настроение масс и усиливающей свое влияние благодаря политической активности последних. О влиянии Гражданской войны на большевистскую партию и новое советское правительство см. примечание 55 к главе 1 (работы Adelman, Rigby, *Service*).

33. Fainsod in Simmons, ed., *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought.* P. 179.

34. Boris Souvarine, «Stalinism» in Milorad M. Drank ovich, ed., *Marxism in the Modem World* (Stanford, 1965). P. 102.

35. Jasny, *Socialized Agriculture of the USSR.* P. 18.

36. Isaac Deutscher, «The Future of Russian Society», *Dissent,* Summer 1954. P. 227–29; Robert D. Warth, *Lenin* (New York, 1973). P. 171. Мнение советского историка о методологических приемах советской историографии см. в примечании 51 к главе 1.

37. *Dissent*, January–February 1953. P. 581–82.

38. *К суду истории.* С. 1040–1042,

39. См., например, Zbigniew Brzezinski in Treadgold, ed., *The Development of the USSR.* P. 40.

40. E. H. Carr, *What Is History?* (London, 1964). P. 42.

41. Я много узнал по этому вопросу, обсуждая его с Моше Левиным.

42. Говоря об идеологии. Солженицын утверждает, что «на ней – вся ответственность за все пролитое» (*Письмо вождям Советского Союза,* Париж, 1974. С. 41). Это лишь один, хотя и экстремальный, вариант такой трактовки. Варианты научной интерпретации содержатся, например, в следующих работах: Ulam, *The Unfinished Revolution.* P. 198; Donald W. Treadgold, *Twentieth-Century Russia* (Chicago, 1959). P. 263; Zbigniew K. Brzezinski, *Ideology and Power in Soviet Politics*, rev. ed. (New York, 1967). P. 42.

43. Исходя из этого, можно определить «сталинизм… как зрелый ленинизм» (Philip Zelznick, *The Organizational Weapon* [New York, 1952]. P. 5, 39, 42, 216, 348). По мнению Улама, «первородный грех» движения состоял в «жажде власти» (*Stalin*. P. 261, 265).

44. Н. Осинский, в *Девятый съезд РКП(6). Март–апрель 1920 года: протоколы* (Москва, 1960). С. 115.

45. См. Timasheff, *The Great Retreat: Frederick C. Barghoorn Soviet Russian Nationalism* (New York, 1956); Robert V. Daniels, «Soviet Thought in the Nineteen-Thirties: An Interpretative Sketch» in the Michel Ginsburg and Joseph T. Shaw, eds., *Indiana Slavic Studies,* I (Bloomington, Ind., 1956). P. 97–135; Paul Willen, «Soviet Architecture: Progress and Reaction», *Problems of Communism,* November–December, 1953. P. 24–34. Советские ученые подметили смещение фокуса с масс на вождей (см. М.В. Нечкина в *История и социология,* Москва, 1964. С. 238). Наглядную иллюстрацию этого дает сопоставление фильмов, выпущенных к X и XX годовщинам революции 1917 года: *Октябрь или Десять дней, которые потрясли мир (1927)* и *Ленин в Октябре* (1937).

46. Daniels, «Soviet Thought in the Nineteen-Thirties». P. 130. Еще в 1932 году старый большевик Ольминский сетовал на то, что идеологические перемены в официальной партийной истории ведут к «кастрированному ленинизму» (цит. в кн.: Л.А. Слепов,

История КПСС – важнейшая общественная наука, Москва, 1964. С. 11). Впоследствии некоторые советские диссиденты пришли к выводу, что сталинизм не имел ничего общего с традиционными коммунистическими или социалистическими идеями (см., например, Валерий Чалидзе, *Победитель коммунизма,* – NY, 1981; М. Агурский, *Идеология национал-большевизма*, Париж, 1980).

47. См, например, Selznick, *The Organizational Weapon* и предисловие С.В. Утехина к кн.: *V.I. Lenin, What Is To Be Done?* (Oxford, 1963). P. 15. Полемически запальчивая, но убедительная критика этой теории содержится в книге: Max Shachtman, *The Bureaucratic Revolution: The Rise of the Stalinist State* (New York, 1962). P. 202–23. Автор этой книги указывает, что немногие западные ученые упустили случай с одобрением процитировать пророческое утверждение Троцкого, относящееся к 1904 году: «…партийная организация “замещает” собою Партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, “диктатор” замещает собою ЦК».

48. См. *Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана*, 2-е издание (Ашхабад, 1965). С. 495; *Очерки истории Коммунистической партии Казахстана* (Алма-Ата, 1963). С. 377. Сведения о 1930-х годах см. также в работах: Robert Conquest, *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties* (New York, 1968), chaps. 8, 13; Медведев, *К суду истории.* Гл. 6; Антон Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана* (Нью-Йорк, 1981), ч. II и III.

49. Tucker, *The Soviet Political Mind,* chap. 1 and P. 212.

50. Николай Бухарин, *К вопросу о троцкизме* (Москва, 1925). С. 11. Другими словами, пресловутое запрещение внутрипартийных фракций в 1921 году было, вопреки утверждению многих ученых, не кульминацией большевистско-ленинской традиции, а донкихотской попыткой охваченного паникой руководства ограничить или поставить вне закона собственную политическую традицию. Официальные историки годами сетовали на то, что история партии стала историей внутрипартийной «фракционной борьбы» (М. Гайсинский, *Борьба с уклонами от генеральной линии партии: исторический очерк внутрипартийной борьбы послеоктябрьского периода,* 2-е издание, Москва, 1931. С. 4; Слепов, *История КПСС.* С. 22).

51. См., например, Inkeies, *Social Change in the Soviet Russia.* P. 41; Bertram D. Wolfe in Samuel Hendel and Randolph L. Braham, eds., *The USSR after Fifty Years* (New York, 1976). P. 153.

52. Tucker in Treadgold, ed., *The Development of the USSR.* P. 33; Tucker, *The Soviet Political Mind.* P. 18, 179. См. также Neils Erik Rosenfcldt, *Knowledge and Power: The Role of Stalin’s Secret Chancellery in the Soviet System of Government* (Copenhagen, 1978).

53. О «чистках» и «классовой борьбе» см. рецензию на книгу: Brzezinski, *The Permanent Purge* (Robert M. Slusser, *American Slavic and East European Review*, December 1956. P. 543–46), а также кн.: Tucker, *The Soviet Political Mind.* P. 55–56.

54. *The Soviet Political Mind.* P. 135. См. Conquest, *The Great Terror,* chaps. 8, 13; Медведев, *К суду истории.* Гл. 6; Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана,* ч. II и III. Конквест называет разгром партии «замаскированной революцией, такой же всеобъемлющей, как и все предшествовавшие ему преобразования в России» (с. 251). Из неподцензурной мемуарной литературы можно почерпнуть немало сведений о расхождениях между старыми большевиками и партийной элитой, сложившейся до и после террора (см., например, Лидия Шатуновская, *Жизнь в Кремле.* – NY, 1982; Арношт (Эрнст) Кольман, *Мы не должны были так жить.* – NY, 1982; Раиса Берг, *Суховей: воспоминания генетика.* – NY, 1983; Раиса Орлова, *Воспоминания о непрошедшем времени,* Анн Арбор, 1983.

55. За период с 1918 по 1933 год состоялось 10 партийных съездов, 10 партийных конференций и 122 пленума ЦК, а с 1934 по 1953 год – 3 партийных съезда (только один после 1939 года), одна партийная конференция и 23 пленума ЦК (ни одного в 1941–1943, 1945–1946 и 1950–1951 годах) (*Советская историческая энциклопедия*, 8,

Москва, 1965. С. 275). Медведев пишет о том, что выражение «солдат партии» было заменено выражением «солдат Сталина» (*К суду истории*. С. 831). О культе государства см., например, ст.: К.В. Островитянов, «Роль советского государства в социалистическом преобразовании экономики СССР» в кн. *О советском социалистическом обществе*, Москва, 1948. С. 43–63. Дальнейшее ослабление влияния партии было отмечено во время войны (см. об этом в статье: Sanford R. Lieberman, «The Evacuation of Industry in the Soviet Union During World War II», *Soviet Studies*, January 1983. P. 90–102.

56. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научнопедагогических кадров по историческим наукам, 18–21 декабря 1962 г. (Москва, 1964). С. 242.

57. Boris Souvarine, «Stalinism», in Drankovich, ed., *Marxism in the Modem World.* P. 90–107. Как известно, после смерти Сталина сталинизм в официальной лексике для приличия именуется «культом личности».

58. Ср., например, ссылки на партийное руководство, ЦК, политические идеи и т. д. на партийных съездах и конференциях:

XVII съезд ВКП(б), 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет (Москва, 1934); XVIII съезд ВКП(б), 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет (Москва, 1939). Со временем сокращался объем литературы о Ленине (*Справочник партийного работника*, Москва, 1957. С. 364). Принижение роли Ленина началось раньше. В ноябре 1933 года, когда в стране отмечалась годовщина революции, американский корреспондент насчитал в витринах магазинов на улице Горького 103 бюста и портрета Сталина, 58 – Ленина и 5 – Маркса (Eugene Lyons, *Moscow Carrousel* [New York, 1953]. P. 140–37).

59. XVIIIсъезд. С. 68; В.К. Олтаржевский, *Строительство высотных зданий в Москве* (Москва, 1953). С. 4, 214.

60. Термин «сталинизм» употреблялся неофициально, в том числе и высшими руководителями страны. См., например, Nikita S. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Last Testament* (Boston, 1974). P. 193; Медведев, *К суду истории.* С. 1020. Начиная с 1960-х годов, он получил широкое распространение в самиздатской литературе. Эпитет «сталинский» прочно вошел в устный лексикон еще в 1930-х годах.

61. «Открытое письмо Л. Петровского в ЦК КПСС», *За права человека* (Франкфурт, 1969). С. 69.

62. См, например, Treadgold, *Twentieth-Century Russia*. P. 165; Ulam, *The Bolsheviks*. P. 467–68; Paul Craig Roberts, «“War Communism”: A Re-examination», *Slavic Review*, June 1970. P. 238–61. Крейг возражает против интерпретации военного коммунизма как меры, вызванной требованиями момента, и называет такую трактовку «доминирующей», что, кстати говоря, не подтверждается анализом научной литературы.

63. Заключительная цитата взята из книги: Adam B. Ulam, *The Russian Polititcal System* (New York, 1974). P. 37, а две первые – из работ: Arthur E. Adams, *Stalin and His Times* (New York, 1972). P. 7 и John A. Armstrong, *Ideology, Politics, and Government in the Soviet Union,* 3rd ed. (New York, 1974). P. 22. Аналогичные утверждения содержатся в следующих публикациях: Fainsod, *How Russia Is Ruled.* P. 528–29; Gurian, *Bolshevism.* P. 76; Fitzpatrick, *The Russian Revolution*. P. 108–109, 117; Солженицын, *Архипелаг Гулаг*, I–II (Париж, 1973). С. 394. Солженицын, в частности, утверждает, что «весь НЭП был – сплошной обман».

64. Treadgold, *Twentieth-Century Russia.* P. 165,199. 258.

65. Коэн, *Бухарин и большевистская революция,* главы 3, 5–9.

66. Более подробно см. там же. С. 53–57.

67. В. И. Ленин, *Сочинения*, XXII (Москва, 1931). С. 435–68.

68. E.H. Carr, *The Bolshevik Revolution*, II (New York, 1952). P. 51, 53, 98–99.

69. См, например, Николай Бухарин, *Экономика переходного периода* (Москва, 1920). См. также интересное советское исследование по данному вопросу: Е.Г. Гимпельсон, *«Военный коммунизм»: политика, практика, идеология* (Москва, 1973).

70. Такая трактовка НЭПа содержится в моей книге *Бухарин и большевистская революция*. С. 270–76. См, также Moshe Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates* (Princeton, 1974), chaps. 4, 5, 12.

71. Alfred G. Meyer, «Lev Davidovich Trotsky», *Problems of Communism*, November–December 1967. P. 31, 37 и в других местах.

См. также Leonard Schapiro, «Out the Dustbin of Histoty», *ibid*. P. 86; Reshetar, *Concise History of the Communist Party*. P. 230–31; Basil Dmyt- ryshyn, *USSR*, 2d ed. (New York, 1971). P. 121; Ulam, *Stalin*. P. 292, примечание 3; Isaac Deutscher, *Stalin: A Polititcal Biography,* 2d ed. (New York, 1967). P. 295 (Дейчер сам себе противоречит на с. 318).

72. Коэн, *Бухарин и большевистская революция*. С. 155–56, 195– 98. Иной точки зрения на деятельность Сталина придерживается Такер (см. Tucker, *Stalin as Revolutionary*. P. 395–404). Такер полагает, что философия Бухарина была психологически чужда Сталину и что ранние расхождения в деталях предвещали последующую сталинскую политику. Если это и так, оба советских лидера в 1924–1927 годах придерживались единой официально провозглашавшейся и фактически проводившейся политики.

73. *XIV съезд ВКП(б), 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет* (Москва, 1926). С. 254, 494.

74. Коэн, *Бухарин и большевистская революция,* главы 6, 8, 9.

75. Взгляды Троцкого и левых на развитие экономики отрывочно и не вполне последовательно изложил Исаак Дейчер, который, правда, называл Троцкого «реформатором» в экономической политике (*The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940* [London, 1963]. P. 110). Подробнее этот вопрос исследован в следующих работах: Richard B. Day, *Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation* (Cambridge, 1973); Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates,* chaps. 1–3; Alec Nove, «New Light on Trotskii's Economic Views», *Slavic Review*, Spring 1981. P. 84–97. Обобщенный анализ дан в кн.: Baruch Knei-Paz, *The Social and Political Thought of Leon Trotsky* (Oxford, 1978).

76. Е. А. Преображенский, *Новая экономика* (Москва, 1926). С. 123–24; Erlich, *Soviet Industrialization Debate*. P. 32–59.

77. Впоследствии об этом говорил Преображенский, XVII съезд. С. 238.

78. См. Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates,* chaps. 2, 3.

79. Там же. С. 68–72; Коэн, *Бухарин и большевистская революция*. С. 359–61.

80. Коэн, *Бухарин и большевистская революция*. С. 339–41. В свете руководящей роли Сталина этот вопрос трактуется в работе: Tucker, *Stalin as Revolutionary,* chaps. 12–14. Влияние традиций Гражданской войны на формирование советской политики в 1929–1931 годах исследовано в работе: Sheila Fitzpatrick, ed., *Cultural Revolution in Russia, 1928- 1931* (Bloomington, Ind., 1978). P. 8–40.

81. *Правда*, 28 апреля 1929 года и 21 марта 1931 года.

82. Правда, в 1925 году экономиста-болыпевика Ю. Ларина обвиняли в призыве к «третьей революции» против кулаков. Но Ларин был второстепенной политической фигурой и не принадлежал ни к одной из фракций руководящей верхушки. Его предложение вызвало всеобщее осмеяние. Медведев ошибается, называя Ларина троцкистом (*К суду истории*. С. 106; см.также Deutscher, *Stalin*. P. 318–19).

83. См. Tucker, *Stalin as Revolutionary,* его же *The Soviet Political Mind* и написанную им главу в кн.: Tucker ed., *Stalinism*. P. 77–108.

84. Я говорю здесь о внутреннем устройстве советской системы в 1946–1953 годах, а не о преобразованиях, насаждавшихся в Восточной Европе. В рамках антиисторического тоталитарного подхода сталинский режим 1946–1953 годов рассматривался как революционный и динамичный. Иной подход и иные взгляды содержатся в книге: Tucker, *The Soviet Political Mind*. P. 174,186–90. Консерватизм позднего сталинизма отмечался впоследствии даже в официальных публикациях. См., например, Н. Саушкин, *О культе личности и авторитете* (Москва, 1962). С. 26, 32.

85. Теоретики хрущёвской поры датируют начало восхождения сталинизма 1934 годом. Этот вымысел проник даже в самые детальные исследования по данному вопросу (Саушкин, *О культе личности и авторитете*).

86. Это подробно обсуждается в моей книге Бухарин и большевистская революция (сс. 325–27), а также в работе Медведева *К суду истории* (глава 3). Медведев отмечает, что многие распоряжения Сталина поступали в виде «устных директив».

87. Moshe Lewin, «Society, State, and Ideology During the First Five-Year Plan» in Fitzpatrick, ed., *Cultural Revolution in Russia*. P. 41–77. См. также Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates*, chap. 5; Lewin, «Taking Grain» in C. Abramsky, ed., *Essays in Honour of E.H. Carr* (Cambridge, 1974). P. 281–323; Lewin, «The Social Background of Stalinism», in Tucker, ed., *Stalinism*. P. 111–36.

88. Медведев, *К суду истории*. С. 605–7; А.Ф. Хавин, *Краткий очерк истории индустриализации СССР* (Москва, 1962). С. 305–306; А. Некрич, *22 июня 1941* (Москва, 1965), часть II; Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана*. С. 229–37.

89. О бедственных последствиях коллективизации появились анекдоты, всегда служившие своеобразным барометром общественного мнения в СССР. Так, в начале 1930-х годов по Москве ходил такой анекдот: «На партийное руководство напали вши, и врачи никак не могли вывести их. Один из остряков (как всегда, шутка приписывалась Радеку) предлагает коллективизировать вшей. Тогда половина вымрет, а остальные разбегутся» (Lyons, *Moscow Carrousel*. P. 334). Воспоминания очевидцев событий, связанных с коллективизацией, см. Василий Гроссман, *Все течет* (Франкфурт, 1974). Лев Копелев, *И сотворил себе кумира* (Анн Арбор, 1978); Петр Григоренко, *В подполье можно встретить только крыс* (Нью-Йорк, 1981). Аналогичные свидетельства очевидцев публикуются в СССР (часто под видом художественной литературы), начиная с 1960-х годов.

90. Один из переживших сталинскую эпоху сказал, что сталинизм «не только уничтожал честных людей, но и портил живых» (*Всесоюзное совещание*. С. 270). Медведев также связывает расцвет культа личности с трагическими событиями начала 1930-х годов (*К суду истории*. С. 305). История культа излагается в работе: Robert C. Tucker, «The Rise of Stalin's Personality Cult», *American Historical Review*, April 1979. P. 347–66. Доктрина непогрешимости Сталина родилась, по всей вероятности, после опубликования в марте 1930 года его знаменитой статьи «Головокружение от успехов». Вопреки возражениям ряда высших руководителей страны Сталину удалось переложить всю вину за «перегибы» коллективизации на местных чиновников. Мифотворческий характер сталинской идеологии в ее историческом и социологическом аспектах еще ждет своих исследователей. Идеологические аспекты сталинизма исследованы в кн.: Роман Редих, *Сталинщина как духовный феномен* (Франкфурт, 1971). К сожалению, автор этого исследования не проводит различия между сталинизмом и большевизмом.

91. См., например, Троцкий, *Что такое СССР и куда он идет?* Shacht- man, *The Bureaucratic Revolution*; M. Yvon, *What Has Become of the Russian Revolution?* (New York, 1937); Peter Meyer, «The Soviet Union: A New Class Society», *Politics*, March and April 1944. P. 48–55, 81–85; Adam Kaufman, «Who Are the Rulers of Russia?» *Dissent*, Spring 1954. P. 144– 56; Djilas, *The New Class*; Tony Cliff, *State Capitalism in Russia* (London 1974). Теоретические работы, раскрывающие классово-бюрократический характер сталинизма, время от времени появляются в самиздате и тамиздате. См., например, С. Зорин и Н. Алексеев, *Время не ждет* (Ленинград, 1969); *Сеятель*, № 1 (сентябрь 1971), *Новое русское слово*, 11 декабря 1972 года; А. Зимин, *Социализм и неосталинизм* (Нью-Йорк, 1981).

92. Tucker, *The Soviet Political Mind*. P. 133–34.

93. См., например, Timasheff, *The Great Retreat* и более ранние ссылки (примечание 23).

94. E.H. Carr, «Stalin», *Soviet Studies*, July 1953. P. 3.

95. См, например, Fitzpatrick, ed., *Cultural Revolution in Russia*. P. 8–40 и ее же *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934* (Cambridge, 1979).

96. Медведев, *К суду истории*. С. 819–821, 1077–1079; Fitzpatrick, *Education and Social Mobility in the Soviet Union*; Kendall E. Bailes, *Technology and Society Under Lenin and*

Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941 (Princeton, 1978). Здесь вполне применима концепция «революции статуса», разработанная Давидом Шонбаумом применительно к гитлеровской Германии. См. David Schoenbaum, *Hitler's Social Revolution* (Garden City, N. Y., 1967), chaps. 8–9. Личную популярность Сталина признают даже официальные критики сталинизма. См., например, *Краткая история СССР*, II (Москва, 1964). С. 271.

97. *Книга о социалистической демократии.* С. 53. Аналогичные утверждения см. *The Times* (London), May 25, 1937. Медведев пишет: «…но такой “сталинизм” есть критика бюрократии», хотя речь, по-видимому, вдет о косвенном проявлении антикоммунистических настроений.

98. Такер обсуждает этот вопрос в кн.:Tucker, ed., *Stalinism.* P. 77–108. См. также различные трактовки этого вопроса в цитировавшихся выше работах Чалидзе и Агурского (примечание 46).

99. Литература сталинского периода анализируется в таком свете в кн.: Vera S. Dumham, *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Literature* (Cambridge, 1976). Сходные утверждения И. Зузанека процитированы в кн.: Медведев, *К суду истории.* С. 1065. См. также Hugh Seton-Watson, «The Soviet Ruling Class», *Problems of Communism*, May–June 1956. P. 12; Frederick C. Barghoom, *Soviet Russian Nationalism* (New York, 1956). P. 182. Свидетельства современников, подтверждающие правильность этого обобщения, содержатся в цитировавшихся выше произведениях мемуарной литературы (примечание 54).

100. Медведев, *Книга о социалистической демократии.* С. 55. В другом месте Медведев выступает против теории, согласно которой культ Сталина коренится в религиозности деревни, и утверждает, что культ зародился в городе и получил наиболее широкую поддержку среди рабочих, служащих и интеллигенции. Однако вопрос о социальном происхождении этих групп городского населения остается при этом открытым (*К суду истории.* С. 854–56). Существует множество свидетельств современников, подтверждающих религиозный характер культа и искренность поклонников Сталина (см., например, Г. Померанц, *Неопубликованное* [Франкфурт, 1972]. С. 207–225. Я вернусь к этой теме в главе 4. Советские исследования по вопросам религии часто читаются как косвенный анализ сталинизма (см. Ю.А. Левада, *Социальная природа религии,* Москва, 1965).

101. Померанц, *Неопубликованное.* С. 218. Культ Ленина исследуется в кн.: Nina Tumarkin, *Lenin Lives!* (Cambridge, Mass., 1983).

Глава 3

1. В связи с этим критические замечания советского историка в адрес сталинистской историографии можно отнести и к историографии, созданной западными советологами (см. цитировавшуюся ранее работу Михаила Гефтера – примечание 57 к гл. 1).

2. Этот принцип был систематизирован в печально знаменитой сталинской книге *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс.* Эта книга была опубликована в Москве в 1938 году и на протяжении последующих двух десятилетий переиздавалась на многих языках в миллионах экземпляров.

3. О том, как Ленин характеризовал Бухарина см.: В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 55 томов (Москва, 1958), XLV. С. 345.

4. О политической карьере Бухарина см. в кн.: С. Коэн, *Бухарин и большевистская революция: политическая биография, 1888–1938* (Royal Oak, Michigan, 1980).

5. См., например, Н.И. Бухарин, *Доклад на XXIII Чрезвычайной ленинградской губернской конференции ВКП(б)* (Москва, 1926). С. 16–17; *International Press Conference, VII (1927).* P. 1423; Н.И. Бухарин, *Текущий момент и основы нашей политики* (Москва, 1925). С. 5–6.

6. Коэн, *Бухарин и большевистская революция.* С. 249–50; стихотворение Пастернака «Волны» напечатано в сборнике *Второе рождение* (Москва, 1934).

7. Стоит отметить, что либерализация сталинской политики была впервые названа «весной» в документе, появившемся в результате бесед с Бухариным («Как подготовлялся московский процесс: из письма старого большевика», *Социалистический вестник*, 17 января 1937 года. С. 23).

8. См., например, работы советских реформистов: Г.С. Лисичкин, *План и рынок* (Москва, 1966); А. Бирман, «Мысли после пленума», *Новый мир*, декабрь 1965 года. С. 194. Из работ восточноевропейских авторов см.: Laszlo Szamuely, *First Models of the Socialist Economic Systems* (Budapest, 1974). См. также примечания 10 и 49 к этой главе. Наиболее полный анализ НЭПа в этом контексте дан в кн.: Moshe Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modem Reformers* (Princeton, 1974), гл. 12 и в других местах. Из последних исследований отметим существенную работу: Michal Mirski, *The Mixed Economy NEP and Its Lot* (Copenhagen, 1984).

9. *Ленинградская организация и четырнадцатый съезд: сборник материалов и документов,* (Москва, 1926). С. 110.

10. F. Janacek and J. Sladek, eds., *V revoluci a po revoluci* (Prague, 1967). P. 281. В этой же книге (с. 9) показано, как происходил поиск «нереализованных» идей. К тому же выводу пришла чешский историк Хана Мейдрова в самиздатском отзыве на мою книгу *Бухарин и большевистская революция*.

11. Эти идеи и политические приемы более подробно обсуждаются в кн.: Коэн, *Бухарин и большевистская революция*, особенно в главах 5, 6 и 9.

12. Коэн, *Бухарин и большевистская революция*. Гл. 9.

13. *Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»* (Москва, 1938). С. 551–6.

14. Там же. С. 577–8.

15. Эти события более подробно обсуждаются в следующей главе.

16. Nikita S. Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (Boston, 1970). P. 29–30, 352–3; Рой Медведев, «Диктатор на пенсии» (самиздатская рукопись, 1978). Рассказывают, что уже будучи в отставке (вероятно, в 1967 году) Хрущёв смотрел пьесу Михаила Шатрова «Большевики». После спектакля он поздравил автора пьесы с успехом, но с возмущением спросил: «А где Бухарин?».

17. Никита Хрущёв, *Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС* (Лондон, 1986). С. 50–51.

18. Хрущёв и сам упоминает о вмешательстве зарубежных коммунистов (*Khrushchev Remembers.* P. 352–3),но первым на роль Мориса Тореза и Гарри Поллита указал Жорес Медведев (см. его письма в книге: Ken Coates, *The Case of Nikolai Bukharin* [Nottingham, 1978]. P. 101–3) и в газете *Tribune* (London), September 15,1978. Французский коммунист Жан Элленстайн в интервью со мной подтвердил свидетельство Медведева о роли Тореза. Согласно одному из источников, однако, такие выступления зарубежных коммунистов имели место в 1960 году (Антон Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана*, NY, 1980. С. 369–70.

19. Некоторые из этих исторических трудов обсуждаются в кн.: Nancy Whittier Heer, *Politics and History in the Soviet Union* (Cambridge, Mass., 1971), chap. 8.

20. Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates*. P. XIII.

21. Письмо воспроизведено в кн.: Р.А. Медведев, *К суду истории. Генезис и последствия сталинизма* (Нью-Йорк, 1974). С. 360–2.

22. *Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научнопедагогических кадров по историческим наукам, 18–21 декабря 1962 г.* (Москва, 1964). С. 298.

23. Классическим образчиком такого рода литературы является книга Ф.М. Ваганова *Правый уклон в ВКП(б) и его разгром*, 2-е издание (Москва, 1977). Первое издание вышло в 1970 году.

24. Самиздатский документ об этом событии опубликован в журнале *Хроника защиты прав человека в СССР* (Нью-Йорк), № 27 (июль–сентябрь 1977). С. 16–17.

25. Вполне возможно, что этот, первый за 16 лет, официальный ответ семье Бухарина был подготовлен неосталинистской фракцией как первый шаг на пути к более полной реабилитации Сталина в связи с предстоявшей в 1979 году столетней годовщиной со дня его рождения. О том, что процессы 1930-х годов были оправданы, открыто говорится в ст.: С. Семанов, «Беречь как зеницу ока…», *Молодой коммунист,* № 4, 1977. С. 294–9.

26. Первое замечание взято из публикации: М. Гефтер, «Из письма американскому коллеге», *Поиски,* № 5–6. Ч. 1 (Париж, 1983). С. 197, а второе процитировано в кн.: Roy A. Medvedev, *Nikolai Bukharin: The Last Years* (New York, 1980). P. 8. Благожелательные отзывы о Бухарине можно найти в следующих мемуарах: *Khrushchev Remembers*; Светлана Аллилуева, *Двадцать писем к другу* (Нью-Йорк, 1969); Надежда Мандельштам, *Воспоминания* (Нью-Йорк, 1970) и *Вторая книга* (Париж, 1972); Василий Катанян, «Из воспоминаний», *Россия* (Турин), № 3, 1977. С. 177–82; Евгений Гнедин, *Катастрофа и второе рождение* (Амстердам, 1977); Лев Копелев, *Утоли моя печали* (Анн Арбор, 1981); *Политический дневник,* I (Амстердам, 1972). С. 546–8.

27. Рой Медведев, «Вопросы, которые волнуют каждого», *Двадцатый век,* № 1 (Лондон, 1976). С. 18. Придя к выводу о выдающейся роли Бухарина, Медведев написал книгу о последних годах его жизни (см. предыдущее примечание).

28. Борис Шрагин, «Николай Иванович Бухарин», *Radio Liberty Seminar Broadcast,* No. 38 012-R (1978).

29. См., например, цитировавшиеся ранее (примечание 8) работы, а также *Istituto Gramsci, Bucharin tra rivoluzione e riforme* (Rome, 1982). Моя книга Бухарин и большевистская революция была переведена и открыто опубликована в Югославии и Китае. О Китае см. также примечание 48 к этой главе.

30. Последние публикации о 1920-х годах (многие из них цитировались в предыдущих главах) слишком многочисленны, чтобы их можно было здесь перечислить. Достаточно напомнить, что этой теме был посвящен целый выпуск журнала *Russian History* (Vol. 9, parts 2–3, 1982). О возрождении интереса к Бухарину см. мое предисловие к книге Бухарин и большевистская революция, с. X–XVII. Наряду с этим были опубликованы многочисленные переводы произведений Бухарина, в том числе книга: Richard B. Day, ed., *N.I. Bukharin, Selected Writings on the State and the Transition to Socialism* (Armonk, N.Y., 1982).

31. E.H. Carr, «The Legend of Bukharin», *Times Literary Supplement,* September 20, 1974. P. 989–91. Аналогичные утверждения содержатся в следующих публикациях: William E. Odom, «Bolshevik Politics and the Dustbin of History», *Studies in Comparative Communism,* Spring–Summer 1976. P. 195; Theodore H. Von Laue, «Stalin Among the Moral and Political Imperatives, or How to Judge Stalin?» *Soviet Union,* 8, Part I (1981). P. 1–17; Sheila Fitzpatrick, *The Russian Revolution* (New York, 1982). P. 108–9, 117. Троцкисты, последователи Исаака Дейчера, выступают против идеи бухаринской альтернативы. Их аргументы, оказавшие большое влияние на Карра, проанализированы в моей книге *Бухарин и большевистская революция* (1980). С. X–XVII.

32. См. например, следующие западные исследования, базирующиеся отчасти на последних советских работах: Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates*; Holland Hunter, «The Overambitious First Soviet Five-Year Plan», *Slavic Review*, June 1973. P. 237–57; James R. Millar, «Mass Collectivization and the Contribution of Soviet Agriculture to the First Five-Year Plan», *ibid.,* December 1974. P. 750–66. В связи с этим вопросом см, также Susan Gross Solomon, *The Soviet Agrarian Debate* (Boulder, 1977), особенно С. 182–3. Против этого обобщения вполне убедительно выступает Нов в своей полемике с Милларом (см. James R. Millar and Alec Nove, «Was Stalin Necessary?» *Problems of Communism,* July–August 1976. P. 49–62, а также Mark Harrison, «Why Did NEP Fail?» *Economics of Planning,* No. 2, 1980. P. 57–67; Michael Reiman, *The Birth of Stalinism* (Bloomington, 1986).

33. В том юбилейном году известный итальянский кинорежиссер- коммунист Лино дель Фра начал работать над телевизионным документальным фильмом о последних днях Бухарина. В Лондоне Королевский театр поставил пьесу Энди Максмита «Процесс Бухарина». Список научных трудов о Бухарине приведен в кн.: Коэн, *Бухарин и большевистская революция.* С. 402 (примечание 21).

34. Письмо напечатали многие газеты, в том числе *The New York Times,* July 7, 1978.

35. Paolo Spriano, «II caso Bucharin», *L'Unita*, June 16, 1978. Английский перевод статьи см. в кн.: Coates, *The Case of Nikolai Bukharin.* P. 91–94.

36. Coates, *The Case of Nikolai Bukharin.* P. 87, 99–100. Отклики мировой прессы собраны в размноженной на ротапринте публикации «Dossier on Bukharin» («Досье Бухарина»), подготовленной Фондом мира Бертрана Рассела, а также в кн.: Yannik Blanc and David Kaisergruber, *L'Affaire Boukharine* (Paris, 1979).

37. См., например, Guiseppe Boffa, *Storia Dell'Unione Sovietica,* I (Milan, 1976), part 3.

38. *L'Unita*, June 16,1978;английский перевод см. в кн.: Coates, *The Case of Nikolai Bukharin.* P. 93.

39. Coates, *The Case of Nikolai Bukharin.* P. 87,99–100.

40. Jean Buries, «La question de la rehabilitation de Bukharine», *L'Humanite*, November 28, 1978. Примерно в то же время Французская коммунистическая партия опубликовала книгу *L'URSS et nous* (Paris, 1978), в которой содержалась суровая критика советской системы и сталинистского прошлого СССР. Книга положительно оценивала деятельность Бухарина. Советское руководство ответило грубыми нападками на эту работу (см. Е. Амбарцумов, Ф. Бурлацкий, Ю. Красин, Е. Плетнев, «Против искажения опыта реального социализма», *Коммунист*, № 18, декабрь 1978 года. С. 86–104). Серьезное отношение властей к данной публикации нашло отражение в том, что трое из авторов считались реформистами либерального толка. По слухам, они написали (или подписали) этот документ под нажимом начальства.

41. Так один из ведущих европейских социалистов объяснил свою позицию в письме, направленном им Фонду Бертрана Рассела.

42. Coates, *The Case of Nikolai Bukharin.* P. 99–100; *Morning Star* (London), July 3,1978.

43. Сбор подписей под петицией организовал Лино дель Фра; текст этого документа включен в сборник «Dossier on Bukharin».

44. «A Victim, Not a Hero», *The Times* (London), July 28,1978. Аналогичная точка зрения излагается в статье: «Bukharin and Hope», *National Review*, January 5, 1979. P. 17.

45. Ход конференции, состоявшейся 27–79 июня 1980 года, освещался в Унита и других итальянских газетах. Основные доклады были опубликованы Институтом имени Грамши в сборнике *Bucharin tra rivoluzione e reforme.*

46. «A Victim, Not a Hero», *The Times* (London), July 28, 1978; E.H. Carr, «The Legend of Bukharin».

47. А. Федосеев, «Что хочет Андропов?» *Новый журнал,* № 151 (1983). С. 239.

48. Кроме моей книги Бухарин и большевистская революция, в Китае появились следующие работы: Zheng Yifan, «Reestimating Bukharin's Political Philosophy», *Shi Jie Li Shi («Мировая история»),* 2 февраля 1981 года. С. 1–14; Su Shaozhi, «On Bukharin's 'Economics of the Transition Period'», *Dushu («Чтение»),* № 2, 1981 (частичный перевод опубликован в *Beijing Review,* April 13, 1981). В беседах с западными коллегами китайские ученые неоднократно выражали живой интерес к идеям Бухарина.

49. См. Zenovia A. Sochor, «NEP Rediscovered: Current Soviet Interest in Alternative Strategies of Development», *Soviet Union,* 9, Part 2 (1982). P. 189–211.

50. В дополнение к примечанию 8 см., например, следующие работы: А. Румянцев, «Партия и интеллигенция», *Правда*, 21 февраля 1965 года; Г. Лисичкин, «Школа хозяйствования», *Правда,* 11 июля 1966 года; Г. Лисичкин, «Человек – кооперация – общество», *Новый мир,* май 1969 года. С. 157–75; Г. Лисичкин, *Что человеку надо* (Москва, 1975); Е. Амбарцумов, *Вверх к вершине* (Москва, 1974); Е. Амбарцумов, «О ленинском

взгляде на экономику и политику», *Новое время,* № 10, 1980. С. 18–20 и № 11, 1980. С. 18–20; А.Б. Бутенко, «Противоречия развития социализма как общественного строя», *Вопросы философии,* октябрь 1982 года. С. 16–29; А. Бутенко, «Социализм: формы и деформации», *Новое время*, № 6, 1982. С. 5–7; секретная докладная записка Татьяны Заславской (*Материалы самиздата,* № 5042, 26 августа 1983 года). В этой связи следует упомянуть и о весьма внушительном количестве недавних исследований по НЭПу, ибо они намекают на возможность использования нэповских приемов для решения нынешних проблем (см., например, Е.А. Амбарцумов, «Анализ В.И. Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него», *Вопросы истории,* № 4, 1984. С. 15–29).

51. Давид Анин, «Актуален ли Бухарин?» *Континент*, № 2 (1975). С. 313–14. См. также Михаил Рейман, «Бухарин и альтернативы советского развития», *Синтаксис,* № 8 (1981). С. 26–48; Дора Штурман, «Николай Бухарин – любимец партии», *Время и мы*, № 39 (март 1979). С. 130–46 и № 40 (апрель 1979). С. 120–35; Дора Штурман, *Мертвые хватают живых* (Лондон, 1982); Д. Тарский, «Возможна ли альтернатива?» *Новое русское слово,* 11 июля 1982 года; Иосиф Косинский, «Трое из марксистского тупика», *там же,* 2 января 1983 года; Михаил Гефтер, «Из письма американскому коллеге», *Поиски,* № 5–6, часть 1 (Париж, 1983). С. 197–206.

52. Анин, «Актуален ли Бухарин?». С. 313–4. Анин называет Бухарина «донкихотом большевизма».

53. См. Александр Солженицын, *Архипелаг Гулаг*, I–II (Париж, 1974). С. 413–8, а также упомянутые выше (примечание 51) работы Доры Штурман.

54. См, например, Н.Е. Овчаренко, «XXV съезд КПСС и вопросы борьбы с современным правым ревизионизмом», *Вопросы истории КПСС*, январь 1977 года. С. 110; Ваганов, *Правый уклон в ВКП(б),* издание 1977 года. Неосталинистам не дают покоя «люди, требующие “реабилитации” лидеров правого уклона» (Семанов, *Беречь как зеницу ока.* С. 297).

Глава 4

1. Константин Симонов, «О прошлом во имя настоящего», *Известия*, 18 ноября 1962 года.

2. «Письмо П.И. Якира в редакцию журнала “Коммунист”» (опубликовано в сборнике *За права человека,* Франкфурт, 1969, с. 30); см. также А. Солженицын, *Бодался теленок с дубом* (Париж, 1975). С. 245–6. Западные наблюдатели неоднократно являлись свидетелями разнообразных проявлений этого конфликта. См, например, David K. Shipler and John F. Burns, *The New York Times,* November 26, 1977, December 3, 1978, March 6,1983. *Radio Liberty Research* 315/81 (August 12, 1981). Дополнительные сведения по данному вопросу содержатся в кн.: Антон Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана* (Нью-Йорк, 1980). С. 354. Антонов-Овсеенко, в частности, пишет: «Реакция на сталинщину стала политической баррикадой, разделившей людей».

3. *Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля* (Франкфурт, 1975). С. 222. Сходное мнение высказывает и А. Михайлов; см. Р. Медведев, *Книга о социалистической демократии* (Амстердам/Париж, 1972). С. 342. Один либерально настроенный диссидент рационалистически объясняет сталинскую эпоху и фактически прославляет ее; см. Александр Зиновьев, «Нашей юности полет», *Континент,* № 35 (1983). С. 176–206.

4. Заниженные цифры содержатся в работах: Robert Conquest, *The Great Terror* (New York, 1968). P. 525–35; Robert Conquest, «The Great Terror Revised», *Survey,* 17, No. 1 (1971). P. 93; Iosif G. Dyadkin, *Unnatural Deaths in the USSR, 1928–1954* (New Brunswick, N. J., 1983). Некоторые из самиздатских историков и демографов приводят намного более высокие цифры. См. Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана.* С. 258–64; С. Максудов, «Потери населения СССР в 1918–1958 годах» в журн.: Валерий Чалидзе, ред., *СССР: Внутренние противоречия,* № 11 (1984). С. 156–242; С. Максудов, «Потери населения в СССР в 1931–1938 гг.» в журн. – . Валерий Чалидзе, ред., *СССР: Внутрен-*

ние противоречия, № 5 (1982). С. 104–91. См. также И. Курганов, «Три цифры», *Новое русское слово,* 12 апреля 1964 г.

5. См. Giuseppe Boffa, *Inside the Khrushchev Era* (New York, 1959). P. 68; Solomon Slepak, цит. в *The New York Times*, November 26, 1977; Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана*. С. 348–82.

6. Как будет показано ниже, такая интерпретация общепринята в современных советских учебниках и романах.

7. Юрий Карякин, «Эпизод из современной борьбы идей», *Новый мир,* сентябрь 1964 года. С. 235. Имеется множество прошедших цензуру и неподцензурных исследований, посвященных этой теме. Наиболее полным и систематическим из них является работа Р.А. Медведева *К суду истории: Генезис и последствия сталинизма* (Нью-Йорк, 1974); см. также многие разделы в Политическом дневнике (Амстердам, 1972 и 1975 годы).

8. Хотя опросы общественного мнения по этому вопросу в СССР не проводятся и количественные данные отсутствуют, все свидетельства, полученные из первых рук, говорят о просталинских настроениях большинства советского населения. Подробнее об этом см. ниже.

9. См. Илья Эренбург, «Люди, годы, жизнь», *Новый мир*, № 1, (январь 1965 года). С. 103–25; Александр Некрич, *Отрешись от страха* (Лондон, 1979). С. 120.

10. Симонов, *О прошлом во имя будущего*; аналогичная точка зрения высказывается в работе: Карякин, «Эпизод из современной борьбы идей». С. 235.

11. См. Carl A. Linden, *Khrushchev and the Soviet Leadership, 1957–1964* (Baltimore, 1966); Michel Tatu, *Power in Kremlin: From Khrushchev to Kosygin* (New York, 1968).

12. Е. Ефимов, «Правовые вопросы восстановления трудового стажа реабилитированным гражданам», *Социалистическая законность,* сентябрь 1964 года. С. 42–45.

13. О роли вернувшихся из Гулага см. Roy Medvedev and Zhores Medvedev, *Khrushchev: The Years in Power* (New York, 1976). P. 11, 138–9; Roy Medvedev, *Khrushchev* (NewYork, 1983), chap. 9; Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана*. С. 348–75; Борис Дьяков, *Повесть о пережитом* (Москва, 1966).

14. См., например, Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана.* С. 189–213, 269; Roy Medvedev, *Problems in the Literary Biography of Mikhail Sholokhov* (New York, 1977). P. 173. Советская правительственная газета писала о терроре: «.ложный донос не раз становился лестницей для восхождения в гору» (В. Дормодехин, Б. Ольховская, «Портрет Очевидцева», *Известия,* 3 июля 1964. С. 4.

15. А. Снегов в кн.: *Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, 18–21 декабря 1962 г.* (Москва, 1964). С. 270. Раковая опухоль сопричастности к преступлениям стала централыюй темой двух романов Солженицына (*В круге первом* и *Раковый корпус*), действие которых происходит в годы террора. Моральное развращение тех, кто избежал ареста, пристально изучал в своих произведениях Юрий Трифонов, отец которого стал жертвой террора (см. повести Трифонова *Дом на набережной* и *Старик*).

16. Обширный материал на эту тему собран в самиздатском журнале *Политический дневник,* 2 тома (Амстердам, 1972 и 1975). Дискуссии по этому вопросу регулярно освещаются в самиздатском бюллетене *Хроника текущих событий.*

17. См. откровенный обмен мнениями между Владимиром Ермиловым и Ильей Оренбургом (*Известия*, 30 января и 6 февраля 1963 года).

18. Е. А. Евтушенко, *Автобиография* (Лондон, 1964). С. 18.

19. См. Stephen F. Cohen, ed., *An End to Silence: Uncensored Opinion in the Soviet Union* (New York, 1982), chap. 2.

20. Юрий Трифонов, *Отблеск костра* (Москва, 1966); Анна Ахматова в сб.: *Памяти А. Ахматовой* (Париж, 1975). С. 167.

21. *Памяти А. Ахматовой.* С. 188.

22. Конкретные примеры такой взаимосвязи политики и истории приведены в кн.: Moshe Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modem Reformers* (Princeton, 1974).

23. Н. Саушкин, *О культе личности и авторитете* (Москва, 1962). См. также резолюцию, вынесенную в 1957 году против Молотова, Кагановича и других противников Хрущёва в кн.: *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК,* 7 (Москва, 1971). С. 267–73.

24. Их конфликты нашли отражение во многих публикациях 1950-х и 1960-х годов, в том числе и в художественной литературе. Наглядное представление об этой литературе дает сравнительный анализ реформистского журнала «Новый мир», консервативного журнала «Октябрь» и самиздатского журнала «Политический дневник».

25. Цит. в кн.: Suzanne Labin, *Stalin's Russia* (London, 1949). P. 65 (в этой работе дается хорошая подборка титулов, приписывавшихся Сталину). См. также Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана*. С. 223–32.

26. Медведев, *Книга о социалистической демократии* (Амстердам/Париж, 1972). С. 55. Свидетельства о вере в культ см. Лев Копелев, *И сотворил себе кумира* (Анн-Арбор, 1978); Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана*. С. 276–86; Владимир Осипов, *Три отношения к родине* (Франкфурт, 1978). С. 57; Евтушенко, *Автобиография*; Карякин, *Эпизод из современной борьбы идей.* С. 236–8; Борис Слуцкий, *Работа* (Москва, 1964). С. 106–7; Илья Эренбург, «Люди, годы, жизнь», *Новый мир*, № 1 (январь), 1965; Abraham Brumberg, ed., *In Quest of Justice* (New York, 1970). P. 55, 320, 329; Юрий Левада, *Социальная природа религии* (Москва, 1965). С. 99–126; Медведев, *К суду истории.* С. 702–7, 854–6; Александр Зиновьев, «О Сталине и сталинизме», *Двадцать два*, декабрь 1979. С. 128–36; Петро Григоренко, *В подполье можно встретить только крыс* (Нью-Йорк, 1981). С. 419–21.

27. См.: Глеб Якунин, «Московская патриархия и культ личности Сталина», *Русское возрождение,* № 1 (1978). С. 103–37 и № 2 (1978). С. 110–50.

28. А. Твардовский, *Поэмы* (Москва, 1963). С. 475–6; Андрей Вознесенский в кн.: *Политический дневник, 1965–1970* (Амстердам, 1975). С. 102.

29. Цитаты взяты из следующих источников, соответственно: Осипов, *Три отношения к родине.* С. 57; Карякин, «Эпизод из современной борьбы идей». С. 238; Евтушенко, *Автобиография.* С. 140; А. Гребенщиков, «Забвению не подлежат», *Октябрь*, июнь 1968 года. С. 209 и Евгений Сурков, «Если мерить жизнью», *Литературная газета,* 16 декабря 1961 г. См. также *XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы* (Москва, 1962). С. 215–7, 304–5 и Cohen, ed., *An End to Silence,* chap. 2.

30. Цитаты взяты из следующих источников, соответственно: Сергей Смирнов, «Свидетельствую сам», *Москва,* октябрь 1967 года. С. 29; роман Всеволода Кочетова *Секретарь обкома* цит. по ст.: А. Марьямов, «Снаряжение в походе», *Новый мир,* январь 1962. С. 226; Seymour Topping, *The New York Times,* November 2, 1961; Louis Fischer, *Russia Revisited* (Garden City, N.Y., 1957). P. 54; Карякин, «Эпизод из современной борьбы идей». С. 236, 239. Стихи поэта-неосталиниста см.: *Политический дневник*, № 53 (*Самиздат*, февраль 1969).

31. Эта мысль развивается в кн.: Robert C. Tucker, *The Soviet Political Mind,* rev. ed. (New York, 1971), chap. 8.

32. На этот факт обратили внимание сразу же после смерти Сталина. См.: Евгения Гинзбург, *Крутой маршрут.* Кн. 2 (Нью-Йорк, 1985). С. 295; Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана*. С. 341.

33. *Правда,* 4–10 марта 1953 г. О похоронах см.: Евтушенко, *Автобиография*. С. 97–100.

34. Nikita S. Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (Boston, 1970). P. 307.

35. См. Wolfgang Leonhard, *The Kremlin Since Stalin* (New York, 1962), chap. 3; Medvedev and Medvedev, *Krushchev,* chaps. 1–2; Сурен Газарян, «О Берии и суде над бери-

евцами в Грузии» в журн.: Валерий Чалидзе, ред., *СССР: Внутренние противоречия*, 6 (1982). С. 109–46.

36. Robert C. Tucker, «The Metamorphosis of the Stalin Myth», *World Politics,* October 1954. P. 56. См., например, статьи, посвященные годовщинам рождения и смерти Сталина в Правде от 5 марта 1954 года, 21 декабря 1954 и 21 декабря 1955 года. Этот вопрос детально исследован в работе: Jane P. Shapiro, «The Soviet Press and the Problem of Stalin», *Studies in Comparative Communism,* July–October 1971. P. 179–209.

37. См. выше (примечание 35); Никита Хрущёв, *Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС* (Лондон, 1986). С. 10; Jane P. Shapiro, «Rehabilitation Policy and Political Conflict in the Soviet Union, 1953–1964» (Ph. D. dissertation, Columbia University, 1967), chap. 2; A.P. van Goudoever, *Angst Voor Het Verleden: Politieke Rehabilitaties in de Sovjet Unie na 1953* (Utrecht, 1983); А. Солженицын, *Архипелаг Гулаг*, II, VI, VII (Париж, 1975).

38. *Khrushchev Remembers*. P. 342–53.

39. Никита Хрущёв, *Доклад на закрытом заседании XXсъезда КПСС,* (Лондон, 1986).

40. См. Medvedev and Medvedev, *Khrushchev.* P. 70, 88, 93; Leonard, *The Kremlin Since Stalin.* P. 187–90; Некрич, *Отрешись от страха.* С. 140.

41. Н. Хрущёв, «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», *Правда,* 28 августа 1957 года. С. 3–4. Такой подход стал в то время общепринятым. См. статью, посвященную годовщине со дня рождения Сталина в Правде от 21 декабря 1959 года.

42. Совершенно очевидно, что этот вопрос создавал серьезные трудности и Хрущёв неоднократно говорил об этом (Никита Хрущёв, *Доклад на закрытом заседании XXсъезда*. С. 65, 70–71, 83–84, 98–101. После съезда хрущёвское руководство вынуждено было негласно заверить соратников Сталина в том, что они не будут привлечены к ответственности (Медведев, *К суду истории*. С. 667; Medvedev, *Khrushchev.* P. 89 и *International Communism: A Selection of Documents* (New York, 1956).

43. См. *The Anti-Stalin Campaign*; Leonhard, *The Kremlin Since Stalin,* chap. 6; Paul E. Zinner, ed., *National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe* (New York, 1956).

44. См. *Политический дневник,* II. С. 67 и Давид Бург, *Оппозиционные настроения молодежи в годы «оттепели* (Мюнхен, 1960). Отрывочные сведения о внутрипартийных разногласиях можно извлечь из пространной редакционной статьи в журнале *Коммунист*, № 10, 1956. С. 3–13 и из статьи в Правде от 5 апреля 1956 г. Мощная, подавленная силой, просталинская демонстрация состоялась в Тбилиси. См. Александр Глезер, «Тбилиси, 1956», *Новое русское слово,* 10 ноября 1977 года; Фаина Баасова, «Танки против детей», *Время и мы,* № 30 (1978). С. 189–204.

45. *The Anti-Stalin Campaign.* P. 275–306; Медведев, *К суду истории.* С. 667–8. Карьера этих людей прослеживается в кн.: Рой Медведев, *Они окружали Сталина* (Бенсон, Вермонт, 1984).

46. См, например, статью о Сталине: *Большая советская энциклопедия,* 40 (Москва, 1958). С. 419–24, а также статью, посвященную годовщине со дня его рождения в *Правде* от 21 декабря 1959 г.

47. *XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–31 октября 1961 года: стенографический отчет,* 3 тома (Москва, 1962), II. С. 586,589. Рассказ Хрущёва в общем подтверждается другими документами. См. Robert Conquest, *Power and Policy in the USSR* (New York, 1961). P. 321–24.

48. См. Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates;* Linden, *Khrushchev and the Soviet Leadership,* chaps. 3–6.

49. См. Medvedev, *Khrushchev.* P. 95–103; Cohen, ed., *An End to Silence,* chaps. 1–2. Конкретный случай рассмотрен в кн.: Дина Каминская, *Записки адвоката* (Вермонт, 1984). С. 39–41.

50. Об «оттепели» см. Hugh McLean and Walter N. Vickery, eds., *The Year of Protest: An Anthology of Soviet Literary Materials* (New York, 1961); Владимир Жабинский, *Просветы: заметки о советской литературе 1956–1957* (Мюнхен, 1958). Цитата взята из кн.: Твардовский, *Поэмы*. С. 415.

51. Стихотворение было впервые опубликовано в сб. *День поэзии, 1962* (Москва, 1962). С. 45. Примечательно, что оно было перепечатано двадцать лет спустя в альманахе *День поэзии: Избранное 1956–1981* (Москва, 1982). С. 155. Примеры отражения лагерной темы в художественной литературе 1956–1961 годов см.; А. Вальцева, «Квартира № 13», *Москва,* январь 1957 года. С. 70–104; Александр Корнейчук, *Пьесы* (Москва, 1961). С. 537–612; Константин Симонов, *Живые и мертвые* (Москва, 1959); В. Каверин, *Открытая книга,* часть 3 (Москва, 1956); В. Панова, «Сентиментальный роман» в книге *Избранное* (Москва, 1972). С. 181–334; Нина Ивантер, «Снова август», *Новый мир,* август и сентябрь 1959; Твардовский, «За далью – даль» в кн. *Поэмы*. С. 363–494. Эта проблема обсуждается в ст.: Вера Александрова, «Вернувшиеся», *Социалистический вестник,* октябрь 1959. С. 189–91. Процесс реабилитации исследуется в следующих работах: Shapiro, *Rehabilitation Policy and Political Conflict in the Soviet Union,* chap. 3; van Goudoever, *Angst Voor Het Verleden.*

52. Выражение принадлежит Солженицыну (*Бодался теленок с дубом*. С. 22).

53. Перевод речи см. в кн.; McLean and Vickery, eds., *The Year of Protest.* P. 155–9.

54. «Так это было», *Правда,* 29 апреля и 1 мая 1960 г.

55. Nikita S. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Last Testament* (Boston, 1974). P. 79; Хрущёв, цит. в кн.: Abraham Rothberg, *The Heirs of Stalin* (Ithaka, 1972). P. 57. О том, как Хрущёв критиковал своих же последователей см. в кн.: Priscilla Johnson and Leopold Labedz, eds., *Khrushchev and the Arts* (Cambridge, Mass., 1965).

56. Цит. в работах: Rothberg, *The Heirs of Stalin*. P. 57; Tatu, *Powerin the Kremlin.* P. 306, n. 2. Аналогичная точка зрения на цели, преследовавшиеся Хрущёвым, высказывается в редакционной статье, посвященной съезду (Правда, 21 ноября 1961 года). Мотивы, которыми руководствовался Хрущёв, анализируются в следующих работах: Рой Медведев, «Будет ли отмечаться в СССР 100-летие со дня рождения Сталина?» в сб.: *Двадцатый век,* № 7 (*Самиздат*, январь–март 1977).

57. Резолюция о мавзолее была опубликована 31 октября 1961 года и выполнена немедленно (Правда, 31 октября и 1 ноября 1961 года). О более ранних требованиях вынести тело Сталина из мавзолея см. в кн.: *XXII съезд,* III. С. 121.

58. *XXII съезд,* III. С. 122, 362.

59. *Там же*. С. 402, 584. Анализ событий, разыгравшихся на съезде, содержится в кн.: Tatu, *Power in Kremün*. P. 151–57.

60. О предложении Хрущёва см. *XXII съезд*, II. С. 587. Об оппозиции Хрущёву среди партийных руководителей и рядовых делегатов

съезда см.: Medvedev, *Khrushchev.* P. 208–9; Некрич, *Отрешись от страха.* С. 171; Владимир Лакшин, «Солженицын, Твардовский и “Новый мир”» в сб.: Р. Медведев, ред., *Двадцатый век,* № 2 (Лондон, 1977). С. 153; Alexander Werth, *Russia Under Khrushchev* (New York, 1962). P. 340. Антисталинисты неоднократно заявляли, что десталинизация составляла основу главного конфликта в политической жизни СССР. См., например, Марьямов, «Снаряжение в походе»; А. Бовин, «Истина против догмы», *Новый мир,* октябрь 1963. С. 174–90; В. Лакшин, «Иван Денисович, его друзья и недруги», *там же,* январь 1964. С. 223–45; Карякин, «Эпизод из современной борьбы идей». Накал борьбы нашел отражение в стихотворении Евтушенко «Наследники Сталина», напечатанном в *Правде* от 21 октября 1962 года.

61. Е. Евтушенко, «Утренний город», *Литературная газета,* 17 июля 1962 года. С. 3.

62. К «эзоповским» относились такие темы, как правление Ивана Грозного, фашизм, маоизм, франкистская Испания и бюрократические системы западных стран. См., например, Ефим Дорош, «Книга о грозном царе», *Новый мир,* апрель 1964. С. 260–3;

Евгений Гнедин, «Механизм фашистской диктатуры», *там же*, август 1968. С. 272–5; Евгений Гнедин, «Бюрократия двадцатого века», *там же,* март 1966. С. 189–201; Федор Бурлацкий, *Маоизм или марксизм?* (Москва, 1967); Федор Бурлацкий, *Испания: коррида и каудильо* (Москва, 1964).

63. См., например, А.М. Некрич, *1941, 22 июня* (Москва, 1965); Константин Симонов, *Солдатами не рождаются* (Москва, 1964); Григорий Бакланов, *Июль 1941 года* (Москва, 1965). Обширная библиография по этому вопросу и его анализ содержатся в кн.: Seweryn Bialer, ed., *Stalin and His Generals: Soviet Military Memoirs of World War II* (New York, 1969). Учиненный Сталиным разгром офицерского корпуса Красной армии проанализирован в работе: И. Маховиков, «Уничтожение командных кадров Красной армии» в журн.: Валерий Чалидзе, ред., *СССР: Внутренние противоречия*, № 3 (Нью-Йорк, 1983). С. 198–226.

64. Werth, *Russia Under Khrushchev*. P. 340. Особое недовольство вызвало переименование Сталинграда.

65. Приведем несколько примеров: Виктор Некрасов, «Кира Сергеевна», *Новый мир*, июнь 1961; Юрий Бондарев, 'Тишина», *там же,* март–май 1962; А.В. Горбатов, «Годы и войны», *там же,* март–май 1964; Юрий Домбровский, «Хранитель древностей», *там же,* июль и август 1964; К. Икрамов и В. Тендряков, «Белый флаг», *Молодая гвардия,* декабрь 1962; Б. Полевой, «Возвращение», *Огонек,* № 31, 1962; Юлиан Семенов, «При исполнении служебных обязанностей», *Юность*, январь–февраль 1962; Григорий Шелест, «Колымские записки», *Знамя,* сентябрь 1964; А. Васильев, «Вопросов больше нет», *Москва,* июнь 1964; Василий Аксенов, «Дикой», *Юность,* декабрь 1964; А. Алдан-Семенов, «Барельеф на скале», *Москва*, июль 1964; Иван Лазутин, «Черные лебеди», *Байкал,* февраль–июнь 1964; Д. Петров (Бирюк), *Перед лицом родины* (Москва, 1963); Дьяков, *Повесть о пережитом*; Илья Эренбург, *Люди, годы, жизнь*, Т. 3, 4, 6 (Москва, 1961); А. Вальцева, *Голубая земля* (Москва, 1966). См. также Mihajlo Mihajlov, *Moscow Summer* (New York, 1965). P. 66–85. С большой искренностью были написаны подробные биографии многих жертв сталинского террора.

66. Цит. в кн.: Солженицын, *Бодался теленок с дубом*. С. 54.

67. *Политический дневник*, № 60 (*Самиздат*, сентябрь 1969). О роли Твардовского и журнала «Новый мир» см. следующие работы: Dina R. Spechler, *Permitted Dissent in the USSR: Novy Mir and the Soviet Regime* (New York, 1982), chaps. 4–5; В. Лакшин, «Солженицын, Твардовский и "Новый мир"», в сб.: Р. Медведев (ред.), *Двадцатый век*, № 2 (Лондон, 1977). С. 151–218.

68. См., например, С. Алешин, «Палата», *Театр,* ноябрь 1962. С. 29 и «Доносчики на ущебре», *Социалистический вестник*, ноябрь–декабрь 1962. С. 163. Конкретные случаи рассмотрены в следующих работах: Н.Н., «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых», *Социалистический вестник,* май–июнь 1963. С. 74–76; Cohen, ed., *An End of Silence,* chap. 2; Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана*, в различных местах; Григорий Свирский, *На лобном месте* (Лондон, 1974), особенно части 2 и 3.

69. *Правда,* 21 октября 1962 года.

70. *Khrushchev Remembers.* P. 74. Коллективизация также стала одной из ведущих тем советской литературы 60-х годов.

71. Статьи по этому вопросу были разбросаны по многочисленным научным журналам, но весьма представительная подборка таких исследований была опубликована в сб.: В.П. Данилов, ред., *Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках* (Москва, 1963). Библиографический обзор и анализ событий того периода см. в кн.: Moshe Lewin, *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization* (New York, 1975).

72. Из частного отчета о собрании в Институте истории (Москва) 17 июня 1964 г.

73. Roy A. Medvedev, *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism* (New York, 1971). P. 101, n. 61.

74. Теория «инородного тела» представлялась аксиоматичной даже самым радикальным из официальных критиков сталинизма, в том числе и автору цитируемой здесь заботы (Саушкин, О культе личности и авторитете. С. 19, 28). Более глубокая критика существующего режима содержится в поэме Твардовского «Теркин на том свете» (Известия, 18 августа 1963 года. С. 3–4).

75. *Предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних* (Минск, 1969). С. 12; «Воспевать героическое», *Красная звезда,* 9 февраля 1964 года. С. 2.

76. Johnson and Labedz, eds., *Khrushchev and the Arts.* P. 22–26; «Речь товарища В.А. Кочетова», *Правда,* 31 октября 1961 года. С. 8. О неосталинистских настроениях см. следующие публикации: Всеволод Кочетов, *Секретарь обкома*, перепечатав в кн.: В.А. Кочетов, *Собрание сочинений.* Т. 4 (Москва, 1975 год); В.А. Чалмаев, *Героическое в советской литературе* (Москва, 1964); Иван Швецов, *Тля* (Москва, 1964).

77. Эти консервативные лозунги взяты из следующих публикаций: Е. Попова и Юрий Шарапов, «После большого совета», *Известия,* 3 марта 1964 года. С. 5; «Писатели о книгах», *Правда,* 28 января 1963 года. С. 4; С. Наровчатов, «Пафос гражданственности в нашей поэзии», *Коммунист,* № 11, 1965. С. 79. Выражение «цепь преступлений и ошибок» прочно вошло в лексикон неосталитистов, выступавших против антисталинистских историков и мемуаристов; см.,например, «Речь тов. Д.Г. Стуруа», *Заря востока,* 10 марта 1966 года. Трогательное отношение к «нашим годам» выразил консервативный писатель Евгений Долматовский («Наши годы», *Октябрь,* ноябрь 1962. С. 3–12). Статья Льва Константинова, «Кровью сердца», (*Молодой коммунист*, июль 1964. С. 2–10), опубликованная незадолго до свержения Хрущёва, показывает, насколько серьезны были вопросы «детей» об «отцах». Об отражении этой темы в литературе можно судить по повести Икрамова и Тендрякова «Белый флаг».

78. См. Medvedev, *Khrushchev,* chap. 21; речи Суслова и Микояна в сб.: *Политический дневник,* № 1 (*Самиздат*, октябрь 1964); *Политический дневник,* 1. С. 5–8.

79. Из выступления одного из советских руководителей в Праге; цит. в *Le Monde* (англоязычное издание), 13 января 1971 года.

80. Антисталинские настроения нашли отражение в следующих публикациях: Некрич, *1941, 22 июня*; Дьяков, *Повесть о пережитом*; Трифонов, *Отблеск костра*; Н.И. Немаков, *Коммунистическая партия – организатор массового колхозного движения (1929–1932 гг.)*, Москва, 1966; Вальцева, *Голубая земля*; Рыбаков, *Лето в Сосняках* (Москва, 1965); А. Мильчаков, *Первое десятилетие: записки ветерана комсомола*, 2-е изд. (Москва, 1965). О реабилитациях см. Jane P. Shapiro, «Rehabilitation Policy Under the Post-Khrushchev Leadership», *Soviet Studies,* April 1969. P. 490–8; van Goudoever, *Angst VoorHet Verleden.*

81. См. Cohen, ed., *An End to Silence*, chap. 3. *Политический дневник за 1965–1966 годы*. Об этих не предававшихся гласности событиях подробно рассказывается в статье Роя Медведева «Будет ли отмечаться в СССР 100-летие со дня рождения Сталина?» (*Двадцатый век,* № 7, самиздат, январь–март 1977 года). Просталинские выступления широко публиковались в печати; см. С. Трапезников, *Правда*, 8 октября 1965 года; Е. Жуков, В. Трухановский и В. Сушков, *Правда,* 30 января 1966 года; Стуруа, примечание 77. Статьи о коллективизации см. *Сельская жизнь,* 29 декабря 1965 года и 25 февраля 1966 г. Той же теме посвящена статья С.С. Смирнова «Смерть комсомолки» (*Комсомольская правда*, 15, 16, 18 и 19 ноября 1966 года).

82. См. *Белая книга по делу А, Синявского и Ю. Даниэля* (Франкфурт, 1967) и приложения к кн.: A.M. Nekrich, *June 22, 1941* (Columbia, S.C., 1968).

83. См. Cohen, ed.,. *An End to Silence*; *Политический дневник*, I, II; Brumbeig, ed., *In Quest of Justice.* Полезным пособием по истории этого периода является книга Ротберга (Rothberg, *The Heirs of Stalin*).

84. Медведев, *Книга о социалистической демократии.* С. 186. Были спущены новые руководящие указания по историографии (*Коммунист,* № 4, 1968. С. 107–14; № 2, 1969. С. 119–28; № 3, 1969. С. 67–82). Антисталинисты с отчаянием отмечали расхождения в

официальных толкованиях исторических событий при Хрущёве и после его падения; см. Н. Муратов, «Фальсификация истории продолжается», *Двадцатый век,* № 7, (*Самиздат*, январь–март 1976).

85. См., например, Ф.М. Ваганов, *Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930 гг.)*, 2-е изд. (Москва, 1977); В.В. Мидцев, *Ревизионизм на службе антикоммунизма* (Москва, 1975). С. 10–1 и примечание 95 к этой главе.

86. См. выше (примечание 84), а также романы Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» (Октябрь, сентябрь–ноябрь 1969) и Александра Чаковского «Блокада» (ч. 1, Москва, 1969). Просталинские настроения нашли отражение и в более ранних произведениях советских писателей; см. Виталий Закруткин, «Сотворение мира», *Октябрь*, июнь–июль 1967; М. Синельников «Ответственность перед временем», *Литературная газета,* 20 марта 1968 года и Cohen, ed., *An End to Silence*, chap. 3.

87. Медведев, «Будет ли отмечаться в СССР 100-летие со дня рождения Сталина?»; *Хроника текущих событий*, выпуски 1–15 (Амстердам, 1979). С. 258–9.

88. «К 90-летию со дня рождения И.В. Сталина», *Правда,* 21 декабря 1969 года. С другой стороны, составители отрывного календаря за 1969 год в биографической справке к годовщине со дня рождения Сталина даже не упоминают о репрессиях.

89. Сообщение об установлении бюста и его фотографическое изображение были опубликованы в газете *The New York Times,* June 26, 1970. Широкое освещение в печати похорон Ворошилова в декабре 1969 года также свидетельствовало о том, что со сталинского руководства сняты обвинения в совершенных им преступлениях. Молотов, который на протяжении многих лет не принимал участия в официальных церемониях, стоял в почетном карауле (*The New York Times*, December 6, 1969; *Washington Post,* December 7, 1969).

90. О значительности этого события см. В. Лакшин, «Солженицын, Твардовский и “Новый мир”» в сб.: Р. Медведев, ред., *Двадцатый век*, № 2 (Лондон, 1977) и Spechler, *Permitted Dissent.*

91. Назовем несколько наиболее значительных из не прошедших цензуру произведений, посвященных сталинскому периоду в истории СССР: Рой Медведев, *К суду истории* и *Они окружали Сталина*; Солженицын, *Архипелаг Гулаг*; Евгения Гинзбург, *Крутой маршрут* (Милан, 1967) и *Крутой маршрут, Книга вторая* (Нью-Йорк, 1985); Лидия Чуковская, *Опустелый дом* (Париж, 1981) и *Спуск под воду* (Нью-Йорк, 1972); Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана*; Zhoies A. Medvedev, *The Rise and Fall of T.D. Lysenko* (NewYork, 1969); В. Шаламов, *Колымские рассказы* (Лондон, 1978); Г. Владимов, *Верный Руслан* (Франкфурт, 1975); Александр Бек, *Новое назначение* (Франкфурт, 1971); Лев Копелев, *Хранить вечно* (Анн-Арбор, 1975), *И сотворил себе кумира* (Анн-Арбор), 1978) и *Утоли моя печали* (Анн-Арбор, 1981); Р. Орлова, *Воспоминания о непрошедшем времени* (Анн-Арбор, 1983); Евгений Гнедин, *Катастрофа и второе рождение* (Амстердам, 1977); Надежда Мандельштам, *Воспоминания* (Нью-Йорк, 1970) и *Вторая книга* (Париж, 1972); А. Некрич, *Наказанные народы* (Нью-Норк, 1978); В. Гроссман, *Все течет* (Франкфурт, 1970); А. Зимин, *Социализм и неосталинизм* (Нью-Йорк, 1981); Михаил Байтальский, *Это наша школа: воспоминания* (самиздат, 1970); Сурен Газарян, *Это не должно повториться* (самиздат, 1961); Кроме того, обширный материал собран в неподцензурных периодических изданиях *Память, Двадцатый век, Политический денвник, Поиски*; см. также Валерий Чалидзе, ред., *СССР: Внутренние противоречия*.

92. «К 100-летию со дня рождения И.В. Сталина», *Правда,* 21 декабря 1979 года; «Крупный вопрос исторического материализма», *Коммунист,* № 18, 1979. С. 25–46. Авторы обеих статей сетовали на упорный интерес, проявляемый Западом к сталинскому периоду, и намекали на то, что только по этой причине до сих пор приходится упоминать об «отрицательных» сторонах сталинизма.

93. Цитата взята из военного календаря за 1979 год. Просталинские настроения нашли отражения в следующих публикациях 1970-х годов: С. Семанов, *Сердце родины*

(Москва, 1977); В. Чикин, *Имярек* (Москва, 1977); Иван Шевцов, *Во имя отца и сына* (Москва, 1970) и *Любовь и ненависть* (Москва, 1970); Г.А. Деборин и Б.С. Телпуховский, *Итоги и уроки Великой отечественной войны*, 2-е изд. (Москва, 1975); Трапезников, *На крутых поворотах истории* (Москва, 1971); Иван Стаднюк, *Война* (Москва, 1977); Александр Чаковский, *Блокада*, 4 тома (Москва, 1969–1973) и *Победа*, 3 тома (Москва, 1980–); Петр Проскурин, *Судьба* (Москва, 1973); Анатолий Иванов, *Вечный зов.* Кн. 2 (Москва, 1977); А.В. Лихолат, *Содружество народов СССР в борьбе за построение социализма, 1917–1937* (Москва, 1976); Е. Амбирцумов и др., «Против искажения опыта реального социализма», *Коммунист*, № 18, 1978. С. 86–104; В.И. Погудин, *Путь советского крестьянства к социализму* (Москва, 1975).

94. *Коммунист*, № 18, 1979. С. 41–2; Rudolf L. Tökes, ed., *Dissent in the USSR* (Baltimore, 1975). P. 351.

95. См. например, С.Н. Семанов, «О ценностях, относительных и вечных», *Молодая гвардия*, август 1970. С. 319; Проскурин, *Судьба*. С. 241; Иванов, *Вечный зов*. С. 335; Семанов, *Сердце родины*. С. 63; В. Долежаль, «Плесень контрреволюции», *Литературная газета*, 28 июня 1978 года. См. также некоторые из цитировавшихся ранее произведений, особенно исторических романов (примечание 93). Экранизации романов Иванова и Проскурина для телевидения и кино получили государственные премии в 1979 году (*Правда*, 9 ноября 1979 года. С. 3). Просталинский роман Стаднюка «Война» был отмечен государственной премией в 1983 году.

96. См., например, юбилейные статьи о Жданове в газете *Правда* от 10 марта 1976 года и в журнале *Коммунист*, № 3, 1976, ее. 80-

86. Были опубликованы книги Давида Заславского, одного из самых известных мастеров клеветнического доноса, процветавшего в сталинские годы *Винтик с рассуждением*, (Москва, 1977) и *Талант*, отданный газете, (Москва, 1980). Дождался реабилитации Молотов (*Soviet Analyst*, December 12, 1974. P. 4).

97. Мы показали это в предыдущей главе в связи с процессом Бухарина. Причины реабилитации процессов против оппозиционеров вскрыты в статье С. Семанова «Беречь как зеницу ока», *Молодая гвардия,* апрель 1977. С. 249–99. О Молотове см. *The New York Times,* July 6, 1984.

98. См. Hedrick Smith, *The Russians* (New York, 1976), chap. 10; David K. Shipler, *Russia: Broken Idols, Solemn Dreams* (New York, 1983), chap. 6; Виктор Некипелов, «Сталин на ветровом стекле», *Континент*, № 19 (1979). С. 238–43; анализ самиздатской литературы в «Форуме» (Мюнхен), № 1 (1982). С. 42–3. А почему бы и нет? Ведь даже увешанный наградами маршал с гордостью поведал миру о том, что хранил в письменном столе фотографию Сталина (С.М. Буденный, *Пройденный путь*, Москва, 1973. С. 404). В январе 1984 года советское радио транслировало запись речи Сталина (*Soviet East European Report,* February 14,1984,p. 4).

99. Цит. в *The New York Times*, December 16,1979, December 3,1978. См. также недописанную статью «Две смерти Сталина» в газете *Новое русское слово* от 9 августа 1981 года.

100. Так, наиболее рьяные неосталинисты типа Шелепина были понижены в должности или вообще смещены с руководящих постов. Сам Брежнев понимал необходимость публичных заверений в том, что возврата к массовому террору не будет (*Правда*, 5 июня 1977).

101. Померанц, *Неопубликованное*. С. 223–4.

102. Классическим образчиком такого рода литературы является произведение Семанова «Сердце родины». Относящиеся к данной теме факты и их анализ содержатся в следующих публикациях: Медведев, *Книга о социалистической демократии.* С. 104–10; Alexander Yanov, *The Russian New Right* (Berkeley, 1978); Mikhail Agursky, «Contemporary Russian Nationalism: History Revised» (Hebrew University of Jerusalem, Research Paper No. 45, January 1982).

103. Cm. Victor Zaslavsky, «The Rebirth of the Stalin Cult in the USSR», *Telos*, Summer 1979. P. 8–16 и примечание 98 к этой главе.

104. См. Darrell P. Hammer, *USSR: The Politics of Oligarchy* (Hinsdale, 111., 1974). P. 94; Smith, *The Russians.* P. 245–9; Некипелов, «Сталин на ветровом стекле»; статьи Шиллера (Shipler) в *The New York Times,* November 26, 1977, December 3, 1978; Shipler, *Russia,* chap. 6; *Forum* (Munich), No. 1 (1982). P. 42–3.

105. Евтушенко; цит. в кн,: Smith, *The Russians.* P. 247–8. См. также Craig Whitney, *The New York Times*, December 29,1978.

106. См. примечание 54 к главе 5.

107. Без идеологического обоснования, новые экономические реформы ждет судьба преобразований, начатых в 1965 году. См. Karl W. Ryavec, *Implementation of Soviet Economic Reforms* (New York, 1975). P. 296. Я подробнее рассматриваю этот вопрос в следующей главе.

108. В. Чалмаев, «Отблески пламени», *Москва,* февраль 1978. С. 187.

109. Эта точка зрения развивается в следующих публикациях: *Политический дневник*, II. С. 302–8; стихотворение, процитированное в кн.: Медведев, *К суду истории*. С. 84; стихи Твардовского в сб.: *Политический двневник*, № 60 (самиздат, сентябрь 1960); *Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля* (Франкфурт, 1967). С. 185–6; Павел Антокольский в кн.: *Russia's Underground Poets* (New York, 1969). P. 7; Валерий Чалидзе, ред., *Ответственность поколения* (Нью-Йорк, 1981). Массовая поддержка культа Сталина имеет, конечно, непосредственное отношение к данной проблеме (примечание 26 к этой главе).

110. *Политический дневник*, I. С. 86. См. также Leopold Labedz, ed., *Solzhenitsyn: A Documentary Record* (доп. издание, Bloomington, Ind., 1973); Brumberg, ed., *In Quest of Justice*. P. 316–8; *Память*, № 1 (Нью- Йорк, 1978). С. V–VII; многие из цитировавшихся ранее (примечание 91) публикаций.

111. Антонов-Овсеенко, *Портрет тирана.* С. 6.

112. См., например, Чингиз Айтматов и Калтай Михамеджанов, *Восхождение на Фудзияму* (Нью-Йорк, 1975) – эта пьеса была поставлена в 1973 году; отзыв на книгу Стаднюка «Война» в газете *Комсомольская правда*, 17 сентября 1974 года. С. 2; Юрий Трифонов, «Дом на набережной», *Дружба народов*, январь 1976 года. С. 83–168 – инсценировка этого произведения была поставлена в 1979–1980 гг.; Юрий Трифонов, *Старик* (Москва, 1979); Александр Крон, *Бессоница* (Москва, 1979); Федор Бурлацкий, *Загадка и урок Никколо Макиавелли* (Москва, 1977); Чингиз Айтматов, «И дольше века длится день», *Новый мир,* № 11, 1980. С. 3–185. См. также интервью по данному вопросу с Юрием Трифоновым, Булатом Окуджавой и Василием Аксеновым в *The New York Times*, December 16, 1979. (Аксенов покинул СССР в 1980 году; Трифонов умер в Москве в 1981 году.)

Глава 5

1. А.М. Румянцев, «Вступающему в мир науки», *Правда*, 8 июня 1967 года; «Когда отстают от времени», *Правда* (редакционная статья), 27 января 1967 года; О. Лацис, «Новое надо отстаивать», *Новый мир*, октябрь 1965. С. 255. Фраза о «двух оттенках в подходе к жизни» относится к деревенской жизни, но она имеет гораздо более общий смысл; см. Феликс Кузнецов, «Судьбы деревни в прозе и критике», *Новый мир,* № 6 (июнь) 1973. С. 241. После 1953 года тема новаторства и традиций породила бесконечные дискуссии. Она проходит красной нитью и через произведения советских писателей от *Не хлебом единым* (1956) Владимира Дудинцева до книги Александра Зиновьева *Светлое будущее* (1978). См. также кн.: В Оскоцкий, *Роман и история: традиции и новаторство советского исторического романа* (Москва, 1980); эта работа послужила поводом для бурных политических диспутов в начале 1980-х годов.

2. Критический разбор таких методологических приемов советологии дается в этой книге, в цитировавшихся ранее (глава 1, примечание 90) работах полигологов-ревизионистов, а также в следующих публикациях: Carl A. Linden, *Khrushchev and the*

Soviet Leadership (Baltimore, 1966). P. 1–9; William Taubman, «The Change to Change in Communist System» in Henry W. Morton and Rudolf L. Tokes, eds., *Soviet Politics and Society in the 1970s* (New York, 1974). P. 369–94.

3. К числу новейших работ относятся следующие публикации: Jerry F. Hough, *The Soviet Union and Social Science Theory* (Cambridge, Mass., 1977); Jerry F. Hough, *Soviet Leadership in Transition* (Washington, D. C., 1980); Seweryn Bialer, *Stalin 's Successors: Leadership, Stability and Change in the Soviet Union* (New York, 1980); George W. Breslauer, *Khrushchev and Brezhnev as Leaders* (London, 1982); Robert F, Byrnes, ed., *After Brezhnev* (Bloomington, Ind., 1983); Cohen, Rabinovitch, Sharlet, eds., *The Soviet Union Since Stalin* (Bloomington, Ind., 1980).

4. Мой вывод об этих четырех категориях отчасти основан на изучении следующих первоисточников: Р. Медведев, *Книга о социалистической демократии* (Амстердам/Париж, 1972), глава 3 и в других местах; Alexander Yanov, *Detente After Brezhnev* (Berkeley, 1977); Игорь Глаголев, «Советское руководство: сегодня и завтра», *Русская мысль*, 31 августа 1978 года. Обширная информация о внутрипартийных тенденциях содержится в 2 томах сборника *Политический дневник* (Амстердам, 1972 и 1975 годы). Многие полагают, что правящая партия в однопартийной системе внутренне однородна и не имеет столь широкого спектра политических взглядов. Верно обратное. Илья Эренбург как-то заметил: «Беда в том, что у нас только одна партия и в нее вступают все, даже такие фашисты, как Шолохов» (цит. в кн.: Alexander Werth, *Russia: Hopes and Fears* [London, 1969]. P. 199–200, 204). О демократически настроенном члене КПСС см. статью Владимира Лакшина «Солженицын, Твардовский и “Новый мир”» в сб.: Р. Медведев (ред.), *Двадцатый век,* № 2 (Лондон, 1977). С. 200–1. Некоторые демократы публично заявляли, что Ленин не настаивал на однопартийной диктатуре; см. Ю.А. Красин, *Ленин, революция, современность* (Москва, 1967). С. 195.

5. Arno J. Mayer, *Dynamics of Counterrevolution in Europe, 1870–1956* (New York, 1971), chap. 2.

6. Из этого правила существуют исключения. См., например, следующие публикации: Sidney I. Ploss, *Conflict and Decision-Making in Soviet Russia* (Princeton, 1965); Linden, *Khrushchev and the Soviet Leadership*. P. 18–21; Moshe Levin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates* (Princeton, 1974).

7. Alexander Yanov, *Essays on Soviet Society* (спец, выпуск журнала *International Journal of Sociology,* Summer–Fall 1976, особенно с. 75–№ 75; Г. Козлов и М. Румер, «Только начало», *Новый мир*, ноябрь 1966 года. С. 182; О. Лацис, «Новое надо отстаивать», *Новый мир,* октябрь 1965 года. С. 255; Ф. Чапчаков, «Под видом гипотезы», *Литературная газета,* 16 августа 1972 г. Чапчаков выступил с критикой теории Янова о наличии «двух типов» коммунистов и невольно подтвердил ее. Слова Молотова процитированы в кн.: Giuseppe Boffa, *Inside the Khrushchev Era* (New York, 1959). P. 108. Слово «консерватор» часто встречается в советской прессе. Несколько разных слов и выражений используются для обозначения понятия «реформатор»; входит в обращение заимствованное из английского языка слово «реформист». См. об этом в кн.: Валентин Турчин, *Инерция страха* (Нью-Йорк, 1977). Советские авторы часто используют эти понятия, анализируя другие политические системы; скрытый смысл таких произведений с содержащимися в них намеками на советскую действительность вполне очевиден читателям. См., например, М.П. Мчедлов, *Эволюция современного католицизма* (Москва, 1966). Один из писателей-эмигрантов утверждает, что по разные стороны барьера в политической борьбе стоят не сторонники и противники перемен, а «совестливые души и продажные твари». Такое различие по моральному признаку, конечно, существенно, но вряд ли достаточно для анализа ситуации. См. Григорий Свирский, *На лобном месте* (Лондон, 1979). С. 193.

8. В. Лакшин, «Иван Денисович, его друзья и недруги», *Новый мир,* январь 1964 года. С. 230; Медведев, *Книга о социалистической демократии.* С. 43.

9. Весь спектр мотивов (страх перед переменами, своекорыстные интересы, философия), побуждающих консерваторов противиться экономическим реформам в СССР, проанализирован в серии работ Бирмана, опубликованных в журнале *Новый мир* в 1965–1968 годах, особенно в его статье «Суть реформы» (*Новый мир*, декабрь 1968 года. С. 185–204).

10. В. Коссов и Ф. Котов, «Книга, имитирующая научный поиск», *Плановое хозяйство,* № 4, апрель 1976 года. С. 135. Краткий обзор обширной литературы по современному консерватизму дан в работе: Clinton Rossiner, «Conservatism», *International Encyclopedia of the Social Sciences*, 3 (New York, 1968). P. 290–5.

11. См., например, следующие работы: Турчин, *Инерция страха*; Медведев, *Книга о социалистической демократии*; Yanov, *Essays on Soviet Society;* А. Амальрик, *Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?* (Амстердам, 1969); Alexander Yanov, *The Drama of the Soviet 1960s: A Lost Reform* (Berkeley, 1984); а также публикации, перечисленные в примечаниях 9 и 38 к этой главе.

12. Кроме цитировавшихся ранее (примечание 6) работ, см., например, Michel Tatu, *Power in the Kremlin: From Khrushchev to Kosygin* (New York, 1969); H. Gordon Skilling and Franklin Griffiths eds., *Interest Groups in Soviet Politics* (Princeton, 1971); Breslauer, *Khrushchev and Brezhnev as Leaders*; Thane Gustafson, *Reform in Soviet Politics: Lessons of Recent Policies of Land and Water* (New York, 1981).

13. Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates.* P. 262, 298. Другими словами, большинство идей, открыто выраженных в неподцензурных самиздатских работах, появляются в завуалированной форме в различных официальных изданиях, особенно в «толстых» ежемесячных журналах, рассчитанных на интеллигенцию.

14. Alexander Yanov, *The Russian New Right* (Berkeley, 1978). P. 15.

15. *Политический дневник*, I. С. 123; Чапчаков, «Под видом гипотезы»; *Политический дневник*, № 66 (самиздат, март 1970 года). С. 36; А. Яковлев, «Против антиисторизма», *Литературная газета*, 15 ноября 1975 года.

16. См. Linden, *Khrushchev and the Soviet Leadership*; Roy Medvedev, *Khrushchev* (New York, 1983).

17. В дополнение к цитировавшимся ранее (примечания 6 и 12) работам, см. разделы, посвященные 1950-м и 1960-м годам, в следующих публикациях: Nancy Whittier Heer, *Politics and History in the Soviet Union* (Cambridge, Mass., 1971); Peter H. Juviler, *Revolutionary Law and Order* (New York, 1976); Gail Warshofsky Lapidus, *Women in Soviet Society* (Berkeley, 1978); Aron Katsenelinboigen, *Studies in Soviet Economic Planning* (White Plains, N. Y., 1978); Timothy McClure, «The Politics of Soviet Culture, 1964–1967», *Problems of Communism*, March–April 1967. P. 26–43; Harold J. Berman, *Justice in the USSR*, rev.ed. (New York, 1963); Dina R. Specifier, *Permitted Dissent in the USSR: Novy Mir and the Soviet Regime* (New York, 1982).

18. Речь идет о таких людях, как Твардовский в литературе, А. Бирман, В.Г. Венжер и Г.С. Лисичкин в экономике, А.М. Румянцев и Федор Бурлацкий в социологии, М.Д. Шаргородский в юриспруденции, В.П. Данилов и Михаил Гефтер в историографии. Один из самиздатских авторов ставил вопрос: «Может быть, эпоху Хрущёва вернее было бы назвать эпохой Твардовского?» Эта фраза подчеркивает значение деятельности Твардовского на посту редактора реформистского журнала Новый мир.

19. В статье, опубликованной в газете Правда от 27 января 1967 года, реформистский *Новый мир* и консервативный *Октябрь* рассматривались как «два полюса» в советской политике. В частных беседах советские интеллектуалы часто называли эти журналы «органами наших двух партий». О роли этих журналов и особенно Нового мира см.: Александр Солженицын, *Бодался теленок с дубом* (Париж, 1975); Лакшин, Солженицын, Твардовский и «Новый мир»; Specifier, *Permitted Dissent.* См. также Yanov, *The Russian New Right,* chap. 3.

20. Приведем несколько завуалированных «кодовых» выражений, которыми пользовались реформисты и консерваторы, соответственно: бюрократизм как главная опас-

ность – анархия как главная опасность; Ленин периода 1921–1923 годов – Ленин периода 1918–1920 годов; XX и XXII съезды КПСС – XXIII, XXIV и XXV съезды КПСС; права женщин – устойчивость семьи; новаторство – дисциплина; обновление кадров – стабильность кадров; общественные интересы – органичное единство общества.

21. См., например, *Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций* (Москва, 1973); П.М. Рогачев и М.А. Сверклин, *Патриотизм и общественный прогресс* (Москва, 1974); редакционные статьи в газете *Правда* от 5 и 24 февраля и 17 октября 1978 года. Различные аспекты консервативной по- литики обсуждаются в следующих работах: T.H. Rigby, «The Soviet Leadership: Towards a Self-Stabilizing Oligarchy?», *Soviet Studies,* October 1970. P. 167–91; T.H. Rigby, «The Soviet Regional Leadership: The Brezhnev Generation», *Slavic Review,* March 1978. P. 1–24; Breslauer, *Khrushchev and Brezhnev as Leaders*; Robert E. Blackwell, Jr. «Cadres Policy in the Brezhnev Era», *Problems of Communism*, March–April 1979. P. 29–42.

22. Цит. в ст.: Ю. Суботский, «Управление, хозрасчет, самостоятельность», *Новый мир,* июль 1969 года. С. 265. Образчики выхолощенной «новаторской» риторики можно найти в редакционных статьях газеты Правда от 15 мая и 9 июля 1980 года.

23. Лев Копелев, цит. в *The New York Times*, December 3,1978.

24. Противоборство началось на страницах соперничающих журналов «Новый мир» и «Октябрь», но впоследствии распространилось на многие другие публикации. См. Yanov, *The Russian New Right*; Frederick C. Barghoom, «The Political Significance of Great Russian Nationalism in Brezhnev's USSR» (доклад на конференции Американской ассоциации славистов и советологов [AAASS]. Вашингтон, октябрь 1977 года); John B. Dunlop, *The Faces of Contemporary Russian Nationalism* (Princeton, 1983).

25. Первое из этих выражений я услышал в Москве в ходе частной беседы, а второе – заимствовал из статьи А. Янова «Движение молодого героя» в журнале *Новый мир*, № 7, 1972. С. 235. Аналогичные высказывания см. в следующих публикациях: А. Дементьев, «О традициях и народности», *Новый мир*, апрель 1969. С. 215–35; Яковлев, «Против антиисторизма»; *Политический дневник* (самиздат). Несмотря на чисто русскую лексику, эта риторика отражает универсальную консервативную, в чем-то даже буркеанскую философию. См., например, восхваление «социального авторитета» и «преемственности поколений» в книге С. Семанова *Сердце родины* (Москва, 1977). С. 92–3. Принципиальные возражения против «новаторства» в опере и классическом русском балете приобрели особую остроту и поэтому представляют большой интерес. См., например, следующие публикации: Правда, 11 марта 1978 года. С. 6; Наш современник, № 6 (июнь) 1978. С. 173–80; Наш современник, № 4 (апрель) 1979. С. 177–82; а также John F. Burns, «Feud Embroils Bolshoi Ballet», *The New York Times*, September 21,1981.

26. См. выше (примечание 11).

27. См. С. Коэн, *Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1988–1938* (Royal Oak, Michigan, 1980). С. 140–6. Советские реформисты с готовностью признают, что переход к НЭПу был «первой реформой». См, например, А. Бирман, «Мысли после пленума», *Новый мир*, декабрь 1965. С. 194.

28. См., например, Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates.* Гл. 12 и в других местах; Г.С. Лисичкин, *План и рынок* (Москва, 1966); М.П. Ким, ред, *Новая экономическая политика: вопросы теории и истории* (Москва, 1974); Румянцев, «Партия и интеллигенция», *Правда*, 21 февраля 1965 года; глава 3 этой книги.

29. Коэн, *Бухарин и большевистская революция.* С. 354–9; Ploss, *Conflict and Decision-Making in Soviet Russia.* P. 28–58; Werner G. Hahn, *Postwar Soviet Politics: The FaU of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953* (Ithaca, 1982).

30. Это относится и к внешней политике. См. Robert C. Tucker, *The Soviet Political Mind*, rev. ed. (New York, 1971), chap. 4.

31. О подходе к изучению сталинизма в общем контексте политической культуры см. Robert C. Tucker, «Stalinism as Revolution from Above» in Tucker, ed, *Stalinism* (New

York, 1977). P. 77–108. Консервативные аспекты сталинизма рассмотрены ниже (примечание 33).

32. Moshe Lewin, «The Social Background of Stalinism», in Tucker, ed, *Stalinism.* P. 133–35.

33. См. Vera S. Durham, *In Stalin's Time* (Cambridge, 1976); Л. Троцкий, *Что такое С.С.С.Р. и куда он идет?* (Париж); Nikolas S. Timasheff, *The Great Retreat* (New York, 1945); Frederick C. Barghoom, *Soviet Russian Nationalism* (New York, 1956).

34. Lewin, «The Social Background of Stalinism». P. 133–5; Robert H. McNeal, «The Decisions of the CPSU and the Great Purge», *Soviet Studies,* October 1971. P. 177–85. Определение«временщики» принадлежит Хрущёву; см. Nikita S. Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (Boston, 1970). P. 307. После смерти Сталина появились многочисленные произведения мемуарной и художественной литературы, повествующие о драматической студьбе пребывавшего в вечном страхе сталинистского начальства, Яркие страницы посвящены этому вопросу в книге Александра Солженицына *В круге первом* (Париж, 1969). Сложившаяся ситуация рассмотрена и в разоблачающем Сталина докладе Хрущёва на XX съезде КПСС.

35. В предыдущей главе я упоминал об атмосфере страха, в которой принимались эти решения; см. также *Khrushchev Remembers.* P. 315–53.

36. См. Breslauer, *Khrushchev and Brezhnev as Leaders,* Part II.

37. Слабости Хрущёва как политического лидера проанализированы в книге сочувствующих ему диссидентов: Roy A. Medvedev and Zhores A. Medvedev, *Khrushchev: The Years in Power* (New York, 1978). Детальный анализ официальных обвинений, выдвинутых против свергнутого Хрущёва дан в кн.: Medvedev, *Khrushchev*, chap. 21.

38. Советские социологи-реформисты с удивлением обнаружили, что официальные опросы свидетельствуют о консерватизме широких масс советского населения. Об этом сообщил советский социолог-эмигрант Владимир Шляпентох (*The New York Times*, February 3, 1980). См. также результаты опросов, приведенные в следующих публикациях: Walter D. Connor, «Generations and Politics in the USSR», *Problems of Comunism,* September–October 1975. P. 20–31; Walter D. Connor and Zvi Y. Gitelman, *Public Opinion in European Socialist System* (New York, 1977). P. 112; Р.А. Сафаров, «Политический статус общественного мнения», *Социологические исследования,* № 4 (октябрь–декабрь 1979). С. 11–22. На «консерватизм» масс жаловались многие представители нонконформистской интеллигенции. См., например, Надежда Мандельштам, *Вторая книга* (Париж, 1978). С. 591, а также примечание 11 к этой главе. Аналогичное впечатление складывается и у западных наблюдателей. См., например, David K, *Shipler, Russia: Broken Idols, Solemn Dreams* (New York, 1983).

39. Аналогичные рассуждения содержатся в кн.: Hough, *The Soviet Union and Social Theory.* P. 3.

40. См., например, Михаил Агурский, *Советский голем* (Лондон, 1983). С. 24.

41. См. Robert C. Tucker, *The Marxian Revolutionary Idea* (New York, 1969), chap. 6.

42. Это, конечно, не означает отречения от революции. Просто революции часто переосмысливаются с консервативных позиций, как это произошло в СССР и США. Об американском варианте такого переосмысливания см. Michael Kämmen, *A Season of Youth: The American Revolution and the Historical Imagination* (New York, 1978).

43. Это предостережение принадлежит Бухарину, см.: Коэн, *Бухарин и большевистская революция.* С. 195.

44. См. Bohdan Harasymiw, «Nomenklatura», *Canadian Journal of Political Science*, December 1969. P. 512; Mervyn Matthews, *Privilege in the Soviet Union* (London, 1978).

45. См. цитировавшиеся ранее работы, посвященные кадровой политике (примечание 27), а также Hough, *Soviet Leadership in Transition.*

46. Karl W. Ryavec, *Implementation of Soviet Economic Reforms* (New York, 1975).

47. Первое выражение взято из секретного «новосибирского меморандума» академика Татьяны Заславской, появившегося в апреле 1983 года (*Материалы самиздата*,

№ 5042. С. 18). Второе выражение и различные его варианты я неоднократно слышал в Москве в конце 1970-х и начале 1980-х годов. Оно отражает отчаяние, проскальзывавшее в частных беседах со сторонниками реформ.

48. А. Янов, «Кино и научно-техническая революция», *Искусство кино,* № 11, 1972. С. 235. Советская пресса иногда задается вопросом о происхождении консерватизма (Р. Бахтамов и П. Волин, «Откуда берутся консерваторы?» *Литературная газета,* 6 сентября 1967 года). Приведенное в тексте историческое объяснение корней консерватизма не исчерпывает существа вопроса, но имеет большое значение для правильного его понимания.

49. Можно привести множество примеров, но ограничимся цитатой из воспоминаний Светланы Аллилуевой, которая несомненно выражала точку зрения миллионов советских людей: «В моей частной жизни я прошла через много радикальных перемен, но что касается политики, то я очень консервативна» (цит. в газете *Новое русское слово*, 15 августа 1979 года). Диссидент Лев Копелев, проведший почти 10 лет в сталинском Гулаге, так реагировал на запуск советского спутника в 1957 году: «Я ожидал, что американцы первыми запустят спутник, а когда это сделал Советский Союз, я был горд, несмотря ни на что» (цит. в газете *The New York Times*, October 4, 1977).

50. Некоторые из них поплатились карьерой, другие, подобно Андрею Сахарову и братьям Медведевым, вскоре стали открытыми диссидентами, третьи, как это произошло с Леном Карпинским, невольно пришли к диссидентам из самых верхов политического аппарата; см. об этом в кн.: Stephen F. Cohen, ed., *An End to Silence: Uncensored Opinion in the Soviet Union* (New York, 1982). P. 299. Характерным для этого периода является также разгром редакции Нового мира; см. Spechler, *Permitted Dissent*, а также Yanov, *The Drama of the Soviet 1960s.*

51. См, например, цитировавшиеся ранее (примечание 4) работы о послехрущёвском периоде советской истории: Abraham Brumberg, «A Conversation With Andrei Amalrik», *Encounter,* June 1977. P. 30; обсуждавшиеся ранее (глава 3) работы нынешних сторонников преобразований по нэповскому образцу. Интересная политическая программа реформ излагается в книге А. II. Бутенко, *Политическая организация общества при социализме* (Москва, 1981).

52. См, например, цитировавшуюся выше докладную записку (примечание 47). Трудности и застой последних лет брежневского правления обсуждаются в кн.: Bialer, Stalin's *Successors* (особенно в главе 15).

53. См, например, выступление Андропова на пленуме ЦК в июне 1983 года (*Правда*, 16 июня 1983 года). Тон этого выступления характерен для центральной прессы (во всяком случае для значительной ее части) андроповского периода.

54. О поддержке реформ см. информационное сообщение в Правде от 26 июля 1983 года, комментарий в *Правде* от 5 августа 1983 года, а также доводы Андропова против «полумер» (*Правда*, 16 августа 1983 года). О противодействии верхушки бюрократического аппарата, управляющего советской экономикой, см. John F. Burns, *The New York Times*, August 18, 1983, а также статью П. Игнатовского «О политическом подходе к экономике» (*Коммунист*, № 12,1983. С. 60–72).

55. См, например, книгу Г, А. Деборина и Б.С. Тельпуховского *Итоги и уроки Великой отечественной войны*, 2-е изд, Москва, 1975.

56. Судьба оказавшихся в Гулаге военнопленных и многих других военнослужащих послужила одной из главных тем яростных споров, разгоревшихся в 1950-х и 1960-х годах. В отличие от террора 1930-х годов, эти события были частью биографии многих советских людей. Одной из жертв был Александр Солженицын, подробно рассказавший о тяжелой судьбе попавших в Гулаг военнопленных.

57. David Thomson, *Democracy in France* (London, 1960).

58. Я пришел к этому обобщенному выводу на основании изучения печатной продукции советского марксизма-ленинизма, результатов официальных опросов общест-

венного мнения, произведений художественной литературы, посвященных простому советскому человеку, а также исходя из многочисленных бесед с советскими людьми.

59. О необходимости такого «договора» см. George W. Breslauer, «On the Adaptability of Welfare-State Authoritarianism in the USSR» в сб.: Karl Ryavec, ed., *Soviet Society and the Communist Party* (Amherst, 1979). P. 3–25. Опросы советских иммигрантов, проводившиеся на протяжении трех десятилетий, свидетельствуют о том, что население СССР придает большое значение программам социального обеспечения, осуществляемым государством; см. об этом Alex Inkeies, Raymond A. Bauer, *The Soviet Citizen* (Cambridge, Mass., 1959), особенно гл. 10 и Zvi Gitelman, «Soviet Political Culture: Insights from Jewish Emigres», *Soviet Studies*, October 1977. P. 562. Сведения, предоставленные недавними иммигрантами, содержатся в ст.: Александр Абрамов, «Коммунистические иллюзии не изжиты», *Новое русское слово*, 2 апреля 1983 года.

60. См, например, высказывания Андропова об «уровне жизни» на пленуме ЦК КПСС в июне 1983 года (*Правда*, 16 июня 1983 года). В этом выступлении Андропов подчеркивал превосходство «духовных» перед «материальными» аспектами повседневной жизни. Его речь вызвала поток статей в советской прессе, которая сетовала на своекорыстные и потребительские настроения, подчеркивая при этом их решающую роль в отношениях между государством и народом (см, например, публикации в *Правде* от 26 августа, 19 сентября и 30 сентября 1983 года).

61. Этот вопрос обсуждается в кн.: Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates.* Гл. 6–9.

62. Яковлев, «Против антиисторизма».

63. П. Копнин, *Правда*, 10 февраля 1966 г. См. также следующие работы: А.М. Румянцев, «Вступающему в мир науки»; А. Бовин, «Истина против догмы», *Новый мир,* октябрь 1963. С. 180–7.

64. Здесь и далее мои высказывания о царской бюрократии основаны на изучении следующих первоисточников: S. Frederick Starr, *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870* (Princeton, 1972); Richard S. Worthman, *The Development of a Russian Legal Consciousness* (Chicago, 1976); Daniel T. Orlovsky, *The Limits of Reform* (Cambridge, Mass, 1981); Daniel Field, *The End of Serfdom* (Cambridge, Mass, 1976) и особенно W. Bruce Lincoln, *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861* (Dekalb, Ill., 1982).

65. См, например, ст.: П. Волин, «Люди и экономика», *Новый мир*, март 1969. С. 154–68. О реформистском движении в странах Восточной Европы см. Vladimir V. Kusin, «An Overview of East European Reformism», *Soviet Studies*, July 1976. P. 338–61.

66. Я подробно рассмотрел этот вопрос в своей книге *Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities* (New York, 1985). P. 73–7.

67. Так, например, Солженицын, непримиримый враг советской системы и коммунистической идеи, говорит: «Но я никогда не призывал к физической всеобщей революции. Это – такое уничтожение народной жизни, которое, бывает, не стоит одержанной победы». (А. Солженицын, «Радиоинтервью компании Би-Би-Си», *Собрание сочинений.* Т. 10, [Париж, 1983]. С. 369–70).

68. См., например, самиздатский материал в кн.: Cohen, ed., *An End to Silence,* chap. 6; Abraham Brumberg, ed., *In Quest of Justice* (New York, 1970); А. Сахаров, *Размышления о прогрессе, мире и интеллектуальной свободе* (Франкфурт, 1968); Медведев, *Книга о социалистической демократии.*

69. Развитие либерального диссидентского движения нашло отражение в подпольном журнале Хроника текущих событий, а также в формировании мировоззрения Андрея Сахарова. См. А. Сахаров, *О стране и мире* (Нью-Йорк, 1976); А. Сахаров, *Тревога и надежда* (Нью-Йорк, 1977); *Sakharov Speaks* (New York, 1975).

70. Я много слышал о кризисе идей в Москве 1970-х годов. Слова «тупик» и «нет выхода» часто фигурировали в беседах с либерально настроенными диссидентами, а самый популярный тост звучал так: «За успех нашего безнадежного дела». Эта безна-

дежность нашла отражение и в художественной литературе; см. Александр Зиновьев, *Светлое будущее* (Лозанна, 1978) и *Gomo sovetikus* (Лозанна, 1982). Два других крыла диссидентского движения сохранили оптимизм и надежду на реформу, продолжая уповать на «потребителей» в партийно-государственном бюрократическом аппарате. Речь идет о социал-демократическом крыле, представленном Роем Медведевым, и крайне-правом националистическом движении, представленном такими людьми, как Геннадий Шиманов. Я подробнее рассмотрел этот вопрос в своей книге *Sovieticus.* С. 97–101.

71. Многие известные диссиденты начали свою политическую деятельность как официальные реформисты, писатели и интеллектуалы, входившие в состав советской элиты. К ним относятся Андрей Сахаров, генерал Петро Григоренко, Рой и Жорес Медведевы, Василий Аксенов и Виктор Некрасов.

72. Новые тенденции диссидентского движения нашли отражение в том, что в конце 1970-х годов появилось большое количество просоциалистически ориентированных подпольных группировок и публикаций. Это документально подтверждается следующими источниками: *Форум* (Мюнхен), № 1 (1982). С. 3–44; № 3 (1983). С. 60–80; *Chronicle of Human Rights in the USSR*, No. 45 (January–March 1982). P. 5–28; No. 47 (July–September 1982). P. 5–8. См. также Д.П. Васильев «Коалиция надежды» в жур.: Валерий Чалидзе, ред., *СССР: Внутренние противоречия*, № 8 (1983). С. 139–96. В начале 1980-х годов аналогичное оживление реформистских настроений было отмечено и у некоторых диссидентов-иммигрантов. См, например, книгу Валерия Чалидзе *Будущее России* (Нью-Йорк, 1983).

73. Некоторые из западных советологов рассматривают следующее поколение советских чиновников как единую группу политических единомышленников. В этой связи стоит вспомнить о расстановке политических сил в СССР в 1950-х и 1960-х годах, когда каждая возрастная группа населения – сыновья, отцы и деды, как их в то время называли – делились на сторонников и противников десталинизации. Однако следующее поколение советских руководителей столкнется с новой проблемой. В отличие от всех правящих группировок послесталинского периода, оно не сможет опираться на достижения внутренней и международной политики, которых удалось добиться до, во время и вскоре после второй мировой войны. Новые руководители, вышедшие на политическую арену после этих свершений, должны будут добиваться собственных успехов. Это обстоятельство может активизировать деятельность реформистов, которые несомненно окажутся среди новых руководителей.

74. Цит. в кн.: H. Gordon Skilling, *Czechoslovakia's Interrupted Revolution* (Princeton, 1976). P. 495.

75. Rossiter, «Conservatism». P. 292, 294.

76. См. советскую прессу, особенно газету *Правда*, за период с декабря 1982 по сентябрь 1983 года. Андроповская кампания за укрепление трудовой дисциплины вызвала одобрение неосталинистских бюрократов, полагающих, что возрождение сталинских драконовских мер, которые были направлены против рабочих и превращали даже незначительное нарушение в преступление, приведет к повышению производительности труда. С другой стороны, кампания против «коррупции» встретила поддержку среди простых людей, ибо внушала надежду на то, что властям удастся остановить взяточничество и преступность. Об укреплении единомыслия среди реформистов и консерваторов свидетельствует, в частности, публикация в реформистском журнале Новый мир произведений нескольких писателей-деревенщиков, придерживающихся консервативных взглядов. Об аналогичной тенденции в диссидентском движении свидетельствует содержание самиздатских журналов *Поиски* и *Память*.

77. Внешнеполитическими событиями, спровоцировавшими упомянутые в тексте отрицательные явления внутренней жизни СССР были, соответственно, иностранная интервенция 1918 года, страх перед войной в 1927 году, приход фашистов к власти в Германии в 1933 году, начало холодной войны после 1945 года, эскалация американской войны во Вьетнаме и советское вторжение в Чехословакию в 1960-х годах. Неко-

торые факты свидетельствуют о том, что аналогичная картина складывается и в середине 1980-х годов.

78. Я подробнее останавливаюсь на этом в статье «Soviet Domestic Politics and Foreign Policy», опубликованной в сб.: Fred Warner Neal, ed., *Detente or Debacle: Common Sense in U.S. – Soviet Relations* (New York, 1979). P. 11–28.

Можно ли было реформировать советскую систему?

1. *Richard Sakwa.* Gorbachev and His Reforms, 1985–1990. – Englewood Cliffs: N. J., 1991. P. 357; *Ed A. Hewett.* Is Soviet Socialism Reformable? //The Soviet System: From Crisis to Collapse. Alexander Dallin and *Gail W.* Lapidus eds. Rev. ed. – Boulder, 1995. P. 320. В качестве примеров других работ того времени, основанных на мнении о реформируемости системы, см.: *Robert V. Daniels.* Is Russia Reformable? Change and Resistance from Stalin to Gorbachev. – Boulder, 1988; *George W. Breslauer, ed.* Can Gorbachev's Reforms Succeed? – Berkeley, 1990; *Stephen White.* Gorbachev in Power. – New York, 1990; *Robert T. Huber, Donald R. Kelley, eds.* Perestroika-Era Politics: The New Soviet Legislature and Gorbachev's Political Reforms. – Armonk, 1991; *Eugene Huskey, ed.* Executive Power and Soviet Politics: The Rise and Decline of the Soviet State. – Armonk, 1992; *Michael E. Urban.* More Power to the Soviets: The Democratic Revolution in the USSR. – Brookfield, VT, 1990; *Jerry F. Hough.* Russia and the West: Gorbachev and the Politics of Reform. 2nd ed. – New York, 1990; а также авторы, которых упоминают в своих работах Йан Халленберг и Дэвид Роули: *Jan Hallenberg.* The Demise of the Soviet Union: Analysing the Collapse of a State. – Burlington, VT, 2002. 177–86, 195. *David Rowley.* Interpretations of the End of the Soviet Union: Three Paradigms. Kritika 2. No. 2. Spring 2001: 414, n. 9. По поводу мнения правительства США см.: *Michael R. Beschloss*, *Strobe Talbott.* At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War. – Boston, 1993. Chaps.16–21. Рой Медведев, таким образом, ошибался, полагая, что к концу 1989 г. «почти все» западные специалисты были уверены, что перестройка не состоится. *Медведев Рой.* Советский Союз: последний год жизни. – М., 2003. С. 244.

2. См. соответственно: *Anders Åslund.* How Russia Became A Market Economy. – Washington, 1995. P. 26–52; *M. Steven Fish.* Democracy From Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. – Princeton, 1995. P. 3; *Michael Dobbs* in Washington Post. 15 December 1991; *Beryl Williams reviewing John Keep.* Last of the Empires: A History of the Soviet Union, 1945–1991 //Russian Review 56. No.1. January 1997: 143; и *David Saunders reviewing Theodore Taranovski ed.* Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? //Europe-Asia Studies 48. No.5. July 1996: 868. См. также: *Martin Malia*. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. – New York, 1994; *Fred Coleman*. The Decline and Fall of the Soviet Empire: Forty Years that Shook the World, from Stalin to Yeltsin. – New York, 1996. P.xii, xv, xvi; *Alec Nove*. The Soviet System in Retrospect: An Obituary Notice. – New York, 1993. P. 7; *Richard Pipes.* Communism: A History. – London, 1994. P. 39; *Kotkin Stephen.* Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000. – New York, 2001. P. 181; *Mark R. Beissinger.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. – New York, 2002. P. 390. В качестве примечательных исключений см.: Alexander Dallin. Causes of the Collapse of the USSR //Soviet System. Dallin and Lapidus, eds. P. 673–695; *David M. Kotz, Fred Weir*. Revolution From Above: The Demise of the Soviet System. – New York, 1997; *Ronald Grigor Suny.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford, 1993; *Archie Brown.* The Gorbachev Factor. – New York, 1997; *Jerry F. Hough.* Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991. – Washington, 1997; *Peter Reddaway, Dmitri Glinski.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy. – Washington, 2001. Более ранний, но отличный от прочих подход см.: *Alexander Dallin.* Reform in Russia: American

Perceptions and U.S. Policy //Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects. *Robert O.* Crummey, ed. – Urbana, 1989. P. 243–256. Интересный взгляд на проблему изнутри политической культуры коммунистической системы см.: *Zdenek Mlynar.* Can Gorbachev Change the Soviet Union? The International Dimensions of Political Reform. – Boulder, 1990. Хотя я не ставил целью рассмотрение российской историографии по этому вопросу, некоторые российские историки также настаивают, что «советская система оказалась принципиально нереформируемой», и, следовательно, горбачёвские реформы представляли собой лишь «попытки реформировать нереформируемое». *Пихоя Р.Г.* Почему распался СССР? //Россия в XX веке. Под ред. *Севостьянова Г.Н.* Т. 1. – М., 2002. С. 130, 143. См. также *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Сталин и распад СССР. – М., 2003.

3. *Martin Malia.* Leninist Endgame //Daedalus 121. No.2. Spring, 1992: 60; *Alain Besançon.* Breaking the Spell //Can the Soviet System Survive Reform? Seven Colloquies About the State of Soviet Socialism Seventy Years After the Bolshevik Revolution. *George R.* Urban ed. – London, 1989. P. 202.

4. *Malia.* Soviet Tragedy. P. 5; *Malia in Stephen R. Graubard.* The Mystery of Z. Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences 44. No.2. November, 1990: 8; Malia. To the Stalin Mausoleum //Soviet System. Dallin and Lapidus eds. P. 667. См. также: *David Satter.* The Age of Delirium: The Decline and Fall of the Soviet Union. – New York, 1996; *Terry McNeill.* Soviet Studies and the Collapse of the USSR: In Defense of Realism //Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. Michael Cox, ed. – New York, 1998. P. 68. Даже поклонник Малия, являющийся самым известным и энергичным пропагандистом этого тезиса, был смущён его верой в «первородный грех библейского масштаба»: *Yanni Kotsonis.* The Ideology of Martin Malia //Russian Review 58. No.1. January, 1999: 126. В качестве примера систематической критики трактовки Малия см.: *Dallin.* Causes of the Collapse.

5. По поводу приведенных цифр и фактов см.: *David Brion Davis.* New York Times, 26 August 2001; *Brent Staples.* Ibid., 9 January 2000. По поводу мнений см. соответственно: *Richard W. Stevenson.* Ibid., 9 July 2003 (цитирует Джорджа Буша, который цитирует Адамса); *Steven Mintz.* A Slave-Narrative Documentary Is Limited, but Compelling //Chronicle of Higher Education. 7 February 2003, B16 (мнение историка). В контексте сравнения «грехов» заслуживает внимания заголовок недавно опубликованного обзора литературы о рабстве в Америке: *George M. Fredrickson.* America's Original Sin //New York Review of Books. 25 March 2004: 34–36. По поводу мнения Рейгана см.: *Raymond L. Garthoff.* The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. – Washington, 1994. P. 352.

6. Цитаты взяты из следующих статей: *Michael Dobbs.* Strobe Talbott and the «Cursed Questions» //Washington Post Magazine, 9 June 1996, 11; *Dusko Doder.* Eighty Years that Shook the World; *Robert Service.* A History of Twentieth-Century Russia //Washington Post Book World, 22 March 1998, X10. См. также: *Malia.* Soviet Tragedy. P. 492; *Michael McFaul.* Evaluating Yeltsin and His Revolution //Russia After the Fall. *Andrew C.* Kuchins ed. – Washington, 2002. P. 27; *Beissinger.* Nationalist Mobilization, 4, 341; *Jack F. Matlock, Jr.* Autopsy On An Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. – New York, 1995. P. 293; *Peter Kenez.* Dealing with Discredited Beliefs //Kritika 4. No.2. Spring 2003: 369. Один критик подобного исторического подхода назвал его «склонностью к запоздалым суждениям» («hindsight bias») (см. прим. 7). По поводу старой привычки советологии см.: *Стивен Коэн.* Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 года. – Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1986. P. 28–36. В качестве поучительной аналогии приведём мнение одного историка о связи между царскими реформами XIX века и судьбой царизма: «Крах царской монархии в 1917 г. больше не считается бесспорным доказательством окончательного и неизбежного провала этих реформ». *Ben Eklof.* Introduction //Russia's Great Reforms, 1855–1881. Eklof, John Bushnell, and Larissa Zakharova, eds. – Bloomington, IN, 1994, P.x.

7. Термины принадлежат Рейнхарду Бендиксу (Reinhard Bendix), которого цитирует Даллин: *Dallin.* Causes of the Collapse. P. 688. По поводу первого замечания см.: *Mark Almond.* 1989 Without Gorbachev: What If Communism Had Not Collapsed //Virtual History: Alternatives and Counterfactuals. Niall Ferguson, ed. – London, 1997. P. 392.

8. См., напр.: *Aurel Braun, Richard B. Day.* Gorbachevian Contradictions //Problems of Communism 39. No.3. May–June 1990: 36–50; *Dmitri Simes.* Gorbachev's Time of Troubles //Foreign Policy. No.82. Spring 1991: 97–117; *Anders Åslund.* Gorbachev's Struggle for Economic Reform. Exp. ed. – Ithaca, 1991; *Marshall I. Goldman.* What Went Wrong with Perestroika. – New York, 1991. P. 210–219.

9. Среди немногочисленных исключений см.: *George W. Breslauer*. Gorbachev and Yeltsin as Leaders. – New York, 2002. P. 266–270; *Henry E. Hale.* Ethnofederalism and Theories of Secession (неопубликованная рукопись. June 2001); и особенно *Hough.* Democratization, где проанализирован ряд поставленных здесь вопросов. По поводу других областей см., напр.: *Philip E. Tetlock, Aaron Belkin, eds.* Counterfactual Thought Experiments in World Politics: Logical, Methodological, and Psychological Perspectives. – Princeton, 1996; *Ferguson, ed.* Virtual History; *Robert Crowley, ed.* What If? The World's Foremost Military Historians Imagine What Might Have Been. – New York, 1999; *Andrew Roberts, ed.* What Might Have Been. – London, 2004.

10. По поводу приведённых цитат см. соответственно: *Carolyn McGiffert Ekedakl, Melvin A. Goodman.* The Wars of Eduard Shevardnadze. – University Park, PA, 1997. P. 50; *Giulietto Chiesa.* Transition to Democracy: Political Change in the Soviet Union, 1987–1991. – Hanover, 1993. P. 203; *Peter Rutland.* Sovietology: Who Got It Right and Who Got It Wrong? //Rethinking the Soviet Collapse. Cox, ed. P. 43. Различные версии этого «институционального» тезиса см.: *Philip G. Roeder.* Red Sunset: The Failure of Soviet Politics. – Princeton, 1993; *Valerie Bunce.* Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State. – New York, 1999; *Richard Sakwa.* From the USSR to Postcommunist Russia //Developments in Russian Politics 4. Stephen White, Alex Pravda, and Zvi Gitelman, eds. – Durham, 1997. P. 16. Саква, в частности, пишет: «Само государство было лишено способности к реформе».

11. Высказывание Размы Карклинза (Rasma Karklins) приводит в своей книге солидарный с ним Джон Кип: *John Keep.* Last of the Empires: A History of the Soviet Union, 1945–1991. – New York, 1995. P. 416. Такого же мнения придерживается Роберт Конквест, на которого ссылается Браун: *Brown.* Gorbachev. P. 252. См. также: *Kotkin.* Armageddon Averted. P. 71–73; *Anthony D'Agostino.* Gorbachev's Revolution. – New York, 1998. P. 172. В явной или скрытой форме этот тезис присутствует во многих других западных работах. См., напр.: *Fish.* Democracy From Scratch; *Nicolai N. Petro.* The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. – Cambridge–Mass., 1995; *Michael Urban.* The Rebirth of Politics in Russia. – New York, 1997; *Malia.* Soviet Tragedy; *Coleman.* Decline and Fall; *John B. Dunlop*. The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. – Princeton, 1993; *Michael McFaul*. Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. – Ithaca, 2001. Согласно ещё одному мнению, несколько отличному от предыдущего, но связанному с ним, демократизация была не совместима не только с советской системой, но и вообще с российскими традициями государственной власти. См.: *Theodore H. von Laue.* Gorbachev's Place in History //The Gorbachev Reader. *Joseph L.* Wieczynski, ed. – Salt Lake City, 1993. P. 149–51; *Walter M. Pinter*. Reformability in the Age of Reform and Counterreform, 1855–1894 //Reform in Russia. Crummey, ed. P. 243–56.

12. См. соответственно: *Rasma Karklins*, которого цитируют *Kotz* и *Weir*, Revolution, 239, n. 9; *Michael Wines.* New York Times, 9 January 2000; *Fish.* Democracy From Scratch. P. 3, 51; *Stephen Kotkin.* The State – Is It Us? Memoirs, Archives, and Kremlinologists //Russian Review 61. No.1 January 2002: 50; *George Kennan*, которого цитирует *Thomas L. Friedman*: New York Times, 2 May 1998. Подобных воззрений придерживаются также: *Joel C. Moses.* Soviet Provincial Politics in an Era of Transition and Revolution, 1989–1991

//Soviet Studies 44. No.3. 1992: 479; *Thomas F. Remington.* Reform or Revolution? //Soviet Communism from Reform to Collapse. *Robert V.* Daniels, ed. – Lexington, MA, 1995. P. 330–39; *Leslie Holmes.* Post-Communism: An Introduction. – Durham, 1997. P. 57, 130–31; *D' Agostino.* Gorbachev's Revolution. P. 5; авторы, о которых пишет *Rowley.* Interpretations. P. 403–06; и авторы монографий из предыдущего примечания. Оглядываясь на этот период, российский президент Владимир Путин совершенно по-другому интерпретировал события: «Давайте исходить из реальности. Демократия в России была фактически спущена сверху». Известия. 2000. 14 июля. О «дезертирстве» из социализма см.: *Åslund.* How Russia. P. 51–52; *Michael McFaul.* Washington Post, 22 September 2001. Среди российских историков мало кто полагает, что демократизация убила систему, напр.: *Согрин Владимир.* Политическая история современной России, 1985–1994: от Горбачёва до Ельцина. – М., 1994. С. 107. Но и не все западные историки разделяют идею о революции снизу, напр.: *Kotz, Weir.* Revolution; *Hough.* Democratization; *Reddaway, Glinski.* Tragedy of Russia's Reforms. Chaps. 3–4; *Judith Devlin.* The Rise of the Russian Democrats: The Causes and Consequences of the Elite Revolution. – Brookfield, VT, 1995; *Gordon M. Hahn.* Russia's Revolution From Above: Reform, Transition, and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime. – New Brunswick, 2002.

13. *Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю: 1985–1991. – М., 2002. С. 326. К такому же выводу пришёл британский специалист: «Русским, похоже, нужен был социализм, который работает». Stephen White, Communism and Its Collapse. – New York, 2001. P. 75. По данным опроса общественного мнения, проведенного в конце 1990 г., две трети опрошенных отдавали предпочтение социализму. Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 51. По поводу отношения к социально-экономическим ценностям системы см.: *Matthew Wyman.* Public Opinion in Postcommunist Russia. – New York, 1997. Chap.7; данные социальных обследований, собранные Юрием Левадой: Есть мнение! Итоги социологического опроса. Под ред. Ю. Левады. – М., 1990; *Он же.* Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. – М., 1993; и даже данные, представленные специалистом, близким к антисоветской команде «шоковой терапии», вскоре пришедшей к власти: *Tatiana Koval'.* On the Threshold of Reforms //The Economics of Transition. Yegor Gaidar, ed. – Cambridge, Mass., 2003. P. 755–787. На данные социологических опросов опирались также и некоторые западные ученые, которые пришли к сходным выводам. См., напр.: *Kotz, Weir.* Revolution. P. 137–139; *Hough.* Democratization. P. 471; *James R. Millar.* Introduction: Social Legacies and the Aftermath of Communism //The Social Legacy of Communism. Millar and *Sharon L.* Wolchik, eds. – Washington, 1994. P. 5–7; *Vladimir Shlapentokh.* A Normal Totalitarian Society: How the Soviet Union Functioned and How It Collapsed. – Armonk, 2001. P. 125, 208, 281; *Stephen White.* Gorbachev and After. – New York, 1992. P. 137–138, 241–251, 258–259; *Reddaway, Glinski.* Tragedy of Russia's Reforms. P. 92–94, 154.

14. *Wyman.* Public Opinion. Chap.6; Radio Free Europe/Radio Liberty Newsline, 16 March 2001. По поводу Ельцина см. его предвыборную речь, опубликованную в Foreign Broadcast Information Service Daily Report: Soviet Union (далее – FBIS), 3 June 1991, 71–79; *Челноков Михаил.* Россия без Союза, Россия без России: записки депутата расстрелянного парламента. – М., 1994. С. 30–32; *Hough.* Democratization. P. 279, 308, 333–334. По поводу референдума см.: *White.* Gorbachev and After. P. 180–181.

15. *Alexander Lebed.* My Life and My Country. – Washington, 1997. P. 321; *Rodric Braithwaite.* Across the Moscow River: The World Turned Upside Down. – New Haven, 2002. P. 242; *Элем Климов.* Общая газета. 2001. 23–29 августа. См. также: *Попцов Олег.* Хроника времён «Царя Бориса»: Россия, Кремль, 1991–1995. – М., 1995. С. 261; *Jonathan Steele.* Eternal Russia: Yeltsin, Gorbachev, and the Mirage of Democracy. – Cambridge, Mass., 1994. P. 59–79; *Mark Kramer.* The Collapse of the Soviet Union //Journal of Cold War Studies 5. No.4. Fall 2003: 9. По поводу распространенной точки зрения, основанной на признании факта «Августовской революции» см., напр.: *Peter Kenez.* Debating Democracy in Russia //New Leader. 9–23 September 1991, 15–18; *Martin Malia.* The August

Revolution //New York Review of Books. 26 September 1991. P. 22–28; *Anatole Shub.* The Fourth Russian Revolution: Historical Perspectives //Problems of Communism 40. No.6. November–December 1991: 20; *Leon Aron.* Yeltsin: A Revolutionary Life. – New York, 2000. Chap.10; *McFaul.* Evaluating Yeltsin. P. 27; *Urban.* Rebirth of Politics in Russia. P. 252. Последний увидел в августовских событиях «национальное сопротивление». Сторонники этой позиции обычно считают Ельцина лидером или воплощением «Августовской революции», но сам он впоследствии гордился именно тем, что «сумел спасти Россию от революции». Цит. по: *Reddaway, Glinski.* Tragedy of Russia's Reforms. P. 226.

16. *Roeder.* Red Sunset. P. 5.

17. См.: *Michael Kammen.* A Season of Youth: The American Revolution and Historical Imagination. – New York, 1978.

18. *Davis.* New York Times, 26 August 2001; *Mintz.* A Slave-Narrative Documentary. B16.

19. Фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», в определенной степени, положил начало острой дискуссии о раннем периоде советской истории, развернувшейся благодаря горбачёвской политике гласности. См. об этом: *R.W. Davies.* Soviet History in the Yeltsin Era. – London, 1997. *Part I.*

20. В качестве примера подобного подхода см.: *John Miller.* Mikhail Gorbachev and the End of Soviet Power. – New York, 1993. P. 201. Такое отождествление настолько широко распространено, что им в одинаковой мере пользуются представители противоположных политических взглядов. См.: *Malia.* Soviet Tragedy; *Chiesa.* Transition to Democracy. P. 202. Некоторые исследователи по-прежнему используют термины «коммунизм» и «коммунистический» в качестве аналитических ярлыков: *Andrew Roberts.* The State of Socialism: A Note on Terminology //Slavic Review 63. No.2. Summer 2004: 349–366. В качестве примера серьёзного и вдумчивого подхода к проблеме концептуализации и языка описания советской системы см. исследование российского автора: *Маслов Д.В.* Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы. – Сергиев Посад, 2004.

21. По свидетельству близких к Горбачёву людей, он не раз говорил об этом в частных беседах, даже когда был у власти. См., напр.: *Георгий Смирнов*, которого цитирует Александр Ципко //Независимая газета–Сценарии. 1996. 17 октября; *Валентин Фалин.* Советская Россия. 1997. 26 июля и *Андрей Сахаров*. FBIS, 15 April 1988, 60. А после отставки Горбачёв заявил совершенно открыто: «Социализма в нашей стране не было». Там же. 24 February 1992, 21. См. также: *Горбачёв М.С.* Годы трудных решений. Избранное, 1985–1992 гг. – М., 1993. С. 8.

22. Интервью Горбачёва BBC, 8 марта 2002 //Johnson's Russia List (email list), 20 March 2002. Даже авторы проельцинской книги признают, что «большинство критиков режима выступали не против Советов, а против засилья КПСС». Эпоха Ельцина: очерки политической истории. Под ред. Юрия Батурина и др. – М., 2001. С. 170. Россияне выражали своё согласие с этим выводом двумя способами: сначала, на рубеже 1980–1990-х гг., протестуя против господства КПСС и поддерживая советскую систему, а позднее, сожалея по поводу конца Советского Союза и ностальгируя по советской эпохе, но при этом не желая возвращения компартии к власти. Сходное мнение по поводу понимания коммунизма Горбачёвым см.: *Andrzej Walicki.* Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: The Rise and Fall of the Communist Utopia. – Stanford, 1995. P. 554–555, 617 n. 177.

23. См., напр.: *Urban.* Introduction //Can the Soviet System Survive Reform? Urban, ed. C.xiii; *Remington.* Reform or Revolution. P. 331; а также *Beissinger.* Nationalist Mobilization. P. 401. По поводу места КПСС в советской системе один автор, к примеру, пишет: «Руководство КПСС (то есть, советская система)… ». *Troy McGrath.* Russia Reassessed: The Devil of Democratization Is in the Details //Harriman Review. – Columbia University. P. 13. No.4. December 2002: 15.

24. Новая концепция советской системы встречается во многих перестроечных публикациях 1988–1991 гг., но один из самых ярких примеров – статья вдовы Андрея Сахарова Елены Боннэр, которую уж точно невозможно упрекнуть в просоветских симпатиях, о власти и собственности. См. Московские новости. 1990. 15 июля.

25. Это означает, что нет оснований предполагать, как делает автор одной недавней монографии, будто новый Союз непременно должен был бы объединить «все 15 союзных республик». *Edward W. Walker*. Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union. – Lanham, MD, 2003. P. 186. См. по этому вопросу прим. 85.

26. Насколько еретическими были новые воззрения, можно судить хотя бы по растущей оппозиции одного из реформаторов, бывшего помощника Горбачёва по идеологии. См.: *Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. – М., 1997. Новая идеология, разработанная Горбачёвым в конце 1989 г., в начале 1990 г. была оформлена в виде проекта новой программы партии и в июле представлена на обсуждение XXVIII съезда КПСС, одобрившего её. См.: Правда. 1989. 26 ноября; Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 5–7 февраля 1990 года. – М., 1990. С. 511–540; XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. В 2-х томах. – М., 1991, особенно Т. 1. С. 55–101 и Т. 2. С. 255–268, 276–294. Помощники Горбачёва продолжили дорабатывать проект, делая его всё более либерально-демократическим. См. проект и дебаты по нему: Правда. 1991. 8 августа; Советская Россия. 1991. 27–30 июля.

27. Так, один помощник Горбачёва, ответственный за разъяснение новой идеологии, в то же время, утверждал, что её роль в жизни советского общества должна быть существенно снижена. См. *Шахназаров Георгий.* Обновление идеологии и идеология обновления // Коммунист. 1990. № 4. С. 46–59; Литературная газета. 1990. 18 апреля.

28. Это полностью осознавали Горбачёв и его помощники. См. *Медведев В.А.* Прозрение, миф или предательство: к вопросу об идеологии перестройки. – М., 1997. С. 4–5; Правда. 1990. 29 июня.

29. См., напр.: *Sakwa.* Gorbachev and His Reforms. P. 192; *John Gooding.* Perestroika as Revolution from Within: An Interpretation //Russian Review 51. No.1. January 1992: 36–57; *Chiesa.* Transition to Democracy. P. 3. Существует и противоположное, скорее рефлексивное, чем обоснованное мнение, что «КПСС оставалась правящей партией» до августа 1991 г. *Mark R. Beissinger.* Transformation and Degeneration: The CPSU Under Reform //Cracks in the Monolith: Party Power in the Brezhnev Era. James Millar, ed. – Armonk, 1992. P. 213.

30. *Brown.* Gorbachev. P. 310. Как писал впоследствии Рой Медведев, «партия как бы перестала быть правящей политической организацией, и работники аппарата ЦК чувствовали это лучше, чем кто-либо другой». *Медведев Рой.* Советский Союз. С. 76.

31. По поводу заявлений Горбачёва см.: XXVIII съезд. Т. 2. С. 201–202; Правда. 1990. 13 апреля. По поводу последнего заявления см. также Известия. 1990. 27 февраля, где Лилия Шевцова пишет: «Мы имеем гораздо большее политическое разнообразие, чем любая страна мира».

32. По данным В.Н. Кудрявцева. См. Труд. 1988. 11 ноября. По поводу конституционных аспектов горбачёвских реформ см. *Robert B. Ahdieh.* Russia's Constitutional Revolution: Legal Consciousness and the Transition to Democracy, 1985–1996. – University Park, PA, 1997.

33. *Elizabeth Teague.* Constitutional Watchdog Suspends Presidential Decree // Radio Liberty Report on the USSR 2. No.42. 19 October 1990: 9–10. По поводу «сдержек и противовесов» см. *Горбачёв М.С.* Избранные речи и статьи. В 7 томах. – М., 1987–1990. Т. 7. С. 161.

34. По поводу растущего влияния государственных министерств, в сравнении с влиянием партаппарата, см.: *Stephen Whitefield.* Industrial Power and the Soviet State. – New York, 1993; *Alexander Yakovlev.* The Fate of Marxism in Russia. – New Haven, 1993. P. 109–111. Об игнорировании роли советского государства см. *Huskey.* Introduction // Executive Power. Huskey, ed. P.xii-xiii.

35. По поводу реформаторов и консерваторов см. *Коэн*. Переосмысливая советский опыт. Глава 5.

36. См. *Yegor Ligachev*. Inside Gorbachev's Kremlin. – New York, 1993. Цифры взяты из: *Оников Леон*. КПСС: анатомия распада. – М., 1996. С. 75.

37. Кадровое пополнение перестройки //Правда. 1989. 25 июня; и редакционная статья //Правда. 1989. 14 июня. По поводу опасения Горбачёва см. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачёвым: по дневниковым записям. – М., 1993. С. 356.

38. *Graeme Gill*. The Collapse of a Single-Party System: The Disintegration of the Communist Party of the Soviet Union. – New York, 1995. P. 174–175; *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. В 2 томах. – М., 1995. Т. 2. С. 575; *Boris Kagarlitsky*. Square Wheels: How Russian Democracy Got Derailed. – New York, 1994. P. 142. В качестве примеров западных оценок см. *Beissinger*. Transformation and Degeneration. P. 213; *Michael Dobbs*. Down With Big Brother: The Fall of the Soviet Empire. – New York, 1997. Последний, в частности, назвал главу об августовских событиях «Восстание партии». В качестве примера попытки обосновать этот взгляд см. *Белоусова Г.А., Лебедев В.А.* Партократия и путч. – М., 1992; и *Hahn*. Russia's Revolution. P. 420–427.

39. Без учёта выводов, сделанных автором, самое лучшее краткое изложение различных аспектов, связанных с бюрократическим, или номенклатурным классом см. *Hough*. Democratization. P. 51–57.

40. Это относилось даже к работникам партаппарата. См.: *Оников*. КПСС. С. 56; *Берзин Б.Ю., Коган Л.Н.* Профессиональная культура партийного работника // Социологические исследования. 1989. № 3. С. 21–22; Аппарат против аппарата? // Советская культура. 1990. 31 марта.

41. См. об этом: *Крыштановская Ольга*. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту //Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65; *Егикова Виола*. Московская правда. 1994. 26 мая.

42. *Горбачёв М.С.* Размышления об Октябрьской революции. – М., 1997. С. 35; *Dawn Mann*. Authority of Regional Party Leaders Crumbling //Radio Liberty Report on the USSR 2. No.8. 23 February 1990: 1–6. По поводу поддержки политики Горбачёва с самого начала рядовыми коммунистами см. *Гущин Виктор*. Независимая газета. 2000. 9 сентября. По поводу «молчаливого большинства» см. *Савельева Людмила*. Известия. 1988. 3 сентября; а по поводу массового выхода из партии см. *Медведев Рой*. Советский Союз. С. 76.

43. О партии как «части государственной машины» см. *Бурцев Лев*. Известия. 1990. 15 июля; а также *Зевелев А*. Известия. 1988. 3 ноября.

44. *Горбачёв М.С.* Размышления об Октябрьской революции. С. 35; Материалы Пленума ЦК КПСС. 5–7 февраля 1990 г. С. 11–12; а также XXVIII съезд КПСС. Т. 2. С. 201–202.

45. *Самолис Татьяна*. Правда. 1991. 1 июля.

46. Этот эпизод получил известность как «дело Нины Андреевой». См. Советская Россия. 1988. 3 марта; Правда. 1988. 5 апреля.

47. *Brown*. Gorbachev. P. 191. По поводу ЦК как «поля битвы» см. *Оников*. КПСС. С. 90–91. На партийной конференции Лигачёв отрицал очевидное: «У нас нет фракций, реформаторов и консерваторов», – говорил он, в то время как Горбачёв напоминал об опыте фракционной борьбы в 1920-е гг. XIX всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчёт. В 2 томах. – М., 1988. Т. 2. С. 88, 175.

48. Учредительный съезд Коммунистической партии РСФСР. Стенографический отчёт. В 2 томах. – М., 1991; *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 530–539; отчёт *Elizabeth Tucker*. Wall Street Journal, 11 July 1991.

49. *Яковлев Александр*. Известия. 1991. 2 июля; *Маляров И.* Правда. 1990. 26 сентября. Или, говоря словами советского политолога Лилии Шевцовой, «КПСС уже являет собой многопартийность в миниатюре». См. Известия. 1990. 27 февраля.

50. Слова Горбачёва цит. по: *Киселев Степан*. Московские новости. 1991. 12 мая.

51. Слова «размежевание», «расставание» и даже «развод» были типичными для определения этого процесса.

52. По поводу позиции консерваторов см. *Савишев Е.* Комсомольская правда. 1991. 15 июня; *Шенин Олег.* Родину не продавал и меня обвинили в измене. – М., 1994. С. 44. По поводу Горбачёва см. Правда. 1991. 3 и 26 июля; *Горбачёв.* Жизнь и реформы. Т. 2. С. 547, 548; *Он же* (интервью). Независимая газета. 1992. 11 ноября; *Грачев Андрей.* Горбачёв. – М., 2001. С. 228; *Липицкий Василий.* Независимая газета. 1991. 3 августа. По поводу его помощников и сторонников см. *Шахназаров Георгий.* Цена свободы: реформация Горбачёва глазами его помощника. – М., 1993. С. 151; *Медведев Вадим.* В команде Горбачёва: взгляд изнутри. – М., 1994. С. 130–131, 185–186, 207; *Алексеев Сергей, Бурлацкий Фёдор, Шаталин Станислав.* Литературная газета. 1991. 30 января. См. также мнение непосредственного участника этих событий: *Лацис Отто.* Тщательно спланированное самоубийство. – М., 2001. С. 349–370.

53. *Яковлев А.Н.* Горькая чаша: большевизм и реформация России. – Ярославль, 1994. С. 17–22, 205–212.

54. *Hahn.* Russia's Revolution. P. 375; Mikhail Gorbachev and Zdenek Mlynář, Conversations with Gorbachev: On Perestroika, the Prague Spring, and the Crossroads of Socialism. – New York, 2002. P. 121; *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. Т. 2. С. 578. По мнению одного из ближайших помощников, раскол был бы не в пользу Горбачёва. См. *Медведев.* В команде Горбачёва. С. 131. Однако другие сторонники, а также некоторые хорошо информированные наблюдатели полагали, что за Горбачёвым последовало бы большинство членов партии, как минимум, 9 млн. чел. См., напр.: *Бурлацкий Фёдор.* Глоток свободы. В 2 томах. – М., 1997. Т. 2. С. 189–190; *Лацис О.* Тщательно спланированное самоубийство. С. 345; *Дилигенский Герман.* Советская культура. 1990. 7 июля; *Пугаев Борис.* Россия. 1991. 3–9 августа. Представляется невероятным, однако, что, в случае официального раскола КПСС, какое-либо крыло набрало бы такое количество сторонников; многие коммунисты вполне могли предпочесть примкнуть к другим отколовшимся партиям или стать беспартийными. Но даже 1 миллиона официально зарегистрированных членов было бы более чем достаточно.

55. *Шеболдаев С.* Правда. 1990. 26 сентября; *White.* Gorbachev and After. P. 256.

56. По оценкам начала 1990 г., в условиях свободных демократических выборов, Коммунистическая партия набрала бы 20% голосов, националистические и патриотические партии около 30%, а социал-демократы – 50%. См. *Sakwa.* Gorbachev. P. 189. Если бы КПСС раскололась на две партии, то резонно было бы предположить, что консервативному крылу досталась бы значительная часть голосов националистов, а крылу Горбачёва – большинство голосов социал-демократов.

57. Подобного мнения придерживаются и другие исследователи. См. *Miller.* Mikhail Gorbachev. P. 147–148; *Brown.* Gorbachev. P. 205–207, 272.

58. См. напр., интервью Ельцина в «Московских новостях» 14 января 1990 г.

59. См. *Miller.* Mikhail Gorbachev. P. 146; *Kelley.* Gorbachev's Reforms and the Factionalization of Soviet Politics: Can the New System Cope with Pluralism? //Perestroika-Era Politics, 93. Huber and Kelley, eds. По поводу выражения Лигачева о «здоровом консерватизме» см. *Ligachev.* Inside Gorbachev's Kremlin; а также Советская Россия. 1991. 6 февраля, и Правда. 1991. 28 мая.

60. Как выразился позднее лидер постсоветской компартии, она превратилась в «партию патриотов». См. *Зюганов Г.А.* «Советская Россия». 1995. 24 октября. Так же считали *Иван Полозков* («Советская Россия». 1991. 28 февраля), *Е. Володин* («Советская Россия». 1991. 28 сентября.) и *Александр Проханов* («Комсомольская правда». 1991. 3 сентября.). По поводу недовольных и обиженных см. *Гельман Александр.* «Литературная газета». 1986. 10 сентября.

61. Первой их реакцией было желание заявить, что «они в такой обстановке не пойдут на эти выборы, потому что стопроцентная гарантия, что их не изберут». На что Горбачёв ответил: «Правильно?! Выходит, партия должна уклониться от участия в руководстве и в выборах?». Материалы пленума ЦК КПСС. 25 апреля 1989 года. – М.,

1989. С. 91. Однако вскоре они явно поняли, что если один из пяти первых секретарей проиграл, четверо других так или иначе выиграли. См. *Бойков В., Тощенко Ж.* Правда. 1989. 16 октября.

62. О компартии после 1991 г. см. *Joan Barth Urban, Valerii D. Solovei.* Russia's Communists at the Crossroads. – Boulder, 1997; *Luke March.* The Communist Party in Post-Soviet Russia. – New York, 2002. По поводу «второго дыхания» см. *Третьяков Виталий.* Российская газета. 2003. 24 апреля.

63. *Joseph R. Blasi, et. al.* Kremlin Capitalism: The Privatization of the Russian Economy. – Ithaca, 1997. P. 21. См. также *William Moskoff.* Hard Times: Impoverishment and Protest in the Perestroika Years. – Armonk, 1993. P. 6; *Miller.* Mikhail Gorbachev. P. 205; *Robert Strayer.* Why Did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change. – Armonk, 1998. P. 115, 133.

64. И упорно продолжали это делать до самого конца. См., напр., *Goldman.* What Went Wrong, esp. P. 210–11; или *Джеффри Сакс* (Jeffrey Sachs), которого цитируют *Lynn D. Nelson* и *Irina Y. Kuzes*: Radical Reform in Yeltsin's Russia: Political, Economic, and Social Dimensions. – Armonk, 1995. P. 22–23. То же можно сказать и о многих советских экономистах, позже превратившихся в «радикальных реформаторов». См., напр., *Найшуль В.А.* Проблема создания рынка в СССР // Постижение: социология, социальная политика, экономическая реформа. Под ред. *Бородкина Ф.М.* и др. – М., 1989. С. 441–448. В качестве примеров однозначных заявлений о реформируемости экономики см. *Kotz, Weir.* Revolution, esp. Chap.5; Michael Ellman and Vladimir Kontorovich, eds. The Destruction of the Soviet Economic System: An Insiders' History. – Armonk, 1998), esp. Chap.2.

65. См., напр., *Åslund.* How Russia. P. 28; а также критические замечания Горбачёва в адрес иностранных советников – FBIS, 27 February 1991, 81.

66. По поводу заявлений Горбачёва см. Правда. 1990. 18 сентября; а по поводу «радикальных реформаторов», напр., *Шаталин С.С., Петраков Н.Я.* Правда. 1990. 26 апреля. Иначе говоря. для многих советских экономистов идеалом все ещё оставалась политика НЭПа, или «социализм с человеческим лицом». Эпоха Ельцина. Под ред. Батурина и др. С. 170.

67. *Åslund.* How Russia. P. 28; *Robert Service.* A History of Twentieth-Century Russia. – Cambridge, Mass., 1997. P. 492. По поводу того, как воспринял ремарку Ельцина Горбачёв, см. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 576; а по поводу положительной реакции на предложение Горбачёва см. *Brown*. Gorbachev. P. 137–140.

68. *Padma Desai.* Perestroika in Perspective. – Princeton, 1990. P. 106. См. также письмо Василия Леонтьева в «Московских новостях» – Московские новости. 1990. 14 января; *Ed A. Hewett*. New York Times, 25 March 1990; *Richard Parker.* Inside the 'Collapsing' Soviet Economy //Atlantic Monthly. June 1990. P. 68–80.

69. См., напр., законы о земле, собственности и предпринимательстве, опубликованные в газетах Известия. 1990. 7 марта; Правда. 1990. 10 марта; и Советская Россия. 1990. 12 июня. Все эти законы, принятые до 1991 г., ещё были довольно эвфемистичны в отношении частной собственности и того, что с ней связано, но их значение признает даже один из самых жёстких экономических критиков Горбачёва. *Åslund.* How Russia. P. 30. Более обстоятельный анализ см. *Brown.* Gorbachev. P. 137–50.

70. *Макашов Альберт*. Советская Россия. 1991. 8 июня. См. также: *Прокофьев Юрий.* От культуры схватки к культуре согласия //Коммунист. 1990. № 13. С. 7; Мнения делегатов XXVIII съезда КПСС (результаты опроса) //Социологические исследования. 1990. № 11. С. 99–100; а также рассказ ставшего «либеральным» Вадима Бакатина о его «метаморфозах»: Комсомольская правда. 1991. 31 мая. «Эволюцией взглядов» назвал это впоследствии Рыжков. См. Правда. 1992. 3 октября.

71. *Горбачёв.* Избранные речи и статьи. Т. 7. С. 573.

72. *David Remnick.* Washington Post. 7, 8, 9 July 1991. По поводу кооперативов см. *Тихонов Владимир*. Аргументы и факты. 1990. 31 марта – 6 апреля и Литературная газета. 1990. 8 августа; *Бороденков Андрей.* Московские новости. 1990. 1 июля.

73. *Mikhail Berger.* Moscow Times (magazine ed.), 12 March 1995, 35. Как заметил постсоветский министр финансов и банкир, «всё началось с Горбачёва». См. интервью Бориса Федорова «Голосу Америки», Johnson Russia List, 6 April 2004. См. также *Буртин Юрий.* Две приватизации: как мы пришли к номенклатурному капитализму //Новое время. 1990. № 20. С. 19; *Гайдар Егор.* Государство и эволюция. – М., 1995. С. 150; *Нуреев Р., Рунов А.* Россия: неизбежна ли деприватизация? Феномен власти-собственности в исторической перспективе //Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 21. По поводу точки зрения, что Горбачёв «упустил свой шанс провести значимые экономические реформы», см.: *Michael Dobbs.* Washington Post, 15 December 1991; а также *Åslund.* Gorbachev's Struggle. P. 230.

74. Эта мысль была высказана им публично во время поездки в Литву в январе 1990 г. См. Наши общие проблемы вместе и решать: сборник материалов о поездке М.С. Горбачёва в Литовскую ССР. 11–13 января 1990 года. – М., 1990.

75. По поводу борьбы Горбачёва за сохранение Союза см.: Союз можно было сохранить. Белая книга: документы и факты о политике М.С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства. – М., 1995; Несостоявшийся юбилей: почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? Под ред. *Ненарокова А.П.* – М., 1992. С. 331–508. О том, как Горбачёв характеризовал старое государство, см. его Жизнь и реформы. Т. 1. С. 495–496, а также Т. 2. С. 530. По поводу сравнения с Линкольном см.: Gorbachev and Mlynář, Conversations. P. 129; а по поводу конца перестройки см. *Горбачёв Михаил.* Декабрь-91: моя позиция. – М., 1992; и Пять лет после Беловежья. Что дальше? Материалы круглого стола, состоявшегося в Горбачёв-Фонде 16 декабря 1996 г. Под ред. *Логинова В.Т.* и др. – М., 1997.

76. Леон Оников, цит. по: *Смирнов.* Уроки минувшего. С. 288.

77. По поводу проблемы терминов см. *Nelson, Kuzes.* Radical Reform. P. 8; *Robert V. Daniels.* Russia's Transformation: Snapshots of a Crumbling System. – Lanham, MD, 1998. P. 212–213. Неудивительно, что один из ведущих советологов затруднился «даже в ретроспективе» найти ответ на неправильно сформулированный им вопрос: «Почему громадное сооружение рухнуло?». *Walter Laqueur.* The Dream That Failed: Reflections on the Soviet Union. – New York, 1994. P. 71. В качестве иллюстрации принципиального различия в формулировках ср.: Richard Lourie. Firebrands and Firebirds. Review of W. Bruce Lincoln, Between Heaven and Hell: The Story of a Thousand Years of Artistic Life in Russia //New York Times Book Review. 5 April 1998. P. 26 («Советская Россия… рухнула под собственным весом») и тему дискуссии за круглым столом в российской Независимой газете – Сценарии 1 января 1997 г.: «Кто развалил Советский Союз: История, Запад, Ельцин, Горбачёв?».

78. См. соответственно: *Stephen Kotkin.* Trashcanistan //New Republic. 15 April 2002. P. 27; *Pipes.* Communism. P. 41; *Alec Nove.* The Fall of Empires: Russia and the Soviet Union //The Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy. Geir Lundestad, ed. – Oslo, 1994. P. 144. См. также Vera Tolz, Iain Elliot, eds. The Demise of the USSR: From Communism to Independence. – London, 1995. P. 21; *Bunce.* Subversive Institutions. P. 19, 36–37 и следующие. Справедливости ради, следует отметить, что подобный взгляд присущ и ряду серьёзных российских аналитиков. См., напр.: *Согрин Владимир.* Перестройка: итоги и уроки //Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 147; *Бурлацкий.* Глоток свободы. Т. 2. С. 155–156; и *Мигранян Андраник.* Независимая газета. 2000. 14 июня. Однако, по мнению другого российского политолога. поражение коммунистической системы не обязательно влекло за собой распад государства. *Lilia Shevtsova.* Was the Collapse of the Soviet Union Inevitable? //The Fall of the Soviet Empire. Anne de Tinguy, ed. – Boulder, 1997. P. 76.

79. См. прим. 34.

80. *Shlapentokh.* Normal. P. 164–66. См. также *Чешко С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. – М., 1996. С. 140–41; и *Brown.* Gorbachev. P. 258–59.

81. По поводу статистики см. *Барсенков.* Введение. С. 132; *Shlapentokh.* Normal. P. 158. Русский язык и советский стандарт образования, даже спустя более десяти лет

после распада, оставались влиятельными факторами в Средней Азии. См. *Zamira Eshanova*. Radio Free Europe/Radio Liberty Newsline, 13 November 2002. В более широком аспекте, как сообщалось позднее, из 142 миллионов бывших советских граждан, живших не в России, русский язык знали, по меньшей мере, 100 миллионов. См. *Sergei Blagov*. Asia Times, 23 July 2003.

82. *Stephen Kotkin.* Trashcanistan. P. 27. Нечто похожее по поводу бывшего Советского Союза заявил в 1996 г. Горбачёв: «Де-факто до сих пор страна живет, хотя де-юре её уже нет». Независимая газета. 1996. 25 декабря.

83. *Suny.* Revenge of the Past. P. 150. С этим согласны даже российские антикоммунистические критики Горбачёва. См., напр.: *Sergei Roy*. Moscow News, 26 November – 2 December 1998; а также заявление группы специалистов, опубликованное в НГ-Сценарии 23 мая 1996 г.

84. По поводу закона см. Правда. 1990. 7 апреля. См. также мнение Горбачёва о «процессе развода» в его Жизнь и реформы. Т. 1. С. 520–521. По мнению некоторых историков, если бы приемлемый союзный договор был принят в начале 1989 г., балтийские республики не стали бы спешить с выходом. См. *Симонян Р.Х.* Страны Балтии и распад СССР: о некоторых мифах и стереотипах массового сознания //Вопросы истории. 2002. № 12. С. 34–37.

85. *Станислав Шушкевич*. FBIS, 30 September 1991. P. 70. Ельцин в ноябре 1991 г. также заверял аудиторию: «Трудно сказать, какое число государств войдет в Союз, но у меня твёрдое убеждение, что Союз будет». Цит. по: *Медведев.* Советский Союз. С. 203.

86. По поводу Договора см. Известия. 1991. 15 августа; а по поводу активной поддержки идеи Союза Ельциным и Кравчуком в ходе переговоров см. Национальные интересы. 2001. № 2–3. С. 80, 88. Часто утверждают, что Украина, на самом деле, не подписала бы Договор, однако Горбачёв так не думал, как не думают и некоторые российские и американские специалисты. См. *Барсенков*. Введение. С. 198; *Hale.* Ethno-Federalism.

87. *Mikhail Gorbachev.* On My Country and the World. – New York, 2000. P. 132. По поводу споров вокруг «рассадки» на церемонии подписания см. пресс-конференцию Горбачёва 16 августа 2001 г. //Johnson's Russia List. 20 August 2001.

88. По поводу подобной трактовки см. *Hahn.* Russia's Revolution. Chap.8; а также *Henry E. Hale.* The Strange Death of the Soviet Union. – Cambridge, Mass.: Harvard University Davis Center, Ponars Series no. 12. March 1999. Примерно так же, но в других выражениях рассуждал Федор Бурлацкий. См. *Feodor Burlatsky*. Who or What Broke Up the Soviet Union? //Separatism: Democracy and Disintegration. Metta Spencer, ed. – Lanham, MD, 1998. P. 146. Ряд исследователей, однако, считает, что Договор не имел бы реальной силы. См., напр.: *Miller.* Mikhail Gorbachev. P. 198; *Beissinger.* Nationalist Mobilization. P. 390, 422–425; а также *Hough.* Democratization. P. 424–428.

89. Слова Анатолия Собчака цит. по: *Brown.* Gorbachev. P. 293. См. также: Московские новости. 1996. 18–25 августа; и *Hough.* Democratization. P. 393 (со ссылкой на Владимира Лукина).

90. Возвращаясь к упомянутой ранее возможности, если бы, как считает известный российский экономист, страны «большой семёрки» предоставили Горбачёву финансовую помощь, в которой он так отчаянно нуждался, а не отправили его в июле 1991 г. домой «с пустыми руками», то заговора могло бы и не быть. См. *Шмелев Николай.* Пять лет реформ – пять лет кризиса //Свободная мысль. 1996. № 7. С. 62; *Он же.* Десять лет, которые перевернули мир //Там же. 1999. № 2. С. 77. Заговорщики, кстати, в июне–июле намеренно предпринимали шаги, направленные на то, чтобы помешать Горбачёву получить помощь Запада. См. *Hahn.* Russia's Revolution. P. 406. По поводу отказа «семёрки» и «большом унижении» Горбачёва см. *Reddaway, Glinski.* Tragedy of Russia's Reforms. P. 78–82.

91. См., напр., заявления Собчака, Шушкевича и Александра Яковлева, сделанные ими после августовских событий: FBIS. 13 September 1991, 33, 30 September 1991, 70,

and 2 October 1991, 33; оценку Роем Медведевым сентябрьского Съезда народных депутатов – Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 167, и его собственных ожиданий – Литературная Россия. 2003. 4 апреля. По поводу экономического союза см. *Walker.* Dissolution. P. 144; а по поводу Ельцина см. *Джульетто Кьеза.* Прощай, Россия! – М., 1997. С. 110. На самом деле, после августовских событий Ельцин всё ещё подумывал о том, чтобы самому стать президентом Советского Союза. См. *Ельцин Б.Н.* Записки президента. – М., 1994. С. 154–155. Горбачёв, естественно, продолжал настаивать, что Союз должен быть сохранен. *Горбачёв.* Жизнь и реформы. Т. 2. Гл. 44.

92. По поводу текста Договора см.: Правда. 1991. 27 ноября.

93. *Martin Malia.* New York Times, 3 September 1998; *Stephen Kotkin.* Truth and Consequences //New Republic, 31 March 2003. P. 34. См. также рецензию Джеффри Хана (*Jeffrey W.* Hahn) на книгу: *Brendan Kiernan.* The End of Soviet Politics: Elections, Legislatures, and the Demise of the Communist Party //Slavic Review 52. No.4. Winter 1993: 851. Этой точки зрения придерживаются многие авторы, чьи воззрения на этот период во всём прочем существенно расходятся. См., напр.: *Malia.* Soviet Tragedy; *Dunlop.* Rise of Russia; *Åslund.* Gorbachev's Struggle. Некоторые западные учёные склонны считать период горбачёвской перестройки «переходом» («transition»). См., напр.: *Huber.* Introduction. The New Soviet Legislature: How Ideas and Institutions Matter //Perestroika-Era Politics. Huber and Kelley, eds. P. 3; *Archie Brown.* From Democratization to «Guided Democracy» //Journal of Democracy 12. No.4 October 2001: 35; *Hahn.* Russia's Revolution. Chap.8. Как само слово («переход»), так и обозначаемое им понятие нередко использовались в отношении горбачёвских реформ советскими авторами того периода.

94. *Strayer.* Why Did the Soviet Union Collapse? P. 113.

95. Термин «противовесы» я позаимствовал у Джона Хазарда: *John N. Hazard.* The Soviet System of Government. 5th ed. – Chicago, 1980. Chap.13. Его книга, впервые опубликованная в 1957 г., стала первым произведением, где проблема была проанализирована с этой, важной, точки зрения. Ещё ранее подобный подход, правда, по отношению к официальной идеологии, предпринял Баррингтон Мур. См. *Barrington Moore Jr.* Soviet Politics – The Dilemmas of Power: The Role of Ideas in Social Change. – New York, 1965. P. 28, 339 (первое издание книги вышло в 1950 г.).

96. См. соответственно: *Горбачёв.* Избранные речи и статьи. Т. 6. С. 352; *Он же.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 390; *Черняев А.С.* 10 лет без СССР: материалы конференции и круглых столов, проведённых общественно-политическим центром Горбачёв-Фонда в 2001 г. – М., 2002. С. 8; и *Горбачёв.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 423. Так, один американский советолог с большим удивлением отмечал в то время, что «оживают институты, которые большинство людей считало мертвыми; неестественной, гротескной карикатурой на то, чем они должны были быть». *Donald W. Treadgold.* Mikhail Sergeevich and the World of 1990 //Gorbachev. Wieczynski, ed. P. 43.

97. Подобного взгляда придерживается и Ригби (T.H. Rigby). См.: *Lilia Shevtsova.* Yeltsin's Russia: Myths and Reality. – Washington, 1999. P. 6.

«Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?

Список сокращённых названий периодических изданий, упоминаемых в Примечаниях

АиФ – Аргументы и факты
ВА – Вестник аналитики
ВН – Время новостей
КП – Комсомольская правда

ЛГ – Литературная газета
МН – Московские новости
НВ – Новое время
НГ – Независимая газета
НИ – Новые известия
Новая – Новая газета
ОГ – Общая газета
ОНС – Общественные науки и современность
РГ – Рабочая газета
РТ – Рабочая трибуна
СМ – Свободная мысль
СР – Советская Россия
APSR – American Political Science Review
EAS – Europe-Asia Studies
FA – Foreign Affairs
FBIS – Foreign Broadcast Information Service Daily Report: Soviet Union
FT – Financial Times
IHT – International Herald Tribune
JMH – Journal of Modern History
JRL – Johnson's Russia List
MT – Moscow Times
NR – New Republic
NT – New Times
NY – New Yorker
NYRB – New York Review of Books
NYT – New York Times
PC – Problems of Communism
PPC – Problems of Post-Communism
PSA – Post-Soviet Affairs
Report – Radio Liberty Report on the USSR
RR – Russian Review
SR – Slavic Review
TLS – Times Literary Supplement
WP – Washington Post
WS – Weekly Standard
WSJ – Wall Street Journal

1. *Richard Sakwa.* Gorbachev and His Reforms, 1985–1990. – N. J.: Englewood Cliffs, 1991. P. 357; *Ed A. Hewett.* Is Soviet Socialism Reformable? // Alexander Dallin and *Gail W.* Lapidus eds. The Soviet System: From Crisis to Collapse. Rev. ed. – Boulder, 1995. P. 320. В качестве примеров других работ того времени, основанных на мнении о реформируемости системы, см.: *Robert V. Daniels.* Is Russia Reformable? Change and Resistance from Stalin to Gorbachev. – Boulder, 1988; *George W.* Breslauer, ed. Can Gorbachev's Reforms Succeed? – Berkeley, 1990; *Stephen White.* Gorbachev in Power. – New York, 1990; *Robert T.* Huber and *Donald R.* Kelley, eds. Perestroika-Era Politics: The New Soviet Legislature and Gorbachev's Political Reforms. – Armonk, 1991; Eugene Huskey, ed. Executive Power and Soviet Politics: The Rise and Decline of the Soviet State. – Armonk, 1992; *Michael E. Urban.* More Power to the Soviets: The Democratic Revolution in the USSR. – Brookfield, VT, 1990; *Jerry F. Hough.* Russia and the West: Gorbachev and the Politics of Reform. 2nd ed. – New York, 1990. Ряд авторов упоминают в своих работах Йан Халленберг и Дэвид Роули: *Jan Hallenberg.* The Demise of the Soviet Union: Analysing the Collapse of a State. – Burlington, VT, 2002. P. 177–186, 195, *David Rowley* // Kritika 2. No.2. Spring 2001. P. 414, n.9. По поводу мнения правительства США см.: *Michael R.*

Beschloss and Strobe Talbott. At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War. – Boston, 1993. Chaps. 16–21.

2. См. соответственно: *Anders Åslund*. How Russia Became A Market Economy. – Washington, 1995. P. 31 and Chap. 2 passim; *M. Steven Fish.* Democracy From Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. – Princeton, 1995. P. 3; *Michael Dobbs* // Washington Post. 15 December 1991; *Beryl Williams* // Russian Review 56. No.1. January 1997. P. 143; и *David Saunders* // Europe-Asia Studies 48. No. 5. July 1996. P. 868. См. также: *Martin Malia*. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. – New York, 1994; *Fred Coleman*. The Decline and Fall of the Soviet Empire: Forty Years that Shook the World, from Stalin to Yeltsin. – New York, 1996, p.xii, xv, xvi; *Alec Nove*. The Soviet System in Retrospect: An Obituary Notice. – New York, 1993. P. 7; *Richard Pipes*. Communism: A History. – London, 1994. P. 39; *Wisla Suraska*. How the Soviet Union Disappeared. – Durham, 1998; *Valerie Bunce.* Subversive Institutions. – New York, 1999. P. 37; *Fritz W. Ermarth* // National Interest. Spring 1999. P. 5; *Stephen Kotkin*. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000. – New York, 2001. P. 181; и *Mark R. Beissinger*. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. – New York, 2002. P. 390. В качестве примечательных исключений см.: *Alexander Dallin* // Dallin and Lapidus, eds. Soviet System. Chap. 58; *David M. Kotz* and *Fred Weir*. Revolution From Above: The Demise of the Soviet System. – New York, 1997; *Ronald Grigor Suny*. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford, 1993; *Archie Brown*. The Gorbachev Factor. – New York, 1997; *Jerry F. Hough*. Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991. – Washington, 1997; и *Peter Reddaway, Dmitri Glinski.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy. – Washington, 2001. Несколько иной подход к проблеме можно встретить в более ранней работе Даллина: *Alexander Dallin* // *Robert O.* Crummey, ed. Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects. – Urbana, 1989. P. 243–256. Интересный взгляд на проблему изнутри политической культуры коммунистической системы см.: *Zdenek Mlynar*. Can Gorbachev Change the Soviet Union? The International Dimensions of Political Reform. – Boulder, 1990.

3. *Martin Malia* in Daedalus 121. No. 2. Spring 1992. P. 60; *Alain Besançon* // *George R.* Urban, ed. Can the Soviet System Survive Reform? Seven Colloquies About the State of Soviet Socialism Seventy Years After the Bolshevik Revolution. – London, 1989. P. 202.

4. *Malia.* Soviet Tragedy. P. 5; *Malia* // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences 44. No. 2. November 1990. P. 8; *Malia* // Dallin and Lapidus, eds. Soviet System. P. 667. См. также: *David Satter*. The Age of Delirium: The Decline and Fall of the Soviet Union. – New York, 1996; *Terry McNeill* // Michael Cox, ed. Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. – New York, 1998. P. 68; *Daniel Chirot* // *Philip G. Roeder*. Red Sunset. – Princeton, 1993. P. 15; соответствующие примеры из статьи *Rowley* // Kritika. Spring 2001. P. 400, n.11; а также представивший взгляды Ричарда Пайпса *Vladimir Brovkin* // Journal of Cold War Studies. Winter 2006. P. 127–132. Даже один из поклонников Малия был смущён его склонностью всё списывать на «первородный грех библейского масштаба». *Yanni Kotsonis* // Russian Review 58. No. 1. January 1999. P. 126. В качестве примера систематической критики трактовки Малия см.: *Dallin* // Dallin and Lapidus, eds. The Soviet System. Chap. 58.

5. См. соответственно: *David Brion Davis* // New York Times. Aug. 26, 2001; *Eric Foner* // The Nation. Oct. 31, 2005. P. 26; *Edward Rothstein* // New York Times. Oct. 7, 2005; *James Oliver Horton and Lois E. Horton.* Slavery and the Making of America. – New York, 2005. P. 7, 159.

6. См. соответственно: *Richard W. Stevenson* // New York Times. July 9, 2003 (по поводу Дж. Буша, цитирующего Джона Адамса); *Steven Mintz* // Chronicle. Feb. 7, 2003, P. B16; *George M. Fredrickson* // New York Review of Books. March 25, 2004. P. 34 и *Steve R. Weisman* (цитирует Кондолизу Райс) // New York Times. Oct. 22, 2005 (по поводу «первородного греха»). По поводу Рейгана см. *Raymond L. Garthoff.* The Great Transition. – Washington, 1994. P. 352.

7. Цитаты взяты из статей следующих авторов: *Michael Dobbs* // Washington Post Magazine. June 9, 1996. P. 29; *Dusko Doder* // Washington Post Book World. March 22, 1998. См. также: *Malia.* Soviet Tragedy. P. 492; *Michael McFaul* // *Andrew C.* Kuchins, ed. Russia After the Fall. – Washington, 2002. P. 27; *Stephen White* // Slavic Review. Summer 2002. P. 421; *Beissinger.* Nationalist Mobilization. P. 4, 341; *Jack F. Matlock, Jr.* Autopsy On An Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. – New York, 1995. P. 293; *Peter Kenez* // Kritika 4. No. 2. Spring 2003. P. 369. Один критик подобного исторического подхода назвал его «склонностью к запоздалым суждениям» («hindsight bias») (см. прим. 8). В качестве поучительной аналогии приведём мнение одного историка о связи между царскими реформами XIX века и судьбой царизма: «Крах царской монархии в 1917 г. больше не считается бесспорным доказательством окончательного и неизбежного провала этих реформ». *Ben Ekloff* // Ekloff, et al., eds. Russia's Great Reforms, 1855–1881. – Bloomington, IN, 1994. P. x.

8. Термины принадлежат Рейнхарду Бендиксу (Reinhard Bendix). См. *Dallin* // *Dallin and Lapidus, eds.* The Soviet System. P. 688. См. также: *Mark Almond* // Niall Ferguson, ed. Virtual History: Alternatives and Counterfactuals. – London, 1997. P. 392.

9. Некоторые исключения из этого правила см. в работах: *George W. Breslauer.* Gorbachev and Yeltsin as Leaders. – New York, 2002. P. 266–270; *Henry E. Hale.* Ethnofederalism and Theories of Seccession. June 2001, неопублик. рукопись; *Mark R. Beissinger* // Slavic Review. Summer 2006. P. 301 и, особенно, *Hough*. Democratization and Revolution, где рассматривается ряд вопросов, поднимаемых здесь. По поводу других областей см.: *Philip E.* Tetlock and Aaron Belkin, eds. Counterfactual Thought Experiments in World Politics. – Princeton, 1996; *Ferguson.* Virtual History; Robert Crowly, ed. What It? – New York, 1999; Andrew Roberts, ed. What Might Have Been. – London, 2004. По поводу пользы контрфактического подхода вообще см.: *Martin Bunzl* // American Historical Review. June 2004. P. 845–858.

10. По поводу приведённых цитат см. соответственно: *Carolyn McGiffert Ekedakl and Melvin A. Goodman.* The Wars of Eduard Shevardnadze – University Park, PA, 1997. P. 50; *Giulietto Chiesa.* Transition to Democracy: Political Change in the Soviet Union, 1987–1991. – Hanover, 1993. P. 203; и *Peter Rutland* // *Cox, ed.* Rethinking the Soviet Collapse. P. 43. Различные версии этого «институционального» тезиса см.: *Roeder.* Red Sunset; *Bunce.* Subversive Institutions; и *Richard Sakwa* // Stephen White, et al., eds. Developments in Russian Politics 4. – Durham, 1997. P. 16. Саква, в частности, пишет: «Само государство было лишено способности к реформе». Другой исследователь полагает, что к гибели советского государства привела не «ригидность» его институтов, а, напротив, их «излишняя гибкость». *Steven L. Solnick.* Stealing the Soviet State. – Cambridge, MA, 1998. P. 223.

11. *John Keep.* Last of the Empires: A History of the Soviet Union, 1945–1991. – New York, 1995. P. 416 (Кип цитирует здесь Р. Карклина, с которым полностью солидарен). Такого же мнения придерживается Роберт Конквест, на которого ссылается Браун: *Brown.* Gorbachev. P. 252. См. также: *Kotkin.* Armageddon Averted, 71–73; и *Anthony D'Agostino.* Gorbachev's Revolution. – New York, 1998. P. 172. В явной или скрытой форме этот тезис присутствует во многих других западных работах. См., напр.: *Fish.* Democracy From Scratch; *Nicolai N. Petro.* The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. – Cambridge, 1995; *Michael Urban.* The Rebirth of Politics in Russia. – New York, 1997; *Malia.* Soviet Tragedy; *Coleman.* Decline and Fall; *John B. Dunlop.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. – Princeton, 1993; и *Michael McFaul.* Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. – Ithaca, 2001. Согласно ещё одному мнению, несколько отличному от предыдущего, но связанному с ним, демократизация была не совместима не только с советской системой, но и вообще с российскими традициями государственной власти. См., напр.: *Theodore H. von Laue* // *Joseph L.* Wieczynski, ed. The Gorbachev Reader. – Salt Lake City, 1993. P. 149–151; и *Walter M. Pinter* // Crummey, ed. Reform in Russia and the USSR. P. 243–256.

12. См. соответственно: *Kotz and Weir.* Revolution From Above. P. 239, n.9 (цитируют Р. Карклина); *Michael Wines* // New York Times. Jan.9, 2000; *Fish.* Democracy From Scratch. P. 3, 51; *Stephen Kotkin* // Russian Review 61. No. 1. January 2002. P. 50; *Thomas L. Friedman* // New York Times. May 2, 1998 (цитирует Джорджа Кеннана). Подобных воззрений придерживаются также: *Joel C. Moses* // Soviet Studies 44. No. 3 1992. P. 479; *Malia* // Daedalus. Spring 1992. P. 57–75; *Thomas F. Remington* // *Robert V.* Daniels, ed. Soviet Communism from Reform to Collapse – Lexington, MA, 1995. P. 330–339; *Leslie Holmes.* Post-Communism: An Introduction. – Durham, 1997. P. 57, 130–131; *D'Agostino.* Gorbachev's Revolution. P. 5; *Michael McFaul* // San Francisco Chronicle. June 13, 2004; *Graham Allison* // BG. Dec. 26, 2005; авторы, о которых пишет *Rowley* // Kritika. Spring 2001. P. 403–406; и авторы монографий из предыдущего примечания. Оглядываясь на этот период, российский президент Владимир Путин совершенно по-другому интерпретировал события: «Давайте исходить из реальности. Демократия в России была фактически спущена сверху» (Известия. 2000. 14 июля). О «дезертирстве» из социализма см.: *Åslund.* How Russia. P. 51–52; и *Michael McFaul* // Washington Post. Sept. 22, 2001. Среди российских историков мало кто полагает, что демократизация убила систему. См. по этому поводу: *Ворожейкина Т.Е.* // Общественные науки и современность. № 5. 2005. С. 21–22. Среди тех немногих, кто так считает, см., напр.: *Согрин В.В.* Политическая история современной России, 1985–1994: от Горбачёва до Ельцина. – М., 1994. С. 107; *Он же* // Отечественная история. № 3. 2005. С. 8–9; *Пихоя Р.Г.* // Россия в XX веке. В 2-х тт. Под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 2002. Т. 1. С. 130, 143 и *Ципко А.* // Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 209. Но и среди западных историков не все разделяют идею о революции снизу, напр.: *Kotz and Weir.* Revolution From Above; *Hough.* Democratization and Revolution; *Reddaway and Glinski.* Tragedy of Russia's Reforms. Chap. 3–4; *Judith Devlin.* The Rise of the Russian Democrats: The Causes and Consequences of the Elite Revolution. – Brookfield, VT, 1995; *Peter Rutland* // Transitions. Feb. 1998. P. 16–17; *Gordon M. Hahn.* Russia's Revolution From Above: Reform. Transition, and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime. – New Brunswick, 2002; *Walter D. Connor* // Journal of Cold War Studies. Fall 2003. P. 75.

13. *Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю: 1985–1991. – М., 2002. С. 326. К такому же выводу пришёл британский специалист: «Русским, похоже, нужен был социализм, который работает». *Stephen White.* Communism and Its Collapse. – New York, 2001. P. 75. См. также *Richard Sakwa* из прим. 74. По данным опроса общественного мнения, проведённого в конце 1990 г., две трети опрошенных всё ещё отдавали предпочтение социализму. Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 51. См. также: *Gorshkov M.K.* // Sociological Research. Nov.–Dec. 2005. P. 72. По поводу отношения к социально-экономическим ценностям системы см.: *Matthew Wyman.* Public Opinion in Postcommunist Russia. – New York, 1997. Chap. 7; данные социальных обследований, собранные Юрием Левадой: Есть мнение! Итоги социологического опроса. Под ред. Ю. Левады. – М., 1990; *Он же.* Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. – М., 1993; и даже данные, представленные специалистом, близким к антисоветской команде «шоковой терапии», вскоре пришедшей к власти: *Tatiana Koval'* // Yegor Gaidar, ed. The Economics of Transition. – Cambridge, Mass., 2003. Chap. 25. На данные социологических опросов опирались также и некоторые западные учёные, которые пришли к сходным выводам. См., напр.: *Kotz and Weir.* Revolution. P. 137–139; *Hough.* Democratization. P. 471; *James R. Millar* // Millar and *Sharon L.* Wolchik, eds. The Social Legacy of Communism. – Washington, 1994. P. 5–7; *Vladimir Shlapentokh.* A Normal Totalitarian Society: How the Soviet Union Functioned and How It Collapsed. – Armonk, 2001. P. 125, 208, 281; *Reddaway and Glinski.* Tragedy of Russia's Reforms. P. 92–94, 154.

14. *Wyman.* Public Opinion. Chap. 6; Radio Free Europe / Radio Liberty Newsline. March 16, 2001; *Задорин И.В.* // Горбачёвские чтения. Вып. 3. – М., 2005. С. 39. По поводу Ельцина см. первое, просоветское, издание его автобиографии Исповедь на задан-

ную тему. – Свердловск, 1990; его предвыборную речь, опубликованную в Foreign Broadcast Information Service Daily Report: Soviet Union (далее – FBIS), June 3, 1991. P. 71–79; *Челноков Михаил.* Россия без Союза, Россия без России. – М., 1994. С. 30–32; *Hough.* Democratization. P. 279, 308, 333–334.

15. *Alexander Lebed.* My Life and My Country. – Washington, 1997. P. 321; *Rodric Braithwaite.* Across the Moscow River: The World Turned Upside Down. – New Haven, 2002. P. 242; *Климов Элем* // Общая газета. 2001. 23–29 августа. См. также: *Попцов Олег.* Хроника времён «Царя Бориса»: Россия, Кремль, 1991–1995. – М., 1995. С. 261; *Бурбулис Г.Э.* // Известия. 1991. 26 октября; *Jonathan Steele.* Eternal Russia. – Cambridge, Mass., 1994. Chap. 4; и *Mark Kramer* // Journal of Cold War Studies 5. No. 4 (Fall 2003). P. 9. Примеры расхожести утверждений об «Августовской революции» см., напр.: *Peter Kenez* // New Leader. Sept. 9–23, 1991. P. 15–18; *Martin Malia* // New York Review of Books. Sept. 26, 1991. P. 22–28; *Anatole Shub* // Problems of Communism 40. No. 6. November–December, 1991. P. 20; *John Gooding.* Rulers and Subjects. – London, 1996. P. 337–339; *Leon Aron.* Yeltsin: A Revolutionary Life. – New York, 2000. Chap. 10; *McFaul* // Kuchins, ed. Russia After the Fall. P. 27; и *Urban.* Rebirth of Politics in Russia. P. 252. Последний, в частности, увидел в августовских событиях «национальное сопротивление». Скрупулезную, но, тем не менее, неубедительную аргументацию в пользу революционной трактовки см. у Балцера: *Harley Balzer* // Demokratizatsiya. Spring 2005. P. 193–218. Сторонники этой позиции обычно считают Ельцина лидером или воплощением «Августовской революции», но сам он впоследствии гордился именно тем, что «сумел спасти Россию от революции». Цит. по: *Reddaway* and *Glinski.* Tragedy of Russia's Reforms. P. 226.

16. *Горбачёв М.С.* Понять перестройку… – М., 2006. С. 367.

17. *Roeder.* Red Sunset. P. 5.

18. По поводу Американской революции см. *Michael Kammen.* A Season of Youth: The American Revolution and Historical Imagination. – New York, 1978; о президентах-рабовладельцах и труде рабов см. *Davies* // New York Times. Aug. 26, 2001; *Mintz* // Chronicle. Feb. 7, 2003, p.B16; а по поводу учебников см. *James T. Campbell* // Washington Post Book World. Dec. 12, 2004. P. 3. Что и говорить, если даже в 2005 г. историк из моего родного южного штата не видел «ничего страшного» в поведении президента Конфедерации и вообще в «прошлом Юга», если рассматривать его «в контексте того времени». *Bill Ellis* // Kentucky Monthly. June 2005. P. 54. Как сказал ведущий американский историк об «отцах-основателях», «по крайней мере, они подбросили какие-то идеи, которые… смогли вдохновить будущих противников рабства». *George M. Fredrickson* // New York Review of Books. July 14, 2005. P. 42. То же самое можно было бы сказать и про Ленина с Бухариным – по отношению к реформаторам послесталинской эпохи.

19. В качестве примера подобного подхода см.: *John Miller.* Mikhail Gorbachev and the End of Soviet Power. – New York, 1993. P. 201. Такое отождествление настолько широко распространено, что им в одинаковой мере пользуются представители противоположных политических взглядов. См.: *Malia.* Soviet Tragedy, passim; *Chiesa.* Transition to Democracy. P. 202; *Jeremy Smith.* The Fall of Soviet Communism. – New York, 2005. Некоторые исследователи по-прежнему используют термины «коммунизм» и «коммунистический» в качестве ярлыков в аналитических оценках: *Andrew Roberts.* The State of Socialism: A Note on Terminology // Slavic Review 63. No. 2. Summer 2004. P. 349–366. В качестве примера серьёзного и вдумчивого подхода к проблеме концептуализации и языка описания советской системы см. исследование российского автора: *Маслов Д.В.* Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы. – Сергиев Посад, 2004.

20. Интервью Горбачёва BBC, 8 марта 2002 // Johnson's Russia List. March 20, 2002. Один из помощников Горбачёва позже говорил, что их целью был «СССР, порвав[ший] с коммунизмом». *Ципко Александр* // Литературная газета. 2001. 23 мая. Даже авторы проельцинской книги признают, что «большинство критиков режима выступали не

против Советов, а против засилья КПСС». Эпоха Ельцина: очерки политической истории. Под ред. Юрия Батурина и др. – М., 2001. С. 170. Россияне выражали своё согласие с этим выводом двумя способами: сначала, на рубеже 1980–1990-х гг., протестуя против господства КПСС, но поддерживая советскую систему, а позднее, сожалея по поводу конца Советского Союза и ностальгируя по советской эпохе, но при этом не желая возвращения компартии к власти. Это подтверждают и данные опросов, которые приводит Пол Гобл: *Paul Goble* // Johnson's Russia List. Jan. 2, 2006. О понимании коммунизма Горбачёвым в 1990 г. см.: *Andrzej Walicki.* Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: The Rise and Fall of the Communist Utopia. – Stanford, 1995. P. 554–555, 617, n. 177.

21. См., напр.: *Urban* // Urban, ed. Can the Soviet System Survive Reform? P.xiii; *Remington* // Daniels, ed. Soviet Communism. P. 331; а также *Beissinger.* Nationalist Mobilization. P. 401. По поводу места КПСС в советской системе один автор, к примеру, пишет: «Руководство КПСС (то есть, советская система)». *Troy McGrath* // Harriman Review. – Columbia University, December 2002. P. 15. Вообще, как заметил в дискуссии по соответствующему поводу российский политик, всё «зависит от того, что мы понимаем под Советским Союзом». *Арбатов Алексей* // Независимая газета. 1997. 16 января.

22. Новая концепция советской системы встречается во многих перестроечных публикациях 1988–1991 гг., но один из самых ярких примеров – статья Елены Боннэр, вдовы Андрея Сахарова и человека, которого уж точно невозможно упрекнуть в просоветских симпатиях, о власти и собственности. См. Московские новости. 1990. 15 июля.

23. По поводу «эволюции» взглядов элиты см. ниже, прим. 67. Насколько еретическими были новые воззрения, можно судить хотя бы по растущей оппозиции одного из реформаторов, бывшего помощника Горбачёва по идеологии. См.: *Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. – М., 1997. Новая идеология, разработанная Горбачёвым в конце 1989 г., в начале 1990 г. была оформлена в виде проекта новой программы партии и в июле представлена на обсуждение XXVIII съезда КПСС, одобрившего её. См.: Правда. 1989. 26 ноября; Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 5–7 февраля 1990 года. – М., 1990. С. 511–540; XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. В 2-х томах. – М., 1991, особенно Т. 1. С. 55–101 и Т. 2. С. 255–268, 276–294. Помощники Горбачёва продолжили дорабатывать проект, делая его всё более либерально-демократическим. См. проект и дебаты по нему: Правда. 1991. 8 августа; Советская Россия. 1991. 27–30 июля. По поводу антикоммунистических взглядов внутри самого партийного аппарата см. *Ципко Александр* // Вестник аналитики. 2005. № 3. С. 213–237, а в более широком контексте см. Archie Brown, ed. The Demise of Marxism-Leninism in Russia. – New York, 2004. P. 9–11. Chap. 2–4.

24. Так, один помощник Горбачёва, ответственный за разъяснение новой идеологии, в то же время, утверждал, что её роль в жизни советского общества должна быть существенно снижена. См. *Шахназаров Георгий.* Обновление идеологии и идеология обновления // Коммунист. 1990. № 4. С. 46–59; Литературная газета. 1990. 18 апреля.

25. Это полностью осознавали Горбачёв и его помощники. См. *Медведев В.А.* Прозрение, миф или предательство: к вопросу об идеологии перестройки. – М., 1997. С. 4–5; Правда. 1990. 29 июня.

26. См., напр.: *Sakwa.* Gorbachev and His Reforms. P. 192; *John Gooding* // Russian Review 51. No. 1. January 1992. P. 36–57; *Chiesa.* Transition to Democracy. P. 3. Существует и противоположное, скорее рефлексивное, чем обоснованное мнение, что «КПСС оставалась правящей партией» до августа 1991 г. *Mark R. Beissinger* // James Millar, ed. Cracks in the Monolith: Party Power in the Brezhnev Era. – Armonk, 1992. P. 213. Фактически, как сказал один из бывших членов ЦК, «партия… перестала быть правящей политической организацией, и работники аппарата ЦК чувствовали это лучше, чем кто-либо другой». *Медведев Рой.* Советский Союз: последний год жизни. – М., 2003. С. 76.

27. *Brown.* Gorbachev. P. 310

28. По поводу заявлений Горбачёва см.: XXVIII съезд. Т. 2. С. 201–202; Правда. 1990. 13 апреля. По поводу последнего заявления см. также Известия. 1990. 27 февраля,

где Лилия Шевцова пишет: «Мы имеем гораздо большее политическое разнообразие, чем любая страна мира».

29. По данным В.Н. Кудрявцева. См. Труд. 1988. 11 ноября. По поводу конституционных аспектов горбачёвских реформ см. *Robert B. Ahdieh.* Russia's Constitutional Revolution: Legal Consciousness and the Transition to Democracy, 1985–1996. – University Park, PA, 1997.

30. *Elizabeth Teague* // Radio Liberty Report on the USSR. Oct. 19, 1990. P. 9–10. По поводу «сдержек и противовесов» см. *Горбачёв М.С.* Избранные речи и статьи. В 7 томах. – М., 1987–1990. Т. 7. С. 161.

31. В качестве примера взгляда, идущего вразрез общепринятому, см. *Stephen White* // Slavonic and East European Review. Oct. 1994. P. 644–663, и Oct. 1997. P. 683–697.

32. По поводу растущего влияния государственных министерств, в сравнении с влиянием партаппарата, см.: *Stephen Whitefield.* Industrial Power and the Soviet State. – New York, 1993; *David Lane, Cameron Ross* // Communist and Post-Communist Studies. No. 27 (1), 1994. P. 18–38; и *Alexander Yakovlev.* The Fate of Marxism in Russia. – New Haven, 1993. P. 109–111. Один западный историк утверждает даже, что партия к началу 1980-х гг. уступила свою власть государственной бюрократии. – *Moshe Lewin.* The Soviet Century. – London, 2005. P. 348–351. Об игнорировании роли советского государства см. *Huskey.* «Introduction» // Huskey, ed. Executive Power. P.xii–xiii.

33. Цифры взяты из: *Оников Леон.* КПСС: анатомия распада. – М., 1996. С. 75. Оников настаивает, что контроль аппарата над партией оставался незыблемым, но это не соответствует ни реальным событиям, ни другим оценкам. См., напр., *Yegor Ligachev.* Inside Gorbachev's Kremlin. – New York, 1993. P. 109–111.

34. Кадровое пополнение перестройки // Правда. 1989. 25 июня; и редакционная статья // Правда. 1989. 14 июня. По поводу опасения Горбачёва см. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачёвым: по дневниковым записям. – М., 1993. С. 356.

35. *Graeme Gill.* The Collapse of a Single-Party System: The Disintegration of the Communist Party of the Soviet Union. – New York, 1995. P. 174–175; *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. В 2 томах. – М., 1995. Т. 2. С. 575; и *Boris Kagarlitsky.* Square Wheels: How Russian Democracy Got Derailed. – New York, 1994, 142. Взгляд изнутри см. *Чужакин Андрей* // Политический журнал. 2004. № 29. С. 76–77. На самом деле, глава путчистов даже призывал партийных функционеров не вмешиваться: «Это дело государственное». *Прокофьев Юрий.* До и после запрета КПСС. – М., 2005. С. 243. В качестве примеров западных оценок см. *Beissinger* // Millar, ed. Cracks in the Monolith. P. 213; и *Michael Dobbs.* Down With Big Brother: The Fall of the Soviet Empire. – New York, 1997. Последний, в частности, назвал главу об августовских событиях «Восстание партии». В качестве примера попытки обосновать этот взгляд см. *Белоусова Г.А., Лебедев В.А.* Партократия и путч. – М., 1992; и *Hahn.* Russia's Revolution. P. 420–427.

36. Если отбросить авторскую трактовку, самое лучшее краткое изложение различных аспектов, связанных с бюрократическим, или номенклатурным классом см. *Hough.* Democratization. P. 51–57.

37. Это относилось даже к работникам партаппарата. См.: *Оников.* КПСС. С. 56; *Берзин Б.Ю., Коган Л.Н.* Профессиональная культура партийного работника // Социологические исследования. 1989. № 3. С. 21–22; Аппарат против аппарата? // Советская культура. 1990. 31 марта. Для представления о политических и экономических взглядах номенклатуры летом 1990 г. см. опрос, проведённый среди делегатов XXVIII съезда партии: Социологические исследования. 1990. № 11. С. 99–104.

38. См. об этом: *Крыштановская Ольга.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65; *Егикова Виола* // Московская правда. 1994. 26 мая.

39. *Горбачёв М.С.* Размышления об Октябрьской революции. – М., 1997. С. 35; *Dawn Mann* // Radio Liberty Report on the USSR. Feb. 23, 1990. P. 1–6. По поводу поддержки политики Горбачёва с самого начала рядовыми коммунистами см. *Гущин Вик-*

тор // Независимая газета. 2000. 9 сентября. По поводу «молчаливого большинства» см. *Савельева Людмила* // Известия. 1988. 3 сентября; а по поводу массового выхода из партии см. *Kramer* // Journal of Cold War Studies. Fall 2004. P. 13.

40. О партии как «части государственной машины» см. *Бурцев Лев* // Известия. 1990. 15 июля; а также *Зевелев А.* // Известия. 1988. 3 ноября.

41. *Горбачёв М.С.* Размышления об Октябрьской революции. С. 35; Материалы Пленума ЦК КПСС. 5–7 февраля 1990 г. С. 11–12; а также XXVIII съезд КПСС. Т. 2. С. 201–202.

42. *Самолис Татьяна* // Правда. 1991. 1 июля.

43. Этот эпизод получил известность как «дело Нины Андреевой». См. Советская Россия. 1988. 3 марта; Правда. 1988. 5 апреля.

44. *Brown.* Gorbachev. P. 191. По поводу ЦК как «поля битвы» см. *Оников.* КПСС. С. 90–91. На партийной конференции Лигачёв отрицал очевидное: «У нас нет фракций, реформаторов и консерваторов», – говорил он, в то время как Горбачёв напоминал об опыте фракционной борьбы в 1920-е гг. XIX всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчёт. В 2 томах. – М., 1988. Т. 2. С. 88, 175.

45. Учредительный съезд Коммунистической партии РСФСР. Стенографический отчёт. В 2 томах. – М., 1991; *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 530–539; и отчёт *Elizabeth Tucker* // Wall Street Journal, July 11, 1991.

46. *Яковлев Александр* // Известия. 1991. 2 июля; *Маляров И.* // Правда. 1990. 26 сентября. Или, говоря словами советского политолога Лилии Шевцовой, «КПСС уже являет собой многопартийность в миниатюре». См. Известия. 1990. 27 февраля.

47. Годы спустя, Горбачёв полагал, что должно было быть «по меньшей мере, три политические партии»: социал-демократическая, коммунистическая и либеральная. *Горбачёв Михаил.* Понять перестройку. – М., 2006. С. 369–370.

48. Слова «размежевание», «расставание» и даже «развод» были типичными для определения этого процесса.

49. По поводу позиции консерваторов см. *Савишев Е.* // Комсомольская правда. 1991. 15 июня; *Шенин Олег.* Родину не продавал и меня обвинили в измене. – М., 1994. С. 44; *Прокофьев.* До и после запрета КПСС. С. 232–236. По поводу Горбачёва см. Правда. 1991. 3 и 26 июля; *Горбачёв.* Жизнь и реформы. Т. 2. С. 547, 548; его интервью // Независимая газета. 1992. 11 ноября; *Грачев Андрей.* Горбачёв. – М., 2001. С. 228; и *Липицкий Василий* // Независимая газета. 1991. 3 августа. По поводу его помощников и сторонников см. *Шахназаров Георгий.* Цена свободы: реформация Горбачёва глазами его помощника. – М., 1993. С. 151; *Медведев Вадим.* В команде Горбачёва: взгляд изнутри. – М., 1994. С. 130–131, 185–186, 207; и *Алексеев Сергей, Бурлацкий Фёдор, Шаталин Станислав* // Литературная газета. 1991. 30 января. См. также мнение непосредственного участника этих событий: *Лацис Отто.* Тщательно спланированное самоубийство. – М., 2001. С. 349–370.

50. *Яковлев А.Н.* Омут памяти. В 2-х тт. – М., 2001. Т. 1. С. 505. Это мнение разделяли и в другом политическом лагере. См., напр.: *Вартазарова Людмила* // Завтра. 1995. № 31.

51. *Hahn.* Russia's Revolution. P. 375; *Mikhail Gorbachev and Zdenek Mlynář.* Conversations with Gorbachev: On Perestroika, the Prague Spring, and the Crossroads of Socialism. – New York, 2002. P. 121; *Горбачёв М.С.* Понять перестройку. С. 373–374. В последнем произведении он добавляет, что «большинство членов» последовало бы за ним просто из-за партийной дисциплины. См. также *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. Т. 2. С. 578. По мнению одного из ближайших помощников, официальный раскол был бы не в пользу Горбачёва. См. *Медведев.* В команде Горбачёва. С. 131. Однако другие сторонники, а также некоторые хорошо информированные наблюдатели полагали, что за Горбачёвым последовало бы большинство членов партии, как минимум, 9 млн. чел. См., напр.: *Бурлацкий Фёдор.* Глоток свободы. В 2 томах. – М., 1997. Т. 2. С. 189–190; *Лацис О.* Тща-

тельно спланированное самоубийство. С. 345; *Дилигенский Герман* // Советская культура. 1990. 7 июля; *Пугаев Борис* // Россия. 1991. 3–9 августа. Представляется невероятным, однако, что, в случае официального раскола КПСС, какое-либо крыло набрало бы так много сторонников; многие коммунисты вполне могли предпочесть примкнуть к другим отколовшимся партиям или стать беспартийными. Но даже 1 миллиона официально зарегистрированных членов было бы более чем достаточно.

52. *Шеболдаев С.* // Правда. 1990. 26 сентября; *White*. Gorbachev and After. P. 256.

53. По оценкам начала 1990 г., в условиях свободных демократических выборов, Коммунистическая партия набрала бы 20% голосов, националистические и патриотические партии около 30%, а социал-демократы – 50%. См. *Sakwa.* Gorbachev. P. 189. Если бы КПСС раскололась на две партии, то резонно было бы предположить, что консервативному крылу досталась бы значительная часть голосов националистов, а крылу Горбачёва – большинство голосов социал-демократов. По поводу последнего прогноза см. *White* // Slavonic and East European Review. Oct. 1994. P. 663. Возражения против возможности создания такой социал-демократической партии см. *Сироткин Владлен* // Неделя. 1991. № 9. Примечательно, что Александр Яковлев также не верил в проект такой «социал-демократизации». См. *Ципко* // Вестник аналитики. 2006. № 2 (интернет-версия: www.isoa.ru).

54. Подобного мнения придерживаются и другие исследователи. См. *Miller*. Mikhail Gorbachev. P. 147–148; и *Brown.* Gorbachev. P. 205–207, 272.

55. См. напр., интервью Ельцина в «Московских новостях» 14 января 1990 г.

56. См. *Miller*. Mikhail Gorbachev. P. 146; и *Kelley* // Huber and Kelley, eds. Perestroika-Era Politics. P. 93.

57. Как выразился позднее лидер постсоветской компартии, она превратилась в «партию патриотов». См. *Зюганов Г.А.* // Советская Россия. 1995. 24 октября. Так же считали Иван Полозков, Е. Володин и Александр Проханов. См. соответственно: Советская Россия. 1991. 28 февраля и 28 сентября; Комсомольская правда. 1991. 3 сентября.

58. Первой их реакцией было желание заявить, что «они в такой обстановке не пойдут на эти выборы, потому что стопроцентная гарантия, что их не изберут». На что Горбачёв ответил: «Правильно?! Выходит, партия должна уклониться от участия в руководстве и в выборах?» Материалы пленума ЦК КПСС. 25 апреля 1989 года. – М., 1989. С. 91. Однако вскоре они явно поняли, что если один из пяти первых секретарей проиграл, четверо других так или иначе выиграли. См. *Бойков В., Тощенко Ж.* // Правда. 1989. 16 октября.

59. О компартии после 1991 г. см. *Joan Barth Urban and Valerii Solovei*. Russia's Communists at the Crossroads. – Boulder, 1997; и *Luke March*. The Communist Party in Post-Soviet Russia. – New York, 2002. По поводу «второго дыхания» см. *Третьяков Виталий* // Российская газета. 2003. 24 апреля.

60. *Joseph R. Blasi*, *et. al.,* Kremlin Capitalism: The Privatization of the Russian Economy. – Ithaca, 1997. P. 21. См. также *William Moskoff*. Hard Times: Impoverishment and Protest in the Perestroika Years. – Armonk, 1993. P. 6; *Geoffrey Hosking.* The First Socialist Society, 2nd ed. – Cambridge, MA, 1993. P. 488; *Miller*. Mikhail Gorbachev. P. 205; *Robert Strayer*. Why Did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change. – Armonk, 1998. P. 115, 133.

61. И упорно продолжали это делать до самого конца. См., напр., *Goldman.* What Went Wrong. P. 210–11; или Джеффри Сакс (Jeffrey Sachs), которого цитируют *Lynn D. Nelson* и *Irina Y. Kuzes.* Radical Reform in Yeltsin's Russia: Political, Economic, and Social Dimensions. – Armonk, 1995. P. 22–23. То же можно сказать и о многих советских экономистах, позже превратившихся в «радикальных реформаторов». См., напр. *Найшуль В.А.* // Постижение: социология, социальная политика, экономическая реформа. Под ред. *Бородкина Ф.М.* и др. – М., 1989. С. 441–448. В качестве примеров однозначных заявлений о реформируемости экономики см. *Kotz and Weir*. Revolution. Chap. 5; и Michael Ellman and Vladimir Kontorovich, eds. The Destruction of the Soviet Economic System: An Insiders' History. – Armonk, 1998. Chap. 2.

62. См., напр., *Åslund.* How Russia Became a Market Economy. P. 28; а также критические замечания Горбачёва в адрес иностранных советников – FBIS, Feb. 27, 1991. P. 81.

63. По поводу заявлений Горбачёва см. Правда. 1990. 18 сентября; а по поводу «радикальных реформаторов», напр., *Шаталин С.С., Петраков Н.Я.* // Правда. 1990. 26 апреля. Иначе говоря, «для многих советских экономистов идеалом всё ещё оставалась политика НЭПа», или «социализм с человеческим лицом». Эпоха Ельцина. Под ред. Батурина и др. С. 170.

64. *Åslund.* How Russia Became a Market Economy. P. 28; *Robert Service.* A History of Twentieth-Century Russia. – Cambridge, Mass., 1997. P. 492. По поводу того, как воспринял ремарку Ельцина Горбачёв, см. его Жизнь и реформы. Т. 1. С. 576; а по поводу положительной реакции на предложение Горбачёва см. *Brown.* Gorbachev. P. 137–140.

65. *Padma Desai.* Perestroika in Perspective. – Princeton, 1990. P. 106. См. также письмо Василия Леонтьева в «Московских новостях» – Московские новости. 1990. 14 января; *Ed A. Hewett* // New York Times. March 25, 1990; и *Richard Parker* // Atlantic Monthly. June 1990. P. 68–80.

66. См., напр., законы о земле, собственности и предпринимательстве, опубликованные в газетах: Известия. 1990. 7 марта; Правда. 1990. 10 марта; и Советская Россия. 1990. 12 июня. Все эти законы, принятые до 1991 г., были ещё довольно эвфемистичны в отношении частной собственности и того, что с ней связано, но их значение признает даже один из самых жестких экономических критиков Горбачёва. *Åslund.* How Russia Became a Market Economy. P. 30.

67. *Макашов Альберт* // Советская Россия. 1991. 8 июня. См. также: *Прокофьев Юрий.* От культуры схватки к культуре согласия // Коммунист. 1990. № 13. С. 7; рассказ ставшего «либеральным» Вадима Бакатина о его «метаморфозах» (Комсомольская правда. 1991. 31 мая.); рассуждения А.Д. Некипелова о его «переосмыслении теоретических воззрений» и «идейной эволюции» (Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 10–11; Прорыв к свободе: о перестройке 20 лет спустя. – М., 2005. С. 183–185.); а также результаты опроса делегатов XXVIII съезда КПСС (Социологические исследования. 1990. № 11. С. 99–100). «Эволюцией взглядов» назвал это впоследствии Рыжков. См. Правда. 1992. 3 октября.

68. *David Remnick* // Washington Post. July 7, 8, 9, 1991. В качестве примера личного опыта и мнения участника этого процесса, см. *Тарасов Артем.* Миллионер. – М., 2004 (особенно главы 3–6). По поводу кооперативов см. *Тихонов Владимир* // Аргументы и факты. 1990. 31 марта – 6 апреля и Литературная газета. 1990. 8 августа; *Бороденков Андрей* // Московские новости. 1990. 1 июля. По поводу других явлений см. ниже, прим. 209–212.

69. *Mikhail Berger* // Moscow Times (magazine ed.). March 12, 1995. P. 35. Как заметил постсоветский министр финансов и банкир, «всё началось с Горбачёва». См. интервью Бориса Фёдорова «Голосу Америки»: Johnson's Russia List. April 6, 2004. См. также *Буртин Юрий.* Две приватизации // Новое время. 1990. № 20. С. 19; *Гайдар Егор*. Государство и эволюция. – М., 1995. С. 150; *Медведев Рой.* Здоровье и власть в России. – М., 1997. С. 14–18; *Головков А.* // Независимая газета. 1998. 26 сентября; *Нуреев Р., Рунов А.* Россия: неизбежна ли деприватизация? // Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 21. По поводу точки зрения, что Горбачёв «упустил свой шанс провести значимые экономические реформы», см. *Michael Dobbs* // Washington Post, Dec. 15, 1991; а также *Åslund*. Gorbachev's Struggle. P. 230.

70. Эта мысль была высказана им публично во время поездки в Литву в январе 1990 г. См. Наши общие проблемы вместе и решать: сборник материалов о поездке М.С. Горбачёва в Литовскую ССР, 11–13 января 1990 года. – М., 1990.

71. По поводу борьбы Горбачёва за сохранение Союза см.: Союз можно было сохранить. – М., 1995; Несостоявшийся юбилей. Под ред. А.П. Ненарокова. – М., 1992. С. 331–508. О том, как Горбачёв характеризовал старое государство, см. его «Жизнь и

реформы». Т. 1. С. 495–496, а также Т. 2. С. 530. По поводу сравнения с Линкольном см. *Gorbachev and Mlynář.* Conversations. P. 129; а по поводу конца перестройки см. *Горбачёв М.С.* Декабрь-91: моя позиция. – М., 1992, и Пять лет после Беловежья. Что дальше? Под ред. В.Т. Логинова. – М., 1997.

72. Леон Оников, цит. по: *Смирнов*. Уроки минувшего. С. 288.

73. По поводу проблемы терминов см. *Nelson and Kuzes*. Radical Reform. P. 8; и *Robert V. Daniels.* Russia's Transformation. – Lanham, MD, 1998. P. 212–213. Неудивительно, что один из ведущих советологов затруднился «даже в ретроспективе» найти ответ на неправильно сформулированный им вопрос: «Почему громадное сооружение рухнуло?». *Walter Laqueur.* The Dream That Failed. – New York, 1994. P. 71. В качестве иллюстрации принципиального различия в формулировках, ср.: *Richard Lourie* // New York Times Book Review. April 5, 1998. P. 26 («Советская Россия… рухнула под собственным весом») и тему «круглого стола» в российской Независимой газете: «Кто развалил Советский Союз: История, Запад, Ельцин, Горбачёв?» (НГ-сценарии. 1997. 1 января).

74. См. соответственно: *Stephen Kotkin* // New Republic. April 15, 2002. P. 27; *Pipes.* Communism. P. 41; и *Alec Nove* // Geir Lundestad, ed. The Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy. – Oslo, 1994. P. 144. См. также *Hosking.* The First Socialist Society. P. 500; Vera Tolz and Iain Elliot, eds. The Demise of the USSR: From Communism to Independence. – London, 1995. P. 21; *Malia.* Soviet Tragedy. P. 488; и *Bunce*. Subversive Institutions. P. 19, 36–37 and passim. Справедливости ради, следует отметить, что подобный взгляд присущ и ряду серьёзных российских аналитиков. См., напр.: *Согрин В*. Перестройка: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 147; *Бурлацкий Ф.* Глоток свободы. Т. 2. С. 155–156; и *Мигранян Андраник* // Независимая газета. 2000. 14 июня. Однако, по мнению ещё одного российского политолога, «поражение коммунистической системы не обязательно влекло за собой распад государства». *Lilia Shevtsova* // Anne de Tinguy, ed. The Fall of the Soviet Empire. – Boulder, 1997. P. 76. Инакомыслящие встречаются и среди западных учёных. Так, Ричард Саква считает, что вышедший за рамки компартии «более широкий политический класс… в значительной мере отражал устремления большинства общества» и содержал «потенциал для существенной эволюции». *Richard Sakwa* // Demokratizatsiya. Spring 2005. P. 266–267.

75. См. ранее, прим. 32.

76. *Shlapentokh.* A Normal Totalitarian Society. P. 164–166. См. также *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. – М., 1996. С. 140–141; и *Brown.* Gorbachev. P. 258–259.

77. *Mark Kramer* // Journal of Cold War Studies. Fall 2003. P. 21. По поводу статистики см. *Барсенков.* Введение. С. 132; и *Shlapentokh.* A Normal Totalitarian Society. P. 158. В Центральной Азии русский язык и советский стандарт образования, даже спустя более десяти лет после распада, оставались влиятельными факторами. См. *Zamira Eshanova* // Radio Free Europe/Radio Liberty Newsline. Nov. 13, 2002. Вообще, по некоторым данным, из 142 миллионов бывших советских граждан, живших не в России, русский язык знали, по меньшей мере, 100 миллионов. См. *Sergei Blagov* // Asia Times. July 23, 2003.

78. *Stephen Kotkin* // New Republic. April 15, 2002. P. 27. Нечто похожее по поводу бывшего Советского Союза заявил в 1996 г. Горбачёв: «Де-факто до сих пор страна живёт, хотя де-юре её уже нет». Независимая газета. 1996. 25 декабря.

79. *Suny.* Revenge of the Past. P. 150. С этим согласны даже российские антикоммунистические критики Горбачёва. См., напр.: *Sergei Roy* // Moscow News. Nov. 26 – Dec. 2, 1998; а также коллективное заявление, опубликованное в приложении к «Независимой газете» (НГ-Сценарии. 1996. 23 мая).

80. По поводу закона см. Правда. 1990. 7 апреля. См. также мнение Горбачёва о «процессе развода» в его «Жизнь и реформы». Т. 1. С. 520–521. По мнению некоторых историков, если бы приемлемый союзный договор был предложен в начале 1989 г., даже балтийские республики не стали бы спешить с выходом. См. *Симонян Р.Х.* Страны

Балтии и распад СССР // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 34–37. См. также *Fedor Burlatsky* // Metta Spencer, ed. Separatism. – Lanham, MD, 1998. P. 141.

81. *Станислав Шушкевич* // FBIS. Sept. 30, 1991. P. 70. Ельцин в ноябре 1991 г. также заверял аудиторию: «Трудно сказать, какое число государств войдёт в Союз, но у меня твёрдое убеждение, что Союз будет». Цит. по: *Медведев.* Советский Союз. С. 203. Один российский специалист уверен, что не имело значения, сколько республик сразу подпишут Договор, так как другие могли бы присоединиться позже. *Чешко С.В.* // Трагедия великой державы. Под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 2005. С. 465. А, значит, утверждения типа того, что в новый Союз должны были обязательно войти «все пятнадцать республик», безосновательны. *Edward W. Walker.* Dissolution. – Lanham, 2003. P. 186.

82. По поводу Договора см. Известия. 1991. 15 августа; а по поводу активной поддержки идеи Союза Ельциным и Кравчуком в ходе переговоров см. Национальные интересы. 2001. № 2–3. С. 80, 88. Часто утверждают, что Украина, на самом деле, ни за что не подписала бы Договор (см. ниже, прим. 84), однако Горбачёв, а также некоторые российские специалисты и, как минимум, один американский думали иначе. См. *Барсенков.* Введение. С. 198; *Пляйс Яков* // Независимая Газета. 1994. 3 марта; *Чешко С.В.* (см. предыд. прим.); *Hale.* Ethnofederalism and Theories of Secession.

83. *Mikhail Gorbachev*. On My Country and the World. – New York, 2000. P. 132; *Горбачёв М.* // Новая газета. 2006. 14–16 августа; Горбачёвские чтения. Вып. 3. С. 69. По поводу споров вокруг «рассадки» на церемонии подписания см. пресс-конференцию Горбачёва 16 августа 2001 г. Johnson's Russia List. Aug. 20, 2001.

84. По поводу подобной трактовки см. *Hahn*. Russia's Revolution. Chap. 8; а также *Henry E. Hale.* The Strange Death of the Soviet Union. – Cambridge, Mass.: Harvard University Davis Center, Ponars Series No. 12, March 1999; *Feodor Burlatsky* // *Metta Spencer, ed.* Separatism. P. 146. Ряд западных исследователей, однако, считают, что Договор не имел бы реальной силы. См., напр.: *Miller*. Mikhail Gorbachev. P. 198; *Beissinger.* Nationalist Mobilization. P. 390, 422–25; и, в меньшей степени, *Hough.* Democratization. P. 424–28. Согласны с этим и некоторые российские исследователи: *Фурман Дмитрий* // Прорыв к свободе. С. 329–330; *Шейнис Виктор* // Свободная мысль. 2005. № 10. С. 105.

85. Слова Анатолия Собчака цит. по: *Brown.* Gorbachev. P. 293. См. также Московские новости. 1996. 18–25 августа; и *Hough.* Democratization. P. 393 (со слов Владимира Лукина).

86. Возвращаясь к уже упомянутой возможности, если бы в июле 1991 г., как считает известный российский экономист, страны «большой семёрки» предоставили Горбачёву финансовую помощь, в которой он тогда отчаянно нуждался, а не отправили его из Лондона домой «с пустыми руками», то заговора могло бы и не быть. Отказ же только «подтолкнул» заговорщиков. См. *Шмелев Николай* // Свободная мысль. 1996. № . 7. С. 62; 1999. № 2. С. 77; Прорыв к свободе. С. 207. Действительно, в июне–июле заговорщики предпринимали шаги, направленные на то, чтобы помешать Горбачёву получить помощь Запада. См. *Hahn.* Russia's Revolution. P. 406; *Mark Kramer* // Journal of Cold War Studies. Winter 2005. P. 62. По поводу отказа «семёрки» и «большом унижении» Горбачёва см. *Reddaway and Glinski.* Tragedy of Russia's Reforms. P. 178–182. Некоторые, однако, считают, что помощь западных стран не смогла бы предотвратить советского распада. *Celeste Wallander* // Journal of Cold War Studies. Fall 2003. P. 164.

87. См. ниже, прим. 129.

88. См., напр., заявления Собчака, Шушкевича и Александра Яковлева, сделанные ими после августовских событий (FBIS. Sept. 13, 1991. P. 33; Sept. 30, 1991. P. 70; и Oct. 2, 1991. P. 33); оценку Роем Медведевым Съезда народных депутатов (Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 167), и его собственных ожиданий (Литературная Россия. 2003. 4 апреля). По поводу экономического союза см. *Walker.* Dissolution. P. 144; а по поводу заверений Ельцина – *Кьеза Джульетто.* Прощай, Россия! – М., 1997. С. 110. На самом деле, после августовских событий Ельцин всё ещё подумывал о том, чтобы

самому стать президентом Советского Союза. См. *Ельцин Б.Н.* Записки президента. – М., 1994. С. 154–55. Горбачёв, естественно, продолжал настаивать, что Союз должен быть сохранен. *Горбачёв.* Жизнь и реформы. Т. 2. Гл. 44. В качестве примера другой, но близкой к данной концепции союзной альтернативы, продолжавшей существовать после 1991 г., см. *Reddaway and Glinski*. Tragedy of Russia's Reforms. P. 245–246.

89. По поводу текста Договора см. Правда. 1991. 27 ноября.

90. *Martin Malia* // New York Times. Sept. 3, 1998; и *Stephen Kotkin* // New Republic. March 31, 2003. P. 34. В другом месте Коткин заявил о бессмысленности «горбачёвских поисков несуществующего реформированного социализма». – *Kotkin* // East European Constitutional Review. Fall 1997. P. 118. См. также *Jeffrey W. Hahn* // Slavic Review 52. No. 4 (Winter 1993). P. 851. Некоторые западные учёные склонны считать период горбачёвской перестройки «переходом» («transition»). См., напр.: *Huber* // Huber and Kelley, eds. Perestroika-Era Politics. P. 3; *Archie Brown* // Journal of Democracy 12. No. 4 (October 2001). P. 35; и *Hahn.* Russia's Revolution. Chap. 8. Как само слово («переход»), так и обозначаемое им понятие нередко использовались в отношении горбачёвских реформ советскими авторами того периода.

91. *Чешко С.* // Трагедия великой державы. Под ред. Севостьянова. *С.* 445.

92. *Strayer.* Why Did the Soviet Union Collapse?. P. 113.

93. Термин «противовесы» я позаимствовал у Джона Хазарда: *John N. Hazard.* The Soviet System of Government. 5th ed. – Chicago, 1980. Chap. 13. Его книга, впервые опубликованная в 1957 г., стала первым произведением, где проблема была проанализирована именно в таком немаловажном ключе. Ещё ранее подобный подход, правда, по отношению только к официальной идеологии, предпринял Баррингтон Мур. См. *Barrington Moore, Jr.* Soviet Politics – The Dilemmas of Power: The Role of Ideas in Social Change. – New York, 1965. P. 28, 339 (первое издание книги вышло в 1950 г.). Ещё один взгляд на «структурный дуализм» советской системы см. *Mlynar.* Can Gorbachev Change the Soviet Union. P. 84–85.

94. См. соответственно: *Горбачёв.* Избранные речи и статьи. Т. 6. С. 352; *Он же.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 390; *Черняев А.С.* // 10 лет без СССР. – М., 2002. С. 8; и *Горбачёв.* Жизнь и реформы. Т. 1. С. 423. Так, один американский советолог с большим удивлением отмечал в то время, что «оживают институты, которые большинство людей считало мёртвыми; неестественной, гротескной карикатурой на то, чем они должны были быть». *Donald W. Treadgold* // Wieczynski, ed. Gorbachev. P. 43.

95. Подобного взгляда придерживается и Ригби (T.H. Rigby). См. *Lilia Shevtsova.* Yeltsin's Russia: Myths and Reality. – Washington, 1999. P. 6.

96. *Бызов Леонтий* // Правда. 1991. 16 февраля.

97. О прокоммунистической демонстрации, в которой, по оценкам, приняли участие 250 тысяч человек, см. Коммерсант. 1991. 25 февраля. По поводу «митинговой стихии» см. Правда. 1990. 26 марта.

98. *Brown.* Gorbachev. P. 270–271; *Медведев Рой* // Отечественная история. 2003. № 5. С. 122.

99. Слова главного военного советника Горбачёва, маршала Сергея Ахромеева, цит. по: *Медведев Рой.* Советский Союз. С. 152. По поводу двух бывших сторонников Горбачёва см. *Ligachev*. Inside Gorbachev's Kremlin; и *Рыжков Н.И.* Перестройка. – М., 1992. См. также *Ахромеев С.Ф.*, *Корниенко Г.М.* Глазами маршала и дипломата. – М., 1992; *Крючков Владимир.* Личное дело. В 2-х тт. – М., 1996; *Фалин Валентин.* Без скидок на обстоятельства. – М., 1999. С. 380–461 и Конфликты в Кремле. – М., 2000.

100. См., напр., *Соколов Владимир* // Литературная газета. 1990. 12 сентября; *Сидельников Иван* // Красная звезда. 1990. 4 октября; *Шевцова Лилия* и *Гутионов Павел* // Известия. 1990. 8 октября и 27 ноября. По поводу 1941 года см. *Лацис.* Тщательно спланированное самоубийство. С. 336 (цитирует Ивана Полозкова) и *Распутин Валентин* // Советская Россия. 1990. 14 декабря. По поводу обвинений Горбачёва см. *Черняев Анатолий*. 1991 год. – М., 1997. С. 47.

101. *Nikolai Petrakov* // Financial Times. Jan 26, 1991. См. также откровенно антигорбачёвское «Обращение к народу» (Советская Россия. 1991. 23 июля), подписанное, в том числе, двумя действующими генералами. То, что главной целью «Обращения» была демонстрация неподчинения, позже подтвердили и один из его организаторов (*Зюганов Г.А.* // Там же. 2001. 26 июля), и автор (*Проханов Александр* // НГ-Ex Libris. 2006. 2 марта).

102. *Громыко А.А.* Андрей Громыко. – М., 1997. С. 201; *Краснов А., Николаев Ю.* // Советская Россия. 1991. 15 июня; *Viktor Kulikov* // Moscow News. Sept. 15–21, 1999. См. также отчёт о встрече Горбачёва с большой группой оппозиционно настроенных офицеров: Красная звезда. 1990. 15 ноября. Подробный анализ этих настроений см. *Mark Kramer* // Journal of Cold War Studies. Winter 2005. P. 3–66, который, в том числе, обращает внимание на обвинения в «предательстве» (P. 8, 25).

103. По поводу общественного мнения см. *Шпилко С., Заславская Т.* // Известия. 1991. 17 и 18 января.

104. *Joseph Nogee and R. Judson Mitchell*. Russian Politics. – Boston, 1997. P. 86; *David Remnick* // WP. Nov. 19, 1990; *Richard Sakwa* // Russia and the World. No. 19, 1991. P. 12.

105. См. публикации выступлений Горбачёва в Правде. 1991. 1 и 2 марта; его мемуары «Жизнь и реформы». Т. 2. С. 520–525; а также комментарии его близкого советника: *Шахназаров Георгий.* Цена свободы. – М., 1993. С. 147, 184. По поводу обещания Горбачёва см. Правда. 1990. 16 марта; XXVIII съезд КПСС. Т. 2. С. 203, а по поводу его склонности к радикальным взглядам – *David Remnick* // Washington Post. Sept. 26, 1990. По поводу «умеренных консерваторов», ещё остававшихся в ЦК, см. *Медведев Рой.* Советский Союз. С. 78. Во многом из-за роли, сыгранной ими впоследствии в августовском путче, ведущие члены нового горбачёвского правительства прослыли законченными реакционерами, но в 1990 г. таковыми их ещё никто не считал. Даже сторонники Горбачёва не могли сказать о них ничего плохого как о людях и профессионалах ни до, ни даже после путча. О Валентине Павлове, новом премьер-министре, чьи умеренно-реформистские взгляды были изложены в газете Правда от 21 февраля 1991 г., см. *Черняев.* 1991 год. С. 100, 156; *Лацис Отто* // Литературная газета. 1991. 23 января; *Головков Александр* // Независимая газета. 1998. 26 сентября; *Попов Г.А.* // Вопросы экономики. 2005. № 8. С. 139–144; а также его собственный взгляд: *Павлов Валентин.* Упущен ли шанс? – М., 1995. По поводу фигуры главы КГБ Владимира Крючкова см. *Шеварнадзе Э.А.* Правда. 1991. 22 июня; *Яковлев А.Н.* Труд. 1993. 23 февраля. О министре внутренних дел Борисе Пуго см. мнение Черняева, процитированное в *Braithwaite.* Across the Moscow River. P. 240; а также оценку самого Горбачёва, называвшего Пуго «человеком порядочным» (*Горбачёв*. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 408). Характерно, что новый вице-президент Геннадий Янаев считал себя экономическим реформатором, не приемлющим методы «шоковой терапии»: Гласность. 1991. 3 января. См. также *Hough*. Democratization. P. 400, 442.

106. Слова Станислава Шаталина цит. по: *Abraham Brumberg* // New York Review of Books. June 27, 1991. P. 55; *Michael Ellman* and *Vladimir Kontorovich* // Europe-Asia Studies. No. 2, 1997. P. 275. По поводу «тактического маневра» см. *Georgi Arbatov*. The System. – New York, 1992. P. 339, and *Dimitri Simes.* After the Collapse. – New York, 1999. P. 82; а по поводу «вечных ценностей» – *Serge Schmemann* // New York Times. Jan. 23, 1991. В тот период Горбачёв неоднократно повторял, что он никогда не повернет назад. См., напр., FBIS. Feb. 15, 1991. P. 27, и Feb. 27, 1991. P. 78–79; и Правда. 1991. 2 марта.

107. О последней причине в то время если и говорили, то изредка. См., напр.: *Peter Rutland* // Arguments and Facts International. Vol. 1, No. 4 (1990). P. 1; *Sergei Yastrzhemsky* // Moscow News. No. 45, 1989; а также *Bill Keller* // New York Times. May 14, 1990 (со ссылкой на Р. Симоняна); *Mary Buckley*. Redefining Russian Society and Polity. – Boulder, 1993. P. 250–253. По поводу политической моды см. *Бурлацкий Ф.* // Литературная газе-

та. 1990. 2 мая и *Шеварнадзе Э.* // Там же. 1990. 18 апреля. Последний, в частности, заметил: «Оптимизм сегодня не в моде. Напротив, многие соревнуются в пессимизме, выдвижении самых ужасных прогнозов». В качестве примера современного и ретроспективного взглядов на этот счёт см. *Гусаревич Олег* // Правда. 1990. 8 января, который считал, что гласность и демократизация привели к «гражданской войне» в публицистике и общественном мнении, и *Beissinger.* National Mobilization. P. 88, 124, который полагает, что первые, достаточно свободные, парламентские выборы в 1989 г. «потрясли страну» и заставили «советский режим… закачаться на грани». См. также *Breslauer.* Gorbachev and Yeltsin as Leaders. P. 123. Но почему обычные, пусть и неуправляемые аспекты демократической политической жизни нужно обязательно трактовать таким исключительным образом? На самом деле, даже в июне 1991 г., по мнению одного из самых критически настроенных советников Горбачёва, ситуация оставалась относительно стабильной. *Aleksandr Yakovlev* // FBIS. June 7, 1991. P. 27. Критическое отношение к «истерии» в московской интеллектуальной и западной прессе того времени см. также *Hough.* Democratization. P. 262–265; *Moshe Lewin.* Russia/USSR/Russia. – New York, 1995. P. 301; и *Dallin* // Dallin and Lapidus, eds. Soviet System. P. 674. Последний резонно замечает, что система переживала и худшие кризисы.

108. *Alexei Izyumov* // Moscow Magazine. April 1991. P. 28–31. См. также *Кудрявцев В.Н.* // Известия. 1990. 5 февраля; *Баталов Е.* // Там же. 1990. 26 ноября; *Бурлацкий и Шеварнадзе* (см. прим. 107 и 109).

109. НГ-Сценарии. 1997. 16 января; *Черняев.* 1991 год. С. 20; *Грачев.* Горбачёв. С. 119. См. также Правда. 1991. 2 марта и FBIS. March 31, 1991. P. 63, May 18, 1991. P. 23, и July 22, 1991. P. 18. Аналогичное мнение относительно экономики высказал американский экономист Эд Хьюит (Ed Hewett). См. *Ben Eklof.* Soviet Briefing. – Boulder, 1989. P. 99.

110. *David Arbel and Ran Edelist.* Western Intelligence and the Collapse of the Soviet Union. – London, 2003. Даже западные учёные, наблюдавшие «неудержимый процесс распада», не предвидели конца Советского Союза. См., напр., *Peter Reddaway* // Report. Aug. 25, 1989. P. 1. Не предвидели этого и те, кто потом доказывал, что такой финал был неизбежен. См., напр., *Martin Malia* // New York Review of Books. March 29, 1990. P. 26–27. В качестве исключения см. *Vladimir Kvint* (русский учёный, живущий в США) // Moscow Magazine. April 1991. P. 45, а в качестве частичного исключения – *Zbigniew Brzezinski*. The Grand Failure. – New York, 1989. P. 245. Бжезинский полагал, что из пяти возможных «альтернативных исходов» прекращение существования СССР было «гораздо более отдалённой» перспективой.

111. *Громыко.* Анатолий Громыко. С. 103; *Попов Николай* // Новое время. 2005. № 11; *Зыкин Д.* Модель краха СССР // Интернет против телеэкрана. 2005. 21 октября; *Бабурин Сергей* // Национальные интересы. 2001. № 5–6. С. 3. См. также *Уткин Анатолий* // Независимая газета. 1997. 31 декабря; *Кара-Мурза Сергей* // Советская Россия. 2002. 8 октября; *Алексеев В.В., Нефедов С.А.* // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 66.

112. *Peter Kenez* // Kritika. Spring 2003. P. 369.

113. О некоторых, хотя и не всех объяснениях дают представление следующие работы: *Чешко Сергей.* Распад Советского Союза. – М., 1996. С. 8–19; *Алексеев В.В., Алексеева Е.В.* // Отечественная история. 2003. № 5. С. 4–6; *Уткин Анатолий* // Перестройка. Под ред. В.И. Толстых. – М., 2005. С. 126–138; *Клоцвог Ф.Н.* // Отечественная история. 2005. № 3. С. 176–181; *Медведев Рой.* Советский Союз. Гл. 5; *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Сталин и распад СССР. – М., 2003. Гл. 2–3; *Маслов Д.В.* Историографические и методологические основы… С. 183–190; *Leslie Holmes.* Post-Communism. – Durham, 1997. Chap. 2; *Peter Rutland* // Transitions. Feb. 1998. P. 14–21; *David Rowley* // Kritika. Spring 2001. P. 395–426; *Smith.* Fall of Soviet Communism; *Mark Kramer* // Journal of Cold War Studies. Winter 2003. P. 3–16.

114. См., напр., соответствующие разделы в следующих книгах: *Kotkin*. Armageddon; *Hough*. Democratization; *Carol Barner-Barry and Cynthia A. Hody*. The Politics of Change. – New York, 1995. Esp. P. 3, 5, 131–32; *Nick Bisley*. The End of the Cold War and the Causes of Soviet Collapse. – New York, 2004; *Исаков В.В.* Расчленёнка. – М., 1998. С. 170; *Пихоя Р.Г.* // Россия в XX веке. Под ред Г. Севостьянова. Т. 1. С. 121–145; *Алексеев В.В., Алексеева Е.В.* // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20; *Dmitri Trenin*. The End of Eurasia. – Washington, 2002. Esp. chap.2. По поводу упомянутого российского автора см. *Уткин Анатолий* // Независимая газета. 1997. 31 декабря. Существуют и совсем уж несерьёзные объяснения типа предположения о том, что гибель Советского Союза «ускорила» жена президента Рейгана Нэнси. *Diana McLellan* // WP Book World. June 15, 2003. P. 5.

115. См., напр., *Чешко Сергей* // Независимая газета. 1997. 16 января; *Биккенин Н.* // Свободная мысль. 2000. № 10. С. 98. Некоторые из многочисленных работ западных авторов на тему неизбежности и обреченности см. *Richard Lourie*. Sakharov. – New York, 2002. P. 404; а также выше, прим. 4 и 7.

116. *Martha Brill Olcott* // Slavic Review. Spring 1995. P. 207; *Peter Rutland* // Transitions. Feb. 1998. P. 16; и *Beissinger*. Nationalist Mobilization. P. 3. По поводу post factum см. *Симонян Р.Х.* // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 57. По поводу критики «ретроспективного детерминизма» см. также *Stathis N. Kalyvas* // Annual Review of Political Science. Vol. 2 (1999). P. 323–343.

117. *John P. Maynard* // *William Barbour and Carol Wekesser, eds.* The Breakup of the Soviet Union. – San Diego, 1994. P. 27. Также см. *Malia.* Soviet Tragedy; *Kotkin.* Armageddon Averted (особенно его трактовку «цивилизации»); и *de Tinguy* // *de Tinguy, ed.* The Fall of the Soviet Empire. P. 55; *Pipes.* Communism. P. 147–148.

118. *Wisła Suraska.* How the Soviet Union Disappeared. – Durham, 1998. P. 1. В качестве других примеров см.: *Bohdan Nahaylo* and *Victor Swoboda*. Soviet Disunion. – New York, 1990; *Ann Sheehy* // *Vera Toltz and Iain Elliot, eds.* The Demise of the USSR. – London, 1995. P. 3; *Alexander J. Motyl.* Imperial Ends. – New York, 2001. P. 10; *Aron.* Yeltsin. P. 478–479; *Ariel Cohen.* Russian Imperialism. – Westport, CT, 1996; *Susanne Michele Birgerson*. After the Breakup of a Multi-Ethnic Empire. – Westport, CT, 2002; *Raymond Pearson*. The Rise and Fall of the Soviet Empire. – New York, 1998; *John L.H. Keep.* Last of the Empires. – New York, 1995; а также ниже, прим. 128. По вполне объяснимым причинам версия «обреченной империи» была в ходу в ельцинском окружении, помогавшем упразднить Союз. См., напр., *Nelson and Kuzes*. Radical Reform. P. 10, где приводятся суждения Геннадия Бурбулиса и Сергея Васильева.

119. Более подробно о точке зрения, согласно которой конец советской империи в Восточной Европе стал главным фактором гибели СССР, см. *Kramer* // Journal of Cold War Studies. Fall 2003. P. 178–256; Fall 2004. P. 3–64; Winter 2005. P. 3–96. Российский автор, хорошо знавший ситуацию изнутри, считает, однако, что «никто ни в ЦК, ни в руководстве страны не заметил ухода Восточной Европы» в 1989 г., так как были заняты драматическими событиями внутри страны. *Ципко Александр* // Вестник аналитики. 2005. № 2. С. 225. В качестве примера попытки научно объяснить связь между этими двумя событиями, которая приводит лишь к большей путанице, см. *Mark R. Beissinger* // Slavic Review. Summer 2006. P. 294–303.

120. На это указывают *David Rowley* // Kritika. Spring 2001. P. 418–419; и *Beissinger*. Nationalist Mobilization. P. 5–6. По поводу разнообразных и меняющихся позиций учёных на этот счёт см. *Beissinger* // Slavic Review. Summer 2006. P. 294–303. Приведённая цитата взята из *Anne Applebaum* // New York Review of Books. Feb. 12, 2004. P. 11. Кстати сказать, мало кто из западных учёных так ненавидел Советский Союз, как Мартин Малиа, но даже он отрицал, что тот «был империей… по крайней мере, в привычном смысле этого слова». Daedalus. Spring 1992. P. 66. Одна западная исследовательница, используя «имперскую» модель, в своё время попыталась представить сценарий неизбежной гибели СССР в столкновении с мусульманским миром. *Helene Carrere d'En-*

causse. Decline of An Empire. – New York, 1981. P. 277–284. Российские учёные подвергли её работу острой критике. См. *Исхаков С.М., Тишков В.А.* // Трагедия великой державы. Под ред. Севостьянова. С. 486, 502–503, 594.

121. См., напр., *Andrew J. Bacevich.* American Empire. – Cambridge, MA, 2002; *James B. Rule* // Dissent. Fall 2002. P. 46; *Max Boot* // Weekly Standard. Nov. 4, 2002. P. 26–29; *Ivo H. Daalder and James M. Lindsay* // New York Times. May 10, 2003; целый ряд статей в National Interest, Spring 2003; *Rich Lowry* // New York Post. July 19, 2003; *Niall Ferguson* // Wall Street Journal. June 6, 2003; *Kal Raustiala* // International Herald Tribune. July 2, 2003; *G. John Ikenberry* // Foreign Affairs. March/April 2004. P. 144–154; *Corey Robin* // Washington Post. May 2, 2004; *John Lewis Gaddis and Paul Kennedy* // New York Times Book Review. July 25, 2004. P. 23; и *David C. Henrickson* // World Policy Journal. Summer 2005. P. 1–22. О том, как российские авторы комментируют американский «путь к имперству», см. *Печатнов В.О.* // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 85–88; *Самуилов С.* // Свободная мысль. 2006. № 3. С. 34–44.

122. См., соответственно, *Suny.* Revenge of the Past. P. 157–160; *Ben Fowkes*. The Disintegration of the Soviet Union. – London, 1997. P. vii; *Dominic Lieven.* Empire. – New Haven, 2001. P. xii; *Terry Martin.* The Affirmative Action Empire. – Ithaca, 2001. P. 19 и *Hough*. Democratization. P. 216. В качестве примеров мнения российских авторов (помимо Горбачёва), см.: *Симонян Р.Х.* // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 27–39; *Чешко.* Распад Советского Союза; *Кагарлицкий Борис* // Независимая газета. 1997. 16 января; *Sergei Roy* // Moscow News. Sept. 8–14, 1999. Некоторые русские тоже утверждают, что СССР был империей. См., напр., *Согрин В.В.* // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 98; *Alexei Arbatov* // Russia in Global Affairs. Jan.–March 2006. P. 23–34. См. также дискуссии в журнале Отечественная история. 2005. № 2 и в сборнике под ред. Севостьянова Трагедия великой державы (особенно раздел 3). По поводу цитаты см. *Motyl*. Imperial Ends. P. 10; а также прим. 118.

123. *Holmes.* Post-Communism. P. 34; и *Trenin*. End of Eurasia. P. 80. См. также *Nahaylo* and *Swoboda*. Soviet Disunion. P. xii; *Strayer*. Why Did the Soviet Union Collapse. P. 78; *Sakwa*. Gorbachev and His Reforms. P. 259; *Martin.* Affirmative Action Empire. P. 18–19; а также *Маслов.* Историографические и методологические основы… С. 185, где то же было сказано относительно российских учёных. Один американский учёный попытался сгладить аномалии, выдвинув понятие «сходства» Советского Союза с империей, однако оно было бы применимо и в отношении многих других многонациональных государств. *Beissinger* // Slavic Review. Summer 2006. P. 294–303.

124. См. *Shlapentokh*. A Normal Totalitarian Society. P. 163–166; а также мнение президента Киргизии, который «благодарен советскому периоду» за индустриальный и технологический прогресс, достигнутый его республикой. Свободная мысль. 2002. № 4. С. 52. А некоторые российские интеллигенты и политики вслух заявляли, что их богатая ресурсами республика пала экономической жертвой Союза. См. различные точки зрения по этому вопросу: *Hough.* Democratization. P. 241–245; *Fowkes.* Disintegration. P. 152–156; а также, в более широком контексте: *Geoffrey Hosking.* Rulers and Victims. – Cambridge, MA, 2006.

125. *Lieven.* Empire. P. xii. См. также работы Суни и Фоукса из прим. 122 и *Astrid S. Tuminez* // Journal of Cold War Studies. Fall 2003. P. 135.

126. Определения Чешко – см. его Распад Советского Союза. С. 6, а также Трагедия великой державы. Под ред Севостьянова. С. 445. По поводу первой цитаты см. *Malia* // Daedalus. Spring 1992. P. 66.

127. По поводу данной позиции см. *Buckley.* Redefining Russian Society and Polity; *Caroline Ibos* // de Tinguy, ed. The Fall of the Soviet Empire. P. 134–153. См. также *Holmes.* Post-Communism. P. 57; *David Lane* // Cox, ed. Rethinking the Soviet Collapse. P. 159; и *Lieven.* Empire. P. 335. Уайман (*Wyman*. Public Opinion. P. 86) тоже утверждает, что «кризис легитимности» существовал, но данные, на которые он ссылается, скорее противоречат этому.

128. См. соответственно: *Strobe Talbott* // Johnson's Russia List. June 8, 2002; *Helene Carrere d'Encausse.* The End of the Soviet Empire. – New York, 1993. P. 219, 230, 270; *Beissinger.* Nationalist Mobilization. P. 8, 37; *Bernard Gwertzman* // Gwertzman and *Michael T.* Kaufman, eds. The Decline and Fall of the Soviet Empire. – New York, 1992. P. x. См. также *Strayer.* Why Did the Soviet Union Collapse. P. 132, 149; *Keep.* Last of the Empires. P. 3, 333; *Dina Zisserman-Brodsky.* Constructing Ethnopolitics in the Soviet Union. – New York, 2003. Некоторые авторы, разделяющие этот взгляд, были упомянуты выше, прим.118.

129. *Пихоя.* Советский Союз. С. 674–675. По поводу Центральной Азии и Азербайджана см., соответственно, *Fowkes*. Disintegration of the Soviet Union. P. 190–191 и *Алиев Гейдар* // Общая газета. 2001. 16–22 августа. Даже лидеры, считавшиеся главными поборниками независимости: Звиад Гамсахурдия (Грузия), Леонид Кравчук (Украина) и Нурсултан Назарбаев (Казахстан), – не выступили открыто против ГКЧП. См. *Янаев Геннадий* // Там же. 1996. 15–21 августа; *Попцов.* Хроника времён царя Бориса. С. 259–260. По поводу Кравчука и Назарбаева см. также *Бутенко Анатолий* // Правда. 1991. 18 сентября, а поводу Кравчука ещё и *Wilson.* The Ukranians. P. 166–168, и *George Bush and Brent Scowcroft*. A World Transformed. – New York, 1998. P. 554.

130. *Hahn.* Russia's Revolution. P. 3–4; *Кагарлицкий Борис* // Независимая газета. 1997. 16 января и НГ-Сценарии. 1996. 23 мая. См. также *Astrid S. Tuminez* // Journal of Cold War Studies. Fall 2003. P. 115–116; и *Walker*. Dissolution. P. 2, 15 n. 9. По поводу последнего вывода см. более раннее предупреждение Александра Ципко – Известия. 1991. 1 октября. В качестве более или менее типичного примера положения дел в республиках см. *Martha Brill Olcott.* Kazakhstan. – Washington, 2002. P. 16, 35.

131. Самым ярким примером, по-видимому, является книга Марка Бейсинджера «Националистическая мобилизация и крах Советского государства» (см. прим. 2).

132. *Чешко* // Трагедия великой державы. С. 451; *Кагарлицкий* // Независимая газета. 1997. 16 января, а также *Boris Pankin*. The Last Hundred Days of the Soviet Union. – New York, 1996. P. 266–267 и *Valery Tishkov*. Ethnicity, Nationalism and Conflict In and After the Soviet Union. – London, 1997. P. 44–46.

133. Правда. 1990. 16 марта. Более подробно см. *Walker*. Dissolution.

134. *Oleg Rumyantsev* // Moscow Times. June 17, 1995. См. также *Бодарев Виктор* // Родина. 1995. № 7. С. 27; *Рыжков Николай* // Наш современник. 2006. № 2. С. 164. Даже Сергей Шахрай, один из авторов проекта отмены Союза, подтвердил это. Независимая газета. 2000. 16 мая. По мнению одного из главных российских демократов, резолюция означала «ничуть не более подлинный суверенитет, чем в Штатах». *Sergei Stankevich* // Demokratizatsiya. Spring 1994. P. 319. А Горбачёв, который впоследствии обвинил резолюцию в развале СССР, в то время, по отзывам, так не думал: «Ничего страшного не вижу, – говорил он. – Это Союзу не угрожает». *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. – М., 1995. С. 365.

135. По поводу путаницы в терминах см. *Andrew Wilson.* The Ukrainians. – New Haven, 2000. P. 165; *Pankin.* Last Hundred Days. P. 264; *Hough.* Democratization. P. 479–480; а в более широком контексте, *Walker*. Dissolution. P. 6, 13. Известно, что возможные интерпретации слова «суверенитет» с самого начала беспокоили членов Политбюро. – *Воротников В.И.* А было это так… – М., 1995. С. 282. По поводу превращений элиты см. *Joan DeBardeleben.* Russian Politics // Transition. 2nd ed. – Boston, 1997. P. 129–130; *Roman Laba* // Transition. Jan. 12, 1996. P. 13; *Henry E. Hale.* «The Strange Death of the Soviet Union» – Cambridge, MA: Ponars Working Paper No. 12, 1999. P. 19–27; а также ниже, прим. 138.

136. *Hale*. «Strange Death». Ibid. P. 24–25. См. также *Walker*. Dissolution. P. 15. n.9, 153–154; *Brown.* Gorbachev. P. 303; а с российской стороны, *Михайлов Вячеслав* // Независимая газета. 2001. 12 апреля. По поводу протеста Горбачёва см. *Hough.* Democratization. P. 479–480, а также *Грачев Андрей.* Дальше без меня… – М., 1994. С. 184–185. Та-

кое же мнение высказал позже и другой советский лидер, Анатолий Лукьянов. – Советская Россия. 1998. 30 июля.

137. Аналитический доклад госдепартамента США, опубликованный в Johnson's Russia List Supplement. June 15, 2002; а также *Roman Solchanyk* // Johnson's Russia List. Oct. 18, 2004 (ссылается на данные обследования, проведённого в Киеве в 2003 г.).

138. *Hale.* «Strange Death». P. 19, 24. См. также *Бурлацкий Ф.* Глоток свободы. Т. 2. С. 24 и *DeBardeleben*. Russian Politics. P. 129–130. Бурлацкий называет украинскую элиту «главным тараном» в деле разрушения СССР, а Дебарделебен обращает внимание на «значение реальности, выстроенной элитами».

139. *Умнов Александр* // Независимая газета. 2000. 19 января; *White.* Communism and Its Collapse. P. 77. См. также *Медведев Рой* // Отечественная история. 2003. № 4. С. 113 (Медведев добавляет к этому списку Западную Украину); *Rutland* // Transitions. Feb. 1998. P. 17; *Reddaway and Glinski*. Tragedy. P. 245.

140. См., соответственно: *Phillip J. Bryson //* Slavic Review. Winter 2005. P. 920; *Barner-Barry and Hody*. The Politics of Change. P. 3; *Åslund.* How Russia Became a Market Economy. P. 52; *M. Steven Fish* // Post-Soviet Affairs. Oct.–Dec. 2001. P. 355. Также см. *Malia.* Soviet Tragedy. P. 464, 473, 492–493; *Aron.* Yeltsin. P. 481–483; и *William Moskoff*. Hard Times. – Armonk, 1993. P. 6–7, 233–235. По поводу несостоятельности «рейганской» версии см. *Самуилов С.* // Свободная мысль. 2006. № 3. С. 42.

141. В качестве примера антимарксистской аргументации, см. сборник статей Lee Edwards, ed. The Collapse of Communism. – Stanford, 1999; а в качестве примера марксистской – *Hillel H. Ticktin* // *Cox, ed.* Rethinking. Chap. 4. См. также *Кагарлицкий Борис.* Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М., 2005. С. 302. Пример марксистской критики этой версии см. *Kotz and Weir*. Revolution. Chap. 5 and P. 226.

142. См., напр., *Гайдар Егор.* Дни поражений и побед. – М., 1996. Гл. 5; *Он же.* Гибель империи. – М., 2006; *Gaidar, ed.* The Economics of Transition. Chap. 1; а также *Лацис Отто* // Известия. 1996. 28 июня. В качестве примера критического отношения к их утверждениям, см. *Давыдов Олег* // Независимая газета. 2000. 27 января. По наблюдению бывшего советского диссидента и политзаключенного, только с запуском гайдаровских «реформ» в 1992 г. в стране «впервые появились голодные». – *Andrei Sinyavsky.* The Russian Intelligentsia. – New York, 1997. P. 29–30.

143. Сходную аргументацию см. в работах: *White.* Communism and Its Collapse. P. 79; *Kotz and Weir*. Revolution. P. 74; *Vladimir Tikhomirov* // Europe-Asia Studies. March 2000. P. 227; *Павлов Валентин* // Литературная газета. 2001. 18 июля и *Шляпентох В.* // Вопросы Экономики. 2005. № 10. С. 153.

144. В качестве примеров того же мнения см.: *Robert V. Daniels* // Cox, ed. Rethinking the Soviet Collapse. P. 122; *Moskoff.* Hard Times. P. 234; *Kotz and Weir*. Revolution. P. 74–75; *Некипелов А.Д.* // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 9 и *Шляпентох В.* // Вопросы экономики. 2005. № 10. С. 153. По поводу споров вокруг этого вопроса см. *Vladimir G. Treml and Michael Ellman* // Radio Free Europe / Radio Liberty. June 4, 1993. P. 53–58.

145. По поводу американского экономиста (James Millar) см. *Robert D. English* // International Security. Spring 2002. P. 90, n.69; а по поводу других ревизионистских оценок ранних периодов советской экономической истории см. *G.I. Khanin* // Europe-Asia Studies. Dec. 2003. P. 1187–1212 и *Robert C. Allen.* Farm to Factory. – Princeton, 2003. По поводу оценок, призывающих не преувеличивать размеры и значение кризиса, см. *Richard Parker* // Atlantic Monthly. June 1990. P. 68–80; и *Peter Passell* // New York Times. April 7, 1991. По поводу ярких пятен см. *Lynn Turgeon* // Johnson's Russia List. April 2, 1997; *Павлов В.С.* // Известия. 1991. 15 июня и *он же* // Литературная газета. 2001. 18 июля.

146. По поводу складов см. *Stephen Handelman.* Comrade Criminal. – New Haven, 1995. P. 67–68; и *Alexandra George*. Escape from «Ward Six». – New York, 1998. P. 584. Руководство понимало, что главной причиной проблемы является официальная ценовая политика. См. *Лукьянов Анатолий* // Комсомольская правда. 1991. 13 марта, а также

Новая жизнь. 2002. 25 октября (со ссылкой на Горбачёва). Такого же рода «искусственно созданный» дефицит случился в стране в 1928–1929 гг., послужив одной из причин свертывания НЭПа – эту точку зрения озвучил Анатолий Собчак. См. *Anatoly Sobchak* // FBIS. Sept. 24, 1991. P. 68.

147. По поводу общей истерии см. выше, прим. 107. Мрачные предзнаменования исходили как от противников Горбачёва, так и от его собственного окружения, которое надеялось таким образом запугать Запад и заставить раскошелиться, не то дестабилизированный Союз вконец утратит «контроль за крупнейшим в мире ядерным потенциалом». См., напр., письмо Григория Явлинского и Евгения Примакова участникам встречи «большой семёрки», New York Times, May 30, 1991; *Michael R. Beschloss and Strobe Talbott*. At the Highest Levels. – Boston, 1993. P. 384. По поводу «соляной лихорадки» см. Moscow News. Feb. 17 – March 2, 2006.

148. Я сам много раз обедал в таких столовых, начиная с 1970-х и до начала 1990-х гг. См. также *Braithwaite*. Across the Moscow River. P. 296–297; *Renfrey Clarke* // Johnson's Russia List. July 6, 1998. В качестве личного свидетельства человека, уверенного, что до отмены Союза ситуация с едой была лучше, чем потом, см. *Sinyavsky*. Soviet Intelligentsia. P. 47–48 и выше, прим. 142.

149. Michael Ellman and Vladimir Kontorovich, eds. The Destruction of the Soviet Economic System. – Armonk, 1998. P. 26 and passim; а также *Kotz and Weir*. Revolution From Above, *Nelson and Kuzes*. Radical Reform. Chap. 1. С экономистами согласны и некоторые историки и политологи. См. *Hahn*. Russia's Revolution. P. 217, 228–229; *Hough*. Democratization and Revolution. Chap. 4, 11, 14; а также *Барсенков*. Введение в современную историю России. С. 182.

150. *Яковлев А.Н.* // Труд.1991. 27 сентября. По поводу Горбачёва см. *Черняев*. 1991 год. С. 23. См. также *Gorbachev* // FBIS. April 11, 1991. P. 15; *Robert G. Kaiser*. Why Gorbachev Happened. Exp. ed. – New York, 1992. P. 372.

151. По поводу этих процессов см. выше, прим. 149. По поводу железнодорожного кризиса см. *Kramer* // Journal of Cold War Studies. Winter 2005. P. 44. О политическом саботаже см. *Яковлев А*. Горькая чаша. С. 253, а также *Hough*. Democratization and Revolution. P. 353–354; *McFaul*. Russia's Unfinished Revolution. P. 97, 141; *Reddaway and Glinski*. Tragedy of Russia's Reforms. P. 242, 277–278; *Сазонов А.А*. Предателями не рождаются. – М., 2005. С. 9–12.

152. В качестве примера одобрительной оценки действий Ельцина см. *Dunlop*. Rise of Russia. P. 266–269.

153. *Горбачёв*. Жизни и реформы. Т. 1. С. 583.

154. На перепутье (Новые вехи). – М., 1999. С. 3. См. также *Эйдельман Натан*. Революция сверху в России. – М., 1989. Несколько иную трактовку см. *Соловей Валерий* // Свободная мысль. 2004. № 12. С. 38–48. См. также *Reddaway and Glinski*. Tragedy of Russia's Reforms. Chap. 1.

155. *Черняев Анатолий* // Свободная мысль. 2005. № 4. С. 126. По поводу трагедии см. прим. 154 и 156.

156. О месте Горбачёва в этой традиции см., напр., *Ципко Александр* // Комсомольская правда. 1991. 16 марта; о «судьбе реформаторов» см. *Бурлацкий Фёдор* // Литературная газета. 1990. 27 июня; *Шатров М.Ф.* // Свободная мысль. 1994. № 10. С. 23; *Медведев В.* // Прорыв к свободе. С. 9, а также известное высказывание самого Горбачёва: «Я не знаю счастливых реформаторов». В другой раз, комментируя перечисленный здесь ряд событий, он уточнил: «Судьбы русских реформаторов трагичны». *Горбачёв*. Годы трудных решений. – М., 1993. С. 25; *Он же* // Комсомольская правда. 1993. 19 августа. См. также Перестройка. Под ред. Толстых. С. 213. Ещё более определённо выразилась однажды жена Горбачёва: «Проблема нововведений заключается в том, что они рано или поздно оборачиваются против своих авторов и уничтожают их». Цит. по: *Beschloss and Talbott*. Highest Levels. P. 230. О Ленине как о «трагической фигуре» см. *Буртин Юрий* // Красные холмы. Альманах. – М., 1999. С. 462. В качестве примера кри-

тики подобного «детерминистского» подхода к трактовке русских реформ см. *Каменский А.Б.* // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 25–26.

157. Эта точка зрения является типичной и для западных исследователей. См., напр., *Tibor Szamuely.* The Russian Tradition. – London, 1974. Chap. 10; *Richard Pipes.* Russia Under the Old Regime. – New York, 1974. Chap. 10; а в качестве примера более дифференцированного подхода – *Aileen M. Kelly.* Toward Another Shore. – New Haven, 1998. Пример российского взгляда см. *Кива Алексей* // Свободная мысль. 2005. № 4. С. 170–180.

158. *Ципко Александр* // Независимая газета. 1993. 13 апреля; а также *Петренко Е.Л.* // Отечественная история. 2002. № 4. С. 200. В качестве примеров западных работ см. *Steele.* Eternal Russia. P. 58, 269–273; *Hough.* Democratization and Revolution. P. 491–493; *Lewin.* Russia/USSR/ Russia. P. 3–4, 301–303; *Tim McDaniel*. The Agony of the Russian Idea. – Princeton, 1996. P. 3–21, 147–148; *Yale Richmond.* Cultural Exchange and the Cold War. – University Park, PA, 2003. Последний автор, впрочем, в отличие от других, полагает, что мягкотелая и беззубая российская интеллигенция сыграла решающую роль в «крахе коммунизма», благодаря многолетним официальным программам научного и культурного обмена с Соединёнными Штатами (P. XIII–XIV).

159. *Поляков Юрий* // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 23; *Иорданский Владимир* // Там же. 1997. № 8. С. 88; и *Шипунова Светлана* // Советская Россия. 1995. 16 мая. По мнению ещё одного исследователя, то была не настоящая интеллигенция, а некая менее достойная «полуинтеллигенция». – *Олещук Юрий* // Свободная мысль. 2002. № 10. С. 27–34. В качестве других примеров см. *Галкин А.А.* // Перестройка в трансформационном контексте. – М., 2005. С. 72–74; На перепутье; *Романовский С.И.* Нетерпение мысли. – СПб., 2000. См. также *Ципко А.* // Независимая газета. 1993. 9 и 13 апреля; 1995. 6 апреля; *Он же* // Литературная газета. 2001. 21 ноября; *Синявский Андрей* // Там же. 1995. 16 марта; *Мигранян Андраник* // НГ-Сценарии. 1999. № 7; *Кара-Мурза Сергей*. Антисоветский проект. – М., 2002; авторы статей, вошедших в сборник «Прорыв к свободе». С. 83, 237, 309–313, 326–329, 336–342; *Коржавин Наум* // Новая газета. 2005. 10–13 октября.

160. *Гинзбург В.* // Известия. 1990. 17 мая; *Кива Алексей* // Комсомольская правда. 1991. 15 апреля; *Он же* // Известия. 1990. 10 декабря; 1991. 24 января и 26 февраля; *Проценко Александр* // Там же. 1990. 3 мая; *Столяров Николай* // Правда. 1991. 2 апреля. См. также *Мигранян А.* // Литературная газета. 1989. 27 декабря; *Бурлацкий Ф.* // Там же. 1990. 27 июня; *Ионин Леонид* // Новое время. 1990. № 27; *Павловский Глеб* // Век XX и мир. 1991. № 4. По поводу эволюционной альтернативы см. *Кива* // Известия. 1991. 26 февраля и *Абалкин Леонид* // Там же. 14 марта.

161. *Ципко А.* // Комсомольская правда. 1991. 16 марта; *Бордюгов Г.* и *Козлов В.* // Правда. 1988. 3 октября. О НЭПе см. также *Нуйкин А.* // Новый мир. 1988. № 1; *Ципко А.* // Советская культура. 1990. 26 мая; *Волжский Владимир* // Неделя. 1990. 23–29 июля; *Сахаров А.Н.* // Коммунист. 1991. № 5; *Клименко Алексей* // Правда. 1991. 25 июня. По поводу опасений руководства см. Правда. 1991. 25 апреля и 26 июля, а также *Яковлев А.* // Известия. 1991. 26 июля и *он же* // Литературная газета. 1991. 28 августа.

162. См., соответственно: *Петраков Н.Я.* Русская рулетка. – М., 1998. С. 93; *Анфилов В.* // Правда. 1991. 22 февраля (о Юрии Афанасьеве) и *Богословский Никита* // Огонёк. 1990. № 45. С. 27 (о самом себе). По поводу конформизма и каяния см. *Петраков.* Указ. соч. С. 131, 279–281; *Ципко* // Советская культура. 1990. 26 мая; *Кива* // Новый мир. 1993. № 8; *Devlin.* Rise of the Russian Democrats. P. 16. См. также интервью Юрия Афанасьева, в котором он с сожалением признавал, что до 1985 г. жил «по уши в дерьме» (*Stephen F. Cohen* and *Catrina vanden Heuvel*. Voices of Glasnost. – New York, 1989. P. 100); *Шостаковский В.* // Московские новости. 1990. 22 апреля и *Богомолов Олег* // Огонек. 1990. № 35. С. 2–3. Сам Горбачёв крайне редко публично упрекал интеллигенцию за то, что она отвернулась от него, но однажды в 1992 г. в сердцах пожаловался на «предательство интеллигенции, которой всё дал». Цит. по: *Ципко* // Прорыв к свободе.

С. 336. Иное объяснение идейного обращения интеллигенции см. *Kotz and Weir*. Revolution From Above. P. 65–66, 69–70; а пример критической трактовки роли интеллигенции в советское и постсоветское время, см. *Boris Kagarlitsky*. Russia Under Yeltsin and Putin. – London, 2002. Chap. 2.

163. По поводу самого плана см.: 500 Days (Transition to the Market). – New York, 1991; а по поводу позиции МВФ – *Reddaway and Glinski*. Tragedy of Russia's Reforms. P. 176. Влиятельные западные эксперты утверждают, что отказа Горбачёва от плана «500 дней» было либо проявлением его псевдореформаторской сущности, либо «фатальной ошибкой». См., напр., *Malia*. Soviet Tragedy. P. 479–480; *Matlock*. Autopsy On an Empire. P. 419; а также *Robert G. Kaiser*. Why Gorbachev Happened. Exp. ed. – New York, 1992. P. 363, *George Soros* // Moscow News, Oct. 30 – Nov. 5, 1997. Однако даже сторонники методов «шоковой терапии» из ельцинской команды позднее признавались, что план 1990 г. был «сказкой», «утопизмом» и просто «нереалистичным». См. *Гайдар Е*. Дни поражений и побед. С. 68; *Согрин В*. // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 86, а также *McFaul*. Russia's Unfinished Revolution. P. 100. Даже Ельцин, поддержавший план в 1990–1991 гг., позже назвал его примером «детского» отношения и «максимализма». – Московские новости. 2003. 21 октября.

164. *Фурман Дмитрий*. Наше светлое будущее, или Путин навсегда. – М., 2004. С. 5. Ещё один представитель умеренных назвал их «партией дураков». – *Петраков*. Русская рулетка. С. 278–286. Более подробный анализ политики интеллигенции см. *Devlin*. Rise of the Russian Democrats.

165. См., напр., *Tatiana Zaslavskaia* // Sociological Research. Jan.–Feb. 1993. P. 62; *Она же* // Общая газета. 2001. 8–14 марта; Независимая газета. 1994. 22 июля (ссылка на С. Говорухина); *Шевцова Лилия* // Десять лет без СССР. – М., 2002. С. 28–29; *Она же* // Прорыв к свободе. С. 350; *Она же* // Московские новости. 2006. 3–9 марта; *Сараскина Л.И.* // Горбачёвские чтения. Вып. 1. – М., 2003. С. 99–102, а также *Tatyana Tolstaya*. Pushkin's Children. – Boston, 2001, откуда, в частности, взята приведённая цитата (P. 59. Ср. также P. 27–48 и 182–183).

166. См. Московские новости. 1990. 18–25 ноября. По поводу событий января 1991 г. см. *Черняев*. Шесть лет. С. 405–415; *Он же*. 1991 год. С. 56–57, 86.

167. *Pankin*. Last 100 Days. P. 269. См. также прим. 218.

168. *John B. Dunlop* // Journal of Cold War Studies. Winter 2003. P. 124. Также см. *Malia*. Soviet Tragedy; *Roeder*. Red Sunset. P. 13–14; *Holmes*. Post-Communism. P. 58; *Согрин В*. // Отечественная история. 1995. № 2. С. 9–10. Самыми большими «объективистами» в России являются те, кто играл главные роли в упразднении Союза и в управлении возникшим из него постсоветским государством, но при этом отрицает свою личную, то есть субъективную, ответственность за это, о чём говорилось ещё в то время (см. *Марков Сергей* // Труд.1991. 15 декабря). См. интервью Ельцина российскому телевидению 14 марта 1996 г., в котором он утверждал, что «крах» был результатом «объективного процесса» и потому «неизбежным». – FBIS. March 15, 1996. P. 18, а также *Ельцин Б.Н*. Записки президента. – М., 1994. С. 152; *Vladimir Mau and Irina Starodubrovskaya*. The Challenge of Revolution. – New York, 2001; *Гайдар Егор*. Дни поражений и побед. С. 148–151. Кроме того, см. русских авторов из прим. 192.

169. *Соловей В*. // Свободная мысль. 2001. № 7. С. 95; *Dallin* // Dallin and Lapidus, eds. Soviet System. P. 686. См. также *Breslauer*. Gorbachev and Yeltsin; *Joel M. Ostrow* // Europe-Asia Studies. Dec. 2002. P. 1340; *Reddaway and Glinski*. Tragedy of Russia's Reforms. P. 228; *Robert V. Daniels* // The Nation. Jan. 3, 2000. P. 25.

170. *Медведев Р*. // Отечественная история. 2003. № 4. С. 112. См. также От катастрофы к возрождению. *Под ред. И.П. Осадчего*. – М., 1999; *Чешко* // Трагедия великой державы. С. 466; *Станкевич Зигмунд*. История крушения СССР. – М., 2001. С. 439–441; *Барсенков*. Введение в современную российскую историю. С. 356–357; *Симонян Р*. // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 57–58. По поводу общественного мнения см.

Shlapentokh. Normal Totalitarian Society. P. 262, n.1; и результаты опроса ВЦИОМ от 17–21 июля 2003 г., опубликованные на сайте www.wcion.ru

171. *William E. Odom.* The Collapse of the Soviet Military. – New Haven, 1998. P. 393; *Joel C. Moses* // *Wieczynski, ed.* Gorbachev. P. 141, и, почти слово в слово, *Шахназаров Г.* Цена свободы. С. 133. Даже те авторы, которые отдают предпочтение другим факторам, тем не менее, признают и всячески подчёркивают роль Горбачёва в исчезновении Союза. Помимо упомянутого выше Уильяма Одома, см. *Kotkin.* Armageddon Averted; *Strayer.* Why Did the Soviet Union Collapse; *Hough.* Democratization and Revolution; *Fowkes.* Disintegration of the Soviet Union. P. 196; *Donald W. Treadgold.* Twentieth Century Russia, 8th ed. – Boulder, 1995. P. 430.

172. По поводу первого взгляда см., соответственно: *Matlock.* Autopsy On An Empire. P. 663; *Самойлов Эдуард* // Независимая газета. 1992. 13 октября; *Шаховская Ольга* // Литературная газета. 1992. 21 октября; *John Lloyd* // Financial Times. April 24, 1995 (со ссылкой на Ципко); и *Третьяков Виталий* // Перестройка. Под ред. Толстых. С. 9. По поводу второго см. *Joel M. Ostrow* // Europe-Asia Studies. Dec. 1997. P. 1537, and Dec. 2002. P. 1340. См. также *Michael Mandelbaum* // Wilham Barbour and Carol Wekesser, eds. The Breakup of the Soviet Union. – San Diego, 1994. P. 44–50; *Смоляков Леонид* // Независимая газета. 1997. 16 января; *Зиновьев Александр.* Смута. – М., 1994. С. 5–183 (глава «Катастройка»); *Шогенов Асламбек* // Советская Россия. 2006. 2 марта, а также критику экономической политики Горбачёва в работе: Ellman and Kontorovich, eds. Destruction. Что касается «конспирологии» (Завтра. 2003. № 26), см. *Зиновьев А.* Гибель русского коммуниста. – М., 2001. С. 80–87; *Сизый Ф.* // Комсомольская правда. 1991. 26 апреля (со ссылкой на В. Чертищева); *Шевякин А.П.* Разгром советской державы. – М., 2005; От катастрофы к возрождению. Под ред. Осадчего. С. 18 и *Кара-Мурза С.Г.* Второе предупреждение. – М., 2005.

173. Примеры с российской стороны см. предыд. прим. Что касается американской стороны, см., напр., *Peter Schweizer.* Victory. – New York, 1994 and Reagan's War. – New York, 2000.

174. *Breslauer.* Gorbachev and Yeltsin. P. 269; *Vladimir M. Zubok* // *William C.* Wohlforth, ed. Cold War Endgame. – University Park, PA, 2003. P. 216, а также *Brown.* Gorbachev.

175. *Яковлев А.Н.* // Московские новости. 2005. 11 марта.

176. По поводу оценок этих действий см. *Dunlop.* Rise of Russia. P. 267–269; *Hahn.* Russia's Revolution From Above. P. 214–220; *Станкевич.* История крушения СССР. Гл. 6; *Барсенков А.С.*, *Вдовин А.И.* История России: 1938–2002. – М., 2003. С. 386–389. Даже Данлоп, явно симпатизирующий Ельцину, характеризует эти действия как «осенний путч» Ельцина (P. 267). См. также *Garthoff.* The Great Transition. P. 479.

177. *Попович В.А.* // Советская Россия. 2002. 5 октября, со ссылкой на Нурсултана Назарбаева.

178. *Simes.* After the Collapse. P. 55; *Brown.* Gorbachev. P. 303. По поводу белорусского лидера Шушкевича, который, по некоторым данным, был в Минске учителем Ли Харви Освальда, убийцы президента Кеннеди (*Steven Lee Myers* // New York Times. May 30, 2003), см. его собственное, странное и противоречивое, изложение событий в «Огоньке» – Огонёк. 1996. № 49. С. 10–14, а также *Гайдар.* Дни поражений и побед. С. 150. Информированный российский автор отмечает, что Ельцин и Кравчук замышляли провокацию против Союза, начиная с сентября 1991 г., и всё это время Ельцин подстёгивал сепаратистские устремления последнего. *Сазонов.* Предателями не рождаются. С. 120, 128. См. также *George Bush and Brent Scowcroft*. A World Transformed. – New York, 1998. P. 556.

179. См. прим. 168.

180. По поводу Ельцина см. выше, прим. 81; а по поводу его помощника Г. Бурбулиса см. *Славин Борис* // Правда. 1995. 28 декабря. См. также прим. 88; а по поводу опросов общественного мнения см. *Горбачёв.* Понять перестройку. С. 338.

181. Того же мнения придерживается *Brown.* Gorbachev. P. 307. Горбачёв всегда был уверен, что Украина вернулась бы в Союз, и в этом с ним согласны некоторые западные специалисты. См. *Gorbachev.* My Country. P. 151; Пять лет после Беловежья. С. 5–10, 104–105; и, напр., *Simes.* After the Collapse. P. 65–66. По поводу Ельцина см. *Hough.* Democratization and Revolution. P. 469; а также *Gorbachev.* My Country. P. 147, *Ципко А.* // Известия. 1991. 1 октября. См. также прим. 178.

182. *Гельман Александр* // Московские новости. 1996. 25 февраля – 3 марта; *Никонов Вячеслав* // Десять лет без СССР. – М., 2002. С. 36. По поводу «воли» Горбачёва см. также его собственный комментарий, Независимая газета. 1997. 16 января и *Волкогонов Дмитрий.* Семь вождей. В 2-х тт. – М., 1995. С. 323. По поводу отношения Горбачёва к власти см. *Gorbachev and Mlynar*. Conversations. P. 210; *Brown.* Gorbachev. В своё время американские официальные лица не сомневались, что воля Горбачёва была решающим фактором прекращения существования советской империи в Восточной Европе. См. *Don Oberdorfer.* The Turn. – New York, 1991. P. 361; *Beschloss and Talbott.* Highest Levels. P. 92. Также см. *Jacques Levesque*. The Enigma of 1989. – Berkeley, 1997. Даже у противников Горбачёва не возникает вопросов по поводу того, кто положил конец холодной войне: «Этот деревенский дурак Миша Горбачёв победил Россию». – *Вахитов Рустем* // Советская Россия. 2002. 30 июля.

183. Иную точку зрения на мотивацию Горбачёва, объясняюшую его поступки преимущественно борьбой за власть в Политбюро, см. *Anthony D'Agostino.* Gorbachev's Revolution. – New York, 1998. По поводу замечания Горбачёва см. *Черняев.* 1991 год. С. 324.

184. Литературная газета. 1991. 4 декабря. См. также Правда. 1990. 12 апреля; Известия. 1990. 1 декабря; FBIS. Jan. 24, 1991, and Oct. 15, 1991. P. 30; Московские новости. 1991. 3 ноября; *Горбачёв.* Годы трудных решений С. 288. Той же точки зрения придерживается *Дмитрий Фурман.* Независимая газета. 2006. 3 марта; Прорыв к свободе. С. 333. Один из сторонников Горбачёва позже увидел в этом чудовищную ошибку российской политики. – *Ципко* // Литературная газета. 2005. 19 января.

185. По поводу цитат см.: *Zubok* // Wohlforth, ed. Cold War. P. 229–232, и *Яковлев А.Н.* Омут памяти. Т. 2. С. 84. По поводу отсутствия крови на руках см. *Alec Adamovich* // FBIS. Dec. 24, 1990. P. 61; свидетельство Виталия Коротича об утверждении Горбачёва: «нет крови на этих руках, ни капли нет» – Столица. 1992. № 15. С. 7; а также *Чупринин Сергей* // Знамя. 1994. № 12. С. 163. По поводу уникальности горбачёвского отказа от насилия в руководстве см. Прорыв к свободе. С. 105–106, 208–209, 283, 333; *Шевцова Лилия* // Московские новости. 2006. 3–9 марта. По поводу утверждений, что Горбачёв должен был активнее применять силу, см., напр., *Grigory Pomerants and Vladimir Lukin* // Democratizatsiya. Winter 1996. P. 14–15, 24–25; *Sergei Roy* // Moscow News. Nov. 13–19, 1997; *John Lloyd* // FT. April 24, 1995 (со ссылкой на Андраника Мигранян).

186. По поводу цитат, начиная с «кредо», см., соответственно: *Горбачёв* // Независимая газета. 1997. 16 января; *Zubok* // Wohlforth, ed. Cold War. P. 232; Как делалась политика перестройки, 1985–1991. – М., 2004. С. 9; *Gorbachev and Mlynar*, Conversations. P. 120; и *Бурлацкий Ф.* // Независимая газета. 1994. 7 июня. О том, что ненасилие Горбачёва оказалось «фатальным» для советского государства, см. *Грачев А.* Горбачёв. С. 443; *Hough.* Democratization and Revolution. P. 250, 332, 488–489, 498. Отказ Горбачёва арестовать Ельцина и других заговорщиков против Союза в декабре 1991 г. – «я так не могу» – принято трактовать как результат отсутствия «политической воли», но на самом деле в нём проявилась воля человека, верного своему кредо. См. *Сазонов.* Предателями не рождаются. С. 132–133.

187. *Горбачёв* // Новая жизнь. 2002. 25 октября и его интервью телекампании НТВ 7 марта 2004 г. // JRL. March 8, 2004. По поводу «царя Бориса» см. *Боффа Джузеппе.* От СССР к России. – М., 1996. С. 226.

188. См., соответственно: *Donald Murray.* A Democracy of Despots. – Boulder, 1995. P. 5; *Hough.* Democratization and Revolution. P. 328 (цитирует Джона Ллойда); *Ельцин.* Записки президента. С. 269; *Третьяков В.* // Политический класс. 2006. № 4; *Jean Mackenzie* // Russia Review. Feb. 26, 1996. P. 14 (цитирует Вячеслава Костикова). См. также *Murray*. Democracy. P. 222; *Sergei Roy* // Moscow News, March 3–9, 1999; интервью Роя Медведева итальянскому журналисту Джульетто Кьеза, FBIS. Aug. 15, 1989. P. 61; *Мигранян А.* // Комсомольская правда. 1991. 23 января; и *Richard Sakwa* // Demokratizatsiya. Spring 2005. P. 261 (со ссылкой на Конрада Любарского и Андрея Пионтковского).

189. См., напр., *Ельцин.* Записки президента и *Boris Yeltsin*. Midnight Diaries. – New York, 2000; а также *Aron.* Yeltsin.

190. Егор Яковлев цитирует Ивана Лаптева – два человека, хорошо знавшие Ельцина. Общая газета. 2002. 14–20 февраля. Как видно из воспоминаний Ельцина (см. выше, прим. 189), его ненависть была обусловлена и подогревалась, в первую очередь, завистью к высокому посту Горбачёва, затем негодованием по поводу того, что его самого избрали, с подачи лидера, лишь кандидатом, а не членом Политбюро, а ещё позже – унижением, которое он испытал, будучи отправлен Горбачёвым в отставку. См. по этому поводу *Marc Zlotnik* // Journal of Cold War Studies. Winter 2003. P. 128–164. Добившись власти, Ельцин принялся, в свою очередь, по-всякому унижать Горбачёва, и даже спустя годы не преминул подчеркнуть, что не любит своего бывшего оппонента. См. интервью Ельцина российскому телеканалу ОРТ 17 октября 2000 г., Johnson's Russia List. Oct. 12, 2000.

191. По поводу цитат см., соответственно: *Sergei Belyayev* // FBIS. June 20, 1991. P. 57 (со ссылкой на самого Ельцина), а также радиообращение Ельцина. Ibid. June 3, 1991. P. 74–75, Прорыв к свободе. С. 151; *Riina Kionka* // Report. Feb. 1, 1991. P. 15; *Robert V. Daniels* // Dissent. Fall 1993. P. 493; *Matlock.* Autopsy On An Empire. P. 403; *Фурман* // Прорыв к свободе. С. 329. Взять хотя бы то, что «план "500 дней", который Ельцин с таким энтузиазмом поддерживал, он даже не читал», зато Горбачёв, выступивший против, «дважды прочёл каждое слово». – *Braithwaite.* Across the Moscow River. P. 293. См. также *Matlock.* Autopsy On An Empire. P. 418. По поводу других противоречивых позиций Ельцина см.: о перестройке – FBIS. Jan. 18, 1990. P. 131, June 3, 1991. P. 72, *Черняев.* 1991 год. С. 39; о «шоковой терапии» – Комсомольская правда. 1990. 8 августа, Известия. 1991. 4 декабря. В одном из таких случаев Горбачёв даже заметил: «Я не понял: это один и тот же человек или нет». – Правда. 1991. 16 апреля, а также *Горбачёв.* Понять перестройку. С. 358, где он пишет, что Ельцин вплоть до 1991 г. присылал ему поздравления по случаю коммунистических праздников. Позже противники Ельцина подробно перечислили, сколько раз и как менялись его взгляды. См., напр., *Челноков М.* Россия без Союза. С. 30–33; *Трушков В.* // Правда. 1996. 16 марта. См. также *Hough.* Democratization and Revolution. P. 279, 308, 333–334, 339–340. Ельцин, похоже, позже признал обоснованность обвинений, во всяком случае, части из них. *Ельцин.* Записки президента. С. 32. Сходную трактовку Ельцина-политика см. *Kagarlitsky.* Russia Under Yeltsin and Putin. P. 77–83.

192. *Шушкевич Станислав* // Пять лет после Беловежья. С. 156. См. также *Бурбулис Геннадий* // Родина. 1995. № 9. С. 74; *Шахрай Сергей* // Независимая газета. 1996. 10 декабря; Эпоха Ельцина. Под ред. Батурина и др. С. 181–182; *Пихоя.* Советский Союз. С. 688, 718; *Гайдар Егор* // Новые известия. 2006. 1 июня. См. также прим. 168. С этим согласны и многие исследователи на Западе. См., напр., *Beissinger.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 438; *Aron.* Yeltsin. P. 472–479. По поводу заявлений о росте возможностей Горбачёва см. *Грачев.* Дальше без меня. С. 184; *Славин Борис* // Горбачёвские чтения. Вып. 3. С. 111; *Чешко.* Распад Советского Союза. С. 278; Трагедия великой державы. *Под ред. Севостьянова*. С. 266 и *Горбачёв.* Понять перестройку. С. 351–355.

193. Об этом писали самые разные авторы. См., напр., *Бурлацкий.* Глоток свободы. Т. 2. С. 201–202; *Карпычев Анатолий* // Правда. 1992. 25 января; *Simes.* After the Collapse. P. 65–66. Глава советского Казахстана Назарбаев, к примеру, отказался подписать Беловежское соглашение на том основании, что не может ничего подписывать «без согласия своего парламента и правительства». См. Пять лет после Беловежья. С. 157.

194. *Braithwaite.* Across the Moscow River. P. 266; *Яковлев А.* Омут памяти. Т. 2. С. 82. В числе других независимых российских обозревателей, согласных с этим, можно назвать журналиста Виталия Третьякова (см. Независимая газета. 1991. 19 декабря; Российская газета. 2004. 19 августа), демократического депутата Николая Энгвера (см. *Fred Hiatt* // Washington Post. Feb. 5, 1992) и поэта Наума Коржавина (см. Общая газета. 2001. 11–17 января. См. также *Чешко Сергей* // Трагедия великой державы. Под ред. Севостьянова. С. 466 и *Солженицын Александр* // Московские новости. 2006. 28 апреля. До тех пор пока ельцинским помощникам не удалось прикрыть акт фиговым листом законодательства, они знали, что он был незаконным. См. *Козырев А.В.* // Пять лет после Беловежья. С. 161–162, а также дискуссию по этому вопросу, *Станкевич.* История. С. 299–312; *Walker.* Dissolution. P. 169. В 1998 г. Беловежский акт стал главной статьей импичмента, который предложила объявить Ельцину преобладающая коммунистическая фракция парламента. См. Советская Россия. 1998. 6 августа. По поводу опасения ареста см. *Явлинский Григорий* // Московские новости. 1996. 11–18 февраля (со ссылкой на Вячеслава Кебича); *Грачев.* Горбачёв. С. 409; *Барсенков.* Введение в современную российскую историю. С. 351; *Hough.* Democratization and Revolution. P. 482–83; а по поводу министра обороны – *Гайдар.* Дни поражений и побед. С. 150. По поводу «сверхсекретности» см. *Ельцин.* Записки президента. С. 150. Кравчук как-то позже заметил, что Беловежье было «не для людей со слабыми нервами». – Цит. по: *Andrew Wilson.* The Ukrainians. – New Haven, 2000. P. 169. Многие западные специалисты пытались оправдать или положительно истолковать ельцинский переворот, представляя его как «демократический coup d'etat» или «голосование за отставку Горбачёва». См. *Hosking.* The First Socialist Society. P. 498; *Strobe Talbott* // New York Times. Feb. 24, 2005.

195. См., напр., *Brown.* Gorbachev. P. 287; *Hough.* Democratization and Revolution. P. 459, 481; *Brent Scowcroft.* VOA interview // Johnson's Russia List. Dec. 3, 1999; *Никонов В.А.* // Десять лет без СССР. С. 38 («Михаил Сергеевич освободил Восточную Европу, чтобы продолжить реформы… Ельцин отпустил другие советские республики, чтобы покончить с правлением Горбачёва».); *Boris Kagarlitsky.* Square Wheels. – New York, 1994. P. 174; *Бурлацкий.* Глоток свободы. Т. 2. С. 201; *Яковлев Егор* // Общая газета. 2002. 14–20 февраля (ссылка на Ивана Лаптева); *Чешко.* Распад Советского Союза. С. 278; *Грачев.* Горбачёв. С. 257; *David Remnick* // New Yorker. March 11, 1996. P. 78, 79 (ссылки на Сергея Пархоменко и Сергея Станкевича); *Tatyana Tolstaya* // New York Review of Books. June 23, 1994. P. 3–7; *Сазонов.* Предателями не рождаются. С. 131; *Мильштейн Илья* // Новое время. 2006. № 4. С. 13; и даже один из участников беловежской сделки, *Шушкевич* // Огонёк. 1996. № 49. С. 13. И, конечно, в этом всегда был уверен сам Горбачёв. По свидетельству Назарбаева, на вопрос Горбачёва, что он скажет народу после Беловежья, Ельцин ответил: «Я скажу, что займу ваше место». Цит. по: Пять лет после Беловежья. С. 158.

196. По выражению Леонида Шебаршина, одного из бывших руководителей КГБ. Цит. по: *Milt Bearden and James Risen.* The Main Enemy. – New York, 2003. P. 497; см. также *Афанасьев Ю.* // Свободная мысль. 2005. № 1. С. 48. Позже двое из бывших заговорщиков упрекнут других в том, что им не хватило этой самой воли. См. *Шенин Олег* // ТруД.2004. 19 августа; *Варенников Валентин* // Завтра. 2006. 30 сентября. По поводу смысла и значения «воли к власти» в то время см. *Шевцова Л.* // Известия. 1991. 15 мая.

197. *Бурлацкий.* Глоток свободы. Т. 2. С. 186 и *George F. Kennan* // New York Review of Books. Nov. 16, 1995. P. 8. По поводу аналогии с 1917 годом см. также *Майданик К.Л.* // Перестройка в трансформационном контексте. С. 76; *Межуев Вадим* // Прорыв к свободе. С. 313.

198. См., напр., *Серебрякова З.Л.* // Пять лет после Беловежья. С. 111; От катастрофы к возрождению. Под ред. Осадчего. *С.* 24; *Grachev*. Final Hours. P. 150; *Афанасьев А.* // Литературная газета. 2001. 11 июля. Некоторые авторы, правда, утверждают, что за отмену Союза «*проголосовало* подавляющее большинство», но о подобном голосовании нигде нет ни слова. *M. Steven Fish* // Post-Soviet Affairs. Oct.–Dec. 2001. P. 356. См. также *Согрин В.В.* // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 9; *Ariel Cohen* // Washington Times. Aug. 21, 2001. Напротив, как выразился русский политолог, чьё мнение заслуживает безусловного доверия, Беловежский акт был «захватом власти “за спиной” народа». *Фурман Дмитрий* // Новая газета. 2004. 7–9 июня.

199. См. также *Барсенков*. Введение в современную российскую историю. С. 353–354.

200. Там же. С. 351, 353. Барсенков отмечает, что поначалу даже Горбачёв был в этом уверен. Также см. *Кагарлицкий Б.* // Свободная мысль. 2002. № 1. С. 122; Radio Free Europe/Radio Liberty. Oct. 7, 2002 (ссылка на Сергея Караганова); *Бушуев В.* // Свободная мысль. 2005. № 2. С. 121. Разумеется, именно так это выглядело со слов Кравчука и Шушкевича сразу после Беловежья. См. Несостоявшийся юбилей. Под ред. А.П. Ненарокова. – М., 1992. С. 490–491; см. также замечания Ельцина по этому поводу, *Исаков*. Расчленёнка. С. 295–301. С самого начала российские опросы общественного мнения, демонстрировавшие поддержку населением нового Содружества независимых государств, были отражением именно этого ошибочного восприятия, а не антисоветских настроений, как иногда считают. См., напр., *Beissinger*. Nationalist Mobilization. P. 387.

201. *Марков Сергей* // Труд. 2001. 15 декабря; а также *Кагарлицкий Б.* // Свободная мысль. 2002. № 1. С. 122. Ельцин и Кравчук, как утверждают, беспокоились, что если они просто объявят народу, что Союза больше нет, и ничего не предложат взамен, неизбежен взрыв. См. *Wilson*. Ukranians. P. 169–170. Адвокаты Ельцина позже настаивали, что «самостийные интересы пана Кравчука» разрушили это чаяние. *Леонтьев Михаил*. Сегодня. 1996. 1 марта. По поводу пьянства на встрече см. *Remnick* // New Yorker. March 11, 1996. P. 78–79; *Сазонов*. Предателями не рождаются. С. 132; а по поводу ощущения «обманутости» – Огонёк. 1996. № 49. С. 10–14.

202. Протокол заседания был опубликован в: *Исаков*. Расчленёнка. С. 294–364.

203. *Третьяков В.* // Независимая газета. 2000. 14 июня; *Горбачёв* // Правда. 1995. 16 августа и *он же* // Новая жизнь. 2002. 25 октября.

204. *Слова В.И.* Севастьянова цит. по: *Исаков*. Расчленёнка. С. 325. См. также *Шапошников Евгений*. Выбор. – М., 1995. С. 139. Об автоматическом голосовании см. *Марков С.* // Труд. 2001. 15 декабря.

205. *Печенев Вадим*. «Смутное время» в новейшей истории России. – М., 2004. С. 88. Также см. *Марков С.* // Труд. 2001. 15 декабря; *Gorbachev*. On My Country. P. 158–159; *Барсенков*. Введение в современную российскую историю. С. 353–356. Один из тех, кто голосовал против ратификации, депутат Сергей Бабурин, указывал на ошибочность подобного восприятия. Национальные интересы. 2001. № 5–6. С. 3. По поводу пояснений Ельцина см. *Исаков*. Расчленёнка. С. 295–301.

206. По поводу цитат см., соответственно, *Зюганов Г.* // Советская Россия. 2004. 26 июня; *Kagarlitsky*. Square Wheels. P. 161; *Медведев Р.А.* // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 167–169; *Вартазарова Л.* // Завтра. 1995. № 31. По поводу страха и вообще настроения коммунистов см. также *Прокофьев*. До и после запрета КПСС. С. 266–268; *Марков С.* // Труд. 2001. 15 декабря; Эпоха Ельцина. Под ред. Батурина. С. 177.

207. По поводу военных и КГБ см. *Brian D. Taylor and John B. Dunlop* // Journal of Cold War Studies. Winter 2003. P. 17–66, 94–127; а также *Hough*. Democratization and Revolution. P. 483–489. Сожаления по поводу того, что военные так легко подчинились Ельцину, см. *Ципко Александр* // Прорыв к свободе. С. 343.

208. *Vladislav M. Zubok* // *Geir Lundestad, ed.* The Fall of the Great Powers. – Oslo, 1994. P. 169; а также *Matlock*. Autopsy On An Empire. P. 400.

209. В качестве примеров первой точки зрения см. *Фурман*. Наше светлое будущее. С. 47–54; *Zubok* // Lundestad, ed. The Fall of the Great Powers. P. 161–166; *Бузгалин и Колганов*. Сталин и распад СССР. – М., 2003. С. 51–56, 67–68; *Зыкин*. Модель краха СССР; *Белоцерковский Вадим* // Свободная мысль. 2005. № 10. С. 94; *Evan Mawdsley and Stephen White*. The Soviet Elite From Lenin to Gorbachev. – New York, 2000. P. 256–274. В качестве примеров второй см. *Гайдар*. Государство и эволюция. С. 135; *Лисичкин Геннадий* // Литературная газета. 2001. 8 августа; *Крыштановская Ольга*. Анатомия российской элиты. – М., 2005. С. 318; *Solnick*. Stealing the State. По поводу Восточной Европы см. *Kramer* // Journal of Cold War Studies. Fall 2004. P. 60–63. Задолго до этого процесса некоторые, некогда просоветские, марксисты были обеспокоены возможностью такого развития событий, особенно Лев Троцкий и Милован Джилас. См. *Leon Trotsky*. The Revolution Betrayed (впервые опублик. в 1937 г.); *Milovan Djilas*. The New Class. – New York, 1957.

210. По поводу первых см., напр., *Гайдар*. Государство и эволюция. Гл. 4–5; *Чубайс А.Б.* // Приватизация по-российски. Под ред. Чубайса. – М., 1999. С. 287–288; *Kotz and Weir*. Revolution From Above. Part II; *Hough*. Democratization and Revolution. P. 1–3. По поводу вторых – *Кара-Мурза С.* // Советская Россия. 1995. 30 ноября; *Буртин Ю.* // Октябрь. 1997. № 8. С. 161–176; *Жуков В.И.* Реформы в России 1985–1995 годы. – М., 1997. С. 26; *Колев А.* Мятеж номенклатуры. – М., 1995.

211. Более подробно об этом процессе см.: *Крыштановская*. Анатомия российской элиты. С. 195–201, 291–318; *Радыгин А.Д.* Реформа собственности в России. – М., 1994. С. 48–57; *Нуреев Р.* и *Рунов А.* // Вопросы экономики. 2000. № 6. С. 18–31; *Andrew Barnes*. Owning Russia. – Ithaca, 2006. Chap. 3; о его особенностях в Москве см. *Kagarlitsky*. Square Wheels. Взгляд изнутри см. *Lev Tchurilov*. Lifeblood of Empire. – New York, 1996. Chap. 17.

212. См. *Barnes*. Owning Russia. Chap. 3; по поводу комсомола см. *Solnick*. Stealing the State; и по поводу частичной инвентаризации партийной собственности – Комсомольская правда. 1998. 4 июня. Самым известным примером и законодателем мод в этой сфере был Виктор Черномырдин, советский министр газовой промышленности, ставший главой и крупнейшим акционером приватизированного газового гиганта «Газпром». См. *Marshall I. Goldman*. The Piratization of Russia. – London, 2003. Chap. 6.

213. *Kagarlitsky*. Square Wheels. P. 155.

214. Ряд исследователей обращают на этот момент особое внимание. См., напр., *Bunce*. Subversive Institutions. По поводу республиканских лидеров, тоже желавших быть президентами, см. *Воротников В.И.* А было это так… – М., 1995. С. 366–67; и *Грачев*. Горбачёв. С. 323.

215. Как ещё в самом начале отмечал Фёдор Бурлацкий. Известия. 1990. 10 февраля. Также см. *Сазонов*. Предателями не рождаются. С. 40, 69.

216. Так считают многие исследователи. См., напр., *Jeff Hahn* // Post-Soviet Affairs. Jan.–March 2000. P. 64–68; *Tuminez* // Journal of Cold War Studies. Fall 2003. P. 82, 126, 133; *Барзилов С.* и *Чернышов А.* // Свободная мысль. 2002. № 4. С. 44–45; *Медведев Рой* // Отечественная история. 2003. № 4. С. 114; *Чешко*. Распад Советского Союза. С. 238, 263. См. также выше, прим. 132, 135, 138. Марк Бейсинджер, напротив, утверждает, что элиты шли вслед за народными силами, вызывающими прилив национализма, но не были его создателями. – *Beissinger*. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 36–37 (правда, в другом месте он сам себе противоречит – ср. P. 428–429).

217. *Beissinger*. Nationalist Mobilization. P. 428–429; а также *Pankin*. Last Hundred Days. P. 266–267. В этой связи Шеварднадзе призывал администрацию Буша не доверять Кравчуку. См. *Bush and Scowcroft*. A World Transformed. P. 554.

218. *Кива А.* // Парламентская газета. 2003. 4 апреля; *Медведев Р.* // Отечественная история. 2003. № 4. С. 112. По поводу терминов см. также *Pankin*. Last Hundred Days. P. 269 («навязанный роспуск»), *Чешко*. Распад Советского Союза. С. 282 («отмена»), *Josef Joffe* // New York Times. Feb. 10, 2003 («суицид путём саморазрушения») и *Самуилов С.* // Свободная мысль. 2006. № 3. С. 42 («самоликвидация»).

219. John Higley and Gyorgy Lengyel, eds. Elites After State Socialism. – Boulder, 2000. P. 237; *Solnick*. Stealing the State. P. 7. См. также *Kotz and Weir*/ Revolution From Above; *Fritz W. Ermarth* // The National Interest, Spring 1999. P. 6; *Фурман*. Наше светлое будущее. С. 53–54; *Нуреев и Рунов* // Вопросы экономики. 2000. № 6. С. 18–31; *Гайдар*. Государство и эволюция. Гл. 4. Другие аргументы в пользу мнения, что не собственность была главной причиной распада СССР, см.: *Beissinger*. Nationalist Mobilization. P. 8; Ellman and Kontorovich, eds. Destruction. P. 3, 27; *David Lockwood*. The Destruction of the Soviet Union. – New York, 2000. P. 130–132; *Лацис*. Тщательно спланированное самоубийство. С. 461–462. Некоторые авторы, рассматривая разные факторы, даже не учитывают собственность. См., напр., *Holmes*. Post-Communism. Chap. 2; *Smith*. Fall of Soviet Communism; а также прим. 113.

220. По поводу последнего аргумента см. *Bunce*. Subversive Institutions.

221. По устному свидетельству бывшего кремлёвского сотрудника. То есть, «они вовсе не были готовы сражаться за свою независимость». – *Чешко*. Распад Советского Союза. С. 275.

222. О «номенклатурном капитализме» как основе возникшей в итоге постсоветской системы см. *Буртин Юрий*. Исповедь шестидесятника. – М., 2003. С. 330–371, а также *Кагарлицкий Борис*. Реставрация в России. – М., 2000; *Меньшиков Станислав*. Анатомия российского капитализма. – М., 2004. С. 21–34; *Лебедь А.* // Московские новости. 1996. 12–19 мая; *Kotz and Weir*. Revolution From Above.

223. Слова эстонского активиста движения за независимость цит. по: *Симонян Р.* // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 37.

224. Как подчёркивает Хан, хотя и в несколько ином контексте. – *Hahn* // Post-Soviet Affairs. Jan.–March 2000. P. 60. Это же имеет в виду российский автор, когда пишет: «Ельцин бросил спичку». – *Лисичкин* // Литературная газета. 2001. 8 августа. По поводу Горбачёва см. Новая газета. 2005. 21–23 февраля.

225. По поводу цитат см. *Николаев Н.* // Новая газета. 2005. 15–17 августа; *Замятин Л.* // Новое время. 1997. № 16. С. 17. Анализ экономических и политических предпочтений московской элиты летом 1991 г. см. *Judith S. Kullberg* // Europe-Asia Studies. Vol. 46. No. 6, 1994. P. 929–953.

226. По поводу Горбачёва см, соответственно: Правда. 1991. 1 и 17 июня; FBIS. May 16, 1991. P. 34; Sept. 19, 1991. P. 20. По поводу перестройки см. *Ципко А.* // Литературная газета. 2005. 19 января; *Биккенин Н.* // Свободная мысль. 2000. № 11. С. 102; *Рябов А.В.* // «Перестройка» в трансформационном контексте. С. 56–60; *Логинов В.Т.* // Горбачёвские чтения. Вып. 3. С. 159; *Горбачёв*. Понять перестройку. С. 375. В конце концов, для того чтобы обсудить и подписать новый союзный договор, Горбачёв был вынужден идти на всё большие уступки республикам, передавая им в собственность хозяйственные объекты Союза, расположенные на их территории. См. *Барсенков*. Введение в современную российскую историю. С. 117; *Чешко*. Распад Советского Союза. С. 268, 272.

227. Такого же мнения проидерживаются *Фурман*. Наше светлое будущее. С. 50–54 и *Kotz and Weir*. Revolution From Above. Chap. 7–8. Не последнюю роль в этом играли личные качества самого Горбачёва, для которого «стремление обладать собственностью не было движущей силой»: будучи у власти он даже не имел собственной дачи. См. *Archie Brown* and *Oksana Gaman-Golutvina* // Brown, ed. Contemporary Russian Politics. – New York, 2001. P. 290–291, 307; *Яковлев А.Н. и Горбачёв М.С.* // Московские новости. 2005. 11 марта; а также *Ципко А.* // Прорыв к свободе. С. 344; *Сазонов*. Предателями не рождаются. С. 167. Ципко также упоминает об отказе Яковлева приватизировать госдачу, хотя после 1991 г. это стало общей практикой. – Вестник аналитики. 2006. № 2. С. 217. В качестве противоположной точки зрения, утверждающей, что Горбачёв тоже отказался от социализма, см. *Stanislav Menshikov* // Monthly Review. Oct. 1997. P. 51–52; *Boris Kagarlitsky* // In These Times. April 14, 1997.

228. *Reddaway and Glinski*. Tragedy of Russia's Reforms. P. 34, 89, 171–172, 253.

229. Несколько иные версии этого призыва Ельцина см. *Hahn* // Post-Soviet Affairs. Jan.–March 2000. P. 64; *Станкевич*. История крушения СССР. С. 257. По поводу реформаторства см. *Fedor Burlatsky* // Washington Post. Nov. 10, 1991. Горбачёв позже заметил, что Ельцин «просто решил» проблему номенклатуры: «отдал ей всё». – Горбачёвские чтения. Вып. 1. – М., 2003. С. 163; Политический класс. 2005. № 2. С. 57. И, как вскоре заметили наблюдатели, республиканские элиты со всех ног «бросились захватывать союзную собственность и провозглашать “суверенитет” над своими ресурсами». – *Serge Schmemann* // New York Times. Oct. 8, 1991.

230. Например, московскому мэру он отдал ряд важных объектов столичной недвижимости, Кравчуку – ценные владения России на Украине, а генералам – госдачи. См. *David K. Shipler* // New Yorker. Nov. 11, 1991. P. 50; *Бутузова Людмила* // Московские новости. 2005. 19 августа; *Hough*. Democratization and Revolution. P. 487–488. Про конфискации союзной собственности см. прим. 176. По поводу поведения элит см. *Pankin*. Last Hundred Days. P. 257; *Грачев*. Горбачёв. С. 287; *Hahn* // Post-Soviet Affairs. Jan.–March 2000. P. 60, 76.

231. Слова Павла Вощанова цит. по: *Исаков В.* // Советская Россия. 1996. 7 декабря.

232. Или, как пишет ведущий американский горбачёвовед, «страна, которую Горбачёв оставил своим наследникам, была более свободной, чем когда-либо в российской истории». *Brown Archie*. Seven Years That Changed the World. – New York, 2007. P. 330. О роли Горбачёва в демократизации страны см. также *Brown*. The Gorbachev Factor. – New York, 1997 и его статьи в сборнике Brown and Shevtsova, eds. Gorbachev, Yeltsin, Putin. – Washington, D. C., 2001.

233. См., напр.: *Gorbachev Mikhail*. Perestroika. – New York, 1987. P. 57; *Горбачёв М.С.* Избранные речи и статьи в 7 томах. – М., 1987–1990. Т. 4. С. 316; *Он же* // Известия. 1991. 17 апреля.

234. *Krauthammer Charles* in WP, April 27, 2007; NYT editorial, May 9, 2000; *Remnick David* in NY, May 21, 2001. См. также *Shapiro Margaret* in WP, Dec. 9, 1993; *Wines Michael* in NYT, June 5, 2000; *Rubin Trudy* in Philadelphia Inquirer, Dec. 13, 2003. В качестве одного из первых примеров подобного ревизионизма см. NR editorial, Sept. 9, 1991. P. 7–9. Возглавил кампанию президент Билл Клинтон (см. спор о «демократии» и «реформе» во время его совместной пресс-конференции с Ельциным, WP, April 5, 1993). И даже позднее советник Клинтона по национальной безопасности настаивал, что Ельцин «должен остаться в памяти как отец русской демократии». *Berger Samuel* in WP, Nov. 15, 2001.

235. *Colton Timothy and McFaul Michael* in PPC, July-Aug. 2003. P. 12. См. также *McFaul, Petrov N. and Ryabov A.* Between Dictatorship and Democracy. – Washington, D. C., 2004. P. 2; *McFaul* in The Wilson Quarterly, Spring 2000. P. 42. Эта тема является центральной в трех американских биографиях Ельцина, правда, в последней ее отличает более взвешенный подход: *Aron Leon.* Yeltsin. – New York, 2000; *Ellison Herbert.* Boris Yeltsin and Russia’s Democratic Transformation. – Seattle, 2006; *Colton Timothy.* Yeltsin. – New York, 2008. По поводу противоположной точки зрения см. выше, прим. 1; *Reddaway Peter and Glinski Dmitri.* The Tragedy of Russian Reformers. – Washington, D. C., 2001; *Daniels Robert* in The Nation, Oct. 20, 2008. P. 30–36; а также работы ведущего российского политолога Лилии Шевцовой: *Shevtsova Lilia.* Yeltsin’s Russia. – Washington, D. C., 1999; Russia – Lost in Transition. – Washington, D. C., 2007.

236. См., напр.: Эпоха Ельцина / Под ред. *Батурина Ю.М.* и др. – М., 2001; *Мороз Олег.* Хроника либеральной революции. – М., 2005; а также *Lipman Marsha*, на чье мнение ссылается процитированный здесь *Hoffman David* in WP, May 8, 1999.

237. *Самойлов Эдуард* // НГ. 1992. 13 октября. См. также *Мотыль Владимир* // Известия. 1991. 7 сентября; *Чайковская Ольга* // ЛГ. 1992. 21 октября.

238. См. последовательно: *Wines Michael* in NYT, June 14, 2001; *Shillinger Liesl* in NYT Book Review, July 2, 2006; *Zakaria Fareed* in Newsweek, June 16, 2003. P. 33; *Kristof Nicholas* in NYT, Dec. 15, 2004.

239. См. последовательно: *Malia Martin.* The Soviet Tragedy. – New York, 1994. P. 499; *Kotkin Stephen* in JMH, June 1998. P. 406; *Ulam Adam* in TLS, Nov. 6, 1992. P. 23; *Walker Edward.* Dissolution. – Lanham, Md., 2003. P. 170; *Menon Rajan* in The Harriman Forum, Spring 1997. P. 13; *Beissinger Mark.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. – New York, 2002. P. 441. См. также *Fish M. Steven* in Demokratizatsiya, Spring 2005. P. 241–253; *Cohen Stephen.* Soviet Fates and Lost Alternatives. – New York, 2009. Chap. 4. N. 85 и критические замечания по поводу этой главы – *Dawisha Karen and Hansen Stephen* in SR, Fall 2004. P. 527–552; о «триумфализме» среди историков – Young Glennis in RR, Jan. 2007. P. 100, 117; о «мифических» альтернативах нэпа и перестройки – *D'Agostino Anthony.* Gorbachev's Revolution. – New York, 1998. P. 172; *Malia Martin* in Daedalus, Spring 1992. P. 74. По поводу несогласных с приведенной безальтернативной ортодоксией см.: *Reddaway and Glinski.* Tragedy. P. 5, 9, 16, 252–255, 636–641; *Nelson and Kuzes.* Radical Reform; *Hough Jerry.* Democratization and Revolution in the USSR. – Washington, D. C., 1997; *Brown.* Gorbachev. Chaps. 5–9; *Daniels Robert.* The Rise and Fall of Communism in Russia. – New Haven, 2007. Part 4; *Lewin Moshe.* The Soviet Century. – New York, 2005. Chap. 27.

240. *Ericson Richard* in Journal of Economic Perspectives, Fall 1991. P. 25; *Huskey Eugene* in APSR, Dec. 1998. P. 968. См. также *McFaul Michael* in FA, Jan. – Feb. 1995. P. 89; *Malia Martin* in Daedalus, Spring 1992. P. 69; *Pipes Richard* in Commentary, March 1992. P. 30–31. Подробнее об этом см. *Cohen Stephen.* Failed Crusade (updated ed.). – New York, 2001. P. 40–42, 293. N. 69.

241. См. последовательно: *Третьяков Виталий* // МН. 1989. 26 ноября; *Kaiser Robert.* Why Gorbachev Happened. – New York, 1991. P. 171; *Billington James* in NYT Book Review, June 17, 1990.

242. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачёвым. – М., 1993. С. 345. Ссылки на слова Горбачёва о «ереси» см. *Бадов Валерий* // РТ. 1990. 30 августа и *Стреляный Анатолий* // Литературное обозрение. 1990. № 12. С. 12; *Горбачёв* // Известия. 1991. 25 марта; *Odom William.* The Collapse of the Soviet Military. – New Haven, 1998. P. 94; *Price-Jones David.* The Strange Death of the Soviet Empire. – New York, 1995. P. 5. См. также работу *Doder Dusko* and *Branson Louise.* Gorbachev. – New York, 1990, в которой авторы уже тогда отметили, что советские фундаменталисты опасались, как бы «руководство не оказалось в руках еретика» (P. 176).

243. *McFaul Michael* in WP, Sept. 30, 2000. См. также выше, прим. 4, и *Desai Padmai.* Conversations on Russia. – New York, 2006. P. vii-viii, 3.

244. По поводу подобной «модернизации» см. *Фадин А.В.* // Кентавр. 1993. Январь–февраль. С. 92–97, а по поводу «традиции» – *Reddaway and Glinski.* Tragedy.

245. По поводу цитат см. последовательно: ЛГ. 1991. 4 декабря; Материалы объединенного Пленума ЦК и ЦКК КПСС. – М., 1991. С. 8; *Горбачёв М.С.* Годы трудных решений. – М., 1993. С. 10; *Он же*. Избранные речи и статьи. Т. 4. С. 327, 360; Правда. 1991. 26 июля. Один из ближайших помощников Горбачёва характеризовал его цель как «некатастрофическую» трансформацию. *Медведев Вадим.* В команде Горбачёва. – М., 1994. С. 234.

246. По поводу «некатастрофичной эволюции» см. *Ворожейкина Татьяна* // ОНС. 2005. № 5. С. 17–22. См. также ниже, прим. 28. Самыми твердыми приверженцами идеи о перестройке как «упущенной альтернативе» и развале Союза как «трагической ошибке» были, безусловно, сторонники Горбачёва. См., напр., четыре публикации, посвященные двадцатилетию его прихода к власти: Прорыв к свободе. – М., 2005; Перестройка в трансформационном контексте. – М., 2005; Перестройка / Под ред. В.И. Толстых. – М., 2005; Горбачёвские чтения № 3. – М., 2005. Что касается мнения самого Горбачёва, см. его работы: Понять перестройку… – М., 2006. С. 365–379; *Гор-*

бачёв М.С., Славин Б.Ф. Неоконченная история. 2-е изд. – М., 2005 и двухтомные мемуары «Жизнь и реформы». – М., 1995.

247. *Colton and McFaul* in PPC. July–Aug. 2003. P. 20.

248. *Третьяков Виталий* // РГ. 2003. 19 ноября, а также *Buzgalin A.* in JRL, Feb. 2, 2002.

249. *Cooper Ann* (исполнительный директор Комитета защиты журналистов) in MT, July 7, 2005. См. также мнение Евгении Альбац, приведенное в материале *Yabloka Oksana* in MT, June 7, 2006. На то, что «журналистика стала опасным делом», сетовала и дочь Горбачёва (цит. по *White Gregory* in WSJ, Dec. 1–2, 2007).

250. К такому выводу пришли позднее те, кто принимал участие в избирательных кампаниях 1989 и 1990 гг. См., напр., *Ярошинская Алла, Вишневский Борис* // Новая. 2004. 25–28 марта; 2005. 21–23 марта.

251. См. *Выжутович Валерий* // Известия. 1994. 4 мая; *Любарский Конрад, Собянин Александр* // НВ. 1995. № 15. С. 6–12; *Shevtsova.* Yeltsin's Russia. P. 96–97.

252. *Fish M. Steven* in Demokratizatsiya. Spring 2005. P. 248; *Колесниченко Александр* // НИ. 2006. 13 ноября. См. также *Kagarlitsky Boris.* Square Wheels. – New York, 1994. P. 5, 16; *Явлинский Григорий* // Итоги. 2004. 20 марта; *Фурман Дмитрий* // НГ. 2008. 3 марта.

253. По поводу неохотного согласия Горбачёва см. *Steele Jonathan.* Eternal Russia. – Cambridge, Mass., 1994. P. 261. Странно, что при этом Стил пришел к выводу, что Горбачёв «только на словах поддержал идею парламента» (P. 256). Опубликованные материалы заседаний высшего советского законодательного органа 1989–1991 гг. служат ярким напоминанием об уникальном и неповторимом моменте в политической истории России.

254. *Kryshtanovskaya Olga and White Stephen* in PSA, Oct.–Dec. 2003. P. 289–306. См. также ссылку на Крыштановскую в *Ostovsky Arkady* in FT, Feb. 24, 2003. Полное и подробное исследование на эту тему см. *Крыштановская Ольга.* Анатомия российской элиты. – М., 2005.

255. *Яковлев* // НВ. 2004. № 32. С. 21. Более обстоятельный анализ состояния гражданского общества во время и после перестройки см. Горбачёвские чтения № 5. – М., 2007.

256. *Weiler Jonathan.* Human Rights in Russia. Boulder, Colo., 2004. P. 2. В 2005 г. ведущий российский правозащитник Сергей Ковалев назвал ситуацию с правами человека в России «просто катастрофической» (Радио «Эхо Москвы». 2005. 22 сентября). Ранней стадии этого процесса, начавшегося после Горбачёва, посвящены несколько статей из сборника Saivetz Carol and Jones Anthony, eds. In Search of Pluralism. – Boulder, Colo., 1994.

257. *Пияшева Лариса* // Правда. 1995. 21 апреля; *Шевцова Лилия* // Многая лета: Михаилу Горбачёву – 70 / Под ред. В. Толстых. – М., 2001. С. 453; *Попов Гавриил.* Снова в оппозиции. – М., 1994. С. 81.

258. Слова Михаила Ходорковского цит. по: *Корниа Анастасия* // НГ. 2005. 12 сентября. Продолжение этого афоризма звучит так: «А тот, кто думает, что он может быть восстановлен, не имеет головы». Существуют и более жесткие варианты: «О распаде СССР сожалеют все, кроме, может быть, либералов и других членов "пятой колонны". Умные люди не могут по-другому» (*Ивашов Л.Г.* // СР. 2006. 7 декабря).

259. *Галкин Александр* // Прорыв. С. 86. По поводу не сторонников Горбачёва см.: *Фурман Дмитрий* // СМ. 2003. № 11. С. 9–30; *он же.* Наша странная революция. – М., 1998. Ч. 1; *Бурлацкий Федор* // НГ. 2001. 2 марта; *Shevtsova.* Yeltsin's Russia. P. 14–15; *Кагарлицкий Борис* // СМ. 2002. № 1. С. 122; *Buzgalin A.* in JRL, Jan. 21, 2000. С другой стороны, тем из русских, кто был непосредственно причастен к отмене советского государства и к последовавшему затем ельцинскому режиму, мешала переосмыслить случившееся политическая ангажированность. См., напр.: Эпоха Ельцина / Под ред. Батурина и др., а также двух последних авторов в книге Ostrow Joel, Saratov Georgiy and Khakamada Irina, eds. The Consolidation of Dictatorship in Russia. – Westport, Conn., 2007.

И это касалось не только граждан России: *Shleifer Andrei.* A Normal Country. – Cambridge, Mass., 2005. Разумеется, были среди русских интеллектуалов и те, кто считал, что альтернативы перестройке не было. См., напр.: *Согрин В.В.* // ОНС. 2002. № 4. С. 95–100, а также ряд статей в сборнике Эпоха Ельцина / Под ред. Батурина и др.

260. См. последовательно: *Zuckerman Mortimer* in US News and World Report, Feb. 26, 2007; *Sestanovich Stephen* in WP, March 3, 2005; WP editorial, Dec. 11, 2007; NYT editorial, Sept. 14, 2004; *McFaul Michael* in WS, Nov. 17, 2003. Газета «Нью-Йорк таймс» даже инициировала серию статей, посвящённых «путинской контрреволюции» (nytimes.com/ world). См. также: WP editorial, Nov. 16, 2003, Feb. 8, 2007; *Hiatt Fred* in WP, Sept. 20, 2004; Knight Amy in TLS, May 28, 2004. P. 7; *McFaul* in WP Book World, Feb. 6, 2005. P. 8; *Baker Peter and Glasser Susan.* Kremlin Rising. – New York, 2005; *Colton and McFaul* in PPC, July–Aug. 3. 2003. P. 12; *McFaul, Petrov and Ryabov.* Between Dictatorship, esp. 2; *McFaul* in The Wilson Quarterly, Spring 2000. P. 42; *Aron.* Yeltsin; *Ellison.* Boris Yeltsin; *Colton.* Yeltsin.

261. См., напр.: *Hill Fiona* in JRL, Nov. 28, 2003; выше, прим. 260; *Reddaway and Glinski.* Tragedy; *Daniels* in The Nation, Oct. 20, 2008. P. 30–36; *Shevtsova.* Yeltsin's Russia. По поводу «отката» см. среди прочих *Pan Philip* in WP, Sept. 21, 2008.

262. *Aslund Anders.* How Russia Became a Market Economy. – Washington, D. C., 1995. P. 2. Среди очень немногих *Reddaway and Glinski.* Tragedy; *Brown.* Seven Years; *Daniels.* Rise and Fall, part 4; *Nelson Lynn and Kuzes Irina.* Property to the People. – Armonk, N. Y., 1994. P. 30–32, а также, возможно, единственный из американских журналистов – *Pfaff William* in IHT, Sept. 24, 1999. Как напоминают Реддавей и Глинский (Tragedy. P. 2), большинство западных комментаторов «были в восторге» от распада советского государства. Один американский политолог, правда, призывал опасаться тех, кто готов «простить коммунистического лидера, который думал, что [демократизация] могла быть возможна» (*Dawisha Karen* in APSR, June 1999. P. 476).

263. См., напр., *Service Robert.* Russia. Cambridge, Mass., 2003. P. 4–5 and chap. 22.

264. См., напр.: *Bunce Valerie* in PSA, Oct-Dec. 1998. P. 324–325, 348; *Hahn Gordon and Connor Walter* in Demokratizatsiya, Spring 2005. P. 166, 189; *Kotz David and Weir Fred.* Revolution From Above. – New York, 1997. P. 6–7. По поводу российских опровержений этого «мифа» см. *Брутенц Карен* СМ. 2005. № 1. С. 174; *Кувалдин Виктор* // 10 лет без СССР / Под ред. О. Здравомысловой. – М., 2002. С. 110; *Ryurikov Dmitriy.* Russia Survives. – Washington, D. C., 1999. P. 15–18; *Павлов Игнат* // СМ. 2006. № 7–8. С. 223.

265. Фраза принадлежит русскому консервативному мыслителю XIX века М.Н. Каткову, которого цитирует *Александров Кирилл* // НВ. 2005. № 27. С. 8, а также *Карпычев Анатолий* // Правда. 1992. 25 января.

266. Даже один из бывших ельцинских пресс-секретарей и спустя почти пятнадцать лет писал: «Мы никак не можем понять, что же для нас значил распад СССР» (*Костиков Вячеслав* // АиФ. 2005. 9 ноября).

267. *Барсенков А.С., Вдовин А.И.* История России, 1938–2002. – М., 2003. С. 382–393. По поводу иностранного корреспондента см. *Lloyd John* in NR, Jan. 6 and 13, 1992. P. 18.

268. См., напр.: Shevtsova Lilia in de Tinguy Anne, ed. The Fall of the Soviet Empire. – Boulder, Colo., 1997. P. 86; *Buzgalin A.* in JRL, Feb. 2, 2002; *Фурман Дмитрий* // СМ. 2003. № 11. С. 9–30; *Ryurikov.* Russia. P. 15–20; *Панарин Александр* // ЛГ. 2002. 20 февраля, а также *Путин В.В.* // kremlin.ru. 2005. 2 сентября. По поводу мнения о «революции сверху», имевшей место в России в 1991 г., но без исторических параллелей со сталинской, см. *Kotz and Weir.* Revolution; *Hahn Gordon.* Russia's Revolution from Above. – New Brunswick, N. J., 2002. В качестве примера, содержащего подобную аналогию, см. *Данилов В.П.* // Куда идёт Россия? / Под ред. Т.И. Заславской и Л.А. Арутюнян. Т. 1. – М., 1994. С. 125–126.

269. См. *Cohen Stephen.* Soviet Fates, chap. 5, n. 100; *Wishnevsky Julia* in Report, Nov. 13, 1992. P. 22.

270. См., напр.: *Ципко Александр* // КП. 1991. 7 ноября; *Он же* // ВА. 2008. № 3. С. 29; *Burlatsky* in WP, Nov. 10, 1991; *Собчак Анатолий* // ЛГ. 1992. 15 января; *Петровский Виктор* // НГ. 1993. 26 февраля; *Фурман.* Наша странная революция. С. 73–74; *Чешко С.В.* // Трагедия великой державы / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М. 2005. С. 466; *Reddaway and Glinsky.* Tragedy (подзаголовок этой книги звучит как «Рыночный большевизм против демократии»), а также *Nelson and Kuzes.* Radical Reform. P. 12–16. По некоторым оценкам, в России существует «почти всеобщее убеждение», что идеология постсоветского ельцинизма была «вывернутой наизнанку идеологией советского коммунизма». *Kagarlitsky Boris.* Russia Under Yeltsin and Putin. – London, 2002. P. 55.

271. По поводу сходного мнения см. Hellman Joel in Kuchins Andrew, ed. Russia After the Fall. – Washington, D. C., 2002. P. 96; или, еще раньше, *Липицкий Василий* // НГ. 1993. 12 августа.

272. *Фурман Дмитрий* // СМ. 2003. № 11. С. 12. Даже известная своей умеренностью в оценках сторонница демократических реформ назвала Беловежье «просто актом государственной измены». *Zaslavskaya Tatyana* in Demokratizatsiya, Spring 2005. P. 299.

273. *Шмелев Николай* // Труд. 2005. 13 апреля. О масштабах бедности велись споры. Вслед за официальной российской статистикой, многие западные комментаторы полагали, что она затронула менее двадцати процентов населения. Николай Шмелев, серьезный и уважаемый экономист умеренных взглядов, приводит цифру «семьдесят-восемьдесят процентов», которая, скорее всего, была более точной. По поводу падения производства см. *Ryurikov.* Russia. P. 19.

274. *Афанасьев Юрий* // СМ. 2004. № 11. С. 3. См. также *Петраков Николай.* Экономическая «Санта-Барбара». – М., 2000. С. 223; *Третьяков Виталий* // НГ. 1999. 18 декабря; *Он же* // Новая. 2005. 8–10 сентября.

275. По поводу первого эпизода см. *Харченко К.В.* Власть – имущество – человек. – М., 2000; по поводу второго – Трагедия советской деревни / Под ред. В. Данилова и др. В 5 тт. – М., 1999.

276. *Ципко Александр* // ЛГ. 2001. 23 мая.

277. *Либман Александр* // СМ. 2005. № 9. С. 54. См. также: *Панарин Александр* // ЛГ. 2002. 20 февраля; *Каспаров Гарри* // Новая. 2008. 15 декабря; Hellman in Kuchins, ed. Russia. P. 106. По поводу «нисходящего вектора» желаний номенклатуры см. *Reddaway and Glinski.* Tragedy. P. 34, 268, 319.

278. Подробнее об этих событиях см. *Cohen Stephen.* Failed Crusade. P. 135–141, 158–177; *Yeltsin Boris.* Midnight Diaries. – New York, 2000. P. 232–234.

279. Подробнее об этом см. *Cohen Stephen.* Failed Crusade. Part 2.

280. *Zaslavskaya* in Demokratizatsia, Spring 2005. P. 312 (правда, она использует более приличный вариант перевода на англ. яз.). По поводу «оффшорной» элиты см. *Сурков В.Ю.* Основные тенденции и перспективы развития современной России. – М., 2007. С. 32. Кремлевский идеолог Сурков использует это выражение в собственных целях, но в целом правомерно, добавляя, что эта элита не видит будущего или будущего своих детей в России. По поводу упомянутого опроса см. ВН. 2005. 24 августа, а также НГ. 2005. 16 августа.

281. *Ципко Александр* // ЛГ. 2006. 20 декабря.

282. См., напр., *Billington James.* Russia Transformed. – New York, 1992; *Malia.* Soviet Tragedy. По поводу упорства заблуждений и мотивов, лежащих в основе этой политики, см. *Cohen.* Failed Crusade.

283. *Зиновьев Александр* // Завтра. 1993. № 2. По поводу «ликования» см. *Reddaway and Glinski.* Tragedy. P. 2.

284. См. *Friedman Thomas* in NYT, Aug. 2, 2006; *Malia.* Soviet Tragedy. P. 485, 487, and in PC, Jan.–April 1992. P. 93; *Carrere d'Encause Helene.* The End of the Soviet Empire. – New York, 1993. P. 219, 230 (а также *Billington.* Russia); *Bukovsky* in NR, Jan. 6 and 13, 1992. P. 44; *Aron Leon* in Commentary, December 2006. P. 20; *Service.* Russia. P. 338; *Poe Marshall.* The Russian Moment in World History. – Princeton, N. J., 2003. P. 89. Не менее

критически относится к этому мифу и *Hahn Gordon* in Demokratizatsia, Spring 2005. P. 167, а также *Reddaway and Glinski.* Tragedy. Таким же большим мифом было утверждение, что распад Союза освободил «реформаторов из республик» от власти «реакционеров из Центра» (*Szporluk Roman* in NYT, Jan. 23, 1991). На деле, освободившись из-под влияния московских реформаторов, реакционеры захватили контроль над властью и собственностью во многих республиках.

285. См. об этом *Reddaway and Glinski.* Tragedy. Chap. 5–6; *Delvin Judith.* The Rise of the Russian Democrats. – Brookfield, Vt., 1995. Chap. 8. По поводу цитаты см. *Гайдар Егор.* Государство и эволюция. – М., 1995. С. 135.

286. Век XX и мир. 1990. № 6. С. 15–19. Датированный 30 марта 1990 года, этот малоизвестный документ был разработан группой под руководством А. Чубайса, позже сыгравшего в приватизационной кампании Ельцина роль главного практикующего шокотерапевта (см. *Гельман В.Я.* // ОНС. 1997. № 4. С. 66–67; *Вишневский Борис* // НГ. 1998. 14 февраля). Он родился из более широкой дискуссии, начатой в 1989 г., вокруг режима «железной руки» и его необходимости для периода советской трансформации. Очень может быть, что эти интеллектуалы-антимарксисты изначально были «больше заинтересованы в свободном рынке, чем в демократии» (*Reddaway and Glinski.* Tragedy. P. 59), однако, оказавшись у власти, не занимались ни тем, ни другим.

287. *Shatalin Stanislav* in FBIS, March 27, 1991. P. 29. См. также *Adamovich Ales* in FBIS, Nov. 27, 1992; *Клишина Светлана* // Известия. 1992. 17 апреля. По поводу предыдущей цитаты см. О стратегии российского развития / Под ред. В. Толстых. – М., 2003. С. 198; см. также *Гельман* // ОНС. 1997. № 4. С. 66–67. В качестве примеров ранних предупреждений о судьбе избранных советов см. *Diligensky German* in NT, no. 51, 1991. P. 16–17; *Ворожейкина Татьяна* // Век XX и мир. 1992. № 1. С. 25–30. Движимая борьбой за передел собственности кампания вокруг Московского Совета тогда уже набирала обороты. См. *Kagarlitsky.* Square Wheels. По поводу России и «варианта Пиночета» в международном контексте см. *Klein Naomi.* The Shock Doctrine. – New York, 2007. Chap. 11–12.

288. *Борова Наталья* // ЛГ. 2007. 11–17 июля. Похожую, хотя и менее жесткую оценку см. *Delvin.* The Rise. P. 258.

289. По поводу тоски по российскому Пиночету см. *Работяжев Николай* // НГ. 2000. 23 сентября. См. также: *Найшуль Виталий* // ЛГ. 1995. 30 ноября – 6 декабря; *Вишневский Борис* об Альфреде Кохе // Новая. 2002. 28 февраля – 3 марта; *Рябов Андрей* о Гайдаре // Новая. 2006. 16–19 февраля; *Lyakhovich Oleg* in Moscow News, Dec 15–21, 2006; *Spector Michael* (со ссылкой на Хакамаду) in NYT Magazine, Jan. 29, 2007. P. 57. По поводу русской критики роли «либералов» в процессе де-демократизации см. прим. 39. Даже некоторые поклонники Чубайса признают, что он не был заинтересован в демократии. См., напр., *Радзиховский Леонид* // РГ. 2005. 31 мая; *Бергер М., Проскурина О.* Крест Чубайса. – М., 2008. Кое-кто из поддержавших Ельцина интеллектуалов позже сожалел об антидемократических последствиях его преобразований. См., напр., *Ясин Евгений* // МН. 2003. 11 ноября; *Киселев Евгений* // Новая. 2008. 6–8 октября. Пример вызывающе-легковесного и оскорбительного самооправдания в отношении роли, сыгранной чубайсовской командой, см. *Kokh Alfred and Svinarenko Igor.* A Crate of Vodka. – New York, 2009.

290. По поводу этого печального эпизода см. *Cohen.* Failed Crusade.

291. По поводу цитат после слова «либералов» см. последовательно: *Геворкян Наталья* // Либералы о народе. – М., 2006. С. 43; *Sinyavsky Andrei* (со ссылкой на Юрия Карякина). The Russian Intelligentsia. – New York, 1997. P. 20; *Фурман Дмитрий* // ОГ. 2001. 12–18 июля; *Erofeev Viktor* in NYT, Feb. 29, 2008; *Shlapentokh Vladimir* (со ссылкой на Альфреда Коха) in EAS, Nov. 1999. P. 1168. См. также: *Старовойтова Галина* // НГ. 1991. 30 июля; открытое письмо представителей интеллигенции Путину // Известия. 2000. 5 декабря; СР. 2002. 2 февраля (ссылка на Коха); *Kokh and Svinarenko.* Crate; *Троицкий Артемий* // Новая. 2003. 24–26 ноября; *Gryaznevich Vladimir* in St. Petersburg

Times, Feb.7, 2006; *Kovalev Sergei* in NYRB, Nov. 22, 2007. «Либералы о народе» содержит пронизанную ненавистью, но представительную подборку высказываний подобного рода, а книга Синявского о русской интеллигенции – протест против них (см. особенно С. 16, 20–21, 31).

292. *Коробов С.А.* // СР. 2006. 19 августа. По поводу мнения о том, что у «шоковой терапии» в 1992 г. были постсоветские альтернативы, см. *Кива Алексей* // СМ. 2007. № 2. С. 64–65; *Белоцерковский Вадим* // там же. № 12. С. 54–55.

293. *Шевцова Л.* // Многая лета. С. 453.

294. Речь Горбачёва на церемонии вручения ему Премии свободы (Liberty Award) 2008 года, присуждаемой Американским национальным центром конституции (American National Constitution Center), 19 сентября 2008 г. (на веб-сайте Центра). Более полно см. *Горбачёв.* Жизнь и реформы. Т. 2. По поводу историков и участников см. прим. 75.

295. *Bilefsky Dan and Schwirtz Michael* in NYT, Sept. 8, 2008. См. также результаты опроса русских граждан (Новая. 2008. 11–13 августа); мнение осетина (*Kramer Andrew and Barry Ellen* in NYT, Sept. 11, 2008); русских (*Schwirtz* in NYT, Sept. 30, 2008); грузина (*Barry* in NYT, Oct. 10, 2008). См. также *Трифонов В.* // СР. 2008. 20 сентября, который пишет, что в Южной Осетии «Америка воевала с Россией». Генри Киссинджер и Джордж Шульц были обеспокоены тем, что война «будет воспринята как метафора более крупного конфликта» (WP, Oct. 8, 2008). И небезосновательно. См., напр., *Богатуров Алексей, Фененко Алексей* // СМ. 2008. № 11, которые, с российской точки зрения, рассматривают войну как водораздел в российско-американских отношениях. По поводу анализа и подоплеки событий см. *Friedman George* in NYRB, Sept. 25, 2008. P. 24–26.

296. По поводу «застала врасплох» см., напр., отчет американского Института Центральной Азии и Кавказа (JRL, Aug. 31, 2008) и свидетельство американского офицера, отвечавшего за грузинские дела, на которого ссылаются *Cooper Helene and Shanker Thorn* in NYT, Aug. 13, 2008. О войне, которая стала «ударом», «встряхнувшим» администрацию Буша, см. *Sestanovich Stephen* in FA, Nov.–Dec. 2008. P. 12, а также репортаж *Myers Stephen and Shanker Thorn* in NYT, Aug. 15, 2008.

297. *Rice Condoleezza* in JRL, Jan. 24, 2008; *Ignatius David* in WP, Sept. 4, 2008. Также см. *McFaul Michael* in JRL, Sept. 9, 2008; *Burns William* (посол США в России) in JRL, Nov. 12, 2007; *Bolton John* in WP, Oct. 20, 2008; *Asmus Ronald and Hollbrooke Richard* in WP, Aug. 11, 2008; *Gates Robert* in JRL, Oct. 24, 2007; WS editorial, Aug. 25, 2008. P. 7; *Kagan Robert* in NR, April 23, 2008. P. 44.

298. По поводу последнего утверждения см., напр., *Bryza Matthew* (зам. госсекретаря США) in JRL, Sept. 24, 2008; по поводу идеологии см. *Nichols Tom.* National Review Online, Dec. 8, 2008; а по поводу всех объяснений в целом см. *Baev Pavel* in AAASS Newsnet, Oct. 2007. P. 1. Подобные аргументы то и дело звучат в официальных заявлениях и в печати, но в качестве серьезного обоснования этой позиции см. *Brown.* Seven Years. P. 240–241.

299. *Kagan Robert* in WP, May 2, 2008; его поддержал *Kotkin Stephen* in NYT, July 6, 2008. В 2003 году посол США в Москве сетовал, что «расхождение в ценностях» является главным препятствием в отношениях двух стран (на эти слова посла ссылался *Sestanovich Stephen* in FA, Nov. – Dec. 2008. P. 12, однако здесь я цитирую *Asmus Ronald* in WP, Dec. 13, 2008). По поводу идеологов с американской стороны см., напр., *Kagan Robert.* The Return of History and the End of Dreams. – New York, 2008; *Sestanovich* in FA, Nov.–Dec. 2008. P. 12–28; *McFaul* in JRL, Sept. 9, 2008; *Council of Foreign Relations.* Russia's Wrong Direction. Task Force Report No. 57. – New York, 2006; отчеты о связанных с Россией многочисленных мероприятиях Американского института предпринимательства (American Enterprise Institute), напр., опубликованный в JRL, Oct. 15, 2008; а в качестве англо-американского примера – *Lucas Edward.* The New Cold War. – New York, 2008. По поводу обвинений путинской России в «фашизме» и проведении аналогий с

нацистской Германией см. *Wieseltier Leon* in NR, Feb. 27, 2008. P. 48; *Pipes Richard* in FT, July 22, 2008; *Brzezinski Zbigniew* at huffingtonpost. com, Aug. 8, 2008; WP editorial, Sept. 2, 2008.

300. См. *Friedman* in NYRB, Sept. 25, 2008. P. 24–26.

301. *Myers Steven* in NYT, Aug. 16, 2008, а по поводу предыдущей цитаты см. NYT editorial, Aug. 27, 2008.

302. Почти сразу же в 1985 г., например, Горбачёв неофициально отказался от «брежневской доктрины», дававшей Кремлю право определять внутреннюю и внешнюю политику восточноевропейских соцстран, и дал ясно понять, что намерен покончить с советской оккупацией Афганистана. См. *Brown.* Seven Years. P. 242–243.

303. Об истории «нового мышления» см. *English Robert.* Russia and the Idea of the West. – New York, 2000; о том, как оно работало, см. *Brown.* Seven Years, chap. 9; а в качестве примеров взгляда изнутри на новую политику см. *Chernyaev Anatoly.* My Six Years with Gorbachev. – University Park, PA, 2000; *Grachev Andrei.* Gorbachev's Gamble. – Malden, Mass., 2008; *Matlock Jack, Jr.* Reagan and Gorbachev. – New York, 2004.

304. Цит. по *Graebner Norman, Burns Richard and Siracuza Joseph.* Reagan, Bush, Gorbachev. – Westport, Conn., 2008. P. 142. См. также *Matlock.* Reagan and Gorbachev. P. xiv, а по поводу «другой эпохи» – P. 302.

305. Слова Буша цит. по: Graebner et al. Reagan. P. 130. О встрече на Мальте, «символизирующей конец … мира холодной войны», см. *Garthoff Raymond.* The Great Transition. – Washington, D. C., 1994. P. 404–408.

306. См., напр., Graebner et al. Reagan; *Matlock.* Reagan and Gorbachev; *Grachev.* Gorbachev's Gamble; *Brown.* Seven Years, chap. 9; Skinner Kiron, ed. Turning Points in Ending the Cold War. Stanford, Calif., 2008; Wohlforth William, ed. Witnesses to the End of the Cold War. – Baltimore, Md., 1996; *Combs Dick.* Inside the Soviet Alternate Universe. – University Park, Penn., 2008, chap. 9–10.

307. *Bush George and Scowcroft Brent.* A World Transformed. – New York, 1998. P. xiv; *Zelikow Philip and Rise Condoleezza.* Germany United and Europe Transformed. – Cambridge, Mass., 1995. P. 363. Рейган соглашался: «Я думаю, победили обе стороны» (*Matlock Jr.* in *Desai.* Conversations on Russia. P. 331). То же думал и генеральный секретарь НАТО: «Здесь нет побежденных, только победители» (цит. по *Lewin Flora* in NYT, July 21, 1990).

308. Позже в том же году, на съезде Республиканской партии, Патрик Бьюкенен (*Patrick J.* Buchanan), один из соперников Буша по выдвижению в кандидаты, поставил в заслугу, в первую очередь, Рейгану и, во вторую, Бушу «политику, позволившую выиграть холодную войну». Республиканский кандидат 2008 г. сенатор Джон Маккейн (McCain) был не менее категоричен: «Рональд Рейган выиграл холодную войну» (цит. по *Cooper Michael* in NYT, Feb. 24, 2008). Контуры этого пересмотренного взгляда Буш задал в декабре 1991 г., заявив, что конец Советского Союза – это «победа с точки зрения морального торжества наших ценностей» (стенограмма его речи 25 декабря, опубл. в NYT, Dec. 26, 1991). По поводу реакции Москвы см. *Степин Вячеслав* // Перестройка / Под ред. В. Толстых. С. 69.

309. NYT, Oct. 28, 2002.

310. McFaul in Skinner, ed. Turning Points, chap. 7; *Goldgeier James and McFaul Michael.* Power and Purpose. – Washington, D. C., 2003, где говорится, что ликвидация Ельциным Советского Союза привела к «мгновенному исчезновению холодной войны» (P. 1). В качестве примера более глубокой, но столь же триумфалистской оценки см. *Gaddis John.* The Cold War: A New History. – New York, 2005. Прочитав эту книгу, рецензент констатировал: «Советского Союза не стало. Холодная война окончилась» (*Grimes William* in NYT, Dec. 18, 2005).

311. *Judt Tony* (со ссылкой на Дэвида Кота (Caute) в рецензии на книгу Гаддиса о холодной войне) in NYRB, March 23, 2006. P. 11–12, 15.

Раздел III
Российско-американские отношения от первой холодной войны до второй: есть ли альтернатива?

Провал крестового похода

В примечаниях, дающихся к нескольким цитатам, источники приводятся в порядке цитирования, если не указано иное. Ряд популярных изданий, как американских, так и русских, обозначен инициалами:

JRL *Johnson's Russia List (e-mail)*
LAT *Los Angeles Times*
NYT *New York Times*
НГ Независимая газета
RFE/RL Radio Free Europe/Radio Liberty
WSJ *Wall Street Journal*
WP *Washington Post*
AP Associated Press
ОГ Общая газета
MT Moscow Times
СР Советская Россия
МН Московские новости
ЛГ Литературная газета

Крестовый поход во имя «России, которая нам нужна»

2. О дискуссии см: Alexander Dallin in *Robert O.* Crummey, ed., *Reform in Russia and the USSR.* (Urbana, 1989). P. 248–49; *David S.* Foglesong, «Roots of "Liberation''», *The International History Review*, March 1999. P. 57–79. В других работах Foglesong относит истоки нынешнего крестового похода к деятельности американских миссионеров в царской России в XIX в. См. *Religion, State & Society,* № 4, 1997. P. 353–68.

3. «After the Soviet Union: Implications for U.S. Policy» (The Eighty-first American Assembly, April 25–26, 1992). P. 9; предложение *Robert D.* Blackwill было подытожено Joseph Fitchett в: *International Herald Tribune,* June 22, 1992. Также см. предложение George Soros в: *Open Society: Chronicle of the Soros Foundations,* April 1992. P. 5; WP editorial, Oct. 27, 1992; *William G.* Hyland in *Foreign Affairs,* no i, 1992. P. 48

4. Elaine Sciolino в *NYT,* Feb. 4, 1995. По поводу официальной точки зрения см. интервью Thomas Graham в документальном фильме «Return of the Czar,» *PBS*, May 9, 2000. Похоже, что ни официальные лица, ни Sciolino не сочли странным, что подобные решения, затрагивающие наиболее важные политические и экономические вопросы, стоявшие тогда перед Россией, обсуждаются американским правительством.

5. Steven Erlanger, Ibid, July 28, 1995. Как выразился позднее один критик, «Россия играла роль беспомощного ребенка, а Запад – всемогущего взрослого», – *Lawrence R.* Klein and Marshall Power, eds., *The New Russia: Transition Gone Awry* (Stanford, 2000). P. 7.

6. Цит. по: Daniel Williams, *WP,* March 15, 1995. Месяц спустя президент Клинтон выразился ещё понятнее: «У нас есть интересы и ценности. Они воплощены в политике и руководстве президента Ельцина». Ibid., April 5, 1995. Примерно в то же время один из главных вдохновителей крестового похода официально заявил: «Президент Ельцин – это воплощение реформ в России». Strobe Talbott цитируется Michael Dobbs и Paul Blustein, ibid., Sept. 12, 1999.

7. *Robert E.* Rubin в: *NYT,* Sept. 21, 1999. См. также Michel Camdessus в «*Московских новостях*». 1999, 15–21 декабря. По поводу «диктата» см. отчет *David E.* Sanger`s

о МВФ в *NYT,* Nov. 10, 1999. Ещё до клинтоновской администрации американские миссионеры уже приписали МВФ ведущую организационную роль в крестовом походе, поскольку он является «единственной в мире организацией, которая имеет относительно ясное представление о том, как России реформировать её экономику наиболее эффективно», – Jeffrey Sachs в *New Republic,* Dec. 21, 1992. P. 25.

8. Американские журналисты – приверженцы профессора Гарвардского университета Jeffrey Sachs, который называет себя «экономическим советником российского правительства» и который сыграл особенно большую роль в формировании американских представлений о России, назвали его «просвещенным миссионером» и «евангелистом». – См. *Francis X.* Cline в *NYT,* Jan. 16, 1992; и Peter Passell в *NYT Magazine,* June 27, 1995. P. 60. Рецензент биографии Ельцина, написанной Leon Aron, охарактеризовал эту биографию, как «почти евангелическую». – см.: John Thornhill в *Financial Times,* Feb. 15, 2000. Также см.: Joseph Stiglitz, *Whither Reform?* (Washington, D. C.: World Bank, 1999). P. 22. Как сардонически заметил один знающий репортер, стремление «давать советы» началось значительно раньше. – См. James Risen в *LAT,* Sept. 5, 1991.

9. В качестве примера того, насколько навязчивой стала эта опека, см. похищенное письмо, написанное заместителем секретаря американского казначейства *Lawrence H.* Summers Анатолию Чубайсу, первому заместителю премьер-министра. – «*НГ*» 1997, 26 сентября. См. также: *Janine R.* Wedel, *Collision and Collusion* (New York, 1998).

10. Zbigniew Brzezinski в *Foreign Affairs,* Fall 1992. P. 55. Цитата приводится по версии письма, опубликованной в Москве в *New Times,* no. 25, 1995. P. 26.

11. Thomas Pickering цитируется в релизе USIA, в *JRL,* Nov. 18, 1996; E. Wayne Merry в *WSJ,* Sept. 8, 1999; John Lloyd цитирует Srobe Talbott в *NYT Magazine,* Aug. 15, 1999. P. 64.

12. Scott Horton в *Harriman Review,* Dec. 1998. P. 50; Soros в *Open Society,* June 1992. P. 5.

13. По поводу мнения бизнесмена см Paul Tatum (двумя годами позже убитый в Москве), в *NYT,* Nov. 4, 1996. Также см. письмо от российского советника по инвестициям в *NYT* (Sept. 7, 1995), которое заканчивается словами: «Страна со 150 млн. населением стоит на пороге грандиозного взрыва экономической активности. Будьте там!» По поводу других цитат см. Matthew Brzezinski в *WP,* Sept. 17, 1999.

14. «Fitch IBCA Comment,» Sept. 8, 1998, March 4, 1999; *Timothy L.* O'Brien on Soros в *NYT,* Dec. 6, 1998; Joseph Kahn и *Timothy L.* O'Brien on Goldman, Sach & Co., ibid., Oct. 18, 1998; O'Brien, ibid., Sept. 5, 1999; O'Brien and Raymond Bonner, ibid., Feb. 17, 2000.

15. «A Test of the News,» опубликованный как приложение к *New Republic,* Aug. 4, 1920. Имеется в виду *NYT.*

16. Jim Hoagland в *WP,* Nov. 6, 1992; Rose Brady, *Kapitalizm* (New Haven, 1999). P. 242–45; *Thomas L.* Friedman в *NYT,* Oct. 24, 1999; Steven Erlanger, ibid., July 28, 1995; David Hoffman в *WP,* Sept. 19, 1999. Также см. *NYT* editorials of Aug. 10, 1999, и Nov. 26, 1991.

17. Ellen Shearer and Frank Starr, «Through a Prism Darkly,» *American Journalism Review,* Sept. 1996. P. 57; Anthony Olcott reviewing Rose Brady's *Kapitalizm* в *WP Book World,* June 27, 1999. P. 6. По поводу более общего обвинения характера освещения российских событий в прессе см.: Matt Bivens and Jonas Bernstein, «The Russia You Never Met», *Demokratizatsiya,* Fall 1998. P. 613–47. По поводу лучших примеров газетной критики см. Mark Ames and Matt Taibbi, *The Exile* (New York, 2000); о примерах незначительных фактических ошибок см. также Alessandra Stanley и Eric Schmitt по поводу Отто Лациса и общественного мнения, а также девальвации рубля, соответственно: *NYT,* March 21, 50, 1997, и Sept. 22, 1999; и Andrew Meier о Сергее Бабурине в *Time,* July 15, 1998. P. 52. О более серьезных аналитических и политических ошибках см. Michael Specter и *Michael R.* Gordon об отношении России к расширению НАТО в *NYT,* Feb. 24, May 2, 28, 1997; the *Newsday* editorial of Aug. 22, 1999 – о «вере русских в рыночную систему» и очень странном случае выпадения ссылки Путина на США из его замеча-

ний, процитированных Jane Perlez в *NYT,* Jan. 17, 2000. См. также ниже прим. 93. Один российский журналист на страницах совместного американо-российского журнала в конце концов раздраженно воскликнул: «Ради Бога, проверяйте факты!» – Masha Gessen в *JRL,* Dec. 11, 1999.

18. David Hoffman on *The NewsHour with Jim Lehrer,* PBS, July 22, 1997.

19. Интервью Леонида Крутакова Matt Taibbi и Mark Ames в *JRL,* Oct. 25, 1999. По поводу «гигантов» см. Lee Hockstader в *WP,* Jan. 1, 1995. О типичных источниках см. Steven Erlanger в *NYT,* April 9, Dec. 4, 1995; Fred Hiatt в *WP,* March 26, 1995, Dec. 10, 1996; David Hoffman, ibid., Dec. 15, 1997; и удивительный список, приведенный John Lloyd в *Rebirth of a Nation* (London, 1998), pp. x, 451. Что касается американских политических деятелей, то, как говорит один информированный источник, здесь «выбирать всегда приходится между черным и белым». Интервью Donald Jensen в документальном фильме «Return of the Czar,» PBS, May 9, 2000. Сторонники американской политики, МВФ и Ельцина предпочитают ссылаться на Jeffrey Sachs, Anders Aslund, Charles Blitzer, and Michael McFaul. Даже когда их имена не упоминались, их имели в виду, говоря о «многих аналитиках», «специалистах», «экспертах», «западных дипломатах» и «высокопоставленных советниках». Характерно, что один корреспондент назвал американского посла в Москве Томаса Пикеринга (*Thomas R.* Pickering), чьи неверные оценки в отношении России широко известны, и вице-президента одной лоббистской инвестиционной организации среди «самых проницательных специалистов по России». См. Fred Hiatt в *WP,* Dec. 10, 1996. С другой стороны, многочисленные оппозиционные политики и экономисты не только не попали в этот список, но и вообще редко цитировались, а иногда и вовсе игнорировались. «Коммунистический лидер Г.М. Зюганов» – Michael Specter даже не знает инициалов человека, о котором пишет в *NYT,* Oct. 18, 1996. Подобная практика не нова. Так, в 1993 г. Александр Руцкой, ельцинский вице-президент, перешедший в оппозицию к нему, сразу перестал быть интересным для американских наблюдателей: «Мистер Руцкой говорит только о коррупции, унижении России как великой державы и необходимости найти некий “третий путь” к постепенному, менее болезненному реформированию» (Steven Erlanger, ibid., April 24, 1993.). Темы и предметы, которые перестали интересовать американцев, продолжают, разумеется, быть чрезвычайно важными для России. Похоже, что американские корреспонденты в Москве редко читают российскую прессу.

20. *NYT* editorial, Dec. 14, 1995. См. также David Hoffman в *WP*, Oct. 1, 1995. В этих описаниях «экстремисты» порой принимают форму сторонников жесткого курса. Несколько ранее *WP* пришел к выводу, что российский политический спектр состоит из «политиков, подобных Ельцину, которые приветствуют прозападную модель развития, и тех, кто хотел бы воскресить авторитарное прошлое». – См.: Michael Dobbs, ibid., Feb. 1, 1992.

21. О Явлинском см. Michael Specter, который с одобрением ссылается на статью Michael McFaul в *NYT*, May 5, 1996; а также *NYT* editorial on May 1, 1996, и сообщение Specter's May 18, 1996. Явлинский чуть раньше заметил, что всякий, кто критикует Ельцина или программу МВФ, уже не считается демократом; еще хорошо, если вас не назовут коммуно-фашистом. – *Известия*, 1995, 12 июля. О «чистых руках» см. Michael Wines о Сергее Степашине в *NYT*, May 15, 1999. Отчет Wines's, опирающийся на однопартийный источник, контрастирует опубликованные в том же номере статьи Celestine Bohlen и Amy Knight. Также см. высокую оценку *Michael R.* Gordon неопытного и, как оказалось, некомпетентного Сергея Кириенко. – Ibid., April 12, 1998. О всеобщих ожиданиях по поводу Кириенко, которым не суждено было сбыться см.: Bivens and Bernstein, «The Russia You Never Met,» P. 657. Американская пресса особенно высоко оценивала так называемые достижения «молодых реформаторов», которые обычно оборачивались на деле провалами и псевдореформами. Показательным примером в этом отношении является Борис Немцов и его деятельность на посту губернатора Нижнего Новгорода, превращенного в витрину реформ. Вообще, утверждение, что все сто-

ронники Ельцина являлись непременными «реформаторами», порождало странные аргументы со стороны американских журналистов. Так, мэр мог быть «демократом» и одновременно «автократическим правителем». Еще один корреспондент поспешил включить в список реформаторов даже финансовых олигархов: «они реформаторы, в том смысле, что они финансировали президентскую кампанию Ельцина против коммунистического соперника… и приветствуют политику перехода страны к свободному рынку и демократии, политику, которая сделала их баснословно богатыми». Еще один журналист считает, что «реформатором» не может быть тот, кто «враждебно настроен к Западу, не признает свободной рыночной конкуренции и американских интересов в России». – См., соответственно: Alessandra Stanley в *NYT*, June 10, 1997; David Hoffman в *WP*, Jan. 10, 1997; и Carroll Bogert в Newsweek, March 21, 1994. P. 51.

22. Vladimir Kvint, *NYT*, Jan. 24, 1995; James Ledbetter в Village Voice, May 28, 1996; *Robert V.* Daniels, Russia's Transformation (Lanham, Md., 1998). P. 195.

23. John Kohan в Time, Dec. 7, 1992; Celestine Bohlen and *Thomas L.* Friedman в *NYT*, April 15, 16, 1999. Также см.: editorial, ibid., June 6, 1999.

24. Bivens and Bernstein, «The Russia You Never Met,» P. 620.

25. *Michael R.* Gordon and Alessandra Stanley в *NYT,* Oct. 17, 1996, Nov. 17, 1997. Также см. David Hoffman в *WP*, Sept. 9, 1997; Paul Quinn-Judge в Time, Dec. 15, 1997; *Carol J.* Williams в *LAT*, March 25, 1998. Газета *NYT* в редакционной статье 19 ноября 1997 г. в конце концов призвала к отстранению Чубайса, но спустя 11 дней уже во всю старалась реабилитировать его как мученика реформ. – См. Alessandra Stanley, ibid., Nov. 30, 1997. Не было ни одной крупной американской газеты, которая выступила бы против его последующего политического возвращения. Похоже, что репутация Чубайса как апологета свободного рынка сумела пережить XX век. См., например, Neela Banerjee, ibid., Feb. 12, 2000; и также Alessandra Stanley, ibid., Jan. 2, 2000.

26. Matt Taibbi and Mark Ames, «*The Joumal's Russia Scandal*,» *The Nation*, Oct. 4, 1999. P. 20.

27. Charles Krauthammer and Jim Hoagland в *WP,* March 19, 1993. Об «омлете» см. также David Remnick on Charlie Rose, *PBS*, Oct. 4, 1993; и the U. S. politician cited in U.S. News and World Report, Nov. 29, 1993. P. 49. Об «одобрямсе» см., например, A.M. Rosenthal, the editorial, and *Leslie H.* Gleb in *NYT*, March 16, 22, 28, April 29, 1993; *George F.* Will в *WP*, March 25, 1993; и editorials в *Chicago Tribune*, May 9, 1993, и New Republic, April 12, 1993. Кровавые события 1993 г. фактически не повлияли на *NYT* (см. editorial, Dec. 6, 1993), *WP* начал беспокоиться (editorial, Oct. 17, 1993) только тогда, когда Ельцин закрыл ряд газет. Никак не прореагировали проельцински настроенные журналисты на появившееся в американской прессе иное мнение. Так 6 из 10 человек, опрошенных по этому поводу, полагали, что США должны остаться в стороне от борьбы между Ельциным и парламентом. Предостережение против подобного см. Valery Chalidze in *Newsday,* March 28, 1993.

28. См., например, Alessandra Stanley in *NYT*, Jan. 19, 1997; Chicago Tribune editorial, May 9, 1998; и Jim Hoagland в *WP*, Dec. 16, 1999. Ельцин всерьез рассматривал возможность использования вооруженной силы в борьбе против парламента, но в американской прессе о подобных планах предпочитали не сообщать. См., например, свидетельства Анатолия Куликова в *НГ*, 1999, 23 июля.

29. См. статью Олега Богомолова в *НГ,* 1994, 8 февраля; и John Morrison, на которого ссылаются Shearer и Starr, «Through a Prism Darkly». P. 39. В качестве примера несоответствия американских репортажей российской действительности см. оптимистический отчет об экономических перспективах России, особенно для иностранных инвесторов, автор которого умудрился увидеть «благотворное» влияние даже в деятельности финансовых пирамид, к тому времени разоривших миллионы российских граждан. Steven Erlanger, *NYT*, Aug. 5, 1994. Может быть поэтому *NYT* никак не могла понять растущей популярности КПРФ. См. *NYT* editorial, May 24, 1996. Об эксплуата-

ции см. статью Ираиды Семеновой и Алексея Подымова в «*Российской газете*», 2000, 24 января.

30. См. Steven Erlanger, прим. 19.

31. Michael Wines, *NYT*, June 29, 2000. Также см. David Hoffman, *WP*, July 7, 2000; *Business week*, April 24, 2000. P. 151 (о «боли»); Paul Hofheinz (назвавший это «превосходной программой»), *WSJ Europe*, July 5, 2000; Chrystia Freeland, «Sale of the Century» (New York, 2000). P. 344. О Германе Грефе см. Sabrina Tavernise, *NYT*, Oct. 25, 2000. О едином подоходном налоге см. *NYT* editorial, May 28, 2000; Daniel Williams, *WP*, Aug. 15, 2000; а по поводу ученых см. Michael McFaul, *Current History*, Oct. 2000. P. 307–08. В отличие от этих американских комментаторов, многие российские демократы выступили против планов усиления «шоковой терапии», указав на ее негативные социально-экономические и политические последствия. См., напр., Надежда Ажгихина и Наталия Римашевская в *НГ*, 2000, 5 августа и 1 сентября; Владимир Золотухин, *ОГ*, 2000, 9–15 ноября.

32. См., например, Steven Erlanger, the editorials, and *Richard W.* Stevenson в *NYT*, Aug. 22, 1994, July 16, Sept. 25, 1995, May 24, 1996; Fred Hiatt, Margaret Shapiro, Michael Dobbs, and the editorial в WP, April 2, July 30, 1995, March 19, 1997; Carol Wiliams in LAT, Dec. 2, 1997; and Steve Liesman в WSJ, Jan. 28, 1998. См. также сноску 1 (Gore).

33. Fred Hiatt в *WP*, July 12, 1998. По поводу Путина см. *НГ*, 1999, 30 декабря и *Известия*, 2000, 25 февраля.

34. Carroll Bogert в *Newsweek*, May 31, 1993. P. 12. О нелюбви к «страшным историям» см. Steve Liesman в *WSJ*, Sept. 26, 1996. О провинции см. Леонид Крутаков, сноска 19.

35. Ann Hulbert в *New Republic*, Oct. 2, 1995. P. 54. О протестах см. сообщения Katrina vanden Heuvel в *The Nation*, Aug. 10–17, 1998. P. 4–6, а также нашу совместную статью «Другая Россия» во второй части этой книги.

36. Fred Hiatt в *WP,* March 9, 1998; Bivens and Bernstein, «*The Russia You Never Met*». P. 631, со ссылкой на *WSJ*. Об одном из «бэби-миллионеров», Владимире Потанине, позже скажут, что он «сделал дураками всех, кто ему поверил.» См. David Hoffman со ссылкой на Eric Kraus, *WP*, Nov.7, 2000. Также см. *Richard W.* Stevenson, *NYT*, Sept. 20, 1995. Энтузиазм Стивенсона по поводу российско-американского инвестора Бориса Йордана особенно показателен в свете появившихся описаний деятельности последнего. См. *Boston Globe*, Oct. 22, 1997. То же можно сказать и о комплиментарном портрете банкира и олигарха Александра Смоленского (David Hoffman, *WP*, Oct. 17, 1997) в свете материала Andrew Higgins, *WSJ*, Oct. 4, 2000.

37. Phipip Taubman в *NYT*, June 21, 1998. В 1996 г. американский посол в Москве, вполедствии занявший второй по значимости пост в госдепартаменте, также указывал на эти признаки прогресса. См. Jonas Bernstein, со ссылкой на *Thomas R.* Pickering, *Moscow Times*, April 8, 2000. Также см. Steven Erlanger and Michael Specter, *NYT*, July 23, Oct. 12, 1995; *Carol J.* Williams в *LAT*, Dec. 24, 1997; *Russian Review* editorial, Jan. 29, 1996, и David Hoffman, *WP*, Sept. 16, 1999 (о жене московского мэра).

38. *Timothy L.* O'Brien цитирует Нодари Симония в *NYT*, Sept. 5, 1999, по поводу того, что он назвал «реальной движущей силой событий». Даже российские демократы охарактеризовали 90-е годы как «великую гражданскую войну из-за собственности.» См. статью Сергея Станкевича в *Новой газете*, 2000, 6 марта и Виталия Третьякова в *НГ*, 1999, 18 декабря.

39. John Donnely, *Boston Globe,* Oct. 6, 1999. О парламенте см. Richard Pipes, *NYT*, March 14, 1993; Michael Scammel, ibid, Aug. 19, 1992. В качестве двух неудачных примеров политического анализа можно привести уверенность Скэммела в том, что Ельцин чувствует себя «обязанным сосуществовать с вице-президентом», и уверенность Пайпса, что проельцинские силы легко выиграют парламентскиие выборы 1993 г. См. Scammel, ibid., Aug. 19, 1992, Pipes, ibid., Oct. 5, 1993. Ельцин чуть позже арестовал своего вице-президента и с треском проиграл парламентские выборы.

40. Например, Збигнев Бжезинский и Маршал Шульман служили в администрации Картера, Ричард Пайпс – в администрации Рейгана, а Ed Hewitt и Кондолиза Райс (Condoleezza Rice) – у Джорджа Буша.

41. О «миссионерах» см. Archie Brown, со ссылкой на Alec Nove, *Post-Soviet Affairs*, no 1, 1999. P. 63; и об «апологетах» см. Peter Reddaway, *WP*, Feb. 22, 1995. Еще один вопрос состоит в том, игнорировали ли «инакомыслящих» или они сами не прилагали достаточных усилий для того, чтобы быть услышанными. По мнению экономиста *James R.* Millar, он и другие противники методов «шоковой терапии» просто не «смогли противостоять», а те немногие, кто мог, оказывались лишены звания «настоящего экономиста.» (Частное письмо от 29 сентября 1999 г.) Так, по поводу состояния российской экономики американские журналисты чаще всего цитировали Anders Aslund, если не считать Jeffrey Sachs в начале 90-х годов. Будучи одно время «советником» ельцинского правительства, Aslund безоговорочно верил в то, что реформы в России – это «история успеха». (См. ниже, прим. 44). В то же время, насколько мне известно, мнение тех ученых, кто так не думал, хотя их работы были более глубокими, почти никогда не учитывалось. Напр., *Lynn D.* Nelson and *Irina Y.* Kuzes, *Radical Reform in Yeltsin's Russia* (Armonk, N. Y., 1995). Весьма характерно, что книга Аслунда получила весьма лестный отзыв в *NYT Book Review* (July 23, 1995), а книга Nelson and Kuzes осталась незамеченной. Это лишь один пример широко распространенной и поныне практики назначения рецензентов на книги о России, исходя из степени оптимизма по поводу ельцинских реформ. См., напр., рецензию Джона Чауна, еще одного советника российского правительства, на три книги по экономике, *Times Literary Supplement,* Jan. 28, 2000. P. 4–5, а также рецензии на книгу Леона Арона о Ельцине (часть III, прим. 116) и рецензию на три критические работы о ельцинской экономике, в т. ч. на эту книгу, Daniel Treisman, *Foreign Affairs*, Nov. – Dec. 2000. P. 146–55.

42. John Edwin Mroz в *Foreign Affairs*, no. 1, 1993. P. 54–55; Dimitri Simes в *WP*, Jan. 19, 1992; *Nicolai N.* Petro в *JRL*, Oct. 1, 1997.

43. Alehander Rahr в RFE/RL Research Report, Aug. 27, 1993. P. 1; Martin Malia в *NYT*, Dec. 12, 1993. Также см. Leon Aron, *Yeltsin* (New York, 2000), особенно pp. 688–738.

44. Об оппонентах Ельцина см. S. Frederick Starr в *Baltimore Sun,* March 26, 1993; Anders Aslund в *NYT*, Dec. 7, 1992; Michael Specter со ссылкой на Michael McFaul, ibid, May 5, 1996; и Stephen Sestanovich, ibid, Dec. 23, 1991. О реформах как «истории успеха» см. Joseph Blasi, ibid, June 30, 1994; Stephen Sestanovich, ibid, Sept. 27, 1994; Anders Aslund в *Foreign Affairs*, Sept. – Oct. 1994. P. 58–71, и его *How Russia Became a Market Economy* (Washington, D. C., 1995); Brigitte Granville, *The Success of Russian Economic Reforms* (London, 1995); Richard Layard and John Parker, *The Coming Russian Boom* (New York, 1996); *Joseph R.* Blasi, Maya Kroumova, and Douglas Kruse, *Kremlin Capitalism* (Ithaca, 1997); а также Daniel Yergin and Thane Gustafson, *Russia 2010* (New York, 1993). Отдельные элементы такого описания можно также найти в: Brady, Kapitalizm, and Thane Gustafson, *Capitalism Russian-Style* (New York, 1999). Оптимизм экономистов разделяют и политологи. См., например: *Nicolai M.* Petro, *The Rebirth of Russian Democracy* (Cambridge, Mass., 1995); John Lowenhardt, *The Reincarnation of Russia* (Durham, NC., 1995); M. Steven Fish, *Democracy From Scratch* (Princeton, 1995); и *Marcia A.* Weigle, *Russia's Liberal Project* (University Park, Pa., 2000).

45. Aslund, *How Russia Became a Market Economy*. P. 198; Michael Mandelbaum в *WP*, March 24, 1993; Martin Malia in *New Republic*, April 19, 1993. P. 18–20; Richard Pipes в *NYT*, March 14, 1993; *Bruce A.* Ackerman, ibid, March 3, 1993. Также см.: Pipes, ibid, Oct. 5, 1993; и Malia, ibid, March 28, Dec. 12, 1993. Позднее этот эпизод попросту опускали. См., например, Michael McFaul, предисловие к мемуарам Егора Гайдара: Yegor Gaidar, Days of Defeat and Victory (Seattle, 2000).

«Холодный мир»? Ноябрь 1992 г.

9. Цитата Elaine Sciolino в *NYT,* Dec. 6, 1994. Русский перевод моей статьи был опубликован в *НГ,* 1992, 12 ноября and впоследствии часто цитировался. По поводу американской прессы см., например, Dimitri Simes в *WP,* July 17, 1994; *Thomas L.* Friedman в *NYT,* April 26, 1995; и Jim Hoagland в *International Herald Tribune,* July 1–2, 1995. Об адаптации одного американского ученого см. Leo Cooper, *Russia and the World* (New York, 1999). P. 5, 169, 171, и chap. 10. О русской прессе см. статьи Александра Гольца в *JRL,* Oct. 22, 1999; Андрея Серова в *Известиях,* 2000, 27 января и Алексея Арбатова в *Комсомольской правде*, 2000, 25 февраля.

Провал американского крестового похода. Февраль 1994 г.

21. См. *Seymour M.* Hersh, «Saddam's Best Friend,» *New Yorker,* April 5, 1999. P. 32, 35–41, среди прочих, основанных на слухах обвинений, было и то, что Примаков получает о Саддама Хусейна деньги. Эти ни на чем не основанные обвинения Hersh имеют хождение и поныне. См. Peter Conradi and Mark Franchetti в *Sunday Times* (UK), May 21, 2000. Также после отставки Примакова *New Yorker* охарактеризовал его как автократического лидера из прошлого. См. David Remnick, ibid, Dec. 20, 1999. P. 33–34. Общее мнение американской прессы по поводу Примакова отражают два типичных заголовка редакционных комментариев: «Остерегайтесь Примакова» и «Примакова в отставку». См., соответственно, William Satire в *NYT,* Sept. 17, 1998; и the *WSJ* editorial of March 12, 1999. Что касается отношения Белого дома к Примакову, то один из его обитателей конфиденциально заметил: «Они его ненавидят». О политической карьере Примакова см. также: Евгений Примаков. *Годы в большой политике*. – М., 1999.

22. См., например, Альфред Кох, которого цитирует Александр Минкин в *Новой газете,* 1998, 2 ноября; и Андрей Козырев в *WSJ Europe»* May 6, 1999. Я слышал подобные утверждения от Анатолия Чубайса во время его визита в Вашингтон и Нью-Йорк в 1999 г. См. также об американских журналистах Safire и *WSJ* editorial в предыдущих примечаниях; о «страшном сне» см. Elaine Sciolino в *NYT,* May 19, 1996; и насчет «игнорирования» см. Eugene Rumer in *JRL,* Jan. 6, 2000.

23. Сразу после назначения Степашин заговорил вполне в преторианском духе: «Вне зависимости от политической ситуации, я никогда не позволю себе оставить или предать президента». Цит. по *MT* editorial of May 20, 1999. После отстранения с поста Ельциным Степашин примкнул к партии Явлинского Яблоко и в декабре 1999 г. был избран в Государственную Думу. Во время президентских выборов 2000 г. он перебежал от Явлинского к Путину.

24. См. статью Евгения Попова в *СР*, 1999, 5 июня; и также Максима Юсина в *Известиях*, 1999, 4 июня.

25. Естественно, это была точка зрения Степашина. На встречах с бизнесменами во время своего визита в США в качестве премьер-министра он заверил их, без всякой связи с возможными результатами выборов: «А теперь я открою вам самую главную тайну, как бывший шеф контрразведки страны: коммунисты в России никогда больше не победят… Они никогда не вернутся. Никто этого не допустит». Цитирую по «*СР*», 1999, 29 июля. См. также более позднее заявление Степашина – «Я не Пиночет, я Степашин». Цит. по Дм. Агроновскому – Там же. 1999, 5 августа. О преторианской теме см. статью Дмитрия Фурмана в *ОГ,* 2000, 10–16 февраля; и см.: Петр Авен, которого цитирует Ian Traylor в *Guardian* (UK), March 31, 2000; см. также статью Евгении Альбац в *Новой газете,* 2000, 5 июня.

26. См. статью Сергея Степашина в *НГ*, 2000, 14 января. О Примакове см. Michael Wines в *NYT,* Jan. 20, 2000.

27. Andrei Piontkovsky в *Russian Journal,* reprinted in *JRL,* Dec. 4, 1999. См. также Pavel Felgenhauer в *Moscow Times,* Nov. 4, 1999; Igor Malashenko в *Newsweek International,* Dec. 20, 1999; и Sergei Kovalev в *New York Review of Book*s, Feb. 10, 2000. P. 4–8.

28. Martin Malia в *WSJ,* March 15, 2000. По поводу заявления администрации и «демократического перехода» см. U. S. officials и Graham Allison, приведенные в части I, прим. 106, 109. По поводу других журналистов и ученых см. там же, прим. 107, 108; и часть III, прим. 116.

29. David Hoffman в *WP,* Jan. 26, 2000. Также см. David Hoffman и Sharon La Franiere, Там же, Jan. 19, 20, 24, 2000; и Celestine Bohlen в *NYT,* Jan. 19, 2000. Ученые тоже ошиблись в своих предсказаниях. См. например: Leon Aron в *Weekly Standard,* Jan. 17, 2000. P. 13–15; и Mark Kramer в *WP,* Jan. 2, 2000.

30. *MT* editorial, Sept. 9, 2000; по поводу несправедливых выборов см. ibid, Dec. 21, 1999; и Вячеслав Никонов в *JRL,* Jan. 9, 2000. Насчет «переворота» и советских выборов см. Часть I, прим. 106. В частной беседе кандидат от КПРФ Г.А. Зюганов утверждал, что, согласно первоначальным подсчетам, он набрал 38–40% голосов, а Путин 43–45% голосов, а вовсе не 29 и 53%. Если это действительно было так, то понадобился бы второй тур выборов. К такому же выводу пришла и *MT.*

31. См. статью Дмитрия Фурмана в *ОГ,* 2000, 15–19 января. О СМИ см. European Institute for the Media report, *JRL,* Dec. 22, 1999; Paul Saunders, ibid., May 2, 2000; and Robert Coalson в *MT,* March 31, 2000. О покорности см. Sergei Aleksyev в *Current Digest of the Post-Soviet Press,* April 26, 2000. P. 6; Natalya Shulyakovskaya в *Moscow Times,* Jan. 18, 2000; и также статью Лилии Шевцовой в *ЛГ*, 2000, 24 мая.

32. Michael Wines в *NYT,* Feb. 27, 2000; Martin Malia в *WSJ,* March 15, 2000; John Lloyd в *NYT Magazine,* March 19, 2000. P. 64. См. также *Jack F.* Matlock Jr. в *NYT,* March 26, 2000; и David Hoffman о войне, которую он считает скорее «рядом просчетов, чем просчитанной уловкой». – *WP,* March 20, 2000.

33. Интервью Elena Bonner Natalia Yefimova в *Moscow Times,* Jan. 22, 2000; Mary Robinson, на которую ссылается Jamie Dettmer в *Washington Times,* Feb. 21, 2000; Peter Bouckaert в *WP,* Feb. 25, 2000; Holly Cartner цитирует Daniel Williams. – Там же, March 31, 2000; Council of Europe cited by AFP в *JRL,* March 13, 2000. См. также Pavel Felgenhauer в *St. Petersburg Times,* Jan. 21, 2000; и Sergei Kovalev в *New York Review of Books,* Feb. 10, 2000. P. 4–8.

34. По поводу подозрений насчет взрывов см. Will Englund в *Baltimore Sun,* Jan. 14, 2000; Maura Reynolds в *LAT,* Jan. 15, 2000; Борис Кагарлицкий в *Новой газете,* 2000, 24–30 января, и Matt Bivens в *Brill's Content,* July/August 2000. P. 124. Раздавались вопросы и о том, кто стоял за чеченским вторжением в Дагестан. См. также и статью Виталия Третьякова в *НГ,* 1999, 12 октября.

35. О примерах подобных обвинений см.: Елена Боннэр, на которую ссылается AFP in *JRL,* Jan. 27, 2000; Александр Минкин процитирован Traynor в *Guardian* (UK), March 24, 2000; Михаил Круглов в *Новой газете,* 2000, 27 марта – 2 апреля; и документ, на который ссылается Michael Wines в *NYT,* May 5, 2000.

36. Равным образом Андропов был выдвинут на пост главы КГБ в 1967 г., для того, чтобы урезать возросшие политические амбиции этого ведомства.

37. Александр Шохин в *НГ*, 2000, 13 января. По поводу страха и презрения к массам см. Глеб Павловский, *Коммерсант – Власть,* 2000, 4 июля, Эдвард Радзинский в *WSJ,* Aug. 24, 2000.

38. Andrei Piontkovsky в *Russian Journal, JRL,* Feb. 13, 2000. Оптимистический взгляд на перспективы Путина в качестве главы государства см.: Рой Медведев. *Загадка Путина*. – М., 2000. О самооценке Путина см.: Владимир Путин. *От первого лица*. – М., 2000.

39. Pavel Valinov в *Current Digest of the Post-Soviet Press,* Dec. 29, 1999. P. 2. Также см. Igor Malashenko в *Newsweek International,* Dec. 20, 1999 Дмитрий Фурман в *ОГ,* 2000, 10–16 февр.; и ниже, Часть III, прим. 26.

40. Andrei Piontkovsky в *Russian Journal,* JRL, Jan. 24, 2000; насчет интеллигенции и бизнесменов, «мечтающих о российском Пиночете», см. Piontkovsky, *ibid*., July 22, 2000 и Николай Работяжев в *НГ*, 2000, 23 сентября. См. также: Chubais в *Current Digest of the*

Post-Soviet Press, Jan. l2, 2000. P. 10–11; и сообщение Елены Токаревой в *ОГ,* 2000, 20 января; и Nemtsov (with Jan Bremmer) в *NYT,* Jan. 5, 2000, and Немцов в JRL, March i, 2000.

41. *NYT* editorial, Dec. 28, 1999; и также см.: Людмила Телень в *MN,* 1999, 22–28 декабря.

42. Boris Kagarlitsky в JRL, Feb. 17, 2000; и Andrei Piontkovsky в *Russian Journal,* JRL, March l2, 2000. Также см. Grigory Yavlinsky ibid., Feb. 15, 2000.

«Кто проиграл Россию?»

73. David Ignatius в *WP,* Sept. 9, 1999; Michael McFaul, «Getting Russia Right,» *Foreign Policy,* Winter 1999–2000. P. 65–67. См. также его статью в *WP,* March 3, 2000; и его показания в сенате, *JRL,* April 14, 2000.

74. Thomas Carothers, «Think Again: Civil Society,» *Foreign Policy,* Winter 1999–2000. P. 18–25. По поводу другой критики см. David Rieff, «The False Dawn of Civil Society,» *The Nation,* Feb. 22, 1999. P. 11–16. См. также выше Часть I, прим. 63.

75. *NYT,* Nov. 14, 1999. По поводу дискуссии см. В.Г. Хорос (ред.). *Гражданское общество.* – М., 1998. С. 228–56. В бывшем Советском Союзе, как и на Западе, по мнению одного белорусского ученого, понятие «гражданское общество» было тесно связано с индивидуальным контекстом. – См. *Larissa G.* Titarenko в *Democratizatsiya,* Summer 1999. P. 415. См. также John Ehrenberg, *Civil Society* (New York, 1999). P. 234.

76. В качестве примера оправдания сумм, «направленных на углубление российской демократии», но не на восстановление российской экономики, см. editorial в *WP,* Dec. i, 1998; и также по вопросу сокращения бюджета – *NYT* editorial, March 27, 1999.

77. См. выше, Часть I, прим. 106.

78. Даже лидер одной демократической партии сказал: «Российский парламент – зеркало российского общества». – Григорий Явлинский в *NYT,* Sept. 14, 1995.

79. Один российский обозреватель отметил, что концепция «экономических реформ», как и предшествующие марксистско-ленинские концепции, имела различные и часто противоречивые официальные определения. См.: Юрий Козлов в *России* 1995, 25–31 января.

80. Заявление группы пяти Нобелевских лауреатов и несколько российских экономистов было опубликовано в *НГ,* 1996, 1 июля. Сокращенная англоязычная версия появилась в *JRL,* Jan. 11, 1999. См. также *David M.* Kotz в *Central Europe Review,* Oct. 25, 1999, Internet publication; и *Lawrence R.* Klein and Marshall Pomer, eds., *The New Russia: Transition Gone Awry* (Stanford, 2000), esp. pt. 5.

81. По поводу критических и программных взглядов см. также ссылку на Г. Явлинского в отчете РИА Новости, *JRL,* Jan. 51, 2000; Н. Шмелев в *Вопросах экономики.* 1999, № 8. С. 49–65; Л.И. Абалкин. *Выбор за Россией.* – М., 1998, и *Спасти Россию.* – М., 1999; Н. Петраков и В. Перламутров в *Вопросах экономики,* 1997, № 5. С. 74–85; Н. Петраков. *Русская рулетка*. – М., 1999, и его статья в *Российской газете,* 1999, 17 декабря, и *ОГ,* 2000, 15 января; Станислав Меньшиков в *Moscow Tribune,* Feb. 15, 2000; интервью Сергея Глазьева в *НГ,* 1999, 24 сентября, и его книгу *Геноцид.* – М., 1997; Александр Потапов в *Российской газете,* 1999, 16 сентября», отчет о пресс-конференции Геннадий Зюганова, Петра Романова, Сергея Глазьева и Виктора Ведьманова в *JRL,* Feb. 18, 2000; и О.Т. Богомолов. *Моя летопись переходного времени*. – М., 2000. Путин выразил подобный взгляд в *НГ*, 1999, 30 декабря. По мнению Петракова, «стало модным говорить об экономической безопасности страны» – *ОГ,* 2000, 2–8 марта. См. Часть I, прим. 51.

82. Этой точке зрения я обязан профессору *James R.* Millar, видному специалисту по экономике России. Также см.: Paul Starobin, «What Went Wrong,» *National Journal*» Dec. 4, 1999. P. 5450–5457; и *David M.* Kotz в *JRL,* Oct. 27, 1999. Согласно отчету 1993 г., один из директоров МВФ отстаивал подход к России, аналогичный плану Маршалла, но его проигнорировали. См. George Krasnow в *JRL,* Feb. 25, 1999.

83. По поводу Рузвельта и его «Нового курса» см. например: Н. Петраков и В. Перламутров в *Вопросах экономики,* 1997, № 5. С. 77–78, 82; на Анатолия Собчака ссылается Michael Wines в *NYT,* Jan. 2, 2000; Геннадий Зюганов в *JRL»* Feb. 15, 2000; и Анатолий Уткин в *НГ,* 2000, 12 апреля. О Кейнсе см.: Н. Шмелев в *Вопросах экономикиі,*1999, № 8. С. б2, Ираида Семенова и Алексей Подымов в *Российской газете,* 2000, 14 января; и Александр Потапов, там же, 1999, 5 ноября. Он комментирует также Путинский «третий путь» и «российскую правду». Также см. ниже, прим. 84. О «Московском согласии» см. *Clifford G.* Gaddy and *Barry W.* Ickes в *Brookings Review,* Winter 1999. P. 44–48.

84. Н. Петраков, В. Перламутров. Указ. статья. С. 82.

85. См., например, комментарии Путина in's comments on the state, см. выше, прим. 64, и в *Известиях,* 2000, 25 февраля. Один из российских экономистов сказал об этом так: «Сегодня в России нет и долгое время не будет реальной силы, способной разрешить эти проблемы, кроме государства» – Николай Шмелев. Указ. статья. С. 54.

86. Charles Krauthammer в *WP,* Feb. 9, 1996; см. также мнение London's International Institute for Strategic Studies в отчете Reuters dispatch by David Ljunggren, *JRL,* May 4, 1999.

87. Об официальном презрении к бедным и предпочтениях российского народа см. опроса, представленного В. Шляпентохом в *Europe-Asia Studies,* Nov. 1999. P. 1167–1181, и в *Communist and Post-Communist Studies,* Dec. 1999. P. 455–60. В первой статье процитирован молодой реформатор А. Кох, якобы заявивший: «Русские заслуживают своей несчастной судьбы». Об общественных предпочтениях см. также результаты опроса, представленного Anna Zakatnova в *Current Digest of the Post-Soviet Press,* May 24, 2000. P. 12. О Путине см. выше, прим. 84.

88. Николай Шмелев. Указ. статья. С. 52.

89. Например об этих предложениях см. прим. 80.

90. См.: Н. Петраков и В. Перламутров в *Вопросах экономики,* 1997, № 5. С. 79; Екатерина Борисова и Татьяна Дегтярева в *Российской газете,* 1999, 9 июня; Павла Бунича цитирует Евгения Борисова в *МТ,* 1999, 2 декабря. Другой источник сообщает о еще большем разрыве между подлинной стоимостью и продажной ценой: государственная собственность, стоимостью в 1 млрд. долларов была продана за 5 млн. – *Экономика и жизнь,* 1999, № 10; *JRL,* March 15, 2000. Главным адвокатом частичной ренационализации является, конечно, КПРФ, но даже бывший главный экономист Всемирного банка считает ее необходимой. См. *Joseph E.* Stiglitz, на которого ссылается Louis Uchitelle в *NYT,* Dec. 5, 1999. На пути к своему президенству Путин был неизменно против всякой деприватизации, но эта его позиция может измениться – См.: *Current Digest of the Post-Soviet Press,* Dec. 22, 1999. P. 12–13.

91. Некоторые российские экономисты полагают, что государство могло бы сосредоточить в своих руках до трех четвертей того, что необходимо. См. *Экономика и жизнь,* процитированная в предыдущем прим. О «генетическом коде» см. Владимир Путин. От первого лица (английское издание, New York, 2000. P. 186).

92. Задоженности государства по пенсиям и зарплате, составлявшие в конце 1999 г. от 2 до 3 млрд. долларов, и затем сократившиеся до 1,5 млрд. в сентябре 2000 г., не поддаются точной оценке, поскольку государство часто скрывает их подлинные размеры. Путин пообещал выплатить их в полном объеме, но даже если он это сделает, задолженности нарастут снова, когда мировые цены на нефть упадут.

93. Программы ипотечного кредитования были были предложены бывшими сенаторами Gary Hart и Gordon Humphrey. Об одной, весьма умеренной в долларовом отношении, объявил в марте 2000 г. U.S. Russia Investment Fund. См., соответственно, *JRL,* Sept. 17, 1999; см. письмо Hart-Humphrey в *WP,* Feb. 11, 1999; и the Reuters report, *JRL,* March 15, 2000.

94. Российское правительство оценивает масштабы разрушений в Чечне от 7 до 10 млрд. рублей. – См. MN File в *MN,* 2000, 12–18 апреля; и Евгения Письменная, там же, 2000, 5–9 мая.

95. Оценки внешнего долга России значительно расходятся между собой. Расхождение составляет до 195 млрд. долларов. Я привожу оценку Международного Института финансов, сделанную в 1999 г.

96. William Satire в *NYT,* Sept. 9, 1999. Большинство российских сторонников «Московского согласия» рассчитывают на частичное восстановление этих фондов. См., например: Николай Петраков в *ОГ,* 2000, 13–19 января, и Сергей Глазьев в *НГ,* 1999, 24 сентября.

97. Michael Hudson в *JRL,* Nov. 24, 1999, *Louise I.* Shelley в *NYT,* Feb. 26,1999.

98. *Louise I.* Shelley в *NYT,* Feb. 26, 1999.

99. Многие эксперты обвиняют администрацию США в том, что она не сумела возглавить это направление. См. *Thomas B.* Graham, которого цитирует David Hoffman в *WP,* April 17, 1996, *Bruce G.* Blair, ibid., Sept. 29, 1996; На John Mearsheimer ссылается Steve Chapman в *Chicago Tribune,* Dec. 12, 1999; the report cited by H. Joseph Hebert в AP dispatch, *JRL,* Feb. 2, 2000; и Jimmy Carter в *WP,* Feb. 25, 2000. Также см. прим. 59.

100. На *Jon B.* Wolfsthal ссылается John Dormelly and David Beard в *Boston Globe,* Feb. 26, 2000.

101. Ряд экспертов поддерживает эти или подобные предложения. См., например: *Bruce G.* Blair в *WP,* Sept. 29, 1996; Bruce Blair, Harold Feiveson, and Frank von Hippel, ibid., Nov. 12, 1997; Stansfield Turner, ibid., Nov. 1, 1999; the Committee on Nuclear Policy в *Arms Control Today,* Jan. – Feb. 1999. P. 15–19; предложения, прозвучавшие со стр. *NYT,* Dec. 10, 1999; *Stephen S.* Rosenfeld в *WP,* March 6, 2000; и von Hippel and Blair, ibid., June 6, 2000. В начале 2000, Россия предложила сократить количество боеголовок до 1500, но американская сторона отказалась, настаивая на том, что США нужно как минимум от 2000 до 2500. См. Steven Mufson'st, ibid., Jan. 28, 2000. Во время президентской кампании 2000 г. кандидат Джордж Буш заявил, что мог бы согласиться на эти предложения, если будет избран. См. ниже, прим. 124.

102. На Bill Carpenter ссылается Bradley Graham в *WP,* Jan. 17, 2000. Также см. научный отчет Vemon Loeb, ibid., April 12, 2000; см. Steven Lee Myers and Jane Perlez в *NYT,* April 28, 2000.

103. Например, в начале 2000 г. российские и зарубежные ученые завершили создание всеобъемлющей базы данных об источниках ядерной опасности на территории бывшего СССР. – См. сообщение РИА «Новости», *JRL,* March 51, 2000.

104. Об этом предложении см. Greg Schneider в *Baltimore Sun,* Aug. 27, 1999; и *Jonathan S.* Landay в *Miami Herald,* Jan. 9, 2000. О плане министерства см. Michael Dobbs в *WP,* March 11, 2000.

105. Matthew Bunn cited by John Donnelly and David Beard в *Boston Globe,* Feb. 26, 2000. Финансирование по ряду программ было сокращено. – См. Walter Pincus в *WP,* Nov. 12, 1999. По поводу 10 млн. долларов, о которых заявила в *Москве М.* Олбрайт, см. Reuters dispatch, Jan. 25, 1999.

106. На Matthew Bunn ссылается Josef Hebert, AP dispatch, *JBL,* Feb. **7,** 2000**.**

108. Steve Chapman в *Chicago Tribune,* Dec. 12, 1999. Ю7. Алексея Арбатова цитирует Paul Tooher в *JBL,* Feb. 4, 2000. Арбатов является демократическим, прозападным политиком.

109. На Александра Гольца ссылается AFP dispatch, ibid., March 22, 2000. 31 марта Путин подтвердил намерение Кремля модернизировать свои ядерные арсеналы.

110. Об одной из первых попыток превратить это предположение в стратегическую доктрину см. Zbigniew Brzezinski в *Foreign Affairs,* March–April 1994. P. 67–82.

111. О подобном аргументе см. Jonathan Power в *Boston Globe,* Dec. 6, 1999.

112. На Bill Richardson ссылается David Ignatius в *WP,* Jan. 26, 2000.

113. Об отношении США с этими режимами см. Wayne Merry, «Coddling Dictators», The *Nation,* Jan. 51, 2000. P. 5–6.

114. Американские политики иногда полагают, что отношения с ООН в полном объеме невозможны, поскольку эта организация непопулярна. Фактически 80% амери-

канцев хотели бы усиления ООН. См. Steven Kull and I.M. Destler в *Chronicle of Higher Education,* Sept. 5, 1999, p. B8.

115. Об этом процессе см. Roger Cohen в *NYT,* Jan. 14, Feb. 2, 2000; и Suzanne Daley, ibid., April 9, 2000. По мере роста антиамериканских настроений половина опрошенных россиян высказалась за упрочение связей с Европой. – Сообщение РОМИР в *JRL,* May 16, 2000**.**

116. См., соответственно, Will Englund в *Baltimore Sun,* April 9, 2000; и Jan Traynor and Ewen MacAskill в *Guardian* (UK), April 11, 2000. Также см. Владимир Путин. *От Первого лица*. P. 169, где новый президент заявил «Мы европейцы». См. также предложения об установлении связей между новым Европейским Союзом и Россией в *Financial Times,* April 25, 2000.

Издания АИРО в 2018 г.

Смирнов С.Н. Советская эпоха в переписке историков. Конец 1940-х – конец 1980-х годов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 368 с.

Кравчук Н.В. Русь расколотая (XIII – XV вв.). – М.: АИРО-XXI. 2018. – 304 с.

Бирштейн В.Я. СМЕРШ, секретное оружие Сталина / Послеслов. Б.В. Соколова; авториз. пер. с англ. С. С. Гитмана (Серия «АИРО-XX — первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2018. – 832 с.

Рябцев В.Н. Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки) / предисл А. А. Вартумяна. – М.: «АИРО-XXI». 2018 г. – 720 с.

Вада Харуки. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 592 с. с иллюстрациями.

Выдрин Дмитрий. «Золотая игла», или Восьмой дан Владимира Путина / Под редакцией Дмитрия Андреева. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с. с иллюстрациями.

Карл Аймермахер. Воззрения и понимания. Попытки понять аспекты русской культуры умом. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 308 с. с иллюстрациями.

Е.В. Волженина. Жизнетворчество грубых гуннов, или Модернизм – массам / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 208 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).

М.А. Некрасов, Г.И. Маношкина. Сапожниковы. Московские фабриканты (АИРО – Монография). – М.: АИРО-XXI, 2018. – 424 с.

Международный научно-экспертный форум «Примаковские чтения». Мир в 2035 году. 29–30 июня 2017 г. Сборник материалов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 128 с.

100 лет Красной Армии. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2018. – 192 с.

М.А. Некрасов. Савва Мамонтов. Молодые годы. / Серия «АИРО – Монография». – М.:АИРО-XXI, 2018. – 272 с.

Ганс Моммзен. Нацистский режим и уничтожение евреев в Европе / Предисловие Карла Аймермахера – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с. (АИРО – Первая публикация в России).

С.Д. Яхонтов. Воспоминания 1853–1917. Том 1 . – М., 2017. – 984 с.

С.Д. Яхонтов. Воспоминания 1917-1942. Том 2 . – М., 2017. – 836 с.

Тамбовское восстание 1920 – 1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО–XXI. 2018. – 320 с. + илл. 12 ч/б + 16 цв.

Малькевич В.Л., Митрофанов И.Л. Россия – 2018: от стагнации к прорыву / Предисловие академика РАН А.Д. Некипелова. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 608 с.

Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод гражданской войны – М.: АИРО–XXI. 2018. – 520 с.

История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: «АИРО-XXI». 2018 г. – 560 с.

История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: «АИРО-XXI». 2018 г. – 544 с.

История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: «АИРО-XXI». 2018 г. – 560 с.

Егорова Екатерина. «Метрополь» – столица Москвы. 2-е, расширенное и дополненное издание. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 448 с.

Дедков Н.И., Бордюгов Г.А., Щербакова Е.И. и др. История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / Под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина. Том второй. М.: АИРО-XXI, 2018, – 1056 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Стивен КОЭН
ИЗБРАННОЕ

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С. П. Щербина

9 785910 224104

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета – 02.11.2018
Формат – 70×100/16. Усл. изд. л. 97,2
Тираж – 1500 экз. Зак.